83.3(0)
Д56

Сочиненія Н. А. Добролюбова

Подъ редакціей

М. К. Лемке

Возвратите книгу не позже
обозначенного здесь срока

Зак. 2782.

Н. А. Добролюбовъ.

1860 г.

(Съ гравюры)

Ст 59. 14

БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ КРИТИКОВЪ.

В-56 III

ПРИБЫЛО 42 г.

II.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

6048

Подъ редакціей **М. К. Лемке**, съ его вступительными замѣтками къ каждой статьѣ Н. А. Добролюбова, примѣчаніями и біографическимъ очеркомъ.

Съ приложеніемъ трехъ портретовъ Н. А. Добролюбова, его факсимиле и именного алфавитнаго указателя ко всѣмъ четыремъ томамъ.

126374-1 к/х
МУК «ЦБС»
г. Вологда

Пр 51

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1859—1860.

99
1986 г.
Центр писателя
В.И. Белова

БИБЛИОТЕКА

Изданіе А. С. Панафидиной.
Спб.—1911.

83.3(0)
Д56

1ф(с)
+8
Д56

4264

Вологод. жел. дор.
Библиотека „КОР"

ОГЛАВЛЕНІЕ [1]).

	стр.
265. Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и Кубѣ. *А. Лекіера*	1
* 266. Матеріалы для исторіи обороны Севастополя, *А. Жандра*	27
* 267. Румынскія господарства, Валахія и Молдавія, въ историко-политическомъ отношеніи, *С. Палаузова*	37
* 268. Основанія опытной психологіи, Арх. *Гавріила*	47
* 269. Исторія рыцарства, *Руа*	53
270. Очерки и разсказы И. Т. Кокорева	55
271. Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ разсказанная	61
* 272. Отчетъ Спб. Университета за 1858 г.	67
* 273. Рѣчи и отчетъ Московской Практич. Академіи Коммерческихъ Наукъ, 17 декабря 1858 г.	69
274. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго.	77
275. Впечатлѣнія Украйны и Севастополя	79
* 276. Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей, *А. Щапова*.—Современныя идеи православны ли?	87
* 277. Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи	95
* 278. Очерки исторіи нѣмецкой литературы, *О. Шталя*	97
* 279. О древнѣйшей исторіи сѣверныхъ славянъ до временъ Рюрика, *А. Васильева*	101
* 280. Для «Легкаго Чтенія»	105
281—290. Свистокъ № 2.	106
281. Краткое объясненіе.	
282. Мотивы русской современной поэзіи.	
283. Четыре времени года.	
284. Мысли о дороговизнѣ вообще и о дороговизнѣ мяса въ особенности.	
285. О допотопномъ значеніи Лажечникова.	
286. Расписка г. Бѣшенцова въ полученіи...	
287. Нашъ демонъ.	
288. Письмо изъ провинціи.	
289. Новые образчики русской гласности.	
290. Безразсудныя слезы.	
* 291. Исторія рыцарства, *Руа*	129
* 292. Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей	133
* 293. Записки Амишки.	133
* 294. Сорокъ повѣстей для дѣтей.	135
* 295. Золотой цвѣтокъ.	135
* 296. Картинки изъ естественной исторіи, *А. Мар—ва*	137
* 297. Бесѣды съ дѣтьми, *А. Пчельниковой*.	133
298. Что такое обломовщина?	139
* 299. Отчетъ И. Публичной Библіотеки за 1858 г.	195
* 300. Учебная книга русской исторіи *С. Соловьева*. Краткое изложеніе русской исторіи *Н. Тимаева*	199
* 300[6]. Раскрытый портфель. Изд. *Любителя*.	1049
* 301. Practischer Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache von j. Pihlemann.	205
* 302. Басни и баснописцы русскіе. *Ив. Б. ж. м—въ*	209
303. Новый кодексъ русской практической мудрости	213
* 304. «Весна», сборникъ	229
305. Исторія Австріи, *гр. Майлата*	247
306. Основные законы воспитанія, *Н. А. Миллеръ-Красовскаго*	255
307. Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства»	265
308. Описаніе болѣзни г. Артамоновой, которая получила исцѣленіе предъ чудотворною иконою св. Христова Николая, *И. Рклицкаго*	271
* 309. Краткій очеркъ проекта сооруженія и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, *бар. К. Розена*	275
* 310. Лаокоонъ, или о границахъ живописи и поэзіи, *Лессинга*	279

[1]) * Отмѣчены сочиненія, не вошедшія ни въ одно изъ 7 изданій сочиненій Н. А. Добролюбова; **—сочиненія никогда нигдѣ ненапечатанныя.

	стр.
* **311.** Историч. Библіотека. Исторія XVIII столѣтія, *Ф. Шлоссера*.	279
* **312.** Grammaire française simplifiée et mise à la portée des enfans, par *A. Serpinet*	281
* **313.** Учебникъ русскаго языка, *Ив. Сосницкаго*	285
* **314.** Краткая священная исторія ветхаго завѣта, *А. О.*	289
* **315.** Бесѣды съ дѣтьми, *А. Пчельниковой*.	289
* **316.** Деревня	291
317. Темное царство	293
318. Стихотворенія Я. П. Полонскаго	443
* **319.** Постороннее вліяніе, *Г. Кунушева*	453
* **320.** Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, *А. Сухова*	461
* **321.** Деревня	463
* **322.** Краткое изложеніе русской исторіи, *Н. Тимаева*	467
* **323.** Учебная книга русской исторіи, *С. Соловьева*	471
* **324.** А. В. Суворовъ, *В. Новаковскаго*.—А. В. Кольцовъ	475
325. Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ	477
326. Сватовство Ченскаго, или матеріализмъ и идеализмъ.—О неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, *Ю. Савича*	485
327. Лучи и тѣни, *Д. фонъ-Лизандра*.—Стихотворенія *В. Бажанова*.—Стихотворенія *Александрова*	499
* **328.** Разсказы и очерки. *С. Вахновской*.	511
* **329.** Словари	519
330. Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главн. Педагогич. Института, 1828—1859.	523
* **331.** Политика	535
* **332.** Основные законы воспитанія, *Н. А. Миллеръ-Красовскаго*.	549
* **333.** Природа и люди, вып. 3	553
* **334.** Этимологическій курсъ русскаго языка, *В. Новаковскаго*.—Опытъ грамматики русскаго языка, *С. Алейскаго*	555
335. Народное дѣло	563
* **336.** Народный календарь на 1860 г.	609
* **337.** Обязанности крестьянина, *Я. Флоренсова*	615
338. О трезвости въ Россіи, *С. Шипова*	617
* **339.** Журналы, газеты и публика, *А. Надеждина*	621
* **340.** Курсъ всеобщей исторіи, *Г. Вебера*. Курсъ всеобщей исторіи, *В. Шульгина*.	627
* **341.** Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ въ разсказахъ простолюдиновъ, *В. Лапина*	627
* **342.** Искусство пріобрѣтать и сохранять память, *Э. Гартенбаха*	633
* **343.** Объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ	635
* **344.** Стихотворенія для дѣтей, *Б. Федорова*.	635
345. Русская сатира въ вѣкъ Екатерины.	637
* **346.** Пермскій сборникъ	739
* **347.** Русскія пѣсни, *А. Мыльникова*	755
* **348.** Уроки естественной исторіи, *Ходецкаго*. Естественная исторія, *А. Горизонтова*	759
349—356. Свистокъ № 3	767
349. Краткая исторія «Свистка» во дни его временнаго несуществованія.	
350. Раскаяніе Конрада Лиліенштагера.	
351. Отрадныя явленія.	
352. Матеріалы для новаго сборника «образцовыхъ сочиненій».	
353. Неблагодарнымъ народамъ.	
354. На взятіе Парижа (если бы оно случилось).	
355. Ода на походъ въ Италію.	
356. Двѣ славы.	
* **357.** Нѣсколько словъ отъ редакціи по поводу «Задушевной исповѣди» г. Макарова	801
* **358.** О значеніи нашихъ послѣднихъ подвиговъ на Кавказѣ	803
359. Отъ Москвы до Лейпцига, *И. Бабста*.	827
* **360.** Очерки Дона, *А. Филонова*	850
* **361.** Аѳины и Константинополь, *А. Милюкова*. Турецкая имперія, *А. де-Бессе*.	865
* **362.** Обзоръ дѣтскихъ журналовъ	869
363. Путешествіе на Амуръ, *Р. Маака*.	883
* **364.** Сочиненія кн. А. И. Долгорукаго, въ прозѣ и стихахъ	905
* **365.** Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей подъ ред. *Н. Гербеля*.	913
* **366.** Потерянный рай, пер. *Е. Жадовской*.	919
* **367.** Счастье не за горами, *Ж. Донин...*	919
368. Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности	923
369. Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами	943
370. Рѣчи и отчетъ Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 декабря 1859 г.	971
* **371.** Норманскій періодъ русской литературы, *М. Погодина*	979
* **372.** Итальянскій вопросъ, *А. И. Г.*	985
373. Литературные дѣятели прежняго времени, *Е. Колбасина*.	987
374. «Не въ блескѣ и теплѣ природы обновленной»	991
375. «Бурнаго моря сердитыя волны»	993
376. «Еще работы въ жизни много».	993
377. «Средь жалкихъ шалостей моихъ»	993
* **378.** Замѣчанія по поводу одного слѣдствія.	995
379. Повѣсти и разсказы *С. Т. Славутинскаго*	1019
380. «Братчина».	1037
* **381.** Бесѣды съ дѣтьми, *А. Пчельниковой*.	1045
Дополненія	1049

265. Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ.

Александра Лакіера. Спб. 1859. Два тома.

Напечатано въ III кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 1 марта). Прочитавшій эту статью увидитъ, какъ близки были Добролюбову идеалы демократизма, какъ онъ выводилъ его изъ нравовъ американскаго народа и тѣмъ самымъ говорилъ: перемѣнятся русскіе нравы—перемѣнятся и русскія учрежденія. Впрочемъ, этотъ вопросъ, повидимому, болѣе ясно долженъ былъ быть развитъ во второй статьѣ, которая, волею, вѣроятно, цензуры, такъ и не была напечатана. **М. Л.**

I.

«Американцы—народъ очень практическій; деньги для нихъ—все».

«Америка—страна купцовъ, страна матеріальныхъ удобствъ жизни».

«Америка имѣетъ демократическія учрежденія и предоставляетъ въ жизни полную свободу каждой личности, не исключая женщинъ».

«Въ Америкѣ есть важный жизненный вопросъ—о невольничествѣ».

Вотъ, кажется, весь обиходъ стереотипныхъ фразъ объ Америкѣ, обращающихся въ большинствѣ нашей публики. Нѣкоторые знаютъ побольше, нѣкоторые поменьше, но рѣдко кто имѣетъ основательныя и подробныя познанія относительно американскихъ нравовъ и учрежденій. Большею частію полагаютъ, что это та же Англія, только уже до крайности практическая и матеріальная. Вотъ и все. А между тѣмъ, мы и Англію-то знаемъ далеко не вполнѣ; и объ Англіи часто слышатся у насъ толки вкривь и вкось. Но англійскія учрежденія все-таки въ значительной степени разъяснены для нашей публики, благодаря «Русскому Вѣстнику»; нравы англичанъ также довольно извѣстны намъ—по множеству переведенныхъ у насъ нравоописательныхъ очерковъ и романовъ лучшихъ англійскихъ писателей. Относительно же Америки и этого нѣтъ. Были когда-то у насъ въ славѣ романы Купера, потомъ разсказы Герштекера; но и тѣ, и другіе знакомили болѣе съ природою страны, нежели съ гражданскою жизнью ея обитателей. Въ недавнее время произведенія г-жи Бичеръ-Стоу раскрыли намъ одну изъ сторонъ быта Сѣверной Америки. А затѣмъ остается лишь нѣсколько короткихъ, отрывочныхъ замѣтокъ, время отъ времени помѣщавшихся въ нашихъ журналахъ. Вслѣдствіе такой бѣдности знаній, въ нашей литературѣ постоянно раздавались самыя разнорѣчивыя и часто очень забавныя сужденія объ Америкѣ. Одни, напр., уподобляли Сѣверо-Американскіе Штаты Россіи; другіе, напротивъ, утверждали, что въ нихъ господствуетъ гнусная анархія. Одни восхищались ихъ образованностью; другіе бранили ихъ за постыдное невѣжество во всѣхъ вопросахъ искусства, поэзіи и высшей философіи. Одни увѣряли, что женщины тамъ поставлены очень хорошо, веселятся и вполнѣ пользуются своими человѣческими правами; другіе изображали американокъ несчастными, сухими и безжизненными существами, подобными счетной машинѣ. Относительно частныхъ вопросовъ разногласіе было бы, конечно, еще рѣзче; но ихъ, къ сожалѣнію, почти никто и не касался.

При такомъ положеніи нашихъ знаній о Сѣверной Америкѣ книга г. Лакіера составляетъ пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Наши читатели, вѣроятно, знакомы уже съ характеромъ этой книги по двумъ большимъ отрывкамъ изъ нея, помѣщеннымъ въ «Современникѣ» прошлаго года. На этомъ основаніи мы не считаемъ нуж-

нымъ слишкомъ распространяться о достоинствахъ и недостаткахъ путешествія г. Лакіера и ограничимся лишь нѣсколькими краткими замѣтками о его содержаніи. Въ коротенькомъ предисловіи г. Лакіеръ говоритъ, что «главною его заботою было изучить учрежденія и познакомиться съ внутреннимъ бытомъ страны и общества». Сообщая плоды своего изученія читателямъ, г. Лакіеръ идетъ путемъ систематическихъ дѣловыхъ обозрѣній. Прежде всего онъ даетъ «Очеркъ исторіи колоній въ Новомъ Свѣтѣ», потомъ излагаетъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, затѣмъ уже изображаетъ Бостонъ, Нью-Йоркъ, Филадельфію, Бальтимору и пр. Но и въ этихъ частныхъ описаніяхъ г. Лакіеръ не вдается въ бѣглыя путевыя замѣтки, а наполняетъ бо̀льшую часть страницъ подробностями, заимствованными изъ оффиціальныхъ источниковъ. Въ Бостонѣ, напр., его заняли школы, и онъ подробно передаетъ свѣдѣнія о томъ, на какіе доходы содержатся школы, какіе разряды ихъ существуютъ, какъ онѣ управляются, сколько въ нихъ дѣтей, какіе часы назначены для ученья, какіе именно предметы и въ какомъ размѣрѣ преподаются, какое жалованье получаютъ учителя и т. д. Точно такъ же подробно систематически разсматриваетъ г. Лакіеръ вопросы о судопроизводствѣ, о тюрьмахъ, о торговлѣ и пр. Этого, разумѣется, нельзя вмѣнить въ вину автору: способъ изложенія зависитъ отъ взгляда автора на задачу своего труда. Но можно опасаться, что форма замѣтокъ г. Лакіера покажется нѣсколько утомительною многимъ изъ его читателей, которымъ нужны еще не подробности частныхъ фактовъ, а общій очеркъ учрежденій и быта страны. Въ предисловіи своемъ г. Лакіеръ признается, что придаетъ значеніе своему путешествію только какъ «*первому* у насъ описанію Америки». Въ этомъ смыслѣ его сочиненіе дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, и его можно рекомендовать всякому русскому читателю, не имѣющему возможности познакомиться съ Америкой изъ иностранныхъ источниковъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ книгѣ г. Лакіера постоянно замѣчается весьма важный недостатокъ— отсутствіе личной наблюдательности автора. Все, что̀ онъ говоритъ отъ себя, ограничивается тѣмъ, что онъ ѣхалъ оттуда, туда по такому-то пути, останавливался тамъ-то. Къ этому нерѣдко прибавляются описанія пароходовъ, вагоновъ, улицъ, гостинницъ, замѣчательныхъ зданій или памятниковъ, и т. д. А чуть дѣло коснется жизни, быта,— авторъ немедленно сообщаетъ вамъ положительныя оффиціальныя данныя. Вы хотите знать, какъ въ Америкѣ люди живутъ, торгуютъ, судятся, учатся,—г. Лакіеръ удовлетворяетъ ваше желаніе, сообщая вамъ перечень судебныхъ должностей, разныхъ школъ, цифры привоза и вывоза товаровъ, число рѣшенныхъ дѣлъ, и т. п. Такимъ образомъ, живая сторона быта скрывается за формальными ея проявленіями, занесенными въ книжки, газеты, отчеты и пр. Именно вслѣдствіе этого качества книги мы полагаемъ, что кто читалъ хоть только два сочиненія объ Америкѣ — Токвиля и Фрёбеля, тотъ немного потеряетъ, если не станетъ читать путешествія г. Лакіера. Скажемъ больше: изъ читающихъ по-французски, даже кто не захочетъ сидѣть надъ серьезными и дѣльными произведеніями, въ родѣ названныхъ нами книгъ, и тотъ можетъ обойтись безъ книги г. Лакіера, взявши для общаго знакомства съ Америкой какія-нибудь первыя попавшіяся французскія книжки, въ родѣ, напр., хоть Ксавье Эймà, Оскара Кометтана и т. п. Въ нихъ, разумѣется, болѣе общихъ фразъ и игривыхъ анекдотовъ, ничего не доказывающихъ, нежели дѣловыхъ и оффиціальныхъ замѣчаній. Но зато у нихъ болѣе легкости и живости, болѣе сноровки въ общихъ очеркахъ, болѣе умѣнья группировать свои замѣтки такъ, чтобы онѣ оставляли то общее впечатлѣніе, какое автору хотѣлось произвести, и въ то же время не были обременительны для читателя. Очевидно, что наша публика, читающая по-французски, обратится скорѣе къ этимъ легкимъ замѣткамъ, нежели къ дѣльной книгѣ г. Лакіера. Читая его путешествіе, надобно вникать въ цифры, соображать частные факты, самому нужно выводить общіе результаты и составлять цѣльный очеркъ изъ матеріаловъ, излагаемыхъ въ его книгѣ. Не гораздо ли удобнѣе имѣть дѣло съ авторомъ, который, какъ говорится, все *въ ротъ кладетъ* своимъ читателямъ? Не легче ли пробѣжать французскій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, набросанный, напр., въ такомъ родѣ:

«Съ одного конца до другого Соединенные Штаты прорѣзаны желѣзными дорогами; одно уже это не внушаетъ ли вамъ мысли о процвѣтаніи промышленности въ этой странѣ?

«Рѣки и озера Америки покрыты безчисленнымъ множествомъ пароходовъ; американскіе корабли въ огромномъ числѣ разгуливаютъ по всѣмъ морямъ земного шара; не показываетъ ли это, какъ значительна ихъ торговля?

«Дома американцевъ отлично устроены и убраны; не наводитъ ли это васъ на мысль о богатствѣ обитателей страны?

«Великолѣпіе общественныхъ учрежденій, составляющихъ гордость Союза и предметъ

удивленія для иностранцевъ, — не доказываетъ ли общаго довѣрія къ прочности государственнаго устройства?

«Множество театровъ, бездна удовольствій всякаго рода, въ которыхъ кружится этотъ народъ, по наружности столь степенный, безпрерывно возрастающее количество журналовъ, охота (если не разумная любовь) къ искусствамъ, обнаруживаемая въ этой странѣ, процвѣтаніе литературныхъ обществъ, серьезное развитіе наукъ — не свидѣтельствуютъ ли въ пользу американскихъ учрежденій, не доказываютъ ли, что подъ ихъ покровомъ все можетъ успѣвать, расти, процвѣтать — пока и въ правительствѣ, и въ народѣ сохраняется ясное сознаніе своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи другъ къ другу?

«Да, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; только нужно, чтобы въ обществѣ заключались тѣ основныя начала, которыя одни служатъ залогомъ жизненности учрежденій, подобныхъ тѣмъ, при какихъ процвѣтаетъ Американскій Союзъ.

«Первые колонисты, образовавшіе въ Америкѣ общество, принесли съ собою начала нравственности, религіи, разумности и упорной энергіи въ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей. Они проникнуты были презрѣніемъ къ заблужденіямъ стараго міра, который оставили, и мыслью о великой будущности, какую они должны были приготовить себѣ въ Новомъ Свѣтѣ. Съ такими идеями и средствами приступили они къ дѣлу своего общественнаго устройства и составили учрежденія, которыя, въ свою очередь, помогли дальнѣйшимъ успѣхамъ ихъ развитія.

«Въ настоящее время образованіе развито повсюду въ Соединенныхъ Штатахъ, и его первое благодѣяніе состоитъ въ томъ, что оно предохраняетъ отъ тѣхъ заблужденій, которыя такъ часты и легки при демократическомъ устройствѣ государства. Въ Сѣверной Америкѣ мудрено обольстить цѣлую массу народа какими-нибудь вздорными обѣщаніями и теоріями; мудрено обмануть общественное мнѣніе насчетъ государственной дѣятельности частныхъ лицъ. Каждый гражданинъ понимаетъ тамъ свои обязанности и свои права, каждый знаетъ свое значеніе въ общей массѣ народныхъ силъ. Въ то же время каждый очень хорошо понимаетъ, какъ вредятъ благоденствію общества всякіе безпорядки и волненія, и потому всѣми силами старается устранять и предупреждать всякій поводъ къ нимъ.

«Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣла не терпятъ медленности, рѣдко что-нибудь дѣлается тамъ вполовину, никакое предпріятіе не бросается неоконченнымъ. Дѣлая первый шагъ, американецъ знаетъ, къ какой именно цѣли приведетъ этотъ шагъ, и онъ не остановится на пути, пока не достигнетъ цѣли. И никто не захочетъ тамъ останавливать этого шествія: всякій самъ знаетъ, и при томъ всякій сознаетъ, что каждый шагъ впередъ каждаго члена общества приноситъ общую пользу, а всякая частная остановка дѣйствуетъ невыгодно и на общее благосостояніе.

«Если же въ этой странѣ является какая-нибудь великая, благотворная для общества мысль, — она мгновенно овладѣваетъ всѣми умами, съ необыкновенной быстротой пріобрѣтаетъ всеобщую симпатію; тысячи рукъ тотчасъ являются для ея осуществленія, но ни одна не подымется для того, чтобы помѣшать ея развитію. Явится ли она въ союзномъ конгрессѣ, или зародится въ головѣ самаго темнаго гражданина—все равно; она повсюду найдетъ себѣ равную поддержку, безъ различія лицъ и партій.

«При такомъ теченіи общественныхъ и частныхъ дѣлъ участь людей, даже поставленныхъ въ самыя неблагопріятныя обстоятельства, постоянно улучшается совершенно естественно и безъ всякихъ потрясеній. Здѣсь бѣднымъ не нужно стараться погубить богатыхъ для того, чтобы самимъ обогатиться. Насильственныя мѣры здѣсь не нужны, потому что люди, болѣе имѣющіе средствъ и выше поставленные, считаютъ своею обязанностію—не противодѣйствовать общему движенію, а напротивъ, сколько можно ему способствовать. Поэтому, на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ вы никогда не встрѣтите тайныхъ заговоровъ, имѣющихъ въ виду ниспроверженіе общественнаго порядка и безопасности частныхъ лицъ; напротивъ, во всѣхъ концахъ этой огромной страны вы находите могущественныя ассоціаціи, имѣющія цѣлью возвышеніе частной производительности и распространеніе началъ нравственности, порядка и любви къ труду. Всякій гражданинъ принимаетъ тамъ общее благо столько же близко къ своему сердцу, какъ и свое собственное. Отсюда происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ совершенная ненужность многихъ чиновничьихъ и полицейскихъ должностей, которыя кажутся необходимыми въ Европѣ. Такому ходу дѣлъ благопріятствуютъ многія условія, свойственныя исключительно Сѣверной Америкѣ.

«Начнемъ съ того, что здѣсь всякій здоровый, неглупый и не лѣнивый человѣкъ всегда находитъ себѣ множество средствъ и матеріаловъ, если только хочетъ приняться за работу. При томъ же трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ, и уже это одно предохраняетъ

работника отъ увлеченія какой-нибудь другой карьерою. Смѣло, прямо и твердо можетъ онъ идти по дорогѣ труда, въ увѣренности, что она приведетъ его къ достатку, а можетъ быть, и къ богатству. Кромѣ того, при общественномъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ самый простой разсчетъ заставляетъ людей быть честными и не посягать на нарушеніе общественнаго и частнаго спокойствія. Здѣсь общество настолько образовано, что умѣетъ цѣнить людей по ихъ настоящему достоинству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣетъ правильно понимать свое собственное благо. Поэтому популярность и авторитетъ въ американскомъ обществѣ могутъ доставаться только на долю тѣхъ, кто дѣйствительно желаетъ общаго блага и умѣетъ доказать благодѣтельность своихъ стремленій и дѣйствій. Уважая трудъ, ставя его выше всего, преклоняясь только предъ нимъ, американецъ презираетъ всѣ другія привилегіи, которыми такъ дорожатъ въ Европѣ. Громкія имена, почетныя титла, общественное положеніе не даютъ человѣку въ Америкѣ никакихъ личныхъ преимуществъ. Тамъ цѣнятъ человѣка только по тому, какъ онъ работаетъ и что умѣетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Ясно, что при такихъ понятіяхъ общества дѣятельность частныхъ лицъ должна быть направляема совершенно иначе и давать другіе результаты, нежели у насъ въ Европѣ.

«Нельзя, конечно, безусловно превозносить Америку, нельзя видѣть въ ней одни только совершенства. Напротивъ, въ ея устройствѣ и бытѣ можно находить свои недостатки, и даже весьма важные, но недостатки эти не могутъ помрачить тѣхъ прекрасныхъ качествъ, которыя составляютъ неотъемлемыя черты Сѣверо-Американскаго Союза, и въ которыхъ заключается тайна его величія. Эти качества: разумное спокойствіе въ строгомъ соблюденіи правъ и обязанностей каждаго, практичность въ примѣненіи общихъ идей, стремленіе къ развитію матеріальнаго благосостоянія народа и благородный патріотизмъ, заставляющій каждаго гражданина забывать свой собственный интересъ въ виду интересовъ общественныхъ».

Мы не ставимъ высоко этого очерка, заимствованнаго нами изъ книги г. Эймà. Мы готовы признаться, что онъ весь состоитъ изъ общихъ мѣстъ, и, кромѣ того,— онъ довольно односторонень... Но нельзя не согласиться въ одномъ, что его можно прочитать безъ утомленія. А между тѣмъ, онъ все-таки *вводитъ* насъ въ Америку и даетъ нѣкоторое, хотя поверхностное понятіе объ ея общественномъ устройствѣ даже такому читателю, который знаетъ объ Америкѣ только то, что̀ написано въ географіи Ободовскаго. Книга г. Лакіера, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ полезнѣе такихъ легкихъ и поверхностныхъ замѣтокъ для тѣхъ читателей, которые захотятъ вникнуть въ цифры и факты, въ ней излагаемые. Но, какъ мы уже сказали, мы именно того и боимся, что въ русской публикѣ немного найдется читателей столь трудолюбивыхъ. Мы думаемъ, что «Путешествіе» г. Лакіера имѣло бы болѣе успѣха, если бы онъ менѣе увлекался систематичностью изложенія, болѣе давалъ простора своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и болѣе обращалъ вниманія на живые и современные вопросы. Такъ, напримѣръ, изъ путешествія г. Лакіера видно, что онъ былъ въ Нью-Йоркѣ около осени 1857 года, въ самый разгаръ промышленнаго кризиса. Ходъ торговыхъ операцій неизбѣжно долженъ былъ отразиться на всей физіономіи общества въ этомъ городѣ, одномъ изъ главныхъ центровъ промышленнаго движенія въ Америкѣ. Наблюденіе надъ нравами жителей въ это время, изложеніе ихъ взгляда на дѣло могли бы дать много интереснѣйшихъ страницъ для книги г. Лакіера; между тѣмъ, у него о кризисѣ находимъ всего двѣ страницы, да и въ нихъ о самомъ кризисѣ говорится только мимоходомъ, по поводу устройства банковъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ. Точно такъ, говоря о кораблестроеніи въ Соединенныхъ Штатахъ, г. Лакіеръ перечисляетъ количество судовъ, построенныхъ въ Нью-Йоркѣ, вкратцѣ излагаетъ ходъ работъ при постройкѣ судовъ, но ни слова не говоритъ о той полной драматизма борьбѣ, какую въ кораблестроительной дѣятельности сѣверо-американцы выдерживали и еще доселѣ выдерживаютъ съ англичанами. Даже вопросъ о невольничествѣ, самый важный и живой изъ всѣхъ вопросовъ не только Сѣверной Америки, но, можетъ быть, и всего образованнаго міра, изложенъ у г. Лакіера далеко не такъ полно и обстоятельно, какъ это было бы нужно для русскихъ читателей. Недостатокъ вниманія къ этому предмету тѣмъ менѣе извинителенъ нашему путешественнику, что въ самое время его пребыванія въ Америкѣ происходили тамъ горячія пренія о невольничествѣ по поводу Канзаса...

Указывая на эти примѣры, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы книга г. Лакіера лишена была интереса для русской публики. Напротивъ, мы убѣждены, что читатели найдутъ въ ней очень много новаго и любопытнаго. Мы хотѣли только замѣтить, что напрасно г. Лакіеръ, желая познакомить русскую публику съ Америкою, мало позаботился о внѣшней занимательности своего

путешествія. Для людей серьезныхъ, слѣдящихъ за политической литературой, подробности, приводимыя нашимъ путешественникомъ, давно знакомы и не нужны. Безъ всякаго сомнѣнія, такихъ людей и не имѣлъ въ виду г. Лакіеръ, описывая свое путешествіе. Для обыкновенныхъ же читателей, ничего не знающихъ объ Америкѣ, всѣ эти частности фактовъ, цифры и извлеченія изъ отчетовъ, во-первыхъ, скучны, а во-вторыхъ, ни къ чему не поведутъ, потому-то они все-таки неполны и отрывочны. Впрочемъ, можетъ быть, новость предмета и дѣльность книги г. Лакіера придадутъ ей въ глазахъ читателей занимательность, которую не вполнѣ даетъ ей авторское изложеніе. Мы, съ своей стороны, будемъ очень рады, если «Путешествіе по Америкѣ» встрѣтитъ сочувствіе публики.

Но пока еще сочиненіе г. Лакіера не разошлось въ публикѣ и не распространило въ большинствѣ читателей ясныхъ и здравыхъ понятій объ Америкѣ, мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь кстати небольшой очеркъ учрежденій и быта Сѣверной Америки. Мы оставимъ въ сторонѣ Кубу и Канаду, тѣмъ болѣе, что о нихъ немного говорится и въ путешествіи г. Лакіера, и обратимъ исключительное вниманіе на Сѣверо-Американскіе Штаты. Мы не будемъ подробно излагать ихъ исторію, не будемъ входить въ мелкія частности ихъ учрежденій, разбирать оттѣнки ихъ политическихъ партій, не будемъ прибѣгать къ цифрамъ и выкладкамъ: все это можетъ войти въ особенныя статьи, спеціально посвященныя разсмотрѣнію того или другого вопроса изъ исторіи и быта Сѣверной Америки. Мы ограничимся только самымъ общимъ и самымъ легкимъ очеркомъ внутренняго устройства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, съ цѣлью показать вліяніе ихъ учрежденій на бытъ народа. Въ этомъ очеркѣ мы будемъ отчасти пользоваться книгою г. Лакіера, иногда же будемъ дополнять его свѣдѣніями изъ другихъ иностранныхъ источниковъ.

Демократическій характеръ учрежденій Сѣверной Америки не разъ былъ предметомъ жаркихъ преній въ Западной Европѣ. Еще недавно спорили объ этомъ и въ самой Англіи; одни приписывали демократическому образу правленія въ Америкѣ небывалыя выгоды, другіе старались представить его гибельнымъ для страны и изображали его такими мрачными красками, что становилось страшно. Конечно, въ Англіи подобные споры объ Америкѣ могутъ имѣть свою практически-полезную сторону: несмотря на свое соперничество и видимую непріязнь, обѣ страны имѣютъ между собою много общаго, и для обѣихъ очень возможны полезныя заимствованія другъ отъ друга. Но для насъ эти споры совершенно чужды. И отъ Соединенныхъ Штатовъ, и отъ Англіи насъ отдѣляютъ обширныя пространства морей: наши нравы и обычаи, весь нашъ общественный бытъ сложились совсѣмъ подъ другими условіями, наши интересы направлены совершенно инымъ образомъ, и, конечно, для нашего общества даже вовсе не любопытно то, что̀ составляетъ жизненный вопросъ по ту сторону океана. Поэтому мы не станемъ попусту тратить время на безплодныя и напрасныя разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ демократіи и ограничимся спокойнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ того, какъ она выразилась въ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ и что̀ успѣла произвести въ этой странѣ.

Начала американской демократіи нужно искать въ историческихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились политическія убѣжденія первыхъ ея переселенцевъ; для этого нужно обратиться на минуту къ исторіи Стараго Свѣта.

Много разъ уже высказано было замѣчаніе, что весь ходъ исторіи представляетъ постепенное уясненіе правъ личности и освобожденіе людей отъ ложныхъ авторитетовъ, создаваемыхъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. Исторія Европы въ средніе вѣка служитъ однимъ изъ самыхъ ясныхъ подтвержденій этой мысли. Постепенное уничтоженіе авторитета папъ, паденіе феодальной системы, усиленіе городскихъ общинъ, возникновеніе парламентовъ,—всѣ эти явленія средне-вѣковой исторіи прямо вели къ ослабленію аристократическихъ принциповъ и расширенію человѣческихъ правъ личности. Въ эпоху реформаціи личность уже ясно заявила свои права: въ дѣлѣ религіи разумъ потребовалъ свободы въ объясненіи священнаго писанія, во взаимныхъ отношеніяхъ захотѣли болѣе прочныхъ гарантій, перестали довѣряться произволу отдѣльныхъ лицъ и требовали опредѣленныхъ законовъ для общественной и частной дѣятельности. Эти явленія, общія всей Европѣ XV и XVI вѣка, съ особенною силою развились въ Англіи, изъ которой и вышли первые переселенцы Сѣверной Америки. Политическое образованіе народа въ Англіи было уже и въ это время гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Вѣковая борьба партій безпрерывно привлекала участіе значительнаго числа гражданъ въ политическихъ событіяхъ ихъ отечества, и при этомъ естественно уяснялись у нихъ понятія о правѣ и законности, и развивалась по-

требность истинной свободы. Коммунальное устройство, глубоко уже проникшее въ нравы англичанъ, поддерживало въ народѣ сознаніе его силы, а религіозныя секты, вызывая общество на серьезное обсужденіе высшихъ духовныхъ вопросовъ, довершали его нравственное образованіе. Послѣдователи одной изъ самыхъ строгихъ и чистыхъ по нравственности сектъ въ началѣ XVII в. положили основаніе колоніямъ Новой Англіи [1]). Это были пуритане, удалившіеся изъ отечества вслѣдствіе религіозныхъ стѣсненій, которымъ они подвергались тамъ при Стюартахъ. При самомъ переселеніи они сознательно опредѣлили свою цѣль и образъ дѣйствій, которымъ намѣрены были слѣдовать. Памятникомъ ихъ рѣшенія остался актъ, составленный ими немедленно по прибытіи на берега Америки и приводимый, между прочимъ, у г. Лакіера. Вотъ этотъ актъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, предпринявъ для славы Божіей распространеніе христіанства, чести нашего короля и отечества— путешествіе для того, чтобы основать первое поселеніе въ сѣверной части Виргиніи, торжественно, въ присутствіи Бога и другъ предъ другомъ, объявляемъ, что мы соединимся въ политическое и гражданское тѣло для сохраненія между собою добраго порядка и достиженія предположенной цѣли. Вслѣдствіе настоящаго договора мы введемъ у себя такіе законы, такія установленія и учрежденія, такія должностныя лица, какія будутъ для насъ необходимы и полезны для блага цѣлой колоніи. Имъ мы обѣщаемъ полную покорность и совершенное повиновеніе. Отъ Р. Х. 1620 года, 11 ноября».

Въ дополненіе къ этому акту можно представить нѣсколько строкъ изъ книги Метера, излагающихъ причины переселенія пуританъ изъ Англіи.

«Страна, гдѣ мы живемъ (говорятъ переселенцы), кажется, тяготится своими обитателями; человѣкъ, благороднѣйшее изъ твореній, цѣнится здѣсь меньше, чѣмъ земля, которую онъ попираетъ ногами. На дѣтей, на сосѣдей, на друзей смотрятъ, какъ на тяжкое бремя; отъ бѣдняка бѣгутъ; всѣ отвергаютъ то, что̀ должно было бы приносить величайшее въ мірѣ наслажденіе, если бы естественный порядокъ вещей не былъ нарушенъ. Страсти наши дошли до того, что уже нѣтъ такого достатка, при которомъ бы человѣкъ въ состояніи былъ поддерживать свое достоинство въ кругу себѣ равныхъ; а между тѣмъ, кто не могъ успѣть въ этомъ, тотъ подвергается презрѣнію, а отсюда происходитъ то, что во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности люди стараются обогатиться непозволительными средствами, и честнымъ людямъ стало очень трудно жить въ довольствѣ и безъ позора. Школы, въ которыхъ обучаютъ наукамъ и религіи, такъ развращены, что большая часть дѣтей и нерѣдко самыя отличныя изъ нихъ, подававшія самыя лучшія надежды, оказываются совершенно испорченными отъ множества худыхъ примѣровъ и отъ распущенности нравовъ, среди которыхъ они живутъ. Между тѣмъ, вся земля не есть ли достояніе Господне? Не отдалъ ли ее Богъ потомкамъ Адама для воздѣлыванія? Зачѣмъ же намъ умирать съ голоду за недостаткомъ мѣста, между тѣмъ какъ обширныя страны, равно принадлежащія всякому человѣку, остаются необитаемыми и невоздѣланными?»

Такимъ образомъ, мысль о переселеніи прямо вытекала у пуританъ изъ ихъ религіознаго чувства. Но, по самой сущности пуританства, религія не могла ихъ привести къ тому, къ чему приводилъ своихъ послѣдователей католицизмъ. Не преклоненіе передъ личнымъ авторитетомъ и не униженіе правъ разума, а свободное братство всѣхъ членовъ общества и широкій просторъ для развитія знаній были провозглашены первыми переселенцами Новой Англіи. Въ американскомъ кодексѣ 1650 г. находится, между прочимъ, такой законъ: «Такъ какъ сатана, врагъ человѣческаго рода, находитъ для себя самое могущественное оружіе въ людскомъ невѣжествѣ; такъ какъ нужно, чтобы свѣтъ знаній, принесенный сюда нашими отцами, не исчезъ съ ними въ гробахъ ихъ; такъ какъ воспитаніе дѣтей составляетъ одинъ изъ первыхъ интересовъ государства, то жителямъ каждой общины предписывается заводить и содержать у себя школы, подъ опасеніемъ большого штрафа». Такимъ образомъ, изъ правильно развитого религіознаго чувства возникло требованіе всеобщаго народнаго образованія; изъ того же чувства у пуританъ произошло стремленіе къ гражданской свободѣ. Вотъ какъ объясняли они свои понятія объ этомъ предметѣ:

«Не станемъ обманывать себя насчетъ того, что должны разумѣть подъ нашей независимостью. Есть одинъ родъ свободы неразумной, общей человѣку съ животными и состоящей въ томъ, чтобы дѣлать все, что̀ вздумается; такая свобода — врагъ всякой власти; она не терпитъ никакихъ законовъ; ею мы унижаемъ себя; она — врагъ истины и мира, самъ Богъ противится ей. Но есть другая свобода, гражданская и нравственная,

[1]) Подъ именемъ Новой Англіи разумѣются штаты: Коннектикутъ, Родъ-Эйлендъ, Массачусетсъ, Нью-Гэмпширъ, Вермонъ и Мэнъ. Здѣсь первоначально опредѣлились главнѣйшія идеи, послужившія основаніемъ послѣдующихъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ. *Прим. Д.*

которая находитъ свою силу въ единеніи, и которую всякая власть должна поддерживать. Это—свобода безбоязненно дѣлать все, что хорошо и справедливо.—Эту святую свободу мы должны защищать при всякомъ случаѣ и, если нужно, жертвовать для нея своею жизнію».

Ясно, что въ этомъ опредѣленіи свободы уничтожается слѣпой, неразумный произволъ и признаются права разумнаго убѣжденія. Человѣкъ долженъ дѣлать не все, что вздумается, а только то, что хорошо и справедливо. Этимъ требованіемъ предоставляется человѣку широкая свобода въ разсужденіяхъ о томъ, что справедливо и что ложно, что хорошо и что дурно, а черезъ это прямо уже уничтожается слѣпое подчиненіе чужому авторитету и узаконяется самостоятельность личности. При соединеніи отдѣльныхъ личностей въ общество изъ этого же начала должны возникнуть понятія о братствѣ и о равныхъ правахъ всѣхъ его членовъ. Такъ именно и случилось съ обществами, образовавшимися въ Сѣверной Америкѣ: полная демократическая свобода составляетъ основаніе всѣхъ ихъ учрежденій.

Впрочемъ, развитію демократіи въ Новой Англіи способствовалъ не одинъ пуританскій образъ воззрѣнія первыхъ поселенцевъ. Внѣшнія обстоятельства не мало помогли этому. Во-первыхъ, между людьми, прибывшими на берега Сѣверной Америки, не было никакихъ притязаній на превосходство однихъ предъ другими. Если въ своемъ отечествѣ они принадлежали къ различнымъ состояніямъ общества, то общія несчастія давно уже сравняли ихъ. Ступивши на новую почву, они всѣ очень хорошо сознавали, что здѣсь права всѣхъ совершенно одинаковы, и что всѣ родовыя привилегіи, всѣ различія общественной іерархіи, оставшіяся по ту сторону океана, не могутъ имѣть здѣсь ни малѣйшаго смысла. Кромѣ того, въ Америкѣ нечѣмъ было питаться и поддерживаться аристократическимъ тенденціямъ. Извѣстно, что основаніемъ аристократіи всегда была поземельная собственность, наслѣдственно переходящая изъ рода въ родъ. На ней всегда покоилось высокое значеніе аристократовъ, на ней опирались ихъ права, безъ нея ничего не могли значить ихъ громкія титла и почетныя званія. Въ Америкѣ земля не была ни въ чьемъ исключительномъ владѣніи. По понятіямъ пуританскихъ поселенцевъ, это было достояніе Божіе, которымъ равно можетъ пользоваться всякій человѣкъ. И дѣйствительно, всякій поселенецъ бралъ себѣ изъ огромныхъ пространствъ дѣвственной земли, разстилавшихся предъ нимъ, столько, сколько могъ обработать. Сначала даже обработка земель, какъ въ Новой Англіи, такъ и въ Виргиніи, производилась поселенцами сообща. Откуда же тутъ было взяться поземельной аристократіи? Правда, являлись и въ Америку люди, гордые своимъ феодальнымъ значеніемъ, захватывали на свою долю большіе участки земли: въ этомъ никто имъ не препятствовалъ. Но здѣсь они не могли дождаться, чтобы кто-нибудь явился къ нимъ—поселиться на ихъ землѣ, съ вассальными обязательствами. Большіе участки не имѣли никакого значенія въ виду безграничныхъ пространствъ, которыя были открыты для всякаго новаго поселенца. Такимъ образомъ, поземельная аристократія съ перваго раза не удалась въ Сѣверной Америкѣ: она не пришлась ни къ почвѣ страны, ни къ нравамъ и убѣжденіямъ первыхъ ея поселенцевъ.

Въ Виргиніи очень скоро введено было невольничество, которое потомъ проникло и въ другіе штаты. Но и это учрежденіе не дало достаточной опоры для образованія аристократіи. Съ одной стороны, право владѣть невольниками не было ограничено только извѣстными лицами, а принадлежало одинаково всѣмъ гражданамъ; съ другой—невольники не признавались членами общества, а считались чѣмъ-то совершенно особеннымъ, существами низшей породы. Такимъ образомъ, владѣніе рабами не придавало никакого значенія человѣку въ кругу его согражданъ, и введеніе рабства нисколько не мѣшало демократическому развитію страны. Американцы очень хорошо понимали, что быть рабовладѣльцемъ не значитъ еще быть аристократомъ.

Можетъ быть, демократическія стремленія первыхъ поселенцевъ Новой Англіи и уступили бы наплыву новыхъ эмигрантовъ, между которыми стали появляться и люди съ аристократическими замашками, съ значеніемъ и богатствомъ. Но въ первое время такихъ людей было немного; большею частію убѣгали сюда тѣ, которые не хотѣли выносить въ Европѣ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій. А между тѣмъ, поселенцы успѣли уже составить гражданскія общества и начать самобытную политическую жизнь. Тогда уже поздно было старымъ европейскимъ началамъ вторгаться въ американское общество, тѣмъ болѣе, что политическое развитіе Сѣверной Америки пошло путемъ, совершенно противоположнымъ европейскому. Въ Европѣ формальное образованіе государствъ совершалось раньше, нежели успѣло развиться въ народахъ политическое сознаніе. Отдѣльныя общины никогда не составляли здѣсь самобытнаго цѣлаго; начала государственной жизни развились прежде всего не въ нихъ, а въ высшихъ сословіяхъ, чуждыхъ народной жизни. Это

обстоятельство имѣло вліяніе на все послѣдующее развитіе европейскихъ государствъ. Здѣсь все установлялось въ видахъ государства: законодательство соображалось съ высшими политическими интересами, администрація отдѣльныхъ частей выкраивалась по образцу цѣлаго, а между тѣмъ участіе въ государственной жизни очень рѣдко выпадало на долю народа. Въ Америкѣ вышло совсѣмъ другое: вліяніе государства, т.-е. метрополіи, не могло быть велико, а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, и именно въ Новой Англіи, оно ограничивалось только пустою формою подданства. Англійское правительство предоставило эмигрантамъ право составить въ Новой Англіи гражданское общество и управляться самимъ собою, только подъ покровительствомъ Англіи. Такимъ образомъ, съ самаго начала своего существованія американскія общины получили свое самостоятельное политическое устройство. Извнѣ стояло надъ ними англійское королевское правительство, но внутри онѣ развивались совершенно свободно и составляли для себя учрежденія въ демократическомъ духѣ. Изъ соединенія *общинъ* образовалось *графство*, по духу своихъ учрежденій совершенно подобное общинѣ; нѣсколько графствъ составили *штатъ*, и, наконецъ, Соединенные Штаты, избавившись отъ англійской зависимости, образовали Сѣверо-Американскій *Союзъ*. Такимъ образомъ, здѣсь не было организаціи отдѣльныхъ частей подъ вліяніемъ государства, а, напротивъ, государство составилось изъ постепеннаго соединенія маленькихъ частей. Отсюда произошла та особенность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей централизаціи административной, и каждая община въ своихъ домашнихъ дѣлахъ совершенно свободна отъ всякаго вмѣшательства властей графства и штата. При такомъ отношеніи частей государства другъ къ другу легко объясняется демократическая полноправность народа, развившаяся въ Сѣверной Америкѣ. Городскія и сельскія общины до сихъ поръ стоятъ на первомъ планѣ въ политическомъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ совершается самая дѣятельная работа жизни, въ нихъ рождаются важнѣйшіе внутренніе вопросы, составляющіе потомъ предметъ разсужденій конгресса. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Лакіера мы ничего не нашли о значеніи и устройствѣ отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной Америкѣ. А между тѣмъ, это предметъ весьма важный и любопытный, такъ какъ изъ него объясняется вся союзная конституція. Да и вообще организація высшихъ государственныхъ учрежденій далеко не представляетъ той важности, какъ устройство учрежденій, непосредственно соприкасающихся съ народомъ. Въ политической жизни народа учрежденія, прямо относящіяся къ устройству отдѣльныхъ общинъ, имѣютъ то же значеніе, какое элементарныя школы имѣютъ для народнаго образованія. Не въ устройствѣ университетовъ и академій можно узнать степень просвѣщенія народныхъ массъ; такъ точно не въ конгрессѣ и не въ министерствахъ познается степень благосостоянія народа. Самое лучшее и даже единственно-надежное ручательство въ этомъ случаѣ представляютъ низшія учрежденія, прямо касающіяся частныхъ лицъ и небольшихъ общинъ. На этомъ основаніи мы намѣрены въ настоящей статьѣ представить нѣсколько подробностей о внутреннемъ устройствѣ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже вкратцѣ изложить учрежденія, относящіяся къ устройству отдѣльныхъ штатовъ и цѣлаго Союза. Чтобы дать понятіе объ устройствѣ общинъ въ штатахъ, мы беремъ изъ книги Токвиля описаніе общинъ Новой Англіи.

Община Новой Англіи, какъ городская, такъ и сельская, обыкновенно состоитъ изъ 2.000 — 3.000 жителей. Такое количество вполнѣ обезпечиваетъ возможность хорошей и довольно однообразной администраціи. Потребности небольшого числа людей, живущихъ въ одномъ мѣстѣ и при одинаковыхъ условіяхъ, нетрудно согласить; гражданамъ весьма удобно совѣщаться между собою о своихъ дѣлахъ, и изъ числа ихъ всегда могутъ найтись люди, способные успѣшно вести общее дѣло, какое будетъ имъ поручено ихъ согражданами. Такимъ образомъ, въ общинѣ Новой Англіи вполнѣ можетъ проявляться господство народа, составляющее основу всего государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. И дѣйствительно, въ штатахъ Новой Англіи даже представительное начало допускается только въ общихъ дѣлахъ, касающихся цѣлаго штата, въ общинахъ же всѣ дѣла, требующія общаго сужденія, разрѣшаются въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ-избирателей; только въ очень большихъ общинахъ и при соединеніи въ одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ общинъ, напр., въ значительныхъ городахъ, существуетъ мэръ и при немъ городской совѣтъ.

Общинная администрація находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ нѣсколькихъ чиновниковъ, избранныхъ всѣми обитателями общины и называемыхъ *выборными* (select-men). Они избираются каждый годъ, въ маленькихъ общинахъ по три, а въ самыхъ большихъ по девяти. Они имѣютъ опредѣленный кругъ обязанностей, ясно указанныхъ закономъ, и при исполненіи положительнаго закона дѣйствуютъ совершенно независимо, не спрашиваясь никакихъ разрѣ-

шеній общины. Но если дѣло сколько-нибудь сомнительно, если является надобность въ измѣненіи положенныхъ правилъ, въ какомъ-нибудь нововведеніи, тутъ уже выборные являются покорными служителями народной воли. Въ ихъ власти только—созвать общее собраніе гражданъ-избирателей и предложить дѣло на ихъ сужденіе. Положимъ, напр., что въ городѣ нужно открыть школу; выборные тотчасъ собираютъ гражданъ и предъ собраніемъ ихъ излагаютъ, какая надобность предстоитъ въ учрежденіи новой школы, указываютъ на средства для осуществленія этого предпріятія, разсчитываютъ издержки, какія община должна понести по этому случаю, сообщаютъ свои предположенія относительно размѣровъ новой школы, мѣста для нея и пр. Общее собраніе выслушиваетъ ихъ, признаетъ или не признаетъ справедливость ихъ соображеній и, въ случаѣ согласія съ ихъ главной мыслью, т.-е., что школа нужна, тутъ же разсматриваетъ подробности дѣла, опредѣляетъ расходы и назначаетъ налогъ, который долженъ падать на всѣхъ членовъ общины для устройства и содержанія школы. Затѣмъ—выборнымъ остается только исполнить волю общаго собранія.

Конечно, выборные могли бы и злоупотреблять своимъ правомъ, если бы общее собраніе гражданъ не могло составляться безъ ихъ вызова. Но дѣло въ томъ, что и право собирать гражданъ для сужденія о дѣлахъ не принадлежитъ имъ исключительно. Общинное собраніе можетъ составиться безъ всякаго желанія выборныхъ, просто по требованію десяти гражданъ; они могутъ предъявить свое желаніе выборнымъ, которые не имѣютъ права отказать имъ. Такимъ образомъ, управленіе дѣлами общины никогда не выходитъ изъ-подъ контроля народа и очень прочно ограждено отъ всякаго произвола выборныхъ чиновниковъ.

Кромѣ этихъ выборныхъ, на которыхъ лежитъ забота объ общемъ ходѣ администраціи, въ каждой общинѣ Новой Англіи есть еще до двадцати чиновниковъ, которымъ поручаются нѣкоторыя частныя отрасли общиннаго управленія; такъ, назначаются особенныя лица для раскладки податей, для сбора ихъ, для храненія общинной казны, для полицейскаго наблюденія за порядкомъ, для записыванія совѣщаній и рѣшеній, состоявшихся въ общемъ собраніи, и т. д. Чиновники эти избираются каждый годъ въ общемъ собраніи гражданъ: всякій гражданинъ можетъ быть избираемъ, и ни одинъ не можетъ отказаться отъ принятія должности, въ которую избранъ. Впрочемъ, отказываться и не для чего: общественное служеніе вознаграждается довольно хорошо, и члены общества, безъ всякаго ущерба для своихъ матеріальныхъ выгодъ, могутъ посвящать ему свой трудъ и время. Здѣсь нужно замѣтить еще одну особенность американскаго общественнаго устройства: большая часть американскихъ чиновниковъ не получаетъ опредѣленнаго жалованья, но каждое дѣло, совершаемое ими, даетъ имъ извѣстную плату, такъ что каждый получаетъ большее или меньшее содержаніе, по мѣрѣ того, сколько онъ трудится на общую пользу.

Въ числѣ должностей, существующихъ въ общинахъ, есть нѣсколько такихъ, которыя могутъ довольно странно поразить человѣка, привыкшаго смотрѣть на администрацію по-европейски. Въ общинахъ Новой Англіи назначается, напримѣръ, особый чиновникъ, который долженъ смотрѣть за исполненіемъ законовъ относительно бѣдныхъ; есть особыя лица, которымъ поручается наблюденіе за вѣсами и мѣрами, за сборомъ хлѣба съ полей, за дѣйствіями всѣхъ гражданъ въ случаѣ пожара и т. п. Намъ это можетъ показаться стѣсненіемъ, противнымъ духу демократической свободы, которымъ отличаются всѣ общинныя учрежденія Сѣверной Америки; но американцами все дѣло администраціи понимается совершенно не такъ, какъ нами. Они видятъ въ ней простое раздѣленіе труда между членами общины, и лицо, выбранное общиною для одного извѣстнаго рода дѣлъ, чрезъ это вовсе не пріобрѣтаетъ себѣ того оттѣнка власти, какой мы придаемъ обыкновенно всякому административному лицу. Въ американскихъ общинахъ нѣтъ, напримѣръ, особой пожарной команды, но, въ случаѣ пожара, всѣ граждане должны содѣйствовать погашенію огня. Нужно, чтобы при этомъ кто-нибудь распоряжался ихъ дѣйствіями; но американецъ не хочетъ въ этомъ случаѣ подчинить себя волѣ тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ возложена общая администрація: онъ хочетъ, чтобы власть и трудъ какъ можно больше были раздѣлены между членами общины, и выбираетъ для пожарныхъ случаевъ особаго человѣка, который при пожарѣ и распоряжается, но зато во всемъ остальномъ не имѣетъ уже ровно никакой власти. Такимъ образомъ, распредѣленіе частныхъ должностей между значительнымъ числомъ лицъ оказывается совершенно согласнымъ съ демократическимъ характеромъ страны.

Вообще, между членами общины Новой Англіи соблюдается совершенное равенство правъ. Тѣ, которые управляютъ, и тѣ, которые имъ подчиняются, не чувствуютъ ни малѣйшаго стѣсненія другъ передъ другомъ. Одни очень хорошо понимаютъ, что самая власть ихъ есть только особенный видъ

1263744-1 к/х
Вологод. губ. зем. упр. Библиотека
Отдел Центр писателя Книгохранения В.И. Белова

служенія обществу и можетъ продолжаться только подъ тѣмъ условіемъ, если они будутъ ею пользоваться добросовѣстно. Другіе повинуются власти, но не потому, чтобы признавали ея превосходство надъ собою, а только потому, что находятъ свою собственную пользу въ этомъ раздѣленіи общественной службы. Получая въ свои руки какую-нибудь власть, чиновникъ американской общины знаетъ, что онъ обязанъ ей избранію своихъ согражданъ, и потому не можетъ рѣшиться смотрѣть на нихъ свысока, тѣмъ болѣе, что постоянно чувствуетъ свою зависимость отъ нихъ во все время отправленія своей должности. Въ свою очередь граждане, избирающіе чиновника для извѣстнаго рода дѣлъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о своемъ довѣріи къ его способностямъ и честности. Вслѣдствіе того, общинная администрація никого не обременяетъ и не стѣсняетъ; административныя лица не составляютъ особаго, привилегированнаго сословія, и, какъ отзываются путешественники по Америкѣ, со стороны даже не видно, кѣмъ и какъ управляется эта страна.

Но какимъ же образомъ сохраняется единство Союза? Какія обезпеченія существуютъ для того, чтобы каждая община, каждый городъ исполняли общіе законы союзной конституціи и не производили безпорядковъ въ управленіи? Эти вопросы разрѣшаются учрежденіемъ судовъ въ Сѣверной Америкѣ. Почти всѣ административныя затрудненія рѣшаются тамъ путемъ судебнымъ, и оттого судьи имѣютъ весьма важное значеніе даже въ политическомъ смыслѣ. Устройство и дѣятельность судебной части въ штатахъ Сѣверной Америки имѣютъ слѣдующій видъ.

По назначенію губернатора штата, а въ нѣкоторыхъ штатахъ по народному избранію, опредѣляется извѣстное количество судей; изъ числа ихъ трое составляютъ судебную палату—court of assizes. Судьи эти обязаны ѣздить по общинамъ и производить судъ и расправу, при помощи присяжныхъ и адвокатовъ. Дѣло судьи состоитъ собственно въ томъ, чтобы примѣнить къ частному случаю законъ, существующій въ конституціи Союза. Сужденіе же о самомъ фактѣ предоставляется присяжнымъ, которыхъ выбираетъ сама община. Оттого, при назначеніи судей смотрятъ всего болѣе на то, чтобы это были люди юридически образованные, не только знающіе букву закона, но умѣющіе понимать духъ законодательства и отношеніе частныхъ законовъ къ общимъ правиламъ конституціи. Судья можетъ даже постановить рѣшеніе, основанное не на частномъ законѣ, а на общихъ требованіяхъ конституціи; онъ имѣетъ право объявить, что такое-то постановленіе признаетъ противнымъ конституціи и не руководствуется имъ при рѣшеніи дѣла. Бываютъ даже такіе случаи: сенатъ или собраніе народныхъ представителей сдѣлаетъ постановленіе; народъ найдетъ его несогласнымъ съ конституціей; въ такомъ случаѣ судьѣ представляется жалоба на этотъ законъ. Судья разбираетъ дѣло, и если признаетъ жалобу справедливой, то законъ теряетъ обязательную силу и мало-по-малу выходитъ изъ употребленія. Отсюда видно, что значеніе судьи очень велико, и что отъ него требуется высокая степень добросовѣстности, юридическаго образованія и независимости. Именно этого и стараются достигнуть въ Америкѣ назначеніемъ въ судьи не просто хорошихъ людей, любимыхъ народомъ, но юристовъ, людей опытныхъ, большею частію составившихъ себѣ предварительную извѣстность адвокатурою. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и судейскія должности замѣщаются по избранію; но въ другихъ—назначеніе судей предоставляется губернатору штата и его совѣту. Злоупотребленіямъ, вреднымъ для демократіи, трудно вкрасться и при этомъ способѣ назначенія, потому что, во-первыхъ, губернаторъ и совѣтъ его избираются самимъ же народомъ, во-вторыхъ, губернаторъ не можетъ по произволу смѣнить назначеннаго имъ судью; должность судьи отправляется однимъ лицомъ много лѣтъ, а губернаторы выбираются ежегодно. Съ другой стороны — и отъ народа судья находится въ довольно независимомъ положеніи, потому что онъ обезпеченъ очень значительнымъ жалованьемъ; въ Массачусетсѣ судьи получаютъ жалованья болѣе 5.000 руб. сер.

На разсмотрѣніе судей представляются обыкновенно и всѣ уклоненія отъ общихъ законовъ Союза, совершаемыя чиновниками общины или кѣмъ бы то ни было изъ ея членовъ. Случаи такихъ уклоненій не часты, потому что, какъ уже сказано, государство не вмѣшивается въ частныя дѣла общины и предоставляетъ ей полную свободу устроиться, какъ ей кажется лучшимъ. Но есть общія требованія, которыя должна исполнить каждая община. Требованія эти разъ навсегда постановляются закономъ, и за исполненіемъ ихъ никто не смотритъ, кромѣ самихъ членовъ общины и судей. *Графство*, составляющееся изъ соединенія общинъ, не представляетъ никакой важности въ административномъ смыслѣ, а имѣетъ именно судебное значеніе. Въ каждомъ графствѣ есть судебная палата, шерифъ, какъ исполнитель приговоровъ суда, и тюрьма для содержанія преступниковъ.

Изъ административныхъ дѣлъ въ графствѣ составляется только проектъ бюджета, который потомъ разсматривается въ законодательномъ собраніи цѣлаго штата, и затѣмъ сообразно съ нимъ распредѣляются подати на общины. Кромѣ того — забота объ устройствѣ и содержаніи дорогъ также относится къ обязанности court of assizes въ графствѣ. Община получаетъ обыкновенно только назначеніе того, сколько заплатить, и что̀ сдѣлать должна она вообще. Распредѣленіе повинностей между частными лицами, видоизмѣненія въ формѣ исполненія закона предоставляются совершенно на ея волю. Община непремѣнно должна, напримѣръ, *содержать школу*; *иначе она подвергается* большому штрафу «за поддержаніе невѣжества и безнравственности». Но какъ устроить школу, откуда взять на нее денегъ, какъ распредѣлить въ ней занятія, и пр.,—это уже община опредѣляетъ сама. Только ежели, по скупости членовъ общины, школа будетъ устроена дурно, или ежели кто-нибудь изъ людей, которымъ поручено будетъ наблюденіе за ней, станетъ небрежно исполнять свою обязанность, то каждый отецъ семейства можетъ обвинить эти лица и даже цѣлую общину передъ court of assizes. Тогда дѣло разсматривается судебнымъ порядкомъ, и если жалоба оказывается справедливою, община присуждается къ штрафу. Та же самая исторія повторяется во всѣхъ отрасляхъ управленія. Инстанцій нѣтъ никакихъ; низшій чиновникъ не получитъ отъ высшаго никакихъ предписаній, подтвержденій, запросовъ и т. п.; но онъ всегда можетъ быть позванъ къ суду за неисполненіе своей обязанности. Есть, напримѣръ, особый чиновникъ для смотрѣнія за устройствомъ дорогъ; ему передаются отъ сборщика податей деньги, собранныя на этотъ предметъ. Если дорога не въ порядкѣ, то всякій, у кого сломалось колесо въ какой-нибудь ямѣ, или вообще случилось что-нибудь непріятное отъ дурной дороги, имѣетъ право позвать къ суду чиновника, наблюдающаго за путями сообщенія. Чиновникъ знаетъ это и поэтому самъ заботится, чтобы получить въ свои руки нужныя для расходовъ деньги. Если община не даетъ денегъ, онъ имѣетъ право самъ требовать ихъ, нарушая обычный порядокъ; въ противномъ случаѣ дѣло опять рѣшается судомъ.

Можно бы опасаться, что подобное право вмѣшательства въ общественныя дѣла, предоставленное всякому гражданину, поведетъ къ безпрерывнымъ кляузамъ и всякаго рода безпорядкамъ. Въ Америкѣ это могло бы произойти тѣмъ скорѣе, что во многихъ случаяхъ доноситель на противозаконные поступки пользуется частью штрафа, который взыскивается съ обвиненнаго. Но устройство судовъ,—словесныхъ, съ адвокатами, присяжными и съ полнѣйшею публичностью, — не слишкомъ благопріятствуетъ развитію кляузничества. Да при томъ же есть и еще обстоятельство, удерживающее американцевъ въ предѣлахъ благоразумія и справедливости,—распространеніе началъ образованія въ цѣломъ народѣ. Всякаго рода вздорныя и несправедливыя притязанія являются въ обществахъ неразвитыхъ, не имѣющихъ правильныхъ понятій о предметахъ; съ развитіемъ образованія взаимныя *отношенія опредѣляются легче*, разумнѣе и дружелюбнѣе. Это очень хорошо поняли въ Америкѣ, и потому-то тамъ каждая община непремѣнно обязана содержать школы для первоначальнаго обученія. Образованіе дѣтей совершается на счетъ государства, и въ каждой общинѣ есть свой школьный капиталъ. Всѣ граждане должны жертвовать на школы часть своихъ доходовъ, потому что всѣ пользуются плодами общаго образованія: если у кого и нѣтъ своихъ дѣтей, то все-таки школы для него полезны, потому что только при образованности гражданъ возможно въ обществѣ поддержаніе порядка и благоденствія. Оттого человѣкъ, вовсе не бывшій въ школѣ, не принимается даже на фабрику; оттого для распространенія грамотности въ народѣ ничего не жалѣютъ въ Америкѣ, и всякая небрежность въ этомъ отношеніи строго преслѣдуется. Кромѣ денежной подати, въ пользу школъ выдѣляется всегда, при заведеніи общины, одна тридцать шестая доля общинныхъ земель; земля эта продается, и деньги, вырученныя за нее, составляютъ школьный капиталъ, находящійся въ распоряженіи штата. Въ книгѣ г. Лакіера приведены цифры изъ отчета за 1857 годъ провинціи Массачусетсъ. Изъ нихъ видно, что въ пользу школъ собирается въ годъ болѣе 2.300.000 долларовъ (до 3.000.000 р. сер.), а школьный капиталъ простирается до 1.625.000 долл.; проценты съ него, до 50.000 долл., распредѣляются между школами отдѣльныхъ городовъ. Но право на полученіе этого вспоможенія имѣетъ только та община, которая сама собираетъ не менѣе $^1/_2$ доллара на каждаго ребенка отъ 5 до 15 лѣтъ. Въ отношеніи къ управленію, и здѣсь находимъ совершенное отсутствіе всякой централизаціи. Каждая община управляетъ своими школами по собственному усмотрѣнію; даже если община, особенно городская, очень велика, то она раздѣляется на округи и участки (приходы). Такъ, въ Бостонѣ, по свидѣтельству г. Ла-

кіера, «для бо́льшаго удобства городъ раздѣленъ на о̀круги, и въ каждомъ сами граждане избираютъ членовъ въ училищный комитетъ, числомъ шесть, и при томъ такъ, что двое изъ нихъ, по исполненіи своей обязанности въ теченіе трехъ лѣтъ, выбываютъ и замѣняются другими, буде на нихъ снова не падетъ выборъ. Эти шесть членовъ училищнаго комитета образуютъ для школъ своего участка особый комитетъ (district comittee), и затѣмъ для мѣстнаго завѣдыванія отдѣльными школами подраздѣляютъ между собою училища по своему усмотрѣнію; такъ что въ важнѣйшихъ только и опредѣленныхъ случаяхъ дѣла изъ мѣстныхъ комитетовъ доходятъ до участковаго, и еще рѣже до общаго городского». Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не во всѣхъ штатахъ устройство школьнаго управленія таково, какъ въ Бостонѣ; въ штатѣ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, существуетъ нѣчто въ родѣ нашихъ учебныхъ округовъ, и мѣстныя школы подлежатъ начальственному наблюденію чиновниковъ штата.

Общая тенденція образованія въ Сѣверной Америкѣ — приготовленіе дѣтей къ гражданской дѣятельности, ожидающей ихъ за предѣлами школы. Оттого элементарныя школы считаются необходимыми для всѣхъ; затѣмъ, важнѣйшими считаются среднія школы общаго образованія, въ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ: математика, новая географія, исторія Соединенныхъ Штатовъ и ихъ конституція. Затѣмъ — знанія классическія, богословскія, философскія и пр. предоставляются каждому ad libitum, и охотниковъ на нихъ является сравнительно не слишкомъ много. «Но объ этомъ американецъ и не сокрушается,— какъ замѣчаетъ г. Лакіеръ: — онъ хлопочетъ о гражданахъ, образованныхъ въ такой мѣрѣ, чтобы быть хорошими исполнителями народной воли,—а ученые для него роскошь»...

Вообще въ образованіи дѣтей и въ устройствѣ школъ въ Америкѣ выражается то же направленіе, какое и во всемъ другомъ отличаетъ эту страну; дѣлать какъ можно больше для народа и какъ можно менѣе потворствовать аристократическимъ тенденціямъ. Въ этомъ отношеніи любопытна для насъ замѣтка г. Лакіера, сопоставляющая воспитаніе американское съ англійскимъ. «Въ Англіи, говоритъ онъ, безграмотный вовсе не рѣдкость, тогда какъ высшій классъ едва-ли гдѣ-нибудь можетъ сравняться въ классическомъ образованіи съ англійскою аристократіею. Но и до сихъ поръ тамъ воспитаніе сохранило средневѣковый, монастырскій характеръ, который оно имѣло въ Англіи цѣлыя столѣтія. Изученіе древнихъ языковъ, греческаго и латинскаго, занимаетъ большую часть времени въ англійскихъ, особенно высшихъ школахъ, и вытѣсняетъ языки живые и науки болѣе практическія. Очевидно, американцы не могли допустить ни такой ограниченности, ни односторонности воспитанія; свѣтъ наукъ долженъ былъ по возможности просвѣтить каждаго по мѣрѣ его способностей и стремленія къ образованію. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о раздѣленіи воспитанниковъ разныхъ кастъ — не только по заведеніямъ, но въ одномъ и томъ же заведеніи по комнатамъ, костюмамъ и столамъ, какъ это дѣлается въ Англіи».

Таковы общія черты устройства и положенія отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной Америкѣ. Между ними и штатомъ составляютъ посредствующее звено графства, которыя, впрочемъ, не имѣютъ почти никакого значенія. Правительство штата заключается въ *сенатѣ* и въ *палатѣ представителей*. Оба учрежденія очень сходны между собою и вовсе не находятся въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ двѣ палаты въ Англіи. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что сенатъ, кромѣ законодательной дѣятельности, иногда имѣетъ еще административную и судебную, а палата представителей занимается исключительно законодательствомъ, въ судебную же часть пускается только, обвиняя передъ сенатомъ чиновниковъ, не исполняющихъ своей обязанности. Кромѣ того, есть еще разница въ томъ, что въ сенатѣ членовъ меньше, и они избираются на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ палатѣ представителей... Существенный же смыслъ учрежденія двухъ палатъ, вмѣсто одной, заключается въ желаніи раздѣлить законодательную власть между двумя политическими учрежденіями и чрезъ то доставить болѣе ручательствъ безпристрастію и обдуманности законовъ.

Исполнительную власть въ штатѣ представляетъ губернаторъ, избираемый на одинъ годъ. Онъ имѣетъ право остановить рѣшеніе сената, и въ такомъ случаѣ дѣло переходитъ на разсмотрѣніе конгресса. Но самъ собою губернаторъ не можетъ ни издавать законовъ, ни вмѣшиваться въ администрацію страны. Онъ можетъ только излагать предъ законодательнымъ собраніемъ нужды штата и указывать на средства, какія, по его мнѣнію, полезно употребить. Затѣмъ на его обязанности остается только исполненіе опредѣленій сената и палаты представителей. На всякій случай у него въ рукахъ и военная власть.

Федеральный конгрессъ Союза представляетъ то же, что̀ правительство каждаго

штата. Въ немъ тоже находимъ сенатъ и палату представителей; исполнительная власть — въ рукахъ президента, который, слѣдовательно, то же самое значитъ въ цѣломъ Союзѣ, что̀ губернаторъ въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ. Существованіе двухъ палатъ въ Союзѣ имѣетъ историческое основаніе. При первомъ предположеніи о конгрессѣ возникли двѣ партіи: одна хотѣла, чтобы Союзъ былъ просто международнымъ конгрессомъ, въ которомъ было бы по ровному числу представителей изъ каждаго штата; другая, напротивъ, желала болѣе тѣснаго національнаго соединенія, для котораго нужно было, чтобы представители являлись въ конгрессъ не по штатамъ, а по числу жителей. Примирить оба требованія было трудно, и потому рѣшили принять ихъ оба. Для сохраненія принципа совершенной независимости и равенства штатовъ учрежденъ сенатъ, въ который посылается по два представителя изъ каждаго штата; они обыкновенно назначаются на шесть лѣтъ, изъ числа сенаторовъ штата. Но чтобы населеніе штата не оставалось безъ вліянія на его представительство въ Союзѣ, въ палату представителей является отъ каждаго штата различное число депутатовъ, сообразно съ количествомъ его населенія. Такимъ образомъ, штатъ Нью-Йоркъ, напр., присылаетъ на конгрессъ 40 депутатовъ, а Делаваръ—только 1. Число народныхъ представителей нынѣ 233, такъ что, по разсчету населенія Соединенныхъ Штатовъ, приходится по одному депутату на 93.000 гражданъ.

Обсужденію союзнаго конгресса подлежатъ: дѣла иностранной политики, содержаніе войска и флота, займы, необходимые для общихъ интересовъ Союза, принятіе въ Союзъ новыхъ штатовъ, законы о подданствѣ иностранцевъ, о банкротствѣ, о монетѣ и пр. Кромѣ законодательной власти, союзный конгрессъ имѣетъ и судебную во всѣхъ дѣлахъ, выходящихъ изъ круга власти одного штата, напр., въ спорахъ между двумя штатами, между гражданами какого-нибудь штата и иностранцами и т. п. Но вообще говоря, конгрессъ нисколько не стѣсняетъ внутренней жизни штата, и потому Сѣверо-Американскій Союзъ не только не близится къ распаденію, какъ сначала ожидали нѣкоторые, а все болѣе укрѣпляется. Число штатовъ все возрастаетъ, и теперь ихъ уже 33, вмѣсто первоначальныхъ 13. Необходимыя условія для принятія новаго штата въ Союзъ составляютъ: признаніе имъ союзной конституціи и населеніе не менѣе 93.000 человѣкъ, потому что иначе онъ не могъ бы посылать отъ себя депутата на конгрессъ.

Президентъ Союза—совершенно то же, что̀ губернаторъ въ отдѣльномъ штатѣ. Онъ представляетъ конгрессу о нуждахъ страны, указываетъ, что̀ и какъ можно сдѣлать, разсматриваетъ постановленія конгресса и можетъ остановить ихъ своимъ противорѣчіемъ. Въ этомъ случаѣ постановленіе опять переходитъ на разсмотрѣніе обѣихъ палатъ, и тутъ уже требуется, чтобы двѣ трети голосовъ не согласились съ президентомъ: только тогда первоначальное постановленіе можетъ остаться въ своей силѣ. Въ отношеніи къ внѣшней политикѣ президентъ можетъ, съ согласія конгресса, вести переговоры и заключать трактаты съ иностранными державами; онъ же имѣетъ начальство надъ союзной арміей въ случаѣ войны. За службу свою онъ получаетъ 25.000 долларовъ въ годъ.

Какъ ни поверхностенъ этотъ общій очеркъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ (назначенный для тѣхъ только, кто о нихъ ровно ничего не знаетъ), но и изъ него можно видѣть, что основаніемъ всего ихъ устройства служитъ народная воля, и что если въ этой странѣ и есть нѣкоторые признаки *правительственной* централизаціи, то въ *административномъ* отношеніи господствуетъ децентрализація самая полная. Хорошо это или дурно, нельзя судить по одной теоріи, не зная жизненныхъ фактовъ, въ которыхъ выражается вліяніе политическихъ учрежденій страны. Поэтому мы намѣрены въ другой статьѣ коснуться нѣкоторыхъ чертъ *быта* и *нравовъ* Сѣверной Америки. Вообще говоря, конечно, справедливѣе будетъ признать зависимость учрежденій отъ нравовъ народа. Но въ Америкѣ основныя положенія ея государственнаго устройства опредѣлились очень рано и, разъ сдѣлавшись необходимой принадлежностью политическаго существованія страны, не могли остаться безъ вліянія на самый бытъ народа. Поэтому намъ кажется, что для полной оцѣнки американскихъ учрежденій не мѣшаетъ прослѣдить, какъ они отражаются въ самой жизни американцевъ. Пользуясь наблюденіями нашего путешественника и другихъ писателей, мы и постараемся сдѣлать это въ слѣдующей статьѣ.

126374-1

266. Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи Владиміра Алексѣевича Корнилова.

Собранные и объясненные капитанъ-лейтенантомъ *А. Жандромъ*. Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 265.
М. Л.

Матеріалы, собранные г. Жандромъ, обнимаютъ время отъ вступленія Корнилова въ должность начальника штаба Черноморскаго флота до первой бомбардировки Севастополя союзниками, 5 октября 1854 г., въ которой Корниловъ былъ убитъ. Главную роль въ книгѣ занимаетъ Корниловъ, и дѣло обороны Севастополя изложено въ ней лишь настолько, насколько Корниловъ принималъ въ немъ участіе. Это объясняется намѣреніемъ и средствами, какія имѣлъ авторъ. Въ предисловіи своемъ онъ объясняетъ, что, бывши однимъ изъ приближенныхъ офицеровъ этого адмирала, онъ хотѣлъ «сохранить отъ забвенія духовное наслѣдство, оставленное Корниловымъ флоту», тѣмъ болѣе, что послѣднее его порученіе г. Жандру было вести журналъ обороны Севастополя, и что «отдавая ему разные, необходимые для этого журнала документы, со словами: «возьмите— это для исторіи»,—Корниловъ какъ бы завѣщалъ ему сохранить историческіе матеріалы того времени».

Трудъ г. Жандра исполненъ очень тщательно и добросовѣстно, — сколько можно судить объ этомъ не спеціалисту и не самовидцу дѣла. Направленіе всего труда выражено въ слѣдующихъ словахъ предисловія: «тутъ (въ исторіи обороны Севастополя), мнѣ кажется, не нужны украшенія; напротивъ, чтобы дать возможность оцѣнить подвигъ во всемъ его величіи, необходимо изобразить вполнѣ, безъ малѣйшей утайки, всѣ событія, предшествовавшія осадѣ, самаго бомбардированья; будущему же историку, конечно, нужны документы, а не общія мѣста о непоколебимомъ мужествѣ защитниковъ Севастополя». Оставаясь вѣрнымъ этой мысли, г. Жандръ помѣстилъ въ «Матеріалахъ» множество подлинныхъ документовъ, — приказовъ, инструкцій, диспозицій, и пр., — въ которыхъ довольно ясно обозначается настоящее положеніе Севастополя при началѣ осады. Отъ себя г. Жандръ говоритъ немного, и то болѣе о Корниловѣ, нежели вообще объ осадѣ. Замѣчанія его большею частью любопытны и вѣрны; только въ двухъ мѣстахъ намъ показалось, что составитель матеріаловъ преувеличиваетъ истину дѣла. На стр. 169 и 211 авторъ указываетъ на ложность мнѣнія тѣхъ, которые писали, что во время высадки союзниковъ «оборонительная линія Севастополя состояла изъ неоконченной и большею частью только проектированной каменной стѣнки», и что «до 13 сентября не было предпринято работъ къ укрѣпленію города съ южной стороны». Въ мнѣніяхъ этихъ оказываются неточными нѣкоторыя выраженія; но сущность ихъ не уничтожается свѣдѣніями, приводимыми у г. Жандра. Опровергая ихъ, онъ самъ сознается, что укрѣпленія были далеко неудовлетворительны и плохо вооружены, что до 13-го сентября была только *подготовка*. Вотъ собственныя слова г. Жандра на стр. 211—212:

«Читатели помнятъ, что 1 сентября Севастополь былъ уже защищенъ линіею временныхъ укрѣпленій, расположенныхъ во взаимной оборонѣ, и что тотчасъ по полученіи извѣстія о высадкѣ всѣ береговыя Севастопольскія команды обращены были на усиленіе батарей, для чего въ то же время сняты 30 орудій съ ковертa, брига и шкуны, остававшихся неразруженными въ гавани. Тогда не было другихъ свободныхъ орудій, ибо находившіяся въ морскомъ арсеналѣ не имѣли принадлежности, а разружать корабли и фрегаты, ожидая со дня на день морского сраженія,—было бы крайне неблагоразумно. Но лишь только было рѣшено, что флотъ нашъ не выйдетъ изъ порта, три фрегата, носившіе 164 орудія большого калибра, съ командирами, офицерами и командами, обращены были немедленно на усиленіе южной оборонительной линіи. Выше говорено, какъ дѣятельно принялись фрегатскія команды за работу, но пока платформы для орудій не были готовы, то съ перваго взгляда *могло казаться*, что къ укрѣпленію Южной стороны не принято дѣятельныхъ мѣръ. Когда же платформы поспѣли, то свидѣтели преображенія Севастополя 14 и 15 сентября должны были согласиться, что многое было подготовлено, и что безъ этихъ предварительныхъ мѣръ никакой волшебникъ не въ состояніи бы былъ усѣять оборонительную линію столькими орудіями, что въ Севастополѣ 16 сентября мудрено было узнать Севастополь 13 сентября».

Изъ книги г. Жандра видно, какія неимовѣрныя усилія были употреблены для того, чтобы удержаться въ Севастополѣ, и въ какомъ отчаянномъ положеніи находились русскіе въ первый мѣсяцъ по высадкѣ союзниковъ. Они съ честью вышли изъ всѣхъ затрудненій; зачѣмъ же оттѣнять

славу ихъ энергіи и самоотверженія преувеличеніемъ важности того, что̀ было сдѣлано ранѣе? Теперь уже дѣло прошлое: если были недостатки, то они открыты всѣмъ и каждому не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, по возможности исправлены, и признаваться въ нихъ вовсе не стыдно, по благородному убѣжденію самого г. Жандра. Изъ многихъ документовъ, приведенныхъ въ книгѣ, ясно, что многаго недоставало тогда для нашей арміи и флота, и вспоминая объ этихъ недостаткахъ, еще болѣе изумляешься необычайному мужеству войска, одиннадцать мѣсяцевъ отстаивавшаго Севастополь.

Представимъ нѣсколько данныхъ изъ книги г. Жандра о состояніи флота, морского управленія и военныхъ средствъ нашихъ при началѣ восточной войны.

Люди энергическіе, честные и знающіе дѣло усердно трудились надъ улучшеніями нашего флота, незадолго до начала войны. Но ихъ усилія не вполнѣ достигали цѣли, частью по недостатку средствъ, а частью по причинѣ препятствій, встрѣчавшихся имъ со стороны разныхъ формальностей и бумажныхъ проволочекъ и недосмотровъ. Въ сентябрѣ 1851 г., когда въ Петербургъ безъ вѣдома Корнилова отослана была финансовая смѣта на 1852 г., онъ вотъ что̀ писалъ къ князю Меншикову (Мат., стр. 19):

«Возвратясь 12 сентября изъ Севастополя, я къ крайнему моему сожалѣнію нашелъ, что финансовая смѣта для будущаго 1852 года отправлена въ С.-Петербургъ безъ предварительнаго моего взгляда. Она готовилась цѣлый мѣсяцъ въ Интендантствѣ и когда дошла до Канцеляріи Г. Главнаго Командира, то тутъ нужно было отослать ее именно въ тотъ единственный день, въ который я отлучился въ Севастополь [1]). Я не думаю, чтобъ Моричъ Борисовичъ (Берхъ) сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, но во всякомъ случаѣ, если онъ, вмѣсто довѣрія, которое до сихъ поръ показывалъ ко мнѣ.... станетъ удаляться моего содѣйствія, то я не думаю, чтобъ я могъ, находясь въ такомъ отдаленіи отъ Вашей Свѣтлости, быть здѣсь полезенъ. Я обязываюсь откровенно доложить, что покуда мы съ Мѣтлинымъ [2]) все наше время и всѣ наши усилія должны истощать въ борьбѣ съ ухищреніями чернильнаго братства, здѣсь издавна преобладавшаго, и конечно если Главный Командиръ будетъ двухсмысленно насъ поддерживать, то изведемъ только себя, безъ всякой пользы дѣлу».

Письмо это показываетъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи часто находился Корниловъ «отъ ухищреній чернильнаго братства». Несмотря на то, онъ дѣлалъ свое дѣло; въ 1852 г. онъ указалъ на необходимость винтовыхъ кораблей и добился того, что въ томъ же году начались работы. Но успѣшное исполненіе дѣла было очень трудно. Флотъ требовалъ большихъ издержекъ для приведенія его въ удовлетворительное состояніе. Въ сентябрѣ 1852 г. Корниловъ писалъ, что изъ 17 кораблей Черноморскаго флота два «стоятъ въ спискахъ только для счета», а четыре другихъ требуютъ капитальныхъ исправленій. На все это нужны были деньги, и Корниловъ поэтому замѣчалъ, въ заключеніе своей записки, слѣдующее относительно постройки новыхъ кораблей: «конечно, построеніе двухъ винтовыхъ кораблей не можетъ быть исполнено нормальными средствами черноморскаго бюджета, и на машины, заказываемыя обыкновенно въ Англіи, потребуется особое ассигнованіе, но нельзя же Черноморскій флотъ держать на отсталой отъ другихъ націй ногѣ, и тѣмъ, въ случаѣ разрыва, предоставить случайностямъ неравнаго боя».

Затрудненія были значительны; но черезъ мѣсяцъ оказалось, что они не ограничиваются трудностью постройки самихъ кораблей. Въ октябрѣ 1852 г., при осмотрѣ Севастопольскихъ доковъ, Корниловъ нашелъ, «что проводные шлюзы для удлиненныхъ трехдечныхъ кораблей коротки и что самая крайняя длина судовъ, которыя могутъ быть введены этими шлюзами въ бассейнъ, простирается едва до 230 фут.». По этому поводу Корниловъ писалъ отъ 27 окт. къ князю Меншикову (Матер., стр. 349):

«Обстоятельство это меня крайне огорчило, тѣмъ болѣе, что сколько я ни соображалъ и сколько ни разсуждалъ съ наличными въ Севастополѣ инженерами, то нѣтъ другого исхода изъ этого важнаго затрудненія, какъ или сдѣлать изъ трехъ шлюзовъ два, или перенести ворота 1-го, 2-го и 3-го. И то и другое потребуетъ и время и денегъ, къ тому еще поспѣшности; ибо безъ доковъ нельзя и думать строить винтовые 100-пушечные корабли размѣровъ въ Европѣ принятыхъ, такъ какъ установленіе на нихъ винта и машины не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ въ Севастополѣ, — по невозможности проводить корабли съ большимъ углубленіемъ ахтеръ-штевня Днѣпровскимъ лиманомъ, по его мелководію.

«Аккуратное соображеніе о самыхъ скорыхъ и дешевыхъ средствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такихъ, которыя бы отстранили и на будущее время подобныя затрудненія, отъ меня будетъ представлено, когда получу всѣ потребныя для сего исчисленія инженеровъ. Теперь же обязываюсь доложить Вашей Свѣтлости, что введеніе въ доки 2-хъ кораблей и фрегата большого размѣра, для капитальныхъ безотлагательныхъ исправленій, при всегдашней потребности флота въ другихъ, менѣе важныхъ, но не менѣе необходимыхъ исправленіяхъ судовъ, — безъ соразмѣрнаго адмиралтей-

[1]) Владиміръ Алексѣевичъ откладывалъ нѣсколько времени свою поѣздку въ Севастополь, ожидая съ нетерпѣніемъ представленія финансовой смѣты, но получивъ извѣстіе, что штормъ съ проливнымъ дождемъ повредилъ часть стѣны доковаго бассейна, принужденъ былъ отправиться въ Севастополь 9 сентября. *А. Ж.*

[2]) Оберъ-Интендантъ Черноморскаго Флота и портовъ, нынѣ Адмиралъ Управляющій Морскимъ Министерствомъ. *Прим. Д.*

ства и запаса необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ, заставляетъ меня вновь просить ходатайства Вашей Свѣтлости объ ускореніи рѣшенія на счетъ постройки Лазарева адмиралтейства и нашего лѣсного спора [1])..... безъ хорошо устроеннаго пильнаго завода, кузницы, способной отковывать большія вещи механическаго, а съ введеніемъ винта и пароходнаго, заведенія, не предстоитъ никакой человѣческой возможности успѣшно капитально исправлять суда въ докахъ и приспособлять новый двигатель, и тѣмъ удержать Черноморскій флотъ на той ногѣ, на которой угодно Его Величеству. Пожертвованія послѣдняго времени Англіи и Франціи на распространеніе и усовершенствованіе адмиралтействъ, и заведенія этого рода, воздвигнутыя не только у турокъ, но у неаполитанцевъ, флотъ которыхъ не составляетъ и пятой доли нашего Черноморскаго, даютъ мнѣ смѣлость представить о нуждахъ Севастопольскаго порта съ такимъ настояніемъ».

Открывшіяся въ 1853 г. военныя дѣйствія противъ Турціи помѣшали спокойному окончанію дѣла. Корниловъ долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы, какъ онъ выражался,—«скорѣе наши скудныя пароходныя силы привести въ самое дѣйствительное положеніе» (Мат., стр. 79). Ему надобно было хлопотать даже объ улучшеніи нѣкоторыхъ частей вооруженія на корабляхъ; такъ, напр., въ октябрѣ 1853 г. онъ писалъ: «осматривая тревогу на нѣкоторыхъ судахъ, я нашелъ, что заготовленіе бомбовыхъ трубокъ и пальба бомбами не соотвѣтствуютъ настоящему состоянію этого дѣло во французскомъ и англійскомъ флотѣ...». При такихъ заботахъ было не до винтовыхъ кораблей. И то наши моряки сдѣлали слишкомъ много въ это критическое время: вспомнимъ, что въ ноябрѣ 1853 г. произошла знаменитая Синопская битва.

Недостатокъ винтовыхъ кораблей много, однакоже, повредилъ въ дальнѣйшемъ ходѣ войны. Вотъ какъ передаетъ г. Жандръ впечатлѣніе, произведенное на моряковъ, и особенно на Нахимова, приближеніемъ союзнаго флота, 14 іюля 1855 г. (Мат., стр. 170):

«Непріятельскій флотъ приближался; онъ шелъ безъ флаговъ и парусовъ, на буксирахъ винтовыхъ кораблей и пароходовъ, въ направленіи къ мысу Лукуллу. Въ 9 часу можно было разсмотрѣть, что сила союзнаго флота — 4 трехъ-дечныхъ и 10 двухъ-дечныхъ кораблей, винтовой фрегатъ и 6 большихъ пароходовъ — равнялась съ нашею; но 4 винтовые корабля его водили на буксирахъ парусные, въ то время, когда мертвый штиль отнималъ у насъ всякую надежду на возможность битвы. Три парохода, подходившіе къ Севастополю, дѣлали промѣръ у мыса Лукулла и на Евпаторійскомъ рейдѣ, а остальныя непріятельскія суда все утро держались на высотѣ мыса Лукулла; при чемъ винтовые корабли учились водить на буксирахъ по два и по три парусныхъ, измѣняя курсы и поворачивая вдругъ на 16 румбовъ.

«Послѣ полдня союзный флотъ продолжалъ тѣ же эволюціи, подвигаясь къ югу, но не поднимая флаговъ. Весь Севастополь слѣдилъ за движеніями непріятеля, и легко понять, что было на душѣ у моряковъ. Нахимовъ пріѣхалъ со своего далекаго корабля на библіотеку (гдѣ былъ устроенъ тогда наблюдательный постъ), долго смотрѣлъ на маневры враговъ и наконецъ отвернулся, проговоривъ: «Проклятые самовары! Не даромъ я не любилъ ихъ».

Но не въ одномъ отсутствіи винтовыхъ пароходовъ состояло наше горе. Въ книгѣ г. Жандра передаются нѣкоторыя обстоятельства, свидѣтельствующія, что, несмотря на блестящую побѣду при Синопѣ, флотъ нашъ въ 1854 г. былъ далеко не въ блестящемъ положеніи. Вотъ нѣсколько фактовъ.

Отъ 15 февраля 1853 г. написано слѣдующее отношеніе Корнилова къ Нахимову, по поводу дежурной шлюпки въ карантинной бухтѣ (Мат., стр. 375):

«Вчерашняго числа, желая опросить подходившій французскій пароходъ, на дежурной шлюпкѣ, бывшей въ то время въ Карантинной бухтѣ,—я нашелъ ее безъ парусовъ, безъ оружія, безъ флага, съ оборванными гребцами, и остался очень доволенъ, что пароходъ этотъ не хотѣлъ дожидаться опроса, ибо таковая шлюпка, съ военными офицерами и матросами, могла бы имѣть самое невыгодное вліяніе на, можетъ быть, будущихъ непріятелей нашихъ. Шлюпка эта была полубаркасъ съ корабля *Святославъ*. Въ предупрежденіе такихъ постыдныхъ случаевъ на будущее время, я считаю необходимымъ, для опроса судовъ, подходящихъ къ Севастополю, назначать ежедневно съ эскадры по два опрятныхъ легкихъ катера», и пр...

Въ началѣ марта былъ смотръ гребнымъ судамъ, шедшимъ со стрѣлками отъ кораблей къ Екатерининской пристани, и Корниловъ былъ пораженъ неудачнымъ управленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; потомъ онъ смотрѣлъ гребныя суда отряда контръ-адмирала Вульфа и остался еще болѣе недоволенъ. Негодованіе его выразилось въ слѣдующемъ отношеніи къ командиру порта, отъ 8 марта (Матер., стр. 132—133):

«По осмотрѣ сего числа стрѣлковыхъ партій и отряда гребныхъ судовъ Контръ-Адмирала Вульфа, собравшихся съ кораблей, я вынужденнымъ нахожусь просить Ваше Превосходительство сдѣлать кому слѣдуетъ извѣстнымъ:

1) При сборѣ стрѣлковыхъ партій барказъ съ корабля *Варна* пришелъ подъ однимъ фокомъ съ бизань-мачтою, подвязанною у борта, и отъ этого, не имѣя чѣмъ привести къ вѣтру, присталъ дурно Такое управленіе шлюпкою доказываетъ совершенное отсутствіе морскихъ познаній, и случается на судахъ, на коихъ командиры не наблюдаютъ за подчиненными и не дѣлаютъ имъ надлежащихъ наставленій.

2) Нѣкоторыя шлюпки на возвратномъ пути выгребали на вѣтеръ съ поставленными мачтами. Это также доказываетъ отсутствіе морской сноровки.

---

[1]) Министерство Государственныхъ Имуществъ затруднялось дозволить вырубку въ казенныхъ рощахъ одного милліона кубическихъ футъ дубу для Черноморскаго флота. *А. Ж.*

3) На многихъ гребныхъ судахъ офицеры сидѣли закутанными въ шубахъ, вѣроятно полагая, что, бывъ назначены въ партіи для береговыхъ дѣйствій,—управленіе шлюпкою до нихъ не касалось. Прошу командировъ: офицеровъ съ такими жалкими понятіями о службѣ посылать на шлюпкахъ не иначе, какъ для черныхъ работъ, гдѣ ихъ взглядъ на свои обязанности вреда дѣлу причинить не можетъ; ибо офицеръ, который во время порученія, налагающаго на него обязанность распоряженія и примѣра подчиненнымъ своимъ, одѣвается такъ, что трудно двигаться и что-нибудь видѣть, конечно не имѣетъ чувства своего достоинства, и слѣдовательно понятіе его о служебныхъ обязанностяхъ — жалкое.

4) Гребныя суда отряда Контръ-Адмирала Вульфа, къ сожалѣнію моему, за исключеніемъ со сто-пушечныхъ кораблей и затѣмъ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ исключеній, вообще не въ томъ порядкѣ, въ какомъ бываютъ на исправныхъ военныхъ судахъ: нѣкоторыя имѣютъ признаки долгаго оставленія на водѣ, другія избиты и похожи на расхожіе портовые, иные безъ дековъ и сходень, необходимыхъ при высадкѣ десанта. Къ тому, по отзыву Контръ-Адмирала Вульфа, не всѣ команды и офицеры постоянные, и потому не знаютъ сборныхъ пунктовъ».

Въ апрѣлѣ, съ наступленіемъ теплыхъ дней, необыкновенно умножилось количество больныхъ въ Черноморскомъ экипажѣ. Корниловъ назначилъ коммиссію для изслѣдованія причинъ; оказалось, что не вездѣ матросы спятъ непремѣнно въ подвѣшенныхъ койкахъ: «нѣкоторые командиры 84-хъ пушечныхъ кораблей не дозволяли подвѣшивать коекъ къ верхней батареѣ, а такъ какъ въ одной нижней батареѣ нѣтъ возможности подвѣсить койки всей команды, то часть экипажа, по необходимости, должна была спать на палубѣ». Узнавъ объ этомъ, Корниловъ отдалъ слѣдующій приказъ (Матер., стр. 155):

«Во всѣхъ военныхъ флотахъ, не исключая турецкаго, не принято, чтобы нижніе чины на судахъ не спали въ подвѣшенныхъ извѣстной формы койкахъ, и къ особенной заботливости капитановъ отнесено наблюдать, чтобы подвѣшиваніе непремѣнно исполнялось.

«Въ русскомъ военномъ флотѣ койки введены съ его основанія и по штату всегда полагались, равно какъ шкентросы и прочія ихъ принадлежности. Штатомъ же 1840 года постановлено отпускать на каждаго человѣка по двѣ койки изъ парусины, собственно для коекъ отдѣлываемой, дабы во время мытья одного комплекта, на другомъ спали.

«Полагаю, что во время управленія Черноморскимъ флотомъ Адмирала Грейга требовался этотъ, съ незапамятныхъ временъ заведенный на военныхъ судахъ, порядокъ.

«Всякій изъ насъ помнитъ, какъ настоятельно онъ требовался покойнымъ Адмираломъ Лазаревымъ; опытный адмиралъ отдавалъ много приказовъ и подробныхъ инструкцій о подвѣшиваніи коекъ и обращеніи съ ними, видя въ сей принадлежности морской жизни матроса предметъ, наиболѣе способствующій къ сохраненію его здоровья; ибо Адмиралу Лазареву, какъ много плававшему, извѣстно было лучше, чѣмъ кому-либо: 1) что въ койкѣ матросъ можетъ заснуть сухо; 2) что въ койкѣ только матросъ непремѣнно раздѣнется, ибо иначе въ нее трудно лечь, и 3) въ койкѣ только онъ будетъ спать на мѣстѣ, ему опредѣленномъ, что всегда важно для судового порядка.

«Непомѣрное умноженіе больныхъ въ нѣкоторыхъ экипажахъ флота и особенно появленіе скорбута и вообще худосочія, къ развитію коего ничто столько не содѣйствуетъ, какъ ненатуральный сонъ, и при томъ на сырой палубѣ, наводитъ меня на мысль, что не на всѣхъ судахъ строго наблюдаютъ, чтобы нижніе чины непремѣнно спали въ подвѣшенныхъ койкахъ и раздѣвшись; а потому я вынужденнымъ нахожусь напомнить командирамъ судовъ, что такое несоблюденіе правилъ морской жизни, заведенныхъ съ давнихъ временъ всѣми націями, съ пожертвованіемъ значительныхъ денегъ, отнесено будетъ начальствомъ къ неспособности къ командованію, ибо нераспорядительность или безпечность, въ отношеніи къ сохраненію здоровья команды, не должна быть ничѣмъ извиняема».

Въ маѣ мѣсяцѣ Корниловъ послѣ смотра кораблямъ выдалъ приказъ, въ которомъ замѣчаетъ нѣкоторые недостатки корабельнаго содержанія, сверхъ многихъ другихъ недостатковъ, еще прежде замѣченныхъ имъ словесно. Между прочимъ онъ говоритъ (стр. 161):

«Вообще при дѣланныхъ кораблямъ смотрахъ, относительно боевой тревоги замѣчено:

1) Недостатокъ приспособленій, для направленія выстрѣловъ, въ случаѣ, если предметъ комендору не виденъ.

2) Недостатокъ упражненія съ подколесными клиньями и недостатокъ самыхъ клиньевъ.

3) Заведеніе держать ружья, излишнія противъ боевого росписанія, — въ декахъ. Излишнія ружья держать въ декахъ вдвойнѣ невыгодно: ружей чѣмъ менѣе въ одномъ мѣстѣ, тѣмъ они легче разбираются, и ружья излишнія, скрытыя въ арсеналѣ, не подвержены, безъ нужды, разрѣшенію отъ непріятельскихъ ядеръ».

Въ іюнѣ, съ приближеніемъ непріятеля, оказался недостатокъ въ людяхъ, и потому съ нѣкоторыхъ фрегатовъ команда отправлялась часто къ батареямъ. Только съ начала іюля, по словамъ г. Жандра (стр. 168), сталъ водворяться должный военный порядокъ, и фрегаты «Месемврія» и «Сизополь» могли начать свои крейсерства.

1 іюля Корниловъ, послѣ осмотра судовъ, далъ слѣдующій приказъ (стр. 172):

«На нѣкоторыхъ судахъ Черноморскаго флота часто случается, что рангоутъ стоитъ неправильно и вообще вооруженіе имѣетъ запущенный видъ; причины этому — невнимательность вахтенныхъ начальниковъ и незаботливость старшаго офицера. Такъ какъ постановка рангоута есть мѣрило порядка и знанія морского дѣла на судахъ, то я и предупреждаю гг. командировъ, что неисправное содержаніе рангоута мною считается дурною аттестаціею системы управленія судномъ».

22 и 24 іюля еще подобные приказы. Вотъ послѣдній изъ нихъ (стр. 172):

24 Іюля: «Освѣдомясь, что на нѣкоторыхъ судахъ флота паруса и такелажъ не въ благонадежномъ состояніи, я предупреждаю командировъ, что можетъ случиться потребность флоту выйти, въ осеннее бурное время, для дѣйствія

противъ непріятеля, и потому для сего надлежитъ заранѣе готовиться, и что затѣмъ, если съ какого судна не будетъ донесено мнѣ предварительно, то отвѣтственность ляжетъ на командирѣ».

Высадка непріятелей застала Севастополь совершенно неприготовленнымъ. Съ моря укрѣпленія были нѣсколько значительнѣе и имѣли 611 орудій; но съ сухого пути были только приготовительныя работы съ 200-ми орудій. Общее недоумѣніе и страхъ будущаго овладѣли севастопольскими героями, и на генеральномъ совѣтѣ 12 сентября, по словамъ составителя «Матеріаловъ», «выражено много стремленій противостоять врагамъ до послѣдней крайности, многіе сознавали необходимость принять рѣшительныя мѣры; но какъ бы поджидали, что въ минуту опасности явится распорядитель, который размѣститъ войска и одушевитъ гарнизонъ»... (Матер., стр. 212).

Распорядителемъ явился Корниловъ; но и самъ онъ не былъ одушевленъ большими надеждами, особенно послѣ того, какъ рѣшено было затопить корабли. Исторія этого затопленія разсказана у г. Жандра съ подробностью, въ которой довольно ярко выставляется драматизмъ событія. До чего доходила тяжесть положенія Севастопольцевъ, какъ всѣ надежды ихъ были уничтожены—это можно видѣть изъ приказа Нахимова, отданнаго 14 сентября (Матер., стр. 221):

«Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизону; я въ необходимости нахожусь затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, и оставшіяся на нихъ команды, съ абордажнымъ оружіемъ, присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой; насъ соберется до трехъ тысячъ; сборный пунктъ на Театральной площади. О чемъ по эскадрѣ объявляю».

При такомъ настроеніи лучшихъ изъ героевъ, при такомъ положеніи дѣлъ, трудно было кому-нибудь остаться спокойнымъ и сохранить увѣренность въ будущемъ успѣхѣ. Чрезвычайно любопытно слѣдить въ этомъ случаѣ за расположеніемъ духа Корнилова, одного изъ главныхъ распорядителей всего дѣла. Слѣдить за этимъ мы можемъ, къ счастію, изо дня въ день по его журналу, который онъ велъ постоянно для жены своей. Журналъ этотъ напечатанъ въ примѣчаніяхъ къ книгѣ г. Жандра, и мы не можемъ удержаться, чтобы не представить изъ него нѣсколько выписокъ нашимъ читателямъ. Въ началѣ сентября Корниловъ еще совершенно спокоенъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ мрачнѣе становятся его мысли; только въ концѣ сентября опять онъ ободряется.

«4-го Сентября. По слухамъ изъ лагеря, непріятель высадилъ свои войска и готовится атаковать нашихъ. Позиція, избранная княземъ (Меншиковымъ) чрезвычайно сильна, и потому мы совершенно спокойны; впрочемъ все зависитъ отъ Бога.

5-го Сентября. У насъ въ Севастополѣ все благополучно, все спокойно и даже одушевлено; на укрѣпленіяхъ работаютъ безъ устали и они идутъ съ большимъ успѣхомъ. Надѣемся, что князь Меншиковъ обойдется безъ нихъ.

7-го Сентября. Мои занятія въ продолженіе дня состояли въ разъѣздахъ по инженернымъ работамъ, которыя идутъ по мѣрѣ возможности. Я отрылъ имъ около пяти тысячъ рабочихъ и инструментовъ, и мы въ недѣлю сдѣлали больше, чѣмъ прежде дѣлали въ годъ. Одно, что̀ лежитъ у меня на совѣсти это—откомандировка морскихъ стрѣлковъ, но что же дѣлать, когда князь не уступалъ моимъ доводамъ; вечеромъ я опять писалъ ему о томъ же,—что такое откомандированіе лишаетъ флотъ лучшихъ людей и обречетъ его бездѣйствію. Итакъ, завтра будетъ, кажется, день или великой побѣды, или конечнаго пораженія. Боже, благослови наше дѣло! Мы, по крайнему разумѣнію нашему, признаемъ его правымъ...

11-го Сентября. Мы, моряки, останемся защищать Севастополь. Богъ да поможетъ намъ устоять противъ двадесяти языцевъ. Въ городѣ суета, на рейдѣ еще бо̀льшая.

12-го Сентября. Вчера непріятель дневалъ за Бельбекомъ; наша армія снялась ему во флангъ, по высотамъ Инкерманскимъ. Я взялъ на себя защиту Сѣверной стороны и теперь поселился въ домикѣ Меншикова, у батареи № 4-го. У меня 10,000 нашихъ моряковъ, взятыхъ съ кораблей. Укрѣпленія въ надежномъ видѣ, и я, если армія сдѣлаетъ свое, надѣюсь отдуться. Берегъ этотъ, кромѣ войска, защищается кораблями и пароходами; съ моря же мы недосягаемы. Третьяго дня, перекрестясь, со слезами на глазахъ, затопили на фарватерѣ пять старыхъ кораблей, и обратился прекрасный Севастопольскій рейдъ въ озеро. Городъ порученъ тріумвирату: Станюковичу, генералу Моллеру и Нахимову. Богъ поможетъ Меншикову побить или хоть потревожить Арно, такъ Россія не потеряетъ чуднаго порта и флота.

14-го Сентября. Непріятельскія передовыя колонны двинулись къ Балаклавѣ и заняли городъ. Пароходы въ большомъ числѣ ходили по всѣмъ Херсонскимъ бухтамъ и кругомъ въ Балаклаву. Цѣлый день занимался укрѣпленіемъ города и распредѣленіемъ моряковъ, переведенныхъ, за исключеніемъ четырехъ баталіоновъ, на городскую сторону. Итого у насъ набирается 5,000 резервовъ Аслановича и 10,000 морскихъ разнаго оружія, даже съ пиками. Хорошъ гарнизонъ для защиты каменнаго лагеря, разбросаннаго на протяженіи многихъ верстъ и перерѣзаннаго балками такъ, что сообщенія прямого нѣтъ!... но что будетъ, то будетъ. Положили стоять. Слава будетъ, если устоимъ;—если же нѣтъ... По укрѣпленіямъ работа кипитъ, даже арестанты усердствуютъ. Войско кипитъ отвагой, но все это можетъ только увеличить рѣзню, но не воспрепятствовать входу непріятеля. О князѣ ни слуху, ни духу. Вечеромъ собрались всѣ для распредѣленія ролей и рѣшенія позицій.

15-го Сентября. О князѣ ни слуху, ни духу. 2-я непріятельская колонна ночевала на мѣстѣ ночлега первой, а въ 10 часовъ утра обѣ тронулись къ Севастополю. Во 2-мъ часу непріятельскіе аванпосты на дорогахъ старой и новой; къ вечеру утвердились на плоской горѣ, надъ хуторомъ Саранданаки. Армія вѣроятно позади. Непріятельскіе пароходы хозяйничаютъ въ Херсонскихъ бухтахъ, прилежащихъ къ маяку и къ Балаклавѣ. Конечно, завтра узнаемъ болѣе. Наши дѣла улучшаются, инженерныя работы идутъ

успѣшно. Укрѣпляемся, сколько можемъ; но чего ожидать, кромѣ позора, съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго по огромной мѣстности при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время... Если бы я зналъ, что это случится, то конечно никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу. Съ ранняго утра осматривалъ войско на позиціи: 6 резервныхъ баталіоновъ и 15 морскихъ изъ матросовъ; изъ послѣднихъ 4 пріобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены и плохо пріобучены. Но что будетъ, то будетъ, — другихъ нѣтъ. Чтобы усилиться, формируемъ еще команду изъ обоза. Можетъ завтра разыграться исторія; хотимъ биться до-нельзя, — врядъ ли поможетъ это дѣлу. Корабли и всѣ суда готовы къ затопленію; пускай достанутся развалины!.. Вечеръ въ черныхъ мечтахъ о будущемъ Россіи...

16-го Сентября. Мы здѣсь не унываемъ; укрѣпляемся, какъ умѣемъ и какъ средства позволяютъ. Непрерывная цѣпь редутовъ, бастіоновъ и разнаго рода батарей представляютъ непрерывную линію пушечнаго огня, но эта линія на семи верстахъ... Есть высоты, на которыхъ легко воздвигнуть батареи противъ насъ и кромѣ — три или четыре пути, въ которыхъ прорваться конечно легко, ибо защитниковъ немного: моряковъ 10,000 да 6,000 резервныхъ солдатъ. Богъ да благословитъ и укрѣпитъ насъ.

18-го Сентября. Наши дѣла по старому. Укрѣпленія умножаются: все осматриваемся и готовимъ, въ случаѣ атаки, русскій отпоръ... Къ вечеру князь пріѣхалъ на Сѣверную сторону, куда приближаются войска; съ нимъ прибылъ и курьеръ Николаевскій. Князь очень жалуется на слабость войскъ своихъ и считаетъ непріятеля очень сильнымъ; собирается опять сдѣлать движеніе; предоставляетъ Севастополь своимъ средствамъ. Если это будетъ, то прощай Севастополь!.. Если только союзники рѣшатся на что-нибудь смѣлое, то насъ задавятъ. Это мною было представлено князю; онъ обѣщалъ военный совѣтъ, котораго мы и ожидаемъ. Держаться съ войсками въ Севастополѣ весьма можно, и держаться долго; но безъ войскъ—дѣло другое.

19-го Сентября. Князь совѣта не собиралъ, но войска далъ; къ намъ привезли три полка 17-й дивизіи: Тарутинскій, Бородинскій и Московскій. Теперь войска много; надѣюсь, что будемъ стоять— и тогда отстоимъ; укрѣпленія улучшаются.

21-го Сентября. Войска еще прибыло: присланы два баталіона черноморцевъ, такъ что мы теперь въ такомъ положеніи, что какъ бы силы враговъ нашихъ ни были велики, но мы должны устоять, развѣ войска не будутъ драться, чего предполагать нельзя.

24-го Сентября. Мы подкрѣплены войскомъ, въ сообщеніи съ главной квартирой и, несмотря на скопище непріятелей, обложившихъ Севастополь кругомъ съ Южной стороны бухты, нисколько не отчаиваемся отстоять его, — развѣ Богъ насъ оставитъ; тогда Его святая воля.

27-го Сентября. Наши укрѣпленія все усиливаются, гарнизонъ устраивается; здоровье солдатъ какъ нельзя лучше, несмотря—что все это живетъ на воздухѣ, и многіе безъ крышъ, и несутъ самую тяжкую, безпрерывную службу. Войско князя Меншикова расположено на Бельбекскихъ высотахъ и Меккензіевой дачѣ и растетъ подкрѣпленіями. Сообщеніе съ Россіею возстановлено совершенно; даже начинаются подвозы на Сѣверную сторону, такъ что прекращаемъ вынужденную крайностію фуражировку. Если бы союзники дали намъ въ такомъ положеніи дождаться дивизіи Липранди и другихъ подкрѣпленій, а сами бы дождались осеннихъ погодъ, то надобно надѣяться, что съ милостію Божіею мы бы отстояли это сокровище Россіи—Севастополь.

28-го Сентября. Къ вечеру явился на нашъ аванпостъ французскій артиллеристъ,—кажется, бѣжалъ отъ голода, потому что пищѣ обрадовался, какъ ребенокъ. Онъ сказывалъ, что *St. Arnaud* умеръ, и что нелады между Канробером и Раглановъ, и что эти нелады — причина ихъ медленности; должно быть, Богъ не оставилъ еще Россію. Конечно, если бы непріятель послѣ Алминской битвы пошелъ на Севастополь, то легко бы завладѣлъ имъ»...

Этимъ искреннимъ сознаніемъ знаменитаго адмирала мы заключимъ наши выписки изъ его дневника и кончимъ нашу рецензію «Матеріаловъ», изданныхъ г. Жандромъ и заслуживающихъ, по своей полнотѣ и важности, полнаго вниманія и благодарности не только отъ моряковъ, но и отъ всякаго, кто добросовѣстно и съ любовью занимается нашей отечественной исторіей.

---

267. Румынскія господарства, Валахія и Молдавія, въ историко-политическомъ отношеніи.

Сочиненіе *С. Палаузова.* Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 265.

М. Л.

Вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ еще такъ недавно занималъ дипломатическіе умы Европы. Не далѣе, какъ въ половинѣ прошлаго года онъ разрѣшенъ парижскими конференціями; но послѣдовавшія за тѣмъ событія, и особенно недавніе выборы господаря придали новый интересъ дѣлу княжествъ. Интересъ этотъ такого рода, что невольно заставляетъ, для разъясненія вопроса, вникнуть въ характеръ народности и историческаго развитія обоихъ народовъ, столь тѣсно связанныхъ въ

своемъ политическомъ существованіи. Поэтому книга г. Палаузова — явленіе весьма своевременное и полезное для всякаго, кто не чуждъ политическихъ интересовъ. Сочиненіе это отличается строгимъ ученымъ характеромъ, и богатство свѣдѣній, сообщаемыхъ авторомъ, выкупаетъ нѣкоторую тяжеловатость его изложенія. Мы рѣшаемся взять изъ книги г. Палаузова нѣсколько фактовъ, относящихся преимущественно къ новой исторіи Княжествъ.

Валахи и молдавы являются въ исторіи еще въ XIII вѣкѣ. Въ XV вѣкѣ они подпали подъ покровительство Турціи, и съ этого времени начинается исторія ихъ бѣдствій. Тяжелая дань, постоянно возраставшая, и жестокіе господари терзали Валахію почти непрерывно въ теченіе двухъ столѣтій, до 1592 года, когда на престолъ Валахіи вступилъ Михаилъ Храбрый, съ которымъ у народа валахскаго связаны самыя свѣтлыя воспоминанія. Задушевною мыслію Михаила было соединеніе всѣхъ румыновъ въ одно независимое государство. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, онъ наконецъ чрезвычайно счастливо повелъ дѣла, такъ что императоръ и султанъ вынуждены были признать его власть надъ всѣмъ пространствомъ отъ Днѣпра и Дуная до Венгріи и Червоной Руси. Но скоро счастіе измѣнило ему. Разбитый нѣсколько разъ, онъ бѣжалъ въ Вѣну просить милости императора Рудольфа и былъ убитъ подосланными къ нему австрійцами. Вмѣстѣ со смертію Михаила погибли послѣднія надежды Валахіи на независимость. Изъ воеводъ, занимавшихъ валахскій престолъ въ теченіе XVII вѣка, нѣкоторые пытались возродить угасавшія силы Валахіи; но попытки ихъ остались тщетными. Съ XVIII вѣка наступаетъ правленіе князей-фанаріотовъ, истощившее послѣднія силы княжества.

Молдавскіе румыны до половины XV-го столѣтія признавали надъ собою попеременно власть то Польши, то Венгріи; а въ 1456 г. малодушный воевода Петръ-Ааронъ, устрашенный передвиженіемъ турецкихъ войскъ въ Болгаріи, вызвался платить султану ежегодную подать, надѣясь этимъ отклонить вторженіе турокъ въ Молдавію.

Вскорѣ потомъ, именно съ 1517 года, начинается и въ Молдавіи та же кровавая борьба господарей съ боярами, то же постоянное возвышеніе турецкой подати и тѣ же притѣсненія народа, какія были и въ Валахіи. Престолъ Молдавіи сталъ также покупаться у Порты людьми недостойными, которые, въ угоду ей и удовлетворяя своему собственному корыстолюбію, не щадили своихъ подданныхъ и подвергали ихъ всевозможнымъ угнетеніямъ. Мало того, Порта высылала еще на Молдавію самозванцевъ, которыхъ появленіе и низверженіе неизбѣжно должно было повлечь за собою внутреннія смуты, еще болѣе увеличившія бѣдственное положеніе княжества.

Вся послѣдующая исторія Молдавіи до назначенія князей-фанаріотовъ представляетъ только рядъ смѣнявшихся господарей, безъ цѣли и безъ сознанія появлявшихся во главѣ правленія. Пыталась-было оживить эту страну новая династія Кантемировъ, надѣясь на своего великаго сѣвернаго союзника; но ей не удалось достигнуть цѣли, и послѣднему господарю этой династіи, Дмитрію Кантемиру, суждено было умереть въ Россіи.

XVIII вѣкъ былъ по преимуществу тягостнымъ вѣкомъ для Молдавіи и Валахіи. Съ 1716 года начинается ненавистное правленіе князей-фанаріотовъ, откупная система которыхъ окончательно изсушила послѣдніе соки несчастныхъ господарствъ. Скажемъ нѣсколько словъ какъ о происхожденіи и политикѣ этихъ князей въ отношеніи къ константинопольскому двору, такъ и объ ихъ управленіи господарствами. — Фанаріоты получили свое названіе отъ константинопольскаго квартала, называвшагося *Фанаромъ*, въ которомъ жили греки. Населеніе Фанара отличалось ловкостію, изворотливостію и могло похвастаться предъ прочими жителями столицы знаніемъ иностранныхъ языковъ. Эти качества обратили на нихъ вниманіе турецкаго правительства, и оно въ концѣ XVII вѣка замѣнило фанаріотами евреевъ и ренегатовъ итальянскихъ и польскихъ, употреблявшихся до того времени въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ западными державами. Фанаріоты употреблялись сначала, какъ канцелярскіе чиновники, которыхъ вся обязанность состояла въ томъ, чтобы сидѣть въ передней дивана и ожидать, когда ихъ позовутъ для прочтенія или перевода какой-нибудь бумаги. Изъ этой скромной должности фанаріоты скоро успѣли возвыситься до почетныхъ государственныхъ постовъ. Собственно для нихъ были учреждены, вслѣдствіе ихъ происковъ и искательствъ, двѣ почетныя должности — великаго драгомана или переводчика Высокой Порты и драгомана адмиралтейства. Но фанаріоты не удовлетворились этимъ. Ихъ жадные взоры обращены были на Молдавію и Валахію, и имъ удалось захватить эти княжества въ свои руки.

Фанаріоты назначались обыкновенно въ господари на 3 года, но это не мѣшало одному лицу подкупомъ и возвышеніемъ подати продолжать свое управленіе на нѣсколько трехлѣтнихъ періодовъ. Интриги,

низость, алчность, тиранія были постоянными спутниками фанаріота и на пути его искательствъ, и во время самаго правленія, и въ изгнаніи.

Система управленія князей-фанаріотовъ по преимуществу состояла въ грабительствѣ. Если турецкое правительство приказывало господарю заготовить извѣстное число рогатаго скота или зернового хлѣба, то господарь распоряжался, чтобы заготовлено было въ пять разъ болѣе. Излишекъ обращался, конечно, въ пользу господаря. Если Порта требовала рабочихъ для обыкновенныхъ работъ, господарь отправлялъ 400 или 500 человѣкъ, а между тѣмъ двѣ или три тысячи откупались деньгами, которыя поступали въ кассу господаря. Подобныхъ злоупотребленій было неисчислимое множество. «И въ то время, говоритъ Вальянъ, когда румынскій крестьянинъ не имѣлъ ни одежды, ни постели, не имѣлъ самой необходимой домашней утвари, въ то время, когда камышъ или сырая земля служила ему ложемъ, его надменные хищники съ головы до ногъ были покрыты шелкомъ, золотомъ и дорогимъ горностаемъ».

Первые князья-фанаріоты были — Николай Маврокордато въ Валахіи и Михаилъ Раковица въ Молдавіи. Николай Маврокордато два раза являлся на господарскомъ престолѣ, чтобы грабить и угнетать своихъ подданныхъ. Преемникъ его Константинъ Маврокордато составилъ цѣлую систему грабежа, подъ предлогомъ преобразованія устарѣлаго порядка княжества. Чтобы привлечь къ себѣ крестьянъ, онъ освободилъ ихъ изъ-подъ власти помѣщиковъ и подчинилъ ихъ господарству; но чтобы вознаградить себя за эту услугу крестьянскому сословію, онъ наложилъ на него огромную подать и обременилъ самыми безсовѣстными налогами. Все войско было распущено и обращено также въ податное сословіе. И бояре, и народъ скоро поняли, что пресловутая реформа Константина Маврокордато была не что иное, какъ самый гнусный обманъ. Бояре ненавидѣли его за то, что онъ лишилъ ихъ многихъ правъ, крестьяне за непомѣрные налоги, которые лишили ихъ послѣдняго куска хлѣба, такъ что они желали лучше возвратиться въ прежнее состояніе, тѣмъ болѣе, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ были опредѣлены слишкомъ неясно новымъ постановленіемъ, что открывало путь многимъ злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ. Эта всеобщая ненависть къ преобразователю была причиною его низверженія; но онъ все-таки еще два раза успѣлъ откупить Валахію, не измѣняя системы своего управленія. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ воеводы Валахіи избранъ былъ Александръ Ипсиланти, человѣкъ съ болѣе человѣколюбивымъ направленіемъ, который заставилъ Валахію забыть на время прежнія истязанія. Современный ему господарь Молдавіи, Григорій Гика, тоже повидимому не отставалъ отъ своего сосѣда, но на самомъ дѣлѣ это была довольно грязная и сребролюбивая личность. Послѣ этихъ господарей опять возобновляются въ княжествахъ времена первыхъ князей-фанаріотовъ и уже не прекращаются до тѣхъ поръ, пока въ Молдавіи и Валахіи не отозвалось греческое возстаніе, измѣнившее на время отношенія Турціи къ господарствамъ. Дѣятель греческаго возстанія, Ипсиланти, надѣясь на мнимое тождество населенія Молдавіи и Валахіи съ населеніемъ Греціи, вошелъ въ сношеніе въ Валахіи съ Ѳедоромъ Владиміреско, и скоро оба они единодушно взялись за дѣло. Но почти при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій Владиміреско понялъ, что Ипсиланти желаетъ подчинить княжества греческому вліянію, и потому рѣшился войти въ сношенія съ турками и требовать возвращенія княжествамъ древнихъ правъ и дарованія конституціи. Взамѣнъ же этого онъ предлагалъ Портѣ свое содѣйствіе къ скорѣйшему очищенію княжествъ отъ греческихъ этеристовъ, приверженцевъ Ипсиланти. За эту измѣну Владиміреско поплатился жизнію. Онъ былъ схваченъ въ своемъ станѣ и связанный представленъ къ Ипсиланти. Несчастный безъ всякаго суда былъ казненъ.

Новый рядъ туземныхъ князей начался Иваномъ Стурдзою въ Молдавіи и Григоріемъ Гикою въ Валахіи. Оба господаря въ самомъ же началѣ правленія показали твердое желаніе возстановить права народа и дать румынамъ чисто-національное развитіе. Если они и не успѣли вполнѣ въ своемъ намѣреніи, то причиною этому была русско-турецкая война. Первымъ дѣломъ Григорія Гики было улучшеніе быта крестьянъ. Затѣмъ онъ возстановилъ народныя училища въ княжествѣ, одушевилъ народное направленіе въ образованіи и учредилъ общество распространенія въ Валахіи общеполезныхъ свѣдѣній.

Господарь Молдавіи слѣдовалъ во всемъ по пути Гики. Но внѣшнія обстоятельства, какъ мы замѣтили, замедлили на время возрожденіе княжествъ. Впрочемъ Адріанопольскій миръ, которымъ кончилась русско-турецкая война, былъ вполнѣ благодѣтеленъ для княжествъ, возвративъ имъ земли, занятыя туземными крѣпостями, и заставивъ Порту отказаться отъ подати и налоговъ, равно какъ отъ права назначать цѣны на жизненные припасы. Господари должны были

назначаться пожизненно. Порта обязалась заплатить Россіи 125 милліоновъ рублей, а для обезпеченія своевременной уплаты Россія удержала за собою княжества. Управленіе Молдавіей и Валахіей поручено было графу Киселеву. Въ 1829 году снова открыты были засѣданія комитета, учрежденнаго въ 1827 году въ Яссахъ и Букарестѣ, для составленія новаго уложенія. Подъ руководствомъ графа Киселева комитетъ въ непродолжительное время приготовилъ уложеніе, извѣстное подъ именемъ *Органическаго Статута*. Нельзя сказать, чтобы статутъ этотъ удовлетворилъ всѣмъ потребностямъ страны. Поспѣшность его составленія, неприготовленность членовъ комитета предварительнымъ изученіемъ страны во всѣхъ ея подробностяхъ были причиною той неудовлетворительности въ примѣненіи его къ дѣлу, какая оказалась почти въ первые же дни его введенія въ княжествахъ.

Вскорѣ графъ Киселевъ долженъ былъ оставить свой постъ. Явилось множество претендентовъ на престолъ. Изъ числа ихъ избраны были Россіей съ Турціей — Михаилъ Стурдза и Александръ Гика. Александръ Гика, несмотря на свои личныя достоинства и искреннее желаніе преобразовать среднее сословіе и облегчить участь народа, не слишкомъ способенъ былъ къ управленію. Лучшимъ дѣломъ его правленія было освобожденіе цыганъ; но и это освобожденіе не было полнымъ и достаточнымъ: цыганамъ не было предоставлено ни клочка земли, и матеріальный бытъ ихъ сдѣлался еще хуже. Вскорѣ противъ Гики составилась оппозиція и хотя ея попытка произвести возстаніе не удалась и главные двигатели этого движенія были арестованы и впослѣдствіи приговорены къ работамъ въ солянокопяхъ, но это не спасло Гики. Неспособность его къ управленію съ каждымъ днемъ проявлялась яснѣе. Георгій Бибеско составилъ записку, въ которой изобразилъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находилось княжество подъ правленіемъ этого добраго, но неспособнаго господаря. Копіи съ этой записки были отправлены въ Константинополь и С.-Петербургъ. Повѣрка этого доноса съ дѣйствительностью коммиссарами Турціи и Россіи показала всю его справедливость, и Гика былъ отставленъ въ 1842 году, а на мѣсто его избранъ Бибеско.

Дѣла въ Молдавіи въ эту эпоху были не такъ важны, какъ въ Валахіи. Михаилъ Стурдза обратилъ особенное вниманіе на матеріальное благосостояніе страны, надѣясь этимъ путемъ упрочить свое положеніе, и пожалуй отчасти успѣлъ въ этомъ. Ему же принадлежитъ честь освобожденія монастырскихъ цыганъ.

Состояніе Валахіи между тѣмъ становилось годъ отъ году хуже. Ревизія 1845—1846 г. показала, что около 40,000 семействъ выселилось изъ Валахіи въ весьма короткое время, и между тѣмъ поголовная подать, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, въ итогѣ, принесла усиленный поборъ въ 300,000 піастровъ сверхъ обыкновенной цифры.

Въ это время получено было извѣстіе о февральскомъ переворотѣ 1848 г. во Франціи. Валахское общество было раздѣлено тогда на партіи, изъ которыхъ главную роль играла партія либераловъ, старавшаяся привлечь на свою сторону большинство населенія. Либералы имѣли своихъ агентовъ и въ Молдавіи. Извѣстіе о февральскомъ переворотѣ ободрило ихъ. Въ Букарестѣ, Краёвѣ, Браиловѣ, Яссахъ уже явно стали сходиться и толковать объ измѣненіи существующаго порядка правленія. Въ концѣ марта молдавскіе заговорщики собрались въ гостинницѣ Регенсбургъ въ Яссахъ. Долго они спорили и шумѣли, наконецъ согласились поднести господарю адресъ и проектъ конституціи, состоявшей въ самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ. Они просили между прочимъ сдѣлать нѣсколько измѣненій относительно права собственности, дать свободу тисненія или гласность, относительно же внутреннихъ дѣлъ княжества — учрежденіе городской стражи, отвѣтственность министровъ и прочихъ высшихъ чиновниковъ. Стурдза ласково принялъ депутацію и обѣщалъ сдѣлать все возможное, а между тѣмъ въ тотъ же вечеръ далъ тайное приказаніе усилить наличное число земской стражи. Въ продолженіе ночи аресты продолжались по всему городу и къ утру все было исполнено. Главные зачинщики были отправлены въ Мачинъ, а оттуда переведены въ Бруссу.

Иной исходъ имѣло революціонное движеніе въ Валахіи. Валахская оппозиція сначала было думала уладить дѣло мирнымъ путемъ, какъ хотѣли это сдѣлать въ Молдавіи; но рѣшительный отказъ недальновиднаго Бибеско подалъ поводъ къ открытому возмущенію. Заговорщики умѣли скоро подготовить къ возстанію валахскую милицію и войти въ сношенія съ инсуррекціонной партіей Венгріи. День возстанія назначенъ былъ 21-го іюня. Въ этотъ день поселяне изъ окружныхъ деревень толпами стекались на площадь Ислаша, небольшого мѣстечка на берегу Дуная. Торговое сословіе, арендаторы, дунайскіе матросы толпились около отряда Плессоянно. Вскорѣ явились туда и главные заговорщики, окруженные толпою помѣщиковъ и офицеровъ. Здѣсь Иліади Радулеско прочелъ во всеуслышаніе проектъ новой

конституціи; подписана была и прокламація къ народу. Магеро, исправникъ того округа, въ которомъ находился Ислашъ, долженъ былъ отправиться въ Букарестъ для поднесенія господарю проекта конституціи, съ просьбою, чтобы онъ объявилъ себя во главѣ движенія. Посланный отъ Магеро прибылъ въ Букарестъ на другой день, 22-го іюня. Въ тотъ же день трое молодыхъ людей, не принадлежавшихъ впрочемъ къ революціонному комитету, выстрѣлили въ господаря во время гулянья. Встревоженный господарь рѣшился лично удостовѣриться въ настроеніи духа милиціонныхъ батальоновъ, находившихся въ столицѣ. Явившись въ казармы, онъ объявилъ о заговорѣ противъ правительства и спросилъ офицеровъ и солдатъ, — можетъ ли онъ надѣяться на ихъ поддержку. Уклончивый отвѣтъ начальника милиціи заставилъ Бибеско возвратиться во дворецъ въ сильномъ разстройствѣ. Черезъ нѣсколько часовъ посланный отъ Магеро вручилъ ему прокламацію и прошеніе ислашскихъ бунтовщиковъ. Но въ этотъ же день одинъ изъ родственниковъ Магеро, прибывъ въ Букарестъ, собралъ нѣсколько молодыхъ людей и, отправившись съ ними на базарную площадь въ толпу народа, съ возвышеннаго мѣста прочелъ прокламацію, объявивъ, что господарь изъявилъ уже свое согласіе на перемѣну правленія. Толпа бросилась за нимъ ко дворцу благодарить господаря. Когда изумленный Бибеско вышелъ узнать причину ея появленія, то его встрѣтили оглушительные крики радости. Бибеско, растерявшись окончательно, подписалъ конституцію, а черезъ три дня уѣхалъ въ Кронштадтъ.

Между тѣмъ Порта, недовольная покушеніемъ на ея ленныя права, отправила въ княжество Омера-Пашу съ двѣнадцатитысячной арміей. Турецкій уполномоченный коммиссаръ, Солиманъ-Паша, объявилъ, что онъ готовъ выслушать жалобы и желанія румыновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ распустить временное правительство и учредить намѣстничество, согласно съ органическимъ статутомъ. Члены временнаго правительства вынуждены были покориться требованію турецкаго коммиссара. Намѣстничество это продолжалось только съ 4 августа по 25 сентября. Солиманъ-Паша высказалъ большое сочувствіе къ новой организаціи княжества. Измѣненія въ конституціи были самыя незначительныя и проектъ ея, одобренный коммиссаромъ Порты, вмѣстѣ съ депутаціей былъ отправленъ въ Константинополь, для представленія его дивану. Но депутація эта не имѣла никакого успѣха. Турецкое правительство, недовольное дѣйствіями Солимана-Паши, отозвало его обратно въ Константинополь и на его мѣсто назначило Фуада-Эфенди, который объявилъ, что столица Валахіи будетъ теперь находиться подъ надзоромъ турецкаго войска. 25 сентября отмѣнено господарское мѣстоблюстительство и избранъ каймакамомъ княжества логоѳетъ Константинъ Кантакузинъ. Букарестъ былъ занятъ турецкимъ войскомъ. Вскорѣ подоспѣли туда и русскія войска.

Восемь мѣсяцевъ продолжалась русско-турецкое занятіе княжествъ. Въ маѣ 1849 года заключена конвенція въ Балта-Лиманѣ, которая отмѣнила прежнее избирательное право господарей; новые князья должны были назначаться кабинетами державъ покровительницъ, вслѣдствіе чего Барбо Стирбей, братъ Бибеско, назначенъ былъ въ Валахію, а Григорій Гика въ Молдавію. Разсказывать о правленіи Стирбея — значитъ повторять то, что уже извѣстно о своекорыстномъ управленіи его предшественниковъ. Онъ не могъ внести во ввѣренное ему княжество никакихъ улучшеній, кромѣ грабежа внутри и лукаваго раболѣпства предъ покровительствующими державами. Правленіе Гики было такое же, съ тою только разницей, что въ злоупотребленіяхъ не участвовалъ самъ господарь, тогда какъ Стирбей имѣлъ въ виду личные интересы и болѣе всего заботился объ обогащеніи себя.

Въ такомъ положеніи были княжества, когда въ іюнѣ 1853 года войска наши приблизились къ Дунаю. Оба господаря оставили княжества. Нельзя сказать, чтобъ расположеніе умовъ въ княжествахъ было на нашей сторонѣ, но ненависть къ Россіи, преувеличенная западными публицистами, можетъ быть отнесена только къ небольшой партіи. Въ главѣ этой партіи стояли четыре бывшіе господаря: Стирбей и Бибеско, Стурдза и Григорій Гика. Въ сентябрѣ 1853 г. они даже подали Австріи записку, за собственноручною подписью, въ которой вызвались отдать Молдавію и Валахію подъ верховную власть Австріи, если Россія въ предстоящей борьбѣ будетъ побѣждена. Валахскіе эмигранты пошли еще далѣе: они предложили сформировать народное войско, чтобы противодѣйствовать Россіи. Но это предложеніе не было принято ни Турціею, ни Австріею. Та и другая боялись, чтобы впослѣдствіи это вооруженіе не обратилось на нихъ самихъ. Между тѣмъ войска наши выступили изъ княжествъ, и мѣсто ихъ заняли австрійскія. Въ то же время возстановлены были прежніе господари, Стирбей и Гика.

Разрѣшеніе вопроса о княжествахъ приближалось между тѣмъ къ концу. Въ мартѣ 1855 г. открыты были конференціи въ Вѣнѣ,

и первой статьей было положено отмѣненіе русскаго протектората въ княжествахъ. Но, устраняя протекторатъ Россіи, нужно было подумать и о томъ, какое устройство дать княжествамъ. Не уступать же въ самомъ дѣлѣ подъ всесокрушающее вліяніе Австріи... Въ засѣданіи 26-го марта высказана была по этому случаю французскимъ уполномоченнымъ барономъ Буркинэ мысль о слитіи обоихъ княжествъ въ одно государство, подъ наслѣдственнымъ правленіемъ государя, взятаго изъ среды европейскихъ династовъ. Сліянія княжествъ желали сильно румыны. Россія тоже не противилась соединенію. Но горячими противниками его были Турція и Австрія, и имъ удалось мало-помалу отклонить этотъ вопросъ, несмотря на то, что молдавскій диванъ 19-го октября 1857 г. торжественно объявилъ общее стремленіе молдаванъ къ соединенію княжествъ въ одно государство подъ именемъ *Румыніи*.

Наконецъ, собрались и конференціи въ Парижѣ. Послѣ долгихъ споровъ приступлено было къ обновленному устройству княжествъ. Сущность новаго устройства заключается въ слѣдующемъ:

1) Княжества Молдавія и Валахія получатъ наименованіе *Соединенныхъ провинцій или княжествъ*.

2) Оба княжества останутся подъ верховною властію е. в. султана. Исполнительная власть въ каждомъ изъ нихъ будетъ находиться въ рукахъ господаря, избираемаго на всю жизнь.

3) Законодательная власть будетъ предоставлена двумъ собраніямъ, засѣдающимъ въ Букарестѣ и Яссахъ, и центральному комитету, составленному изъ девяти валахскихъ и девяти молдавскихъ членовъ, избираемыхъ обоими собраніями изъ среды своихъ членовъ.

4) Центральный комитетъ будетъ засѣдать въ Фокшанахъ. Законы, учрежденные имъ, будутъ общи обоимъ княжествамъ, кромѣ особыхъ случаевъ.

5) Никакой налогъ не можетъ быть установленъ и взимаемъ безъ согласія собраній.

6) Регулярныя милиціи получатъ одинаковое устройство, и народное знамя будетъ одно и то же для обоихъ корпусовъ молдавовалахской арміи.

7) Для обоихъ княжествъ имѣетъ быть учрежденъ верховный кассаціонный судъ.

8) Между обоими княжествами устанавливается таможенное, монетное, почтовое и телеграфное соединеніе.

Такимъ образомъ, парижскими конференціями сдѣланъ только шагъ къ соединенію княжествъ. Окончательное же соединеніе ихъ въ одно независимое государство осталось попрежнему желаніемъ народа, желаніемъ столько разъ безплодно выражавшимся въ ихъ исторіи и нынѣ еще разъ обнаружившимся въ избраніи одного господаря для обоихъ княжествъ. Это послѣднее обстоятельство, не предвидѣнное на парижскихъ конференціяхъ, составило новый, еще доселѣ не разрѣшенный, вопросъ для европейскихъ кабинетовъ...

---

268. Основанія опытной психологіи.

Сочиненіе Архимандрита *Гавріила* (Кикодзе). Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 265.

М. Л.

Не факты нужно приноровлять къ заранѣе придуманному закону, а самый законъ выводить изъ фактовъ, не насилуя ихъ произвольно: эта истина такъ проста и такъ понятна каждому, что сдѣлалась, наконецъ, общимъ мѣстомъ. А между тѣмъ чаще всего встрѣчаешь противорѣчіе этой истинѣ и, что̀ всего досаднѣе, противорѣчащіе нерѣдко сами торжественно провѣдуютъ ее. Какъ можно, говорятъ они, начинать съ того, что̀ должно быть результатомъ изысканій: факты, факты—вотъ съ чего надобно начинать! А посмотришь — выводъ давно уже готовъ у нихъ, а факты-то такъ-себѣ, ради единой только формальности выставляются на-показъ. Пусть бы еще факты эти гармонировали съ выводомъ, тогда по крайней мѣрѣ можно было бы подумать, что все это дѣлается для большей ясности, а то вѣдь и того нѣтъ: факты сами по себѣ, а выводъ самъ по себѣ. Этого мало: осмѣлься кто-нибудь указать этимъ господамъ на непослѣдовательность и произвольность ихъ сужденій, и они тотчасъ

назовутъ его невѣждою, да еще, пожалуй, чего добраго, огласятъ неблагонамѣреннымъ человѣкомъ. Idée fixe гвоздемъ сидитъ у нихъ въ головѣ, и что ты имъ ни толкуй, они все свое. Если же случится имъ встрѣтить что-нибудь необъяснимое по ихъ теоріи, то это для нихъ ровно ничего не значитъ: они тотчасъ сошлются на то, что въ мірѣ много непостижимаго для нашего слабаго разума, что тайны и загадки мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, да на этомъ и покончатъ все дѣло. Само собою разумѣется, что наукѣ нечего ожидать отъ такихъ изслѣдователей, что тутъ не можетъ быть и помину о движеніи впередъ.

Книга архимандрита Гавріила не сообщаетъ намъ собственно ничего новаго противъ прежнихъ психологій. Но она отличается отъ нихъ методомъ изложенія и сравнительно бо̀льшимъ количествомъ физіологическихъ фактовъ, что̀ составляетъ ея неоспоримое достоинство. Жаль только, что авторъ смотритъ на эти факты съ исключительной точки зрѣнія; на многія изъ приводимыхъ имъ возраженій даетъ только косвенные отвѣты, а нѣкоторые весьма важные вопросы и вовсе оставляетъ безъ разрѣшенія.

Книгу свою авторъ начинаетъ анализомъ внѣшнихъ ощущеній. При этомъ онъ довольно подробно говоритъ объ устройствѣ каждаго чувственнаго органа и объясняетъ процессъ самаго воспріятія. Онъ доказываетъ, что не глазъ видитъ предметы, не ухо слышитъ звукъ, а что впечатлѣнія, получаемыя этими органами отъ внѣшнихъ предметовъ, передаются посредствомъ чувственныхъ нервовъ мозгу. То же онъ говоритъ о воспріятіи и трехъ остальныхъ чувствъ. Все это пока, пожалуй, удовлетворительно. Но нельзя далѣе согласиться съ авторомъ, по крайней мѣрѣ при тѣхъ доказательствахъ, какія онъ представляетъ. Соображая весь процессъ чувственнаго воспріятія, онъ приходитъ къ тому заключенію, что даже и самый мозгъ нельзя признать ощущающимъ началомъ. Мы охотно согласились бы съ этимъ положеніемъ, если бы авторъ дѣйствительно доказалъ его. Нельзя рѣшать вопроса только вполовину и въ то же время утверждать, что онъ рѣшенъ окончательно. Этимъ можно обмануть людей тупоумныхъ; а кто имѣетъ хоть сколько-нибудь здраваго смысла, тотъ едва ли успокоится на такомъ половинномъ рѣшеніи. Нужно сказать, да и доказать. А на слово нынче уже не вѣрятъ.

Главное и совершенно достаточное доказательство тому (т.-е. что мозгъ не есть ощущающее начало), говоритъ авторъ,—находимъ мы *въ единствѣ и простотѣ нашихъ ощущеній*, единствѣ и простотѣ столько противорѣчащихъ сложности мозга и всей нервной системы.

Но въ мірѣ вещественномъ мы не знаемъ ни одного предмета, въ которомъ бы не проявлялись какія-либо свойственныя ему силы. Точно такъ же невозможно представить себѣ и силу, независимую отъ матеріи. Сила составляетъ коренное, неотъемлемое свойство матеріи и отдѣльно существовать не можетъ. Ее нельзя передать матеріи, а можно только пробудить въ ней. Магнетизмъ можно вызвать, но не сообщить предмету. Нельзя представить магнитной силы безъ желѣза или вообще безъ тѣла, въ которомъ она заключена, какъ одно изъ коренныхъ, элементарныхъ его свойствъ. Стало быть, и въ человѣческомъ мозгѣ, каковъ бы ни былъ его составъ, должна быть своя сила. И что жъ удивительнаго, если эта сила проявляется въ ощущеніи?...

Другіе, напротивъ, приводятъ совершенно противоположное этому возраженіе, а именно,—что мозгъ представляетъ однородную сплошную массу, слишкомъ простъ и по составу, и по формѣ, чтобы быть единственнымъ источникомъ такой тонкой и сложной дѣятельности, какую ему приписываютъ: сложныя силы, говорятъ они, могутъ быть только въ сложной матеріи. Но и это возраженіе, раціональное теоретически, оказывается несостоятельнымъ на дѣлѣ, потому что противорѣчитъ анатоміи. Въ органическомъ царствѣ мы не знаемъ ничего, что̀ имѣло бы болѣе своеобразный видъ, болѣе сложное строеніе и, наконецъ, болѣе замѣчательный химическій составъ, какъ мозгъ. Какъ ни бѣдны наши свѣдѣнія о его составѣ, но мы знаемъ, что онъ не есть однородная сплошная масса, а состоитъ изъ чрезвычайно тонкихъ, нѣжныхъ, перепутанныхъ между собою цилиндровъ, называемыхъ первообразными волокнами и наполненныхъ маслянистою жидкостію, которая можетъ створаживаться. Анатомія показываетъ далѣе, что внутри мозга есть множество самыхъ странныхъ узоровъ, значеніе которыхъ для насъ еще совершенно загадочно, а на поверхности его цѣлый рядъ извилистыхъ углубленій, въ которыхъ главныя составныя части мозга, бѣлая и сѣрая массы, во многихъ точкахъ соприкасаются. Такъ называемые гангліеновы шарики, находящіеся въ сѣрой массѣ головного и спинного мозговъ, представляютъ много особенностей въ своемъ устройствѣ: первообразныя волокна то окружаютъ ихъ, то лежатъ надъ ними, то изъ нихъ выходятъ и т. п. Нѣтъ ни одного организма у животныхъ, который бы тонкостію и разнообразіемъ

своего строенія сколько-нибудь подходилъ къ мозгу. Наконецъ, изъ всѣхъ органовъ онъ получаетъ наиболѣе крови отъ сердца и обращеніе соковъ въ немъ совершается быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Соотвѣтственно этому и анатомическое расположеніе кровяныхъ сосудовъ въ мозгу очень сложно и совершенно своеобразно. Не менѣе сложенъ и химическій составъ мозга. Изслѣдованія показали, что въ немъ находятся такіе элементы, какихъ нѣтъ ни въ одномъ органическомъ тѣлѣ, напр. церебринъ. Говорятъ даже, что массы, изъ которыхъ состоятъ мозгъ и нервы, въ разныхъ мѣстахъ своего протяженія имѣютъ и различный химическій составъ. Особенно важное значеніе для умственныхъ отправленій имѣетъ фосфоръ, находящійся въ мозговомъ жирѣ; по новѣйшимъ наблюденіямъ, въ психической дѣятельности мозга и въ отправленіяхъ вообще всей нервной системы принимаетъ участіе еще одна сила, которая прежде замѣчена была только въ тѣлахъ неорганическихъ.. Эта сила—электричество. Такимъ образомъ анатомическій и химическій составъ мозга, какъ ни бѣдны наши свѣдѣнія о нихъ, не противорѣчатъ сложности приписываемыхъ ему отправленій. Кромѣ того, неизлишне замѣтить здѣсь, что есть много тѣлъ, имѣющихъ одинаковый химическій составъ, но различныя свойства. Ни химія, ни микроскопъ до сихъ поръ еще не могли открыть разницы между заразительнымъ и незаразительнымъ гноемъ. Если же такое неуловимое различіе въ механическомъ или химическомъ составѣ неорганическихъ тѣлъ производитъ существенную разницу въ ихъ свойствахъ, то отчего же не предположить, что подобныя же незначительныя причины могутъ имѣть вліяніе и на дѣятельность мозга. Гангліеновы шарики, находящіеся въ полости мозга и играющіе, вѣроятно, не маловажную роль въ психическихъ отправленіяхъ его, анатомическимъ своимъ устройствомъ нисколько не разнятся отъ подобныхъ же шариковъ въ брюшной полости; тѣмъ не менѣе въ дѣйствіяхъ ихъ есть и должна быть разница. Все это подтверждаетъ ту мысль, что кажущаяся простота устройства мозга не можетъ служить опроверженіемъ возможности сложныхъ отправленій его.

Если мозгъ способенъ къ такой тонкой дѣятельности, то отчего мы, говорятъ психологи, не замѣчаемъ даже и проблесковъ чего-нибудь подобнаго въ другихъ тѣлахъ органическихъ и неорганическихъ, напр. въ камнѣ, деревѣ и т. п.? Вѣдь камень и дерево такая же матерія, какъ и мозгъ.—Но возражатели забываютъ, что въ мірѣ все подлежитъ закону развитія и что мозгъ человѣческій, по ихъ же словамъ, есть тончайшая матерія. Въ природѣ все идетъ постепенно отъ простого къ болѣе сложному, отъ несовершеннаго къ болѣе совершенному; но вездѣ одна и та же матерія, только на разныхъ степеняхъ развитія. Что жъ удивительнаго, если на одной степени мы находимъ то, что̀ несвойственно другой? Въ тѣлахъ неорганическихъ мы совсѣмъ не замѣчаемъ жизни въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется въ тѣлахъ органическихъ; тѣмъ не менѣе и они подлежатъ измѣненіямъ какъ въ объемѣ, такъ и во внутреннемъ своемъ составѣ. Наблюдая надъ ними, мы постоянно замѣчаемъ то механическіе, то химическіе процессы. Не есть ли это та же жизнь, хотя на низшей степени развитія? Въ растеніяхъ жизнь обозначается уже гораздо яснѣе, потому что и сами они представляютъ матерію болѣе развитую, чѣмъ тѣла неорганическія. Здѣсь есть и голова, и члены, и органы питанія, и органы воспроизведенія, рожденіе и смерть. Въ животномъ царствѣ обнаруженіе жизни еще ощутительнѣе. Животныя имѣютъ способность мѣстоперемѣненія; кромѣ того мы замѣчаемъ въ нихъ проблески высшей жизненной дѣятельности. Человѣкъ, совершеннѣйшее изъ животныхъ, составляетъ послѣднюю степень развитія міровыхъ существъ въ видимой вселенной; почему же въ немъ, уже по одному этому, не допустить того, чего мы не замѣчаемъ въ существахъ менѣе развитыхъ? А если самую развитую часть человѣческаго тѣла составляетъ мозгъ, то отчего же не допустить, что мозгъ способенъ къ такой дѣятельности, какой мы не замѣчаемъ въ камнѣ и деревѣ? Что мозгъ имѣетъ тѣсную связь съ психической дѣятельностью, къ этому приводятъ насъ весьма многіе разительные факты. Но мы считаемъ излишнимъ приводить ихъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что они извѣстны всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ физіологіею. Да кто и изъ незанимавшихся никогда физіологіей не слыхалъ, напр., объ опытахъ Флурана надъ живыми курами? Нужны ли кромѣ этого еще другіе какіе-нибудь факты въ подтвержденіе того, что мозгъ, особенно человѣческій, есть источникъ высшей жизненной дѣятельности и что умственныя отправленія имѣютъ къ нему прямое отношеніе?

Кромѣ возраженій, которыхъ мы сейчасъ коснулись, психологи приводятъ еще множество другихъ. Но одни изъ нихъ имѣютъ тѣсную связь съ приведенными выше, а другія до такой степени забавны, что на нихъ не стоитъ серьёзно отвѣчать. Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ физіологія подвигается впередъ, отвлеченная психологія къ прежнимъ нелѣпостямъ присо-

единяетъ новыя, путается, но не хочетъ уступить своей соперницѣ и все еще смотритъ на нее съ какой-то средневѣковой ироніей. Старинные психологи допускали еще матеріальность животной души, новѣйшіе и въ животныхъ вложили *духовную* силу, лишивъ ее впрочемъ права на *безсмертіе*...

Для вящшаго успокоенія себя и другихъ нынѣшніе психологи ссылаются обыкновенно на первую лекцію Либиха, сказанную имъ въ 1856 году въ мюнхенскомъ университетѣ, видя въ ней окончательный выводъ современной науки. Да, Либихъ лицо дѣйствительно весьма замѣчательное въ области естествознанія; но близко знакомымъ съ его изслѣдованіями извѣстно, что онъ испугался своихъ собственныхъ опытовъ и бросилъ ихъ безъ всякаго вывода...

Обращаясь еще разъ къ автору разсматриваемой книги, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы вовсе не отвергаемъ его основныхъ положеній, а желаемъ только, чтобы онъ, не пускаясь въ отвлеченности и фразеологію, указалъ намъ на болѣе положительные факты, которыми онъ приведенъ былъ къ высказанному результату; а теперь мы все-таки остаемся въ недоумѣніи...

---

269. Исторія рыцарства.

Сочиненіе *Руа*. Перев. съ французскаго седьмого изданія Г. В. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 265.

М. Л.

Господинъ Г. В. перевелъ сочиненіе Руа на томъ основаніи, что его похвалилъ «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», журналъ, основанный г. Вышнеградскимъ, тѣмъ самымъ, который счелъ нужнымъ объявить о себѣ въ газетахъ, что онъ не беретъ взятокъ [1]). Прочитавши книжку Руа, мы убѣдились, что можно совершать похвальные поступки въ родѣ объявленія въ газетахъ о своемъ безкорыстіи, и въ то же время можно основать журналъ, имѣющій совершенно ложныя понятія о книгахъ для юношества. «Исторія рыцарства» назначена, видите ли, для чтенія юношества. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» убѣжденъ, что такое чтеніе будетъ для нашего юношества очень полезно; г. Г. В. согласенъ съ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», но отъ себя прибавляетъ, что чтеніе «Исторіи рыцарства» будетъ еще полезнѣе, ежели къ ней присоединить краткія свѣдѣнія изъ «Геральдики» г. Лакіера. На этомъ основаніи онъ «*во многомъ дополнилъ*», по г. Лакіеру, пятую главу сочиненія Руа, посвященную гербамъ рыцарскимъ. Зато изъ пятой главы вышло нѣчто чудовищно-занимательное, нѣчто до изнеможенія питательное для юныхъ умовъ. Прочтите, напр., хоть эти строки: что̀ можетъ быть полезнѣе и занимательнѣе для юношей?

«Въ основаніи геральдики слѣдующее правило: если поле покрыто какою-нибудь краскою или мѣхомъ, то знаки должны быть покрыты металломъ и, наоборотъ, — если поле покрыто металломъ, то знакъ покрывается краскою или мѣхомъ. Это правило излагается такъ: не должно класть металлъ на металлъ и краску на краску. Дѣлать противное — значитъ совершенно *извращать науку геральдики*, потому что *геральдика*, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, *есть обширнѣйшій изъ всѣхъ языковъ,—языкъ сильный и величественный, съ своимъ синтаксисомъ, грамматикою и орѳографіею* (!!) Искусство геральдики состоитъ въ умѣньи читать и писать на этомъ нѣмомъ нарѣчіи. Нѣсколько краткихъ и поверхностныхъ замѣтокъ, относительно чтенія гербовъ, могутъ дать о геральдическомъ языкѣ нѣкоторое понятіе» (стр. 49).

И затѣмъ слѣдуютъ *поверхностныя замѣтки*, страницахъ на десяти. Намъ показалось, что г. Г. В., вмѣстѣ съ Руа и самимъ «Педагогическимъ Вѣстникомъ», могли бы съ успѣхомъ подвизаться на службѣ у того господина, который однажды, осматривая какой-то университетъ и узнавъ, что въ немъ есть *гербарій*, спросилъ: что̀ же тутъ гербы только княжескіе, или всѣхъ занесенныхъ въ шестую часть?» [1]).

Говоря о рыцаряхъ, авторъ «Исторіи рыцарства» постоянно старается отдѣлить ихъ отъ феодальныхъ владѣльцевъ, которыхъ называетъ *злыми*, безпокойными и притѣснителями слабыхъ. На чемъ основываетъ авторъ такое раздѣленіе, мы не знаемъ, но оно даетъ ему легкій поводъ возводить рыцарей въ идеалъ благородства, велико-

[1]) См. статью № 250.

[1]) Попечитель Московскаго университета, Назимовъ.

душія, мира и любви и проч. По его мнѣнію, рыцарство прямо вытекаетъ изъ христіанской религіи, со всѣми своими гербами, девизами, турнирами, и т. п. Не знаемъ, насколько для нашихъ юношей полезно такое понятіе о христіанствѣ и о рыцарствѣ...

Точно такъ же сомнительно, чтобъ особенно благодѣтельное вліяніе произвели на юныхъ читателей тѣ страницы, въ которыхъ авторъ съ благоговѣніемъ разсказываетъ, напр., о доблести рыцарей, которые, «*спѣша заслужить шпоры*, бросались въ самую чащу свалки»; или о турнирахъ, какъ «благородныхъ собраніяхъ, *въ которыхъ очищалась нравственность*...» Это можетъ послужить для юношей развѣ къ тому, что они, *спѣша заслужить шпоры*, побѣгутъ всѣ—просить, чтобы ихъ переименовали изъ коллежскихъ регистраторовъ въ корнеты или даже приняли юнкерами въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, *для очищенія ихъ нравственности*... Конечно, это было бы недурно; да только зачѣмъ же это? У насъ войска и безъ того много; слѣдовательно, наплывъ новыхъ кандидатовъ въ современные рыцари, т.-е. въ юнкера и корнеты, мало принесетъ существенной пользы отечеству...

Съ сокрушеніемъ сердца говоритъ авторъ о томъ, что рыцарскіе ордена съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и наконецъ—увы!—сдѣлались простыми почетными знаками, изъ которыхъ иные — о, горе! горе! *даются людямъ всякаго сословія и званія!*.. Какая глубина паденія! Какой предметъ плача и стенаній для г. Руа, для его переводчика и для «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», основаннаго *самообъявленнымъ* поборникомъ безкорыстія, г. Вышнеградскимъ!..

---

270. Очерки и разсказы И. Т. Кокорева.

Москва. 1858 года. Три части.

Напечатано вмѣстѣ съ № 265. Статья эта была очень непріятна Погодину, не хуже пресловутаго Краевскаго, издателя «Отечественныхъ Записокъ», эксплоатировавшему сотрудниковъ «Москвитянина» и другихъ своихъ изданій. Шевыревъ былъ обрисованъ — въ февральской, Погодинъ — въ мартовской книжкѣ; выходилъ букетъ довольно пахучій.

М. Л.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ начали появляться въ «Москвитянинѣ» разсказы, подписанные фамиліею И. Кокорева. Несмотря на то, что «Москвитянинъ» не пользовался тогда хорошей репутаціей и мало читался, Кокоревъ скоро успѣлъ обратить на себя вниманіе публики. Его имя отдѣлилось отъ именъ обычныхъ вкладчиковъ «Москвитянина», вмѣстѣ съ именами Островскаго, Писемскаго, Потѣхина... Его разсказы, раскрывавшіе подробности жизни ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ московскихъ, постоянно встрѣчали сочувствіе публики. Было время (въ 1852 г., послѣ напечатанія «Саввушки»), когда ожиданія отъ таланта Кокорева были очень велики; отъ него надѣялись серьезнаго, глубоко задуманнаго и строго выполненнаго произведенія изъ нашей городской народной жизни, которую онъ зналъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и которой умѣлъ сочувствовать. Но черезъ два года потомъ (въ 1854 г.) Кокоревъ умеръ, ожиданія остались невыполненными; о смерти молодого писателя было нѣсколько строкъ въ томъ журналѣ, гдѣ онъ участвовалъ; редакція журнала обѣщала въ скоромъ времени издать его сочиненія; но потомъ, какъ водится, забыли и о Кокоревѣ, забыли и объ обѣщаніи редакціи (забытомъ ею самой), забыли и о самомъ журналѣ, который тоже скончался, недолго переживъ своего талантливаго сотрудника.

Теперь снова представляется случай вспомнить о Кокоревѣ: вышли его сочиненія, изданныя, впрочемъ, не редакціею «Москвитянина», а однимъ изъ товарищей покойнаго — В. А. Дементьевымъ. Эти три, бѣдно и сѣро изданные, томика наводятъ на мысли очень невеселыя. Въ нихъ человѣкъ, хотя нѣсколько знакомый съ закулисной жизнью журналистики, ясно читаетъ грустную исторію гибели таланта. Люди, находившіе въ Кокоревѣ зародыши сильнаго дарованія, цѣнившіе его горячую любовь къ работящимъ бѣднякамъ нашимъ, большею частію и не предполагали тѣхъ обстоятельствъ, которыя служили у него

источникомъ этой любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствовали свободному развитію его дарованія. Строгіе эстетическіе цѣнители хотѣли, чтобъ онъ дольше *вынашивалъ* въ душѣ свои произведенія, давалъ своимъ очеркамъ больше стройности, больше *объективировалъ* ихъ, лучше отдѣлывалъ со стороны внѣшняго изложенія... Но цѣнители не знали, въ какомъ отношеніи находились произведенія Кокорева къ его собственной жизни. Немногимъ было извѣстно, что эти очерки, изображающіе горькую бѣдность съ честнымъ трудомъ, а подчасъ и грязь, и забвеніе горя за чаркой, и невольное вилянье изъ стороны въ сторону, что все это — воспроизведеніе того, что со всѣхъ сторонъ обхватывало и сжимало жизнь самого автора. Онъ не издали, не въ качествѣ дилетанта народности, не въ часы досуга, не для художественнаго наслажденія наблюдалъ и изображалъ жизнь бѣдняковъ, съ горемъ и часто съ грѣхомъ пополамъ добывающихъ кусокъ хлѣба. Онъ самъ жилъ среди нихъ, страдалъ съ ними, былъ съ ними связанъ кровно и неразрывно. Онъ недурно изображалъ мастеровыхъ, кухарокъ и извозчиковъ; не мудрено: его трудами поддерживалось существованіе стараго, больного отца, ремесленника изъ вольноотпущенныхъ, давалась помощь его матери — кухаркѣ, его брату — извозчику!.. Ему ли было отдѣляться отъ героевъ своихъ произведеній и стараться объективировать ихъ! Ему ли было заботиться о *вынашиваніи* въ душѣ своихъ образовъ, объ изящности ихъ отдѣлки! Будь какая угодно артистическая натура, но трудно усадить въ живописное положеніе больного отца, чтобы съ него нарисовать изящный портретъ нищаго старика; трудно томить его голодомъ, чтобы, смотря на его страданія, *выносить* въ душѣ образъ голодной бѣдности и потомъ, съ эпическимъ спокойствіемъ выставить его напоказъ міру... Нищета семейная, безотрадное, насущное, сосущее горе, въ какомъ проходила жизнь Кокорева, мало благопріятствуютъ ровному и спокойному теченію мыслей. Немудрено, что его разсказы и очерки выливались изъ души лирическимъ порывомъ, что о каждомъ бѣдномъ ванькѣ, о кулакѣ, о мастеровомъ онъ разсказывалъ съ такимъ кроткимъ и теплымъ чувствомъ, какъ будто бы говорилъ о своемъ родномъ братѣ. Пускался онъ иногда и въ шуточки, старался смѣшить и смѣяться; но это какъ-то не шло къ его тону, не къ лицу ему было: губы его какъ будто складывались въ улыбку, а на глазахъ блестѣли слезы. И только этими невольными, кроткими слезами да этой робкой неудачной улыбкой и сказался онъ міру. Ни отчаяннаго стона, ни могучаго проклятія, ни желчной, кроваво-оскорбляющей ироніи—ни разу не вылетѣло изъ этого нѣжнаго, терпѣливаго сердца. Онъ какъ будто забитъ, запуганъ былъ жизнью; онъ боялся поглубже заглянуть въ свое сердце, разбередить его раны, поднять со дна души вѣчные вопросы о правдѣ, о счастьѣ, о честномъ трудѣ и объ участи бѣдныхъ тружениковъ на этомъ свѣтѣ... Покорно склонился онъ передъ своей судьбой, и исканіе лучшаго только и выразилось у него въ этой скорбной—иногда и фальшивой, но всегда берущей за сердце — пѣсни о жалкой бѣдности. Разсказы его—не протестъ противъ общественной неправды, не плодъ мстительнаго раздраженія; въ нихъ нѣтъ желанія отравить вамъ нѣсколько минутъ изображеніемъ житейской неправды и незаслуженныхъ страданій. Напротивъ, въ произведеніяхъ Кокорева есть даже какая-то попытка примиренія, въ нихъ слышится тонъ не допроса и суда, а скорѣе задушевной, грустной исповѣди за себя и за своихъ братьевъ. Но исповѣдь эта наводитъ на васъ тоскливыя думы, и ихъ не разсѣиваетъ даже оптимизмъ автора, нерѣдко выражаемый имъ въ лирическихъ строкахъ, подобныхъ, напр., слѣдующему обращенію къ самовару (въ очеркѣ «Самоваръ»). «Не богаты мы съ тобой, часто стучится къ намъ въ дверь нужда—такъ и объ этомъ нечего тужить. Вонъ, черезъ улицу отъ насъ, яркими огнями горитъ огромный домъ, толпы кружатся въ великолѣпныхъ его залахъ: но искренно ли веселѣе насъ эти улыбающіяся лица, и съ большимъ ли аппетитомъ кушаютъ они чай изъ серебрянаго самовара? Едва ли. А завтра, когда, утомленные добровольными муками, они только-что сомкнутъ глаза, мы будемъ съ тобою уже на ногахъ, и солнышко, не смѣя пробраться за шелковые занавѣсы, первыхъ насъ поздравитъ съ добрымъ утромъ»... Читая подобныя размышленія, вы соглашаетесь съ авторомъ относительно добровольныхъ мукъ; но вы не можете на этомъ успокоиться, потому что очень хорошо знаете, что *добровольныя* муки все-таки несравненно лучше *невольныхъ*... Не даромъ же въ императорскомъ Римѣ считалось большою милостью предоставленіе преступникамъ права избирать себѣ родъ смерти!..

Но отчего же такое горе, такая бѣдность постоянно терзали Кокорева? Вѣдь онъ писалъ, обнаруживалъ дарованіе, любилъ трудиться; неужели не было средства обезпечить его, дать ему возможность жить и развиваться спокойно? Неужели, наконецъ, онъ ничего не получалъ за свои труды? Мы знаемъ столько людей, которые

живутъ литературою, и живутъ безбѣдно: а потребности Кокорева были, безъ сомнѣнія, очень скромны...

Что отвѣтить на эти вопросы? Мы не знали Кокорева, не знали его отношеній къ журналу, въ которомъ онъ участвовалъ, но вотъ выдержка изъ письма одного изъ его знакомыхъ, которое, вскорѣ послѣ его смерти, было напечатано въ «Пантеонѣ» (1855 г. № 5). Читайте и судите.

«Кокоревъ не имѣлъ меценатовъ: ему никто не протягивалъ руки помощи. Въ потѣ лица покупалъ онъ хлѣбъ себѣ и семейству. Онъ работалъ чаще *по заказу*, чѣмъ *по вдохновенію*, чтобы только обезпечить существованіе отца, матери, брата. Кого обвинять? Мы не посмѣемъ произносить никому укора: «дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ». Его старались ввести въ кругъ людей *съ вѣсомъ*, положеніе его, безъ всякаго сомнѣнія, улучшилось бы, но онъ держался мудраго правила: *pour vivre heureux, vivons caché!*

«Я не слыхалъ отъ него никогда ропота, жалобы на горькій жребій; казалось, онъ былъ доволенъ своей судьбой, принималъ видъ веселаго, беззаботнаго, а между тѣмъ, преждевременно-согбенный станъ, быстрая, отрывистая рѣчь доказывали въ высшей степени развивавшуюся дѣятельность нервной системы, результатъ внутренней борьбы, упорной, но сосредоточенной!..

«Пріѣхавъ въ Москву, я продолжалъ попрежнему трудиться для одного единственнаго московскаго журнала. Редакторъ объявилъ мнѣ, что такимъ-то отдѣломъ завѣдываетъ Кокоревъ, поэтому и нѣкоторыя ваши статьи переданы ему. Хотите познакомиться съ нимъ, сходите сами; онъ живетъ на Самотекѣ въ *** переулкѣ, домъ вамъ укажетъ всякій».

«Я былъ душевно радъ познакомиться съ авторомъ «Саввушки», «Кухарки» и многихъ другихъ прекрасныхъ разсказовъ, и отправился.

«Ищу часъ, другой: никто не слыхалъ такой фамиліи. Боже, въ цѣломъ кварталѣ никто не знаетъ человѣка, имя котораго произноситъ съ уваженіемъ по крайней мѣрѣ цѣлая треть читающей Россіи!..

«Какъ ни далеко Дѣвичье Поле, я возвращаюсь туда къ редактору и пускаюсь въ новый путь съ совѣтомъ *справиться въ кварталѣ*... Пройдя по обширному грязному двору, отыскиваю, наконецъ самую уединенную избенку съ двумя окнами, обращенными къ забору, за конюшней, и отворяю двери: копоть и мракъ ужаснули меня... Нѣсколько минутъ я ничего не могъ разглядѣть, задыхаясь отъ плотно сгустившагося воздуха. Когда предметы мало-по-малу яснѣе начали обозначаться, я осмотрѣлся: въ углу, на голомъ деревянномъ канапе, отдыхалъ старикъ, бѣлый какъ лунь. Глухой кашель душилъ его. Приподнимаясь съ усиліемъ, онъ нѣсколько минутъ не могъ сказать ни слова. Я предупредилъ его, прося сохранять свое положеніе. Ясно, — я ошибся: я просилъ извиненія и, прощаясь, спросилъ: не можетъ ли онъ сказать мнѣ, гдѣ живетъ г. Кокоревъ? Въ это время въ двери сосѣдней комнаты высунулась голова какого-то молодого человѣка: онъ вопросительно посмотрѣлъ на меня.

«Я повторилъ мой вопросъ, прибавивъ: Кокорева — писателя, сотрудника «Москвитянина».

«— Въ такомъ случаѣ, я къ вашимъ услугамъ; не угодно ли вамъ войти въ мою комнату»,—продолжалъ онъ, замѣтно смутившись. — Я повиновался. Комната, въ которую я вошелъ, освѣщалась двумя окнами: стулъ, столикъ, заваленный бумагами, кроватка, изъ-подъ которой выглядывали книги и журналы; рядомъ съ чернилами бувалка на столѣ, исправляющая должность отсутствующаго подсвѣчника,—вотъ все, что я нашелъ въ мастерской художника, въ которой столько передумано, перечувствовано, художнически воспроизведено... Какъ много людей, безплодно обременяющихъ землю своимъ жалкимъ существованіемъ, располагаютъ богатыми средствами, не зная ни цѣны, ни прямого назначенія ихъ... а онъ, это благородное существо, возвысившееся надъ опытомъ, который взростилъ его, и силою крѣпкаго самостоятельнаго ума, и прекрасными, хотя тревожными стремленіями сердца!.. Мать — кухарка, отецъ—слабый, больной старикъ, не покидающій постели (вольноотпущенный), братъ—извозчикъ... И не пасть, и самоотверженно, твердо нести крестъ свой, и гордо торжествовать въ борьбѣ съ подвигомъ жизни,—какое вѣское, многоцѣнное слово оставилъ онъ на память о себѣ быту, среди котораго выросъ! Авторъ «Саввушки» не скоро умретъ, принадлежа исторіи литературы.

«Онъ гордо отвергъ многія выгоды жизни, чтобы только сохраниться, и вся жизнь его представляетъ трогательное служеніе искусству, слѣдовательно и обществу.

«Одно меня непріятно поразило въ немъ: онъ стыдился своего положенія: онъ не былъ радъ посѣщенію незнакомца, рѣчь его не была искренняя, онъ былъ въ большомъ смущеніи, и мнѣ было досадно за него.

«Я встрѣчался съ нимъ еще нѣсколько разъ. Не могу забыть одной изъ этихъ встрѣчъ. Редакторъ изданія, для котораго онъ постоянно трудился, уѣзжая за границу, поручилъ ему завѣдываніе редакціей и далъ болѣе 50 руб. сер. Съ какой восторженной радостью летѣлъ онъ домой! Видно, давно, очень давно не видалъ онъ такой суммы!..

«Послѣдняя встрѣча испугала меня: пламя таланта, сосредоточенное, безысходное страданіе пожирали нѣжную организацію: онъ угасалъ замѣтно. Труды огромные истощали всѣ его силы, убивали здоровье—и за все его не вознаграждали даже, какъ поденщика! Люди промышленные пользовались его страстью къ литературѣ и крайностью положенія.

«А между тѣмъ, мы знаемъ, что въ Москвѣ каждый талантъ, каждое предпріятіе, основанное на истинной пользѣ, найдутъ благородное сочувствіе, привѣтъ. Приведемъ по этому случаю слова одного изъ важнѣйшихъ московскихъ ученыхъ, г. Погодина. «Молодые люди, желающіе трудиться на поприщѣ науки! Сносите терпѣливо всѣ неудачи, не охлаждайтесь никакими отказами, не приходите въ отчаяніе отъ препятствій... А вы, отъ которыхъ зависитъ... Но лучше я обращусь къ себѣ, ибо я самъ занялъ подобное мѣсто... Я произношу здѣсь обѣтъ — содѣйствовать всѣми силами ученымъ предначертаніямъ, возбуждать ихъ къ общеполезной дѣятельности искренними совѣтами, ободрять ихъ ласковыми пріемами, оживлять пріятными надеждами въ началѣ, доставлять нужную помощь въ продолженіе, употреблять всѣ зависящія отъ меня средства передъ начальствомъ и публикою при окончаніи ихъ трудовъ, чтобы дѣлались эти труды извѣстными, доставляя имъ честь и выгоду», и пр., и проч. («Москвитянинъ» № 4, за 1855 г., стр. 86). Вѣроятно, подобныя надежды и обѣщанія поддерживали и Кокорева.

«Вскорѣ онъ умеръ въ госпиталѣ, въ жестокой нервной горячкѣ».

Такъ вотъ въ какихъ отношеніяхъ находился Кокоревъ къ издателю журнала,

въ которомъ былъ постояннымъ сотрудникомъ... Однако, что онъ дѣлалъ въ журналѣ? Стало быть, не одни очерки и разсказы сочинялъ онъ; стало быть, издатель умѣлъ извлечь и другую пользу изъ его дарованія и трудолюбія? Конечно, умѣлъ: доказательство—въ изданныхъ нынѣ сочиненіяхъ Кокорева. Половина второй и почти половина третьей части ихъ заняты журнальными статьями, написанными, очевидно, по заказу, натянутыми, напряженными, отличающимися какой-то несвойственной Кокореву размашистостью, неловкимъ умничаньемъ и претензіями. Нѣсколько лѣтъ поставлялъ онъ для «Москвитянина» рецензіи глупыхъ книжонокъ для «Библіографіи» и мелкія статейки для «Смѣси». Теперь онѣ всѣ собраны и изданы усердіемъ г. Дементьева, — и Боже мой! чего тутъ нѣтъ, до чего была доведена эта свѣжая, поэтическая натура, на что растрачивался этотъ оригинальный талантъ!.. Вотъ разборъ «Хиромантіи дѣвицы Ленорманъ», вотъ рецензія «Стряпухи», вотъ двѣ страницы о «Новомъ способѣ истребленія клоповъ и таракановъ», вотъ «Воззваніе къ крысоистребителямъ», вотъ статейка, критикующая слогъ объявленія тифлисскаго моднаго магазина, замѣтка «о мази отъ паденія волосъ», о поддѣлкѣ подъ вдову Клико, о новой мужикъ-полькѣ, и пр., и пр. Какой талантъ, какая поэзія можетъ сохраниться въ человѣкѣ, принужденномъ убиваться надъ такими предметами?.. Никто изъ читавшихъ «Москвитянинъ» и любовавшихся разсказами Кокорева не предполагалъ, конечно, что этотъ же самый человѣкъ, тутъ же черезъ нѣсколько страницъ смастерилъ какія-нибудь замѣтки о парикмахерскомъ объявленіи, о новомъ полнѣйшемъ оракулѣ, о шрифтѣ визитныхъ карточекъ, и т. п. Грустно перебирать эти замѣтки въ собраніи сочиненій Кокорева, грустно за него и горько на тѣхъ, кто его довелъ до такихъ занятій. Они не мало повредили развитію его таланта. Когда мы пересматривали «Рецензіи» и «Смѣсь» Кокорева, насъ все преслѣдовали слова одного дюжиннаго живописца, выведеннаго самимъ же Кокоревымъ въ разсказѣ «Сибирка»: «Правду сказать, не хвастая,—если бы не городская работа, гдѣ пиши одно и то же, по извѣстной мѣркѣ, да клади побольше яркихъ красокъ, чтобы не даромъ платить деньги, какъ толкуютъ покупщики; если бы не это вѣчное малярство, да не нужда, которая часто заставляетъ работать на скорую руку, съ грѣхомъ пополамъ,—можно бы написать не хуже людей, хоть въ академію».

Можетъ быть, многіе изъ чернорабочихъ тружениковъ, ничего не имѣющихъ въ жизни, кромѣ своего труда, оказались бы *не хуже людей*, если бы нужда не заставляла ихъ работать на скорую руку. Но имъ некого винить, кромѣ судьбы, если трудъ ихъ по крайней мѣрѣ оплачивается, какъ слѣдуетъ, и если ихъ не вынуждаютъ къ работѣ, противной ихъ наклонностямъ. Кокореву не дано было и этихъ ничтожныхъ льготъ, и за него общество могло бы спросить отчета еще у кого-нибудь, кромѣ слѣпой и неразумной судьбы... Люди, эксплоатировавшіе его, загубили его талантъ и самую жизнь. Въ коротенькомъ предисловіи къ изданію его сочиненій мы находимъ, между прочимъ, грустное извѣстіе, что «Кокоревъ умеръ въ молодыхъ годахъ жертвою неправильной жизни, къ которой привыкъ рано, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ». Что это были за обстоятельства, мы, вѣроятно, узнаемъ подробнѣе изъ его біографіи, которую г. Дементьевъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени.

---

271. Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ разсказанная.

Новое изданіе *Григорія Книжника*. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 265.

М. Л.

Въ прошломъ году одна газета [1]) увлекалась патріотическимъ негодованіемъ по поводу энтузіазма русской публики къ миссъ Юліи Пастранѣ. «Вотъ,—говоритъ,—поверхностные космополиты, въ своемъ близорукомъ верхоглядствѣ полагаютъ, что такіе уроды, какъ Юлія Пастрана, не могутъ родиться въ Россіи, а непремѣнно должны привозиться изъ-за границы. Неправда,—говоритъ, — они полагаютъ такъ потому,

[1]) «Сынъ Отечества».

что не знаютъ Россіи, не присматриваются къ ея явленіямъ... Да уже если на то пошло,— говоритъ,—такъ у насъ этакіе уроды вовсе не рѣдкость»... И въ доказательство своихъ словъ патріотически-задорная газета поставила, рядомъ съ портретомъ миссъ Пастраны, портретъ какой-то русской женщины въ бородою...

Тотъ же самый патріотизмъ, только вывороченный совершенно наизнанку, мы встрѣтили недавно въ одномъ печатномъ сужденіи о Ванькѣ Каинѣ. На этотъ разъ патріотизмъ разыгрался по поводу заглавія книги о Каинѣ. Въ старинныхъ изданіяхъ она озаглавливается такимъ образомъ: «Жизнь и похожденія *Россійскаю Картуша*, именуемаго Каина». Вотъ по этому-то случаю неизвѣстный патріотъ и разсуждаетъ: «къ сожалѣнію, — говоритъ, — французскій мошенникъ имѣлъ у насъ больше популярности, чѣмъ свой доморощенный, и вотъ, въ заглавіи книги, чтобы дать ей болѣе хода, выставили имя Картуша. Но въ сущности, — говоритъ, — сходства между ними мало: тотъ былъ,—говоритъ,—и образованный, и убійства дѣлалъ, и казненъ былъ; а нашъ едва грамотѣ зналъ, не убивалъ никого, и наказаніе его смягчено было... такъ что,— говоритъ, — нашъ Каинъ совершенно самъ по себѣ, и только неосновательное и легкомысленное пристрастіе къ французамъ могло заставить приравнять его къ Картушу». Порадовались мы такому развитію патріотизма въ нашемъ отечествѣ и чуть-чуть не пожалѣли: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, Ванька Каинъ не совершилъ дѣяній, которыя бы пріобрѣли ему популярность еще бо̀льшую, нежели какую стяжалъ себѣ Картушъ?

Но отъ патріотическихъ радостей и сожалѣній должны были мы перейти къ разсмотрѣнію книжки, изданной Григоріемъ Книжникомъ. Въ книжкѣ этой не безъ огорченія усмотрѣли мы, что дѣйствительно Ванька Каинъ въ подметки не годится Картушу, и это убѣжденіе навело насъ на мысль, что, можетъ быть, прозваніе *Россійскаю Картуша* придано ему даже вовсе не изъ легкомысленнаго подражанія французамъ, а просто для пущей важности, въ томъ родѣ, какъ если бы его назвали, напримѣръ, новѣйшимъ Соловьемъ-Разбойникомъ или вторымъ Стенькою Разинымъ... Дѣло въ томъ, видите ли, что Каинъ былъ плутъ весьма мелкой руки, и въ наши времена его мигомъ скрутила бы полиція. Да и тогда его ловили безпрестанно, и онъ спасался не хитрыми штуками или отчаянной храбростью, а просто тѣмъ, что выдавалъ своихъ товарищей и самъ напрашивался въ сыщики. Его схватили на воровствѣ, а онъ «*слово и дѣло*» закричалъ, вслѣдствіе чего отосланъ былъ въ тайную канцелярію, оговорилъ помѣщика своего и «въ скоромъ времени получилъ отъ оной тайной канцеляріи для житья вольное письмо» (стр. 9), съ которымъ опять принялся за воровство. Въ другой разъ попался онъ — и подъячему посулилъ взятку; вслѣдствіе чего опять былъ отпущенъ и получилъ паспортъ на два года (стр. 27). Въ третій разъ избавился онъ посредствомъ подкупа «стоящаго на караулѣ въ полиціи вахмистра» (стр. 32). Наконецъ, онъ сталъ уже мошенничать по Москвѣ полной рукой, послѣ того, какъ въ сенатѣ объявилъ, что онъ «воръ и знаетъ другихъ воровъ и разбойниковъ—не только на Москвѣ, но и въ другихъ городахъ». Тогда онъ во всемъ прощенъ былъ «и при томъ приказано ему было, чтобъ старался такихъ людей воровъ впредь сыскивать, и для того сыску данъ ему былъ отъ сената указъ, и опредѣлена была для вспоможенія команда» (стр. 48). Тутъ ужъ ему опасаться было нечего: знай себѣ мошенничай, сколько душа желаетъ... Въ то время еще полицейское управленіе было не развито. Въ настоящее время (когда поднято столько общественныхъ вопросовъ, и когда о полиціи сказано столько теплыхъ словъ) не можетъ, конечно, повториться подобное явленіе,—ибо всѣ понимаютъ, что нельзя оправдать вора за то, что онъ обвинитъ другихъ воровъ; всѣ знаютъ, что вору и мошеннику не слѣдуетъ поручать преслѣдованія воровства и мошенничества; взятки, въ настоящее время, сдѣлались рѣдкимъ исключеніемъ, о которомъ, какъ о неслыханной диковинкѣ, публикуютъ въ газетахъ *для предостереженія*... Ясно, что, живи Ванька Каинъ *въ настоящее время*, его первый будочникъ обратилъ бы на путь добродѣтели, лишивши всякой возможности мошенничать. А въ старину извѣстное дѣло, этакимъ мелкимъ плутишкамъ было сполагоря: гласности не было; не обличалъ ихъ никто... такъ чего же вы тутъ хотите?.. А теперь... да теперь стоило бы только Ванькѣ Каину сходить въ александринскій театръ да посмотрѣть на станового Фролова, добродѣтельно расшаркивающагося передъ генераломъ, или послушать, какъ комильфотный Надимовъ оретъ объ искорененіи зла съ корнями... Тутъ, какой хочешь будь мошенникъ, а душа въ пятки уйдетъ, и отпадетъ всякая охота предлагать взятки мелкимъ чиновникамъ... Да, ужъ теперь не то, что было прежде: такіе мелкіе воришки, какъ Ванька Каинъ, успѣха имѣть ужъ не могутъ... Общество не такъ ужъ низко стоитъ: подымай выше.

Впрочемъ, что намъ до общественныхъ вопросовъ? Насъ ждутъ интересы гораздо

болѣе важные. Исторія Ваньки Каина издана Григоріемъ Книжникомъ, слѣдовательно, въ ней нужно искать интереса библіографическаго. Незнакомые съ библіографіею, мы просили одного изъ друзей нашихъ, непризнаннаго, но страстнаго библіографа, разсмотрѣть изданіе Григорія Книжника съ библіографической и историко-литературной точки зрѣнія. Другъ нашъ объявилъ намъ, что «Жизнь Ваньки Каина» представляетъ чрезвычайно важное пособіе для исторіи литературы и особенно для объясненія сочиненій князя Антіоха Кантемира. Мы приведены были въ нѣкоторое изумленіе; но библіографическій другъ нашъ не замедлилъ представить доказательства.

Въ первой сатирѣ Кантемира,—началъ библіографъ,—говорится о Медорѣ, который полагаетъ, что (стихъ 112-й)

«Рексу, не Цицерону похвала достоитъ».

Кто такой *Рексъ*, въ исторіи литературы свѣдѣній доселѣ не было. Только въ изданіи Кантемира 1762 г. (которое нынѣ очень рѣдко; оно есть у меня), къ означенному стиху сдѣлано примѣчаніе: «Рексъ былъ славный портной въ Москвѣ, родомъ нѣмчинъ, а Маркъ Туллій Цицеронъ былъ сынъ римскаго дворянина, изъ поколѣнія Тита Тація, короля сабинскаго» [1]). Нынѣ примѣчаніе это подтверждено однимъ мѣстомъ въ «Жизни Ваньки Каина». Въ ней сказано: «пошли въ ту же Нѣмецкую Слободу, къ дворцовому закройщику Рексу» [2]). Изъ этого видно, что дѣйствительно Рексъ былъ портной и, по всей вѣроятности, нѣмецъ, ибо жилъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Конечно, тамъ могъ жить и русскій человѣкъ; но, по свидѣтельству г. Устрялова [3]), въ Нѣмецкой Слободѣ издавна «поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй», и во времена Кантемира населеніе было, конечно, по преимуществу иноземное. Кромѣ того,—въ «Жизни Ваньки Каина», на той же страницѣ есть еще черта, бросающая нѣкоторый свѣтъ на жизнь и характеръ Рекса. «Какъ настала ночь,—говорится здѣсь,—то тотъ Рексъ и живущіе съ нимъ въ домѣ одержимы были сномъ» [1]). Отсюда ясно: 1) что Рексъ жилъ не одинъ въ домѣ, и 2) что онъ имѣлъ мирныя наклонности, ибо по ночамъ спалъ, а не кутилъ. Такимъ образомъ, предъ нами нѣсколько разъясняется лицо, имѣющее свою долю значенія въ исторіи русской литературы.

Далѣе: во второй сатирѣ Кантемира есть стихи [2]):

«Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична)».

Въ «Жизни Ваньки Каина» разсказывается обстоятельство, подтверждающее слова Кантемира. Такъ [3]) говорится, что однажды Каинъ съ товарищами не могли утащить всѣхъ покраденныхъ вещей, разбросали ихъ въ грязи, на Чернышевомъ дворѣ, и затѣмъ привезли одну знакомую бабу, какъ будто бы барыню, которая заставила ихъ эти вещи собирать и домой отвезти. Здѣсь, между прочимъ, замѣчено: «во то же время, чтобы проѣзжающіе мимо насъ люди дознаться не могли, то рѣченная барыня бранила насъ и била по щекамъ, говоря притомъ: «что де вамъ дома смотрѣть было не можно ли, все ли цѣло» [4]). Что это черта нравовъ не вымышлена, видно изъ того, что она подтверждается многими мѣстами изъ сочиненій нашихъ писателей прошлаго вѣка. Такъ, въ «Недорослѣ» Скотининъ спрашиваетъ: «да развѣ дворянинъ не воленъ поколотить слугу своего, когда захочетъ»? [5]) Такъ, въ «Живописцѣ»...

Но на «Живописцѣ» мы прервали нашего библіографическаго друга, зная, что если ужъ онъ попадетъ на сатирическіе журналы прошлаго вѣка, то отъ него три дня не отдѣлаешься... Читатели, впрочемъ, не лишаются надежды увидѣть его изысканія: онъ обѣщалъ уже намъ сочинить библіографическій трактатъ по поводу новаго изданія Григорія Книжника.

---

[1]) Сат. и др. стих. сочиненія князя Ант. Кантемира. Спб. 1762 г., стр. 9. *Прим. Д.*
[2]) См. «Жизнь В. К.», стр. 11. *Прим. Д.*
[3]) См. «Ист. Петра Вел.», т. II, стр. 107. *Прим. Д.*

[1]) См. «Ж. В. К.», стр. 11—12. *Прим. Д.*
[2]) См. стихъ 290, слѣд. въ изд. 1752 г. стр. 32. *Прим. Д.*
[3]) «Ж. В. К.», стр. 15. *Прим. Д.*
[4]) «Ж. В. К.», стр. 16. *Прим. Д.*
[5]) Соч. Фонъ-Визина, изд. 1852 г., стр. 181. *Прим. Д.*

272. Отчетъ С.-Петербургскаго Университета за 1858 годъ.

Напечатано вмѣстѣ съ № 265.
М. Л.

8 февраля происходилъ годичный актъ Петербургскаго университета. На немъ прочтенъ былъ отчетъ университета за прошлый годъ, составленный ректоромъ его П. А. Плетневымъ. Въ нынѣшнемъ году исполнилось сорокъ лѣтъ существованія университета, и это подало поводъ почтенному составителю отчета бросить бѣглый взглядъ на прошедшую жизнь этого заведенія. Взглядъ этотъ приводитъ автора къ мысли, что и здѣсь отражается общій законъ, по которому все, преобладающее въ обществѣ, отражается и на характерѣ и дѣятельности университета. «Иначе и быть не можетъ, замѣчаетъ онъ: частица массы, размѣщающаяся въ опредѣленные часы по аудиторіямъ, сочувствуетъ духу и направленію цѣлаго. Эта всесильная жизнь, обнимающая современное общество, каждаго изъ насъ проникаетъ своимъ дыханіемъ». Замѣчаніе это, — къ несомнѣнному удовольствію всякаго, истинно любящаго жизнь науки, — въ значительной степени примѣняется ко всѣмъ нашимъ учебнымъ заведеніямъ, а въ числѣ ихъ и къ петербургскому университету. Въ самомъ дѣлѣ — сочувствіе общественнымъ интересамъ и живое общеніе съ ними одни только и могутъ придать наукѣ истинную полезность и сдѣлать ее интересною и нужною для общества. Пока она плаваетъ въ отвлеченностяхъ, погружается въ схоластику, растрачивается въ безплодной діалектикѣ, до тѣхъ поръ она и не имѣетъ права требовать, чтобы общество интересовалось ею. Къ счастію, у насъ большая часть учебныхъ заведеній вышла уже изъ этого мертваго состоянія, и уже очень рѣдки такіе наставники и начальники училищъ, которые бы вздумали защищать *застой* и *отчужденіе* науки отъ общества. И конечно ужъ не въ числѣ людей, знакомыхъ съ университетомъ, могутъ попасться такіе неразумные консерваторы и аскеты схоластики....

При пробужденіи общаго стремленія къ образованію Петербургскій университетъ также расширилъ въ послѣднее время кругъ своей дѣятельности. По Высочайшему разрѣшенію онъ отправилъ уже нѣсколькихъ молодыхъ ученыхъ за границу; профессора читали публичныя лекціи; число слушателей въ самомъ университетѣ увеличилось. Такъ теперь находятся за границею: магистръ русской словесности—*Пыпинъ* и кандидатъ естественныхъ наукъ—*Гофманъ*, «*для продолженія своихъ ученыхъ трудовъ*». Кромѣ того, въ маѣ 1858 г. отправился за границу адъюнктъ по каѳедрѣ русской словесности въ университетѣ—Сухомлиновъ, «который съ тѣхъ поръ *занимается пріобрѣтеніемъ необходимыхъ для него новыхъ знаній*». Публичныя лекціи, устроенныя Торговымъ домомъ Струговщикова, Пахитонова и Водова, — читали профессора Ценковскій и Ленцъ. Кромѣ того, въ пользу бѣдныхъ студентовъ читали лекціи профессора Никитенко и Стасюлевичъ, о которыхъ уже было говорено въ нашемъ журналѣ. Число слушателей въ университетѣ увеличилось *до тысячи*, такъ что, по замѣчанію отчета, петербургскій университетъ сравнялся въ этомъ отношеніи съ московскимъ. Въ Москвѣ считается до 2.000 студентовъ; но изъ нихъ половина должна быть отдѣлена на медицинскій факультетъ, котораго здѣсь не существуетъ. Увеличеніе числа желающихъ поступить въ университетъ дало возможность начальству быть болѣе разборчивымъ и строгимъ при пріемныхъ экзаменахъ. При началѣ нынѣшняго академическаго года цѣлая *треть* изъ общаго числа желавшихъ поступить въ университетъ не была принята. Зато при окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ 1858 г. *двѣ трети* кончившихъ курсъ получили степень кандидата.

Въ заключеніе приведемъ одинъ фактъ, свидѣтельствующій о новомъ проявленіи стремленія къ университетскому образованію, въ одномъ изъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Вотъ слова отчета:

«Въ память заключеннаго генералъ-адъютантомъ *графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ* Айгунскаго трактата 16 мая 1858 года, тамошнее купечество между прочимъ положило: «Воспитывать на свой «счетъ пятнадцать лѣтъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по факультету восточныхъ языковъ, двухъ лучшихъ учениковъ, «кончившихъ полный курсъ въ Иркутской «губернской гимназіи и изъявившихъ на то «полное согласіе, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) воспитанники именуются пансіонерами графа Николая Муравьева-Амурскаго; 2) они отправляются изъ гимназіи въ университетъ черезъ каждыя пять лѣтъ по два; 3) въ

воспитанники избираются изъявившіе согласіе, лучшіе ученики гимназіи, отличающіеся какъ способностями, такъ и поведеніемъ, безъ различія ихъ происхожденія, племени и вѣроисповѣданія: кромѣ этого, выборъ воспитанниковъ предоставляется также личному усмотрѣнію его сіятельства графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго; 4) при избраніи въ число пансіонеровъ, отдается, при исчисленныхъ условіяхъ, преимущество неимущему предъ имущимъ; 5) воспитанники, отправляемые въ С.-Петербургъ, будутъ преимущественно изучать китайскій и манчжурскій языки, а также одинъ изъ иностранныхъ языковъ, по выбору, англійскій или французскій, преимущественно же первый; 6) въ случаѣ смерти пансіонера, или другихъ причинъ, не дозволившихъ съ успѣхомъ окончить университетскій курсъ, факультетъ восточныхъ языковъ избираетъ изъ студентовъ китайско-манчжурскаго разряда одного изъ способнѣйшихъ и изъявившихъ согласіе и зачисляетъ его вмѣсто выбывшаго, съ обязательствомъ принять всѣ условія, постановленныя для пансіонеровъ графа Николая Муравьева-Амурскаго; 7) если бы на мѣсто выбывшаго пансіонера, по какому-либо случаю, не нашлось кандидата, то совѣтъ университета относится чрезъ генералъ-губернатора Восточной Сибири въ Иркутскую гимназію, которая избираетъ одного воспитанника изъ кончившихъ гимназическій курсъ учениковъ и отправляетъ его въ университетъ; 8) по окончаніи полнаго пятилѣтняго университетскаго курса и полученіи ученой степени, пансіонеры обязаны прослужить не менѣе четырехъ лѣтъ, по назначенію правительства, на Амурѣ, или въ другихъ мѣстахъ, для сношеній съ Манчжуріею, или Китаемъ; наконецъ 9) необходимая на содержаніе пансіонеровъ сумма должна быть опредѣлена совѣтомъ С.-Петербургскаго университета, и будетъ уплачиваться кяхтинскимъ купечествомъ ежегодно».

---

273. Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ 17 декабря 1858 г.

Москва.

Напечатано въ IV кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 27 марта) съ подписью: «Д—въ». См. № 262.

М. Л.

Въ книжкѣ, заглавіе которой мы выписали, напечатаны: 1) рѣчь преподавателя географіи А. П. Телѣгина о значеніи географіи и преподаваніи ея въ Московской практической академіи; 2) о воспитаніи въ Московской практической академіи, рѣчь и отчетъ инспектора заведенія, профессора Модеста Киттары; 3) отчетъ за 1858 г., перечисленія лицъ, принадлежащихъ къ академіи, членовъ совѣта, преподавателей и наконецъ воспитанниковъ, получившихъ награды.

Въ общепедагогическомъ отношеніи всего болѣе интересенъ отчетъ профессора Киттары, и мы разсмотримъ его нѣсколько подробнѣе. Къ этому побуждаетъ насъ, во-первыхъ, то, что «отчетъ» представляетъ нѣсколько матеріаловъ для разрѣшенія важнаго вопроса объ отношеніи спеціальнаго образованія къ общему, до сихъ поръ еще возбуждающаго у насъ разнорѣчивые толки; во-вторыхъ, то, что имя профессора Киттары пользуется у насъ репутаціею, не позволяющею пропускать безъ вниманія мнѣнія почтеннаго профессора.

Общее впечатлѣніе рѣчи г. Киттары состоитъ въ томъ, что въ практической академіи *все прекрасно*. Безпрестанно попадаются у г. Киттары фразы: «у насъ дѣлается все, что можно», «цѣль нравственнаго воспитанія у насъ достигается вполнѣ», «нужда въ поправкахъ у насъ не часта», и пр. Въ заключеніе отчета г. Киттары говоритъ даже вообще: «вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и *которую измѣнять нѣтъ надобности*. Относительно нѣкоторыхъ частностей только признаетъ г. Киттары не вполнѣ достаточнымъ положеніе академіи; но и тутъ прибавляетъ, что многому уже положено начало, «благодаря теплому сочувствію и одобренію высказанныхъ выше (г-мъ Киттары) убѣжденій—господина попечителя академіи, его сіятельства графа

Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любителей коммерческихъ знаній» (стр. 29).

Мы не имѣемъ причинъ не вѣрить г-ну Киттары во всѣхъ его похвалахъ академіи и тѣмъ мѣрамъ, какія онъ приметъ для ея процвѣтанія. Но мы не знаемъ, какъ примирить съ этимъ слѣдующія признанія почтеннаго профессора, на 12 стр. отчета. Говоря о средствахъ воспитанія, употребляемыхъ имъ въ академіи, онъ замѣчаетъ, что «многія изъ нихъ вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, но обусловлены временной необходимостью». Затѣмъ онъ дѣлаетъ такое признаніе: «можетъ быть, и самый взглядъ мой на основныя идеи воспитанія не совсѣмъ выработанъ, и дѣйствительно я долженъ сознаться, что, пользуясь всѣмъ, что̀ находится въ моемъ распоряженіи, въ дѣлѣ воспитанія я самъ еще учащійся» [1]). Можетъ быть это признаніе сдѣлано только для красоты слога; въ такомъ случаѣ мы замѣтимъ только, что для красоты слога не слѣдуетъ жертвовать истиною фактовъ. Но если слова г. Киттары сказаны искренно, то нельзя не подивиться, какъ смиренное сознаніе своего недостоинства примиряется у г. Киттары съ диѳирамбическимъ, наивно-самодовольнымъ тономъ, которымъ проникнута вся его рѣчь.

Диѳирамбически-самодовольный тонъ вообще непріятно поражаетъ насъ тамъ, гдѣ мы ожидаемъ отчета человѣка о его дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе пріятности доставляетъ намъ такой тонъ въ изложеніи офиціальныхъ данныхъ. Приведемъ примѣръ. Никому не показалось бы страннымъ, еслибъ г. Киттары, описывая внутреннюю жизнь заведенія, скромно упомянулъ, что въ немъ соблюдаются постные дни и что воспитанники поютъ на клиросѣ. Но г. Киттары, говоря объ этомъ, впадаетъ въ тонъ, очень далекій отъ скромнаго изложенія факта; онъ какъ будто хвалится тѣмъ, чѣмъ, собственно говоря, не должно хвалиться. Вотъ его слова (стр. 4—5):

«Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ Законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушается всенощная и обѣдня въ дни праздничные, сопровождаемыя пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя Закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, издавна введеннымъ въ заведеніи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, набожными и религіозными по наружности только».

Опытъ многихъ годовъ и многихъ сотенъ отчетовъ уже доказалъ, что всѣ подобныя *обѣщанія и смѣлыя засвидѣтельствованія* употребляются только въ качествѣ офиціальныхъ реторическихъ троповъ. Зачѣмъ г. Киттары увлекся въ этомъ случаѣ рутиной? Кромѣ нея, нечѣмъ объяснить странно-восторженный тонъ его рѣчи.

Увлеченію рутиной приписываемъ мы и то обстоятельство, что почтенный профессоръ очень мало обращаетъ вниманія на значеніе *общаго* образованія въ кругѣ спеціальныхъ знаній. Онъ съ удовольствіемъ выставляетъ тотъ фактъ, что въ послѣднее время увеличилось количество дѣтей, съ малыхъ лѣтъ отдаваемыхъ родителями въ Практическую академію. Удовольствіе это очень понятно въ г. Киттары, какъ инспекторѣ академіи; но оно могло быть и не столь безусловнымъ, какъ это выразилось въ отчетѣ. Г. Киттары могъ допустить въ своей рѣчи хоть какую-нибудь оговорку въ пользу общаго образованія и открытыхъ учебныхъ заведеній, и это нисколько не повредило бы достоинству его, какъ инспектора академіи. Дѣло въ томъ, что Практическая Московская академія, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, все-таки есть заведеніе спеціальное и *закрытое*, и потому неизбѣжно имѣетъ общіе всѣмъ такимъ заведеніямъ недостатки. Съ раннихъ лѣтъ дитя отчуждается отъ семьи и запирается на восемь лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ; съ раннихъ лѣтъ оно связывается въ своемъ самостоятельномъ развитіи подчиненіемъ однообразной формѣ и условной дисциплинѣ, принятой въ училищѣ; съ раннихъ лѣтъ оно обрекается на одну спеціальность, къ которой можетъ-быть не имѣетъ ни малѣйшей склонности и способности. Обо всѣхъ этихъ неудобствахъ много было уже писано у насъ, и потому мы не станемъ о нихъ распространяться; замѣтимъ только, что они неразрывно связаны съ самой сущностью спеціальныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, и потому не могутъ быть устранены никакими частными отмѣнами и улучшеніями. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Практической академіи, находящейся подъ руководствомъ г. Киттары, недостатки

---

[1]) Къ сожалѣнію, такихъ учащихся, какъ г. Киттары, у насъ очень много; но не всѣ такъ скромны, чтобъ признаться: я взялся за дѣло, мнѣ незнакомое.—*Ред. «Жур. для Воспит».*

эти не могли быть уничтожены. Для нихъ могли быть какія-нибудь болѣе или менѣе дѣйствительныя противоядія; но о нихъ-то именно г. Киттары и говоритъ всего менѣе. Напротивъ, все содержаніе отчета указываетъ на то, что они существуютъ въ заведеніи въ значительной степени.

Не говоримъ уже объ отчужденіи отъ семьи: оно обусловливается самымъ понятіемъ *о закрытомъ* заведеніи; упомянемъ только о томъ, что въ числѣ наказаній, употребляемыхъ въ академіи, г. Киттары называетъ между прочимъ *лишеніе отпуска* къ роднымъ и знакомымъ, бывающаго еженедѣльно. Мы не знаемъ, какъ думаютъ объ этомъ другіе, и очень бы желали, чтобъ болѣе разъяснился этотъ вопросъ, очень важный въ жизни закрытыхъ учебныхъ заведеній. Наказанія въ школѣ должны имѣть въ виду исправленіе воспитанника, а лишеніе отпуска, по нашему мнѣнію, вовсе не исправительное средство и при малѣйшей неразборчивости въ его употребленіи дѣлается крайне вреднымъ. Если воспитанникъ привязанъ къ своимъ роднымъ, любитъ ихъ, то лишать его свиданія съ ними значитъ жестоко играть душою ребенка, привязанностями его, самыми святыми его чувствами. Если же онъ не чувствуетъ особенной любви къ своей семьѣ, тогда наказаніе это не достигаетъ цѣли, т.-е. не возбуждаетъ въ ребенкѣ серьезнаго раскаянія въ проступкѣ, за который онъ наказанъ, и — что̀ еще гораздо важнѣе—отчуждаетъ его еще болѣе отъ дома. Правда, оставаясь безъ отпуска, онъ лишенъ свободы, лишенъ возможности пользоваться удовольствіями, которыя могъ бы найти внѣ заведенія. Но и это дѣйствуетъ на ребенка слишкомъ слабо. Всякій, кто воспитывался самъ въ казенномъ заведеніи, можетъ припомнить, какія веселыя, шумныя, бѣшеныя шалости придумывались и совершались обыкновенно мальчиками, оставленными на праздникъ въ заведеніи безъ отпуска. Тутъ-то преимущественно и портятся дѣти; даже самый скромный мальчикъ, разъ оставленный за что-нибудь въ обществѣ шалуновъ, уже привычныхъ къ такому наказанію, всегда увлекается и принимается вмѣстѣ съ ними за шалости, часто не совсѣмъ невинныя. И этимъ-то вознаграждается то доброе внушеніе, взысканіе, наставленіе, которое воспитанникъ могъ бы найти въ своемъ семействѣ, если бы начальство заведенія, отпуская воспитанника домой, просто потрудилось сообщить его поступки на разсмотрѣніе родныхъ его! Отчего не имѣть довѣрія къ ихъ благоразумію, отчего не предположить, что они сами сумѣютъ взыскать съ мальчика за проступокъ, а между тѣмъ онъ все-таки не будетъ лишенъ освѣжающаго и примиряющаго вліянія семейной жизни. Намъ кажется, что можно лишать дѣтей отпуска только въ двухъ случаяхъ: 1) когда сами родные этого требуютъ; 2) когда семья, въ которую воспитанникъ отпускается, постоянно оказываетъ на него положительно вредное вліяніе.

Но есть дѣти изъ воспитывающихся въ закрытомъ заведеніи, которымъ и ходить вовсе некуда. О нихъ высказываетъ г. Киттары опасеніе, чтобы они не подверглись *ипохондріи*. Опасеніе, конечно, довольно отдаленное; но г. Киттары считаетъ своимъ долгомъ принять мѣры и противъ него. Для этого въ заведеніи выписывается 77 (дѣйствительно 77) періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, даются воспитанникамъ книжки, картинки и проч., даются музыкальные вечера, домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, посѣщаются театры, предпринимаются экскурсіи. Все это очень хорошо, исключая домашнихъ театровъ, относительно которыхъ г. Киттары расходится во мнѣніи съ г. Пироговымъ [1]). Кромѣ того мы замѣтимъ здѣсь: отчего г. Киттары въ числѣ прочихъ развлеченій не упомянулъ о посѣщеніи воспитанниками академіи музеевъ, мастерскихъ, фабрикъ и т. п. Или этихъ посѣщеній не дѣлается? А они были бы очень полезны для будущихъ фабрикантовъ и торговцевъ,— едва ли даже не полезнѣе, чѣмъ чтеніе семидесяти семи журналовъ и газетъ.

Относительно обученія мы прежде всего замѣтимъ, какъ однообразная форма проявляется даже въ самомъ распредѣленіи классовъ. Здравая педагогика требуетъ, чтобы не только содержаніе обученія, но и самые сроки занятій строго соображены были съ возрастомъ учащихся; они могутъ увеличиваться постепенно, соотвѣтственно прибавленію силъ у воспитанниковъ, между тѣмъ въ практической академіи мы видимъ одинаковые уроки—часъ съ четвертью—для всѣхъ классовъ. Самое число уроковъ (по пяти въ день, 30 въ недѣлю) одинаково для всѣхъ классовъ, а въ первомъ — какъ-то выходитъ даже 33, т.-е. въ иные дни по шести уроковъ. И большая часть ихъ (т.-е. 20 уроковъ въ недѣлю) употребляются на французскій и нѣмецкій языки, изученіе которыхъ начинается *вдругъ* и въ одно время съ первыми упражненіями въ русскомъ языкѣ, на который удѣлено только 4 класса. Между тѣмъ на первой степени обученія, для дѣтей отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ,

---

[1]) См. статью «Быть и казаться» въ «Ж. для Восп.», т. III, стр. 254. *Прим. Д.*

русскій языкъ вмѣстѣ съ *наилядным обученіемъ* долженъ бы былъ составлять самый главный предметъ. Всестороннимъ разсматриваніемъ различныхъ предметовъ природы и искусства, описаніемъ ихъ свойствъ и употребленія, чтеніемъ интересныхъ разсказовъ и живою бесѣдою о читанномъ, упражненіемъ въ связной рѣчи (устной и письменной) на родномъ языкѣ,—вотъ чѣмъ нужно занимать большую часть времени дѣтей въ этомъ возрастѣ; а въ практической академіи они двѣ трети своего времени тратятъ на «чтеніе, письмо и практическія упражненія во французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ». Во второмъ классѣ къ нему прибавляется еще и англійскій. Этотъ уже преподается по ученой теоретической методѣ, потому что, по словамъ г. Киттары, академія «не имѣла еще до сихъ поръ возможности ввести *практическое изученіе* труднаго англійскаго языка, подобно языкамъ французскому и нѣмецкому» (стр. 23). Отчего же такая невозможность? Неужели практическаго преподавателя по всей Москвѣ не отыскалось? Въ такомъ случаѣ можно бы его откуда-нибудь выписать, употребивши на это хоть, напр., часть той суммы, которая идетъ на выписку семидесяти семи періодическихъ изданій. При хорошемъ преподавателѣ англійскій языкъ, можетъ быть, показался бы даже не столь труднымъ, какъ онъ теперь кажется почтенному профессору, Богъ знаетъ почему считающему его труднѣе нѣмецкаго и французскаго.

Вообще мы не могли понять, почему г. Киттары полагаетъ, что практическій преподаватель нѣмецкаго, французскаго или англійскаго языка долженъ быть непремѣнно *хорошимъ лингвистомъ* (стр. 15). Главное дѣло здѣсь, кажется, не въ лингвистическихъ познаніяхъ преподавателя, а въ хорошей методѣ. Поэтому едва ли совершенно помогаетъ дѣлу средство, придуманное г-мъ Киттары—соединеніе должности преподавателя иностранныхъ языковъ съ должностью гувернера. Извѣстно, какихъ необыкновенныхъ трудовъ, какого самоотреченія требуетъ вполнѣ добросовѣстное исполненіе должности гувернера въ закрытомъ учебномъ заведеніи;—извѣстно и то, какъ дурно вознаграждаются эти труды въ матеріальномъ отношеніи. Жалованье гувернеровъ въ большей части закрытыхъ заведеній такъ мало, что должность эту почти всегда занимаютъ люди или находящіеся въ крайней нуждѣ, или вовсе ни на что неспособные. Заставить хорошаго преподавателя, чтобы онъ взялъ на себя и обязанности гувернера, можно только хорошимъ вознагражденіемъ, а не жалованьемъ въ 300—400 р., какое получаютъ, по словамъ г. Киттары, надзиратели въ практической академіи. Надзиратель, да еще и преподаватель вмѣстѣ, долженъ быть неотлучно въ заведеніи, долженъ только имъ ограничить свою дѣятельность. Какой же хорошій преподаватель—французъ или нѣмецъ—согласится на это за 300 рублей, въ Москвѣ, гдѣ онъ безъ особеннаго труда можетъ достать вдвое болѣе частными уроками? Такимъ образомъ соединеніе въ одномъ видѣ двухъ должностей за очень скромную плату можетъ, пожалуй, вредить вполнѣ успѣшному отправленію и той, и другой.

Относительно распредѣленія учебныхъ предметовъ, мы съ удивленіемъ замѣтили, что *естественная исторія* начинается въ академіи только съ *четвертаго класса*, въ которомъ преподается уже *12 учебныхъ предметовъ*. Но чѣмъ же тогда наполняются первые три года—въ заведеніи, имѣющемъ спеціально техническій и коммерческій характеръ? О какихъ предметахъ толкуютъ учителя въ классахъ русскаго языка, чѣмъ занимаются учителя языковъ иностранныхъ? Неужели объясненіями предметовъ, относящихся къ области возвышенныхъ чувствъ, отвлеченныхъ идей, добродѣтели и порока?

Съ третьяго класса въ практической академіи преподается географія. Какимъ образомъ она проходится дѣтьми, не имѣющими никакого понятія о предметахъ естественной исторіи? На это отвѣтъ дается намъ въ рѣчи о преподаваніи географіи г. Телѣгина. Онъ сообщаетъ, что въ третьемъ классѣ проходится только «топическій обзоръ земного шара», т.-е. изучаются только *пространственныя отношенія* различныхъ мѣстностей. Мы не знаемъ, до какой степени успѣшно идетъ преподаваніе г. Телѣгина; но намъ кажется, что оно весьма легко можетъ впасть въ схоластику, самую сухую и скучную. Съ самаго начала изученія географіи эта наука представляется дѣтямъ уже не какъ живое и стройное изложеніе того, что̀ есть замѣчательнаго и интереснаго въ разныхъ мѣстностяхъ Божьяго міра, а просто какъ мертвая система *пространственныхъ отношеній*, что-то въ родѣ хронологическихъ таблицъ. Мы находимъ, что г. Телѣгинъ несправедливъ даже въ своемъ общемъ понятіи о географіи, которую онъ опредѣляетъ такъ: «географія есть наука о законахъ устройства земной поверхности» (стр. 18). Неужели только *законы*, и притомъ касающіеся только *поверхности земной*, составляютъ предметъ географіи? А гдѣ же тогда описательная географія и гдѣ связь географіи съ исторіей, провозглашаемая самимъ г. Телѣгинымъ? Опредѣленіемъ г. Телѣгина ис-

ключаются изъ преподаванія географіи астрономическія вліянія на землю, физическій климатъ страны и, главное, отнимается у географіи ея этнографическій характеръ.

Впрочемъ, говоря вообще, рѣчь г. Телѣгина показываетъ, что онъ въ преподаваніи географіи все-таки сдѣлалъ шагъ впередъ отъ рутинныхъ преподавателей, доселѣ слѣпо вѣрующихъ въ учебники Арсеньева и Ободовскаго. За это онъ достоинъ искренней благодарности всякаго, кто дорожитъ успѣхами ученія въ нашемъ отечествѣ.

То же самое должны мы сказать и о самомъ г-нѣ Киттары. Мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на его отчетъ и осудили нѣкоторыя мѣста его; но это мы дѣлали всего болѣе потому, что насъ поразилъ самодовольный тонъ отчета, какъ-будто успокоившагося на стяжанныхъ лаврахъ. Мы очень хорошо понимаемъ, что не отъ вины г. Киттары происходятъ многіе недостатки, неизбѣжные въ закрытомъ учебномъ заведеніи; точно такъ же мы хорошо видимъ, что его собственныя убѣжденія очень благородны и просвѣщенны, и что его дѣйствія всѣ направлены къ истинному благу. Но тѣмъ болѣе изумила насъ та легкость, съ какою г. Киттары рѣшается выставлять въ безукоризненномъ свѣтѣ то, что̀ слѣдовало бы оговорить только какъ неизбѣжное зло. Конечно, если бы все дѣло ограничивалось только тономъ рѣчи, то еще хлопотать было бы не изъ чего: не бѣда, что человѣкъ говоритъ нѣсколькими тонами выше или ниже. Но вотъ въ чемъ бѣда: въ этомъ тонѣ обнаруживается внутреннее состояніе души. Въ отчетѣ г. Киттары есть вещи, показывающія, что онъ дѣлаетъ уступки рутинѣ иногда и потому, что еще не вполнѣ твердъ въ своихъ педагогическихъ началахъ. Напр., онъ говоритъ, что всегда возставалъ противъ розогъ, и весьма основательно доказываетъ вредъ и безнравственность тѣлеснаго наказанія для дѣтей. Но въ то же время сознается, что *иногда, въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда,* онъ прибѣгалъ и къ наказанію розгами!... Если ужъ въ такомъ дѣлѣ у него являются сомнѣнія, заставляющія дѣйствовать вопреки его постояннымъ воззрѣніямъ, — то въ другихъ случаяхъ, мы полагаемъ, уступки рутинѣ совершаются все чаще и легче. Объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Заключая этимъ нашу рецензію, мы просимъ г. Киттары принять наши замѣтки— такъ какъ онъ самъ выразился—«за доказательство сочувствія къ вопросу, въ наше время ставшему на первомъ планѣ народнаго развитія — образованія всѣхъ слоевъ общества, въ томъ числѣ и коммерческаго сословія». Можетъ быть мы, незнакомые съ мѣстными условіями, въ нѣкоторыхъ осужденіяхъ были слишкомъ строги, и въ такомъ случаѣ съ радостью готовы взять назадъ свое мнѣніе, коль скоро увидимъ новыя данныя, при которыхъ дѣло можетъ представиться въ другомъ видѣ. Во всякомъ случаѣ мы бы желали одного: чтобы въ отчетѣ Московской Практической академіи (какъ и во всѣхъ отчетахъ) было какъ можно менѣе общихъ мѣстъ и фразъ, и какъ можно болѣе прямыхъ, точныхъ, неприкрашенныхъ фактовъ.

---

274. Сочиненія В. Бѣлинскаго.

Напечатано въ IV кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 7 апрѣля). Отношеніе Добролюбова къ Бѣлинскому полно трогательнаго благоговѣнія къ памяти великаго учителя. Сколько въ этой замѣткѣ теплоты, сколько горячей признательности. См. № 170.

М. Л.

Въ литературѣ нашей не можетъ быть новости отраднѣе той, которая теперь только-что явилась къ намъ изъ Москвы. Наконецъ, сочиненія Бѣлинскаго издаются! Первый томъ уже напечатанъ и полученъ въ Петербургѣ; слѣдующіе, говорятъ, не замедлятъ. Наконецъ-то! Наконецъ-то!..

Что бы ни случилось съ русской литературой, какъ бы пышно ни развилась она, Бѣлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славой, ея украшеніемъ. До сихъ поръ его вліяніе ясно чувствуется на всемъ, что̀ только появляется у насъ прекраснаго и благороднаго; до сихъ поръ каждый изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей сознается, что значительной частью своего развитія обязанъ непосредственно или посредственно Бѣлинскому... [Въ литературныхъ кружкахъ всѣхъ оттѣнковъ едва ли

найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести его имя]. Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому геніальному человѣку и, конечно,— это лучшіе люди Россіи!..

Для нихъ, навѣрно, ни одна изъ нашихъ новостей не могла быть столь радостною, какъ изданіе сочиненій Бѣлинскаго. Давно мы ждали его, и, наконецъ, дождались! Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи, — тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ беззавѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности и искренно надѣялись встрѣтить когда-нибудь такихъ людей и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности... [Жизнь обманула насъ, какъ обманула и его; но для насъ до сихъ поръ дороги тѣ дни святого восторга, тотъ вдохновенный трепетъ, тѣ чистыя, безкорыстныя увлеченія и мечты, которымъ, можетъ быть, никогда не суждено осуществиться, но съ которыми разстаться до сихъ поръ трудно и больно...]

Россія еще мало знаетъ Бѣлинскаго. Онъ рѣдко подписывалъ подъ статьями свою фамилію и теперь, при изданіи его сочиненій, оказалось, что даже литераторы не могли навѣрное указать *всѣхъ* статей, имъ писанныхъ. Многіе изъ читателей узнали его имя болѣе по статьямъ, писаннымъ о немъ уже послѣ его смерти. Но теперь, когда сочиненія его собраны и издаются, всѣмъ читателямъ представляется возможность ближе узнать этого человѣка, съ его взглядами и стремленіями, съ его вліяніемъ на всю нашу литературу послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Узнавши его, всѣ читатели убѣдятся, что многое, чѣмъ они восхищались у другихъ, принадлежитъ ему, вышло отъ него; многія изъ истинъ, на которыхъ теперь опираются наши разсужденія, утверждены имъ, въ ожесточенной борьбѣ съ невѣжествомъ, ложью и злонамѣренностью своихъ противниковъ, при сонной апатіи равнодушнаго общества. Да, въ Бѣлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ Бѣлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, [въ немъ же и тяжкій, горькій, неизгладимый упрекъ нашему обществу].

«Современникъ» перешелъ въ руки нынѣшней редакціи при участіи Бѣлинскаго, и до своей смерти онъ не оставлялъ «Современника». «Современникъ» первый заговорилъ о Бѣлинскомъ, послѣ долгаго молчанія, [которое обусловливалось тогдашними обстоятельствами литературы][1]). Идеи геніальнаго критика и самое имя его были всегда святы для насъ, и мы считаемъ себя счастливыми, когда можемъ говорить о немъ. Поэтому, поспѣшивши сообщить читателямъ нашу радость объ изданіи его сочиненій, мы не отказываемся отъ права говорить о немъ подробнѣе, по поводу этого изданія, хотя многое уже высказано было о Бѣлинскомъ въ статьяхъ[2]) «О Гоголевскомъ періодѣ литературы» въ «Современникѣ» 1856 г.

Въ первомъ, вышедшемъ теперь томѣ сочиненій Бѣлинскаго помѣщены критическія и библіографическія статьи, напечатанныя имъ въ «Молвѣ» и «Телескопѣ» 1834 и 1835 гг. Изданіе, принадлежащее гг. Солдатенкову и Щепкину, очень опрятно, и цѣна назначена дешевая. Томъ въ 530 страницъ, въ обыкновенномъ форматѣ Щепкинскихъ изданій стоитъ всего одинъ рубль; та же цѣна и за всѣ слѣдующіе томы. Нѣтъ сомнѣнія, что все изданіе разойдется быстро, хотя бы его было напечатано двадцать тысячъ экземпляровъ.

---

275. Впечатлѣнія Украйны и Севастополя.

Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 274.

М. Л.

Много дѣтскихъ воспоминаній пробудила во мнѣ эта книжка, довольно красиво, хотя и не совсѣмъ исправно, напечатанная «въ типографіи III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи». Было время, лѣтъ пятнадцать

---

[1]) въ 1855 г....
[2]) Чернышевскаго.

тому назадъ, когда авторъ ея, извѣстный авторъ «Путешествія по святымъ мѣстамъ» А. Н. Муравьевъ, рисовался въ моемъ воображеніи, какъ недосягаемый образецъ чистѣйшихъ чувствованій, возвышеннѣйшихъ мыслей и изящнѣйшаго слога. Я довѣрчиво слушалъ и читалъ тогда восторженные отзывы его почитателей, и самъ робко преклонялся предъ необычайнымъ его краснорѣчіемъ и глубиною мыслей, украшающихъ всѣ его творенія. Нѣсколько лѣтъ потомъ лишенъ я былъ удовольствія читать краснорѣчивыя страницы А. Н. Муравьева и даже, за разными дѣлами, почти забылъ о немъ. Только въ прошломъ году опять напомнилъ мнѣ о его идеяхъ и слогѣ г. де-Жеребцовъ, справедливо назвавшій его за высоту чувствованій шамбеляномъ [1]). Послѣ отзыва г. де-Жеребцова я съ удовольствіемъ сталъ ожидать новыхъ произведеній доблестнаго шамбеляна, и ожиданія мои были не напрасны: въ началѣ нынѣшняго года появились «Впечатлѣнія Украйны и Севастополя».

Съ жадностью принялся я читать «Впечатлѣнія» г. Муравьева, надѣясь испытать то же умилительное чувство, какое производилось во мнѣ его краснорѣчіемъ въ годы моего дѣтства. Я хотѣлъ упиться нектаромъ его духовныхъ размышленій, насладиться эѳирною чистотою его чувствованій и благообразіемъ его слога... Но,—представьте себѣ мое горе!—я прочиталъ новое произведеніе почтеннаго автора не только безъ восторга, а, напротивъ, даже съ чувствомъ досады и иронія!.. Мнѣ стало горько за себя: неужели я ужъ такъ измѣнился?.. И, кажется, отчего бы?.. Вѣдь и въ дѣтствѣ меня ничто особенно не связывало съ краснорѣчивымъ авторомъ «Путешествія по святымъ мѣстамъ»; я не былъ подъ исключительнымъ господствомъ его идеи, не принадлежалъ къ числу [такихъ избранныхъ] мальчиковъ, которые бы находились съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ [и употреблялись имъ—для вперенія его стремленій въ молодое поколѣніе]... А между тѣмъ все-таки я имъ восхищался... Отчего же теперь мнѣ смѣшно и непріятно читать его? Не хочется думать, что я очерствѣлъ душою; но не хочется отказаться и отъ иллюзіи, созданной въ дѣтствѣ... Попробую, впрочемъ, собрать свои мысли, возбужденныя во мнѣ книгою г. Муравьева: тогда, конечно, яснѣе будетъ, что̀ вѣрнѣе,—прежнія ли мои впечатлѣнія, или теперешнія.

Первое, что̀ меня непріятно поразило, и въ чемъ я несомнѣнно убѣдился вторичнымъ просмотромъ книги г. Муравьева, это совершенное отсутствіе въ его «Впечатлѣніяхъ» истиннаго чувства *любви*, *гуманности*, теплоты душевной, т.-е. именно тѣхъ качествъ, которыя прежде старались, во что бы то ни стало, видѣть въ краснорѣчивомъ шамбелянѣ. Чувства его пробуждаются и разрѣшаются потокомъ краснорѣчія—отъ золоченаго купола, «сіяющаго подобно выспреннему вѣнцу на темени горъ», отъ извѣстія о человѣкѣ, который не ѣстъ мяса на масляницѣ, отъ посѣщенія подвижника «благороднаго происхожденія», отъ воспоминанія о «невѣдомомъ странникѣ въ тяжкихъ веригахъ», и т. п. Но ни одна страница не согрѣта теплотою любви къ человѣчеству, желаніемъ жизненнаго блага ближнему, искреннимъ сочувствіемъ къ его насущному, житейскому горю. Встрѣчаетъ ли онъ чумаковъ въ полѣ,—не мысль о трудѣ и скромной бѣдной долѣ этихъ скитальцевъ посѣщаетъ его, а историческая дума «о ихъ дѣдахъ, ходившихъ на ляховъ и крымцевъ». Выходитъ ли онъ въ степь, на засѣянное поле, на выгонъ,—никогда ни однимъ словомъ не выразитъ онъ *участіе* къ работѣ поселянъ, къ ихъ *мирной* жизни, *столь* неразрывно связанной съ природою; онъ только погружается въ эмблематическія мечтанія, въ родѣ того, что «все это зеленѣло и расцвѣло предъ моими глазами, напоминая о скоротечности жизни» (стр. 21), или же красивымъ слогомъ описываетъ, какъ «Божья трава благоухаетъ по всей степи, какъ бы извлекая изъ земли ѳиміамъ кадильный, во славу Творца, за чудную красоту Божьяго міра»... Даже посѣщеніе Севастополя какъ-то дико, нечеловѣчески дѣйствуетъ на краснорѣчиваго автора. Патріотизмъ совершенно заслоняетъ въ немъ человѣческія чувства и доводитъ его до того, что онъ съ какою-то злою радостью восклицаетъ о непріятеляхъ: «устлали же они своими костями землю русскую, и не даромъ!» (стр. 37). И вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавляетъ вотъ какое разсужденіе: «надъ входомъ одного изъ кладбищъ, гдѣ англійская позиція сближалась съ французскою, написано: «Respect aux morts». *А сами они* развѣ уважали усопшихъ, *и еще какихъ именитыхъ*, даже во время перемирія! Кто святотатно коснулся гробницъ нашихъ славныхъ адмираловъ, посреди основанія начатаго храма? Это не сдѣлали бы и *самые* турки, болѣе уважающіе святость могилъ». Не правда ли, — любопытная логика?.. Она напоминала намъ школьный анекдотъ. «Какъ ты смѣлъ тихонько утащить книгу у Петрова?»—спрашиваетъ учитель мальчика.—«Да, помилуйте,—оправдывается воришка,—*онъ самъ* вчера у Иванова перо укралъ»...

Вообще сужденія почтеннаго автора-шамбеляна сильно отзываются наивностью сча-

[1]) См. № 204.

стливаго возраста человѣческой жизни. Подобно многимъ мало развитымъ дѣтямъ, онъ, не возставая противъ законности факта, часто возстаетъ противъ его существенныхъ свойствъ и неизбѣжныхъ послѣдствій. Дѣти ничего не имѣютъ противъ того, чтобы огонь сожигалъ предметы; но они хотятъ, чтобы онъ не обжигалъ имъ пальцевъ. Въ этомъ родѣ г. Муравьевъ разсуждаетъ, напр., о войнѣ. Онъ не говоритъ, чтобы она была совершенно безсмысленна [и гнусна] въ своей сущности; напротивъ,—онъ съ любовью вспоминаетъ о набѣгахъ казаковъ на ляховъ и крымцевъ, съ восторгомъ говоритъ о доблести русскихъ воиновъ, жертвовавшихъ жизнью за вѣру, царя и отечество, восхищается ихъ воинскими лаврами. Но рядомъ съ этимъ онъ никакъ не можетъ понять, зачѣмъ люди, выходя на битву, стрѣляютъ другъ въ друга и вообще стараются нанести непріятелю какъ можно больше вреда. Это совершенно выходитъ изъ круга его пониманія, и потому онъ безпрестанно, наипростодушнѣйшимъ образомъ гнѣвается на англо-французовъ за то, что они не стояли подъ Севастополемъ склавши руки, а старались разорить его. Въ ихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ онъ находитъ несомнѣнныя доказательства *варварства*... Въ одномъ мѣстѣ онъ ядовито замѣчаетъ: «все здѣсь пробито ядрами и бомбами, какъ источаются червями плоть и кости; *едва ли обрѣтутся и въ моилѣ такіе упрызатели?*» (стр. 42). Въ другомъ мѣстѣ онъ обвиняетъ *лукавыхъ враговъ* въ мошенничествѣ за то, что они «взорвали зданіе адмиралтейства изнутри, сохранивъ его наружныя стѣны», и тѣмъ произвели «оптическій обманъ, вслѣдствіе котораго зданіе не поражаетъ издали своими развалинами» (стр. 47). Главнымъ образомъ безпокоится почтенный авторъ о томъ, что постройка зданія обошлась очень дорого: по его мнѣнію, англичане обязаны были принять это во вниманіе. «Сколько стоило милліоновъ,—говоритъ онъ,—чтобы срыть только одну гору, на которой, по манію царскому, предполагалось строить новое адмиралтейство? Оно долженствовало быть однимъ изъ самыхъ чудныхъ зданій въ мірѣ, и не довершенное пало! Исполинскій трудъ рукъ человѣческихъ, достойный древнихъ колоссовъ Египта и Рима, однимъ мгновеніемъ обратился въ ничто! А великолѣпные доки? Можно ли было *столь варварски* истребить ихъ, и для чего? Они уже не годились для новаго устройства кораблей, *но можно было пощадить ихъ ради изящества*» (стр. 48). Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть, что англичане во время войны такъ мало заботились о нашихъ интересахъ... Кажется, отчего бы имъ не принять нашихъ выгодъ столь же близко къ сердцу, какъ принимаетъ ихъ г. Муравьевъ?.. «*Но уже таковъ духъ надменныхъ островитянъ*, — удачно замѣчаетъ краснорѣчивый шамбелянъ,—*истреблять все, что только не ихъ*»... Зато и клеймитъ же онъ ихъ: «одна только *неистовая вражда*, — говоритъ,—руководила здѣсь истребителей, которые на каждомъ шагу ознаменовали *свое варварство*» (стр. 70). Прочитавъ столь строгій приговоръ, пожалѣли мы, что надменные островитяне бросали въ насъ бомбы со враждою, а не съ нѣжностью; но еще болѣе пожалѣли о невѣдѣніи автора «Впечатлѣній», не умѣющаго взять въ толкъ, что *война* и *вражда* суть понятія болѣе однородныя, чѣмъ *любовь* и *война*...

Впрочемъ, надобно и то сказать, что для краснорѣчиваго автора война и миръ, смерть и жизнь, радость и горе человѣчества — въ сущности совершенный вздоръ. Они занимаютъ его не сами по себѣ, а по тѣмъ символамъ и примѣтамъ, которые можно извлечь изъ нихъ, Symbola et emblemmata — вотъ настоящая спеціальность краснорѣчиваго нашего шамбеляна-писателя. Ручей, напр., интересуетъ его, *какъ подобіе слезъ участія*. «Неуловимыя стези, — говоритъ онъ, описывая Алупку, — подбѣгаютъ подъ гранитные утесы, которые будто готовы обрушиться на смѣлаго путника, довѣряющагося ихъ нависшей громадѣ; но его влечетъ туда живая струя, пробивающаяся *изъ сердца камня* (и у камня оказалось сердце, и даже, какъ увидите, очень чувствительное!), *какъ слезы участія тамъ, гдѣ ихъ не видишь*, и говоромъ усладительныхъ водъ обворожаетъ посѣтителя *сего нечаяннаго Нимфея*» (?) (стр. 81). Это символическая картина въ идиллическомъ вкусѣ; а вотъ нѣчто грандіозное. Авторъ говоритъ о бомбардировкѣ Севастополя: «не было ли это однимъ изъ предшествующихъ зрѣлищъ послѣдняго дня нашего міра, обреченнаго на сожженіе со всѣми его стихіями!» (стр. 43). А то вотъ еще меланхолическій символъ, изъ котораго оказывается, что г. Муравьеву жаль Севастополя *потому именно, что въ Крыму много лавровъ, но еще болѣе кипарисовъ*. Мысль нѣсколько оригинальная, но не допускающая ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей дѣйствительности: вотъ подлинныя слова г. Муравьева: «Лавры и кипарисы! *Ахъ*, не есть ли это выраженіе нынѣшняго грустнаго впечатлѣнія Крыма, послѣ страшнаго побоища севастопольскаго? Много тамъ было лавровъ, но еще болѣе кипарисовъ! *Вотъ почему* (вотъ почему!!) невольно сжимается сердце на самыхъ отрадныхъ, по красотѣ своей, мѣстахъ южнаго берега, при одномъ воспоминаніи о Севастополѣ! Все

къ нему влечетъ, какъ бы теченіемъ береговымъ въ неизбѣжную пучину (!?), и его роднымъ пепломъ, далеко разносимымъ, *мысленно посыпано все поморіе*, какъ лавою и пепломъ Везувія засыпались окрестные города. (Какъ хорошо сравненіе Севастополя съ Везувіемъ!) *Не тотъ это уже* (благозвучіе-то какое!) *Крымъ*, которымъ восхищался я за десять лѣтъ *предъ симъ* (и риѳма есть, если хотите), отъ края и до края, отъ Керчи и до Севастополя» (стр. 31).

Очевидно, что символическія страсти сильно обуреваютъ почтеннаго автора, такъ что онъ безпрерывно жертвуетъ имъ здравымъ смысломъ и даже лишается при этомъ свойственнаго ему изящества слога. Иногда онъ отъ меланхоліи и идилліи переходитъ къ философскому настроенію души и задаетъ самому себѣ глубокіе вопросы. На этомъ поприщѣ онъ, конечно, никакъ не уступаетъ извѣстному Кифѣ Мокіевичу; но symbola et emblemmata и тутъ его преслѣдуютъ. Оттого глубокомысліе его большею частью лишено реальной почвы и витаетъ преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ,

> «Гдѣ граничитъ съ міроздaньемъ
> Безпредѣльность и хаосъ».

Такъ, напр., онъ задаетъ вопросъ: что произошло бы, «если бы внезапно поднялся герой нашъ Лазаревъ и увидѣлъ вокругъ себя разрушеніе всего того, что создалъ онъ съ такою любовію въ теченіе многихъ лѣтъ?» (стр. 41). Вопросъ весьма серьезный и любопытный; но такъ какъ Лазаревъ умеръ еще въ началѣ 1851 года, то подниматься ему изъ гроба, чтобы посмотрѣть на разрушеніе Севастополя, было бы нѣсколько странно въ дѣйствительности... Но въ символическомъ мірѣ г. Муравьева это было бы, вѣроятно, отлично...

Въ другомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ остроумныя соображенія о томъ, что произошло бы, «*если бы французамъ было позволено быть выбитыми горстію храбрыхъ изъ Малахова кургана!*» Опять важный вопросъ; но опять вовсе не реальный, потому что— когда же и кому *дается позволеніе быть выбитымъ* изъ позиціи? А между тѣмъ, г. Муравьевъ даже рѣшаетъ этотъ вопросъ положительно. «Французы,—говоритъ онъ,— захватили курганъ нечаянно и были бы выбиты опять горстію храбрыхъ одушевленныхъ геройствомъ Хрулева, *если бы только было дозволено*» (стр. 49). Изъ этого видно, что г. Муравьевъ очень высоко ставитъ послушаніе французскихъ войскъ; но все-таки разсужденія его относятся къ области призраковъ.

Но самое лучшее соображеніе дѣлаетъ г. Муравьевъ по поводу англійскихъ бомбъ въ Севастополѣ. Тутъ замысловатый шамбелянъ-писатель становится уже просто Мартыномъ Задекою, и мы рекомендуемъ его разсужденія издателямъ «Новѣйшихъ и полнѣйшихъ оракуловъ и сонниковъ». Надѣемся, что въ рѣдкой изъ гадательныхъ книжекъ можно найти диковинки, подобныя слѣдующему разсказу (стр. 52):

> «Спутникъ мнѣ говорилъ, что много еще валяется начиненныхъ бомбъ между развалинъ, и надобно быть съ ними очень осторожнымъ, потому что бывали несчастные случаи. Въ прошломъ году двое пріѣзжихъ англичанъ вздумали пошутить надъ такою бомбою и заплатили жизнью за свою неумѣстную отвагу; бомбу разорвало, и ихъ убило на мѣстѣ. (До сихъ поръ — здравый смыслъ). Не есть ли это таинственное возмездіе *представителямъ сего непріязненнаго народа* за все то зло, которое нанесли ихъ соотечественники городу, уже беззащитному, во время перемирія, исказивъ самые его останки, пощаженные осадою? Надъ сими останками пришли еще поглумиться ихъ туристы, и тутъ же, въ самыхъ докахъ, разоренныхъ англичанами, обрѣли себѣ смерть! Мертвая, повидимому, бомба, *и, вѣроятно, начиненная англійскимъ порохомъ*, два года спустя послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ событій, *таила въ себѣ еще достаточно силы, чтобы поразить англичанина* (именно англичанина?). Право, нельзя всегда *приписывать случаю такія случайности*».

Совершенная правда! Но что бомба *таила въ себѣ достаточно силы* будто бы только для того, *чтобы поразить англичанина*, а не русскаго, — это уже опять мы позволяемъ себѣ отнести къ области символическихъ фантазій, которыми такъ богатъ просвѣщенный авторъ, столь характеристически названный шамбеляномъ.

На чемъ же основанъ успѣхъ произведеній г. Муравьева? спросили мы сами себя, прочитавши «Впечатлѣнія Украйны и Севастополя». — «А на чемъ основанъ успѣхъ «Оракуловъ» и «Сонниковъ»? — явился у насъ другой вопросъ въ отвѣтъ на первый. Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ читатели могли видѣть, въ какой степени понятія и стремленія г. Муравьева могутъ соотвѣтствовать современнымъ требованіямъ образованныхъ людей. Ясно, что не они интересуются краснорѣчіемъ и символистикой почтеннаго автора; ясно, что не для нихъ употребляетъ онъ высокій слогъ, который состоитъ у него въ безпрестанномъ употребленіи мѣстоименія *сей*, да словъ въ родѣ — *обрящетъ*, *маніе*, *останки* и пр. Очевидно, что его произведенія, хотя и печатаются довольно чисто, въ типографіи III отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи, но принадлежатъ къ такъ называемой *стробумажной* или *лубочной* литературѣ. «Бобелина, героиня греческая», «Козелъ-бунтовщикъ», «О нравственной стихіи въ поэзіи»,

г. Ореста Миллера [1]), «Путь къ спасенію», Ѳедора Эмина, «Путешествія» и «Впечатлѣнія», А. Н. Муравьева, — все это принадлежитъ къ одному разряду литературныхъ произведеній и назначено для одного и того же сорта публики.

---

276. Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей.

Рѣчь *А. Щапова*. Казань. 1859.

Современныя идеи православны ли?

Статья первая и вторая. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 274. Казалось бы, какъ можно при тогдашней цензурѣ высмѣять такъ вторую изъ рецензируемыхъ книгъ, а у Добролюбова это и выходило, и проходило да еще производило такое впечатлѣніе, что каждый видѣлъ ничтожество гг. Кульжинскихъ, Барковыхъ и имъ подобныхъ. Работа Щапова оцѣнена правильно; Добролюбовъ хорошо зналъ, какъ и современное духовенство, въ лицѣ московскаго Филарета, всячески противодѣйствовало какимъ-нибудь улучшеніямъ, тѣмъ болѣе освобожденію крестьянъ.

М. Л.

Мы поставили рядомъ эти книги не потому, чтобы онѣ были слишкомъ похожи одна на другую, а скорѣе потому, что онѣ, по направленію, противоположны одна другой. Г. Щаповъ въ рѣчи своей силится доказать, что духовенство наше всегда защищало угнетенныхъ и проповѣдывало свободу, что еще за нѣсколько вѣковъ назадъ оно подало свой голосъ въ пользу тѣхъ улучшеній, которыя выпали на долю нашего времени. Напротивъ того, статьи о современныхъ идеяхъ съ православной точки зрѣнія направлены къ тому, чтобы доказать, что современное направленіе русскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ преобразованія и улучшенія въ духѣ настоящаго времени, въ томъ числѣ и мѣры къ улучшенію крестьянскаго быта, не согласны съ духомъ нашего православія. Если это справедливо, то г. Щаповъ совершенно напрасно усиливался доказать, что наше духовенство всегда заботилось объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Съ своей стороны мы скорѣе готовы согласиться съ мнѣніямъ гг. Кульжинскаго и Баркова, *сочинителей* «Современныхъ идей», которымъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно, что̀ такое наше православіе и что̀ съ нимъ согласно или несогласно, чѣмъ повѣрить доказательствамъ г. Щапова, которыя вообще слабы и основаны болѣе на случайностяхъ, чѣмъ на исторіи.

Г. Щаповъ имѣетъ въ виду не однихъ только крѣпостныхъ людей, но вообще людей несвободныхъ. Поэтому онъ приводитъ иногда такія мѣста изъ пастырскихъ поученій, которыя не относятся прямо къ крестьянамъ и помѣщикамъ, а имѣютъ въ виду вообще господъ и холоповъ, какого бы рода холопство это ни было, и даже изгнанныхъ, заключенныхъ и подвергшихся несправедливому преслѣдованію или угнетенію отъ судей и сильныхъ міра сего. Всѣ эти мѣста сбиваются на одну тему,—что сильные не должны притѣснять слабыхъ, потому что предъ Богомъ всѣ равны. Но отъ этихъ общихъ мѣстъ, которыми переполнены проповѣди не однихъ нашихъ древнихъ пастырей, еще слишкомъ далеко до горячей заботливости объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Что же касается поученій, относящихся собственно къ крестьянамъ и помѣщикамъ, то ихъ не такъ много и притомъ большая часть изъ нихъ была говорена по обязанности, слѣдовательно по характеру своему походитъ на тѣ, которыя говорены были и вообще противъ рабства. Если же въ древней нашей церкви и были такіе пастыри, которые дѣйствительно сочувствовали несчастіямъ меньшихъ своихъ братій и подавали голосъ въ ихъ защиту,

---

[1]) См. № 205.

то скорѣе пастырей этихъ можно назвать исключеніемъ, чѣмъ голосъ ихъ считать голосомъ всего духовенства. Духовенство, какъ извѣстно, играло въ древней Руси значительную роль: сами великіе князья не могли сдѣлать ничего важнаго, не получивъ согласія и благословенія митрополита или патріарха. При такомъ значеніи духовенство, конечно, могло бы имѣть нѣкоторое вліяніе и на участь несвободныхъ людей, если бы оно вздумало принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, въ нашей исторіи мы не находимъ подобныхъ фактовъ. Напротивъ, изъ исторіи мы знаемъ, что духовенство наше само владѣло крестьянами, и г. Щаповъ говоритъ, что пастыри церкви, увѣщевая господъ человѣколюбиво обращаться съ ихъ рабами, въ то же время увѣщевали и игуменовъ монастырей къ тому же. «Бога ради, будь милостивъ ко крестьяномъ», писалъ напр. Никонъ игумену Иверскаго монастыря. Но г. Щаповъ видитъ въ этомъ фактѣ одну только хорошую сторону,—именно, что пастыри церкви заботились объ облегченіи участи несвободныхъ людей,—упуская изъ вниманія то весьма важное обстоятельство, что увѣщанія пастырей направлялись нерѣдко къ ихъ же духовнымъ собратамъ, которые, вѣроятно, были не слишкомъ человѣколюбивыми господами. Допустимъ даже, что грамота объ устройствѣ монастырскихъ зданій, въ которой находятся вышеприведенныя слова Никона, имѣла видъ инструкціи, и патріаршее увѣщаніе не было вызвано дѣйствіями иверскаго игумена: во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что крестьяне не всегда благоденствовали подъ сѣнью церквей и монастырей; иначе зачѣмъ было бы Никону писать подобное увѣщаніе? Такихъ фактовъ можно бы привести довольно много, но мы считаемъ это совершенно излишнимъ, послѣ того, какъ «Современныя идеи», пущенныя въ свѣтъ гг. Кульжинскимъ и Барковымъ, такъ рѣшительно подорвали всѣ доказательства г. Щапова. «Улучшить всякое дѣло общественное, говоритъ г. Кульжинскій, бытъ крестьянъ, какъ и упрочить благо каждаго лица въ частности, есть дѣло Божіе, а не человѣческое. Благословитъ Господь—и всѣ, богатые и бѣдные, будутъ счастливы. Прогнѣвается Господь—и всѣ и каждый, посреди всякаго изобилія и свободы, при безчисленныхъ желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ, фабрикахъ, пароходахъ, будутъ страдать, путаться и рабствовать». Сентенціи эти отзываются такою набожностію и такимъ христіанскимъ смиреніемъ, что даже какъ-то неловко сказать, что онѣ чисто фаталистическаго свойства. Какъ бы то ни было, смыслъ ихъ тотъ, что излишне заботиться объ улучшеніи своей или чужой участи, что если одни изъ насъ страдаютъ, а другіе наслаждаются благоденствіемъ, то значитъ такова на то воля Божія, которой перемѣнить не могутъ никакія человѣческія усилія; что намъ остается сидѣть, сложа руки, и ждать, пока счастіе слетитъ къ намъ съ неба, какъ къ нищему фортуна... И мало того, что старанія наши останутся безплодными, мы еще, продолжаетъ г. Кульжинскій, прогнѣваемъ Господа. Вотъ что̀ не мѣшало бы замѣтить г. Щапову. Неужели же въ самомъ дѣлѣ древніе наши пастыри не знали этой истины и шли наперекоръ ей, нисколько не страшась Божія гнѣва? Вѣдь и они были такіе же смертные, какъ и всѣ мы, и стало быть подлежали одинаковой съ нами отвѣтственности. Нѣтъ, мы такъ глубоко чтимъ ихъ, что никакъ не думаемъ навязывать имъ такихъ неблагочестивыхъ стремленій. Другое дѣло — современные экономисты и публицисты, противъ которыхъ такъ сильно ратуетъ г. Кульжинскій. Для нихъ, конечно, нѣтъ ничего святого...

Кромѣ мыслей о современныхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, въ статьѣ г. Кульжинскаго много и другихъ весьма назидательныхъ размышленій. Напр., какъ прекрасно г. Кульжинскій разсуждаетъ о взяточничествѣ, этой, какъ онъ выражается, «застарѣлой язвѣ, пожирающей насъ, подобно одной изъ египетскихъ казней!» «Живописное изображеніе пороковъ, говоритъ онъ, вовсе не истребляетъ пороковъ. Для истребленія пороковъ прежде всего и паче всего нуженъ страхъ Божій и глубокое чувство вездѣприсутствія Божія. Какъ я возьму взятку или затаю казенное добро, когда Богъ видитъ это, хотя бы никто изъ людей не зналъ и не видѣлъ?».. и проч. Еще лучше разсуждаетъ онъ о грамотности. Мы не имѣемъ возможности выписать всего разсужденія, хотя оно и стоило бы этого, и передадимъ въ нѣсколькихъ словахъ его сущность. Г. Кульжинскій совѣтуетъ учить нашихъ простолюдиновъ славянской грамотѣ по Часослову и Псалтыри, какъ это искони дѣлалось на святой Руси. Это, говоритъ, дастъ имъ возможность читать и другія Богослужебныя книги. А русской грамотѣ учить незачѣмъ, потому что нечего читать, кромѣ исторій Карамзина и Устрялова и сказокъ о Бовѣ-Королевичѣ, о Жаръ-птицѣ, о Ванькѣ Каинѣ и другихъ подобныхъ предметахъ. Кромѣ Псалтыри и Часослова, г. Кульжинскій рекомендуетъ для обученія простолюдиновъ еще одну, какъ онъ говоритъ, «безцѣнную книжечку»: «Первое обученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги». Совѣтуетъ онъ завести и школы, «но —

conditio sine qua non—непремѣнно школы *церковно-славянскія*!» Впрочемъ, говоритъ, нечего жалѣть, что не всякій мужичекъ нашъ умѣетъ читать и писать. Западу въ этомъ дѣлѣ не стоитъ подражать. Звучны бубны за горами! Я, говоритъ, прожилъ многіе годы въ западно-католической землѣ и неоднократно былъ свидѣтелемъ слѣдующаго, всегдашняго тамъ явленія: «молитвенники, по которымъ тамошніе прихожане молятся въ церкви, состоятъ изъ собранія молитвъ *на разные случаи*, утреннихъ, вечернихъ, во время бездождія, во время грозы, о выздоровленіи и т. п. Простодушные и полуграмотные простолюдины тамошніе, не обращая вниманія на совершающуюся предъ ними литургію, читаютъ, пополамъ съ грѣхомъ, всѣ молитвы отъ доски до доски, и утренія, и вечернія, и о томъ, чтобъ шелъ дождь, и о томъ, чтобъ дождь пересталъ и т. п... Ну, что это за грамотность?» Говорится и о воспитаніи. Здѣсь между прочимъ г. Кульжинскій замѣчаетъ, что «вмѣсто *общечеловѣческаго* образованія надобно говорить образованіе *христіанское*», потому что «*общечеловѣческое* (какъ его употребляютъ литераторы и философы), въ дѣлѣ вѣры и нравственности, предполагаетъ только деизмъ и дальше десятословія не восходитъ».

Пріятель г. Кульжинскаго, г. Барковъ—сочинитель еще болѣе остроумный... Въ статьѣ своей онъ занимается спеціальнымъ предметомъ—«Весельчакомъ», «Смѣхомъ», «Пустозвономъ» и другими «литературными произведеніями въ великій постъ 1858 года»[1]), но отъ нихъ переходитъ иногда и къ общимъ разсужденіямъ — о театрахъ, романахъ, современномъ направленіи общества, о прогрессѣ, котораго, впрочемъ, онъ никакъ не можетъ представить себѣ безъ «Весельчака», «Смѣха» и «Пустозвона». Они-то и есть, по его мнѣнію, проводники современныхъ идей.

Статья начинается эпиграфомъ: «возлюбиша человѣцы паче тьму, неже свѣтъ». Изъ этого эпиграфа видно уже, съ какой мрачной точки смотритъ г. Барковъ на упомянутыя изданія. «Церковь, говоритъ, стучитъ въ двери покаянія, а въ области литературы является «Весельчакъ», и является какъ-разъ на первой недѣлѣ Поста, какъ бы наперекоръ великому канону плача и сокрушенія о грѣхахъ». Дальше идетъ такъ хорошо, такъ хорошо, что мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать нѣсколькихъ строкъ.

«На подмогу ему (Весельчаку) и, какъ бы въ насмѣяніе и уничиженіе великаго дѣла покаянія, на кресто-поклонной недѣлѣ раздается безстыдный «Смѣхъ». Въ церкви выставленъ для поклоненія животворящій крестъ Господень, а цивилизованные и вновь появившіеся самозванные литераторы со смѣху помираютъ, раздавая, на всѣхъ перекресткахъ, свой печатный *смѣхъ!* Но какъ и этого оказалось мало, то любитель прогресса (?) выдумалъ, *для страшной недѣли* «Пустозвонъ», какъ бы издѣваясь надъ звономъ церковнымъ, призывающимъ вѣрныхъ къ присутствованію при страстяхъ Господнихъ. Очевидно, «Пустозвонъ» есть итогъ веселья и смѣха. А извѣстно, что слѣдствіемъ смѣха и веселья нерѣдко бываетъ и самое горе: оно такъ и вышло. На святой недѣлѣ хожалые раздавали народу уже не одинъ смѣхъ, а «Смѣхъ и Горе» (несмотря на то, что святая церковь въ это время восклицаетъ: «людіе, веселитеся!»). Изъ этого смѣха съ горемъ пополамъ вышла потомъ «Потѣха». Такъ, прогрессъ велитъ веселиться и смѣяться тогда, когда св. церковь сокрушается, и, напротивъ, горюетъ тогда, когда православная церковь велитъ веселиться—о Господѣ».

Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о томъ, что смѣхъ оскверняетъ человѣка, потому что возбуждается ложью, а ложь все-таки не отъ Бога, а отъ отца лжи, діявола. «Въ основаніи всякаго смѣха, всякой насмѣшки, эпиграммы, сатиры, сарказма—лежитъ ложь, искаженіе истины... оно-то и смѣшитъ: «стукнуло, грянуло — комаръ съ дуба свалился!» Смѣшно, а ложно». Не думаютъ ли писатели, говоритъ г. Барковъ, путемъ насмѣшки и сарказма исправить нравственные недостатки ближняго? Грибоѣдовъ и Гоголь были талантливые писатели; но чтò они сдѣлали хорошаго? Весь подвигъ ихъ заключается въ томъ, что они возбуждаютъ смѣхъ,—и только. Романы, комедіи, водевили представляются на сценѣ только для лицедѣйства. Театры, зрѣлища, какъ игра, доставляютъ удовольствіе, забаву, разсѣянность чувствъ, ума и воли, но не видно, говоритъ, чтобъ отъ нихъ была какая-нибудь нравственная польза». Мало того: сколько тутъ соблазнительнаго? «Предъ взоромъ публики, предъ взоромъ отцовъ и матерей, сыновей и дочерей, предъ взоромъ вступившихъ въ бракъ и не вступившихъ, въ виду взрослыхъ и малолѣтнихъ, едва не въ каждомъ спектаклѣ совершаются странныя сближенія, по волѣ автора пьесы». Вотъ какого рода эти сближенія. «И актеръ и актриса, простирая руки, бросаются для взаимныхъ объятій. Притомъ требуется, чтобы все это было представлено какъ можно живѣе и натуральнѣе. Иначе актеры и актрисы, чрезъ газеты и журналы, получаютъ упрекъ. Такъ, напр., «Сѣверная

[1]) См. № 202.

Пчела» когда-то сокрушалась о томъ, что «жаръ актера Степанова не могъ одушевить дѣйствія, и публика приняла это очень холодно». (Замѣтимъ, впрочемъ, мимоходомъ, что ревнитель нравственности любитъ «Пчелку» и, какъ видно, выписываетъ и тщательно перечитываетъ ее. А если онъ иногда и указываетъ въ ней на нѣкоторыя вольности, то это такъ только, больше для того, чтобы пристыдить ее за вольнодумство. Зато въ другой разъ онъ и похвалитъ ее. Милые бранятся—только тѣшатся). Не менѣе драматическихъ произведеній, продолжаетъ г. Барковъ, вредны и романы и повѣсти. «Кто-то изъ благонамѣренныхъ и понимающихъ достоинство истиннаго просвѣщенія, разбирая сочиненія Тургенева, вѣроятно въ предостереженіе отъ чтенія книгъ подобнаго рода, выразился такъ: «въ повѣстяхъ и разсказахъ Тургенева самая пошлая любовь, какая бываетъ въ душахъ холодныхъ, въ умахъ, не подчиненныхъ никакимъ религіознымъ убѣжденіямъ... Кромѣ пошлости лицъ и событій, изображенныхъ Тургеневымъ, сочиненіямъ его вредитъ отсутствіе доброй нравственности, дѣлающее противными для души христіанской самыя лучшія его произведенія» («Сѣв. Пч.» 1857 г. № 109). Мало того, въ современной литературѣ, говоритъ г. Барковъ, замѣтно совершенное равнодушіе къ святости вѣры и православнаго благочестія. Такъ, напр., въ одной газетѣ («Сѣв. Пч.» 8 марта 1857 г.) «предлагается вмѣстѣ и назидательное и растлѣвающее». Извѣщая о вышедшей книгѣ духовнаго содержанія, «Сѣверная Пчела» пишетъ: «благодаримъ издателей, постаравшихся такъ кстати выпустить эти проповѣди въ свѣтъ къ началу великаго поста, когда каждый человѣкъ болѣе или менѣе ощущаетъ въ себѣ потребность время своего отдыха посвятить благочестивымъ занятіямъ». «Казалось бы прекрасно», замѣчаетъ г. Барковъ. «Но вслѣдъ за этими строками, чрезъ одну лишь черту, «Сѣверная Пчела», въ своемъ Телеграфѣ, поспѣшаетъ обратить вниманіе публики на слѣдующее извѣстіе: въ 8 ч. вечера будетъ данъ большой концертъ, на углу Гагаринскаго проспекта! Въ 8 ч. на Михайловскомъ театрѣ» и т. д. нѣсколько объявленій. Въ «Сѣверной же Пчелѣ» читаемъ: «въ воксалѣ данъ будетъ балъ въ пользу бѣдныхъ,—*мысль истинно христіанская*,—будетъ и оркестръ Штрауса!» Или: «скоро начнется у насъ *концертная пора—великій постъ*». «Называютъ еще *постъ эпохою живыхъ картинъ*». Или, напр., «Сѣверная Пчела» *танцовщицу* Богданову однажды провозгласила *любимицей небесъ*. «Это ли, восклицаетъ ревнитель нравственности, истинное просвѣщеніе! Это ли плоды добраго христіанскаго образованія?» И все, говоритъ, ссылаются на «духъ времени». А того не могутъ сообразить, что «со времени паденія въ мірѣ дѣйствуютъ два духа: божественный духъ истины и преисподній духъ лжи... какъ и въ физической природѣ видимъ: день и ночь, востокъ и западъ. *Востокъ—свѣтъ. Зап-адъ* (который изъ двухъ духовъ внушилъ ревнителю православія мысль о такомъ составѣ слова *Западъ*,—неужели духъ истины?) *сумракъ, постепенно и постепенно склоняется къ тьмѣ*». Поэтому и два прогресса въ мірѣ: нравственный—религіозный и житейскій—мірской. «Въ прогрессѣ нравственно-религіозномъ замѣтны: тишина чувствъ, миръ и спокойствіе совѣсти, вѣяніе благодати и о всемъ благодареніе Господу. Въ прогрессѣ житейскомъ—мірскомъ—покой и нѣга тѣла... комфортъ!» Прогрессъ религіозный поучаетъ смиренію, а «прогрессъ суетный, мірской, и современная литература ввели въ употребленіе слова: гордимся! горжусь! «Слова неправославныя», какъ замѣтилъ одинъ изъ *вельможъ* нашего времени, пропитанный духомъ христіанскаго благочестія» (№ 1 «Петер. Вѣд.» 1856 г., примѣч.). «Гордость есть смертный грѣхъ и самый ненавистнѣйшій для Господа Бога. Но если изъ имени *гордость* можно производить глаголъ *горжусь* и хвалиться этимъ, то, стало быть, можно и изъ прочихъ именъ, означающихъ смертный грѣхъ, дѣлать то же самое?»

Весьма остроумно и благочестиво! Поистинѣ такія высокія мысли могутъ приходить въ голову только людямъ избраннымъ и ревнителямъ нравственности!..

277. Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи.

Москва. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 274. Замѣтка очень ядовитая, несмотря на всю свою сдержанность. Это была необходимая иллюстрація «настоящаго времени, когда» правительство такъ склонно избѣгать николаевской формалистики и намѣрено дать странѣ судъ скорый...

М. Л.

Книга эта издана еще въ прошломъ году, но мы лишь на-дняхъ случайно узнали о ней. Между тѣмъ, книгопродавцы говорятъ, что она разошлась очень быстро, и мы едва могли достать экземпляръ ея. Фактъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ отрадныхъ явленій, которыхъ такъ много произошло въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ; значитъ, начинаетъ возникать чувство законности и стремленіе узнать, по какимъ законамъ и формамъ совершается дѣлопроизводство въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ предисловіи къ книжкѣ (составляющей не болѣе, какъ объясненіе *къ плану* теченія бумагъ, изящно сдѣланному) издатель говоритъ слѣдующее:

«Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, что, по неимѣнію достаточныхъ свѣдѣній въ практическомъ дѣлопроизводствѣ, многія частныя лица иногда встрѣчаютъ затрудненіе въ ходатайствѣ по прошеніямъ, какъ поданнымъ ими самими, такъ и ихъ довѣрителями, а съ другой стороны, что скорѣйшее изученіе дѣлопроизводства составляетъ потребность и отличіе всякаго молодого неопытнаго чиновника, вступающаго на поприще гражданской службы, мы надѣемся изданіемъ нагляднаго способа къ познанію теченія бумагъ, *столь упрощеннаго въ послѣднее время*, заслужить *всеобщее благосклонное вниманіе и справедливое одобреніе*».

Затѣмъ издатель объясняетъ, что административный порядокъ теченія бумагъ избранъ имъ потому, что онъ служитъ основаніемъ теченію бумагъ по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ (путемъ слѣдственнымъ и судебнымъ), «съ весьма немногими измѣненіями, *а иногда и дополненіями*».

Надежды автора на «всеобщее благосклонное вниманіе и справедливое одобреніе» не напрасны. Дѣйствительно, по его плану и книжкѣ можно изучить дѣлопроизводство наше,—хотя и не безъ труда, вопреки замѣчанію автора, что оно очень *упрощено*. Въ книжкѣ перебраны четыре инстанціи: земскій судъ, губернское правленіе, департаментъ министерства и совѣтъ министра. Въ этихъ четырехъ инстанціяхъ бумага должна сдѣлать, по исчисленію книжки, 159 оборотовъ; столько же нужно и на обратномъ пути — къ исполненію, и вдвое болѣе, — если министръ потребуетъ какихъ-нибудь справокъ и объясненій. Изучить всю эту процедуру не такъ легко, тѣмъ болѣе, что здѣсь нужно исключительно брать памятью, безъ всякаго пособія соображенія, опирающагося на естественной ассоціаціи идей и требованіяхъ логической необходимости. Для примѣра представимъ здѣсь изложеніе порядка, по которому идетъ бумага, поступившая изъ земскаго суда въ губернское правленіе.

1. Дежурный расписывается въ пріемѣ пакета, содержащаго бумагу, записываетъ его въ Дежурную книгу и отдаетъ
2. Главному Регистратору, который распечатываетъ пакетъ и представляетъ бумагу
3. Старшему Секретарю, который, прочитавъ бумагу, дѣлаетъ на ней помѣтку, указывающую, въ какое отдѣленіе ее передать и возвращаетъ ее
4. Главному Регистратору; а этотъ, разсортировавъ всѣ поступившія въ этотъ день бумаги, раздаетъ ихъ подъ росписку въ Отдѣленія, изъ коихъ въ каждомъ имѣется свой
5. Младшій Регистраторъ, записывающій бумагу во Входящій реестръ и отдающій ее
6. Столоначальнику, который, расписавшись въ ея пріемѣ, передаетъ ее
7. Помощнику Столоначальника, обязанному записать ее въ Настольный реестръ и тотчасъ же возвратить
8. Столоначальнику, который подаетъ ее
9. Секретарю Отдѣленія, а этотъ представляетъ ее
10. Совѣтнику Отдѣленія, который пишетъ на ней краткую резолюцію: «къ докладу, къ свѣдѣнію, къ руководству», или «доложить, принять къ свѣдѣнію».
11. Столоначальникъ обратно беретъ бумагу и отдаетъ ее
12. Помощнику своему, который отмѣчаетъ резолюцію Совѣтника во Входящемъ реестрѣ и возвращаетъ бумагу
13. Столоначальнику.

Здѣсь по содержанію входящей бумаги составляется, на основаніи справки съ законами, проектъ журнала, котораго теченіе изображено на планѣ чертою *синяю* цвѣта. Столоначальникъ представляетъ проектъ журнала

14. Секретарю Отдѣленія, который, провѣривъ законы и разсмотрѣвъ проектъ, подаетъ его
15. Совѣтнику Отдѣленія; этотъ пишетъ отъ своего лица мнѣніе и все это отдаетъ

16. Секретарю Отдѣленія для передачи
17. Столоначальнику и для переписки
18. Писарю.

Здѣсь цвѣтъ черты на планѣ изъ синяго дѣлается *краснымъ*. Проектъ уже становится настоящимъ журналомъ, разрѣшающимъ входящую бумагу, и требуетъ слѣдующаго порядка:

19. Столоначальникъ его справляетъ,
20. Секретарь Отдѣленія его скрѣпляетъ,
21. Совѣтникъ Отдѣленія его подписываетъ, а за ними подписываютъ:

22—24. Два Совѣтника и Асессоръ. Отъ нихъ журналъ передается

25. Старшему Секретарю, который отсылаетъ его для подписи
26. Вице-Губернатору, а этотъ возвращаетъ его
27. Старшему Секретарю для доклада
28. Губернатору, который, подписавъ, возвращаетъ журналъ ему же,
29. Старшему Секретарю, который и отдаетъ его
30. Главному Регистратору; а этотъ записываетъ его въ книгу Регистратуры, выставляетъ на немъ нумеръ и посылаетъ его
31. Письмоводителю прокурора, расписывающемуся въ его полученіи и представляющему его
32. Прокурору, который его пропускаетъ, т.-е. утверждаетъ своимъ подписомъ и отдаетъ обратно
33. Письмоводителю, для передачи съ роспискою
34. Главному Регистратору, который, расписавшись въ полученіи журнала, отдаетъ его
35. Младшему Регистратору для представленія
36. Секретарю Отдѣленія, который передаетъ его для исполненія
37. Столоначальнику; а этотъ
38. Помощнику своему.

Здѣсь начинается исполненіе журнала, т.-е. составляется исходящая бумага, которой путь указываетъ *лиловая* черта, идущая отъ Помощника Столоначальника къ

39. Столоначальнику, который просматриваетъ черновое исполненіе и подаетъ его
40. Секретарю Отдѣленія, который также просматриваетъ и подаетъ его
41. Совѣтнику Отдѣленія, который еще его просматриваетъ и возвращаетъ
42. Секретарю Отдѣленія; а этотъ уже сдаетъ его
43. Столоначальнику, который въ свою очередь передаетъ его
44. Писарю для переписки.

Здѣсь черновое исполненіе становится бѣловымъ, которое

45. Столоначальникъ справляетъ,
46. Секретарь Отдѣленія скрѣпляетъ,
47. Совѣтникъ Отдѣленія подписываетъ и передаетъ
48. Секретарю Отдѣленія, который его отсылаетъ
49. Старшему Секретарю, а этотъ его докладываетъ
50. Губернатору, который его подписываетъ и передаетъ
51. Старшему Секретарю для отдачи
52. Главному Регистратору, имѣющему обязанность всѣ бумаги, подписанныя Губернаторомъ, сортировать по Отдѣленіямъ Губернскаго Правленія и отдавать ихъ подъ росписку
53. Младшему Регистратору, который записываетъ ее въ Исходящій реестръ и занумеровываетъ, и потомъ, запечатавъ въ пакетъ, отдаетъ
54. Дежурному, для записки въ Разносную книгу и для отдачи Разсыльному, который и относитъ бумаги по адресу.

Процедура, какъ видите, довольно сложная; но на планѣ, обозначенная чертами различнаго цвѣта и украшенная стрѣлками, для показанія направленія бумаги, она имѣетъ видъ довольно красивый.

---

278. Очеркъ исторіи нѣмецкой литературы съ присоединеніемъ во II-й части избранныхъ отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей.

Составл. *О. Шталемъ*. Часть I. Москва. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 274. Добролюбовъ хорошо понималъ, какъ широкая публика, жаждавшая тогда подобныхъ (разумѣется, по заглавію) сводныхъ работъ, могла наброситься на книгу Шталя, и потому отнесся къ нему рѣзко. Уколъ въ концѣ по адресу нѣмецкаго усердія имѣлъ свое злободневное значеніе: тогда много говорилось о роли нѣмцевъ у кормила правленія Россіи.

М. Л.

Странная, жалкая судьба постигаетъ всѣ наши попытки на поприщѣ образованія! Чуть только выскажется въ обществѣ желаніе учиться, чуть только кто-нибудь сдѣлаетъ шагъ впередъ, — сейчасъ же подскочитъ ловкій *спеціалистъ*, бывалый человѣкъ, авторитетъ, вождь ex-officio,—и предлагаетъ указать лучшую дорогу, облегчить трудности пути, поить, кормить и лелѣять васъ во все время вашего странствія. Только положитесь на него, — онъ васъ ужъ проведетъ!.. Хотите исторію знать,—г. Иванъ Шульгинъ вамъ руководство предлагаетъ [1]); географію,—г. Зуевъ составляетъ для васъ

1) См. № 259.

безчисленное множество атласовъ; грамматику,—къ вашимъ услугамъ гг. Гречъ и Иванъ Давыдовъ; педагогику, — г. Николай Вышнеградскій цѣлый журналъ для васъ основываетъ!.. Наконецъ, если своего ума и... смѣлости не хватитъ, такъ можно у иностранцевъ позаимствоваться. Для политической экономіи недавно явился у насъ отвратительный переводъ тупоумнаго курса Гарнье [1]); теперь вотъ для исторіи нѣмецкой литературы (т.-е. собственно — только *поэзіи;* въ книгѣ ни слова не говорится о нѣмецкихъ историкахъ, философахъ и пр.), является книжка, составленная г. Шталемъ по лекціямъ гг. Вильмара и Бартеля!.. Нужно же было взяться за это дѣло именно г. Шталю, который издалъ теперь только первую часть, но говоритъ въ предисловіи, что «если Богу будетъ угодно, то скоро явится и вторая!» Нужно же было этому почтенному сочинителю выбрать себѣ фанатически-односторонняго Вильмара и поверхностнаго Бартеля (можете себѣ представить, каковъ долженъ быть поверхностный нѣмецъ!)... Бранить г. Шталя, собственно говоря, не за что: онъ сдѣлалъ, что̀ умѣлъ и ка̀къ умѣлъ, сообразно своимъ способностямъ и понятіямъ. Понравились ему Бартель и Вильмаръ, за то, конечно, что оба очень благочестивы и скромны, — онъ имъ и предался душою. Полюбились они ему тѣмъ, что одинъ имѣлъ четыре, а другой восемь изданій въ Германіи, — онъ и сообразилъ, что недурно изъ нихъ составить книжку и для русской публики. Повѣрить ихъ сужденія, выразить свой собственный взглядъ на писателей, г. Шталь не могъ, вѣроятно, потому, что самъ не вполнѣ знакомъ съ нѣмецкой литературой... Чего же отъ него требовать? Въ чемъ его упрекать? Въ томъ развѣ, что не за свое дѣло взялся? Да какъ же это не его дѣло? Послушайте-ка, что̀ онъ говоритъ въ предисловіи: «въ надеждѣ, что предлагаемый очеркъ, писанный большею частью по лекціямъ гг. Вильмара и Бартеля *собственно только для моихъ учениковъ,* можетъ принести нѣкоторую пользу и другимъ, я рѣшаюсь издать его въ свѣтъ». Видите ли: это его спеціальность, онъ учитель, ex-officio учитель; какъ же ему не взяться за обученіе публики тому предмету, которому онъ (съ большимъ, должно быть, успѣхомъ) обучаетъ своихъ учениковъ?.. Нѣтъ, можно пожалѣть, что кто-нибудь другой не взялся за составленіе курса нѣмецкой литературы; но г. Шталя упрекать не за что!..

И какъ отозваться о самой книгѣ его? Полезна она или вредна можетъ быть для читателя? Какъ хотите; можетъ быть и то, и другое. Самое дурное въ большей части нашихъ учителей — то, что они не довольствуются сообщеніемъ намъ нужныхъ фактовъ, а хотятъ навязать и свои понятія объ этихъ фактахъ. У нихъ есть убѣжденіе, что они не только знаютъ больше, чѣмъ ихъ ученики; но что и мыслятъ они лучше. Вслѣдствіе того, разсказавши исторію какого-нибудь Молчалина, они никакъ не хотятъ предоставить ученику самому обсудить ее, а непремѣнно считаютъ долгомъ прибавить: «Молчалинъ есть примѣрный молодой человѣкъ...». Такимъ образомъ и случается почти всегда, что юноши наши обогащаются познаніями въ ущербъ здраваго смысла. Подобный ущербъ угрожаетъ всякому, кто захочетъ довѣриться сужденіямъ г. Шталя. Это обстоятельство едва ли не уничтожаетъ всю пользу, какую могло бы принести учащимся довольно подробное изложеніе нѣкоторыхъ произведеній нѣмецкой поэзіи (напр. Пѣсни о Нибелунгахъ, Рейнеке-Фукса, нѣсколькихъ пьесъ Шиллера и Гёте), представленное въ книгѣ г. Шталя. Правда, г. Шталь не искажаетъ смысла разсказываемыхъ произведеній, какъ это дѣлаетъ, напр. г. Орестъ Миллеръ въ своей диссертаціи [1]); но зато сужденія его ничуть не лучше тѣхъ, которыя представлены въ диссертаціи «О нравственной стихіи въ поэзіи». Напр. г. Шталь говоритъ, что драма Лессинга «Nathan der Weise» «основана *на томъ софизмѣ,* будто бы въ каждой вѣрѣ можно быть добрымъ человѣкомъ» (стр. 82). О «Фаустѣ» онъ говоритъ: «въ немъ Гёте хотѣлъ показать, что если человѣкъ ищетъ свободы внѣ Бога, въ необузданной жаждѣ знанія и грѣшной гордости стремится ко всевѣдѣнію, то подпадаетъ духу лжи и грубой чувственности, и погибаетъ во грѣхахъ» (стр. 106). И такихъ сужденій много въ «Очеркѣ» г. Шталя; какое понятіе дадутъ они читателю о смыслѣ художественныхъ произведеній? Впрочемъ, когда дѣло идетъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, которыхъ содержаніе разсказано въ книгѣ, то читателю представляется по крайней мѣрѣ возможность хоть нѣсколько повѣрить приговоръ г. Шталя. Но составитель «Очерка» не ограничивается частными сужденіями; онъ произноситъ свой судъ надъ цѣлыми періодами литературы, надъ цѣлыми партіями и направленіями,—и даже не представляетъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Какъ вамъ нравится, напр., такая характеристика Гейне (стр. 150—151).

[1]) См. № 200.

[1]) См. № 205.

«Людвигъ Берне и 'Ейнрихъ 'Ейне (г. Шталь вездѣ пишетъ значокъ ' вмѣсто нѣмецкаго Н)—*оба еврейскаго происхожденія, и уже по этому одному не могли*—ни искренно уважать христіанскую вѣру, ни, какъ всегда бываетъ у этого народа, питать истинной любви къ отечеству... 'Ейне не безъ основанія обвиняютъ въ безхарактерности и легкомыслiи. Онъ не стыдился издѣваться надъ самымъ святымъ; рисуясь предъ свѣтомъ своей міровой печалью, онъ на самомъ дѣлѣ *едва ли былъ способенъ чувствовать истинную печаль.* Изливъ свою тоску, онъ чрезъ минуту подсмѣивается надъ ней; *почти всѣ его произведенія обнаруживаютъ отсутствіе твердыхъ нравственныхъ убѣжденій*», и проч.

И ни одного факта въ подтвержденіе этихъ голословныхъ ругательствъ!..

Зато съ такою же точно голословностью восхваляетъ г. Шталь Редвица, Эйхендорфа, Гейбеля, котораго называетъ даже «однимъ изъ первыхъ лириковъ нашего времени». Какія средства имѣетъ читатель, не знающій этихъ поэтовъ, сообразить, что въ книжкѣ г. Шталя восхваляется систематически все прѣсное, вялое, праздное и гнилое?

А что за хаосъ въ общихъ понятіяхъ автора! Мы увѣрены, что никакая человѣческая логика не разберетъ изумительной путаницы, представляющейся напр. въ слѣдующемъ объясненіи причинъ, отъ которыхъ произошелъ упадокъ нѣмецкой литературы въ XIII вѣкѣ. Мы приведемъ вполнѣ эту страницу изъ книги г. Шталя, чтобы тутъ же кстати дать понятіе о способѣ его изложенія (стр. 52—3).

«Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ XIII столѣтія и теряемъ изъ вида это поэтическое время: тѣмъ безотраднѣе становится путь, тѣмъ мрачнѣе горизонтъ литературы. Мы вступаемъ въ обширную пустыню и лишь изрѣдка путешественникъ можетъ отдохнуть на зеленомъ оазисѣ у свѣжаго источника; онъ слышитъ пѣніе, и *передъ нимъ носятся воспоминанія о былыхъ красныхъ дняхъ златой поэзіи (!!).*

Съ пресѣченіемъ дома 'О'енштауфеновъ Германія упала съ своей политической высоты, и Рудольфъ Габсбургскій, какъ заботливый домохозяинъ, былъ занятъ одними только внутренними, *мелочными* интересами государства; пѣвцы, приходившіе къ его двору съ большими надеждами, уходили ни съ чѣмъ, унося свои пѣсни въ замки вельможъ. *Но каковъ господинъ, таковъ и слуга.*— Могущественные герои и князья обратили теперь свои мысли отъ дальней чужбины, гдѣ утихли шумные дни крестовыхъ походовъ, къ родинѣ; ихъ дѣятельность *ограничивалась заботами о ближайшей пользѣ своихъ подданныхъ, которымъ угрожали голодъ и язва, противодѣйствіемъ кулачному праву и хищничеству рыцарей,* распространявшемуся все болѣе вслѣдствіе ослабленія папской власти, какъ церковной, такъ и политической. Христіанская вѣра, этотъ богатый источникъ поэзіи того времени, ослабѣла; *мысли народа обратились исключительно къ земнымъ заботамъ. торговля расцвѣтала, города возникали и усиливались,* богатство росло подъ вліяніемъ различныхъ изобрѣтеній и открытій. *Чѣмъ болѣе возвышалось матеріальное развитіе, тѣмъ ниже упадала нравственная и поэтическая жизнь народа».*

Что это такое? Поэзія упала оттого, что государи стали заботиться о благѣ своихъ подданныхъ! Поэзія упала оттого, что кулачное право и хищничество ослабѣли! И вмѣстѣ съ этимъ христіанская вѣра тоже ослабѣла,—оттого, что хищничество и рѣзня стали преслѣдоваться!.. Что же это такое? Не написалъ ли это какой-нибудь фанатикъ изъ послѣдователей распопа Аввакума или Никиты Пустосвята? Нѣтъ,— на книгѣ стоитъ имя г. Шталя, повидимому нѣмца... Но онъ зашелъ уже, кажется, слишкомъ далеко въ своемъ усердіи, которымъ такъ славятся нѣмцы, поселившіеся въ Россіи.

---

279. О древнѣйшей исторіи сѣверныхъ славянъ до временъ Рюрика, и откуда пришелъ Рюрикъ и его варяги.

Александра Васильева. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 274.

М. Л.

Рецензентовъ часто упрекаютъ въ неосновательности ихъ сужденій о книгахъ и въ недостаткѣ деликатности относительно авторовъ. Но рецензенты не считаютъ свои статьи спеціально-учеными изслѣдованіями, и отъ каждой рецензіи нельзя ожидать *новаго слова* въ наукѣ. Что же касается до рѣзкости выраженій, то имъ она простительнѣе, нежели кому-нибудь. Трудно соблюсти тонъ уваженія и мягкое спокойствіе, встрѣчаясь съ книгою, подобною, напр., изслѣдованіямъ г. Васильева. Не легко рѣ-

Вологод. жел. дор. Библиотека. ЖОР

шить, что̀ въ ней хуже,—неразумность ли общей тенденціи автора, значительность ли частныхъ ошибокъ, наглость ли невѣжественнаго тона, безграмотность ли изложенія... Авторъ желаетъ, «чтобъ ему доказали его ошибочность»; но такого труда никто, конечно, не возьметъ на себя: не стоитъ,—тѣмъ болѣе, что г. Васильевъ, подъ эпиграфомъ къ своему сочиненію, взятымъ изъ Шафарика, помѣстилъ отъ собственнаго лица вотъ какія слова: «многіе возстанутъ противъ моихъ убѣжденій, но опровергнуть ихъ нѣтъ возможности». Прочитавши книжку г. Васильева, мы убѣдились, что дѣйствительно, судя по нѣкоторымъ особенностямъ его мышленія и историческихъ пріемовъ, опровергнуть его ничѣмъ невозможно. Итакъ, отложивъ всякую заботу объ этомъ, покажемъ читателямъ, какія диковинки заключаются въ книгѣ г. Васильева.

Тенденція г. Васильева состоитъ въ томъ, чтобы доказать *славянство варяговъ*. Въ этомъ онъ полагаетъ свою *амбицію*. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что мои объясненія и ближе къ истинѣ, и *несравненно благороднѣе* (!) выводовъ скандинавомановъ и нѣмцепоклонниковъ» (стр. 73). Какъ видите, онъ полагаетъ, что унизительно будетъ для русскихъ, если придется сознаться, что варяги были норманны! Такъ точно полагали русскіе академики прошлаго столѣтія, во главѣ которыхъ стоялъ Ломоносовъ; но то было слишкомъ сто лѣтъ назадъ. Ломоносовъ *офиціально* написалъ о Шлёцерѣ: «изъ сего заключить должно, *какихъ гнусныхъ пакостей ни наколобродитъ* въ Россійскихъ древностяхъ *такая допущенная въ нихъ скотина*». Совѣтъ русскихъ академиковъ призналъ оскорбительною для Россіи, и добился того, чтобы запретили, диссертацію Миллера, въ которой доказывалось скандинавство варяговъ... Теперь мы считаемъ предосудительными дѣйствія почтенныхъ академиковъ и не оправдываемъ въ этомъ случаѣ даже Ломоносова. Но г. А. Васильевъ восторгается поступкомъ Ломоносова, съ удовольствіемъ повторяетъ его выраженіе о Шлёцерѣ и самъ ругаетъ всѣхъ скандинавомановъ не хуже Ломоносова. Онъ не щадитъ даже Карамзина за его согласіе съ Шлёцеромъ и говоритъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее: «грустно видѣть, какъ вѣра въ капризно-самонадѣяннаго Шлёцера губила въ нашемъ благородномъ Карамзинѣ *даже гордость гражданина*» (стр. 39). Подите-ка послѣ этого, потолкуйте съ г. Васильевымъ объ отношеніи скандинавскаго происхожденія варяговъ къ гражданской гордости русскихъ XIX столѣтія!

Въ чемъ полагаетъ г. Васильевъ *гордость гражданина*, это отчасти видно изъ его книжки: онъ полагаетъ, что гордость гражданина состоитъ въ ругательствѣ на иноземцевъ и на всѣхъ, кто скажетъ о нихъ доброе слово. Шлёцера г. Васильевъ называетъ однимъ изъ волковъ, которыми Биронъ травилъ Россію (стр. 90). О Миллерѣ, Байерѣ и др. г. Васильевъ говоритъ, что они, «проникнутые нѣмецкимъ патріотизмомъ, терзали и губили сказанія о Ростіи» (стр. 163). Приводя одну фразу Полевого, онъ замѣчаетъ: «*грубое выраженіе педанта*, посвятившаго исторію не Главѣ русскаго народа, не народу, а иностранцу Нибуру!» и затѣмъ обвиняетъ Полевого въ томъ, что онъ *не сочинялъ исторіи*, а только передѣлывалъ Карамзина (стр. 97). Въ своей гражданской гордости г. Васильевъ полагаетъ, что исторію надобно *сочинять*, ежели та, какая есть, придется не по вкусу!..

И между тѣмъ этотъ авторъ, столь нагло ругающій другихъ, самъ выказываетъ не только историческое невѣжество, но даже безграмотность. Почти въ каждой цитатѣ его изъ лѣтописей находится по нѣскольку ошибокъ противъ древняго русскаго языка; большая часть именъ у него перековеркана. Амартолъ у него называется *Арматолою*, Гельмольдъ — *Гельмондолмъ*, Морошкинъ—*Мирошкинымъ*, Срезневскій—*Средневскимъ*, являются гг. *Крутъ*, *Крузъ*, *Струбъ* и пр. Пять или шесть разъ приводится, и въ одномъ мѣстѣ говорится, будто *во всѣхъ лѣтописяхъ* находится слѣдующее мѣсто: «и пришедше словени сѣдоша *около озера* Ильменя и нарѣкошася Русь, рѣки ради Русы, *еже впадаетъ* въ озеро» (стр. 35). Смѣемъ увѣрить г. Васильева, что такого мѣста, въ такомъ видѣ нѣтъ не только во всѣхъ, но и ни въ одной лѣтописи... Равнымъ образомъ можемъ сообщить ему, что Іорнандъ (на котораго онъ во многомъ опирается, но котораго, какъ самъ признается, *не читалъ*)—не жилъ въ IV вѣкѣ, какъ объявляетъ г. Васильевъ на стр. 165, и что вообще крайне неловко его перечисленіе писавшихъ о венедахъ: въ IV вѣкѣ Іорнандъ, *потомъ* Прокопій, Полибій (?), Гельмондъ (?). Мы уже и не говоримъ о той смѣлости, съ которой г. Васильевъ полагаетъ свое рѣшеніе о вопросахъ спорныхъ и выдаетъ за вѣрное свои соображенія, ни на чемъ не основанныя. Онъ смѣло утверждаетъ древность глаголической письменности, восходящую до V вѣка; онъ увѣряетъ, что Реймское Евангеліе древнѣе Остромирова; онъ дѣлаетъ производства словъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о фонетическихъ законахъ языка. Словопроизводства его хуже Тредьяков-

скаго: при равномъ патріотизмѣ и знаніи филологическихъ пріемовъ, г. Васильевъ уступаетъ Тредьяковскому въ остроуміи, и оттого производства его какъ-то лишены по большей части того затѣйливаго смысла, какой умѣлъ имъ придавать Тредьяковскій. Напр., онъ производитъ скандинавское имя *Гурдуви* отъ двухъ древне-славянскихъ словъ: *туръ*, извѣстный звѣрь, и *дуванъ*-дѣлежъ охотничьей или другой добычи; *Свѣнь* отъ славянскаго *свѣне*, кромѣ и пр. Натяжка явная, а остроумія мало... Есть, впрочемъ, и остроумныя производства, напр., имени *Стиръ* отъ слова *стирать*, *Тудковъ* — отъ слова *тутъ-ко*, что значитъ: *здѣсь я*, и пр. Но все-таки до Тредьяковскаго далеко г. Васильеву и въ учености, и въ грамотности, и въ остроуміи...

---

280. Для „Легкаго Чтенія“.

Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ IX. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 274.

М. Л.

Изданіе книгопродавца Давыдова, конечно уже извѣстное нашимъ читателямъ, продолжается съ прежнимъ успѣхомъ и отличается попрежнему удачнымъ выборомъ статей. Въ вышедшемъ теперь девятомъ томѣ помѣщены: «Тернистый Путь», романъ Т. Ч. (А. Марченко), шесть стихотвореній Борнса, въ переводѣ М. Л. Михайлова, «Пикникъ во Флоренціи», разсказъ А. Н. Майкова, «Бесѣда журналиста съ подписчикомъ», драматическія сцены въ стихахъ, помѣщенныя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Современникѣ», «Два зайца», повѣсть Е. Я. Колбасина, «Фанфаронъ», повѣсть А. Ѳ. Писемскаго.

Десятый томъ тоже приготовленъ къ изданію. Въ немъ будутъ помѣщены, между прочимъ, разсказъ Тургенева, повѣсть Щедрина, Станицкаго, Михайлова, нѣсколько стихотвореній Плещеева.

281—290. Свистокъ № 2.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

Напечатано вмѣстѣ съ № 274. При второй и третьей книжкахъ «Современника» «Свистокъ» былъ запрещенъ цензурою — вотъ причина его нерегулярнаго появленія. № 281 является пародіей, очень тонкой и не бьющей въ глаза, на поэтовъ чистаго искусства, которыхъ, какъ уже знаемъ, Добролюбовъ высмѣивалъ при каждомъ удобномъ случаѣ. № 284 высмѣиваетъ потуги доморощенныхъ экономистовъ, которые тогда, во времена для политической экономіи въ Россіи еще младенческія, появлялись во множествѣ. № 285 — небольшой выпадъ по адресу критика—сторонника чистаго искусства. Добролюбовъ не считалъ нужнымъ говорить о Григорьевѣ серьезно и никогда не нарушилъ своего правила. Григорьевъ—надо отдать ему справедливость—самъ посмѣялся надъ этой шуткой. «Читая замѣтку, весьма остроумную и забавную, я первый отъ души хохоталъ надъ бытіемъ Лажечникова до потопа, хохоталъ на свой собственный счетъ, конечно»; «за неудачное выраженіе: допотопный талантъ, такъ ловко обращенное «Свисткомъ» въ бытіе Лажечникова до потопа, стоять нечего» («Русское Слово» 1859; V). № 286—см. замѣтку къ № 245. № 287—есть стихотворное изображеніе разлада между журналистикою и «Современникомъ», вѣрнѣе—самимъ Добролюбовымъ и Чернышевскимъ, къ которымъ и относится названіе «бѣса», повиннаго во всѣхъ прегрѣшеніяхъ передъ торжествующей журналистикой. № 288 на тему объ обличительной литературѣ, новаго въ себѣ ничего не заключаетъ. №№ 289 и 290—насмѣшка

надъ гласностью, якобы поощряемою либеральнымъ правительствомъ.

Въ Москвѣ этотъ номеръ «Свистка» произвелъ сильное впечатлѣніе; ожидали, чтобы онъ еще лучше отдѣлалъ тамошнихъ либераловъ. Узнавъ объ этомъ, Добролюбовъ пишетъ Бордюгову: «Насчетъ «Свистка» могу тебѣ сообщить, что его въ майской книжкѣ не будетъ. Я не охотникъ нападать на людей, находящихся въ такомъ паническомъ страхѣ, съ какимъ теперь всѣ истые москвичи ждутъ «Современника». Я подожду, пока они успокоятся немного и скажутъ: «вотъ видите, — мы вѣдь говорили» и пр. Тогда-то я и сяду имъ опять, какъ снѣгъ, на голову: на-те, молъ, вамъ... А теперь у нихъ и воспріимчивость-то страхомъ пришиблена. Мы, было, принялись съ Некрасовымъ сочинять стихотвореніе, которое начиналось стихомъ «Душа летитъ въ Армянскій переулокъ»... но съ первыхъ стиховъ оно оказалось слишкомъ свирѣпымъ, и безъ достаточнаго повода печатать его нельзя. Подождемъ, пока въ Армянскомъ переулкѣ появится на насъ ругательная статья, которую, говорятъ, Катковъ уже готовитъ» («Матеріалы», 507).

Армянскій переулокъ — мѣсто изданія «Русскаго Вѣстника». Въ бумагахъ Добролюбова этого подготовлявшагося стихотворенія мною не найдено. Статья Каткова тоже напечатана не была.

№№ 283, 287 и 290 подписаны были: «Конрадъ Лиліеншвагеръ»; № 288—«Д. Свиристелевъ».

М. Л.

---

281. КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

При самомъ первомъ, еще не твердомъ шагѣ своемъ на поприщѣ общественной дѣятельности, встрѣченный всеобщимъ негодованіемъ серьезныхъ дѣятелей науки и литературы, «Свистокъ» внезапно умолкъ, подобно робкому чижу, изображенному славнымъ баснописцемъ, Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ въ баснѣ его сочиненія: «Чижъ и ежъ». Отличаясь скромностью, неразлучною съ истиннымъ достоинствомъ, «Свистокъ» безропотно покорился приговору строгихъ судей, признавшихъ его недостойнымъ *настоящаго времени, когда* возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ. И скромность его не осталась безъ возмездія: онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ отсутствіе его при второй книжкѣ «Современника» поразило грустію чувствительныя сердца читателей: онъ имѣлъ рѣдкое на землѣ наслажденіе—убѣдиться, что непоявленіе его и при третьемъ нумерѣ журнала повергнуло публику въ мрачное отчаяніе. Но проникнутый гуманностью современной эпохи, «Свистокъ» скоро сознался, что радость о людскихъ огорченіяхъ противна всѣмъ нравственнымъ законамъ, и, вслѣдствіе того, рѣшился доставить себѣ наслажденіе, болѣе чистое и возвышенное, и притомъ болѣе сообразно съ естественными наклонностями его натуры: онъ рѣшился вновь явиться предъ публикою, чтобы видѣть ея непритворную радость при его появленіи. Вся природа благопріятствуетъ его намѣренію и, кажется, съ нѣжною улыбкою благословляетъ его на дѣятельность. „*Шествуетъ весна*“, по выраженію поэта; „*берега расторгаютъ ледъ*“, по замѣчанію третьяго поэта. Все твореніе оживаетъ и наполняется звуками; скоро прилетятъ птички, будутъ благоухать цвѣты, просвѣщеніе быстрымъ потокомъ разольется по необъятной Россіи... Кто можетъ молчать при видѣ такихъ отрадныхъ событій! «Свистокъ» ли?—Нѣтъ!..

I.

282. МОТИВЫ РУССКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗІИ.

Отдавая дань природѣ, мы даемъ первое мѣсто благородной и исполненной смѣлыхъ идей поэмѣ г. Лиліеншвагера: «Четыре времени года». Этотъ поэтъ-мыслитель замѣчателенъ особенно тѣмъ, что природа, со всѣми своими красами, для него, собственно говоря, не существуетъ сама по себѣ, а лишь служитъ поводомъ къ искуснымъ приноровленіямъ и соображеніямъ, почерпнутымъ изъ высшей жизни духа. Въ новѣйшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересуетъ насъ, насколько она служитъ отраженіемъ разумной, духовной жизни. Съ этой точки зрѣнія долженъ быть признанъ огромный талантъ въ г. Лиліеншвагерѣ, который, какъ и самъ признается, «всѣмъ явленіямъ природы придаетъ смыслъ живой», никогда не пускаясь въ простое, безплодное поэтизированье неразумныхъ явленій міра. Поэзія его должна составить новую эпоху въ нашей литературѣ: нельзя безъ особеннаго чувства читать стихотворенія, въ которыхъ поэтъ, при видѣ весны, размышляетъ объ англійскомъ судопроизводствѣ, или, отморозивши себѣ носъ, съ отрадою предается историческимъ воспоминаніямъ о двѣнадцатомъ годѣ. До сихъ поръ только г. Розенсеймъ приближался нѣсколько къ такой высотѣ, да еще развѣ гг. Майковъ и Бенедиктовъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ да-

вали слабые намеки на подобную гражданскую поэзію. Прочитавши поэму г. Лиліеншвагера, читатели согласятся съ нами, что къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь, можно приложить слова г. Дружинина (въ «Библіот. для Чтенія» 1859 г. № 1) о г. Майковѣ: «онъ сумѣлъ проложить себѣ дорогу и въ мірѣ высокихъ помысловъ доискаться того лиризма, которымъ натура его не была богата».

283. ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

1.

ВЕСНА.

Боже! Солнце засіяло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало,
И цвѣточки расцвѣли!
Жизнью, свѣтомъ всюду вѣетъ,
Мысль о смерти далека,
И въ душѣ идея зрѣетъ,
Поэтично высока!
Такъ законовъ изученье
Свѣтъ и жаръ намъ въ сердце льетъ
И свободное теченье
Нашей мысли придаетъ.
Такъ въ разумномъ вертоградѣ
Правыхъ англійскихъ судовъ
Расцвѣтаетъ, пользы ради,
Много нравственныхъ цвѣтовъ!..
Всѣмъ явленіямъ природы
Придавая смыслъ живой,
Къ солнцу правды и свободы
Возношусь я такъ весной!

2.

ЛѢТО [1]).

Иду по нивѣ я, смотрю на спѣлый колосъ,
Смотрю на дальный лѣсъ и слышу звонкій голосъ
Веселыхъ поселянъ, занявшихся жнитвомъ
И живописно такъ склоненныхъ надъ серпомъ...
Иду и думаю: такъ нравственности зерна,
Такъ мысли сѣмена пусть вырастутъ проворно
На нивѣ нравственной Россіи молодой
И просвѣщенія дадутъ намъ плодъ благой.
Пускай увидимъ мы, пока еще мы вживѣ,
На невещественной, духовной нашей нивѣ,
Духовный хлѣбъ любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнемъ всѣ: ура!..

[1]) Пародія на «Ниву» Ап. Майкова.

3.

ОСЕНЬ.

Вѣтеръ одежду зеленую
Съ дерева рветъ,
Все въ эту пору студеную
Вянетъ и мретъ.
Но и съ главой обнаженною
Дубъ вѣковой
Полонъ своей непреклонною,
Мощной красой.
Крѣпкій корней своихъ твердостью,
Онъ безъ листовъ
Ждетъ съ благородною гордостью
Бурь и вѣтровъ.
Такъ надъ главой благородною
Годы мелькнутъ,
И украшенье природное—
Кудри — сорвутъ.
Но и съ главою плѣшивою
Силенъ душой,
Будетъ *онъ* гордъ предъ лѣнивою
Глупой толпой...
Онъ не надѣнетъ, съ плачевною
Миной, парикъ;
Но красотою душевною
Будетъ великъ.

4.

ЗИМА.

Зима холодная! Тебя въ укоръ намъ ставятъ
Тѣ, кои чуждое все неразумно славятъ.
Но мнѣ пріятнѣе родимая зима,
Чѣмъ пресловутая Италія сама.
Невольнымъ образомъ нашъ холодъ жесточайшій
Напоминаетъ мнѣ о родинѣ дражайшей.
Идя по улицѣ и отморозивъ носъ,
Съ отрадою всегда припомнишь тотъ морозъ,
Что намъ въ двѣнадцатомъ году помогъ французовъ
Прогнать и перебить, какъ самыхъ жалкихъ трусовъ.
Тогда вся кровь во мнѣ кипитъ на холоду;
Я самъ тогда живу въ двѣнадцатомъ году,
Не чуя холода, ни вѣтра завываній,
Полнъ историческихъ, родныхъ воспоминаній.
Дрожь въ тѣлѣ чувствуя, пылаю я душой
И родину люблю сильнѣе я зимой.
Я гордо сознаю тогда душою мощной,
Что Русь дѣйствительно есть исполинъ полнощный!..

II.

284. МЫСЛИ О ДОРОГОВИЗНѢ ВООБЩЕ И О ДОРОГОВИЗНѢ МЯСА ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Извѣстно, что были времена, когда ученые, какъ и поэты, рѣшительно не имѣли

понятія о томъ, что значатъ слова *дорого* и *дешево*: они ничего не покупали, потому что никогда не имѣли ни копѣйки денегъ. Но эти блаженныя времена прошли. Теперь ученые, заботясь о примѣненіи науки къ жизни, весьма интересуются дороговизной и безпрестанно печатаютъ о ней статейки. Но статейки ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются чрезвычайною мрачностью и даже какимъ-то ожесточеніемъ (вѣроятно, вслѣдствіе того, что у нихъ деньжонокъ-то все-таки немного). По ихъ словамъ, дороговизна есть что-то — не только дурное въ настоящемъ, но даже опасное для будущаго; они [находятъ въ ней какія-то мрачныя предвѣстія], толкуютъ о бѣдствіяхъ человѣчества, о возвышеніи заработной платы, объ увеличеніи жалованья [бѣднымъ чиновникамъ] для предотвращенія страшныхъ золъ отъ дороговизны... Иные доходятъ до того, что предполагаютъ возможными подкупность чиновниковъ и взяточничество, какъ слѣдствія дороговизны. Безразсудные! Они не понимаютъ, что честный человѣкъ всегда остается честнымъ и скорѣе умретъ [и уморитъ свою семью съ голоду], нежели возьметъ взятку! Они полагаютъ, что нужно честнымъ людямъ давать средства къ безбѣдной жизни, для того, чтобы они не воровали на службѣ! Какое жалкое недовѣріе къ нравственному величію человѣческой природы! какое непониманіе свойствъ истинной добродѣтели! Близорукіе ученые забываютъ, что добродѣтель именно и познается въ трудныхъ испытаніяхъ, что безъ борьбы нѣтъ подвига! Не диво, ежели чиновникъ не будетъ брать взятокъ, имѣя достаточное жалованье; тутъ и заслуги никакой не будетъ... А вотъ — поживи-ка съ маленькимъ жалованьемъ, перенеси дороговизну и останься безкорыстнымъ: вотъ тогда будетъ за что похвалить тебя!.. Съ этой (весьма возвышенной, кажется) точки зрѣнія нужно желать, чтобы дороговизна продолжалась какъ можно долѣе и постоянно возвышалась. [Вслѣдствіе ея, нѣкоторые изъ честныхъ чиновниковъ оставили бы, конечно, земное поприще своихъ подвиговъ за недостаткомъ питанія; но зато на остальныхъ, которые пережили бы всѣ испытанія, можно было бы ужъ смѣло положиться и опредѣлять ихъ на должности съ жалованьемъ двухсотъ рублей въ годъ и съ обязательствомъ содержать на эти же деньги канцелярію изъ трехъ писарей...]

Но, къ утѣшенію человѣчества, не всѣ ученые представляютъ дороговизну въ мрачномъ видѣ. Люди, посвятившіе себя разрѣшенію промышленныхъ вопросовъ, разсуждаютъ о ней очень разумно. Такъ въ «Вѣстникѣ Промышленности» мы съ радостью нашли замѣтку, въ которой дороговизна мяса причисляется къ отраднымъ явленіямъ нашего экономическаго быта... такъ-таки этими самыми словами и причисляется. «*Одна изъ главныхъ причинъ возвышенія цѣнъ на мясо не только въ столицахъ, но и во всей Россіи* (говоритъ «Вѣстникъ»), *есть всеобщій миръ и прекращеніе рекрутскихъ наборовъ, почему подобную дороговизну относимъ мы къ отраднымъ явленіямъ нашего экономическаго быта*» («Вѣстн. Пром.» I, 1859, № 1, стр. 8—9). Ясно? Радуйтесь же: причина зла найдена, а извѣстно, что узнаніе корня зла уже заключаетъ въ себѣ возможность его уничтоженія, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Итакъ, по «Вѣстнику Промышленности», одна изъ главныхъ причинъ, а, слѣдовательно, и одно изъ главныхъ средствъ къ устраненію дороговизны — открыто. Хотите, чтобы мясо стало дешевле? Начните войну и произведите рекрутскій наборъ, вотъ и все! Да и зачѣмъ же ограничивать открытіе «Вѣстника» однимъ мясомъ? Онъ утверждаетъ, что война и наборъ заставляютъ крестьянина дѣлать экстренные расходы, и потому онъ продавалъ свою корову: оттого ихъ и много было въ продажѣ. Да отчего же непремѣнно корову? Для экстренныхъ расходовъ крестьянинъ могъ продавать и лошадь, и телѣгу, и кафтанъ, и хлѣбъ, и свои собственныя руки (если могъ располагать ими); слѣдовательно, рекрутскій наборъ можетъ произвести всеобщую дешевизну: не мясо только, а и хлѣбъ, и работа, и мануфактурныя произведенія, словомъ — все будетъ дешевле... только рекрутскій наборъ произведите. Но вы не хотите набора? Въ такомъ случаѣ радуйтесь дороговизнѣ, признавая ее *отраднымъ явленіемъ* нашего экономическаго быта... Во всякомъ случаѣ — или рекрутскій наборъ, или дороговизна: выходъ изъ этой дилеммы невозможенъ...

Впрочемъ, прекращеніе рекрутскихъ наборовъ составляетъ только *одну изъ главныхъ*, а не *единственную* причину дороговизны. Есть и другія причины, на которыя указываетъ г. И. Л. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 50). По мнѣнію его, провизія въ Петербургѣ возвышается въ цѣнѣ *оттого, что портится*. Вотъ собственныя выраженія г. И. Л.: «нельзя (въ Петербургѣ) долго и хорошо сохранить провизію, *которая скоро портится, а отъ этого возвышается въ цѣнѣ*». То-есть: какъ только провизія испортится, такъ, по этому самому и возвысится въ цѣнѣ!.. Очень правдоподобное заключеніе.

Другая причина дороговизны, указанная г. И. Л., состоитъ въ томъ, что нынѣ наличная единица монеты слишкомъ велика. «*Всѣ*—говоритъ—*привыкли къ денежнымъ*

единицамъ—копѣйкѣ и рублю, но эти единицы возвысились теперь въ 3½ раза». Эта мысль особенно замѣчательна по своей простотѣ и вмѣстѣ по глубокому политико-экономическому смыслу. Въ самомъ дѣлѣ: фунтъ говядины стоилъ, напр., 14 копѣекъ мѣди; вдругъ введенъ счетъ на серебро; выходитъ, что фунтъ долженъ стоить всего 4 копѣйки. Но привычка — вторая натура; всѣ считаютъ копѣйки и рубли попрежнему и продолжаютъ продавать и покупать говядину по 14 копѣекъ, не замѣчая, что это на ассигнаціи составитъ уже 49 коп. Стало быть, стоитъ только ввести опять курсъ на ассигнаціи, и все мгновенно подешевѣетъ. Теперь уже привычка къ новому счету на серебро сдѣлана всѣми; слѣдовательно, и при новомъ курсѣ цѣны на всѣ предметы останутся тѣ же; за фунтъ говядины будутъ попрежнему платить 14 копѣекъ, а, между тѣмъ, въ сущности-то онъ будетъ стоить уже только 4 копѣйки. Такимъ образомъ, покупатели сократятъ всѣ свои издержки въ 3½ раза, а торговцы будутъ воображать, что получаютъ за свой товаръ тѣ же самыя деньги, что̀ и прежде. Обѣ стороны, значитъ, будутъ довольны. А между тѣмъ какъ это просто!

Возразятъ, конечно, что «купцы наконецъ могутъ замѣтить разницу между прежнимъ курсомъ и новымъ, и станутъ все продавать дороже». Но этого сдѣлать они не могутъ, иначе лишатся всѣхъ покупателей. Напр., теперь четверть овса стоитъ четыре рубля; извозчики и этой цѣной тяготятся и говорятъ, что при этакой дороговизнѣ «не больно раскормишь лошадь». Вообразите же, что вдругъ, по новому курсу, потребуютъ съ извозчика 14 рублей! Само собою разумѣется, что онъ придетъ въ ужасъ и вовсе не купитъ овса: продавцу необходимо спустить цѣну, чтобы не отогнать отъ себя всѣхъ покупателей. Слѣдовательно, хотя нельзя думать, что при новомъ курсѣ овесъ будетъ стоитъ всего только четыре рубля ассигнаціями, но съ вѣроятностью можно предполагать, что нормальная цѣна овса остановится рубляхъ на пяти или шести. На видимую прибавку рубля или двухъ покупатель, вѣроятно, согласится, сообразивъ, что черезъ это у него въ самомъ дѣлѣ сохраняется восемь или девять рублей въ карманѣ.

Очевидно, что мысль г. И. Л. практична и доказываетъ глубокое изученіе имъ законовъ политической экономіи. Въ одномъ только можно упрекнуть его: онъ не доканчиваетъ своего дѣла и останавливается на половинѣ дороги. Намъ кажется, что, ставши на точку зрѣнія г. И. Л., можно всѣ предметы удешевить почти до степени даровщины. Что мѣшаетъ, напр., назвать копѣйку рублемъ, а рублевыя бумажки переименовать въ сторублевыя? Въ сущности, положеніе финансовъ не перемѣнится: но зато въ жизни какая разница!.. Теперь, напр., фунтъ чаю стоитъ 3 руб.; вѣдь не можетъ же быть, чтобъ при новомъ курсѣ купецъ не посовѣстился запросить съ васъ *триста* руб. за фунтъ чаю! Да если и запроситъ, то вы можете съ негодованіемъ возразить ему, что такихъ цѣнъ не бываетъ, что онъ сошелъ съ ума, что чай всегда продавался по три рубля... Онъ, конечно, станетъ вамъ уступать, и довольно легко вамъ будетъ сойтись на десяти, много — одиннадцати рубляхъ... А въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь это будетъ составлять только одиннадцать *копѣекъ!*.. Математически можно доказать, что подобная мѣра въ весьма короткое время возвыситъ народное благосостояніе во столько разъ, на сколько единицъ увеличена будетъ номинальная цѣнность монеты.

Итакъ:

1) рекрутскіе наборы прекратились, и оттого мясо вздорожало;

2) провизія скоро портится и отъ этого возвышается въ цѣнѣ;

3) всѣ платятъ серебромъ то же самое, что̀ прежде платили ассигнаціями, и оттого все обходится дороже.

Отсюда — для отвращенія дороговизны необходимо:

1) дѣлать сколько возможно чаще рекрутскіе наборы;

2) дѣлать большіе подвозы порченой провизіи: по законамъ политической экономіи, когда предложеніе порченой провизіи будетъ очень велико, тогда порча не будетъ слишкомъ возвышать ея цѣну;

3) переименовать четвертаки въ рубли, или, еще лучше—копѣйки назвать рублями.

Тогда все подешевѣетъ. Это ясно...

III.

285. О ДОПОТОПНОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЛАЖЕЧНИКОВА.

(Изслѣдованіе *г. Ап. Григорьева*).

Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей о новомъ трудѣ, предпринятомъ извѣстнымъ критикомъ нашимъ, А. А. Григорьевымъ. Въ одной изъ критическихъ статей своихъ, въ прошломъ мѣсяцѣ, г. Григорьевъ возвѣстилъ, что онъ занимается изслѣдованіями *о допотопномъ значеніи Лажечникова.* Изъ нѣсколькихъ строкъ, мимоходомъ сказанныхъ критикомъ по этому случаю, трудно сдѣлать опредѣленное заключеніе о содержаніи и смыслѣ его изысканій; но самая

новость и необычайность предмета должна уже возбудить любопытство публики. Особенно интересно то, что критикъ нашелъ въ г. Лажечниковѣ совершеннѣйшій допотопный типъ; по его словамъ, г. Лажечниковъ есть не что иное, какъ *полнѣйшее оправданіе мысли о допотопныхъ организаціяхъ въ мірѣ искусства*». Къ сожалѣнію, г. Григорьевъ не сообщилъ еще подробностей своихъ изысканій о г. Лажечниковѣ, а только обѣщаетъ изложить ихъ въ одной изъ слѣдующихъ статей. «*Допотопное значеніе Лажечникова*, — говоритъ онъ, — *будетъ ясно, когда я буду говорить о народности и объ отношеніи къ ней критическаго сознанья*» («Русск. Слово», 1859 г. № III, Крит., стр. 27, строка 20 и сл.). Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ разсужденій критика нашего «о народности и объ отношеніи къ ней критическаго сознанья», долженствующихъ сдѣлать для насъ яснымъ допотопное значеніе г. Лажечникова... Результаты, добытые г. Григорьевымъ въ этомъ удивительномъ вопросѣ, не преминемъ сообщить читателямъ; а до тѣхъ поръ просимъ и ихъ самихъ вдуматься въ необычайность открытія о значеніи Лажечникова *до потопа!*

IV.

286. РАСПИСКА г. БѢШЕНЦОВА ВЪ ПОЛУЧЕНІИ...

Въ «Современникѣ» помѣщена была рецензія стихотвореній г. Бѣшенцова [1]). Въ удостовѣреніе, что рецензію эту читалъ,— г. Бѣшенцовъ прислалъ намъ стихотвореніе «По поводу рецензіи», при слѣдующихъ строкахъ: «Препровождая при семъ стихотвореніе, написанное мной, по случаю рецензіи, прошу покорнѣйше его напечатать». Исполняя его желаніе, мы позволимъ себѣ только одинъ, можетъ быть нескромный, вопросъ: почему г. Бѣшенцовъ предполагаетъ, что журнальныя рецензіи на его стихи были слѣдствіемъ *интригъ и сплетенъ*? Не знаемъ, какъ другіе, но что касается до насъ, то мы говорили *только о стихахъ* г. Бѣшенцова *и о томъ, что изъ стиховъ слѣдуетъ*. Рецензентъ «Современника» никогда отроду не видалъ г. Бѣшенцова; отчего же *скромный* поэтъ полагаетъ, что въ рецензіи были *личности*, и почему именно *презрѣнныя* личности? Неужели замѣчанія рецензента о *стихахъ* г. Бѣшенцова оказались примѣнимыми къ дѣйствительной жизни скромнаго поэта? Въ такомъ случаѣ, остается намъ подивиться странной случайности и пожалѣть, что не выпало такой же удачи на долю самого г. Бѣшенцова, который, въ своемъ выстрѣлѣ по рецензенту, ужасно неловко промахнулся. Впрочемъ, судите сами: мы печатаемъ стихотвореніе г. Бѣшенцова, даже не отмѣчая курсивомъ дурныхъ стиховъ и грамматическихъ ошибокъ.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗІИ.

Какъ грустно, въ нашъ пытливый вѣкъ,
Вѣкъ прогрессивнаго стремленья,
Когда такъ жаждетъ человѣкъ
Научныхъ знаній просвѣщенья,
— Встрѣчать въ числѣ журнальныхъ книгъ,
Съ фальшивой фирмой, — современныхъ, —
Проводниковъ однѣхъ интригъ
Да сплетенъ, личностей презрѣнныхъ.
Какого ждать отъ нихъ добра!
— Они въ лакейскихъ лишь пригодны.
Изъ-подъ продажнаго пера
Не выйдетъ мысли благородной.
Иный присяжный рецензентъ,
Изъ касты, завистью клейменной,
Бранитъ, иль хвалитъ, какъ агентъ
Торговли книжной и письменной.

А. Бѣшенцовъ.

[1]) См. № 245.

V.

287. НАШЪ ДЕМОНЪ.

(Будущее стихотвореніе).

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,
И обличительное слово
Лилось изъ каждаго пера;
Когда Россія съ умиленьемъ
Внимала звукамъ Щедрина [1]),
И разсуждала съ увлеченьемъ,
Полезна палка иль вредна [2]);
Когда возгласы раздавались,
Чтобъ за людей считать жидовъ [3]),
И мужики освобождались,
И вредъ былъ сознанъ откуповъ;
Когда Громека съ силой адской
Все о полиціи писалъ [4]);
Когда въ газетахъ Вышнеградскій
Насъ безкорыстьемъ восхищалъ [5]);
Когда мы гласностью карали
Злодѣевъ, скрывъ ихъ имена,
И гордо міру возвѣщали,
Что мы возстали ото сна;
Когда для Руси въ школѣ Сэя
Открылся счастья идеалъ,
И лишь издатель «Атенея»
Искусства свѣточъ возжигалъ;—

[1]) Его «Губернскимъ очеркамъ» и «Невиннымъ разсказамъ».
[2]) Споры съ кн. В. А. Черкасскимъ о розгѣ (см. № 242).
[3]) См. № 252.
[4]) Рядъ статей въ «Рус. Вѣстникѣ», очень читавшихся публикою.
[5]) См. № 250.

Въ тѣ дни, исполненъ скептицизма,
Злой духъ какой-то намъ предсталъ,
И новымъ именемъ *трюизма*
Святыню нашу запятналъ.
Не зналъ онъ ничего святого:
Громекой не былъ увлеченъ,
Не оцѣнилъ комедій Львова,
Не вѣрилъ Кокореву онъ [1]).
Не вѣрилъ онъ экономистамъ,
Проценты *ростомъ* называлъ,
И мефистофелевскимъ свистомъ
Статьи Вернадскаго встрѣчалъ [2]).
Не вѣрилъ онъ, что нуженъ геній,
Чтобы разумный дать отвѣтъ,
Среди серьезныхъ нашихъ преній
Нужна ли грамотность иль нѣтъ...
Онъ хохоталъ, какъ мы рѣшали,
Что красть не слѣдуетъ въ нашъ вѣкъ,
И какъ гуманно утверждали,
Что жидъ есть тоже человѣкъ.
Сонмъ благородныхъ «протестантовъ» [3])
Онъ умиленно не почтилъ,
И даже братьевъ Милеантовъ
Своей насмѣшкой оскорбилъ.
Не оцѣнилъ онъ Розенгейма,
Ростопчину онъ осмѣялъ,
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости онъ клалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И публицистовъ нашихъ страстность,
И даже самый «Атеней»,—
Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ желчный этотъ бѣсъ,
Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья,
Бѣсъ, отвергающій прогрессъ.

VI.

288. ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

«*Чей* шопотъ въ душу проникаетъ?
Кто говоритъ мнѣ: «веселись!»

Такъ спрашиваю я себя съ нѣкотораго времени чуть не каждый день, — и вотъ по какому случаю.

Съ каждой почтой получаю я изъ столицъ (преимущественно изъ Москвы) газеты и журналы, и въ каждомъ ихъ нумерѣ меня поражаетъ какой-то таинственный голосъ, разсказывающій какую-нибудь изъ мелкихъ житейскихъ непріятностей и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляющій, что «пришла, наконецъ, благодатная, радостная, желанная, и т. п., пора, когда подобныя непріятности можно разсказывать во всеуслышаніе». Подъ разсказомъ обыкновенно подписанъ какой-нибудь *зетъ* или *иксъ*, а чаще — и ничего не подписано; мѣстность не обозначена; къ кому голосъ относится, — неизвѣстно. Я долго ломалъ себѣ голову, чтобы узнать, о чемъ хлопочутъ восторженные разсказчики, и, наконецъ, остановился на предположеніи, которое на первый разъ можетъ вамъ показаться страннымъ, но которое не лишено своей доли правдоподобія. Я полагаю, что всѣ безыменныя извѣстія въ вашихъ газетахъ сочиняетъ одинъ какой-нибудь шалунъ, желающій подурачить васъ, господъ редакторовъ. Вы всѣ, вѣдь, разумѣется, — народъ кабинетный; вы насквозь пропитаны идеальными понятіями о жизни; вамъ все въ мірѣ представляется необыкновенно связнымъ, разумнымъ, чистымъ и проч. Въ своемъ умозрительствѣ вы, по невѣдѣнію дѣйствительной жизни, рѣшительно уподобляетесь тому профессору, который у Гейне «затыкаетъ своимъ колпакомъ всѣ прорѣхи мірозданія». Вы еще недавно стали соглашаться, что жизнь имѣетъ нѣкоторыя права, что литераторъ тоже есть, до нѣкоторой степени, *смертный*, что *толпа* достойна отчасти вашего вниманія, и пр. Мы, разумѣется, тотчасъ же примѣтили начало вашего обращенія и дружно рукоплескали благому начинанію. Но для вашей же пользы позвольте намъ иногда сообщать свои замѣчанія о нѣкоторыхъ *странностяхъ*, нерѣдко проявляющихся въ вашихъ сужденіяхъ о дѣйствительной жизни, съ которою вы начинаете знакомиться. На этотъ разъ я намѣренъ сообщить вамъ нѣсколько практическихъ замѣчаній о тѣхъ голосахъ, которые теперь такъ часто раздаются въ журналахъ и газетахъ.

Имѣя о русской жизни и русскомъ обществѣ понятіе, какъ видно, самое неопредѣленное, вы постоянно приходите въ изумленіе, поднимаете шумъ и начинаете горячиться изъ-за такихъ вещей, къ которымъ мы всѣ давно уже привыкли, и которыя вообще не принадлежатъ къ числу явленій чрезвычайныхъ. Вамъ, напр., скажутъ, что кто-то и гдѣ-то взятку взялъ; вы сейчасъ думаете: «ужасное, чудовищное и сверхъестественное событіе! надо о немъ объявить

[1]) Здѣсь кстати упомянуть, что Кокоревъ настолько ненавидѣлъ Добролюбова за постоянное высмѣиваніе и намеки на его темныя дѣлишки, что онъ не постѣснялся пустить о немъ ужаснѣйшую клевету, которой, конечно, нашлись и вѣрующіе. Въ мартовской книгѣ 1859 г. «Современника» была напечатана статья Ѳедоровскаго—«Подольско-Витебскій откупъ», весьма и весьма непріятная для Кокорева, изобличавшагося въ даваніи взятокъ мѣстной администраціи. Кокоревъ, не долго думая, пустилъ слухъ, что Ѳедоровскій—псевдонимъ Добролюбова, получившаго отъ откупщика Бенардаки 80.000 рублей. Бордюговъ немедленно сообщилъ объ этомъ Н. А. («Матеріалы», 509 — 510; бумаги Литературнаго Фонда).

[2]) Статьи объ общинѣ.

[3]) Т.-е. участниковъ въ протестѣ (см. № 252).

во всеобщее свѣдѣніе!» — и немедленно печатаете, что вотъ, дескать, какое событіе произошло: одинъ чиновникъ съ одного просителя взятку взялъ! — Услышите вы гдѣ-нибудь, что цыганъ лошадь укралъ: поднимается шумъ, пишутся грозныя обличенія на неизвѣстнаго цыгана, укравшаго лошадь. Пришлетъ вамъ кто-нибудь извѣстіе о томъ, что одинъ сапожникъ плохо сапоги шьетъ; вы сейчасъ же и тисните извѣстіе о сапожникѣ, съ видимымъ удовольствіемъ, что можете сообщить такую новость. Вы, конечно, предполагаете, что чиновникъ, взявшій взятку, цыганъ-конокрадъ и плохой сапожникъ — такія рѣдкія исключенія въ Россіи, что на нихъ будутъ всѣ сбѣгаться смотрѣть, какъ на г-жу Пастрану [1]). Но смѣю васъ увѣрить, что вы ошибаетесь, просвѣщенные литераторы и журналисты! Я, конечно, не могу еще назваться человѣкомъ старымъ, не могу похвалиться и тѣмъ, чтобы я видалъ слишкомъ много; но все же я, должно быть, опытнѣе васъ, и потому вы мнѣ можете повѣрить. И я вамъ скажу, что у насъ, собственно говоря, что ни цыганъ, — то и конокрадъ; что ни сапожная вывѣска,—то и плохой сапожникъ; что ни присутственное мѣсто—то и чиновниковъ такая толпа, въ которой мудрено распознать людей по тому признаку, что одинъ беретъ взятки, а другой нѣтъ... Это вѣрно, спросите кого хотите, если мнѣ не вѣрите. Мы, читатели, даже удивляемся всѣ, какъ *вы* этого до сихъ поръ не знаете! Конечно, вы жизнь по книжкамъ изучали; да неужели же нѣтъ такихъ книжекъ, въ которыхъ бы это было разсказано, какъ слѣдуетъ? Знаете, что̀: намъ кажется иногда, что вы и книжки-то плохо читали; вы, какъ будто, читаете только *текущую литературу,* т.-е. свои журналы. Этимъ только и можно объяснить азартъ, съ которымъ вы кидаетесь на всякое извѣстіе о взяткѣ, грубости, несправедливости и всякой другой дряни. Тутъ у васъ въ журналахъ, дѣйствительно, было время, когда ни о чемъ подобномъ не писалось; «*не писалось*» не значитъ, что и *не дѣлалось* и не расходилось въ публикѣ. Вы ничего не писали, а взятки и кражи учинялись попрежнему, и мы о нихъ знали очень хорошо, такъ что для насъ онѣ вовсе не были новостью, когда вы внезапно закричали о нихъ въ своихъ журналахъ. А вотъ вы-то сами какъ будто и дѣйствительно новость узнали: такъ вы погружены были въ свои журналы, такъ пропитались ихъ розовымъ запахомъ и такъ отвлеклись отъ всего живого!.. Мы васъ и не винили вначалѣ-то, думая, что вы, какъ люди умные, тотчасъ же оглядитесь вокругъ себя, смекнете, въ чемъ дѣло, да потомъ еще и насъ поучите, куда намъ идти и что̀ дѣлать. Но, видно, знаніе жизни дается не такъ легко, какъ изученіе какого-нибудь нѣмецкаго курса эстетики! Вы какъ стали на одной точкѣ, такъ и не двигаетесь съ нея... А все оттого, что жизни не знаете! Три года тому назадъ, вы стали печатать обличительныя повѣсти; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ талантъ, въ другихъ просто разсказывались любопытные факты. И тѣ, и другіе были приняты публикою благосклонно. Почему? Очевидно потому, что публика признала дѣйствительность фактовъ, сообщаемыхъ въ повѣстяхъ, и читала ихъ — не какъ вымышленныя повѣсти, а какъ разсказы объ истинныхъ происшествіяхъ. Но и тогда уже публика поправляла недомолвку литературы, называя истинными именами тѣхъ, которые скрывались подъ псевдонимами въ повѣстяхъ. И нужно признаться, что первыя наши обличительныя повѣсти давали читателю возможность отыскивать обличаемыхъ. У г. Щедрина описанъ, напр., Порфирій Петровичъ: я зналъ двоихъ Порфирьевъ Петровичей, и весь городъ у насъ зналъ ихъ; есть у него городничій Фейеръ:—и Фейеровъ видалъ я нѣсколько... Разумѣется, еще чаще видали мы Чичиковыхъ, Хлестаковыхъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Держимордъ и пр. Но объ этомъ я ужъ не говорю. У Гоголя такая ужъ сила таланта была, что до сихъ поръ,—куда ни обернешься, такъ все и кажется, что передъ тобой стоитъ или Чичиковъ, или Хлестаковъ, а если ни тотъ, ни другой, то ужъ навѣрное Земляника... Въ этомъ отношеніи, я долженъ признаться, — большая часть *щедринскихъ* разсказовъ составляетъ шагъ назадъ отъ Гоголя. Но все-таки они не такъ далеко отъ него убѣжали, какъ нынѣшніе разсказы, безпрерывно печатаемые въ газетахъ. По разсказу Щедрина я еще могъ узнавать обличаемыхъ, хотя не въ той степени, какъ по разсказу Гоголя; и теперешнія повѣсти (которыя вы почему-то называете *гласностью*!) совершенно лишаютъ меня этой возможности. Ну, скажите на милость, куда мнѣ годится, напр., такое обличеніе:

«Одному моему знакомому случилось заказать себѣ сапоги, изъ петербургскаго товара, здѣшнему цеховому сапожнику. *Что же оказалось?* Онъ, желая выдать поставленный имъ товаръ за петербургскій, самъ вывелъ клеймо фабриканта на кожѣ чернилами, и довольно искусно, такъ что съ перваго раза трудно догадаться о подѣлкѣ. Но сапоги недѣли черезъ двѣ *перелопались* — фальшъ оказался несомнѣннымъ, тѣмъ

[1]) Юлія Пастрана, знаменитая своими длинными волосами.

очевиднѣе, что на петербургской кожѣ клеймо фабриканта печатное» (См. «Русск. Дн.» 1859 года, № 22).

Извѣстіе это прислано въ «Русскій Дневникъ» изъ Нижняго-Новгорода, съ подписью «*Корреспондентъ*». Я самъ, какъ вамъ извѣстно, обитатель Нижняго, и потому легче другого могъ бы сообразить, кто тутъ обличается; но, хоть убейте меня, я до сихъ поръ никакъ не могу указать вамъ гнуснаго сапожника, о которомъ извѣщаетъ *Корреспондентъ*. Если бы онъ подписалъ хоть свою собственную фамилію, то до сапожника ужъ мы бы добрались какъ-нибудь: узнали бы, кто у Корреспондента знакомые, потомъ справились бы, какіе сапожники шьютъ на нихъ сапоги и, такимъ образомъ, понемножку добились бы свѣдѣній, по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ, если не совершенно непогрѣшимыхъ. Но обличитель скрылъ даже и свою фамилію, и тѣмъ лишилъ насъ всякой возможности напасть хоть на слѣдъ негоднаго сапожника. Если бы онъ представилъ типическія особенности сапожника, какъ дѣлалось прежде, въ щедринскихъ разсказахъ, тогда была бы польза; можно бы узнать, по указаннымъ признакамъ, почти всякаго надувалу-сапожника. Но *Корреспондентъ* говоритъ просто: «одному цеховому сапожнику»—какъ тутъ искать его? И какую пользу для общества можетъ принести свѣдѣніе, что одинъ сапожникъ дурной товаръ на сапоги ставитъ? Если вы полагаете, что есть люди, которые не знаютъ о существованіи такихъ сапожниковъ, то вы очень ошибаетесь. Всякій изъ читателей подивится только, какимъ образомъ *вы* могли этого не знать. Развѣ не оттого ли ваше незнаніе, что вы постоянно *котурны* надѣваете и не имѣете понятія о сапогахъ? Но вѣдь мы все думали, что вы въ котурнѣ-то являетесь передъ нами только печатнымъ образомъ: а какъ же вы по улицамъ-то ходите? Развѣ тоже въ котурнѣ? Впрочемъ, дѣйствительно въ котурнѣ, нечего и спрашивать: это по сочиненіямъ вашимъ видно. Ну, въ чемъ же иначе можетъ ходить, напр., г. Жемчужниковъ, напечатавшій въ 1 № «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года статейку «Еще придирка». Статейка написана горячо, благородно, остроумно; а по какому поводу? Читайте.

«*Нѣкто* (кто?) пріѣзжаетъ въ *нѣкоторый* (какой?) городъ и отправляется въ гостинницу (какую?), куда приказываетъ и своему слугѣ (какъ его зовутъ?) явиться съ чемоданами. Слуга нанимаетъ извозчика (имя? нумеръ?) и ѣдетъ... Съ нимъ встрѣчаются блюстители порядка и общественной безопасности,—*все равно*: казаки ли они, или какіе-либо другіе полицейскіе служители (далеко не все равно для гласности!). Ѣдущій слуга почему-то имъ кажется человѣкомъ подозрительнымъ. Они его останавливаютъ и спрашиваютъ: кто онъ и куда ѣдетъ? Онъ отвѣчаетъ имъ, что онъ такой-то, и называетъ гостинницу, куда ему приказано ѣхать. Блюстители замѣчаютъ, что онъ ѣдетъ не въ ту сторону, гдѣ находится гостинница, и еще болѣе утверждаются въ своемъ мнѣніи, что онъ человѣкъ подозрительный; вслѣдствіе чего они его задерживаютъ и представляютъ въ полицію. Слуга ѣхалъ, дѣйствительно, не въ ту сторону, гдѣ гостинница; извозчикъ, вѣроятно, не зналъ дороги или не понялъ, куда везти. Что же дѣлаетъ полиція съ задержаннымъ человѣкомъ? Она (кто же, однако, это *она*?) спрашиваетъ его: кто онъ и куда ѣхалъ? Онъ отвѣчаетъ, что онъ такой-то; называетъ гостинницу, куда приказано ему ѣхать; объясняетъ, что онъ самъ дороги не знаетъ, будучи въ городѣ въ первый разъ; немедленно предъявляетъ свой видъ, называетъ лицо, у котораго находится въ услуженіи, и проситъ проводника для сопровожденія его въ гостинницу и для удостовѣренія въ истинѣ своего показанія. Но полицейскій чиновникъ (какъ его имя?) не соглашается на это предложеніе и принимаетъ слѣдующую мѣру: чтобы убѣдиться въ достовѣрности словъ слуги и въ подлинности предъявленнаго имъ вида, онъ открываетъ чемоданы и осматриваетъ находящіяся въ нихъ вещи. Обревизовавъ такимъ образомъ и бѣлье, и платье, и все, что было тамъ спрятано и заперто именно съ тою цѣлію, чтобы никто не смѣлъ ни до чего касаться безъ разрѣшенія или приказанія хозяина, и продержавъ слугу въ полиціи два часа, чиновникъ, наконецъ, соглашается на его первоначальную просьбу и отправляетъ его въ гостинницу съ проводникомъ».

Случай самый обыкновенный, самый невинный, — сошлюсь на всѣхъ русскихъ читателей! Изъ-за чего же тутъ горячиться, отъ чего приходить въ негодованіе, и — главное—зачѣмъ все это разсказывать намъ съ такими подробностями? Можетъ быть, это особенный родъ остроумія, потѣшающійся надъ несбывшимися ожиданіями; но такое остроуміе, имѣя цѣлію одурачить человѣка, не совсѣмъ удобно въ отношеніяхъ автора съ читателями. Я помню, читалъ гдѣ-то, какъ одинъ шутникъ отдѣлался отъ навязчиваго господина, который все разспрашивалъ его: таскаютъ ли волки коровъ въ лѣсъ?—«Бываетъ»,—отвѣчалъ шутникъ, и затѣмъ разсказалъ длиннѣйшую исторію о томъ, какъ у него однажды корова домой не пришла, какъ онъ искалъ ее по лѣсу, и какъ она оказалась возлѣ забора его дома, совершенно въ добромъ здоровьѣ.— «Ну, а волкъ?» — спросилъ слушатель.— «Волка не было», — лаконически отвѣчалъ разсказчикъ... Г. Жемчужниковъ поступаетъ съ нами отчасти въ этомъ родѣ: мы ожидаемъ какой-нибудь ужасной исторіи, чего-нибудь необычайнаго, чтобы дыханье захватило, а тутъ вдругъ «*отправился благополучно домой*». Да помилуйте, что вы насъ морочите-то? Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ не понимаете, что объ этакихъ вещахъ объявлять все равно, что объявить: «одинъ квартальный надзиратель недавно пообѣдалъ!» Объ этомъ говорить нечего;

мы не такіе виды видали... Я, напр., могъ бы разсказать, какъ у одного пріѣзжаго купца было отнято близъ города разбойниками 50.000 руб., и какъ, черезъ мѣсяцъ потомъ, у частнаго пристава умеръ дядюшка въ Сибири и оставилъ ему 50.000 наслѣдства. Я могъ бы сообщить, какъ въ одномъ провинціальномъ городѣ домовладѣлецъ далъ во время пожара 3.000 цѣлковыхъ полиціи, чтобы она только не подступалась къ его дому. Я могъ бы передать исторіи, какъ одну нѣмку изъ Виртемберга, захотѣвшую приписаться въ Россіи, приписали-было въ крѣпостныя къ казеннымъ заводамъ, за то, что она, *не зная порядковъ*, никому ничего не платила... Да мало ли что можно бы разсказать, если бы была охота! Слава Богу,— Русь-то наша не клиномъ сошлась! А то— побезпокоили человѣка, чемоданы посмотрѣли: велика важность! Извѣстное дѣло— à la guerre, comme à la guerre...

Но г. Жемчужниковъ разсказываетъ эту исторію собственно для выводовъ, какіе онъ дѣлаетъ изъ нея. Онъ говоритъ: «я не счелъ нужнымъ обозначать мѣсто, гдѣ случилось разсказанное мною происшествіе. Предположите, пожалуй, что оно вымышлено: оно отъ этого не потеряетъ своего характера возможности и вѣроятій». Слѣдовательно, вмѣсто гласности, опять выступаетъ на сцену миѳологія! Хорошо! Гдѣ же нравоученіе? Ихъ два,—одно теоретическое, другое практическое. Первое таково:

«У насъ *есть еще* (скоро не будетъ, конечно!) люди, считающіе насиліе и произволъ мѣрами общественнаго порядка и гражданскаго благоустройства».

Практическіе выводы имѣютъ такой видъ:

«Къ стыду нашему, мы должны сознаться, что чувство чести и собственнаго достоинства у насъ еще не развилось или, можетъ быть, заглохло. Въ нашей общественной жизни мы умѣли соединить привычку неповиновенія закону съ постыднымъ и раболѣпнымъ самоуничтоженіемъ передъ всякимъ произволомъ. *Избѣгая исполненія нашихъ обязанностей, мы не заботимся о защитѣ нашихъ правъ и не умѣемъ протестовать противъ оскорбленія нашей гражданской чести и человѣческаго достоинства,* когда это оскорбленіе наносится намъ безъ всякаго повода и причины, а просто подъ предлогомъ исполненія служебныхъ обязанностей» («М. Вѣд.» № 1).

Итакъ—вотъ вамъ мораль: «исполняйте свои обязанности, защищайте свои права и протестуйте противъ оскорбленій». Великая истина,—жаль только, что не совсѣмъ новая. Это еще звѣри у Крылова предлагали. Помните, какъ они, защищая овецъ отъ волковъ, рѣшили, что ежели волкъ нападетъ на овцу,

«То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и тотчасъ въ судъ представить
Въ ближайшій лѣсъ иль боръ»...

Но мнѣ кажется, что это разсужденіе истинно-звѣрское, хотя оно г. Жемчужникову и нравится. Я говорю *нравится*, основывая это вотъ на какихъ соображеніяхъ. Статейка г. Жемчужникова направлена противъ того, что мы не заботимся о защитѣ своихъ правъ; въ заключеніи же ея говорится: нельзя однакоже отказаться отъ надежды, что во всѣхъ сферахъ нашей жизни человѣческій разумъ одержитъ наконецъ верхъ надъ животными инстинктами! *Будемъ ожидать терпѣливо наступленія этого вожделѣннаго времени».* Видите: мы должны отстаивать свои права и ожидать терпѣливо, когда человѣческій разумъ, и пр... Ясно, — хватайте волковъ за шиворотъ, отстаивая свои права, и ожидайте, пока ихъ разумно разсудятъ съ вами въ ближайшемъ лѣсу! Стоило такой шумъ подымать для того, чтобы напомнить намъ *о терпѣніи!* Терпѣнью-то ужъ насъ, провинціаловъ, не учите пожалуйста: сами горазды!

А вѣдь, дѣйствительно, другой цѣли-то нѣтъ, должно быть, у васъ, кромѣ того, чтобы порисоваться предъ нами въ котурнѣ да поучить насъ терпѣнію. Все, что вы дѣлаете, доказываетъ это. Напримѣръ, во 2-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей», вслѣдъ за статейкой г. Жемчужникова, было напечатано вотъ какое письмо къ редактору:

«М. Г.,

«Позвольте мнѣ сообщить вамъ фактъ, сильно поразившій меня, когда я услыхалъ о немъ. Вѣроятно, многимъ не часто приходилось слышать такого рода случаи.

N., оставивъ въ Москвѣ жену съ тремя дочерьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, пошелъ въ казаки и былъ посланъ на Амуръ. Бѣдная женщина кое-какъ пристроилась къ мѣсту и своими трудами содержала себя и свое семейство. Спустя нѣсколько лѣтъ взгрустнулось мужу по женѣ: онъ почувствовалъ снова склонность къ семейной жизни и, боясь не найти сочувствія въ женѣ къ своему предложенію, послалъ ей черезъ кого слѣдуетъ приглашеніе прійти повидаться съ нимъ въ Сибирь. Въ одно прекрасное утро ей было объявлено, что она должна чрезъ двѣ недѣли по этапу, съ колодниками, отправиться на Амуръ для свиданія съ мужемъ. Вы можете себѣ представить ужасъ *несчастной жертвы этой любви.* Для сохраненія *супружескаго счастія* жертвовалось всѣмъ: здоровьемъ, спокойствіемъ, привязанностію къ родинѣ, къ семейству; вмѣнялось въ обязанность нравственной женщинѣ, единственной опорѣ семейства, отправиться зимой, по этапу, съ колодниками, за нѣсколько тысячъ верстъ, на свиданіе съ человѣкомъ, который пустилъ ее и семью по міру. Ни слезы, ни мольбы несчастной не могли поправить дѣло:—она *должна будетъ* отправиться въ путь, бросивъ все, что было ей дорого и мило въ Москвѣ, ея родинѣ. Стоитъ немного остановить вниманіе на этомъ фактѣ, чтобъ увидѣть всю массу по-

слѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное внушеніе высоконравственнаго чувства.

Примите, и пр.

Д. З—скій.

Мы читали письмо г. Д. З—скаго о женѣ г. N. и терялись въ догадкахъ, зачѣмъ оно напечатано. Что мужъ, по существующимъ законамъ, имѣетъ право потребовать къ себѣ жену, это мы всѣ знали; что женѣ это требованіе всегда бываетъ непріятно,—тоже всякому извѣстно. Чего же хотѣлъ г. З—скій, говоря о женѣ г. N.? Возбудить къ ней участіе? Но какъ же это участіе могло выразиться, когда ея имя не было названо? Задумались мы, и только покачали головой при мысли о непрактичности писателей и редакторовъ. И, должно быть, не намъ однимъ приходили въ голову такія мысли. Недѣли черезъ двѣ въ 15 № «Моск. Вѣд.» появилось письмо къ редактору такого содержанія. «Не иначе, говоритъ, какъ въ видахъ христіанской любви, вы сообщили извѣстіе о женѣ, требуемой мужемъ по этапу. Дѣйствительно, о ней жалѣютъ и хотятъ помочь ей; но кто она и гдѣ она? *Какъ добрый человѣкъ и христіанинъ,* примите, говоритъ, на себя трудъ указать мѣсто ея жительства». Въ отвѣтъ на это письмо редакторъ оказался человѣкомъ чувствительнымъ: онъ назвалъ письмо *трогательнымъ* и сказалъ, что жена г. N. называется Акулиною Варѳоломеевною Кащеевою, живетъ на Срѣтенкѣ, въ домѣ купца Сазикова, въ квартирѣ Матвѣя Филипповича, и должна отправиться черезъ недѣлю. Къ сему редакторъ счелъ нужнымъ присовокупить: «мы слышали, что, по распоряженію начальства, эта несчастная женщина снабжена тѣмъ, что̀ можетъ облегчить ей предстоящее путешествіе. Говорятъ, ей даны тулупъ и лошадь». Замѣтьте, что со времени перваго объявленія до этого письма и редакторской приписки прошло двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ благодѣтельные москвичи рвались всѣми силами души своей помочь несчастной, но не знали, гдѣ она, не знали даже, не миѳъ ли она, вмѣстѣ съ г. Д. З—скимъ!.. Что̀ мѣшало въ первомъ же извѣщеніи объявить ея имя? Неужели и тутъ были какія-нибудь помѣхи, *независящія отъ редакціи.* Нѣтъ-съ, быть не можетъ: тутъ во всемъ виновата единственно ваша привычка къ отвлеченности и совершенное отчужденіе отъ жизни. Вы очень чувствительны: услышавши о несправедливости, вы начинаете громко кричать; узнавъ о несчастіи—горько плачете. Но вы какъ-то умѣете возмущаться противъ *несправедливости вообще,* такъ же, какъ умѣете сострадать *несчастію въ отвлеченномъ смыслѣ,* а не человѣку, котораго постигло несчастіе... Оттого всѣ ваши разсужденія и отличаются такимъ умомъ, благородствомъ, краснорѣчіемъ и—непрактичностью въ высшей степени. Вы до сихъ поръ разыгрываете *въ вашей литературѣ* (скажу, не какъ Хлестаковъ) какихъ-то чувствительныхъ Эрастовъ: какъ будто исполнены энтузіазма и силы, какъ будто что-то дѣлаете, а въ сущности все только себя тѣшите и, виноватъ, срамитесь передъ нами, простыми провинціальными жителями.

Я надѣюсь, что вы моими жестокими выраженіями не обидитесь, какъ и я не обидѣлся вашимъ замѣчаніемъ о моемъ первомъ письмѣ — относительно «Литературнаго Протеста». Богъ съ вами: браните, сколько хотите,—только представьте и мое мнѣніе на судъ публики. Она разсудитъ... Что касается до гласности, которой вы хвалитесь, то я о ней еще поговорю съ вами. О ней можно много говорить, а я еще только началъ. Тороплюсь послать письмо на почту: мнѣ хочется, чтобы вы въ апрѣлѣ напечатали его. Но не могу съ вами разстаться, не сдѣлавъ слѣдующаго предложенія: издавайте ежедневную газету! Я готовъ вамъ поставлять каждый день, въ теченіе десяти лѣтъ, по двадцати одному истинному анекдоту, въ родѣ тѣхъ, которыхъ десятка два, подъ именемъ *гласности,* напечатано въ вашихъ газетахъ за нынѣшній годъ. Разумѣется, я буду всячески избѣгать собственныхъ именъ, и даже своего собственнаго не буду подписывать. Рѣшайтесь... Не бойтесь, что матеріалу не хватитъ; земля наша велика и обильна...

Нижній-Новгородъ,
25 марта 1859 г.

VII.

289. НОВЫЕ ОБРАЗЧИКИ РУССКОЙ ГЛАСНОСТИ.

Мы помѣщаемъ письмо г. Свиристелева точно такъ, какъ сдѣлали и въ первый разъ,—только ради его странности. Но мы, разумѣется, увѣрены, что знаемъ жизнь лучше его, и что объявленія о сапожникѣ, о полицейскомъ, о женѣ г. N. и т. п. въ высшей степени назидательны. Мы это подтвердимъ когда-нибудь выписками изъ «Русскаго Вѣстника», «Русскаго Дневника», «Московскихъ» и «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» и другихъ газетъ и журналовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что гласность у насъ цвѣтетъ и въ то же время приноситъ полезные плоды. Чтобы доказать, какъ мы вѣруемъ въ пользу гласности (даже безыменной), мы помѣщаемъ нѣсколько писемъ, присланныхъ въ редакцію, и нѣсколько

извѣстій, составленныхъ по вѣдомостямъ. Они всѣ начинаются одинаково, и потому мы помѣщаемъ вполнѣ только первое письмо; изъ остальныхъ же оставляемъ только сущность дѣла. Извѣстія подобнаго рода раздѣляются обыкновенно на солидныя, остроумныя и патетическія. Мы помѣщаемъ здѣсь два солидныхъ и два остроумныхъ. На помѣщеніе патетическихъ не рѣшаемся...

1.

Въ настоящее время, когда все стремится къ свѣту и гласности, ни одно изъ темныхъ явленій нашей жизни не должно укрыться отъ строгаго суда общественнаго мнѣнія. Считая священнымъ долгомъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ общему дѣлу нашего гражданскаго преуспѣянія, прошу васъ, мм. гг., помѣстить въ вашемъ журналѣ слѣдующій замѣчательный фактъ, за достовѣрность котораго ручаюсь.

Въ *одинъ* изъ осеннихъ дней прошлаго года ходилъ я съ *однимъ* изъ моихъ знакомыхъ по гостинному двору. Зашедши въ *одну* лавку, знакомый мой сталъ торговать *одну* вещь, а я, соскучась ожидать его, вышелъ изъ лавки и подошелъ къ *одному* торговцу яблоками. Я сторговалъ у него *одинъ* десятокъ и отдалъ деньги, съ *однимъ* условіемъ: чтобы всѣ яблоки были свѣжи. Но, заглядѣвшись на *одну* изъ проходившихъ дамъ и положившись на совѣсть торговца, я не замѣтилъ, что *одно* изъ яблокъ, положенныхъ имъ, было гнилое. Къ счастью, *одна* старушка, стоявшая возлѣ, замѣтила подлогъ. Тогда я подозвалъ *одного* городового, случившагося по близости, и онъ, по *одному* моему слову (должно отдать ему въ томъ справедливость), немедленно принялъ мѣры къ прекращенію зла.

Объявляя объ этомъ поступкѣ недобросовѣстнаго торговца во всеобщее свѣдѣніе, я имѣю въ виду предостереженіе моихъ соотечественниковъ; надѣюсь, что послѣ этого извѣщенія другіе, заглядѣвшись подобно мнѣ по сторонамъ, не потерпятъ такого ущерба отъ недобросовѣстнаго продавца. Кто пожелаетъ узнать имя, примѣты и мѣсто торговли этого продавца, тотъ благоволитъ прислать запросъ въ редакцію «Свистка», съ обозначеніемъ своего адреса: обо всемъ требуемомъ я могу извѣстить его по почтѣ.

X. Z.

2.

Въ настоящее время, и пр.

Въ недавнее время, возвращаясь съ имениннаго пира отъ одного изъ моихъ знакомыхъ, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ одного изъ уѣздныхъ городовъ Россіи, я имѣлъ несчастіе потерять въ грязи одну изъ моихъ галошъ. Такъ какъ дѣло было вечеромъ, то я не могъ отыскать ее, при всѣхъ моихъ усиліяхъ. Но на другой день она была найдена мною посреди улицы, противъ дома одного изъ домовладѣльцевъ нашего города. По изслѣдованіямъ моимъ оказалось, что причина необычайнаго накопленія грязи въ этомъ мѣстѣ заключается въ небрежности означеннаго домовладѣльца, который противъ своего дома никогда не чинитъ мостовой.

Надѣюсь, что поведеніе этого домовладѣльца, обнародованное теперь во всеобщее свѣдѣніе, найдетъ себѣ строгое осужденіе въ общественномъ мнѣніи.

N.

3.

Мм. Гг.

Гласность полезна, какъ свѣтъ; но въ нашемъ городѣ еще сомнѣваются и въ томъ, что свѣтъ полезенъ. Хотите доказательствъ? Вотъ одно изъ нихъ: у насъ въ городѣ въ нѣкоторыя темныя осеннія ночи не зажигаютъ фонарей, на томъ основаніи, что онѣ въ календарѣ обозначены лунными. Но честный и правдивый календарь уже давно сознался въ томъ, что не можетъ предвидѣть ни густыхъ тумановъ во время ночи, ни черныхъ тучъ, покрывающихъ звѣздное небо; онъ просто говоритъ, что въ такую-то ночь будетъ луна, а извѣстно всѣмъ, что луна свѣтитъ. Вольно же эти невинныя слова принимать за объявленіе, что весь городъ будетъ иллюминованъ! Но кромѣ разныхъ другихъ причинъ, которыя могли подавать поводъ къ такой нераціональной методѣ освѣщенія, не замѣшалась ли сюда еще и та, что на календарь условились смотрѣть, какъ на непогрѣшимаго и строгаго начальника? Это клевета: календарь не начальникъ. Иной начальникъ, дѣйствительно, часто называетъ бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ и достигаетъ даже того, что и его подчиненные, отрекшись отъ вѣры въ собственные глаза, подтверждаютъ его нелѣпость съ фанатизмомъ самымъ искреннимъ; но календарь не надуваетъ ни себя, ни другихъ. Мало того: онъ вовсе не имѣетъ безумной претензіи приказывать лунѣ свѣтить во что бы то ни стало, сквозь сплошную массу тучъ; напротивъ, онъ полагаетъ своимъ желаніямъ предѣлы и тѣмъ, опять-таки, рѣзко отличается отъ иного начальника, который, повелѣвая исполнить невозможное и не хотя принять въ соображеніе этой невозможности, кричитъ: чтобъ было!

Напечатайте, мм. гг., мою замѣтку: можетъ быть, она будетъ содѣйствовать *освѣщенію*, если не *просвѣщенію* нашего города.

А. Ж.

(Изъ «Моск. Вѣд.» № 1).

4.

Гласность послѣдняго времени обнаруживаетъ много новыхъ явленій въ нашемъ собственномъ быту. Считаю не лишнимъ разсказать объ одномъ изъ нихъ, хотя въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

На дняхъ, нѣкто Ѳ. возвращался ночью домой. Ему оставалось до квартиры не болѣе пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ неожиданная мысль пришла ему въ голову: что, если, переходя улицу, онъ потеряетъ галоши? и если потеряетъ (въ чемъ онъ не сомнѣвался), то что̀ обойдется дороже: новыя ли галоши или извозчикъ? — Взвѣсивъ этотъ пунктъ и рѣшивъ, что извозчика взять дешевле, онъ сталъ громко звать спасителя галошъ; но кромѣ эха, повторявшагося въ темныхъ переулкахъ, никто не отзывался ему въ безмолвіи ночи. Почти въ отчаяніи пробирался Ѳ. тротуаромъ, какъ вдругъ почувствовалъ чье-то теплое дыханіе и затѣмъ фырканье. Удивленный неожиданною сценою, Ѳ. остановился и, послѣ нѣкотораго напряженія глазъ, открылъ, что предъ нимъ стоитъ не какая-нибудь очаровательная сильфида, а просто — лошадь. «Эй, кто здѣсь?»—Нѣтъ отвѣта, все тихо, какъ прежде. Ѳ. обходитъ канавою лошадь и экипажъ и слегка толкаетъ спящаго кучера.—«Ты извозчикъ?»—«Извозчикъ».—«Перевези меня въ этотъ домъ, насупротивъ»... — «Слушаю-съ»,—и извозчикъ перевезъ нашего пріятеля черезъ улицу. Что же тутъ необыкновеннаго? Очень просто: малыя существа всегда подражаютъ большимъ. Если кареты останавливаются на тротуарахъ, отчего тамъ же не останавливаться и не засыпать извозчикамъ? отчего же и не получать прохожимъ поцѣлуевъ, сопровождаемыхъ фырканьемъ, — когда въ темнотѣ и не такіе сюрпризы случаются? отчего бы и не помѣститься и всей биржѣ на тротуарахъ? Улицы останутся тогда свободны для однихъ только обозовъ; никому не будетъ тѣсно, и даже — говоря съ политическою дальновидностью — пѣшеходы перестанутъ гранить тротуары, а будутъ ходить... по лошадямъ, дрожкамъ, каретамъ и спящимъ кучерамъ.

Фаготъ.
(Изъ «Одес. Вѣстн.» № 16).

VIII.

290. БЕЗРАЗСУДНЫЯ СЛЕЗЫ.

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
Грустно ликъ свой прячетъ;
У воротъ двора сквозного
Бѣдный ванька плачетъ.
Цѣлый день онъ по столицѣ
Съ юнкеромъ катался;
Пять рублей ему дать юнкеръ
За день обѣщался.
Но чрезъ дворъ сквозной, подъ вечеръ,
Онъ отъ ваньки скрылся;
Ванька съ клячей понапрасну
Цѣлый день морился.
— Успокойся, бѣдный ванька:
Есть тебѣ защита.
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ,—
Будетъ всѣмъ открыто.
Отъ обидъ и отъ обмановъ
Ужъ прошла опасность!
Нынче время не такое:
Процвѣтаетъ гласность!
Завтра жъ я во всѣхъ газетахъ
Публикую ясно:
«Ѣздилъ съ юнкеромъ извозчикъ
Цѣлый день напрасно.
Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ,
Не далъ ни копѣйки!»
И предамъ его позору
Я въ моей статейкѣ...
Но, не внемля утѣшеньямъ,
Глупый ванька плачетъ...
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

---

291. Исторія рыцарства.

Сочиненіе *Руа*. Переводъ съ французскаго 7-го изданія, Г. В. Спб., 1858.

Напечатано въ V кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 24 апрѣля). См. № 269.

М. Л.

«Сочиненіе Руа вполнѣ знакомитъ съ чуднымъ средневѣковымъ учрежденіемъ, которое въ свое время принесло много пользы человѣчеству и о которомъ въ нашихъ учебникахъ упоминается только вскользь, при разсказѣ о крестовыхъ походахъ». Такъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи къ «Исторіи рыцарства». Не входя пока въ разсмотрѣніе справедливости его мнѣнія,

мы предложимъ одинъ вопросъ: до какой степени полезно знакомить нашихъ дѣтей «съ чуднымъ средневѣковымъ учрежденіемъ»? Мы понимаемъ еще мѣстную надобность изученія рыцарства, напр., во Франціи, гдѣ до сихъ поръ такъ многое напоминаетъ ихъ исторію. Но какое отношеніе къ нашей жизни имѣютъ всѣ эти гербы, девизы, турниры, обѣты, вооруженія и т. д.? У насъ даже романтизмъ принялся плохо, заслоненный и прогнанный реальною школою; а намъ навязываютъ исторію рыцарства для дѣтскаго чтенія! Если ужь брать предметы изъ исторіи и быта Западной Европы, то надобно дѣтямъ давать никакъ не солдатскую исторію, а что-нибудь болѣе мирное и гражданское. И мало ли предметовъ, отлично разработанныхъ въ послѣднее время западными историками и могущихъ послужить предметомъ для дѣтской книги! Исторія французскихъ крестьянъ, исторія городскихъ общинъ, исторія возрожденія искусствъ и наукъ, исторія гражданскаго развитія Англіи, и проч. Сколько могутъ представить великолѣпныхъ матеріаловъ для нѣсколькихъ десятковъ интереснѣйшихъ дѣтскихъ книжекъ! И между тѣмъ это предметы живые, нужные дѣтямъ; отъ знанія и правильнаго пониманія ихъ во многомъ зависитъ вѣрность сужденій о современномъ положеніи Европы. А рыцарство учрежденіе отжившее, оставившее по себѣ слѣды въ исторіи лишь настолько развѣ, насколько о немъ упоминается въ учебникахъ. Нечего и тревожить его праха; кто захочетъ спеціально изучить средніе вѣка, тотъ можетъ и самъ прочитать сочиненія, спеціально трактующія о рыцарствѣ.

Но извѣстно, что нѣтъ на свѣтѣ такого ничтожнаго и ненужнаго предмета, о которомъ нельзя было бы написать хорошей книги. Можетъ быть и книга о рыцарствѣ дѣйствительно такъ хороша, какъ увѣряетъ переводчикъ. Можетъ быть въ ней живо и сильно передана вся поэзія ужаса, который должно возбуждать рыцарство въ современномъ, нормально развитомъ человѣкѣ; можетъ быть въ ней достойно заклеймена эта дикая сила, это кулачное право, безобразно соединенное съ сантиментальностью, составлявшія отличительные признаки рыцарскихъ временъ. Можетъ быть книга направлена къ тому, чтобы, познакомившись съ рыцарями, маленькій читатель сказалъ: «Какіе сильные, горячіе, страшные люди! Какъ жаль, что они такъ дурно употребляли свои силы!» Если такъ, то мы готовы придти въ восторгъ отъ книги г. Руа; все-таки отъ нея однимъ здравымъ понятіемъ больше будетъ въ дѣтской головѣ.

Но къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сочиненіе Руа не удовлетворяетъ требованіямъ здравомыслящаго человѣка. По предмету мы назвали «Исторію рыцарства»— *ненужною*; по исполненію мы должны признать ее *вредною*. Она вся проникнута благоговѣніемъ къ рыцарству и съ величайшей любовью останавливается на подробностяхъ ихъ вооруженія, сбруи, на значеніи девизовъ, на подвигахъ охоты и турнировъ, и т. д. Цѣлая глава посвящена *гербамъ*. О нихъ говорится съ паѳосомъ, съ особенною силою напирается на то, что гербы «не суть выдумки тщеславія, а справедливое возмездіе или чествованіе заслугъ»; затѣмъ описывается, какъ «гербовый щитъ или поле герба дѣлилось горизонтальными, перпендикулярными и діагональными линіями на нѣсколько отдѣленій, въ которыхъ размѣщали краски и символы», и что означали всѣ эти штуки. Даже со стороны занимательности надобно замѣтить, что все это крайне сухо, скучно, утомительно донельзя. О томъ, какое нравственное чувство возбуждается всѣми этими описаніями, мы ужь и не говоримъ.

Но авторъ не удовольствовался простымъ представленіемъ рыцарства въ розовомъ свѣтѣ; онъ вздумалъ въ заключеніе книги доказывать, что рыцарство было явленіемъ истинно-христіанскимъ и что всѣ доблести, составлявшія принадлежность рыцаря, суть христіанскія доблести. «Даже—говоритъ—честь, совершенно мірское чувство, сопричастна христіанству: между непомраченною честью, рыцарскимъ незапятнаннымъ щитомъ, безупречною совѣстью, бѣлымъ одѣяніемъ неофита — есть искренній, сокровенный союзъ». Приводя эту мысль, авторъ ссылается на Ампера; но Амперъ, при всемъ своемъ уваженіи къ рыцарству, никогда не заходилъ такъ далеко въ его апоѳеозѣ, какъ г. Руа. Да притомъ же Амперъ писалъ не для дѣтей и, возстановляя поэтическій образъ рыцаря, вовсе не думалъ ставить его образцомъ для современной практической дѣятельности. Напротивъ г. Руа почти явно высказываетъ эту цѣль своего сочиненія; ему кажется даже, что все, что есть до сихъ поръ у насъ христіански-благороднаго, есть наслѣдіе отъ временъ рыцарства. Мы не удивляемся г. Руа: на него еще могло дѣйствовать обаяніе рыцарскихъ гербовъ и вооруженій; но не можемъ надивиться г-ну Г. В., что ему за охота была переводить эту скучную и безполезную книгу.

292. Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей.

Спб., 1859.

Напечатано въ V кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 24 апрѣля) съ подписью «Д—въ». Опять-таки и здѣсь—желаніе давать человѣку съ дѣтства поэтическій матеріалъ, рисующій реальную жизнь. Любопытно, что и тутъ порицается «Нива» Майкова (см. № 283).

М. Л.

«Сборникъ» этотъ изданъ редакціею «Подснѣжника». Нельзя не похвалить его за удачный выборъ прозаическихъ статей. Здѣсь помѣщены: нѣсколько главъ изъ «Исторіи моего дѣтства», графа Л. Н. Толстого; «Бѣжинъ Лугъ», И. С. Тургенева, нѣсколько отрывковъ изъ Путешествія И. А. Гончарова, и отрывокъ изъ повѣсти «Антонъ-Горемыка», Д. В. Григоровича. Кромѣ прекраснаго и вполнѣ доступнаго дѣтямъ содержанія, эти произведенія могутъ быть весьма полезны для дѣтей, какъ образчики изящнаго изложенія. До сихъ поръ дѣти у насъ должны довольствоваться слогомъ князя Одоевскаго и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ писателей, удостоенныхъ чести попасть въ хрестоматію г. Галахова при всѣхъ ея многочисленныхъ изданіяхъ. Надобно же дѣтямъ познакомиться и съ тѣмъ, какъ пишутъ гг. Тургеневъ, Гончаровъ и проч. Безъ всякаго сомнѣнія, дѣти будутъ очень благодарны редакціи «Подснѣжника» за выборъ четырехъ названныхъ нами произведеній для «Сборника».

Нельзя того же сказать о стихахъ. Выборъ ихъ рѣшительно неудаченъ. Не говоримъ уже о томъ, что можно было выбрать лучше, напр. хоть изъ Тютчева, Жадовской, Огарева («Изба», «Деревенскій сторожъ», «Дорога» и проч.), Некрасова (изъ «Саши», «Школьникъ», «Несжатая полоса», «Внимая ужасамъ войны», и проч.); не говоримъ о томъ, что и изъ тѣхъ поэтовъ (Майкова, Фета, Полонскаго), которыхъ взялъ составитель «Сборника», можно было взять лучшія пьесы; но мы должны замѣтить, что выбранныя пьесы сами по себѣ не хороши. Неужели для дѣтей пріятно или полезно будетъ прочитать «Посвященіе» и «Октаву», гдѣ поэтъ толкуетъ о томъ, какъ «крѣпъ его даръ въ огнѣ науки» и какъ «съ устъ его льются размѣрныя октавы»? Неужели не вредно для развитія эстетическаго вкуса чтеніе плохо сдѣланнаго, дидактическаго стихотворенія г. Майкова «Нива»? Взглядъ на работы поселянъ на нивѣ пробуждаетъ въ авторѣ мысль о томъ, чтобы созрѣла у насъ жатва просвѣщенія... И это—поэзія!.. Равнымъ образомъ и «Статуя» г. Полонскаго, съ восклицаніями: «О Эллада, Эллада!»—едва ли доставитъ особенное эстетическое наслажденіе дѣтямъ. Стихотворенія г. Фета лучше выбраны, но и они не принадлежатъ къ лучшимъ его пьескамъ. Въ «Сборникѣ» напечатано ихъ четыре: «Деревня», «Печальная береза», «Чудная картина», «На Днѣпрѣ въ половодье».

293. Записки Амишки.

Разсказъ для дѣтей. Спб., 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 292, за подписью «Д—въ».

М. Л.

Книжка—очень опрятно изданная, грамотная (впрочемъ, не относительно знаковъ препинанія), понятная дѣтямъ, что̀ рѣдко бываетъ, и снабженная четырьмя не очень изящными картинками, что̀ довольно обыкновенно. Амишка—комнатная собачка, которая ведетъ свои записки и разсуждаетъ о людскихъ поступкахъ. Авторъ мало воспользовался преимуществомъ, которое да-

вала ему избранная имъ форма, и потому Амишка его не возбуждаетъ особеннаго интереса. Впрочемъ, въ книжкѣ попадаются иногда замѣтки, подобныя слѣдующей:

«Вася (маленькій баринъ Амишки) бросился на Алексѣя, началъ его бить и плакать отъ злости. Я ужасно испугался и забился подъ стулъ. Алексѣй былъ гораздо больше и сильнѣе Васи; я всякую минуту ожидалъ, что слуга побьетъ барина, но былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ, что Вася, надравшись досыта, подбѣжалъ ко мнѣ и еще разъ ткнулъ меня ногой, Алексѣй же печально побрелъ на кухню. Вѣрно, у людей не такъ, какъ у насъ. У насъ кто сильнѣе, тотъ и грызетъ слабаго» (стр. 55).

Это собачье разсужденіе не дурно. Но, къ сожалѣнію, Амишка испорченъ человѣческимъ обществомъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ записокъ смотритъ на людскія глупости совершенно по-человѣчески.

---

294. Сорокъ повѣстей для дѣтей.

Книга нравоучительная и занимательная для маленькихъ читателей. Спб. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 292, за подписью «Д—въ». Разумѣется, суть не въ языкѣ книги, а въ той обстановкѣ, которая создаетъ такихъ въ дѣтствѣ состарившихся моралистовъ, рабовъ житейской условности, противъ которыхъ Добролюбовъ всегда такъ горячо возставалъ.

М. Л.

Книга дѣйствительно нравоучительная; можетъ быть она могла бы быть и занимательною, если бы была написана получше. Мораль очень незамысловата, какъ можно видѣть напр. изъ слѣдующаго образца:

«— А кто дѣлаетъ хлѣбныя зерна,— спросилъ любопытный Николенька.

«— Господь Богъ, который сотворилъ все на землѣ, сынъ мой.

«— Итакъ, надобно благодарить Бога за то, что Онъ даетъ намъ хлѣбныя зерна, изъ которыхъ мы можемъ печь хлѣбъ и пироги. Не правда ли это, маменька?

«— Да, милое дитя мое...» и проч.

Но никакая мораль не можетъ сдѣлать полезною для дѣтей такую книжку, въ которой отецъ говоритъ съ дѣтьми такимъ языкомъ: «есть нѣчто такое, что̀ предпочитается знанію и что̀ самъ Господь Богъ поставилъ выше всего: это простота сердца и скромность разума», и т. д. Никакая мораль не заставитъ насъ одобрить книжку, въ которой даже *маленькая Анюта* выражается такимъ образомъ: «повѣрьте, мамаша, что для меня будетъ большимъ лишеніемъ не ѣхать съ вами къ тетенькѣ. Но мнѣ кажется, что долгъ требуетъ, чтобъ я осталась и заботилась о моей маленькой птичкѣ. Я такъ уже полюбила ее! Жалобный пискъ птички раздираетъ мое сердце».

Лучше дѣтямъ не знать никогда морали «Сорока повѣстей», нежели съ этой моралью выучиться такому варварскому языку!

---

295. Золотой цвѣтокъ.

Игры и увеселенія для дѣтей, въ стихахъ и прозѣ. Съ 8-ю раскрашенными на мѣди гравированными картинками. Спб., 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 292, за подписью «Д—въ». Любопытно, что эта небольшая замѣтка всесторонне оцѣниваетъ весь характеръ дѣтскаго отдѣла фирмы М. О. Вольфъ, и до сихъ поръ, спустя 50 лѣтъ, нисколько не измѣнившійся къ лучшему.

М. Л.

Къ удивленію нашему, книжка эта, изданная г. книгопродавцемъ Маврикіемъ Вольфомъ, оказалась не лишенною грамматическаго смысла. Но этимъ и ограничиваются всѣ ея достоинства. Въ ней есть нѣсколько разсказовъ въ прозѣ, разсказывающихъ, что умныя дѣти пошли гулять, гуляли и имъ было очень весело, что осенью можно

ѣсть плоды, а зимой кататься на конькахъ, и проч. Есть въ ней картинки, изображающія все это такъ, что снѣгъ похожъ на воду, плоды — на плетку и т. п. Есть и стихи, описывающіе красоты природы и дающіе совѣты такого рода:

Правдивымъ будь, лжи берегись:
Правдивыхъ ждетъ благословенье!
Въ своихъ поступкахъ повинись,
И ты получишь въ нихъ прощенье.

Что хуже—проза, стихи или картинки—рѣшить очень трудно. Но обертка «Золотого Цвѣтка» великолѣпна: вся въ золотѣ!..

---

296. Картинки изъ естественной исторіи, съ описаніемъ ихъ стихами, для маленькихъ дѣтей.

Выпускъ 1-й. *Соч. А. Мар-ва.* Спб., 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 292, за подписью «Д—въ».

М. Л.

Если вамъ любопытно видѣть, какъ иногда медвѣдь бываетъ похожъ на кошку, оселъ — на свинью, тигръ — на лягушку, и проч., то рекомендуемъ вамъ взглянуть на «Картинки изъ естественной исторіи». Картинкамъ соотвѣтствуютъ и стихи. Не угодно ли?

Съ краснымъ гребнемъ, *бородою*,
Забіяка пѣтушокъ
Ходитъ съ важностью такою,
Какъ какой-нибудь князекъ... и проч.

Или о павлинѣ:

Пышнымъ *зонтикомъ* павлинъ,
Распускаетъ хвостъ чудесный... и т. д.

Или еще—угадайте, о комъ:

Что за милая головка,
Что за ножки у нея!
Чувствуетъ она, плутовка,
Все достоинство свое...

Авторъ увѣряетъ, что это онъ представляетъ характеристику лошади...

Не дурна также характеристика быка, о которомъ говорится, что онъ:

Пашетъ землю съ мужичкомъ,
Сѣно и дрова таскаетъ,
Ходитъ ровненькимъ шажкомъ,
Вкуснымъ мясомъ насъ снабжаетъ.

Что за охота, подумаешь, г. А. Мар—ву кормить дѣтей такими блюдами, да еще въ стихахъ!

---

297. Бесѣды съ дѣтьми.

А. А. Пчельниковой. Часть I. Спб., 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 292, за подписью «Д—въ». См. № 315.

М. Л.

«Бесѣды г-жи Пчельниковой должны быть причислены къ самымъ лучшимъ дѣтскимъ книжкамъ, существующимъ на русскомъ языкѣ. Онѣ составлены по образцу французскаго «Revue de l'éducation nouvelle» и должны въ слѣдующихъ выпускахъ представить «нѣчто цѣлое, что̀ могло бы назваться дѣтскою энциклопедіею». Въ книжкѣ г-жи Пчельниковой находится предисловіе, показывающее, что задача воспитанія понимается ею весьма здраво и широко. Приводя нѣсколько мыслей изъ «Revue», послужившаго ей образцомъ, она между прочимъ останавливается на томъ, что въ воспитаніи надобно примѣняться къ характеру и способностямъ дѣтей, извлекать пользу изъ ихъ наклонностей, открывая передъ ними дѣйствительную жизнь, уничтожить въ преподаваніи всякую отвлеченность, дѣйствовать на дѣтей не страхомъ и поблажкой, а устраненіемъ праздности и случаевъ къ дурнымъ

шалостямъ, убѣжденіемъ и сообщеніемъ правильныхъ знаній... Все это въ высшей степени справедливо, и изданіе, предпринятое съ такими просвѣщенными и гуманными воззрѣніями, должно уже по этому самому рѣзко отличаться отъ безобразныхъ спекуляцій, въ родѣ «Золотого цвѣтка» и «Сорока повѣстей».

И дѣйствительно, похваливши основную мысль изданія, нельзя не отдать справедливости и добросовѣстному ея исполненію въ первомъ выпускѣ. Предположивъ ознакомить дѣтей съ важнѣйшими предметами, необходимыми въ жизни, г-жа Пчельникова начинаетъ съ хозяйства. Первая статья въ книжкѣ посвящена кухнѣ. Здѣсь просто и естественно, безъ жеманства и морали, мать разсказываетъ дочери названіе, значеніе и употребленіе разной кухонной посуды. Къ статейкѣ приложенъ листъ, на которомъ изображено до 50-ти предметовъ, употребляемыхъ въ хозяйствѣ, очень чисто и отчетливо, такъ что не смѣшаешь котла съ ушатомъ или ковша со сковородкою. Затѣмъ помѣщена статейка «Ласточка», очень недурной и полезный разсказъ о перелетныхъ птицахъ, безъ всякихъ приторностей и пошлыхъ сентенцій. За Ласточкой идетъ «Алеша или гривенникъ», совершенно ничтожный моральный разсказецъ, къ счастію коротенькій. Таковъ же точно и разсказъ: «Трусъ Митя и неосторожный Володя». Оба они, по нашему мнѣнію, портятъ книжку, совершенно безполезно занимая въ ней восемь страницъ. Гораздо полезнѣе ихъ «Англійскій урокъ», представляющій прекрасную попытку въ разговорной формѣ начать съ дѣтьми обученіе англійскому языку, по методѣ Робертсона. Наконецъ — въ книжкѣ находятся ноты на очень простыя и миленькія слова, которыя дѣти могутъ распѣвать хоромъ, подражая тѣлодвиженіями разнымъ работамъ (столярной, кузнечной, ткацкой и проч.), составляющимъ предметъ пѣсни. Все это очень можетъ занять дѣтское любопытство, и надо желать, чтобы поскорѣе явился второй выпускъ «Бесѣдъ» [1]), съ тѣмъ же разнообразіемъ, но только безъ моральныхъ повѣстушекъ.

Изданіе книжки г-жи Пчельниковой очень изящно и даже роскошно, и цѣна ея сравнительно не дорога: первый выпускъ стоитъ 75 коп. сер.

---

298. Что такое обломовщина?

(**Обломовъ**, романъ *И. А. Гончарова*, «Отеч. Записки» 1859 г. №№ I—IV).

Напечатано въ V кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 1 мая), за подписью «Н. —бовъ». Статья эта заслуживаетъ очень большого вниманія и по своему содержанію, и по своимъ послѣдствіямъ.

Прежде всего надо отмѣтить мнѣніе Добролюбова о цѣнности и значеніи поэтовъ и беллетристовъ вообще для общества. Здѣсь Н. А., стоя на прежде высказываемой теоріи эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности, прямо заявляетъ, что поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, не можетъ имѣть одинаковаго значенія съ тѣмъ, кто съ равною силою таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Мало того — Добролюбовъ базируется уже на принципѣ полезности и говоритъ, что для критики, литературы и общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ въ отвлеченіи, въ возможности. Такимъ образомъ взглядъ Добролюбова на роль художниковъ съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ все большую и большую опредѣленность, которая, повторяемъ уже не первый разъ, однако, очень далека отъ отрицательнаго отношенія къ художественной литературѣ въ цѣломъ.

Настоящая статья является блестящей общей оцѣнкой творчества Гончарова, котораго Н. А. разъяснилъ широкой массѣ интеллигентнаго общества, склонной, было, не считать его крупнымъ писателемъ.

Но центральный пунктъ статьи, разумѣется, въ анализѣ Обломова и обломовщины. Съ легкой руки Добролюбова, сравненіе Онѣгина и Печорина съ Обломовымъ стало шаблонной темой въ казенной средней школѣ.

Обломовщина и раньше не одинъ деся-

---

[1]) 2-й, 3-й и 4-й выпускиу же вышли. Мы разсмотримъ ихъ въ одномъ изъ слѣд. №№. *Прим. Ред.*

токъ разъ подвергалась имъ осмѣянію, приводила его въ неистовство, возможное при тогдашней цензурѣ, а въ этой статьѣ она получила уже и возможную всестороннюю оцѣнку. Обломовщина — знаменіе нашего времени, преслѣдующій насъ бичъ — вотъ краткое содержаніе статьи. И пока подъ обломовщиной разумѣлись непробудная лѣнь, полная неспособность къ производительному и полезному труду, тунеядство, барство, фразерство,—до тѣхъ поръ Добролюбовъ повторяетъ прежде высказываемыя имъ мысли, облекая ихъ только въ иную форму, подходя къ этимъ элементамъ обломовщины иногда съ нѣсколько другой стороны. Но здѣсь не вся обломовщина — и, начиная съ этого «но», Добролюбовъ говоритъ уже не то и не такъ, что̀ и какъ говорилъ онъ еще годъ назадъ, когда писалъ статью о Станкевичѣ (см. № 138). Тогда онъ признавалъ благотворность для общества натуръ чисто созерцательныхъ, совершенно не проявляющихся въ сколько-нибудь энергической общественной дѣятельности, но находящихъ въ себѣ столько силъ, чтобы выработать убѣжденія для собственной жизни и жить не въ разладѣ съ этими убѣжденіями, и признавалъ вполнѣ достойными общественнаго уваженія людей, только живущихъ личною своею жизнью вполнѣ честно и нравственно. Не то теперь, когда Добролюбовъ, какъ мы видѣли, переживалъ какой-то активно и революціонно его настраивавшій захватъ, когда опытъ протекшаго года въ русской и его личной жизни показалъ, что получаютъ настрадавшееся общество и закрѣпощенный народъ отъ созерцательныхъ людей... Мнѣніе критика совершенно иное. Обломовщина проникла насквозь лишнихъ людей, этихъ «quasi-талантливыхъ натуръ»; она видна въ ихъ способности создавать и схватывать легко только общія идеи, а не считаться съ силою факта; эти люди склонны къ преступному идиллическому, бездѣйственному счастью, — значитъ, они Обломовы, они лишніе въ обществѣ люди; они всѣ страдаютъ одной болью—безплоднымъ стремленіемъ къ дѣятельности, сознаніемъ, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но ничего не выйдетъ.

Общество, наконецъ, начинаетъ понимать, что съ этими людьми не уйдешь дальше своего носа, что не съ ними даже въ арріергардѣ (не говоря уже объ авангардѣ) можно начать наступательныя дѣйствія противъ всего, что̀ гнететъ народную жизнь, — но оно не рѣшается, все-таки, бросить въ нихъ камнемъ, оно ихъ жалѣетъ потому что....—и здѣсь Добролюбовъ вступаетъ на путь мыслей, диктовавшихъ ему статью о Станкевичѣ... Потому что— договариваетъ онъ,—на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали... Только прошлое щадитъ настоящее этихъ уже лишнихъ людей... И достаточно, прочтя внимательно статью, понять, что, говоря все это, зачисляя въ Обломовыхъ помѣщиковъ, *толкующихъ* о правахъ человѣка вообще, чиновниковъ, *жалующихся* на нестройность административнаго дѣлопроизводства, офицеровъ, *жалующихся* на безполезную плацпарадность, писателей, *говорящихъ* о злоупотребленіяхъ и славословящихъ «настоящее время, когда»,—Добролюбовъ, въ сущности говоря, совершенно отрицалъ всякое значеніе интеллигенціи въ борьбѣ за права народа и благо страны, онъ ее просто вычеркивалъ изъ рядовъ сражающихся за то и другое... Онъ вѣрилъ въ народъ и признавалъ только возможность нарожденія новой интеллигенціи дѣла, а не слова и жеста.

И ошибаются тѣ, кто готовъ видѣть въ этой части статьи Добролюбова повтореніе мысли Чернышевскаго, высказанной имъ за годъ до «Обломовщины», а отсюда даже дѣлать заключеніе о вліяніи Чернышевскаго и съ этой, чисто общественной, публицистической стороны на своего друга. Статья Чернышевскаго—«Русскій человѣкъ на rendez-vous», напечатанная въ февралѣ 1858 г. (въ «Атенеѣ»), говоритъ не о томъ, за что̀ громитъ Добролюбовъ интеллигентное общество годъ спустя. Чернышевскій говорилъ объ отсутствіи рѣшимости и активности даже у лучшей части русскаго общества; Добролюбовъ, какъ видно будетъ изъ самой статьи, говоритъ о другомъ, ставитъ свой вопросъ широко и очень далеко уходитъ отъ Чернышевскаго. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что если бы вліяніе Чернышевскаго сказалось, то оно выразилось бы какъ разъ тогда, когда писалась статья о Станкевичѣ, которой *предшествовала* статья Чернышевскаго,—а развѣ есть въ нихъ что-нибудь похожее?..

Въ своей замѣткѣ къ № 242 я уже указалъ на разрывъ двухъ поколѣній (мысли и дѣла, конечно, а не возраста), печатно знаменовавшійся статьей Добролюбова. Разумѣется, онъ все увеличивался, чувства и страсти разгорались... Могло ли такое отношеніе Добролюбова къ интеллигенціи, какое онъ проявилъ въ своей статьѣ объ обломовщинѣ, не произвести снова сильнаго впечатлѣнія въ ея рядахъ, особенно, если не забыть, что ей предшествовала статья о литературныхъ мелочахъ 1858 года (см. № 242) и два номера «Свистка» (см. №№ 249—256, 281—290) такъ ярко иллюстрировавшія всѣ мысли Добролюбова?! Мало того, что это было сказано уже вліятельнымъ и замѣт-

нымъ критикомъ-публицистомъ, но вѣдь и напечатано оно было ни гдѣ, какъ въ «Современникѣ»... И, дѣйствительно, очевидецъ того времени, человѣкъ близкій по духу Добролюбову—П. А. Бибиковъ, даетъ намъ понять, каково было негодованіе и возмущеніе всѣхъ, кто считалъ себя оскорбленнымъ. «Свистопляска, свистуны!» не переставали кричать выслужившіеся профессора и шатающіеся авторитеты. И что же? Презрѣнное слово становится чуть не лозунгомъ соединенія всѣхъ, стремящихся сбросить тяжелыя схоластическія путы. Старая исторія со времени Гёзовъ. Въ словахъ, полныхъ любви и самоотверженія, не видѣли ни сердечной теплоты, ни преданности общему дѣлу; обвинили въ отрицаніи, холодномъ и безжалостномъ, не имѣющемъ никакой иной цѣли, кромѣ самого себя, того, кто съ болью и страданіемъ глядѣлъ на всѣ ужасы темнаго царства» («О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова», 7). «Много надобно было смѣлости и здороваго смысла,—говоритъ дальше Бибиковъ, чтобы усомниться во всеобщемъ увлеченіи, и еще болѣе, чтобы громко высказать свое сомнѣніе. Горе было человѣку, у котораго доставало яснаго пониманія и твердой рѣшимости сказать обществу, что оно толчется на одномъ мѣстѣ и ни шагу не ступаетъ изъ болота, въ которое втянула его судьба, когда оно было въ полной увѣренности, что корабль тронулся да еще и пошелъ всѣмъ ходомъ. У Добролюбова достало духу вымолвить громко это честное слово. За это и поднялись противъ него люди всѣхъ партій и оттѣнковъ. Этого они не могли простить ему при его жизни, не могутъ простить и по его смерти... Вотъ настоящая причина той затаенной злобы, прорывающейся подчасъ изъ подъ маски кажущагося безпристрастія, а еще чаще изъ подъ маски расположенія къ нему и сочувствія» (тамъ же, 58).

Другой свидѣтель эпохи, правдивость котораго въ этомъ отношеніи не подвергается никакимъ сомнѣніямъ и при томъ, человѣкъ самъ стоявшій въ числѣ редакторовъ «Современника» — Панаевъ, такъ характеризуетъ уже оформившееся тогда отношеніе стараго поколѣнія къ новому, представителями котораго являлись Добролюбовъ и Чернышевскій. «Замѣчая, что новое поколѣніе начинаетъ довольно зло подсмѣиваться надъ нашею изнѣженностью, разслабленностью, надъ нашими романтическими выходками и лирическими возгласами; что оно начинаетъ слишкомъ уже выдвигаться впередъ, во вредъ намъ, и прокладываетъ себѣ новый, болѣе строгій и болѣе прочный путь,—мы, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ, ожесточились противъ новаго поколѣнія вообще и въ особенности противъ самыхъ яркихъ его представителей. Наше негодованіе должно было прежде всего, конечно, пасть на Добролюбова. Мы всѣ или, пожалуй, нѣкоторые изъ насъ, за давностью лѣтъ или по дѣйствительнымъ заслугамъ, оказаннымъ нами нѣкогда въ дни нашей свѣжести,—пріобрѣли авторитеты и кое-какіе авторитетики. Намъ, безъ сомнѣнія, было бы очень пріятно, если бы одинъ изъ представителей молодого поколѣнія обнаружилъ передъ нами такое благоговѣніе, какое мы обнаруживали въ нашей молодости передъ тогдашними авторитетами, и хоть для виду совѣтовался бы съ нами, выслушивалъ бы наши замѣчанія, и такъ далѣе. А Добролюбовъ не только не оказывалъ намъ никакого вниманія, даже просто не хотѣлъ замѣчать насъ, не изъявлялъ желанія быть намъ представленнымъ и отзывался о нашихъ твореніяхъ такъ, какъ о самыхъ обыкновенныхъ, безавторитетныхъ произведеніяхъ. Скажите, не оскорбительно ли это?.. Мы рѣшили, что новое поколѣніе, несмотря на свой, дѣйствительно, замѣчательный умъ и свѣдѣнія, поколѣніе—сухое, холодное, черствое, безсердечное, все отрицающее, вдавшееся въ ужасную доктрину,—въ нигилизмъ! Нигилисты! Если мы не рѣшились заклеймить этимъ страшнымъ именемъ все поколѣніе, то по крайней мѣрѣ увѣрили себя, что Добролюбовъ принадлежалъ къ нигилистамъ изъ нигилистовъ» («Современникъ» 1861, XI, 75—76) [1]).

Разумѣется, не всѣ изъ людей, не имѣвшихъ возможности причислять себя къ новому поколѣнію, такъ относились къ Добролюбову. Нѣкоторые понимали справедливость и ужь во всякомъ случаѣ—глубокую искренность его взглядовъ. Напримѣръ, Некрасовъ;—онъ сознавалъ все превосходство новыхъ людей, глубоко имъ симпатизировалъ, въ частности же къ Добролюбову питалъ чувство, близкое обожанію. «Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова, и я полагаю,—говоритъ Чернышевскій — освѣжала» (Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», 251). Въ своемъ «Недавнемъ времени» онъ даетъ очень яркую иллюстрацію своего сочувствія и своей солидарности съ Добролюбовымъ, котораго называетъ «юношей-геніемъ».

---

[1]) Не могу кстати не отмѣтить, что Панаевъ дѣлаетъ это показаніе за три мѣсяца *до* появленія въ свѣтъ «Отцовъ и дѣтей» Тургенева. Такимъ образомъ ясно, что слово «нигилистъ» въ его тогдашнемъ значеніи было взято, какъ думаютъ нѣкоторые, не у Тургенева, а наоборотъ послѣднимъ подхвачено изъ уже установившагося общественнаго лексикона.

Проклиная безправье, безгласность,
Произволъ и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тѣмъ, какъ народъ неразвитый
Ѣлъ кору и молчалъ, какъ убитый,
Мы сердечно болѣли о немъ,
Мы взывали: «даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянемъ!
Посмотрите на насъ: мы обжоры,
Мы ходячіе трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедшихъ,
На самихъ себя вьющихъ бичи,
Сознаваться въ недугахъ прошедшихъ
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую мѣру...
Крылось что-то неладное тутъ,
Но не вдругъ потеряли мы вѣру...
Призывая на дѣло, на трудъ,
Понялъ горькую истину сразу
Только юноша-геній тогда,
Произнесшій безсмертную фразу:
«Въ настоящее время, когда...»

Но Некрасовыхъ было, правда, немного... Старое, прежнее поколѣніе дружно негодовало по адресу «свистуновъ», какъ ихъ назвалъ Погодинъ... Обозленный до крайности Добролюбовъ все это сносилъ, конечно, безъ всякой душевной боли, потому что хорошо понималъ, что иного отношенія и не могло быть: à la guerre, comme à la guerre. Вой противниковъ не тяготитъ, а только развѣ раззадариваетъ... Но вотъ вдругъ въ числѣ открытыхъ враговъ выступаетъ Герценъ,— человѣкъ, котораго, какъ мы знаемъ, Добролюбовъ не только уважалъ и цѣнилъ, но передъ которымъ всегда почти благоговѣлъ... И гдѣ же? Въ «Колоколѣ», звонившемъ на всю Россію, несмотря на всѣ заглушающія его гулъ мѣры русскаго правительства... Статья была рѣзкая, несправедливая и оскорбительная...

Она настолько характерна для изученія тогдашняго разрыва двухъ поколѣній и столкновенія двухъ разныхъ направленій общественной мысли, что я считаю безусловно необходимымъ привести ее по возможности полностью.

Герценъ и самъ придавалъ ей, повидимому, серьезное значеніе, потому что помимо оригинальнаго заглавія: «Very dangerous!!!», что̀ значитъ «Очень опасно», сопроводилъ его еще особымъ знакомъ въ видѣ руки съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

☞ Very dangerous!!!

Въ послѣднее время въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли; мы ихъ вовсе не принимаемъ за выраженіе общественнаго мнѣнія, а за наитіе *направительнаго* и *назидательнаго* цензурнаго тріумвирата.

Чистымъ литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ, надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности и такъ мало «*Обломовыхъ*» и антологическихъ стихотвореній. Если бъ только единственный «Обломовъ» не былъ такъ непроходимо скученъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ и, сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ нескладно, говорить объ немъ, но все-таки говоритъ. Мы видѣли въ Германіи всякихъ Жанъ Полей, которые въ виду революцій и реакцій исходили млѣніемъ, составляли лексиконы или сочиняли фантастическія повѣсти.

Но вотъ шагъ дальше.

Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій со страждущими, катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобъ случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ.

Когда товарищи Поэріо, встрѣченные тысячами и тысячами англичанъ при въѣздѣ въ Лондонъ, не знали, что̀ имъ сказать, и, наконецъ, просили простить ихъ нескладную благодарность, говоря, что они отвыкли вообще отъ человѣческой рѣчи въ десятилѣтнихъ оковахъ, народъ не хохоталъ имъ въ отвѣтъ и «Пуншъ», смѣющійся надо всѣмъ на свѣтѣ, надъ королевой и парламентомъ, не сдѣлалъ каррикатуры.

Смѣхъ есть вещь судорожная, и на первую минуту человѣкъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которой онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ, и того, кто его вызвалъ. Всего генія Гейне чуть хватило, чтобъ покрыть двѣ-три отвратительныя шутки надъ умершимъ Берне, надъ Платеномъ и надъ одной живой дамой. На время публика отшарахнулась отъ него, и онъ помирился съ нею только своимъ необычайнымъ талантомъ.

Безъ сомнѣнія, смѣхъ одно изъ самыхъ мощныхъ орудій разрушенія; смѣхъ Вольтера билъ и жогъ, какъ молнія. Отъ смѣха

падаютъ идолы, падаютъ вѣнки. Съ этой революціонной, нивеллирующей силой смѣхъ страшно популяренъ и прилипчивъ; начавшись въ скромномъ кабинетѣ, онъ идетъ расширяющимися кругами до предѣловъ грамотности. Употреблять такое орудіе не противъ нелѣпой цензурной троицы..... значитъ участвовать съ ней въ отравленіи мысли.

Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что̀ же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь грабили квартальные, судьи, губернаторы, слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь. Они еще больше молчали объ этомъ!

Давно ли у насъ вкусъ такъ избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ, которыя, во-первыхъ, во всемъ мірѣ похожи другъ на друга, какъ родныя сестры, а, во-вторыхъ, имѣютъ то общее свойство съ котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить объ нихъ совершенно нечего.

«Да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно разсказываютъ, зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на дѣло?» Это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Тотъ, кто дурно и скучно передаетъ слезы крестьянина, неистовство помѣщика и воровство полиціи, тотъ, будьте увѣрены, еще хуже разскажетъ, какъ златокудрая дѣва, зачерпнувши воды въ бассейнѣ, облилась, а черноокой юноша, видя быстротекущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

Въ «обличительной литературѣ» были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ разсказы Щедрина и нѣкоторые другіе такъ и можно теперь огуломъ бросить съ «Обломовымъ» на шеѣ въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

Вамъ оттого не жаль этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ, чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ запрещали писать. Столичныя растенія вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого-нибудь «Перевоза» съ телѣгами въ грязи, съ разоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день, и другой, и третій, — васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой-нибудь полузаглохшей, ледящейся натуры, которая тянется, соловѣетъ, разсыпается въ однѣ безсмысленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной (лишь бы не съ патологической цѣлью,—это противно чистотѣ искусства, искусство должно быть безполезно, иногда можетъ быть немного вредно, но подлая утилитарность его убиваетъ),—это возбуждаетъ вамъ нервы. Мы, совсѣмъ напротивъ, безъ зѣвоты и отвращенія не можемъ слѣдить за физіологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки— чего нѣтъ—были Онѣгины и Печорины.

И, сверхъ того, Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражая дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рокъ лишняго, потеряннаго человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостиныхъ, въ деревняхъ и городахъ. Наши литературные фланкеры послѣдняго набора шпыняютъ теперь надъ этими слабыми мечтателями, сломавшимися безъ боя, надъ этими праздными людьми, не умѣвшими найтиться въ той средѣ, въ которой жили. Жаль, что они не договариваютъ,—я самъ думаю, если бъ Онѣгинъ и Печоринъ могли, какъ многіе, приладиться къ николаевской эпохѣ, Онѣгинъ былъ бы Викторъ Никитичъ Панинъ, а Печоринъ не пропалъ бы по пути въ Персію, а самъ управлялъ бы, какъ Клейнмихель, путями сообщенія и мѣшалъ бы строить желѣзныя дороги.

Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ рукъ недостаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй. И оттого, очень естественно, Онѣгины и Печорины дѣлаются Обломовыми.

Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печориныхъ потому, что чуяло въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, *доказывая, что у насъ гласность не нужна,* потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ потому, что нѣтъ *буржуазіи!*

У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во времена общественнаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ *Ревизора* и *Мертвыхъ душъ*, отъ разсказовъ *Охотника*, отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И, съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданскія измѣны или

шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора; самъ Пушкинъ испытывалъ, что̀ значитъ взять аккордъ въ похвалу Николаю. Литераторы наши скорѣе прощали диѳирамбы безчеловѣчному казарменному деспоту, чѣмъ публика; у нихъ совѣсть притупилась отъ изощренія эстетическаго нёба!

Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала—ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекли всѣхъ къ его журналу,—посмотрѣли, посмотрѣли, похохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на ѳоминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блестками акробатъ, занимавшій на святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка.

Чего ему недоставало? А вотъ того, что̀ было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго, — того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. Ему недоставало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *картой*, на которой все поставлено, — страстью, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ которымъ работалъ говорящій, оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ... становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями.

Но мы далеки отъ того, чтобъ и Сенковскаго осуждать безусловно, онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ blasé, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ—точно такъ, какъ другіе выбрили себѣ темя, сдѣлались іезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ. Это было бѣгство отъ Николая—какъ же тогда было не бѣжать? Мы не прощаемъ только тѣхъ, которые бѣжали въ «третье отдѣленіе».

Что же похожаго на то время, когда балагурничалъ Сенковскій подъ именемъ Брамбеуса, съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать; имѣй себѣ геній Пестеля и умъ Муравьева—веревки, на которыхъ Николай вѣшалъ, были крѣпче. Возможность мучениковъ, какъ Канарскій, какъ Воловичъ—была, и только. Теперь все, вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи, и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ, ни Александръ II, ни его ценсурный терцетъ, ни квартальный вашего квартала, ни другіе сильные міра сего,—виной будетъ ваша слабость, пеняйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя выморочнымъ поколѣніемъ, переходнымъ, тѣмъ самымъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такой страшной истиной!..

Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваетъ свои ослиные бубенчики не къ той тройкѣ изъ царскихъ конюшенъ, которая называется Адлербергъ, Тимашевъ и Мухановъ, а къ той, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ—можетъ, иной разъ оступаясь—нашу телѣгу изъ грязи!

Не лучше ли въ сто разъ, господа, вмѣсто освистываній, неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу,—самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью?

Мало ли на что̀ вамъ есть точить желчь, — отъ цензурной троицы до покровительства кабаковъ, отъ плантаторскихъ комитетовъ до полицейскихъ побоевъ. Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего Боже сохрани) и до *Станислава на шею!*

Можетъ, они объ этомъ и не думали,—пусть подумаютъ теперь!

Прежде всего нѣсколько поясненій, безъ которыхъ современный читатель не въ состояніи понять впечатлѣніе, произведенное герценовской отповѣдью на Добролюбова.

«Направительный и назидательный ценсурный тріумвиратъ» — это то «Bureau de la presse» изъ гр. Адлерберга, А. Е. Тимашева и Н. В. Муханова, которое было создано въ 1859 году для направленія литературы путемъ инспированныхъ свыше статей; я уже говорилъ о немъ въ одной изъ предыдущихъ своихъ замѣтокъ. Вотъ до чего дошелъ Герценъ въ своемъ «прекрасномъ далекѣ»! Онъ смогъ заподозрить честность и неподкупность «Современника», въ частности Добролюбова! При своемъ до очевидности плохомъ знакомствѣ съ «Современникомъ» онъ приписалъ ему, кромѣ того, то, противъ чего журналъ во главѣ съ Добролюбовымъ такъ энергично боролся — страсть къ «чистой литературѣ», къ искусству для искусства... «Балаганчикъ» — это «Свистокъ»... «Пуншъ» («Punch») извѣстный англійскій сатирическій журналъ. В. Н. Панинъ—министръ юстиціи, извѣстный своимъ мракобѣсіемъ и нелѣпостью. Чаадаевское письмо—нашумѣвшее

въ 1836 г. «Философическое письмо къ г-жѣ ***», напечатанное Чаадаевымъ въ «Телескопѣ», за что̀ автора постигла небывалая до тѣхъ поръ звѣрская кара—приказъ считать его сумасшедшимъ... Пестель и Муравьевъ — двое изъ пяти повѣшенныхъ декабристовъ. Канарскій и Воловичъ—дѣятели польскаго возстанія 1831 года. Плантаторскіе комитеты—губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу. «Станиславъ на шею»—намекъ на ожидаемую «Современникомъ» награду отъ правительства.

Итакъ, вотъ какъ Герценъ понялъ Добролюбова и по его «Литературнымъ мелочамъ», и по двумъ номерамъ «Свистка», и по «Что такое обломовщина»! Это врядъ ли не самое выдающееся въ исторіи русской журналистики роковое недоразумѣніе... Умный, проницательный Герценъ, человѣкъ, умѣвшій понимать каждую точку въ подцензурной русской печати, вдругъ обнаружилъ такое удивительное по своей коллосальности непониманіе мыслей Добролюбова, поскольку онѣ относились къ нашей гласности «настоящаго времени, когда»... Безнадежный взглядъ Н. А. на поколѣніе, котораго Герценъ былъ лучшимъ представителемъ, онъ понялъ и отвѣчалъ, поскольку могъ это сдѣлать, но помоями облилъ и глубоко оскорбилъ критика не за это, — такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по самой статьѣ. Нѣкоторые предполагаютъ, что Герценъ былъ введенъ въ заблужденіе—умышленно, злостно, или тоже по недоразумѣнію Кавелинымъ (Г. Плехановъ, «Н. Г. Чернышевскій», 57), Тургеневымъ (не называя его, Головачева-Панаева намекаетъ, однако, очень ясно),—но я думаю, что это не согласуется съ психологіей самого Герцена: онъ не могъ повѣрить на слово, а, прочитавъ статью и «Свистокъ», самъ уже, слѣдовательно, дѣйствовалъ самостоятельно.

«Колоколъ» въ это время былъ въ самомъ зенитѣ своего вліянія и популярности, съ нимъ очень считались, его брали за отправную точку... Добролюбовъ былъ положительно ошеломленъ... Вотъ страничка изъ его дневника отъ 5 іюня 1859 г. (№ 44 «Колокола» вышелъ въ Лондонѣ 1 іюня н. ст., слѣдовательно, по старому стилю тогда 20 мая и былъ въ Петербургѣ около 3—4 іюня), попавшаяся мнѣ въ подлинникѣ въ сенатскомъ архивѣ въ обширномъ дѣлѣ о Чернышевскомъ. Воспроизвожу этотъ доселѣ никому неизвѣстный документъ съ буквальной точностью:

«5 іюня. Сегодня въ три часа утра Некрасовъ, воротясь изъ клуба, сообщилъ мнѣ, что Искандеръ въ «Колоколѣ» напечаталъ статью противъ «Совр.» за то, что въ немъ предается поруганію священное имя гласности. Въ статьѣ есть будто бы намекъ на то, что «Совр.» подкупленъ тріумвирнымъ бюро. Если это правда, то Герценъ человѣкъ все несерьезный: такъ легкомысленно судить о людяхъ въ печати ужасно дико. Но чѣмъ болѣе думаю я объ этомъ извѣстіи, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Некрасову только такъ показалось и что въ сущности намека этого нѣтъ. Нужно поскорѣе достать «Кол.» и прочесть статью, а затѣмъ рѣшиться, что̀ дѣлать. Во всякомъ случаѣ надо писать къ Герцену письмо съ объясненіемъ дѣла. Меня сегодня цѣлый день преслѣдовала мысль объ этомъ и мнѣ все было какъ-то неловко: какъ будто у меня въ карманѣ нашлись чужія деньги, Богъ знаетъ, какъ туда попавшія... Однако, хороши наши передовые люди! Успѣли ужъ пришибить въ себѣ чутье, которымъ прежде чуяли призывъ къ революціи, гдѣ бы онъ ни слышался и въ какихъ бы формахъ ни являлся. Теперь ужъ у нихъ на умѣ мирный прогрессъ, при иниціативѣ сверху, подъ покровомъ законности!.. Я лично не очень убитъ неблаговоленіемъ Герцена, съ которымъ могу помѣряться, если на то пойдетъ; но Некрасовъ обезпокоенъ, говоря, что это обстоятельство свяжетъ намъ руки, такъ какъ значеніе Герцена для лучшей части нашего общества очень сильно. Въ особенности намекъ на бюро оскорбляетъ его, такъ что онъ чуть не рѣшается ѣхать въ Лондонъ для объясненій, говоря, что этакое дѣло можетъ кончиться и дуэлью. Ничего этого я не понимаю и не одобряю, но необходимость объясненія самъ чувствую и для этого готовъ былъ бы самъ ѣхать. Дѣйствительно, если намекъ есть, чтобы Герценъ печатно же отъ него отказался и взялъ назадъ свои слова. Но мнѣ все кажется, что вся эта исторія — чистѣйшій вздоръ, какое-нибудь недоразумѣніе. Сказалъ сегодня И. М—чу (Сорокинъ, докторъ, пріятель Чернышевскаго и Добролюбова—*М. Л.*) объ этой исторіи: смѣется и отзывается неуважительно о всемъ «Колоколѣ», попрекая имъ Герцена. Увѣряетъ, что молодые люди понимаютъ тенденціи Герцена и имъ сочувствуютъ. Я самъ тоже думаю, да только много ли проку-то отъ этого? Отъ С. Н. Ѳ. (Ѳедоровъ, сотрудникъ «Современника»—*М. Л.*) получилъ письмо съ водянистыми выраженіями сочувствія, да отъ Бордюгова довольно горячее письмо, вотъ и все пока. А здѣсь настоящее сочувствіе только и нашелъ въ Чернышевскомъ, О. (вѣроятно или І. Огрызко, или Н. Н. Обручевъ, потомъ извѣстный генералъ—*М. Л.*) да С. (Сорокинъ вѣроятно—*М. Л.*). Есть, правда, еще Н. (?), Ст. (?), Д. (вѣроятно, офицеръ генеральнаго штаба Добровольскій—*М. Л.*),—да кто ихъ знаетъ,

что они за люди... Во всякомъ случаѣ — мало насъ; если и семеро,—то составляемъ одну милліонную часть русскаго народонаселенія. Но я убѣжденъ, что насъ скоро прибудетъ».

Ясно, что Некрасовъ, зная характеръ Добролюбова и щадя его и безъ того уже разстроенное здоровье, прибѣгнулъ ко лжи, сказавъ сначала о статьѣ Герцена якобы только по слухамъ, а потомъ, должно быть, на слѣдующій день—показалъ Добролюбову и самую статью, убѣдивъ его, что слухи болѣе, чѣмъ справедливы... М. А. Антоновичъ говоритъ, что «если бы сильный и неожиданный ударъ грома разразился надъ головою Добролюбова, то онъ такъ не поразилъ бы и не потрясъ его», какъ статья «Колокола».

Какъ же реагировали на нее Добролюбовъ и «Современникъ»? Что касается перваго, то, по словамъ г. Богучарскаго, онъ написалъ Герцену письмо, по содержанію своему имѣющее очень большое общественное значеніе («Изъ прошлаго русскаго общества», 253), но нигдѣ до сихъ поръ не напечатанное и, повидимому, канувшее въ Лету, если не уцѣлѣло въ бумагахъ Герцена, на что, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, нѣтъ основаній разсчитывать. Фактъ отправки письма утверждаетъ и А. А. Серно-Соловьевичъ въ своемъ памфлетѣ по адресу Герцена въ 1867 году. Порицая появленіе «Very dangerous!!!», онъ говоритъ: «Позвольте посовѣтовать вамъ перечесть письмо Добролюбова къ вамъ по этому поводу; оно лучше, чѣмъ что-нибудь, должно освѣжить въ вашей памяти давно забытыя воспоминанія и показать вамъ, какъ уже тогда, когда многое еще не выяснилось, когда вы были во всей силѣ своихъ словоизверженій, относились къ вамъ эти люди» («Наши домашнія дѣла», стр. 29). Черезъ мѣсяцъ Добролюбовъ отвѣтилъ Герцену печатно, но, конечно, очень блѣдно (см. № 304).

«Современникъ» отвѣчалъ поѣздкой въ Лондонъ Чернышевскаго, которую держали въ большой тайнѣ: о ней знали только самые близкіе люди. Надо думать, что Н. Г. рискнулъ ѣхать по чужому паспорту. Ихъ свиданіе съ Герценомъ и разговоръ нигдѣ не напечатаны съ желательной подробностью; въ бумагахъ Добролюбова и Чернышевскаго тоже нѣтъ ничего. Поэтому приходится ограничиться кое-какими указаніями, изъ которыхъ врядъ ли не самое интересное и при томъ достовѣрное — короткая запись С. Стахевича со словъ Чернышевскаго уже въ Сибири. Чернышевскій нападалъ на Герцена за чисто обличительный характеръ «Колокола», повторяя такимъ образомъ то же, что постоянно твердилъ въ своихъ статьяхъ о русской журналистикѣ Добролюбовъ. «Если бы наше правительство,—говорилъ Н. Г. Герцену—было чуточку поумнѣе, оно благодарило бы васъ за ваши обличенія; эти обличенія даютъ ему возможность держать своихъ агентовъ въ уздѣ, въ нѣсколько приличномъ видѣ, оставляя въ то же время государственный строй неприкосновеннымъ. А суть дѣла, конечно, въ строѣ, а не въ агентахъ. Вамъ слѣдовало бы выставить опредѣленную политическую программу, скажемъ—конституціонную, или республиканскую, или соціалистическую, и затѣмъ всякое обличеніе являлось бы подтвержденіемъ основныхъ требованій вашей программы; вы неустанно повторяли бы свое «Ceterum censeo Carthaginem esse delendam» («Матеріалы для біографіи Н. Г. Чернышевскаго», «Закаспійское Обозрѣніе» 1905, № 143).

Въ статьѣ «Лишніе люди и желчевики» («Колоколъ» 1860 г., № 83) нѣкоторые видятъ передачу разговора Герцена съ Чернышевскимъ, но это безусловно невѣрно. Свиданіе состоялось въ іюлѣ 1859 года, а статья эта появилась 15 октября (н. ст.) 1860 г., больше чѣмъ годъ спустя,—развѣ могъ живой Герценъ жить такъ медленно, развѣ могъ онъ тогда сказать—«говорилъ намъ *недавно* одинъ желчевикъ»? Понятно, что подъ Даніиломъ изображенъ кто-нибудь изъ единомышленниковъ Чернышевскаго, которыхъ въ 1860 году было уже очень много. Чернышевскій не разъ сожалѣлъ, что ѣздилъ въ Лондонъ. Отношенія ихъ съ Герценомъ остались острыя, несмотря на сочувственныя потомъ замѣтки послѣдняго о Добролюбовѣ и т. п. Герценъ не взялъ обратно своей статьи, слѣдовательно, тоже не считалъ возможнымъ думать о «Современникѣ» иначе. Хотя небольшая уступка и была сдѣлана. А именно въ № 49 «Колокола» (1 августа н. ст.) за подписью же «И—ръ» (Искандеръ—псевдонимъ Герцена) онъ напечаталъ слѣдующее:

«Въ 44 листѣ мы предупреждали нашихъ русскихъ собратій, слишкомъ нападавшихъ на изобличительную литературу, что они этимъ путемъ, сознательно или безсознательно, помогутъ *наставительному* комитету.

«Намъ бы чрезвычайно было больно, если бъ иронія, употребленная нами, была принята за оскорбительный намекъ. Мы увѣряемъ честнымъ словомъ, что этого не было въ умѣ нашемъ; если бъ оно было, мы иначе бы стали обличать—въ особой умѣренности и скрытности въ подобныхъ случахъ насъ самъ Панинъ не обвинитъ.

«Нельзя же manière de dire, образъ выраженій, особенно ироническихъ, брать въ прямомъ смыслѣ. Въ прошедшемъ *Коло-*

колѣ мы говорили о томъ, что *тайный* членъ цензурнаго тріумвирата—Тимашевъ, заступилъ мѣсто Сакена, бывшаго парижскимъ генералъ-губернаторомъ,—развѣ кто-нибудь будетъ доказывать, что это не такъ.

«Мы не имѣли въ виду ни одного литератора, мы вовсе не знаемъ, кто писалъ статьи, противъ которыхъ мы сочли себя въ правѣ сказать нѣсколько словъ, искренно желая, чтобъ нашъ совѣтъ обратилъ на себя вниманіе».

Но развѣ это могло удовлетворить Добролюбова? развѣ здѣсь было полное уничтоженіе нанесеннаго оскорбленія?!

Такимъ образомъ статья объ обломовщинѣ довершала разрывъ двухъ поколѣній, была послѣдней точкой надъ і.

М. Л.

> Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души умѣлъ бы сказать намъ это всемогущее слово «впередъ»? Вѣка проходятъ за вѣками, полмилліона сидней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово...
>
> Гоголь.

Десять лѣтъ ждала наша публика романа Гончарова. Задолго до его появленія въ печати, о немъ говорили, какъ о произведеніи необыкновенномъ. Къ чтенію его приступили съ самыми обширными ожиданіями. Между тѣмъ, первая часть романа, написанная еще въ 1849 г. и чуждая текущихъ интересовъ настоящей минуты, многимъ показалась скучною. Въ это же время появилось «Дворянское гнѣздо», и всѣ были увлечены поэтическимъ, въ высшей степени симпатичнымъ талантомъ его автора. «Обломовъ» остался для многихъ въ сторонѣ; многіе даже чувствовали утомленіе отъ необычайно-тонкаго и глубокаго психическаго анализа, проникающаго весь романъ г. Гончарова. Та публика, которая любитъ внѣшнюю занимательность дѣйствія, нашла утомительною первую часть романа потому, что до самаго конца ея герой все продолжаетъ лежать на томъ же диванѣ, на которомъ застаетъ его начало первой главы. Тѣ читатели, которымъ нравится обличительное направленіе, недовольны были тѣмъ, что въ романѣ оставалась совершенно нетронутою наша оффиціально-общественная жизнь. Короче—первая часть романа произвела неблагопріятное впечатлѣніе на многихъ читателей.

Кажется, не мало было задатковъ на то, чтобы и весь романъ не имѣлъ успѣха, по крайней мѣрѣ въ нашей публикѣ, которая такъ привыкла считать всю поэтическую литературу забавой и судить художественныя произведенія по первому впечатлѣнію. Но на этотъ разъ художественная правда скоро взяла свое. Послѣдующія части романа сгладили первое непріятное впечатлѣніе у всѣхъ, у кого оно было, и талантъ Гончарова покорилъ своему неотразимому вліянію даже людей, всего менѣе ему сочувствовавшихъ. Тайна такого успѣха заключается, намъ кажется, сколько непосредственно въ силѣ художественнаго таланта автора, столько же и въ необыкновенномъ богатствѣ содержанія романа.

Можетъ показаться страннымъ, что мы находимъ особенное богатство содержанія въ романѣ, въ которомъ, по самому характеру героя, почти вовсе нѣтъ дѣйствія. Но мы надѣемся объяснить свою мысль въ продолженіе статьи, главная цѣль которой и состоитъ въ томъ, чтобы высказать нѣсколько замѣчаній и выводовъ, на которые, по нашему мнѣнію, необходимо наводитъ содержаніе романа Гончарова.

«Обломовъ» вызоветъ, безъ сомнѣнія, множество критикъ. Вѣроятно, будутъ между ними и корректурныя, которыя отыщутъ какія-нибудь погрѣшности въ языкѣ и слогѣ, и патетическія, въ которыхъ будетъ много восклицаній о прелести сценъ и характеровъ, и эстетично-аптекарскія, съ строгою повѣркою того, вездѣ ли точно, по эстетическому рецепту, отпущено дѣйствующимъ лицамъ надлежащее количество такихъ-то и такихъ-то свойствъ, и всегда ли эти лица употребляютъ ихъ такъ, какъ сказано въ рецептѣ. Мы не чувствуемъ ни малѣйшей охоты пускаться въ подобныя тонкости, да и читателямъ, вѣроятно, не будетъ особеннаго горя, если мы не станемъ убиваться надъ соображеніями о томъ, вполнѣ ли соотвѣтствуетъ такая-то фраза характеру героя и его положенію, или въ ней надобно было нѣсколько словъ переставить, и т. п. Поэтому намъ кажется нисколько непредосудительнымъ заняться болѣе общими соображеніями о содержаніи и значеніи романа Гончарова, хотя, конечно, *истые критики* и упрекнутъ насъ опять, что статья наша написана не объ Обломовѣ, а только *по поводу* Обломова.

Намъ кажется, что въ отношеніи къ Гончарову болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому автору, критика обязана изложить общіе результаты, выводимые изъ его произведенія. Есть авторы, которые сами на себя берутъ этотъ трудъ, объясняясь съ читателемъ относительно цѣли и смысла

своихъ произведеній. Иные и не высказываютъ категорически своихъ намѣреній, но такъ ведутъ весь разсказъ, что онъ оказывается яснымъ и правильнымъ олицетвореніемъ ихъ мысли. У такихъ авторовъ каждая страница бьетъ на то, чтобы вразумить читателя, и много нужно недогадливости, чтобы не понять ихъ... Зато плодомъ чтенія ихъ бываетъ болѣе или менѣе полное (смотря по степени таланта автора) *согласіе съ идеею*, положенною въ основаніе произведенія. Остальное все улетучивается черезъ два часа по прочтеніи книги. У Гончарова совсѣмъ не то. Онъ вамъ не даетъ и, повидимому, не хочетъ дать, никакихъ выводовъ. Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ. Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это ужь ваше дѣло. Ошибетесь — пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужь ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ. У него нѣтъ и той горячности чувства, которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть. Тургеневъ, напримѣръ, разсказываетъ о своихъ герояхъ, какъ о людяхъ близкихъ ему, выхватываетъ изъ груди ихъ горячее чувство и съ нѣжнымъ участіемъ, съ болѣзненнымъ трепетомъ слѣдитъ за нимъ, самъ страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ лицами, имъ созданными, самъ увлекается той поэтической обстановкой, которою любитъ всегда окружать ихъ... И его увлеченіе заразительно: онъ неотразимо овладѣваетъ симпатіей читателя, съ первой страницы приковываетъ къ разсказу мысль его и чувство, заставляетъ и его переживать, перечувствовать тѣ моменты, въ которыхъ являются передъ нимъ тургеневскія лица. И пройдетъ много времени, — читатель можетъ забыть ходъ разсказа, потерять связь между подробностями происшествій, упустить изъ виду характеристику отдѣльныхъ лицъ и положеній, можетъ, наконецъ, позабыть все прочитанное, но ему все-таки будетъ памятно и дорого то живое, отрадное впечатлѣніе, которое онъ испытывалъ при чтеніи разсказа. У Гончарова нѣтъ ничего подобнаго. Талантъ его неподатливъ на впечатлѣнія. Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько... Но вотъ онъ начинаетъ чертить что-то... Вы холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты... Вотъ онѣ отдѣляются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе... и вдругъ, неизвѣстно какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ предъ вами и роза, и соловей, со всей своей прелестью и обаяньемъ. Вамъ рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется ароматъ розы, слышатся соловьиные звуки... Пойте лирическую пѣснь, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходитъ въ сторону; болѣе онъ ничего не прибавитъ... «И напрасно было бы прибавлять,—думаетъ онъ,—если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ, то что могутъ вамъ сказать слова?»...

Въ этомъ умѣньи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его— заключается сильнѣйшая сторона таланта Гончарова. И ею онъ [превосходитъ всѣхъ] [1]) современныхъ русскихъ писателей. Изъ нея легко объясняются всѣ остальныя свойства его таланта. У него есть изумительная способность—во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни, во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его предъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника. На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучъ жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставляя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что-нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ-нибудь особенно поразилъ его. Смотря по свойству поэтическаго таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ суживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже; выраженіе ихъ—страстнѣе или спокойнѣе. Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ-нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно-полномъ и живомъ его выраженіи поставляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художническую силу. Такъ являются художники, сливающіе внутренній міръ души своей съ міромъ внѣшнихъ явленій и видящіе всю жизнь и природу подъ призмою господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ, у однихъ,

---

[1]) особенно отличается среди

все подчиняется чувству пластической красоты, у другихъ, по преимуществу рисуются нѣжныя и симпатичныя черты, у иныхъ, во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются гуманныя и соціальныя стремленія, и т. д. Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова. У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтическаго міросозерцанія. Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно, или увлекается всѣмъ одинаково. Онъ не поражается одной стороною предмета, однимъ моментомъ событія; а вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ. Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, большая отчетливость въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей, и равная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа.

Вотъ отчего нѣкоторымъ кажется романъ Гончарова растянутымъ. Онъ, если хотите, дѣйствительно растянутъ. Въ первой части Обломовъ лежитъ на диванѣ; во второй ѣздитъ къ Ильинскимъ и влюбляется въ Ольгу, а она въ него; въ третьей—она видитъ, что ошиблась въ Обломовѣ, и они расходятся; въ четвертой она выходитъ замужъ за друга его Штольца, а онъ женится на хозяйкѣ того дома, гдѣ нанимаетъ квартиру. Вотъ и все. Никакихъ внѣшнихъ событій, никакихъ препятствій (кромѣ развѣ разведенія моста черезъ Неву, прекратившаго свиданія Ольги съ Обломовымъ), никакихъ постороннихъ обстоятельствъ не вмѣшивается въ романъ. Лѣнь и апатія Обломова—единственная пружина дѣйствія во всей его исторіи. Какъ же это можно было растянуть на четыре части! Попадись эта тема другому автору, тотъ бы ее обдѣлалъ иначе: написалъ бы страничекъ пятьдесятъ, легкихъ, забавныхъ, сочинилъ бы милый фарсъ, осмѣялъ бы своего лѣнивца, восхитился бы Ольгой и Штольцемъ, да на томъ бы и покончилъ. Разсказъ никакъ бы не былъ скученъ, хотя и не имѣлъ бы особенно художественнаго значенія. Гончаровъ принялся за дѣло иначе. Онъ не хотѣлъ отстать отъ явленія, на которое однажды бросилъ свой взглядъ, не прослѣдивши его до конца, не отыскавши его причины, не понявши связи его со всѣми окружающими явленіями. Онъ хотѣлъ добиться того, чтобы случайный образъ, мелькнувшій передъ нимъ, возвести въ типъ, придать ему родовое и постоянное значеніе. Поэтому во всемъ, что касалось Обломова, не было для него вещей пустыхъ и ничтожныхъ. Всѣмъ занялся онъ съ любовью, все очертилъ подробно и отчетливо. Не только тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какомъ онъ только мечталъ жить; не только халатъ его, но сѣрый сюртукъ и щетинистыя бакенбарды слуги его Захара, не только писаніе письма Обломовымъ, но и качество бумаги и чернилъ въ письмѣ старосты къ нему—все приведено и изображено съ полною отчетливостью и рельефностью. Авторъ не можетъ пройти мимоходомъ даже какого-нибудь барона фонъ-Лангвагена, не играющаго никакой роли въ романѣ; и о баронѣ напишетъ онъ цѣлую прекрасную страницу, и написалъ бы двѣ и четыре, если бы не успѣлъ исчерпать его на одной. Это, если хотите, вредитъ быстротѣ дѣйствія, утомляетъ безучастнаго читателя, требующаго, чтобы его неудержимо завлекали сильными ощущеніями. Но, тѣмъ не менѣе, въ талантѣ Гончарова это — драгоцѣнное свойство, чрезвычайно много помогающее художественности его изображеній. Начиная читать его, находишь, что многія вещи какъ будто не оправдываются строгой необходимостью, какъ будто не соображены съ вѣчными требованіями искусства. Но вскорѣ начинаешь сживаться съ тѣмъ міромъ, который онъ изображаетъ, невольно признаешь законность и естественность всѣхъ выводимыхъ имъ явленій, самъ становишься въ положеніе дѣйствующихъ лицъ и какъ-то чувствуешь, что на ихъ мѣстѣ и въ ихъ положеніи иначе и нельзя, да какъ будто и не должно дѣйствовать. Мелкія подробности, безпрерывно вносимыя авторомъ и рисуемыя имъ съ любовью и съ необыкновеннымъ мастерствомъ, производятъ наконецъ какое-то обаяніе. Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ: вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается не только внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго лица, каждаго предмета. И послѣ прочтенія всего романа вы чувствуете, что въ сферѣ вашей мысли прибавилось что-то новое, что къ вамъ въ душу глубоко запали новые образы, новые типы. Они васъ долго преслѣдуютъ, вамъ хочется думать надъ ними, хочется выяснить ихъ значеніе и отношеніе къ вашей собственной жизни, характеру, наклонностямъ. Куда дѣнется ваша вялость и утомленіе; бодрость мысли и свѣжесть чувства пробуждаются въ васъ. Вы готовы снова перечитать многія страницы, думать надъ ними, спорить о нихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, на насъ дѣйствовалъ Обломовъ: «Сонъ Обломова» и нѣкоторыя отдѣльныя сцены мы прочли по нѣскольку разъ; весь

романъ почти сплошь прочитали мы два раза, и во второй разъ онъ намъ понравился едва ли не болѣе, чѣмъ въ первый. Такое обаятельное значеніе имѣютъ эти подробности, которыми авторъ обставляетъ ходъ дѣйствія и которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, *растягиваютъ* романъ!

Такимъ образомъ Гончаровъ является передъ нами прежде всего художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни. Изображеніе ихъ составляетъ его призваніе, его наслажденіе; объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ. Оно спокойно, трезво, безстрастно. Составляетъ ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспріимчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ безъ ограниченій и поясненій. Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это — нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей, — даже въ чувствахъ. Приписывать автору слабую степень воспріимчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ — несправедливо. Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ неистощимымъ запасомъ словеснаго и мимическаго паѳоса. Если человѣкъ умѣетъ выдержать, взлелѣять въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его,—это значитъ, что у него чуткая воспріимчивость соединяется съ глубиною чувства. Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ. Все, что живетъ и движется вокругъ него, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это—

«Какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ».

Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и по волѣ его останавливаются, застываютъ, отливаются въ твердыя недвижныя формы всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить самую жизнь, навсегда укрѣпить и поставить предъ нами самый неуловимый мигъ ея, чтобы мы вѣчно на него смотрѣли, поучаясь или наслаждаясь.

Такое могущество, въ высшемъ своемъ развитіи, стоитъ, разумѣется, всего, что мы называемъ симпатичностью, прелестью, свѣжестью или энергіей таланта. Но и это могущество имѣетъ свои степени, и, кромѣ того, оно можетъ быть обращено на предметы различнаго рода, что тоже очень важно. Здѣсь мы расходимся съ приверженцами такъ называемаго *искусства для искусства*, которые полагаютъ, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Можетъ быть, субъективно это будетъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силою таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности.

Какъ же выразился, на что потратился талантъ Гончарова? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ служить разборъ содержанія романа.

Повидимому, не обширную сферу избралъ Гончаровъ для своихъ изображеній. Исторія о томъ, какъ лежитъ и спитъ добрякъ-лѣнивецъ Обломовъ, и какъ ни дружба, ни любовь не могутъ пробудить и поднять его,—не Богъ вѣсть какая важная исторія. Но въ ней отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ предъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадною строгостью и правильностью; въ ней сказалось новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины. Слово это — *обломовщина*; оно служитъ ключемъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти. Въ типѣ Обломова и во всей этой обломовщинѣ мы видимъ

нѣчто болѣе, нежели просто удачное созданіе сильнаго таланта; мы находимъ въ немъ произведеніе русской жизни, знаменіе времени.

Обломовъ есть лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставлялось передъ нами такъ просто и естественно, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ старину, скажемъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы находимъ еще въ Онѣгинѣ, и затѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ. Дѣло въ томъ, что это коренной, народный нашъ типъ, отъ котораго не могъ отдѣлаться ни одинъ изъ нашихъ серьезныхъ художниковъ. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнялъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе. Подмѣтить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла — это всегда составляло громадную задачу, и талантъ, умѣвшій сдѣлать это, всегда дѣлалъ существенный шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ «Обломовымъ». Посмотримъ на главныя черты обломовскаго типа и потомъ попробуемъ провести маленькую параллель между нимъ и нѣкоторыми типами того же рода, въ разное время проявлявшимися въ нашей литературѣ.

Въ чемъ заключаются главныя черты обломовскаго характера? Въ совершенной инертности, происходящей отъ его апатіи ко всему, что̀ дѣлается на свѣтѣ. Причина же апатіи заключается отчасти въ его внѣшнемъ положеніи, отчасти же въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія. По внѣшнему своему положенію—онъ баринъ: «у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ», по выраженію автора. Преимущества своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

«Развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ?.. И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался».

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать, и сдѣлать—есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ. Ну, скажите пожалуйста, чего же бы вы хотѣли отъ человѣка, выросшаго вотъ въ какихъ условіяхъ:

«Захаръ, — какъ, бывало, нянька, — натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру—умыться, и т. п.

«Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли за чѣмъ,— ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

« — Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!..

«И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: «Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси».

«Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: «ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется! Стой, стой!!! Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, - опять крики: «ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...». И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая».

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего-нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барченку и т. п. Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній, и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барченокъ, пожалуй, и самъ одѣнется; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а въ сущности, онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и вообще, ему самому нѣтъ надобности что-нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться! Некому, что ли, подать и сдѣлать для него все, что ему нужно?.. Поэтому онъ себя надъ работой убивать не станетъ, что̀ бы ему ни толковали о не-

обходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. И вотъ у него уже готово первое понятіе, — что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою... Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнѣйшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы «никнутъ и увядаютъ» по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность, и какъ заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьезно поддерживать свое достоинство. Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями и потому становится втупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ вырастаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ — отвращеніемъ отъ серьезной и самобытной дѣятельности.

Много помогаетъ тутъ и умственное развитіе Обломовыхъ, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Какъ въ первый разъ они взглянутъ на жизнь навыворотъ,—такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ многое, они и поймутъ кое-что, но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе все-таки удержится гдѣ-нибудь въ уголку и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и не допуская ихъ уложиться на дно души... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку и рѣшимость придетъ сдѣлать что-нибудь, да не знаетъ онъ, что̀ ему начать, куда обратиться... И не мудрено: нормальный человѣкъ всегда хочетъ только того, что̀ можетъ сдѣлать; зато онъ немедленно и дѣлаетъ все, что̀ захочетъ... А Обломовъ... онъ не привыкъ дѣлать что-нибудь, слѣдовательно, не можетъ хорошенько опредѣлить, что̀ онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ, — слѣдовательно, не можетъ и серьезно, *дѣятельно* захотѣть чего-нибудь... Его желанія являются только въ формѣ: «а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось»; но какъ это можетъ сдѣлаться, — онъ не знаетъ. Оттого онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого-нибудь другого, а если нѣтъ никого, то на *авось*...

Всѣ эти черты превосходно подмѣчены и съ необыкновенной силой и истиной сосредоточены въ лицѣ Ильи Ильича Обломова. Не нужно представлять себѣ, чтобы Илья Ильичъ принадлежалъ къ какой-нибудь особенной породѣ, въ которой бы неподвижность составляла существенную, коренную черту. Несправедливо было бы думать, что онъ отъ природы лишенъ способности произвольнаго движенія. Вовсе нѣтъ: отъ природы онъ—человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ снѣжки съ ребятишками, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій березнякъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: «взбѣгалъ на галлерею (куда не позволялось ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазалъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ». А то— «забирался въ каналъ, рылся, отыскивалъ какіе-то корешки, очищалъ отъ коры и ѣлъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька». Все это могло служить задаткомъ характера кроткаго, спокойнаго, но не безсмысленно-лѣниваго. При томъ и кротость, переходящая въ робость и подставленіе спины другимъ,—есть въ человѣкѣ явленіе вовсе не природное, а чисто благопріобрѣтенное, точно такъ же, какъ и нахальство, и заносчивость. И между обоими этими качествами разстояніе вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Никто не умѣетъ такъ отлично вздергивать носа, какъ лакеи; никто такъ грубо не ведетъ себя съ подчиненными, какъ тѣ, которые подличаютъ передъ начальниками. Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувающему его Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое нужно будетъ преодолѣть. Поневолѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремя стами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во

сто, въ тысячу разъ больше, — онъ бы не встрѣчалъ себѣ противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого-нибудь звѣрства натуры; и ему самому, и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы очень естественнымъ, необходимымъ... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ-нибудь иначе. Но—къ несчастью иль къ счастью—Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей на ассигнаціи и, вслѣдствіе того, могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ. Зато въ мечтахъ своихъ онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ. «Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, предъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруслапъ Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напр., народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія». А то онъ вообразитъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гоняется толпа, и всѣ поклоняются ему... Ясно, что Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ, тоже чего-то ищущій въ своей жизни, о чемъ-то думающій. Но гнусная привычка получать удовлетвореніе своихъ желаній не отъ собственныхъ усилій, а отъ другихъ, развила въ немъ апатическую неподвижность и повергла его въ жалкое состояніе нравственнаго рабства. Рабство это такъ переплетается съ барствомъ Обломова, такъ они взаимно проникаютъ другъ друга и одно другимъ обусловливаются, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую-нибудь границу. Это нравственное рабство Обломова составляетъ едва ли не самую любопытную сторону его личности и всей его исторіи... Но какъ могъ дойти до рабства человѣкъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется, кому бы и наслаждаться свободой, какъ не ему? Не служитъ, не связанъ съ обществомъ, имѣетъ обезпеченное состояніе... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ надобности кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ «другимъ», которые работаютъ безъ устали, бѣгаютъ, суетятся, — а не поработаютъ, такъ и не поѣдятъ... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйную любовь доброй вдовѣ Пшеницыной именно тѣмъ, что онъ *баринъ*, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ, и говоритъ такъ вольно и независимо, что онъ «не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ будто ситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ будто требуетъ покорности себѣ». И однако же вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что онъ постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую-нибудь самобытность. Онъ рабъ каждой женщины, каждаго встрѣчнаго, рабъ каждаго мошенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ рабъ своего крѣпостного Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другого. По крайней мѣрѣ—чего Захаръ не захочетъ, того Илья Ильичъ не можетъ заставить его сдѣлать, а чего захочетъ Захаръ, то сдѣлаетъ и противъ воли барина, и баринъ покорится... Оно такъ и слѣдуетъ: Захаръ все-таки умѣетъ сдѣлать хоть что-нибудь, а Обломовъ ровно ничего не можетъ и не умѣетъ. Нечего ужъ и говорить о Тарантьевѣ и Иванѣ Матвѣичѣ, которые дѣлаютъ съ Обломовымъ, что хотятъ, несмотря на то, что сами и по умственному развитію, и по нравственнымъ качествамъ гораздо ниже его... Отчего же это? Да все оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему. Онъ не прочь отъ дѣятельности—до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ, онъ создаетъ планъ устройства имѣнія и очень усердно занимается имъ,—только «подробности, смѣты и цифры» пугаютъ его и постоянно отбрасываются имъ въ сторону, потому что, гдѣ же ему съ ними возиться!.. Онъ баринъ, какъ объясняетъ самъ Ивану Матвѣичу: «кто я, что такое? спросите вы... Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: «баринъ!» Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите: — на то наука!» И вы думаете, что онъ этимъ хочетъ только отдѣлаться отъ работы, старается прикрыть незнаніемъ свою лѣнь? Нѣтъ, онъ дѣйствительно не знаетъ и не умѣетъ ничего, дѣйствительно не въ состояніи приняться ни за какое путное дѣло. Относительно своего имѣнія (для преобразованія котораго сочинилъ уже планъ) онъ такимъ образомъ признается въ своемъ невѣдѣніи Ивану Матвѣичу: «я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или

овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ ли я или бѣденъ, буду ли я черезъ годъ сытъ или буду нищій — я ничего не знаю!.. Слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ, какъ ребенку»... Иначе сказать: будьте надо мною господиномъ, распоряжайтесь моимъ добромъ, какъ вздумаете, удѣляйте мнѣ изъ него, сколько найдете для себя удобнымъ... Такъ на дѣлѣ-то и вышло: Иванъ Матвѣичъ совсѣмъ-было прибралъ къ рукамъ имѣніе Обломова, да Штольцъ помѣшалъ къ несчастью.

И вѣдь Обломовъ не только своихъ сельскихъ порядковъ не знаетъ, не только положенія своихъ дѣлъ не понимаетъ: это бы еще куда ни шло!.. Но вотъ въ чемъ главная бѣда: онъ и вообще жизни не умѣлъ осмыслить для себя. Въ «Обломовѣ» никто не задавалъ себѣ вопроса: зачѣмъ жизнь, что она такое, какой ея смыслъ и назначеніе? Обломовцы очень просто понимали ее, «какъ идеалъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ». Точно такъ относился къ жизни и Илья Ильичъ. Идеалъ счастья, нарисованный имъ Штольцу, заключался ни въ чемъ другомъ, какъ въ сытной жизни,— съ оранжереями, парниками, поѣздками съ самоваромъ въ рощу, и т. п.,—въ халатѣ, въ крѣпкомъ снѣ да для промежуточнаго отдыха,—въ идиллическихъ прогулкахъ съ кроткою, но дебелою женою, и въ созерцаніи того, какъ крестьяне работаютъ. Разсудокъ Обломова такъ успѣлъ съ дѣтства сложиться, что даже въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться на данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ того statu quo несмотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать, и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?.. Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать. Служилъ онъ— и не могъ понять, зачѣмъ эти бумаги пишутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выдти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ—и не зналъ, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество— и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ свои знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходился онъ съ женщинами, но подумалъ: однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? подумавши же, не рѣшилъ вопроса и сталъ избѣгать женщинъ... Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ, сознательнымъ презрѣніемъ къ «муравьиной работѣ людей», убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ-за чего...

Дойдя до этой точки въ объясненіи характера Обломова, мы находимъ умѣстнымъ обратиться къ литературной параллели, о которой упомянули выше. Предыдущія соображенія привели насъ къ тому заключенію, что Обломовъ не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ. Главное здѣсь не Обломовъ, а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ. Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей. Давно уже замѣчено, что всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности. Вслѣдствіе того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ разительное сходство съ Обломовымъ. Въ самомъ дѣлѣ,—раскройте, напр., «Онѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда»,—въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

Онѣгинъ, какъ Обломовъ, оставляетъ общество за тѣмъ, что его

> «Измѣны утомить успѣли,
> Друзья и дружба надоѣли».

И вотъ онъ занялся писаньемъ:

«Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его»...

На этомъ же поприщѣ подвизался и Рудинъ, который любилъ читать избраннымъ «первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ». Тентетниковъ тоже много лѣтъ занимался «колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія»; но и у него «предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываньемъ; изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону». Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратій: онъ тоже писалъ и переводилъ,—Сэя даже переводилъ. «Гдѣ же твои работы, твои переводы?» — спрашиваетъ его потомъ Штольцъ.—«Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно быть, лежатъ», — отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ... А принимались за это дѣло почти всѣ братцы обломовской семьи, несмотря на разницу своихъ положеній и умственнаго развитія. Печоринъ только смотрѣлъ свысока на «поставщиковъ повѣстей» и сочинителей мѣщанскихъ драмъ; впрочемъ, и онъ писалъ свои записки. Что касается Бельтова, то онъ навѣрное сочинялъ что-нибудь, да еще кромѣ того артистомъ былъ, ходилъ въ Эрмитажъ и сидѣлъ за мольбертомъ, обдумывалъ большую картину встрѣчи Бирона, ѣдущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, ѣдущимъ въ Сибирь... Что изъ всего этого вышло, извѣстно читателямъ... Во всей семьѣ та же обломовщина...

Относительно «присвоенія себѣ чужого ума», т.-е. чтенія, Обломовъ тоже немного расходится съ своими братьями. Илья Ильичъ читалъ тоже кое-что и читалъ не такъ, какъ покойный батюшка его: «давно,—говоритъ,—не читалъ книги»: «дай-ка, почитаю книгу», — да и возьметъ, какая подъ руку попадется... Нѣтъ, вѣяніе современнаго образованія коснулось и Обломова: онъ уже читалъ по выбору, сознательно: «услышитъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи,—у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ, и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, а книга лежитъ подлѣ него недочитанная, непонятая... Охлажденіе овладѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ». Не то ли же самое было и съ другими? Онѣгинъ, думая себѣ присвоить умъ чужой, началъ съ того, что

«Отрядомъ книгъ уставилъ полку»,

и принялся читать. Но толку не вышло никакого: чтеніе скоро ему надоѣло, и—

«Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой».

Тентетниковъ тоже такъ читалъ книги (благо, онъ привыкъ ихъ всегда имѣть подъ рукой),—большею частью во время обѣда: «съ супомъ, съ соусомъ, съ жаркимъ, и даже съ пирожнымъ»... Рудинъ тоже признается Лежневу, что накупилъ онъ себѣ какихъ-то агрономическихъ книгъ, но ни одной до конца не прочелъ; сдѣлался учителемъ, да нашелъ, что фактовъ зналъ маловато, и даже на одномъ памятникѣ XVI столѣтія былъ сбитъ учителемъ математики. И у него, какъ у Обломова, принимались легко только общія идеи, а «подробности, смѣты и цифры» постоянно оставались въ сторонѣ.

«Но вѣдь это еще не жизнь, — это только приготовленіе къ жизни»,—думалъ Андрей Ивановичъ Тентетниковъ, проходившій, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компаніей, тьму ненужныхъ наукъ и не умѣвшій ни іоты изъ нихъ примѣнить къ жизни. «Настоящая жизнь—это служба». И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ служба—ненужное и неимѣющее смысла бремя; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой. Бельтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ... Тентетниковъ поговорилъ крупно съ начальствомъ, да при томъ же хотѣлъ принести пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія. Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ. Обломову не понравилось, что съ начальствомъ всѣ говорятъ «не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ»; онъ не хотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что «отправилъ нужную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ», и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и та же обломовщина...

Въ домашней жизни обломовцы тоже очень похожи другъ на друга:

«Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина,—
Вотъ жизнь Онѣгина святая».

То же самое, слово въ слово, за исключеніемъ коня, рисуется у Ильи Ильича въ идеалѣ домашней жизни. Даже поцѣлуй черноокой бѣлянки не забытъ у Обломова. «Одна изъ крестьянокъ, — мечтаетъ Илья Ильичъ, — съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко-опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... тс... жена чтобъ не увидала. Боже сохрани!» (Обломовъ воображаетъ себя уже женатымъ)... И если бъ Ильѣ Ильичу не лѣнь было уѣхать изъ Петербурга въ деревню, онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе задушевную свою идиллію. Вообще обломовцы склонны къ идиллическому, бездѣйственному счастью, которое ничего отъ нихъ не требуетъ: «наслаждайся, молъ, мною, да и только»... Ужъ на что, кажется, Печоринъ, да и тотъ полагаетъ, что счастье-то, можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который «въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе». Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: «отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?» Онъ самъ полагаетъ,—оттого что «душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣятельности»... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой, и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя деборшрства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать... А ужъ коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлью болѣе наклоненъ, чѣмъ къ дѣлу... Та же обломовщина...

Отношенія къ людямъ и въ особенности къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторыя общія черты. Людей они вообще презираютъ съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями. «Это все чернорабочіе», небрежно отзывается даже Бельтовъ, гуманнѣйшій между ними. Рудинъ наивно воображаетъ себя геніемъ, котораго никто не въ состояніи понять. Печоринъ, ужъ разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами. Даже Онѣгинъ имѣетъ за собою два стиха, гласящіе, что

«Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей».

Тентетниковъ даже, — ужъ на что смирный,—и тотъ, пришедши въ департаментъ, почувствовалъ, что «какъ будто его за проступокъ перевели изъ верхняго класса въ нижній»; а пріѣхавши въ деревню, скоро постарался, подобно Онѣгину и Обломову, раззнакомиться со всѣми сосѣдями, которые поспѣшили съ нимъ познакомиться. И нашъ Илья Ильичъ не уступитъ никому въ презрѣніи къ людямъ: оно вѣдь такъ легко, для него даже усилій никакихъ не нужно. Онъ самодовольно проводитъ передъ Захаромъ параллель между собой и «другими»; онъ въ разговорахъ съ пріятелями выражаетъ наивное удивленіе, изъ-за чего это люди бьются, заставляя себя ходить въ должность, писать, слѣдить за газетами, посѣщать общество и пр. Онъ даже весьма категорически выражаетъ Штольцу сознаніе своего превосходства надъ всѣми людьми. «Жизнь,—говоритъ,—въ обществѣ? Хороша жизнь! Чего тамъ искать? Интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это; нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены свѣта и общества!...» И затѣмъ Илья Ильичъ очень пространно и краснорѣчиво говоритъ на эту тему, такъ что хоть бы Рудину такъ поговорить.

Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ. Они вовсе не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно такъ же, какъ и вообще въ жизни. Они не прочь пококетничать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, двигающуюся на пружинахъ; не прочь они и поработить себѣ женскую душу... какъ же! этимъ бываетъ очень довольна ихъ барственная натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего-нибудь серьезнаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что предъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ,—они немедленно обращаются въ постыднѣйшее бѣгство. Трусость у всѣхъ этихъ господъ непомѣрная! Онѣгинъ, который такъ «рано умѣлъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ», который женщинъ «искалъ безъ упоенья, и оставлялъ безъ

сожалѣнья», — Онѣгинъ струсилъ предъ Татьяной, дважды струсилъ, — и въ то время, когда принималъ отъ нея урокъ, и тогда, какъ самъ ей давалъ его. Она ему, вѣдь, нравилась съ самаго начала, и если бы любила менѣе серьезно, онъ не подумалъ бы принять съ нею тонъ строгаго нравоучителя. А тутъ онъ увидѣлъ, что шутить опасно, и потому началъ толковать о своей отжитой жизни, о дурномъ характерѣ, о томъ, что она другого полюбитъ впослѣдствіи, и т. д. Впослѣдствіи онъ самъ объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что «замѣтя искру нѣжности въ Татьянѣ, онъ не хотѣлъ ей вѣрить», и что

«Свою постылую свободу
Онъ потерять не захотѣлъ».

А какими фразами-то прикрылъ себя, малодушный!

Бельтовъ съ Круциферской, какъ извѣстно, тоже не посмѣлъ идти до конца и убѣжалъ отъ нея, хотя и по совершенно другимъ соображеніямъ, если ему только вѣрить. Рудинъ—этотъ уже совершенно растерялся, когда Наталья отъ него хотѣла добиться чего-нибудь рѣшительнаго. Онъ ничего болѣе не сумѣлъ, какъ только посовѣтовать ей «покориться». На другой день онъ остроумно объяснилъ ей въ письмѣ, что ему «было не въ привычку» имѣть дѣло съ такими женщинами, какъ она. Такимъ же оказывается и Печоринъ, спеціалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что, кромѣ женщинъ, онъ ничего на свѣтѣ не любилъ, что для нихъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что, во-первыхъ, «не любитъ женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!» — во-вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. «Какъ бы страстно я ни любилъ женщину», говоритъ онъ, «но если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться—прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы своей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе», и т. д. А въ сущности, это—больше ничего, какъ обломовщина!

А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, не имѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, печоринскаго и рудинскаго элемента, не говоря объ онѣгинскомъ? Еще какъ имѣетъ-то! Онъ, напримѣръ, подобно Печорину, хочетъ непремѣнно *обладать* женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ робостью предложилъ ей быть его женой. Она ему сказала что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ пришелъ въ смущеніе, ему стало не довольно согласія Ольги, и онъ—что бы вы думали?.. онъ началъ—пытать ее, столько ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницей! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объясненіе и страстная сцена успокоили его... А все-таки онъ струсилъ подъ конецъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться, прикидывался больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ понять Ольгѣ, что она его можетъ компрометтировать, и т. д. И все отчего? — оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости, дѣла, того, что́ не входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшила его такъ, какъ страшила Печорина и Рудина; у него болѣе патріархальныя были привычки. Но Ольга захотѣла, чтобы онъ передъ женитьбой устроилъ дѣла по имѣнію; это уже была бы *жертва*, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ, между тѣмъ, очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину въ пору была бы. Ему вообразилось, что онъ не довольно хорошъ собою и вообще не довольно привлекателенъ для того, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, не спитъ ночь, наконецъ вооружается энергіей и строчитъ къ Ольгѣ длинное рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинымъ Татьянѣ, и Рудинымъ Натальѣ, и даже Печоринымъ княжнѣ Мери: «я, дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другого, болѣе достойнаго».

«Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты...
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ...
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ».

Всѣ обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ той цѣлью, чтобъ имѣть удовольствіе быть опровергнутыми и услышать себѣ похвалу отъ тѣхъ, передъ кѣмъ они себя ругаютъ. Они довольны своимъ самоуниженіемъ, и всѣ похожи на Рудина, о которомъ Пигасовъ выражается: «начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ»; — ну, думаешь, теперь на свѣтъ

Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣетъ даже, словно горькой водкой себя попотчивалъ!» Такъ и Онѣгинъ послѣ ругательствъ на себя рисуется передъ Татьяной своимъ великодушіемъ. Такъ и Обломовъ, написавши къ Ольгѣ пасквиль на самого себя, чувствовалъ, «что ему ужъ не тяжело, что онъ почти счастливъ»... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же нравоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: «исторія со мною пусть,—говоритъ,—послужитъ вамъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви», и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ уничиженія передъ Ольгой: онъ бросился подсмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее письмо, увидѣлъ, что она плачетъ, удовлетворился и—не могъ удержаться, чтобы не предстать предъ ней въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ «изъ заботы объ ея счастіи». Тутъ ужъ онъ окончательно спасовалъ, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію.

«Однакоже,—возопіютъ глубокомысленные люди,—въ вашей параллели, несмотря на подборъ видимо одинаковыхъ фактовъ, совсѣмъ нѣтъ смысла. При опредѣленіи характера не столько важны внѣшнія проявленія, сколько побужденія, вслѣдствіе которыхъ то или другое дѣлается человѣкомъ. А относительно побужденій, какъ же не видѣть неизмѣримой разницы между поведеніемъ Обломова и образомъ дѣйствій Печорина, Рудина и другихъ?.. Этотъ все дѣлаетъ по инерціи, потому что ему лѣнь самому съ мѣста двинуться и лѣнь упереться на мѣстѣ, когда его тащатъ; вся его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы лишній разъ пальцами не шевелить. А тѣ снѣдаются жаждою дѣятельности, съ жаромъ за все принимаются, ими безпрестанно

«Овладѣваетъ безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ»

и другіе недуги, признаки сильной души. Если они и не дѣлаютъ ничего истинно-полезнаго, такъ это потому, что не находятъ дѣятельности, соотвѣтствующей своимъ силамъ. Они, по выраженію Печорина, подобны генію, прикованному къ чиновничьему столу и осужденному переписывать бумаги. Они выше окружающей ихъ дѣйствительности и потому имѣютъ право презирать жизнь и людей. Вся ихъ жизнь есть отрицаніе въ смыслѣ реакціи существующему порядку вещей; а его жизнь есть пассивное подчиненіе существующимъ уже вліяніямъ, консервативное отвращеніе отъ всякой перемѣны, совершенный недостатокъ внутренней реакціи въ натурѣ. Можно ли сравнивать этихъ людей? Рудина ставить на одну доску съ Обломовымъ!.. Печорина осуждать на то же ничтожество, въ какомъ погрязаетъ Илья Ильичъ!.. Это совершенное непониманіе, это нелѣпость, это—преступленіе!..»

Ахъ, Боже мой! Въ самомъ дѣлѣ,—мы вѣдь и позабыли, что съ глубокомысленными людьми надо держать ухо востро: какъ-разъ выведутъ такія заключенія, о которыхъ вамъ даже и не снилось. Если вы собираетесь купаться, а глубокомысленный человѣкъ, стоя на берегу со связанными руками, хвастается тѣмъ, что онъ отлично плаваетъ и обѣщаетъ спасти васъ, когда вы станете тонуть, — бойтесь сказать: «да, помилуй, любезный другъ, у тебя вѣдь руки связаны; позаботься прежде о томъ, чтобъ развязать себѣ руки». Бойтесь говорить это, потому что глубокомысленный человѣкъ сейчасъ же ударится въ амбицію и скажетъ: «а, такъ вы утверждаете, что я не умѣю плавать! Вы хвалите того, кто связалъ мнѣ руки! Вы не сочувствуете людямъ, которые спасаютъ утопающихъ!..» И такъ далѣе... глубокомысленные люди бываютъ очень краснорѣчивы и обильны на выводы самые неожиданные... Вотъ и теперь: сейчасъ: выведутъ заключеніе, что мы Обломова хотѣли поставить выше Печорина и Рудина, что мы хотѣли оправдать его лежанье, что мы не умѣемъ видѣть внутренняго, коренного различія между нимъ и прежними героями, и т. д... Поспѣшимъ же объясниться съ глубокомысленными людьми.

Во всемъ, что мы говорили, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ. Что касается до личности, то мы не могли не видѣть разницы темперамента, напр., у Печорина и Обломова, такъ же точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онѣгинымъ, и у Рудина съ Бельтовымъ... Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ обыкновенно предполагаютъ). Но дѣло въ томъ, что надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ. Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ Онѣгинъ былъ бы истинно добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы великіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но при другихъ условіяхъ развитія, можетъ быть, и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими

байбаками, а нашли бы себѣ какое-нибудь полезное занятіе... Дѣло въ томъ, что теперь-то у нихъ у всѣхъ одна общая черта— безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое *могло* бы выдти, но не выйдетъ ничего... Въ этомъ они поразительно сходятся. «Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій, — лучшій цвѣтъ жизни». Это — Печоринъ... А вотъ какъ разсуждаетъ о себѣ Рудинъ. «Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не увижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ»... Илья Ильичъ тоже не отстаетъ отъ прочихъ: и онъ «болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть, теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища». Видите — *сокровища* были зарыты въ его натурѣ, только раскрыть ихъ предъ міромъ онъ никогда не могъ. Другіе братья его, помоложе, «по свѣту рыщутъ,

Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ»...

Обломовъ тоже мечталъ въ молодости «служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разрабатыванія неистощимыхъ источниковъ»... Да и теперь онъ «не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ», и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполинскимъ дѣломъ, но все-таки мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ и съ жаромъ говоритъ:

«Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей»...

А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья обломовцы; только онъ откровеннѣе, — не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньяхъ по Невскому проспекту.

Но отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали выше? Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ сильными натурами, задавленными неблагопріятной обстановкой, а этотъ — байбакомъ, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ. Но, во-первыхъ, у Обломова темпераментъ слишкомъ вялый, и потому естественно, что онъ для осуществленія своихъ замысловъ и для отпора враждебныхъ обстоятельствъ употребляетъ еще нѣсколько менѣе попытокъ, нежели сангвиническій Онѣгинъ или желчный Печоринъ. Въ сущности же они всѣ равно несостоятельны передъ силою враждебныхъ обстоятельствъ, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серьезная дѣятельность. Въ чемъ обстоятельства Обломова открывали ему благопріятное поле дѣятельности? У него было имѣнье, которое могъ онъ устроить; былъ другъ, вызывавшій его на практическую дѣятельность; была женщина, которая превосходила его энергіей характера и ясностью взгляда, и которая нѣжно полюбила его... Да скажите, у кого же изъ обломовцевъ не было всего этого, и что́ всѣ они изъ этого сдѣлали? И Онѣгинъ, и Тентетниковъ хозяйничали въ своемъ имѣньи, и о Тентетниковѣ мужики даже говорили сначала: «экой востроногій!» Но скоро тѣ же мужики смекнули, что баринъ, хоть и прытокъ на первыхъ порахъ, но ничего не смыслитъ и толку никакого не сдѣлаетъ... А дружба? Что они всѣ дѣлаютъ съ своими друзьями? Онѣгинъ убилъ Ленскаго; Печоринъ только все пикируется съ Вернеромъ; Рудинъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя Лежнева и не воспользовался дружбой Покорскаго... Да и мало ли людей, подобныхъ Покорскому, встрѣчалось на пути каждаго изъ нихъ?.. Что же они? Соединялись ли другъ съ другомъ для одного общаго дѣла, образовали ли тѣсный союзъ для обороны отъ враждебныхъ обстоятельствъ? Ничего не было... Все разсыпалось прахомъ, все кончилось той же обломовщиной... О любви нечего и говорить. Каждый изъ обломовцевъ встрѣчалъ женщину выше себя (потому что Круциферская выше Бельтова и даже княжна Мери все-таки выше Печорина), и каждый постыдно бѣжалъ отъ ея любви или добивался того, чтобъ она сама прогнала его... Чѣмъ это объяснить, какъ не давленіемъ на нихъ гнусной обломовщины?

Кромѣ разницы темперамента, большое различіе находится въ самомъ возрастѣ

Обломова и другихъ героевъ. Говоримъ не о лѣтахъ: они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя-тремя годами постарше Обломова; говоримъ о времени ихъ появленія. Обломовъ относится къ позднѣйшему времени, стало быть, онъ уже для молодого поколѣнія, для современной жизни долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы... Онъ въ университетѣ какихъ-нибудь 17—18-ти лѣтъ прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ. За этимъ курсомъ для него были только двѣ дороги: или дѣятельность, настоящая дѣятельность, — не языкомъ, а головой, сердцемъ и руками вмѣстѣ, или уже просто лежанье сложа руки. Апатическая натура привела его къ послѣднему: скверно, но, по крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ лжи и обморачиванія. Если бъ онъ, подобно своимъ братьямъ, пустился толковать во всеуслышаніе о томъ, о чемъ теперь осмѣливается только мечтать, то онъ каждый день испытывалъ бы огорченія, подобныя тѣмъ, какія испытывалъ по случаю полученія письма отъ старосты и приглашенія отъ хозяина дома — очистить квартиру. Прежде съ любовью, съ благоговѣніемъ слушали фразёровъ, толкующихъ о необходимости того или другого, о высшихъ стремленіяхъ, и т. п. Тогда, можетъ быть, и Обломовъ не прочь былъ бы поговорить... Но теперь всякаго фразёра и прожектёра встрѣчаютъ требованіемъ: «а не угодно ли попробовать?» Этого ужъ обломовцы не въ силахъ снести...

Въ самомъ дѣлѣ—какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда по прочтеніи Обломова думаешь, что́ вызвало въ литературѣ этотъ типъ. Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта, и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы у авторовъ, произведшихъ прежніе типы, приведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ. То, что́ было тогда въ зародышѣ, что́ выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шопотомъ, то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму, высказалось открыто и громко. Фраза потеряла свое значеніе; явилась въ самомъ обществѣ потребность настоящаго дѣла. Бельтовъ и Рудинъ, люди съ стремленіями дѣйствительно высокими и благородными, не только не могли проникнуться необходимостью, но даже не могли представить себѣ близкой возможности страшной, смертельной борьбы съ обстоятельствами, которыя ихъ давили. Они вступали въ дремучій невѣдомый лѣсъ; шли по топкому опасному болоту, видѣли подъ ногами разныхъ гадовъ и змѣй, и лѣзли на дерево,—отчасти, чтобъ посмотрѣть, не увидятъ ли гдѣ дороги, отчасти же для того, чтобъ отдохнуть и хоть на время избавиться отъ опасности увязнуть или быть ужаленными. Слѣдовавшіе за ними люди ждали, что́ они скажутъ, и смотрѣли на нихъ съ уваженіемъ, какъ на людей, шедшихъ впереди. Но эти передовые люди ничего не увидѣли съ высоты, на которую взобрались: лѣсъ былъ очень обширенъ и густъ. Между тѣмъ, взлѣзая на дерево, они исцарапали себѣ лицо, переранили себѣ ноги, испортили руки... Они страдаютъ, они утомлены, они должны отдохнуть, примостившись какъ-нибудь поудобнѣе на деревѣ. Правда, они ничего не дѣлаютъ для общей пользы, они ничего не разглядѣли и не сказали; стоящіе внизу сами, безъ ихъ помощи, должны прорубать и расчищать себѣ дорогу по лѣсу. Но кто же рѣшится бросить камень въ этихъ несчастныхъ, чтобы заставить ихъ упасть съ высоты, на которую они взмостились съ такими трудами, имѣя въ виду общую пользу? Имъ сострадаютъ, отъ нихъ даже не требуютъ пока, чтобы они принимали участіе въ расчисткѣ лѣса; на ихъ долю выпало другое дѣло, и они его сдѣлали. Если толку не вышло,—не ихъ вина. Съ этой точки зрѣнія каждый изъ авторовъ могъ прежде смотрѣть на своего обломовскаго героя, и былъ правъ. Къ этому присоединялось еще и то, что надежда увидѣть гдѣ-нибудь выходъ изъ лѣсу на дорогу долго держалась во всей ватагѣ путниковъ, равно какъ долго не терялась и увѣренность въ дальнозоркости передовыхъ людей, взобравшихся на дерево. Но вотъ, мало-по-малу, дѣло прояснилось и приняло другой оборотъ: передовымъ людямъ понравилось на деревѣ; они разсуждаютъ очень краснорѣчиво о разныхъ путяхъ и средствахъ выбраться изъ болота и изъ лѣсу; они нашли даже на деревѣ кой-какіе плоды и наслаждаются ими, бросая чешуйку внизъ; они зовутъ къ себѣ еще кой-кого избранныхъ изъ толпы, и тѣ идутъ и остаются на деревѣ, уже не высматривая дороги, а только пожирая плоды. Это уже Обломовы въ собственномъ смыслѣ... А бѣдные путники, стоящіе внизу, вязнутъ въ болотѣ, ихъ жалятъ змѣи, пугаютъ гады, хлещутъ по лицу сучья... Наконецъ, толпа рѣшается приняться за дѣло и хочетъ воротить тѣхъ, которые позже полѣзли на дерево; но Обломовы молчатъ и обжираются плодами. Тогда толпа обращается и къ прежнимъ своимъ передовымъ людямъ, прося ихъ спуститься и помочь общей работѣ. Но передовые люди опять повторяютъ прежъ-

нія фразы о томъ, что надо высматривать дорогу, а надъ расчисткой трудиться нечего.—Тогда бѣдные путники видятъ свою ошибку и, махнувъ рукой, говорятъ: «э, да вы всѣ Обломовы!» И затѣмъ начинается дѣятельная, неутомимая работа: рубятъ деревья, дѣлаютъ изъ нихъ мостъ на болотѣ, образуютъ тропинку, бьютъ змѣй и гадовъ, попавшихся на ней, не заботясь болѣе объ этихъ умникахъ, объ этихъ сильныхъ натурахъ, Печориныхъ и Рудиныхъ, на которыхъ прежде надѣялись, которыми восхищались. Обломовцы сначала спокойно смотрятъ на общее движеніе, но потомъ, по своему обыкновенію, трусятъ и начинаютъ кричать... «Ай, ай, — не дѣлайте этого, оставьте—кричатъ они, видя, что подсѣкается дерево, на которомъ они сидятъ,—помилуйте, вѣдь мы можемъ убиться и вмѣстѣ съ нами погибнутъ тѣ прекрасныя идеи, тѣ высокія чувства, тѣ гуманныя стремленія, то краснорѣчіе, тотъ паѳосъ, любовь ко всему прекрасному и благородному, которые въ насъ всегда жили... Оставьте, оставьте! Что вы дѣлаете?..» Но путники уже слыхали тысячу разъ всѣ эти прекрасныя фразы и, не обращая на нихъ вниманія, продолжаютъ работу. Обломовцамъ еще есть средство спасти себя и свою репутацію: слѣзть съ дерева и приняться за работу вмѣстѣ съ другими. Но они, по обыкновенію, растерялись и не знаютъ, что̀ имъ дѣлать... «Какъ же это такъ вдругъ?» повторяютъ они въ отчаяніи и продолжаютъ посылать безплодныя проклятія глупой толпѣ, потерявшей къ нимъ уваженіе.

А вѣдь толпа права! Если ужъ она сознала необходимость настоящаго дѣла, такъ для нея совершенно все равно,—Печоринъ ли передъ ней или Обломовъ. Мы не говоримъ опять, чтобы Печоринъ въ данныхъ обстоятельствахъ сталъ дѣйствовать именно такъ, какъ Обломовъ: онъ могъ самыми этими обстоятельствами развиться въ другую сторону. Но типы, созданные сильнымъ талантомъ, долговѣчны: и нынѣ живутъ люди, представляющіе какъ будто сколокъ съ Онѣгина, Печорина, Рудина, и пр., и не въ томъ видѣ, какъ они могли бы развиться при другихъ обстоятельствахъ, а именно въ томъ, въ какомъ они представлены Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ. Только въ общественномъ сознаніи всѣ они болѣе и болѣе превращаются въ Обломова. Нельзя сказать, чтобъ превращеніе это уже совершилось: нѣтъ, еще и теперь тысячи людей проводятъ время въ разговорахъ, и тысячи другихъ людей готовы принять разговоры за дѣла. Но что превращеніе это начинается—доказываетъ типъ Обломова, созданный Гончаровымъ. Появленіе его было бы невозможно, если бы хотя въ нѣкоторой части общества не созрѣло сознанія о томъ, какъ ничтожны всѣ эти quasi-талантливыя натуры, которыми прежде восхищались. Прежде онѣ прикрывались разными мантіями, украшали себя разными прическами, привлекали къ себѣ разными талантами. Но теперь Обломовъ является предъ нами разоблаченный, какъ онъ есть, молчаливый, сведенный съ красиваго пьедестала на мягкій диванъ, прикрытый вмѣсто мантіи только просторнымъ халатомъ. Вопросъ: *что онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни*— поставленъ прямо и ясно, не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало, или наста̀етъ неотлагательно время работы общественной... И вотъ почему мы сказали въ началѣ статьи, что мы видимъ въ романѣ Гончарова *знаменіе времени*.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ измѣнилась точка зрѣнія на образованныхъ и хорошо разсуждающихъ лежебоковъ, которыхъ прежде принимали за настоящихъ, общественныхъ дѣятелей.

Вотъ передъ вами молодой человѣкъ, очень красивый, ловкій, образованный. Онъ выѣзжаетъ въ большой свѣтъ и имѣетъ тамъ успѣхъ; онъ ѣздитъ въ театры, балы и маскарады; онъ отлично одѣвается и обѣдаетъ; читаетъ книжки и пишетъ очень грамотно... Сердце его волнуется только ежедневностью свѣтской жизни, но онъ имѣетъ понятіе и о высшихъ вопросахъ. Онъ любитъ потолковать о страстяхъ,

«О предразсудкахъ вѣковыхъ
И гроба тайнахъ роковыхъ»...

Онъ имѣетъ нѣкоторыя честныя правила: способенъ

«Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнить»;

способенъ иногда не воспользоваться неопытностью дѣвушки, которую не любитъ; способенъ не придавать особенной цѣны своимъ свѣтскимъ успѣхамъ. Онъ выше окружающаго его свѣтскаго общества настолько, что дошелъ до сознанія его пустоты; онъ можетъ даже оставить свѣтъ и переѣхать въ деревню; но только и тамъ скучаетъ, не зная, какое найти себѣ дѣло... Отъ нечего дѣлать онъ ссорится съ другомъ своимъ и по легкомыслію убиваетъ его на дуэли... Черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвращается въ свѣтъ и влюбляется въ женщину, любовь которой самъ прежде отвергъ, потому что для нея нужно было бы ему отказаться отъ своей бродяжнической свободы... Вы узнаете въ этомъ человѣкѣ Онѣгина. Но всмотритесь хорошенько: это—Обломовъ...

Передъ вами другой человѣкъ, съ болѣе страстной душой, съ болѣе тирокимъ самолюбіемъ. Этотъ имѣетъ въ себѣ какъ-будто отъ природы все то, что̀ для Онѣгина составляетъ предметъ заботъ. Онъ не хлопочетъ о туалетѣ и нарядѣ: онъ свѣтскій человѣкъ и безъ этого. Ему не нужно подбирать слова и блистать мишурнымъ знаніемъ: и безъ этого языкъ у него, какъ бритва. Онъ дѣйствительно презираетъ людей, хорошо понимая ихъ слабости; онъ дѣйствительно умѣетъ овладѣть сердцемъ женщины, не на краткое мгновенье, а надолго, нерѣдко навсегда. Все, что̀ встрѣчается ему на дорогѣ, онъ умѣетъ отстранить или уничтожить. Одно только несчастье: онъ не знаетъ куда идти. Сердце его пусто и холодно ко всему. Онъ все испыталъ, и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу; науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависитъ ни слава, ни счастье; самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ, даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу; и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что остритъ надъ глупцами, тревожитъ сердца неопытныхъ барышень, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности... Вы припоминаете, что это исторія Печорина, что отчасти почти такими словами самъ онъ объясняетъ свой характеръ Максиму Максимычу. Всмотритесь пожалуйста, получше: вы и тутъ увидите того же Обломова...

Но вотъ еще человѣкъ, болѣе сознательно идущій по своей дорогѣ. Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какая это цѣль, и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертвовать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь; онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что, послушавъ его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывая во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и—не можетъ отдаться... Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая, наконецъ, говоритъ ему, что, несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: «Боже! такъ ваша маменька не согласна! какой внезапный ударъ! Боже! какъ скоро... Дѣлать нечего,—надо покориться»... И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Вы уже знаете, что это Рудинъ... Нѣтъ, теперь ужъ и это Обломовъ. Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни, — вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Общее у всѣхъ этихъ людей то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ. Они, пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ ноты и книги для Ольги, читалъ то, что̀ она заставляла его читать. Но душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ случаемъ. Если бы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла. Въ силу обломовщины, обломовскій чиновникъ не станетъ ходить въ должность, если ему и безъ того сохранятъ его жалованье и будутъ производить въ чины. Воинъ дастъ клятву не прикасаться къ оружію, если ему предложатъ тѣ же условія, да еще сохранятъ его красивую форму, очень полезную въ извѣстныхъ случаяхъ. Профессоръ перестанетъ читать лекціи, студентъ перестанетъ учиться, писатель броситъ авторство, актеръ не покажется на сцену, артистъ изломаетъ рѣзецъ и палитру, говоря высокимъ слогомъ, если найдетъ возможность даромъ получить все, чего теперь добивается трудомъ. Они только говорятъ о высшихъ стремленіяхъ, о сознаніи нравственнаго долга, о проникновеніи общими интересами, а на повѣрку выходитъ, что все это—слова и слова. Самое искреннее, задушевное ихъ

стремленіе есть стремленіе къ покою, къ халату, и самая дѣятельность ихъ есть не что иное, какъ *почетный халатъ* (по выраженію, не намъ принадлежащему), которымъ прикрываютъ они свою пустоту и апатію. Даже наиболѣе образованные люди, при томъ люди съ живою натурою, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаютъ въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно скоро мирятся съ окружающей дѣйствительностью, которую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значитъ, что все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ,— у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеалъ — возможно-невозмутимый покой, квіетизмъ, обломовщина. Многіе доходятъ даже до того, что не могутъ представить себѣ, чтобъ человѣкъ могъ работать по охотѣ, по увлеченію. Прочтите-ка въ «Экономическомъ Указателѣ» разсужденія о томъ, какъ всѣ умрутъ голодною смертью отъ бездѣлья, ежели равномѣрное распредѣленіе богатства отниметъ у частныхъ людей побужденіе стремиться къ наживанію себѣ капиталовъ...

Да, всѣ эти обломовцы никогда не перерабатывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушали, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ. Потому-то эти люди и лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ простая жизненная правда. Они читаютъ полезныя книги для того, чтобы знать, что̀ пишется; пишутъ благородныя статьи затѣмъ, чтобы полюбоваться логическимъ построеніемъ своей рѣчи; говорятъ смѣлыя вещи, чтобы прислушиваться къ благозвучію своихъ фразъ и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что̀ далѣе, какая цѣль всего этого читанья, писанья, говоренья,—они или вовсе не хотятъ знать, или не слишкомъ объ этомъ безпокоятся. Они постоянно говорятъ вамъ: вотъ что̀ мы знаемъ, вотъ что̀ мы думаемъ, а впрочемъ, какъ тамъ хотятъ, наше дѣло— сторона... Пока не было работы въ виду, можно было еще надувать этимъ публику, можно было тщеславиться тѣмъ, что мы вотъ, дескать, все-таки хлопочемъ, ходимъ, говоримъ, разсказываемъ. На этомъ и основанъ былъ въ обществѣ успѣхъ людей, подобныхъ Рудину. Даже больше — можно было заняться кутежомъ, интрижками, ка ламбурами, театральствомъ, — и увѣрять что это мы пустились, молъ, оттого, чт нѣтъ простора для болѣе широкой дѣя тельности. Тогда и Печоринъ, и даже Онѣ гинъ, долженъ былъ казаться натурою с необъятными силами души. Но теперь уж всѣ эти герои отодвинулись на второс планъ, потеряли прежнее значеніе, пер стали сбивать насъ съ толку своей заг дочностью и таинственнымъ разладом между ними и обществомъ, между великим ихъ силами и ничтожностью дѣлъ ихъ...

«Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено».

Слово это—*обломовщина.*

Если я вижу теперь помѣщика, толкук щаго о правахъ человѣчества и о необхо димости развитія личности,—я уже съ пер выхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

Если встрѣчаю чиновника, жалующагос на запутанность и обременительность дѣлс производства, онъ—Обломовъ.

Если слышу отъ офицера жалобы н утомительность парадовъ и смѣлыя разсу жденія о безполезности *тихаго шага*, и т. п я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либерал ныя выходки противъ злоупотребленій радость о томъ, что наконецъ сдѣлано то чего мы давно надѣялись и желали,—я ду маю, что это все пишутъ изъ Обломовки

Когда я нахожусь въ кружкѣ образо ванныхъ людей, горячо сочувствующих нуждамъ человѣчества и въ теченіе мно гихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаром разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногд и новые) анекдоты о взяточникахъ, о при тѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода,— я невольно чувствую, что я перенесенъ в старую Обломовку...

Остановите этихъ людей въ ихъ шум номъ разглагольствованіи и скажите: «в говорите, что нехорошо то и то; что̀ ж нужно дѣлать?» Они не знаютъ... Предло жите имъ самое простое средство, — он скажутъ: «да какъ же это такъ вдругъ? Непремѣнно скажутъ, потому что Облс мовы иначе отвѣчать не могутъ... Продол жайте разговоръ съ ними и спросите: что̀ ж вы намѣрены дѣлать?—Они вамъ отвѣтят тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «чт дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ Что̀ же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знак какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами»... и пр. (См. Тургеневъ, Пов ч. III, стр. 249). Больше отъ нихъ вы ни чего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ: «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь, и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ», говоритъ онъ устами Штольца, и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

«Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ, наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ, — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ, на него всюду и вездѣ можно положиться».

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ; но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. Одно въ Обломовѣ хорошо, дѣйствительно: то, что онъ не усиливался надувать другихъ, а ужъ такъ и являлся въ натурѣ — лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него *можно положиться?* Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно? Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего-то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да вѣдь почему это? Потому, что ему лѣнь встать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ: онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ! Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это дѣйствительно трудно. Грязь къ нему не пристаетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего; а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣичъ — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объѣдаютъ, опиваютъ, спаиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряютъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердныя деньги ни за что, ни про что. Онъ все это терпитъ безмолвно и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще попрежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла насъ и не оставила даже теперь—*въ настоящее время, когда*, и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

«Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько, въ глубинѣ души, плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то въ даль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы; и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ; задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день уже клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей-то четырехъэтажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!»

Не правда ли, образованный и благородномыслящій читатель,—вѣдь тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ стремленій и вашей полезной дѣятельности? Разница можетъ быть только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Илья Ильичъ доходилъ до того, что привсталъ съ постели, протягивалъ руку и

озирался вокругъ. Иные такъ далеко не заходятъ; у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ (такихъ бо́льшая часть); у другихъ мысли вырастаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужъ совсѣмъ мало)...

Итакъ, слѣдуя направленію настоящаго времени, когда вся литература, по выраженію г. Бенедиктова, представляетъ

«... нашей плоти истязанье,
Вериги въ прозѣ и стихахъ»,—

мы смиренно сознаемся, что какъ ни лестны для нашего самолюбія похвалы г. Гончарова Обломову, но мы не можемъ признать ихъ справедливыми. Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодого, дѣятельнаго человѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ, но все-таки онъ противенъ въ своей ничтожности.

Отдавая дань своему времени, г. Гончаровъ вывелъ и противоядіе Обломову — Штольца. Но по поводу этого лица мы должны еще разъ повторить наше постоянное мнѣніе, — что литература не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни. Штольцевъ, людей съ цѣльнымъ, дѣятельнымъ характеромъ, при которомъ всякая мысль тотчасъ же является стремленіемъ и переходитъ въ дѣло, еще нѣтъ въ жизни нашего общества (разумѣемъ образованное общество, которому доступны высшія стремленія; въ массѣ, гдѣ идеи и стремленія ограничены очень близкими и немногими предметами, такіе люди безпрестанно попадаются). Самъ авторъ сознавалъ это, говоря о нашемъ обществѣ: «вотъ, глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса... Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!» Должно явиться ихъ много, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но теперь пока для нихъ нѣтъ почвы. Оттого-то изъ романа Гончарова мы и видимъ только, что Штольцъ — человѣкъ дѣятельный, все о чемъ-то хлопочетъ, бѣгаетъ, пріобрѣтаетъ, говоритъ, что жить — значитъ трудиться, и пр. Но что онъ дѣлаетъ и какъ онъ ухитряется дѣлать что-нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе ничего не могутъ сдѣлать,—это для насъ остается тайной. Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича:—какъ? этого мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальшивый вексель Ильи Ильича:— какъ? это мы знаемъ. Поѣхавъ къ начальнику Ивана Матвѣевича, которому Обломовъ далъ вексель, поговорилъ съ нимъ дружески — Ивана Матвѣича призвали въ присутствіе и не только что вексель велѣли возвратить, но даже и изъ службы выходить приказали. И подѣломъ ему, разумѣется; но, судя по этому случаю, Штольцъ не доросъ еще до идеала общественнаго русскаго дѣятеля. Да и нельзя еще: рано. Теперь еще, — хотя будь семи пядей во лбу, а въ замѣтной общественной дѣятельности можешь, пожалуй, быть *добродѣтельнымъ откупщикомъ* Муразовымъ, дѣлающимъ добрыя дѣла изъ десяти милліоновъ своего состоянія, или благороднымъ помѣщикомъ Костанжогло,—но далѣе не пойдешь... И мы не понимаемъ, какъ могъ Штольцъ въ своей дѣятельности успокоиться отъ всѣхъ стремленій и потребностей, которыя одолѣвали даже Обломова, какъ могъ онъ удовлетвориться своимъ положеніемъ, успокоиться на своемъ одинокомъ, отдѣльномъ, исключительномъ счастьѣ... Не надо забывать, что подъ нимъ болото, что вблизи находится старая Обломовка, что нужно еще расчищать лѣсъ, чтобы выдти на большую дорогу и убѣжать отъ обломовщины. Дѣлалъ ли что-нибудь для этого Штольцъ, что́ именно дѣлалъ и какъ дѣлалъ,—мы не знаемъ. А безъ этого мы не можемъ удовлетвориться его личностью... Можемъ сказать только то, что онъ не тотъ человѣкъ, который «сумѣетъ, на языкѣ понятномъ для русской души, сказать намъ это всемогущее слово: впередъ!»

Можетъ быть, Ольга Ильинская способнѣе, нежели Штольцъ, къ этому подвигу, ближе его стоитъ къ нашей молодой жизни. Мы ничего не говорили о женщинахъ, созданныхъ Гончаровымъ: ни объ Ольгѣ, ни объ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ Пшеницыной (ни даже объ Анисьѣ и Акулинѣ, которыя тоже отличаются своимъ особымъ характеромъ), потому что сознавали свое совершеннѣйшее безсиліе что-нибудь сносное сказать о нихъ. Разбирать женскіе типы, созданные Гончаровымъ, значитъ предъявлять претензію быть великимъ знатокомъ женскаго сердца. Не имѣя же этого качества, женщинами Гончарова можно только восхищаться.

Дамы говорятъ, что вѣрность и тонкость психологическаго анализа у Гончарова изумительна, и дамамъ въ этомъ случаѣ нельзя не повѣрить... Прибавить же что-нибудь къ ихъ отзыву мы не осмѣливаемся, потому что боимся пускаться въ эту совершенно невѣдомую для насъ страну. Но мы беремъ на себя смѣлость, въ заключеніе статьи, сказать нѣсколько словъ объ Ольгѣ и объ отношеніяхъ ея къ обломовщинѣ.

Ольга, по своему развитію, представляетъ высшій идеалъ, какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни. Оттого она необыкновен-

ной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться даже въ ея поэтической правдѣ и сказать: «такихъ дѣвушекъ не бываетъ». Но, слѣдя за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что она постоянно вѣрна себѣ и своему развитію, что она представляетъ не сентенцію автора, а живое лицо, только такое, какихъ мы еще не встрѣчали. Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину... Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразованіе... Долго и упорно, съ любовью и нѣжною заботливостью трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все: пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи. Но она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшь, проявлявшуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда. Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, о которомъ мы говорили выше, и потомъ увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою, и т. д. — «Нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ, — неправда: если бъ вы думали только о моемъ счастіи и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ». Онъ говоритъ, что боится ея несчастія, если она современемъ пойметъ, что ошиблась въ немъ, разлюбитъ его и полюбитъ другого. Она спрашиваетъ въ отвѣтъ на это: «гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другого и, значитъ, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ безпокоитесь». Эта простота и ясность мышленія заключаетъ въ себѣ задатки новой жизни, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество... Потомъ,—какъ воля Ольги послушна ея сердцу! Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, несмотря на всѣ постороннія непріятности, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дрянности. Тогда она прямо объявляетъ ему, что ошиблась въ немъ, и ужъ не можетъ рѣшиться соединить съ нимъ свою судьбу. Она еще хвалитъ и ласкаетъ его и при этомъ отказѣ, и даже послѣ; но своимъ поступкомъ она уничтожаетъ его, какъ ни одинъ изъ обломовцевъ не былъ уничтожаемъ женщиной. Татьяна говоритъ Онѣгину, въ заключеніи романа:

«Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна»...

Итакъ, только внѣшній нравственный долгъ спасаетъ ее отъ этого пустого фата; будь она свободна, она бы бросилась ему на шею. Наталья оставляетъ Рудина только потому, что онъ самъ уперся на первыхъ же порахъ, да и, проводивъ его, она убѣждается только въ томъ, что онъ ее не любитъ, и ужасно горюетъ объ этомъ. Нечего и говорить о Печоринѣ, который успѣлъ заслужить только *ненависть* княжны Мери. Нѣтъ, Ольга не такъ поступила съ Обломовымъ. Она просто и кротко сказала ему: «я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь; ты спрячешь голову подъ крыло— и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю!» И она оставляетъ Обломова, и она стремится къ своему *чему-то*, хотя и не знаетъ его хорошенько. Наконецъ, она находитъ его въ Штольцѣ, соединяется съ нимъ, счастлива; но и тутъ не останавливается, не замираетъ. Какіе-то туманные вопросы и сомнѣнія тревожатъ ее, она чего-то допытывается. Авторъ не раскрылъ предъ нами ея волненій во всей ихъ полнотѣ, и мы можемъ ошибиться въ предположеніи насчетъ ихъ свойства. Но намъ кажется, что это въ ея сердцѣ и головѣ вѣяніе новой жизни, къ которой она была несравненно ближе Штольца. Думаемъ такъ потому, что находимъ нѣсколько намековъ въ слѣдующемъ разговорѣ:

«— Что же дѣлать? поддаться и тосковать?— спросила она.

«— Ничего,—сказалъ онъ:—вооружиться твердостью и спокойствіемъ. Мы не титаны съ тобой,—продолжалъ онъ, обнимая ее:—мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и...

«— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?.. — спрашивала она.

«— Что жъ? примемъ ее, какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля...

Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры. А у насъ...

Онъ не договорилъ, что *у насъ*... Но ясно, что это *онъ* не хочетъ «идти на борьбу съ мятежными вопросами», *онъ* рѣшается «смиренно склонить голову».. А она готова на эту борьбу, тоскуетъ по ней и постоянно страшится, чтобъ ея тихое счастье съ Штольцомъ не превратилось во что-то, подходящее къ обломовской апатіи. Ясно, что она не хочетъ склонять голову и смиренно переживать трудныя минуты, въ надеждѣ, что потомъ опять улыбнется жизнь. Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него. А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты — принять ихъ какъ новую стихію жизни, и склонить голову. Обломовщина хорошо ей знакома, она сумѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и всегда найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобъ произнести надъ нею судъ безпощадный...

---

299. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1858 г.

Спб. 1858 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 298.

М. Л.

Петербургская публичная библіотека, давно уже ставшая на ряду съ знаменитѣйшими книгохранилищами Европы и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошедшая ихъ, не перестаетъ обогащаться новыми пріобрѣтеніями и совершенствоваться въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Нынѣшній отчетъ, подобно предыдущимъ, представляетъ весьма много фактовъ, свидѣтельствующихъ непрерывную заботливость начальства библіотеки о пополненіи ея сокровищъ. Болѣе трехъ четвертей нынѣшняго отчета занято исчисленіемъ пріобрѣтеній библіотеки въ минувшемъ году, и въ числѣ ихъ поименовано много замѣчательныхъ книгъ и рукописей. Въ прошломъ году библіотекою пріобрѣтено въ полномъ составѣ нѣсколько замѣчательныхъ коллекцій книгъ и рукописей. Таковы: 1) коллекція греческихъ и восточныхъ палимпсестовъ и рукописей, профессора Тишендорфа, 2) коллекція рѣдчайшихъ инкунабулъ, купленныхъ въ маѣ 1858 г. въ Аугсбургѣ, въ которой находится между прочимъ экземпляръ знаменитой мазариновской библіи (между 1450—1455 г.), 3) библіотека покойнаго курляндскаго ландгофмейстера барона Клопмана, около 5000 нумеровъ, 4) библіотека покойнаго дѣйств. стат. совѣтника Аделунга, до 4000 томовъ печатныхъ книгъ и до 670 рукописей, 5) библіотека покойнаго барона Виттенгейма—1385 томовъ, 6) коллекція книгъ (10,591 томъ), переданныхъ комитетомъ иностранной цензуры изъ числа поступившихъ въ него съ 1815 по 1854 г., 7) коллекція привилегій или патентовъ на разныя изобрѣтенія, выданныхъ англійскимъ правительствомъ съ XVII-го в. до нашего времени. Главная часть ихъ (около 25,000) еще въ 1857 году была принесена въ даръ библіотекѣ англійскою коммиссіею о привилегіяхъ; нынѣ прислано продолженіе (около 4000 брошюръ).

Кромѣ цѣльныхъ коллекцій, библіотека дѣлала покупки и получала приношенія и отдѣльныхъ изданій.

Между купленными библіотекою укажемъ на два изданія, любопытныя въ историко-литературномъ отношеніи: 1) *Масонскіе хоры и пѣсни,* книга безъ заглавнаго листа, содержащая въ себѣ два хора и 42 пѣсни, 2) *Разскащикъ забавныхъ басенъ*,—вновь открытое періодическое изданіе 1781 г., представляющее новый матеріалъ для трудовъ нашихъ библіографовъ. Въ послѣднемъ листкѣ «Разскащика» находятся стихи, приведенные въ «Отчетѣ»; мы рѣшаемся выписать ихъ. Издатель говоритъ о себѣ, что онъ «*благонравіе* полагалъ первымъ *предметомъ*, чтобъ ево прославить». Затѣмъ вдохновляется и говоритъ стихами:

Сколь было силы всей, къ писанью прилѣжалъ
И слово данное свое во всемъ здѣржалъ,
Журнила онаго по званью:
Благоразумію стараясь угодить;
Невежество же симъ привѣлъ къ не годованью!

Всѣ разно начали о семъ судить:
Пороки поклялись своей душею
Разкащика гдѣбъ попалъ, сломить
ему тутъ *шею!*...
Въ такомъ случае чтожь начать?
Потребно замолчать.

Между частными приношеніями отмѣтимъ слѣдующія:

«*Муравейникъ*, литературные листы, издаваемые неизвѣстнымъ обществомъ неученыхъ людей. 1831 г. (Спб. въ типографіи Главнаго Штаба), пять нумеровъ; небольшой журналъ, задуманный и издававшійся В. А. Жуковскимъ, съ участіемъ членовъ царственнаго семейства и собственно для нихъ однихъ, и составляющій теперь библіографическую драгоцѣнность».

«*Горе отъ ума*, Грибоѣдова, in 4°, 99 страницъ, безъ мѣста и года печати и безъ цензурнаго разрѣшенія; изданіе, сколько можно судить по шрифту, напечатанное въ тридцатыхъ годахъ, съ рукописи, безъ пропусковъ и съ сохраненіемъ даже грамматическихъ ошибокъ переписчика».

Покупки библіотеки простирались въ 1858 г. до 9,306 томовъ (въ 1857 г. было куплено 9,135 томовъ). Всѣхъ книгъ прибавилось 38,136 томовъ.

Относительно пользованія сокровищами библіотеки въ прошломъ году также сдѣланы были нѣкоторыя новыя усовершенствованія. Такъ въ прошломъ году устроены: выставка автографовъ знаменитыхъ русскихъ людей, выставка палимпсестовъ, выставка греческихъ рукописей, выставки древнѣйшихъ образцовъ книгопечатанія и гравюръ, найденныхъ въ древнихъ переплетахъ. Число подобныхъ выставокъ могло бы быть, по словамъ «Отчета», значительно еще увеличено, если бы библіотека не стѣснялась постоянно недостаткомъ мѣста. Впрочемъ, «Отчетъ» сообщаетъ свѣдѣніе, что библіотекѣ нынѣ даны уже средства къ расширенію ея помѣщенія, и въ нынѣшнемъ же году приступлено будетъ къ построенію новой читальной залы.

Пользованіе богатствами библіотеки значительно облегчится и, конечно, расширится въ своихъ размѣрахъ, когда будутъ окончены каталоги, которыхъ составленіе дѣятельно продолжается чиновниками библіотеки. До настоящаго времени уже внесено въ каталоги—въ русскомъ отдѣленіи 25,169 сочиненій (болѣе, чѣмъ во всѣхъ доселѣ бывшихъ у насъ каталогахъ; у Сопикова 13,249, у Смирдина съ прибавленіями — 18,364); въ отдѣленіи рукописей составленъ г. Муральтомъ *систематическій* каталогъ греческихъ рукописей, съ критическими замѣчаніями о текстѣ и редакціяхъ. Этотъ каталогъ уже приготовленъ къ печати. Кромѣ того кончены въ прошломъ году: систематическій и хронологическій каталоги библейскихъ книгъ, инвентарь всего отдѣленія классиковъ, сводный каталогъ всѣхъ сочиненій на польскомъ языкѣ, разсѣянныхъ по разнымъ отдѣленіямъ библіотеки, каталоги беллетристики—англійской, голландской, португальской, испанской и польской.

Число читателей въ библіотекѣ и въ прошломъ году превзошло число предыдущаго года. Всѣхъ читателей было 34,275, а въ 1857 г. 31,151 (въ 1856—27,866), билетовъ для чтенія выдано 3716, а въ 1857—3512 (въ 1856 — 2875). Ими вытребовано книгъ: на русскомъ языкѣ 50,638 томовъ (въ 1857 — 49,671, а въ 1856 — 37,003), и на иностранныхъ 20,758 (въ 1857—18,509, а въ 1856 — 14,590). Такимъ образомъ въ прошломъ году количество однѣхъ русскихъ книгъ, выданныхъ въ чтеніе, почти равнялось всему количеству книгъ, читанныхъ въ библіотекѣ въ 1856 г. (тогда выдано было всего 51,593 тома, въ 1857—68,189, въ 1858—71,396).

Въ концѣ отчета помѣщена вѣдомость о читателяхъ по состояніямъ. Изъ нея оказывается, что болѣе трети читателей составляли воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, изъ прочихъ же читателей всего болѣе было чиновниковъ 8, 9 и 10-го класса, а изъ военныхъ — поручиковъ, подпоручиковъ, прапорщиковъ и корнетовъ.

Всего болѣе книгъ требовалось по тому разряду, который названъ въ вѣдомости «Отчета» общимъ именемъ *полиграфіи*. Въ иностранныхъ отдѣленіяхъ число это не такъ велико — 2435, но въ русскомъ простирается до 22,555, т.-е. почти половина всѣхъ выданныхъ книгъ. Въ нынѣшнемъ году и книги русскаго отдѣленія перечислены по предметамъ, что̀ даетъ возможность составить болѣе полное понятіе о характерѣ читательскихъ требованій въ библіотекѣ. Такимъ образомъ наибольшее количество книгъ послѣ полиграфіи было требовано по исторіи (9360 русскихъ и 3870 иностранныхъ) и по богословію (4129 русскихъ и 983 иностранныхъ). Всего менѣе требовалось книгъ по философіи (русскихъ 882 и иностранныхъ 655). По естественнымъ наукамъ и математикѣ русскихъ книгъ было выдано 3713, а иностранныхъ 5113. Кромѣ того въ русскомъ отдѣленіи показана медицина (2439 книгъ), которой въ иностранномъ ея почему-то нѣтъ.

Что касается до изысканія средствъ для удовлетворенія книгами всѣхъ читателей, желающихъ заниматься въ библіотекѣ, до сихъ поръ библіотека съ честію выходила

изъ всѣхъ затрудненій, неизбѣжныхъ при такой огромной массѣ книжныхъ богатствъ и при желаніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ читателей. Объ успѣхахъ, которыхъ она достигла, свидѣтельствуетъ уже громадное приращеніе числа занимающихся въ ней. Но теперь это самое приращеніе налагаетъ на нее новыя заботы относительно удобствъ читателей. Читальная зала становится тѣсною, и начальство библіотеки уже испросило разрѣшеніе на устройство второй читальной залы. Но кромѣ того, при огромномъ количествѣ читателей неизбѣжно является другое неудобство въ самой выдачѣ книгъ. Чаще и чаще нынѣ библіотека должна отвѣчать на требованія, что книга *въ чтеніи;* чаще и чаще приходится читателю ждать нужной книги. Это особенно проявляется въ библіотекѣ потому, что въ ней очень много читателей одного разряда, часто имѣющихъ надобность въ однѣхъ и тѣхъ же книгахъ, какъ, напримѣръ, студенты медицинской академіи, многіе изъ студентовъ университета, принадлежащіе къ одному факультету. Поэтому на нѣкоторыя книги требованія безпрерывно возобновляются. Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя изданія Археографической Коммиссіи, Неволинъ, Соловьевъ и проч. Случается также, что записавшій книгу не получаетъ ее потому, что она въ чтеніи. Черезъ день она сдана читателемъ и выдается другому, который записалъ ее въ этотъ день. Тотъ же, который записывалъ ее прежде, опять долженъ ждать, пока она освободится отъ второго читателя, да и тутъ, можетъ быть, не успѣетъ получить ее. Неудобство это, разумѣется, неизбѣжно при многочисленномъ стеченіи читателей; но, можетъ быть, есть средства хотя нѣсколько смягчить его. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ книгъ, болѣе и чаще другихъ требуемыхъ, можно бы имѣть дублеты и выдавать ихъ, если не по первому, то по крайней мѣрѣ по второму требованію. Кромѣ того, нельзя ли было бы устроить, чтобы карточки о тѣхъ книгахъ, которыя находятся въ чтеніи, не оставались въ общей массѣ карточекъ, а, напримѣръ, вкладывались въ самую книгу, возлѣ закладки читающаго? Или нельзя ли бы въ общей росписи выдаваемыхъ книгъ отмѣчать противъ № книги № новаго требователя. Это, или что-нибудь подобное, могло бы служить для той цѣли, чтобы книга всегда попадала въ руки того, кто раньше ее потребовалъ.

Впрочемъ, замѣчая, что неудобство, указанное нами, происходитъ отъ чрезмѣрнаго обилія читателей, мы тѣмъ самымъ уже говоримъ, что это неудобство ничтожно. Тысячи людей приходятъ сюда и встрѣчаютъ здѣсь рѣдкія удобства, наполняющія ихъ сердце чувствами благодарности и уваженія къ дѣятельности начальства Библіотеки, столь заботливаго и предусмотрительнаго. Что же могутъ значить какія-нибудь частныя, всегда неизбѣжныя, желанія, въ сравненіи съ безусловною, въ фактахъ выражаемою, признательностью этихъ тысячъ, съ году на годъ все увеличивающихся!

---

300. Учебная книга русской исторіи.

Сочиненіе *Сергѣя Соловьева.* Выпускъ 1. Москва. 1859 года.

Краткое изложеніе русской исторіи.

Составилъ *Н. Тимаевъ.* Спб. 1858 года.

Напечатано вмѣстѣ съ № 298.

М. Л.

Спѣшимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на книжку г. Соловьева, замѣчательную уже тѣмъ, что составителемъ является профессоръ, извѣстный своими учеными трудами и служащій нынѣ представителемъ русской исторической науки. Дѣло составленія учебниковъ признано наконецъ дѣломъ серьёзнымъ; за него принимаются люди, подобные гг. Соловьеву, Буслаеву, В. Шульгину, и безъ всякаго сомнѣнія ихъ труды скоро вытѣснятъ тѣ жалкія издѣлія, какими до сихъ поръ снабжа-

лись наши учебныя заведенія отъ гг. Зуева, Н. Греча, Ив. Давыдова, Ив. Шульгина, и т. п. Если еще и долго не дождемся мы учебниковъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ учащихся, то по крайней мѣрѣ можемъ порадоваться хоть тому, что въ нѣкоторыхъ изъ учебниковъ, изданныхъ въ послѣднее время, здравый смыслъ уже не искажается съ тою безпощадностью, какъ прежде. Можно надѣяться, что современемъ явятся у насъ и такія руководства, по которымъ учиться дѣйствительно будетъ легко и просто...

«Учебникъ» г. Соловьева, разумѣется, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно ему сдѣлать съ чисто-научной точки зрѣнія. Факты разсказаны въ немъ вѣрно и точно, связь ихъ показана очень ясно, сдѣлана оцѣнка внутренняго смысла явленій, обращено большое вниманіе на внутреннее состояніе общества въ данную эпоху. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ изложеніе русской исторіи до Іоанна III, и въ этомъ изложеніи представляются не устарѣлыя мнѣнія, не отсталые выводы, а дѣйствительно результаты самыхъ послѣднихъ ученыхъ изысканій о нашей древней исторіи. Но въ педагогическомъ отношеніи еще многаго можно желать отъ «Учебника» г. Соловьева. По мнѣнію лучшихъ педагоговъ, учебникъ исторіи долженъ быть составленъ такъ, чтобы ни одинъ фактъ, ни одна личность не оставались въ головѣ учащагося однимъ празднымъ словомъ, а непремѣнно возбуждали бы его мысль, воображеніе, даже привлекали его сердечное участіе. Поэтому всѣ историческія лица, упоминаемыя въ учебникѣ, должны являться въ немъ съ своею особою физіономіею, — всѣ отдѣльныя событія должны имѣть свой ярко-опредѣленный характеръ, свое рѣзко обрисованное значеніе. Если нечѣмъ характеризовать лицо или событіе, лучше вовсе пропустить его. Пусть ученикъ не знаетъ, кто былъ великимъ княземъ,—напримѣръ хоть послѣ Мстислава Владиміровича; что за бѣда? «Что имя? Звукъ пустой!..» Довольно для ученика, если онъ узнаетъ общій характеръ борьбы Мономаховичей съ Ольговичами; а этихъ Ярополковъ, Вячеславовъ, Всеволодовъ вѣдь онъ, все равно, перепутаетъ же невозвратно черезъ два дня по окончаніи послѣдняго экзамена. Можно держать пари, на что угодно, что никто, даже изъ людей, прошедшихъ университетскій курсъ, но не занимавшихся спеціально древней русской исторіей, не разскажетъ вѣрно всѣхъ подробностей удѣльной кутерьмы или даже какой-нибудь части ея, напримѣръ, хоть происшествій при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава. И отъ этого не происходитъ рѣшительно никакого пробѣла въ историческихъ знаніяхъ человѣка. Равнымъ образомъ человѣкъ не сдѣлается сильнѣе въ знаніи исторіи, если выучитъ изъ «Учебника» г. Соловьева, напримѣръ, слѣдующія свѣдѣнія: «Мстиславъ владѣлъ Кіевомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Всеволодъ, въ Смоленскѣ другой, Ростиславъ; братья Мстиславовы княжили: Ярополкъ въ Переяславѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей на Волыни, Юрій въ Ростовской и Суздальской землѣ» (стр. 22). Или: «изъ пятерыхъ сыновей Ярославовыхъ старшій Изяславъ былъ великимъ княземъ, владѣлъ Кіевомъ и Новгородомъ; второй, Святославъ, владѣлъ Черниговомъ, Тмутороканью и землями по Окѣ, страною Вятичей, Рязанью, Муромомъ; третій, Всеволодъ, владѣлъ Переяславлемъ Южнымъ или Русскимъ; кромѣ того, Всеволодъ владѣлъ землями по Волгѣ, также Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ; четвертый, Вячеславъ, получилъ Смоленскъ; пятый, Игорь, владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ. Полоцкъ оставался въ отдѣльномъ владѣніи у потомковъ Изяслава, сына св. Владиміра. Но послѣ Ярослава остался еще внукъ Ростиславъ», и т. д... (стр. 15)... Мы не говоримъ, чтобъ все это было вредно знать, или чтобъ эти подробности дѣлали «Учебникъ» негоднымъ; но, какъ намъ кажется, подобные пріемы обнаруживаютъ, что г. Соловьевъ не слишкомъ заботился о переработкѣ массы историческихъ данныхъ, сообразно съ формой, объемомъ и требованіями учебника, а просто составилъ краткое извлеченіе, — родъ подробнаго конспекта,—изъ своей полной исторіи. Поэтому онъ и не обратилъ особеннаго вниманія на выборъ и соразмѣреніе фактовъ. Самый объемъ «Учебника» очень значителенъ: 1-й выпускъ, до Іоанна III, содержитъ 116 страницъ убористой печати, что составитъ, вѣроятно, гораздо болѣе половины цѣлой книжки гимназическаго курса исторіи, г. Устрялова. Правда, что у г. Соловьева несравненно болѣе фактовъ, и они лучше разсказаны; правда и то, что г. Соловьевъ не теряетъ словъ понапрасну и никогда не пускается въ затхлое краснорѣчіе; правда, что четвертая доля книги занята обозрѣніемъ внутренняго состоянія общества, о чемъ г. Устряловъ слишкомъ мало думалъ. Но всѣ эти достоинства не исключаютъ возможности сократить разсказъ выпускомъ нѣсколькихъ мелкихъ подробностей и болѣе общей характеристикой событій.

Впрочемъ, все-таки книжка г. Соловьева представляетъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ составленія нашихъ учебниковъ. При слѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся

Вологод. жел. дор.
Библиотека „КОР"

еще возвратиться къ ней и поговорить о ней подробнѣе.

Что касается книжки г. Тимаева, то она, доводя до крайности недостатокъ, замѣченный нами въ «Учебникѣ» г. Соловьева, вовсе не имѣетъ его достоинствъ. У г. Тимаева имена князей, городовъ и пр. разсыпаны по всѣмъ страницамъ съ необыкновенною щедростью. Въ «Учебникѣ» г. Соловьева если имена приводятся во множествѣ, то они по крайней мѣрѣ оказываются большею частію нужными для разъясненія подробностей послѣдующихъ фактовъ, особенно удѣльныхъ междоусобій. Но г. Тимаевъ приводитъ имена просто для того, чтобы привести ихъ. «Изъ Волынскихъ князей, говоритъ, *замѣчательны* — храбрый Романъ Мстиславичъ и его сынъ Даніилъ Романовичъ, овладѣвшій Галицкимъ княжествомъ; изъ Смоленскихъ князей *замѣчательны* Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалый, прославившійся отвагой и побѣдами» (стр. 36). И болѣе о нихъ—ни слова. Подобнымъ образомъ онъ занимается даже татарами: «первые ханы Сарайскіе, говоритъ, были Батый, Беркай, Менгу-Темиръ, Ногай, Туда-Мангу, Тохта и Узбекъ» (стр. 45). А въ предисловіи г. Тимаевъ говоритъ, что старался «разсказывать только *важнѣйшее*» и «придать своему учебнику *занимательность*». Вѣрьте послѣ этого предисловіямъ!

Кромѣ страннаго воззрѣнія на *занимательность*, г. Тимаевъ отличается еще тѣмъ, что очень смѣло говоритъ ложь о предметахъ, которыхъ не понимаетъ и о которыхъ даже безъ ущерба сущности дѣла могъ бы не говорить вовсе. Напр., по его мнѣнію «*изгои*—были князья, недовольные своими удѣлами и желавшіе пріобрѣсти новыя земли»! (стр. 28). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что только «при дворѣ Владимірскомъ появились разные придворные чины — *бояре, гридни* или *мечники*» и пр. (стр. 37). Еще примѣръ: Владиміръ Мономахъ началъ войну съ Византіей, но эта война скоро прекратилась, *потому что* Византійскій императоръ Алексѣй Комнинъ прислалъ Владиміру подарки: золотую Мономахову шапку, золотую цѣпь, бармы, скипетръ и державу (стр. 33). Любопытно, какъ онъ начинаетъ разсказъ о Петрѣ Великомъ. «О Петрѣ были различныя предсказанія. Одинъ юродивый говорилъ царю Алексѣю Михайловичу, что его сынъ Петръ будетъ Пахомъ съ большимъ костылемъ, и всѣ *его будутъ бояться*; ученый іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и многіе иностранные ученые предсказывали по звѣздамъ, что *явится великій герой*. И *дѣйствительно* (!!!) Петръ уже въ юности *выказывалъ умъ и способности*» (стр. 139). Скажите чему тутъ болѣе удивляться, невѣжеству, дерзости или безтолковости разсказа?

Вообще, сверхъ всѣхъ означенныхъ достоинствъ, «Изложеніе русской исторіи» отличается постоянно безтолковостью, чуть не безграмотностью фразъ. Можно ли такъ писать: «священники ходили по городу и *проповѣдывали* истины христіанской вѣры по греческому *обряду*» (стр. 19). «Король Сигизмундъ III хотѣлъ покорить восточную Русь, гдѣ въ это время происходили смуты самозванцевъ, но не имѣлъ успѣха: онъ былъ *отбитъ нижегородскою ратью* подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго» (стр. 59). (Каково? Мининъ и Пожарскій сражались съ Сигизмундомъ!) «Михаилъ Ѳедоровичъ съ пятилѣтняго возраста жилъ вмѣстѣ съ матерью въ монастыряхъ и въ помѣстьѣ Домнинѣ. *Здѣсь* (?) однажды поляки хотѣли убить юнаго Михаила Ѳедоровича, но крестьянинъ Иванъ Сусанинъ спасъ его; *съ этого времени* (?) Михаилъ Ѳедоровичъ поселился въ Ипатьевскомъ монастырѣ *и отличался* (съ этого времени?) добродушіемъ и смиреніемъ (стр. 123). И такими-то фразами вся книга написана! А между тѣмъ по ней ужъ кто-то учится! Она недаромъ составлена: это чувствуется по заключительнымъ словамъ предисловія, что «учебникъ этотъ назначенъ преимущественно для женскихъ учебныхъ З(з)аведеній, и *если онъ принесетъ малѣйшую пользу учащимся*, то *исполнитъ* (учебникъ исполнитъ?) искреннее желаніе сочинителя».

А если онъ принесетъ пользу *не* малѣйшую, тогда не исполнитъ искренняго желанія сочинителя?

301. Practischer Leitfaden zum Erlerner der russischen Sprache, bearbeitet von J. Pihlemann, Lehrer der russischen Sprache am Gymnasium zu Reval.

Reval, 1857.

Напечатано въ VI кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 24 мая).

М. Л.

Старая грамматическая рутина начинаетъ понемногу уступать мѣсто новой, болѣе раціональной методѣ языкоученія, и въ послѣднее время для каждаго изъ европейскихъ языковъ явилось уже по нѣскольку грамматическихъ руководствъ, составленныхъ по новой системѣ. Основная мысль этой системы заключается въ устраненіи прежней, мертвой схоластики и въ стараніи придать живой смыслъ всѣмъ грамматическимъ правиламъ. Съ этой цѣлью изученіе языка начинаютъ обыкновенно не съ мучительнаго перечисленія грамматическихъ формъ съ ихъ безчисленными исключеніями, а съ цѣлаго предложенія, въ которомъ учащійся можетъ понимать смыслъ и связь рѣчи. Метода эта съ успѣхомъ приложена была и къ древнимъ языкамъ Кюнеромъ; теперь находимъ мы попытку примѣнить ту же методу къ изученію русскаго языка иностранцами. Г. Пилеманъ въ предисловіи къ своему руководству выражаетъ мнѣніе, что русскій языкъ, по богатству своихъ формъ, подходя къ древнимъ языкамъ, именно нуждается въ такой методѣ, какая примѣнена Кюнеромъ къ греческому и латинскому. Въ основаніи своемъ это мнѣніе справедливо: дѣйствительно, ни одинъ изъ европейскихъ языковъ не сохранилъ всего богатства флексій столько, какъ русскій, и потому ни одинъ изъ нихъ, при старой методѣ зазубриванья формъ, не казался столько труднымъ для иностранца, какъ русскій. Но послѣдованіе методѣ Кюнера г. Пилеманъ простеръ уже слишкомъ далеко, доведя его до той степени, что русская грамматика его кажется просто скопированною съ латинской грамматики Кюнера. Между тѣмъ въ русскомъ языкѣ есть много такихъ особенностей, которыя не допускаютъ автора грамматики слѣдовать шагъ за шагомъ Кюнеру. Въ греческомъ и латинскомъ языкѣ всѣ формы установлены и рѣшены окончательно, всѣ случаи уклоненій и исключеній вычислены, опредѣлены и подведены подъ правила; у насъ этого вовсе нѣтъ: языкъ не установился, и употребленіе формъ безпрестанно различается, въ зависимости отъ измѣненія смысла. Поэтому въ древнихъ языкахъ можно подбирать примѣры для извѣстныхъ грамматическихъ формъ, какъ что-то постоянное и независимое; у насъ же они часто не имѣютъ смысла, безъ отношенія къ особымъ синтаксическимъ требованіямъ. Вообще синтаксисъ у насъ важнѣе этимологіи до такой степени, что даже грамматически правильная фраза кажется дикою отъ несоблюденія какихъ-нибудь особенностей въ устройствѣ предложенія. Подобныхъ фразъ много можно найти въ примѣрахъ, представленныхъ въ руководствѣ г. Пилемана. Напр. (стр. 13): «Если не хорошо будете смотрѣть, то онѣ будутъ хулить»; (стр. 22) «Картина принадлежитъ женѣ пріятеля»; «Сестры всегда хвалятъ картины художника»; (стр. 24) «Долгъ няни есть хранить сестрицу»; «Хвали сестеръ, но говори тоже о нянѣ»; (стр. 28) «Тамъ, гдѣ богатства, не всегда и счастіе»; «Цари дарятъ знаменамъ воиновъ знаки отличія», и проч. и проч. Ни одного изъ такихъ выраженій никогда не скажетъ и не напишетъ русскій, хорошо знающій свой языкъ. А между тѣмъ они неизбѣжны были для г. Пилемана вслѣдствіе самой методы, принятой имъ. Неловкость приведенныхъ фразъ зависитъ или отъ того, что въ нихъ недостаетъ опредѣленій и дополненій, или отъ неправильной разстановки словъ, или отъ неопредѣленности самаго значенія ихъ въ данномъ случаѣ. Послѣднее зависитъ, конечно, просто отъ неискусства г. Пилемана подбирать примѣры; но первыя два обстоятельства не могутъ быть вполнѣ устранены никакимъ искусствомъ. Чтобы вводить въ рѣчь опредѣленія, нужно непремѣнно говорить о прилагательныхъ вмѣстѣ съ существительными; а по методѣ Кюнера этого нельзя. Чтобы вводить дополненія, нужно съ самаго начала говорить съ нѣкоторой подробностью о дѣйствительномъ глаголѣ и его словосочиненіи,—а для этого опять нужно было бы нарушить послѣдовательность методы, принятой авторомъ

Вообще для того, чтобы пресловутая метода — *начинать съ предложенія*, — не превратилась въ ту схоластику, отъ которой бѣжали мы въ прежнихъ грамматикахъ, начинавшихъ съ формъ и исключеній, для этого нужно, чтобы предложеніе являлось для учащагося чѣмъ-то живымъ, дѣйствительно употребляемымъ въ рѣчи, а не пустою, мертвою формулою, придуманною для того, чтобы въ нее втиснуть извѣстное правило. А у г. Пилемана даже ученіе о предложеніи отнесено на самый конецъ, — въ *пятый* курсъ; зачѣмъ оно тутъ? Что-нибудь одно: или ученики г. Пилемана, изучающіе русскій языкъ, уже знакомы съ ученіемъ о предложеніи изъ другихъ языковъ, — и тогда онъ имъ уже *вовсе не нуженъ* въ русской грамматикѣ; или же они не знаютъ, что такое предложеніе, — и тогда съ этого нужно начать. Въ руководствѣ г. Пилемана нѣтъ этого, а только представляются въ цѣлыхъ четырехъ курсахъ склоненія и спряженія *въ примѣрахъ*, такъ же какъ прежде они представлялись въ таблицахъ. Напр., на стр. 26 находимъ: *слово не* всегда и дѣло; даръ *слова* украшаетъ человѣка; довѣряйте *слову* царя; говорите *слово* о смерти героевъ; награждайте художника не *словомъ* лести, но дѣломъ; мы не думаемъ болѣе о *словѣ* героя». Что это такое, какъ не искусственная мѣра для заучиванія склоненій? И не относится ли она къ разряду затѣйливыхъ штучекъ, въ родѣ таблицы умноженія въ стихахъ, или лексикона съ риѳмами: janua — дверь, bestia — звѣрь, и т. п. И въ томъ и въ другомъ случаѣ — облегченіе учащагося, а внутренняго смысла мало.

Впрочемъ, и облегченіе ученика не совсѣмъ достигается при методѣ Кюнера, приложенной къ русскому языку. Во-первыхъ — 270 убористыхъ страницъ, которыя надобно изучить для того, чтобы научиться живому языку, — вещь вовсе не шуточная! Во-вторыхъ — всѣ эти страницы проникнуты неимовѣрною скукою, благодаря монотности и совершенной непрактичности примѣровъ, постоянно выбираемыхъ авторомъ. Начинается съ того, что «топоръ работника лежалъ на столѣ; столъ принадлежитъ работнику; хвали работника», и проч., все о работникѣ и топорѣ; затѣмъ та же исторія повторяется о злодѣяхъ и герояхъ, о художникѣ и картинѣ. Словъ ученикъ узнаетъ мало, формы надоѣдаютъ ему почти такъ же сильно, какъ и въ прежнихъ грамматикахъ: да и слова, которыя онъ узнаетъ, вовсе не принадлежатъ къ числу самыхъ употребительныхъ и любопытныхъ. Это послѣднее обстоятельство опять происходитъ отъ того, что авторъ въ подборѣ примѣровъ долженъ руководствоваться не внутреннимъ смысломъ рѣчи, и внѣшнею грамматическою формою. Напр., слова *мать* и *дочь* имѣютъ особое склоненіе, и потому они являются у г. Пилемана только на 87-й страницѣ; *сыновья*, *друзья*, *братья* — тоже формы неправильныя, и потому ихъ тоже нѣтъ въ начальныхъ примѣрахъ. *Отецъ* тоже долженъ явиться только послѣ объясненія правила о выпадающихъ при флексіи *о* и *е* именительнаго падежа. Подобныя затрудненія представляются въ безчисленномъ множествѣ словъ, и избѣжать ихъ можно не иначе, какъ сдѣлавши значительныя отступленія отъ Кюнеровской методы.

Переходя отъ общихъ замѣчаній о методѣ къ частнымъ особенностямъ руководства г. Пилемана, мы должны также указать на нѣкоторые недостатки въ исполненіи. Видно, что авторъ самъ мало знакомъ съ живымъ, разговорнымъ, особенно народнымъ русскимъ языкомъ, да и новѣйшую литературу нашу знаетъ не совсѣмъ хорошо. Не изъ Пушкина, Гоголя, Тургенева приводитъ онъ примѣры въ послѣднемъ своемъ курсѣ, а изъ Леванды, Ѳедора Глинки, Устрялова и т. п. Ему, вѣроятно, неизвѣстно, что языкъ Леванды, Ѳедора Глинки и т. п. сочинителей отстоитъ отъ русскаго языка настолько же, какъ и нѣмецкій... Можетъ быть вслѣдствіе ихъ вліянія г. Пилеманъ находитъ въ русскомъ языкѣ такія формы, какъ *пахнуть*, — *пахивать*, *дрематъ*, — *дремливать*, *ждать*, — *жидать*, *жечь*, — *жинуть* и проч.; оттого же, можетъ быть, онъ полагаетъ, что *ринуть* — есть однократный видъ глагола *рѣять*, что *заіонять* имѣетъ еще многократный видъ *заганивать*, и т. п. Будучи внесено въ грамматическое руководство, все это не даетъ особенной надежды на то, чтобы ученики г. Пилемана выучились очень блистательно по-русски. Точно такъ же нельзя ожидать большой пользы отъ помѣщенія на 155—156 стр. полнаго спряженія глагола *шибить*. Авторъ замѣтилъ, правда, что глаголъ этотъ употребляется только въ сложеніи съ предлогомъ; но вслѣдъ затѣмъ идетъ у него: «настоящее время — *шибу*, *шибешь*, *шибетъ* и проч. Если ужъ брать съ предлогомъ, напр. *ушибу*, *пришибу*, — но никакъ не выйдетъ настоящаго времени, а будущее. Вообще — теорія глаголовъ сложныхъ съ предлогами очень неудовлетворительна у г. Пилемана.

Странною также оказывается въ примѣненіи къ русскому языку нѣмецкая система распредѣленія и обозначенія звуковъ, которой постоянно держится авторъ. Онъ называетъ *мягкими* (weiche) согласными

б, *в*, *г*, *д* и проч., а *твердыми* (harte) *п*, *ф*, *к*, *т* и проч. Для нѣмецкаго уха, въ которомъ *дубы* и *тупы* совершенно равносильны, такое опредѣленіе не удивительно; но для русскаго оно очень странно.

Напрасно также г. Пилеманъ, придерживаясь Греча и Ивана Давыдова, называетъ *полугласными* *з*, *ь*, *й*. Эта нелѣпость давно уже оставлена въ русскихъ грамматикахъ.

Вообще въ составителѣ разбираемой нами грамматики мы не находимъ глубокаго познанія русскаго языка и литературы. Нѣмцы, которые выучатся по этой грамматикѣ, будутъ дѣлать много ошибокъ противъ чистоты и правильности русской рѣчи. При всемъ томъ мы полагаемъ, что она заслуживаетъ вниманіе по мысли, положенной въ основаніе при ея составленіи. Желаніе осмыслить самыя первыя грамматическія упражненія учениковъ и вести ихъ путемъ практическимъ—посредствомъ примѣровъ и переводовъ, а не зазубриваньемъ склоненій и спряженій,—это желаніе само-по-себѣ уже заслуживаетъ одобренія. Конечно, оно не совсѣмъ удачно исполнено; но это ужъ участь всѣхъ первыхъ попытокъ. По крайней мѣрѣ утѣшительно то, что старая рутина все болѣе и болѣе разрушается, и новыя начала языкоученія пріобрѣтаютъ все новыхъ послѣдователей.

---

302. Басни и баснописцы русскіе.

Крылова. (?) М. В. Ломоносова. И. И. Хемницера. Н. М. Карамзина. И. И. Дмитріева. (sic). К. Н. Батюшкова. В. А. Жуковскаго. В. Л. Пушкина. А. П. Нахимова. К... Масальскаго. И. Ваненко. Сводъ 144-хъ басенъ русскихъ писателей, начиная съ перваго русскаго стихотворца. Собралъ *Ив. Б. ж. м—вз.* Второе изданіе. Москва, 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 301.

М. Л.

Оставляя въ сторонѣ безграмотность заглавія этой сѣренькой книжицы: «Басни и баснописцы русскіе, Крылова и пр.», позволимъ себѣ предложить издателю «свода 144-хъ басенъ» нѣсколько вопросовъ.

Почему этотъ сборникъ названъ «сводомъ»? Что такое «сводилъ» издатель въ этой книжкѣ? Разные варіанты одной и той же басни, какъ, напр., варіанты различныхъ списковъ Несторовой лѣтописи сводятся въ критическомъ изданіи Шлецера? Нѣтъ, у него 144 басни разныхъ русскихъ писателей и ни одна не повторяется по два раза. Или, можетъ быть, онъ сводилъ различныя выраженія *одной* и *той же* мысли въ формѣ басни у разныхъ писателей? Нѣтъ, напротивъ, онъ старался по возможности избѣгать повторенія одной и той же мысли (см. предисловіе, стр. 3). Или, можетъ быть, онъ принималъ слово «сводъ» въ смыслѣ «куча, толпа, сбродъ»?

Съ какою цѣлью поставленъ этотъ, положимъ, *сводъ* 144-хъ басенъ? Этою книгою автору «желалось бы показать (говоритъ онъ въ своемъ предисловіи) начало, постепенное возрастаніе и совершенствованіе нашего *стихосложенія*». Тутъ что-нибудь да не такъ. Всякій ученикъ знаетъ, что «стихосложеніемъ называется размѣръ, внѣшняя фактура стиха, а такъ какъ въ басняхъ встрѣчается очень мало разнообразія въ этомъ отношеніи, то какимъ же образомъ показывать на нихъ возрастаніе «стихосложенія»?—Не разумѣлъ ли собиратель подъ словомъ «стихосложеніе» вообще поэзію, стихотворство? Но ходъ нашей поэзіи въ такомъ только случаѣ можно бы показать «сводомъ» басенъ, когда бы наши стихотворцы ничего кромѣ басенъ не писали, или по крайней мѣрѣ когда бы басня была у насъ господствующимъ родомъ литературы.

Но, кажется, и самъ собиратель понималъ, что съ ходомъ литературы можетъ познакомить только такой сборникъ, въ которомъ были бы указаны замѣчательнѣйшія произведенія во всѣхъ родахъ словесности. Къ такимъ сборникамъ принадлежатъ хрестоматіи, и въ особенности историческія, въ родѣ тѣхъ, какія печатаются въ настоящее время г. Буслаевымъ для древняго періода нашей литературы и г. Галаховымъ для новаго.

Зачѣмъ же, наконецъ, нуженъ сводъ басенъ?

«Вотъ что можно отвѣчать на это (говоритъ собиратель въ своемъ предисловіи): *Сборники хороши сами по себѣ, а при*

нихъ имѣть и «Сводъ Басенъ» дѣло не лишнее.

Послѣ такого убѣдительнаго резона намъ остается только молчать и слушать. Послушаемъ, что говоритъ о своемъ трудѣ самъ собиратель:

«*Стараніе въ выборѣ басенъ* (говоритъ онъ) *было таково: чтобы*, во-первыхъ, по возможности не повторять одной и той же мысли,—что нерѣдко встрѣчается въ переводныхъ басняхъ; во-вторыхъ, *чтобы басни имѣли смыслъ, который не зародитъ излишняго вопроса* (?!), если бы даже эта книга попала въ руки дѣтямъ; третье, здѣсь выборъ басенъ — *не самонадѣянно сказать хорошихъ* (?), а такихъ, которыя рѣже встрѣчаются въ сборникахъ; четвертое — *это басни нѣкоторыхъ русскихъ баснописцевъ, избраны по возможности тѣ* (!), въ коихъ изложены мысли, собственно русскимъ баснописцамъ принадлежащія, а не заимствованныя изъ иноземныхъ писателей».

Не говоря о грамматическихъ и логическихъ красотахъ этого мѣста, которыя могли бы представить пищу сатирическому уму, считаемъ болѣе полезнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ вообще сборники образцовъ по какимъ бы то ни было отдѣламъ литературы. Во-первыхъ, при составленіи подобныхъ сборниковъ не должно быть упускаемо изъ виду педагогическое, а не другое какое-нибудь ихъ назначеніе. Во-вторыхъ, они должны составляться примѣнительно къ той цѣли, для которой назначаются. Такъ, напр., сборникъ басенъ можетъ назначаться: или 1) въ пособіе при изученіи теоріи басни въ историческомъ ея развитіи, — и въ такомъ случаѣ онъ долженъ прежде всего представить первоначальный видъ басни (животный эпосъ) и потомъ указать ея послѣдовательныя измѣненія, начиная съ Эзопа и Федра до нашихъ дней; или 2) въ пособіе при изученіи исторіи русской литературы,—и въ такомъ случаѣ долженъ представить самыя замѣчательныя басни русскихъ баснописцевъ въ хронологическомъ порядкѣ, которыми бы они характеризовались; или 3) для такъ называемыхъ умственныхъ упражненій,—и въ такомъ случаѣ онъ долженъ вмѣщать въ себѣ по нѣскольку басенъ на одну и ту же тему; или наконецъ 4) просто для чтенія, — и въ такомъ случаѣ онъ долженъ принять въ себя только тѣ басни, которыя могутъ назваться образцовыми.

Но пока найдется человѣкъ со вкусомъ и съ знаніемъ (conditio sine qua non), который добросовѣстно употребитъ свое время на этотъ полезный трудъ, считаемъ обязанностью предупредить тѣхъ, до кого это дѣло касается, чтобы они не слишкомъ довѣрчиво увлекались заглавіемъ этого пресловутаго «Свода»; больше всего заботившагося о томъ, «чтобъ басни имѣли смыслъ, который не зародитъ излишняго вопроса», и своимъ выборомъ дѣйствительно достигшаго этой цѣли. Вотъ у него какія басни:

ЗЕРНО.

Какой-то франтикъ городской,
Увидѣлъ въ полѣ трудъ людской,
Какъ пашню всю каткомъ катали,
Сказалъ: «Прощай, зерно! тебя совсѣмъ стоптали;
Вотъ пашня здѣсь, какъ будто булеваръ!
Лишь стоитъ обнести рѣшеткой».
Но хлынулъ ливмя дождь, съ земли поднялся паръ
И черезъ день вся нива стала щеткой.
Кого въ сердцахъ фортуна гнетъ,
И подъ соломенной велитъ жить крышей,
Не безъ надежды тотъ:
Лишь взглянутъ милостиво свыше,
И нашъ бѣднякъ, какъ зернышко, взойдетъ (!).

Это нравоученіе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ, какими проникнутъ составитель «свода» и какія можетъ привить этотъ «сводъ» и юнымъ сердцамъ своихъ читателей, если таковые окажутся. А читатели (или по крайней мѣрѣ покупатели) у него должно-быть есть: черезъ три года понадобилось новое изданіе. Первое вышло въ 1855 г., и нынѣ снова является безъ малѣйшихъ измѣненій, несмотря на замѣчанія, какія были сдѣланы на его счетъ при первомъ появленіи. Надобно полагать, издатель увѣренъ, что—сойдетъ и такъ!— Можетъ быть предположеніе его и сбудется, какъ оно сбывается у насъ и во множествѣ другихъ всякаго рода спекуляцій. Но кого тутъ надобно больше винить: тѣхъ ли, кто пользуется довѣрчивостью и неразборчивостью публики, или публику, которая позволяетъ себѣ излишнюю довѣрчивость и не даетъ себѣ труда разобрать хорошенько, что ей предлагаютъ за ея деньги?

303. Новый кодексъ русской практической мудрости.

(Наука жизни, или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ. Ефима Дыммана. Спб. 1859).

Напечатано въ VI кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 12 іюня) за подписью «—бовъ». Молчалинскій кодексъ автора книги былъ такъ ненавистенъ Добролюбову, что онъ рѣшилъ оттѣнить его и помѣстилъ свою статью нарочно подъ особымъ заглавіемъ. Н. А. могъ предполагать, что послѣ успѣха книги «*Вопросы* жизни» Пирогова, чего добраго, будетъ оказано вниманіе и «*Наукѣ* жизни», которую могли начать покупать,— и спѣшилъ уничтожить новаго законодателя нравственности. 4 іюня Добролюбовъ пишетъ Бордюгову: «По литературѣ смирился потому, что теперь новый цензоръ, но все-таки пробую кое-что. Не знаю, пропуститъ ли статеечку объ одной глупѣйшей книгѣ, «Наука жизни», посвященной наслѣднику россійскаго престола» (Матеріалы, 514). Разумѣется, въ самой статьѣ о посвященіи ничего не сказано, потому что, по тогдашнимъ цензурнымъ понятіямъ, такой отзывъ о такой книгѣ былъ болѣе, чѣмъ неумѣстенъ.

М. Л.

Время отъ времени являются у насъ мудрецы, желающіе быть руководителями молодыхъ людей на жизненномъ поприщѣ. Большею частію это бываютъ люди, искушенные долгимъ опытомъ жизни и оттого смотрящіе на все нѣсколько мрачно. Иные доходятъ даже до того, что, вмѣсто всякихъ совѣтовъ, предписываютъ только угрозы и побои. Таковъ, напр., долженствующій быть знаменитымъ, г. Миллеръ-Красовскій (о которомъ мы говоримъ въ этой же книжкѣ) [1]), полагающій всю надежду воспитанія въ *пощечинахъ*. Но не таковъ г. Ефимъ Дымманъ, составившій «Науку жизни». Его направленіе очень мягко и благодушно. О дѣтяхъ, напр., онъ говоритъ слѣдующее:

«Тѣлесно дѣтей никогда не наказывать, въ *отвращеніе грубыхъ чувствъ упрямства и ожесточенія*. Какова бы ни была вина дѣтей, не дѣлать изъ того ни шума, ни криминала, никогда на нихъ *не кричать*, и *вразумлять* ихъ всегда съ лаской, *толкуя имъ* тихо и ясно, какъ поступокъ ихъ вреденъ, и какія изъ того могутъ выйти дурныя послѣдствія» (стр. 326).

Вы уже чувствуете расположеніе къ автору за такую гуманность и думаете, что г. Дымманъ далеко ушелъ отъ теорій г. Миллеръ-Красовскаго. Съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго подобныя мысли должны представляться безумными и отчаянно либеральными. Какъ! не бить дѣтей! Не кричать на нихъ!! Вразумлять ихъ!! Толковать имъ о вредныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть ихъ поступокъ!!! Что̀ можетъ быть ужаснѣе для вѣрнаго *рыцаря трехъ пощечинъ*? Какое преступленіе можетъ болѣе этого возмутить его? Навѣрно, г. Миллеръ-Красовскій скажетъ о г. Дымманѣ, что онъ «не заглядывалъ въ жизнь и силенъ *однѣми кабинетскими теоріями*»; навѣрное сочтетъ его послѣдователемъ «Руссовскихъ плевелъ филантропизма».

Но формы, въ которыхъ проявляется житейская философія, могутъ быть очень разнообразны, нисколько не измѣняя тѣмъ ея существеннаго характера. Прочитавъ «Науку жизни», мы видимъ, что Ефимъ Дымманъ въ сущности не менѣе кого другого уважаетъ молчалинскую теорію умѣренности и аккуратности; безусловное повиновеніе онъ любитъ не менѣе, чѣмъ самъ рыцарь *трехъ пощечинъ*. Но складъ ума г. Ефима Дыммана болѣе дипломатическій, и оттого правила, предписываемыя имъ, никогда не имѣютъ такого жестокаго характера и даже въ грамматическомъ отношеніи не столь ужасны, какъ «Основные законы воспитанія» г. Миллеръ-Красовскаго, восхищающагося своими *тремя пощечинами*. Г. Ефимъ Дымманъ отличается чрезвычайнымъ житейскимъ благоразуміемъ и такою гибкостью ума и совѣсти, какой можетъ позавидовать любой дипломатъ. Вотъ отчего и происходитъ видимое различіе его совѣтовъ отъ предписаній мудрецовъ, подобныхъ г. Миллеръ-Красовскому. Но по самой ловкости изложенія «Наука жизни» заслуживаетъ того, чтобы на нее обратить серьезное вниманіе. Въ ней возведено въ систему то, что̀ у насъ обыкновенно дѣлается безсознательно; она представляетъ кодексъ принятой нынѣ житейской нравственности. Съ этой точки зрѣнія она очень любопытна, и мы считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть ее съ нѣкоторой подробностью.

Авторъ «Науки жизни», какъ открывается изъ разныхъ мѣстъ книги, служилъ прежде въ военной службѣ; дошелъ до степеней извѣстныхъ, содѣлался старцемъ, былъ же-

---

[1]) См. № 306.

натъ, но теперь живетъ одиноко, имѣя въ домѣ четырехъ человѣкъ: пожилую женщину, въ родѣ ключницы, кучера, повара и лакея, которые безпрестанно между собою ссорятся и *просятъ разсчета* у автора (стр. 242). Но г. Ефимъ Дымманъ и съ этими безпокойными людьми умѣетъ ладить такъ же хорошо, какъ онъ ладитъ со всѣми на свѣтѣ, и въ этомъ-то умѣньѣ со всѣми ладить заключается его искусство общежитія, которое хочетъ онъ передать молодымъ людямъ.

«Наука жизни» заключаетъ въ себѣ именно правила о томъ, какъ ужиться съ людьми, пріобрѣсть общее уваженіе и нажить состояніе. По благожелательности и по добротѣ своего сердца авторъ заботится о мирѣ, тишинѣ и общемъ благополучіи; но опытъ жизни, содѣлавъ его Талейраномъ, научилъ его не предаваться движеніямъ своего сердца. «Прежде всего,—совѣтуетъ онъ юношѣ,—сдѣлай себѣ всегдашнимъ правиломъ: никогда не предаваться своему первому движенію, какъ въ отношеніи людей, такъ и во всѣхъ твоихъ дѣлахъ» (стр. 235). Вы знаете, что и Талейранъ говорилъ то же самое, прибавляя только резонъ: «*потому*, что первое движеніе всегда хорошо». Кажется, что и г. Ефимъ Дымманъ имѣетъ ту же тайную мысль; но онъ не такъ простъ, чтобы высказать ее прямо: опытъ жизни научилъ его быть осторожнѣе и хитрѣе Талейрана. Вслѣдствіе того, онъ и не говоритъ иначе, какъ языкомъ дипломатическимъ. Юноши, которые будутъ читать «Науку жизни», непремѣнно должны имѣть это въ виду. Для того, чтобы лучше понять ее, они могутъ даже составить небольшой объяснительный словарь употребительнѣйшихъ въ ней словъ. Напр., *лицемѣріе* въ наукѣ жизни изображается постоянно подъ видомъ *вѣжливости, подлость*—подъ именами *угожденія* и *искательства, мошенничество* — называется *ловкостью, подозрительность* и *малодушіе—осторожностью; кража* всѣхъ видовъ—*пользованіемъ обстоятельствами*, *шарлатанство — сноровкою*, и пр. И все это пересыпается, само собою разумѣется, безпрестанными громкими воззваніями о честности, добросовѣстности, братолюбіи, помощи несчастнымъ, и т. п. Словомъ, вся книжка составлена чрезвычайно дипломатически. Разсмотримъ же сущность ея содержанія, имѣя въ виду сдѣланную нами оговорку относительно фразеологіи автора.

Цѣлью жизни поставляетъ г. Дымманъ пріобрѣтеніе житейскаго благополучія, т.-е. общаго почета, обезпеченнаго состоянія и долговѣчности. Средства для этой цѣли предписываются самыя практическія, и при томъ такого свойства, что, по мнѣнію самого автора, «для человѣка слабаго духомъ могутъ показаться трудными». «Но,—продолжаетъ онъ,—зато они вѣрны и дѣйствительны, и мы съ ними совершимъ дѣло чуднное: пріобрѣтемъ любовь людей, повелителей міра; *честнымъ образомъ* обезпечимъ себя состояніемъ и будемъ здоровы, счастливы и долговѣчны. А изъ благодарности ко Всевышнему, даровавшему намъ эти средства, будемъ помогать неимущимъ и слабымъ, защищать праваго и невиннаго и стяжаемъ имя людей добрыхъ, честныхъ и благоразумныхъ» (стр. 344). Этими словами оканчиваетъ авторъ свою книгу, и вы видите, что онъ хлопочетъ о добрѣ и честности. Слушайтесь его, и вы будете долговѣчны, богаты и всѣми уважаемы, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Авторъ увѣренъ въ этомъ, и, какъ намъ кажется, не напрасно. Съ полнымъ и горячимъ убѣжденіемъ (хотя и нѣсколько витіевато) говоритъ онъ въ началѣ книги: «Прежде приступа къ нашему дѣлу, весьма серьезному и очень далекому отъ всякаго пустословія и отъ всякаго сцѣпленія забавныхъ, скуки ради приключеній, скажу я тебѣ, юноша, что *ни въ чемъ такъ свято и положительно не увѣренъ я, какъ въ пользѣ и добрѣ, приносимыхъ мною въ дань прекрасному нашему юношеству этою книгою:* что ни надъ чѣмъ не трудился я съ такимъ душевнымъ посвященіемъ, какъ надъ нею, и что ничего въ жизни пламеннѣе не желаю я, какъ того, чтобы юное наше поколѣніе вполнѣ ею воспользовалось» (стр. 13). Мы не станемъ до времени выражать нашего мнѣнія о томъ, желательно ли, чтобы въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь воспользовался правилами г. Ефима Дыммана. Но мы смѣло можемъ сказать, что *кто принимаетъ конечную цѣль автора*—всеобщее уваженіе и обезпеченное состояніе,—тотъ найдетъ въ его книгѣ много практически полезныхъ совѣтовъ, очень ловко примѣненныхъ къ духу современнаго нашего общества. Представимъ нѣкоторые изъ нихъ нашимъ читателямъ и потомъ посмотримъ, какое значеніе могутъ имѣть они въ русской жизни, между русскими людьми, поставленными такъ, какъ они поставлены при современномъ нашемъ общественномъ устройствѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что г. Дымманъ имѣетъ въ виду людей не обезпеченныхъ и независимыхъ, а такихъ, которые должны чего-нибудь добиться въ жизни. Поэтому онъ очень сильно напираетъ на необходимость людямъ трудиться, сберегать свои силы, не пьянствовать, не возставать противъ начальства, не вѣрить ворожеямъ и сновидѣньямъ, не буйствовать, не преда-

ваться неумѣренно ласкамъ женщинъ, и пр. Нельзя не согласиться, что всѣ подобные совѣты очень благоразумны, съ какой хотите точки зрѣнія. Выражаетъ ихъ авторъ очень сильно и подтверждаетъ примѣрами еще болѣе сильными. Напр., вотъ что̀ говоритъ онъ о ласкахъ женщины:

«*Я былъ очевидцемъ*, какъ одинъ здоровый человѣкъ, предавшись неумѣренно ласкамъ женщины (чему былъ очевидцемъ г. Ефимъ Дымманъ!!!), безъ малѣйшаго страданія вдругъ почувствовалъ безсиліе и ослабленіе памяти, возраставшія *всякую минуту*, въ такой степени, что *на другой день* онъ не могъ даже припомнить словъ къ разговору, *а на третій* его уже не было въ живыхъ (стр. 340).

Видите, — какъ скоро!.. Есть нравоучительная книжка: «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни»; такъ въ той вредъ пьянства доказывается тѣмъ, что человѣкъ, пьянствовавшій *сорокъ лѣтъ*, наконецъ сгорѣлъ... А у г. Ефима Дыммана,—какъ только человѣкъ предался неумѣренно ласкамъ женщинъ, такъ на другой же день память потерялъ, а на третій ужъ и Богу душу отдалъ... Примѣръ, въ самомъ дѣлѣ, поразительный!..

Но, кромѣ отрицательныхъ совѣтовъ, г. Дымманъ даетъ юношѣ и положительныя правила. Сущность ихъ заключается, какъ онъ самъ говоритъ, «въ трехъ главнѣйшихъ откровеніяхъ, — *упожденіи, умѣренности* и *трудѣ* (стр. 287). Всѣ три должны быть тѣсно связаны въ жизни и одно другому помогать. Трудиться долженъ человѣкъ, *упождая* другимъ, чтобы достигнуть цѣли своихъ стремленій; но въ стремленіяхъ всегда долженъ быть *умѣренъ*. Міръ и жизнь, по мнѣнію автора, превосходны. «Какова участь, каковъ удѣлъ человѣка на землѣ!—восклицаетъ онъ.—Цѣлый міръ, вся планета, вся земля дана ему на его пользу, для его наслажденія, для его счастья. Наша жизнь есть радостнѣйшая, прелестнѣйшая жизнь, и цѣлый міръ даровалъ намъ Господь на услажденіе ея» (стр. 132). Надобно только не искать невозможнаго, довольствоваться тѣмъ, что есть, и не идти противъ людей, нашихъ братьевъ, обладателей міра. «Не слушай неблагоразумныхъ,—совѣтуетъ г. Дымманъ,—которые корчатъ молодца противъ начальства, противъ существующаго порядка. Каковъ бы ни былъ этотъ порядокъ, но какъ установленіе людское, онъ совершеннымъ быть не можетъ никогда; равнымъ образомъ—съ постепеннымъ просвѣщеніемъ и устройствомъ самаго гражданскаго общества и онъ не можетъ не улучшаться» (стр. 112). Не правда ли, что совѣтъ г. Дыммана очень практиченъ и вполнѣ согласенъ съ теоріею угожденія и умѣренности?

Съ тою же послѣдовательностью своимъ началамъ г. Дымманъ разсуждаетъ и о трудѣ. Онъ признаетъ трудъ полезнымъ для здоровья, и, кромѣ того, велитъ заботиться объ исполненіи всякой, даже самой ничтожной обязанности, *потому* что «нѣтъ такой маловажной должности, въ которой неутомимою, всегдашнею дѣятельностью нельзя было бы обратить на себя вниманія и милостей начальства, а за труды не получить награды и повышенія» (стр. 118). Впрочемъ, убиваться надъ работой, заботясь о пользѣ самаго дѣла, г. Дымманъ не заставляетъ. Напротивъ, онъ даетъ такіе совѣты: «дѣла исполняй всегда открыто, *торжественно*, сохраняя всѣ временемъ принятые обряды; это *налагаетъ на исполнителей* (что?) и удерживаетъ ихъ въ строгомъ порядкѣ. *Держись крѣпко формальности*, — она часто наводитъ на важныя обстоятельства и указываетъ ходъ дѣлу. *Ничего не дѣлай на словахъ*, а всѣ дѣла должны быть ясно *изложены на бумагѣ* и облечены въ законную форму, крайне необходимую для справокъ» (стр. 273).

Вообще, какъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, такъ и въ самыхъ совѣтахъ относительно труда, г. Дымманъ является, такъ сказать, квіетистомъ. Онъ сознаетъ, напримѣръ, что правда почтенна, что добро дѣлать слѣдуетъ, что трудиться надобно честно, и т. п. Но, поставивъ себѣ цѣлью искусное общежитіе, онъ признаетъ благоразумнымъ и необходимымъ дѣлать уступки принятымъ въ обществѣ требованіямъ, плыть по теченію, не покушаться ни на какія перемѣны. «Правда есть свѣтъ яснѣе солнца, совершенство, свойство Божества! Сладка жертва, приносимая правдѣ, и сладко отстоять ее!»— восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ,—и тутъ же прибавляетъ: «но съ правдой, какъ съ бритвой, надобно обходиться осторожно; въ противномъ случаѣ она зарѣжетъ». По мнѣнію г. Дыммана, человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ стремиться къ правдѣ; но какъ существо ограниченное, слабое, долженъ къ ней стремиться только тогда, когда это *у мѣста* и *кстати;* «во многихъ же случахъ надобно укротить свой крикъ противъ неправды и держать языкъ за зубами» (стр. 156—157).

Какъ видите, у г. Дыммана всѣ добрыя стремленія признаются, но только въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ достигаться безъ малѣйшаго разстройства заведеннаго порядка. Какъ скоро моя правда или честность могутъ кого-нибудь задѣть или мнѣ самому послужить помѣхою въ моихъ дѣлишкахъ, я воленъ отказаться отъ своей правды, и не только воленъ, но даже долженъ, если хочу показаться г. Дымману неглупымъ человѣкомъ. По его соображе-

ніямъ, очень логическимъ, ясно выходитъ, что умнымъ человѣкомъ нужно считать только того, кто умѣетъ нажить состояніе. Вотъ слова г. Дыммана (стр. 177):

«Можно ли удивляться, когда люди, провѣдавъ, что у кого-нибудь есть много средствъ къ жизни (денегъ), хотя бы безъ всякой надежды получить изъ нихъ и самомалѣйшую частицу, низко тому кланяются и оказываютъ величайшее уваженіе? Не только невозможно, но *по самой строгой справедливости нельзя не уважать* того, у кого много средствъ къ жизни, потому что если онъ пріобрѣлъ эти средства, или, лучше сказать, этихъ *свидѣтелей ума* самъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ *человѣкъ умный, а умныхъ людей должно уважать*. Если же эти средства къ жизни онъ не самъ пріобрѣлъ, а получилъ ихъ по наслѣдству, то, *изъ уваженія какъ къ его умному дѣду и прадѣду*, ихъ пріобрѣтшимъ, такъ равно и къ *самымъ этимъ, въ его распоряженіи находящимся средствамъ, нельзя не уважать его*.

«Чрезвычайно много есть людей, пользующихся въ свѣтѣ репутаціею умныхъ, которые, пройдя поприще своей жизни, живутъ въ большой бѣдности, то-есть безъ средствъ къ жизни. Въ великость ума этихъ людей я *вѣрить не могу*, какъ потому, что *истинно умный человѣкъ долженъ скорѣе и ловче найтиться къ пріобрѣтенію средствъ къ жизни*, какъ самой необходимѣйшей потребности къ существованію, чѣмъ глупый; такъ и оттого, что гораздо *легче прослыть въ свѣтѣ глупому—умнымъ, чѣмъ честнымъ образомъ* (!) *нажить состояніе*: только ловко пусти людямъ пыль въ глаза, то они тебя и запишутъ въ умницы, ибо это имъ ничего не стоитъ; но чтобы отъ нихъ получить средства къ жизни, то надобно по крайней мѣрѣ пустить имъ пыль въ глаза золотую. *Я самъ не богатъ именно оттого только, что во время моей дѣятельной жизни не довольно былъ смѣтливъ.*

Авторъ «Науки жизни» хлопочетъ однако же о томъ, чтобы нажить состояніе не иначе, какъ *честнымъ образомъ*. Взяточничество, казнокрадство, грабежъ, дѣланіе фальшивой монеты — онъ признаетъ дѣяніями преступными и низкими. Но что же онъ разумѣетъ подъ *честнымъ* наживаніемъ состоянія? Опять ту же угодливость, умѣренность и аккуратность. Онъ говоритъ, что «хитрое поле житейское мы должны пройти въ полной и непосредственной зависимости отъ людей, нашихъ непостижимыхъ братьевъ, и *непремѣнно* по ихъ кодексу, называемому общежитіемъ... Это хитрое общежитіе, базисъ нашей жизни, есть *тончайшее*, какое только могъ придумать людской умъ, *поведеніе человѣка* въ отношеніяхъ его къ людямъ всѣхъ сословій и состояній» (стр. 189). Понимаете ли дипломатику науки жизни, по г. Ефиму Дымману: грабежъ и взятки — довольно грубыя средства обогащенія, и потому они не приняты въ общежитіи, которое состоитъ въ *тончайшемъ поведеніи*. Именно этому *тончайшему* поведенію тончайшимъ образомъ и учитъ г. Дымманъ. Вотъ нѣкоторыя черты его.

При первой встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ всегда нужно смотрѣть, не переодѣтый ли это разбойникъ или неблагонамѣренный фискалъ. Это правило выражено у г. Дыммана на 235 стр. слѣдующимъ образомъ:

«Вмѣни себѣ въ неизмѣнный законъ, при первомъ знакомствѣ съ какимъ бы то ни было человѣкомъ, тотчасъ спросить себя самого и слѣдить внимательно о томъ, точно ли тотъ, кѣмъ онъ называется и кого собою представляетъ: можетъ быть, это переодѣтый мошенникъ, плутъ, разбойникъ, неблагонамѣренный фискалъ, который хочетъ отъ тебя что-нибудь вывѣдать и вовлечь тебя въ худое дѣло, обыграть или обворовать, или инымъ какимъ-нибудь образомъ сдѣлать тебѣ несчастіе».

И не только съ незнакомыми, но и вообще съ людьми надобно быть крайне осторожнымъ:

«Будь всегда какъ можно болѣе осторожнымъ съ людьми и во всѣхъ дѣлахъ. Но болѣе всего надобно осторожности въ словахъ: никогда ни съ кѣмъ не говори о политикѣ и не разсуждай о Правительствѣ; это самый опасный разговоръ; въ немъ могутъ представить твои слова совсѣмъ въ другомъ видѣ и оклеветать тебя, и черезъ то однимъ разомъ можешь ты безвинно потерять все и даже самую жизнь» (стр. 239).

Въ служебной дѣятельности г. Дымманъ предписываетъ — въ одну сторону покорность, въ другую—строгость.

«Въ отправленіи своей обязанности безпрестанно помни, и всегда надъ ними трудись, два главныхъ обстоятельства: 1) *безусловно угождать своему начальнику*, и 2) *держать всѣхъ подчиненныхъ въ порядкѣ и повиновеніи*.

«Для этого первымъ твоимъ долгомъ будетъ узнать въ точности и подробнѣйшимъ образомъ все свое начальство, *порознь каждаго*: ихъ методу по службѣ, характеръ, правила, *образъ мыслей, ихъ слабости, семейную жизнь и связи*. Потомъ, *каково бы ни было твое начальство, хорошо или худо*, долженъ ты, соображаясь съ обстоятельствами, дѣйствовать такъ, чтобы *всенепремѣнно снискать его доброе къ себѣ расположеніе*, потому что если начальство тебя не жалуетъ, или имѣетъ о тебѣ дурное мнѣніе, то твоя служба пропала, хотя бы ты и былъ геніемъ своего дѣла и исполнялъ его наилучшимъ образомъ. Болѣе всего въ этомъ случаѣ надобно ладить съ окружающими твоихъ начальниковъ, потому что, хотя и можно временно пріобрѣсти милостивое расположеніе начальника безъ ихъ пособія, но, при малѣйшемъ ихъ къ тебѣ неблагопріятствѣ, какъ бы начальникъ твой ни былъ совершенъ, правдивъ и строгъ, они непремѣнно найдутъ случай его противъ тебя вооружить».

Съ подчиненными г. Дымманъ совѣтуетъ обходиться ласково и справедливо, но только не позволять имъ непокорности. «Если въ комъ-нибудь изъ твоихъ подчиненныхъ замѣтишь ты *хотя малѣйшую тѣнь непокорности, неблагонамѣренія или невниманія къ твоей власти*, то слѣди за всѣми его

дѣйствіями, особенно и неупустительно всякую минуту». Если онъ тотчасъ раскается, то на первый разъ можно простить его, и только продолжать слѣдить за нимъ. Но, «несмотря ни на какую личину преданности, если ты замѣтишь за твоимъ подчиненнымъ *самомалѣйшее недоброжелательство или непокорность* въ другой разъ, то представь объ немъ начальству, какъ *о человѣкѣ не благонамѣренномъ и для службы вредномъ*» (стр. 268).

Заботливость г. Дыммана о юношѣ не ограничивается общественной его дѣятельностью, а проникаетъ и въ жизнь семейную: онъ даетъ наставленія относительно женитьбы. Нельзя не поблагодарить его за тѣ золотыя правила, которыя предписываетъ онъ молодымъ людямъ. «Женись, — говоритъ, — никакъ не ранѣе 35 лѣтъ, *потому* что, женившись моложе (напр. 34-хъ лѣтъ), могъ бы ты имѣть *пятнадцать и болѣе* дѣтей, что̀ составило бы тебѣ тяжкое обремененіе» (стр. 306). «Выбирая жену, совѣтуйся съ людьми почтенными. Если ты бѣденъ, то не женись на дѣвушкѣ безъ приданаго: это есть «злодѣйство хуже разбоя, криминалъ, непростительное малодушіе» (стр. 301). Но всего драгоцѣннѣе въ этомъ отношеніи глава подъ названіемъ: «Спасайся!» Въ ней заключается слѣдующее мудрое правило: «Случится съ тобою, молодой читатель, что какая-нибудь дѣвица прельститъ тебя, при первой твоей съ нею встрѣчѣ, или что та, къ которой ты былъ сначала равнодушенъ, начинаетъ нечувствительнымъ образомъ тебѣ нравиться, случится непремѣнно, и не одинъ разъ». Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?—«Спасайся!» восклицаетъ г. Дымманъ. «Отъ дѣвицы, начинающей нравиться, на которой ты по благоразумію жениться не можешь (а по г. Дымману, ранѣе 35 лѣтъ всякому *неблагоразумно* жениться, значитъ, совѣтъ, относится *ко всѣмъ* случаямъ подобнаго рода, бывающимъ *со всѣми* молодыми людьми), нѣтъ другого способа спастись, какъ только отъ нея бѣжать и никогда съ нею не встрѣчаться». «Спасайся, спасайся», повторяетъ авторъ: «уйди изъ того дома и никогда въ него болѣе ни ногой» (стр. 304 — 305). Истинно-благодѣтельныя наставленія! Совѣтую вамъ, читатель, принять ихъ безусловно. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то я до 35 лѣтъ намѣренъ ими постоянно руководствоваться. Я буду спасаться и спасаться отъ дѣвицъ, которыя мнѣ станутъ нравиться. Иначе, — шутка, ли,—я могу, пожалуй, имѣть къ 35 годамъ «пятнадцать или болѣе дѣтей», что̀, дѣйствительно, составитъ для меня не малое обремененіе!

Но всего лучше въ книгѣ г. Ефима Дыммана тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ *объ искательствѣ и угожденіи*. Тутъ онъ возвышается до самаго восторженнаго паѳоса.

«Угожденіе, угожденіе! (такъ восклицаетъ г. Ефимъ Дымманъ). Божественный даръ, небесный отводъ всѣхъ неудачъ и препятствій, нектаръ отъ жажды, небесная манна отъ голода, всесильное оружіе, равно побѣждающее и сильнаго и слабаго, и добраго и злого, для которыхъ нѣтъ ни врага, ни мстителя!

«Вотъ въ чемъ, юноша, заключается средство самое вѣрнѣйшее изъ всѣхъ, ключъ, свѣтъ, истинный генералъ-басъ науки жизни. Крѣпко и долго подумай надъ нимъ; и если ты будешь въ состояніи *вполнѣ* его постигнуть и *вполнѣ* имъ воспользоваться, то въ преуспѣяніи твоемъ я тебѣ порукою» (стр. 214).

И вслѣдъ затѣмъ, авторъ начинаетъ излагать извѣстную мораль изъ «Горя отъ ума»:

«Во-первыхъ, угождай всѣмъ людямъ безъ изъятья» и пр.

Въ переложеніи г. Дыммана она представляетъ такой видъ:

«Угождать надобно начальнику и подчиненному, сильному и слабому, умному и глупому, тому, съ кѣмъ дѣлаешь дѣла, и съ кѣмъ, можетъ быть, болѣе не встрѣтишься: своему слугѣ, мужику, всѣмъ и каждому, — *въ томъ святомъ убѣжденіи, что въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, лучше припасти для себя доброе расположеніе*, чѣмъ ненависть. Врагамъ своимъ нужно угождать вдвое, чтобы ихъ превратить въ своихъ друзей.

«Ты будешь въ отношеніяхъ, а можетъ быть и въ зависимости у *гордеца, обнаруживающаго къ тебѣ, въ присутствіи всѣхъ, явное презрѣніе; у недоброжелателя*, надрывающагося на твою пагубу; у *завистливаго*, который будетъ сохнуть отъ твоихъ удачъ; у *чудака*, упорствующаго въ самыхъ *безумныхъ и вреднѣйшихъ* сужденіяхъ и поступкахъ; однимъ словомъ, у людей, переполненныхъ такими *чудовищными, уродливыми и* даже иногда *злодѣйскими* влеченіями (къ счастію, такіе люди довольно рѣдки), что они тебя сначала поразятъ и отнимутъ у тебя къ угожденію имъ всякую надежду; но ты бодрости духа не теряй, и къ принятію отъ такихъ людей *всевозможныхъ непріятностей* приготовь и предрасположи себя заблаговременно и рѣшительно, на тотъ конецъ, чтобы никакое зло, какъ уже предвидѣнное, не могло тебя поразить. Потомъ дай съ твердостью самому себѣ такой обѣтъ: «чѣмъ злѣе человѣкъ и его дѣйствіе, тѣмъ болѣе я долженъ изыскать мѣръ и приложить старанія къ тому, чтобы *заслужить его къ себѣ доброе расположеніе непремѣнно, и тѣмъ отвратить отъ себя всякій, могущій произойти отъ его злости вредъ*». Наконецъ, вмѣни своему самолюбію въ торжество и славу — *снискать расположеніе* къ себѣ именно того, кому наитруднѣе угодить» (стр. 215).

Вы скажете, что такое угожденіе людямъ негоднымъ, даже *злодѣямъ*, необходимо должно переходить въ подличанье, должно соединяться съ полнымъ отсутствіемъ въ человѣкѣ совѣсти и чести. Вы готовы осудить г. Дыммана, какъ пропо-

вѣдника безнравственности. Но не будьте слишкомъ торопливы: г. Дымманъ спѣшитъ предупредить васъ. Онъ самъ не менѣе васъ ненавидитъ обманъ и подлость, и, вслѣдствіе того, вотъ какъ объясняется съ юношею относительно правилъ общежитія:

«Боюсь я, чтобы ты, юноша, будучи, можетъ быть, очень юнымъ, этого всѣми принятаго общежитія не понялъ превратно и не подумалъ, что надобно сдѣлаться обманщикомъ или коварнымъ лицемѣромъ. Нѣтъ, это двѣ вещи совершенно разныя. Для лучшаго твоего уразумѣнія привожу тебѣ примѣръ: встрѣчаешь ты, положимъ, *отъявленнаго недоброжелателя и во всемъ дурного* человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, *по его отношеніямъ и степени*, на которой онъ стоитъ, человѣка *сильнаго*; то, вмѣсто того, чтобы обнаружить къ нему явную ненависть и отвернуться отъ него, ты *долженъ, не показывая къ нему ни малѣйшаго нерасположенія, обойтись съ нимъ учтиво и вѣжливо. Это есть общежитіе*. Безстыдные же и безчестные обманъ и коварство суть слишкомъ извѣстные пороки, чтобы имъ приводить примѣры» (стр. 190).

Ясно ли? Отъ васъ требуется только *общежитіе*; а безчестныхъ поступковъ вамъ вовсе не предписываютъ. И отчего же не признать благоразумными и добродѣтельными, напр., слѣдующихъ поступковъ, предписываемыхъ юношамъ г. Ефимомъ Дымманомъ:

«Для вѣрнѣйшаго пользованія обворожительнымъ вниманіемъ, совѣтую тебѣ, юноша, завести, *непремѣнно завести* книгу, въ которую долженъ ты вписывать, по алфавитному порядку, имена и отчества всѣхъ твоихъ начальниковъ, товарищей и знакомыхъ на тотъ конецъ, чтобы, *перечитывая отъ времени до времени*, могъ ты каждаго *называть по имени и отчеству*, что съ твоей стороны будетъ очень учтиво и внимательно, а для тѣхъ, которыхъ ты будешь такъ величать, *чрезвычайно пріятно*. Сверхъ того, знаніе именъ и отчествъ будетъ тебя часто выводить изъ затрудненія при надобности писать письма къ старымъ своимъ знакомымъ, которыхъ долго не видалъ.

«Примѣръ. Обѣдаешь ли ты у знатнаго лица, и, за столомъ, въ общемъ разговорѣ, какой-нибудь *значительный человѣкъ*, съ которымъ ты никогда не имѣлъ и не имѣешь прямыхъ сношеній, и самъ не знаешь его имени и отчества, *вдругъ при всѣхъ называетъ тебя, человѣка малозначащаго, по имени и отчеству. Вообрази себѣ это живо, и ты поймешь, какъ было бы оно лестно и пріятно для твоего благороднаго самолюбія*» (стр. 225).

Въ сношеніяхъ съ людьми нужными и даже не нужными, г. Дымманъ совѣтуетъ постоянно похваливать ихъ, такъ какъ «похвала никогда ничего не испортитъ, и такъ какъ нѣтъ человѣка, у котораго не было бы чего-нибудь, стоящаго похвалы». «Не опасайся, чтобы кто-нибудь могъ тѣмъ обидѣться, и будь увѣренъ, что какъ бы кто твои похвалы ни принималъ, но послѣдствія всегда выйдутъ одни и тѣ же, т.-е. что онъ къ тебѣ будетъ расположенъ наилучшимъ образомъ. Къ этому еще надобно добавить, что если бы ты въ бесѣдѣ съ кѣмъ-нибудь не находилъ предмета къ разговору, то начинай смѣло хвалить его самого, или его одежду, экипажи, лошадей, домъ и все, что у него знаешь хорошаго. Разговоръ, начатый такимъ образомъ, всякій станетъ продолжать охотно, и всегда за него будетъ къ тебѣ признателенъ. Такова человѣческая природа!» (стр. 254).

Кромѣ похвалы, г. Дымманъ совѣтуетъ пускать въ дѣло и *корысть*, т.-е. невиннымъ образомъ подкупать значительныхъ людей.

«Въ знакомствахъ и отношеніяхъ съ людьми значительными можно съ умомъ и ловкостью употреблять самую ничтожную корысть съ успѣхомъ, напримѣръ: приноровить кстати пріятный сюрпризъ ихъ дѣтямъ, поднести имъ какую-нибудь бездѣлку новаго изобрѣтенія, проиграть самыя незначительныя деньги въ коммерческую игру, и другими подобными угожденіями можно снискать расположеніе самаго безкорыстнаго человѣка» (стр. 252).

Такое практическое правило выведено г. Дымманомъ изъ того наблюденія, что «*къ несчастію*, теперь корысть сдѣлалась сильнѣйшимъ двигателемъ всего человѣческаго рода» (стр. 252).

То же самое замѣчаетъ г. Ефимъ Дымманъ и относительно гордости. Порокъ этотъ онъ считаетъ «до того *безумнымъ*, *отвратительнымъ* и *неприличнымъ человѣку*, что такъ и хочется сказать гордецу: надменный, надутый гордецъ! къ чему ты гордишься? вразумись, заблудшій»... и пр. (стр. 247). Однакоже юношѣ г. Дымманъ не совѣтуетъ такъ отдѣлывать гордецовъ, а даетъ такое правило: «а гордецами смѣло повелѣвай *однимъ угожденіемъ;* имъ же угождать не трудно: знай *передъ ними разсыпай* пустую похвалу, и сдѣлаешь изъ нихъ, что тебѣ угодно» (стр. 248).

Но довольно, кажется. Вы познакомились, читатель, съ «Наукою жизни», и, конечно, исполнились уже благороднаго негодованія къ ея правиламъ. Вы находите, что они безнравственны, что іезуитство и маккіавелизмъ ихъ — возмутительны для честнаго человѣка, для котораго дороги убѣжденія, — что житейская дипломатія «Науки жизни» въ сущности есть не что иное, какъ послѣдняя степень нравственнаго и умственнаго растлѣнія... Воспламеняясь благородными чувствами, вы начинаете смотрѣть на автора «Науки жизни», какъ на что-то исключительное, чудовищное, долженствующее пугать людей, вы полагаете, что теоріи его такъ дики, что никого не заразятъ; вы даже свысока удивляетесь, зачѣмъ мы такъ долго останавливаемъ ваше вниманіе на такой ничтожной брошюрѣ безвѣстнаго автора, не имѣю-

щаго ничего общаго съ современными стремленіями нашего общества... Но успокойтесь, читатель, вникните въ дѣло хладнокровно и примите пожалуйста во вниманіе нѣсколько *обстоятельствъ*, которыя мы вамъ сейчасъ изложимъ.

Мы сами съ перваго раза возмутились было безцеремонными совѣтами г. Дымана и готовы были счесть его человѣкомъ отсталымъ, явленіемъ исключительнымъ въ нашемъ обществѣ, которое такъ быстро идетъ по пути прогресса. Но, послѣ нѣкотораго размышленія, мы рѣшительно перемѣнили свой взглядъ. Дѣйствительно, говоря отвлеченно, нельзя не признать вполнѣ справедливымъ то негодованіе, которое человѣкъ, смотрящій со стороны, долженъ почувствовать къ теоріямъ г. Дыммана. Но въ томъ-то и дѣло,—имѣемъ ли мы право поставить себя совершенно въ сторонѣ отъ этихъ теорій. Что касается до насъ, то мы готовы признаться (какъ это ни горько), что въ дѣлѣ нравственности общественной мы не рѣшаемся считать себя совершенно чистыми отъ послѣдованія совѣтамъ г. Ефима Дыммана. Такое признаніе, конечно, вызоветъ у васъ презрительную улыбку. Но, не торопитесь: мы въ своихъ недостаткахъ признаемся такъ смѣло потому вѣдь только, что увѣрены и въ васъ найти тѣ же самые... Да, читатель, кто бы вы ни были, но ежели только вы живете и дѣйствуете среди современнаго русскаго общества, то я смѣло говорю, что вы не можете стоять слишкомъ высоко надъ «Наукою жизни» г. Ефима Дыммана. Скажите, что̀ васъ возмущаетъ въ ней? То, что человѣкъ, повидимому, понимающій и уважающій правду и добро, сознательно приноситъ ихъ въ жертву житейскимъ выгодамъ? Да кто же изъ насъ этого не дѣлаетъ? Кто же изъ насъ беззавѣтно и всецѣло отдается своимъ чистымъ стремленіямъ, не оглядываясь назадъ, не увлекаясь соблазнами міра, не боясь ни гоненій, ни пытки, ни смерти? Гдѣ этотъ рыцарь безъ страха и упрека, гдѣ этотъ человѣкъ не отъ міра сего?

«Гдѣ ты? Откликнись! нѣтъ отвѣта»...

Всѣ мы, проходя разныя науки, набрались, болѣе или менѣе, разныхъ идей о правдѣ и добрѣ, всѣ мы болѣе или менѣе проникнуты святыми и высокими стремленіями, сочувствуемъ общественнымъ интересамъ. Но вѣдь все то же самое есть и въ г. Дымманѣ; и онъ говоритъ о правдѣ и честности, и онъ совѣтуетъ заботиться о своихъ ближнихъ, даже о подчиненныхъ и слугахъ. «Дѣлай добро всегда, когда это не составитъ для тебя никакого неудобства; будь честенъ и правдивъ постоянно, когда это нисколько не нарушаетъ твоего комфорта», — это правило проникаетъ собою всю книгу г. Дыммана, и... оно же постоянно выражается въ жизни каждаго изъ насъ. Мы только не имѣемъ добросовѣстности признаться въ этомъ,—ни другимъ, ни даже себѣ самимъ. А развѣ, напр., я, или вы, читатель, не соблюдаемъ той *осторожности въ словахъ*, о которой говоритъ г. Дымманъ на стр. 239? (см. выше). Развѣ мы не встрѣчаемъ безпрестанно въ обществѣ людей, которыхъ признаемъ дурными, вредными, и развѣ мы съ ними не обходимся *вѣжливо*, вмѣсто изъявленія имъ прямо своего нерасположенія? Развѣ не оказываемъ уваженія деньгамъ, оправдывая на практикѣ умозрѣнія г. Дыммана? Развѣ не смѣемся, вмѣстѣ съ нимъ, надъ *«какой-то дѣвственной совѣстливостью или лучше малодушіемъ»* тѣхъ людей, которые ничего и ни въ комъ не умѣютъ *снискать* себѣ?.. Развѣ мы не ищемъ расположенія начальства, не радуемся вниманію значительнаго лица, не бѣжимъ отъ женитьбы на бѣдной дѣвушкѣ, не желаемъ пріобрѣсти капиталецъ? Не называемъ ли мы утопистами, мечтателями, сумасбродами тѣхъ, кто толкуетъ о счастіи въ хижинѣ, о верховной силѣ истины въ мірѣ, всеобщемъ братствѣ, объ уничтоженіи всѣхъ искусственныхъ преградъ, всѣхъ давящихъ и озлобляющихъ отношеній между людьми? Будемъ же послѣдовательны, сдѣлаемъ простой силлогизмъ изъ слѣдующихъ положеній, неизбѣжно представляющихся нашему вниманію:

Человѣку нужно счастье, онъ имѣетъ право на него, долженъ добиваться его, во что бы то ни стало.

Счастье,—въ чемъ бы оно ни состояло примѣнительно къ каждому человѣку порознь, — возможно только при удовлетвореніи первыхъ матеріальныхъ потребностей человѣка, при обезпеченности его внѣшняго положенія.

При современномъ устройствѣ и направленіи общества не можетъ достигнуть обезпеченности, не можетъ и думать о достиженіи счастья тотъ, кто будетъ во всемъ, постоянно и неуклонно, слѣдовать своимъ высокимъ стремленіямъ, ни разу не уступитъ обычаю и силѣ, не затаитъ своей правды. Извѣстно, что такого человѣка не терпятъ и въ обществѣ и не даютъ ему ходу, какъ безпокойному и опасному вольнодумцу.

Согласны вы принять эти три положенія? Или, можетъ быть, вы скажете, что наше современное общество уже даетъ полный просторъ честнымъ людямъ, — что у нихъ уже не можетъ теперь остаться за душой невысказанной мысли, не можетъ

встрѣтить помѣхи задуманное предпріятіе? Неужели вы рѣшитесь сказать это? Въ такомъ случаѣ немного же имѣете вы за душою честныхъ убѣжденій!..

Итакъ, я полагаю, что вы принимаете всѣ три положенія, указанныя выше. Что же изъ нихъ слѣдуетъ? По моему мнѣнію, выводъ не труденъ для человѣка, дѣйствительно уважающаго правду и въ самомъ дѣлѣ желающаго общаго блага. Если настоящія общественныя отношенія не согласны съ требованіями высшей справедливости и не удовлетворяютъ стремленіямъ къ счастью, сознаваемымъ вами, то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ, и не подражать его уродству, а, напротивъ, громко и прямо говорить о немъ, проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серьезной операціи. Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровной враждѣ съ общественной неправдой... Тогда-то, и только тогда, можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ, и вамъ уже возможно будетъ отвергать темныя сдѣлки съ ложью и неправою силою...

Но вы не чувствуете въ себѣ довольно силъ для того, чтобы возстать противъ цѣлаго общества? Вѣдь вы одни, а этихъ людей, съ которыми нужно бороться, такъ много, и они такъ сильны!.. Страшно даже вообразить себя въ открытой борьбѣ съ ними! И что тутъ сдѣлаешь? «Одинъ въ полѣ не воинъ; историческій прогрессъ, торжество правды и свѣта совершается трудно и медленно»...—Если такъ, то нечего намъ и говорить съ вами: идите за «Наукою жизни» г. Ефима Дыммана. Вѣдь и въ ней толкуется (вы это видѣли), что не нужно возставать противъ заведенныхъ порядковъ: современемъ они сами собою улучшатся, а до тѣхъ поръ надобно пользоваться тѣмъ, что есть. Вѣдь и г. Дымманъ пришелъ къ своей практической мудрости именно вслѣдствіе той основной мысли, что «свѣта намъ не передѣлать, а съ волками жить, такъ надо по-волчьи и выть». Ступайте же за г. Дымманомъ, признайте его своимъ учителемъ и вождемъ; мы не бросимъ въ васъ камня, какъ и въ него не бросаемъ. Но только будьте добросовѣстны; идя за своимъ наставникомъ, не прикидывайтесь людьми непоколебимыхъ убѣжденій, не щеголяйте презрѣніемъ къ практической мудрости, излагаемой въ «Наукѣ жизни». Вы можете кричать противъ взятокъ, противъ угнетенія, противъ обмана, тѣлеснаго наказанія, и пр., и пр. Всѣмъ этимъ вы недалеко уйдете отъ г. Дымманa, и у него есть совѣты: не брать взятокъ, не драться, не отдавать денегъ въ ростъ, не дѣлать грубости подчиненнымъ, и т. п. И все это не мѣшаетъ ему проповѣдывать *умѣренность* и *угодливость*. Вы можете считать это безнравственнымъ и безчестнымъ, сколько вамъ угодно; но всмотритесь пристальнѣе въ собственное поведеніе, и вы увидите, что, на практикѣ, вы безпрестанно дѣлаете именно то, что совѣтуетъ «Наука жизни». Не что иное, какъ молчалинская *умѣренность*, вызываетъ у васъ эти восторженныя похвалы и неистовые клики радости при каждой вашей общественной поправкѣ изъ кулька въ рогожку. Не что иное, какъ *угодливость*, заставляетъ васъ цѣлые годы и десятки лѣтъ сидѣть, сложа руки, и грустнымъ взоромъ смотрѣть на зло и неправду въ обществѣ. Можетъ быть, вы при этомъ и не стремитесь упрочить себѣ состояніе, какъ совѣтуетъ г. Дымманъ; но, во всякомъ случаѣ, вы любите миръ, тишину и комфортъ... Добро и правда существуютъ у васъ только въ умозрѣніи, да и то гдѣ-то далеко на второмъ планѣ. Вы можете смѣло идти рука объ руку съ г. Дымманомъ. Сдѣлайте надъ собой маленькое усиліе и признайтесь, что въ «Наукѣ жизни» возведенъ въ систему только вашъ постоянный образъ дѣйствій.

Но вамъ все еще совѣстно признаться въ этомъ? Вамъ хочется оправдать свой образъ дѣйствій общею человѣческой слабостью, и вы хотите поставить между собой и г. Дымманомъ то различіе, что онъ одобряетъ *искательство*, *угожденіе* и ложь всякаго рода для житейской выгоды, а вы гнушаетесь ими, и только по слабости и вслѣдствіе крайней нужды впадаете въ нихъ сами по временамъ. Но ежели такъ, ежели вы въ самомъ дѣлѣ гнушаетесь тѣмъ поведеніемъ, которое считаетъ похвальнымъ г. Дымманъ, то вашъ долгъ, какъ честнаго человѣка, не потакать себѣ, а принять совершенно противоположный образъ дѣйствій. Пока вы будете съ обществомъ связаны тѣми же отношеніями и интересами, какъ теперь, до тѣхъ поръ вамъ невозможно пріобрѣсти полнаго простора для вашихъ честныхъ, правдивыхъ стремленій; вы необходимо должны будете продолжать свои уступки въ пользу существующаго и укоренившагося зла. Значитъ, первымъ признакомъ того, что вы дѣйствительно гнушаетесь сдѣлками, предлагаемыми въ «Наукѣ жизни», должна служить опять-таки ваша рѣшимость — предпринять коренное измѣ-

неніе ложныхъ общественныхъ отношеній, господствующихъ надъ ними и стѣсняющихъ нашу дѣятельность. И не нужно пугаться того, будто вы одни должны будете бороться съ неправдою цѣлаго міра. Такого геройства вовсе не потребуется. Правда, свѣтъ и счастье нужны всѣмъ; всякій къ нимъ стремится, и всякій остается безъ удовлетворенія въ современномъ обществѣ. Вслѣдствіе этого, всякій чувствуетъ недовольство окружающею его обстановкою, и всякій радъ былъ бы отъ нея избавиться. Разумѣется, каждый отдѣльно боится приниматься за большое дѣло; но потому-то и надо стараться, чтобы это дѣло изъ сознанія частныхъ лицъ все болѣе и болѣе переходило въ общее сознаніе. Этой цѣли могутъ способствовать и творенія, подобныя книгѣ г. Ефима Дыммана: серьезно и добродушно, въ систематическомъ порядкѣ, съ убѣжденіемъ и даже паѳосомъ, излагаютъ они кодексъ отвратительной морали, при которой одной только и возможенъ житейскій успѣхъ въ современномъ обществѣ. Всѣ пользуются болѣе или менѣе этой моралью, но никто не хочетъ возводить ее въ правило, обязательное для себя. Прочитавъ книжку г. Дыммана, всякій, у кого сохранился въ натурѣ остатокъ честности, долженъ придти въ состояніе человѣка, который долгое время по слабости характера позволялъ марать себѣ лицо жженой пробкой, поить себя уксусомъ вмѣсто вина, и всячески надъ собой издѣваться извѣстному богачу, и который вдругъ прочиталъ о себѣ бумагу, что онъ находится въ кабалѣ у этого богача и необходимо долженъ выносить отъ него всякія оскорбленія. Естественно, что первая мысль, первое движеніе несчастнаго, при всей слабости его характера, будетъ—употребить отчаянное усиліе, чтобы избавиться отъ этой кабалы. Таково же должно быть и впечатлѣніе *откровеній* г. Дыммана на всякаго человѣка, который въ душѣ предпочитаетъ правду лжи, свѣтъ—мраку и общее счастье,—страданіямъ огромнаго большинства [претерпѣваемымъ въ угоду немногихъ тунеядцевъ]. И вотъ почему мы такъ долго останавливались на разборѣ этой книги. Мы сочли не безполезнымъ [для людей, слишкомъ заботящихся о сохраненіи нынѣшняго statu quo] представить безпристрастное, систематическое изложеніе ихъ нравственности, почерпнутое изъ книги опытнаго старца, Ефима Дыммана. Пусть полюбуются на себя и пусть знаютъ, что истинное достоинство ихъ поступковъ не укрывается отъ людей, вступающихъ въ жизнь съ энергическими надеждами и желающихъ серьезнаго истинно честнаго дѣла...

---

304. „Весна“.

Литературный сборникъ на 1859 г. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 281. Статья эта, повторяя мысль Добролюбова о чистомъ искусствѣ, о мелочности обличительной литературы, объ отсутствіи въ обществѣ воли для защиты своихъ правъ и пр., касается вмѣстѣ и одного вопроса, до тѣхъ поръ авторомъ не затрагиваемаго: о необходимости скорѣйшей реформы на началахъ мѣстнаго управленія и децентрализаціи власти вообще,—короче говоря,—о народномъ самоуправленіи, какъ единственной панацеѣ отъ всѣхъ русскихъ золъ.

Юл. Жуковскому Добролюбовъ вѣрно предсказалъ незаурядное положеніе въ литературѣ. Правда, онъ потомъ почти пересталъ писать, но исключительно по той же причинѣ, по которой много лѣтъ молчалъ такой талантливый писатель, какъ М. А. Антоновичъ — они, кстати, были близки между собою, — какъ люди незаурядные они не могли приспособляться, а въ имѣвшихся журналахъ не находили солидарности.

М. Л.

Двое Ахшарумовыхъ, Юл. Жуковскій и И. Юрьевъ соединили труды свои и издали книгу, довольно толстую и разнообразную. Въ предисловіи къ ней г. Н. Ахшарумовъ заявляетъ, что участники сборника не хотятъ «стать подъ знамя какой-нибудь партіи и сдѣлаться представителями какого-нибудь извѣстнаго, исключительнаго направленія, а являются подъ *общимъ* знаменемъ русской литературы». И дѣйствительно, статьи, помѣщенныя въ «Веснѣ», имѣютъ общаго только то, что всѣ, какъ написанныя

по-русски, должны быть причислены къ русской литературѣ. Одинъ изъ Ахшарумовыхъ — критикъ, поборникъ чистаго искусства; другой—поэтъ, не выражающій рѣзкоопредѣленнаго направленія; г. Юрьевъ — мелодрамный романтикъ, воспѣвающій рыцарское благородство и гоненія рока на пылкую любовь; г. Жуковскій—тоже отчасти романтикъ и тоже съ примѣсью мелодрамы, но только въ сферѣ петербургскихъ чиновниковъ и камелій. Какъ видите, «Весна» очень разнообразна и не лишена занимательности. Въ самомъ дѣлѣ, — исключая нѣкоторыхъ изъ стихотвореній г. Вл. Ахшарумова, да статьи г. Н. Ахшарумова о «Воспитанницѣ» Островскаго, нельзя ни объ одной статьѣ сборника сказать, чтобы она ужъ вовсе никуда не годилась. Всѣхъ слабѣе оказывается критикъ «Весны», г. Н. Ахшарумовъ. На 55 страницахъ разсуждаетъ онъ о романѣ «Тысяча душъ», убиваясь надъ доказываньемъ того, что въ этомъ романѣ нѣтъ какой-то художественной перспективы и гармоніи, или еще чего-то въ этомъ родѣ. Статья пересыпана весьма глубокими и вѣрными афоризмами, въ такомъ родѣ:

«Критика должна вытекать изъ сущности предмета своего, а не изъ чего-нибудь посторонняго» (стр. 293).

«Герой романа долженъ быть въ высшей степени интересенъ, и въ этомъ состоитъ *съ позволенія сказать* (вы думаете, что за этимъ какое-нибудь неприличное слово слѣдуетъ? Нѣтъ, ничего),—все его геройство» (стр. 299).

«Типъ Калиновича для своей художественной красоты не нуждается ни въ какихъ оправданіяхъ; со всѣми своими нравственными противорѣчіями онъ *имѣетъ право* явиться въ романѣ, *ни передъ кѣмъ не извиняясь*» (стр. 299).

«Все въ жизни имѣетъ свое послѣдовательное развитіе (какая глубокая мысль!); и рѣзкія особенности характера возникаютъ не взмахомъ магическаго жезла, а постепенно слагаются и образуются и постепенно доходятъ до крайнихъ своихъ результатовъ» (стр. 299).

«Чѣмъ можетъ выразить себя здоровье? такъ же, какъ истинная красота, оно не имѣетъ въ себѣ никакихъ рѣзкихъ и поразительныхъ особенностей. Оно не имѣетъ своей *патологіи* (*патологія* здоровья!!), своихъ припадковъ, и симптомовъ, и странностей. Въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что оно въ существѣ своемъ просто нормально...» и проч. (стр. 316).

«Реальная школа убиваетъ духъ и анатомируетъ тѣло природы; она гонитъ изъ нея идею и мысль» (стр. 336).

За увлеченіе реальною школою и достается г. Писемскому отъ строгаго критика! По мнѣнію г. Ахшарумова, всѣ недостатки «Тысяча душъ» происходятъ отъ *ядовитаго вліянія* реальной школы, отъ порабощенія искусства идеѣ. Когда припомнишь содержаніе и развитіе романа г. Писемскаго и вообще характеръ его литературной дѣятельности да потомъ вникнешь въ смыслъ замѣчанія г. Ахшарумова, то невольно подивишься тому, какъ мѣтко попалъ критикъ... Бываютъ же этакіе тонкіе люди, что такъ вотъ сейчасъ и смекнутъ, въ чемъ дѣло!

Впрочемъ въ статьѣ г. Ахшарумова о «Тысячѣ душъ» есть нѣсколько очень вѣрныхъ замѣчаній относительно художественной фальшивости характера Калиновича.

Есть нѣсколько замѣчаній, съ которыми можно согласиться, и въ статьѣ о «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева, хоть вся она совершенно ложна въ своемъ основаніи, признавая, что сущность повѣсти Тургенева заключается въ изображеніи характера Лизы, и хотя въ ней попадаются такія милыя вещи: «для эпическаго интереса въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» отведено особое поле родословныхъ и ретроспективныхъ взглядовъ на предъидущую исторію лицъ и по этому полю онъ постоянно *пятится раколмъ*» (стр. 371).

Но совершенное отсутствіе критическаго такта нашли мы въ статьѣ о «Воспитанницѣ». Критикъ упрекаетъ Островскаго,— въ чемъ бы вы думали?.. въ томъ, что онъ *представилъ не идиллію*, что изобразилъ только *грязныя пятна жизни*, а не самую жизнь; что всѣ его лица, кромѣ Нади,— «вовсе не лица, а *какія-то отвлеченныя, перегнанныя и фильтрированныя дозы разнаго рода человѣческой грязи*, отъ которыхъ на душѣ у читателя остается самое тяжелое и непріятное впечатлѣніе» (стр. 351) [1]).

Могло ли до сихъ поръ кому-нибудь придти въ голову, чтобы Островскаго можно было упрекнуть въ отвлеченности и безличности создаваемыхъ имъ образовъ? Но для г. Ахшарумова ни по чемъ такой отважный подвигъ. Напечатавши въ прошломъ году грозную статью «О порабощеніи искусства», онъ уже можетъ быть увѣренъ, что никакою выходкой, какъ бы она ни противорѣчила здравому смыслу, не можетъ удивить публику.

Не можемъ разстаться съ эксцентрическимъ критикомъ, не указавши на то, къ чему приводитъ милая теорія непорабощеннаго искусства. Поклонники ея, наконецъ, начинаютъ проговариваться о томъ, что до сихъ поръ тщательно скрывали, но что еще Державинъ говорилъ о нихъ, т.-е. что

Поэзія для нихъ любезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Такъ г. Ахшарумовъ объявляетъ между прочимъ, что на литературу смотритъ онъ,

[1]) Мнѣніе Добролюбова о «Воспитанницѣ» см. въ № 263.

какъ на «средство разсѣять свою тоску и горе».

«Онъ (г. Ахшарумовъ говоритъ здѣсь о читателяхъ, подобныхъ ему) беретъ въ руки романъ, комедію или драму, *желая вырваться хоть на минутку изъ той удушливой атмосферы страданія недуга, которая такъ часто обхватываетъ его со всѣхъ сторонъ*. Въ нихъ думаетъ онъ найти тотъ свѣтъ и просторъ и тотъ свѣжій воздухъ, которые такъ сильно *нужны ему для его утѣшенія*... и проч. Представьте же себѣ его *удивленіе и ужасъ*, когда романъ, комедія и драма наперерывъ спѣшатъ возразить ему, что все это глупыя, дѣтскія мечты, или фантазіи изъ тысячи одной ночи, и что онъ долженъ привыкать къ больницѣ, потому что она есть вѣчный удѣлъ его на землѣ, и что дѣйствительность съ поэтическимъ ея элементомъ *искони-бѣ* находятся въ полномъ, непримиримомъ противорѣчіи, и что дѣло искусства подмѣтить это противорѣчіе и выставить его въ полномъ объемѣ, а не льстить человѣку, лаская его несбыточными воплощеніями самодѣльныхъ идеаловъ. Боже милостивый! Неужели же это правда?» (стр. 251).

При такомъ воззрѣніи на искусство, которое можно называть не *чистымъ*, а скорѣе *сибаритскимъ*, немудрено, что г. Ахшарумовъ возмущается комедіею г. Островскаго, находя, что «эссенціи и экстракты, являвшіеся въ ней вмѣсто характеровъ, *отравили художественную* сторону эффекта» (стр. 356).

Другой Ахшарумовъ — поэтъ — имѣетъ болѣе уваженія къ идеѣ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его стихотвореній. Вообще стихотворенія не замѣчательны, равно какъ и литовскія пѣсни, переведенныя г. Ахшарумовымъ. Но есть у него и недурные стихи, съ которыхъ мелькаетъ искреннее чувство. Приведемъ маленькое стихотвореніе, мысль котораго намъ постоянно нравится (стр. 151):

Пускай грозитъ и гонитъ свѣтъ!
Для непреклонныхъ убѣжденій,
Для пылкихъ сердца увлеченій
Смѣшонъ чужой авторитетъ.
Куда бъ они ни привели,
Тотъ правъ, кто жилъ согласно съ ними,
Хотя законами земными
Казнится бѣдный сынъ земли!.. [1]).

Двѣ повѣсти, напечатанныя въ «Веснѣ», совершенно противорѣчатъ направленію г. Ахшарумова-критика. Обѣ онѣ принадлежатъ къ *отрицательному* или, какъ ихъ называетъ «Утро» московское [2]), къ *утилитарному* направленію. Повѣсть г. Юрьева «Свадьба» содержитъ въ себѣ исторію о томъ, какъ сынъ одного богатаго помѣщика влюбился въ воспитанницу, выросшую вмѣстѣ съ нимъ, отвергъ графиню, предложенную ему въ замужество отцомъ, и какъ за то крутой старикъ-отецъ его отдалъ свою воспитанницу замужъ за мужика изъ своей деревни. Какъ одинъ изъ ужасныхъ случаевъ, возможность которыхъ обусловливается уничтожаемымъ нынѣ крѣпостнымъ правомъ, фактъ этотъ самъ по себѣ представляетъ тему очень благородную. Но къ сожалѣнію, мы еще такъ близки къ крѣпостному праву, что не осмѣливаемся изображать его такими яркими чертами, какихъ оно заслуживаетъ. Пишутъ много, но все еще съ какою-то оглядкою, съ опасеніемъ, чтобы кто-нибудь не разсердился; поэтому, вмѣсто настоящей правды и дѣльныхъ изображеній, ограничиваются все больше намеками. Обстоятельство это печально всего болѣе потому, что доказываетъ, что мы еще далеко не разстались съ крѣпостнымъ правомъ, что духъ его еще обитаетъ въ большинствѣ нашего общества и связываетъ руки писателю. Такъ и въ повѣсти г. Юрьева мы видимъ много недосказаннаго и утаеннаго. Въ «Свадьбѣ» рисуется старикъ-помѣщикъ, упрекающій сына за то, что тотъ говоритъ лакею: *пожалуйста*, — внѣ себя отъ ярости бьющій нагайкой крѣпостного охотника за то, что тотъ немножко попортилъ заячью шкуру, разсуждающій такъ: «я тебѣ говорю, — ты мужика не знаешь, ты все съ нимъ разговаривать хочешь, урезонивать его, а это ему, какъ стѣнѣ горохъ; *нѣтъ, ты его ткни, такъ онъ тебя и поймета*» (стр. 171). Какая великолѣпная вещь могла бы выдти изъ полнаго и широкаго развитія одного этого характера, рожденнаго, сложившагося и проявляющаго себя въ крѣпостныхъ отношеніяхъ! Подробное изображеніе этого характера и его обстановки необходимо было въ этой повѣсти, даже съ чисто художественной точки зрѣнія, не говоря объ общественномъ интересѣ. Поступокъ старика съ воспитанницею, любимою имъ и ни въ чемъ не виноватою, легкость его исполненія, безгласіе всѣхъ окружающихъ, начиная съ жениха и до священника, который вѣнчалъ эту свадьбу, — все это требовало предварительной подготовки и обстоятельныхъ объясненій со стороны автора; въ цѣломъ рядѣ картинъ, въ цѣлой цѣпи эпизодовъ, въ цѣломъ широкомъ и смѣломъ очеркѣ долженъ былъ авторъ представить намъ всю эту жизнь для того, чтобы намъ показалось вполнѣ естественною, понятною и необходимою та развязка, которою оканчивается его повѣсть. Къ сожалѣнію, онъ почти ничего для этого не сдѣлалъ, — по слабости ли силъ своихъ, или по какимъ-нибудь внѣшнимъ препятствіямъ, не зависѣвшимъ отъ его воли, — не знаемъ... Во всякомъ случаѣ — несомнѣнно то, что повѣсть отъ этого очень много проиграла, и

[1]) Дѣйствительно, это было постояннымъ убѣжденіемъ Добролюбова.
[2]) См. № 243.

въ настоящемъ своемъ видѣ производитъ очень слабое впечатлѣніе. Еще бо̀льшему ослабленію его способствуетъ и то обстоятельство, что сынъ помѣщика, представленный, разумѣется, образцомъ всѣхъ добродѣтелей, подъ конецъ оказывается очень недалекимъ господиномъ. Зная крутонравіе, тупоуміе и звѣрство своего отца, зная беззащитность бѣдной воспитанницы, зная, что никто не можетъ противостать злобѣ помѣщика (дѣло происходитъ въ помѣстьи старика), — все-таки оставляетъ любимую дѣвушку на произволъ этого звѣря, а самъ уѣзжаетъ отъ отца въ Петербургъ, въ самый день отъѣзда отказавшись отъ предложенной невѣсты и объявивши отцу о своей любви къ воспитанницѣ. Правда, что онъ поѣхалъ съ тѣмъ, чтобы устроить свои дѣла и потомъ возвратиться за своей Лизой (такъ какъ отецъ погрозилъ лишить его наслѣдства въ случаѣ ослушанія); правда, что онъ могъ и не предвидѣть столь крутого оборота дѣла; но все-таки онъ долженъ былъ знать, что положеніе оставляемой имъ дѣвушки будетъ вовсе незавидно въ домѣ его отца. Можно было бы позаботиться и о ней... Впрочемъ мы замѣчаемъ это только затѣмъ, чтобы показать, какъ плохо вообще удаются нашимъ авторамъ образцы добродѣтели...

Повѣсть г. Жуковскаго «Петербургскія ночи»—тоже дышетъ современнымъ интересомъ. Большая часть ея занята описаніемъ камелій высокаго полета, находящихся подъ покровительствомъ различныхъ, очень государственныхъ и очень старыхъ графовъ. Эти описанія не по нашей части: можетъ быть, они очень вѣрны, очень художественны, очень глубоки. Мы даже почти увѣрены въ этомъ, потому что г. Жуковскій *самъ* говоритъ въ началѣ повѣсти: «говорятъ, что въ Петербургѣ мало мужей вѣрныхъ женамъ; я же *знаю* (!), что въ немъ еще менѣе женъ, вѣрныхъ мужьямъ» (стр. 2). Какимъ образомъ *знаетъ* г. Жуковскій такое, можно сказать, *тонкое обстоятельство*, по собственному ли опыту или изъ вѣрныхъ источниковъ, — вопросъ довольно щекотливый. Но дѣло въ томъ, что г. Жуковскій *знаетъ* и слѣдовательно описываетъ вѣрно; этимъ мы и довольствуемся по части комелій. Насъ болѣе занимаютъ другія стороны повѣсти; въ ней изображенъ, между прочимъ, Бобрищевъ, молодой и благородный человѣкъ, очень фразистый по обыкновенію, и Броницынъ, мерзавецъ, составляющій себѣ карьеру разными низостями и между прочимъ женитьбою на знатной дѣвушкѣ, племянницѣ и кузинѣ двухъ десятковъ князей и графовъ,— находящейся въ такомъ положеніи, что... долѣе скрывать невозможно... По поводу этихъ двухъ лицъ изображается присутственный день въ какомъ-то департаментѣ, и изображеніе это довольно рѣзко, хотя все еще не совсѣмъ откровенно. Но мы порадовались и тому уже, что въ повѣсти г. Жуковскаго идетъ рѣчь, довольно прямая и ясная,—уже не о земскомъ судѣ, не о несчастномъ квартальномъ, не о магистратскомъ секретарѣ или о неопредѣленномъ какомъ-то уѣздномъ чиновникѣ, — а о столичныхъ столоначальникахъ, начальникахъ отдѣленія, директорахъ департамента... Это въ первый разъ, кажется, такая смѣлость въ русской литературѣ. А ужъ давно пора бы нашимъ обличителямъ перенести свою наблюдательность отъ будочниковъ и становыхъ на сферы болѣе значительныя. Люди—вездѣ люди и вездѣ подвержены ошибкамъ; директоры департаментовъ — тоже люди, слѣдовательно, и они подвержены ошибкамъ. Силлогизмъ этотъ ясенъ и ни для кого не обиденъ. Возьмите, вмѣсто директора департамента, кого угодно,—хоть Наполеона или Петра Великаго: и Наполеонъ былъ человѣкъ, слѣдовательно, и онъ былъ подверженъ ошибкамъ. Что же тутъ дурного? А если это такъ, если директоры департаментовъ дѣйствительно подвержены ошибкамъ, то почему и не говорить о нихъ, почему и не указывать имъ, въ чемъ они ошибаются? Если секретари уѣздныхъ судовъ обижаются, когда ихъ выводятъ въ повѣсти, такъ вѣдь это все *отъ необразованія* больше дѣлается; начальники же отдѣленій, директоры департаментовъ и т. д. — люди (предполагается) образованные и благонамѣренные; слѣдовательно, они и обижаться не будутъ, а еще поблагодарятъ нашу гласность... Что же въ самомъ дѣлѣ,—гласность, такъ ужъ гласность, — «*не разбираючи лица...*» Не однимъ же столоначальникамъ въ городскомъ магистратѣ, не однимъ городничимъ и земскимъ исправникамъ принимать на себя всѣ неудобства гласности, не пользуясь ни однимъ изъ ея благодѣяній... Если невозможно примѣнять на дѣлѣ святыя слова о равенствѣ *всѣхъ* предъ закономъ и предъ судомъ общественнаго мнѣнія [1]), то пусть пока хоть въ вымыслѣ, въ фантазіи, въ повѣсти будетъ представляться и директоръ департамента, и очень государственный графъ, и т. п. Неужели прогрессъ нашей литературы и до этого еще не дорось? Вотъ посмотримъ... Теперь примѣръ поданъ въ повѣсти г. Жуковскаго, и мы нарочно останавливаемъ на ней вниманіе

[1]) Смыслъ словъ манифеста Александра II при вступленіи на престолъ.

нашихъ читателей, чтобы заявить этотъ первый дебютъ автора на новой ступени обличенія. Чтобы дать понятіе о его тонѣ и степени силы, приведемъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ.

Чиновники въ одномъ изъ отдѣленій какого-то департамента столпились въ кучу и разсуждаютъ о балѣ, который вчера задавалъ гдѣ-то графъ и на которомъ былъ начальникъ отдѣленія. Начальникъ отдѣленія, еще не старый человѣкъ, ломается передъ ними и, усѣвшись на столъ, пересыпаетъ изъ пустого въ порожнее. Входитъ новое лицо,—Рѣжинъ.

«А, вотъ и Григорій Петровичъ, сказалъ начальникъ отдѣленія, протягивая руку только-что вбѣжавшему чиновнику. Какъ ваше здоровье: что новаго, какъ дѣла, что его превосходительство и какъ графъ послѣ бала?—Въ отвѣтъ на такіе вопросы Григорій Петровичъ Рѣжинъ, высокій, сухой и смуглый мужчина, секретарь директора департамента, подалъ начальнику отдѣленія свою жилистую руку, сказавъ съ нѣкоторой ироніей, что его превосходительство ни свѣтъ, ни заря изволитъ бѣсноваться у себя въ кабинетѣ; а что графъ, вѣроятно, сегодня не будетъ, потому что съ полчаса тому назадъ экзекуторъ ѣздилъ, по приказанію его превосходительства, узнать о здоровьи, но что его сіятельство изволили еще почивать.—А вотъ полюбуйтесь, если это васъ интересуетъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ синей обертки, съ печатнымъ заголовкомъ «къ исполненію», какую-то бумагу.—Балы задавать своимъ содержанкамъ, это мы умѣемъ, на это намъ тысячъ не жаль, а несчастному чиновнику просятъ пятьдесятъ рублей, такъ жалко. На это у насъ достаетъ духу написать: «зачѣмъ женился, когда бѣденъ».

Всѣ чиновники, стоявшіе возлѣ, въѣлись въ бумагу, какъ мухи въ медъ. Къ нимъ подскочило сейчасъ же все, что было чиновничества въ комнатѣ, кромѣ канцелярскихъ, отъ чего кругомъ начальника отдѣленія произошла на минуту страшная давка. Замѣтивъ сумятицу, секретарь поспѣшилъ взять бумагу обратно изъ рукъ начальника отдѣленія; вслѣдъ за тѣмъ набѣжавшая толпа также разомъ отхлынула и кружокъ остался въ прежнемъ составѣ.

— Вотъ, поди, послѣ этого, набирай чиновниковъ. Правда, что каторжнѣе нашего вѣдомства нѣтъ службы, сказалъ секретарь.

— Вездѣ одинъ чортъ, отвѣтилъ начальникъ отдѣленія, тряхнувъ головой и принимаясь зѣвать.

— А требованія какія, Боже ты мой!—продолжалъ Рѣжинъ, который всегда былъ не прочь поговорить, а особенно о начальствѣ.—Намедни еще, я вамъ скажу, присылаетъ за мной курьера на домъ. Что за чертовщина, думаю?—А я только-что сѣлъ обѣдать; такъ противно стало, что ложки не проглотилъ, выплюнулъ, и аппетитъ пропалъ. Прихожу.—По вашему, говоритъ, столу записка?—По нашему.—Нужно переписать.—Что такое.—Поля не по формѣ; да къ завтрему непремѣнно.—Помилуйте, говорю, кого же мнѣ теперь заставить писать? Всѣ чиновники по домамъ. Да и какая машина справится съ такимъ письмомъ къ завтрему?—Знать, говоритъ, не хочу. Графъ не любитъ полей не по формѣ, а къ завтрему, чтобъ было готово, хоть сами пишите.—Ну и поѣхалъ я самъ отъискивать писарей. Никого не поймаешь. Ѣду уже назадъ, вижу, на мое счастье, Чернецкій за какими-то дамами увивается. Началъ ему такъ и такъ; отличиться, де, можете, вниманіе начальства заслужить, карьера и т. д., ну, какъ обыкновенно.—Силъ, говоритъ, нѣтъ,—грудь болитъ.—А по Невскому, говорю, шататься грудь не болитъ? Пожалуйте-ка въ департаментъ... Ну, и переписалъ за одну ночь. Какъ онъ это сдѣлалъ, до сихъ поръ понять не могу. Что жъ вы думаете? нужная записка до сихъ поръ въ кабинетѣ на окнѣ валяется.

— Какъ же вы хотите? на то служба,—возразилъ Междоумовъ. Съ насъ требуютъ, знать, и выше требуютъ.

— Какая служба! Фразеологія одна,—сказалъ секретарь; отчего при старомъ директорѣ этихъ требованій не было? А этотъ только бѣсноваться умѣетъ. Передъ графомъ все *да, да да*, какъ прикажете, а потомъ прибѣжитъ въ кабинетъ и рветъ на себѣ волосы.—Ахъ, я несчастный; есть ли человѣкъ, которому хуже меня на свѣтѣ? Есть, говоритъ: это женѣ моей.—А намъ развѣ лучше?

— Фразеологія!—Нѣтъ, изъ-за этой фразеологіи другіе всю жизнь бьются, и не могутъ руки набить,—отвѣтилъ Междоумовъ.

— Что жъ изъ этого всего выходитъ? Ну, вотъ мы здѣсь собрались; спрашиваю я васъ: что мы здѣсь дѣлаемъ? разговариваемъ, и изъ этихъ разговоровъ, кромѣ брани свыше да распеканій, для насъ ничего не выходитъ.

— Ну, какъ! есть же своя благородная и серьезная сторона въ службѣ, вмѣшался начальникъ отдѣленія: — исполненіе своей обязанности, наконецъ, желаніе пользы. Зачѣмъ же вы иначе служите?

— Ѣсть хочу, батюшка, да и вы тоже,—отвѣчалъ секретарь.—Вотъ моя польза и мои обязанности, если хотите знать: не успѣешь глазъ продрать, Николай Ивановичъ зоветъ; сядешь обѣдать, Николай Ивановичъ зоветъ. А зачѣмъ?—Принесите мнѣ это письмо въ 6-ть часовъ и напомните отвезти его туда-то.—Придите ко мнѣ въ 4 часа напомнить, что графъ приказалъ мнѣ съѣздить туда-то.—У графа на дачѣ щенки перебѣсились, что намъ дѣлать? Скачите скорѣе туда.—Только и покоя, когда знаешь, что легъ въ постель».

Цѣлая глава занята въ «Петербугскихъ ночахъ» изображеніемъ занятій чиновниковъ въ департаментѣ, и все это изображеніе очень живо. Есть нѣсколько чертъ, повторенныхъ изъ Гоголя, изъ «Утра дѣлового человѣка»; но есть и новыя, самостоятельныя наблюденія автора. Намъ показалось любопытнымъ и то, что авторъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ разговоровъ Бобрищева, не успокоивается на изображеніи всей этой дряни, а ищетъ исхода изъ омута, который самъ же изображаетъ. Исхода этого онъ, разумѣется, не находитъ, потому что ищетъ его, кажется, не совсѣмъ въ той сторонѣ, гдѣ нужно. Но вотъ какія рѣчи говорятъ другъ другу Рѣжинъ—уже довольно послужившій чиновникъ, и Бобрищевъ, только-что начавшій службу:

— Какъ вспомнишь, даже смѣшно станетъ, сказалъ Рѣжинъ, какъ вы расходились, когда у насъ былъ первый разговоръ съ вами. Теперь, говоритъ, служба не то, что была прежде. Чиновники совсѣмъ другіе, люди образованные, современные, всѣ служатъ дѣлу... Повѣрьте мнѣ, люди всегда какъ люди, а съ ними и обманъ. На крики

ума у всякаго хватитъ. Дѣла только, жаль, изъ пустословія не выжмешь; не то что дѣла, даже нашего бездѣлья изъ него не состряпаешь. Ну вотъ, вы, можетъ быть, пользы хотѣли; что, каково съ ней служится?

— Отчего жъ не послужить наконецъ, отвѣтилъ Бобрищевъ, пока нервы еще здоровы? они тверже и легче переносятъ всѣ непріятности; для нихъ многое нипочемъ, что невыносимо для человѣка, уже раздраженнаго. Будто нѣтъ ужъ, наконецъ, ни одного человѣка, который служилъ бы изъ влеченія къ дѣлу?

— Опять за старое,—возразилъ секретарь:— гдѣ жъ вы видѣли такихъ служакъ? не эти ли молодцы, что буквы *ъ* хорошенько не вытвердили, да лѣзутъ впередъ черезъ всѣ преграды? У нихъ ли есть влеченіе къ дѣлу, по-вашему? Я вотъ служу, такъ у меня нѣтъ никакихъ влеченій; мнѣ вотъ прикажутъ такого-то выгнать, потому что онъ изъ куска хлѣба служитъ, а на его мѣсто посадить вотъ этого, потому что онъ на службѣ про пользу разговариваетъ, а дома платки подаетъ, къ начальству въ гости ѣздитъ, около бабья трется и рекомендательныя письма вымаливаетъ,— я и пишу, и все напишу, что ни прикажутъ».

Въ отвѣтъ на жолчныя выходки Рѣжина Бобрищевъ говоритъ: «положимъ, что все скверно и подло; но вѣдь это насъ съ вами не оправдываетъ на бездѣйствіе. Нужно же имѣть сколько-нибудь хоть упрямства, если не характера». Рѣжинъ отвѣчаетъ на это: «было бы для чего; а то надсадить кулакъ недолго, да проку-то отъ этого мало». Затѣмъ онъ читаетъ Бобрищеву такую мораль:

«Молодость лобъ подставляетъ подъ все, что хотите; оно хорошо, да безполезно. Она ничего не хочетъ принять дурного: ей подавай одну добродѣтель. Славная вещь добродѣтель, спору нѣтъ, и молодой человѣкъ славная вещь, да жить-то съ ней одной нельзя. Пока сидишь за школьной скамьей, — ну, оно и ничего; а когда сунешься промежъ добрыхъ людей, оно и выходитъ, что или пропадай, или съ чортомъ знакомься. Будь подлецомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съумѣй остаться порядочнымъ человѣкомъ. Вотъ эквилибристика нашей жизни. А вы вотъ этого понять не хотите; все ищете брать прямо способностями да благородствомъ. Развѣ наши дѣла стоютъ способностей? Есть у насъ крупная, состарѣвшаяся бездарность — давайте ее сюда; а есть у васъ способности, — проходите далѣе; зачѣмъ ихъ губить попусту. Кажется, ясно?

— Куда же дальше?—спросилъ Бобрищевъ;— развѣ вездѣ, кромѣ своей комнаты, я не попаду въ тѣ же колодки и не принужденъ буду, какъ лакей, согнуть шею; да и тамъ еще насъ предостерегали съ дѣтства быть молчаливѣе тѣней.

— Учитесь въ такомъ случаѣ нашей эквилибристикѣ.

— Какъ ни кинь, все клинъ, стало быть, одинъ развратъ остается свободенъ,—кончилъ молодой человѣкъ, невольно забываясь и не выдерживая спокойнаго голоса...» (стр. 26).

Разсужденія Рѣжина подходятъ, конечно, къ той морали, которую проповѣдуетъ г. Ефимъ Дымманъ въ своей «Наукѣ жизни» [1]). Бобрищевъ возражаетъ, какъ видите, съ точки зрѣнія зеленоватаго либеральства. Немудрено, что они оба скоро сходятся въ результатѣ: Рѣжинъ махнулъ рукой на все и сдѣлался циникомъ служебной безнравственности; и Бобрищевъ тоже махаетъ рукой на все и готовъ сдѣлаться жрецомъ этого разврата, который *одинъ свободенъ*. Оба—не герои, какъ оказывается; Рѣжина можно даже положительно назвать негодяемъ, съ отвлеченной точки зрѣнія. Но къ чести автора надо сказать, что онъ умѣлъ понять это лицо болѣе живымъ образомъ: въ его изображеніи чувствуется протестъ не противъ личности Рѣжина и его поступковъ, а противъ жизни, которая сдѣлала его такимъ. Такое поставленіе личности Рѣжина доказываетъ, что авторъ или въ значительной степени обладаетъ художническимъ тактомъ, или добился такихъ выводовъ силою размышленія. Судя по исполненію всей повѣсти, мы не сомнѣваемся, что послѣднее предположеніе справедливѣе [1]). Но въ такомъ случаѣ мы пожелаемъ автору, чтобы онъ не остановился на безвыходныхъ сожалѣніяхъ своихъ героевъ, а додумался за нихъ до какого-нибудь рѣшенія.

«Было бы для чего дѣйствовать, а то надсадить кулакъ не долго, да проку-то отъ этого мало».

Такъ говоритъ у г. Жуковскаго Рѣжинъ, и въ словахъ его нельзя не признать нѣкоторой доли справедливости. Но въ томъ-то и задача общественнаго дѣятеля, чтобы не надсаживать кулака понапрасну, а бить прямо по больному мѣсту современнаго общества. Наша общая болѣзнь состоитъ въ недостаткѣ личной самостоятельности, въ разслабленіи воли; поэтому общественный дѣятель прежде всего долженъ укрѣпить свою волю противъ всѣхъ внѣшнихъ соблазновъ и посторонихъ покушеній, долженъ, сознавши условность и несправедливость существующихъ въ обществѣ отношеній и обычаевъ, сознать и то, что онъ долженъ рѣшительно оградить себя отъ нихъ и идти на ихъ ниспроверженіе, чего бы это ни стоило. Явись подобная мысль въ сознаніи Бобрищева или Рѣжина,—разговоръ ихъ принялъ бы не такой оборотъ: съ первыхъ двухъ словъ согласившись въ гадости и подлости окружающаго ихъ порядка, третьимъ словомъ они бы сдѣлали уже вопросъ: «какими средствами измѣнить этотъ ненавистный для нихъ порядокъ?»

Вообще говоря, повѣсть г. Жуковскаго

---

[1]) См. № 303.

[1]) И, дѣйствительно, Юл. Жуковскій не былъ художникомъ, а впослѣдствіи сталъ ученымъ, экономистомъ и публицистомъ въ томъ же «Современникѣ».

можетъ навести на хорошія мысли, хотя сама повѣсть и не можетъ быть названа хорошею. Она длинна, скучна, наполнена сентенціями, не имѣетъ никакой цѣльности, никакой внутренней связи и, будучи основана на любви Бобрищева къ падшей, но благородной женщинѣ, исполнена мелодраматизма. Мы о ней не стали бы и говорить, если бы въ ней не обнаруживалось, что авторъ — серьезно-мыслящій человѣкъ, и если бы въ ней не замѣтили мы образчика обличеній нѣсколько въ новой сферѣ.

Насъ многіе обвиняютъ, что мы смѣемся надъ обличительной литературой и надъ самой гласностью; но мы никому не уступимъ въ горячей любви къ обличенію и гласности, и едва ли найдется кто-нибудь, кто желалъ бы придать имъ болѣе широкіе размѣры, чѣмъ мы желаемъ. Оттого-то вѣдь и смѣхъ нашъ происходитъ: мы хотимъ болѣе цѣльнаго и основательнаго образа дѣйствій, а насъ подчуютъ какими-то ребяческими выходками, да еще хотятъ, чтобъ мы были довольны и восхищались. Мы каждый день, чуть не каждый часъ, должны претерпѣвать слѣдующую исторію. Нужно намъ ѣхать изъ Петербурга въ Москву; дорога извѣстная, хлопотъ немного, и мы очень спокойно собираемся въ путь. У самаго дебаркадера встрѣчаетъ насъ услужливый пріятель, который тоже ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, и предлагаетъ за насъ похлопотать—и билеты взять, и вещи отправить. И дѣйствительно, пріятель все устроиваетъ, мы садимся въ вагонъ, спрашиваемъ у пріятеля билеты,—оказывается, что билеты взяты имъ только до Колпина, и вещи тоже до Колпина отправлены. «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» спрашиваемъ его. Онъ вдругъ дѣлается недоволенъ, обижается и начинаетъ толковать, что мы любимъ скачки, хотимъ все дѣлать вдругъ, что, ѣхавши въ Москву, Колпина не миновать, что нужно прежде всего думать о ближайшей цѣли, а потомъ ужъ, пріѣхавши въ Колпино, заботиться о томъ, какъ ѣхать дальше. Разумѣется, все это смѣшно слушать, когда знаешь, какъ эти вещи обыкновенно дѣлаются на желѣзныхъ дорогахъ. Но по слабости характера мы позволяемъ пріятелю еще разъ распорядиться нашими деньгами и взять для насъ билеты въ Москву; а онъ пойдетъ да опять возьметъ—до Любани. И опять начнетъ ту же философію о постепенномъ подвиганіи впередъ. Да этакъ-то всю дорогу!... Да если еще вся жизнь въ безпрестанной ѣздѣ проходитъ! Да если видишь, что услужливый пріятель, потерявъ кредитъ у насъ, къ другимъ обращается и съ другими каждый разъ такія же продѣлки повторяетъ, съ тѣми же разсужденіями!.. Поневолѣ иной разъ разсмѣешься и поглумишься, хоть и невесело.... А добрые люди изъ этого Богъ знаетъ что̀ выводятъ! Говорятъ, что мы пользы желѣзныхъ дорогъ не признаемъ, въ дружбу не вѣруемъ, промежуточныя станціи хотимъ уничтожить.... [1]).

Впрочемъ, видя безпрестанно людей, плетущихся отъ станціи до станціи, мы даже отчасти примиряемся съ ними и смѣемся только уже тогда, когда они принимаются наивно восхвалять свой образъ путешествій. И въ этомъ случаѣ мы уже съ любовью смотримъ на людей, которые утверждаютъ, что не нужно мѣнять билетъ на каждой станціи, а можно запасаться имъ на двѣ и на три, или даже взять одинъ билетъ до Бологого напр. Мы тотчасъ самымъ радушнымъ образомъ привѣтствуемъ такихъ людей, питая сладкую надежду, что, можетъ быть, они придутъ наконецъ и къ тому убѣжденію, что можно и прямо въ Москву брать билетъ изъ Петербурга. Такъ въ настоящемъ случаѣ привѣтствуемъ мы и г. Жуковскаго, который ѣдетъ, кажется, чуть ли не до Твери или по крайней мѣрѣ до Вышняго Волочка, съ однимъ билетомъ. При этомъ мы только посовѣтуемъ ему въ будущихъ путешествіяхъ—не брать съ собой дрянного и ненужнаго багажа, которымъ загромождена его нынѣшняя повѣсть.

Но г. Жуковскому даже вовсе и нужды нѣтъ писать повѣсти: у него есть занятіе, обѣщающее, кажется, быть гораздо болѣе благодарнымъ для него. Онъ съ успѣхомъ можетъ заниматься русской исторіей и правомъ, какъ свидѣтельствуетъ статья его, также помѣщенная въ «Веснѣ»: «Общественныя отношенія Россіи съ точки зрѣнія исторической науки права». Статья эта любопытна въ томъ отношеніи, что тоже представляетъ исканіе выхода изъ тѣхъ недоумѣній, которыя возбуждаются въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ настоящимъ порядкомъ дѣлъ. Намъ кажется, что г. Жуковскій довольно близко подошелъ къ выходу; но мы не знаемъ, видитъ ли онъ самъ этотъ выходъ. Статья его представляетъ собственно очеркъ исторіи крѣпостныхъ отношеній въ Россіи и указаніе на ихъ значеніе въ жизни русскаго народа. Смыслъ всей статьи въ томъ, что *на этомъ правѣ или на этихъ отношеніяхъ выросла вѣками вся общественная организація Россіи, вся ея цивилизація и государственность* (стр. 255). Въ объясненіе своей мысли авторъ дѣлаетъ маленькую параллель между нашей и европейской исторіею

---

[1]) Ясный отвѣтъ Герцену (см. замѣтку къ № 298).

и находитъ слѣдующую существенную разницу. Въ европейской исторіи, какъ и у насъ, государство образовалось централизаціей; но «въ государствахъ западной Европы централизація выростала, *опираясь на угнетеніе частно-владѣльческихъ началъ; въ Россіи же она выростала, именно опираясь на эти начала*» (стр. 255). Порядокъ мыслей, доказывающихъ у г. Жуковскаго это положеніе, слѣдующій. Централизующимъ началомъ былъ у насъ элементъ пришлый, варяжскій; но отношенія, въ которыя съ самаго начала княжескій родъ и дружина стали къ славянскому быту, были лишены поземельнаго характера и оставались долгое время чисто личными. При обширности земли и при ея малонаселенности она ничего не стоила, и потому въ древней Руси цѣнилось постоянно не пространство владѣемой земли, а большее или меньшее количество людей, поставленныхъ въ личную зависимость отъ князя или вообще владѣльца. Народъ не сидѣлъ на одномъ мѣстѣ; крестьяне очень часто бросали свои участки и переходили на другіе, болѣе удобные; земля же, оставленная впустѣ, не могла имѣть никакой цѣны. Отсюда въ князьяхъ постоянно замѣчается забота о томъ, чтобы какъ можно болѣе вытребовать подати и всякаго рода поборовъ, безъ всякой заботливости объ упроченіи благосостоянія земства. Они знали, что земство это—сегодня здѣсь, а завтра можетъ уйти, и потому хлопотали единственно о томъ, чтобы не выпустить изъ рукъ сегодняшней своей доли. Поэтому и само управленіе приняло кочевой характеръ, и, въ противоположность Европѣ, съ самаго начала развилось у насъ *кормленіе*, а не поземельная собственность.—Служилое сословіе тоже кочевало, переѣзжая отъ князя къ князю. Осѣдлость самихъ князей начинается со времени Владимірскаго княжества, и тутъ же организуется поземельный сборъ по сохамъ, вытямъ и пр., взимавшійся съ общины. При сборѣ этомъ князья воспользовались первобытной общиной, существовавшей у славянъ, и заставили ее уплачивать поземельную подать, несмотря на выбывавшихъ членовъ. Это обстоятельство помѣшало, разумѣется, дальнѣйшей организаціи у насъ общинъ, такъ какъ населеніе еще не имѣло прочныхъ началъ для развитія у себя земскаго самоуправленія, а князья старались наложить какъ можно крѣпче свою руку на общину. Отсюда происходятъ постоянныя жалобы крестьянъ, что имъ не въ мочь платить за всѣхъ выбылыхъ членовъ общины, и наконецъ—переходы цѣлыхъ селеній съ однихъ участковъ на другіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и кормленщики, получавшіе отъ князей округи въ кормленіе, на извѣстныхъ условіяхъ, тоже должны были бродить съ мѣста на мѣсто и нерѣдко отъѣзжать отъ одного князя къ другому. Разумѣется, они не оставались равнодушными къ собиранію подати съ земства и постоянно старались содрать какъ можно больше; отсюда безпрестанныя жалобы древней Руси на безконечныя притѣсненія и открытый грабежъ бояръ и чиновниковъ княжескихъ. Вотчинное право начинается собственно избавленіемъ земель, — сначала монастырскихъ и духовныхъ, а потомъ и частныхъ лицъ, — отъ вліянія кормленщиковъ; затѣмъ, для отвращенія своеволія и переѣздовъ бояръ является уже раздача имъ самимъ вотчинъ, вмѣсто кормленія. Но вотчина могла быть выгодна только при возможности владѣть ею обезпеченно; а между тѣмъ, при возможности перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, не было никакого обезпеченія для владѣльца. Отсюда, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ удѣльной системы, начинается со стороны центральной власти рядъ мѣръ, противодѣйствовавшихъ переходу крестьянъ и все болѣе скрѣплявшихъ союзъ князей съ боярами и всякими служилыми людьми. Связь двухъ этихъ обстоятельствъ г. Жуковскій выражаетъ такимъ образомъ:

«На первомъ планѣ въ противорѣчіи съ в. княжеской властью стояли слуги и бояре, сильные своимъ правомъ отъѣзда и мелкими родовыми притязаніями. Права послѣдняго рода образовались отъ чиновъ и должностей двороваго управленія, сдѣлавшихся наслѣдственными. Родовая честь возникла здѣсь сама собою, приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ держится холопская гордость въ частныхъ вотчинахъ. Сынъ камердинера хочетъ быть не меньше, какъ лакеемъ и т. д. Центральная власть сломила эти мелкія, но упорныя сопротивленія и провела лично-зависимыя отношенія къ служилымъ людямъ до крайняго результата, обративъ бояръ въ холоповъ. Но зависимость эта все-таки была недостаточна; основанная преимущественно на политической силѣ, она не имѣла матеріальной опоры въ самыхъ соціальныхъ отношеніяхъ этого класса, а потому все-таки, какъ чисто-личная зависимость, была шатка и ненадежна. Главнымъ опредѣляющимъ условіемъ, какъ въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ верховной власти, такъ и въ отношеніи земства къ этому классу должна была сдѣлаться земля.

«Тогда только могла родиться крѣпкая, надежная связь между этими общественными элементами, а верховная власть—поставить въ прочную зависимость отъ себя всѣ состоянія и успѣшно дѣйствовать на нихъ. Для этого нужно было, во-первыхъ, прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, во-вторыхъ, обложить право владѣнія такими населенными землями обязательствомъ царской службы».

Ограниченія перехода видны во многихъ договорахъ московскихъ князей; срокъ перехода опредѣленъ въ XV в., въ Судебникѣ Іоанна III; мѣры закрѣпленія являются съ

конца XVI в. Раздача вотчинъ тоже начинается съ XIV в.; въ XVI усиливается и переходитъ изъ пожалованья уже въ простую продажу, затѣмъ являются помѣстные оклады; такъ что въ XVII ст. свободной казенной земли оставалось уже чрезвычайно мало.

Сдѣлавъ этотъ историческій очеркъ, небогатый фактическими подробностями, но группирующій факты, уже извѣстные, нѣсколько иначе, чѣмъ какъ это дѣлалось прежде, г. Жуковскій дѣлаетъ слѣдующее заключеніе, которое, несмотря на очень тяжеловатую форму изложенія, любопытно по нѣкоторымъ изъ содержащихся въ немъ соображеніямъ:

«Такимъ-то образомъ, къ XVIII столѣтію, сложилась на крѣпостныхъ основаніяхъ общественная жизнь Россіи, и сложилась при томъ принудительно. Основанія эти, какъ мы видѣли, не были слѣдствіемъ соціальнаго броженія, достигшаго извѣстныхъ формъ кристаллизаціи, если можно такъ выразиться, свободнымъ произведеніемъ той союзной силы, болѣе или менѣе присущей историческому народу, которая постоянно творитъ и разлагаетъ, переливая нравственный бытъ даннаго народа изъ одной формы въ другую, и въ силу которой государство выростаетъ само-собою изъ соціальной почвы, какъ было тамъ, напримѣръ, гдѣ эта союзная сила была особенно присуща народному характеру, гдѣ народъ, можно сказать, самъ творилъ свою жизнь и гдѣ, поэтому, внѣшнія событія его жизни, какъ политическаго тѣла, всегда лежали на сердцѣ этого народа. У насъ, напротивъ того, союзная сила была слаба настолько, что она не могла сложить нашей жизни сама отъ себя. На западѣ Россіи, гдѣ первыя формы общежитія въ видѣ родовыхъ общинъ явились, какъ непосредственное данное, эти формы не могли развиваться далѣе самостоятельно. Сознавая свое безсиліе, онѣ сами призвали на себя внѣшнюю, централизующую власть, въ безплодной борьбѣ съ которой потомъ прошелъ блестящій періодъ ихъ существованія, кончившійся политическою смертію жизни, занявшейся здѣсь довольно шумно; а внѣшняя власть, въ свою очередь, томясь въ безплодныхъ спорахъ съ историческимъ содержаніемъ мѣстной жизни, была отброшена на востокъ Россіи и здѣсь заложила свой централизующій лагерь, передъ которымъ въ половинѣ XVI вѣка положила оружіе безпокойная жизнь удѣльной Россіи, кончая Новгородомъ и Псковомъ. Но здѣсь централизація не могла стать на степень народной власти и заложить среди всеобщаго броженія народныхъ массъ, среди жизни кочующей, разложенной почти до просто собирательнаго отношенія лицъ, своеобразныхъ общественныхъ союзовъ, не наложивъ ярма крѣпостныхъ отношеній на всѣ лица и состоянія.

«Такимъ образомъ укрѣпленіе не ограничивалось одними крестьянами, а распространялось и на служилыхъ людей; словомъ, имъ разрѣшался общій вопросъ осѣдлости общественныхъ массъ,— образованія тѣхъ прочныхъ поземельныхъ отношеній, которыя не могли установиться сами собою, по малоцѣнности земли, и образованіе которыхъ во всякомъ случаѣ было необходимо для крѣпости государства и централизаціи. Послѣ этого понятно, какую роль долженъ былъ играть въ развитіи русской соціализаціи крѣпостной союзъ. Заложенный въ корень общественныхъ учрежденій, онъ поневолѣ долженъ былъ проникнуть всѣ стороны жизни, имѣя задачу вынести на своихъ тяжелыхъ крыльяхъ русскую жизнь изъ средневѣкового броженія въ дѣятельность настоящаго и прошлаго столѣтій, и дать Россіи ту внутреннюю крѣпость и силу, которыя позволили ей играть такую роль въ судьбахъ Европы. Здѣсь фактами Русской исторіи договорились мы до того положенія, что государство должно опираться непремѣнно на соотвѣтствующія ему формы соціализаціи, а гдѣ этихъ формъ не подготовила исторія, тамъ государство, налагаясь сверху, неизбѣжно создаетъ само себѣ своеобразную соціальную почву. Такую-то соціальную почву подготовила у насъ центральная власть. И теперь она была сильна, она была народна и соціальна потому, что народъ принялъ какъ нельзя легче эти крѣпостныя основанія; бояре и земледѣльцы,— все стало въ поземельно крѣпкія отношенія къ центральной власти.

«Съ тѣхъ поръ прошло почти два столѣтія. Русская жизнь, утвержденная на такихъ основаніяхъ, все крѣпче и тверже привязывалась къ нимъ, проводя и развивая ихъ внутри себя до послѣднихъ крайностей. Она не сдѣлала шага въ сторону отъ крѣпостныхъ связей; напротивъ того, власть помѣщиковъ надъ крестьянами становилась все тверже, а они оставались все тѣми же усердными слугами центральной власти. Эта власть пробовала освободить ихъ отъ обязательной службы, но обязательство это осталось соціально во всей силѣ. Вмѣстѣ съ указомъ, разрѣшившимъ обязательную службу, вышли на сцену ордена, которые, вмѣстѣ съ чинами и опасеніемъ лишиться дворянскаго достоинства и помѣстья, въ случаѣ неслуженія двухъ дворянскихъ поколѣній сряду, сдѣлали то, что для дворянина понынѣ считаются возможнымъ только два состоянія: служба или управленіе своимъ помѣстьемъ. Та же власть пробовала вывести дворянство отчасти изъ его личнаго разъединенія и дать ему видъ и принадлежности сословія.

«Обращаясь затѣмъ къ дальнѣйшей дѣятельности центральной власти, мы видимъ, что, совершивъ дѣло общаго закрѣпленія, она оставила общественную жизнь развиваться по этимъ основаніямъ, а сама бросила Москву, бросила старую Россію и зажила европейскою жизнью. Она имѣла свое XVIII столѣтіе, свой вѣкъ военныхъ побѣдъ и внѣшней силы и славы, свою придворную хронику, свою литературу даже. Среди безпорядковъ, наполнявшихъ исторію первой половины настоящаго столѣтія на западѣ Европы, она безбоязненно торжествовала, отдыхая на своихъ орлахъ, славу своего оружія и политическую силу. Но не оружіе и не штыки дали ей эту крѣпость и силу, ихъ дали тѣ соціальныя основанія, на которыхъ держалась общественная жизнь народа, которымъ она правила.

«Въ виду всего сказаннаго, въ виду той роли, какую играли у насъ вотчинныя отношенія, спрашивается теперь, можно ли смотрѣть на вопросъ о нихъ у насъ, какъ на застарѣвшее право, за предѣлы котораго давно перешло соціальное развитіе страны, какъ на частное дѣло крестьянъ и помѣщиковъ? Не ясно ли только одно изъ предыдущаго,—что ближайшіе результаты этого дѣла не разрѣшаютъ еще вполнѣ вопроса нашихъ общественныхъ отношеній».

Итакъ, заключительное слово г. Жуковскаго то, что вопросъ еще *не разрѣшается вполнѣ*. Конечно, такъ; но изъ фактовъ, выставляемыхъ самимъ г. Жуковскимъ, ясно,

кажется, что рѣшеніе близко, и что оно должно быть не въ пользу централизаціи. По словамъ самого же г. Жуковскаго, «централизація подготовила себѣ соціальную почву въ крѣпостныхъ отношеніяхъ и на этой почвѣ могла спокойно строить свое внѣшнее могущество». Изъ этого можно бы, конечно, вывести заключеніе, что крѣпостныя связи, глубоко укоренившись въ русской жизни, должны оставаться неприкосновенными, какъ опора русскаго политическаго могущества. Но заключеніе это было бы справедливо только въ томъ случаѣ, если принять, что эти отношенія вполнѣ устраиваютъ благосостояніе народа и приходятся ему по духу и по нраву; а самъ же авторъ статьи сознается, что указанная имъ *соціальная почва* подготовлялась единственно въ интересахъ центральной власти, а никакъ не въ выгодахъ земства, и что общественная жизнь Россіи на крѣпостныхъ основаніяхъ сложилась *принудительно*, только вслѣдствіе отсутствія союзной силы въ народѣ. Поэтому мы можемъ сказать, что соціальное развитіе страны вовсе не имѣетъ надобности *переходить за предѣлы* наложенныхъ на народъ отношеній, потому что оно никогда и не входило въ эти предѣлы: *ближайшіе результаты*, о которыхъ говоритъ г. Жуковскій въ концѣ статьи, доказываютъ, что общественная жизнь народа уже не держится на тѣхъ соціальныхъ основаніяхъ, которыя созданы у насъ централизаціею. Значитъ, для народной силы нѣтъ никакой опасности отъ измѣненія этихъ основаній. Они нужны были для централизаціи и принудительно наложены ею на народъ; но когда централизація совершилась и не нужна болѣе для народнаго могущества, тогда естественно должны падать и опоры, на которыхъ она держалась. На этомъ основаніи, въ вопросѣ, разсматриваемомъ г. Жуковскимъ, мы, вовсе не заботясь о централизаціи, совершенно отдѣляемъ ея дѣло отъ дѣла народа. На стр. 273 г. Жуковскій непомѣрно восхищается централизаціей, говоря, что «ни одинъ народъ Европы не обязанъ ей столько своимъ развитіемъ, какъ русскіе», и проч... Но мы съ нимъ въ этомъ случаѣ должны нѣсколько разойтись. Въ прошломъ мѣсяцѣ (въ статьѣ г. Чернышевскаго о г. Чичеринѣ) высказано было въ «Современникѣ» мнѣніе о французской централизаціи, и между прочимъ показано, должно ли считать народъ *обязаннымъ* централизаціи за что-нибудь. Отсылая читателей къ этой статьѣ, мы здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что и къ исторіи Московскаго княжества можно отнести нѣкоторыя изъ объясненій, сдѣланныхъ г. Чернышевскимъ относительно французской централизаціи. Впрочемъ, и самъ г. Жуковскій почти подтверждаетъ это въ тѣхъ мѣстахъ статьи, гдѣ онъ говоритъ, что центральная власть дѣйствовала единственно въ своихъ интересахъ... Да и невозможно, чтобы г. Жуковскій вообще былъ поборникомъ централизаціи: въ его же собственной повѣсти такъ ярко выставлены нѣкоторыя изъ нелѣпостей, происходящихъ вслѣдствіе ея!.. Онъ восхваляетъ ее, конечно, только въ смыслѣ историческаго стимула народной жизни; но и то, по нашему мнѣнію, несправедливо. Впрочемъ, вопросъ этотъ можетъ быть еще предметомъ многихъ разсужденій. Мы теперь заговорили о немъ только потому, что намъ хотѣлось бы, если возможно, предостеречь г. Жуковскаго отъ одностороннихъ увлеченій, въ какія впадаютъ иногда наши ученые, какъ напр. г. Чичеринъ. Вообще, мы сочли нужнымъ съ нѣкоторою подробностью разсмотрѣть оба произведенія г. Жуковскаго въ «Веснѣ», потому что авторъ ихъ, въ первый разъ, кажется, встрѣчающійся намъ въ печати, принадлежитъ къ такимъ явленіямъ въ нашей литературѣ, которыхъ не слѣдуетъ пропускать безъ вниманія.

---

305. Исторія Австріи.

Сочиненіе графа *Майлата*. Перев. съ нѣмецкаго. Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 303. Помимо прямого желанія Добролюбова обратить вниманіе публики на вредную и нелѣпую книгу Майлаты, имъ, очевидно, руководило и желаніе поговорить о книгѣ Лебедева, для чего нуженъ былъ предлогъ. Дѣло въ томъ, что «Русскій Инвалидъ», редактировавшійся Лебедевымъ, умѣлъ въ то время влѣзть въ довѣріе публики, готовой забыть о томъ, что это одинъ изъ органовъ правительства. Это довѣріе получалось очень хитро: по вопросамъ въ родѣ правъ евреевъ казенная

газета высказывалась довольно либерально, потому что это ровно ни къ чему не вело— евреи, все-таки, никакихъ серьезныхъ правъ не получали,—но зато въ области оцѣнки явленій западно-европейской жизни, которыя такъ привлекали тогда вниманіе русскаго общества, особенно итальянскія дѣла, она держалась очень недостойно и тѣмъ служила службу: газеты и журналы могли заимствовать политическія извѣстія только изъ двухъ казенныхъ изданій—«Русскаго Инвалида» и «Journal de St.-Pétersbourg»... Какъ-разъ во время появленія этой статьи «Русскій Инвалидъ» не мало набивалъ вздору въ головы русскаго читателя относительно Италіи; правительство вообще боялось одушевленія русскихъ на этой почвѣ и начавшагося широкаго движенія добровольцевъ въ Италію... Но говорить о «Русскомъ Инвалидѣ» нельзя было,—Добролюбовъ заговорилъ о редакторѣ его, надѣясь, что этимъ дастъ оцѣнку и руководимой имъ газетѣ.

М. Л.

Графъ Майлатъ — венгерецъ знатнаго рода, отличившійся вѣрной службою Австріи въ довольно важныхъ должностяхъ, ораторствовавшій въ пользу австрійскаго правительства въ 1848 г., поклонникъ Габсбургскаго дома и іезуитовъ. Столь почтенный мужъ, пользующійся въ Венгріи репутаціей ренегата, сочинилъ очень обширную и ученую исторію Австріи. Трудъ его такъ понравился австрійскому правительству, что оно поручило автору составить изъ него сокращеніе, для введенія въ руководство въ австрійскихъ школахъ. Это самое сокращеніе предлагается теперь русской публикѣ въ очень сносномъ переводѣ, довольно слѣпо напечатанное на сѣроватой бумагѣ.

Кажется, этимъ уже все сказано о книгѣ графа Майлата; послѣ сообщенныхъ нами свѣдѣній, мы считаемъ разборъ ея совершенно ненужнымъ. Насъ гораздо болѣе занимаетъ вопросъ: зачѣмъ неизвѣстный переводчикъ потратилъ свой трудъ на такую книгу, которая систематически, сознательно и злонамѣренно лжетъ съ начала до конца?

Вопросъ этотъ задавалъ себѣ и самъ переводчикъ, очень хорошо знавшій, какъ оказывается изъ предисловія къ переводу, блестящія качества книги Майлата. Переводчикъ замѣчаетъ, что сокращеніе Майлата значительно искажено даже сравнительно съ тѣмъ самымъ сочиненіемъ, изъ котораго извлечено. Напр., изъ обширной исторіи Австріи, написанной Майлатомъ, можно видѣть, что Австрія — государство новое, случайное, не имѣющее корней ни въ какой народности; въ сокращеніи это очень тщательно скрыто, и Австрія изображается государствомъ, искони существующимъ, имѣвшимъ свою отличительную, установившуюся народность еще въ XV в. Богемія и Венгрія съ самыхъ древнихъ временъ представляются какъ-то входящими въ составъ Австрійской имперіи, и народныя войны ихъ постоянно называются возмущеніями... Милосердное и просвѣщенное правительство, мудрое внутреннее устройство, побѣдоносная армія, и т. п., рисуются, конечно, яркими чертами. Переводчикъ самъ указываетъ въ предисловіи на нѣкоторые факты, искаженные или утаенные Майлатомъ въ «Сокращенной исторіи Австріи», и сознается, что русскому переводчику нужно было бы оговорить ихъ въ примѣчаніяхъ. «Но,—прибавляетъ онъ,—пропуски многочисленны, и *пришлось бы всю книгу испестрить примѣчаніями*». Какъ это вамъ нравится? Книга такъ плоха, что и поправить ее трудно: нужно всю перемарать и передѣлать. Таковъ вѣдь, кажется, смыслъ словъ переводчика? Хорошая же рекомендація для читателя! Но переводчикъ идетъ еще дальше: онъ считаетъ нужнымъ *предостеречь* читателя отъ переведенной имъ книги и считаетъ для очистки своей совѣсти совершенно *достаточнымъ* слѣдующее замѣчаніе:

> «Можетъ быть, для *предостереженія* читателя достаточно будетъ и одного слѣдующаго извѣстія: издаваемая нами книга введена, по распоряженію австрійскаго правительства, въ австрійскія учебныя заведенія. Нужно ли что прибавлять?» (Пред., стр. III).

Наше изумленіе все увеличивается. «Такъ зачѣмъ, наконецъ, переведена и издана эта книга?»—спрашиваемъ мы еще разъ. Предисловіе отвѣчаетъ: «не безъ причины». Какая же причина?—Ихъ двѣ: одна та, что исторію Австріи знать намъ нужно, а на русскомъ языкѣ нѣтъ никакой исторіи. Эта причина, по нашему мнѣнію, совершенно неосновательна: во-первыхъ, для перевода можно было выбрать что-нибудь не столь нелѣпое; а во-вторыхъ, лучше совсѣмъ не знать предмета, нежели имѣть о немъ совершенно превратное понятіе. Незнаніе хочетъ учиться, а ложное знаніе стремится къ ошибочнымъ выводамъ. Изъ «Исторіи Австріи» Майлата мы ничего не узнаемъ объ Австріи, кромѣ внѣшней послѣдовательности событій, извѣстныхъ намъ изъ курса всеобщей исторіи. Къ чему же было и трудиться надъ ея переводомъ? Неужели для знанія исторіи народа необходимо нуженъ ея учебникъ, оффиціально введенный

въ школахъ? Неужто нѣмцу, желающему узнать исторію Россіи, необходимо перевести учебникъ Устрялова?

Другая причина, приводимая переводчикомъ, еще страннѣе. Вотъ какъ она выражена въ предисловіи:

«Эти мнѣнія (приводимыя въ исторіи Майлата), кажется, безвредны для русскихъ читателей, послѣ опытовъ послѣдняго десятилѣтія. Пусть, напримѣръ, на русскомъ языкѣ читаются похвалы умѣренности и милосердію Австріи. Газеты, сообщающія о разстрѣливаніи итальянцевъ, не хотѣвшихъ стрѣлять въ хорватовъ, печатаются, слава Богу, также на русскомъ языкѣ. Да и память о венграхъ, отдавшихся въ плѣнъ русскимъ и убитыхъ австрійцами, и личное знакомство русской арміи съ *побѣдоносною* австрійскою — убѣдительнѣе всѣхъ книгъ. Безъ примѣчаній переводчика вспомнитъ читатель — и о избіеніи галицкаго дворянства, и о подвигахъ князя Виндишгреца въ Прагѣ, и о венгерскихъ дамахъ, которыхъ баронъ Гайнау счелъ нужнымъ наказать розгами (пред., IV).

И это опять-таки не резонъ. Если слѣдовать логикѣ переводчика, то можно врать все, что придетъ въ голову, оправдываясь тѣмъ, что «вѣдь вы можете узнать правду изъ другихъ источниковъ». Положимъ, что и такъ, положимъ, что моя ложь и не будетъ вредна, но все-таки зачѣмъ же лгать? Неужели для русской публики нуженъ на что-нибудь переводъ, напр., всеобщей исторіи, употребляющейся въ іезуитскихъ школахъ и признающихъ реформацію дѣломъ діавола, Филиппа II — образцомъ всѣхъ добродѣтелей, смерть Генриха IV — Божескимъ наказаніемъ за нетвердость въ католицизмѣ, и пр.?

Къ мнѣнію о томъ, что для русскихъ безвредны ложныя книги объ Австріи, переводчикъ прибавляетъ, что знать ихъ даже полезно намъ, потому что изъ книгъ этихъ, и именно изъ Майлата, многія понятія и воззрѣнія перешли въ умы многихъ славянъ, венгерцевъ и нѣмцевъ, съ которыми намъ придется имѣть умственное общеніе. «Намъ небезполезно узнать ихъ прежде, чѣмъ мы вступимъ въ прямую бесѣду съ людьми, воспитавшимися въ австрійскихъ школахъ, подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ учебныхъ чиновниковъ». Но тутъ неизвѣстный переводчикъ вдвойнѣ ошибается: напрасно полагаетъ онъ, что мнѣнія, излагаемыя Майлатомъ, могутъ быть только у людей, «воспитавшихся подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ учебныхъ чиновниковъ»; напрасно также онъ думаетъ, что для насъ подобныя мнѣнія совершенно безвредны и никѣмъ у насъ не могутъ быть раздѣляемы. Мы беремся доказать ему противное, и случай намъ въ этомъ очень благопріятствуетъ: у насъ въ эту минуту находится подъ руками книга, изданная уже восемь лѣтъ тому назадъ, но недавно, по поводу политическихъ событій, вновь публикованная авторомъ: «Графъ Радецкій и его походы въ Италіи въ 1848 и 1849 гг.». Авторъ этой книги, г. П. Лебедевъ, генеральнаго штаба подполковникъ, императорской военной академіи профессоръ и «Русскаго Инвалида» редакторъ, — лицо, стало быть, компетентное. Раскройте же его книгу и посмотрите: какая разница въ его понятіяхъ объ Австріи отъ понятій графа Майлата? Развѣ только та, что у Майлата образъ выраженій умѣреннѣе, а у г. Лебедева гораздо болѣе военнаго краснорѣчія. А впрочемъ—они совершенно другъ съ другомъ сходятся. Возьмемъ для сравненія хоть то мѣсто изъ Майлата, гдѣ говорится объ Итальянской войнѣ 1848—1849 г. Кстати же теперь это предметъ современный.

Въ Миланѣ поднялась буря, какъ скоро туда достигла вѣсть о вѣнскихъ событіяхъ. Борьба продолжалась уже два дня, когда фельдмаршалъ Радецкій получилъ извѣстіе, что сардинскій король, Карлъ-Альбертъ, съ сильнымъ войскомъ перешелъ черезъ границу, *хотя еще незадолго предъ тѣмъ увѣрялъ въ своемъ миролюбіи*. Радецкій тотчасъ же выступилъ и занялъ крѣпкое положеніе близъ Вероны.

Между тѣмъ, въ тылу у Радецкаго поднялась Венеціанская область, и въ самой Венеціи была провозглашена республика. *Все спасеніе Австрійской монархіи* зависѣло отъ войска Радецкаго. *Карлъ-Альбертъ напалъ на него при Санта-Лючіи и былъ разбитъ*. Радецкій пошелъ на Виченцу и въ одинъ день взялъ ее. Резервная армія, подъ предводительствомъ Нугента, покорила всю Венеціанскую область и приготовила путь для Радецкаго. *Послѣ трехдневныхъ блестящихъ сраженій произошла битва при Кустоци*, и сардинцы были вполнѣ разбиты. Они бѣжали изъ Ломбардіи и заключили перемиріе» (стр. 398).

Вотъ вамъ и вся кампанія 1848 г. Кто хоть немного знаетъ исторію похода Радецкаго въ 1848 г., тотъ, конечно, не въ силахъ будетъ удержаться отъ смѣха, читая такое изложеніе. Это вѣдь все равно, какъ разсказать, напр., войну 1812 г. такимъ образомъ:

«Наполеонъ пошелъ на Россію съ огромнымъ войскомъ. Вся надежда Россіи была возложена на ея храбрыхъ полководцевъ и вѣрную армію. Войска наши тотчасъ выступили и заняли сильную позицію у Смоленска. Наполеонъ напалъ на нихъ при Бородинѣ и былъ разбитъ. Вскорѣ онъ принужденъ былъ постыдно бѣжать изъ Москвы и, потерпѣвъ ужасныя пораженія при Тарутинѣ, Малоярославцѣ и Березинѣ, сдалъ русскимъ Парижъ и отрекся отъ французской короны».

Если хотите, почти все это даже и правда (разумѣется, съ нѣкоторыми на-

тяжками); но можно ли такъ писать исторію?

А между тѣмъ, въ такомъ именно смыслѣ пишетъ исторію г. П. Лебедевъ, несмотря на то, что онъ не находился, конечно, «подъ исключительнымъ вліяніемъ іезуитовъ и австрійскихъ учебныхъ чиновниковъ». Вотъ его общіе выводы о кампаніи 1848 г. въ Италіи:

Такъ кончилась четырехмѣсячная *борьба безначалія съ порядкомъ и законностью* (т. е. Карла-Альберта съ Радецкимъ!). Начавъ ее при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Радецкій умѣлъ сначала собрать и устроить свою армію, испыталъ ее въ дѣлѣ противъ непріятеля при Санта-Лючіи и разгадалъ своего противника, усмиривъ край, находившійся въ тылу арміи, *перешелъ къ рѣшительному наступленію и, въ двѣ недѣли*, успѣлъ разбить и *окончательно разстроить* непріятельскую армію; взялъ городъ, бывшій началомъ и средоточіемъ *возстанія*, и водрузилъ побѣдныя знамена императорскія на берегахъ Тессино. Результаты удивительные, если принять во вниманіе смутное положеніе дѣлъ Австріи и незначительность силъ, которыя фельдмаршалъ имѣлъ въ началѣ подъ рукою! (стр. 225).

Сравните этотъ отрывокъ съ выписаннымъ выше отрывкомъ изъ Майлата, и вы увидите, что сущность воззрѣній у обоихъ авторовъ одинакова, только что русскій превосходитъ австрійскаго краснорѣчіемъ и ненавистью къ Италіи. Австрійскій авторъ не говоритъ прямо, что итальянцы *бунтовали* противъ Австріи; русскій, напротивъ, ясно выражаетъ это и по многимъ мѣстамъ книги развиваетъ съ особенною любовью. Не говоримъ о томъ, что г. Лебедевъ вездѣ клеймитъ итальянскихъ воиновъ мятежниками, измѣнниками, крамольниками и пр.; замѣтимъ одно, — что самую мысль объ итальянской народности онъ считаетъ преступною химерою, злонамѣренною фразою. Вотъ, напр., одно мѣсто изъ его книги:

«*Крамола* дѣйствовала тайно, *подрывая самыя главнѣйшія основанія законной власти;* свободное книгопечатаніе помогало распространенію идей о *мнимой* народности и необходимости національнаго единства, а между тѣмъ, для этого мнимаго единства ни одно мелкое владѣніе не хотѣло пожертвовать частію своей личной независимости: «единство Италіи» было гремучею фразою, которую повторяли два корифея новѣйшей итальянской литературы, *Джіоберти* и Ацельо; *праздная молодежь* съ жадностью ловила эти фразы; національная гвардія, учрежденная въ Римѣ и Тосканскомъ герцогствѣ, была готовымъ орудіемъ для тѣхъ, которые, *съ преступной ребяческой необдуманностью*, готовы были пожертвовать благосостояніемъ и спокойствіемъ милліоновъ осуществленію своихъ *мечтательныхъ и неисполнимыхъ цѣлей*» (стр. 6).

Такой исключительности нѣтъ даже у австрійскаго автора, который вообще гораздо искуснѣе скрываетъ свои заднія мысли. Дѣло итальянской независимости онъ тоже готовъ признать бунтомъ, заговоромъ; но онъ не осмѣлился высказать этого съ тѣмъ безсовѣстнымъ цинизмомъ, на который даетъ право только совершенное отсутствіе живой мысли и добросовѣстнаго знанія. Поэтому-то и въ упрекъ Карлу-Альберту у Майлата замѣчено только, что онъ «еще незадолго передъ войной увѣрялъ въ своемъ миролюбіи». У нашего историка дѣло представлено гораздо съ большею рѣзкостью. Въ одномъ мѣстѣ, описавъ сраженіе австрійцевъ съ сардинцами, г. Лебедевъ говоритъ: «таково было сраженіе, окончательно рѣшившее торжество *правaго дѣла и порядка надъ измѣною и безначаліемъ*» (стр. 206). Очевидно, что Карлъ-Альбертъ признается у г. Лебедева орудіемъ измѣны и не считается даже *начальникомъ* войны: иначе какое могло бы быть *безначаліе* въ предпріятіи, которое имъ было руководимо? И дѣйствительно, г. Лебедевъ очень безцеремонно объявляетъ, что «Карлъ-Альбертъ пожертвовалъ спокойствіемъ своего государства, престоломъ и цѣлою арміею для *поддержанія дѣла нѣсколькихъ ломбардскихъ либераловъ*» (стр. 198). Итакъ, онъ стремился, самъ не зная куда, изъ угожденія *нѣсколькимъ* либераламъ и крамольникамъ (къ которымъ г. Лебедевъ причисляетъ даже ультра-католика и монархиста аббата Джіоберти),—и для нихъ-то жертвовалъ *арміею и престоломъ!* «Какая непостижимая глупость можетъ иногда обуять человѣка», невольно подумаешь, прочитавъ такое объясненіе поступковъ Карла-Альберта.

И вѣдь приведенный отзывъ вовсе не составляетъ какой-нибудь обмолвки, фразы, сказанной для красоты слога. Нѣтъ, г. Лебедевъ серьезно увѣряетъ, что «*большинство жителей Ломбардіи было истинно предано австрійскому правительству и цѣнило его заботливость о благосостояніи края;* единство же Италіи было потребностью людей, которые прикрывали этимъ словомъ свои *личные, большею частью своекорыстные разсчеты*» (стр. 84). Вслѣдствіе такого убѣжденія, г. Лебедевъ упрекаетъ австрійцевъ «*за излишнее довѣріе* къ туземцамъ въ Италіи» (стр. 79). По его мнѣнію, послѣдствіемъ довѣрчивости австрійцевъ *была почти общая измѣна.*

Вотъ какія мнѣнія печатаются у насъ объ Австріи учеными спеціалистами, а переводчикъ исторіи Майлата считаетъ *безвредными* его мнѣнія для нашей публики! У насъ, говоритъ, печатаются въ газетахъ «извѣстія о разстрѣливаніи итальянцевъ, не хотѣвшихъ стрѣлять въ хорватовъ». Такъ что же изъ этого? Спросите г. Лебедева, какъ онъ на это смотритъ? онъ вамъ скажетъ: «разумѣется, какъ на справедливую

казнь измѣнниковъ». Вотъ что, напр., говоритъ онъ, восхваляя «*превосходный духъ офицеровъ*» австрійской арміи: полкъ, армія— составляютъ отечество для австрійскихъ офицеровъ; будь онъ австріецъ, богемецъ, венгерецъ, кроатъ, полякъ или итальянецъ, онъ *прежде всего—солдатъ* и вѣрный слуга своего отечества, а потому строгая добросовѣстность въ исполненіи обязанностей составляетъ отличительное его качество. *Часто случается*, что офицеръ, унтеръ-офицеръ, фельдфебель и вахмистръ — *не знаютъ языка своихъ подчиненныхъ;* но между ними устанавливается свой условный языкъ, *а главное,* простая нѣмецкая команда *заставляетъ каждаго дѣлать свое дѣло и дѣлать все въ порядкѣ* (стр. 13). А если такъ, то почему же и не разстрѣливать другъ друга? Сдѣлаютъ *простую нѣмецкую команду*, каждый сдѣлаетъ *свое дѣло*, и порядокъ нимало не будетъ нарушенъ!..

По всей вѣроятности, переводчикъ Майлата не предполагалъ, что между русскими учеными спеціалистами еще существуютъ подобныя мнѣнія: иначе онъ, конечно, не рѣшился бы давать имъ новую поддержку въ авторитетѣ Майлата. Точно также онъ не зналъ, вѣроятно, и того, до какой степени искажаются историческіе факты и въ нашихъ доморощенныхъ исторіяхъ: иначе не сталъ бы онъ *таскить дрова въ лѣсъ*. Просмотрите, напр., книгу г. П. Лебедева хоть съ точки зрѣнія фактической вѣрности: вамъ больно и совѣстно сдѣлается. Точно такъ, какъ у австрійскаго историка,— чуть не пройдены молчаніемъ успѣхи сардинцевъ въ первый періодъ войны; битва при Санта-Лючіи расписана такъ, какъ будто она была для итальянцевъ чѣмъ-то въ родѣ березинской переправы Наполеона. Мало этого: говорится, что послѣ битвы при С.-Лючіи у австрійцевъ «успѣхъ слѣдуетъ за успѣхомъ, и вскорѣ истощенная и обезсиленная сардинская армія должна уже была сражаться не за побѣду, а за жизнь» (стр. 78). Сравните съ этимъ выписанное выше мѣсто, гдѣ говорится, что Радецкій *въ двѣ недѣли* отъ начала наступательныхъ дѣйствій разстроилъ сардинскую армію; выходитъ, что или Радецкій разстроилъ сардинцевъ въ двѣ недѣли послѣ битвы при С.-Лючіи, т.-е. къ 20 мая, или что онъ потомъ *разстроилъ уже разстроенную армію*... И то, и другое хорошо. Г. Лебедевъ, восхищаясь австрійскими успѣхами, забываетъ даже о томъ, что черезъ мѣсяцъ послѣ С.-Лючіи была битва при Гойто, и взята была сардинцами Пескьера... Впрочемъ, онъ дѣло при Гойто считаетъ *не рѣшительнымъ*, а Пескьеру — ничтожной крѣпостцой! Зато вступленіе австрійцевъ въ Миланъ, 6-го августа, разсказано съ энтузіазмомъ, и доблести воиновъ Радецкаго отдана вполнѣ дань удивленія и восторга.

Не стали бы мы говорить о книгѣ г. Лебедева, но заблужденіе переводчика Майлата, будто бы у насъ въ публикѣ не вредны австрійскія нелѣпости, показалось намъ отчасти опаснымъ; для опроверженія же его мы не могли найти ничего лучше сочиненія г. Лебедева. Кстати же недавно о немъ была публикація у разныхъ книгопродавцевъ, какъ будто о новой книгѣ...

---

306. Основные законы воспитанія.

Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы *Н. А. Миллеръ-Красовскій*, кандидатъ С.-Петербургскаго университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Изданіе автора. Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 303. Здѣсь Добролюбовъ возвращается къ мыслямъ, высказаннымъ имъ гораздо раньше (см. № 84), а затѣмъ останавливается на теоріи «моментнаго дѣйствія», доставившей, благодаря ему, Миллеру-Красовскому, всероссійскую извѣстность. Особенно послѣ этого не давала покоя пресловутому педагогу «Искра».

М. Л.

[Обращаемъ на эту книжку вниманіе тѣхъ благородныхъ оптимистовъ, которые слишкомъ много мечтаютъ о благотворности нашего университетскаго образованія. Они полагаютъ, что университетскій курсъ самъ по себѣ уже способенъ сдѣлать человѣка гуманнымъ и благороднымъ, придать его мысли ясность, твердость и послѣдовательность, освободить его отъ нелѣпыхъ заблужденій, невѣжественно передаваемыхъ дѣтямъ глупыми няньками и пр., и пр. Пусть же они, эти благородные мечтатели, познакомятся съ воззрѣніями и логикой г. Миллеръ-Красовскаго и увидятъ, до ка-

кихъ позорныхъ нелѣпостей могутъ у насъ доходить люди, съ успѣхомъ кончившіе курсъ въ университетѣ.

Да, книжка г. Миллеръ-Красовскаго дѣлаетъ такой позоръ высшему нашему образованію, болѣе котораго трудно сдѣлать]. Авторъ самъ себя на заглавномъ листѣ своей книги титуловалъ *кандидатомъ* университета; значитъ, онъ былъ въ своемъ курсѣ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Онъ поступилъ въ классные надзиратели Гатчинскаго института и 12 лѣтъ, какъ видно изъ книги, занимался дѣломъ воспитанія: слѣдовательно, онъ не отвратился отъ науки и просвѣщенія для житейскихъ цѣлей, какъ дѣлаютъ многіе другіе, учащіеся въ университетѣ только *для правъ*, т.-е. для чина. Мало того, онъ и свою воспитательную обязанность исполнялъ не машинально, не изъ-за того только, чтобы имѣть средства жить какъ-нибудь; нѣтъ—онъ размышлялъ о своемъ дѣлѣ, хотѣлъ осмыслить свое назначеніе, доходилъ до общихъ опредѣленій, наконецъ, даже написалъ и издалъ сочиненіе объ основныхъ законахъ воспитанія. Можно бы, кажется, ожидать чего-нибудь хорошаго. [Рѣшительно, онъ могъ и долженъ былъ принадлежать къ числу лучшихъ студентовъ университета во время своего курса].

А между тѣмъ, посмотрите, что говоритъ онъ о предметѣ, которому посвятилъ себя спеціально, — о воспитаніи. Въ прошломъ году мы представляли читателямъ образецъ обскурантскихъ, молчалинскихъ понятій изъ диссертаціи другого г. Миллера, Ореста [1]). Но диссертація г. Ореста Миллера, несмотря на свою пошлую бездарность, была, по крайней мѣрѣ, написана довольно грамотно и не рѣшалась пускаться въ практическую сферу, довольствуясь восхваленіемъ молчалинскихъ добродѣтелей только въ теоріи. Г. Миллеръ-Красовскій, основываясь на собственной *двѣнадцатилѣтней* практикѣ, прямо преподаетъ воспитателямъ и юношамъ правила практической дѣятельности, увѣряя, что онъ основывается «на св. вѣрѣ и на самой жизни» (стр. 69). Даже въ газетной публикаціи о своей книгѣ, онъ прибавляетъ, что *педагогія краткая эта весьма важна и полезна, потому что изложена по опытности изъ русской жизни*» (см. «Спб. Вѣд.» № 118). Но, несмотря на такую авторскую рекомендацію, какое дикое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій представляется въ его книгѣ! *Жизни* въ ней нѣтъ вовсе, и видно, что авторъ о жизни вовсе не заботился, сочиняя свои правила: такъ въ нихъ мертво и формально. О *св. вѣрѣ* часто упоминаетъ г. Миллеръ-Красовскій; но и ея внушеніями онъ не пользуется такъ, какъ бы слѣдовало. У него встрѣчаются правила, имъ самимъ придуманныя и отличающіяся чрезвычайно мрачнымъ характеромъ. Мы, конечно, если бы и хотѣли, то никакъ не могли бы упрекнуть автора за нѣкоторыя мѣста, напр., за его общее понятіе о нѣмецкой и русской исторіи, выраженное имъ на стр. 5—6.

«Воспитаніе по цѣли и по содержанію можетъ служить зеркаломъ исторіи каждаго народа. Нѣмцы, напр., воспитывали человѣка, развивая его индивидуальныя силы *не для государства*, а для всего человѣчества. Такое слишкомъ отвлеченное стремленіе теперь оказывается непрактическимъ, какъ въ единичномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлой Германіи, гдѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ, недостаетъ единства и сосредоточенности силъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Россіи. Богатая исторія русскаго народа постоянно развивалась изъ двухъ началъ, краснорѣчиво и сильно выражавшихся въ минуты отечественной невзгоды. Это именно нашъ народный девизъ: «за Вѣру и за Царя».

Такія разсужденія должно признавать вполнѣ благонамѣренными, и мы нарочно ихъ выписали, чтобы съ самаго начала дать читателямъ понять, что г. Миллеръ-Красовскій, по своимъ основнымъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ къ числу людей *неблагонамѣренныхъ*. То же самое должны мы сказать и о слѣдующемъ мѣстѣ, разсуждающемъ, хотя довольно безграмотно, о храненіи старинныхъ обычаевъ:

«Школьное знаніе отечественной исторіи всегда останется въ молодомъ человѣкѣ мертвымъ, оно не перейдетъ въ его кровь, если семейная дисциплина не заставила его благоговѣть предъ обычаями, нравами и дѣлами,—какъ семейныхъ, такъ и народныхъ предковъ. Тутъ мы понимаемъ *не однихъ гербовъ, не громкихъ торговыхъ фирмъ;* нѣтъ, — и въ крестьянской избѣ отцы и дѣды должны служить *путеводительными точками* для молодого поколѣнія. Отъ стариковъ оно должно учиться вѣрно служить Богу и Царю. Эта мысль—основа воспитанія» (стр. 21).

Благочестіе и кроткая благонамѣренность автора выражается и въ слѣдующемъ мѣстѣ, возставать противъ котораго мы также не смѣемъ:

«И мы говоримъ: воспитывайте естественно, да только въ той мѣрѣ, какъ оно согласно съ законами Св. Церкви и отечества. Дисциплина налагается на насъ свыше, и потому уже вѣрующій человѣкъ не разсуждаетъ, почему оно такъ и не иначе. А если онъ сумѣетъ заглянуть въ человѣческое сердце, такъ онъ дѣйствительно тамъ найдетъ много такого вреднаго и лишняго, что искоренимо одною строгою дисциплиною» (стр. 26).

Чувство патріотизма, котораго нельзя порицать, и смиренія, которому нельзя не удивляться, видно и въ слѣдующей замѣткѣ автора о наградахъ ученикамъ:

[1]) См. № 205.

«Во Франціи педагогія громкими, щедрыми наградами развиваетъ самолюбіе до тщеславія; у насъ награда дѣйствительная, потому что освящена *смиренностію*, какъ Св. Церковь и требуетъ этого: она большею частію раздается благословляющею рукою духовной особы» (стр. 41).

Нельзя также не отдать справедливости чувству благочестія, которое согрѣваетъ г. Миллера-Красовскаго, приводя его къ слѣдующимъ положеніямъ, напечатаннымъ въ его книгѣ нарочито-крупнымъ шрифтомъ.

1) Каждое крещеное дитя принадлежитъ Св. Церкви и потому занимаетъ законное мѣсто между міромъ.

2) Каждое крещеное дитя растетъ подъ священнымъ дѣйствіемъ Святыхъ Таинствъ Крещенія, слѣдовательно, оно имѣетъ полное право и на уваженіе міра (стр. 43).

Если строки эти показались вамъ слишкомъ крупны,—вина не наша: такимъ шрифтомъ почтены онѣ у самаго автора.

Объясняя свои крупныя положенія шрифтомъ болѣе мелкимъ, г. Миллеръ-Красовскій прибавляетъ:

«Дитя есть Божіе достояніе: отказывать ему въ уваженіи христіанское благочестіе запрещаетъ. Родители разумнѣйшимъ образомъ возбуждаютъ и развиваютъ это чувство,—если, напр., день ангела, день рожденія дитяти всегда празднуются благодарственнымъ молебствіемъ, если дитя получаетъ подарокъ и другія маленькія преимущества. Подъ такимъ направленіемъ дитя пойметъ, что оно также имѣетъ значеніе, также принадлежитъ Церкви и любимо Богомъ» (стр. 43).

Дѣлая честь благочестію автора, эти мысли совершенно согласны и съ общими его воззрѣніями, выражаемыми, напр., въ слѣдующихъ строкахъ:

«Законъ природы ужъ таковъ, что свѣту противорѣчитъ мракъ, теплотѣ — стужа, оазамъ — песчаныя, знойныя степи. Но Творецъ мудро устроилъ все. Поставивъ человѣческій разумъ для уравновѣшиванія и поборенія враждебныхъ физическихъ силъ, Онъ и человѣку также далъ возможность развить разумъ. Человѣкъ отъ Бога получилъ законъ, Его откровеніе и съ тѣмъ вѣрнѣйшее средство побороть собственные зародыши нравственнаго мрака, зноя и холода. Всемірная исторія ясно доказываетъ намъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ отступалъ отъ закона, Господь и каралъ его въ той мѣрѣ, въ какой истина нарушалась (стр. 44).

Но, проводя въ своей книгѣ общія идеи, заимствованныя, по выраженію автора, «изъ русской жизни и вѣры», г. Миллеръ-Красовскій доходитъ до крайностей столь нелѣпыхъ, что трудно повѣрить, чтобы дошелъ до нихъ человѣкъ, съ успѣхомъ кончившій курсъ наукъ въ университетѣ. Онъ постоянно вооружается *на нѣмцевъ* (г. *Миллеръ*-Красовскій!), говоря, что они *омрачены Руссовскими плевелами* (стр. 44) и филантропическими тенденціями и вслѣдствіе того толкуютъ учащимися *про ихъ права*. Это вмѣняется имъ въ большое преступленіе г. Миллеромъ-Красовскимъ, который свои собственныя воззрѣнія развиваетъ вотъ въ какой послѣдовательности:

«*Но если же* воспитатель долженъ довести питомца,—будущаго гражданина,—до сознанія, что права человѣка преимущественно измѣряются исполненіемъ гражданскихъ обязанностей; и если *всякая гражданская обязанность есть не что иное, какъ безусловное подчиненіе* нашей индивидуальной воли правительству и отечественнымъ законамъ, то, само собою разумѣется, послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданскаго послушанія. Самоограниченіе и самоотверженіе—главнѣйшіе дѣйствователи въ воспитаніи: они вырабатываютъ въ молодой душѣ способность подчиняться *общенароднымъ цѣлямъ*. Этимъ же подчиненіемъ подъ общее мы и въ свою очередь пользуемся общими нравственными, умственными силами и общимъ покровительствомъ, т.-е. благостію церкви и государства» (стр. 8).

Сколько можно понять изъ неграмотнаго изложенія, авторъ хочетъ сказать, что человѣка нужно воспитывать единственно для государства. Иначе сказать—нужно подавлять въ немъ личную волю, съ малолѣтства заглушать всякое сознаніе своихъ правъ (кромѣ только приведенныхъ выше празднованій дня ангела, рожденія, и пр.) и цѣлью всего воспитанія поставить дисциплину и субординацію. Такъ именно и полагаетъ г. Миллеръ-Красовскій. Въ концѣ книги, сводя къ одному результату всѣ свои положенія, онъ ставитъ четвертымъ основнымъ положеніемъ слѣдующее:

«*Воспитаніе и образованіе, по формѣ и содержанію, не что другое, какъ одно повиновеніе*» (стр. 69).

Даже родительской и дѣтской любви онъ не оставляетъ мѣста въ воспитаніи, безъ дисциплины. Съ цинической грубостью, съ самымъ варварскимъ неуваженіемъ къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ (стр. 27):

«Мы не станемъ болѣе доказывать, что *одна дисциплина* прочитъ родителямъ дѣтскую любовь; смыслъ ея лучше всего выраженъ непреложною педагогическою истиною:

„**Повинуясь, дѣти учатся любить** (*но не наоборотъ*)“.

Мало этого, г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ даже то, когда дѣтямъ объясняютъ, почему они должны сдѣлать то или другое. **Не разсуждай, а исполняй!** огромными буквами напечатано на 33 стр. его книги. И этому [страшному] изреченію предшествуетъ слѣдующее разсужденіе:

«Мы часто замѣчаемъ, что родители облегчаютъ людямъ повиновеніе, убѣждая ихъ въ воспитательской какой-либо необходимости причинами

и доводами. *Это, въ сущности, то же самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія*, потому что убѣжденное дитя ужъ болѣе *не слушается родителей, а причинъ, резоновъ* и такимъ образомъ только привыкаетъ резонировать... Слабая мать, слабый воспитатель, поясняющіе дѣтямъ свои требованія резонами и причинами, только снисходятъ на степень покорныхъ слугъ передъ дѣтьми; зато послѣднія нерѣдко и дѣлаются маленькими деспотами. Нельзя вообще допускать, ни подъ какимъ видомъ, идею равенства между воспитывающимъ и воспитанникомъ; оно несогласно съ заповѣдью. Мы, однако, сами часто доводимъ ребенка до грѣха именно тѣмъ, что возбуждаемъ нашими вѣчными резонами въ немъ охоту возражать. Дитя, привыкшее къ возраженіямъ, мало-по-малу усвоиваетъ себѣ право переговоровъ. *А что же возраженія, переговоры, какъ не идея равенства!*

«Положимъ, убѣжденное дитя дѣйствительно и покорилось необходимости, такъ оно сдѣлало это ужъ *не повинуясь высшей волѣ, оно покорилось собственной, самоугодной силѣ сознанія*» (какъ это печально!) При такомъ направленіи дѣти не только легко лишаются необходимаго, благоговѣйнаго чувства къ воспитателю; они и всю жизнь страдаютъ... Если мы признаемъ истину, что привычка много значитъ, и что человѣкъ всегда и постепенно доходитъ отъ малаго до великаго, то здравое воспитаніе и *не допуститъ резоновъ у дѣтей.* Оно непремѣнно установитъ *для всѣхъ воспитываемыхъ безъ разбора возраста и сословія*—разумное правило:

„Не разсуждай, а исполняй!“

Какъ видите, г. Миллеръ-Красовскій вовсе не хочетъ, чтобы дѣти слушались *резоновъ.* Нѣтъ, пусть ихъ слушаются чужихъ приказовъ, не смѣя и думать о томъ, разумны или нѣтъ эти приказы. Повиновеніе, дисциплина—вотъ основа и цѣль воспитанія. А добиться повиновенія можно не пріученіемъ дѣтей къ разумному согласію съ волею воспитателя, къ внутреннему одобренію его требованій, а просто наградами и наказаніями. Награды (т.-е. внѣшнее одобреніе, знаки отличія, и т. п.) г. Миллеръ-Красовскій признаетъ необходимымъ и единственнымъ стимуломъ всякой дѣятельности человѣческой. Онъ говоритъ:

«Карамзины, Пушкины, всѣ, кто только *не* (т.-е. *ни*) записанъ *въ* (т.-е. *на*) золотыхъ скрижаляхъ исторіи, навѣрно не возвеличили бы своими дарами человѣческаго достоинства, если бы имъ съ молодости твердили: ты работай, трудись,—но награды не жди! (Какой же награды? Понятіе автора объ этомъ отчасти объясняется слѣдующимъ, тутъ же приводимымъ у него примѣромъ). И геніальный Суворовъ, послѣ безсмертныхъ подвиговъ русскаго оружія въ Италіи, писалъ еще изъ Италіи нашему посланнику при лондонскомъ дворѣ: «пришлите мнѣ подвязокъ» (стр. 38).

Страсть получать знаки отличія и всякія награды очень похвальна съ точки зрѣнія г. Миллеръ-Красовскаго, который высочайшую степень достоинства человѣка поставляетъ *въ смиренности.* Къ пріобрѣтенію *смиренности* долженъ, по его мнѣнію, каждый человѣкъ стремиться, какъ къ идеалу человѣческаго совершенства. Съ одушевленіемъ говоритъ онъ на этотъ счетъ: «легко можетъ быть, что иной яркій лучъ, иной прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ рано померкъ, рано увялъ отъ горделивой воли, отъ недостатка въ благочестивой смиренности. Такъ напримѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова, *любимомъ* поэтѣ молодежи, мы находимъ естественную силу и красоту, отголоски величественной кавказской природы; но зато весьма рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ нравственную силу—смиренность» (стр. 16). Безъ *смиренности* же человѣкъ погибъ, по мнѣнію г. Миллеръ-Красовскаго; отъ недостатка смиренности и вслѣдствіе «плевелъ филантропизма», германскій народъ много бѣдствовалъ, и «мудрено ли послѣ этого, если Наполеонъ двумя ударами, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, покорилъ Пруссію?» (стр. 23). Опасаясь, какъ видно, чтобы и Россію не постигла столь же печальная участь, г. Миллеръ-Красовскій очень подробно толкуетъ о разныхъ наказаніяхъ, посредствомъ которыхъ можно произвести въ дѣтяхъ смиренность и отучить ихъ отъ всякой претензіи на какія-нибудь права. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Миллеръ-Красовскій очень одобряетъ розгу, но въ ней онъ видитъ нѣкоторыя неудобства, состоящія въ томъ, что процессъ сѣченія беретъ много времени. Противъ карцера г. Миллеръ-Красовскій возстаетъ рѣшительно, находя, что онъ не убьетъ, а скорѣе «укрѣпитъ молодую грѣшную волю».

«Въ школѣ еще карцеръ играетъ важную роль: онъ, по мнѣнію многихъ педагоговъ, потому полезенъ, что молодой грѣшникъ можетъ на досугѣ удобно обдумывать свою вину. Мы же держимся совсѣмъ другого мнѣнія: наша *двѣнадцатилѣтняя практика говоритъ намъ*, что продолжительное наказаніе большею частью не только безполезно, но даже способствуетъ зачерственію, озлобленію молодой натуры. *Быстрое, моментное дѣйствіе же воспитателя всегда болѣе потрясетъ*, чѣмъ систематически задуманные пріемы и способы. *Наша главная* задача единственно состоитъ въ томъ, чтобы *предавать смерти молодую грѣшную волю*, а не давать ей на досугѣ, во время длящагося наказанія, укрѣпляться. Это, какъ уже сказано, достигается одною быстротою, основательнымъ, *сильнымъ моментнымъ потрясеніемъ*» (стр. 50).

Что же разумѣетъ авторъ подъ *сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ*, пользу котораго доказала ему *двѣнадцатилѣтняя практика?* Не розгу, читатель, не розгу: она кажется все еще не довольно сильнымъ и быстрымъ средствомъ. Двѣнадцатилѣтняя практика убѣдила г. Миллеръ-Красовскаго въ пользѣ другого болѣе дѣйствительнаго способа наказанія, именно—*пощечины!* Въ

доказательство благотворности пощечины, или, точнѣе, *трехъ пощечинъ* г. Миллеръ-Красовскій разсказываетъ даже *быль*, которую мы представляемъ читателямъ во всей ея первобытной красѣ, не омрачая ее ни однимъ замѣчаніемъ... По нашему мнѣнію, всякая прибавка, всякій знакъ вопроса много бы отнялъ у этого неподражаемаго разсказа, способнаго возмутить самаго невзыскательнаго человѣка, даже выросшаго въ строгихъ правилахъ старинной бурсы или бывшаго кантонистскаго положенія. Вотъ разсказъ г. Миллеръ-Красовскаго, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ его книжкѣ, на стр. 53—55.

БЫЛЬ.

«Въ семьѣ отецъ и мать часто давали дѣтямъ своею неладицею соблазнительные примѣры. Не то, чтобы старики вѣчно ссорились; этого не было. Но отецъ, бывало, придетъ домой изъ должности и начинаетъ ворчать на дѣтей и на жену; то нехорошо, третье, десятое. Дѣти, разумѣется, привыкли бояться вѣчно недовольнаго отца и мало-по-малу потеряли любовь къ нему, ласкали одну свою нѣжную, добрую мать. Рѣдкій день не проходитъ безъ отцовскаго наказанія; а дѣти, какъ были лѣнивыя, задорныя, такъ и оставались. Когда отецъ умеръ, для матери ужъ трудно было мудро и твердо править своимъ царствомъ. Одинъ изъ мальчиковъ въ особенности много озабочивалъ ее: два года въ классѣ сидѣлъ и все не зналъ таблицы умноженія. Тутъ надобно было препоручить его опытному человѣку, что̀ и сдѣлали. Учитель слегка началъ свое дѣло, приходилъ въ домъ только на два часа, былъ добръ, мягокъ, ласковъ, какъ слѣдуетъ; потому мальчикъ привыкъ скоро къ порядку, хорошо занимался. Но, увы! черезъ мѣсяцъ старинное упрямство опять появилось: сынокъ попрежнему не слушался матери, спитъ сколько угодно, на каждое замѣчаніе возражаетъ матери, просто не боится. Эта комедія продолжалась недѣлю; мать не хотѣла жаловаться учителю, надѣясь, что ея наставленія вразумятъ упрямца. *Однажды учитель приходитъ на урокъ въ 10 часовъ утра и застаетъ все семейство еще за кофеемъ, кромѣ Пети. Мать посылаетъ за Петей,— Петя не идетъ, не хочетъ кофея. Учитель самъ наконецъ требуетъ чрезъ меньшого брата Петю къ столу, ему приносятъ отвѣтъ, что Петя не идетъ, и баста. Все замолкло,— мать и дѣти покраснѣли,— учителю также неловко стало. Какъ тутъ быть? — Случай необычайный, а между тѣмъ и для другихъ дурной примѣръ. Учитель, хотя и нехотя, отправляется въ комнату Пети, все надѣясь еще, что ігрѣшникъ сконфузится, покорится ему. Не тутъ-то было. Зачѣмъ ты къ кофею не явился?—«Я, я, не хочу!!»— «Какъ ты не хочешь??—Вотъ тебѣ!»—Петя съ такою быстротою получилъ три пощечины, что совсѣмъ растерялся, заплакалъ, и давай просить у матери прощенія. Нужно замѣтить, что онъ прежде не умѣлъ каяться. Покоренный витязь весь день плакалъ, хныкалъ, но дѣло было кончено. Петя позналъ, что вдаваться въ новую борьбу съ ласковымъ наставникомъ ему не по силамъ и пошелъ себѣ хорошо, сталъ любезнымъ, прилежнымъ воспитанникомъ, нѣжно-любящимъ сыномъ. Если же употребляли розгу, что беретъ больше времени, чѣмъ скорая,* **осторожная** *пощечина, то мальчикъ 12 лѣтъ имѣлъ бы время собраться съ духомъ, вынесъ бы казнь и остался бы упрямымъ.* Прежніе частые отцовскіе побои вбили въ Петю упрямство; *благоразумный безпристрастный наставникъ же основательно вылѣчилъ Петю тремя пощечинами.* Кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ разсказъ не былъ, а выдумка, тотъ навѣрное не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ однѣми кабинетскими теоріями. Мы повторяемъ: личность воспитателя много значитъ; она-то и рѣшаетъ самыя трудныя проблемы педагогіи».

Прочитавъ эту быль, припомните, что авторъ самъ — классный надзиратель въ одномъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній, припомните его слова, что убѣжденіе относительно моментнаго дѣйствія «сложилось въ немъ такъ твердо и непоколебимо вслѣдствіе *двѣнадцатилѣтней практики*», припомните, что онъ принимаетъ правило: «*не разсуждай, а исполняй*», и требуетъ безусловнаго повиновенія своей волѣ, признавая, что успѣхъ воспитанія зависитъ отъ личности воспитателя, употребляющаго сильныя моментныя дѣйствія,—припомните все это и пожалѣйте, вмѣстѣ съ нами, объ участи несчастныхъ дѣтей, которыхъ злая судьба бросаетъ въ руки такого воспитателя. Что можетъ быть жалче и безотраднѣе ихъ положенія? Отъ нихъ требуютъ повиновенія; но повиноваться воспитателю по любви къ нему—г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ, повиноваться по убѣжденію въ разумности приказанія—тоже считается опаснымъ; представлять возраженія, обнаруживать самостоятельность воли, — это ужъ такое преступленіе, за которое г. Миллеръ-Красовскій караетъ дѣтей «сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ». Бѣдныя, жалкія дѣти! Что-то выйдетъ изъ васъ, когда къ вамъ прилагается постоянно такая система воспитанія!

А между тѣмъ г. Миллеръ-Красовскій— кандидатъ университета по факультету историко-филологическихъ наукъ: свой образъ дѣйствій употребляетъ онъ сознательно и обдуманно; въ «двѣнадцатилѣтней практикѣ по моментнымъ, потрясающимъ дѣйствіямъ» онъ не боится признаться печатно и даже попрекаетъ *кабинетскими теоріями* людей, которые не захотятъ согласиться съ нимъ въ благотворности пощечины или *трехъ пощечинъ!* Что же послѣ этого дѣлается въ тѣхъ темныхъ уголкахъ тѣми темными личностями, которыя о себѣ не печатаютъ?!

307. Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ „Описаніе сельскаго духовенства“.

Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 303. Книга «Описаніе сельскаго духовенства» вышла анонимно, въ видѣ ч. I тома I «Русскаго Заграничнаго Сборника» (Paris, 1858 года). Происхожденіе ея таково. Погодинъ, будучи близокъ со священникомъ І. С. Белюстинымъ, далъ ему мысль написать записку о состояніи нашего сельскаго духовенства, прослѣдивъ жизнь мальчика изъ духовнаго званія со времени оставленія имъ родительскаго дома, въ духовномъ училищѣ, потомъ въ семинаріи, въ періодъ поступленія на мѣсто, женитьбы; описать его семейныя и служебныя отношенія, взаимоотношенія съ помѣщиками и крестьянами и пр. Должна была получиться картина ужасная, но ее-то и слѣдовало сдѣлать предметомъ литературы «записокъ», ходившихъ въ массѣ по Россіи въ рукописяхъ и передававшихся всегда изъ рукъ въ руки съ большой быстротой. Белюстинъ нашелъ мысль хорошей, и вотъ въ серединѣ 1857 года «записка» была имъ совершенно закончена. Погодинъ уничтожилъ всѣ мѣста, по которымъ можно было бы догадаться объ авторѣ, и въ такомъ видѣ давалъ ее читать своимъ знакомымъ. Запискою очень заинтересовался, между прочимъ, заграничный нашъ священникъ, І. В. Васильевъ, познакомилъ съ нею протопресвитера Баженова и оберъ-прокурора синода, гр. А. П. Толстого; послѣдній даже списалъ ее и очень интересовался именемъ автора, котораго Погодинъ не открылъ. Белюстинъ же просилъ и впредь никому себя не называть. Передана была также записка и кн. Н. И. Трубецкому, ученику Погодина, послѣ чего послѣдній сталъ опасаться, что князь издастъ ее за границей. Белюстинъ заклиналъ Погодина принять всѣ мѣры, чтобы этого не случилось, такъ какъ онъ не хотѣлъ губить себя и свою семью. «Да не мои уста возглаголятъ во всеуслышаніе о дѣлахъ человѣческихъ». Но «Записка» появилась въ Парижѣ. Очень скоро святоша и хныка, А. Н. Муравьевъ, пишетъ московскому Филарету: «прикажите непремѣнно написать отвѣтъ на книгу. Вы медлите, а книга сія, какъ ядъ, производитъ глубокія язвы въ высшемъ кругу, и ей вѣрятъ, какъ Евангелію». Въ результатѣ — разбираемыя «Мысли» (Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», XV, 111—130)... Книга Белюстина, дѣйствительно, была очень и очень чувствительнымъ ударомъ по нашему церковному управленію. По словамъ прот. Пѣвницкаго, «какъ громомъ поразила и пришибла всѣхъ тогдашнихъ архіереевъ эта громкая книга, написанная въ горячемъ и возмущенномъ неправдою чистомъ сердцѣ, написанная, можно сказать безъ преувеличенія, не чернилами, а кровью. Всѣ интеллигентные люди, и высшіе и средніе, постарались ее достать, имѣть у себя или прочитать, какъ ни трудно было это» («Записки», «Рус. Старина», IX, 542 — 543). Александръ II, не будучи въ тѣ годы преувеличенно расположеннымъ къ наружному благочестію, заинтересовался книгой, прочелъ и приказалъ секретно разослать ее каждому архіерею съ указаніемъ имѣть ее у себя, какъ настольную... Филаретъ московскій рвалъ и металъ... Белюстинъ очень правдиво описалъ весь бюрократическій укладъ архіерейскаго владычества въ епархіяхъ, безправное и гнусное матеріальное положеніе сельскаго духовенства, полную отдаленность его отъ народа, сплошное неуваженіе и частое презрѣніе съ его стороны, необходимое пресмыкательство передъ помѣщиками и полиціей, хамство и взяточничество консисторскихъ крысъ, — словомъ, далъ фотографію всей самой грустной дѣйствительности. Анонимнаго автора, по болтливости Погодина, скоро обнаружили, упрятали въ Калязинъ (Тверской губ.) и держали въ черномъ тѣлѣ до самой кончины лѣтъ двадцать тому назадъ...

Добролюбовъ прикинулся прежде всего истымъ вѣрноподданнымъ—онъ и не видалъ не разрѣшеннаго цензурой «Описанія»... и вѣрнымъ православнымъ—духовенство не должно оставить безъ отвѣта нелѣпыхъ мыслей «Свѣтскаго человѣка»... — и, глумясь, написалъ очень ядовитую и сильную замѣтку.

М. Л.

«Что это за книга «Описаніе сельскаго духовенства?» спроситъ читатель. И почему указываемъ мы на «*Мысли*» объ этой книгѣ, а не говоримъ ничего о ней самой? Не гораздо ли полезнѣе было бы разобрать самое сочиненіе, имѣющее своимъ предметомъ столь важный и любопытный вопросъ, какъ положеніе сельскаго духовенства,—нежели заниматься «Мыслями свѣтскаго человѣка» о такомъ сочиненіи, которое еще неизвѣстно для публики, и котораго никто изъ читателей нашихъ, вѣроятно, даже не видѣлъ?

Мы признаемъ законность этихъ вопросовъ и недоумѣній читателя и спѣшимъ разрѣшить ихъ, насколько сами знаемъ дѣло, о которомъ должны теперь говорить. Дѣло въ томъ, что книги «Описаніе сельскаго духовенства» мы сами не читали и не видали, а получили понятіе о ней только изъ брошюрки, заглавіе которой выписали выше. Изъ брошюрки этой оказывается, что «Описаніе сельскаго духовенства» напечатано на русскомъ языкѣ за границей [и, какъ неблагонамѣренное и содержащее въ себѣ многія хулы на духовенство, не допущено къ свободной продажѣ въ Россіи, а подвергалось цензурному запрещенію. Само собой разумѣется, что мы запрещенныхъ книгъ не читаемъ, такъ же, какъ, вѣроятно, и вы, читатель. Поэтому мы съ вами] [1]) не можемъ судить, справедливы или нѣтъ мысли Свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства». Одно только можемъ замѣтить съ своей стороны: мысли эти намъ кажутся совершенно излишними и даже производятъ на насъ впечатлѣніе неблагопріятное. Изданіе ихъ доказываетъ, что авторъ придавалъ значеніе книгѣ, вышедшей за границею о сельскомъ духовенствѣ, и считалъ нужнымъ опровергать ее. А между тѣмъ, въ самомъ разборѣ неоднократно повторено, что книга не стоитъ опроверженія!... Да если бы и стоила, то для кого писать опроверженіе? Неужели авторъ думаетъ, что у насъ можетъ разойтись и имѣть вредное вліяніе такая книга, которая [не допущена] [2]) въ продажу? Это значитъ слишкомъ мало имѣть довѣрія къ благонамѣренности и честности русской публики. У насъ мало читаютъ (а если и читаютъ, такъ не слушаютъ) и то, что печатается въ Россіи и продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ: станутъ ли читать то, что напечатано за границей; [станутъ ли вѣрить тому, что не скрѣплено цензурнымъ разрѣшеніемъ?] Рѣшительно напрасно трудился Свѣтскій человѣкъ,—тѣмъ болѣе напрасно, что о значеніи его собственной брошюрки нельзя составить себѣ никакого опредѣленнаго мнѣнія, не имѣя подъ руками самаго «Описанія сельскаго духовенства».

Но, между тѣмъ, Свѣтскій человѣкъ возбуждаетъ наше любопытство насчетъ «Описанія сельскаго духовенства». Онъ говоритъ, что «*книга сія уже переведена на французскій и нѣмецкій языки*» (стр. 4), что она «*принята и читаема высшимъ обществомъ*» (стр. 7), что «*на нее даже указываютъ въ наставленіе архипастырямъ*» (стр. 6). Чѣмъ она заслужила такое исключительное вниманіе общества, даже *высшаго!* Можетъ быть, въ ней есть новыя свѣдѣнія, яркія картины, интересные факты, свѣтлыя соображенія,—несмотря на желчность или даже фальшивость общаго направленія? Можетъ быть, она способна возбудить въ обществѣ участіе къ печальному положенію нашего сельскаго духовенства? Можетъ быть, она содержитъ новые планы полезныхъ преобразованій? Ничего этого мы не видимъ изъ «Мыслей». Авторъ «Мыслей» возстаетъ только противъ тона книги и приводитъ отрывочныя выписки въ двѣ или три строчки,—что̀ изъ нихъ можно понять? Напр., Свѣтскій человѣкъ говоритъ (стр. 6):

«Распространяясь о томъ, на что тратятъ духовныя власти свои доходы, заносчивый писатель доходитъ даже до неприличія, позволяя себѣ такіе намеки, которые нигдѣ не могутъ быть терпимы. Совѣстно повторять и то, что говоритъ онъ объ обращеніи архіереевъ со священниками, называя ихъ *сатрапами* въ рясахъ и возводя на ихъ голову всѣ возможныя нелѣпости; будто они смотрятъ на іереевъ, какъ на собакъ нечистыхъ и пр. Послѣ такихъ выраженій неужели еще можно вѣрить автору, будто архіереи внушаютъ мірянамъ: «мы уже почти совсѣмъ растоптали поповъ, топчите кстати и вы: все ослы и большаго не заслуживаютъ», и къ этому присовокупляетъ: «на это способны только смиренные архипастыри Православной Руси». Какое хульное кощунство надъ всею церковью, надъ всею Православною Русью! Книга падаетъ изъ рукъ».

Все это можетъ быть вполнѣ справедливо; но можетъ быть и то, что всѣ фразы, приводимыя Свѣтскимъ человѣкомъ, имѣютъ въ книгѣ и не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой имъ придается въ «Мысляхъ». Не знавши самой книги, трудно судить рѣшительно. [Одно только можно сказать: должно быть, «Описаніе сельскаго духовенства» говоритъ о духовенствѣ слишкомъ дурныя вещи, если оно не допущено въ продажѣ въ Россіи].

Впрочемъ, и съ самыми замѣчаніями Свѣтскаго человѣка не всегда можно согласиться. Напр., онъ возстаетъ противъ

---

[1]) что оно неблагонамѣренно и содержитъ въ себѣ многія хулы на духовенство. Не прочитавши книги, подвергшейся такому осужденію въ разсматриваемой нами брошюрѣ, мы, разумѣется,

[2]) не находится

желанія автора книги о сельскомъ духовенствѣ, чтобы священникъ былъ вмѣстѣ и медикомъ. Кому не извѣстно, какъ страдаютъ наши простолюдины отъ недостатка знающихъ врачей въ селеніяхъ, какимъ обманамъ, убыткамъ и существенному вреду для здоровья подвергаются они отъ шарлатанства знахарей, ворожей и т. п.? Кто не знаетъ, что во многихъ мѣстахъ крестьяне еще выказываютъ недовѣріе ко всякому совѣту врача, считая его навожденіемъ нечистой силы? Самымъ лучшимъ средствомъ для устраненія всего этого могло бы быть дѣйствительно соединеніе въ лицѣ священника духовнаго авторитета съ знаніями медицинскими. Но Свѣтскій человѣкъ, знающій, какъ видно, отчасти букву Писанія, но не углублявшійся въ духъ его, считаетъ медицинскія занятія неприличными священнику. Въ этомъ странномъ мнѣніи онъ опирается, во-первыхъ, на то, что Господь исцѣлялъ больныхъ не медицинскими пособіями, что Апостолы, по его Божественному распоряженію, какъ сами *мазаху масломъ мнози недужныя и исцѣлѣваху,* такъ и пастырямъ церкви заповѣдали врачевать больныхъ не медицинскими пособіями, а таинствомъ Елеосвященія (стр. 13). Неужели, по здравому разуму Писанія, приведенныя Свѣтскимъ человѣкомъ слова могутъ свидѣтельствовать противъ употребленія медицинскихъ пособій?

Второе основаніе, принимаемое Свѣтскимъ человѣкомъ противъ медицины, состоитъ въ томъ, что «какъ же священникъ приступитъ къ совершенію Святыхъ Таинъ послѣ ухода за больными, особенно въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ многіе заражены *ужаснымъ недугомъ, заносимымъ изъ столицы?*» (стр. 15). Но, какъ бы ни былъ нечистъ недугъ, неужели онъ оскверняетъ врача, прикасающагося къ больному? Свѣтскій человѣкъ забылъ притчу о благодѣтельномъ самарянинѣ, забылъ заповѣдь Христову о посѣщеніи больныхъ, забылъ, что достоинство священнослужителя, по духу вѣры христіанской, состоитъ не во внѣшней опрятности, а въ чистотѣ сердца, въ любви къ ближнему, въ правдѣ и самоотверженіи. Въ замѣчаніи, что уходъ за больными (хотя бы и злокачественною болѣзнію) можетъ препятствовать священнику въ совершеніи послѣ того Святыхъ Таинъ, слишкомъ рѣзко обнаруживается «Свѣтскій человѣкъ», понимающій только внѣшнюю сторону обрядовъ, но не вникающій въ существенный смыслъ и духъ Христова ученія.

Послѣ этого странно намъ кажется, что Свѣтскій человѣкъ, столь чуждый, какъ видно, духовнымъ занятіямъ, *первый* и *одинъ* принялъ на себя обязанность опровергать автора, который не только не можетъ защищаться, но даже не можетъ быть безпристрастно судимъ читателями «Мыслей», потому что онъ и его книга никому у насъ неизвѣстны. Еще страннѣе показался намъ тонъ, принятый Свѣтскимъ человѣкомъ. Каждая страница брошюры переполнена бранью. Свѣтскій человѣкъ говоритъ: «завистливый писатель», «хульное кощунство автора», «*завистливый* характеръ автора» (стр. 6); «всѣ возможныя ругательства, разсыпанныя въ книгѣ», «авторъ кощунствуетъ», «выражается неприличнымъ образомъ» (стр. 7); «дикая сія картина могла осуществиться только въ разгоряченномъ воображеніи автора», «все это преувеличено и написано съ вѣтра» (стр. 11), и пр. И все это безъ всякихъ доказательствъ, безъ всякой заботы о подтвержденіи фактами своихъ собственныхъ мнѣній и подробными выписками—своихъ строгихъ осужденій книгѣ неизвѣстнаго автора. Въ заключеніе Свѣтскій человѣкъ говоритъ: «тяжкая падаетъ отвѣтственность за эти хулы предъ Богомъ и людьми на дерзнувшаго поднять столь святотатно руку свою *на Святую Церковь!*» (стр. 16). Мы были поражены такимъ заключеніемъ и еще разъ перечитали всѣ выписки, приводимыя въ брошюрѣ Свѣтскаго человѣка изъ «Описанія сельскаго духовенства»; *ни одна* изъ этихъ выписокъ (даже въ томъ отрывочномъ видѣ, какъ представлена свѣтскимъ человѣкомъ) *не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей хулы на Св. Церковь.* Самое сильное мѣсто, отмѣченное въ брошюрѣ съ особымъ негодованіемъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «кощунствуетъ (говоритъ Свѣтскій человѣкъ) не только о своихъ пастыряхъ, но и о самой литургіи, говоря, что сельскому священнику невыносимый трудъ служить литургію въ праздникъ; лучше бы онъ обмолотилъ два овина, чѣмъ отслужилъ обѣдню» (стр. 7). Признаемся, изъ этой отрывочной цитаты, приведенной безъ всякой связи и смысла, мы ничего не можемъ заключить: можетъ быть, она и содержитъ въ себѣ нѣчто непристойное, а можетъ быть, въ общей связи рѣчи она и совершенно невинна.

Мы говоримъ все это не съ тѣмъ, чтобы оправдывать книгу, которой мы не знаемъ, и о которой, слѣдовательно, судить не можемъ; мы хотимъ показать только одно: какой дурной оборотъ для самого дѣла можетъ произойти отъ того, когда его начинаетъ защищать человѣкъ малосвѣдущій [и непроникнутый началами дѣйствительнаго добра и истины]. Благое намѣреніе можетъ осуществиться не вполнѣ хорошо, если силы человѣка слабы для его выпол-

ненія; но оно можетъ получить совершенно превратный смыслъ и характеръ, когда, при выполненіи его, человѣкъ руководится личной раздражительностью, поверхностнымъ пониманіемъ дѣла и разными исключительными пристрастіями. Послѣднее совершилось и съ «Мыслями Свѣтскаго человѣка». Въ чемъ могло состоять намѣреніе автора, начавшаго опровергать «Описаніе сельскаго духовенства»? Въ томъ, конечно, чтобы возстановить истинныя понятія о бытѣ и свойствахъ русскаго духовенства, искаженныя неизвѣстнымъ авторомъ «Описанія сельскаго духовенства». Но чѣмъ руководился Свѣтскій человѣкъ въ своей брошюрѣ? Чувствомъ раздраженія, котораго онъ ничѣмъ не умѣлъ оправдать. Въ началѣ своей брошюры онъ показалъ даже такое настроеніе, которое вообще неизвинительно для образованнаго человѣка современнаго общества. Свѣтскій человѣкъ начинаетъ свои «Мысли» филиппикою *противъ гласности!* Онъ говоритъ: «къ *сожалѣнію*, свобода языка, внезапно разрѣшившагося, *называемая теперь гласностью, большею частію* увлекаетъ оглашающихъ такъ далеко, что они забѣгаютъ за предѣлы истины и *почти всегда представляютъ дѣло въ превратномъ видѣ* и, такимъ образомъ, пишутъ вмѣсто портретовъ каррикатуры и, разумѣется, не достигаютъ своей цѣли». Намъ кажется, что нашу гласность можно упрекать скорѣе въ скрытности, [робости] и умеьшеніи многаго, ею заявляемаго, нежели въ преувеличеніяхъ и искаженіяхъ. Говорить, что наша гласность почти всегда представляетъ дѣло въ превратномъ видѣ, значитъ—[*лгать*] [1]) и мы смѣло объявляемъ эти слова Свѣтскаго человѣка [*ложью*] [2]). Мы вызываемъ его доказать ихъ фактами; но совершенно убѣждены въ томъ, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать.

«Мысли Свѣтскаго человѣка» представляютъ, кажется, первый опытъ русскаго опроверженія на русскую книгу, напечатанную за границей. Множество русскихъ книгъ, доселѣ изданныхъ, какъ говорятъ за границей, не встрѣчало пока никакого печатнаго отзыва въ Россіи. Жаль, что этотъ первый опытъ оказался такъ мало удовлетворительнымъ. Но мы надѣемся, что дѣло на этомъ не остановится. Пусть не «Свѣтскіе люди», а сами духовные, пусть, если возможно, сами сельскіе священнослужители произнесутъ свой судъ надъ «Описаніемъ сельскаго духовенства», съ подобающею имъ кротостью и безпристрастіемъ, а не съ раздражительностью и бранью Свѣтскаго человѣка. Вопросъ о положеніи и значеніи духовенства въ Россіи слишкомъ важенъ, и его никакъ нельзя оставлять безъ вниманія.

---

308. Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣленіе предъ чудотворною иконою Святителя Христова Николая, въ селѣ Колпинѣ, 26-го сент. 1858.

Составилъ *Иванъ Рклицкій*, Императорской С.-Петербургской Медико-хирургической Академіи заслуженный профессоръ и академикъ, докторъ медицины и хирургіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Издано въ пользу Колпинскаго храма. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 303. Эта замѣтка не стоила бы поясненій, если бы не было людей, достаточно литературно развитыхъ, которые думаютъ, однако, что все, здѣсь написанное, написано Добролюбовымъ совершенно серьезно и чистосердечно... Достаточно вчитаться въ эту тончайшую иронію, чтобы не сомнѣваться, что это—одна изъ самыхъ выдающихся вещей Н. А. по тонкости своего юмора. Параллель—статья о книгѣ Корфа (см. № 102).

М. Л.

Наше время и нашу столицу въ особенности упрекаютъ въ невѣріи; говорятъ, что нынѣ не совершается чудесъ или что мы не признаемъ ихъ. Особенно нападаютъ на медиковъ и натуралистовъ, какъ на людей, потерявшихъ вѣру въ чудесное. Въ примѣненіи къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ и случаямъ упреки эти могутъ быть справедливы; но, говоря вообще, они совершенно неосновательны. «Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой, которая получила исцѣ-

---

[1]) говорить *неправду*
[2]) несправедливыми.

леніе предъ чудотворной иконою Святителя Христова Николая, въ селѣ Колпинѣ, 26-го сент. 1858 г., составленное докторомъ и академикомъ Рклицкимъ», служитъ очевиднымъ доказательствомъ [какъ того, что наше время не лишено чудесныхъ знаменій Божіихъ, такъ и] того, что вѣра въ нихъ и нынѣ распространена—не только въ простомъ народѣ (всегда отличающемся своей религіозностью), но и въ людяхъ образованныхъ и посвященныхъ наукою въ таинства природы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательно то, что событіе, совершившееся съ г-жею Артамоновою, подтверждено *пятью* учеными врачами, которыхъ имена приведены на послѣдней страницѣ «Описанія». Вотъ эти имена (стр. 22):

Высочайшаго Двора лейбъ-хирургъ, дѣйствительный ст. совѣтникъ *П. Нароновичъ*.

Дѣйств. стат. совѣтникъ, академикъ и заслуженный профессоръ *И. Рклицкій*.

Врачъ училища ордена св. Екатерины, коллежскій асессоръ *Алабушевъ*.

Лейбъ - медикъ, тайный совѣтникъ *Н. Арендтъ*.

Профессоръ *В. Экка*.

Два послѣднія имени особенно замѣчательны: имена эти обнаруживаютъ неправославное происхожденіе, а извѣстно, что въ лютеранской церкви ни ходатайство святыхъ предъ Господомъ за грѣшниковъ, ни самыя чудотворныя иконы—не признаются; тѣмъ болѣе силы должно имѣть для насъ свидѣтельство такихъ лицъ о чудѣ, совершившемся предъ православною чудотворною иконою, и при томъ въ столь недавнее время, на такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы.

Сущность событія, разсказаннаго г. академикомъ и заслуженнымъ профессоромъ Рклицкимъ, состоитъ въ томъ, что г-жа Артамонова, молодая женщина купеческаго званія, съ дѣтства часто страдавшая нервными болѣзнями, подверглась наконецъ ужаснѣйшимъ припадкамъ, отъ которыхъ ничто не могло ее избавить. Ей давали хлороформъ, кодеинъ, по одному и болѣе грану въ ночь; мускусъ, отъ 5 до 30 гранъ въ одинъ пріемъ; но всѣ эти средства не помогли, а, напротивъ того, усилили нервное разстройство и довели умственное состояніе больной до того, что она рѣшилась обратиться къ животному магнетизму. Ее магнетизировали гг. Бергъ и князь А. Долгоруковъ и, разумѣется, напрасно. Припадки стали возобновляться съ больною по 16 разъ въ сутки, сопровождаясь судорогами, столбнякомъ и корчами, такъ что четыре человѣка не могли удерживать больную въ спокойномъ положеніи. 6-го декабря 1857 г., принявъ, послѣ самаго отчаяннаго припадка, одинъ гранъ кодеина, больная во время обѣдни заснула и видѣла свое первое видѣніе: св. Николай Чудотворецъ явился ей въ видѣ старца, въ одеждѣ послушника, и велѣлъ сдѣлать разныя приношенія или жертвы: Николаю Угоднику и Успенію Божіей Матери — пелену, Варварѣ Великомученицѣ—ленту, Ангелу хранителю—свѣчи, и всѣ эти иконы поднять къ себѣ въ домъ и отслужить молебенъ съ водосвятіемъ (стр. 9). Кромѣ того, старецъ сказалъ, что она «будетъ лежать въ большомъ разслабленіи, но не должна роптать на Бога» (стр. 10). Дѣйствительно, съ этого времени больная впала въ совершенное изнеможеніе и не могла принимать ни пищи, ни даже лѣкарства, кромѣ миндальнаго молока, и то въ маломъ количествѣ. Въ отчаяніи, видя, что всѣ усилія медиковъ тщетны, больная рѣшилась-было, по (совѣту родныхъ, оставить ихъ и принять простолюдина-лѣкаря. Но тутъ 28 дек.) она опять видѣла видѣніе, о которомъ слѣдующимъ образомъ разсказала доктору Рклицкому (стр. 11):

«Сегодня ночью я видѣла прежняго старца, какъ бы обиженнаго тѣмъ, что я, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшилась оставить *опытныхъ и образованныхъ докторовъ*, прибѣгнуть къ помощи простолюдина. Старецъ подошелъ ко мнѣ съ правой стороны кровати и сказалъ: что ты дѣлаешь? Хочешь лѣчиться отъ неупотребленія пищи; неужели твои врачи хуже понимаютъ твою болѣзнь, нежели какой-нибудь простой мужичекъ? Они тебѣ ничего не даютъ и ничего не дѣлаютъ потому, что ты не въ состояніи ничего принимать, и вѣрно такъ угодно Богу; а ты идешь противъ воли Божіей и хочешь быть больше самого Бога. Ты насильно требуешь, чтобы могла употреблять пищу; но развѣ кто ѣстъ, тотъ не умираетъ? А тебя питаетъ Господь Богъ, и ты всегда сыта. Скажи мнѣ правду, что ты просила только о прекращеніи твоихъ припадковъ и что ничего не желала получить отъ Бога. Ты теперь пьешь миндальное молоко, но послѣ не только его, но даже воды не будешь брать въ ротъ болѣе сутокъ и, какъ было тебѣ сказано, будешь лежать въ большомъ разслабленіи, и тогда ожидай особой перемѣны. Послѣ этого старецъ сказалъ: мнѣ пора идти къ заутренѣ. Я просила его помолиться за меня Богу и дала ему на свѣчи; оставляя меня, онъ велѣлъ не лѣчиться у мужика».

Послѣ этого больная, по свидѣтельству пользовавшаго ее доктора Рклицкаго, отвергла врача-простолюдина и продолжала лѣчиться «у опытныхъ и образованныхъ докторовъ», о которыхъ говорилось въ видѣніи. Но облегченія ей не было, и съ половины января началась у больной сильнѣйшая рвота, доводившая ее до обморока. Это продолжалось двѣ недѣли, а 29 января больная разсказала г. Рклицкому о слѣдующемъ видѣніи (стр. 12—13):

«Сегодня я видѣла во снѣ двухъ священниковъ съ діакономъ въ полномъ облаченіи, которые служили молебенъ Тремъ Святителямъ, Николаю Угоднику и ангелу Хранителю; одинъ изъ священниковъ подошелъ ко мнѣ съ правой стороны кровати, со крестомъ, и сказалъ мнѣ: ты будешь избавлена отъ рвоты молитвами Николая Угодника, Трехъ Святителей и Ангела Хранителя, и я благословляю тебя пищею — *ухою, которую должно приготовить изъ пяти ершей большихъ, или десяти малыхъ, и второго куска отъ хвоста сига, въ одной глубокой столовой тарелкѣ воды;* уху эту долженъ сварить непремѣнно мужчина, и ты раздѣли ее на три дня — на обѣдъ и ужинъ; завтра утромъ пошли, кто около тебя ходитъ, къ обѣднѣ отслужить молебенъ упомянутымъ святымъ, и когда придетъ изъ церкви, начинай ѣсть антидоръ съ святою богоявленскою водою, а для обѣда употребляй одну шестую часть тарелки ухи и такимъ образомъ продолжай три дня. Все это должно храниться въ строгой и величайшей тайнѣ между двумя, или не болѣе какъ тремя лицами и докторомъ (т.-е. мною, замѣчаетъ г. Рклицкій), который послѣ трехъ дней назначитъ тебѣ, по своему усмотрѣнію, другую пищу; но мясного или скоромнаго отнюдь не употребляй. Потомъ онъ благословилъ меня и скрылся; я проснулась».

Предписанія, данныя въ видѣніи, больная исполняла весьма точно около двухъ мѣсяцевъ, но облегченія все не чувствовала. Въ началѣ апрѣля сдѣлали ей кровопусканіе, отчего начали продолжаться прежніе припадки и продолжались до августа, когда больная имѣла новое четвертое видѣніе, въ которомъ обѣщано было ей исцѣленіе предъ иконою св. Николая въ Колпинѣ. И дѣйствительно, около этого времени, по свидѣтельству г. заслуженнаго профессора Рклицкаго, ей стало легче. 14-го августа еще разъ было ей видѣніе, въ которомъ повелѣно было отправиться въ Колпино для поклоненія чудотворной иконѣ. Несмотря на свою слабость, еще не позволявшую больной ходить безъ костылей, она 25-го сентября рѣшилась отправиться въ Колпино. Пріѣхавъ туда, она была до того слаба, что въ церковь внесли ее на рукахъ; во время обѣдни съ ней сдѣлался припадокъ и, очнувшись, она должна была сѣсть въ кресло. Но во время херувимской пѣсни, «больная вдругъ почувствовала въ ногахъ силу и крѣпость, сама встала и, сдѣлавъ три земныхъ поклона, стояла на ногахъ до конца обѣдни, не чувствуя въ нихъ ни малѣйшей боли, — даже въ правой, къ которой легкое прикосновеніе прежде производило сильные припадки. Все это страшное и чудесное событіе, — прибавляетъ почтенный академикъ Рклицкій—совершилось надъ больной при большомъ стеченіи народа въ храмъ, по случаю праздника Іоанна Богослова, и *произвело невыразимое зрѣлище* на молящихся, которые съ умиленіемъ и молитвами обращали взоры и сердца свои къ Святому Угоднику Николаю, какъ виновнику, совершившему предъ ними чудо и удостоившему ихъ быть свидѣтелями такого достопамятнаго событія» (стр. 21).

Дѣйствительно, это событіе весьма замѣчательно въ нашъ вѣкъ, обуянный духомъ сомнѣнія. Но для вѣрующаго христіанина отрадно не только самое чудо, но и то радостное явленіе, что оно описано и засвидѣтельствовано людьми, столь образованными и почтенными. Десница Божія всегда одинаково проявлялась въ жизни, но не всегда одинаково судили люди объ этихъ проявленіяхъ. И случай съ г-жею Артамоновой многіе, конечно, захотѣли бы объяснить какими-нибудь естественными причинами; но такіе авторитеты, какъ доктора Нароновичъ, Рклицкій, Алабушевъ и особенно Арендтъ и Эккъ,—должны заградить уста всякому невѣрующему!..

---

309. Краткій очеркъ проекта сооруженія и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ.

Барона *К. Б. Розена*, съ 60 чертежами. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 303.

М. Л.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было сочиненія, которое могло бы доставить необходимыя свѣдѣнія касательно устройства и *эксплоатаціи* желѣзныхъ дорогъ,—и вотъ г. баронъ Розенъ рѣшился восполнить этотъ недостатокъ изданіемъ разсматриваемой книги. Онъ имѣетъ въ виду не государственныя, а частныя желѣзныя дороги. Книгу свою авторъ предназначаетъ собственно для тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые сами вздумали бы содѣйствовать сооруженію или эксплоатаціи

желѣзной дороги своими капиталами или трудами. Но при этомъ спеціальномъ назначеніи своей книги онъ, конечно, имѣетъ въ виду и вообще всякаго, кто хочетъ ближе ознакомиться съ желѣзными дорогами. А нельзя не сознаться, что такое ознакомленіе можетъ быть очень нелишнимъ для нашей публики, въ которой многіе не только ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, но даже имѣютъ и акціи ихъ, имѣя самыя смутныя понятія объ этомъ мудреномъ заведеніи....

Книга г. барона Розена начинается введеніемъ, въ которомъ кратко изложена исторія желѣзныхъ дорогъ, представляющая главнѣйшія данныя объ ихъ началѣ и развитіи. Авторъ начинаетъ исторію желѣзныхъ дорогъ съ того времени, когда, для сбереженія движущей силы при перевозкѣ тяжестей въ каменноугольныхъ копяхъ, англичане настилали деревянныя колеи, которыя потомъ для прочности стали покрывать плоскими желѣзными полосами. Въ 1767 г. деревянныя рельсы замѣнены были чугунными, а въ 1808 г., при введеніи паровой ѣзды, желѣзными четырехъугольной формы, и только съ 1820 г. стали выдѣлывать рельсы изъ катаннаго желѣза, имѣвшія въ разрѣзѣ форму гроба. Движеніе нагруженныхъ повозокъ по наклонной плоскости производилось сначала лошадьми, потомъ сила лошадей замѣнена была силою тяжести, и движеніе производилось посредствомъ ворота. Этотъ воротъ утверждался на вершинѣ наклонной плоскости; на него наматывалась бичева, къ одному изъ концовъ которой прикрѣплялись нагруженныя повозки, къ другому же порожнія, и по мѣрѣ движенія первыхъ внизъ, вслѣдствіе собственной тяжести, другія поднимались вверхъ. Съ теченіемъ времени введены были въ употребленіе горизонтальныя желѣзныя дороги и изобрѣтена была паровая машина. Но машина, устроенная въ первый разъ въ 1802 году, была еще до того неудовлетворительна, что не въ состояніи была привести въ движеніе грузъ, превышавшій 500 пудовъ, при чемъ скорость была не болѣе 7 верстъ въ часъ. Въ 1829 году назначена была значительная денежная премія за устройство болѣе удобнаго паровоза. Локомотивъ, устроенный Стефенсономъ, превзошелъ ожиданія механиковъ. Начала, на которыхъ онъ основанъ, служатъ и понынѣ въ главныхъ частяхъ своихъ основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ усовершенствованій въ устройствѣ паровозовъ.—Съ 1830 года желѣзныя дороги стали распространяться во всѣхъ государствахъ.

Краткая исторія желѣзныхъ дорогъ, какъ мы уже сказали, изложена авторомъ во введеніи. Самая же книга состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой изъ нихъ говорится о томъ, какъ составляется обыкновенный проектъ желѣзной дороги, какъ подавать просьбу о разрѣшеніи ея и какія требуются при этомъ условія. Вторая часть содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о сооруженіи желѣзной дороги. Здѣсь говорится о лицахъ, завѣдывающихъ работами, о покупкѣ земель подъ дорогу, о верхнемъ и нижнемъ строеніи ея, объ искусственныхъ сооруженіяхъ — мостахъ, віадукахъ и тунеляхъ, о надзорѣ и предохраненіи тунелей — оградахъ, заставахъ, сторожевыхъ домикахъ, сигналахъ, телеграфахъ и т. п. и о станціяхъ. Въ третьей части содержатся свѣдѣнія объ эксплоатаціи желѣзной дороги — о центральныхъ и частныхъ управленіяхъ, о подвижномъ составѣ, т.-е. паровозахъ, тендерахъ, каретахъ и вагонахъ, и о движеніи по желѣзнымъ дорогамъ. Въ концѣ книги въ небольшомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «Статистическія свѣдѣнія» исчислены издержки на устройство и эксплоатацію желѣзной дороги.

Все это для многихъ могло бы быть интересно, если бы не было слишкомъ сжато и мѣстами даже не совсѣмъ понятно, особенно для тѣхъ, кому не случалось видѣть описываемыхъ предметовъ.... Книга г. барона Розена даже мало походитъ на описаніе; скорѣе это перечисленіе всего, что относится къ желѣзнымъ дорогамъ, съ краткимъ указаніемъ на назначеніе каждаго предмета. Желая перебрать все, авторъ почти столько же распространяется о томъ, что особенно интересно и мало извѣстно читателямъ, сколько и о томъ, что всякому совершенно извѣстно, и о чемъ не стоило бы даже и говорить. По нашему мнѣнію, это существенный недостатокъ книги г. барона Розена. Еще кстати замѣтимъ, что объясненіе русскихъ названій соотвѣтствующими имъ названіями на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ едва ли не излишне, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для большинства *русскихъ* читателей.

310. Лаокоонъ, или о границахъ живописи и поэзіи.

Соч. *Лессинга.* Переводъ *Е. Эдельсона.* Москва. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 303.

М. Л.

Въ «Современникѣ» 1857 г. помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей о Лессингѣ [1]), въ которыхъ довольно подробно разсматривалось значеніе его для современной ему Германіи. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые помнятъ эти статьи, порадуются вмѣстѣ съ нами появленію русскаго перевода одного изъ капитальныхъ произведеній германскаго критика. «Лаокоономъ» Лессингъ создалъ новую теорію поэзіи, внесши въ нее жизнь и разбивши мертвенную формалистику, которая господствовала до тѣхъ поръ во всѣхъ эстетикахъ. Съ чрезвычайной ясностью и силою мысли, съ неотразимой логической убѣдительностью онъ доказалъ, что существенный предметъ поэзіи, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ искусствъ и особенно отъ живописи, составляетъ — *дѣйствіе*. Не самые предметы должна изображать поэзія, а ихъ дѣйствіе на душу человѣка; не описывать красоту долженъ поэтъ, а передать намъ то впечатлѣніе, какое она производитъ: тогда мы сами уже въ состояніи будемъ представить себѣ и образъ, произведшій это впечатлѣніе. Самый же образъ недоступенъ, во всей своей полнотѣ и яркости, слову поэта: полное и точное изображеніе нужно предоставить живописи. Таковы существенныя положенія, развитыя Лессингомъ въ «Лаокоонѣ». Ими онъ изгонялъ изъ поэзіи все мертвенное, все чуждое міру души человѣческой. «Лаокоонъ» произвелъ рѣшительный переворотъ въ литературныхъ теоріяхъ Германіи. Гете самъ сознается, «что «Лаокоонъ» разомъ разрушилъ въ немъ и въ его молодыхъ сверстникахъ искаженное понятіе о томъ, что поэзія должна подражать живописи». Съ появленіемъ Лаокоона *жизнь* въ своемъ теченіи, а не бездушная форма признана существеннымъ содержаніемъ поэзіи.

Безъ сомнѣнія, Лаокоонъ не останется безъ пользы для литературнаго образованія и нашей публики, въ которой еще такъ смутны теоріи изящнаго. Нельзя не поблагодарить переводчика за его полезный трудъ, исполненный имъ очень добросовѣстно. При переводѣ «Лаокоона» находится небольшое предисловіе, въ которомъ г. Эдельсонъ излагаетъ свой взглядъ на трудъ перевода классическихъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ. Съ мнѣніями его вообще нельзя не согласиться, и нельзя не поблагодарить его, что онъ въ своемъ собственномъ трудѣ остался вѣренъ своимъ воззрѣніямъ.

[1]) Чернышевскаго.

311. Историческая Библіотека.

Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. *Ф. К. Шлоссера.* Т. IV и V. Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 303. Въ письмѣ Бордюгову Добролюбовъ говоритъ: «Читай, читай и читай пятый томъ «Истор. Библіотеки», недавно вышедшій: самъ Шлоссеръ разсказываетъ о французской революціи. Это—блаженство читать его разсказъ. Я ничего подобнаго не читывалъ. Ни признака азарта, никакого фразерства, такъ непріятнаго у Луи Блана и даже Прудона; все спокойно, ровно, умѣренно. Прочитаешь его и увидишь, что Чернышевскій вышелъ изъ его школы. Читай его непремѣнно» («Матеріалы», 522).

М. Л.

Въ концѣ прошлаго года мы говорили о трехъ первыхъ томахъ Исторической Библіотеки [1]). Въ нынѣшнемъ году вышли четвертый и пятый, содержащіе продолже-

[1]) См. № 232.

ніе «Исторіи XVIII столѣтія». Она же будетъ продолжаться и въ слѣдующихъ трехъ томахъ, которые должны выйти въ нынѣшнемъ году. Четвертый и особенно пятый томы обнимаютъ собою время, преимущественно интересное въ исторіи прошлаго столѣтія. Въ IV томѣ одна половина занята изображеніемъ состоянія литературы французской и нѣмецкой въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія; другая половина разсказываетъ европейскія событія во времена сѣверо-американскихъ войнъ и начало безпокойствъ, предшествовавшихъ великому государственному перевороту во Франціи. Четвертый томъ разсказываетъ министерство Неккера, Калонна и созваніе государственныхъ сословій; послѣдующія за тѣмъ событія до итальянскихъ войнъ Наполеона содержатся въ пятомъ томѣ. При пятомъ томѣ находится предисловіе, въ которомъ Шлоссеръ, съ удивительнымъ спокойствіемъ и сознаніемъ своей правоты и силы, излагаетъ нѣкоторыя свои понятія о смыслѣ историческихъ работъ и передаетъ нѣкоторые факты о своихъ собственныхъ трудахъ при составленіи Исторіи XVIII столѣтія, особенно той части, которая излагаетъ событія, содержащіяся въ пятомъ томѣ. Изъ предисловія мы узнаемъ, между прочимъ, что авторъ довольно много работалъ въ Парижской королевской библіотекѣ и въ нѣсколькихъ частныхъ, и собиралъ свѣдѣнія отъ людей, которые сами видѣли событія, предшествовавшія Наполеону. При этомъ онъ собралъ много интересныхъ данныхъ, не бывшихъ обнародованными. Кромѣ того, онъ тутъ окончательно убѣдился, «какъ нелѣпо, не зная парижской суеты и безстыдства книгодѣлателей, полагаться на парижскіе мемуары и вообще на новую салонную литературу». «Онъ очень хорошо зналъ, что администраціи и аристократы, показывающіе видъ, будто хотятъ сообщить публикѣ все, *никогда* не сообщаютъ ей того, что̀ дѣйствительно интересно» (пред. V). Вслѣдствіе этого, критика Шлоссера въ разсказѣ событій, предшествовавшихъ во Франціи Наполеону, еще строже и безпощаднѣе, нежели въ другихъ частяхъ его сочиненія.

На русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было *ни одной* книги, въ которой бы хотя съ нѣкоторою подробностью разсказаны были событія послѣднихъ годовъ французской исторіи до Наполеона [1]). Между тѣмъ этотъ періодъ, самый интересный во всей европейской исторіи прошлаго столѣтія, давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе и русскихъ читателей. Теперь ихъ желанія могутъ быть удовлетворены наилучшимъ образомъ: имъ представляется разсказъ Шлоссера, столько основательный, полный и безпристрастный, какъ только можно этого желать...

Въ слѣдующемъ томѣ излагается уже исторія консульства.

---

312. Grammaire française simplifiée et mise à la portée des enfants par A. Serpinet.

St-Petersbourg. 1859.

Напечатано въ VII кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 26 іюня).

М. Л.

Мы весьма бѣдны учебниками иностранныхъ языковъ, и потому всякая серьезная попытка устранить хоть отчасти этотъ недостатокъ заслуживаетъ вниманія и признательности со стороны преподавателей. На такую признательность имѣетъ полное право и авторъ этой «Grammaire». Но самое названіе уже показываетъ, что сочиненіе это не выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ французскихъ учебниковъ, употребляемыхъ въ нашихъ училищахъ; только по нѣкоторымъ уклоненіямъ и особенностямъ можно замѣтить, что авторъ желалъ сойти съ большой дороги рутины, догадывался, гдѣ путь, прямѣе ведущій къ цѣли, искалъ его, но, къ сожалѣнію, не нашелъ. «Быть полезнымъ, вотъ чего я желалъ всею душою!» говоритъ онъ въ своемъ предисловіи. Но одного желанія для этого недостаточно; чтобы быть истинно-полезнымъ на педагогическомъ поприщѣ, нужно быть опытнымъ педагогомъ, а учителю иностраннаго языка нужно, кромѣ того,

[1]) Очень осторожный обходъ слова «революція».

еще хорошо знать потребности учениковъ и языкъ той страны, въ которой онъ преподаетъ. А этого-то г. Серпинé и не знаетъ, какъ не знаетъ и бо́льшая часть собратьевъ его по родинѣ и по профессіи.

Главное условіе успѣха при преподаваніи дѣтямъ какого-либо языка авторъ полагаетъ—*въ упрощеніи грамматики и въ возбужденіи къ ней интереса*. Не желая вовсе оспаривать относительную вѣрность этого мнѣнія, мы, однако, должны замѣтить, что, во-первыхъ, преподаваніе *языка* и преподаваніе *грамматики* не одно и то же; слѣдовательно, успѣхъ перваго не можетъ главнѣйшимъ образомъ зависѣть отъ упрощенія и привлекательности грамматики (по крайней мѣрѣ первоначальное обученіе иностранному языку вовсе не зависитъ отъ грамматики). Во-вторыхъ, всякая вещь можетъ внушать интересъ только сущностью своей, а отнюдь не случайными прикрасами; грамматика же (мы говоримъ объ учебной, а не ученой) интересуетъ учащихся лишь настолько, насколько облегчаетъ и уясняетъ имъ пониманіе изучаемаго языка, сама же по себѣ она отнюдь не привлекательна ни для дѣтей, ни для взрослыхъ, и потому напрасный трудъ начинять ее побочнымъ интересомъ. Въ-третьихъ, упрощеніе можетъ быть сдѣлано только въ выраженіяхъ, а не въ понятіяхъ, изъ которыхъ многія по отвлеченности своей недоступны дѣтямъ до извѣстнаго возраста; выбирать же изъ грамматики только совершенно понятное дѣтямъ значитъ нарушить цѣлость ея, на что́— какъ видно — г. Серпинé не рѣшился. Поэтому-то онъ и увѣренъ самъ, что его «grammaire» непремѣнно канетъ въ лету, подобно такимъ же сочиненіяхъ предшественниковъ его. Упростить и сдѣлать интересною грамматику, по его мнѣнію, «загадка хуже сфинксовой, которая ждетъ своего рода «Эдипа». Онъ и не подозрѣваетъ, что «ларчикъ просто открывается». Къ чему, скажите на милость, дѣтямъ грамматика, когда они только-что начинаютъ учиться языку? А для такихъ дѣтей очевидно назначена книга г. Серпинé. Имъ нуженъ запасъ словъ и выраженій, соотвѣтствующихъ ихъ умственному горизонту, имъ нуженъ живой языкъ, который бы они могли усвоить себѣ и тотчасъ же пустить въ оборотъ, а вы разсказываете имъ объ этомъ, какъ о нѣчто отдаленномъ, недосягаемомъ. «Но если грамматика написана на томъ же языкѣ, который изучается», скажете вы, «то она тѣмъ самымъ уже даетъ необходимый для разговора матеріалъ; передъ всѣми же другими книгами она имѣетъ то преимущество, что вмѣстѣ съ языкомъ знакомитъ и съ законами языка: стало быть, имѣетъ двѣ цѣли».—Возраженіе это было бы весьма справедливо, если бъ ежедневный опытъ не показывалъ, что большею частью ни одна изъ этихъ цѣлей не достигается, и не по той причинѣ, что языкъ грамматики, какъ бы простъ онъ ни былъ, слишкомъ отвлеченъ для дѣтей и не примѣнимъ въ ихъ бесѣдахъ, но просто потому, что за двумя зайцами разомъ гнаться нельзя. Не будемъ, однако, несправедливы къ г. Серпинé: у насъ пока и преподаваніе отечественнаго языка начинается или, вѣрнѣе, ограничивается долбленіемъ грамматики; слѣдовательно, преподаватель иностраннаго языка имѣетъ, если не полное право, то по крайней мѣрѣ довольно основательную причину придерживаться той же пресловутой методы. Къ тому же въ «Grammaire simplifée» не одна теорія языка; есть и много практическаго, истинно - полезнаго матеріала, на который мы желаемъ обратить вниманіе преподавателей.

Сравнивая это руководство, напр., съ грамматикою Нукé или Ноэля и Шапсаля (что́ совершенно одно и то же), нельзя не замѣтить въ немъ большого сходства съ послѣдней, по крайней мѣрѣ въ недостаткахъ. Во-первыхъ, книга г. Серпинé написана также на одномъ французскомъ языкѣ, такъ что при употребленіи ея въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ, гдѣ ученики большею частью незнакомы съ этимъ языкомъ, учитель долженъ взять на себя трудъ переводить содержаніе, если не желаетъ, чтобы ученики долбили наизусть вовсе имъ непонятное. Во-вторыхъ, въ ней то же распредѣленіе грамматическаго матеріала, та же «Introduction», трактующая о томъ, что́ такое грамматика и какъ раздѣляются буквы, тотъ же стереотипный порядокъ частей рѣчи, то же совмѣщеніе необходимыхъ правилъ, свойственныхъ одному французскому языку, и вовсе ненужныхъ общихъ правилъ и опредѣленій, извѣстныхъ ученикамъ уже изъ грамматики родного языка. Но этимъ, къ счастью, и оканчивается ея сходство съ упомянутыми грамматиками. Ни у Нукé, ни у Ноэля и Шапсаля вы не найдете приложенія къ каждой части рѣчи относящихся къ ней синтаксическихъ правилъ; ни у кого изъ нихъ не найдете столько примѣровъ, которые здѣсь—по особенно широкому формату книги — отдѣлены отъ правилъ черточкою, раздѣляющей каждую страницу на двѣ половины, лѣвую и правую, теоретическую и практическую. Эти примѣры, содержащіе большею частью всѣ какую-нибудь здравую мысль, даютъ учителю возможность избѣжать механическаго долбленія грамматики, т.-е. онъ можетъ по усмотрѣнію сдѣлать

этимъ примѣрамъ выборъ, употреблять ихъ, какъ матеріалъ для переводовъ и, для лучшаго уразумѣнія, присоединять къ нимъ грамматическія объясненія. Но это еще не все: въ концѣ каждой главы помѣщенъ французскій текстъ, разработанный по методѣ Робетсона. И тексты эти составлены не спроста: каждый изъ нихъ примѣненъ къ предшествовавшимъ правиламъ, т.-е. въ немъ находятся примѣры на каждое отдѣльное правило предъидущей главы; затѣмъ содержаніе его представляетъ связное цѣлое—анекдотъ или разсказъ, и непремѣнно съ моральною тенденціею. Какъ трудно должно быть сочиненіе подобныхъ текстовъ! Нельзя не удивляться терпѣнію г. Серпинé, хотя и жаль, что онъ совершенно напрасно ломалъ себѣ голову надъ этою истинно неблагодарною работою. Гораздо легче для него и гораздо полезнѣе для учениковъ было бы, если бы онъ безъ всякихъ затѣй и натяжекъ составилъ или выбралъ тексты съ любымъ содержаніемъ, но доступнымъ для дѣтей какъ по выраженіямъ, такъ и по мысли. Тогда бы учитель, не желающій начинать языкоученіе съ грамматики, могъ употреблять съ пользою одни эти тексты съ практическими ихъ упражненіями и, смотря по надобности, извлекать изъ нихъ то одно, то другое необходимое правило; теперь же, благодаря стараніямъ автора, почти каждое слово нуждается въ грамматическомъ объясненіи, содержаніе же лишено всякой занимательности, а иногда и здраваго смысла, и пропитано довольно приторной моралью.

При каждомъ текстѣ означены слѣдующія упражненія: 1) *примѣненіе урока.* а) Сказать анекдотъ наизусть или разсказать содержаніе его; б) написать его наизусть; в) сдѣлать грамматическій разборъ, или вѣрнѣе: найти въ текстѣ примѣненіе правилъ, данныхъ въ предшествовавшей главѣ. 2) *Разговоръ.* Учитель дѣлаетъ вопросы о содержаніи анекдота, а ученикъ отвѣчаетъ словами текста. Затѣмъ идутъ соотвѣтствующіе этимъ словамъ *синонимы*, *антонимы*, т.-е. слова противоположныя по значенію, *омонимы и паронимы* (эти послѣдніе совершенно лишни); наконецъ, къ коренным въ текстѣ словамъ прибавлены еще производныя отъ нихъ, а къ производнымъ—коренныя. Все это даетъ поводъ къ разнообразнѣйшимъ и весьма полезнымъ упражненіямъ по языку; жаль только, что и тутъ, какъ и во всей книгѣ, недостаетъ—перевода. Не будь этого недостатка, и «Grammaire» г-на Серпинé вышла бы не въ примѣръ лучше и практичнѣе всѣхъ предшественницъ своихъ.

---

313. Учебникъ русскаго языка для уѣздныхъ училищъ,

составленный *Иваномъ Соснецкимъ*. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва, 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 312.

М. Л.

Первое изданіе «Учебника русскаго языка» было напечатано въ 1855 году, подъ заглавіемъ: «Опытъ учебника русскаго языка при первоначальномъ образованіи». Тогда же въ сентябрскихъ книжкахъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ» были помѣщены рецензіи этого «Опыта», показавшія всю его несостоятельность. Въ обоихъ журналахъ было указано множество ложныхъ опредѣленій, фальшивыхъ правилъ, противорѣчій и невѣрностей, которыми наполненъ этотъ учебникъ и которыя до очевидности доказывали, что автору его не знакома ни историческая, ни философическая грамматика. «Современникъ» поспѣшилъ предостеречь публику отъ употребленія этого учебника, говоря, что «такой учебникъ не только не принесетъ никакой пользы, но произведетъ даже существенный вредъ, оставивъ въ головѣ учениковъ грамматическую путаницу».

Въ 1856 году этотъ учебникъ былъ введенъ, въ видѣ опыта, въ Московскія уѣздныя училища, «а въ 1857 году (какъ говоритъ предисловіе г. Соснецкаго ко второму изданію) г. попечитель Московскаго учебнаго округа (тогда попечителемъ былъ генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ), *на основаніи успѣховъ въ русскомъ языкѣ, оказанныхъ учениками Московскихъ уѣздныхъ училищъ*, разрѣшилъ употребленіе этой книги въ уѣздныхъ училищахъ Московскаго учебнаго округа».

Ясное доказательство, что между до-

стоинствами употребляемаго руководства и успѣхами учениковъ нѣтъ никакого отношенія. Ученики могутъ оказать успѣхи и при плохомъ руководствѣ; но мы не имѣемъ никакой причины думать, чтобы при хорошемъ руководствѣ эти успѣхи должны были уменьшиться, и потому все-таки желаемъ, чтобы въ нашихъ училищахъ употреблялись хорошія, а не плохія руководства. Если при всѣхъ ошибкахъ и невѣрностяхъ, представляемыхъ первымъ изданіемъ учебника г. Соснецкаго, учившіеся по этому руководству ученики Московскихъ уѣздныхъ училищъ оказали успѣхи въ русскомъ языкѣ, то намъ кажется, что оказали бы еще больше успѣховъ, если бы этихъ ошибокъ и невѣрностей не было въ учебникѣ.

Но г. Соснецкій, кажется, смотритъ на это дѣло иначе; онъ, вѣроятно, полагаетъ, что успѣхи учениковъ произошли именно отъ ошибокъ его руководства. Онъ не исправилъ и половины тѣхъ погрѣшностей, которыя были ему указаны двумя журналами. Укажемъ нѣкоторыя диковинки, и нынѣ (при 2-мъ изданіи) украшающія этотъ учебникъ, введенный въ Московскія уѣздныя училища.

«Буква *ѣ* пишется въ нарѣчіяхъ *идѣ, вездѣ, здѣсь*—которыя *сложены* съ частицею *дѣ*» (стр. 169). «Если слово *простое*, надобно писать *з*, напр. *здѣсь* и др.» (стр. 197).

Итакъ, одно и то же нарѣчіе *здѣсь* на одной страницѣ было сложнымъ словомъ, а на другой обратилось въ простое?

«Если мы назовемъ предметъ и скажемъ объ немъ что-нибудь, то это называется *рѣчью или предложеніемъ*» (стр. 9).

Стало-быть рѣчь и предложеніе — одно и то же.

На стр. 136-й предложенія *да* и *нѣтъ* попрежнему оставлены въ числѣ нарѣчій.

Виды глаголовъ попрежнему перемѣшаны. Такъ, по мнѣнію г. Соснецкаго, отъ глагола *хочу* будущее время будетъ *захочу*, отъ глагола *ѣду—поѣду* (стр. 121 и 124).

«Есть такія слова, *которыя чаще пишутся з*, хотя встрѣчаются и съ буквою *ь: близъ, межъ, ужъ, жъ* (*же*)» (стр. 802).

Не говоря уже о безграмотности самаго выраженія: «*которыя пишутся з*», ужели г. Соснецкій думаетъ, что ученикамъ очень нужно знать, часто или не часто пишется какое-нибудь слово ошибочно? Кажется, имъ интереснѣе знать, какъ его *должно* писать?

Говоря о существительныхъ, имѣющихъ двоякое множественное число, г. Соснецкій упорно продолжаетъ утверждать, что *каменья* означаютъ только драгоцѣнные камни (стр. 63), а *колѣна*—бываютъ только у растеній (стр. 65). Ему ни по чемъ даже авторитетъ Пушкина, на который ему указывали «Отечественныя Записки», приводя изъ «Анжело» стихъ: «Что если дѣвица, *колѣна* преклоня...»

«Частицы *пере, мере, тере* и т. п. всегда пишутся буквою *е:* запереть, умереть, вытереть и др.» (стр. 162).

Итакъ, г. Соснецкій упорствуетъ и въ этомъ знаменитѣйшемъ изъ своихъ открытій въ области русскаго *языка!* Итакъ *пере, мере, тере*—частицы!

Свадьбу онъ попрежнему производитъ отъ глагола *сводить* (стр. 196). Должно быть, это производство кажется ему болѣе назидательнымъ для юныхъ учениковъ.

«Дополненіе, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ (?), *не можетъ* быть при подлежащемъ» (стр. 226). «Даже и тогда, когда подлежащимъ бываетъ глаголъ дѣйствительный: и въ такомъ случаѣ *дополненія, по необходимости стоящія при подлежащемъ*, могутъ быть обращены въ опредѣленія» (стр. 227).

Можетъ ли оно, или не можетъ быть обращено въ опредѣленіе, это ничего не значитъ, а дополненіе все-таки остается дополненіемъ, пока не обращено во что-нибудь другое. А главное-то дѣло въ томъ, что въ учебникѣ не должно быть противорѣчій. Какъ прикажете согласить разнорѣчивыя показанія г. Соснецкаго, что дополненіе и не можетъ быть при подлежащемъ, и стоитъ при немъ иногда по необходимости?

Нѣтъ! Должно быть, г. Соснецкій твердо вѣритъ въ необходимость ошибочнаго и безтолковаго руководства для того, чтобы ученики Московскихъ уѣздныхъ училищъ оказывали успѣхи.

314. Краткая священная исторія ветхаго завѣта,

составленная по программѣ, изданной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для преподаванія Закона Божія въ гимназіяхъ, и по указаннымъ въ ней руководствамъ, *А. О.* Кіевъ. 1858.

Напечатано вмѣстѣ съ № 312.

М. Л.

Голословность, сухость и малопримѣнимость къ дѣтскому возрасту составляютъ главнѣйшій недостатокъ, отъ котораго страдаетъ едва ли не бо́льшая часть нашихъ дѣтскихъ учебниковъ. А все это происходитъ отъ того, что у насъ разомъ хотятъ выучить мальчика всему. Это замѣчаніе вполнѣ можетъ быть приложено и къ разсматриваемой нами священной исторіи.

Вмѣсто того, чтобы познакомить дѣтей съ событіями ветхозавѣтной исторіи въ легкомъ и связномъ разсказѣ, г. А. О. вздумалъ преподать имъ исторію ветхозавѣтной церкви, съ указаніемъ на отношенія ея къ новозавѣтной, изложилъ исторію церковныхъ обрядовъ, распространился о священныхъ книгахъ и даже сдѣлалъ изъ нихъ выписки, которыя едва ли пойметъ и самый смышленый мальчикъ. Мало того, онъ пускается иногда въ такія догматическія тонкости, которыя рѣшительно недоступны для дѣтскаго пониманія. Таково его объясненіе, въ чемъ состоятъ образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ и какими послѣдствіями для души сопровождалось паденіе первыхъ человѣковъ. Авторъ предполагаетъ, что мальчикамъ отъ 10 до 13 лѣтъ давно уже извѣстны и опытная психологія, и правила христіанскаго нравоученія, и даже аскетика и герминевтика... Очевидно, результатомъ обученія по такому учебнику должно быть незнаніе священной исторіи ветхаго завѣта, смутность пониманія и самыхъ простѣйшихъ вещей, благодаря схоластицизму и ученой богословской терминологіи. Это не учебная книга для дѣтей, а скорѣе подробный конспектъ церковно-библейской исторіи митрополита Филарета, которая можетъ быть понятна только для взрослыхъ и при томъ уже знакомыхъ съ началами наукъ богословскихъ.

---

315. Бесѣды съ дѣтьми.

А. А. Пчельниковой. Часть II, III, IV. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 312. А. А. Пчельникова—псевдонимъ А. А. Цейдлеръ. (См. № 297).

М. Л.

Прекрасное изданіе г-жи Пчельниковой, о которомъ мы упоминали въ библіографіи 5-го № нашего журнала, дѣятельно продолжается, отличаясь тѣмъ же разнообразіемъ, простотою и занимательностью, какія замѣчены были нами въ первомъ выпускѣ. Въ вышедшихъ теперь, новыхъ трехъ выпускахъ продолжаются англійскіе уроки по методѣ Робертсона и, кромѣ того, начаты по той же методѣ уроки французскіе. Они ведутся съ тою же простотою и искусствомъ, какъ и первый урокъ; но намъ кажется, что если г-жа Пчельникова захочетъ довести ихъ до конца, то они займутъ слишкомъ много мѣста въ «бесѣдахъ». Бесѣды эти, какъ теперь оказывается, не назначаются собственно для дѣтскаго чтенія, а должны только служить матеріаломъ для разговоровъ старшихъ съ дѣтьми. Въ этомъ отношеніи «Бесѣды» превосходны; и выборъ предметовъ, и способъ ихъ изложенія могутъ постоянно служить образцомъ для воспитателей, затрудняющихся, какъ вести дѣтское обученіе. Въ разсказахъ г-жи Пчельниковой очень удачно выбраны предметы, могущіе служить для *наглядна́го обученія* дѣтей; такъ во второй книжкѣ описана столярная со всѣми инструментами и принадлежностями столярнаго мастерства; въ третьей объяснено явленіе радуги и гармонія цвѣтовъ; въ четвертой изображены домашнія животныя. Все это

поясняется картинками, сдѣланными очень отчетливо. Въ текстѣ замѣтили мы нѣкоторую книжность выраженія; но умный воспитатель, для котораго книжка г-жи Пчельниковой будетъ служить темою, легко съумѣетъ поправить этотъ недостатокъ. Такъ же точно могутъ быть полезны и разсказы изъ естественной исторіи, и пословицы, и сказочки, и даже назидательныя повѣсти: всѣ они могутъ служить облегченіемъ родителямъ и воспитателямъ въ выборѣ предметовъ для бесѣдъ съ дѣтьми. Но нельзя того же сказать о цѣломъ курсѣ двухъ языковъ, представленномъ въ видѣ бесѣдъ. Три-четыре урока могли быть помѣщены въ видѣ образчиковъ; но далѣе тянуть ихъ въ каждомъ выпускѣ, кажется, ужъ не нужно. Манера преподаванія съ достаточной ясностью показана уже и въ первыхъ урокахъ; а цѣлый курсъ языка въ «Бесѣдахъ» обошелся бы слишкомъ дорого. Каждая книжка ихъ стоитъ 75 к. с.; слѣдовательно, если, напримѣръ, курсъ англійскаго языка ограничить даже только 20-ю уроками, такъ и тогда окажется, что за него придется заплатить 15 цѣлковыхъ. Имѣя это въ виду, г-жа Пчельникова, конечно, не будетъ наполнять своихъ «Бесѣдъ» уроками языковъ по Робертсоновой методѣ, а помѣститъ въ нихъ что-нибудь новое и болѣе нужное для разговоровъ воспитателей съ дѣтьми. Если же она хочетъ оказать услугу дѣтямъ и по части языкознанія, то гораздо лучше ей составить и издать отдѣльно руководство для изученія англійскаго и французскаго языковъ. Руководства эти не нужно будетъ печатать на такой превосходной бумагѣ и съ той типографской роскошью, какъ печатаются «Бесѣды»; слѣдовательно, они будутъ стоить несравненно дешевле, и при томъ каждый урокъ не будетъ отдѣляться отъ другого такими длинными промежутками, какъ это дѣлается теперь при изданіи «Бесѣдъ».

---

316. Деревня.

Разсказы для юношества о сельской природѣ и о сельскомъ бытѣ. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 312. (См. № 321).

М. Л.

Книга эта назначена собственно для юношества, хотя въ ней можетъ найти любопытныя свѣдѣнія и взрослый человѣкъ, который рѣдко имѣетъ возможность выѣзжать изъ города. Въ ней находится много занимательныхъ подробностей касательно деревенской жизни, деревенской природы и крестьянскаго быта. Всѣ времена года — такъ, какъ они проходятъ въ деревнѣ — представлены здѣсь весьма подробно, въ довольно живыхъ картинахъ. Кромѣ описаній природы, не всегда, впрочемъ, удачныхъ и часто по длиннотѣ и по исчисленію мелочей утомительныхъ,—книга содержитъ въ себѣ много картинъ изъ крестьянскаго быта, описываетъ сельское хозяйство, полевыя работы, время сѣнокоса, жатвы, уходъ за скотомъ, за птицами и т. п. Въ ней есть также много сценъ, взятыхъ изъ крестьянской жизни: видно, что авторъ довольно знакомъ съ сельскимъ бытомъ. Жаль только, что его «Деревня», претендуя на поэзію, которой она не лишена отчасти, часто сбивается на сухое и незанимательное изображеніе мелочей; самыя описанія довольно однообразны, такъ что, будучи довольно интересны сначала, подъ конецъ надоѣдаютъ. При томъ описанія вообще хороши только тогда, когда близко относятся къ жизни: въ «Деревнѣ» они слишкомъ общи; а чтобы такія описанія были интересны, для этого нуженъ талантъ, напр., Аксакова, котораго «Записки ружейнаго охотника» въ высшей степени занимательны, хотя и состоятъ изъ однихъ описаній. Затѣмъ описаніе можетъ быть еще хорошо, когда въ немъ выражается личное чувство автора, извѣстный моментъ, въ который картина природы, сама по себѣ нисколько можетъ быть неинтересная, получаетъ жизнь въ минуту извѣстной настроенности человѣка. Сама по себѣ картина ничего не значитъ и дѣло не въ ней, а въ томъ чувствѣ, которое она пробуждаетъ. Всякій имѣетъ возможность видѣть лѣсъ, поле, восходъ солнца, и описывать все это казалось бы нечего; но всякій ли одинаково взглянетъ на эти явленія, всякій ли въ состояніи чувствовать красоту ихъ? Поэтому

поэзія не въ изображеніи предмета, но въ передачѣ чувства. Чѣмъ чувство опредѣленнѣе, яснѣе, конкретнѣе, если можно такъ выразиться, тѣмъ оно живѣе, интереснѣе. То же должно сказать и объ описаніи, которое можетъ передать чувство. Описанія общія и чувства пробуждаютъ общія, неясныя, неопредѣленныя. А въ «Деревнѣ» такихъ описаній множество. Мы этимъ, впрочемъ, не уменьшаемъ достоинства книги, но хотимъ только сказать, что методъ, избранный авторомъ, не совсѣмъ удаченъ, особенно если книга его назначена для дѣтей. Деревенскую жизнь можно было бы передать гораздо лучше и занимательнѣе въ формѣ разсказа, повѣсти: тогда описанія были бы только аксессуарами; по своей конкретности они были бы живѣе, характеристичнѣе и, слѣдовательно, полнѣе передавали бы деревенскую жизнь. Вотъ, напр., Робинзонъ Крузоэ: тутъ и романъ и естественная исторія, если хотите. Оттого все и удерживается легко въ памяти; всѣ подробности живо сохраняются въ головѣ потому именно, что переданы въ разсказѣ, въ исторіи частной жизни. Что, если бы весь этотъ островъ, на которомъ жилъ Робинзонъ, описать такъ, какъ, напр., авторъ «Деревни» описываетъ осень, лѣто и т. п.? Общность описаній составляетъ вообще большой недостатокъ «Деревни», но этотъ недостатокъ именно зависитъ отъ неудачнаго метода, избраннаго авторомъ.

---

317. Темное царство.

(Сочиненія *А. Островскаго*. Два тома. Спб. 1859 г.).

Напечатано въ VII и X книжкахъ «Современника» 1859 г. (ценз. 1 іюля и 20 октября), за подписью «Н. —бовъ».

Очень обширная статья, уже одна дающая Добролюбову право на выдающееся мѣсто среди критиковъ и публицистовъ. Островскій, можно сказать, настолько же разъясненъ Добролюбовымъ, насколько Гоголь — Бѣлинскимъ. Къ тому, что̀ сказалъ Н. А. о талантливомъ драматургѣ, и теперь, спустя полстолѣтія, почти нечего прибавить,—до такой степени онъ исчерпалъ его творчество своимъ аналитическимъ умомъ. Въ то время важно было вывести Островскаго изъ рамокъ той или другой партіи, признавъ его прежде всего талантливымъ и очень правдивымъ бытописателемъ Россіи. Добролюбовъ это и сдѣлалъ, признавъ однимъ изъ главныхъ и лучшихъ свойствъ его таланта — умѣнье подмѣчать натуру, проникать въ глубь души человѣка, уловлять его чувства, независимо отъ изображенія его внѣшнихъ, оффиціальныхъ отношеній. Такимъ образомъ Добролюбовъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ Островскому, проявленное за пять лѣтъ до того (см. № 1). И если бы не увѣренность въ томъ, что своею откровенностью онъ подниметъ противъ себя и журнала голоса литературныхъ противниковъ въ родѣ «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія», «Атенея» и т. п., — можно быть увѣреннымъ, что онъ нашелъ бы въ себѣ достаточно мужества, чтобы сознаться въ этой перемѣнѣ печатно.

Попутно Добролюбовъ снова высказывается о содержаніи художественныхъ произведеній вообще, указывая на идеалъ, представляющій полное сліяніе науки и поэзіи, разумѣется, до тѣхъ поръ никѣмъ не достигнутый: «свободное претвореніе самыхъ высшихъ умозрѣній въ живые образы и вмѣстѣ съ тѣмъ полное сознаніе высшаго, общаго смысла во всякомъ, самомъ частномъ и случайномъ фактѣ жизни»... Какъ видимъ, онъ не сходитъ съ того, что̀ говорилъ и раньше, а лишь постепенно детализируетъ свои эстетическіе взгляды.

Достаточно внимательно прочесть эту статью и № 298, чтобы имѣть полное основаніе утверждать, какъ Добролюбовъ былъ далекъ отъ какого бы то ни было «разрушенія искусства», въ которомъ его обвиняли сторонники чистаго искусства для искусства. Два крупнѣйшихъ представителя «эстетическаго» поколѣнія 40-хъ годовъ нашли въ Добролюбовѣ такого аналитика своего творчества, которому подобнаго уже не имѣли другіе. Правъ г. Венгеровъ, говоря, что въ этихъ двухъ статьяхъ Н. А. достигъ своего кульминаціоннаго пункта и что по силѣ дарованія настоящая статья стоитъ совершенно особнякомъ не только въ русской, но и въ европейской критической ли-

тературѣ. «Это уже не служебный анализъ, а совершенно самостоятельный, чисто творческій синтезъ, изъ разрозненныхъ чертъ создавшій поражающее своею стройностью логическое построеніе» (Словарь Брокгауза, XX, 826).

«Темное царство» — это конечно не только среда, такъ основательно освѣщенная Островскимъ, это все русское царство, вся Россія. Въ этомъ-то и заключается общественная сторона всей статьи. Въ самомъ концѣ Добролюбовъ намекаетъ и самъ на бо́льшую широту своихъ мыслей, чѣмъ о ней можно судить по метафорическому способу ихъ выраженія, — но, разумѣется, цензура не позволяла критику-публицисту высказать свои мысли сколько-нибудь полно, безъ необходимости всякой эзоповщины.

Надо внимательно читать эту статью, чтобы увидѣть, что цѣлой Россіи посвящены почти всѣ ея мысли. Добролюбовъ болѣлъ отъ сознанія порабощенности народа и общества, отъ проницающаго все насквозь деспотизма и произвола, отъ обезличившаго населеніе порабощенія, отъ рабства женщины, общественной лжи, притворства, озвѣренія угнетателей и тупой, безнадежной покорности угнетенныхъ... Онъ видѣлъ, что такой народъ и общество не въ состояніи сколько-нибудь скоро стать кузнецами своего собственнаго счастья. Слишкомъ глубоко залегло рабство въ сердцахъ и умахъ... И онъ, все-таки, призываетъ къ воскресенію изъ мертвыхъ, возлагая надежды на естественное право, какъ основаніе любезнаго ему соціализма, говоря: «Законы имѣютъ условное значеніе по отношенію къ намъ. Но мало этого: они и сами по себѣ не вѣчны и не абсолютны. Принимая ихъ, какъ выработанныя уже условія прошедшей жизни, мы чрезъ то никакъ не обязываемся считать ихъ совершеннѣйшими и отвергать всякія другія условія. Напротивъ, въ мой естественный договоръ съ обществомъ входитъ, по самой его сущности, и обязательство стараться объ изысканіи возможно лучшихъ законовъ. Съ точки зрѣнія общаго, естественнаго человѣческаго права, каждому члену общества ввѣряется забота о постоянномъ совершенствованіи существующихъ постановленій и объ уничтоженіи тѣхъ, которыя стали вредны или ненужны. Нужно только, чтобы измѣненіе въ постановленіяхъ, какъ клонящееся къ общему благу, подвергалось общему суду и получило общее согласіе. Если же общее согласіе не получено, то частному лицу предоставляется спорить, доказывать свои предположенія и, наконецъ, отказаться отъ всякаго участія въ томъ дѣлѣ, о которомъ настоящія правила признаны имъ ложными... Такимъ образомъ, въ силу самаго чувства законности, устраняется застой и неподвижность въ общественной организаціи, мысли и волѣ дается просторъ и работа; нарушеніе формальнаго statu quo нерѣдко требуется тѣмъ же чувствомъ законности»...

Кажется, ясно, что́ хотѣлъ сказать Добролюбовъ этими словами въ отношеніи реформы темнаго царства... Пока не можетъ вступить въ силу императивъ естественнаго права, онъ призывалъ всѣхъ и каждаго встать на защиту своихъ личныхъ правъ и одернуть самодурство энергическимъ протестомъ...

Понятно, что «Темное царство» пользовалось очень шумнымъ успѣхомъ въ публикѣ, настолько, что даже литературные и политическіе враги Добролюбова признавали статью выдающейся. Такъ, внутренній обозрѣватель «Отечественныхъ Записокъ», С. С. Громека, писалъ въ 1861 г. (кн. VII, стр. 14): «Вспомнимъ только, что число крестьянъ простирается до 40.000,000, что всѣ они составляютъ нижній, коренной слой того «темнаго царства», котораго характерныя черты такъ мастерски схвачены г. — бо́вымъ».

Историко-литературную роль этой статьи Добролюбова очень хорошо уясняютъ слѣдующія слова тогдашняго современника — Н. В. Шелгунова. «Еще шире и общественнѣе сталъ захватъ «Современника», когда толкователемъ новой эстетической теоріи въ примѣненіи къ литературной критикѣ явился такой высокоодаренный и полный страстной любви къ людямъ человѣкъ, какъ Добролюбовъ. Пускай читатель прочтетъ внимательно его «Темное царство», чтобы оцѣнить, къ какимъ широкимъ выводамъ привела вновь установленная точка зрѣнія на задачи и цѣли литературы и искусства. Справедливо было замѣчено, что Островскаго создалъ Добролюбовъ. Но не Островскаго онъ создалъ; онъ создалъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ Островскій. Безсознательное творчество Островскаго дало ему поводъ показать и освѣтить ту страшную пучину грязи, въ которой ходили, пачкались и гибли цѣлые ряды поколѣній, систематически воспитанныхъ въ собственномъ обезличеніи. «Темное царство» Добролюбова было не критикой, не протестомъ противъ отношеній, дѣлающихъ невозможнымъ никакое правильное общежитіе, это было цѣлымъ поворотомъ общественнаго сознанія на новый путь понятій. Я не преувеличу, если скажу, что это было эпохой перелома всѣхъ домашнихъ отношеній, новымъ кодексомъ для воспитанія свободныхъ

людей въ свободной семьѣ. Добролюбовъ былъ именно глашатаемъ этого перелома въ отношеніяхъ, неотразимымъ страстнымъ проповѣдникомъ нравственнаго достоинства и тѣхъ облагораживающихъ условій жизни, идеаломъ которыхъ служитъ свободный человѣкъ въ свободномъ государствѣ» («Сочиненія», II, 682—683).

Даже Ап. Григорьевъ нашелъ эту статью выдающейся, несмотря на то, что Островскому—котораго онъ разбиралъ и вкривь и вкось—было дано совсѣмъ иное значеніе. Онъ называетъ Добролюбова «замѣчательно даровитымъ публицистомъ», а идеи—высказанными имъ «побѣдоносно и поистинѣ блистательно», изложеніе—«зрѣлымъ и мастерскимъ», всю статью—«серьезной и умной» и т. д. («Русскій Міръ» 1860 г., №№ 5, 6, 9 и 11).

М. Л.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

> Что же за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, — и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ... Однакожъ разнесли, стало быть, была же какая-нибудь причина.
>
> Гоголь.

Ни одинъ изъ современныхъ русскихъ писателей не подвергался, въ своей литературной дѣятельности, такой странной участи, какъ Островскій. Первое произведеніе его («Картина семейнаго счастья») не было замѣчено рѣшительно никѣмъ, не вызвало въ журналахъ ни одного слова—ни въ похвалу, ни въ порицаніе автора. Черезъ три года явилось второе произведеніе Островскаго: «Свои люди — сочтемся»; авторъ встрѣченъ былъ всѣми, какъ человѣкъ совершенно новый въ литературѣ, и немедленно всѣми признанъ былъ писателемъ необычайно талантливымъ, лучшимъ, послѣ Гоголя, представителемъ драматическаго искусства въ русской литературѣ. Но по одной изъ тѣхъ странныхъ, для обыкновеннаго читателя, и очень досадныхъ для автора случайностей, которыя такъ часто повторяются въ нашей бѣдной литературѣ,—пьеса Островскаго не только не была играна на театрѣ, но даже не могла встрѣтить подробной и серьезной оцѣнки ни въ одномъ журналѣ. «Свои люди», напечатанные сначала въ «Москвитянинѣ», успѣли выйти отдѣльнымъ оттискомъ, но литературная критика и не заикнулась о нихъ. Такъ эта комедія и пропала, — какъ будто въ воду канула, на нѣкоторое время. Черезъ годъ Островскій написалъ новую комедію: «Бѣдная невѣста». Критика отнеслась къ автору съ уваженіемъ, называла его безпрестанно авторомъ «Своихъ людей» и даже замѣтила, что обращаетъ на него такое вниманіе болѣе за первую его комедію, нежели за вторую, которую всѣ признали слабѣе первой. Затѣмъ каждое новое произведеніе Островскаго возбуждало въ журналистикѣ нѣкоторое волненіе, и вскорѣ по поводу ихъ образовались даже двѣ литературныя партіи, радикально противоположныя одна другой. Одну партію составляла молодая редакція «Москвитянина», провозгласившая [1]), что Островскій «четырьмя пьесами создалъ народный театръ въ Россіи», что онъ—

> Поэтъ, глашатай правды новой,
> Насъ міромъ новымъ окружилъ,
> И новое сказалъ намъ слово,
> Хоть правдѣ старой послужилъ,

и что эта старая правда, изображаемая Островскимъ,

> Простѣе, но дороже,
> Здоровѣй дѣйствуетъ на грудь,

нежели правда шекспировскихъ пьесъ.

Стихи эти напечатаны въ «Москвитянинѣ» (1854 г. № 4) по поводу пьесы «Бѣдность—не порокъ», и преимущественно по поводу одного лица ея, Любима Торцова. Надъ ихъ эксцентричностью много смѣялись въ свое время, но они не были піитической вольностью, а служили довольно вѣрнымъ выраженіемъ критическихъ мнѣній партіи, безусловно восхищавшейся каждою строкою Островскаго. Къ сожалѣнію, мнѣнія эти высказывались всегда съ удивительной заносчивостью, туманностью и неопредѣленностью, такъ что для противной партіи невозможенъ былъ даже серьезный споръ. Хвалители Островскаго кричали, что онъ сказалъ *новое слово*; но на вопросъ: «въ чемъ же состоитъ это новое слово»?—долгое время ничего не отвѣчали, а потомъ сказали, что это *новое слово* есть не что иное, какъ — что́ бы вы думали? — *народность!* Но народность эта была такъ неловко вытащена на сцену по поводу Любима Торцова и такъ сплетена съ нимъ, что критика, неблагопріятная Островскому, не преминула воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, высунула языкъ неловкимъ хвалителямъ и начала дразнить ихъ: «такъ ваше *новое слово*—въ Торцовѣ, въ Любимѣ

[1]) Въ статьяхъ Ап. Григорьева.

Торцовѣ, въ пьяницѣ Торцовѣ! Пропоица Торцовъ—вашъ идеалъ» и т. д. Это показыванье языка было, разумѣется, не совсѣмъ удобно для серьезной рѣчи о произведеніяхъ Островскаго; но и то нужно сказать, — кто же могъ сохранить серьезный видъ, прочитавъ о Любимѣ Торцовѣ такіе стихи:

Поэта образы живые
Высокій комикъ въ плоть облекъ...
Вотъ отчего теперь *впервые*
По всѣмъ бѣжитъ единый токъ.
Вотъ отчего театра зала
Отъ верху до низу однимъ
Душевнымъ, искреннимъ, роднымъ
Восторгомъ вся затрепетала.
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ съ *поднятой* головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ русской, чистою душой.
Комедія ль въ немъ плачетъ передъ нами,
Трагедія ль хохочетъ вмѣстѣ съ нимъ,—
Не знаемъ мы и вѣдать не хотимъ!
Скорѣй въ театръ! Тамъ ломятся толпами,
Тамъ по душѣ теперь гуляетъ бытъ родной,
Тамъ пѣсня русская свободно, звонко льется,
Тамъ человѣкъ теперь и плачетъ, и смѣется,
Тамъ цѣлый міръ, міръ полный и живой.
И намъ, простымъ, смиреннымъ чадамъ вѣка
Не страшно, весело теперь за человѣка!
На сердцѣ такъ тепло, такъ вольно дышетъ грудь,
Любимъ Торцовъ душѣ такъ прямо кажетъ путь! (куда?)
Великорусская на сценѣ жизнь пируетъ,
Великорусское начало торжествуетъ,
Великорусской рѣчи складъ
И въ присказкѣ лихой, и въ пѣснѣ *игреливой,*
Великорусскій умъ, великорусскій взглядъ,
Какъ Волга матушка, широкій и *гульливый.*
Тепло, привольно, любо намъ,
Уставшимъ жить болѣзненнымъ обманомъ!..

За этими стихами слѣдовали ругательства на Рашель и на тѣхъ, кто ею восхищался, обнаруживая тѣмъ *духъ рабскаго, слѣпого подражанья.* Пусть она и талантъ, пусть геній,—восклицалъ авторъ стихотворенія: — «но намъ *не ко двору* пришло ея искусство!» Намъ, говоритъ, нужна правда не въ примѣръ другимъ. И при сей вѣрной оказіи стихотворный критикъ ругалъ Европу и Америку и хвалилъ Русь въ слѣдующихъ поэтическихъ выраженіяхъ:

Пусть будетъ фальшь мила Европѣ старой
Или Америкѣ *беззубо-молодой,*
Собачьей старостью больной...
Но наша Русь крѣпка! Въ ней много силы, жара;
И правду любитъ Русь, *и правду понимать*
Дана ей Господомъ святая благодать,
И въ ней одной теперь пріютъ находитъ
Все то, что человѣка благородитъ!..

Само собою разумѣется, что подобные возгласы по поводу Торцова о томъ, что человѣка благородитъ, не могли повести къ здравому и безпристрастному разсмотрѣнію дѣла. Они только дали критикѣ противнаго направленія справедливый поводъ придти въ благородное негодованіе и воскликнуть, въ свою очередь, о Любимѣ Торцовѣ:

«И это называется у кого-то *новое слово,* это поставляется на видъ какъ лучшій цвѣтъ всей нашей литературной производительности за послѣдніе годы! За что же *такая невѣжественная хула* на русскую литературу? Дѣйствительно, такого *слова* еще не говорилось въ ней, такого героя никогда и не снилось ей, благодаря тому, что въ ней еще свѣжи были старыя литературныя преданія, которыя не допустили бы такого искаженія вкуса. *Любимъ Торцовъ могъ явиться на сценѣ во всемъ безобразіи* лишь въ то время, когда они начали приходить въ забвеніе... Удивляетъ и непріятно поражаетъ насъ то, что пьяная фигура какого-нибудь Торцова могла вырасти до идеала, что ею хотятъ гордиться какъ самымъ чистымъ воспроизведеніемъ народности въ поэзіи, что Торцовымъ мѣряютъ успѣхи литературы и навязываютъ его всѣмъ въ любовь, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ-де намъ «свой», что онъ у насъ «ко двору!» *Не есть ли это искаженіе вкуса и совершенное забвеніе всѣхъ чистыхъ литературныхъ преданій? Но вѣдь есть же стыдъ, есть литературныя приличія,* которыя остаются и послѣ того, какъ лучшія преданія утрачены. *За что же мы будемъ срамить себя,* называя Торцова «своимъ» и возводя его въ наши поэтическіе идеалы?» (От. Зап. 1854 г., № VI).

Мы сдѣлали эту выписку изъ «Отечеств. Записокъ» потому, что изъ нея видно, какъ много вредила всегда Островскому полемика между его порицателями и хвалителями [1]). «Отечеств. Записки» постоянно служили непріятельскимъ станомъ для Островскаго, и большая часть ихъ нападеній обращена была на критиковъ, превозносившихъ его произведенія. Самъ авторъ постоянно оставался въ сторонѣ, до самаго послѣдняго времени, когда «Отечеств. Записки» объявили, что Островскій, вмѣстѣ съ г. Григоровичемъ и г-жею Евгеніею Туръ, — уже *закончилъ свою поэтическую дѣятельность* (см. «Отечеств. Записки» 1859 г., № VI). А между тѣмъ, все-таки на Островскаго падала вся тяжесть обвиненія въ поклоненіи Любиму Торцову, во враждѣ къ европейскому просвѣщенію, въ обожаніи нашей до-петровской старины, и пр. На его дарованіе ложилась тѣнь какого-то старовѣрства, чуть не обскурантизма. А защитники его все толковали о *новомъ словѣ,* — не произнося его однакожъ — да провозглашали, что Островскій есть первый изъ современныхъ русскихъ писателей,

[1]) Впрочемъ читатели могутъ съ большимъ удовольствіемъ пропустить всю исторію критическихъ мнѣній объ Островскомъ и начать нашу статью со второй ея половины. Мы сводимъ на очную ставку критиковъ Островскаго болѣе за тѣмъ, чтобы они сами на себя полюбовались.
Прим. Д.

потому что у него какое-то *особенное міросозерцаніе*... Но въ чемъ состояла эта особенность, они объясняли тоже очень запутанно. Большею частью отдѣлывались они фразами, напр., въ такомъ родѣ:

«У Островскаго одного въ настоящую эпоху литературную, есть *свое прочное новое и вмѣстѣ идеальное міросозерцаніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ* (!), обусловленнымъ какъ данными эпохи, такъ, можетъ быть, и данными натуры самого поэта. Этотъ оттѣнокъ мы назовемъ, *нисколько не колеблясь*, кореннымъ русскимъ міросозерцаніемъ, здоровымъ и спокойнымъ, юмористическимъ безъ болѣзненности, прямымъ безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальнымъ, наконецъ, въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сантиментальности» (Москв., 1853 г., № 1).

«Такъ онъ писалъ — темно и вяло»—и не мало не разъяснялъ вопроса объ особенностяхъ таланта Островскаго и значеніи его въ современной литературѣ. Два года спустя тотъ же критикъ предположилъ цѣлый рядъ статей «О комедіяхъ Островскаго и о ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ» (Москв. 1855 г., № 3), но остановился на первой статьѣ, да и въ той высказалъ болѣе претензій и широкихъ замашекъ, нежели настоящаго дѣла. Весьма безцеремонно нашелъ онъ, что нынѣшней критикѣ *пришелся не по плечу* талантъ Островскаго, и потому она стала къ нему въ положеніе очень комическое; онъ объявилъ даже, что и «Свои люди» не были разобраны потому только, что и въ нихъ уже высказалось *новое слово*, которое критика хоть и видитъ, да *зубомъ неймется*... Кажется, ужъ причины-то молчанія критики о «Своихъ людяхъ» могъ бы знать положительно авторъ статьи, не пускаясь въ отвлеченныя соображенія!... Затѣмъ, предлагая программу своихъ воззрѣній на Островскаго, критикъ говоритъ, въ чемъ, по его мнѣнію, выражалась *самобытность таланта*, которую онъ находитъ въ Островскомъ,—и вотъ его опредѣленія. «Она выражалась: 1) *въ новости быта*, выводимаго авторомъ и до него еще непочатаго, *если исключить нѣкоторые очерки Вельтмана и Луганскаго* [1]) (хороши предшественники для Островскаго!!); 2) *въ новости отношенія* автора къ изображаемому имъ быту и выводимымъ лицамъ; 3) *въ новости манеры* изображенія; 4) *въ новости языка*—въ его *цвѣтистости* (!), *особенности* (?)». Вотъ вамъ и все. Положенія эти не разъяснены критикомъ. Въ продолженіи статьи брошено еще нѣсколько презрительныхъ отзывовъ о критикѣ, сказано, что «*солонъ ей этотъ бытъ* (изображаемый Островскимъ), *солонъ его языкъ, солоны его типы, — солоны по ея собственному состоянію*», — и затѣмъ критикъ, ничего не объясняя и не доказывая, преспокойно переходитъ къ Лѣтописямъ, Домострою и Посошкову, чтобы представить «обозрѣніе отношеній нашей литературы къ народности». На этомъ и покончено было дѣло критика, взявшагося быть адвокатомъ Островскаго противъ противоположной партіи. Вскорѣ потомъ сочувственная похвала Островскому вошла уже въ тѣ предѣлы, въ которыхъ она является въ видѣ увѣсистаго булыжника, бросаемаго человѣку въ лобъ услужливымъ другомъ: въ первомъ томѣ «Русской Бесѣды» напечатана была статья г. Тертія Филиппова о комедіи: «Не такъ живи, какъ хочется». Въ «Современникѣ» было въ свое время выставлено дикое безобразіе этой статьи, проповѣдующей, что жена должна съ готовностью подставлять спину бьющему ее пьяному мужу, и восхваляющей Островскаго за то, что онъ, будто бы, раздѣляетъ эти мысли и умѣлъ рельефно ихъ выразить... Въ публикѣ статья эта была встрѣчена общимъ негодованіемъ. По всей вѣроятности, и самъ Островскій (которому опять досталось тутъ изъ-за его непризнанныхъ комментаторовъ) не былъ доволенъ ею; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ онъ уже не подалъ никакого повода еще разъ наклепать на него столь милыя вещи.

Такимъ образомъ, восторженные хвалители Островскаго немного сдѣлали для объясненія публикѣ его значенія и особенностей его таланта; они только помѣшали многимъ прямо и просто взглянуть на него. Впрочемъ, восторженные хвалители вообще рѣдко бываютъ истинно-полезны для объясненія публикѣ дѣйствительнаго значенія писателя: порицатели въ этомъ случаѣ гораздо надежнѣе: выискивая недостатки (даже и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ), они все-таки представляютъ свои требованія и даютъ возможность судить, насколько писатель удовлетворяетъ или не удовлетворяетъ имъ. Но въ отношеніи къ Островскому и порицатели его оказались не лучше поклонниковъ. Если свести въ одно всѣ упреки, которые дѣлались Островскому со всѣхъ сторонъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и дѣлаются еще доселѣ, то рѣшительно нужно будетъ отказаться отъ всякой надежды понять, чего хотѣли отъ него и какъ на него смотрѣли его критики. Каждый представлялъ свои требованія и каждый при этомъ бранилъ другихъ, имѣющихъ требованія противоположныя, каждый пользовался непремѣнно какимъ-нибудь изъ достоинствъ одного произведенія Островскаго, чтобы вмѣнить ихъ въ вину другому про-

[1]) Псевдонимъ В. И. Даля.

Библиотека ...КОР

изведенію, и наоборотъ. Одни упрекали Островскаго за то, что онъ измѣнилъ своему первоначальному направленію и сталъ, вмѣсто живого изображенія жизненной пошлости купеческаго быта, представлять его въ идеальномъ свѣтѣ. Другіе, напротивъ, похваляя его за идеализацію, постоянно оговаривались, что «Своихъ людей» они считаютъ произведеніемъ недодуманнымъ, одностороннимъ, фальшивымъ даже [1]). При послѣдующихъ произведеніяхъ Островскаго, рядомъ съ упреками за приторность въ прикрашиваніи той пошлой и безцвѣтной дѣйствительности, изъ которой бралъ онъ сюжеты для своихъ комедій, слышались также съ одной стороны восхваленія его за самое это прикрашиваніе [2]), а съ другой — упреки въ томъ, что онъ дагеротипически изображаетъ всю грязь жизни [3]).

Этой противоположности въ самыхъ основныхъ воззрѣніяхъ на литературную дѣятельность Островскаго было бы уже достаточно для того, чтобы сбить съ толку простодушныхъ людей, которые бы вздумали довѣриться критикѣ въ сужденіяхъ объ Островскомъ. Но противорѣчіе этимъ не ограничивалось; оно простиралось еще на множество частныхъ замѣтокъ о разныхъ достоинствахъ и недостаткахъ комедій Островскаго. Разнообразіе его таланта, широта содержанія, охватываемаго его произведеніями, безпрестанно подавали поводъ къ самымъ противоположнымъ упрекамъ. Такъ, напр., за «Доходное мѣсто» упрекнули его въ томъ, что выведенные имъ взяточники *не довольно омерзительны* [1]); за «Воспитанницу» осудили, что лица, въ ней изображенныя, *слишкомъ ужъ омерзительны* [2]). За «Бѣдную невѣсту», «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность — не порокъ» и «Не такъ живи, какъ хочется» Островскому приходилось со всѣхъ сторонъ выслушивать замѣчанія, что онъ пожертвовалъ выполненіемъ пьесы для своей основной задачи [3]); и за тѣ же произведенія

---

[1]) Такъ, въ разборѣ «Бѣдность не порокъ» одинъ критикъ упрекалъ Островскаго за то, что въ первомъ своемъ произведеніи онъ «былъ чистымъ сатирикомъ: ничто противодѣйствующее не было выставлено имъ на-ряду съ показаннымъ зломъ» (Москв. 1854 г., № 5). Критикъ «Русской Бесѣды» объяснялся еще рѣзче. Разбирая пьесу: «Не такъ живи, какъ хочется», онъ отозвался о «Своихъ людяхъ» слѣдующимъ образомъ: «Свои люди» есть, конечно, такое произведеніе, на которомъ лежитъ печать необыкновеннаго дарованія, но оно задумано подъ сильнымъ вліяніемъ отрицательнаго воззрѣнія на русскую жизнь, отчасти смягченнаго еще художественнымъ исполненіемъ, и въ этомъ отношеніи должно отнести его, какъ ни жалко, къ послѣдствіямъ *натуральнаго направленія*» (Русск. Бесѣда 1856 г., № 1). *Прим. Д.*

[2]) Одинъ изъ критиковъ отдалъ преимущество комедіи «Бѣдность не порокъ» предъ «Своими людьми» за то, что въ «Бѣдности не порокъ» «Островскій является уже не однимъ сатирикомъ, — что, рядомъ со зломъ фальшивой цивилизаціи, здѣсь ему видится въ томъ же быту благодушная, простая, крѣпко связанная съ родными преданіями и обычаями жизнь, и все сочувствіе его, при столкновеніи такихъ двухъ враждебныхъ началъ, естественно склоняется на сторону послѣдняго» (Москв. 1854 г. № 5). Критикъ «Русской Бесѣды» также одобряетъ Островскаго за то, что послѣ «Своихъ людей» *отрицательное* отношеніе къ жизни смѣнилось у него *сочувственнымъ* и, вмѣсто мрачныхъ изображеній, какія мы видѣли въ «Своихъ людяхъ», появляются образы, созданіе которыхъ внушено другими лучшими впечатлѣніями отъ жизни». *Прим. Д.*

[3]) Такъ, въ «Отечеств. Запискахъ», при разборѣ той же комедіи «Бѣдность не порокъ», Островскій заслужилъ упрекъ въ томъ, что у него «самыя грязныя стороны дѣйствительности *не только писаны подлинными ея красками*, но и возведены въ достоинство идеаловъ». Видно, что критику не понравилось самое списываніе грязныхъ сторонъ дѣйствительности. Упрекъ за это постоянно слышался, рядомъ съ упрекомъ въ идеализаціи, и въ недавнее время выраженъ былъ даже въ такой формѣ: комедія подъ перомъ г. Островскаго измѣнила своему художественному значенію и сдѣлалась простою копіею дѣйствительной жизни (Атен. 1859 г., № 8). *Прим. Д.*

[1]) «Эти лица, выведенныя на сцену, должны бы возбудить въ читателѣ или зрителѣ отвращеніе къ себѣ, но они сами по себѣ возбуждаютъ только состраданіе. Взяточничество — это общественная язва,—не очень омерзительно и ярко выставлено въ ихъ поступкахъ... А можно было бы показать, какъ взяточники и казнокрады всякаго рода терзаютъ, безобразятъ и губятъ всюду, внутри и внѣ, нашу многострадальную, родную матушку Россію (Атен. 1858 г., № 10). *Прим. Д.*

[2]) «Всѣ лица «Воспитанницы», кромѣ Нади,— вовсе не лица, а какія-то отвлеченныя и фильтрированныя дозы разнаго рода человѣческой грязи, отъ которыхъ на душѣ у читателя остается самое тяжелое и непріятное впечатлѣніе» («Весна», статья Ахшарумова). *Прим. Д.*

[3]) «Увлеченный благородствомъ и новостью *своихъ задачъ*, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія... Сожми Островскій свою драму въ тѣсныя рамы, умѣрь нѣсколько свои въ высокой степени *благородныя и широкія задачи*, не выброси онъ за разъ всего, что̀ передумано, перечувствовано имъ въ отношеніи къ избранному драматическому положенію, созданіе получило бы стройность и цѣлость, хотя, можетъ быть, утратило бы нѣсколько своей энергіи» (Москв. 1853 г., № 1, разборъ «Бѣдной невѣсты»). *Прим. Д.*

«Избравъ для разрѣшенія *своей задачи* драматическую форму, авторъ тѣмъ самымъ принялъ на себя обязанность удовлетворить всѣмъ требованіямъ этой формы, т.-е. прежде всего произвести впечатлѣніе на читателя или зрителя драматическою коллизіею и движеніемъ, и этимъ путемъ напечатлѣть на немъ основную идею комедіи. *Въ этомъ отношеніи мы не можемъ остаться совершенно довольны новою пьесою г. Островскаго*, и пр.» (Москв. 1854, № 5, разборъ «Бѣдность—не порокъ») *Прим. Д.*

«Въ произведеніяхъ г. Островскаго *задачи* не только правильны, но и полны глубокаго смысла и всегда здравы въ нравственномъ отношеніи... и нельзя не пожалѣть, что именно это произведеніе

привелось автору слышать совѣты въ родѣ того, чтобы онъ не довольствовался рабской подражательностью природѣ, а постарался *расширить свой умственный горизонтъ* [1]). Мало того — ему сдѣланъ былъ даже упрекъ въ томъ, что вѣрному изображенію дѣйствительности (т.-е. исполненію) онъ отдается слишкомъ исключительно, не заботясь объ *идеѣ* своихъ произведеній. Другими словами,—его упрекали именно въ отсутствіи или ничтожествѣ *задачъ*, которыя другими критиками признавались ужъ слишкомъ широкими, слишкомъ превосходящими средства самаго ихъ выполненія [2]).

Словомъ—трудно представить себѣ возможность середины, на которой можно было бы удержаться, чтобы хоть сколько-нибудь согласить требованія, въ теченіе десяти лѣтъ предъявлявшіяся Островскому разными (а иногда и тѣми же самыми) критиками. То — зачѣмъ онъ слишкомъ чернитъ русскую жизнь, то — зачѣмъ бѣлитъ и румянитъ ее? То — для чего предается онъ дидактизму, то — зачѣмъ нѣтъ нравственной основы въ его произведеніяхъ?.. То—онъ слишкомъ рабски передаетъ дѣйствительность, то — невѣренъ ей; то — онъ очень ужъ заботится о внѣшней отдѣлкѣ. То—у него дѣйствіе идетъ слишкомъ вяло, то—сдѣланъ слишкомъ быстрый поворотъ, къ которому читатель недостаточно подготовленъ предъидущимъ. То — характеры очень обыкновенны, то—слишкомъ исключительны. И все это часто говорилось по поводу однихъ и тѣхъ же произведеній критиками, которые должны были сходиться, повидимому, въ основныхъ воззрѣніяхъ. Если бы публикѣ приходилось судить объ Островскомъ только по критикамъ, десять лѣтъ сочинявшимся о немъ, то она должна была бы остаться въ крайнемъ недоумѣніи о томъ: что же, наконецъ, думать ей объ этомъ авторѣ? То онъ выходилъ, по этимъ критикамъ, квасным патріотомъ, обскурантомъ, то прямымъ продолжателемъ Гоголя въ лучшемъ его періодѣ; то славянофиломъ, то западникомъ; то создателемъ народнаго театра, то гостинодворскимъ Котебу; то писателемъ съ новымъ особеннымъ міросозерцаніемъ, то человѣкомъ, нимало не осмысливающимъ дѣйствительности, которая имъ копируется. Никто до сихъ поръ не далъ не только полной характеристики Островскаго, но даже не указалъ тѣхъ чертъ, которыя составляютъ существенный смыслъ его произведеній.

Отчего произошло такое странное явленіе? «Стало быть, была же какая-нибудь причина?» Можетъ быть, дѣйствительно, Островскій такъ часто измѣняетъ свое направленіе, что его характеръ до сихъ поръ еще не могъ опредѣлиться? Или, напротивъ, онъ съ самаго начала сталъ, какъ увѣряла критика «Москвитянина», на ту высоту, которая превосходитъ степень пониманія современной критики? Кажется, ни то, ни другое. Причина безалаберности, господствующей до сихъ поръ въ сужденіяхъ объ Островскомъ, заключается именно въ томъ, что его хотѣли непремѣнно сдѣлать представителемъ извѣстнаго рода убѣжденій, и затѣмъ карали за невѣрность этимъ убѣжденіямъ или возвышали за укрѣпленіе въ нихъ, и наоборотъ. Всѣ признали въ Островскомъ замѣчательный талантъ, и вслѣдствіе того всѣмъ критикамъ хотѣлось видѣть въ немъ поборника и проводника тѣхъ убѣжденій, которыми сами они были проникнуты. Лю-

---

(«Не такъ живи, какъ хочется») «такъ прекрасно задуманное и такъ прекрасно, въ драматическомъ отношеніи, расположенное, по исполненію слабѣе всѣхъ другихъ, дотолѣ писанныхъ произведеній г. Островскаго» (Рус. Бес. 1856 г., № 1). *Прим. Д.*

[1]) «Рабская подражательность—не въ языкѣ только новой комедіи, но и во всемъ почти ея содержаніи, какъ въ концепціи цѣлаго, такъ и въ подробностяхъ. Напрасно стали бы искать въ ней хоть одной идеальной черты: ея нѣтъ ни въ лицахъ, ни въ самомъ дѣйствіи... Мы прежде всего желали бы автору выйти изъ того тѣснаго круга, въ которомъ онъ до сихъ поръ заключилъ свою дѣятельность, и нѣсколько поболѣе расширить свой умственный горизонтъ» (Отеч. Записки 1854 г., № 6). *Прим. Д.*

[2]) Въ особенности выразилось это въ нахальной статьѣ, недавно напечатанной въ «Атенеѣ». Заключительное слово критики таково: «произведенія г. Островскаго, выражая жизнь дѣйствительную, сами по себѣ не имѣютъ никакой жизни; въ нихъ нѣтъ *ни идеи*, ни дѣйствія, ни характеровъ истинно поэтическихъ... Надобно отдать справедливость автору въ томъ отношеніи, что онъ умѣлъ представить въ нихъ (въ комедіяхъ изъ купеческаго быта) довольно вѣрную, дѣйствительную картину купеческаго и мѣщанскаго быта — и только. Одно произведеніе вышло изъ ряда ихъ, именно: «Бѣдная невѣста», но зато она и хуже всѣхъ. Что касается до *богатства мыслей*, разнообразія характеровъ, то въ этомъ отношеніи мы не можемъ сказать ничего утѣшительнаго. Довольно узнать только то, что одно произведеніе служило, такъ сказать, поводомъ другому, по какому-нибудь противоположенію Такъ, напр., комедія «Свои люди—сочтемся» имѣетъ къ себѣ въ *pendant* драму «Не такъ живи, какъ хочется», которую можно назвать также: «Свои люди—сочтемся.» «Бѣдная невѣста» дала поводъ написать комедію «Не въ свои сани не садись», или «Богатую невѣсту»; къ нимъ очень близка комедія «Бѣдность—не порокъ», которую можно назвать совершенно справедливо «Бѣдный женихъ». *Изъ этого видно, насколько богата фантазія г. Островскаго запасомъ идей и образами для ихъ выраженія*».

Припомнимъ, что долгое время хвалители Островскаго удивлялись именно неисчерпаемому богатству его фантазіи въ созданіи множества новыхъ типовъ и драматическихъ положеній, и намъ будетъ ясно, какъ ничтожна была сочувственная ему критика для уясненія значенія этого писателя. *Прим. Д.*

дямъ съ славянофильскимъ оттѣнкомъ очень понравилось, что онъ хорошо изображаетъ русскій бытъ, и они безъ церемоніи провозгласили Островскаго поклонникомъ «*благодушной русской старины*» въ пику тлетворному Западу. Какъ человѣкъ, дѣйствительно знающій и любящій русскую народность, Островскій дѣйствительно подалъ славянофиламъ много поводовъ считать его «своимъ», а они воспользовались этимъ такъ неумѣренно, что дали противной партіи весьма основательный поводъ считать его врагомъ европейскаго образованія и писателемъ ретрограднаго направленія. Но, въ сущности, Островскій никогда не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ произведеніяхъ. Можетъ быть, вліяніе кружка и дѣйствовало на него, въ смыслѣ признанія извѣстныхъ отвлеченныхъ теорій, но оно не могло уничтожить въ немъ вѣрнаго чутья дѣйствительной жизни, не могло совершенно закрыть передъ нимъ дороги, указанной ему талантомъ. Вотъ почему произведенія Островскаго постоянно ускользали изъ-подъ обѣихъ, совершенно различныхъ мѣрокъ, прикидываемыхъ къ нему съ двухъ противоположныхъ концовъ. Славянофилы скоро увидѣли въ Островскомъ черты, вовсе не служащія для проповѣди смиренія, терпѣнія, приверженности къ обычаямъ отцовъ и ненависти къ Западу, и считали нужнымъ упрекать его—или въ недосказанности, или въ уступкахъ *отрицательному* воззрѣнію. Самый нелѣпый изъ критиковъ славянофильской партіи [1]) очень категорически выразился, что у Островскаго все бы хорошо, «но у него иногда недостаетъ рѣшительности и смѣлости въ исполненіи задуманнаго: ему, какъ будто, мѣшаютъ ложный стыдъ и робкія привычки, воспитанныя въ немъ *натуральнымъ* направленіемъ. Оттого нерѣдко онъ затѣваетъ что-нибудь *возвышенное* или *широкое*, а память о *натуральной* мѣркѣ и спугнетъ его замыселъ; ему бы слѣдовало дать волю счастливому внушенію, а онъ, какъ будто, испугается высоты полета, и образъ выходитъ какой-то недодѣланный» («Рус. Бес.»). Въ свою очередь, люди, пришедшіе въ восторгъ отъ «Своихъ людей», скоро замѣтили, что Островскій, сравнивая старинныя начала русской жизни съ новыми началами европеизма въ купеческомъ быту, постоянно склоняется на сторону первыхъ. Это имъ не нравилось, и самый нелѣпый изъ критиковъ такъ называемой *западнической* партіи выразилъ свое сужденіе, тоже очень категорическое, слѣдующимъ образомъ: «дидактическое направленіе, опредѣляющее характеръ этихъ произведеній, не позволяетъ намъ признавать въ нихъ истинно-поэтическаго таланта. Оно основано на тѣхъ началахъ, которыя называются у нашихъ славянофиловъ народными. Имъ-то подчинилъ г. Островскій въ комедіяхъ и драмѣ мысль, чувство и свободную волю человѣка» («Атеней», 1859 г.) [1]). Въ этихъ двухъ противоположныхъ отрывкахъ можно найти ключъ къ тому, отчего критика до сихъ поръ не могла прямо и просто взглянуть на Островскаго, какъ на писателя, изображающаго жизнь извѣстной части русскаго общества, а все смотрѣла на него, какъ на проповѣдника морали, сообразной съ понятіями той или другой партіи. Отвергнувши эту, заранѣе приготовленную мѣрку, критика должна была бы приступить къ произведеніямъ Островскаго просто для ихъ изученія съ рѣшительностью—брать то, что̀ даетъ самъ авторъ. Но тогда нужно было бы отказаться отъ желанія завербовать его въ свои ряды, нужно было бы поставить на второй планъ свои предубѣжденія къ противной партіи, нужно было не обращать вниманія на самодовольныя и довольно наглыя выходки противной стороны... а это было чрезвычайно трудно и для той, и для другой партіи. Островскій и сдѣлался жертвою полемики между ними, взявши въ угоду той и другой нѣсколько неправильныхъ аккордовъ, и тѣмъ еще болѣе сбивши ихъ съ толку.

Къ счастію, публика мало заботилась о критическихъ перекорахъ, и сама читала комедіи Островскаго, смотрѣла на театрѣ тѣ изъ нихъ, которыя допущены къ представленію, перечитывала опять и, такимъ образомъ, довольно хорошо ознакомилась съ произведеніями своего любимаго комика. Благодаря этому обстоятельству, трудъ критика значительно облегчается теперь. Нѣтъ надобности разбирать каждую пьесу порознь, разсказывать содержаніе, слѣдить развитіе дѣйствія сцена за сценой, подбирать по дорогѣ мелкія неловкости, выхвалять удачныя выраженія, и т. п. Все это читателямъ уже очень хорошо извѣстно: содержаніе пьесъ всѣ знаютъ, о частныхъ промахахъ было говорено много разъ, удачныя, мѣткія выраженія давно уже подхвачены публикой и употребляются въ разговорной рѣчи, въ родѣ поговорокъ. Съ другой стороны—навязать автору свой собственный образъ мыслей тоже не нужно, да и неудобно (развѣ при такой отвагѣ, какую выказалъ критикъ «Атенея», г. Н. П. Некрасовъ изъ Москвы): теперь уже для всякаго читателя ясно, что Островскій не обскурантъ, не проповѣдникъ

[1]) Тертій Филипповъ.

[1]) Н. П. Некрасовъ, или, какъ его называли—«Некрасовъ изъ Москвы».

плетки, какъ основанія семейной нравственности, не поборникъ гнусной морали, предписывающей терпѣніе безъ конца и отреченіе отъ правъ собственной личности,—равно какъ и не слѣпой, ожесточенный пасквилянтъ, старающійся, во что бы то ни стало, выставить на позоръ *грязныя пятна* русской жизни. Конечно, вольному воля: недавно еще одинъ критикъ пытался доказать, что основная идея комедіи «Не въ свои сани не садись» состоитъ въ томъ, что безнравственно купчихѣ лѣзть замужъ за дворянина, а гораздо благонравнѣе выдти за ровню, по приказу родительскому. Тотъ же критикъ рѣшилъ (очень энергически), что въ драмѣ «Не такъ живи, какъ хочется» Островскій проповѣдуетъ, будто «полная покорность волѣ старшихъ, слѣпая вѣра въ справедливость изстари предписаннаго закона и совершенное отреченіе отъ человѣческой свободы, отъ всякаго притязанія на право заявить свои человѣческія чувства, гораздо лучше, чѣмъ самая мысль, чувство и свободная воля человѣка». Тотъ же критикъ весьма остроумно сообразилъ, что «въ сценахъ «Праздничный сонъ до обѣда» осмѣяно суевѣріе во сны» [1])... Но вѣдь теперь два тома сочиненій Островскаго въ рукахъ у читателей,—кто же повѣритъ такому критику?

Итакъ, предполагая, что читателямъ извѣстно содержаніе пьесъ Островскаго и самое ихъ развитіе, мы постараемся только припомнить черты, общія всѣмъ его произведеніямъ или большей части ихъ, свести эти черты къ одному результату и по нимъ опредѣлить значеніе литературной дѣятельности этого писателя. Исполнивши это, мы только представимъ въ общемъ очеркѣ то, что̀ и безъ насъ давно уже знакомо большинству читателей, но что̀ у многихъ, можетъ быть, не приведено въ надлежащую стройность и единство. При этомъ считаемъ нужнымъ предупредить, что мы не задаемъ автору никакой программы, не составляемъ для него никакихъ предварительныхъ правилъ, сообразно съ которыми онъ долженъ задумывать и выполнять свои произведенія. Такой способъ критики мы считаемъ очень обиднымъ для писателя, талантъ котораго всѣми признанъ, и за которымъ упрочена уже любовь публики и извѣстная доля значенія въ литературѣ. Критика, состоящая въ показаніи того, что̀ *долженъ* былъ сдѣлать писатель, и насколько хорошо выполнилъ онъ свою *должность*, бываетъ еще умѣстна изрѣдка, въ приложеніи къ автору начинающему, подающему нѣкоторыя надежды, но идущему рѣшительно ложнымъ путемъ и потому нуждающемуся въ указаніяхъ и совѣтахъ. Но вообще она непріятна, потому что ставитъ критика въ положеніе школьнаго педанта, собравшагося проэкзаменовать какого-нибудь мальчика. Относительно такого писателя, какъ Островскій, нельзя позволить себѣ этой схоластической критики. Каждый читатель съ полной основательностью можетъ намъ замѣтить: «зачѣмъ вы убиваетесь надъ соображеніями о томъ, что вотъ тутъ нужно было бы то-то, а здѣсь недостаетъ того-то? Мы вовсе не хотимъ признать за вами право давать уроки Островскому; намъ вовсе неинтересно знать, какъ бы, по вашему мнѣнію, слѣдовало сочинить пьесу, сочиненную имъ. Мы читаемъ и любимъ Островскаго, и отъ критики мы хотимъ, чтобы она осмыслила передъ нами то, чѣмъ мы увлекаемся часто безотчетно, чтобы она привела въ нѣкоторую систему и объяснила намъ наши собственныя впечатлѣнія. А если, уже послѣ этого объясненія, окажется, что наши впечатлѣнія ошибочны, что результаты ихъ вредны, или что мы приписываемъ автору то, чего въ немъ нѣтъ,—тогда пусть критика займется разрушеніемъ нашихъ заблужденій, но опять-таки на основаніи того, что̀ даетъ намъ самъ авторъ». Признавая такія требованія вполнѣ справедливыми, мы считаемъ за самое лучшее—примѣнить къ произведеніямъ Островскаго критику *реальную*, состоящую въ обозрѣніи того, что̀ намъ даютъ его произведенія. Здѣсь не будетъ требованій въ родѣ того, зачѣмъ Островскій не изображаетъ характеровъ такъ, какъ Шекспиръ, зачѣмъ не развиваетъ комическаго дѣйствія такъ, какъ Гоголь [1]), и т. п. Всѣ подобныя требованія, по нашему мнѣнію, столько же ненужны, безплодны и неосновательны, какъ и требованія того, напр., чтобы Островскій былъ комикомъ страстей и давалъ намъ мольеровскихъ тартюфовъ и гарпагоновъ, или чтобъ онъ уподобился Аристофану и придалъ комедіи политическое значеніе. Конечно, мы не отвергаемъ того, что лучше было бы, если бы Островскій соединилъ въ себѣ Аристофана, Мольера и Шекспира; но мы знаемъ, что этого нѣтъ, что это невозможно, и все-таки признаемъ Островскаго замѣчательнымъ писателемъ въ нашей литературѣ, находя, что онъ и самъ по себѣ, какъ есть, очень недуренъ и заслуживаетъ нашего вниманія и изученія...

Точно такъ же реальная критика не допускаетъ и навязыванья автору чужихъ

[1]) Это все въ «Атенеѣ»! *Прим. Д.* Все Н. П. Некрасовъ.

[1]) Эти замѣчанія, дѣйствительно, дѣлались Островскому мудрыми критиками. *Прим. Д.*

мыслей. Предъ ея судомъ стоятъ лица, созданныя авторомъ, и ихъ дѣйствія; она должна сказать, какое впечатлѣніе производятъ на нее эти лица, и можетъ обвинять автора только за то, ежели впечатлѣніе это неполно, неясно, двусмысленно. Она никогда не позволитъ себѣ, напр., такого вывода: это лицо отличается привязанностью къ старинным предразсудкамъ; но авторъ выставилъ его добрымъ и неглупымъ, слѣдственно, авторъ желалъ выставить въ хорошемъ свѣтѣ старинные предразсудки. Нѣтъ, для реальной критики здѣсь представляется прежде всего фактъ: авторъ выводитъ добраго и неглупаго человѣка, зараженнаго старинными предразсудками. Затѣмъ критика разбираетъ, возможно ли и дѣйствительно ли такое лицо; нашедши же, что оно вѣрно дѣйствительности, она переходитъ къ своимъ собственнымъ соображеніямъ о причинахъ, породившихъ его и т. д. Если въ произведеніи разбираемаго автора эти причины указаны, критика пользуется и ими и благодаритъ автора; если нѣтъ,— не пристаетъ къ нему съ ножемъ къ горлу, какъ, дескать, онъ смѣлъ вывести такое лицо, не объяснивши причинъ его существованія? Реальная критика относится къ произведенію художника точно такъ же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни: она изучаетъ ихъ, стараясь опредѣлить ихъ собственную норму, собрать ихъ существенныя, характерныя черты, но вовсе не суетясь изъ-за того, зачѣмъ это овесъ — не рожь, и уголь—не алмазъ... Были, пожалуй, и такіе ученые, которые занимались опытами, долженствовавшими доказать превращеніе овса въ рожь; были и критики, занимавшіеся доказываніемъ того, что если бы Островскій такую-то сцену такъ-то измѣнилъ, то вышелъ бы Гоголь, а если бы такое-то лицо вотъ такъ сдѣлалъ, то превратился бы въ Шекспира... Но надо полагать, что такіе ученые и критики немного принесли пользы наукѣ и искусству. Гораздо полезнѣе ихъ были тѣ, которые внесли въ общее сознаніе нѣсколько скрывавшихся прежде или не совсѣмъ ясныхъ фактовъ изъ жизни или изъ міра искусства, какъ воспроизведенія жизни. Если въ отношеніи къ Островскому до сихъ поръ не было сдѣлано ничего подобнаго, то намъ остается только пожалѣть объ этомъ странномъ обстоятельствѣ и постараться поправить его, насколько хватитъ силъ и умѣнья.

Но чтобы покончить съ прежними критиками Островскаго, соберемъ теперь тѣ замѣчанія, въ которыхъ почти всѣ они были согласны, и которыя могутъ заслуживать вниманія.

Во-первыхъ, всѣми признаны въ Островскомъ даръ наблюдательности и умѣнье представить вѣрную картину быта тѣхъ сословій, изъ которыхъ бралъ онъ сюжеты своихъ произведеній.

Во-вторыхъ, всѣми замѣчена (хотя и не всѣми отдана ей должная справедливость) мѣткость и вѣрность народнаго языка въ комедіяхъ Островскаго.

Въ-третьихъ, по согласію всѣхъ критиковъ, почти всѣ характеры въ пьесахъ Островскаго совершенно обыденны и не выдаются ничѣмъ особеннымъ, не возвышаются надъ пошлою средою, въ которой они поставлены. Это ставится многими въ вину автору, на томъ основаніи, что такія лица, дескать, необходимо должны быть безцвѣтными. Но другіе справедливо находятъ и въ этихъ будничныхъ лицахъ очень яркія типическія черты.

Въ-четвертыхъ, всѣ согласны, что въ большей части комедій Островскаго «недостаетъ (по выраженію одного изъ восторженныхъ его хвалителей) экономіи въ планѣ и въ постройкѣ пьесы», и что вслѣдствіе того (по выраженію другого изъ его поклонниковъ) «драматическое дѣйствіе не развивается въ нихъ послѣдовательно и безпрерывно, интрига пьесы не сливается органически съ идеей пьесы и является ей какъ бы нѣсколько посторонней».

Въ-пятыхъ, всѣмъ не нравится слишкомъ крутая, *случайная*, развязка комедій Островскаго. По выраженію одного критика, въ концѣ пьесы «какъ будто смерчъ какой проносится по комнатѣ и разомъ переверты вает всѣ головы дѣйствующихъ лицъ».

Вотъ, кажется, все, въ чемъ доселѣ соглашалась всякая критика, заговаривая объ Островскомъ... Мы могли бы построить всю нашу статью на развитіи этихъ, всѣми признанныхъ, положеній и, можетъ быть, избрали бы благую часть. Читатели, конечно, поскучали бы немного; но зато мы отдѣлались бы чрезвычайно легко, заслужили бы сочувствіе эстетическихъ критиковъ и даже,—почему знать?—стяжали бы, можетъ быть, названіе тонкаго цѣнителя художественныхъ красотъ и таковыхъ же недостатковъ. Но, къ сожалѣнію, мы не чувствуемъ въ себѣ призванія *воспитывать эстетическій вкусъ публики*, и потому намъ самимъ чрезвычайно скучно браться за школьную указку съ тѣмъ, чтобы пространно и глубокомысленно толковать о тончайшихъ оттѣнкахъ художественности. Предоставляя это гг. Алмазову, Ахшарумову и имъ подобнымъ, мы изложимъ здѣсь только тѣ результаты, какіе даетъ намъ изученіе произведеній Островскаго относительно изображаемой имъ дѣйствительности. Но предварительно сдѣлаемъ нѣсколько за-

мѣчаній объ отношеніи художественнаго таланта къ отвлеченнымъ идеямъ писателя.

Въ произведеніяхъ талантливаго художника, какъ бы они ни были разнообразны, всегда можно примѣчать нѣчто общее, характеризующее всѣ ихъ и отличающее ихъ отъ произведеній другихъ писателей. На техническомъ языкѣ искусства принято называть это *міросозерцаніемъ* художника. Но напрасно стали бы мы хлопотать о томъ, чтобы привести это міросозерцаніе въ опредѣленныя логическія построенія, выразить его въ отвлеченныхъ формулахъ. Отвлеченностей этихъ обыкновенно не бываетъ въ самомъ сознаніи художника; нерѣдко даже въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ онъ высказываетъ понятія, разительно противоположныя тому, что̀ выражается въ его художественной дѣятельности,—понятія, принятыя имъ на вѣру или добытыя имъ посредствомъ ложныхъ, на́скоро, чисто внѣшнимъ образомъ составленныхъ силлогизмовъ. Собственный же взглядъ его на міръ, служащій ключемъ къ характеристикѣ его таланта, надо искать въ живыхъ образахъ, создаваемыхъ имъ. Здѣсь-то и находится существенная разница между талантомъ художника и мыслителя. Въ сущности, мыслящая сила и творческая способность обѣ равно присущи и равно необходимы и философу, и поэту. Величіе философствующаго ума и величіе поэтическаго генія равно состоятъ въ томъ, чтобы, при взглядѣ на предметъ, тотчасъ умѣть отличать его существенныя черты отъ случайныхъ, затѣмъ,—правильно организовать ихъ въ своемъ сознаніи и умѣть овладѣть ими такъ, чтобы имѣть возможность свободно вызвать ихъ для всевозможныхъ комбинацій. Но разница между мыслителемъ и художникомъ та, что у послѣдняго воспріимчивость гораздо живѣе и сильнѣе. Оба они почерпаютъ свой взглядъ на міръ изъ фактовъ, успѣвшихъ дойти до ихъ сознанія. Но человѣкъ съ болѣе живой воспріимчивостью, «художническая натура», сильно поражается самымъ первымъ фактомъ извѣстнаго рода, представившимся ему въ окружающей дѣйствительности. У него еще нѣтъ теоретическихъ соображеній, которыя бы могли объяснить этотъ фактъ; но онъ видитъ, что тутъ есть что-то особенное, заслуживающее вниманія, и съ жаднымъ любопытствомъ всматривается въ самый фактъ, усваиваетъ его, носитъ его въ своей душѣ сначала какъ единичное представленіе, потомъ присоединяетъ къ нему другіе, однородные факты и образы и, наконецъ, создаетъ типъ, выражающій въ себѣ всѣ существенныя черты всѣхъ частныхъ явленій этого рода, прежде замѣченныхъ художниковъ. Мыслитель, напротивъ, не такъ скоро и не такъ сильно поражается. Первый фактъ новаго рода не производитъ на него живого впечатлѣнія; онъ большею частію едва примѣчаетъ этотъ фактъ и проходитъ мимо него, какъ мимо странной случайности, даже не трудясь его усвоить себѣ. (Не говоримъ, разумѣется, о личныхъ отношеніяхъ: влюбиться, разсердиться, опечалиться—всякій философъ можетъ столь же быстро, при первомъ же появленіи *факта*, какъ и поэтъ). Только уже потомъ, когда много однородныхъ фактовъ наберется въ сознаніи, человѣкъ съ слабой воспріимчивостью обратитъ на нихъ, наконецъ, свое вниманіе. Но тутъ обиліе частныхъ представленій, собранныхъ прежде и непримѣтно покоившихся въ его сознаніи, даетъ ему возможность тотчасъ же составить изъ нихъ общее понятіе и, такимъ образомъ, немедленно перенести новый фактъ изъ живой дѣйствительности въ отвлеченную сферу разсудка. А здѣсь уже пріискивается до новаго понятія надлежащее мѣсто въ ряду другихъ идей, объясняется его значеніе, дѣлаются изъ него выводы и т. д. При этомъ мыслитель,—или, говоря проще, человѣкъ разсуждающій,—пользуется, какъ дѣйствительными фактами, и тѣми образами, которые воспроизведены изъ жизни искусствомъ художника. Иногда даже эти самые образы наводятъ разсуждающаго человѣка на составленіе правильныхъ понятій о нѣкоторыхъ изъ явленій дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, совершенно яснымъ становится *значеніе художнической дѣятельности въ ряду другихъ отправленій общественной жизни:* образы, созданные художникомъ, собирая въ себѣ, какъ въ фокусѣ, факты дѣйствительной жизни, весьма много способствуютъ составленію и распространенію между людьми правильныхъ понятій о вещахъ.

Отсюда ясно, что главное достоинство писателя-художника состоитъ въ *правдѣ* его изображеній; иначе изъ нихъ будутъ ложные выводы, составятся, по ихъ милости, ложныя понятія. Но какъ понимать *правду* художественныхъ изображеній? Собственно говоря, *безусловной неправды* писатели никогда не выдумываютъ; о самыхъ нелѣпыхъ романахъ и мелодрамахъ нельзя сказать, чтобы представляемыя въ нихъ *страсти* и пошлости были безусловно ложны, т.-е. невозможны, даже какъ уродливая случайность. Но *неправда* подобныхъ романовъ и мелодрамъ именно въ томъ и состоитъ, что на нихъ берутся случайныя, ложныя черты дѣйствительной жизни, не составляющія ея сущности, ея характерныхъ

особенностей. Они представляются ложью и въ томъ отношеніи, что если по нимъ составлять теоретическія понятія, то можно придти къ идеямъ совершенно ложнымъ. Есть, напр., авторы, посвятившіе свой талантъ на воспѣваніе сладострастныхъ сценъ и развратныхъ похожденій; сладострастіе изображается ими въ такомъ видѣ, что, если имъ повѣрить, то въ немъ одномъ только и заключается истинное блаженство человѣка. Заключеніе, разумѣется, нелѣпое, хотя, конечно, и бываютъ дѣйствительно люди, которые, по степени своего развитія, и неспособны понять другого блаженства, кромѣ этого... Были другіе писатели, еще болѣе нелѣпые, которые превозносили доблести воинственныхъ феодаловъ, проливавшихъ рѣки крови, сожигавшихъ города и грабившихъ вассаловъ своихъ. Въ описаніи подвиговъ этихъ грабителей не было прямой лжи; но они представлены въ такомъ свѣтѣ, съ такими восхваленіями, которыя ясно свидѣтельствуютъ, что въ душѣ автора, воспѣвавшаго ихъ, не было чувства человѣческой правды. Такимъ образомъ, всякая односторонность и исключительность уже мѣшаетъ полному соблюденію правды художникомъ. Слѣдовательно, художникъ долженъ — или въ полной неприкосновенности сохранить свой простой, младенчески-непосредственный взглядъ на весь міръ, или (такъ какъ это совершенно невозможно въ жизни) спасаться отъ односторонности возможнымъ расширеніемъ своего взгляда, посредствомъ усвоенія себѣ тѣхъ общихъ понятій, которыя выработаны людьми разсуждающими. Въ этомъ можетъ выразиться связь знанія съ искусствомъ. Свободное претвореніе самыхъ высшихъ умозрѣній въ живые образы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное сознаніе высшаго, общаго смысла во всякомъ, самомъ частномъ и случайномъ фактѣ жизни — это есть идеалъ, представляющій полное сліяніе науки и поэзіи и доселѣ еще никѣмъ не достигнутый. Но художникъ, руководимый правильными началами въ своихъ общихъ понятіяхъ, имѣетъ все-таки ту выгоду предъ неразвитымъ или ложно развитымъ писателемъ, что можетъ свободнѣе предаваться внушеніямъ своей художнической натуры. Его непосредственное чувство всегда вѣрно указываетъ ему на предметы; но когда его общія понятія ложны, то въ немъ неизбѣжно начинается борьба, сомнѣнія, нерѣшительность, и если произведеніе его и не дѣлается оттого окончательно фальшивымъ, то все-таки выходитъ слабымъ, безцвѣтнымъ и нестройнымъ. Напротивъ, когда общія понятія художника правильны и вполнѣ гармонируютъ съ его натурой, тогда эта гармонія и единство отражаются и въ произведеніи. Тогда дѣйствительность отражается и въ произведеніи ярче и живѣе, и оно легче можетъ привести разсуждающаго человѣка къ правильнымъ выводамъ и, слѣдовательно, имѣть болѣе значенія для жизни.

Если мы примѣнимъ все сказанное къ сочиненіямъ Островскаго и припомнимъ то, что̀ говорили выше о его критикахъ, то должны будемъ сознаться, что его литературная дѣятельность не совсѣмъ чужда была тѣхъ колебаній, которыя происходятъ вслѣдствіе разногласія внутренняго художническаго чувства съ отвлеченными, извнѣ усвоенными, понятіями. Этими колебаніями и объясняется то, что критика могла дѣлать совершенно противоположныя заключенія о смыслѣ фактовъ, выставлявшихся въ комедіяхъ Островскаго. Конечно, обвиненія его въ томъ, что онъ проповѣдуетъ отреченіе отъ свободной воли, идіотское смиреніе, покорность и т. д., должны быть приписаны всего болѣе недогадливости критиковъ; но все-таки, значитъ, и самъ авторъ недостаточно оградилъ себя отъ подобныхъ обвиненій. И дѣйствительно, въ комедіяхъ «Не въ свои сани не садись», «Бѣдность— не порокъ» и «Не такъ живи, какъ хочется» — существенно дурныя стороны нашего стариннаго быта обставлены въ дѣйствіи такими случайностями, которыя какъ будто заставляютъ не считать ихъ дурными. Будучи положены въ основу названныхъ пьесъ, эти случайности доказываютъ, что авторъ придавалъ имъ болѣе значенія, нежели онѣ имѣютъ въ самомъ дѣлѣ, и эта невѣрность взгляда повредила цѣльности и яркости самыхъ произведеній. Но сила непосредственнаго художническаго чувства не могла и тутъ оставить автора, и потому частныя положенія и отдѣльные характеры, взятые имъ, постоянно отличаются неподдѣльной истиною. Рѣдко-рѣдко увлеченіе идеей доводило Островскаго до натяжки въ представленіи характеровъ или отдѣльныхъ драматическихъ положеній, какъ, напримѣръ, въ той сценѣ въ «Не свои сани не садись», гдѣ Бородкинъ объявляетъ желаніе взять за себя опозоренную дочь Русакова. Во всей пьесѣ Бородкинъ выставляется благороднымъ и добрымъ по старинному; послѣдній же его поступокъ вовсе не въ духѣ того разряда людей, которыхъ представителемъ служитъ Бородкинъ. Но авторъ хотѣлъ приписать этому лицу всевозможныя добрыя качества и въ числѣ ихъ приписалъ даже такое, отъ котораго настоящіе Бородкины, вѣроятно, отреклись бы съ ужасомъ. Но такихъ натяжекъ чрезвычайно мало у Островскаго: чувство художественной правды постоянно спасало его. Гораздо

чаще онъ какъ будто отступалъ отъ своей идеи, именно по желанію остаться вѣрнымъ дѣйствительности. Люди, которые желали видѣть въ Островскомъ непремѣнно сторонника своей партіи, часто упрекали его, что онъ недостаточно ярко выразилъ ту мысль, которую хотѣли они видѣть въ его произведеніи. Напримѣръ, желая видѣть въ «Бѣдности не порокъ» апоѳеозъ смиренія и покорности старшимъ, нѣкоторые критики упрекали Островскаго за то, что развязка пьесы является не необходимымъ слѣдствіемъ нравственныхъ достоинствъ смиреннаго Мити. Но авторъ умѣлъ понять практическую нелѣпость и художественную ложность такой развязки и потому употребилъ для нея случайное вмѣшательство Любима Торцова. Такъ точно за лицо Петра Ильича въ «Не такъ живи, какъ хочется» автора упрекали, что онъ не придалъ этому лицу той широты натуры, того могучаго размаха, какой, дескать, свойственъ русскому человѣку, особенно въ разгулѣ. Но художническое чутье автора дало ему понять, что его Петръ, приходящій въ себя отъ колокольнаго звона, не есть представитель широкой русской натуры, забубенной головы, а довольно мелкій трактирный гуляка. За «Доходное мѣсто» тоже слышались довольно забавныя обвиненія. Говорили, зачѣмъ Островскій вывелъ представителемъ честныхъ стремленій такого плохого господина, какъ Жадовъ; сердились даже на то, что взяточники у Островскаго такъ пошлы и наивны, и выражали мнѣніе, что «гораздо лучше было бы выставить на судъ публичный тѣхъ людей, которые *обдуманно и ловко* созидаютъ, развиваютъ, поддерживаютъ взяточничество, холопское начало *и со всей энергіей* противятся всѣмъ, чѣмъ могутъ, проведенію въ государственный и общественный организмъ свѣжихъ элементовъ». При этомъ, прибавляетъ требовательный критикъ, «мы были бы самыми напряженными, страстными зрителями то бурнаго, то ловко выдерживаемаго столкновенія двухъ партій» («Атеней» 1858 г., № 10). Такое желаніе, справедливое въ отвлеченіи, доказываетъ, однако, что критикъ совершенно не умѣлъ понять то темное царство, которое изображается у Островскаго, и само предупреждаетъ всякое недоумѣніе о томъ, отчего такія-то лица пошлы, такія-то положенія случайны, такія-то столкновенія слабы. Мы не хотимъ никому навязывать своихъ мнѣній; но намъ кажется, что Островскій погрѣшилъ бы противъ правды, наклепалъ бы на русскую жизнь совершенно чуждыя ей явленія, если бы вздумалъ выставлять нашихъ взяточниковъ, какъ правильно организованную, сознательную партію. Гдѣ вы у насъ нашли подобныя партіи? Въ чемъ открыли вы слѣды сознательныхъ, обдуманныхъ дѣйствій? Повѣрьте, что если бъ Островскій принялся выдумывать такихъ людей и такія дѣйствія, то какъ бы ни драматична была завязка, какъ бы ни рельефно были выставлены всѣ характеры пьесы, произведеніе все-таки, въ цѣломъ, осталось бы мертвымъ и фальшивымъ. И то ужъ есть въ этой комедіи фальшивый тонъ въ лицѣ Жадова; но и его почувствовалъ самъ авторъ, еще прежде всѣхъ критиковъ. Съ половины пьесы онъ начинаетъ спускать своего героя съ того пьедестала, на которомъ онъ является въ первыхъ сценахъ, а въ послѣднемъ актѣ показываетъ его рѣшительно неспособнымъ къ той борьбѣ, какую онъ принялъ-было на себя. Мы въ этомъ не только не обвиняемъ Островскаго, но, напротивъ, видимъ доказательство силы его таланта. Онъ, безъ сомнѣнія, сочувствовалъ тѣмъ прекраснымъ вещамъ, которыя говоритъ Жадовъ; но въ то же время онъ умѣлъ почувствовать, что заставить Жадова *дѣлать* всѣ эти прекрасныя вещи—значило бы исказить настоящую русскую дѣйствительность. Здѣсь требованіе художественной правды остановило Островскаго отъ увлеченія внѣшней тенденціей и помогло ему уклониться отъ дороги гг. Сологуба и Львова. Примѣръ этихъ бездарныхъ фразеровъ показываетъ, что смастерить механическую куколку и назвать ее *честнымъ чиновникомъ* вовсе нетрудно; но трудно вдохнуть въ нее жизнь и заставить ее говорить и дѣйствовать почеловѣчески. Занявшись изображеніемъ честнаго чиновника, и Островскій не вездѣ преодолѣлъ эту трудность; но все-таки въ его комедіи натура человѣческая много разъ сказывается изъ-за громкихъ фразъ Жадова. И въ томъ умѣньи подмѣчать натуру, проникать въ глубь души человѣка, уловлять его чувства, независимо отъ изображенія его внѣшнихъ, оффиціальныхъ отношеній,—въ этомъ мы признаемъ одно изъ главныхъ и лучшихъ свойствъ таланта Островскаго. И поэтому мы всегда готовы оправдать его отъ упрека въ томъ, что онъ въ изображеніи характера не остался вѣренъ тому основному мотиву, какой угодно будетъ отыскать въ немъ глубокомысленнымъ критикамъ.

Точно также мы оправдываемъ Островскаго въ случайности и видимой неразумности развязокъ въ его комедіяхъ. Гдѣ же взять разумности, когда ея нѣтъ въ самой жизни, изображаемой авторомъ? Безъ сомнѣнія, Островскій сумѣлъ бы представить для удержанія человѣка отъ пьянства какіе-нибудь резоны болѣе дѣйствительные,

нежели колокольный звонъ; но что же дѣлать, если Петръ Ильичъ былъ таковъ, что резоновъ не могъ понимать? Своего ума въ человѣка не вложишь, народнаго суевѣрія не передѣлаешь. Придавать ему смыслъ, котораго оно не имѣетъ, значило бы искажать его и лгать на самую жизнь, въ которой оно проявляется. Такъ точно и въ другихъ случаяхъ: создавать непреклонные драматическіе характеры, ровно и обдуманно стремящіеся къ одной цѣли, придумывать строго соображенную и тонко веденную интригу — значило бы навязывать русской жизни то, чего въ ней вовсе нѣтъ. Говоря по совѣсти, никто изъ насъ не встрѣчалъ въ своей жизни мрачныхъ интригановъ, систематическихъ злодѣевъ, сознательныхъ іезуитовъ. Если у насъ человѣкъ и подличаетъ, такъ больше по слабости характера; если сочиняетъ мошенническія спекуляціи, такъ больше оттого, что окружающіе его очень глупы и довѣрчивы; если и угнетаетъ другихъ, то больше потому, что это никакого усилія не стоитъ—такъ всѣ податливы и покорны. Наши интриганы, дипломаты и злодѣи постоянно напоминаютъ мнѣ одного шахматнаго игрока, который говорилъ мнѣ: «это вздоръ, будто можно разсчитать заранѣе свою игру: игроки только напрасно хвалятся этимъ; а на самомъ дѣлѣ больше трехъ ходовъ впередъ невозможно разсчитать». И этотъ игрокъ многихъ еще обыгрывалъ: другіе, стало быть, и трехъ-то ходовъ не разсчитывали, а такъ только — смотрѣли на то, что̀ у нихъ подъ носомъ. Такова и вся наша русская жизнь: кто видитъ на три шага впередъ, тотъ уже считается мудрецомъ и можетъ надуть и оплести тысячи людей. А тутъ хотятъ, чтобы художникъ представлялъ намъ въ русской кожѣ какихъ-нибудь Тартюфовъ, Ричардовъ, Шейлоковъ! По нашему мнѣнію, такое требованіе совершенно нейдетъ къ намъ и сильно отзывается схоластикой. По схоластическимъ требованіямъ, произведеніе искусства не должно допускать случайности: въ немъ все должно быть строго соображено, все должно развиваться послѣдовательно изъ одной данной точки, съ логической необходимостью *и въ то же время естественностью!* Но если *естественность* требуетъ отсутствія *логической послѣдовательности?* По мнѣнію схоластиковъ, не нужно брать такихъ сюжетовъ, въ которыхъ случайность не можетъ быть подведена подъ требованія логической необходимости. По нашему же мнѣнію, для художественнаго произведенія годятся всякіе сюжеты, какъ бы они ни были случайны, и въ такихъ сюжетахъ нужно для естественности жертвовать даже отвлеченною логичностью, въ полной увѣренности, что жизнь, какъ и природа, имѣетъ свою логику и что эта логика, можетъ быть, окажется гораздо лучше той, какую мы ей часто навязываемъ... Вопросъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ еще новъ въ теоріи искусства, и мы не хотимъ выставлять свое мнѣніе, какъ непреложное правило. Мы только пользуемся случаемъ высказать его по поводу произведеній Островскаго, у котораго вездѣ на первомъ планѣ видимъ вѣрность фактамъ дѣйствительности и даже нѣкоторое презрѣніе къ логической замкнутости произведенія, — и котораго комедіи, несмотря на то, имѣютъ и занимательность, и внутренній смыслъ.

Высказавши эти бѣглыя замѣчанія, мы, прежде чѣмъ перейдемъ къ главному предмету нашей статьи, должны сдѣлать еще слѣдующую оговорку. Признавая главнымъ достоинствомъ художественнаго произведенія жизненную правду его, мы тѣмъ самымъ указываемъ и мѣрку, которою опредѣляется для насъ *степень достоинства* и значеніе каждаго литературнаго явленія. Судя по тому, какъ глубоко проникаетъ взглядъ писателя *въ самую сущность явленій*, какъ широко захватываетъ онъ въ своихъ изображеніяхъ различныя стороны жизни, — можно рѣшить и то, какъ великъ его талантъ. Безъ этого всѣ толкованія будутъ напрасны. Напримѣръ, у г. Фета есть талантъ, и у г. Тютчева есть талантъ; какъ опредѣлить ихъ относительное значеніе? Безъ сомнѣнія, не иначе, какъ разсмотрѣніемъ сферы, доступной каждому изъ нихъ. Тогда и окажется, что талантъ одного способенъ во всей силѣ проявиться только въ уловленіи мимолетныхъ впечатлѣній отъ тихихъ явленій природы; а другому доступны, кромѣ того,—и знойная страстность, и суровая энергія, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихійными явленіями, но вопросами нравственными, интересами общественной жизни. Въ показаніи всего этого и должна бы собственно заключаться оцѣнка таланта обоихъ поэтовъ. Тогда читатели и безъ всякихъ эстетическихъ (обыкновенно очень туманныхъ) разсужденій поняли бы, какое мѣсто въ литературѣ принадлежитъ и тому, и другому поэту. Такъ мы полагаемъ поступить и съ произведеніями Островскаго. Все предыдущее изложеніе привело насъ до сихъ поръ къ признанію того, что вѣрность дѣйствительности, жизненная правда — постоянно соблюдаются въ произведеніяхъ Островскаго и стоятъ на первомъ планѣ, впереди всякихъ задачъ и заднихъ мыслей. Но этого еще мало: вѣдь и г. Фетъ очень вѣрно выражаетъ неопредѣленныя впечатлѣнія природы, и, однакожъ, отсюда

вовсе не слѣдуетъ, чтобы его стихи имѣли большое значеніе въ русской литературѣ. Для того, чтобы сказать что-нибудь опредѣленное о талантѣ Островскаго, нельзя, стало быть, ограничиться общимъ выводомъ, что оно вѣрно изображаетъ дѣйствительность; нужно еще показать, какъ обширна сфера, подлежащая его наблюденіямъ, до какой степени важны тѣ стороны фактовъ, которыя его занимаютъ, и какъ глубоко проникаетъ онъ въ нихъ. Для этого-то и необходимо реальное разсмотрѣніе того, что есть въ его произведеніяхъ.

Общія соображенія, которыя въ этомъ разсмотрѣніи должны руководить насъ, состоятъ въ слѣдующемъ.

Островскій умѣетъ заглядывать въ глубь души человѣка, умѣетъ отличать *натуру* отъ всѣхъ извнѣ принятыхъ уродствъ и наростовъ; оттого внѣшній гнетъ, тяжесть всей обстановки, давящей человѣка, чувствуется въ его произведеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ во многихъ разсказахъ, страшно возмутительныхъ по содержанію, но внѣшнею, оффиціальною стороною дѣла совершенно заслоняющихъ внутреннюю, человѣческую сторону.

Комедія Островскаго не проникаетъ въ высшіе слои нашего общества, а ограничивается только средними, и потому не можетъ дать ключа къ объясненію многихъ горькихъ явленій, въ ней изображаемыхъ. Но, тѣмъ не менѣе, она легко можетъ наводить на многія аналогическія соображенія, относящіяся и къ тому быту, котораго прямо не касается; это оттого, что типы комедій Островскаго нерѣдко заключаютъ въ себѣ не только исключительно купеческія или чиновничьи, но и общенародныя черты.

Дѣятельность общественная мало затронута въ комедіяхъ Островскаго и, безъ сомнѣнія, потому, что сама гражданская жизнь наша, изобилующая формальностями всякаго рода, почти не представляетъ примѣровъ настоящей дѣятельности, въ которой свободно и широко могъ бы выразиться *человѣкъ*. Зато у Островскаго чрезвычайно полно и рельефно выставлены два рода отношеній, къ которымъ человѣкъ еще можетъ у насъ приложить душу свою,—отношенія *семейныя* и отношенія *по имуществу*. Немудрено поэтому, что сюжеты и самыя названія его пьезъ вертятся около семьи, жениха, невѣсты, богатства и бѣдности.

Драматическія коллизіи и катастрофы въ пьесахъ Островскаго всѣ происходятъ вслѣдствіе столкновенія двухъ партій—*старшихъ* и *младшихъ*, *богатыхъ* и *бѣдныхъ*, *своевольныхъ* и *безотвѣтныхъ*. Ясно, что развязка подобныхъ столкновеній по самому существу дѣла должна имѣть крутой характеръ и отзываться случайностью.

Съ этими предварительными соображеніями вступимъ теперь въ этотъ міръ, открываемый намъ произведеніями Островскаго, и постараемся всмотрѣться въ обитателей, населяющихъ это *темное царство*. Скоро вы убѣдитесь, что мы не даромъ назвали его *темнымъ*.

II.

> Гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше. Надо судить по человѣчеству.
>
> Островскій.

Предъ нами грустно покорныя лица нашихъ младшихъ братій, обреченныхъ судьбою на зависимое, страдательное существованіе. Чувствительный Митя, добродушный Андрей Брусковъ, бѣдная невѣста — Марья Андреевна, опозоренная Авдотья Максимовна, несчастная Даша и Надя — стоятъ передъ нами, безмолвно-покорныя судьбѣ, безропотно-унылыя... Это міръ затаенной, тихо вздыхающей скорби, міръ тупой, ноющей боли, міръ тюремнаго, гробового безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, безсильнымъ ропотомъ, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи. Нѣтъ ни свѣта, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью вѣетъ темная и тѣсная тюрьма. Ни одинъ звукъ съ вольнаго воздуха, ни одинъ лучъ свѣтлаго дня не проникаетъ въ нее. Въ ней вспыхиваетъ по временамъ только искра того священнаго пламени, которое пылаетъ въ каждой груди человѣческой, пока не будетъ залито наплывомъ житейской грязи. Чуть тлѣется эта искра въ сырости и смрадѣ темницы, но иногда, на минуту вспыхиваетъ она и обливаетъ свѣтомъ правды и добра мрачныя фигуры томящихся узниковъ. При помощи этого минутнаго освѣщенія мы видимъ, что тутъ страдаютъ наши братья, что въ этихъ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго,—и наше сердце стѣсняется болью и ужасомъ. Они молчатъ, эти несчастные узники, — они сидятъ въ летаргическомъ оцѣпенѣніи и даже не потрясаютъ своими цѣпями; они почти лишились даже способности сознавать свое страдальческое положеніе; но, тѣмъ не менѣе, они чувствуютъ тяжесть, лежащую на нихъ, они не потеряли способности ощущать свою боль. Если они безмолвно и неподвижно переносятъ ее, такъ это потому, что каждый крикъ, каждый вздохъ, среди этого смраднаго омута, захватываетъ имъ горло, отдается колючею болью въ груди, каждое движеніе

тѣла, обремененнаго цѣпями, грозитъ имъ увеличеніемъ тяжести и мучительнаго неудобства ихъ положенія. И неоткуда ждать имъ отрады, негдѣ искать облегченія: надъ ними буйно и безотчетно владычествуетъ безсмысленное *самодурство*, въ лицѣ разныхъ Торцовыхъ, Брусковыхъ, Уланбековыхъ и пр., не признающее никакихъ разумныхъ правъ и требованій. Только его дикіе, безобразные крики нарушаютъ эту мрачную тишину и производятъ пугливую суматоху на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣческой мысли и воли.

Но не мертвецы же всѣ эти жалкіе люди, не въ темныхъ же могилахъ родились и живутъ они. Вольный божій свѣтъ разстилался когда-то и передъ ними, хоть на короткое время, въ давнюю пору ранняго, беззаботнаго дѣтства. Воспоминаніе объ этой золотой порѣ не оставляетъ ихъ и въ смрадной тюрьмѣ, и въ горькой кабалѣ самодурства. Грубые, необузданные крики какого-нибудь самодура, широкіе размахи руки его напоминаютъ имъ просторъ вольной жизни, гордые порывы свободной мысли и горячаго сердца, — порывы, заглушенные въ несчастныхъ страдальцахъ, но погибшіе не совсѣмъ безъ слѣда. И вотъ, черный осадокъ недовольства, безсильной злобы, тупого ожесточенія начинаетъ шевелиться на днѣ мрачнаго омута, хочетъ всплыть на поверхность взволнованной бездны и своимъ мутнымъ наплывомъ дѣлаетъ ее еще безобразнѣе и ужаснѣе. Нѣтъ простора и свободы для живой мысли, для задушевнаго слова, для благороднаго дѣла; тяжкій самодурный запретъ наложенъ на громкую, открытую, широкую дѣятельность. Но пока живъ человѣкъ, въ немъ нельзя уничтожить стремленія жить, т.-е. проявлять себя какимъ бы то ни было образомъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Чѣмъ болѣе стремленіе это стѣсняется, тѣмъ его проявленія бываютъ уродливѣе; но совсѣмъ *не быть* они не могутъ, пока человѣкъ не совсѣмъ замеръ. И такова сила самодурства въ этомъ темномъ царствѣ Торцовыхъ, Брусковыхъ и Уланбековыхъ, что много людей, дѣйствительно, замираетъ въ немъ, теряетъ и смыслъ, и волю, и даже силу сердечнаго чувства — все, что̀ составляетъ разумную жизнь,—и въ идіотскомъ безсиліи прозябаетъ, только совершая отправленія животной жизни. Но есть и живучія натуры; тѣ глубоко внутри себя собираютъ ядъ своего недовольства, чтобы при случаѣ выпустить его, а между тѣмъ неслышно ползутъ, подобно змѣѣ, съеживаются, извиваются и перевертываются ужемъ и жабою... Они безмолвны, неслышны, незамѣтны, они знаютъ, что всякое быстрое и размашистое движеніе отзовется нестерпимой болью на ихъ закованномъ тѣлѣ; они понимаютъ, что, рванувшись изъ своихъ желѣзъ, они не выбѣгутъ изъ тюрьмы, а только вырвутъ куски мяса изъ своего тѣла. И вотъ они принимаются за работу, глухую и тихую: изгибаясь, вертясь и сжимаясь, они пробуютъ всѣ возможныя манеры—нельзя ли втихомолку высвободить руки, чтобы потомъ распилить свои цѣпи... Начинается воровское, урывчатое движеніе, съ оглядкою, чтобы кто-нибудь не подмѣтилъ его; начинается обманъ и подлость, притворство и зложелательство, ожесточеніе на все окружающее и забота только о себѣ, о достиженіи личнаго спокойствія. Тутъ нѣтъ злобно обдуманныхъ плановъ, нѣтъ сознательной рѣшимости на систематическую, подземную борьбу, нѣтъ даже особенной хитрости: тутъ просто невольное, вынужденное внѣшними обстоятельствами, вовсе необдуманное и ни съ чѣмъ хорошенько несоображенное, проявленіе чувства самосохраненія. Какъ у насъ невольно и безъ нашего сознанія появляются слезы отъ дыма, отъ умиленія и хрѣна, какъ глаза наши невольно щурятся при внезапномъ и слишкомъ сильномъ свѣтѣ, какъ тѣло наше невольно сжимается отъ холода, — такъ точно эти люди невольно и безсознательно принимаются за плутовскую, лицемѣрную и грубо эгоистическую дѣятельность, при невозможности дѣла открытаго, правдиваго и радушнаго... Нечего винить этихъ людей, хотя и не мѣшаетъ остерегаться ихъ: они сами не вѣдаютъ, что̀ творятъ. Подъ страхомъ нагоняя и потасовки, рабски воспитанные, — съ безпрестаннымъ опасеніемъ остаться безъ куска хлѣба, рабски живущіе,—они всѣ силы свои напрягаютъ на пріобрѣтеніе одной изъ главныхъ рабскихъ добродѣтелей — безсовѣстной хитрости. И чего же имъ совѣститься, какую правду, какія права уважать имъ? Вѣдь самодурство властвуетъ надъ ними, давитъ и убиваетъ ихъ совершенно безправно, безсмысленно, безсовѣстно! Въ людяхъ, воспитанныхъ подъ такимъ владычествомъ, не можетъ развиться сознанія нравственнаго долга и истинныхъ началъ честности и права. Вотъ почему безобразнѣйшее мошенничество кажется имъ похвальнымъ подвигомъ, самый гнусный обманъ—ловкою шуткой. Они могутъ васъ надувать, обкрадывать, подводить подъ ножъ, и при всемъ этомъ оставаться искренно радушными и любезными съ вами, сохранить невозмутимое добросердечіе и множество истинно добродѣтельныхъ качествъ. Въ ихъ натурѣ вовсе нѣтъ злости, нѣтъ и вѣроломства; но имъ нужно какъ-нибудь вы-

плыть, выбиться изъ гнилого болота, въ которое погружены они сильными самодурами; они знаютъ, что выбраться на свѣжій воздухъ, которымъ такъ свободно дышутъ эти самодуры, можно съ помощью обмана и денегъ, и вотъ они принимаются хитрить, льстить, надувать, начинаютъ и по мелочи, и большими кушами, но всегда тайкомъ и рывкомъ, закладывать въ свой карманъ чужое добро. Что за дѣло, что оно чужое? Вѣдь у нихъ самихъ отняли все, что они имѣли, *свою волю* и *свою мысль;* какъ же имъ разсуждать о томъ, что честно и что безчестно? какъ не захотѣть надуть другого для своей личной выгоды?

Такимъ образомъ, наружная покорность и тупое, сосредоточенное горе, доходящее до совершеннаго идіотства и плачевнѣйшаго обезличенія, переплетаются въ темномъ царствѣ, изображаемомъ Островскимъ, съ рабскою хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнѣйшимъ вѣроломствомъ. Тутъ никто не можетъ ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что пріятель вашъ похвалится тѣмъ, какъ онъ ловко обсчиталъ или обворовалъ васъ; компаньонъ съ выгодной спекуляціи легко можетъ забрать въ руки всѣ деньги и документы и засадить своего товарища въ яму за долги; тесть надуетъ зятя приданымъ, женихъ обочтетъ и обидитъ сваху; невѣстадочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее надъ нимъ самодурство — дикое, безумное, неправое — прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права... И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ повержены въ прахъ и нагло растоптаны самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье и святыня честнаго труда.

А между тѣмъ тутъ же, рядомъ, только за стѣною, идетъ другая жизнь, свѣтлая, опрятная, образованная... Объ стороны темнаго царства чувствуютъ превосходство этой жизни и то пугаются ея, то привлекаются къ ней. Но основы этой жизни, ея внутренняя сила совершенно непонятны для жалкихъ людей, отвыкшихъ отъ всякой разумности и правды въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ. Только самыя грубыя и внѣшнія, бьющія въ глаза, проявленія этой образованности понятны для нихъ, только на нихъ они нападаютъ, ежели вздумаютъ *не взлюбить* образованность, и только *имъ подражаютъ*, ежели увлекутся страстью жить *по благородному*. Старикъ-самодуръ сбреетъ бороду и станетъ напиваться шампанскимъ, вмѣсто водки, дочь его будетъ пѣть *жестокіе* романсы и увлекаться офицерами; сынъ начнетъ кутить и покупать дорогія платья и шали танцовщицамъ: вотъ и весь кодексъ ихъ образованности... Зато и тѣ, которые боятся новаго свѣта,—если имъ попадется дурачекъ Вихоревъ или Бальзаминовъ, рады принять его за представителя образованности и по поводу его излить свое негодованіе на новые порядки... Итакъ, черезъ всю жизнь *самодуровъ*, черезъ все страдальческое существованіе *безотвѣтныхъ* проходитъ эта борьба съ волной новой жизни, которая, конечно, зальетъ когда-нибудь всю издавна накопленную грязь и превратитъ топкое болото въ свѣтлую и величавую рѣку, но которая теперь еще только вздымаетъ эту грязь, и сама въ нее всасывается и вмѣстѣ съ нею гніетъ и смердитъ... Теперь новыя начала жизни только еще тревожатъ сознаніе всѣхъ обитателей темнаго царства, въ родѣ далекаго привидѣнія или кошмара. Даже для тѣхъ, которые рѣшаются сами *подражать новую моду*, она все-таки тяжела такъ, какъ тяжелъ бываетъ всякій кошмаръ, хотя бы въ немъ представлялись видѣнія самыя прелестныя. И точно какъ послѣ кошмара, даже тѣ, которые, повидимому, успѣли уже освободиться отъ самодурнаго гнета и успѣли возвратить себѣ чувство и сознаніе,—и тѣ все еще не могутъ найтись хорошенько въ своемъ новомъ положеніи и, не понявъ ни настоящей образованности, ни своего призванія, не умѣютъ удержать и своихъ правъ, не рѣшаются и приняться за дѣло, а возвращаются опять къ той же покорности судьбѣ или къ темнымъ сдѣлкамъ съ ложью и самодурствомъ.

Таково общее впечатлѣніе комедій Островскаго, какъ мы ихъ понимаемъ. Чтобы нѣсколько рельефнѣе выставить нѣкоторыя черты этого блѣднаго очерка, напомнимъ нѣсколько частностей, долженствующихъ служить подтвержденіемъ и поясненіемъ нашихъ словъ. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся представленіемъ того нравственнаго растлѣнія, тѣхъ безсовѣстно-неестественныхъ людскихъ отношеній, которыя мы находимъ въ комедіяхъ Островскаго, какъ прямое слѣдствіе тяготѣющаго надъ всѣми самодурства.

Раскрываемъ первую страницу «Сочиненій Островскаго». Мы въ домѣ купца Пузатова, въ комнатѣ, меблированной безъ вкуса, съ портретами, райскими птицами, разноцвѣтными драпри и бутылками настойки. Марья Антиповна, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, сестра Пузатова, сидитъ за пяльцами и поетъ: «*Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ*». Потомъ она говоритъ сама съ собой:

«Вотъ ужъ и лѣто проходитъ, и сентябрь на дворѣ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ, какъ монашенка какая-нибудь, и къ окну не подходи. Куда какъ антиресно».

Дѣйствительно, жизнь дѣвушки не очень интересна: въ домѣ властвуетъ самодуръ и мошенникъ Пузатовъ, братъ Марьи Антиповны; а когда его нѣтъ, такъ поглядываетъ за своею дочерью и за молодой женой сына ворчливая старуха,—мать Пузатова, богомольная, добродушная, и готовая за грошъ продать человѣка. Съ этими людьми нѣтъ ни отрады, ни покоя, ни раздолья для молодыхъ женщинъ; онѣ должны умереть съ тоски и съ огорченія на безпрестанное ворчаніе старухи да на капризы хозяина. Поневолѣ начинаютъ онѣ изыскивать для себя тайныя развлеченія и, разумѣется, находятъ. Вотъ что говоритъ Марья Антиповна тотчасъ послѣ жалобы на судьбу свою:

«Что жъ, пожалуй, не пускайте, запирайте на замокъ! тиранствуйте! А мы съ сестрицей отпросимся ко всенощной въ монастырь, разодѣнемся, а сами въ паркъ отличимся, либо въ Сокольники. *Надо какъ-нибудь на хитрости подыматься...*»

Вотъ вамъ первый образчикъ этой невольной, ненужной хитрости. Какъ сложилось въ Марьѣ Антиповнѣ такое разсужденіе, отъ какихъ частныхъ случайностей стала развиваться наклонность къ хитрости,—что намъ за дѣло!.. Мы знаемъ *общую* причину такого настроенія, указанную намъ очень ясно самимъ же Островскимъ, и видимъ, что Марья Антиповна составляетъ не исключительное, а самое обыкновенное, почти всегдашнее явленіе въ этомъ родѣ. Болѣе намъ ничего и не нужно для объясненія ея ранней испорченности. Но Островскій вводитъ насъ въ самую глубину этого семейства, заставляетъ присутствовать при самыхъ интимныхъ сценахъ, и мы не только понимаемъ, мы скорбно чувствуемъ сердцемъ, что тутъ не можетъ быть иныхъ отношеній, какъ основанныхъ на обманѣ и хитрости съ одной стороны, при дикомъ и безсовѣстномъ деспотизмѣ — съ другой. Сцены Марьи Антиповны съ Матреной Саввишной, женой Пузатова, и ихъ обѣихъ съ кухаркой объясняютъ всю гнусность разврата, на которомъ все держится въ этомъ домѣ. Матрена Саввишна объясняетъ Машѣ, что не нужно пріучать офицеровъ подъ окнами ѣздить, потому что слава дурная пойдетъ, и послѣ не развяжешься. Между тѣмъ, у нихъ ужъ послана кухарка къ какимъ-то молодцамъ, которые зовутъ ихъ въ Останкино и просятъ захватить бутылку мадеры. Разумѣется, и это дѣлается втихомолку и съ трепетомъ, потому что хоть Пузатова и нѣтъ дома, но мать его за всѣмъ подсматриваетъ и всему мѣшаетъ. Еще только увидавши въ окошко возвращающуюся Дарью, Машенька пугливо восклицаетъ: «ахъ, сестрица, какъ бы она маменькѣ не попалась!» И Дарья дѣйствительно попалась; но она сама тоже непромахъ, — умѣла отвертѣться: «за шолкомъ, говоритъ, въ лавочку бѣгала». Надсмотрщицу провели на этотъ разъ. Но вотъ, среди разговора молодыхъ женщинъ съ кухаркой раздается маленькій шумъ за сценой; кухарка пугливо прислушивается и говоритъ: «никакъ, матушка, *самъ* пріѣхалъ»... И дѣйствительно, еще изъ передней раздается голосъ Пузатова: «жена! а жена! Матрена Саввишна!..» Жена подходитъ къ дверямъ и спрашиваетъ: «что такое»? Мужъ отвѣчаетъ: «здравствуй! А ты думала, Богъ знаетъ что!..» Этотъ приступъ даетъ уже вамъ мѣрку супружескихъ отношеній Антипа Антипыча и Матрены Саввишны. Ясно, что жена для него въ родѣ резиновой куклы, которою забавляются дѣти: то ноги ей вытянутъ, то голову сплющатъ или растянутъ, и смотрятъ, какой изъ этого *видъ* будетъ. Ни малѣйшаго сознанія ея человѣческихъ правъ и ни малѣйшей мысли объ уваженіи ея нравственной личности никогда и не бывало у Пузатова. Его отношенія къ ней ограничиваются животными побужденіями и потѣхой своего самодурства. Онъ говоритъ, что жена его, «какъ разрядится, такъ лучше всякой барыни,—вальяжнѣй, ей-Богу! Вѣдь тѣ все мелочь, съ позволенія сказать взглянуть не на что нашему брату. А она у меня таки тово... То-есть я—насчетъ тѣлеснаго сложенія... Ну, и все такое»... И свои обязанности къ женѣ, для пріобрѣтенія любви ея, онъ ограничиваетъ тѣмъ же. Вотъ его отзывъ: «чтобъ она меня, молодца такого, да промѣняла на кого-нибудь,—красавца-то этакого»!.. А въ чемъ его красота? Вотъ его собственное опредѣленіе: «то ли дѣло купецъ хорошій, гладкій да румяный,—вотъ какъ я. Ужъ и любить-то есть кого; не то что стрикулистъ чахлый»... Впрочемъ, въ этомъ онъ, можетъ быть, и правъ: недаромъ же у насъ рисуются каррикатуры пышныхъ камелій во фракахъ, господъ, живущихъ на счетъ чужихъ женъ!.. И если Матрена Саввишна потихоньку отъ мужа ѣздитъ къ молодымъ людямъ въ Останкино, такъ это, конечно, означаетъ частію то, что ея развитіе направилось нѣсколько въ другую сторону, частію же и то, что ей ужъ очень тошно приходится отъ самодурства мужа. А самодурство это вотъ какъ, напр., выражается. Антипъ Антипычъ, въ ожиданіи чая сидитъ и смотритъ по угламъ, наконецъ отпускаетъ, отъ нечего дѣлать, слѣдующую штуку:

Антипъ Антипычъ (*грозно*). Жена! Поди сюда!

Матрена Саввишна. Что еще?

Антипъ Антипычъ. Поди сюда, говорятъ тебѣ (*ударяя кулакомъ по столу*).

Матрена Саввишна. Да что ты, очумѣлъ, что ли?

Антипъ Антипычъ. Что я съ тобой сдѣлаю? (*стучитъ по столу*).

Матрена Саввишна. Да что съ тобой? (*робко*) Антипъ Антипычъ...

Антипъ Антипычъ. А? испугалась! (*смѣется*). Нѣтъ, Матрена Саввишна, это я такъ— шутки шучу (*вздыхаетъ*). Что же чайку-то съ?

Видите, это онъ со скуки такія *шутки шутитъ!* Ему скучно стало чаю дожидаться... Понятно, какія чувства можетъ питать къ такому мужу самая невзыскательная жена.

Но Антипъ Антипычъ—еще прогрессивный и гуманный человѣкъ въ сравненіи съ своей матушкой. Онъ считаетъ удобнымъ побить жену только во хмелю, да и то не совсѣмъ одобряетъ. Выдавая сестру за Ширялова, онъ спрашиваетъ: «ты вѣдь во хмелю смирный? не дерешься?» А матушка его, Степанида Трофимовна, такъ и этого не признаетъ: она бранитъ сына, зачѣмъ онъ жену въ страхѣ не держитъ. «Мой покойникъ,—говоритъ,—какъ меня ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ на гвоздикѣ плетка висѣла про всякій случай». У сына ея нѣтъ плетки, и это она считаетъ уже за упадокъ нравственности... Но жена и безъ плетки видитъ необходимость лицемѣрить предъ мужемъ: она съ притворной нѣжностью цѣлуетъ его, ласкается къ нему, спрашивается у него и у матушки къ вечернѣ да ко всенощной, хотя и сама обнаруживаетъ нѣкоторую претензію на самодурство и говоритъ, что «не родился тотъ человѣкъ на свѣтъ, чтобы ее молчать заставилъ». Обманъ и притворство полноправно господствуютъ въ этомъ домѣ и представляютъ намъ какъ будто какую-то особенную религію, которую можно назвать *религіею лицемѣрства.*

Отставши отъ жены, Пузатовъ переходитъ къ сестрѣ и начинаетъ сватать ей женихова. При этомъ дѣлаются опять разные скромные намеки насчетъ тѣлеснаго сложенія, отъ которыхъ не менѣе скромная дѣвушка убѣгаетъ изъ комнаты. Затѣмъ начинается о судьбѣ ея интимный совѣтъ между матерью и сыномъ. Мать предлагаетъ въ женихи Ширялова, котораго рекомендуетъ такъ: «онъ хоть и старенькій, и вдовый, да денегъ-то, Антипушка, больно много—куры не клюютъ. Ну да и человѣкъ-то степенный, набожный, примѣрный купецъ, въ уваженіи». Сынъ отвѣчаетъ на это лаконически: «только, матушка, *ужъ больно плутъ*». Подумаешь, что Пузатовъ уважаетъ честность и не любитъ мошенничества. Ничуть не бывало. У него есть свои собственныя понятія, по которымъ плутовать слѣдуетъ, но только до какихъ-то предѣловъ, хотя, впрочемъ, онъ и самъ хорошенько не знаетъ, до какихъ именно... А такъ, покажется ему, что этотъ человѣкъ еще *не больно плутъ*, а вотъ этотъ такъ ужъ *больно плутъ.* И если ужъ больно плутъ, такъ у него какъ будто и совѣсть зазритъ. А впрочемъ, послѣдствій особенныхъ и это чувство не имѣетъ. Вотъ что говорятъ мать и сынъ относительно своихъ нравственныхъ понятій. На замѣчаніе сына о плутовствѣ Ширялова, Степанида Трофимовна отвѣчаетъ:

«Ахъ, батюшки мои! Да чѣмъ же онъ плутъ, скажи пожалуйста! *каждый праздникъ онъ въ церковь ходитъ да придетъ-то раньше всѣхъ; посты держитъ; великимъ постомъ и чаю не пьетъ съ сахаромъ;* — все съ медомъ, либо съ изюмомъ. Такъ-то, голубчикъ! не то, что ты.. *А если и обманетъ кого, такъ что за бѣда! Не онъ первый, не онъ послѣдній; человѣкъ коммерческій: тѣмъ, Антипушка, и торговля-то держится.* Не помимо пословица-то говорится: «не обмануть—не продать».

Антипъ Антипычъ. Что говорить! *Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ.* Ничего. Можно. Да ужъ, матушка, вѣдь *иногда и совѣсть зазритъ* (чешетъ затылокъ). Право слово. *И смертный часъ вспомнишь.* (Молчаніе). Я и самъ, гдѣ трафится, не хуже его мину-то подведу. *Да вѣдь я и скажу потомъ:* вотъ, молъ, я тебя, такъ и такъ, помазалъ маленько. Вотъ въ прошломъ году, Савву Саввича, при разсчетѣ, рубликовъ на пятьсотъ поддѣлъ. Да вѣдь я послѣ сказалъ ему: вотъ, молъ, Савва Саввичъ, промигалъ ты полтысячки, да ужъ теперь, братъ, поздно, говорю: *а ты, молъ, не зѣвай. Посердился немножко, да и опять пріятели.* Что за важность».

Вы видите, что Пузатовъ не считаетъ свои мошенничества дурнымъ дѣломъ, не считаетъ даже обманомъ, а просто—ловкой, умной штукой, которой даже похвалиться можно. И тѣ, кого онъ обдуваетъ, держатся того же мнѣнія. Савва Саввичъ посердился на то, что допустилъ оплести себя, но потомъ, когда оскорбленное самолюбіе угомонилось, онъ опять сталъ пріятелемъ съ Антипомъ Антипычемъ. Обманъ тутъ — явленіе нормальное, необходимое, какъ убійство на войнѣ. Бытъ этого темнаго царства такъ уже сложился, что вѣчная вражда господствуетъ между его обитателями. Тутъ всѣ въ войнѣ: жена съ мужемъ—за его самовольство, мужъ съ женою—за ея непослушаніе или неугожденіе; родители съ дѣтьми—за то, что дѣти хотятъ жить своимъ умомъ; дѣти съ родителями—за то, что имъ не даютъ жить своимъ умомъ; хозяева съ приказчиками, начальники съ подчиненными воюютъ за то, что они хотятъ все подавить своимъ самодурствомъ, а другіе не находятъ простора для самыхъ законныхъ своихъ стремленій; дѣловые люди воюютъ изъ-за того, чтобы другой не перебилъ у нихъ барышей

ихъ дѣятельности, всегда разсчитанной на эксплоатацію другихъ; праздные шатуны бьются, чтобы не ускользнули отъ нихъ тѣ люди, трудами которыхъ они задаромъ кормятся, щеголяютъ и богатѣютъ. И всѣ эти люди воюютъ общими силами противъ людей честныхъ, которые могутъ открыть глаза угнетеннымъ труженикамъ и научить ихъ громко и настоятельно предъявить свои права. Вслѣдствіе такого порядка дѣлъ, всѣ находятся въ осадномъ положеніи, всѣ хлопочутъ о томъ, какъ бы только спасти себя отъ опасности и обмануть бдительность врага. На всѣхъ лицахъ написаны испугъ и недовѣрчивость; естественный ходъ мышленія измѣняется, и на мѣсто здравыхъ понятій вступаютъ особенныя условныя соображенія, отличающіяся скотскимъ характеромъ и совершенно противныя человѣческой природѣ. Извѣстно, что логика войны совершенно отлична отъ логики здраваго смысла. Военная хитрость восхваляется, какъ доказательство ума, направленнаго на истребленіе своихъ ближнихъ; убійство превозносится, какъ лучшая доблесть человѣка; удачный грабежъ,—отнятіе лагеря, отбитіе обоза и пр., — возвышаетъ человѣка въ глазахъ его согражданъ. А между тѣмъ, во всѣхъ законодательствахъ есть наказанія — и за обманъ, и за грабежъ, и за убійство. Мало того, во всѣхъ законодательствахъ признаются смягчающія обстоятельства, и иногда самое убійство извиняется, если побудительныя причины его были слишкомъ неотразимы. А между тѣмъ, какія смягчающія обстоятельства имѣются, напримѣръ, для венгерца или славянина, идущаго на войну противъ итальянцевъ для того, чтобы Австрія могла попрежнему угнетать ихъ? Какою страшною казнію нужно бы казнить каждаго венгерскаго или славянскаго офицера или солдата за каждый выстрѣлъ, сдѣланный имъ по французскимъ и сардинскимъ полкамъ! Но такова сила повальнаго ослѣпленія, неизбѣжно заражающаго людей въ извѣстныхъ положеніяхъ,—что за убійство и грабежи на войнѣ не только не казнятъ никого, но еще восхваляютъ и награждаютъ! Точно въ такомъ безумномъ ослѣпленіи находятся всѣ жители темнаго царства, возстающаго передъ нами изъ комедій Островскаго. Они въ постоянной войнѣ со всѣмъ окружающимъ, и потому не требуйте и не ждите отъ нихъ раціональныхъ соображеній, доступныхъ человѣку въ спокойномъ и мирномъ состояніи. Пузатовъ дѣлаетъ такой военный силлогизмъ: «если я тебя не разобью, такъ ты меня разобьешь; такъ лучше же я тебя разобью». И что же сказать противъ такого силлогизма? И не рождается ли онъ самъ собою у всякаго человѣка, поставленнаго въ затруднительное положеніе выбирать между побѣдою и пораженіемъ? Нечего и удивляться, что, разсказывая о томъ, какъ не додалъ денегъ нѣмцу, представившему счетъ изъ магазина, Пузатовъ разсуждаетъ такъ: «а то всѣ ему и отдать? да за что это? Нѣтъ, ужъ опосля честь будетъ. *Они тамъ ломятъ цѣну, какую хотятъ, а имъ сдуру-то и вѣрятъ. И въ другой разъ то же сдѣлаю, коли векселя не возьметъ*». Вы видите, что здѣсь идетъ самая обыкновенная игра: кто лучше играетъ, тотъ и остается въ выигрышѣ.

Но Пузатовъ самъ не любитъ собственно обмана, обмана безъ нужды, безъ надежды на выгоду; не любитъ, между прочимъ, и потому, что въ такомъ обманѣ выражается не солидный умъ, занятый существенными интересами, а просто легкомысліе, лишенное всякой основательности. Ширялова же, у котораго плутовство переходитъ *всякія* границы, онъ не одобряетъ больше потому, что ужъ тотъ ни войны, ни мира не разбираетъ, — то во время перемирія стрѣлять начнетъ, то даже по своимъ ударитъ. «Это,—говоритъ Пузатовъ,— словно жидъ какой: отца родного обманетъ. Право. Такъ вотъ въ глаза и смотритъ всякому. А вѣдь святошей прикидывается». Впрочемъ, и неодобреніе Пузатова нельзя въ этомъ случаѣ принимать серьезно: въ самую минуту его брани на Ширялова, купецъ этотъ является къ Антипу Антипычу въ гости. Антипъ Антипычъ не только очень любезно принимаетъ его, не только внимательно слушаетъ его разсказы о кутежѣ сына-Сеньки, вынуждающемъ старика самого жениться, и о собственныхъ плутовскихъ штукахъ Ширялова, но въ заключеніе еще сватаетъ за него сестру свою, и тутъ же, безъ согласія и безъ вѣдома Маріи Антиповны, окончательно слаживаетъ дѣло. Что его побудило къ этому? Отвѣтъ высказывается въ нѣсколькихъ словахъ, произносимыхъ имъ по уходѣ Ширялова. «Экой воръ мужикъ-то»,— самъ съ собою разсуждалъ Пузатовъ, подмигивая глазомъ: «тонкая бестія! Вѣдь какимъ лазаремъ прикинется! Вишь ты, Сенька виноватъ!.. А ужъ что, братъ, толковать: просто на старости блажь пришла... Что жъ, мы съ нашимъ удовольствіемъ! Ничего, можно-съ!.. *Только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то кто кою обманетъ, — дѣло темное-съ. Мы тоже съ матушкой на свою руку охулки не положимъ*»... Дѣло, стало быть, очень просто: представилась возможность *выгодно* сбыть сестру, какъ же не воспользоваться случаемъ? Для сестры же тутъ доброе дѣло выходитъ: все-таки будетъ пристроена!..

Таковы люди, таковы людскія отношенія, представляющіяся намъ въ «Семейной картинѣ», первомъ, по времени, произведеніи Островскаго. Въ немъ уже находятся задатки многаго, что̀ полнѣе и ярче раскрылось въ послѣдующихъ комедіяхъ. По крайней мѣрѣ видно, что уже и въ это время авторъ былъ пораженъ тѣмъ непріязненнымъ и мрачнымъ характеромъ, какимъ у насъ большею частью отличаются отношенія самыхъ близкихъ между собою людей. Здѣсь же намѣчены отчасти и причины этой мрачности и враждебности: безсмысленное самодурство однихъ и робкая уклончивость, бездѣятельность другихъ. Тутъ же чрезвычайно ярко и рельефно выставлены и послѣдствія такого неестественнаго порядка вещей—всеобщій обманъ и мошенничество, и въ семейныхъ, и въ общественныхъ дѣлахъ.

Въ «Своихъ людяхъ» мы видимъ опять ту же религію лицемѣрства и мошенничества, то же безсмыслiе и самодурство однихъ и ту же обманчивую покорность, рабскую хитрость другихъ, но только въ большемъ развѣтвленіи. Здѣсь намъ представляется нѣсколько степеней угнетенія, указывается нѣкоторая система въ распредѣленіи самодурства, дается очеркъ его исторіи. Самый главный самодуръ, деспотъ всѣхъ къ нему близкихъ, не знающій себѣ никакого *удержу,* есть Самсонъ Силычъ Большовъ. И какой же страхъ онъ внушаетъ всему дому! Аграфена Кондратьевна, жена его, грозитъ своей взрослой дочери, что «отцу пожалуется»; а та отвѣчаетъ: «васъ на то Богъ и создалъ, чтобы жаловаться; сами-то вы не очень для меня значительны». На вторичную угрозу она огрызается еще рѣзче: «только и ладитъ, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!» Видно, что Самсонъ Силычъ и для жены, и для дочери представляется чѣмъ-то въ родѣ пугала, и онѣ обѣ хотя и стращаютъ имъ другъ друга, но составляютъ противъ него глухую, затаенную, сама собою образовавшуюся оппозицію. Аграфена Кондратьевна, по своей крайней недальности, не можетъ сама привести въ ясность своихъ чувствъ и только охами да вздохами выражаетъ, что ей тяжело. Но Липочка очень безцеремонно говоритъ: «у маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька—какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди... Каково это терпѣть образованной барышнѣ!» Служащіе въ домѣ всѣ насквозь пропитаны тѣми же мрачноробкими чувствами: мальчикъ Тишка жалуется на вытрепки, получаемыя имъ отъ хозяина; кухарка Ѳоминишна имѣетъ слѣдующій разговоръ съ Устиньей Наумовной, свахой, пріискивающей жениха Липочкѣ, дочери Большова:

Устинья Наумовна. Садись, Ѳоминишна,—ноги-то старыя, ломаныя.

Ѳоминишна. И, мать! некогда. Вѣдь какой грѣхъ-то: самъ-то что-то изъ городу не ѣдетъ, всѣ подъ страхомъ ходимъ; того и гляди, пьяный пріѣдетъ. А ужъ какой благой-то, Господи! зародится же вѣдь этакой озорникъ!

Устинья Наумовна. Извѣстное дѣло: съ богатымъ мужикомъ, что съ чортомъ, не скоро сообразишь.

Ѳоминишна. Ужъ мы отъ него страсти-то видѣли. Вотъ на прошлой недѣлѣ ночью пьяный пріѣхалъ: развоевался такъ, что на-поди. Страсти, да и только! Посуду колотитъ... «У!—говоритъ,—такія вы и этакія, убью сразу».

И дѣйствительно, Самсонъ Силычъ держитъ всѣхъ, можно сказать, въ страхѣ Божіемъ. Когда онъ показывается, всѣ смотрятъ ему въ глаза и съ трепетомъ стараются угадать,—что, каковъ онъ? Вотъ небольшая сцена, изъ которой видно, какой трепетъ отъ него распространяется по всему дому. Въ комнату вбѣгаетъ Ѳоминишна и кричитъ:

Ѳоминишна. Самсонъ Силычъ пріѣхалъ, да никакъ хмельной!..

Тишка. Фю! попались!

Ѳоминишна. Бѣги, Тишка, за Лазаремъ; голубчикъ, бѣги скорѣй!..

Аграфена Кондратьевна (*показывается на лѣстницѣ*). Что, Ѳоминишна, матушка, куда онъ идетъ-то?

Ѳоминишна. Да никакъ, матушка, сюда! Охъ, запру я двери-то, ей-Богу, запру; пускай его къ верху идетъ, а ужъ ты, голубушка, здѣсь посиди.

И къ довершенію всего оказывается вѣдь, что Самсонъ Силычъ вовсе и не пьянъ; это такъ только показалось Ѳоминишнѣ. Но замѣчательно, какъ смѣшиваетъ всѣ понятія, уничтожаетъ всѣ различія этотъ, надъ всѣми тяготѣющій деспотизмъ: мать, дочь, кухарка, хозяйка, мальчишка-слуга, приказчикъ—все это въ трудную минуту сливается въ одно—въ угнетенную партію, заботящуюся о своей защитѣ. Ѳоминишна, которая въ другое время бьетъ Тишку и помыкаетъ имъ, упрашиваетъ его и называетъ голубчикомъ; Аграфена Кондратьевна съ жалобнымъ видомъ обращается къ своей кухаркѣ съ вопросомъ: «что, Ѳоминишна, матушка»... Ѳоминишна смотритъ на нее съ состраданіемъ и готовится оказать ей покровительство запоромъ дверей... Только приказчикъ Лазарь Подхалюзинъ, связанный какимъ-то темнымъ, неусловленнымъ союзомъ съ своимъ хозяиномъ, и готовящійся самъ быть маленькимъ деспотомъ, стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этого страха, раздѣляемаго всякимъ, кто вступаетъ въ домъ Большова.

Въ Подхалюзинѣ намъ является другая, низшая инстанція самодурства, подавленнаго до сихъ поръ подъ тяжелымъ гнетомъ, но ужъ начинающаго поднимать свою голову... Разсуждая съ Подхалюзинымъ, сваха говоритъ ему: «вѣдь, ты самъ знаешь, каково у насъ чадочко Самсонъ-то Силычъ; вѣдь онъ, неровенъ часъ, и чепчикъ помнетъ». А Подхалюзинъ самоувѣренно отвѣчаетъ: «ничего не помнетъ-съ». Въ отвѣтѣ Тишкѣ, который грозитъ пожаловаться хозяину на подзатыльники Лазаря, онъ еще рѣшительнѣе: «Хозяину скажу! Что мнѣ твой хозяинъ! Я, коли на то пошло»... начинаетъ онъ, но не договариваетъ. Видно, что и онъ-таки не забылъ еще, каково чадочко Самсонъ Силычъ. Впрочемъ, и Подхалюзинъ такъ куражится уже тогда, когда въ его рукахъ вся механика, подведенная Большовымъ для объявленія себя банкротомъ. Онъ чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, успѣвшаго толкнуть своего тюремщика за ту дверь, изъ-за которой самъ успѣлъ выскочить. Но у тюремщика остались ключи отъ воротъ острога: надо ихъ еще вытребовать, а потому Подхалюзинъ, чувствуя себя уже не въ тюрьмѣ, но зная, что онъ еще и не совсѣмъ на свободѣ, безпрестанно переходитъ отъ самодовольной радости къ безпокойству и мѣшаетъ наглость съ раболѣпствомъ. Онъ уже получилъ домъ и лавки Большова; нужно ему окончательно овладѣть имѣніемъ старика да еще жениться на его дочери, которая пришлась ему очень по нраву. Успѣхъ своихъ надеждъ Подхалюзинъ основываетъ именно на самодурствѣ Большова. Не употребляя долгихъ исканій и не дѣлая особенно злостныхъ плановъ, онъ только подбиваетъ сваху отговорить прежняго жениха Липочки, изъ благородныхъ, а самъ поддѣлывается къ Большову раболѣпнымъ тономъ и выраженіемъ своего участія къ нему. Предварительныя соображенія его очень нехитры. Онъ говоритъ самъ себѣ: «а знавши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что попало въ голову, ужъ ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали,—нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову—завтра же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй». Ясно, что тутъ весь разсчетъ очень немногосложенъ: весь онъ бьетъ на деспотическій характеръ Большова. Тутъ, разумѣется, хитрости особенной и не можетъ быть, потому что и всякому дураку законъ не писанъ, а самодуру — и подавно, слѣдовательно, съ нимъ ничего *не сообразишь*, по выраженію Устиньи Наумовны. Подхалюзинъ такъ и знаетъ, что онъ идетъ на авось. «Потрафь,—говоритъ,—я по нихъ, *или такъ взойди имъ въ голову*» — оба шанса равно вѣроятны и равно невѣроятны. А что касается до *потрафленья*, такъ тутъ опять немного нужно соображенія: ври о своей покорности, благодарности, о счастіи служить такому человѣку, о своемъ ничтожествѣ передъ нимъ,—больше ничего и не нужно для того, чтобы ублажить глупаго мужика деспотическаго характера. Изъ всѣхъ родовъ житейской дипломатики—это самый низшій, это не болѣе, какъ разсчетъ перваго слѣдующаго хода въ шахматной игрѣ. Большовъ поддается на эту нехитрую штуку, потому что своевольныя привычки давно уже затмили въ немъ всякую сообразительность, лишили всякой возможности смотрѣть на вещи прямо и здраво. Себя самого онъ ставитъ единственнымъ закономъ и средоточіемъ всего, до чего только досягаетъ его дѣятельность. Въ своемъ семействѣ онъ это выражаетъ съ цинической грубостью. О дочери онъ говоритъ: «мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю». Оттого и выдача ея противъ воли замужъ за Подхалюзина представляется ему не болѣе, какъ занимательнымъ опытомъ. «А вотъ ты заходи-ка ужо къ невѣстѣ,—говоритъ Лазарю:—мы надъ ними *шутку подшутимъ*». Шутка эта состоитъ въ томъ, что онъ внезапно объявляетъ женѣ и дочери, что Лазарь — женихъ Липочки. Всѣ растерялись: и мать, и сваха, и Ѳоминишна, и сама невѣста, которая, впрочемъ, какъ *образованная*, нашла въ себѣ силы выразить рѣшительное сопротивленіе и закричать: «не хочу, не хочу, не пойду я за такого противнаго». Разумѣется, изъ этого сопротивленія ничего не можетъ выдти: Самсона Силыча не уломаешь. А тутъ еще Подхалюзинъ поджигаетъ его, коварно говоря: «видно, тятенька, не бывать-съ по вашему желанію». Этихъ словъ достаточно, чтобы Большовъ насильно соединилъ руки жениха и невѣсты и возразилъ такимъ манеромъ: «какъ же не бывать, коли я того хочу? *На что жъ я и отецъ, коли не приказывать?* Даромъ, что ли, я ее кормилъ?» Какъ видите, Большовъ изъ отцовскихъ обязанностей признаетъ только одну: давать приказанія дѣтямъ. А что онъ кормилъ дочь, такъ это ужъ благодѣяніе, за которое она должна ему отплатить полнымъ отреченіемъ отъ своей воли. Точно таковъ же онъ и во всей дѣятельности.

Онъ самъ замѣчаетъ, напримѣръ, что Подхалюзинъ мошенникъ; но ему до этого дѣла нѣтъ, потому что Подхалюзинъ его приказчикъ и объ его пользѣ старается. Безъ малѣйшей застѣнчивости онъ упрекаетъ его въ неблагодарности, указывая на такіе факты: «вспомни то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты на руку нечистъ? что жъ? Я вѣдь не прогналъ тебя, не ославилъ тебя на весь городъ. Я тебя сдѣлалъ главнымъ приказчикомъ, тебѣ я все свое состояніе отдалъ, да тебѣ же, Лазарь, я отдалъ и дочь-то своими руками». И все это въ той надеждѣ, что Лазарь будетъ славно мошенничать и наживать деньги отъ всѣхъ, кромѣ, разумѣется, самого Большова. То же самое и съ Рисположенскимъ, пьянымъ приказнымъ, занимающимся кляузами и дѣлающимъ кое-что по дѣламъ Большова: Самсонъ Силычъ подсмѣивается надъ тѣмъ, какъ его изъ суда выгнали, и очень сурово рѣшаетъ, что его надобно бы въ Камчатку сослать. На вопросъ Рисположенскаго: «за что же въ Камчатку?» Большовъ отрѣзываетъ: «За что! За безобразіе! Такъ неужели жъ вамъ потакать?» Но такой строгій взглядъ на дѣятельность выгнаннаго изъ службы чиновника нисколько не мѣшаетъ Самсону Силычу требовать его услугъ въ дѣлѣ замышленнаго имъ злостнаго банкротства. Большовъ какъ будто считаетъ себя совершенно внѣ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя признаетъ обязательными для другихъ. Это странное явленіе (столь частое, однакоже, въ нашемъ обществѣ) происходитъ оттого, что Большовъ не понимаетъ истинныхъ началъ общественнаго союза, не признаетъ круговой поруки правъ и обязанностей человѣка въ отношеніи къ другимъ и, подобно Пузатову, смотритъ на общество, какъ на вражескій станъ. «Мнѣ бы самому какъ-нибудь получше устроиться; а тамъ, кто отъ того пострадаетъ, или прибыль получитъ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ; коли пострадаетъ, такъ самъ виноватъ: оплошалъ, стало быть». На такихъ соображеніяхъ держатся всѣ думы Большова, такими соображеніями былъ онъ подвигнутъ и на то, чтобы объявить себя несостоятельнымъ. Островскаго упрекали въ томъ, что онъ не довольно полно и ясно выразилъ въ своей комедіи, какимъ образомъ, вслѣдствіе какихъ особенныхъ вліяній, въ какой послѣдовательности и въ какомъ соотвѣтствіи съ общими чертами характера Большова явилось въ немъ намѣреніе объявить себя банкротомъ. «Злостное банкротство,—говорили критики,—есть такое преступленіе, которое ужаснѣе простого обмана, воровства и убійства. Оно соединяетъ въ себѣ эти три рода преступленій; но оно еще ужаснѣе потому, что совершается обдуманно, подготовляется очень долго, требуетъ много коварнаго терпѣнія и самаго нахальнаго присутствія духа. Рѣшиться на такое преступленіе можетъ человѣкъ только при ложныхъ *убѣжденіяхъ*, или вслѣдствіе какихъ-нибудь особенно неблагопріятныхъ нравственныхъ вліяній. У Островскаго не только ничего этого не показано, но даже выставлено банкротство Большова просто какъ прихоть, состоящая въ томъ, что ему *не хочется* платить денегъ». Всѣ подобныя соображенія, будучи вполнѣ вѣрны въ теоретическомъ отношеніи, оказываются, однакоже, совершенно неприложимыми къ русской жизни. Въ томъ-то и дѣло, что наша жизнь вовсе не способствуетъ выработкѣ какихъ-нибудь убѣжденій, а если у кого они и заведутся, то не даетъ примѣнять ихъ. Одно только убѣжденіе процвѣтаетъ въ нашемъ обществѣ,—это убѣжденіе въ томъ, что не нужно имѣть (или, по крайней мѣрѣ, обнаруживать) нравственныхъ убѣжденій. Но такое-то убѣжденіе и у Самсона Силыча есть, хотя оно и не совершенно ясно въ его сознаніи: вслѣдствіе этого-то убѣжденія онъ и ласкаетъ Лазаря, и ведетъ дѣло съ Рисположенскимъ, и рѣшается на объявленіе себя несостоятельнымъ. Вообще надобно сказать, что съ помощью этого убѣжденія и поддерживается нѣкоторая жизнь въ нашемъ «темномъ царствѣ»: черезъ него здѣсь и карьеры дѣлаются, и выгодныя партіи составляются, и капиталы наживаются, и общее уваженіе пріобрѣтается. Не будь развито это единственное *убѣжденіе* въ «темномъ царствѣ», въ немъ все бы остановилось, заснуло и замерло. Конечно, и люди съ *твердыми* нравственными принципами, съ *честными* и *святыми* убѣжденіями тоже есть въ этомъ царствѣ; но, къ сожалѣнію, это все люди обломовскаго типа. Они и убѣжденія-то свои пріобрѣли не въ практической дѣятельности, не въ борьбѣ съ житейской неправдой, а въ чтеніи хорошихъ книжекъ, горячихъ разговорахъ съ друзьями, въ восторженныхъ клятвахъ передъ женщинами да въ благородныхъ мечтаніяхъ на своемъ диванѣ. Удалось людямъ не быть втянутыми съ малолѣтства въ практическую дѣятельность, — и осталось имъ много свободнаго времени на обдумываніе своихъ отношеній къ міру и нравственныхъ началъ для своихъ поступковъ! Стоя въ сторонѣ отъ практической сферы, додумались они до прекрасныхъ вещей; но зато такъ и остались негодными для настоящаго дѣла и оказались совершенно ничтожными, когда пришлось имъ столкнуться кое съ чѣмъ и кое съ кѣмъ въ «темномъ царствѣ».

Сначала ихъ было побаивались, когда они являлись съ лорнетомъ Онѣгина, въ мрачномъ плащѣ Печорина, съ восторженной рѣчью Рудина; но потомъ поняли, что это все Обломовы, и что если они могутъ быть страшны для нѣкоторыхъ барышень, то, во всякомъ случаѣ, для практическихъ дѣятелей никакъ не могутъ быть опасны. Такъ они и остались внѣ жизни, эти люди честныхъ стремленій и самостоятельныхъ убѣжденій (нерѣдко, впрочемъ, на дѣлѣ измѣнявшіе имъ, вслѣдствіе своей непрактичности). И если нельзя сказать, чтобъ они остались чисты, какъ голуби, въ своихъ столкновеніяхъ съ окружавшими ихъ хищными птицами, то, по крайней мѣрѣ, можно сказать утвердительно, что они оказались безсильны, какъ голуби. Что же касается до тѣхъ изъ обитателей «темнаго царства», которые имѣли силу и привычку къ дѣлу, такъ они всѣ съ самаго перваго шага вступали на такую дорожку, которая никакъ ужъ не могла привести къ чистымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Работающему человѣку никогда здѣсь не было мирной, свободной и общеполезной дѣятельности; едва успѣвши осмотрѣться, онъ уже чувствовалъ, что очутился какимъ-то образомъ въ непріятельскомъ станѣ и долженъ, для спасенія своего существованія, какъ-нибудь надуть своихъ враговъ, прикинувшись хотя добровольнымъ переметчикомъ. А тамъ начинаются хитрости, какъ бы обмануть бдительность непріятелей и спастись отъ нихъ; а ежели и это удастся, придумываются непріязненныя дѣйствія противъ нихъ, частью въ отмщеніе, частью же для огражденія себя отъ новой опасности. Гдѣ же тутъ развиться правильнымъ понятіямъ объ отношеніяхъ людей другъ къ другу? Гдѣ тутъ воспитаться уваженію человѣческаго достоинства? Здѣсь всѣ въ отвѣтѣ за какую-то чужую несправедливость, всѣ дѣлаютъ мнѣ пакости за то, въ чемъ я вовсе не виноватъ, и отъ всѣхъ я долженъ отбиваться, даже вовсе не имѣя желанія побить кого-нибудь. Поневолѣ человѣкъ дѣлается неразборчивъ и начинаетъ бить кого попало, не теряя даже сознанія, что въ сущности-то никого бы не слѣдовало бить. Невольно повторишь опять сравненіе жизни «темнаго царства» съ ожесточенною войною. На войнѣ, вѣдь, не бѣда, если солдатъ убьетъ такого непріятеля, который ни одного выстрѣла не послалъ въ нашъ станъ: онъ подвернулся подъ пулю,—и довольно. Солдата-убійцу не будетъ совѣсть мучить. Такъ точно, что̀ за бѣда, если купецъ обманулъ честнѣйшаго человѣка, который никому въ жизни ни малѣйшаго зла не сдѣлалъ? Довольно того, что онъ покупаетъ товаръ; и торговля все равно, что война: не обмануть — не продать!.. Приложите то же самое къ помѣщику, къ чиновнику «темнаго царства», къ кому хотите, — выйдетъ все то же: всѣ въ военномъ положеніи, и никого совѣсть не мучитъ за обманъ и присвоеніе чужого, оттого именно, что ни у кого нѣтъ нравственныхъ убѣжденій, а всѣ живутъ сообразно съ обстоятельствами.

Такимъ образомъ, мы находимъ глубоковѣрную, характеристически-русскую черту въ томъ, что Большовъ въ своемъ злостномъ банкротствѣ не слѣдуетъ никакимъ особеннымъ *убѣжденіямъ* и не испытываетъ *глубокой душевной борьбы*, кромѣ страха, какъ бы не попасться подъ уголовный... Намъ въ отвлеченіи кажутся всѣ преступленія чѣмъ-то слишкомъ ужаснымъ и необычайнымъ; но въ частныхъ случаяхъ они большею частью совершаются очень легко и объясняются чрезвычайно просто. По уголовному суду человѣкъ оказался и грабителемъ, и убійцею; кажется, долженъ бы быть извергъ естества. А смотришь, — онъ вовсе не извергъ, а человѣкъ очень обыкновенный и даже добродушный. И никакихъ у него убѣжденій нѣтъ о похвальности грабежа и убійства; и преступленія свои совершилъ онъ безъ тяжкой и продолжительной борьбы съ самимъ собою, а просто такъ, случайно, самъ хорошенько не сознавалъ, что̀ онъ дѣлалъ. Поговорите съ людьми, видѣвшими много преступниковъ, они вамъ подтвердятъ, что это сплошь да рядомъ такъ бываетъ. Отчего происходитъ такое явленіе? Оттого, что всякое преступленіе есть не слѣдствіе натуры человѣка, а слѣдствіе ненормальнаго отношенія, въ какое онъ поставленъ къ обществу. И чѣмъ эта ненормальность сильнѣе, тѣмъ чаще совершаются преступленія даже натурами порядочными, тѣмъ менѣе обдуманности и систематичности и болѣе случайности, почти безсознательности въ преступленіи. Въ «темномъ царствѣ», разсматриваемомъ нами, ненормальность общественныхъ отношеній доходитъ до высшихъ своихъ предѣловъ, и потому очень понятно, что его обитатели теряютъ рѣшительно всякій смыслъ въ нравственныхъ вопросахъ. Въ преступленіи они понимаютъ только внѣшнюю, юридическую его сторону, которую справедливо презираютъ, если могутъ какъ-нибудь обойти. Внутренняя же сторона, послѣдствія совершаемаго преступленія для другихъ людей и для общества—вовсе имъ не представляются. Замышляя злостное банкротство, Большовъ и не думаетъ о томъ, что можетъ повредить благосостоянію заимодавцевъ и, можетъ быть, пуститъ нѣсколько человѣкъ по-міру. Это ему не приходитъ

въ голову даже и тогда, какъ ужъ его въ яму посадили. Онъ толкуетъ, что ему страшно на Иверскую взглянуть, проходя мимо Иверскихъ воротъ, жалуется, что на него мальчишки пальцами показываютъ, боится, что въ Сибирь его сошлютъ; но о людяхъ, разоренныхъ имъ,—ни слова. Мудрено ли же, что онъ такъ легко рѣшается на преступленіе, котораго существеннѣйшая-то мерзость ему и непонятна! Онъ видитъ только, что «*другіе же дѣлаютъ*». И это для него не оправдательная фраза, не примѣръ только, какъ утвердалъ одинъ строгій критикъ Островскаго. Нѣтъ, тутъ исходная точка, изъ которой выводится вся мораль Большова. Онъ видитъ, что другіе банкротятся, зажиливаютъ его деньги, а потомъ строютъ себѣ на нихъ дома съ бельведерами да заводятъ удивительные экипажи: у него сейчасъ и прилагается здѣсь общее соображеніе: «чтобы меня не обыграли, такъ я долженъ стараться другихъ обыграть». И ужъ тутъ нужды нѣтъ, что кредиторы Большова не банкротились и не дѣлали ему подрыва, все равно, съ кого бы ни пришлось, только бы сорвать свою выгоду. Тутъ, какъ и въ сраженіи, разбирать личности нечего. Вотъ, кабы никто не обманывалъ, т.-е. кабы войны не было, тогда и Самсонъ Силычъ жилъ бы мирно и честно, никого не надувалъ. А то какъ же ему-то вести себя, когда всѣ кругомъ мошенничаютъ? И кому какая будетъ польза отъ его честности? Не онъ, такъ другіе надуютъ, все единственно. Вотъ разговоръ Большова съ Подхалюзинымъ на этотъ счетъ:

Большовъ. Вотъ ты бы, Лазарь, когда на досугѣ баланцъ для меня сдѣлалъ, учелъ бы розничную по панской-то части, ну, и остальное, что тамъ еще. А то торгуемъ, торгуемъ, братецъ, а пользы ни на грошъ. Али сидѣльцы, что-ли, грѣшатъ, таскаютъ роднымъ да любовницамъ; ихъ бы маленечко усовѣщевать. Что такъ, безъ барыша-то небо коптить? Аль сноровки не знаютъ? Пора бы, кажется.

Подхалюзинъ. Какъ же это можно, Самсонъ Силычъ, чтобы сноровки не знать? Кажется, самъ завсегда въ городѣ бываешь и завсегда толкуешь имъ.

Большовъ. Да что же ты толкуешь-то?

Подхалюзинъ. Извѣстное дѣло-съ, стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте; видишь, чуть дѣло подходящее: покупатель, что-ли, тумакъ навернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился,—взялъ, говорю, и накинулъ рубль али два на аршинъ.

Большовъ. *Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы—не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ.* Такъ ли, а?

Подхалюзинъ. Дѣло понятное-съ. И мѣрять-то, говорю, надо тоже поестественнѣе, тяни да потягивай, только чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло; вѣдь, не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а *зазѣвается, такъ не кто виноватъ*, — можно, говорю, и просто черезъ руку лишній аршинъ шмыгнуть.

Большовъ. *Все единственно: портной украдетъ же.* Эхъ, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежнія времена.

Ясное дѣло: вся мораль Самсона Силыча основана на правилѣ: чѣмъ другимъ красть, такъ лучше я украду. Правило это, можетъ быть, не имѣетъ драматическаго интереса,—это ужъ какъ тамъ угодно критикамъ; но оно имѣетъ чрезвычайно обширное приложеніе во многихъ сферахъ нашей жизни. По этому правилу иной беретъ взятку и кривитъ душой, думая: все равно,—не я, такъ другой возьметъ, и тоже рѣшитъ криво. Другой держитъ свои помѣщичьи права, разсчитывая: все равно,—вѣдь если не мой управляющій, то окружной станетъ стѣснять моихъ крестьянъ. Иной подличаетъ передъ начальствомъ, соображая: все равно,—вѣдь если не меня, такъ онъ другого найдетъ для себя, а я только мѣста лишусь. Словомъ — куда ни обернитесь, вездѣ вы встрѣтите людей, дѣйствующихъ по этому правилу: тотъ принимаетъ у себя негодяя, другой обираетъ богатаго простяка, третій сочиняетъ доносъ, четвертый соблазняетъ дѣвушку,—все на основаніи того же милаго соображенія: «*не я, такъ другой*». Кажется, ясно, что здѣсь такое соображеніе совсѣмъ не имѣетъ значенія примѣра... Оно есть не что иное, какъ выраженіе самаго грубаго и отвратительнаго эгоизма, при совершенномъ отсутствіи какихъ-нибудь высшихъ нравственныхъ началъ.

Слѣдуя внушеніямъ этого эгоизма, и Большовъ задумываетъ свое банкротство. И его эгоизмъ еще имѣетъ для себя извиненіе въ этомъ случаѣ: онъ не только видѣлъ, какъ другіе наживаются банкротствомъ, но и самъ потерпѣлъ нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ именно отъ несостоятельности многихъ должниковъ своихъ. Онъ съ горечью говоритъ объ этомъ Подхалюзину:

«Вотъ ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что? Такъ вотъ даромъ и бери деньги. Какъ не деньги, скажетъ,—видалъ, какъ лягушки прыгаютъ. На-ка, говоритъ, вексель. А по векселю-то съ иного что возьмешь, коли съ него взять-то нечего! У меня такихъ-то векселей тысячъ на сто, и съ протестами; только и дѣло, что каждый годъ подкладывай. Хошь за полтину серебра всѣ отдамъ! Должниковъ-то по нимъ, чай, и съ собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбѣжались,—некого и въ яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, такъ самъ нерадъ: другой такъ обдержится, что его оттедова куревомъ не выкуришь. Мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо, а ты проваливай».

Огражденный такими разсужденіями, Большовъ считаетъ себя совершенно въ правѣ

сыграть съ кредиторами маленькую штуку. Сначала въ немъ является только неопредѣленное желаніе—увернуться какъ-нибудь отъ платежа денегъ, — ихъ же пришлось много платить въ одно время. Онъ придумываетъ только, «какую бы тутъ механику подсмолить»; но этого ни онъ самъ, ни ни его совѣтникъ Расположенскій не знаютъ еще хорошенько. На вопросъ Большова Расположенскій отвѣчаетъ: «а тамъ, глядя по обстоятельствамъ». Но тутъ же они придумываютъ—заставить кредиторовъ пойти на сдѣлку,—предложить всѣмъ 25 к. за рубль, если же кто заартачится, такъ прибавить, а то, пожалуй, и всѣ заплатить. Большовъ говоритъ: «это точно,—поторговаться не мѣшаетъ: не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ; а если полтины не возьмутъ, такъ за семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки барышъ. Такъ что хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да съ двора долой. Да и самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора: прохлаждались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту». Вы видите, что рѣшеніе Большова очень добродушно и вовсе не обнаруживаетъ сильной злодѣйской натуры: онъ хочетъ кое-что, по силѣ возможности, вытянуть изъ кредиторовъ, въ тѣхъ видахъ, что у него дочь невѣста, да и самому ему покой нуженъ. Что же тутъ особенно ужаснаго, отъ чего бы Большовъ долженъ былъ необычайное волненіе душевное испытывать? Онъ смотритъ на свой новый замыселъ, какъ на одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которыхъ немало довелось ему совершить на своемъ вѣку, и которые для него находятся рѣшительно въ порядкѣ вещей. Его одно только и смущаетъ нѣсколько — то, что ему, пожалуй, не удастся чистенько обдѣлать свою операцію. Этого онъ отчасти труситъ и потому все хочетъ устроить съ кредиторами сдѣлку, заплативши имъ по двадцатипяти копѣекъ. Но Подхалюзинъ говоритъ ему: «а ужъ по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцатипяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить», и Большовъ,—безъ всякихъ возраженій, очень легко соглашается. «А что,—говоритъ онъ:—вѣдь и правда, *храбростью-то никого не удивишь*, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльце обдѣлать. *Тамъ, послѣ, суди Владыко на второмъ пришествіи.* Хлопотъ-то только куча». И ни слова, ни намека на безнравственность задуманнаго дѣла въ отношеніи къ заимодавцамъ Большова. Только о «судѣ Владычнемъ» вспоминаетъ онъ; но и это такъ, больше для формы: «второе пришествіе» играетъ здѣсь роль не болѣе той, какую даетъ Большовъ и «милосердію Божію», въ извѣстной фразѣ своей: «Бонапартъ Бонапартомъ, а мы пуще всѣхъ надѣемся на милосердіе Божіе, *да и не о томъ теперь рѣчь*». Именно, — не о томъ теперь рѣчь: Большова занимаетъ не судъ на второмъ пришествіи [который еще когда-то будетъ], а предстоящія хлопоты по дѣлу. Хлопоты эти очень смущаютъ его: они вовсе не въ его натурѣ. Надуть разомъ, съ-рывка, хотя бы и самымъ безсовѣстнымъ образомъ,—это ему ничего; но думать, соображать, подготовлять обманъ долгое время, *подводить всю эту механику* — на такую хроническую безсовѣстность его не станетъ, и не станетъ вовсе не потому, чтобы въ немъ мало было безсовѣстности и лукавства,—то и другое находится въ немъ съ избыткомъ,—а просто потому, что онъ не привыкъ серьезно думать о чемъ-нибудь. Онъ самъ это сознаетъ и въ горькую минуту даже высказываетъ Расположенскому: «то-то вотъ и бѣда, что нашъ братъ, купецъ, дуракъ,—ничего онъ не понимаетъ, а такимъ піявкамъ, какъ ты, это и на руку». Можно сказать даже, что и все самодурство Большова происходитъ отъ непривычки къ самобытной и сознательной дѣятельности, къ которой, однакоже, онъ имѣлъ стремленіе, при несомнѣнной силѣ природной смѣтливости. Мы не видимъ изъ комедіи, какъ росъ и воспитывался Большовъ, какія вліянія на него дѣйствовали смолоду; но для насъ ясно, что онъ воспитывался подъ вліяніями тоже неблагопріятными для здороваго, самостоятельнаго развитія. Въ его дѣйствіяхъ постоянно проглядываетъ отсутствіе *своего ума;* видно, что онъ не привыкъ самъ разумно себя возбуждать къ дѣятельности и давать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. А между тѣмъ, его теперешнее положеніе, да и самая натура его, не сломившаяся окончательно подъ гнетомъ, а сохранившая въ себѣ духъ противорѣчія, требуетъ теперь самобытности, которая и выражается въ упрямствѣ и произволѣ. Извѣстно, что упрямство есть признакъ безхарактерности; точно такъ и самодурство есть вѣрное доказательство внутренняго безсилія и холопства. Самодуръ все силится *доказать*, что ему никто не указъ, и что онъ, что̀ захочетъ, то и сдѣлаетъ; между тѣмъ, человѣкъ, дѣйствительно независимый и сильный душою, никогда не захочетъ этого доказывать: онъ употребляетъ силу своего характера только тамъ, гдѣ это нужно, не растрачивая ее, въ видѣ опыта, на нелѣпыя затѣи. Большовъ съ услажденіемъ все повторяетъ, что онъ воленъ дѣлать, что̀ хочетъ, и никто ему не указъ: какъ будто онъ самъ все еще не рѣшается вѣрить этому... Видно,

что его, можетъ быть, отъ природы и не слабую личность сильно подавили въ свое время и отняли-таки у него значительную долю природной силы души. Оттого, и вышедши на свою волю, онъ не умѣетъ управлять собою. Онъ самодурствуетъ и кажется страшенъ, но это только потому, что ни съ какой стороны ему нѣтъ отпора; борьбы онъ не выдержитъ... Эта черта очень ясно представлена Островскимъ въ другой его комедіи, а потому мы еще возвратимся къ ней. Но она замѣтна и въ Большовѣ, который, даже рѣшаясь на такой шагъ, какъ злостное банкротство, не только старается свалить съ себя хлопоты, но просто самъ не знаетъ, что̀ онъ дѣлаетъ, отступается отъ своей выгоды и даже отказывается отъ своей воли въ этомъ дѣлѣ, сваливая все на судьбу... Подхалюзинъ и Расположенскій, снюхавшись между собою, подстраиваютъ такъ, что, вмѣсто сдѣлки съ кредиторами, Большовъ рѣшается на объявленіе себя несостоятельнымъ. Но Подхалюзинъ для виду отговариваетъ его отъ такого поступка. Что̀ же отвѣчаетъ Большовъ? Онъ входитъ въ азартъ и говоритъ: «что жъ, деньги заплатить? Да съ чего же ты это взялъ? Да я *лучше все оінемъ сожгу, а ужъ имъ ни копѣйки не дамъ*. Перевози товаръ, продавай векселя; *пусть тащатъ, воруютъ, кто хочетъ*, а ужъ я имъ не плательщикъ». Подхалюзинъ сожалѣетъ, что «заведеніе у насъ было превосходное, а теперь все должно въ разстройство придти»; а Большовъ кричитъ: «а тебѣ что̀ за дѣло? не твое было... Ты старайся только,—отъ меня забытъ не будешь». Что̀ обуяло его? Подумаешь, что это взрывъ сильной натуры, что ужъ это такая непреклонная воля... Но, во-первыхъ, что̀ же возбудило въ немъ такую рѣшимость, противную его собственной выгодѣ, и почему воля его выражается только въ крикахъ съ Подхалюзинымъ, а не въ дѣятельномъ участіи въ хлопотахъ? Во-вторыхъ,—самъ Большовъ вскорѣ отказывается отъ своей воли. Когда Подхалюзинъ толкуетъ ему, что можетъ случиться «грѣхъ какой», что, пожалуй, и имѣніе отнимутъ и его самого по судамъ затаскаютъ, Большовъ отвѣчаетъ: «что жъ дѣлать-то, братецъ: ужъ, знать, такая воля Божія, противъ нея не пойдешь». Подхалюзинъ отвѣчаетъ: «Это точно-съ, Самсонъ Силычъ», но, въ сущности, оно не «точно», а очень нелѣпо. Большовъ не только хочетъ свалить съ себя всякую нравственную отвѣтственность, но даже старается не думать о томъ, что̀ затѣваетъ. Принятое рѣшеніе засѣло въ его головѣ крѣпко, но какъ-то не связалось ни съ чѣмъ въ его мысляхъ и понятіяхъ и осталось для него чужимъ и мертвымъ. Онъ даже старается увѣрить, что это не онъ собственно рѣшилъ, а что «такова ужъ воля Божія: противъ нея не пойдешь». Эта черта чрезвычайно распространенная въ нашемъ обществѣ, и у Островскаго она подмѣчена весьма тонко и вѣрно. Она одна говоритъ намъ очень многое и рисуетъ характеръ Большова лучше, чѣмъ могли бы обрисовать его нѣсколько длинныхъ монологовъ. Эта темнота разумѣнія, отвращеніе отъ мышленія, безсиліе воли предъ всякимъ рискованнымъ шагомъ, порождающія этотъ тупоумный, отчаянный фатализмъ и самодурство, противное даже личной выгодѣ, все это чрезвычайно рельефно выдается въ Большовѣ и очень легко объясняетъ отдачу имъ имѣнія своему приказчику и зятю, Подхалюзину,—поступокъ, въ которомъ иные критики хотѣли видѣть непонятный порывъ великодушія и подражаніе королю Лиру. Въ поступкѣ Большова дѣйствительно есть внѣшнее сходство съ поступкомъ Лира, но именно настолько, насколько можетъ комическое явленіе походить на трагическое. Лиръ представляется намъ также жертвой уродливаго развитія: поступокъ его, полный гордаго сознанія, что онъ *самъ*, *самъ по себѣ* великъ, а не по власти, которую держитъ въ своихъ рукахъ, поступокъ этотъ тоже служитъ къ наказанію его надменнаго деспотизма. Но если мы вздумаемъ сравнить Лира съ Большовымъ, то найдемъ, что одинъ изъ нихъ съ ногъ до головы король британскій, а другой — русскій купецъ; въ одномъ все грандіозно и роскошно, въ другомъ все хило, мелко, все разсчитано на мѣдныя деньги. Въ Лирѣ дѣйствительно сильная натура, и общее раболѣпство предъ нимъ только развиваетъ ее одностороннимъ образомъ—не на великія дѣла любви и общей пользы, а единственно на удовлетвореніе собственныхъ личныхъ прихотей. Это совершенно понятно въ человѣкѣ, который привыкъ считать себя источникомъ всякой радости и горя, началомъ и концомъ всякой жизни въ его царствѣ. Тутъ, при внѣшнемъ просторѣ дѣйствій, при легкости исполненія всѣхъ желаній, не въ чемъ высказываться его душевной силѣ. Но вотъ его самообожаніе выходитъ изъ всякихъ предѣловъ здраваго смысла: онъ переноситъ прямо на свою личность весь тотъ блескъ, все то уваженіе, которымъ пользовался за свой санъ, онъ рѣшается сбросить съ себя власть, увѣренный, что и послѣ того люди не перестанутъ трепетать его. Это безумное убѣжденіе заставляетъ его отдать свое царство дочерямъ и черезъ то изъ своего варварски-безсмысленнаго положенія перейти въ простое званіе обыкновеннаго че-

ловѣка и испытать всѣ горести, соединенныя съ человѣческой жизнью. Тутъ-то, въ борьбѣ, начинающейся вслѣдъ за тѣмъ, и раскрываются всѣ лучшія стороны его души; тутъ-то мы видимъ, что онъ доступенъ и великодушію, и нѣжности, и состраданію о несчастныхъ и самой гуманной справедливости. Сила его характера выражается не только въ проклятіяхъ дочерямъ, но и въ сознаніи своей вины предъ Корделіею, и въ сожалѣніи о своемъ крутомъ нравѣ, и въ раскаяніи, что онъ такъ мало думалъ о несчастныхъ бѣднякахъ, такъ мало любилъ истинную честность. Оттого-то Лиръ и имѣетъ такое глубокое значеніе. Смотря на него, мы сначала чувствуемъ ненависть къ этому безпутному деспоту; но, слѣдя за развитіемъ драмы, все болѣе примиряемся съ нимъ какъ съ человѣкомъ, и оканчиваемъ тѣмъ, что исполняемся негодованіемъ и жгучею злобой уже *не къ нему*, а *за него* и за цѣлый міръ — къ тому дикому, нечеловѣческому положенію, которое можетъ доводить до такого безпутства даже людей, подобныхъ Лиру. Не знаемъ, какъ на другихъ, но, по крайней мѣрѣ, на насъ «Король Лиръ» постоянно производилъ такое впечатлѣніе.

Въ одной изъ критикъ увѣряли, что и Островскій хотѣлъ своего Большова возвысить до подобнаго же трагизма и собственно для этого вывелъ Самсона Силыча изъ ямы, въ четвертомъ актѣ, и заставилъ его упрашивать дочь и зятя объ уплатѣ за него 25 копѣекъ кредиторамъ. Такое сужденіе обнаруживаетъ полное непониманіе не только Шекспира и Островскаго, но и вообще нравственнаго свойства драматическихъ положеній. По нашему мнѣнію, въ послѣднемъ актѣ Большовъ нисколько не возвышается въ глазахъ читателя и нисколько не теряетъ своего комическаго характера. Въ послѣднихъ сценахъ есть трагическій элементъ, но онъ участвуетъ здѣсь чисто-внѣшнимъ образомъ, такъ какъ есть онъ, напр., и въ появленіи жандарма въ «Ревизорѣ»... Но въ чемъ же здѣсь выразился тотъ внутренній трагизмъ, который заставилъ бы страдать за Большова и примирилъ бы съ его личностью? Гдѣ слѣды той душевной борьбы, которая бы очистила и просвѣтила заросшую тиной самодурства натуру Большова? Нѣтъ этихъ слѣдовъ, да и не съ тѣмъ писана комедія, чтобы указывать ихъ; послѣдній актъ ея мы считаемъ только послѣднимъ мастерскимъ штрихомъ, окончательно рисующимъ для насъ натуру Большова, которая была остановлена въ своемъ естественномъ ростѣ враждебными, подавляющими обстоятельствами, и оставалась равно безсильною и ничтожною, какъ при обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ широкой и самобытной дѣятельности, такъ и въ напасти, опять ее скрутившей. Для насъ и въ послѣднемъ актѣ Большовъ не перестаетъ быть комиченъ; ни одного свѣтлаго луча не проникло въ эту темную душу послѣ переворота, навлеченнаго имъ самимъ на себя. Онъ нимало не сознаетъ гадости своего поступка, онъ не мучится внутреннимъ стыдомъ; его терзаетъ только стыдъ внѣшній: кредиторы таскаютъ его по судамъ, и мальчишки на него показываютъ пальцами. «Каково сидѣть-то въ ямѣ (говоритъ онъ), каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Вѣдь меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ». Вотъ что́ у него на первомъ планѣ, а на второмъ является въ его мысляхъ Иверская, но и то не надолго: воспоминаніе о ней тотчасъ смѣняется у него опасеніемъ, чтобы въ Сибирь не угодить. Вотъ его слова: «а тамъ, мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть на нее, матушку? Знаешь, Лазарь: Іуда, вѣдь онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... *А что ему за это было?.. Вѣдь я злостный, умышленный... Вѣдь меня въ Сибирь сошлютъ. Господи! Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради (плачетъ)*».—Жаль, что «Своихъ людей» не даютъ на театрѣ: талантливый актеръ могъ бы съ поразительной силой выставить весь комизмъ этого самодурнаго смѣшенія Иверской съ Іудою, ссылки въ Сибирь съ христорадничествомъ... Комизмъ этой тирады возвышается еще болѣе предыдущимъ и дальнѣйшимъ разговоромъ, въ которомъ Подхалюзинъ равнодушно и ласково отказывается платить за Большова болѣе десяти копѣекъ, а Большовъ—то попрекаетъ его неблагодарностью, то грозитъ ему Сибирью, напоминая, что имъ обоимъ одинъ конецъ; то спрашиваетъ его и дочь, есть ли въ нихъ христіанство, то выражаетъ досаду на себя за то, что опростоволосился, и приводитъ пословицу: «сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ»,—то, наконецъ, дѣлаетъ юродивое обращеніе къ дочери: «ну, вотъ вы теперь будете богаты, заживете по-барски; по гуляньямъ это, по баламъ,—дьявола тѣшить. А не забудьте вы, Олимпіада Самсоновна, что есть клѣтки съ желѣзными рѣшетками, сидятъ тамъ бѣдные заключенные... Не забудьте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ». По нашему мнѣнію, вся эта сцена очень близко подходитъ къ той сценѣ въ «Ревизорѣ», гдѣ городничій ругаетъ купцовъ, что они не помнятъ, какъ онъ имъ плутовать помогалъ. Только у Островскаго комическія черты проведены

здѣсь нѣсколько тоньше, и при томъ надо сознаться, что внутренній комизмъ личности Большова нѣсколько замаскировывается въ послѣднемъ актѣ несчастнымъ его положеніемъ, изъ-за котораго проницательные критики и навязывали Островскому такія идеи и цѣли, какихъ онъ, вѣроятно, никогда и во снѣ не видѣлъ. Хороши должны быть нравственныя понятія критика, который полагаетъ, что Большовъ въ послѣднемъ актѣ выведенъ авторомъ для того, чтобы привлечь къ нему *сочувствіе* зрителей... По нашему мнѣнію, Большовъ къ концу пьесы оказывается пошлѣе и ничтожнѣе, нежели во все ея продолженіе. Мы видимъ, что даже несчастіе и заключеніе въ тюрьму нимало не образумило его, не пробудило человѣческихъ чувствъ, и справедливо заключаемъ, что, видно, они ужъ навѣкъ въ немъ замерли, что такъ имъ ужъ и спать сномъ непробуднымъ. Онъ и теперь говоритъ, что 25 копѣекъ отдать кредиторамъ—много, да что̀ ужъ дѣлать-то, когда меньше не берутъ. «Потомятъ года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ, такъ радъ будешь и полтину дать». Не явно ли здѣсь комическое безсиліе этой натуры, не могущей ни рѣшиться на смѣлый шагъ, ни выдержать продолжительной борьбы? Не явно ли и нравственное ничтожество этого человѣка, у котораго ни разу во всей пьесѣ не проявлялось чувства законности и сознанія долга? Мало этого: въ его грубой душѣ замерли даже чувства отца и мужа; это мы видѣли и въ первыхъ актахъ пьесы, видимъ и въ послѣднемъ. Горе жены нимало не трогаетъ его, а возмутительная грубость дочери не оскорбляетъ отцовскаго чувства. Олимпіада Самсоновна говоритъ ему: «я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила,—свѣту не видала, что же, мнѣ прикажете отдавать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?» Большовъ не находитъ ничего лучшаго сказать на это, какъ только попрекнуть дочь и зятя невольнымъ благодѣяніемъ, которое онъ имъ сдѣлалъ, передавши въ ихъ руки свое имѣніе: «вѣдь я,—говоритъ,—у васъ не милостыню прошу, а свое же добро». Неужели и это отношеніе отца къ дочери не комично? А мораль, которую выводитъ для себя Большовъ изъ всей своей исторіи,—высшій пунктъ, до котораго могъ онъ подняться въ своемъ нравственномъ развитіи: «не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что̀ есть; а за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ!» Какую степень нравственнаго достоинства указываютъ намъ эти слова! Человѣкъ, потерпѣвшій отъ собственнаго злостнаго банкротства, не находитъ въ этомъ обстоятельствѣ другого нравственнаго урока, кромѣ сентенціи, что «не нужно гнаться за большимъ, чтобы своего не потерять!» И черезъ минуту къ этой сентенціи онъ прибавляетъ сожалѣніе, что не умѣлъ ловко обдѣлать дѣльце,—приводитъ пословицу: «сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ». Какъ сильно выражается въ этомъ рѣшительная безсмысленность и нравственное ничтожество этой натуры, которая въ началѣ пьесы могла еще кому-нибудь показаться сильною, судя по тому страху, какой она внушаетъ всѣмъ окружающимъ!.. И нашлись критики, рѣшившіе, что послѣдній актъ «Своихъ людей» долженъ возбудить въ зрителяхъ сочувствіе къ Большову [1]).

---

[1]) Рѣшаемся привести еще выписку изъ курьезной статьи г. Н. П. Некрасова изъ Москвы, помѣщенной въ *послѣднемъ* № «Атенея» и отчасти объясняющей собой недолговѣчность этого ученаго журнала. «Спрашивается: къ чему было Большову, попавшему за свой обманъ въ тюрьму, являться опять на сцену? Неужели авторъ хотѣлъ возбудить сочувствіе къ нему, показывая, какъ въ дѣйствительности бываетъ стыдно купцу сидѣть въ ямѣ? Но, вѣдь, всякій имѣетъ право спросить: *чѣмъ же Большовъ заслужилъ сочувствіе?*.. Къ чему же вся эта *плаксивая* четвертая сцена въ послѣднемъ дѣйствіи? Вѣроятно, къ тому, чтобы показать почтеннѣйшей публикѣ: «смотрите, дескать, какъ не подобаетъ купцу обманывать: пожалуй, самого обманутъ еще хуже». Какая прекрасная мысль, какъ великъ ея нравственный принципъ!..»

Критикъ, очевидно, недалеко ушелъ отъ самого Самсона Силыча въ пониманіи нравственныхъ принциповъ, и потому приведенныя нами выше слова Большова: «не гонись за большимъ, чтобъ послѣдняго не потерять»,—принимаетъ за основную идею всей пьесы. Смѣшавъ такимъ образомъ понятія Большова съ идеями самого автора пьесы, критикъ начинаетъ читать слѣдующее наставленіе Островскому: «Чувствуетъ ли авторъ, какъ опасно подчинять искусство дѣйствительности? Замѣчаетъ ли онъ, какъ ничтожна нравственная сторона его произведенія? Неужели истинно-художественное произведеніе можетъ быть основано на такомъ житейскомъ правилѣ: «не обманывай, чтобы не быть обманутымъ», или «не рой другому яму,—самъ въ нее попадешь», или еще ближе къ нашей комедіи— не обманывай, ибо обманъ не всегда удается». Въ чемъ же спасено здѣсь нравственное достоинство человѣка? Осмѣянъ ли, по крайней мѣрѣ, обманъ, какъ пошлая сторона природы человѣческой? Нѣтъ... Комедія не говоритъ, насколько обманъ (въ какомъ бы образѣ онъ ни проявлялся) противенъ нравственной природѣ человѣка, а говоритъ только, что купцы, несмотря на недостатки нашихъ законовъ о долгахъ, иногда попадаются въ своемъ обманѣ, и ихъ за это сажаютъ въ тюрьму и потомъ отсылаютъ въ Сибирь. Да, нельзя не согласиться,—такъ дѣйствительно бываетъ. Что жъ за необходимость повторять это на сценѣ!..» И непосредственно за наивнымъ вопросомъ критикъ побѣдоносно восклицаетъ: «такъ примѣнилъ г. Островскій выбранное имъ дѣйствіе къ идеѣ произведенія!..»

Мы полагаемъ, что теперь, по прекращеніи

Но что же въ самомъ дѣлѣ даетъ намъ это лицо комедіи? Неужели смыслъ его ограничивается тѣмъ, что «вотъ, дескать, посмотрите, какіе бываютъ плохіе люди»? Нѣтъ, этого было бы слишкомъ мало для главнаго лица серьезной комедіи, слишкомъ мало для таланта такого писателя, какъ Островскій. Нравственный смыслъ впечатлѣнія, какое выносишь изъ внимательнаго разсмотрѣнія характера Большова, гораздо глубже. Мы уже имѣли случай замѣтить, что одна изъ отличительныхъ чертъ таланта Островскаго состоитъ въ умѣньи заглянуть въ самую глубь души человѣка и подмѣтить не только образъ его мыслей и поведенія, но самый процессъ его мышленія, самое зарожденіе его желаній. Это самое умѣнье видимъ мы и въ обработкѣ характера Большова и находимъ, что результатомъ психическихъ наблюденій автора оказалось чрезвычайно гуманное воззрѣніе на самыя, повидимому, мрачныя явленія жизни и глубокое чувство уваженія къ нравственному достоинству человѣческой натуры,—чувство, которое сообщаетъ онъ и своимъ читателямъ. Въ Большовѣ, этомъ *злостномъ* банкротѣ, мы не видимъ ничего злостнаго, чудовищнаго, ничего такого, за что его слѣдовало бы считать извергомъ. Авторъ сводитъ насъ съ оффиціальной, юридической точки зрѣнія и вводитъ въ самую сущность совершающагося факта, заставляетъ безчестный замыселъ создаваться и расти предъ нашими глазами. И что же мы видимъ въ исторіи этого замысла, столь ужаснаго въ юридическомъ смыслѣ? Ни тѣни сатанинской злобы, ни признака іезуитскаго коварства! Все такъ просто, добродушно, глупо! Самсонъ Силычъ—вовсе не порожденіе ада, а просто грубое животное, въ которомъ смолоду заглушены всѣ симпатическія стороны натуры, и не развиты никакія нравственныя понятія. Въ его характерѣ нѣтъ того, что называютъ личной иниціативой или свободнымъ возбужденіемъ себя къ дѣятельности; онъ живетъ такъ, какъ живется, не разсчитывая и не загадывая много. Самодурствуетъ онъ потому, что встрѣчаетъ въ окружающихъ не твердый отпоръ, а постоянную покорность; надуваетъ и притѣсняетъ другихъ потому, что чувствуетъ только, какъ это *ему* удобно, но не въ состояніи почувствовать, какъ тяжело это *имъ;* на банкротство рѣшается онъ опять потому, что не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ общественномъ значеніи такого поступка. Самый законъ является для него не представителемъ высшей правды, а только внѣшнимъ препятствіемъ, камнемъ, который нужно убрать съ дороги. Самая сорь вѣсть является у него не во внутреннемъ голосѣ, а въ насмѣшкахъ прохожихъ, во взглядѣ на Иверскую, въ опасеніи ссылки въ Сибирь. Короче, — въ Большовѣ вы видите ясно, что его преступная, безобразная дѣятельность происходитъ именно оттого, что въ немъ не воспитанъ человѣкъ. Онъ гадокъ для насъ именно тѣмъ, что въ немъ видно почти полное отсутствіе человѣческихъ элементовъ; и въ то же время онъ пошлъ и смѣшонъ искаженіемъ и тѣхъ зачатковъ человѣчности, какіе были въ его натурѣ. Но эта самая гадость и пошлость, представленная слѣдствіемъ неразвитости натуры, указываетъ намъ необходимость правильнаго, свободнаго развитія и возстановляетъ предъ нами достоинство человѣческой природы, убѣждая насъ, что низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка и не могутъ быть удѣломъ естественнаго развитія.

Достиженію этого же результата прекрасно содѣйствуетъ все развитіе пьесы и всѣ остальныя лица, группирующіяся около Большова. Во всей пьесѣ нѣтъ никакихъ особенныхъ махинацій, нѣтъ искусственнаго развитія дѣйствія, въ угоду схоластическимъ теоріямъ и въ ущербъ дѣйствительной простотѣ и жизненности характеровъ. Всѣ лица дѣйствуютъ въ своемъ смыслѣ добросовѣстно, и ни одно не впадаетъ въ тонъ мелодрамнаго героя. Достиженію постыдной цѣли не служатъ здѣсь лучшія способности ума и благороднѣйшія силы души въ своемъ высшемъ развитіи; напротивъ, вся пьеса ясно показываетъ, что именно недостатокъ этого развитія и доводитъ людей до такихъ мерзостей. Во всѣхъ лицахъ замѣтно одно человѣческое стремленіе—высвободиться изъ самодурнаго гнета, подъ которымъ всѣ выросли и живутъ. Большовъ внѣшнимъ образомъ избавился отъ него; но слѣды воспитанія, стѣсняющаго мысль и волю, остались и въ немъ на всю жизнь и сдѣлали его безсмысленнымъ деспотомъ. И до того заразителенъ этотъ нелѣпый порядокъ жизни «темнаго царства», что каждая, самая придавленная личность, какъ только освободится хоть немножко отъ чужого гнета, такъ и начинаетъ сама стремиться угнетать другихъ. Эти дикія отношенія проведены очень искусно по всей комедіи Островскаго; вотъ почему и сказали мы, что въ ней видимъ цѣлую іерархію самодурства. Въ самомъ дѣлѣ, Большовъ безпрекословно царитъ надъ всѣми; Подхалюзинъ боится хозяина,

---

«Атенея», г. «Н. П. Некрасовъ изъ Москвы» могъ бы съ успѣхомъ писать въ «Орлѣ» г. Балашевича. *Прим. Д.*

но уже покрикиваетъ на Ѳоминишну и бьетъ Тишку; Аграфена Кондратьевна, простодушная и даже глуповатая женщина,— какъ огня боится мужа, но съ Тишкою тоже расправляется довольно энергически, да и на дочь прикрикиваетъ, и если бы сила была, такъ непремѣнно бы сжала ее въ ежовыхъ рукавицахъ. Посмотрите, какъ она расходилась, напримѣръ, во второй сценѣ перваго акта.—«Али ты думаешь,— кричитъ она дочери,—что я не властна надъ тобою приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что ты, прытче матери хочешь быть? У меня вѣдь недолго: я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! А! Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью; да вотъ на голову тебѣ и надѣну».

Липочка огрызается, а Аграфена Кондратьевна повторяетъ: «уступи верхъ матери! словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью». Но Липочка почерпаетъ для себя силы душевныя въ сознаніи того, что она *образованная*, и потому мало обращаетъ вниманія на мать и въ распряхъ съ ней всегда остается побѣдительницей: начнетъ ее попрекать, что она не такъ воспитана, да расплачется, мать-то и струситъ, и примется сама же ублажать обиженную дочку. Липочка явно обнаруживаетъ наклонность къ самому грубому и возмутительному деспотизму. Она говоритъ матери: «я вижу, что я другихъ образованнѣе; что жъ мнѣ, потакать вашимъ глупостямъ? какъ же! Есть оказія!» А съ Подхалюзинымъ, при помолвкѣ, они уговариваются: «старики почудили на своемъ вѣку,—*будетъ; теперь намъ пора*»... Одинъ только Тишка не обнаруживаетъ еще никакихъ стремленій къ преобладанію, а, напротивъ, служитъ мишенью, въ которую направляются самодурныя замашки цѣлаго дома: «у насъ,—жалуется онъ,—коли не тотъ, такъ другой, коли не самъ, такъ сама задастъ вытрепку; а то вотъ приказчикъ, Лазарь, а то вотъ Ѳоминишна, а то вотъ... всякая шваль надъ тобой командуетъ». Слѣды этого командованія съ безпрестанными вытрепками уже обнаруживаются въ Тишкѣ: онъ уже выучился мошенничать и воровать. А когда наворуетъ денегъ побольше, то и самъ, конечно, примется командовать такъ же безпутно и жестоко, какъ имъ командовали. Его карьера очень искусно обозначена Островскимъ въ немногихъ словахъ, произносимыхъ Тишкою въ сценѣ, гдѣ онъ считаетъ свои деньги, оставшись одинъ. «Полтина серебромъ—это Лазарь далъ (за то, что за водкой сходилъ тихонько), да намедни, какъ съ колокольни упалъ, Аграфена Кондратьевна гривенникъ дала; да четвертакъ въ орлянку выигралъ; да третьевось хозяинъ забылъ на прилавкѣ цѣлковый». Вотъ источники пріобрѣтенія для Тишки: сбѣгать за водкой, упасть съ колокольни, выиграть, украсть. Какое нравственное чувство разовьется въ немъ при такой жизни? Какъ онъ будетъ сочувствовать страданіямъ другихъ, когда его самого утѣшали гривенничками за то, что онъ съ колокольни упалъ! Ясно, что и изъ него современемъ выйдетъ Подхалюзинъ... Такова ужъ почва этого «темнаго царства», что на ней другихъ продуктовъ не можетъ вырасти!

Но что такое самъ Подхалюзинъ? Вѣдь это сознательный, умный мошенникъ, съ развитыми понятіями! Не составляетъ ли онъ противорѣчія общему впечатлѣнію комедіи, заставляющей насъ признать всѣ преступленія въ этой средѣ слѣдствіемъ темноты разумѣнія и неразвитости человѣческихъ сторонъ характера? Напротивъ, Подхалюзинъ окончательно убѣждаетъ насъ въ вѣрности этого впечатлѣнія. Въ немъ мы видимъ, что онъ именно настолько и сносенъ еще, насколько коснулось его вѣяніе человѣческой идеи. Онъ не очертя голову бросается въ обманъ, онъ обдумываетъ свои предпріятія, и вотъ мы видимъ, что сейчасъ же въ немъ ужъ является и отвращеніе отъ обмана въ нагомъ его видѣ, и стараніе замазать свое мошенничество разными софизмами, и желаніе пріискать для своего плутовства какія-нибудь нравственныя основанія и въ самомъ обманѣ соблюсти видимую, юридическую добросовѣстность. Есть вещи, о которыхъ онъ вовсе и не думалъ, — какъ, напримѣръ, обмѣриваніе и надуваніе покупателей въ лавкѣ,— такъ тамъ онъ и дѣйствуетъ совершенно равнодушно, безъ зазрѣнія совѣсти. Но когда вышелъ случай необыкновенный, случай пользоваться большимъ кушемъ изъ имѣнія хозяина, тутъ Подхалюзинъ задумался и началъ себя оправдывать.

«Говорятъ, надо совѣсть знать,—разсуждаетъ онъ:—да извѣстное дѣло, *надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать* нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть, *а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть!* Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ, для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и пользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ, такъ и грѣха нѣтъ никакого; *потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ.* А мнѣ что его жалѣть? Вышла линія, ну, и не плошай; онъ свою *политику ведетъ, а ты свою статью гони.* Еще-то ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится!»

Видите, что и Подхалюзинъ не извергъ, и онъ совѣсть имѣетъ, только понимаетъ ее по-своему. Онъ, какъ и всѣ прочіе, сбитъ съ толку военнымъ положеніемъ всего «темнаго царства»; обманъ свой онъ обдумываетъ,—не какъ обманъ, а какъ ловкую и въ сущности справедливую, хотя юридически и незаконную штуку; прямой же неправды онъ не любитъ: свахѣ онъ обѣщалъ двѣ тысячи и даетъ ей сто цѣлковыхъ, упираясь на то, что ей не за что давать болѣе. Расположенскому онъ отдаетъ деньги по мелочи, и, только уже передавши ему нѣсколько сотъ, отказывается отъ дальнѣйшей уплаты, находя, что ему «пора ужъ и честь знать». За самого Большова онъ не вовсе отказывается платить кредиторамъ, но только разсчитываетъ, что 25 копѣекъ—много. При томъ же, въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ видимое основаніе для своего поведенія: онъ помнитъ, что̀ самъ Большовъ говорилъ ему, и ссылается на его же собственныя слова. Отдавая за него дочь, Самсонъ Силычъ ведетъ такой разговоръ съ будущимъ зятемъ:

Большовъ. Свое добро, самъ нажилъ... кому хочу, тому даю... Да что тутъ разговаривать-то! На милость суда нѣтъ! Бери все, только насъ со старухой корми, да кредиторамъ заплати копѣекъ по десяти.

Подхалюзинъ. Стоитъ ли, тятенька, объ этомъ говорить-съ. Нешто я не чувствую? Свои люди—сочтемся.

Большовъ. Говорятъ тебѣ, бери все, да и кончено дѣло! И никто мнѣ не указъ! Заплати только кредиторамъ. Заплатишь?

Подхалюзинъ. Помилуйте, тятенька, первымъ долгомъ-съ.

Большовъ. Только ты смотри — имъ много не давай. *А то ты чай радъ сдуру-то все отдать.*

Подхалюзинъ. Да ужъ тамъ, тятенька, сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большовъ. То-то же. *Ты имъ больше десяти копѣекъ не давай.* Будетъ съ нихъ.

Подхалюзинъ очень хорошо вошелъ въ эти соображенія и кротко напоминаетъ ихъ Большову, когда тотъ является къ нему изъ ямы. Претензіи кредиторовъ на 25 коп. онъ не признаетъ справедливою; напротивъ, онъ находитъ, что они «зазнались больно; и не хотятъ ли восемь копѣекъ въ пять лѣтъ». Проникнутый этими мыслями, онъ радушно угощаетъ тестя, вмѣстѣ съ нимъ ругаетъ кредиторовъ, выражаетъ надежду, что «какъ-нибудь отдѣлаемся», ибо «Богъ милостивъ»; но заплатить требуемое кредиторами отказывается, потому что они «просятъ цѣну совсѣмъ несообразную». Съ его точки зрѣнія онъ поступаетъ ничуть не безчестно и не жестоко, а только благоразумно и твердо. Онъ даже выказываетъ значительную степень великодушія, соглашаясь платить за Большова 15 копѣекъ вмѣсто 10-ти и рѣшаясь даже самъ ѣхать къ кредиторамъ, чтобы ихъ упрашивать. Видно, что онъ не лишенъ даже чувства состраданія и нѣкоторой совѣстливости; но ему все хочется отжилить поболѣе, и онъ надѣется, что, авось, уладитъ дѣло повыгоднѣе. Здѣсь-то всего болѣе и высказывается въ Подхалюзинѣ мелкій плутъ, образовавшійся прямо вслѣдствіе деспотическаго гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ съ малолѣтства. У него нѣтъ и разбойнической рѣшимости отказаться отъ всякой уплаты и бросить все это дѣло Большова на произволъ судьбы, съ тѣмъ, чтобы рѣшиться на новыя похожденія, съ новыми хлопотами и рискомъ; нѣтъ и умнаго разсчета, отличающаго мошенниковъ высокаго полета и заставляющаго ихъ брать изъ всякой спекуляціи хоть что-нибудь, только бы покончить дѣло. Ловкій мошенникъ большой руки, пустившись на такое дѣло, какъ злостное банкротство, не пропустилъ бы случая отдѣлаться 25 копѣйками за рубль; онъ тотчасъ покончилъ бы всю аферу этой выгодной сдѣлкой и былъ бы очень доволенъ. Да и какъ же не быть довольнымъ, успѣвши задаромъ получить три четверти чужого имѣнія? Кромѣ русскаго доморощеннаго плута, всякій удовлетворился бы такимъ результатомъ. Настоящій мошенникъ, по призванію посвятившій себя этой спеціальности, не старается изъ каждаго обмана вытянуть и выторговать себѣ фортуну, не возится изъ-за гроша съ аферой, которая доставила уже рубли; онъ знаетъ, что за теперешней спекуляціей ожидаетъ его другая, за другой предстоитъ третья, и т. д., и потому онъ спѣшитъ обдѣлывать одно дѣло, чтобы, взявши съ него, что̀ можно, перейти къ другому. Совсѣмъ не такъ поступаетъ нашъ мелкій плутъ, порожденный и возрощенный безсмысленнымъ гнетомъ самодурства. Въ немъ нѣтъ именно этой размашистости, которой такъ всѣ восхищаются почему-то въ русскомъ человѣкѣ, но зато много безтолковаго сквалыжничества. Въ поступкѣ Подхалюзина могутъ видѣть нѣкоторые тоже широту русской натуры: «вотъ, дескать, какой,—коли брать и изъ чужого добра, такъ ужъ забирай больше, бери не три-четверти, а девятьдесятыхъ»... Но въ самомъ-то дѣлѣ Подхалюзинъ выказываетъ здѣсь именно отсутствіе предпріимчивости и увѣренности въ себѣ. Онъ пользуется своимъ обманомъ, какъ находкой, которая разъ попалась, а въ другой разъ и не попадется, пожалуй. Поэтому-то онъ и не разстается съ своей аферой, все выжидая,—нельзя ли изъ нея еще чего-нибудь вытянуть: не даромъ же

онъ рисковалъ, въ самомъ дѣлѣ! Ему такъ непривыченъ, такъ тяжелъ всякій рискъ, что онъ боится и думать о вторичной попыткѣ подобнаго рода... Теперь ему только бы устроиться, а тамъ онъ пойдетъ ужъ на мелкіе обманы, какъ и обѣщается въ заключительномъ обращеніи къ публикѣ, по первому изданію комедіи: «а вотъ мы магазинчикъ открываемъ! Милости просимъ: малаго ребенка пришлите, — въ луковицѣ не обочтемъ-съ». Это значитъ, что онъ удовольствуется той практикой, которую прежде *объясняла* приказчикамъ Большова... Развѣ опять *подойдетъ линія*, гдѣ будетъ что-нибудь плохо лежать: тутъ онъ и побольше стянетъ себѣ, что̀ успѣетъ.

Такимъ образомъ, и Подхалюзинъ не представляетъ собою изверга, не есть квинтъ-эссенція всѣхъ мерзостей. Всего гаже онъ въ той сценѣ, гдѣ онъ плачетъ передъ Большовымъ, увѣряя его въ своей привязанности и пр. Но вѣдь тутъ онъ подмазывается къ Самсону Силычу не столько изъ корысти, сколько для того, чтобы выманить у старика обѣщаніе выдать за него Липочку, которую—надо замѣтить—Подхалюзинъ любитъ сильно и искренно... Онъ это ясно доказываетъ своимъ обращеніемъ съ ней въ четвертомъ актѣ, т.-е. когда она уже сдѣлалась его женою... А для любви такія ли хитрости прощаемъ мы самымъ нравственнымъ героямъ, въ самыхъ романическихъ исторіяхъ!

Нечего распространяться о томъ, что общему впечатлѣнію пьесы нимало не вредитъ и Липочка, при всей своей нравственной уродливости. Находятъ, что ея обращеніе съ матерью и потомъ сцена съ отцомъ въ послѣднемъ актѣ переходятъ предѣлы комическаго, какъ слишкомъ омерзительныя. Намъ вовсе этого не кажется, потому что мы не можемъ признать святости кровныхъ отношеній въ такомъ семействѣ, какъ у Большова. На Липочкѣ тоже видна печать домашняго деспотизма: только при немъ образуются эти черствыя, бездушныя натуры, эти холодныя, отталкивающія отношенія къ роднымъ; только при немъ возможно такое совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго смысла, какое замѣчается у Липочки. А за исключеніемъ того, что̀ осталось въ Липочкѣ, какъ слѣдъ давившаго ее деспотизма, она ничуть не хуже большей части нашихъ барышень, не только въ купеческомъ, но даже и въ дворянскомъ сословіи. Многія ли изъ нихъ не наполняютъ всей своей жизни одной внѣшностью, не утѣшаются въ горѣ нарядами, не забываются за танцами, не мечтаютъ объ офицерахъ? Если я на своемъ вѣку имѣлъ разговоръ съ тремя образованными барышнями, то отъ двухъ изъ нихъ ужъ, конечно, слышалъ я повтореніе извѣстнаго монолога Липочки: «то ли дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть, восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками!.. Ужъ какое же есть сравненіе,—военный или штатскій? Военный ужъ сейчасъ видно: и ловкость, и все; а штатскій что̀? Такъ, какой-то неодушевленный»... Какъ же можно барышень, произносящихъ подобные монологи, серьезно обвинять за что-нибудь? Не ясно ли, что Липочка все, что̀ ни сдѣлаетъ, сдѣлаетъ по совершенной неразвитости нравственной и умственной, а никакъ не по злонамѣренности или природному звѣрству? Чѣмъ же возмущаться въ личности этой несчастной?

Вообще, чѣмъ можно возмущаться въ «Своихъ людяхъ»? Не людьми и не частными ихъ поступками, а развѣ тѣмъ печальнымъ безсмысліемъ, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ ихъ бытомъ. Люди, какъ мы видѣли, показаны намъ въ комедіи съ человѣческой, а не съ юридической стороны, и потому впечатлѣніе самыхъ ихъ преступленій смягчается для насъ. Оффиціальнымъ образомъ мы видимъ здѣсь злостнаго банкрота, еще болѣе злостнаго приказчика, ограбившаго своего хозяина, ехидную дочь, хладнокровно отправляющую въ острогъ своего отца,—и всѣ эти лица мы клеймимъ именами злодѣевъ и изверговъ. Но авторъ комедіи вводитъ насъ въ самый домашній бытъ этихъ людей, раскрываетъ передъ нами ихъ душу, передаетъ ихъ логику, ихъ взглядъ на вещи, и мы невольно убѣждаемся, что тутъ нѣтъ ни злодѣевъ, ни изверговъ, а все люди очень обыкновенные, какъ всѣ люди, и что преступленія, поразившія насъ, суть вовсе не слѣдствія исключительныхъ натуръ, по своей сущности наклонныхъ къ злодѣйству, а просто неизбѣжные результаты тѣхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ начинается и проходитъ жизнь людей, обвиняемыхъ нами. Слѣдствіемъ такого убѣжденія является въ насъ уваженіе къ человѣческой натурѣ и личности вообще, смѣхъ и презрѣніе въ отношеніи къ тѣмъ уродливымъ личностямъ, которыя дѣйствуютъ въ комедіи и въ оффиціальномъ смыслѣ внушаютъ ужасъ и омерзѣніе, и наконецъ—глубокая, непримиримая ненависть къ тѣмъ вліяніямъ, которыя такъ задерживаютъ и искажаютъ нормальное развитіе личности. Затѣмъ мы прямо переходимъ къ вопросу: что̀ же это за вліянія, и какимъ образомъ они дѣйствуютъ? Комедія ясно говоритъ намъ, что всѣ вредныя вліянія состоятъ здѣсь въ дикомъ, безправномъ самовольствѣ однихъ надъ другими. Самый способъ дѣйствія этихъ вліяній объясняется намъ изъ коме-

діи очень просто. Мы видѣли, что Большовъ вовсе не сильная натура, что онъ неспособенъ къ продолжительной борьбѣ, да и вообще не любитъ хлопотъ; видѣли мы также, что Подхалюзинъ—человѣкъ смѣтливый и вовсе не привязанный къ своему хозяину; видѣли, что и всѣ домашніе не очень-то расположены къ Самсону Силычу, кромѣ развѣ жены его, совершенно ничтожной и глупой старухи. Что же мѣшаетъ имъ составить открытую оппозицію противъ неистовства Большова? То, что они матеріально зависятъ отъ него, ихъ благосостояніе связано съ его благосостояніемъ? Но въ такомъ случаѣ отчего Подхалюзинъ, радѣя о пользахъ хозяина, не удерживаетъ его отъ опаснаго шага, на который тотъ рѣшается по неразумѣнію, «такъ для препровожденія времени»? Потому, конечно, что Подхалюзинъ самъ надѣется тутъ нагрѣть руки? Да,—но здѣсь-то и раскрывается въ полной силѣ весь ужасъ нелѣпыхъ отношеній, изображенныхъ намъ въ «Своихъ людяхъ». Видите, здѣсь дѣло не въ личности самодура, угнетающаго свою семью и всѣхъ окружающихъ. Онъ безсиленъ и ничтоженъ самъ по себѣ; его можно обмануть, устранить, засадить въ яму наконецъ... Но дѣло въ томъ, что съ уничтоженіемъ его не исчезаетъ самодурство. Оно дѣйствуетъ заразительно, и сѣмена его западаютъ въ тѣхъ самыхъ, которые отъ него страдаютъ. Безправное, оно подрываетъ довѣріе къ праву; темное и ложное въ своей основѣ, оно гонитъ прочь всякій лучъ истины; безсмысленное и капризное, оно убиваетъ здравый смыслъ и всякую способность къ разумной, цѣлесообразной дѣятельности; грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣренности, уничтожаетъ даже довѣріе къ самому себѣ и отучаетъ отъ честной, открытой дѣятельности. Вотъ чѣмъ именно и опасно оно для общества! Самодура уничтожить было бы не трудно, если бъ энергически принялись за это честные люди. Но бѣда въ томъ, что, подъ вліяніемъ самодурства, самые честные люди мельчаютъ и истомляются въ рабской бездѣятельности, а дѣломъ занимаются только люди, въ которыхъ собственно человѣчныя стороны характера наименѣе развиты. И дѣятельность этихъ людей, вслѣдствіе совершеннаго извращенія ихъ понятій подъ вліяніемъ самодурства, имѣетъ тоже характеръ мелкій, частный и грубо-эгоистическій. Цѣль ихъ не та, чтобы уничтожить самодурство, отъ котораго они такъ страдаютъ, а та чтобы только какъ-нибудь повалить самодура и самимъ занять его мѣсто. И вотъ — Большовъ угодилъ въ яму, и вмѣсто него явился Подхалюзинъ и благоденствуетъ на тѣхъ же правахъ [1]).

Таковы общіе выводы, представляемые намъ комедіею «Свои люди — сочтемся». Мы остановились на ней особенно долго по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, о ней до сихъ поръ не было говорено ничего серьезнаго; во-вторыхъ, краткія замѣтки, какія дѣлались о ней мимоходомъ, постоянно обнаруживали какое-то странное пониманіе смысла пьесы; въ-третьихъ, сама по себѣ комедія эта принадлежитъ къ наиболѣе яркимъ и выдержаннымъ произведеніямъ Островскаго; въ-четвертыхъ, не будучи играна на сценѣ, она менѣе популярна въ публикѣ, нежели другія его пьесы. Кромѣ того, она требовала болѣе подробнаго разсмотрѣнія и потому, что въ ней изображаются подвижныя плутовскія натуры, развившіяся подъ гнетомъ самодурства. Таковы здѣсь всѣ лица, исключая Аграфены Кондратьевны. Они дѣятельно подчинились самодурству, растлили свой умъ, сдѣлались сами участниками гадостей, порождаемыхъ деспотическимъ гнетомъ. Размотрѣть это нравственное искаженіе представляетъ задачу гораздо болѣе сложную и трудную, нежели указать простое паденіе внутренней силы человѣка подъ тяжестью внѣшняго гнета. А именно натуры послѣдняго разряда, сдавленныя, убитыя, потерявшія всякую энергію и подвижность, представляются намъ, главнымъ образомъ, въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго, къ которымъ мы должны теперь обратиться. Въ этихъ послѣднихъ мы уже гораздо короче поста-

---

[1]) Впрочемъ, въ новомъ изданіи Островскаго и Подхалюзинъ не благоденствуетъ, а уводится къ концу пьесы квартальнымъ, имѣя затѣмъ въ перспективѣ Сибирь. Намъ кажется, что эта прибавка совершенно лишняя. Конечно, авторъ сдѣлалъ ее не по своимъ убѣжденіямъ, а въ угоду нѣкоторымъ, слишкомъ ужъ строгимъ пуристамъ, требовавшимъ, чтобъ порокъ непремѣнно былъ наказанъ. Но мы видѣли, что здѣсь дѣло не въ лицахъ и не во внѣшнемъ фактѣ, а въ самомъ бытѣ, въ самыхъ связяхъ, которыми держится весь этотъ бытъ. При томъ же мы знаемъ, что если Подхалюзинъ можетъ подвергнуться наказанію, то развѣ за какую-нибудь оплошность свою,—за то, что не совсѣмъ чисто умѣлъ обработать дѣльце. Да при томъ, у него остается еще одинъ рессурсъ: квартальнаго встрѣчаетъ онъ предложеніемъ выпить водочки и поговорить съ нимъ, надѣясь такимъ образомъ уладить дѣло. Квартальный не соглашается и уводитъ его; но мы знаемъ, что не отъ квартальнаго зависитъ судьба Подхалюзина, и что не всѣ въ темномъ царствѣ такъ несговорчивы, какъ этотъ необыкновенный квартальный... Мы даже почти увѣрены, по опущеніи занавѣси, что при существующихъ общественныхъ отношеніяхъ той среды, въ которой дѣйствуетъ Подхалюзинъ, онъ непремѣнно найдетъ легкое средство вывернуться и оправдаться. *Прим. Д.*

раемся прослѣдить мертвящее вліяніе самодурства и, преимущественно, остановимся на одномъ его видѣ—на рабскомъ положеніи нашей женщины въ семействѣ. Затѣмъ, въ связи съ тѣмъ же вопросомъ самодурства, и даже въ прямой зависимости отъ него, разсмотримъ значеніе тѣхъ формъ образованности, которыя такъ смущаютъ обитателей нашего «темнаго царства», и наконецъ тѣхъ средствъ, которыя многими изъ героевъ этого царства употребляются для упроченія своего матеріальнаго благосостоянія. Но разсмотрѣніе всѣхъ этихъ вопросовъ и показаніе непосредственной связи ихъ съ самодурствомъ,—какъ оно обнаруживается въ комедіяхъ Островскаго,—должно составить другую статью.

Теперь же мы можемъ, въ заключеніе разбора «Своихъ людей», только спросить читателей: откажутъ ли они изображеніямъ Островскаго, такъ подробно анализированнымъ нами, въ жизненной правдѣ и въ силѣ художническаго представленія? И если эти лица и этотъ бытъ вѣрны дѣйствительности, то думаютъ ли читатели, что тѣ стороны русскаго быта, которыя рисуетъ намъ Островскій, не стоятъ вниманія художника? Рѣшатся ли они сказать, что дѣйствительность, изображаемая имъ, имѣетъ лишь частное и мелкое значеніе и не можетъ дать никакихъ важныхъ результатовъ для человѣка разсуждающаго?.. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ показать, достигли ли мы своей цѣли, анализируя факты, представлявшіеся намъ въ комедіяхъ Островскаго... Что касается лично до насъ, то мы никому ничего не навязываемъ, мы даже не выражаемъ ни восторга, ни негодованія, говоря о произведеніяхъ Островскаго. Мы только слѣдимъ за явленіями, имъ изображенными, и объясняемъ, какой смыслъ имѣютъ они для насъ. Читатели, соображаясь съ своими собственными наблюденіями надъ жизнью и съ своими понятіями о правѣ, нравственности и требованіяхъ природы человѣческой, могутъ рѣшить сами — какъ то, справедливы ли наши сужденія, такъ и то, какое значеніе имѣютъ жизненные факты, извлекаемые нами изъ комедій Островскаго.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

III.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ...
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ;
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ:
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

Разсматривая комедію Островскаго «Свои люди — сочтемся», мы обратили вниманіе читателей на нѣкоторыя черты русскаго, преимущественно купеческаго, быта, отразившіяся въ этой комедіи. Мы сказали, что основа комизма Островскаго заключается, по нашему мнѣнію, въ изображеніи безсмысленнаго вліянія *самодурства*, въ обширномъ значеніи слова, на семейный и общественный бытъ. Въ отношеніяхъ Самсона Силыча Большова ко всѣмъ, его окружающимъ, мы видѣли, что самодурство это безсильно и дряхло само по себѣ, что въ немъ нѣтъ никакого нравственнаго могущества, но вліяніе его ужасно тѣмъ, что, будучи само безсмысленно и безправно, оно искажаетъ здравый смыслъ и понятіе о правѣ во всѣхъ, входящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Мы видѣли, что подъ вліяніемъ самодурныхъ отношеній развивается плутовство и пронырливость, глохнутъ всѣ гуманныя стремленія даже хорошей натуры, и развивается узкій, исключительный эгоизмъ и враждебное расположеніе къ ближнимъ. Нужно имѣть геніально-свѣтлую голову, младенчески-непорочное сердце и титанически-могучую волю, чтобы имѣть рѣшимость выступить на практическую, дѣйствительную борьбу съ окружающей средою, нелѣпость которой способствуетъ только развитію эгоистическихъ чувствъ и вѣроломныхъ стремленій во всякой живой и дѣятельной натурѣ.

Но чтобы выйти изъ подобной борьбы непобѣжденнымъ,—для этого мало и всѣхъ исчисленныхъ нами достоинствъ: нужно еще имѣть желѣзное здоровье и, главное, вполнѣ обезпеченное состояніе, а между тѣмъ, по устройству «темнаго царства»,—все его зло, вся его ложь тяготѣетъ страданіями и лишеніями именно только надъ тѣми, которые слабы, изнурены и не обезпечены въ жизни; для людей же сильныхъ и богатыхъ—та же самая ложь служитъ къ услажденію жизни. Что же имъ за выгода обличать эту ложь, бороться съ этимъ зломъ? Можно ли ожидать, что купецъ Большовъ станетъ требовать, напримѣръ, отъ своего приказчика Подхалюзина, чтобы тотъ разорялъ его, поступая по совѣсти и отговаривая покупателей отъ покупки гнилого товара и отъ платы за него лишнихъ денегъ? Само собою разумѣется, что ужъ скорѣе самъ приказчикъ могъ бы, проникнувшись добросовѣстностью, послѣдовать такому образу дѣйствій. Но приказчикъ связанъ съ хозяиномъ; онъ сытъ и одѣтъ по хозяйской милости, онъ можетъ «въ люди произойти», если хозяинъ полюбитъ его; а ежели не полюбитъ, то что же такое приказчикъ, со своей непрактической добросовѣстностью? Такъ,—ничтожество!.. И вотъ Подхалюзинъ начинаетъ соображать шансы своего поло-

женія. Человѣкъ онъ не геніальный, не герой и не титанъ, а очень обыкновенный смертный. Невозможно и требовать отъ него практическаго протеста противъ всей окружающей его среды, противъ обычаевъ, установившихся вѣками, противъ понятій, которыя, какъ святыня, внушались ему, когда онъ былъ еще мальчишкою, ничего не смыслившимъ... Ясно, что онъ долженъ подчиняться той морали, какая господствуетъ въ атмосферѣ, его окружающей,— пойти по той дорожкѣ, которая проторена другими... Не требовать же ему новой, никому невѣдомой дороги, когда ужъ есть готовый, торный проселокъ!

Но, съ другой стороны, какъ натура живая и дѣятельная, и Подхалюзинъ задаетъ себѣ нѣкоторые жизненные вопросы и задачи. Задачи его обыкновенно очень мизерны, вопросы—неглубоки, потому что кругъ зрѣнія его очень ограниченъ. Онъ видитъ предъ собой своего хозяина-самодура, который ничего не дѣлаетъ, пьетъ, ѣстъ и проклажается въ свое удовольствіе, ни отъ кого ругательствъ не слышитъ, а, напротивъ, самъ всѣхъ ругаетъ невозбранно,—и въ этомъ гаденькомъ лицѣ онъ видитъ идеалъ счастья и высоты, достижимыхъ для человѣка. Что̀ выходитъ изъ тѣснаго круга обыденной жизни, постоянно имъ видимой, о томъ онъ имѣетъ лишь смутныя понятія, да ни мало и не заботится, находя, что то ужъ совсѣмъ другое, объ томъ нашему брату и думать нечего... А разъ рѣшивши это, поставивши себѣ такой предѣлъ, за который нельзя переступить, Подхалюзинъ, очень естественно, старается приспособить себя къ такому кругу, гдѣ ему надо дѣйствовать, и для того съеживается и выгибается. Это же и не стоитъ ему большого труда,—дѣло привычное съ малолѣтства: какъ вытянутъ по спинѣ аршиномъ или начнутъ объ голову кулаки оббивать,—такъ тутъ поневолѣ выгнешься и сожмешься... И Подхалюзинъ, вынося самъ всякія истязанія и находя, наконецъ, что это въ порядкѣ вещей, глубоко затаиваетъ свои личныя, живыя стремленія, въ надеждѣ, что будетъ же когда-нибудь и на его улицѣ праздникъ. Между тѣмъ, нравственное развитіе идетъ своимъ путемъ, логически-неизбѣжнымъ при такомъ положеніи: Подхалюзинъ, находя, что личныя стремленія его принимаются всѣми враждебно, мало-помалу приходитъ къ убѣжденію, что дѣйствительно личность его, какъ и личность всякаго другого, должна быть въ антагонизмѣ со всѣмъ окружающимъ, и что, слѣдовательно, чѣмъ болѣе онъ отниметъ отъ другихъ, тѣмъ полнѣе удовлетворитъ себя. Изъ этого начала развивается то вѣчно-осадное положеніе, въ которомъ неизбѣжно находится каждый обитатель «темнаго царства», пускающійся въ практическую дѣятельность съ намѣреніемъ добиться чего-нибудь... Высшія нравственныя правила, для всѣхъ равно обязательныя, существуютъ для него только въ нѣсколькихъ прекрасныхъ реченіяхъ и заповѣдяхъ, никогда не примѣняемыхъ къ жизни; симпатическая сторона натуры въ немъ не развита; понятія, выработанныя наукою, объ общественной солидарности и о равновѣсіи правъ и обязанностей,—ему недоступны. Самые идеалы его (потому что идеалы и у Подхалюзина есть, какъ есть и у городничаго въ «Ревизорѣ») грубы, тусклы, безобразны и безчеловѣчны. Городничій мечтаетъ о томъ, какъ онъ, сдѣлавшись генераломъ, будетъ заставлять городничихъ ждать себя по пяти часовъ; такъ точно Подхалюзинъ предполагаетъ: «тятенька подурили на своемъ вѣку,— будетъ: теперь намъ пора». И только бы ему достичь возможности осуществить свой идеалъ: онъ, въ самомъ дѣлѣ, не замедлитъ заставить другихъ также бояться, подличать, фальшивить и страдать отъ него, какъ боялся, подличалъ, фальшивилъ и страдалъ самъ онъ, пока не обезпечилъ себѣ право на самодурство...

Тяжело прослѣдить подобную карьеру; горько видѣть такое искаженіе человѣческой природы. Кажется, ничего не можетъ быть хуже того дикаго, неестественнаго развитія, которое совершается въ натурахъ, подобныхъ Подхалюзину, вслѣдствіе тяготѣнія надъ ними самодурства. Но въ послѣдующихъ комедіяхъ Островскаго намъ представляется новая сторона того же вліянія, по своей мрачности и безобразію едва-ли уступающая той, которая была нами указана въ прошедшей статьѣ.

Эта новая сторона является намъ въ натурахъ подавленныхъ, безотвѣтныхъ. Такія натуры представляются намъ почти въ каждой изъ комедій Островскаго, съ большею или меньшею ясностью очертаній. Даже въ «Своихъ людяхъ» Аграфена Кондратьевна принадлежитъ къ такимъ натурамъ; но здѣсь она не играетъ видной роли. Ярче выставляются намъ въ послѣдующихъ комедіяхъ лица Мити въ «Бѣдность не порокъ», и дѣтей Брусковыхъ въ пьесѣ «Въ чужомъ пиру похмѣлье», и лица дѣвушекъ почти во всѣхъ комедіяхъ Островскаго. Авдотья Максимовна, Любовь Торцова, Даша, Надя— все это безвинныя, безотвѣтныя жертвы самодурства, и то сглаженіе, *отмѣненіе* человѣческой личности, какое въ нихъ произведено жизнью, едва-ли не безотраднѣе дѣйствуетъ на душу, нежели самое искаженіе человѣческой природы въ плутахъ,

подобныхъ Подхалюзину. Тамъ еще коегдѣ пробивается жизнь, самобытность, мерцаетъ минутами лучъ какой-то надежды; здѣсь — тишь невозмутимая, мракъ непроглядный, здѣсь предъ вами стоитъ мертвая красавица въ безлюдной степи, и общее гробовое молчаніе нарушается лишь движеніемъ степного коршуна, терзающаго въ воздухѣ добычу... Жутко, точно на кладбищѣ или въ домѣ купца-раскольника наканунѣ великаго праздника!

Чтобы видѣть проявленіе безотвѣтной, забитой натуры въ разныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, мы прослѣдимъ теперь послѣдующія за «Своими людьми» комедіи Островскаго изъ купеческаго быта, начавши съ комедіи «Не въ свои сани не садись».

Но, упомянувши объ этой пьесѣ, мы считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ то, что̀ сказано было нами въ первой статьѣ—о значеніи вообще художнической дѣятельности. «Не въ свои сани не садись» вызвало самыя разнообразныя сужденія *объ убѣжденіяхъ* Островскаго. Одни превозносили его за то, что онъ усвоилъ себѣ прекрасныя воззрѣнія славянофиловъ на прелести русской старины; другіе возмутились тѣмъ, что Островскій явился противникомъ современной образованности. Всѣ эти сужденія могли быть прискорбны для Островскаго, главнымъ образомъ, потому, что изъза толковъ о его воззрѣніяхъ совершенно забывали о его талантѣ и о лицахъ и явленіяхъ, выведенныхъ имъ. Въ отношеніи къ Островскому такой пріемъ былъ просто неделикатенъ. Мы понимаемъ, что графа Соллогуба, напримѣръ, нельзя было разбирать иначе, какъ спрашивая: что̀ онъ *хотѣлъ сказать* своимъ «Чиновникомъ»? — потому что «Чиновникъ» есть не что иное, какъ модная юридическая — даже не идея, а просто—фраза, драматизированная безъ малѣйшаго признака таланта. Можно такъ обращаться, напримѣръ, и съ стихотвореніями г. Розенгейма: поэзіи у него нѣтъ ни въ одномъ стихѣ; поэтому единственною мѣркою достоинства стихотворенія остается относительное значеніе идеи, на которую оно сочинено. Такимъ образомъ, не входя ни въ какія художественныя разбирательства, можно, напримѣръ, похвалить г. Розенгейма за то, что «Гроза», помѣщенная имъ недавно въ «Русскомъ Словѣ», написана имъ на тему, не имѣющую той пошлости, какъ его чиновничьи и откупныя элегіи. Здѣсь мы можемъ быть совершенно спокойны, обращая вниманіе единственно на воззрѣніе автора, какое желалъ онъ выразить въ пьесѣ. Комедіи Островскаго заслуживаютъ другого рода критики, потому что въ нихъ, независимо отъ теоретическихъ понятій автора, есть всегда художественныя достоинства. Мы уже замѣчали, что общія идеи принимаются, развиваются и выражаются художникомъ въ его произведеніяхъ совершенно иначе, нежели обыкновенными теоретиками. Не отвлеченныя идеи и общіе принципы занимаютъ художника, а живые образы, въ которыхъ проявляется идея. Въ этихъ образахъ поэтъ можетъ, даже непримѣтно для самого себя, уловить и выразить ихъ внутренній смыслъ гораздо прежде, нежели опредѣлить его разсудкомъ. Иногда художникъ можетъ и вовсе не дойти до смысла того, что̀ онъ самъ же изображаетъ; но критика и существуетъ за тѣмъ, чтобы разъяснить смыслъ, скрытый въ созданіяхъ художника, и, разбирая представленныя поэтомъ изображенія, она вовсе не уполномочена привязываться къ теоретическимъ его воззрѣніямъ. Въ первой части «Мертвыхъ душъ» есть мѣста, по духу своему близко подходящія къ «Перепискѣ», но «Мертвыя души» отъ этого не теряли своего общаго смысла, столь противоположнаго теоретическимъ воззрѣніямъ Гоголя. И критика Бѣлинскаго не трогала гоголевскихъ теорій, пока онъ являлся передъ нею просто какъ художникъ; она ополчилась на него тогда, когда онъ провозгласилъ себя нравоучителемъ и вышелъ къ публикѣ не съ живымъ разсказомъ, а съ книжицею назидательныхъ совѣтовъ...

Не сравнивая значенія Островскаго съ значеніемъ Гоголя въ исторіи нашего развитія, мы замѣтимъ однако, что въ комедіяхъ Островскаго, подъ вліяніемъ какихъ бы теорій онѣ ни писались, всегда можно найти черты глубоко-вѣрныя и яркія, доказывающія, что сознаніе жизненной правды никогда не покидало художника и не допускало его искажать дѣйствительность въ угоду теоріи. А если такъ, то, значитъ, и основныя черты міросозерцанія художника не могли быть совершенно уничтожены разсудочными ошибками. Онъ могъ брать для своихъ изображеній не тѣ жизненные факты, въ которыхъ извѣстная идея отражается наилучшимъ образомъ, могъ давать имъ произвольную связь, толковать ихъ не совсѣмъ вѣрно; но если художническое чутье не измѣнило ему, если правда въ произведеніи сохранена,—критика обязана воспользоваться имъ для объясненія дѣйствительности, равно какъ и для характеристики таланта писателя, но вовсе не для брани его за мысли, которыхъ онъ, можетъ быть, еще и не имѣлъ. Критика должна сказать: «вотъ лица и явленія, выводимыя авторомъ; вотъ сюжетъ пьесы; а вотъ смыслъ, какой, по нашему мнѣнію, имѣютъ жизненные факты, изображаемые художникомъ, и вотъ

степень ихъ значенія въ общественной жизни». Изъ этого сужденія само собою и окажется, вѣрно ли самъ авторъ смотрѣлъ на созданные имъ образы. Если онъ, напримѣръ, силится возвести какое-нибудь лицо во всеобщій типъ, а критика докажетъ, что оно имѣетъ значеніе очень частное и мелкое,—ясно, что авторъ повредилъ произведенію ложнымъ взглядомъ на героя. Если онъ ставитъ въ зависимость одинъ отъ другого нѣсколько фактовъ, а по разсмотрѣнію критики окажется, что эти факты никогда въ такой зависимости не бываютъ, а зависятъ совершенно отъ другихъ причинъ, — опять очевидно само собой, что авторъ невѣрно понялъ связь изображаемыхъ имъ явленій. Но и тутъ критика должна быть очень осторожна въ своихъ заключеніяхъ: если, напримѣръ, авторъ награждаетъ, въ концѣ пьесы, негодяя, или изображаетъ благороднаго, но глупаго человѣка, — отъ этого еще очень далеко до заключенія, что онъ хочетъ оправдывать негодяевъ или считаетъ всѣхъ благородныхъ людей дураками. Тутъ критика можетъ разсмотрѣть только: точно ли человѣкъ, выставляемый авторомъ, какъ благородный дуракъ, дѣйствительно таковъ по понятіямъ критики объ умѣ и благородствѣ, — и затѣмъ: такое ли значеніе придаетъ авторъ своимъ лицамъ, какое имѣютъ они въ дѣйствительной жизни?

Таковы должны быть, по нашему мнѣнію, отношенія реальной критики къ художественнымъ произведеніяхъ, таковы въ особенности должны они быть къ писателю при обозрѣніи цѣлой его литературной дѣятельности. Говоря объ отдѣльномъ произведеніи, критика можетъ увлечься частностями и ставить въ вину писателю то, что̀ имъ лишь недостаточно выяснено. Но при общей характеристикѣ, частности могутъ остаться въ сторонѣ, и на первомъ планѣ является изображеніе общаго міросозерцанія писателя, какъ оно выразилось во всей массѣ его произведеній. А какъ оно выразилось, это опредѣляется тѣми предметами и явленіями, которые привлекали къ себѣ его вниманіе и сочувствіе и послужили матеріалами для его изображеній.

Сдѣлавши эти объясненія, мы можемъ теперь сказать, что вовсе не хотимъ видѣть въ «Не своихъ саняхъ» апологію патріархальнаго, стариннаго быта и попытку доказать преимущества русской необразованности предъ европейскимъ образованіемъ. Мы могли бы въ этой комедіи отыскать даже нѣчто противоположное, но и того не хотимъ, а просто укажемъ на фактъ, служащій основою пьесы. Мы уже видѣли, что основной мотивъ пьесъ Островскаго — неестественность общественныхъ отношеній, происходящая вслѣдствіе самодурства однихъ и безправности другихъ. Чувство художника, возмущаясь такимъ порядкомъ вещей, преслѣдуетъ его въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ и передаетъ на позоръ того самаго общества, которое живетъ въ этомъ порядкѣ. И вотъ одно изъ такихъ видоизмѣненій.

Есть на Руси купецъ-самодуръ, добрый, честный и даже, по-своему, умный,—но самодуръ. У него есть дочь, которая передъ нимъ безгласна и безправна, какъ всякая дочь передъ всякимъ самодуромъ. Не признавая ея правъ, какъ самостоятельной личности, ей и не даютъ ничего, что̀ въ жизни можетъ ограждать личность: она необразована, у ней нѣтъ голоса даже въ домашнихъ дѣлахъ, нѣтъ привычки смотрѣть на людей своими глазами, нѣтъ даже и мысли о правѣ свободнаго выбора въ дѣлѣ сердца. Выросши въ полный ростъ человѣческій, она все еще ведетъ себя, какъ несовершеннолѣтняя, какъ ребенокъ неразумный. Самая любовь ея къ отцу, парализуемая страхомъ, неполна, неразумна и неоткровенна, такъ что дочка втихомолку отъ отца напитывается понятіями своей тетушки, пожилой дѣвы, бывшей въ ученьѣ на Кузнецкомъ мосту, и затѣмъ съ ея голоса увѣряетъ себя, что влюблена въ молодого прощалыгу, отставного гусара, на-дняхъ пріѣхавшаго въ ихъ городъ. Гусаръ сватается, отецъ отказываетъ; тогда гусаръ увозитъ дѣвушку, и она рѣшается ѣхать съ нимъ, все толкуя, однако, о томъ, что ѣхать не надо, а лучше къ отцу возвратиться. Но на первой же станціи гусаръ узнаетъ, что отецъ не дастъ ни гроша денегъ за убѣжавшей дочерью, и тотчасъ же, конечно, прогоняетъ отъ себя бѣдную дѣвушку. Она возвращается домой; отецъ ругаетъ и хочетъ запереть ее на замокъ, чтобъ свѣта Божьяго не видала и его передъ людьми не срамила; но ее рѣшается взять за себя молодой купчикъ, который давно въ нее влюбленъ, и котораго она сама любила до встрѣчи съ Вихоревымъ. Все кончается благополучно.

Таковъ фактъ, составляющій сущность комедіи «Не въ свои сани не садись». Какой же смыслъ его? Даетъ ли онъ хоть какой-нибудь поводъ къ развитію темы о преимуществахъ стараго быта, къ выраженію славянофильскихъ тенденцій? Кажется, нѣтъ. Смыслъ его тотъ, что самодурство, въ какихъ бы умѣренныхъ формахъ ни выражалось, въ какую бы кро́ткую опеку ни переходило, все-таки ведетъ, по малой мѣрѣ, къ обезличенію людей, подвергшихся его вліянію; а обезличеніе совершенно противоположно всякой свободной и разумной дѣя-

тельности; слѣдовательно, человѣкъ обезличенный, подъ вліяніемъ тяготѣвшаго надъ нимъ самодурства, можетъ нехотя, безсознательно совершить какое угодно преступленіе и погибнуть—просто по глупости и недостатку самобытности.

Это значеніе разсказаннаго нами факта, всего скорѣе и рѣзче бросающееся въ глаза, недостаточно ярко является въ комедіи, потому что въ ней на первый планъ выступаетъ контрастъ умнаго, солиднаго Русакова и добраго, честнаго Бородкина—съ жалкимъ вертопрахомъ Вихоревымъ. За этотъ контрастъ и ухватились критики и надѣлали въ своихъ разборахъ такихъ предположеній, какихъ у автора, можетъ быть, и на умѣ никогда не было. Его обвинили чуть не въ совершенномъ обскурантизмѣ, и даже до сихъ поръ нѣкоторые критики не хотятъ ему простить того, что Русаковъ—необразованный, но все-таки добрый и честный человѣкъ [1]). И дѣйствительно, увлекшись негодованіемъ противъ мишурной образованности господъ, подобныхъ Вихореву, сбивающихъ съ толку простыхъ русскихъ людей, Островскій не съ достаточной силой и ясностью выставилъ здѣсь *тѣ причины*, вслѣдствіе которыхъ русскій человѣкъ можетъ увлекаться подобными господами. Но нельзя сказать, чтобы эти причины были совершенно забыты авторомъ: простой и естественный смыслъ факта не укрылся отъ него, и въ «Не своихъ саняхъ» мы находимъ разбросанныя черты тѣхъ отношеній, которыя разумѣемъ подъ общимъ именемъ самодурныхъ. Если бъ эти черты были ярче, комедія имѣла бы болѣе цѣльности и опредѣленности; но и въ настоящемъ своемъ видѣ она не можетъ быть названа противною основнымъ чертамъ міросозерцанія автора. Въ темный бытъ Русаковыхъ онъ внесъ лучъ посторонняго свѣта, сгладилъ и уровнялъ нѣкоторыя грубыя черты; но и въ этомъ смягченномъ видѣ, если всмотрѣться внимательнѣе,—сущность дѣла осталась та же. Попробуемъ указать нѣсколько чертъ изъ отношеній Русакова къ дочери и къ окружающимъ, мы увидимъ, что здѣсь основаніемъ всей исторіи является опять-таки то же самодурство, на которомъ утверждаются всѣ семейныя и общественныя отношенія этого «темнаго царства».

Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ — этотъ лучшій представитель всѣхъ прелестей стараго быта, умнѣйшій старикъ, *русская душа*, которою славянофильскіе и кошихинствующіе критики кололи глаза нашей послѣ-петровской эпохѣ и всей новѣйщей образованности,—Русаковъ, на нашъ взглядъ, служитъ живымъ протестомъ противъ этого темнаго быта, ничѣмъ не осмысленнаго и безнравственнаго въ самомъ корнѣ своемъ. Въ Большовѣ мы видѣли дрянную натуру, подвергнувшуюся вліянію этого быта; въ Русаковѣ намъ представляется: а вотъ какими выходятъ при немъ даже честныя и мягкія натуры!.. И дѣйствительно, природная доброта и даже деликатность пробиваются въ Русаковѣ сквозь грубыя формы. Онъ обходится со всѣми ласково, о женѣ и дочери говоритъ съ умиленіемъ; когда Дуня, узнавъ о его рѣшительномъ отказѣ Вихореву, падаетъ въ обморокъ (сцена эта намъ кажется, впрочемъ, утрированною), онъ пугается и даже тотчасъ соглашается измѣнить для нея свое рѣшеніе. Мало этого: у него голова сложена довольно хорошо, и изъ нея не выбитъ здравый смыслъ. Онъ не говоритъ просто: такъ должно быть *потому*, что *я* такъ хочу, а старается отыскивать резоны для своихъ рѣшеній. Но этимъ и ограничивается то, что могъ онъ сохранить изъ добрыхъ качествъ своей натуры; далѣе начинаются пріобрѣтенія самодурства. Видно, что Русаковъ, по мягкости своей природы, съ самаго начала кротко покорился существующему порядку, признавъ его законность; значитъ, не было нужды доказывать ему эту законность пинками и колотушками. Оттого въ немъ и въ старости нѣтъ той враждебности и крутости, какую замѣчаемъ въ другихъ самодурахъ, выводимыхъ Островскимъ; оттого онъ не отвергаетъ даже резоновъ въ разговорѣ съ низшими и младшими. Но бытъ «темнаго царства», въ которомъ онъ выросъ, ничего не далъ ему въ отношеніи резонности: ея нѣтъ въ этомъ бытѣ, и потому Русаковъ впадаетъ въ ту же несмысленность, въ тотъ же мракъ, въ какомъ блуждаютъ и другіе собратья его, хуже одаренные природою.

Любопытно послушать мораль, до которой успѣлъ онъ возвыситься. Покорность, терпѣніе, уваженіе къ опыту и преданію, ограниченіе себя своимъ кругомъ—вотъ его основныя положенія. Дошелъ онъ до нихъ грубо-эмпирически, сопоставляя факты, но ничѣмъ ихъ не осмысливая, потому что мысль его связана въ то же время самымъ упорнымъ, фаталистическимъ понятіемъ о судьбѣ, распоряжающейся человѣческими дѣлами. Онъ появляется на сцену съ сентенціей о томъ, что «нужно къ старшимъ за совѣтомъ ходить,—старикъ худа не посо-

[1]) Послѣ первой нашей статьи, гдѣ говорилось о критикахъ Островскаго, появились въ журналахъ еще двѣ статьи о немъ. Одна имѣетъ дифирамбическій характеръ, но другая повторяетъ всѣ нелѣпости, приписывавшіяся Островскому въ прежнее время, и оканчивается тѣмъ, что совѣтуетъ ему «мыслить, мыслить и мыслить». Впрочемъ, объ стать и совершенно незначительны. *Прим. Д.*

вѣтуетъ». Далѣе, въ отвѣтъ на сватовство Бородкина, онъ говоритъ: «я, значитъ, должонъ это дѣло сдѣлать съ разумомъ, потому—мнѣ придется за дочь Богу отвѣчать». На этомъ основаніи онъ судьбою дочери распоряжается вотъ какимъ образомъ: «статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится? Нѣтъ, это не порядокъ: пусть *мнѣ* человѣкъ понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого *я* полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдамъ». Въ этомъ ужъ крѣпко сказывается и самодурство; но оно смягчается въ Русаковѣ слѣдующимъ разсужденіемъ: «какъ дѣвкѣ повѣрить? что она видѣла? кого она знаетъ?» Разсужденіе справедливое въ отношеніи къ дочери Русакова; но ни Русакову и никому изъ его собратьевъ не приходитъ въ голову спросить: «отчего жъ она ничего не видѣла и никого не знаетъ? Какая же необходимость была воспитывать ее въ такомъ блаженномъ невѣдѣніи, что всякій ее можетъ обмануть?..» Если бъ они задали себѣ этотъ вопросъ, то изъ отвѣта и оказалось бы, что всему злу корень опять-таки не что иное, какъ ихъ собственное самодурство. Русаковъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и въ бары лѣзть не желаетъ, а образованіе онъ считаетъ исключительной принадлежностью баръ; вслѣдствіе того онъ и дочь свою такъ держитъ, что она остается, по его выраженію, *дурою*. Въ отвѣтъ на сватанье Вихорева онъ говоритъ: «ищите себѣ барышень воспитанныхъ, а ужъ нашихъ-то дуръ оставьте намъ, мы своимъ-то найдемъ жениховъ какихъ-нибудь дешевенькихъ». Въ этихъ словахъ еще слышится иронія; но Русаковъ и серьезно продолжаетъ въ томъ же родѣ: «ну, какая она барыня, посудите, отецъ: жила здѣсь въ четырехъ стѣнахъ, свѣту не видала... Не за что вамъ и любить ее: она дѣвушка простая, невоспитанная и совсѣмъ вамъ не пара. У васъ есть родные, знакомые, всѣ будутъ смѣяться надъ ней, какъ надъ дурой, да и вамъ-то она опротивѣетъ хуже горькой полыни... такъ отдамъ ли я дочь на такую каторгу!»

Въ этихъ разсужденіяхъ всего печальнѣе то, что они совершенно справедливы. Въ самомъ дѣлѣ — не очень-то веселая жизнь ожидала бы Авдотью Максимовну, если бы она вышла *за благороднаю,* хотя бы онъ и не былъ такимъ шелыганомъ, какъ Вихоревъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, воспитана такъ, что въ ней вовсе нѣтъ лица человѣческаго. Самая лучшая похвала ей изъ устъ самого отца—какая же? — та, что «въ глазахъ у нея только любовь, да кротость: *она будетъ любить всякаю мужа*, надо найти ей такого, чтобы ее-то любилъ». Это значитъ—доброта безразличная, безотвѣтная, именно такая, какая въ мягкихъ натурахъ вырабатывается подъ гнетомъ семейнаго деспотизма, и какая всего болѣе нравится самодурамъ. Для людей, привыкшихъ опирать свои дѣйствія на здравомъ смыслѣ и сообразжать ихъ съ требованіями справедливости и общаго блага, такая доброта противна или, по крайней мѣрѣ, жалка. Немудрено разсудить, что если человѣкъ со всѣми соглашается, то у него, значитъ, нѣтъ своихъ убѣжденій; если онъ всѣхъ любитъ и всѣмъ другъ, то, значитъ, всѣ для него безразличны; если дѣвушка всякаго мужа любить будетъ, то ясно, что сердце у ней составляетъ даже не кусокъ мяса, а просто какое-то расплывающееся тѣсто, въ которое можно воткнуть, что̀ угодно...

Для человѣка, не зараженнаго самодурствомъ, вся прелесть любви заключается въ томъ, что воля другого существа гармонически сливается съ его волей, безъ малѣйшаго принужденія. Оттого-то очарованіе любви и бываетъ такъ неполно и недостаточно, когда взаимность достигается какими-нибудь вымогательствами, обманомъ, покупается за деньги или вообще пріобрѣтается какими-нибудь внѣшними и посторонними средствами. Чувство любви можетъ быть истинно хорошо только при внутренней гармоніи любящихъ, и тогда оно составляетъ начало и залогъ того общественнаго благоденствія, которое обѣщаетъ намъ, въ будущемъ развитіи человѣчества, водвореніе братства и личной равноправности между людьми. Но самодурство и этого чувства не можетъ оставить свободнымъ отъ своего гнета: въ его свободномъ и естественномъ развитіи оно чувствуетъ какую-то опасность для себя, и потому старается убить прежде всего то, что̀ служитъ его основаніемъ—личность. Для этого самодуры сочиняютъ свою мораль, свою систему житейской мудрости, и по ихъ толкованіямъ выходитъ, что чѣмъ болѣе личность стерта, неразличима, непримѣтна, тѣмъ она ближе къ идеалу совершеннаго человѣка. «У него такой отличный характеръ, что онъ вынесетъ безропотно всякое оскорбленіе, будетъ любить самаго недостойнаго человѣка»,—вотъ похвала, выше которой самодуръ ничего не знаетъ. А на нашъ взглядъ подобный человѣкъ есть дрянь, кисель, тряпка; онъ можетъ быть хорошимъ *человѣкомъ*, но только въ лакейскомъ смыслѣ этого слова. На другое же ни на что онъ негоденъ, и отъ него можно ожидать ровно столько же пакостей, сколько и хорошихъ поступковъ: все будетъ зависѣть отъ того, въ какія руки онъ попадется. Ничего этого не признаетъ Русаковъ, въ качествѣ самодура, и твердитъ

свое: «все зло на свѣтѣ отъ необузданности; мы, бывало, страхъ имѣли и старшихъ уважали, такъ и лучше было... бить некому нынѣшнихъ молодыхъ людей, а то-то надо бы: палка-то по нихъ плачетъ». И о чемъ бы онъ ни говорилъ, — уваженіе къ старшимъ на первомъ планѣ. Даже на Вихорева онъ сердится всего болѣе за то, что тотъ «со старшими говорить не умѣетъ». И на дочь свою, когда та дѣлаетъ попытку убѣдить отца, онъ, при всей своей мягкости, прикрикиваетъ: «да какъ ты смѣешь такъ со мною разговаривать?» А затѣмъ онъ даетъ ей строгій приказъ: «Вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или поди ты у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу». И чтобы приказъ былъ дѣйствительнѣе, онъ подкрѣпляетъ его попреками: «я тебя ростилъ, я тебя берегъ пуще глазу... Что грѣха на душу принялъ, гордость меня одолѣла съ тобой... Наказалъ Богъ по грѣхамъ». Говоря безпристрастно, такое обращеніе нельзя назвать очень гуманнымъ; но въ нашемъ «темномъ царствѣ» и оно еще довольно мягко, и Русаковъ по справедливости можетъ быть названъ лучшимъ изъ самодуровъ.

Зато и выработалась же добрая натура Авдотьи Максимовны подъ вліяніемъ этого кроткаго самодурства! Трудно представить болѣе жалкую дѣвушку. Въ сущности, она даже скорѣе комична, нежели жалка, такъ, какъ комична Софья Павловна съ своей любовью къ Молчалину, или Софья Сергѣевна (въ «Новѣйшемъ оракулѣ» г. Потѣхина) съ нѣжной страстью къ Зильбербаху. Но надъ Авдотьей Максимовной нельзя смѣяться: обстановка ея слишкомъ мрачна. Когда мы одиноко идемъ въ полночь по темному склепу, между могилами, и вдругъ, за одной изъ гробницъ предъ нами внезапно является какая-нибудь нелѣпая рожа и дѣлаетъ намъ гримасу,—то какъ бы гримаса ни была смѣшна, трудно засмѣяться въ эту минуту: невольно испугаешься. Такъ и комизмъ нашего «темнаго царства»: дѣло само по себѣ просто забавно, но въ виду самодуровъ и жертвъ, во мракѣ ими задавленныхъ, пропадаетъ охота смѣяться... Авдотья Максимовна въ теченіе всей пьесы находится въ сильнѣйшей ажитаціи, безсмысленной и пустой, если хотите, но тѣмъ не менѣе возбуждающей въ насъ не смѣхъ, а состраданіе: бѣдная дѣвушка въ самомъ дѣлѣ невиновата, что ее лишили всякой нравственной опоры внутри себя и воспитали только къ тому, чтобы вѣкъ ходить ей на привязи. Сердце у ней доброе, въ характерѣ много довѣрчивости, какъ у всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ, не успѣвшихъ еще ожесточиться; потребность любви пробуждена; но она не находитъ для себя ни простора, ни разумной опоры, ни достойнаго предмета. Въ Авдотьѣ Максимовнѣ не развито настоящее понятіе о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно, не развито уваженіе къ побужденіямъ собственнаго сердца, а въ то же время и понятіе о нравственномъ долгѣ развито лишь до той степени, чтобы признать его, какъ внѣшнюю принудительную силу. Въ этомъ положеніи несчастная дѣвушка и мечется, не зная, куда ей приклонить, наконецъ, свою голову. Отца она любитъ, но въ то же время и боится, и даже какъ-то не совсѣмъ довѣряетъ ему. Бородкинъ ей нравился; но ей сказали, что онъ мужикъ необразованный, и она теряется, не знаетъ, что̀ думать, и доходитъ до того, что Бородкинъ становится ей противенъ. Подвертывается Вихоревъ, который ничего не имѣетъ, кромѣ наглости и вывѣсочной физіономіи;—она прельщается Вихоревымъ. Но и тутъ она только понапрасну мучитъ самое себя: ни на одну минуту не стоитъ она на твердой почвѣ, а все какъ будто тонетъ,—то всплыветъ немножко, то опять погрузится... такъ и ждешь, что вотъ-вотъ сейчасъ потонетъ совсѣмъ... При первомъ ея появленіи на сцену, въ концѣ перваго акта, Вихоревъ сообщаетъ ей, что отецъ просваталъ ее за Бородкина; она наивно говоритъ: «не безпокойтесь, я за Бородкина не пойду».—«А если отецъ прикажетъ?»— спрашиваетъ Вихоревъ. «Нѣтъ, — говоритъ, — онъ насильно не заставитъ». — «А какъ заставитъ,—что̀ тогда?» — «Тогда,— идіотски отвѣчаетъ она,— я ужъ, право, и не знаю, что̀ мнѣ дѣлать съ этимъ дѣломъ... такая-то напасть на меня!». Вихоревъ, для котораго всѣ средства хороши,— предлагаетъ ей уѣхать съ нимъ тихонько; она приходитъ въ ужасъ и восклицаетъ: «ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что̀ вы это? Ни за какія сокровища!» Отчего же такой ужасъ? Да просто оттого, видите, что «отецъ проклянетъ меня: каково мнѣ будетъ тогда жить на бѣломъ свѣтѣ?» Вслѣдствіе того она простодушно совѣтуетъ Вихореву переговорить съ ея отцомъ; Вихоревъ предполагаетъ неудачу, а она успокаиваетъ его такимъ разсужденіемъ: «что̀ же дѣлать! знать моя такая судьба несчастная... Вчера тетенька на картахъ гадала, что-то все дурно выходило, я ужъ не мало плакала». Вихоревъ стращаетъ ее, что уѣдетъ на Кавказъ и будетъ стараться, чтобъ его тамъ застрѣлили; она и къ нему пристаетъ: «нѣтъ, не ѣздите. Что̀ это вы,—какія страсти говорите». Словомъ, дѣвушка со всѣхъ сторонъ подъ страхомъ: тамъ отцовское проклятіе грозитъ, тутъ на картахъ дурно выходитъ, а здѣсь милаго Вихорева, того и гляди,

черкесы подстрѣлятъ. И хоть бы какое-нибудь внутреннее противодѣйствіе всѣмъ этимъ ужасамъ явилось въ бѣдной дѣвушкѣ! Она простодушно и одинаково вѣритъ — и отцовскому проклятію, и картамъ, и тому, что Вихоревъ поѣдетъ подъ пули,—и всего этого одинаково боится... Правду она говоритъ про себя въ началѣ второго акта: «какъ тѣнь какая хожу, ногъ подъ собою не слышу... только чувствуетъ мое сердце, что ничего изъ этого хорошаго не выйдетъ. Ужъ я знаю, что много мнѣ бѣдной тутъ слезъ пролить». Да и какъ же не пролить при такихъ порядкахъ?..

Къ довершенію горя оказывается, что она еще и Бородкина-то любитъ, что она съ нимъ, бывало, встрѣтится, такъ не наговорится: у калиточки его поджидаетъ, осенніе темные вечера съ нимъ просиживаетъ,—да и теперь его жалѣетъ, но въ то же время не можетъ никакъ оторваться отъ мысли о необычайной красотѣ Вихорева. Впрочемъ, она очень недовольна собой и говоритъ: «на грѣхъ я его увидѣла». Но самое большое мученье для нея составляетъ—просить отца о согласіи на ея желаніе выйти за Вихорева. Она приступаетъ къ этому съ какой-то особенной торжественностью, заставляетъ Вихорева сначала поклясться, что онъ ее точно любитъ, потомъ объявляетъ ему, что для доказательства своей любви она рѣшается сама просить отца... «Но если бы вы знали, чего это мнѣ стоитъ», — прибавляетъ она, и послѣдующая сцена вполнѣ объясняетъ и оправдываетъ ея страхъ, возможный и понятный единственно только при самодурныхъ отношеніяхъ, на которыхъ основанъ весь семейный бытъ Русаковыхъ. Кажется, чего естественнѣе и легче для дочери — объявить свои желанія отцу, который ее нѣжно любитъ? Но Авдотья Максимовна, твердя о томъ, что отецъ ее любитъ, знаетъ, однакоже, какого рода сцена можетъ быть слѣдствіемъ подобной откровенности съ отцомъ, и ея добрая, забитая натура заранѣе трепещетъ и страдаетъ. Въ самомъ дѣлѣ,—и «какъ ты смѣешь?», и «я тебя ростилъ и лелѣялъ», и «ты дура», и «нѣтъ тебѣ моего благословенія»—все это градомъ сыплется на бѣдную дѣвушку и доводитъ ее до того, что даже въ ея слабой и покорной душѣ вдругъ подымается кроткій протестъ, выражающійся невольнымъ, безсознательнымъ переломомъ прежняго чувства; отцовскій приказъ идти за Бородкина возбудилъ въ ней отвращеніе къ нему. «Мнѣ давеча было жаль Ваню, — говоритъ она про Бородкина,—а теперь онъ мнѣ опостылѣлъ... опостылѣлъ». Но это уже крайняя степень реакціи, на которую она способна; далѣе этого она не можетъ идти въ своемъ сопротивленіи чужой волѣ — и падаетъ въ обморокъ. Тутъ происходитъ чувствительная сцена, въ которой Русаковъ умиляется и соглашается выдать дочь за Вихорева, но только — если тотъ возьметъ ее безъ денегъ. Обрадованная Авдотья Максимовна спѣшитъ въ церковь, чтобы на дорогѣ встрѣтить Вихорева и объявить отрадную новость, а Вихоревъ увозитъ ее... Изъ хода дѣла оказывается, что Вихоревъ увезъ Авдотью Максимовну насильно, и это обстоятельство представляется очень важнымъ для старика Русакова. Но для насъ оно не такъ важно, потому что мы видимъ въ комедіи сцену увезенной дѣвушки съ Вихоревымъ на постояломъ дворѣ. Изъ этой сцены мы съ достовѣрностью можемъ заключить, что если Вихоревъ и насильно посадилъ Авдотью Максимовну въ коляску, то онъ сдѣлалъ это единственно по скорости времени, но что она и сама не могла бы устоять противъ Вихорева, если бы онъ сталъ ее уговаривать. И на постояломъ дворѣ она сначала упрашиваетъ: «Викторъ Аркадьичъ, голубчикъ! съ вами я въ огонь и въ воду готова, только пустите меня къ тятенькѣ... Что съ нимъ будетъ?» и пр. Но мольбы ея исчезаютъ предъ волею Вихорева. Сталъ онъ ее уговаривать да приласкалъ немножко, и вотъ что она уже говоритъ ему: «ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь—съ тобой! *Никого я теперь не боюсь, и никого мнѣ не жалко.* Такъ бы вотъ улетѣла съ тобой куда-нибудь!» Вслѣдъ затѣмъ она опять вспоминаетъ объ отцѣ, и опять, разумѣется, безплодно. Ей, видите, страшно было рѣшиться уѣхать съ Вихоревымъ; но, разъ попавши къ нему въ руки, она точно также боится и отъ него уйти. Ни разу не проявилась въ ней сильная рѣшимость, свидѣтельствующая о самобытности характера. Кроткая жалоба, смиренная мольба—дальше этого она не смѣетъ идти. Когда Вихоревъ отталкиваетъ ее отъ себя, узнавши, что за ней денегъ не даютъ, она какъ будто возмущается нѣсколько и говоритъ: «не будетъ вамъ счастья, Викторъ Аркадьичъ, за то, что вы наругались надъ бѣдной дѣвушкой». Но тотчасъ же она сама пугается своихъ словъ и переходитъ къ смиренному тону, въ которомъ даже хочется предположить иронію, какъ она ни неумѣстна въ положеніи Авдотьи Максимовны. Доброта, лишенная всякой способности возмущаться зломъ, и тупая покорность судьбѣ выражаются въ этихъ словахъ несчастной дѣвушки: «Богъ васъ накажетъ за меня, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую, да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости, а я,

дѣвушка простая, доживу какъ-нибудь, скоротаю свой вѣкъ, въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаючи свою жизнь». И эта гуманно-патетическая тирада обращена къ Вихореву! А Вихоревъ думаетъ: «что жъ, отчего и не пошалить, если шалости такъ дешево обходятся». А тутъ еще въ заключеніе пьесы, Русаковъ, на радостяхъ, что урокъ не пропалъ даромъ для дочери и еще болѣе укрѣпилъ въ ней принципъ повиновенія старшимъ,—уплачиваетъ долгъ Вихорева въ гостиницѣ, гдѣ тотъ жилъ. Какъ видите, и тутъ сказывается самодурный обычай: на милость, дескать, нѣтъ образца: хочу—казню, хочу милую... Никто мнѣ не указъ,—ни даже самыя правила справедливости.

Такъ вотъ каково положеніе и развитіе двухъ главныхъ лицъ комедіи «Не въ свои сани не садись». Нравится оно вамъ? Хотѣли бы вы сами быть на мѣстѣ Авдотьи Максимовны? Или, можетъ быть, вамъ было бы пріятно играть роль Русакова и довести кого-нибудь изъ близкихъ вамъ до того положенія, въ какомъ представляется намъ дочь Максима Ѳедотыча? Если такъ, то, конечно, вы должны восхищаться патріархальностью, чистотою и счастіемъ того быта, который изображенъ Островскимъ въ этой комедіи. Но если нѣтъ, то и эта пьеса должна вамъ представляться сильнымъ протестомъ, захватившимъ самодурство въ такомъ его фазисѣ, въ которомъ оно можетъ еще обманывать многихъ нѣкоторыми чертами добродушія и разсудительности.

Но—могутъ сказать намъ—несчастіе, происшедшее въ семействѣ Русаковыхъ, есть не болѣе, какъ случай, совершенно выходящій изъ ряда обыкновенныхъ явленій ихъ жизни. До пріѣзда Вихорева во всей семьѣ Русаковыхъ была тишь да гладь, да Божья благодать. Виною всего горя была зараза новыхъ понятій, привезенная съ Кузнецкаго моста сестрою Русакова—Ариною Ѳедотовной. Самъ Русаковъ говоритъ ей: «твое дѣло, порадуйся! Я ее въ страхѣ воспитывалъ да въ добродѣтели, она у меня какъ голубка была чистая. Ты пріѣхала съ заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было, что глупости... Всѣ рѣчи-то твои были такія вздорныя. Вѣдь тебя нельзя пустить въ хорошую семью: ты ядъ и соблазнъ!» И дѣйствительно, во всей пьесѣ представляется очень ярко и послѣдовательно, какимъ образомъ этотъ ядъ мало-по-малу проникаетъ въ душу дѣвушки и нарушаетъ спокойствіе ея тихой жизни. А въ концѣ изображается опять, какъ живая сила простыхъ, патріархальныхъ отношеній беретъ верхъ надъ язвою современной полуобразованности, возвращаетъ заблудшую дочь въ родительскій домъ и торжествуетъ, въ лицѣ Бородкина, возстановляя ея естественныя права въ кругу всѣхъ, ей близкихъ. Такое значеніе, очевидно, хотѣлъ придать пьесѣ самъ авторъ, и на всѣхъ вообще она производитъ впечатлѣніе, не возстановляющее противъ стараго быта, а примиряющее съ нимъ.

На это мы должны сказать, что не знаемъ, что̀ именно имѣлъ въ виду авторъ, задумывая свою пьесу, но видимъ въ самой пьесѣ такія черты, которыя никакъ не могутъ послужить въ похвалу старому быту. Если эти черты не такъ ярки, чтобы бросаться въ глаза каждому, если впечатлѣніе пьесы раздвояется,—это доказываетъ только (какъ мы уже замѣчали въ первой статьѣ), что общія теоретическія убѣжденія автора, при созданіи пьесы, не находились въ совершенной гармоніи съ тѣмъ, что̀ выработала его художническая натура изъ впечатлѣній дѣйствительной жизни. Но, смотря на художника не какъ на теоретика, а какъ на воспроизводителя явленій дѣйствительности, мы не придаемъ исключительной важности тому, какимъ теоріямъ онъ слѣдуетъ. Главное дѣло въ томъ, чтобъ онъ былъ добросовѣстенъ и не искажалъ фактовъ жизни въ пользу своихъ воззрѣній: тогда истинный смыслъ фактовъ самъ собою выкажется въ произведеніи, хотя, разумѣется, и не съ такою яркостью, какъ въ томъ случаѣ, когда художнической работѣ помогаетъ и сила отвлеченной мысли... Объ Островскомъ даже сами противники его говорятъ, что онъ всегда вѣрно рисуетъ картины дѣйствительной жизни; слѣдовательно, мы можемъ даже оставить въ сторонѣ, какъ вопросъ частный и личный,—то, какія намѣренія имѣлъ авторъ при созданіи своей пьесы. Положимъ, что никакихъ не имѣлъ, а такъ, просто—поразилъ его случай, нерѣдко совершающійся въ «темномъ царствѣ», котораго изображеніемъ онъ занимается, — онъ взялъ да и записалъ этотъ случай. О смыслѣ его предоставляется судить публикѣ и критикѣ. Критика рѣшила, что смыслъ пьесы—указаніе вреда полуобразованности и восхваленіе коренныхъ началъ русскаго быта. По нашему мнѣнію, это отчасти невѣрно, отчасти недостаточно. Настоящій же смыслъ пьесы вотъ въ чемъ.

Русаковъ есть лучшій представитель старыхъ началъ жизни, началъ самодурныхъ. По натурѣ своей онъ добръ и честенъ, его мысли и дѣла направлены ко благу, оттого въ семьѣ его мы не видимъ тѣхъ ужасовъ угнетенія, какіе встрѣчаемъ въ другихъ самодурныхъ семействахъ, изображенныхъ

самимъ же Островскимъ. Но это явленіе совершенно случайное, исключительное: въ сущности тѣхъ началъ, на которыхъ основанъ бытъ Русаковыхъ, нѣтъ никакихъ гарантій благосостоянія. Напротивъ, уничтожая права личности, ставя страхъ и покорность основою воспитанія и нравственности, эти начала только и могутъ обусловливать собою произволъ, угнетеніе и обманъ. Русаковъ — случайное исключеніе, и зато первый ничтожный случай разрушаетъ все добро, которое въ его семействѣ было слѣдствіемъ его личныхъ достоинствъ. Онъ полагаетъ, что все зло произошло отъ наущеній Арины Ѳедотовны, но вѣдь это онъ только сваливаетъ съ больной головы на здоровую. Тутъ опять тотъ же силлогизмъ, который не такъ давно приводился противниками грамотности. «Грамотные мужики — кляузники и плуты; они обманываютъ неграмотныхъ; слѣдовательно, не нужно учить мужиковъ грамотѣ». Въ правильномъ своемъ видѣ этотъ силлогизмъ долженъ имѣть слѣдующій видъ: «неграмотные мужики обманываются грамотными; слѣдовательно, надо всѣмъ мужикамъ дать средства учиться, чтобы оградить ихъ отъ обмана». Такъ и здѣсь: Арина Ѳедотовна соблазнила и надула дочь Русакова; что̀ изъ этого? То, что надо было дѣвушкѣ дать средства оградить себя отъ соблазна. Надо было ей самой и жизнь раскрывать, и людей показывать, и пріучать ее къ самостоятельности мнѣній и поступковъ: дѣвушка развитая и привыкшая къ обществу не поддалась бы пошлой Аринѣ Ѳедотовнѣ и не плѣнилась бы пустоголовымъ Вихоревымъ. Но дать ей настоящее, человѣческое развитіе значило бы признать права ея личности, отказаться отъ самодурныхъ правъ, идти наперекоръ всѣмъ преданіямъ, по которымъ сложился бытъ «темнаго царства»; этого Русаковъ не хотѣлъ и не могъ сдѣлать. [Онъ добръ и уменъ настолько, чтобъ не вдаваться въ крайности, чтобъ положить предѣлъ и мѣру злоупотребленіямъ, до которыхъ самодурныя права доводятъ другихъ его собратій. Но въ немъ нѣтъ столько силы ума и характера, чтобъ отрѣшиться отъ самыхъ главныхъ основъ своего быта. Онъ остановился на данной точкѣ и все, что̀ изъ нея выходитъ, обсуждаетъ довольно правильно: онъ очень вѣрно замѣчаетъ, что дочь его не трудно обмануть, что разговоры Арины Ѳедотовны могутъ быть для нея вредны, что невоспитанной купчихѣ не сладко выходить за барина и пр. Но во всѣхъ его сужденіяхъ замѣтенъ тотъ неразумный, тупой консерватизмъ, который составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ упрямаго самодурства]. Онъ остановился на томъ положеніи дѣлъ, которое уже существуетъ, и не хочетъ допустить даже мысли о томъ, что это положеніе можетъ или должно измѣниться. Онъ сознаетъ, что дочь его невоспитана и собственно потому не годится въ барыни, но онъ не выражаетъ ни малѣйшаго сожалѣнія о томъ, что не воспиталъ ее. По его понятіямъ, ужъ это такъ и должно быть: купчиха — такъ купчиха, а барыня — такъ ужъ та съ тѣмъ и родится, чтобъ быть барыней. Онъ сознаетъ и то, что его дочь не умѣетъ различать людей и потому плѣняется дряннымъ вертопрахомъ Вихоревымъ. Но это не наводитъ его на мысль, что надобно было бы хоть нѣсколько пріучить ее имѣть собственныя сужденія о вещахъ. Напротивъ, по его убѣжденію, то-то и хорошо, что она всякаго любить будетъ, кто ни попадись. Право выбирать людей по своему вкусу, любить однихъ и не любить другихъ можетъ принадлежать, во всей своей обширности, только ему, Русакову, всѣ же остальные должны украшаться кротостью и покорностью: таковъ ужъ уставъ самодурства... [При всей своей добротѣ и умѣ, Русаковъ, какъ самодуръ, не можетъ рѣшиться на существенныя измѣненія въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ, и даже не можетъ понять необходимости такого измѣненія. Все зло происходитъ въ семьѣ оттого, что Русаковъ, боясь дать дочери свободу мнѣнія и право распоряжаться своими поступками, стѣсняетъ ея мысль и чувство и дѣлаетъ изъ нея вѣчно несовершеннолѣтнюю, почти слабоумную дѣвочку. Онъ видитъ, что зло существуетъ, и желаетъ, чтобъ его не было; но для этого прежде всего надо ему отстать отъ самодурства, разстаться съ своими понятіями о сущности правъ своихъ надъ умомъ и волею дочери; а это уже выше его силъ, это недоступно даже его понятію... И вотъ онъ сваливаетъ вину на другихъ: то Арина Ѳедотовна съ заразой пришла, то просто — лукавый попуталъ. «Врагъ рода человѣческаго, говоритъ, всякимъ соблазномъ соблазняетъ насъ, всякимъ прельщеніемъ»... И не хочетъ понять самой простой истины: что не нужно усыплять въ человѣкѣ его внутреннія силы и связывать ему руки и ноги, если хотятъ, чтобъ онъ могъ успѣшно бороться съ своими врагами].

И за это самодурство отца дѣвочка и должна поплатиться всѣмъ, что̀ могло бы доставить ей истинно-счастливую, сознательную, свѣтлую будущность. Общій взглядъ Максима Ѳедотыча на жизнь не могъ не отразиться, наперекоръ его любви, и на

развитіи дочери. Онъ умѣлъ уберечь ее отъ всего, что̀ даетъ человѣку средства беречь самого себя, и оттого-то онъ такъ плохо уберегъ ее. Кажется, чего бы лучше: воспитана дѣвушка «въ страхѣ да въ добродѣтели», по словамъ Русакова, дурныхъ книгъ не читала, людей почти вовсе не видѣла, выходъ имѣла только въ церковь Божію, вольнодумныхъ мыслей о непочтеніи къ старшимъ и о правахъ сердца не могла ни откуда набраться, отъ претензій на личную самостоятельность была далеко, какъ отъ мысли поступить въ военную службу... Чего бы, кажется, лучше? Жила бы себѣ спокойно и ровно по плану, разъ навсегда начертанному Русаковымъ, и ничто бы, кажется, не должно было увлекать и совращать съ праваго пути это совершенное, кроткое созданіе, эту голубку безотвѣтную. Но шатко, мимолетно и ничтожно все, чему нѣтъ основанія и поддержки внутри человѣка, въ его разсудкѣ и сознательной рѣшимости. Только тѣ семейныя и общественныя отношенія и могутъ быть крѣпки, которыя вытекаютъ изъ внутренняго убѣжденія и оправдываются добровольнымъ, разумнымъ согласіемъ всѣхъ, въ нихъ участвующихъ. Самодурство, даже въ лицѣ лучшихъ его представителей, подобныхъ Русакову, не признаетъ этого—и за то терпитъ жестокія пораженія отъ первой случайной, отъ первой ничтожной интрижки, даже просто шалости, не имѣющей опредѣленнаго смысла. Что̀ могло быть ничтожнѣе и безсмысленнѣе разсужденій Арины Ѳедотовны? Что̀ могло представиться пошлѣе и нелѣпѣе Вихорева Авдотьѣ Максимовнѣ? И однакоже, эти двѣ пошлости разстроиваютъ всю гармонію семейнаго быта Русаковыхъ, заставляютъ отца проклинать дочь, дочь—уйти отъ отца, и затѣмъ ставятъ несчастную дѣвушку въ такое положеніе, за которымъ, по мнѣнію самого Русакова, слѣдуетъ не только для нея самой горе и безчестье на всю жизнь, но и общій позоръ для цѣлой семьи. И въ самодурномъ бытѣ, съ его патріархальными обычаями, не находится въ этомъ случаѣ даже силы примиренія, потому что здѣсь нарушена не только формальность цѣломудрія, но и принципъ повиновенія... Для возстановленія правъ невинной, но опозоренной дѣвушки нужна великодушная выходка Бородкина, совершенно исключительная и несообразная съ нравами этой среды, которой неразвитость и самодурство обусловливаютъ—какъ чрезвычайную легкость проступка Авдотьи Максимовны, такъ и невозможность примиренія.

Такимъ образомъ, мы можемъ повторить наше заключеніе: комедіею «Не въ свои сани не садись» Островскій, — намѣренно или ненамѣренно, или даже противъ воли,— показалъ намъ, что пока существуютъ самодурныя условія въ самой основѣ жизни, до тѣхъ поръ самыя добрыя и благородныя личности ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать, до тѣхъ поръ благосостояніе семейства и даже цѣлаго общества непрочно и ничѣмъ не обезпечено даже отъ самыхъ пустыхъ случайностей. Изъ анализа характера и отношеній Русакова мы вывели эту истину въ приложеніи къ тому случаю, когда порядочная натура находится въ положеніи самодура и отуманивается своими правами. Въ другихъ комедіяхъ Островскаго мы находимъ еще болѣе сильное указаніе той же истины, въ приложеніи къ другой половинѣ «темнаго царства», — половинѣ зависимой и угнетенной.

[И къ Русакову могли имѣть нѣкоторое примѣненіе стихи, поставленные эпиграфомъ этой статьи: и онъ имѣетъ добрыя намѣренія, и онъ желаетъ пользы для другихъ, но «напрасно проситъ о тѣни» и изсыхаетъ отъ палящихъ лучей самодурства. Но всего болѣе идутъ эти стихи къ тѣмъ несчастнымъ, которые, будучи одарены прекраснѣйшимъ сердцемъ и чистѣйшими стремленіями, изнемогаютъ подъ гнетомъ самодурства, убивающаго въ нихъ всякую мысль и чувство. О нихъ-то думая, мы не разъ воспоминали:

Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ:
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ].

IV.

Это все больше отъ необузданности, а то и отъ глупости.

Островскій.

Въ горькой долѣ дочери Русакова мы видимъ много неразумнаго; но тамъ впечатлѣніе смягчается тѣмъ, что угнетеніе все-таки не столь грубо тяготѣетъ надъ ней. Гораздо болѣе нелѣпаго и дикаго представляютъ намъ въ судьбѣ своей угнетенныя личности, изображенныя въ комедіи «Бѣдность не порокъ».

«Бѣдность не порокъ» намъ очень ясно представляетъ, какъ честная, но слабая натура глохнетъ и погибаетъ подъ безсмысліемъ самодурства. Гордѣй Карпычъ Торцовъ, отецъ Любови Гордѣевны, братъ Любима Торцова и хозяинъ Мити, есть уже самодуръ въ полномъ смыслѣ. Онъ и крутъ, и гордъ, и разсудка не имѣетъ, по отзыву жены его, Пелагеи Егоровны. Цѣлый домъ дрожитъ передъ нимъ. Особенно грозенъ

сдѣлался онъ съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Африканомъ Саввичемъ Коршуновымъ и сталъ «перенимать новую моду». На этой дружбѣ и пристрастіи Гордѣя Карпыча къ новой модѣ основана завязка комедіи. Читатель помнитъ, конечно, что Торцовъ хочетъ выдать за Африкана Саввича дочь свою, которая любитъ приказчика Митю, и сама имъ любима... На этомъ основаніи критика предположила, что «Бѣдность не порокъ» написана Островскимъ съ той цѣлью, чтобы показать, какія вредныя послѣдствія производитъ въ купеческой семьѣ отступленіе отъ старыхъ обычаевъ и увлеченіе новой модой... За это, съ одной стороны, неумѣренно превозносили Островскаго, съ другой—безпощадно бранили. Мы не станемъ спорить ни съ тѣми, ни съ другими критиками и не станемъ разбирать справедливости ихъ предположенія. Положимъ даже, что у Островскаго дѣйствительно была та мысль, какую ему приписывали: насъ это мало теперь занимаетъ. Для насъ гораздо интереснѣе то, что въ Гордѣѣ Торцовѣ является намъ новый оттѣнокъ, новый видъ самодурства: здѣсь мы видимъ, какимъ образомъ воспринимается самодуромъ образованность, т.-е. тѣ случайныя и ничтожныя формы ея, которыя единственно и доступны его разумѣнію. Объ этомъ мы и поговоримъ теперь.

Самодурство и образованіе—вещи, сами по себѣ противоположныя, и потому столкновеніе между ними, очевидно, должно кончиться подчиненіемъ одного другому: или самодуръ проникнется началами образованности, и тогда перестанетъ быть самодуромъ, или онъ образованіе сдѣлаетъ слугою своей прихоти, при чемъ, разумѣется, останется прежнимъ невѣждою. Послѣднее произошло съ Гордѣемъ Карпычемъ, какъ бываетъ почти со всѣми самодурами. Онъ никакъ не предполагаетъ, что первый шагъ къ образованности дѣлается подчиненіемъ своего произвола требованіямъ разсудка и уваженіемъ тѣхъ же требованій въ другихъ. Ему, напротивъ, кажется, что всякая образованность, всякая логика существуетъ только за тѣмъ, чтобы служить къ совершеннѣйшему исполненію его прихотей. Оттого онъ и понимаетъ только грубо-матеріальную, чисто-внѣшнюю сторону образованія. «Что они,—говоритъ,—пьютъ-то по необразованію своему! Наливки тамъ, вишневки разныя—а не понимаютъ того, что на это есть шампанское!» «А за столомъ-то какое невѣжество: молодецъ въ поддевкѣ прислуживаетъ, либо дѣвка!» «Я, говоритъ, въ здѣшнемъ городѣ только и вижу невѣжество да необразованіе; для того и хочу въ Москву переѣхать, и буду тамъ *моду всякую подражать*». Находя, что въ этомъ-то подражаніи и состоитъ образованность, онъ пристаетъ къ женѣ, чтобъ та на старости лѣтъ надѣла чепчикъ вмѣсто головки, задавала модные вечера съ музыкантами, отстала отъ всѣхъ своихъ старыхъ привычекъ. Но онъ не видитъ никакой надобности измѣнить свои отношенія къ домашнимъ, дать здравому смыслу хоть какое-нибудь участіе въ своемъ семейномъ бытѣ. Требовательность Гордѣя Карпыча стала больше, а простора для дѣятельности всѣхъ окружающихъ онъ не даетъ попрежнему. Жена жалуется, что съ нимъ «нельзя сговорить, при его крутомъ-то характерѣ», особенно послѣ того, какъ *переняль* эту образованность. «То все-таки разсудокъ имѣлъ,—говоритъ про него Пелагея Егоровна,—а тутъ ужъ у него совсѣмъ помутилось»... Даже о судьбѣ дочери жена не смѣетъ ничего сказать ему: «смотритъ звѣремъ, ни словечка не скажетъ,—точно я и не мать... Да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего»... Отношенія Гордѣя Карпыча ко всѣмъ домашнимъ тоже грубы и притѣснительны въ высшей степени. Отъ дочери онъ только и требуетъ, чтобы изъ его воли не смѣла выходить. На просьбу ея—не выдавать ее за Коршунова, онъ отвѣчаетъ: «ты, дура, сама не понимаешь своего счастія... Одно дѣло—ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши; *а другое дѣло—я такъ приказываю*». И дочь отвѣчаетъ: «я приказу твоего не смѣю ослушаться». Приказчика Митю Гордѣй Карпычъ ругаетъ безцеремонно и совершенно напрасно. Узнавши, что онъ посылаетъ матери деньги, Торцовъ замѣчаетъ: «себя-то бы образилъ прежде: матери-то не Богъ-знаетъ что̀ нужно, не въ роскоши воспитана; сама, чай, хлѣвы затворяла»... Въ глазахъ Гордѣя Карпыча это большое преступленіе: матери деньги посылаетъ человѣкъ, а себѣ сюртука новаго не сошьетъ!.. А между тѣмъ Торцовъ и не думаетъ прибавить жалованья усердному приказчику, на что̀ даже самъ кроткій Митя жалуется: «жалованье маленькое отъ Гордѣя Карпыча, все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ». Вообще—грубость и необузданность безпрестанно и очень сильно проявляются въ Гордѣѣ Карпычѣ. Входя въ комнату приказчиковъ, которые поютъ пѣсни, онъ кричитъ: «что̀ распѣлись! Горланятъ, точно мужичье!..» и начинаетъ ругаться. Во второмъ актѣ, когда Пелагея Егоровна устроила вечеринку и позвала ряженыхъ, вдругъ вбѣгаетъ Арина, гово-

ритъ: «самъ пріѣхалъ», — и всѣ присутствующіе встаютъ въ перепугѣ. Гордѣй Карпычъ входитъ и дѣйствительно—здоровается съ женой и гостями слѣдующимъ привѣтствіемъ: «это что̀ за сволочь! Вонъ!.. Жена, принимай гостя!..» Гость этотъ— Африканъ Саввичъ, и онъ-то ужъ сдерживаетъ нѣсколько порывы гнѣва Гордѣя Карпыча... Ясно, что даже та внѣшность образованія, которая выражается въ манерахъ и приличіяхъ, не далась Гордѣю Карпычу. Онъ могъ надѣть новый костюмъ, завести новую *небель*, пристраститься къ «шемпанскому»; но въ своей личности, въ характерѣ, даже во внѣшней манерѣ обращенія съ людьми — онъ не хотѣлъ ничего измѣнить. [Во всѣхъ своихъ привычкахъ онъ остался вѣренъ своей самодурной натурѣ, и въ немъ мы видимъ довольно любопытный образчикъ того, какимъ манеромъ на всякаго самодура дѣйствуетъ образованіе. Казалось бы—человѣкъ попалъ на хорошую дорогу: созналъ недостатки того образца жизни, какой велъ доселѣ, исполнился негодованіемъ противъ невѣжества, понялъ превосходство образованности вообще... Утѣшительное явленіе! Положимъ, что все это въ немъ еще смутно, слабо, невѣрно; но все-таки начало сдѣлано, застой потревоженъ, дѣятельность получила новое направленіе... Быть можетъ, онъ пойдетъ и дальше по этому пути, и нравъ его смягчится, вся жизнь приметъ новый характеръ... Нѣтъ, не дожидайтесь..] [1]) Во всякомъ другомъ образованіе возбуждаетъ симпатическія стремленія, смягчаетъ характеръ, развиваетъ уваженіе къ началамъ справедливости, и т. д. Но въ самодурѣ само просвѣщеніе, сама логика, сама добродѣтель принимаетъ свой дикій и безобразный видъ. Отправляясь отъ той точки, что его произволъ долженъ быть закономъ для всѣхъ и для всего, самодуръ радъ воспользоваться тѣмъ, что̀ просвѣщеніе приготовило для удобствъ человѣка, радъ требовать отъ другихъ, чтобы его воля выполнялась лучше, сообразно съ успѣхами разныхъ знаній, съ введеніемъ новыхъ изобрѣтеній и пр. Но только на этомъ онъ и остановится. Не ждите, чтобъ онъ самъ на себя наложилъ какія-нибудь ограниченія, вслѣдствіе сознанія новыхъ требованій образованности; не думайте даже, чтобъ онъ могъ проникнуться серьезнымъ уваженіемъ къ законамъ разума и къ выводамъ науки: это вовсе несообразно съ натурою самодурства. Нѣтъ, онъ постоянно будетъ смотрѣть свысока на людей мысли и знанія, какъ на чернорабочихъ, обязанныхъ приготовлять матеріалъ для удобствъ его произвола [онъ постоянно будетъ отыскивать въ новыхъ успѣхахъ образованности предлоги для предъявленія новыхъ правъ своихъ], но никогда не дойдетъ до сознанія обязанностей, налагаемыхъ на него тѣми же успѣхами образованности. Иначе и не можетъ онъ поступать, не переставая быть самодуромъ, такъ какъ первое требованіе образованности въ томъ именно и состоитъ, чтобы отказаться отъ самодурства. А отказаться отъ самодурства для какого-нибудь Гордѣя Карпыча Торцова значитъ — обратиться въ полное ничтожество. И вотъ онъ тѣшится надъ всѣми окружающими: колетъ имъ глаза ихъ невѣжествомъ и преслѣдуетъ за всякое обнаруженіе ими знанія и здраваго смысла. Онъ узналъ, что образованныя дѣвушки хорошо говорятъ, и упрекаетъ дочь, что та говорить не умѣетъ; но чуть она заговорила, кричитъ: «молчи, дура!» Увидѣлъ онъ, что образованные приказчики хорошо одѣваются, и сердится на Митю, что у того сюртукъ плохъ, но жаловаьнишко продолжаетъ давать ему самое ничтожное... Таковъ онъ и во всей своей жизни [онъ умѣетъ извлечь изъ претензій на образованность только увеличеніе требованій и правъ своихъ, но никакъ не расширеніе своихъ собственныхъ обязанностей... Такова уже сущность этого милаго свойства, которое такъ мѣтко названо у Островскаго самодурствомъ!]. Въ раскрытіи этого-то отношенія самодурства къ образованности заключается у насъ главный интересъ лица Гордѣя Карпыча. Мы вовсе не понимаемъ, какимъ образомъ нѣкоторые критики могли вывести, что въ этомъ лицѣ и вообще въ комедіи «Бѣдность не порокъ» Островскій хотѣлъ показать вредное дѣйствіе новыхъ понятій на старый русскій бытъ... Изъ всей комедіи ясно, что Гордѣй Карпычъ сталъ такимъ грубымъ, страшнымъ и нелѣпымъ—не съ тѣхъ поръ только, какъ съѣздилъ въ Москву и перенялъ новую моду. Онъ и прежде былъ въ сущности такой же самодуръ; теперь только прибавилось у него нѣсколько новыхъ требованій.

Подъ вліяніемъ такого человѣка и такихъ отношеній развиваются кроткія натуры Любови Гордѣевны и Мити, представляющія собою образецъ того, до чего можетъ доходить обезличеніе, и до какой совершенной неспособности къ самобытной дѣятельности доводитъ угнетеніе даже самую симпатичную, самоотверженную натуру. Митя способенъ къ жертвамъ, онъ самъ терпитъ нужду, чтобы только помогать своей матери; онъ сноситъ всѣ гру-

[1]) И остался вѣренъ своей самодурной натурѣ.

бости Гордѣя Карпыча и не хочетъ отходить отъ него изъ любви къ его дочери; онъ, несмотря на гнѣвъ хозяина, пригрѣваетъ въ своей комнатѣ Любима Торцова и даетъ ему даже денегъ на похмелье. Словомъ, у Мити такъ много самоотверженія, что, кажется, ему всякія жертвы, всякія опасности должны быть нипочемъ... Не меньшей добротой отличается и Любовь Гордѣевна. А ужъ какъ она любитъ Митю—этого и сказать нельзя: кажется, душу бы за него отдала съ радостью... Будь это люди нормальные, съ свободной волей и хоть съ нѣкоторой энергіей,—ничто не могло бы разлучить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, разлука эта не обошлась бы безъ тяжелой и страшной борьбы. Но посмотрите, какъ разыгрывается вся исторія въ семействѣ Торцова. При самомъ объясненіи въ любви, собираясь просить благословенія у отца, Любовь Гордѣевна говоритъ Митѣ: «а ну, какъ тятенька не захочетъ нашего счастья,—что̀ тогда?» Митя отвѣчаетъ: «что̀ загадывать впередъ? Тамъ — какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь». Любочка ничего не находитъ отвѣтить на эти слова. Какъ ясно рисуется здѣсь безсиліе и забитость молодыхъ людей! Они боятся даже подумать о какомъ-нибудь самостоятельномъ шагѣ, стараются прогнать отъ себя даже мысль о предстоящихъ препятствіяхъ. Она съ ужасомъ говоритъ: «что̀ будетъ, если тятенька не согласится?» — а онъ, вмѣсто отвѣта: «какъ Богъ дастъ!..» Ясно, что они не въ состояніи исполнить своихъ намѣреній, если встрѣтятъ хоть малѣйшее препятствіе. И дѣйствительно, въ этотъ самый вечеръ является Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ, приказываетъ дочери ласкать и цѣловать его и объявляетъ, что это ея женихъ. Пелагея Егоровна приходитъ въ ужасъ и въ какомъ-то безсознательномъ порывѣ кричитъ, схватывая дочь за руки: «моя дочь, не отдамъ! батюшка, Гордѣй Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ! перестань... истомилъ всю душу». Но Гордѣй Карпычъ грозно вопіетъ: «жена! ты меня знаешь: у меня сказано—сдѣлано»,—и жена умолкаетъ. Начинаетъ теперь дочь свою оппозицію. Начинаетъ она тѣмъ, что падаетъ отцу въ ноги и говоритъ: «тятенька! я приказа твоего не смѣю ослушаться... Тятенька, не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь! Передумай, тятенька! Что̀ хочешь, меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ идти за немилаго». Кончается же оппозиція тѣмъ, что на суровый отказъ отца невѣста отвѣчаетъ: «воля твоя, батюшка», кланяется и отходитъ къ матери, а Коршуновъ велитъ дѣвушкамъ пѣть свадебную пѣсню... Борьба оказалась не очень упорною и продолжительною, но даже и такое проявленіе личныхъ своихъ желаній очень много значитъ въ Любови Гордѣевнѣ. Только крайность огорченія, только тяжелая душевная мука могла заставить ее раскрыть ротъ для произнесенія словъ, несогласныхъ съ волею родителя. Но и тутъ—какія слова: «передумай!» «не захоти!» Какое жалкое положеніе: не имѣть даже ни малѣйшаго помышленія о возможности сдѣлать что-нибудь самому, полагать всю надежду на чужое рѣшеніе, на чужую милость, въ то время, какъ намъ грозитъ кровная бѣда!.. Каково должно быть извращеніе человѣческой природы въ этомъ ужасномъ семействѣ, когда даже чувство самосохраненія принимаетъ здѣсь столь рабскую форму!..

Третій актъ комедіи открывается тѣмъ, что воля Гордѣя Карпыча совершилась: гости пируютъ на помолвкѣ его дочери съ Африканомъ Саввичемъ. Старая служанка, Арина, ругаетъ жениха и тоскуетъ объ участи невѣсты; Пелагея Егоровна жалуется на свое горе, что дочка у ней погибаетъ; Митя приходитъ прощаться: онъ рѣшился уѣхать къ матери отъ своей напасти. Слезы и жалобы Пелагеи Егоровны выводятъ его, однако, изъ себя, и онъ начинаетъ ей колоть глаза ея трусостью и безсиліемъ. «Не на кого — говоритъ—вамъ плакаться: сами отдаете. Чѣмъ плакать-то, не отдавали бы лучше. За что̀ дѣвичій вѣкъ заѣдаете, въ кабалу отдаете? Нешто это не грѣхъ?» и пр. У Пелагеи Егоровны одинъ отвѣтъ: «знаю я все, да не моя воля; а ты бы, Митя, лучше пожалѣлъ меня». Тутъ Митя приходитъ въ умиленіе и разсказываетъ ей про свою любовь, а она замѣчаетъ: «ахъ ты, сердечный! Экой ты горькій паренекъ-то, какъ я на тебя посмотрю!..» Она сожалѣетъ объ его горѣ, какъ о такомъ, котораго никакими человѣческими средствами отвратить ужъ невозможно,—какъ будто бы она услыхала, напримѣръ, о томъ, что Митя себѣ руки обрубилъ, или—что мать его умерла... Но вотъ и сама Любовь Гордѣевна приходитъ; у Мити расходилось сердце до того, что онъ предлагаетъ Пелагеѣ Егоровнѣ снарядить дочку потеплѣе къ вечеру, а онъ ее увезетъ къ своей матушкѣ да тамъ и повѣнчается. Рѣшеніе это очень смѣло, но оно не составляетъ обдуманнаго, серьезнаго плана, и ему суждено погибнуть такъ же скоро, какъ оно зародилось. Самъ Митя характеризируетъ свой порывъ такою фразой: «эхъ, дайте душѣ просторъ, — разгуляться хочетъ! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ идти,

такъ ужъ за то буду знать, что потѣшился». Итакъ, эта отчаянная, безумная вспышка, къ какимъ бываютъ въ нѣкоторыя мгновенія способны самые робкіе люди. Но у Мити нѣтъ силы поддержать свое требованіе и, встрѣтивъ отказъ отъ матери и отъ дочери, онъ довольно скоро и самъ отказывается отъ своего намѣренія, говоря: «ну, знать, не судьба». А Любовь Гордѣевна—та ужъ вовсе убита, такъ что не можетъ допустить даже и мысли о согласіи на предложеніе Мити... И не мудрено: она вѣдь гораздо ближе къ Гордѣю Карпычу, гораздо болѣе подвергалась вліянію его самодурства, нежели Митя. Оттого она безропотно рѣшается на всякія муки, только чтобъ не выступить изъ отцовскаго приказа. «Нѣтъ, Митя, не бывать этому, — говоритъ она: — не томи себя понапрасну, не надрывай мою душу... И такъ мое сердце все изныло во мнѣ... Поѣзжай съ Богомъ». И Митя отходитъ, зная, что «Любови Гордѣевнѣ за Коршуновымъ не иначе, какъ погибать надобно»; и она это знаетъ, и мать знаетъ — и всѣ тоскливо и тупо покоряются своей судьбѣ... До такой степени гнетъ самодурства исказилъ въ нихъ человѣческій образъ, заглушилъ всякое самобытное чувство, отнялъ всякую способность къ защитѣ самыхъ священныхъ правъ своихъ, правъ на неприкосновенность чувства, на независимость сердечныхъ влеченій, на наслажденіе взаимною любовью!..

И, вѣдь, если бы еще въ самомъ дѣлѣ сила неодолимая, натура высшаго разряда тяготѣла надъ этими несчастными! А то вовсе нѣтъ!.. Гордѣй Карпычъ не только крайне ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще и трусливъ, и слабодушенъ. Это опять-таки — неотъемлемое, неизбѣжное свойство самодурства. Самодуръ дуритъ, ломается, артачится, пока не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія, или пока противодѣйствіе робко и нерѣшительно... Но у него нѣтъ такой точки опоры, которая могла бы поддержать его въ серьезной и продолжительной борьбѣ. Онъ требуетъ и приказываетъ, но самъ хорошенько не понимаетъ— ни настоящаго смысла своихъ приказаній, ни того, на чемъ они основаны... Кромѣ того, въ немъ есть всегда неопредѣленный, смутный страхъ за свои права: онъ чувствуетъ, что многихъ своихъ претензій не можетъ оправдать никакимъ правомъ, никакимъ общимъ закономъ... Боясь, чтобы другіе этого не примѣтили, онъ употребляетъ обыкновенную мѣру — запугиванье. Извѣстно, какъ скрывается подъ этою мѣрою всякая ничтожность, фальшь, нечистота, словомъ—несостоятельность всякаго рода. Учитель, не довольно свѣдущій, старается быть строже съ учениками, чтобы тѣ его не разспрашивали ни о чемъ. Начальникъ, не понимающій дѣла или нечистый на руку, старается напустить на себя важность, чтобы подчиненные не дерзали слишкомъ смѣло судить о немъ. Баринъ, не имѣющій никакого дѣйствительнаго достоинства, старается взять суровостью и грубостью предъ лакеемъ... Благодаря общей апатіи и добродушію людей, такое поведеніе почти всегда удается: иной и хотѣлъ бы спросить отчета,—какъ и почему?—у начальника или учителя, да видитъ, что къ тому приступу нѣтъ, такъ и махнетъ рукой... «Э, — скажетъ, — ну, его! Еще обругаетъ ни за что, ни про что!» И вслѣдствіе такого разсужденія, наглая, самодурная глупость и безчестность продолжаютъ безмятежно пользоваться всѣми выгодами своей наглости и всѣми знаками видимаго почета отъ окружающихъ. Всеобщая потачка возвышаетъ гордость самодура и даже дѣйствительно придаетъ ему силы. Она вознаграждаетъ для него отсутствіе сознанія о своемъ внутреннемъ достоинствѣ. Такъ, господинъ, вывозящій мусоръ изъ города, могъ бы, несмотря на совершенную безцѣнность этого предмета, заломить за него непомѣрныя деньги, если бы увидѣлъ, что всѣ окрестные жители по непонятной иллюзіи придаютъ ему какую-то особенную цѣну... Но только на подобной иллюзіи и держится значеніе самодура. Только покажись гдѣ-нибудь сильный и рѣшительный отпоръ, — сила самодура падаетъ, онъ начинаетъ трусить и теряться. На первый разъ еще у него станетъ храбрости и упрямства, и это объясняется даже просто привычкой: привыкши встрѣчать безмолвное повиновеніе, онъ съ перваго раза и повѣрить не хочетъ, чтобы могло явиться серьезное противодѣйствіе его волѣ. Вслѣдствіе того, считая сначала за слѣдствіе недоразумѣнія всякій голосъ, имѣющій хоть тѣнь намѣренія ограничить его самовольство, онъ разражается взрывомъ бѣшенства, пытается запугать еще больше, чѣмъ прежде пугалъ, и этимъ средствомъ по большей части успѣваетъ смирить или заглушить всякое недовольство. Но чуть только онъ увидитъ, что его сознательно не боятся, что съ нимъ идутъ на споръ рѣшительный, что вопросъ ставится прямо: «погибну, но не уступлю»,— онъ немедленно отступаетъ, смягчается, умолкаетъ и переноситъ свой гнѣвъ на другіе предметы, или на другихъ людей, которые виноваты только тѣмъ, что они послабѣе... Всякій, кто учился, служилъ, занимался частными коммиссіями, вообще имѣлъ дѣла съ людьми, — натыкался, вѣроятно, не разъ въ жизни на подобнаго

самодура и можетъ засвидѣтельствовать практическую справедливость нашихъ словъ. Бойтесь сказать *мимоходомъ* слово, вопреки сердитому и безтолковому начальнику: васъ ждетъ потокъ бранныхъ словъ и угрожающихъ жестовъ, крайне оскорбительныхъ. Мало того, — васъ и впослѣдствіи будетъ преслѣдовать неблагопріятное мнѣніе начальника: вы либералъ, вы непочтительны къ начальству, голова ваша набита фанаберіей... Но если вы хотите служить и вести дѣла честно, не бойтесь вступать въ серьезный, рѣшительный споръ съ самодурами. Изо ста случаевъ въ девяносто-девяти вы возьмете верхъ. Только рѣшите заранѣе, что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы отъ того угрожала вамъ дѣйствительная опасность — потерять мѣсто или лишиться какихъ-нибудь милостей. Первая ваша попытка заикнуться о вашемъ мнѣніи будетъ предупреждена возвышеніемъ голоса самодура; но вы все-таки возражайте. Возраженіе ваше встрѣчено будетъ бранью или выговоромъ, болѣе или менѣе неприличными, смотря по важности и по привычкамъ лица, къ которому вы обращаетесь. Но вы не смущайтесь: возвышайте вашъ голосъ наравнѣ съ голосомъ самодура, усиливайте ваши выраженія соразмѣрно съ его рѣчью, принимайте болѣе и болѣе рѣшительный тонъ, смотря по степени его раздраженія. Если разговоръ прекратился, возобновляйте его на другой и на третій день, не возвращаясь назадъ, а начиная съ того, на чемъ остановились вчера,—и будьте увѣрены, что ваше дѣло будетъ выиграно. Самодуръ возненавидитъ васъ, но еще болѣе испугается. Онъ радъ будетъ прогнать и погубить васъ; но, зная, что съ вами много хлопотъ, самъ постарается избѣжать новыхъ столкновеній и сдѣлается даже очень уступчивъ: во-первыхъ, у него нѣтъ внутреннихъ силъ для равной борьбы на чистоту; во-вторыхъ, онъ вообще не привыкъ къ какой бы то ни было послѣдовательной и продолжительной работѣ, а бороться съ человѣкомъ, который смѣло и неотступно пристаетъ къ вамъ,— это тоже работа немалая...

Итакъ, Гордѣй Карпычъ, въ качествѣ самодура, очень слабодушенъ и вовсе не имѣетъ выдержки въ своемъ характерѣ. Всѣ качества дѣйствительно-сильной натуры замѣняются у него необузданнымъ произволомъ да тупоумнымъ упрямствомъ. Вотъ чѣмъ объясняется и оправдывается видимая неожиданность развязки, которую далъ Островскій комедіи «Бѣдность не порокъ». При появленіи этой комедіи всѣ критики возстали на автора за произвольность развязки. Внезапная перемѣна Гордѣя Карпыча, его ссора съ Африканомъ Саввичемъ и вниманіе къ требованіямъ Любима Торцова показались всѣмъ неестественными. Да тутъ же еще, кстати, хотѣли видѣть со стороны автора навязываніе какого-то великодушія Торцову и какъ будто искусственное облагораживаніе его личности. Теперь, кажется, не нужно доказывать, что такихъ намѣреній не было у Островскаго: характеръ его литературной дѣятельности опредѣлился, и въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ произведеній онъ самъ произнесъ то слово, которое, по нашему мнѣнію, всего лучше можетъ служить къ характеристикѣ направленія его сатиры. Преслѣдованіе самодурства во всѣхъ его видахъ, осмѣиваніе его въ послѣднихъ его убѣжищахъ, даже тамъ, гдѣ оно принимаетъ личину благородства и великодушія, — вотъ, по нашему убѣжденію, настоящее дѣло, на которое постоянно устремляется талантъ Островскаго, даже совершенно независимо отъ его временныхъ воззрѣній и теоретическихъ убѣжденій. Въ трехъ комедіяхъ его изображаются порывы великодушія у самодуровъ, и каждый разъ они являются глупыми, ненужными или обидными. Въ «Не въ своихъ саняхъ» Русаковъ, разжалобившись надъ дочерью, тоже великодушно измѣняетъ свое рѣшеніе и соглашается выдать ее за Вихорева. Спрашивается: зачѣмъ? съ какой стати? Вѣдь онъ, повидимому, вполнѣ убѣжденъ, что замужество съ Вихоревымъ составитъ гибель его дочери. За нѣсколько минутъ ранѣе онъ даже доказываетъ это довольно резонно; за нѣсколько минутъ онъ выказываетъ свою твердость, угрожая лишить дочь своего благословенія въ случаѣ непослушанія. А тутъ вдругъ великодушная уступка? Чѣмъ она вызвана? Отчасти добротою сердца и отцовской любовью, но всего болѣе совершеннымъ отсутствіемъ прочныхъ основъ для принятаго имъ прежде рѣшенія. Человѣкъ, знающій, что онъ дѣлаетъ, и любящій свое дѣло, не отстанетъ отъ него по минутному капризу. Тотъ же Русаковъ не рѣшится сбрить себѣ бороду или надѣть фракъ, какъ бы его дочь ни убивалась изъ-за этого. А относительно судьбы дочери у него нѣтъ въ головѣ даже такихъ прочно сложившихся и вполнѣ опредѣленныхъ убѣжденій, какъ насчетъ бороды и фрака. Оттого-то и возможно для него въ рѣшеніи о ней такое легкомысліе, которое въ глазахъ нѣкоторыхъ представляется даже умилительнымъ великодушіемъ, такъ же, какъ и уплата долга за Вихорева!..

Тою же неразумностью отличается великодушіе Торцова. Онъ души не чаетъ въ своемъ будущемъ зятѣ Африканѣ Саввичѣ.

«Можешь ли ты меня теперь понимать?»— спрашиваетъ онъ, и ничего, кажется, не желаетъ болѣе, какъ только того, чтобы зятюшка его понялъ. Чтобы угодить ему и скрѣпить свою дружбу съ нимъ, Торцовъ жертвуетъ дочерью, презираетъ ея мольбы и слезы матери, даже самъ видимо унижается и позволяетъ ему обходиться съ собою нѣсколько свысока. Но вотъ Любимъ Торцовъ начинаетъ обижать нареченнаго зятя, зять обиженъ и даетъ это замѣтить Гордѣю Карпычу довольно грубо, заключая свою рѣчь словами: «нѣтъ, теперь *ты* приди ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ». Этихъ словъ довольно, чтобы взбѣсить Гордѣя Карпыча. Онъ вспыльчиво спрашиваетъ: «я къ тебѣ пойду кланяться?» А Коршуновъ подливаетъ масла въ огонь, говоря: «пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ... Вотъ несчастье-то твое». Этими словами Коршуновъ совершенно портитъ свое дѣло: онъ употребилъ именно ту форму, которой самодурство никакъ не можетъ переносить, и которая сама опять-таки есть не что иное, какъ нелѣпое порожденіе самодурства. Одинъ самодуръ говоритъ: «ты не смѣешь этого сдѣлать»; а другой отвѣчаетъ: «нѣтъ, смѣю». Тутъ споръ идетъ уже о томъ, кто кого передуритъ. И если одинъ изъ спорящихъ чего-нибудь добивается отъ другого, то, разумѣется, побѣдителемъ останется тотъ, отъ котораго добиваются: ему вѣдь тутъ и труда никакого не нужно: стоитъ только не дать, и дѣло съ концомъ. Такъ происходитъ и здѣсь. Выслушавъ «не смѣешь» Коршунова, Гордѣй Карпычъ говоритъ: «опосля этого, когда ты такія слова говоришь, *я самъ* тебя знать не хочу! Отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, *за кою вздумается*, за того и отдамъ. Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій—человѣкомъ будетъ... Вотъ за Митьку отдамъ»!.. И въ порывѣ гнѣва, онъ нѣсколько разъ повторяетъ: «да, за Митьку отдамъ! На зло ему, за Митрія отдамъ!»... Коршуновъ уходитъ въ ярости, а домашніе всѣ удивлены, принимая слова Гордѣя Карпыча за серьезное рѣшеніе: до такой степени пріучены они къ неразумности всѣхъ его поступковъ. Митя, съ наивностью загнаннаго юноши, очень довѣрчиваго и очень плохо понимающаго истинный смыслъ всего, что вокругъ него происходитъ, даже обращается къ Торцову съ слѣдующей рѣчью: «зачѣмъ же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло не надобно-съ. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ,—по родительски, съ любовью»... Но эти наивныя слова возбуждаютъ, разумѣется, гнѣвное изумленіе въ Торцовѣ, который и не думалъ говорить серьезно объ отдачѣ дочери за Митю. «Что, что! — вскрикиваетъ онъ.—Ты ужъ и радъ случаю! Да *какъ ты смѣлъ* подумать-то? Что она, ровня, что ль, тебѣ? *Съ кѣмъ ты говоришь,* вспомни!..» Митя становится передъ нимъ на колѣни, но это смиреніе не обезоруживаетъ Гордѣя Карпыча: онъ продолжаетъ ругаться. Просьбы дочери и жены тоже остаются безсильны. Но тутъ-то является имъ на помощь Любимъ Торцовъ,—озорникъ, съ которымъ Гордѣй Карпычъ ужъ достаточно повозился и никакого ладу не нашелъ... Любимъ говоритъ ему то же, что и Коршуновъ: «да ты поклонись въ ноги Любиму Торцову, что онъ тебя оконфузилъ-то», и Пелагея Егоровна прибавляетъ: «именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться»... Можно бы ожидать, что Гордѣй Карпычъ, на зло домашнимъ, опять упрется и выдумаетъ еще что-нибудь *на зло.* Но онъ только спрашиваетъ въ недоумѣніи: «что жъ я, извергъ, что ли, какой въ своемъ семействѣ?» Изъ этого вы уже замѣчаете, что его начинаетъ пробивать великодушіе. Разъ онъ уже поставилъ на своемъ, прогнавъ Коршунова, и, слѣдовательно, самолюбіе его удовлетворено покамѣстъ. Къ тому же—онъ ужъ и утомленъ напряженіемъ, которое сдѣлалъ, и не въ состояніи теперь снова собрать ту же энергію для другой борьбы. А тутъ, вмѣстѣ съ кроткими мольбами жены, допекаютъ его разсужденія и назойливыя просьбы брата Любима, который говоритъ съ нимъ смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ умолчаній, подкрѣпляя просьбы свои доказательствами, взятыми изъ собственнаго опыта. Гордѣй Карпычъ какъ будто затуманивается; онъ смотритъ вокругъ себя и не знаетъ, какъ ему все это понимать и что дѣлать; онъ ищетъ внутри себя, на чемъ бы опереться въ борьбѣ, и ничего не находитъ, кромѣ своей самодурной воли. Она-то и высказывается въ послѣднемъ его возраженіи: «ты мнѣ что ни говори, а я тебя слушать не хочу»... Но Любимъ не придаетъ особенной важности такому возраженію и продолжаетъ свои настоянія. Гордѣй Карпычъ окончательно сбитъ съ толку и обезсилѣлъ; сознаніе всего окружающаго рѣшительно мутится въ его головѣ; онъ никакъ не можетъ отыскать своихъ мыслей, которыя никогда и не были крѣпко связаны между собой, а теперь ужъ совсѣмъ разлетѣлись въ разныя стороны... Въ эту критическую минуту онъ позволяетъ себѣ раскваситься,

его прошибаетъ слеза, и онъ, благодаря брата Любима за назиданіе, благословляетъ будущее счастье дѣтей своихъ... Пользуясь его расположеніемъ, и племянникъ его, Гуслинъ, которому Торцовъ запрещалъ жениться, проситъ разрѣшенія и получаетъ его... Гордѣй Карпычъ говоритъ: «теперь просите всѣ, кому что нужно; теперь я сталъ другой человѣкъ!..»

Какой широкій размахъ великодушія, подумаешь!.. Такъ и чуешь какого-то восточнаго султана, который говоритъ: «все въ моей власти!.. Стоитъ мнѣ мигнуть, и съ тебя голову снимутъ; стоитъ сказать слово, и неслыханно-роскошные дворцы вырастутъ для тебя изъ земли. Проси, чего хочешь! полміра могу я взять и подарить, кому хочу»... Разница только въ размѣрахъ, а сущность дѣла та же самая въ словахъ Торцова. Дай ему какой-нибудь калифатъ, онъ бы и тамъ сталъ распоряжаться такъ же точно, какъ теперь въ своемъ семействѣ. Дурилъ бы, презирая всѣ человѣческія права и не признавая другихъ законовъ, кромѣ своего произвола, а подчасъ удивлялъ бы своимъ великодушіемъ, основаннымъ опять-таки на той мысли, что вотъ, «дескать, посмотрите: у васъ правъ никакихъ нѣтъ, а на всемъ моя полная воля: могу казнить, могу и миловать!..» Счастливы мы, читатель, что живемъ въ настоящее время, когда у насъ порывы подобнаго великодушія невозможны!.. Ими можно пользоваться въ извѣстныя минуты, какъ воспользовались Митя и Любовь Гордѣевна: ихъ дѣло выиграно, хотя Гордѣй Карпычъ, разумѣется, и не надолго останется великодушнымъ и будетъ послѣ каяться и попрекать ихъ своимъ рѣшеніемъ... Но подобные выигрыши ненадежны. Когда вы разсчитываете, какъ устроить свою жизнь, то, конечно, не будете основывать своихъ разсчетовъ на томъ, что, можетъ быть, выиграете большое состояніе въ лотерею. Такъ точно въ разумной, сознательной жизни невозможно разсчитывать и на выигрышъ великодушія самодура... Пусть лучше не будетъ этихъ благородныхъ, широкихъ барскихъ замашекъ, которыми восторгались старые, до идіотства захолопѣвшіе лакеи; но пусть будетъ свято и неприкосновенно то, что мнѣ принадлежитъ по праву; пусть у меня будетъ возможность всегда употреблять свободно и разумно мою мысль и волю, а не тогда, когда выйдетъ милостивое разрѣшеніе отъ какого-нибудь Гордѣя Карпыча Торцова...

Но безсиліе и внутреннее ничтожество самодурства не выдается еще въ этихъ комедіяхъ съ такой поразительной яркостью, какъ въ небольшой комедіи «Въ чужомъ пиру похмелье». Здѣсь есть все—и грубость, и отсутствіе честности, и трусость, и порывы великодушія,—и все это покрыто такой тупоумной глупостью, что даже люди, наиболѣе расположенные къ славянофильству, не могли одобрить Тита Титыча Брускова, а замѣтили только, что все-таки у него душа добрая... Аграфена Платоновна, хозяйка квартиры, гдѣ живетъ учитель Ивановъ съ дочерью, отзывается о Брусковѣ, какъ о человѣкѣ «дикомъ, властномъ, крутомъ сердцемъ, словомъ сказать, — самодурѣ». На вопросъ Иванова: что значитъ самодуръ? — она объясняетъ: «самодуръ— это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ: ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежатъ, а то бѣда»... Продолжая свою характеристику, онъ замѣчаетъ, что «насчетъ плутовства — онъ, точно, старикъ хитрый; но хоть и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ, что хочешь дѣлай, — дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно». И дѣйствительно, изъ пьесы оказывается, что всѣ слова Аграфены Платоновны справедливы. Она же сама, ни съ того ни сего, беретъ съ Брускова, зашедшаго въ квартиру Ивановыхъ, тысячу цѣлковыхъ за расписку, въ которой сынъ его, Андрей Титычъ, обѣщается жениться на дочери Иванова. Расписка эта и сама по себѣ ничего не значитъ, да Ивановъ съ дочерью и не знаютъ о ней и претензіи никакой не имѣютъ; все это сама хозяйка устраиваетъ, желая ихъ облагодѣтельствовать... Но Брусковъ, какъ темный человѣкъ, вполнѣ освоившійся съ обычаями «темнаго царства», не входитъ ни въ какія соображенія. Во-первыхъ, онъ всегда готовъ къ тому, что его обманутъ, такъ какъ онъ самъ готовъ обмануть всякаго. Поэтому, прочитавъ бумажку, показанную ему Аграфеной Платоновной, онъ преспокойно замѣчаетъ: «это, то-есть, насчетъ грабежу. Ну, народецъ!..» И затѣмъ начинаетъ торговаться, нисколько не возмущаясь этой исторіей, а только удивляясь ловкой штукѣ, которую сочинили съ его сыномъ. Во-вторыхъ, — онъ ужасно боится всякаго суда, потому что хоть и надѣется на свои деньги, но все-таки не можетъ сообразить, правъ ли онъ долженъ быть по суду или нѣтъ, — а знаетъ только, что по суду тоже придется много денегъ заплатить. На этомъ основаніи, только услышавши отъ Аграфены Платоновны, что теперь пойдетъ «дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ», онъ чешетъ себѣ затылокъ и говоритъ: «по формѣ?.. Нѣтъ, ужъ лучше мы такъ, между себя сдѣлаемся». И это ему, дѣйствительно, гораздо легче

ужъ и потому даже, что подобныя сдѣлки для него очень привычны. Онъ такъ объясняется съ женою на этотъ счетъ, возвратясь отъ Ивановыхъ:

Титъ Титычъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Титъ Титычъ. Я обижу, я и помилую, а то и деньги заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Настасья Панкратьевна. Много, Китъ Китычъ, много.

Титъ Титычъ. Молчи!..

Отсутствіе яснаго сознанія нравственныхъ началъ выражается и въ обращеніи, которое Брусковъ позволяетъ себѣ съ Аграфеной Платоновной и съ Ивановымъ, послѣ того, какъ заплатилъ деньги и получилъ расписку. Аграфена Платоновна старается его выпроводить, но онъ усаживается и начинаетъ ругаться, представляя такой резонъ: «нѣтъ, погоди—*дай хоть поругаться-то за свои деньги*». Но, впрочемъ, это онъ такъ только, зло сорвать хочетъ; въ своихъ ругательствахъ онъ не видитъ ничего оскорбительнаго, да и самъ не задѣтъ за живое. Когда приходитъ Ивановъ и, ничего не зная о происшедшей исторіи, съ недоумѣніемъ смотритъ на Брускова, Титъ Титычъ обращается къ нему съ такой рѣчью: «ты что на меня смотришь? На мнѣ, братъ, ничего не написано. Деньги-то взять умѣли. *Вы меня хоть попотчуйте чѣмъ за мои деньги-то*», Ивановъ проситъ его уйти; онъ опять начинаетъ ругаться. Ивановъ гонитъ его вонъ,—онъ возражаетъ: «что ты кричишь-то? *Я вѣдь ничего, я такъ—шучу съ тобой*». Ивановъ продолжаетъ гнать его, и Брусковъ подходитъ къ нему и, ударяя его по плечу, говоритъ: «поѣдемъ ко мнѣ! *Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что ссориться-то!*» Ивановъ входитъ въ пущій азартъ, и Брусковъ, съ неудовольствіемъ замѣчая: «ишь ты, какой сердитый!»—уходитъ съ новыми ругательствами... Пришедши домой, онъ велитъ Захару Захарычу, пьянчужкѣ-приказному, писать «такое прошеніе, чтобы троихъ человѣкъ въ Сибирь сослать по этому прошенію». Я, говоритъ, «такъ хочу и никакихъ денегъ для этого не пожалѣю». Но тутъ приходитъ Ивановъ, узнавшій между тѣмъ все дѣло, приноситъ деньги, взятыя Аграфеной Платоновной, и проситъ назадъ расписку. Брусковъ тотчасъ смекаетъ, что Ивановъ затѣмъ ее проситъ, чтобы потомъ за нее больше содрать. Но старикъ-учитель разжалобилъ его, и онъ спрашиваетъ: «аль отдать? Сахарычъ,—отдать?» Захаръ Захарычъ говоритъ: «ни, ни, ни!»—Но Брусковъ внезапно рѣшаетъ: «а я говорю, что отдать!.. Ты молчи, не смѣй разговаривать!..» И расписка отдана и тутъ же разорвана Ивановымъ, а черезъ нѣсколько минутъ Брусковъ находитъ, что «деньги и все это—тлѣнъ», и что, слѣдовательно, сынъ его можетъ жениться на дочери Иванова, хотя она и бѣдна... «Мое слово—законъ», говоритъ онъ и посылаетъ сына сватать дочь учителя. «Да помилуйте, тятенька, онъ не отдастъ»,—возражаетъ сынъ. «Я тебѣ приказываю, слышишь,—говоритъ Титъ Титычъ:—какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю?.. Вы не смѣйте со мной разговаривать», прибавляетъ онъ.—«А если не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся!..»

Во всемъ этомъ замѣчательно то, что вся исторія сама по себѣ необыкновенно глупа... Если смотрѣть здраво, то всѣ ея участники хотятъ невозможнаго, или, лучше сказать, сами не смыслятъ, чего они хотятъ. Аграфена Платоновна, не спросясь Ивановыхъ, беретъ съ Андрея Брускова расписку, а съ отца его—деньги. Титъ Титычъ хочетъ услать Ивановыхъ въ Сибирь и основываетъ это на распискѣ, которую его же выгода требуетъ уничтожить. Ивановъ убивается, требуя—даже не уничтоженія, а именно *возвращенія* расписки, что ему вовсе не нужно, и только возбуждаетъ справедливыя подозрѣнія въ Брусковѣ... Все это совершенно нелѣпо и безсмысленно, какъ самъ Брусковъ и его жизнь. Но всего глупѣе роль сына Брускова, Андрея Титыча, изъ-за котораго идетъ вся эта исторія, и который самъ, по его же выраженію, «какъ угорѣлый ходитъ по землѣ» и только сокрушается о томъ, что у нихъ въ домѣ «все не такъ, какъ у людей», и что его «уродомъ сдѣлали, а не человѣкомъ». И въ самомъ дѣлѣ,—смѣшно смотрѣть, что съ нимъ дѣлаютъ. Парню ужъ давно за двадцать, смысломъ его природа не обидѣла: по фабрикѣ отцовской онъ лучше всѣхъ дѣло понимаетъ, впередъ знаетъ, что требуется, кромѣ того и къ наукамъ имѣетъ наклонность, и искусства любитъ,—«къ скрыпкѣ оченно пристрастіе имѣетъ», словомъ сказать—парень совершеннолѣтній, добрый и неглупый; возросъ онъ до того, что ужъ и жениться собирается... И вдругъ онъ «отъ тятеньки скрывается!..» Только заслышалъ, что «самъ пріѣхалъ»,—какъ и кричитъ: «маменька, спрячьте меня отъ тятеньки», и бѣжитъ къ матери въ спальню прятаться... Какая тому причина? Та, что тятенька его женить задумалъ насильственнымъ образомъ... Такъ онъ, видите, отбѣгаться думаетъ!.. И способъ-то хорошій выбралъ!.. А зачѣмъ тятенька хочетъ его женить насильно, на то причина одна: что такъ онъ хочетъ... Мать,

впрочемъ, представляетъ и другую причину: невѣста, найденная отцомъ, очень богата, а «намъ, — по словамъ Настасьи Панкратьевны,—надо невѣсту съ большими деньгами, *потому—сами богаты*»... Логика неопровержимая!.. И Андрей Титычъ ничего хорошенько не можетъ возразить противъ нея: онъ уже доведенъ отцовскимъ обращеніемъ до того, что самъ считаетъ себя «просто пропащимъ человѣкомъ». А обращеніе въ самомъ дѣлѣ хорошее, если послушать его разсказовъ Лизаветѣ Ивановнѣ, дочери Иванова. По его словамъ, у него «крылья ошиблены, то-есть обрублены, какъ есть». Жениться онъ долженъ не по своему выбору, а по приказу отцовскому. «А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: я, говоритъ, въ солдаты отдамъ!.. Ну, и шабашъ!.. Да ужъ не то, что въ этакомъ дѣлѣ, — прибавляетъ онъ,—и въ другомъ-то въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться хотѣлъ, такъ и то не велѣли!..» Лизавета Ивановна совѣтуетъ ему, выбравши хорошую минуту, разсказать отцу откровенно все,—что онъ способности имѣетъ, что учиться хочетъ, и т. п. Андрей Титычъ отвѣчаетъ на это: «онъ такую откровенность задастъ, что мѣста не найдешь. Вы думаете, — онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго? — Только хочетъ на своемъ поставить... Одинъ капризъ, одна только амбиція,—что вотъ я неученъ, а ты умнѣе меня хочешь быть».

Ну, скажите, есть ли какая-нибудь возможность вести разумную рѣчь съ этими людьми! Отецъ знаетъ, что ученый лучше неученаго, и сыну извѣстно, что отецъ это знаетъ, и сынъ хочетъ учиться, и все-таки отецъ запрещаетъ, и сынъ не смѣетъ ослушаться!.. Отецъ признаетъ себя неучемъ, сознаетъ, что это дурно, и боится, чтобы сынъ его не избѣжалъ этого зла!.. Сынъ знаетъ, что отецъ только вслѣдствіе собственнаго невѣжества запрещаетъ ему учиться, и считаетъ долгомъ покориться этому невѣжеству!.. Кто разберетъ эту безсмысленную путаницу, внесенную самодурствомъ въ семейныя отношенія? Кто сумѣетъ бросить лучъ свѣта въ безобразный мракъ этой непостижимой логики «темнаго царства?» Подумаешь, что Андрей Титычъ тоже сумасшедшій, какъ его братецъ Капитоша, который представляетъ собой еще одинъ любопытный результатъ семейной дисциплины въ домѣ Брусковыхъ... Но всѣ окружающіе говорятъ, что Андрей Титычъ— умный, и онъ даже самъ такъ разумно разсуждаетъ о своемъ братѣ: «не пускаютъ, говоритъ, меня въ театръ; ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру,— *такъ, съ малолѣтства заколотили очень*»... А Андрюша еще не заколоченъ и все-таки представляетъ изъ себя какого-то поврежденнаго. Ужъ примирился бы, что ли, съ своимъ положеніемъ, какъ сотни и тысячи другихъ мирятся! Такъ нѣтъ,—этого не хочетъ онъ и тѣмъ приводитъ въ отчаяніе отца и мать. Мать сокрушается о немъ даже больше, чѣмъ о другомъ сынѣ своемъ— дурачкѣ. Положеніе Купидоши какъ-то мало безпокоитъ ее: оно ей такъ близко и сродно; она даже потѣшается надъ нимъ, а печалится больше всего лишь о томъ, что онъ табачище очень крѣпкій куритъ. «Купидоша у насъ совсѣмъ какой-то ума рехнувшій по театру,—объясняетъ она своей гостьѣ Ненилѣ Сидоровнѣ.—Да табакъ куритъ, Ненила Сидоровна, такой крѣпкій,— просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ, кого хочешь стошнитъ... Такъ все больше въ кухнѣ пребываетъ. *Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать потіатральному,—ну, и утѣшаешься на него.* Съ пѣвчими поетъ басомъ,—голосъ такой громкій, такъ, какъ словно изъ ружья, выпалитъ». Стало быть, глупость сына имѣетъ свою пріятность для матери!.. Но умъ Андрюши внушаетъ ей опасенія очень серьезныя: «совсѣмъ, говоритъ, отъ дому отбивается: то не хорошо, другое не по немъ, учиться, говоритъ, хочу... А на что̀ ему много-то знать? *И такъ боекъ, а какъ обучатъ-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги*»... Такимъ образомъ, доля самодурства Брускова переходитъ и къ женѣ его, хоть на словахъ только,—и Андрюша, при всей своей любви къ знанію и при всѣхъ природныхъ способностяхъ, долженъ вырасти неучемъ, для того, чтобы сохранить уваженіе къ отцу и матери. Они, бѣдняки, чувствуютъ, что умному-то и образованному человѣку не за что уважать ихъ!..

А отчего же Андрей Титычъ, коли ужъ онъ дѣйствительно человѣкъ неглупый, не рѣшается въ самомъ дѣлѣ удовлетворить своей страсти къ ученью, употребивши даже въ этомъ случаѣ нѣкоторое самовольство? Вѣдь бывали же на Руси примѣры, что мальчики, одержимые страстью къ наукѣ, бросали все и шли учиться, не заботясь ни о мнѣніи родныхъ, ни о какой поддержкѣ въ жизни... Да, но тѣ мальчики, вѣрно, какъ-нибудь укрылись отъ мертвящаго вліянія самодурства, не были заколочены съ малолѣтства; оттого у нихъ и могла развиться нѣкоторая рѣшимость на борьбу съ жизнью, нѣкоторая сила воли. Отъ Андрюши и Капитоши Брусковыхъ невозможно требовать ничего подобнаго. Ихъ, несчастныхъ,

колотили въ ребячествѣ, ими помыкаютъ, а подчасъ потѣшаются и взрослыми... Гдѣ ужъ тутъ развиться свѣтлымъ, независимымъ соображеніямъ и могучей рѣшимости? Андрея Титыча только развѣ на то хватитъ, чтобы впослѣдствіи бушевать, подобно своему отцу, и дурить надъ другими, въ отместку за то, что другіе надъ нимъ дурили... Такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и переходитъ эта безобразная іерархія, въ которой тотъ, кто выбрался наверхъ, давитъ и топчетъ тѣхъ, кто остался внизу. Что же ему дѣлать иначе? На этой сплошной толпѣ байбаковъ, поднявшихъ его степенство вверхъ, онъ только и держится: онъ поневолѣ долженъ больше или меньше давить ее собою, — иначе самъ упадетъ опять подъ ноги другимъ и—чего добраго—будетъ растоптанъ... А кому же охота быть растоптаннымъ?

Но тутъ можетъ представиться вопросъ совершенно другого свойства: отчего эти байбаки такъ упорно продолжаютъ поддерживать надъ собою человѣка, который ничего имъ хорошаго, кромѣ дурного, не сдѣлалъ и не дѣлаетъ? Отчего Митя безотвѣтенъ предъ Торцовымъ, Андрюша терзается, но не смѣетъ слова сказать Титу Титычу, и пр.? Отчего цѣлое общество терпитъ въ своихъ правахъ такое множество самодуровъ, мѣшающихъ развитію всякаго порядка и правды? Въ обществѣ, воспитанномъ подъ вліяніемъ Торцовыхъ и Брусковыхъ, нѣтъ рѣшимости на борьбу. Но вѣдь нельзя не сознаться, что если самодуръ, самъ по себѣ, внутренно, несостоятеленъ, какъ мы видѣли это выше, то его значеніе только и можетъ утверждаться на поддержкѣ другихъ. Значитъ, тутъ и особеннаго героизма не нужно: только не давай ему общество этой поддержки, просто—немножко разступись толпа, сжатая для того, чтобы держать на себѣ какого-нибудь Торцова или Брускова,—и онъ самъ собою упадетъ и будетъ дѣйствительно задавленъ, если и тутъ обнаружитъ претензію на самодурство... Отчего же въ обществѣ столько десятковъ и сотенъ лѣтъ терпится это безсиліе, гнилое, дряхлое явленіе, давно уже отжившее свой вѣкъ въ сознаніи лучшей, истинно образованной части общества? На это есть двѣ важныя причины, которыя очень ясны изъ комедій Островскаго, и на которыя мы теперь намѣрены обратить вниманіе читателей.

Вологод. жел. дор.
Библиотека „ЖОР"

V.

Въ терпѣньи тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

Ломоносовъ.

Первая изъ причинъ, удерживающихъ людей отъ противодѣйствія самодурству, есть — странно сказать — *чувство законности*, а вторая — *необходимость въ матеріальномъ обезпеченіи*. Съ перваго раза обѣ причины, представленныя нами, должны, разумѣется, показаться нелѣпостью. Повидимому, совершенно напротивъ: именно отсутствіе чувства законности и безпечность относительно матеріальнаго благосостоянія могутъ объяснять равнодушіе людей ко всѣмъ претензіямъ самодурства. Люди, разсуждающіе на основаніи отвлеченныхъ принциповъ, сейчасъ могутъ вывести такія соображенія: «Самодурство не признаетъ никакихъ законовъ, кромѣ собственнаго произвола; вслѣдствіе того у всѣхъ, подвергшихся его вліянію, мало-помалу теряется чувство законности, и они уже не считаютъ поступковъ самодура неправыми и возмутительными и потому переносятъ ихъ довольно равнодушно. Кромѣ того, самодурство, при раздѣлѣ благъ всякаго рода, постоянно, по своему обычаю, обижаетъ ихъ, пользуясь само львиной долей, а имъ ничего не оставляя. Если они терпятъ это, значитъ, у нихъ уже потеряна любовь къ собственному благосостоянію, они привыкли къ неимѣнію ничего и мало заботятся о томъ, чтобы выдти изъ этого положенія... При такомъ равнодушіи къ матеріальнымъ интересамъ всѣхъ этихъ Митей и Андрюшъ, немудрено самодурамъ помыкать ими по прихоти своей «гнилой фантазіи», какъ выражается Гордѣй Карпычъ.

Такое разсужденіе, при всей своей видимой основательности, весьма легкомысленно. Какъ-таки предположить въ людяхъ совершенное уничтоженіе любви къ самому себѣ, къ своему благосостоянію? И отчего же? Оттого, что кому-то вздумалось взять у меня мое добро!.. Нѣтъ, это можно было бы говорить только въ такомъ случаѣ, если бы всѣ, угнетенные самодурами, были очень довольны собой. Но вѣдь мы видимъ, что и Митя, и Андрюша, и Капитоша, и Авдотья Максимовна, и Любовь Гордѣевна очень недовольны своей судьбой. Стало быть, ихъ не безпечность удерживаетъ въ ихъ положеніи, а что-то другое, поглубже... Это другое и есть чувство законности. Не будь этого чувства, т.-е., прими угнетенная сторона въ самомъ дѣлѣ то убѣжденіе, что

никакого порядка, никакого закона нѣтъ и не нужно, тогда бы и пошло все иначе. Приказанія самодуровъ исполнялись бы только до тѣхъ поръ, пока они выгодны для исполняющихъ; а какъ только Торцовъ коснулся благосостоянія Мити и другихъ приказчиковъ,—они бы, нимало не думая, взяли, да и «сверзили» его... Вѣдь ихъ же больше, они сильнѣе, чѣмъ Гордѣй Карпычъ... Но они молчали передъ нимъ именно потому, что онъ хозяинъ, что его уважать слѣдуетъ. Самое то, что онъ ихъ обдѣляетъ и обижаетъ, они считаютъ законной принадлежностью его положенія... Настасья Панкратьевна вѣдь безъ всякой ироніи, а, напротивъ, съ замѣтнымъ оттѣнкомъ благоговѣнія говоритъ своему мужу: «кто васъ, батюшка, Китъ Китычъ, смѣетъ обидѣть? Вы сами всякаго обидите!..»

Очень страненъ такой оборотъ дѣла; но такова уже логика «темнаго царства». Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, именно темнота-то разумѣнія этихъ людей и служитъ объясненіемъ дѣла. Въ общемъ смыслѣ, понашему,—что такое чувство законности? Это не есть что-нибудь неподвижное и формально-опредѣленное, но есть абсолютный принципъ морали въ извѣстныхъ, разъ навсегда указанныхъ, формахъ. Происхожденіе его очень просто. Входя въ общество, я пріобрѣтаю право пользоваться отъ него извѣстною долею извѣстныхъ благъ, составляющихъ достояніе всѣхъ его членовъ. За это пользованіе я и самъ обязываюсь платить тѣмъ, что буду стараться объ увеличеніи общей суммы благъ, находящихся въ распоряженіи этого общества. Такое обязательство вытекаетъ изъ общаго понятія о справедливости, которое лежитъ въ природѣ человѣка. Но для того, чтобъ успѣшнѣе достигнуть общей цѣли, т.-е. увеличить сумму общаго блага, люди принимаютъ извѣстный образъ дѣйствій и гарантируютъ его какими-нибудь постановленіями, воспрещающими самовольную помѣху общему дѣлу съ чьей бы то ни было стороны. Вступая въ общество, я обязанъ принять и эти постановленія и обѣщаться не нарушать ихъ. Слѣдовательно, между мною и обществомъ происходитъ нѣкотораго рода договоръ, не выговоренный, не формулированный, но подразумѣваемый самъ собою. Поэтому, нарушая законы общественные и пользуясь въ то же время ихъ выгодами, я нарушаю одну, неудобную для меня, часть условія, и становлюсь лжецомъ и обманщикомъ. По праву справедливаго возмездія, общество можетъ лишить меня участія и въ другой, выгодной для меня, половинѣ условія, да еще и взыскать за то, чѣмъ я успѣлъ воспользоваться не по праву. Я самъ чувствую, что такое распоряженіе будетъ справедливо, а мой поступокъ несправедливъ,—и вотъ въ этомъ-то и заключается для меня чувство законности. Но я не считаю себя преступнымъ противъ чувства законности, ежели я совсѣмъ отказываюсь отъ условія (которое, надо замѣтить, по самой своей сущности не можетъ въ этомъ случаѣ быть прочнымъ), добровольно лишаясь его выгодъ и за то не принимая на себя его обязанностей. Я, напримѣръ, если бы поступилъ въ военную службу, можетъ быть, дослужился бы до генерала; но зато, въ солдатскомъ званіи, я обязывался, по правиламъ военной дисциплины, дѣлать честь каждому офицеру. Но я не поступаю въ военную службу или выхожу изъ нея и, отказываясь такимъ образомъ отъ военной формы и отъ надежды быть генераломъ, считаю себя свободнымъ отъ обязательства—прикладывать руку къ козырьку при встрѣчѣ со всякимъ офицеромъ. А вотъ мужики въ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстахъ, такъ тѣ низко кланяются всякому встрѣчному, одѣтому въ нѣмецкое платье. Ну, на это ужъ ихъ добрая воля или, можетъ, особымъ образомъ понятое то же чувство законности?.. Мы такого чувства не признаемъ и считаемъ себя правыми, если, не служа, не ходимъ въ департаментъ, не получая жалованья, не даемъ вычета въ пользу инвалидовъ, и т. п. Точно такъ сочли бы мы себя правыми, если бы, напримѣръ, пріѣхали въ магометанское государство и, подчинившись его законамъ, не приняли, однако, ислама. Мы сказали бы: «государственные законы насъ ограждаютъ отъ тѣхъ видовъ насилія и несправедливости, которые здѣсь признаны противозаконными и могутъ нарушить наше благосостояніе; поэтому мы признаемъ ихъ практически. Но намъ нѣтъ никакой надобности ходить въ мечеть, потому что мы вовсе не чувствуемъ потребности молиться пророку, не нуждаемся въ истинахъ и утѣшеніяхъ алкорана и не вѣримъ Магометову раю со всѣми его гуріями, слѣдовательно, отъ ислама ничѣмъ не пользуемся и не хотимъ пользоваться». Мы были бы правы въ этомъ случаѣ по чувству законности, въ его правильномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, законы имѣютъ условное значеніе по отношенію къ намъ. Но мало этого: они и сами по себѣ не вѣчны и не абсолютны. Принимая ихъ, какъ выработанныя уже условія прошедшей жизни, мы чрезъ то никакъ не обязываемся считать ихъ совершеннѣйшими и отвергать всякія другія условія. Напротивъ, въ мой естественный договоръ съ обществомъ входитъ, по самой его сущности, и обязатель-

ство стараться объ изысканіи возможно лучшихъ законовъ. Съ точки зрѣнія общаго, естественнаго человѣческаго права, каждому члену общества ввѣряется забота о постоянномъ совершенствованіи существующихъ постановленій и объ уничтоженіи тѣхъ, которыя стали вредны или ненужны. Нужно только, чтобъ измѣненіе въ постановленіяхъ, какъ клонящееся къ общему благу, подвергалось общему суду и получило общее согласіе. Если же общее согласіе не получено, то частному лицу предоставляется спорить, доказывать свои предположенія и, наконецъ, отказаться отъ всякаго участія въ томъ дѣлѣ, о которомъ настоящія правила признаны имъ ложными... Такимъ образомъ, въ силу самаго чувства законности, устраняется застой и неподвижность въ общественной организаціи, мысли и волѣ дается просторъ и работа; нарушеніе формальнаго statu quo нерѣдко требуется тѣмъ же чувствомъ законности...

Такъ понимаютъ и объясняютъ чувство законности люди просвѣщенные, люди участвующіе, подобно намъ, въ благодѣяніяхъ цивилизаціи. Но не такъ понимаютъ его тѣ темные люди, которыхъ изображаетъ намъ Островскій. Въ его «темномъ царствѣ» вопросъ ставится совершенно иначе. Тамъ господствуетъ вѣра въ однѣ, разъ навсегда опредѣленныя и закрѣпленныя формы. Знанія здѣсь ограничены очень тѣснымъ кругомъ, работы для мысли—почти никакой; все идетъ машинально, разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Отъ этого совершенно понятно, что здѣсь дѣти никогда не вырастаютъ, а остаются дѣтьми до тѣхъ поръ, пока механически не передвинутся на мѣсто отца. Понятно и то, почему средніе термины, посредствующіе между самодурами и угнетенными, вовсе не имѣютъ опредѣленной личности, а заимствуютъ свой характеръ отъ положенія, въ какомъ находятся: то ползаютъ передъ высшими, то, въ свою очередь, задираютъ носъ передъ низшими. Точно механическія куколки: поставятъ ихъ на одинъ конецъ—кланяются; передернутъ на другой—вытягиваются и загибаютъ голову назадъ... Настасья Панкратьевна исчезаетъ предъ мужемъ, дышать не смѣетъ, а на сына тоже прикрикиваетъ: «какъ ты смѣешь?» да «съ кѣмъ ты говоришь?» То же мы видѣли и въ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, въ «Своихъ людяхъ». Та же исторія повторяется и въ другой сферѣ—съ Юсовымъ, въ «Доходномъ мѣстѣ». И все это происходитъ отъ недостатка внутренней самостоятельности, отъ забитости природы. Человѣку съ малыхъ лѣтъ внушаютъ, что онъ самъ по себѣ — ничто, что онъ есть нѣкоторымъ образомъ только орудіе чьей-то чужой воли и что, вслѣдствіе того, онъ долженъ не разсуждать, а только слушаться, слушаться и покоряться. Единственный предметъ, на который можетъ еще быть направленъ его умъ, это—пріобрѣтеніе умѣнья приноровляться къ обстоятельствамъ. Кто сумѣетъ такъ повернуть себя, тому и благо: онъ вынырнетъ... А кто не сумѣетъ, тому бѣда,—задавятъ...

Вслѣдствіе этого-то косненія мысли вся дѣятельная сторона чувства законности совершенно исчезаетъ въ «темномъ царствѣ»; и остается одна пассивная. Какой-нибудь Тишка затвердилъ, что надо слушаться старшихъ, да такъ съ тѣмъ только и остался и останется на всю жизнь... Въ педагогикѣ есть положеніе, что для дѣтей, не способныхъ еще къ отвлеченнымъ понятіямъ, воспитатель составляетъ олицетвореніе нравственнаго закона, и потому необходимо довѣріе ребенка къ воспитателю. Но обязанность воспитателя, — продолжаетъ потомъ педагогика, — состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать себя ненужнымъ для ребенка, пріучивши его понимать нравственный законъ въ его истинной сущности, независимо отъ авторитета воспитателя. Этого послѣдняго правила боятся, какъ пожара и разбоя, всѣ обитатели «темнаго царства», и всѣ стараются дѣйствовать совершенно въ противоположномъ духѣ. «Слушай старика, — старикъ дурно не посовѣтуетъ», — говоритъ даже лучшій изъ нихъ—Русаковъ, и тоже не признаетъ правъ образованія, которое научаетъ человѣка самого, безъ чужихъ совѣтовъ, различать, что̀ хорошо и что̀ дурно. Отъ этого и выходитъ, что чувство законности только и выражается въ чувствѣ послушанія да терпѣнія, а все остальное дѣлается чисто невозможнымъ для обитателя «темнаго царства», пока онъ самъ не сдѣлается самодуромъ. Тишка мететъ полы въ домѣ Большова, бѣгаетъ за водкой Подхалюзину и крадетъ цѣлковые у хозяина,— и все это для него совершенно законно... За водкой посылаютъ его старшіе, а старшихъ надо слушаться: тутъ ужъ резонъ прямой. Воровать ему не велятъ; но все равно—воровство тоже освящено старшими: сколько разъ приказчики при немъ хвалились ловкой штукой, сколько разъ приказывали ему молчать объ ихъ мошенничествѣ передъ хозяиномъ, сколько разъ самъ хозяинъ давалъ приказчикамъ наставленія, какъ надувать покупателей!.. Все это не пропало даромъ для бойкаго мальчика,— и вотъ откуда всѣ мерзости, безмятежно уживающіяся въ немъ съ глубочайшимъ чувствомъ законности... Этимъ-то сред-

ствомъ онъ и выбивается изъ ничтожества, въ которомъ находился, и начинаетъ самъ дурить, совершенно съ спокойной совѣстью, считая и самодурство точно такъ же законнымъ, какъ и прежнее свое униженіе.

Но, разумѣется, выбиваются наверхъ не всѣ, и даже очень немногіе, для этого надо имѣть довольно крѣпкую натуру и потомъ сверхъестественнымъ образомъ выворотить ее. Надо заглушить въ себѣ всѣ симпатичныя чувства, притупить свою мысль, кромѣ того,—связать себя на нѣсколько лѣтъ по рукамъ и ногамъ, и при всемъ этомъ умѣть и пожертвовать при случаѣ своимъ самолюбіемъ и личными выгодами, и тонко обдѣлать дѣльце, и ловкое колѣнце выкинуть... На это мастеровъ не очень много. Охотниковъ, правда, безчисленное множество, да не у всякаго есть такая выдержка, какая, напр., была у Павла Ивановича Чичикова;— а безъ выдержки тутъ ничего не добьешься... Потому-то большая часть людей, попавшихъ подъ вліяніе самодура, предпочитаетъ просто терпѣть, съ тупою надеждою, что авось какъ-нибудь обстоятельства перемѣнятся... Внутренней силы, которая бы возбуждала ихъ къ противодѣйствію злу, въ нихъ нѣтъ, да и не можетъ быть, потому что они не имѣли возможности даже узнать хорошенько, въ чемъ зло и въ чемъ добро... Оттого-то именно въ нихъ и нѣтъ чувства справедливости и сознанія высшаго нравственнаго добра, а вмѣсто этого есть только чувство законности, въ ея установленномъ и тѣсномъ смыслѣ. Для нихъ поступки и явленія жизни раздѣляются не на хорошіе и дурные, а только на позволенные и непозволенные. Что̀ позволено, что̀ скрѣплено положительнымъ закономъ или хоть просто приказаніемъ, то для нихъ и хорошо, и наоборотъ. А на что̀ положительныхъ приказаній нѣтъ, о томъ они находятся въ совершенномъ недоумѣніи. Потому-то всегда и бываютъ такъ робки и медленны шаги ихъ при всякомъ новомъ вопросѣ или явленіи, требующемъ измѣненія существующаго порядка... Тутъ мучительное безпокойство овладѣваетъ забитыми бѣдняками, подъ гнетомъ самодурства лишившимися всякой способности разсуждать. Узнавъ, что правило, которому они слѣдовали, отмѣнено или само умерло, они рѣшительно не знаютъ, куда имъ обратиться и за что̀ взяться,—и бываютъ ужасно рады первому встрѣчному, который возьмется вести ихъ. Само собою разумѣется, что этотъ встрѣчный всего чаще бываетъ плутоватый самодуръ, и чѣмъ плутоватѣе онъ, тѣмъ гуще повалитъ за нимъ толпа «несмышленочковъ», желающихъ прожить чужимъ умомъ и подъ чужой волей, хотя бы и самодурной...

Высказанныя нами мысли не составляютъ плода какой-нибудь теоріи заранѣе придуманной: въ нихъ просто заключаются выводы, прямо слѣдующіе изъ явленій русскаго быта, изображенныхъ въ комедіяхъ Островскаго. Безъ всякаго сомнѣнія, художникъ не имѣлъ въ виду доказывать тѣхъ мыслей, какія мы теперь выводимъ изъ его комедіи; но онѣ сами собою сказались въ его произведеніяхъ, и сказались удивительно правильно. Лица его комедій постоянно остаются вѣрны тому положенію, въ которое поставлены самодурнымъ бытомъ. Ни однимъ словомъ не возвышаются они надъ уровнемъ этого быта, не измѣняютъ основнымъ чертамъ ихъ типа, какъ онъ сложился въ самой жизни. Даже въ лучшихъ натурахъ комедій Островскаго мы не видимъ той смѣлости добра, которой могли бы требовать отъ нихъ при другихъ обстоятельствахъ, но которой именно не можетъ быть въ нихъ подъ гнетомъ самодурства. Едва въ слабомъ зародышѣ виднѣются въ нихъ начала высшаго нравственнаго развитія; но эти начала такъ слабы, что не могутъ служить побужденіемъ и оправданіемъ практической дѣятельности. Оттого всѣ нравственныя основанія поступковъ у честныхъ лицъ въ комедіяхъ Островскаго— внѣшни и очень узко ограничены, всѣ вертятся только на исполненіи чужой воли, безъ внутренняго сознанія въ правотѣ дѣла. Такъ, Авдотья Максимовна, отказываясь бѣжать съ Вихоревымъ, представляетъ только ту причину, что отецъ ее проклянетъ; а, бѣжавши съ нимъ, сокрушается только о томъ, что «отецъ отъ нея отступится, и весь городъ будетъ на нее пальцами показывать». У Любови Гордѣевны эта внѣшность подчиненія долгу, не озаренная внутреннимъ убѣжденіемъ, выражается еще рѣзче. Вотъ что̀ говоритъ она Митѣ въ оправданіе своей рѣшимости— идти за Коршунова: «теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, — *такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужъ оно заведено изстари.* Не хочу я супротивъ отца идти, *чтобъ про меня люди не говорили, да въ примѣръ не ставили.* Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что̀ *я по закону живу*, и никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ». Въ этихъ словахъ нѣтъ вѣдь ни тѣни намека на нравственное значеніе поступка; зато есть слово «законъ»... А каковъ онъ и какъ примѣняется здравымъ смысломъ къ данному случаю, — гдѣ же разсуждать объ этомъ дѣвушкѣ: самодурное воспита-

ніе вовсе не приготовляетъ къ такимъ разсужденіямъ.

Возведеніе послушанія въ высшій абсолютный законъ дѣлается, впрочемъ, и самими самодурами, и даже еще съ большей настойчивостью, чѣмъ угнетенною стороною. Это совершенно понятно: во-первыхъ, самодуръ также почти не имѣетъ истинныхъ нравственныхъ понятій и, слѣдовательно, не можетъ правильно различать добро и зло, и, по необходимости, долженъ руководствоваться произволомъ; во-вторыхъ—безусловное послушаніе другихъ очень выгодно для него, потому что затѣмъ онъ можетъ ужъ ничѣмъ не стѣсняться. Но и тутъ, разумѣется, самодурная логика далеко уклоняется отъ общечеловѣческой. По общей логикѣ слѣдовало бы, если ужъ человѣкъ ставитъ какія-нибудь правила и требованія, хотя бы и произвольныя,—то онъ долженъ и самъ ихъ уважать въ данныхъ случаяхъ и отношеніяхъ, наравнѣ съ другими. Самодуръ разсуждаетъ не такъ: онъ считаетъ себя въ правѣ нарушить, когда ему угодно, даже тѣ правила, которыя имъ самимъ признаны, и на основаніи которыхъ онъ судитъ другихъ. И такова темнота разумѣнія въ «темномъ царствѣ», что не только самъ самодуръ, но и всѣ, обиженные и задавленные имъ, признаютъ такой порядокъ вещей совершенно естественнымъ. Лучшимъ выраженіемъ этой любопытной стороны въ организаціи «темнаго царства» представляется комедія «Не такъ живи, какъ хочется». Въ литературномъ отношеніи пьесу эту признаютъ менѣе другихъ замѣчательною, упрекаютъ въ слабости концепціи, находятъ натяжки въ нѣкоторыхъ сценахъ, и пр. Мы не будемъ долго въ ней останавливаться, — не потому, чтобъ она того не стоила, а потому, что, во-первыхъ, наши статьи и безъ того очень растянулись, а во-вторыхъ, сама пьеса очень проста—и по интригѣ, и по почеркамъ характеровъ, такъ что для объясненія ихъ не нужно много словъ, особенно послѣ того, что̀ говорено было выше. Дѣло въ томъ, что Петръ Ильичъ пьянствуетъ, тиранитъ жену, бросаетъ ее, заводитъ любовницу, а когда она, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, хочетъ уйти отъ него къ своимъ родителямъ, общій судъ добрыхъ стариковъ признаетъ ее же виновною... Собравшись домой, она, на дорогѣ, на постояломъ дворѣ, встрѣчаетъ отца и мать, разсказываетъ имъ все свое горе и прибавляетъ, что ушла отъ мужа, чтобы жить съ ними, потому что ей ужъ терпѣнія не стало. Отецъ только диву дался, услышавъ такое вольнодумство. «Какъ къ намъ? — восклицаетъ онъ,—зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, я тебя къ мужу свезу». Даша говоритъ: «Нѣтъ, батюшка, не поѣду я къ нему»,—и отецъ, полагая, не рехнулась ли дочь его,—начинаетъ ей такое увѣщаніе:

«Да ты пойми, глупая, пойми—какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь онъ мужъ твой!.. *(Встаетъ съ лавки).* Поѣдемте: что̀ болтать-то пустяки, чего быть не можетъ!.. Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая! Ты думаешь,—мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоемъ горѣ—вотъ и вся наша помощь! Что̀ я могу сдѣлать? Поплакать съ тобой — я поплачу. Вѣдь я отецъ твой, дитятко мое, милое мое! *(Плачетъ и цѣлуетъ ее).* Ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили, не жаловались, не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Пойдемъ къ мужу».

Эти безчеловѣчныя слова внушены просто тѣмъ, что старикъ совершенно не въ состояніи понять: какъ же это такъ—отъ мужа уйти! Въ его головѣ никакъ не помѣщается такая мысль. Это для него такая нелѣпость, противъ которой онъ даже не знаетъ, какъ и возражать, — все равно, какъ бы намъ сказали, что человѣкъ долженъ ходить на рукахъ, а ѣсть ногами: что̀ бы мы стали возражать?.. Онъ только и можетъ, что повторять безпрестанно: «да какъ же это такъ?.. Да ты пойми, что это такое... Какъ же отъ мужа идти!.. Какъ же это!..»

Казалось бы, то же самое разсужденіе слѣдовало и къ мужу примѣнить. Нѣтъ, онъ внѣ закона!.. Онъ — повелитель своей жены и самодурствуетъ надъ нею, сколько душѣ угодно, даже и въ то время, какъ самъ передъ нею виноватъ и знаетъ это. Онъ узналъ, что жена провѣдала о его «кралечкѣ», кралечка провѣдала, что онъ женатъ, и прогнала его отъ себя: что̀ же онъ? Совѣстится показаться къ женѣ? Чувствуетъ раскаяніе? Ничего не бывало; онъ еще норовитъ, воротясь домой, сорвать на ней сердце за свою неудачу у кралечки... Кажется, это ужъ должно бы возмутить родителей бѣдной жены его: въ ихъ глазахъ онъ, кругомъ самъ виноватый, буйствуетъ и, не помня себя, грозитъ даже зарѣзать жену и выбѣгаетъ съ ножомъ на улицу... Даша и говоритъ отцу: «посмотрите сами, каково сладко мое житье». А отецъ совѣтуетъ: «потерпи, подожди!» «Да чего мнѣ отъ него ждать, когда отъ него ужъ и отецъ его отступился», возражаетъ Даша, прикрываясь авторитетомъ. «Ничего, потерпи», твердитъ отецъ и затѣмъ старается представить ея несчастіе опять-таки праведной карой—все за непослушаніе, за то, что она безъ воли родителей замужъ вышла. Вотъ его рѣчь:

Агаѳонъ. Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Не хорошо! Ты сама права, что ль? Дѣло сдѣлала, что насъ со старухой бросила?

Говори, дѣло сдѣлала? Такъ это и надо? такъ это по закону и слѣдуетъ? Врагъ васъ обуялъ! Вы—точно какъ не люди. Вотъ ты терпи, и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай да съ благодарностью!.. А то — что̀ это? что̀ это? Бѣжать хочетъ! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобы мужья съ женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніе придетъ — кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, — кто за нимъ ухо̀дитъ? Это вѣдь первый твой долгъ. А застигнетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него...

Даша *(бросаясь ему на шею)*. Батюшка!

Агаѳонъ. Ты подумай, дочка милая, помекай хорошенько... *(плача)*. Глупы, вѣдь, мы, люди, охъ, какъ глупы! Горды мы!

Замѣтьте, какъ добръ и чувствителенъ этотъ старикъ, и какъ онъ въ то же время жестокосердъ, единственно потому, что не имѣетъ никакого сознанія о нравственномъ значеніи личности и все привыкъ подчинять только внѣшнимъ законамъ, установленнымъ самодурствомъ. Не по черствости или злобѣ, а совершенно наивно, начинаетъ онъ упрекать свою дочь за прошлое въ такую минуту, когда сердце ея и безъ того разрывается на части. И потомъ—какіе резоны онъ представляетъ? Онъ не говоритъ, что, дескать, мужъ твой будетъ страдать, хворать и пр., такъ неужто тебѣ не жалко его будетъ? — или что-нибудь въ этомъ родѣ, отъ сердца. Нѣтъ, у него совсѣмъ другое основаніе: «кто тогда *будетъ виноватъ?*» да: «это первый *твой долгъ*»... На основаніи этой, чисто внѣшней морали, онъ и убѣждаетъ дочь: «потерпи, потерпи—все хорошо будетъ».

И вѣдь дѣйствительно,—глупая случайность приходитъ для оправданія словъ старика, точно такъ, какъ —

Вѣдь и случается: возьметъ
Да и скончается купчиха,
Передъ которой глупый песъ
Три ночи вылъ, поднявши носъ.
Тогда попробуй разувѣрить!..

Петръ Ильичъ, допившійся до чертиковъ, съ ножомъ въ рукѣ бѣжитъ на Москву-рѣку, ничего не видя и не понимая. Вдругъ слухъ его поражается ударомъ колокола: къ заутренѣ гдѣ-то заблаговѣстили. Онъ, по машинальной привычкѣ, поднимаетъ руку, чтобы перекреститься, — и видитъ, что въ рукѣ у него ножъ, а стоитъ онъ надъ самой прорубью... Тутъ его страхъ взялъ, хмель мгновенно отшибло, онъ вспомнилъ увѣщанія отца и воротился домой съ полнымъ раскаяніемъ. Выслушавши разсказъ его, отецъ Даши самодовольно-нѣжно упрекаетъ ее: «что̀, дочка, говорилъ я тебѣ...» Тѣмъ дѣло и кончается.

Когда вдумаешься въ эту исторію, въ ней невольно представляется какой-то страшно-фантастическій смыслъ. Нѣкоторые утверждали, что здѣсь заключается показаніе того, какъ благодѣтеленъ для народа колокольный звонъ, и какъ человѣка въ самыя трудныя минуты спасаютъ набожныя привычки, съ дѣтства усвоенныя. Нѣтъ надобности говорить, до какой степени странно подобное толкованіе. Нѣтъ, совсѣмъ другое представляется намъ въ этой драмѣ, примѣнительно къ общей идеѣ, какую находимъ мы во всѣхъ произведеніяхъ Островскаго. Въ раскаявшемся Петрѣ Ильичѣ мы видимъ безотрадность и безвыходность того положенія, въ которое онъ самъ и всѣ, близко съ нимъ связанные, ввергнуты самодурнымъ бытомъ. Петра Ильича уговариваетъ отецъ, упрашиваетъ тетка, умоляетъ жена, которую убиваетъ его поведеніе, образумливаетъ товарищъ, отвергаетъ дѣвушка, для которой онъ бросаетъ жену— на него ничто не дѣйствуетъ. Никакихъ живыхъ началъ нравственности нѣтъ въ немъ, сердце его грубо и темно совершенно. Даже любовь въ немъ такъ дика, такъ безобразна! Дашу полюбилъ онъ и увезъ отъ отца, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже тиранитъ ее и считаетъ наказаніемъ своей жизни безотвѣтную, полносердечную любовь ея. По Грушѣ онъ съ ума сходитъ; но что̀ же онъ дѣлаетъ, когда она, насмѣявшись надъ нимъ, выпроваживаетъ его? Онъ обращается къ Еремкѣ, у котораго есть знакомый колдунъ, и спрашиваетъ: «можетъ онъ приворожить дѣвку, чтобъ полюбила, *чтобъ не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно?*» Вотъ предметъ его стремленій, вотъ любовь его: возможность куражиться надъ любимой женщиной, какъ душѣ угодно!.. Страшно, какъ подумаешь, что вѣдь обитатели «темнаго царства», сколько мы знаемъ ихъ по Островскому, всѣ имѣютъ такія самодурныя наклонности, если сами не забиты до совершеннаго отреченія отъ своей личности... Что̀ же можетъ вразумить этихъ мрачныхъ людей, что̀ можетъ спасти отъ нихъ тѣхъ несчастныхъ, которые принуждены терпѣть отъ нихъ?... Ничто, положительно ничто, изъ средствъ обыкновенныхъ. Никакимъ естественнымъ путемъ нельзя дойти до измѣненія ихъ понятій и характера. Нужно что-нибудь чрезвычайное, крайнее, насильственное, хотя бы и совершенно безтолковое, для того, чтобы отрезвить ихъ. Надо было Петру Ильичу забраться къ проруби на Москвѣ-рѣкѣ, и именно въ то время, когда заблаговѣстили къ заутренѣ, — для того, чтобы очувствоваться!.. Ну, а если бы этого не случилось?.. Продолжалась бы эта жалкая жизнь Петра Ильича съ женою многіе годы, какъ она у многихъ и продолжается въ «темномъ царствѣ». Да и те-

перь кто поручится, что раскаяніе Петра Ильича прочно? Есть ли въ его характерѣ какіе-нибудь задатки нравственнаго исправленія? Разумѣется,—это ужъ само по себѣ необходимо, чтобъ пьяница проспался и чтобъ человѣкъ, допившійся до чортиковъ, перегодилъ немножко, отдохнулъ и собрался съ силами. Но надолго ли это? Не забудьте, что раскаяніе Петра Ильича произошло подъ вліяніемъ призраковъ и чудовищъ, которые ему мерещились въ пьяномъ видѣ... Онъ можетъ увѣрять, и всѣ сосѣди его могутъ вѣрить, что это дѣйствительно водяникъ или другой духъ водилъ его; но вѣдь мы знаемъ достовѣрно, что все это слѣдствіе разстроенной фантазіи, разгоряченнаго мозга. Какая же тутъ гарантія за нравственное исправленіе человѣка? Пока онъ еще чувствуетъ истощеніе отъ минувшей гульбы, да пока живъ въ его памяти страхъ недавняго происшествія, до тѣхъ поръ онъ и поостережется... А тамъ опять примется за прежнее; этого съ достовѣрностью можно ожидать, зная, что въ немъ вовсе не развито внутреннее сознаніе и необходимость честной и полезной жизни... И бѣдная женщина — его жена — должна будетъ попрежнему страдать въ своей горькой долѣ, если опять не совершится какого-нибудь чуда. И старики— отецъ и мать ея — попрежнему будутъ о ней сокрушаться и убѣждать ее терпѣть!.. Имъ-то все-таки легче: они ужъ совсѣмъ обезличились, они всѣ насквозь проникліись ученіемъ, что должно—

Съ терпѣньемъ тяготу сносить
И безъ роптанія просить...

Но выдержитъ ли несчастная женщина, въ которой молодая натура еще сохраняетъ остатки жизни и все еще протестуетъ по временамъ, хотя и слабо, противъ мрачной силы, безправно и безсмысленно угнетающей ее?..

Навѣрное нѣтъ! Она неизбѣжно придетъ къ паденію,—не къ тому паденію, подъ которымъ, на пошломъ языкѣ нашей искусственной морали, разумѣется полное наслажденіе любовью, — а къ дѣйствительному паденію, къ потерѣ нравственной чистоты и силы. Это паденіе одинаково можетъ постигнуть и мужчину, какъ женщину; но въ любящей женской натурѣ есть къ нему путь, который каждую минуту можетъ увлечь ее, и по которому одинъ шагъ можетъ уже сдѣлать ее преступною и погибшею въ глазахъ общества. Путь этотъ— связь съ мужчиною. Мужчина тоже можетъ въ короткихъ отношеніяхъ съ женщиною искать спасенія отъ мрака и гадостей, окружающихъ его въ практической жизни. Тутъ онъ отдыхаетъ и успокаивается, тутъ онъ старается забыться. Но для мужчины подобныя отношенія не гибельны; на нихъ всѣ такъ и смотрятъ, какъ на невинное развлеченіе, они не оставляютъ на немъ пятна позора передъ обществомъ. Онъ каждую минуту можетъ возвратиться отъ нихъ къ своимъ дѣловымъ отношеніямъ, вступить въ свою обычную среду, нисколько не потерявши своего нравственнаго значенія. Не то съ женщиной: разъ сдѣлавши невѣрный шагъ, она уже теряетъ, по силѣ господствующихъ нравовъ, возможность спокойнаго возврата на прежнюю дорогу. Она унижена, опозорена, отвержена, предъ нею всѣ двери заперты, — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока она прямо въ лицо обществу надменно не броситъ своего позора, украшеннаго золотомъ какого-нибудь самодура. Тогда, пожалуй, и предъ ней преклонятся, и даже станутъ подличать. Но и въ этомъ случаѣ глубокое нравственное растлѣніе должно совершиться въ ея натурѣ. Такимъ образомъ,—какъ ни иди дѣвушка, вездѣ ей тяжело и опасно, и нѣтъ пути, который не привелъ бы ее къ потерѣ нравственнаго достоинства. Пока она не совсѣмъ загрубѣла и опошлѣла, — ее тяготитъ нужда, общее презрѣніе, беззащитность противъ всякаго встрѣчнаго, — такъ что она поневолѣ и незамѣтно должна привыкать и къ обману, и къ бездѣльничеству, и къ житью на чужой счетъ... А потомъ, когда она свыкнется съ своимъ положеніемъ и будетъ безмятежно продавать свои чувства и наслаждаться пышной праздностью, — тогда, при счастливомъ случаѣ, открытое поклоненіе, зависть и низости окружающихъ выгонятъ изъ нея окончательно всякое доброе чувство и втиснутъ ее въ самую глубину разврата... Если же и счастливаго случая не встрѣтится, тогда... тогда объ этихъ женщинахъ даже и не говорятъ нравственные люди, по крайней мѣрѣ, въ трезвомъ видѣ...

Но, вѣдь, и эти женщины были когда-то чистыми, нравственными существами, достойными уваженія самыхъ чопорныхъ пуристовъ формальнаго цѣломудрія. Какъ же началось ихъ паденіе? Какія причины заставили ихъ ступить на ложный путь? Что рѣшило «первый шагъ» ихъ? Умствовать объ этомъ можно очень много; но мы не хотимъ умствовать, а дѣлаемъ эти вопросы только за тѣмъ, что находимъ прямой отвѣтъ на нихъ въ комедіяхъ Островскаго. Отсутствіе живого нравственнаго развитія, неимѣніе опоры внутри себя и самодурный гнетъ извнѣ—вотъ причины, производящія въ «темномъ царствѣ» безнравственность женщинъ, равно какъ и безнравственность

мужчинъ. Мы уже видѣли, какъ выражается отсутствіе нравственной самостоятельности и непріязнь ко всему, вызванная самодурствомъ, въ натурахъ живыхъ и физически страстныхъ. Жена и сестра Пузатова только тѣмъ и живутъ, что обманываютъ его и потихоньку гуляютъ съ молодыми людьми, отпросившись въ церковь. Липочка Большова прельщается военными, боится отца, въ грошъ не ставитъ мать и потомъ выходитъ за Подхалюзина и прехладнокровно отправляетъ въ яму отца, чтобы не заплатить за него по 25 копѣекъ за рубль, изъ его же имѣнія... Видѣли мы и то, какъ падаютъ и замираютъ подъ самодурнымъ гнетомъ кроткія и нѣжныя женскія натуры. Авдотья Максимовна, въ пору зрѣлости оставшаяся ребенкомъ въ своемъ развитіи, не умѣющая понимать—ни себя самое, ни свое положеніе, ни окружающихъ людей, увлекается наущеніями Арины Ѳедотовны и плѣняется Вихоревымъ... Любовь Гордѣевна, не смѣющая даже сказать отцу о своей любви къ Митѣ, идетъ за Коршунова, къ которому чувствуетъ страхъ и омерзѣніе. Не менѣе безнравственно и положеніе Даши, принужденной поить виномъ своего мужа, чтобы онъ, пьяный, приколотилъ ее... Но все это факты уже конченные; мы видимъ здѣсь уже совершившуюся смерть личности, и можемъ только догадаться о той агоніи, черезъ которую перешла молодая душа, прежде чѣмъ упала въ это положеніе. Но есть у Островскаго пьеса, гдѣ подслушанъ лепетъ чистаго сердца въ ту самую минуту, когда оно только-что еще чувствуетъ приближеніе нечистой мысли,— пьеса, которая объясняетъ намъ весь процессъ душевной борьбы, предшествующей неразумному увлеченію дѣвушки, убиваемой самодурною силой. Пьеса эта, конечно, памятна нашимъ читателямъ, потому что она появилась въ нынѣшнемъ году и обратила на себя общее вниманіе. Мы уже говорили о ней въ «Современникѣ», и потому теперь скажемъ о ней только то, что̀ можетъ прямо относиться къ объясненію нашей мысли [1]). Надя, воспитанница Уланбековой, — добренькая и умненькая дѣвушка, имѣющая очень скромныя и вполнѣ честныя стремленія. Она мечтаетъ о семейномъ счастіи съ любимымъ человѣкомъ, заботится о томъ, чтобъ себя «облагородить», такъ, чтобы никому не стыдно было взять ее замужъ; думаетъ о томъ, какой она хорошій порядокъ будетъ вести въ домѣ, вышедши замужъ; старается вести себя скромно, удаляется отъ молодого барина, сына Уланбековой, и даже удивляется на московскихъ барышень, что онѣ очень бойки въ своихъ разговорахъ про кавалеровъ да про гвардейцевъ. «И откуда онѣ все это знаютъ?»—спрашиваетъ она въ недоумѣніи сама себя... Словомъ, это дѣвушка, которая, при другихъ обстоятельствахъ, могла бы вполнѣ соотвѣтствовать идеалу многихъ и многихъ людей: она отъ всей души хочетъ и, по своей натурѣ, можетъ быть хорошей женой и хорошей хозяйкой. Дайте ей еще нѣкоторое образованіе, она будетъ и хорошей матерью, и воспитательницей своихъ дѣтей. Но она живетъ въ домѣ Уланбековой, этого безобразнаго самодура въ женскомъ платьѣ, — и все должно пропасть для бѣдной Нади. Лицо Уланбековой замѣчательно, какъ примѣръ того, что значитъ самодурство, перенесенное изъ купеческаго дома въ другую сферу. Здѣсь оно могучѣе, вліяніе его обширнѣе, и потому оно еще отвратительнѣе. Купецъ ограничиваетъ свое самодурство упражненіями надъ домашними, да надъ близкими людьми; но въ обществѣ онъ не можетъ дурить, потому что, какъ мы видѣли, онъ, въ качествѣ самодура, трусливъ и слабодушенъ предъ всякимъ независимымъ человѣкомъ. Ужъ на что̀ Титъ Титычъ Брусковъ, — и тотъ не посмѣлъ очень вольничать надъ Ивановымъ и, пришедши домой, сознавался: «они только тѣмъ и взяли, что я въ ихъ квартирѣ былъ; а пришли бы они сюда, такъ я бы ужъ бы ихъ уконтентовалъ». Буйный Петръ Ильичъ, прогнанный своей кралечкой, тоже расходился, только воротясь домой: «они надо мной смѣялись, выгнали меня!.. А здѣсь я дома,—все въ прахъ разобью, щепки живой не оставлю»,—кричитъ онъ въ изступленіи. Такимъ образомъ, многіе купеческіе самодуры «сердиты, да не сильны», и общество очень много отъ нихъ страдать не можетъ. Но родовыя черты самодурства остаются тѣ же во всѣхъ сферахъ, и чѣмъ сфера обширнѣе, тѣмъ самодурство ужаснѣе и вреднѣе. Кругъ дѣйствія Уланбековой довольно великъ. Во-первыхъ, у ней домашнихъ очень много: воспитанницы, приживалки, ключницы, горничныя, служители... Потомъ у ней есть крестьяне. Кромѣ того, она представляетъ сильное лицо въ цѣломъ околоткѣ и имѣетъ большое вліяніе. Она и чужія свадьбы насильно устраиваетъ, и на мѣста опредѣляетъ, и отъ суда защищаетъ... А какого качества ея вліяніе,—объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ чертамъ. Она проситъ исправника за своего крестника, Неглигентова, чтобъ его столоначальникомъ сдѣлали: исправникъ говоритъ, что мѣста нѣтъ. Уланбекова этимъ обижается и говоритъ ему: «вы, кажется, не

[1]) «Воспитанница». См. № 263.

понимаете, кто васъ проситъ». Исправникъ принужденъ обѣщать. По этому поводу приживалка Уланбековой, Василиса Перегриновна, разсуждаетъ: «я и понять не могу, какъ это у него языкъ-то повернулся противъ васъ. Вотъ ужъ сейчасъ необразованіе-то и видно! Положимъ, что Неглигентовъ, по жизни своей, не стоитъ, чтобы объ немъ и разговаривать много, да по васъ-то онъ долженъ сдѣлать для него все на свѣтѣ, какой бы онъ тамъ ни былъ негодяй... Крестникъ онъ вамъ, ну, и кончено дѣло, — онъ никакихъ и разговоровъ не долженъ слушать... Всѣ это знаютъ, благодѣтельница, что вы, если захотите, такъ можете изъ грязи человѣкомъ сдѣлать; а не захотите, такъ будь хоть семи пядей во лбу, — такъ въ ничтожествѣ и пропадетъ. Самъ виноватъ: отчего не умѣлъ заслужить»... Весь цинизмъ самодурной морали и логики выраженъ здѣсь очень рельефно. Личность самодура ставится здѣсь центромъ всего нравственнаго міра; отъ нея все исходитъ, и къ ней все должно возвращаться. Нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ милости самодура, никакихъ нравственныхъ правилъ, кромѣ угожденія его волѣ... Такимъ образомъ, вопросъ о законности ставится здѣсь съ безстыдною прямотою: законъ есть не что иное, какъ воля самодура, и всѣ должны ей подчиняться, а онъ не долженъ стѣсняться ничѣмъ... Каково жить людямъ подъ такою моралью!..

А вотъ каково. Воспитанницъ своихъ Уланбекова держитъ строго, подъ замкомъ. Если онѣ осмѣлятся раскрыть ротъ, то она говоритъ имъ вотъ что: «я не люблю, когда разсуждаютъ, просто не люблю, да и все тутъ. Этого позволить я не могу никому. Я смолоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались; тебѣ пора это знать! И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. Я вижу, что избаловала тебя; а вы вѣдь сейчасъ зазнаетесь»... Но зато, по словамъ старика Потапыча, она хорошо одѣваетъ воспитанницъ и не заставляетъ ихъ работать: «хочу, говоритъ, — чтобъ всѣ имъ завидовали. Когда же онѣ вырастутъ, отдаетъ ихъ замужъ по своему выбору. Объ этомъ Потапычъ такъ сообщаетъ Леониду, сыну Уланбековой:

«Скажутъ: я тебѣ нашла жениха, и вотъ, скажутъ, тогда-то свадьба; ну, и конецъ, тутъ ужъ и разговаривать ни одна не смѣй! За кого прикажутъ, за того и ступай. Потому что, сударь, я разсуждаю такъ: кому же пріятно, давши воспитаніе, да видѣть непокорность!.. А бываетъ, сударь, и такъ, что и *женихъ невѣстѣ не нравится, и невѣста жениху, такъ тутъ ужъ очень ингваются... такъ даже изъ себя выходятъ*... Пожелали онѣ одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ, человѣкъ не полированный, вздумалъ-было сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невѣста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались, и отцу протопопу; ну и уломали дурака.

По мнѣнію Потапыча, это значитъ, что барыня «на всѣхъ свою заботливость простираютъ». Какое же побужденіе къ этой заботливости? Объяснить это старается сама Уланбекова—въ *поученіи*, которое она очень трогательно, со слезами на глазахъ, по словамъ Потапыча, читаетъ воспитанницамъ при выдачѣ ихъ замужъ. «Вы, говоритъ, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говоритъ, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала; я себя только тѣшила, а ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и изъ какого ты званія»... И не подумайте, что это говорится со злобою или съ сарказмомъ; вовсе нѣтъ,—это отъ полноты души, отъ искренняго убѣжденія Уланбековой. Въ ней тоже нѣтъ особенной наклонности къ злу; вся бѣда въ томъ, что она, въ кругѣ своихъ идей, ничего не можетъ признать, кромѣ себя. Все остальное кажется ей созданнымъ на ея службу, какъ злакъ полевой существуетъ не самъ по себѣ, а собственно на службу человѣкамъ... Что же прикажете дѣлать съ такими понятіями?.. А что она дѣйствительно наклонна къ тому, чтобы даже добро дѣлать, это доказывается тѣмъ, какъ она заботится о мужьяхъ своихъ воспитанницъ. Потапычъ говоритъ, что которыхъ воспитанницъ выдали за приказныхъ, такъ ужъ мужьямъ жить хорошо. «Потому, если его выгнать хотятъ изъ суда или вовсе выгнали, онъ сейчасъ же къ барынѣ къ нашей съ жалобой, *и онъ ужъ за него горой, даже самого губернатора безпокоятъ*. И ужъ этотъ приказный въ тѣ поры можетъ и пьянствовать, и все, и ужъ никого не боится»... Конечно, вы скажете, что это ужъ тоже нехорошо; но все-таки видно, что Уланбекова—не мучительница какая, не злодѣйка, а женщина чувствительная, благожелательная и благодѣтельная.

По своей благожелательности (а не почему другому) Уланбекова задумала отдать Надю за пьяницу Неглигентова. Она очень просто говоритъ объ этомъ Василисѣ Перегриновнѣ: «ты говоришь, что онъ дурную жизнь ведетъ, такъ надобно будетъ свадьбой поторопиться. Надя у меня — дѣвушка хорошихъ правилъ, будетъ его удерживать,

а то онъ отъ холостой жизни совсѣмъ избалуется». Надя сидитъ тутъ же и слышитъ эти слова, и ничего не смѣетъ сказать противъ нихъ... Наконецъ, она умоляетъ, плачетъ, ей даютъ выговоръ и говорятъ: «слезы твои для меня ровно ничего не значатъ. Коли я что захочу сдѣлать, такъ ужъ поставлю на своемъ, никого въ мірѣ не послушаюсь!.. И впередъ знай, что упрямство твое ни къ чему не приведетъ, только разсердишь меня». Говорится все это прилично и солидно, но, разумѣется, Надѣ отъ того не легче. Самодурство здѣсь спрятало свои кулаки и плетку, но оно не лучше отъ этого, а пожалуй, еще похуже. Въ одной пьесѣ Островскаго есть точно такая сцена въ купеческой семьѣ; та гораздо грубѣе, но все-таки не такъ возмутительна. Эта сцена въ «Не сошлись характерами», гдѣ Карпъ Карпычъ сообщаетъ своей дочери о свадьбѣ своей племянницы, и по этому поводу разсуждаетъ съ женой своей, Улитой Никитишной. Мы выпишемъ эту сцену для сравненія: она очень коротка.

Карпъ Карпычъ. А вотъ у насъ скоро свадьба: Матрену въ саду съ приказчикомъ застали, такъ хочу повѣнчать *(Матрена закрываетъ лицо рукавомъ)*; тысячу рублевъ ему денегъ и свадьба на мой счетъ.

Улита Никитишна. Тебѣ бы только пображничать гдѣ было; затѣмъ и свадьбу-то затѣялъ.

Карпъ Карп. Ну, еще что?

Улита Ник. Ничего больше.

Карпъ Карп. *(строго)*. Нѣтъ, ты поговори!

Улита Ник. Ничего, право, ничего.

Карпъ Карп. *(строже)*. Нѣтъ, поговори что-нибудь, я послушаю.

Улита Ник. Да что говорить-то, коли не слушаешь.

Карпъ Карп. Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эхъ, Улита Никитишна! *(грозитъ пальцемъ)*. Сказано—молчи! Я хочу, чтобъ дѣвка чувствовала, а ты съ своими разговорами... *(Матрена закрываетъ другимъ рукавомъ глаза)*. Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель. Вотъ теперь есть еще маленькая, такъ и ту на мѣсто Матрены возьму, и ту въ люди выведу.

Тутъ и ругательство, и угроза, и насиліе, словомъ — самодурство въ полномъ ходу... Но оно не развилось здѣсь до той виртуозности, какъ въ Уланбековой. Тутъ Матрена вѣнчается съ приказчикомъ, съ которымъ застали ее въ саду,—дѣло простое и ясное. Такъ, вѣроятно, выдалъ Карпъ Карпычъ и другихъ своихъ племянницъ. Если бы онъ могъ придумать выдавать ихъ за тѣхъ, за кого онѣ не хотятъ, и кто ихъ брать не хочетъ, то очень можетъ быть, что эта идея и понравилась бы ему... Но онъ еще не утончился до подобныхъ выдумокъ; а Уланбекова пустилась уже и въ эту роскошь. Затѣмъ, и самая манера у Карпа Карпыча другая: онъ съ женой своей обращается хуже, чѣмъ Уланбекова съ воспитанницей, онъ не даетъ ей говорить, онъ даже, можетъ быть, бивалъ ее; но все-таки жена можетъ ему дѣлать кое-какія замѣчанія, а Надя передъ Уланбековой совершенно безгласна. Вотъ какъ мало отрады приносятъ цивилизованныя формы самодурства!

И вотъ при этомъ-то, холодно и степенно нанесенномъ ударѣ, появляется въ Надѣ то горькое, рвущее чувство, которое заставляетъ человѣка бросаться безъ памяти, очертя голову, куда случится, — въ воду, такъ въ воду, въ объятія перваго встрѣчнаго, такъ въ объятія! Ея ощущенія переданы въ пьесѣ Островскаго съ изумительной силой и яркостью; такихъ глубокоистинныхъ очерковъ немного во всѣхъ произведеніяхъ нашей литературы. Мы уже приводили въ «Современникѣ» эту сцену; но не можемъ еще разъ не напомнить читателямъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея. «Я и сама не знаю, что со мной вдругъ сдѣлалось».— говоритъ Надя. «Какъ только барыня давеча сказала, чтобъ не смѣла я разговаривать, а шла за кого прикажутъ, такъ у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, Господи! *(плачетъ)*. Что въ томъ проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только отъ слова какого, а и отъ взгляду-то?.. Такъ меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мнѣ беречь-то себя? Вотъ не хочу жъ, не хочу... А у самой такъ сердце и затерло,—кажется. еще скажи она слово, я бъ умерла на мѣстѣ», Въ этой исповѣди ясно, какимъ безвыходнымъ кругомъ обводитъ самодурство всѣхъ несчастныхъ, захваченныхъ его вліяніемъ. Надя не пріучена къ тому, чтобы сохранить власть надъ собою и остаться вѣрною своимъ понятіямъ изъ внутренняго убѣжденія въ ихъ правотѣ и силѣ; у нея скромность и честность имѣютъ прямую цѣль— сохранить себя для замужества... Но естественное чувство ея внезапно оскорбляется приказаніемъ идти за пьянаго и грязнаго негодяя... Всѣ ея дѣвическія мечты разбиты, тяжелая доля ея представляется ей во всей своей безжалостной грубости. Прежде она мечтала, какъ будетъ сидѣть съ женихомъ— словно княжна какая, словно у ней каждый день праздникъ, — какъ она будетъ жить замужемъ, словно въ раю, словно гордясь чѣмъ-то... А теперь у ней другія мысли; она подавлена самодурствомъ, да и впереди ничего не видитъ, кромѣ того же самодурства: «какъ подумаешь, — говоритъ она, — что станетъ этотъ безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ ни за что!.. Не живя, ты съ нимъ состаришься... Такъ ужъ, право, молодой

баринъ лучше»... И въ самомъ дѣлѣ — она, въ своей «отчаянности», какъ выражается она, находитъ, что ей нравится Леонидъ, который за ней давно ужъ ухаживаетъ... Прежде она отъ него бѣгала, а теперь бросилась въ его объятія, вышедши къ нему вечеромъ въ садъ: онъ свозилъ ее въ лодочкѣ на уединенный островокъ, ихъ подсмотрѣла Василиса Перегриновна, донесла Уланбековой, и та, пришедши въ великій гнѣвъ, велитъ тотчасъ послать къ Неглигентову (котораго передъ тѣмъ уже выгнала отъ себя за то, что онъ пришелъ къ ней пьяный—и, слѣдовательно, не выказалъ ей уваженія) сказать ему, что свадьба его съ Надей должна быть какъ можно скорѣе...

Тутъ является и Леонидъ со своими сожалѣніями... Но онъ уже зараженъ воздухомъ самодурства, онъ ничего не можетъ сдѣлать путнаго. Въ «Воспитанницѣ», мимоходомъ, но съ поразительной истиной выставлено то, какъ эпидемія самодурства, разлитая въ атмосферѣ всего «темнаго царства», непримѣтно, но неизбѣжно заражаетъ самыя свѣжія натуры. Леонидъ — мальчикъ 18 лѣтъ, не злой и не совсѣмъ глупый; характеръ его еще не сложился. Но посмотрите, какія у него замашки, какъ онъ уже испорченъ въ корнѣ, и какъ все окружающее способствуетъ его дальнѣйшему развращенію, какъ все вырабатываетъ изъ него отвратительнѣйшаго самодура. Одни разговоры съ Потапычемъ чего стоятъ! Онъ замѣчаетъ Потапычу, озирая имѣніе: «вѣдь это все мое будетъ». И Потапычъ отвѣчаетъ: «Все, сударь, ваше, и мы ваши будемъ... Какъ, значитъ, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны... Потому—одна кровь... Ужъ это прямое дѣло»... Затѣмъ Леонидъ объясняетъ, что онъ служить не намѣренъ, потому что «тамъ еще писать заставятъ»... Потапычъ и на это свою рѣчь держитъ: «нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужъ это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ,—самую барственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ. А чины ужъ сами собой пойдутъ»... Затѣмъ Леонидъ жалуется, что дѣвушки отъ него бѣгаютъ. Потапычъ объясняетъ, что это оттого, что маменька его соблюсти желаетъ, и ихъ тоже. Потомъ прибавляетъ:

«Да что жъ, сударь: маменька ваша, обыкновенно, должны строгость наблюдать, потому какъ онѣ дамы. А вамъ что на нихъ смотрѣть! Вы сами по себѣ должны поступать, какъ всѣ молодые господа поступаютъ. Ужъ вамъ порядку этого терять не должно. Что жъ вамъ отъ другихъ-то отставать? Это будетъ къ стыду къ вашему.

Леонидъ. Такъ-то такъ, да не умѣю я съ дѣвушками разговаривать.

Потапычъ. Да вамъ что съ ними разговаривать-то долго? Объ какихъ наукахъ вамъ съ ними разговаривать? Нѣшто онѣ что понимаютъ! Обыкновенно—вы баринъ, ну, вотъ и конецъ...»

И Леонидъ быстро напитывается этими понятіями. Въ сценѣ съ Надей въ саду онъ выказываетъ себя пустымъ и дряннымъ мальчикомъ,—не больше; но, въ послѣдней сценѣ, когда онъ узналъ о гнѣвѣ матери и о судьбѣ, грозящей Надѣ, онъ просто гадокъ... Онъ суетится, спрашиваетъ, нельзя ли помочь, жалѣетъ Надю, повидимому, но въ сущности ему ужъ нѣтъ до нея дѣла... Бѣдѣ можно помочь однимъ средствомъ: Уланбекова сердита, главнымъ образомъ, за то, что Гришка, 19-ти-лѣтній лакей, ея любимецъ, не ночевалъ дома; Гришка ушелъ и завалился на сѣно, мало заботясь о гнѣвѣ барыни; но нужно послать его просить прощенья,—тогда Уланбекова развеселится, и ее можно будетъ упросить за Надю. Василиса Перегриновна язвительно предлагаетъ Леониду—попросить Гришку, чтобъ шелъ къ барынѣ. Но мальчикъ, немного подумавъ, отвѣчаетъ: «нѣтъ, ужъ это ему много чести будетъ»... И рѣшивъ этимъ отвѣтомъ исполненіе грознаго приговора надъ судьбою Нади, онъ опять начинаетъ спрашивать: «что дѣлать», да приставать съ сожалѣніями... Надя ужъ выходитъ изъ терпѣнія, наконецъ, и говоритъ ему: «полноте о такихъ пустякахъ безпокоиться; вы же поѣдете въ Петербургъ скоро; веселитесь себѣ тамъ. А до меня что вамъ за дѣло». Леонидъ обиженъ и спрашиваетъ: «зачѣмъ такъ говорить мнѣ?» «Затѣмъ, что вы мальчикъ еще,—отвѣчаетъ Надя, и заключаетъ:—ужъ ѣхали бъ вы куда-нибудь лучше! А у меня, коли терпѣнія не хватитъ, такъ прудъ-то у насъ недалеко!..» И Леонидъ, нѣсколько озадаченный, но втайнѣ очень довольный, что можетъ отдѣлаться, говоритъ: «а въ самомъ дѣлѣ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ на недѣлю»... И оставляетъ Надю, которая вчера бросилась въ его объятья—по влеченію того же чувства, по которому теперь собирается броситься въ прудъ...

Итакъ, вотъ гдѣ источникъ паденій, вотъ причина нравственнаго растлѣнія, такъ обильно разлитаго по всему «темному царству» самодуровъ! «Пока я думала, что я человѣкъ, какъ и всѣ люди,— говоритъ Надя,— такъ у меня и мысли были другія. А какъ начала она мной, какъ куклой, командовать, да какъ увидѣла я, что никакой мнѣ воли, ни защиты нѣтъ, такъ отчаянность на меня напала... Куда страхъ, куда стыдъ дѣвался... Хоть день, да мой, думаю, а тамъ что будетъ, то будетъ, ничего я и знать не хочу»... И въ этихъ мысляхъ бросилась дѣвушка на свою погибель,

и дѣйствительно только часомъ какимъ-нибудь и попользовалась... Да и тотъ ужъ отнятъ у ней, потому что воспоминаніе вчерашней сцены любви уже отравлено, запачкано нынѣшнимъ поведеніемъ Леонида. «*Кому* я отдалась, *на кою* расточила я свои чистыя дѣвственныя ласки!» должна думать теперь несчастная дѣвушка, и стыдъ горькой ошибки будетъ преслѣдовать ее сильнѣе и дольше, нежели печаль объ утраченной невинности. Да, собственно говоря, и безнравственность-то ея поступка состоитъ вѣдь только въ томъ, что она, сгоряча, очень глупо распорядилась собой... А что жъ ей было дѣлать, однако?.. Ее ужъ не одно чувство законности удерживало отъ открытаго возстанія противъ воли «благодѣтельницы», а просто безсиліе, невозможность. Куда жъ ей было дѣваться, гдѣ и какими средствами искать защиты, на какія средства существовать, наконецъ?... Ей кромѣ того, что она сдѣлала, только одно и осталось: утопиться въ прудѣ... Такъ вѣдь и это тоже не велика радость!..

Здѣсь-то и открывается намъ другая причина, приведенная нами на то, отчего такъ крѣпко держится самодурство, само по себѣ несостоятельное и давно прогнившее внутри. Чувство законности, сдѣлавшееся чисто пассивнымъ и окаменѣлымъ, превратившееся въ тупое благоговѣніе къ авторитету чужой воли, не могло бы такъ кротко и безмятежно сохраняться въ угнетенныхъ людяхъ, при видѣ всѣхъ нелѣпостей и гадостей самодурства, если бы его не поддерживало что-нибудь болѣе живое и существенное. И дѣйствительно, оно поддерживается постоянно тѣмъ, что въ людяхъ есть неизбѣжное стремленіе и потребность—обезпечить свой матеріальный бытъ. Эта потребность, въ соединеніи съ тупымъ и неразумнымъ чувствомъ законности, чрезвычайно благопріятствуетъ процвѣтанію самодурства. Если бы чувство законности не было въ людяхъ «темнаго царства» такъ неподвижно и пассивно, то, конечно, потребность въ улучшеніи матеріальнаго быта повела бы совсѣмъ къ другимъ результатамъ. Митя не сталъ бы заглазно плакаться на хозяина и молчать передъ нимъ, считая закономъ его волю, а просто нашелъ бы очень законнымъ дѣломъ—потребовать отъ него прибавки жалованья. Самъ Подхалюзинъ не сталъ бы обмѣривать и обсчитывать, повинуясь волѣ хозяина, какъ высшему закону, и откладывая гроши себѣ въ карманъ, а просто потребовалъ бы участія въ барышахъ Большова, такъ какъ онъ уже всѣми его дѣлами завѣдывалъ. Тогда, конечно, Большову и банкротство бы не понадобилось. Да и самодурствовать-то ему было бы не слишкомъ повадно. Съ другой стороны, если бы надобности въ матеріальныхъ благахъ не было для человѣка, то, конечно, Андрей Титычъ не сталъ бы такъ дрожать передъ тятенькой, и Надя могла бы не жить у Уланбековой, и даже Тишка не сталъ бы уважать Подхалюзина. Но теперь дѣла представляются въ такомъ видѣ: матеріальныя блага нужны всякому человѣку, но они уже захвачены самодурами, такъ что слабая, угнетенная сторона, находящаяся подъ ихъ вліяніемъ, должна и въ этомъ зависѣть отъ самодурной милости какого-нибудь Торцова и Уланбековой; можно бы отъ нихъ потребовать того, чѣмъ они владѣютъ не по праву; но чувство законности запрещаетъ нарушать должное уваженіе къ нимъ... Что же изъ этого выходитъ? Слѣдствіе, кажется, ясно: нужно «безъ роптанія просить» у самодуровъ, чтобы они, живя сами, дали жить другимъ... Но, чтобы они исполнили просьбу, нужно снискать ихъ милость; а для этого надо во всемъ съ ними согласиться, имъ покориться и съ «терпѣніемъ тяготу сносить», если придется... А тяготы придется довольно, судя «по крутому-то характеру» Гордѣя Карпыча или г-жи Уланбековой, да и по ихъ непроходимой глупости... Ко всему этому надо себя приготовить, воспитать себя для этого, а именно: *переломить* свой характеръ, *выбить* изъ головы дурь, т.-е. собственныя убѣжденія, *смирить* себя, т.-е. отложить всякую мысль о своихъ правахъ и о человѣческомъ достоинствѣ. Все это самими самодурами очень успѣшно и выполняется надъ всѣми людьми, родящимися въ предѣлахъ ихъ вліянія. Оттого-то у нихъ и есть всегда подъ руками такъ много безотвѣтныхъ Митей, Андрюшъ, раболѣпныхъ Потапычей, и т. п. Если же въ комъ и послѣ самодурной дрессировки еще останется какое-нибудь чувство личной самостоятельности, и умъ сохранитъ еще способность къ составленію собственныхъ сужденій, то для этой личности и ума готовъ торный путь: самодурство, какъ мы убѣдились, по самому существу своему тупоумно и невѣжественно, слѣдовательно, ничего не можетъ быть легче, какъ надуть любого самодура. Человѣкъ, сохранившій остатки ума, непремѣнно на то и пускается въ этомъ самодурномъ кругѣ «темнаго царства», если только пускается въ практическую дѣятельность; отсюда и произошла пословица, что «умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ».

Такимъ образомъ, подъ самодурами два разряда ихъ воспитанниковъ и кліентовъ—живые и неживые. Неживые, задавленные, неподвижные,—такъ ужъ и лежатъ, не обна-

руживая никакихъ попытокъ: перетащатъ ихъ съ *одного* мѣста на другое—ладно, а не перетащатъ,—такъ и сгніютъ... Живые, напротивъ, все стараются помѣститься лучше и поближе около самодура, а если линія подойдетъ, то и ножку ему подставить, чтобы сѣсть на него верхомъ и самимъ задурить. И новый самодуръ ужъ бываетъ хуже, опаснѣй и долговѣчнѣй, потому что онъ хитрѣе прежняго и наученъ его горькимъ опытомъ. Такъ оно все и идетъ: за однимъ самодуромъ другой, въ другихъ формахъ, болѣе цивилизованныхъ, какъ Уланбекова цивилизована сравнительно, напримѣръ, съ Брусковымъ, но въ сущности съ тѣми же требованіями и съ тѣмъ же характеромъ. Живыя натуры угнетаемой стороны пускаются въ плутни для своего обезпеченія, а неживыя стараются своей неподвижностью и покорностью заслужить себѣ милость самодура и капельку живой воды (которую онъ, впрочемъ, даетъ имъ очень рѣдко, чтобы не слишкомъ оживились).

Изъ этихъ короткихъ и простыхъ соображеній не трудно понять, почему тяжесть самодурныхъ отношеній въ этомъ «темномъ царствѣ» обрушивается всего болѣе на женщинъ. Мы обѣщали въ прошедшей статьѣ обратить вниманіе на рабское положеніе женщины въ русской семьѣ, какъ оно является въ комедіяхъ Островскаго. Мы, кажется, достаточно указали на него въ настоящей статьѣ; остается намъ сказать нѣсколько словъ о его причинахъ и указать при этомъ на одну комедію, о которой до сихъ поръ мы не говорили ни слова—на «Бѣдную невѣсту».

По устройству нашего общества, женщина почти вездѣ имѣетъ совершенно то же значеніе, какое имѣли паразиты въ древности: она вѣчно должна жить на чужой счетъ. Понятно, какое обидное мнѣніе о женщинѣ складывается поэтому само собою въ обществѣ... Правда, что на чужой счетъ живутъ и сами домовладыки этого «темнаго царства», подобные Брускову, Большову и пр. Но тѣ упорно держатъ за собою какое-то, никѣмъ невыговоренное, но всѣми признанное *право* на тунеядство. При томъ они оправдываются даже правилами политической экономіи: у нихъ есть капиталъ (откуда и какъ онъ добытъ,—до этого ужъ что за дѣло!), и они по праву пользуются процентами... А если проценты эти въ торговлѣ ихъ и оказываются нѣсколько чрезмѣрны, то опять въ этомъ никто не виноватъ: значитъ, конкуренція слаба. Наконецъ, надо и то разсуждать: самодуръ, по общему сознанію и по его собственному убѣжденію, есть начало, центръ и глава всего, что вокругъ него дѣлается; значитъ, хотя бы онъ собственно самъ и ничего не дѣлалъ, но зато дѣятельность другихъ принадлежитъ ему. Отъ него вѣдь даются право и способы къ дѣятельности; безъ него остальные люди ничтожны, какъ говоритъ Юзовъ въ «Доходномъ мѣстѣ»: «обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили,—что ты?» Такъ, *стало быть, о бездѣятельности* самихъ самодуровъ и говорить нечего. Надо говорить о другой половинѣ «темнаго царства», о той, которую мы назвали угнетаемою. Тутъ всѣ трудятся болѣе или менѣе. Конечно, трудъ этотъ не свободенъ, не самостоятеленъ; трудящіеся во всемъ зависятъ отъ прихоти самодуровъ и часто принуждены дѣлать вовсе не то, что слѣдуетъ, и что имъ хочется... Вспомнимъ, какъ Андрюша Брусковъ порывается учиться, какъ Митя стремится къ тому, чтобы, «образовать себя», и какъ это имъ не удается. Они, стало быть, тоже очень стѣснены въ своей дѣятельности, и именно вслѣдствіе необезпеченности своего положенія, вслѣдствіе зависимости ихъ матеріальныхъ средствъ отъ первой прихоти самодура... Но все-таки они еще могутъ надѣяться, что и самодуръ не вдругъ ихъ прогонитъ и броситъ: все же они что-нибудь дѣлаютъ и приносятъ пользу самодуру. Положимъ, Торцовъ не дорожитъ приказчиками, такъ же, какъ Вышневскій въ «Доходномъ мѣстѣ» — чиновниками, и можетъ ихъ мѣнять каждый день. Но на мѣсто смѣненныхъ надо же кого-нибудь опредѣлить; слѣдовательно, Торцовъ имѣетъ вообще нужду въ людяхъ и, слѣдовательно, хоть вслѣдствіе своего консерватизма не будетъ зря гонять тѣхъ, которые ему не противятся, а угождаютъ. При томъ же, и самыя занятія мужчины, какъ бы они ни были второстепенны и зависимы, все-таки требуютъ извѣстной степени развитія, и потому кругъ знаній мальчика, съ самаго дѣтства, даже въ понятіяхъ самихъ Брусковыхъ, предполагается гораздо обширнѣе, чѣмъ для дѣвочки. Андрюша Брусковъ, напр., по фабрикѣ у отца — первый, для этого надо же ему было хоть посмотрѣть на что-нибудь, если ужъ не учиться систематически, какъ слѣдуетъ. А о дочеряхъ мать этого же Андрюши говоритъ очень наивно: «что дочери! *Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше—ни учить, ни что*». За дочерьми, по ея мнѣнію, только и нуженъ присмотръ, чтобы ихъ отъ парней уберечь до замужества; а тамъ ужъ мужъ будетъ беречь свою жену отъ постороннихъ... Во всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами комедіяхъ Островскаго мы видѣли, какъ всѣ обита-

тели его «темнаго царства» выражаютъ полнѣйшее пренебреженіе къ женщинѣ, которое тѣмъ болѣе безнадежно, что совершенно добродушно. Тутъ нѣтъ даже и такого раздраженія, съ какимъ, напр., одинъ господинъ отдѣлывалъ купца, осмѣлившагося писать о крестьянскомъ вопросѣ. Въ томъ раздраженіи, какъ оно ни высокомѣрно, все-таки видно боязливое вниманіе, какое-то смутное сознаніе, что въ противной сторонѣ все-таки кроется нѣкоторая сила; тонъ пренебреженія здѣсь искусственъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ тонѣ отношеній мужей къ женамъ и отцовъ къ дочерямъ въ «темномъ царствѣ» комедій Островскаго. Эти господа не раздражаются, не возстаютъ серьезно противъ значенія женщины; они позволяютъ своимъ женамъ даже спорить съ собой... Но просто они не могутъ помѣстить въ головѣ мысли, что женщина есть тоже человѣкъ равный имъ, имѣющій свои права. Да этого и сами женщины не думаютъ. «Ужъ что женщина! курица не птица, женщина не человѣкъ»,— повторяютъ онѣ вмѣстѣ съ Ничкиной въ «Праздничномъ снѣ». Она сама ничего не дѣлаетъ, ничего не пріобрѣтаетъ, не играетъ никакой роли въ обществѣ, не составляетъ никакой инстанціи въ дѣлахъ. Что бы она ни была, все она только по отцѣ, да по мужѣ... И она безропотно покоряется этому, находя, что такъ быть должно, такъ ужъ испоконъ вѣку заведено, и, стало быть, судьба ужъ такая... Слабыя попытки ея выказать свое значеніе ограничиваются только развѣ разговорами, подобными слѣдующему разговору Улиты Никитишны съ Карпомъ Карпычемъ, въ «Не сошлись характерами». Мы приводимъ этотъ разговоръ, потому что въ немъ, кромѣ подтвержденія нашей мысли, находимъ одинъ изъ примѣровъ того мастерства, съ какимъ Островскій умѣетъ передавать неуловимѣйшія черты пошлости и тупоумія, повсюду разлитыхъ въ этомъ «темномъ царствѣ» и служащихъ, вмѣстѣ съ самодурствомъ, главнымъ основаніемъ его быта.

Улита Никитишна *(заваривая чай)*. Нынче все муаръ антикъ въ моду пошелъ.

Карпъ Карпычъ. Какой это муаръ антикъ?

Улита Ник. Такая матерія.

Карпъ Карп. Ну, и пущай ее.

Улита Ник. Да я такъ... Вотъ кабы Серафимочка замужъ вышла, такъ ужъ сшила бы себѣ, кажется... Всѣ дамы носятъ.

Карпъ Карп. А ты нешто дама?

Улита Ник. Обнакновенно дама.

Карпъ Карп. Да вотъ можешь ты чувствовать,—не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

Улита Ник. Да что же такое за слово:—дама? Что въ немъ... *(ищетъ слова)* постыднаго?

Карпъ Карп. Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ!

Улита Ник. Ну, а Серафимочка дама?

Карпъ Карп. Извѣстно—дама: та ученая, да за бариномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала. А ты своимъ умомъ дойди.

Улита Ник. Да, нѣтъ! Все-таки... какъ же!

Карпъ. Карп. Сказано— молчи, ну и баста! *(молчаніе)*.

Улита Ник. Когда было это страженіе?

Карпъ Карп. Какое страженіе?

Улита Ник. Ну, вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

Карпъ Карп. Такъ что же?

Улита Ник. Такъ много изъ простого званія въ офицеры произошли.

Карпъ Карп. Вѣдь не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что соотвѣтственно.

Улита Ник. А какъ же вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

Карпъ Карп. Да, дожидайся.

Улита Ник. А говорятъ, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

Карпъ Карп. *(смѣется)*. Гвардія! *(молчаніе)*.

Улита Ник. Говорятъ, грѣшно чай пить.

Карпъ Карп. Это еще отчего?

Улита Ник. Потому—изъ некрещенной земли идетъ.

Карпъ Карп. Мало ли что изъ некрещенной земли идетъ.

Улита Ник. Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещенной земли, мы его и ѣдимъ во-время; а чай—когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерня, а мы за чай. Вотъ и значитъ грѣхъ.

Карпъ Карп. А ты пей во-время.

Улита Ник. Нѣтъ, все-таки...

Карпъ Карп. Все-таки молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! *(молчаніе)*.

Улита Ник. Какая Серафимочка у насъ счастливая! была за бариномъ—барыня стала; и овдовѣла — все-таки барыня. А какъ теперь, если за князя выйдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

Карпъ Карп. Все-таки по мужѣ.

Улита Ник. Ну, а какъ Серафимочка за князя выйдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь она мое рожденіе.

Карпъ Карп. Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я было объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь вашего бабьяго разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло-то короче будетъ.

Послѣ этого разговора, Карпъ Карпычъ замѣчаетъ про себя, что «кабы на бабъ да не страхъ, съ ними бы и не сообразилъ»... Все, говоритъ, соблазняютъ мужчинъ, и «молодой человѣкъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человѣкъ, который въ разумъ входитъ и въ лѣта постоянныя, для того женская прелесть ничего не значитъ, даже скверно»... Съ этой стороны всѣ и смотрятъ на женщину въ «темномъ царствѣ», да еще и то считаютъ за одолженіе... Видно, что остатки воззрѣній Востока до сихъ поръ еще очень значительны здѣсь... Женщинъ не продаютъ такъ открыто на рынкахъ, какъ дѣлали на Востокѣ, но

нельзя сказать, чтобъ ихъ не продавали вовсе. И даже способъ продажи все еще довольно циниченъ и безстыденъ, какъ это можно видѣть на нѣсколькихъ экземплярахъ свахъ, выведенныхъ Островскимъ въ разныхъ его комедіяхъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ лицахъ, потому что и такъ уже давно злоупотребляемъ терпѣніемъ читателя; но не можемъ не указать на сцены сватанья въ «Бѣдной невѣстѣ». Вся эта пьеса отличается совершенной простотой и обыденностью и отсутствіемъ всякихъ рѣзкихъ чертъ, подобныхъ, напримѣръ, разсужденіямъ вдовы Кукушкиной въ «Доходномъ мѣстѣ». Но, тѣмъ не менѣе, сватанье дѣвушки, заботы матери о ея выдачѣ, разговоры о женихахъ—все это можетъ навести ужасъ на человѣка, который задумается надъ комедіей... Анна Петровна, мать Маріи Андреевны,—женщина слабая, сырая, позабывчивая, какъ она сама себя рекомендуетъ. Каждый ея шагъ ясно доказываетъ, что она выросла и прожила большую часть жизни тоже подъ какимъ-то гнетомъ, отнявшимъ у нея всякую способность и вкусъ къ самостоятельной дѣятельности. Она ничего сообразить не можетъ, не знаетъ, къ кому обратиться и чѣмъ взяться, суетится и мечется безъ всякаго толку и все жалуется на дочь, что та долго замужъ не выходитъ. Сознавая свое полное ничтожество, она твердитъ безпрестанно: «какъ это безъ мужчины въ домѣ, ужъ я и не знаю... Что̀ мы знаемъ тутъ, сидя-то... Вотъ будочникъ бумагу какую-то приносилъ. Кто ее тамъ разберетъ? Вотъ поди же ты, женское-то дѣло какое! Такъ и ходишь, какъ дура... Вотъ цѣлое утро денегъ не сочту... Какъ это безъ мужчины, это я ужъ и не знаю; тутъ и безъ бѣды бѣда». Какъ видите, это ужъ такое ничтожество, что передъ мужемъ или кѣмъ бы то ни было посильнѣе она, вѣроятно, и пикнуть не смѣла. Но воздухъ самодурства и на нее повѣялъ, и она безъ пути, безъ разума распоряжается судьбою дочери, бранитъ, попрекаетъ ее, напоминаетъ ей долгъ послушанія матери и не высказываетъ никакихъ признаковъ того, что она понимаетъ, что̀ такое человѣческое чувство и живая личность человѣка. Все это—прямые и несомнѣнные признаки самодурной закалки, доказывающіе только, какъ она легко пристаетъ даже къ самымъ неспособнымъ. Для самодурства, какъ видно, нѣтъ ни пола, ни возраста, ни званія. Женщины, вообще такъ забитыя и презрѣнныя въ «темномъ царствѣ», могутъ тоже самодурничать, да еще какъ! Примѣръ — Уланбекова... Мальчишки и старики, купцы, чиновники, помѣщики, — всѣ, кто хотите, начинаютъ при первой возможности самодурничать... Человѣкъ всѣми презрѣнъ, тысячу разъ битъ и оплеванъ, предъ всѣми трепещетъ; кажется, ужъ такое смиренномудріе, что воды не замутитъ!.. Но заведись у него хоть одинъ сынишка, или попади къ нему въ руки воспитанникъ, слуга, подчиненный—онъ немедленно начнетъ надъ ними самодурничать, не переставая въ то же время дрожать передъ каждымъ встрѣчнымъ, который ему не кланяется... Такъ ужъ устроено «темное царство», таковы уставы его іерархіи: тутъ личный характеръ человѣка даже мало и значенія-то имѣетъ... «Больше все дѣлается отъ необузданности, а то и отъ глупости», какъ выражается Бородкинъ.

Въ первой статьѣ о «темномъ царствѣ» мы старались показать, какимъ образомъ самыя тяжкія преступленія совершаются въ немъ, и самыя безчеловѣчныя отношенія устанавливаются между людьми—безъ особенной злобы и ехидства, а просто по тупоумію и закоснѣлости въ данныхъ понятіяхъ, крайне ограниченныхъ и смутныхъ. Напоминая объ этомъ читателямъ, мы замѣтимъ здѣсь только, что Анна Петровна представляетъ собою одно изъ очень яркихъ проявленій этой *безнравственности по глупости*. Ея отношенія къ дочери глубоко безнравственны: она каждую минуту пилитъ Машеньку и доводитъ ее до страшнаго нервическаго раздраженія, до истерики, своими безпрерывными жалобами и попреками: «я тебя ростила, я тебя холила, а ты вотъ чѣмъ платишь!.. Ты хочешь свой капризъ выдержать и нейдешь замужъ, а мать тутъ плачь на старости лѣтъ... Вѣдь у насъ ничего нѣтъ: куда я на старости дѣнусь,—въ кухарки мнѣ, что ли, идти? Ты только повѣсничать любишь, а мать позабыла, для матери ничего не хочешь сдѣлать... Что жъ, авось добрые люди найдутся, не оставятъ старуху!» Такія рѣчи повторяются передъ Марьей Андреевной постоянно, каждый день и каждый часъ. Какова же это мать, имѣющая до такой степени барышническій взглядъ на дочь! Не ясны ли на ней черты самодурныхъ тенденцій, коснувшихся ея хоть слегка и вовсе не сродныхъ ея характеру, но все-таки успѣвшихъ сдѣлать ее несносною для окружающихъ? Такая личность и такія отношенія должны возмущать душу... Но Анна Петровна обезоруживаетъ насъ своимъ необычайнымъ добродушіемъ и недальностью. Въ ней нѣтъ положительной безнравственности, а есть только отсутствіе нравственности, отсутствіе всякихъ гуманныхъ началъ въ ея организмѣ. Выдача дочери замужъ—ея мономанія; что̀ съ этимъ прикажете дѣлать? А что она

настаиваетъ на согласіи Маши выдти за Беневоленскаго, такъ это происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, Беневоленскій возьмется хлопотать объ ихъ дѣлѣ въ сенатѣ, а во-вторыхъ, она не можетъ представить, чтобы дѣвушкѣ было не все равно, за кого ни выходить замужъ. Когда Машенька объявляетъ, что Беневоленскій ей противенъ, Анна Петровна даже сообразить этого никакъ не можетъ,—сначала не обращаетъ вниманія и говоритъ, что у Маши голова вздоромъ набита и что она сама двадцать разъ передумаетъ,—а потомъ, послѣ вторичнаго отказа дочери, объясняетъ его тѣмъ, что «это только капризъ, только чтобъ матери что-нибудь напротивъ сдѣлать». Между тѣмъ, надо замѣтить, что она и сама Беневоленскаго вовсе не знаетъ и не одобряетъ. Въ заключительной сценѣ, когда уже все кончено, она хватилась за умъ — сказать Машѣ: «нравится ли онъ тебѣ? Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ,—въ него не влѣзешь». Что станете дѣлать съ такой наивностью? Даже и сердиться нельзя на нее... Тогда диву даешься, и еще грустнѣе оглянешься на ту среду, въ которой вырастаютъ и прозябаютъ подобные субъекты...

Въ этой-то средѣ и мается Марья Андреевна, простенькая и мало развитая дѣвушка, но съ натурой очень деликатною и благородною. Мается она всего больше оттого, что мать торопится ее съ рукъ сбыть, и, не довольствуясь свахами, сама хлопочетъ во всѣ стороны насчетъ женіховъ. До какой степени соблюдается деликатность во всемъ этомъ, видно, напримѣръ, изъ письма, которое пишетъ къ Аннѣ Петровнѣ ея пріятель, добрый старичекъ Добротворскій. «На счетъ того пункта, о которомъ вы меня просили,—пишетъ онъ,—я въ назначенномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ: холостыхъ чиновниковъ, для Марьи Андреевны достойныхъ, нѣтъ; есть одинъ, но я сомнѣваюсь, чтобы оный вамъ понравился, ибо онъ великъ ростомъ — весьма много выше обыкновеннаго — и рябой. Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его сослуживцевъ, оказался нравственности хорошей и не пьющій, что, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли посмотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ». И это письмо Анна Петровна заставляетъ читать самое Машеньку! Понятно, что бѣдная дѣвушка обидѣлась; но мать никакъ не можетъ понять, чѣмъ тутъ обижаться!

А изъ-за чего же терпитъ несчастная всѣ эти оскорбленія? Что ее держитъ въ этомъ омутѣ? Ясно что: она *бѣдная невѣста*, ей некуда дѣваться, нечего дѣлать, кромѣ какъ ждать или искать выгоднаго жениха. Замужество — это ея должность, работа, карьера, назначеніе жизни. Какъ поденщикъ ищетъ работы, чиновникъ — мѣста, нищій — подаянія, такъ дѣвушка должна искать жениха... Надъ этимъ смѣются современные либералы; но интересно бы знать, — что же, въ самомъ дѣлѣ, станетъ у насъ дѣлать дѣвушка, не вышедшая замужъ? Если подумать, такъ и окажется, что Анна Петровна очень резонно говоритъ: «что такое незамужняя женщина? Ничего!.. Что она значитъ? Ужъ и вдовье-то дѣло плохое, а дѣвичье-то ужъ и совсѣмъ нехорошо! Женщина должна жить съ мужемъ, хозяйничать, воспитывать дѣтей, а ты что жъ будешь дѣлать-то старой дѣвкой? Чулокъ вязать!!!» Слова эти глупо-справедливы, и они-то могутъ служить довольно категорическимъ отвѣтомъ на то, почему у насъ женщина въ семьѣ находится въ такомъ рабскомъ положеніи, и почему самодурство тяготѣетъ надъ ней съ особенной силою.

Нѣкоторую самостоятельность можетъ она пріобрѣсти, если имѣетъ въ своихъ рукахъ деньги. Эту сторону женской жизни изобразилъ Островскій въ пьесѣ «Не сошлись характерами». Изящный Поль является чрезвычайно внимательнымъ и покорнымъ къ женѣ, надѣясь выпросить у нея денегъ. Но и сами деньги какъ-то не то значатъ въ рукахъ женщины, что у мужчины. Понятіе о богатствѣ какого-нибудь самодура довольно скоро сростается съ понятіемъ о его личности, потому, вѣроятно, что все-таки онъ самъ своими деньгами распоряжается и пускаетъ ихъ въ ходъ. Поэтому, входя въ сношенія съ богачемъ, всякій старается какъ можно болѣе *участвовать* въ его выгодахъ; заводя же сношенія съ женщиной, имѣющей деньги, прямо уже хлопочутъ о томъ, чтобы завладѣть ея достояніемъ. Сама же личность женщины остается безъ всякаго значенія. Это очень хорошо понимаетъ Серафима Карповна, вѣрная наставленіемъ своего родителя. Выходя замужъ, она заранѣе обѣщаетъ не давать денегъ мужу, говоря: «что жъ я буду тогда безъ капитала? я ничего не буду значить», — на что родитель отвѣчаетъ многозначительнымъ «обнаковенно»!.. И по выходѣ замужъ она сдерживаетъ свое обѣщаніе: когда мужъ попросилъ у нея денегъ, она уѣхала къ папенькѣ, а мужу прислала письмо, въ которомъ, между прочимъ, излагалась такая философія: «что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ?— тогда я ничего не буду значить! Когда у

меня не будетъ денегъ,—я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги,—я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы»... И вѣдь справедливо разсуждаетъ Серафима Карповна!

Но и это, вѣдь, еще рѣдкій случай, чтобы къ женщинѣ въ руки деньги попадали. Для этого надо, чтобы она рано овдовѣла отъ богатаго мужа. А то—съ какой стати къ ней попадутъ деньги? Да и что̀ она съ нимъ сдѣлаетъ? Разбросаетъ по моднымъ магазинамъ, либо раздастъ по монастырямъ, смотря по лѣтамъ и наклонностямъ. Больше она ничего не въ состояніи сдѣлать. Лучше же ихъ употребить на что-нибудь практически-путное... И по закону-то ей въ наслѣдство идетъ только четырнадцатая часть, а ежели мимо закона, такъ и того не слѣдуетъ... Все равно, вѣдь: не удержатся у ней денежки... Развѣ-что жениха себѣ купитъ хорошаго... Да и того почти никогда не бываетъ. Въ женихи къ богатымъ невѣстамъ все являются Вихоревы, Баранчевскіе, Бальзаминовы, Прежневы... Всѣ эти господа принадлежатъ къ той категоріи, которую опредѣляетъ Неуѣденовъ въ «Праздничномъ снѣ»: «другой сунется въ службу, въ какую бы то ни на есть, послужитъ безъ году недѣлю, повиляетъ хвостомъ, видитъ — не тяга, умишка-то не хватаетъ, учился-то плохо, двухъ перечесть не умѣетъ, лѣнь-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вотъ онъ и пойдетъ бродить по улицамъ да по гуляньямъ,—не объявится ли какая дура съ деньгами»... Дѣйствительно, всѣ эти господа красивы и глупы такъ, что о нихъ вспомнить тошно: большею частью они или служили, или желаютъ служить въ военной службѣ, имѣютъ наклонности къ самодурству и очень любятъ, когда ихъ считаютъ образованными людьми. Но ихъ невѣжество во всѣхъ отношеніяхъ равняется темнотѣ самихъ самодуровъ, и только благодаря самодурной системѣ — запрещать учиться низшимъ и особенно женщинамъ, могутъ они не казаться смѣшными въ этой средѣ. Разбирая «Не въ свои сани не садись», мы уже достаточно говорили о томъ, почему Авдотья Максимовна могла увлечься Вихоревымъ. Здѣсь прибавимъ только указаніе на подобное же отношеніе Марьи Андреевны къ Меричу въ «Бѣдной невѣстѣ». Мы заранѣе отстранили отъ себя разборъ частныхъ художественныхъ достоинствъ въ сценахъ и лицахъ комедій Островскаго; поэтому не будемъ разбирать въ подробности и характеръ Мерича. Но не можемъ не замѣтить, что для насъ это лицо изумительно по мастерству, съ какимъ Островскій умѣлъ въ немъ очертить приличнаго, не злого, не отвратительнаго, но съ ногъ до головы пошлаго человѣка. Это не есть сколокъ съ одного изъ тѣхъ типовъ, которыхъ нѣсколько экземпляровъ представлено въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ: онъ не Онѣгинъ, не Печоринъ, не Грушницкій даже, даже вообще не *лишній человѣкъ*. У тѣхъ все-таки есть внутри что-то такое, что̀ они считаютъ своимъ достояніемъ, чѣмъ дорожатъ, чѣмъ воображаютъ себя серьезно проникнутыми. Бѣда только въ томъ, что они мелковаты натурою и лишены серьезнаго развитія, такъ что ничто не можетъ пройти въ глубину ихъ сознанія, ничему не могутъ они отдаться всею душою. Но у Мерича даже и неглубокихъ-то убѣжденій нѣтъ: отъ него всякая истина, всякое серьезное чувство и стремленіе какъ-то отскакиваетъ; онъ какъ будто не только никогда не жилъ сознательной жизнью, но даже вовсе и не понимаетъ, что̀ бы это могло значить... Пошлость безконечная, ничѣмъ не усиленная, не подкрашенная, а настоящая въ натурѣ пошлость — отражается въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ его движеніи... И въ этого человѣка влюбляется неглупая дѣвушка, съ хорошими чувствами!.. Таковы неизбѣжныя послѣдствія самодурной системы воспитанія, считающей своимъ долгомъ—какъ можно больше вязать и сжимать молодую натуру и какъ можно долѣе оставлять ее въ непроглядномъ мракѣ...

Марья Андреевна бѣдна, и Меричъ, разумѣется, на ней не женится: онъ принадлежитъ тоже къ числу тѣхъ, которымъ нужны богатыя невѣсты. Но бываютъ въ «темномъ царствѣ» и такіе случаи, что неразумные бѣдняки женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ... И тутъ-то начинается адъ кромѣшный!.. Адъ этотъ хорошо изображенъ Островскимъ въ «Доходномъ мѣстѣ». Читатели наши, конечно, помнятъ исторію молодого Жадова, который, будучи племянникомъ важной особы, раздражаетъ дядю своимъ либерализмомъ и лишается его благосклонности, а потомъ, женившись на хорошенькой и доброй, но бѣдной и глупой Полинѣ и потерпѣвши нѣсколько времени нужду и упреки жены, приходитъ опять къ дядѣ — уже просить доходнаго мѣста. Изложеніе семейныхъ отношеній и указаніе ихъ вліянія на общественную дѣятельность представляется намъ лучшею стороною этой комедіи. А затѣмъ любопытна внутренняя, душевная сторона жизни этихъ людей, которыхъ мы оффиціально такъ презираемъ и клеймимъ названіями крючкотворцевъ и взяточниковъ. Здѣсь въ полной силѣ выразилось одно изъ главныхъ

свойствъ таланта Островскаго—умѣнье заглянуть въ душу человѣка и изобразить его человѣческую сторону, независимо отъ его оффиціальнаго положенія. Объ этомъ много уже говорили мы, разбирая «Своихъ людей», и потому теперь укажемъ только на нѣкоторыя черты, относящіяся спеціально къ чиновникамъ. Благодушіе и особеннаго рода совѣстливость взяточниковъ рисуются нѣсколькими бѣглыми чертами еще въ «Бѣдной невѣстѣ», въ лицѣ добряка Добротворскаго. Но въ «Доходномъ мѣстѣ» черты эти гораздо ярче въ Юсовѣ и Бѣлогубовѣ. Лица эти прямо наводятъ насъ на мысль, что всѣ ихъ беззаконія—чисто слѣдствіе ложнаго ихъ положенія въ обществѣ и ложныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ вслѣдствіе фальшивости положенія. А ложное положеніе ихъ есть опять-таки послѣдствіе одной общей причины всѣхъ гадостей «темнаго царства»—самодурства. Въ сферѣ чиновнической оно еще гаже и возмутительнѣе, чѣмъ въ купеческой, потому что здѣсь дѣло постоянно идетъ объ общихъ интересахъ и прикрывается именемъ права и закона. Кромѣ того, здѣсь мы видимъ уже безчисленное множество оттѣнковъ и степеней; и чѣмъ выше, тѣмъ самодурство становится наглѣе внутренно и гибельнѣе для общаго блага, но благообразнѣе и величавѣе въ своихъ формахъ. Съ Юсовымъ, когда онъ былъ мальчишкой, мелкіе чиновники обращались, какъ съ собаченкой; Юсовъ съ Бѣлогубовымъ обращается уже не столько грубо; Вышневскій же говоритъ съ Юсовымъ такимъ достойнымъ тономъ, что нужно только благоговѣть, а шокироваться вовсе нечѣмъ. Но, въ сущности, вся бѣда въ вѣдомствѣ Вышневскаго оттого и происходитъ, что онъ самъ зараженъ самодурствомъ, а за нимъ ужъ и всѣ. Законовъ никакихъ никто не признаетъ, честности никто въ толкъ взять не можетъ, ума не опредѣляютъ иначе, какъ способностью нажиться, главною добродѣтелью признаютъ смиреніе предъ волею старшихъ. Юсовъ простодушно признаетъ, что онъ гордости ни съ кѣмъ не имѣетъ, только вотъ верхоглядовъ не любитъ, нынѣшнихъ образованныхъ-то. «Съ этими, говоритъ, я строгъ и взыскателенъ; у меня правило—всячески ихъ тѣснить для пользы службы: потому — отъ нихъ вредъ». Немудрено въ немъ такое воззрѣніе, потому что онъ самъ «года два былъ на побѣгушкахъ, разныя коммиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ,—кому съ похмелья, — и сидѣлъ-то не на стулѣ, а у окошка, на связкѣ бумагъ, и писалъ-то не изъ чернильницы, а изъ старой помадной банки, — и вотъ вышелъ въ люди»,—и теперь признаетъ, что «все это не отъ насъ, свыше!...» И онъ не по злобѣ, и не по плутовству тѣснитъ образованныхъ людей, а у него ужъ въ самомъ дѣлѣ такое убѣжденіе сложилось, что отъ нихъ вредъ для службы... То же убѣжденіе передано и Бѣлогубову, который говоритъ: «что̀ за польза и отъ ученья, когда въ человѣкѣ страху нѣтъ,—трепету передъ начальствомъ». Да иначе думать они и не могутъ, потому что все, ихъ окружающее, на каждомъ шагу подтверждаетъ ихъ мнѣніе. Даже тѣ *образованные*, которые спорятъ съ ними,—какъ часто они собственнымъ же поведеніемъ обличаютъ свою неправоту!—Такъ случилось и съ Жадовымъ. Сначала Бѣлогубовъ какъ-то ежился передъ Жадовымъ и признавалъ какую-то силу въ его умственномъ превосходствѣ. Онъ смутно ощущалъ, что унижаться и подличать, зависѣть отъ первой прихоти и отказаться отъ своей воли — не всегда пріятно. Видя, что Жадовъ гораздо свободнѣе и независимѣе въ своихъ поступкахъ, Бѣлогубовъ почти завидовалъ ему. На вопросъ своей невѣсты, почему онъ откладываетъ свадьбу, когда Жадовъ свою не откладываетъ, онъ отвѣчалъ: «совсѣмъ другое дѣло-съ. У него дяденька богатый-съ, *да и самъ онъ образованный человѣкъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хоть и въ учители пойдетъ,—все хлѣбъ-съ. А я что̀-съ? Пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-съ*»... Но, получивши это мѣсто, между тѣмъ какъ Жадовъ и свое-то потерялъ, Бѣлогубовъ начинаетъ уже чувствовать самодовольное сожалѣніе къ Жадову, которое и выражаетъ ему при встрѣчѣ въ трактирѣ. Что̀ же, въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужило Жадову *ученье безъ трепета?* Только къ тому, что онъ мучился самъ, мучилъ цѣлый годъ жену свою и, наконецъ, пошелъ же къ дядѣ просить бѣлогубовскаго мѣста... И дядя подѣломъ его отчестилъ... «Вотъ, говоритъ, они, герои-то! Молодой человѣкъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи,—идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобъ брать взятки!.. Хорошо новое поколѣніе!»

Вообще Вышневскій, утвердившись на своей точкѣ зрѣнія statu quo, чрезвычайно логически разбиваетъ въ прахъ всѣ благородныя фразы Жадова и, какъ дважды-два — четыре, доказываетъ ему, что при настоящемъ порядкѣ вещей невозможно честнымъ образомъ обезпечить себя и свое семейство. Честные способы пріобрѣтенія слишкомъ ничтожны, да и тѣхъ еще не дадутъ тому, кто не захочетъ угождать, а

будетъ противорѣчить. И это вѣдь не бѣдственная случайность, а тяжкая необходимость, вытекающая прямо и неизбѣжно изъ системы самодурства, развитой въ «темномъ царствѣ». «Будь хоть семи пядей во лбу, но если вамъ не нравится, то останется въ ничтожествѣ; и самъ виноватъ: зачѣмъ не умѣлъ заслужить вашей милости». Вотъ и всѣ права, и вся философія «темнаго царства»! И вовсе не удивительно, если Юсовъ, узнавъ, что все вѣдомство Вышневскаго отдано подъ судъ, выражаетъ искреннее убѣжденіе, что это «по грѣхамъ нашимъ — *наказаніе за гордость*...» Вышневскій то же самое объясняетъ, только нѣсколько раціональнѣе: «моя быстрая карьера, говоритъ, и замѣтное обогащеніе вооружили противъ меня сильныхъ людей...» И, сходясь въ этомъ объясненіи, оба администратора остаются затѣмъ совершенно спокойны совѣстью относительно законности своихъ дѣйствій... Да и отчего бы не быть имъ спокойными, когда ихъ дѣятельность, равно какъ и всѣ ихъ понятія и стремленія, такъ гармонируютъ съ общимъ ходомъ дѣлъ и устройствомъ «темнаго царства»?..

«Но вѣдь есть же какой-нибудь выходъ изъ этого мрака?.. Островскій, такъ вѣрно и полно изобразивши намъ «темное царство», показавши намъ все разнообразіе его обитателей и давши намъ заглянуть въ ихъ душу, гдѣ мы успѣли разглядѣть нѣкоторыя человѣческія черты, долженъ былъ дать намъ указаніе и на возможность выхода на вольный свѣтъ изъ этого темнаго омута... Иначе—вѣдь это ужасно—мы остаемся въ неразрѣшимой дилеммѣ: или умереть съ голоду, броситься въ прудъ, сойти съ ума, — или же убить въ себѣ мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сдѣлаться раболѣпнымъ исполнителемъ чужой воли, взяточникомъ, мошенникомъ, для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою... Если только къ этому приводитъ насъ вся художественная дѣятельность замѣчательнаго писателя, такъ это очень печально»...

Печально, — правда; но что же дѣлать? Мы должны сознаться: выхода изъ «темнаго царства» мы не нашли въ произведеніяхъ Островскаго. Винить ли за это художника? Не оглянуться ли лучше вокругъ себя и не обратить ли свои требованія къ самой жизни, такъ вяло и однообразно плетущейся вокругъ насъ... Правда, тяжело намъ дышать подъ мертвящимъ давленіемъ самодурства, бушующаго въ разныхъ видахъ, отъ первой до послѣдней страницы Островскаго, но и окончивши чтеніе и отложивши книгу въ сторону, и вышедши изъ театра послѣ представленія одной изъ пьесъ Островскаго, — развѣ мы не видимъ наяву вокругъ себя безчисленнаго множества тѣхъ же Брусковыхъ, Торцовыхъ, Уланбековыхъ, Вышневскихъ, развѣ не чувствуемъ мы на себѣ ихъ мертвящаго дыханія?.. Поблагодаримъ же художника за то, что онъ, при свѣтѣ своихъ яркихъ изображеній, далъ намъ хоть осмотрѣться въ этомъ темномъ царствѣ. И то ужъ много значитъ... Выхода же надо искать въ самой жизни: литература только воспроизводитъ жизнь и никогда не даетъ того, чего нѣтъ въ дѣйствительности...

Впрочемъ, попытки освобожденія отъ тьмы бываютъ въ жизни; нельзя пройти мимо нихъ и въ комедіяхъ Островскаго. Только эти попытки ужасны, да при томъ и остаются все-таки только попытками. Лицъ совершенно чистыхъ отъ житейской грязи мы не находимъ у Островскаго. Мыкинъ, въ «Доходномъ мѣстѣ», можетъ быть чистъ, потому что ни въ какихъ общественныхъ службахъ не участвуетъ, а «учительствуетъ понемногу». Но съ нимъ мы такъ мало знакомимся изъ его разговора съ Жадовымъ, что еще не можемъ за него поручиться. Есть еще въ «Бѣдной невѣстѣ» одна дѣвушка, до такой степени симпатичная и высоко нравственная, что такъ бы за ней и бросился, такъ и не разстался бы съ ней, нашедши ее. Но и эта дѣвушка уже забрызгана грязью чужихъ пороковъ. Это Дуня, съ которою пять лѣтъ жилъ Беневоленскій до своей женитьбы, и которая теперь пришла, пользуясь свадебной суматохой, взглянуть изъ толпы на невѣсту своего недавняго друга. Она встрѣчается съ самимъ Беневоленскимъ въ проходной комнатѣ, въ родѣ буфета; вмѣстѣ съ нею— подруга ея Паша, которой она передъ этимъ только-что бросила нѣсколько словъ о томъ, какъ онъ надъ нею, бывало, буйствовалъ, пьяный... Беневоленскій, увидя ее, конфузится и проситъ ее быть поосторожнѣе.— «А хочешь, — сейчасъ дебошъ сдѣлаю?»— говоритъ она.—«Дура, дура! что ты!»—въ испугѣ восклицаетъ Беневоленскій; но она его тотчасъ успокаиваетъ, обѣщаясь, что и къ нему больше не придетъ. Затѣмъ онъ старается ее выпроводить, и между ними происходитъ слѣдующая сцена, раскрывающая передъ нами чувства дѣвушки, изумительныя по своей чистотѣ и благородству:

Беневол. Здѣсь, Дуня, тебѣ что же дѣлать? Посмотри невѣсту и ступай.

Дуня. Ужъ я видѣла. *Хороша вѣдь, Паша,— ужъ можно сказать, что хороша!..* (къ Беневоленскому) *Только сумѣешь ли ты съ этакой*

женой жить? Ты, смотри, не загуби чужого вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ! *(утираетъ слезы).*

Паша. А ты говорила, что тебѣ его не жаль...

Дуня. Вѣдь я его любила когда-то... Что жъ, надо же когда-нибудь разставаться, не вѣкъ такъ жить. *Еще хорошо, что женится; авось будетъ жить порядочно.* А все-таки, Паша, ты то возьми, — лѣтъ пять жили... вѣдь жалко... Конечно, немного я отъ него добра видѣла... больше слезъ... одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость, и помянуть нечѣмъ.

Паша. Что дѣлать, Дуня...

Дуня. А вѣдь, бывало, и ему рада-радешенька, какъ пріѣдетъ... *Смотри же, живи хорошенько.*

Беневол. Ну, ужъ конечно!

Дуня. То-то же. *Это вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я...* Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура, расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! Э, махнемъ рукой, Паша,— завьемъ горе веревочкой!

Беневол. Прощай, Дуня.

Дуня. Адье, мусье! Пойдемъ, Паша *(уходятъ).*

Большей чистоты нравственныхъ чувствъ мы не видимъ ни въ одномъ лицѣ комедій Островскаго. Это ужъ не та безразличная доброта, которою отличается дочь Русакова, не та овечья кротость, какую мы видимъ въ Любови Гордѣевнѣ, не тѣ неопытныя понятія, какими руководится Надя... Здѣсь сила сознательной рѣшимости проглядываетъ въ каждомъ словѣ: все существо этой дѣвушки не придавлено и не убито; напротивъ, оно возвышено, просвѣтлено сознаніемъ того добра, которое она приноситъ, отказываясь отъ своихъ правъ на Беневоленскаго. Ей, въ самомъ дѣлѣ, легко было сдѣлать дебошъ и сорвать сердце, но она не хочетъ этого, она чистосердечно отдаетъ справедливость красотѣ невѣсты, и сердце ея начинаетъ наполняться довольствомъ за счастіе своего бывшаго друга. Полная благожелательства, она радуется тому, что онъ женится, потому что это даетъ ей надежду на его нравственное исправленіе... А потомъ — какая радушная, чистая заботливость о той, о соперницѣ ея... И, наконецъ, какая граціозная прелесть характера выражается въ самомъ этомъ горѣ, завитомъ веревочкой, и въ этомъ ломаномъ прощаньи, въ которомъ, однако, нельзя не видѣть огорченія и досады все еще любящаго сердца... Да, эта дѣвушка сохранила въ себѣ чистоту сердца и все благородство, доступное человѣку. Но что же она такое въ нашемъ обществѣ? Не отвержена ли она имъ? Да и не этому ли отверженію, — не отчужденію ли отъ мрака самодурныхъ дѣлъ, кишащихъ въ нашей средѣ общественной, надо приписать и то, что она такъ отрадно сіяетъ передъ нами благородствомъ и ясностью своего сердца?..

Есть въ комедіяхъ Островскаго и еще лицо, отличающееся большою нравственной силой. Это—Любимъ Торцовъ. Онъ грязенъ, пьянъ, тяжелъ; онъ надорванъ жизнью и очень запустилъ самъ себя. Но та же самая жизнь, лишивъ его готовыхъ средствъ къ существованію, унизивъ и заставивъ терпѣть нужду, сдѣлала ему то благодѣяніе, что надломила въ немъ основу самодурства. Онъ—родной братецъ Гордѣя Карпыча и, по его же разсказамъ, былъ смолоду самодуромъ не хуже его. Но какъ пришлось ему паясничать на морозѣ за пятачекъ, да просить милостыню, да у брата изъ милости жить, такъ тутъ пробудились въ немъ и человѣческое чувство, и сознаніе правды, и любовь къ бѣднымъ братьямъ, и даже уваженіе къ труду. Прося брата, чтобъ выдалъ дочь за Митю, Любимъ Торцовъ прибавляетъ: «онъ мнѣ уголъ дастъ; назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то *да честно пожить.* Вѣдь я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. *Мнѣ работишку дадутъ, у меня будетъ свой горшокъ щей*»... Изъ этихъ желаній и признаній видно, что дѣйствительно нужда совершила въ натурѣ Любима Торцова переломъ, заставившій его устыдиться прежнихъ самодурныхъ началъ столько же, какъ и недавняго безпутства.

Въ примѣрѣ Торцова можно отчасти видѣть и выходъ изъ темнаго царства: стоило бы и другого братца, Гордѣя Карпыча также проучить на хлѣбѣ, выпрошенномъ Христа-ради, — тогда бы и онъ, вѣроятно, почувствовалъ желаніе «имѣть работишку», чтобы жить честно... Но, разумѣется, никто изъ окружающихъ Гордѣя Карпыча не можетъ и подумать о томъ, чтобы подвергнуть его подобному испытанію, и, слѣдовательно, сила самодурства по-прежнему будетъ удерживать мракъ надъ всѣмъ, что только есть въ его власти!..

А свѣтъ образованія? Онъ долженъ же, наконецъ, разогнать этотъ мракъ? Безъ всякаго сомнѣнія!.. Но вспомните, что мы говоримъ о томъ, какъ образованіе прививается къ самодурству... Вспомните и то, какіе результаты дало образованіе въ Вихоревѣ, Бальзаминовѣ, Прежневѣ, въ Липочкѣ, Капочкѣ, Устенькѣ, въ Аринѣ Ѳедотовнѣ... Оглянитесь-ка вокругъ,—какія сцены, какіе разговоры поразятъ васъ. Тамъ Расположенскій разсказываетъ, какъ въ странѣ необитаемой жилъ маститый старецъ съ двѣнадцатью дочерьми малъ-мала-меньше, и какъ онъ пошелъ на распутье,—не будетъ ли чего отъ доброхотныхъ дателей; тутъ наряженный медвѣдь съ козой въ гостиной пляшетъ, тамъ Еремка колдуетъ, и коло-

кольный звонъ служитъ къ нравственному исправленію; тамъ говорятъ, что грѣхъ чай пить, и пр., и пр... А разговоры-то! Настасья Панкратьевна скажетъ, что учиться не надо много; а Ненила Сидоровна подхватитъ: «да, вотъ на счетъ ученья-то: у насъ сосѣдка отдавала сына учиться, а онъ глаза и выкололъ». А то Ненила Сидоровна скажетъ: «молодой человѣкъ, слушайте старшихъ, вы еще не знаете, какъ люди хитры»; а Настасья Панкратьевна подтвердитъ: «да, да, у насъ у кучера поддевку украли — въ одну минуточку»... Или, напримѣръ:

Ничкина. Да вотъ еще, скажите вы мнѣ: говорятъ, царь Фараонъ сталъ по ночамъ съ войскомъ изъ моря выходить.

Бальзаминовъ. Очень можетъ быть-съ.

Ничкина. А гдѣ это море?

Бальзаминовъ Должно быть, недалеко отъ Палестины.

Ничкина. А большая Палестина?

Бальзаминовъ. Большая-съ.

Ничкина. Далеко отъ Царьграда?

Бальзаминовъ. Не очень далеко-съ.

Ничкина. Должно быть шестьдесятъ верстъ. Ото всѣхъ отъ такихъ мѣстовъ шестьдесятъ верстъ, говорятъ... только Кіевъ дальше.

А припомните-ка разговоръ Карпа Карпыча съ Улитой Никитишной—о дамахъ!.. А разговоръ кучеровъ объ австреякѣ! Или также — разговоръ Вихорева съ Баранчевскимъ о промышленности и политической экономіи, или разговоры Прежнева съ матерью о роли въ обществѣ, или Недопекина съ Лисавскимъ (въ «Утрѣ молодого человѣка») о красотѣ и образованіи, или Капочки съ Устенькой объ учтивости и общежитіи (въ «Праздничномъ снѣ»). Вотъ вамъ и образованіе: этихъ господъ, какъ Недопекинъ, Вихоревъ, такихъ дѣвушекъ, какъ Липочка и Капочка, оно уже произвело довольно. Но чтобъ оно сдѣлало что-нибудь больше, до этого самодуры не допустятъ!.. Они и то говорятъ, что образованныхъ-то тѣснить надо для пользы службы!.. А еще что̀ за образованные передъ ними? Кого они испугались-то? Жадова! А Жадовъ самъ признается, что у него воли нѣтъ, энергіи недостаетъ... А въ самомъ дѣлѣ — слабо должно быть самодурство, если ужъ и Жадова стало бояться!.. Вѣдь это хорошій признакъ!..

На этомъ хорошемъ признакѣ мы и остановимся, наконецъ. Не хотимъ дѣлать никакихъ общихъ выводовъ о талантѣ Островскаго. Мы старались показать, *что* и *какъ* охватываетъ онъ въ русской жизни своимъ художническимъ чувствомъ, *въ какомъ видѣ* онъ передаетъ воспринятое и прочувствованное имъ, и какое значеніе въ нашихъ понятіяхъ должно придавать явленіямъ, изображаемымъ въ его произведеніяхъ. Мы нашли у Островскаго полноту изображеній русской жизни, съ ея Подхалюзинскимъ сюртучкомъ, Вихоревскими перчатками, Наденькинымъ заплаканнымъ платочкомъ, Жадовскою тросточкой и съ Торцовской самодурно-безобразной шапкой... Многое мы не досказали, объ иномъ, напротивъ, говорили очень длинно; но пусть простятъ насъ читатели, имѣвшіе терпѣніе дочитать нашу статью. [Виною того и другого былъ болѣе всего способъ выраженія, — отчасти метафорическій, — котораго мы должны были держаться. Говоря о лицахъ Островскаго, мы, разумѣется, хотѣли показать ихъ значеніе въ дѣйствительной жизни; но мы все-таки должны были относиться главнымъ образомъ къ произведеніямъ фантазіи автора, а не непосредственно къ явленіямъ настоящей жизни. Вотъ почему иногда общій смыслъ раскрываемой идеи требовалъ большихъ распространеній и повтореній одного и того же въ разныхъ видахъ,—чтобы быть понятнымъ и въ то же время уложиться въ фигуральную форму, которую мы должны были взять для нашей статьи, по требованію самаго предмета... Нѣкоторыя же вещи никакъ не могли быть удовлетворительно переданы въ этой фигуральной формѣ, и потому мы почли лучшимъ пока оставить ихъ вовсе] [1]). Впрочемъ, многіе выводы и заключенія, которыхъ мы не досказали здѣсь, должны сами собой придти на мысль читателю, у котораго достанетъ терпѣнія и вниманія до конца статьи.

---

[1]) Предметъ, о которомъ мы заговорили, слишкомъ обширенъ для того, чтобы быть исчерпаннымъ въ журнальной статьѣ, посвященной не болѣе, какъ характеристикѣ литературной дѣятельности одного писателя. Мы же довольны будемъ и тѣмъ, если наша статья поможетъ комунибудь стать на настоящую точку зрѣнія при сужденіи о сущности и значеніи таланта Островскаго и о главныхъ мотивахъ его пьесъ.

318. Стихотворенія Я. П. Полонскаго.

Дополненіе къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1855 г. Спб. 1859.

Кузнече(и)къ-музыкантъ.

Шутка въ видѣ поэмы. *Я. П. Полонскаго.* Спб. 1859.

Разсказы Я. П. Полонскаго.

Спб. 1859.

Напечатано въ VII кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 1 іюля). Небольшая статья, но очень хорошо опредѣляющая весь талантъ Полонскаго. Никто не далъ болѣе ясной оцѣнки, хотя писали о поэтѣ очень много. Полонскій былъ недоволенъ разборомъ Добролюбова, что̀ ясно изъ письма его къ Некрасову отъ 28 августа: «Благодарю Васъ за критику въ «Совр.», она тѣмъ болѣе замѣчательна, что выписываетъ стихи мои самые непоэтическіе, чтобъ похвалить меня, какъ поэта». Говоря̀ далѣе о посылаемыхъ при письмѣ новыхъ стихахъ, Полонскій не прочь, если ихъ и не напечатаютъ: «я никогда и ни на что не въ претензіи, особливо съ тѣхъ поръ, какъ вашъ критикъ доказалъ мнѣ, что я человѣкъ мягкій и проклинать не умѣю» (Бумаги Добролюбова въ Литер. Фондѣ).

М. Л.

Задумчивость очень унылая, но не совершенно безотрадная, и томно-фантастическій колоритъ составляютъ отличительные признаки поэзіи г. Полонскаго. Въ его стихѣ нѣтъ той мрачной, демонической силы, отъ которой человѣкъ можетъ содрогнуться и почувствовать, что сердце его обливается кровью. Нѣтъ въ немъ и того размаха, той пылкости воображенія, при которыхъ поэтомъ создается цѣлый волшебный міръ фантастическихъ образовъ, міръ безконечно разнообразный, яркій и оригинальный. Но въ застѣнчивомъ, часто неловкомъ и даже не всегда плавномъ стихѣ г. Полонскаго отражается необычайно чуткая воспріимчивость поэта къ жизни природы и внутреннее сліяніе явленій дѣйствительности съ образами его фантазіи и съ порывами его сердца. Онъ не довольствуется пластикой изображеній, не довольствуется и тѣмъ простымъ смысломъ, который имѣютъ предметы для обыкновеннаго глаза. Онъ во всемъ видитъ какой-то особенный, таинственный смыслъ: міръ населенъ для него какими-то чудными видѣніями, увлекающими его далеко за предѣлы дѣйствительности. Нельзя не сознаться, что подобное настроеніе, не сопровождаемое при томъ могучимъ, гофмановскимъ творчествомъ, очень неблагодарно и даже опасно для успѣха поэта. Оно легко можетъ перейти въ безсмысленный мистицизмъ или разсыпаться въ натянутыхъ приноровленіяхъ и аллегоріяхъ. Послѣднее мы нерѣдко видали у нѣкоторыхъ нашихъ поэтовъ, думавшихъ брать свои вдохновенія изъ классической древности [1]). Но г. Полонскій довольно удачно умѣлъ избѣжать и того, и другого: отъ [теологическаго] мистицизма избавила его сила образованнаго ума, отъ бездушныхъ аллегорій спасла сила таланта. Во всѣхъ стихотвореніяхъ г. Полонскаго, какъ бы они ни представлялись слабыми или эксцентричными, мы видимъ, что онъ не придумывалъ подобій, не холодно навязывалъ человѣческія думы—и тучамъ, и волнамъ, и утесамъ, и насѣкомымъ, и деревьямъ, не изъ желанія блеснуть оригинальностью, разсказывалъ свои фантастическія грезы,—нѣтъ, у него въ самомъ дѣлѣ являлись въ душѣ эти грезы, предъ нимъ въ самомъ дѣлѣ одушевлялись по временамъ всѣ мертвыя явленія природы. Еще въ прежнихъ его стихотвореніяхъ мы видѣли признаки мечтательности, читая въ нихъ фантастическія впечатлѣнія разныхъ періодовъ жизни поэта. Мы слышали, какъ въ дѣтствѣ поэтъ мечталъ объ ангелѣ, сидящемъ у его изголовья, и, дѣйствительно, чувствовалъ его присутствіе:

И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньи;

---

[1]) Фетъ и Щербина.

И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему,
И мысли, дѣтскому послушныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.

А въ другія минуты проходятъ предъ его воображеніемъ всѣ страшныя чудеса, разсказываемыя въ нашихъ сказкахъ. Во снѣ видятся поэту—и стеклянный дворецъ царь-дѣвицы, и жаръ-птицы, клюющія золотые плоды, и ключи живой и мертвой воды.

И я вижу во снѣ, какъ на волкѣ верхомъ
Ѣду я по тропинкѣ лѣсной—
Воевать съ чародѣемъ царемъ,
Въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной...

И не только въ разсказахъ няни являлись ему чудеса: вся природа полна была для него таинственной жизни, непонятныхъ призраковъ. Когда-то, безпечнымъ отрокомъ, зашелъ онъ въ лѣсъ, и ему стало странно, что лѣсъ такъ нѣмъ и мраченъ.

Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто бабочекъ зеленыхъ милліонъ,
Дрожа задвигались...

Задвигались—и заговорились съ поэтомъ...

Все возбуждаетъ въ немъ вопросъ, все представляетъ ему загадку, предметъ мечтательныхъ думъ,—и въ мірѣ, и въ жизни. Муза его подобна той дѣвѣ, которой онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній придаетъ такіе думы и вопросы:

Что̀ звенитъ тамъ вдали,—и звенитъ, и зоветъ?
И зачѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась?
И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?

Вопросы такого рода задаетъ себѣ нерѣдко и самъ поэтъ; подобные образы рисуетъ онъ нерѣдко очень живыми и привлекательными чертами. Природа представляется ему въ видѣ какого-то загадочнаго, но милаго и очень близкаго существа, съ которымъ онъ очень любитъ разсуждать о различныхъ предметахъ, занимающихъ его воображеніе. То волны разсказываютъ ему про морскія чудеса; то лѣсъ говоритъ ему про какую-то чудную красавицу; то подслушиваетъ онъ «листьевъ осиновыхъ шопотъ ласкающій», которымъ убаюкивается молодой дубокъ; то ночь на пути заглядываетъ къ нему подъ рогожу кибитки, между тѣмъ какъ онъ выслушиваетъ цѣлую поэму въ звукѣ дорожнаго колокольчика; то послѣ грозы является у него вопросъ:

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?..

Замѣчательно, что даже въ разсказахъ своихъ г. Полонскій не удаляется отъ того характера, который мы находимъ господствующимъ въ его стихотвореніяхъ. Г. Полонскій разсказываетъ самыя обыденныя, даже отчасти водевильныя приключенія (какъ, напр., въ «Квартирѣ въ Татарскомъ кварталѣ», гдѣ Хлюстинъ, по незнанію грузинскаго языка и по ошибкѣ въ имени, ведетъ заочные переговоры вовсе не съ той красавицей, въ которую влюбленъ); но въ нихъ всегда рисуется предъ нами—или какая-нибудь оригинальная личность, или странное явленіе душевной жизни, или, наконецъ, придается какая-нибудь таинственность внѣшней обстановкѣ. Одинъ изъ разсказовъ—«Статуя весны» особенно близко подходитъ къ характеру стихотвореній г. Полонскаго. Выпишемъ изъ него нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о развитіи фантазіи въ маленькомъ Илюшѣ:

«Онъ любилъ забиться куда-нибудь въ уголокъ, и когда задумывался, большіе, сѣрые глаза его съ расширенными зрачками долго оставались неподвижными. Рѣдко видѣлъ онъ постороннихъ, еще рѣже выходилъ на улицу... Фигуры кузнецовъ, прохаживающихся по двору, всегда въ преувеличенномъ видѣ рисовались въ его воображеніи. Однажды проходя задней лѣстницей, гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ услыхалъ онъ бранчивый крикъ какой-то женщины и плачъ ребенка. Этого было для него достаточно, чтобъ вообразить, что наверху обитаютъ такіе злые люди, которымъ ничего не стоитъ, повстрѣчавшись съ нимъ, отрѣзать ему ухо для собственнаго удовольствія...

«Несмотря на неопредѣленное чувство грусти, имъ испытываемое, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе свыкался онъ съ своимъ одиночествомъ, которое было для него вреднѣе всякой медленной отравы. Голова его искала здоровой питательной пищи и не находила. Воображеніе (огонь, съ которымъ и дѣтямъ играть опасно), развиваясь въ немъ на счетъ другихъ способностей, постепенно создало ему вокругъ него тотъ странный, фантастическій и Гофмана достойный міръ, котораго никто, ниже самъ великій психологъ и философъ, подозрѣвать не могъ.

«Кто объяснитъ, какъ это дѣлалось, что мальчикъ всему, каждой мелочи въ домѣ, умѣлъ придать какое-то особенное, въ зрѣломъ возрастѣ непонятное, невообразимое значеніе? Каждая вещь была для него чѣмъ-то одушевленнымъ, требующимъ отъ него извѣстной степени сочувствія. Стукъ вбиваемаго гвоздя былъ для него крикомъ несчастнаго, которому не хочется лѣзть въ стѣну... Когда его няня, Августа, вѣшала салопъ свой, онъ былъ увѣренъ, что и гвоздь это чувствуетъ, и салопъ понимаетъ свое положеніе.

«Кто бы могъ подумать, что природная наблюдательность, самая замѣтная и все-таки никѣмъ незамѣченная черта въ его характерѣ, не только не ослабѣла, но, такъ сказать, помогла играть его прихотливой, въ высшей степени прихотливой фантазіи?»

Какъ Илюша любовался статуею Весны, бывшею у его отца, какъ онъ разбилъ эту статую, и что̀ отъ того произошло въ его пылкой фантазіи и слабенькомъ орга-

низмѣ, — изображеніе этого и составляетъ все содержаніе разсказа «Статуя весны». Эксцентрическій Илюша обрисованъ авторомъ съ большой любовью, и нельзя не замѣтить, что подобные характеры находятся въ соотвѣтствіи съ постояннымъ настроеніемъ самого поэта. Оттого-то, несмотря на свою странность, разсказъ объ Илюшѣ нравится намъ именно своей задушевностью и теплотою. Болѣе просты, но тоже не безъ оттѣнка странности въ характерѣ маленькаго героя два граціозные разсказа «Груня» и «Домъ въ деревнѣ». Разсказы эти помѣщены были въ «Современникѣ» и, вѣроятно, не забыты нашими читателями, почему мы и считаемъ излишнимъ распространяться о нихъ на этотъ разъ.

Стихотворенія г. Полонскаго, нынѣ изданныя, также большею частью должны быть знакомы нашимъ читателямъ: они были уже помѣщены въ разныхъ журналахъ, послѣ 1855 года, и отчасти въ «Современникѣ». Вникая въ смыслъ этихъ стихотвореній и дополняя ими прежде изданныя, мы теперь яснѣе можемъ опредѣлить значеніе мечтательной задумчивости и неясныхъ грезъ поэта. Онъ не мистикъ,—это ясно изъ многихъ стиховъ его, проникнутыхъ уваженіемъ къ наукѣ и любовью къ реальной правдѣ:

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки, и *только при немъ*
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Суевѣрныя впечатлѣнія раннихъ лѣтъ жизни, нелѣпыя сказки нянекъ онъ прогналъ отъ себя. Онъ сознается, что былъ суевѣренъ въ прежнее время:

Но изъ области мечтаній,
Изъ-подъ власти темныхъ силъ,
Я ушелъ—и волхованій
Мракъ наукой озарилъ.
Муза стала мнѣ являться
Жрицей мысли, безъ оковъ,
И учила не бояться
Ни живыхъ, ни мертвецовъ.

Но что же влечетъ его безпрестанно въ эту область мечтаній? Отчего онъ не удерживается въ предѣлахъ живой, человѣчески-ясной дѣйствительности? Отвѣтъ довольно продолжительный находимъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ. Поэтъ радъ бы жить дѣйствительностью; но она для него такъ безотрадна, скучна и безсмысленна, что онъ невольно стремится отъ нея подальше. Какъ скоро онъ принимается изображать что-нибудь въ жизни, совершающейся передъ его глазами, его стихъ становится такъ унылъ и безотраденъ, что невольно щемитъ сердце. Если бъ въ талантѣ г. Полонскаго было менѣе мягкости и какой-то стыдливости, то онъ, при своемъ грустномъ настроеніи, могъ бы извлекать изъ своей лиры страшные звуки негодованія и проклятія. Но проклинать онъ не умѣетъ, и недовольство его выражается въ тихой, задумчивой жалобѣ. Сколько мы знаемъ, только однажды уступилъ онъ общему, восторженному увлеченію прелестями дѣйствительности (мы не имѣемъ здѣсь въ виду граціозныхъ его стихотвореній, воспѣвающихъ наслажденіе чувствомъ любви)—да и то въ ожиданіи грядущихъ благъ. Это было въ то время, когда всѣ были вдохновлены наступающимъ возрожденіемъ Руси посредствомъ безыменной гласности и обличительныхъ статеекъ противъ мелкихъ подъячихъ. Въ стихотвореніи, подъ которымъ значится 1855 г., Полонскій написалъ:

Поэтъ, въ минуты вдохновенья,
Будь отъ пристрастія далекъ;
Язви насмѣшкою порокъ;
Насмѣшка громче наставленья,—
Когда ее на кару зла
Святая правда родила! и пр.

Настроеніе это, довольно оживленное и бодрое, продолжалось и въ 1856 г., когда г. Полонскій написалъ слѣдующее стихотвореніе, отзывающееся отчасти дидактизмомъ, столь несвойственнымъ его таланту:

На кораблѣ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы
не спали!..
Еще вчерашняя гроза не унялась:
Тѣ жъ волны бурныя, что съ вечера плескали,
Не закачавъ, еще качаютъ насъ.
Въ безлунномъ мракѣ мы дорогу потеряли,
Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ компасъ.
Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали!
Еще вчерашняя гроза не унялась...
Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ;
Нашъ капитанъ впотьмахъ стоитъ, раздумья
полнъ...
Заря!.. друзья, заря! Глядите, какъ яснѣетъ—
И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.
Кто боленъ, кто усталъ, кто бодръ еще, кто
плачетъ;
Что бурей сломано, разбито, снесено—
Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ...
Но—не погибли мы!.. и много спасено...
Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ
лѣнь—
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню
грянемъ...
Господь, благослови грядущій день!

Къ чему привела эта смѣлая претензія,— укрѣпить мачты, подтянуть паруса и встревожить лѣнь праздныхъ, — объ этомъ мы много разъ говорили въ «Современникѣ». Кто хочетъ, тотъ можетъ припомнить; а намъ теперь нѣтъ надобности распространяться объ этомъ. Здѣсь насъ занимаетъ то настроеніе, подъ которымъ дѣйствуетъ талантъ г. Полонскаго. Итакъ, мы видимъ, что поэтъ не прочь отъ надеждъ, не прочь

отъ общественныхъ интересовъ. Но вѣра въ возстановленіе правды и добра въ общественной жизни, мечта о сильной и горячей общественной дѣятельности, къ сожалѣнію, скоро оставила его, какъ и многихъ другихъ энтузіастовъ недавняго времени, и смѣнилась опять тѣмъ расположеніемъ духа, въ которомъ высокія мечты кажутся ему уже *сумасшествіемъ*, а въ жизни представляется какая-то галиматья. Читатели наши могутъ припомнить стихотвореніе «Сумасшедшій», недавно помѣщенное въ «Современникѣ». А вотъ стихотвореніе «Хандра», напечатанное тоже недавно въ «Русскомъ Словѣ»:

На старый онъ диванъ ничкомъ
Ложился, протянувши ноги,
И говорилъ, дыша съ трудомъ,
Такіе монологи:

«Какая жизнь! о, Боже мой!
Какіе страшные пигмеи!
Добро бъ глупцы, добро бъ злодѣи
Неотразимою враждой
Меня терзали!.. Нѣтъ! съ глупцами
Я бъ тратить словъ не сталъ; съ врагами
Я бъ выступилъ въ открытый бой.
Кто безкорыстно правдѣ служитъ,
Кто за себя стоитъ—не тужитъ!
Но какъ бороться съ пустотой,
Полу-слѣпой, полу-глухой,
Которая мутитъ и кружитъ?
Бороться радъ бы—силы нѣтъ...
Подъ бременемъ безплодныхъ лѣтъ
Изнылъ мой духъ, увяла радость.
И весь я сталъ ни то, ни се...
И жизнь подчасъ такая гадость,
Что не глядѣлъ бы на нее!
Я только вздоръ одинъ предвижу,
Какая-то галиматья
Выходитъ изъ того, что я
Вседневно слышу или вижу!
Не только некого любить,
Мнѣ даже некого сердить,
Мнѣ даже глупо ненавидѣть.
Я точно—личность безъ лица.
Такого даже нѣтъ глупца,
Кто бъ захотѣлъ меня обидѣть!
Я вѣчно ною отъ занозъ,
А разомъ вспыхнуть не умѣю.
Когда я плачу—стыдно слезъ,
Когда смѣюсь—за смѣхъ краснѣю...
Какая жизнь! какой хаосъ!»

Это горестное сознаніе пустоты всего окружающаго, соединенное съ чувствомъ собственнаго безсилія бороться противъ нея—хоть кого прогонитъ въ міръ мечтаній. И благо человѣку, если еще онъ можетъ хоть тамъ укрыться: тамъ онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, остаться человѣкомъ честнымъ и добрымъ. А въ обществѣ... Но вотъ взглядъ поэта на общество наше, выраженный въ одну изъ грустныхъ минутъ невольныхъ его столкновеній съ этимъ обществомъ. Мы приведемъ нѣсколько строфъ изъ его столкновенія «На пути изъ гостей»:

Славный морозъ. Ночь была бы свѣтла,
Да застилаетъ сіянье
Мѣсяца душу—гнетущая мгла—
Жизни застывшей дыханье.
Слышится города шорохъ ночной,
Снѣгъ подметенный скрипитъ подъ ногой...
Дальнихъ огней вижу мутныя звѣзды,
Да запертые подъѣзды...
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Что же въ гостяхъ удержало меня?
Или мнѣ было привольно,
Въ сладкомъ забвеньи безплоднаго дня,
Мучить себя добровольно?
Скучно и глупо безъ цѣли болтать...
И не охотникъ я въ карты играть;
Даже, признаться, не радуетъ ужинъ;
Да и кому я тамъ нуженъ!
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Затѣмъ, изобразивъ, какъ была граціозна Мери,—невѣста, ищущая доходнаго мѣста,—какъ Олимпіада ловко играла Листа, а Викторъ читалъ безтолковые стихи, поэтъ продолжаетъ:

Гости бываютъ тамъ разныхъ сортовъ:
Въ домъ пріѣзжаютъ—вертятся.
И комплиментъ у нихъ мигомъ готовъ;
Изъ дому ѣдутъ—бранятся.
Что занимаетъ ихъ, трудно понять.
Все обо всемъ они могутъ сказать;
Каждый себя самолюбьемъ измучилъ,
Каждому каждый наскучилъ.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Въ люди какъ будто невольно идешь:
Все будто ищешь чего-то,
Вотъ-вотъ не нынче, такъ завтра найдешь...
Одолѣваетъ зѣвота,
Скука томитъ... А проклятый червякъ
Въ сердцѣ уняться не хочетъ никакъ:
Иль онъ старую рану тревожитъ,
Или онъ новую гложетъ.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Много есть чудныхъ, прекрасныхъ людей,
Свѣтлыхъ умовъ и вполнѣ благородныхъ.
Но и они, въ родѣ блѣдныхъ тѣней,
Меркнутъ душою въ гостиныхъ холодныхъ.
Есть у насъ такъ-называемый свѣтъ,
Есть даже люди, а общества нѣтъ:
Русская мысль въ одиночку созрѣла.
Да и гуляетъ безъ дѣла.
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

Вотъ, вижу дворникъ сидитъ у воротъ,
Въ шубѣ да въ шапкѣ лохматой:
Точно медвѣдь; на усахъ его ледъ,
Снѣгъ въ бородѣ, въ рукавицѣ лопата...
Спитъ ли онъ, такъ ли прижавшись сидитъ,
Думаетъ думу, морозы бранитъ,
Или, какъ я же, безплодно мечтаетъ,
Или меня поджидаетъ?
Боже мой! Боже мой!
Поздно приду я домой!

И все-то въ нашей общественной жизни возбуждаетъ тяжелое чувство въ поэтѣ. И тѣмъ тяжелѣе для него это чувство, что онъ видитъ необходимость покориться факту;

онъ не имѣетъ силъ бороться со зломъ, его смущаетъ холодная правда даже чужого безпощаднаго стиха, какъ онъ говоритъ въ посланіи къ И. С. Аксакову:

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ внимаю невеселой
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Въ негодованіе души твоей вникая,
Собратъ, пойму ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?

Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведетъ себя инымъ путемъ,
Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.

И если ты блуждалъ, съ тобой мы врознь блуждали.
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и оба мы страдали.
Ты больше мыслилъ, я—любилъ...

И эта любовь, эта поэтическая кротость производятъ то, что поэтъ находитъ въ себѣ силы только грустить о господствѣ зла, но не рѣшается выходить на борьбу съ нимъ. Самыя дикія, безчеловѣчныя отношенія житейскія вызываютъ на его губы только грустную улыбку, а не проклятіе, исторгаютъ изъ глазъ его слезу, но не зажигаютъ ихъ огнемъ негодованія и мщенія. Для объясненія нашихъ словъ, приведемъ въ примѣръ одно стихотвореніе, которое мы считаемъ однимъ изъ замѣчательныхъ стихотвореній г. Полонскаго. Тема этого стихотворенія—нелѣпый общественный обычай, по которому женщина любящая и любимая гибнетъ въ общемъ мнѣніи, какъ скоро она забывается и вполнѣ отдается своему чувству [вопреки нѣкоторымъ оффиціальностямъ], тогда какъ мужчина, бывшій виною ея паденія, преспокойно можетъ обмануть ее и удалиться, извиняясь тѣмъ, что страсть его потухла. Вопль негодованія могъ бы вырваться у другого поэта, взявшаго подобную тему; мрачная, возмутительная картина могла бы нарисоваться изъ такихъ отношеній человѣческаго сердца къ нелѣпымъ требованіямъ общества. Но вотъ какіе стихи вышли у г. Полонскаго:

На устахъ ея—улыбка;
Въ сердцѣ—слезы и гроза.
Съ упоеніемъ и грустью,
Онъ глядитъ въ ея глаза.
Говоритъ она: обманъ твой
Я предвижу—и не лгу;
Что тебя возненавидѣть
И хочу, и не могу.

Онъ глядитъ все такъ же грустно,
Но лицо его горитъ...
Онъ, къ плечу ея устами
Припадая, говоритъ:
Берегись меня!—я знаю,
Что тебя я погублю
Оттого, что я безумно,
Горячо тебя люблю!..

Вообще — незлобіемъ и добродушіемъ вѣетъ отъ всѣхъ словъ поэта, къ кому бы ни обращались они,—къ благоухающей ли природѣ, къ печальному ли кладбищу, къ коварной ли женщинѣ. Даже въ своихъ отношеніяхъ къ общественной неправдѣ и угнетенію онъ остается такъ же грустно незлобивъ, какъ и въ своемъ сожалѣніи о прошедшей молодости, или въ досадѣ на дурную погоду. Вотъ отчего грустные стихи г. Полонскаго и проходятъ такъ часто незамѣченными для современныхъ читателей. Намъ теперь нужны энергія и страсть; мы и безъ того слишкомъ кротки и незлобивы; мы не можемъ довольствоваться тѣми поэтами, которые, восхищаясь истиной, раскрытой для нихъ, не дѣлаютъ усилія для того, чтобы поставить ее на высокомъ пьедесталѣ, на видъ всѣмъ своимъ собратьямъ. Въ стихотвореніяхъ г. Полонскаго мы находимъ нѣсколько пьесъ, которыя доказываютъ, что самъ поэтъ сознаетъ это, но, слѣдуя своей природѣ, не рѣшается выйти изъ своей сферы и измѣнить строй своей лиры. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ поступаетъ очень благоразумно, потому что натянутые возгласы о добродѣтели и то уже сбили у насъ съ толку нѣсколькихъ талантливыхъ людей. Немудрено, что на ихъ дорогу попалъ бы и г. Полонскій; приведенное выше стихотвореніе «На кораблѣ», такъ отзывающееся аллегоріей, доказываетъ справедливость этого предположенія. Но, къ счастью, самъ поэтъ лучше другихъ понялъ свои силы и, недовольный окружающей дѣйствительностью, выразилъ свой протестъ противъ нея совершенно особеннымъ образомъ. Онъ нашелъ свою особенную дѣйствительность, населилъ ее своими особыми существами, придалъ имъ мысль и страсти, заставилъ ихъ волноваться, радоваться и страдать по-человѣчески... И въ этомъ фантастическомъ мірѣ находитъ онъ успокоеніе и отраду отъ житейской пошлости, угнетенія и обмана. Лучшимъ примѣромъ того, какъ г. Полонскій одушевляетъ всю природу, можетъ служить шуточная поэма о кузнечикѣ-музыкантѣ (котораго, въ пику всѣмъ грамматикамъ, онъ называетъ—кузнечекъ). Содержаніе этой поэмы состоитъ въ томъ, что кузнечикъ влюбился въ бабочку, которая сначала была къ нему неравнодушна, но потомъ влюбилась въ соловья и улетѣла за нимъ въ лѣсъ. Соловей сначала поласкалъ ее, а потомъ клюнулъ,—и она упала мертвая. Кузнечикъ-артистъ,

вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ пріятелей, *гулякою*-кузнечикомъ, отправился ночью ее отыскивать, разузналъ все дѣло отъ осы, наконецъ отыскалъ и похоронилъ молодую сильфиду, которую такъ любилъ... Какъ видите, здѣсь соловей играетъ роль злодѣя-обольстителя, и въ этомъ, если хотите, выразилась опять оригинальная натура поэта, полная любви и мирнаго расположенія ко всему живущему. Если угодно, по факту, соловей-губитель и негодяй, угнетатель невинности; но вѣдь нельзя же ненавидѣть соловья за его поступокъ съ бабочкой; нельзя винить и бабочку за вѣтренность, а можно только жалѣть ее. Если хотите прилагать это къ человѣческому сердцу (а это приложеніе многіе читатели и читательницы непремѣнно сдѣлаютъ), то и въ этомъ шуточномъ, фантастическомъ разсказѣ вы можете подмѣтить сердечную боль поэта и грустное недовольство міромъ, въ которомъ нигдѣ нѣтъ счастья... Впрочемъ, мы совѣстимся дѣлать изъ этой поэмки моральные выводы и рѣшаемся обратить на нее вниманіе читателей только, какъ на образчикъ того, какимъ образомъ и съ какой простотой и любовью г. Полонскій одушевляетъ и очеловѣчиваетъ всю природу. Въ заключеніе же нашей рецензіи представимъ читателямъ окончаніе этой поэмки, въ которомъ заключается описаніе того, какъ кузнечики хоронили мертвую сильфиду-бабочку.

Сдѣлали носилки, положили тѣло,
Подняли и долго, поступью несмѣлой,
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шелъ свѣтлякъ, и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ.
«А! ба! кто тамъ? что тамъ?»—слышалося въ сонномъ
Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій пискъ раздался:
Муравей какой-то подъ ноги попался
Нашему гулякѣ—онъ его и тиснулъ.
Вслѣдъ за этимъ визгомъ—въ рощѣ кто-то свистнулъ.
Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,
Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ;
Но, слетѣвшись кучей—и увидѣвъ тѣло,
Взяли тономъ ниже (поняли въ чемъ дѣло)
И, трубя плачевно въ разстояньи дальномъ,
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали;
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи.
И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
Бабочка—Сильфиды прежняя подруга—
Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
На холодный камень и—оцѣпенѣла.
Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
Думалъ, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
И дышалъ въ лицо ей влажными устами,
И потомъ далекимъ проносился стономъ,
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая,
И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повилики, робко по стволамъ ползущей;
И благоухали тысячи растеній;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
Головой кивали.—Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая,—
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ липки
Мертвую Сильфиду,—тамъ ее сложили,
Вырыли могилку и похоронили.
И когда надъ этой новою могилой
Думалъ злую думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртиной
Звучно раздавался рокотъ соловьиный.

---

319. Постороннее вліяніе.

Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ. Сочиненіе князя *Г. В. Кугушева,* автора «Корнета Отлетаева». Москва, 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 318.

М. Л.

Ярко блистала звѣзда таланта князя Кугушева; тысячи читателей «Русскаго Вѣстника» [1]) жадно впивались въ его повѣсти и оставляли темныя пятна на бѣлыхъ страницахъ журнала. «Корнетъ Отлетаевъ» гремѣлъ въ трехъ книжкахъ, а въ двухъ другихъ чопорно сидѣла блестяшая «Пыль», пыль только по названію, въ сущности же болѣе грязь, нежели пыль... Нѣтъ въ современныхъ повѣстяхъ прежняго энергическаго, удалаго, молодеческаго воздыманія праха летучаго; въ писателяхъ-аристократахъ нѣтъ умѣнья ловко пускать пыль въ глаза, а если и есть что-то похожее, такъ это все натянуто, разсчитано, куплено цѣною золота. Рубли убили все, даже самую поэзію; за нихъ писатель продаетъ и повѣсть, и романъ, и комедію, и даже лирическое стихотвореніе...

Вы удивлены, что «Современникъ» пи-

[1]) 1856 года.

шетъ какъ будто не своимъ слогомъ, — и вы правы. Дѣйствительно, это не нашъ слогъ; но иначе теперь писать нельзя. Это — великосвѣтскій слогъ, который нѣсколько лѣтъ былъ заброшенъ въ литературѣ, замаравшей себя мужицкимъ направленіемъ, но теперь опять возстановляется во всей красотѣ своей. Такъ писывалъ во время оно князь Одоевскій; такъ писали позже его графъ Соллогубъ и графиня Евдокія Ростопчина. Гр. Данилевскій [1]) и графъ Ржевусскій тоже пишутъ такимъ слогомъ. Тѣмъ же самымъ слогомъ пишетъ и князь Г. В. Кугушевъ, подъ вліяніемъ котораго и написаны нами первыя строки нашей рецензіи. Мы даже боимся, что вліяніе это отразилось на насъ слишкомъ сильно, и что насъ могутъ заподозрить въ простомъ *заимствованіи* изъ князя Кугушева. Чтобы не вышло такого грѣха, мы представляемъ подлинную выписку, увлекшую насъ такъ внезапно на поприще изящнаго слога.

«Ярко блистала зала благороднаго собранія; тысячи огней отражались свѣтлыми пятнами *въ* бѣломъ мраморѣ колоннъ; оркестръ гремѣлъ съ одной эстрады, на другой чопорно сидѣла пестрая цыганская семья, цыганская только по названію, но давно обрусѣвшая и только пародирующая непередаваемую удаль дикаго племени. *Нѣтъ въ* современныхъ хорахъ первобытной ихъ *энергіи, удальства, молодечества,* въ женщинахъ-пѣвицахъ нѣтъ *ни огня, ни увлеченія, ни восторга,* а если и есть мгновенныя вспышки чего-то похожаго на вдохновеніе, то *эти минуты натянуты,* неестественны, куплены цѣною золота. Рубли убили все, даже самую природу; за нихъ цыганка продаетъ и честь, и совѣсть, *и убѣжденія* (увы!), даже самую любовь къ своему собрату. Ея голосъ не откликъ души — приманка; пляска не влеченіе, не страсть — *обязанность, цѣль, средство* (непонятно, но сильно!) Гдѣ же вдохновеніе, гдѣ же поэзія? Они поютъ, а толпа движется туда, сюда, шумъ, визгъ, бряцанье сабель, звяканье шпоръ, шелестъ женскихъ ножекъ по паркету — все это вмѣстѣ походитъ на отдаленный грохотъ медленно падающаго съ уступа на уступъ водопада. Жаръ въ залѣ такой, что кажется, будто тонкое облако пара стоитъ *надъ ликующей толпой* и какъ дымкой застилаетъ безчисленные огни громадныхъ люстръ. Лѣнь обдаетъ каждаго своимъ снотворнымъ обаяніемъ; пары, соединенныя случаемъ, любовью, ревностью, шалостью, всѣмъ на свѣтѣ наконецъ, двигаются медленнѣе, говорятъ отрывистѣе; всякое чувство, кажется, становится мягче, снисходительнѣе; только платки и вѣера постояннымъ движеніемъ освѣжаютъ на мгновенье подъ ревнивымъ картономъ душной шелковой маски раскраснѣвшіяся щечки красавицъ. Время проходитъ незамѣтно. Вотъ и полночь. Волынкинъ стоитъ, прислонившись къ колоннѣ, направо отъ одной изъ эстрадъ, весьма равнодушнымъ взглядомъ встрѣчая и провожая мелькающихъ мимо него масокъ». (Ч. IV, стр. 5, 6 и 7).

Такимъ прекраснымъ слогомъ написанъ весь романъ. Но кто же этотъ *Волынкинъ*, который «стоитъ, прислонившись къ колоннѣ, направо отъ одной изъ эстрадъ?» Ахъ, Боже мой, да кто же можетъ стоять, прислонившись къ колоннѣ, и пр., какъ не самъ герой романа? Это онъ самый и есть. Видите ли, въ чемъ дѣло.

«Ярко горѣлъ карсель *въ гостиной Степаниды Львовны подъ большимъ цвѣточнымъ абажуромъ,* освѣщая только впрочемъ середину комнаты и оставляя въ тѣни ея окраины». (Ч. I, стр. 7).

У этой самой «Степаниды Львовны подъ большимъ цвѣточнымъ абажуромъ» есть дочь Вѣра, «дѣвушка высокаго роста, съ удивительной таліей, имѣющая блестящіе черные глаза, *осѣненные* длинными рѣсницами». Эта «дѣвушка съ осѣненными глазами» имѣетъ подругу, Настеньку Дебелину, у которой «темнорусые волосы, густо взбитые на вискахъ и тщательно причесанные, оттѣняютъ еще болѣе прозрачную бѣлизну кожи». Глаза у «дѣвушки съ оттѣненною еще болѣе бѣлизною кожи»—не блестящи, но зато у ней есть «два ряда блестящихъ и ровныхъ зубовъ», вслѣдствіе чего эта дѣвушка въ продолженіе романа и оказывается дѣйствительно очень зубастою. Она живетъ съ матерью и вертитъ ею, какъ хочетъ, точно такъ же, какъ и своей подругой Вѣрой. Пріѣхавши въ Москву, она вздумала выйти непремѣнно за Петю Волынкина, «молодого человѣка лѣтъ тридцати, съ коротко остриженными волосами, пробранными сзади и нѣсколько выпукло закрывающими виски». Для этого она знакомится съ нимъ черезъ своего кузена Сермягина, «молодого человѣка, бѣлокураго и завитого, одѣтаго по послѣдней модѣ». Волынкинъ сначала ухаживаетъ за Настенькой, но потомъ съ нимъ происходитъ странный случай. На вечерѣ у Дебелиныхъ Вѣра Струйская начинаетъ пѣть, и Волынкинъ начинаетъ пѣть. И вдругъ онъ припомнилъ, что уже слышалъ этотъ голосъ: годъ тому назадъ онъ жилъ въ Петербургѣ у своего дяди, и только черезъ стѣнку отъ него жила пѣвица, съ которою онъ и перекликался, не видавъ ея, впрочемъ, ни разу... Она, въ свою очередь, тоже вспомнила его голосъ, и по окончаніи его пѣнія сказала: «такъ это были вы?» Но онъ ей ничего не отвѣтилъ, ибо ея фамилія была—Струйская, а фамилія тетки, съ которой она жила въ Петербургѣ, рядомъ съ Волынкинымъ, была — Ступицына. Обстоятельство это совершенно сбило съ толку Волынкина, и онъ поклялся, во что бы то ни стало, добыть разгадку такой непости-

[1]) Насмѣшка надъ Григоріемъ Данилевскимъ, котораго, благодаря неправильному имъ сокращенію своего имени, многіе считали графомъ.

жимой тайны... Между тѣмъ онъ увидалъ, что Настенька зла и бездушна, и влюбился въ Вѣру, а она въ него. Видя это, Настенька принялась дѣлать имъ разныя пакости. Но ничто не помогало,—Волынкинъ и Вѣра только возненавидѣли ее, и по соображеніямъ Настеньки, дѣло между ними уже близко было къ сватовству. Тогда она отправилась къ Вѣрѣ и разыграла предъ ней сцену съ обморокомъ, въ которой объявила, что любитъ Волынкина, что Вѣра его у нея отбила и вслѣдствіе того она пойдетъ въ монастырь. Вѣра рѣшается на самопожертвованіе для своей подруги и разсказываетъ объ этомъ Силѣ Савичу, старику приживальщику въ ихъ домѣ. Расчувствовавшись, эта достойная дѣвица говоритъ превосходнымъ слогомъ,—не хуже самого князя Кугушева или Гр. Данилевскаго. Тутъ же упоминаетъ она о пѣвцѣ, слышанномъ ею за стѣнкой, — въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ:

«Не знаю, что̀ со мной было, — устала ли я очень, душа ли моя была такъ настроена, только каждая незнакомая нота незнакомаго голоса неизвѣстнаго пѣвца глубоко и больно проникала въ мое сердце. Оттого-то оно и билось такъ... Казалось, каждая нота говорила ему: «сердце, ты молодо, ты неопытно, ты хочешь любви. Зачѣмъ же дѣло стало? Люби меня — я молодъ, я обдамъ тебя моимъ обаяніемъ, прожгу тебя насквозь, пропитаю моимъ очарованіемъ, возвышу, облагорожу. Слушай же меня, сердце, и люби меня». И точно, Сила Савичъ, сердце мое, поддаваясь очарованію, знакомилось со всѣмъ тѣмъ, что̀, въ извѣстное время, должно, мнѣ кажется, жить въ немъ. Ахъ, этотъ непрошенный гость! Вы понимаете, кто онъ? Любовь, Сила Савичъ. Я не ждала этого гостя, онъ самъ явился, таинственно изъ-за стѣны. Пришелъ и остался безъ церемоніи. Ахъ, что̀ за звучный, молодой и свѣжій голосъ былъ у моего незнакомаго сосѣда! А мысль-то между тѣмъ, а воображеніе работали: шорохъ, звуки принимали форму; мнѣ казалось,— сейчасъ развалится стѣна и къ ногамъ моимъ упадетъ юноша. Однакожъ скоро все стихло, тишина такая сдѣлалась, только сердце мое не умолкло... нѣтъ... Какую ночь я провела, если бы вы знали, Сила Савичъ!»

Вслѣдъ за разсказомъ Вѣры является Волынкинъ и начинаетъ ту же исторію: у меня, говоритъ, былъ пріятель, съ которымъ случилось то и то... Затѣмъ объясняетъ: «этотъ пріятель, говоритъ, былъ я самъ; а пѣвица — были вы». Но Вѣра, вѣрная своей рѣшимости принести себя въ жертву, говоритъ: «нѣтъ, это была не я»,— и уходитъ. Волынкинъ въ отчаяніи; какъ же однако Вѣра сказала мнѣ въ тотъ вечеръ: «такъ это были вы?» думаетъ онъ. Что̀ же это такое... «Мое положеніе ужасно! Или я брежу, или я съ ума сошелъ? Вѣдь не сонъ же все это? Это не она была, это ясно. Отчего же голосъ тотъ же? Сердце то же говоритъ, что̀ тогда?» и пр. Сила Савичъ поспѣшаетъ на помощь и на трехъ страницахъ успѣваетъ, наконецъ, вразумить безтолковаго «молодого человѣка лѣтъ тридцати». Все объясняется, самопожертвованіе Вѣры оказывается ненужнымъ (ибо она не отбивала Волынкина у Настеньки, а знала его еще раньше, по голосу черезъ стѣнку), и свадьба рѣшена. Въ предотвращеніе всякихъ непріятностей и недоразумѣній въ будущемъ, Волынкинъ даритъ Вѣрѣ молитвенникъ съ такою пышною рѣчью:

«Съ этимъ, идите смѣло за мною. Здѣсь вы найдете отвѣтъ на всякій вопросъ, который задастъ вамъ жизнь, или вы предложите жизни. Здѣсь вы найдете отраду, если горе васъ постигнетъ; здѣсь же почерпнете утѣшеніе, если когда-нибудь во мнѣ ошибетесь. Я хотѣлъ, чтобъ религія была основаніемъ нашего союза. По этому молитвеннику молитесь за меня при жизни, по немъ же молитесь, молитесь и послѣ, когда...»

Несмотря однакоже на восторженность Волынкина и Вѣры, счастіе ихъ оказывается непрочно. Настенька пріискиваетъ новыя средства разстроить свадьбу. У Волынкина есть танцовщица Варенька, дѣвушка, у которой «верхнюю губку покрываетъ легкій, едва замѣтный намекъ на что-то такое, напоминающее усъ». У этой дѣвушки съ легкимъ намекомъ на что-то такое, напоминающее усъ, есть сынъ отъ Волынкина. Волынкинъ хочетъ обезпечить ее и сына, давши имъ десять тысячъ рублей, но исполненіемъ своего намѣренія медлитъ. А между тѣмъ за Вареньку хлопочетъ Анна Антоновна, покровительница всѣхъ хорошенькихъ содержанокъ. Разузнавъ всю исторію Волынкина, Анна Антоновна посылаетъ къ Настенькѣ Дебелиной одну изъ записокъ Волынкина къ Варенькѣ. Настенька отправляется съ запискою въ маскарадъ (чудное описаніе котораго привели мы выше), и тамъ показываетъ записку Волынкину и говоритъ, что могла бы разстроить его свадьбу этимъ документомъ, но не хочетъ дѣлать ему непріятностей, потому что сама страстно любитъ его. Волынкинъ и въ этомъ свиданіи оказался такъ глупъ, что на пяти страницахъ, несмотря на всѣ старанія Настеньки открыть ему себя въ разговорѣ, никакъ не могъ догадаться, кто она, пока она не сняла маску. Но послѣ свиданія съ нею онъ поглупѣлъ еще болѣе, если это возможно. Онъ началъ скрытничать съ Вѣрой и, вообразивъ, что его Настенька ангелъ-хранитель, началъ ее восхвалять передъ Вѣрой; а Настенька на другой день показала записку Вѣрѣ, и Вѣра пришла въ отчаяніе. Не вѣря, что это точно писалъ Волынкинъ, она проситъ его написать ей что-нибудь въ альбомъ; онъ

пишетъ, и по сличенію рукъ оказывается, что записка точно писана имъ. Вѣра въ ужасѣ; но Сила Савичъ ее успокаиваетъ, говоря, что это ничего не значитъ, что подобныя амуретки у всякаго бываютъ, и пр. Вѣра повѣрила, но черезъ нѣсколько дней явилась къ ней сама Варенька, недождавшаяся повѣреннаго, который долженъ былъ принести ей деньги отъ Волынкина, и подумавшая, что онъ обманулъ ее. Произошла сцена, послѣ которой Волынкину было отказано. Черезъ годъ потомъ онъ женился на Настенькѣ, а Варенька завела другого обожателя.

Таково содержаніе краснорѣчиваго романа князя Г. В. Кугушева. Разумѣется, мы тутъ еще пропустили многое, какъ, напримѣръ, сердечную драму княгини Рогожской и Сермягина, который, добившись свиданія у себя въ квартирѣ съ этой аристократкой, встрѣчаетъ ее «въ пестрѣйшемъ шолковомъ халатѣ и греческой фескѣ», вооруженный, при томъ, предлиннымъ чубукомъ розоваго дерева, «вѣроятно, съ цѣлію окончательно уподобиться султану», по острумному соображенію автора. Пропустили мы и много превосходныхъ описаній и разсужденій самого автора, совершенно выкупающихъ глупость героя романа. Напримѣръ, Волынкинъ, возвратившись изъ-за границы, стоитъ съ матерью надъ могилой отца и плачетъ о немъ, но въ то же время улыбается отъ радости, что свидѣлся съ матерью, — дѣло очень обыкновенное. Но авторъ, желая *возвысить* его плачъ, разсуждаетъ, уже самъ отъ себя, слѣдующимъ образомъ:

«Провидѣніе, казалось, стояло въ эту минуту между ними и, указывая на свѣжій дернъ, говорило: не радуйтесь, мнѣ угодно разлучить и васъ, разлучить навѣки, это необходимо: вы любите другъ друга, вы не вѣрите въ возможность разлуки, пускай же одинъ изъ васъ смирится, пусть извѣдаетъ милосердіе Божіе, посылающее ему свой тяжелый крестъ, пусть носитъ онъ его безропотно, пусть молится и плачетъ: *Блажени плачущіе*... И дѣйствительно, черезъ годъ Волынкинъ лишился матери, лишился внезапно. Такъ часто громъ, ударяя съ неба, однимъ ударомъ крушитъ молодое, стройное дерево, и оно, опаленное, клонитъ долу свою вершину, но корень живъ еще, вершина засыхаетъ, снизу идутъ новые отпрыски, жизненныя силы вытягиваютъ ихъ, они мужаютъ и снова ждутъ грозы и молніи. Волынкинъ былъ въ отчаяніи, сознавая вполнѣ свое одиночество. Но, несчастный, оплакивая мать, не плакалъ ли онъ о себѣ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, самое искреннее проявленіе грусти, самыя завѣтнѣйшія горьчайшія слезы не что иное, какъ проявленіе эгоизма? Если это такъ — это ужасно! Ужасно потому, что врядъ ли есть человѣкъ достаточно религіозный, который, испытавъ жесточайшую изъ утратъ, сознавая весь ужасъ своего положенія, не позволилъ бы себѣ произнести ни одной жалобы, пролить ни единой слезы и только съ твердымъ упованіемъ, съ несокрушимою вѣрою сказалъ бы: Господи, благодарю Тебя?»

Какое перо! Нельзя не восхищаться имъ, особенно, если принять во вниманіе, что этимъ самымъ перомъ написаны «Корнетъ Отлетаевъ» и «Пыль», производившіе такой фуроръ между читателями «Русскаго Вѣстника». Рѣшительно — для насъ князь Кугушевъ долженъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ для отцовъ нашихъ былъ графъ Соллогубъ и Н. Ф. Павловъ, какъ беллетристъ. Можно даже сказать болѣе: князь Кугушевъ для насъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ были для нашихъ дѣдовъ Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ, Михаилъ Ивановичъ Воскресенскій и Константинъ Петровичъ Масальскій. Пусть только не унываетъ, упражняется и совершенствуется. Въ «Постороннемъ вліяніи» уже замѣтенъ прогрессъ, сравнительно съ прежними его повѣстями: тутъ уже не двѣ и не три, а четыре части; изданіе романа уже не грамотно и опрятно (какъ было въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), а небрежно и сѣро; оно принадлежитъ уже не почтенному журналу, а просто книгопродавцу Салаеву. Пройдетъ еще два-три года, и князь Кугушевъ можетъ быть издаваемъ уже Манухинымъ, Поляковымъ [1]), или даже удостоится чести быть изданнымъ на иждивеніе г. Лисенкова, издателя сочиненій г. Булгарина. Тогда князь Кугушевъ попадетъ, безъ сомнѣнія, въ число популярнѣйшихъ, не только московскихъ, но и всероссійскихъ сочинителей.

---

[1]) Издатели глупѣйшихъ народныхъ книгъ.

320. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.

Историческій драматизированный разсказъ, въ стихахъ *А. Сухова.* Москва. 1859.

Нижегородскій гражданинъ Косьма Мининъ, или освобожденіе Москвы въ 1612 г.

Историческое повѣствованіе въ стихахъ. Сочиненіе *А. С.* Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 318.

М. Л.

Вотъ этотъ сочинитель (ибо къ чему лукавить? — А. С. и А. Суховъ — одинъ и тотъ же сочинитель; это сейчасъ по слогу видно) — этотъ сочинитель, говоримъ мы, достигъ уже того, на что̀ князь Кугушевъ [1]) еще только подаетъ надежды. Сочиненія г. А. Сухова печатаются уже такъ сѣро и безграмотно, что ничего болѣе въ этомъ отношеніи и желать нельзя. Говорить о нихъ не стоило бы; но мы именно хотимъ указать сочинителямъ, подобнымъ князю Кугушеву, на идеалъ, къ которому должны они стремиться, если хотятъ быть популярными. Творенія г. Сухова безъ всякаго сомнѣнія скоро будутъ продаваться вмѣстѣ съ «Бѣсомъ въ полуштофѣ», «Ѳомушкою въ Питерѣ», «Впечатлѣніями Украйны» и другими сочиненіями гг. Татаринова, Муравьева [2]) и Нестерова. А между тѣмъ г. Суховъ слогомъ и смысломъ немного развѣ превосходитъ автора «Впечатлѣній Украйны», а съ княземъ Кугушевымъ можетъ развѣ только-что поравняться. Напр., вотъ содержаніе «историческаго драматизированнаго разсказа» объ Іоаннѣ Грозномъ. Малюта Скуратовъ влюбленъ въ Елену, дочь Бѣльскаго; но она влюблена въ князя Воротынскаго и выходитъ за него замужъ. Малюта клянется мстить за это и наговариваетъ Грозному на бояръ; въ это самое время умираетъ Анастасія, и Грозный причитаетъ надъ ея гробомъ и, наконецъ, падаетъ въ обморокъ. Конецъ. —

Содержаніе небогатое, но слогъ очень хорошъ. Самое начало уже говоритъ въ пользу пера г. Сухова. Начинается тѣмъ, что Елена смотритъ изъ окна въ садъ и говоритъ:

И ты, моя прекрасная луна,
Такъ свѣтло не всегда на землю смотришь,
Нерѣдко и тебя отъ нашихъ глазъ
Скрываютъ черныя, густыя тучи,—
Но дунетъ вѣтръ—и снова ты свѣтла.
А для меня... ахъ!.. Нѣтъ такого вѣтра,
Который бы разнесъ мою печаль...

Елена, по нашему мнѣнію, изяществомъ стиля не уступаетъ Вѣрѣ князя Кугушева. Да еще примите въ соображеніе, что она говоритъ стихами: это будетъ потруднѣе, чѣмъ прозой-то описывать свои чувства!..

Нянюшка Елены и какой-то Размыслъ устраиваютъ свиданіе Елены съ Воротынскимъ, ночью, въ саду. Потолковавши другъ съ другомъ очень страстно, они начинаютъ прощаться, и Воротынскій, какъ сказано у г. Сухова, *бросается къ Еленѣ*. Что̀ у нихъ за тѣмъ происходитъ, неизвѣстно; но Размыслъ, стоя за кустомъ и смотря на нихъ, говоритъ вотъ какіе стихи:

Э-э! Постой; ты не цѣлуй, братъ, сильно,
Вѣдь этакъ *зубы выдавишь* княжнѣ.
Эге! да ты, мой другъ, *изволишь слюзить*—
Вотъ этого ужъ я не ожидалъ,
Ну, вотъ прилипъ къ губамъ княжны, голубчикъ!
Обрадовался! сроду въ первый разъ,
Знать этакимъ, братъ, жирнымъ-то кусочкомъ
Ты угощаешь *свой пустой желудокъ (!?)*
Ну, ужъ довольно этого съ тебя...

Затѣмъ онъ уводитъ Воротынскаго, а въ садъ входитъ Бѣльскій, и начинаетъ сокрушаться о томъ, что дочь его опозорена. Глядя на Елену, лежащую безъ чувствъ, онъ восклицаетъ:

И ты, мое дитя, моя надежда,
Дочь князя Бѣльскаго, на что̀ рѣшилась—
Да вѣдь тебя не трудно обольстить...

Мы не совсѣмъ поняли, что̀ именно дѣлалъ Воротынскій съ Еленой, потому что не знаемъ значенія слова *слюзить*, употребленнаго Размысломъ въ самомъ интересномъ мѣстѣ. Но, судя по словамъ Бѣльскаго, нужно полагать, что *слюзить* значитъ обольщать дѣвушку...

Но лучшія мѣста пьесы относятся, разумѣется, къ характеристикѣ главнаго лица— Іоанна. Такъ, напримѣръ, личность Грознаго

---

[1]) См. № 319.
[2]) См. № 275

и весь тогдашній бытъ возстаютъ передъ нами въ пирушкѣ, заданной Іоанномъ по возвращеніи изъ казанскаго похода. Іоаннъ говоритъ здѣсь крылатыя рѣчи, а хоръ ихъ подхватываетъ и продолжаетъ. Напримѣръ:

Іоаннъ.

О, Русскій мечъ! гремитъ по всей вселенной
Страшнѣе, чѣмъ небесный громъ гремитъ!
Пусть каждый врагъ, потупя взглядъ надменный,
Передъ тобой, о, Русскій мечъ, дрожитъ!

Хоръ.

О, Русскій мечъ, о, мечъ вѣнчанный
Издревле славой и крестомъ!
Будь страшенъ ты въ тревогѣ бранной
Для всѣхъ враговъ, какъ горній громъ!
(Пьютъ).

Но всего лучше рисуется личность Грознаго въ плачѣ, который, по мнѣнію г. Сухова, долженъ онъ произносить предъ гробомъ Анастасіи.

Встань изъ гроба, другъ мой милый,
Очи ясныя открой,
Или въ темную могилу
И меня возьми съ собой!
А одна, въ своей порфирѣ,
Отъ меня не улетай;
Одного въ враждебномъ мірѣ
Ты меня не покидай!
Кто, какъ ты, меня полюбитъ,
Кто, какъ ты, меня пойметъ?
Кто въ печали приголубитъ,
Слезы ласково отретъ?
Провожу тебя въ могилу,
Ворочусь опять сюда;
Но другой супруги милой
Не найду ужъ никогда!
Не найду такого друга,
Вѣкъ останусь сиротой!
Встань же, встань, моя супруга,
И возьми меня съ собой!

Извѣстные стихи Пушкина:

Скинь мантилію, ангелъ милый,
И явись, какъ ясный день, и пр.

взяты, должно быть, изъ начала этого плача.

«Историческое повѣствованіе» о Мининѣ тоже очень любопытно. Разсказывать его содержанія мы не станемъ, но приведемъ послѣднюю картину, соединяющую грандіозное съ чувствительнымъ.

Москва. Красная площадь. 22-е октября 1612 г.

«Русское войско, при звукѣ трубъ, вступаетъ на Красную Площадь. Впереди Нижегородскаго ополченія *на бѣломъ конѣ съ золотой булавой въ рукѣ* князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій; *около него* нижегородскій гражданинъ Косьма Миничъ Сухорукій и князь Черкасскій, далѣе братъ князя Пожарскаго, Дмитрій Петровичъ Лопата. Бояринъ Образцовъ, Мансуровъ и другіе воеводы. Впереди войска казацкаго, верховный воевода, князь Трубецкой, атаманы и урядники казацкіе. Побѣдители *торжественнымъ маршемъ* приближаются къ Фроловскимъ Воротамъ, изъ которыхъ выходятъ плѣнные бояре Русскіе, и народъ, *блѣдные, исхудалые, оборванные, истомленные голодомъ. Съ радостными криками и слезами умиленія плѣнные падаютъ передъ побѣдителями на колѣна и, простирая къ небесамъ руки, славятъ долготерпѣніе и милость Божію.*

У Фроловскихъ Воротъ встрѣчаютъ побѣдителей Авраамій Палицынъ, Троицкій Архимандритъ Діонисій и духовенство съ иконою Владимірской Божіей Матери, съ крестами и хоругвями.

При вступленіи побѣдителей въ Кремль *раздается колокольный звонъ и духовенство соборомъ поетъ:* «Тебе Бога хвалимъ, Тебе небеснаго исповѣдуемъ!»

Колокольный звонъ сливается съ радостными криками народа. Побѣдители идутъ въ Успенскій Соборъ».

По высотѣ и трогательности своей эта картина стоитъ сцены на кладбищѣ и даже тѣхъ возвышенныхъ разсужденій, какія по поводу ея выразилъ князь Г. В. Кугушевъ, въ романѣ «Постороннее вліяніе».

---

321. Деревня.

Разсказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 318. Уже не первый разъ Добролюбовъ говоритъ о дѣтской книгѣ въ «Современникѣ». Разумѣется, и о «Деревнѣ» сказано не случайно: нужно было отмѣтить книгу, описывающую жизнь народа, этого основанія всей нашей соціальной лѣстницы, кормильца, какъ выразился Добролюбовъ.

М. Л.

Давно уже не встрѣчали мы дѣтской книги, такъ хорошо задуманной и исполненной, какъ «Деревня». Мысль познакомить дѣтей съ явленіями природы и съ деревенской жизнью въ высшей степени заслуживаетъ одобренія. И видно, что сочинительница книжки (разсказы эти написаны дамой) принялась за свое дѣло съ полнымъ сознаніемъ его важности и пользы. Значеніе книжки всего лучше объясняется ея собственными словами, въ предисловіи.

«Какъ ни странно это, а надобно сознаться, что не только многіе городскіе жители, которые изъ города почти никуда не выѣзжали — развѣ только въ ближайшія окрестности, называемыя дачами,—но даже многіе изъ молодыхъ деревенскихъ жителей, которые и родились и воспитываются въ деревнѣ, — даже и они не знаютъ деревни и быта русскихъ мужичковъ, какъ имъ слѣдовало бы знать. Имъ часто случается проходить или проѣзжать въ экипажѣ мимо полей, случается видать и крестьянъ, работающихъ въ полѣ, но они все-таки не знаютъ, что и какъ растетъ въ этихъ поляхъ, какъ они пашутся и засѣваются, какъ производятся разныя крестьянскія работы и какъ живутъ сами крестьяне. Имъ кажется, что имъ и не для чего это знать. Они думаютъ, что только то и занимательно, что происходитъ въ большихъ городахъ да въ иностранныхъ земляхъ, о которыхъ они читаютъ въ книгахъ или слышатъ отъ старшихъ, а на то, что происходитъ каждую минуту передъ ихъ глазами, въ поляхъ, въ лѣсу, въ крестьянскихъ жилищахъ, — и смотрѣть не стоитъ. Имъ кажется, что это нужно знать только крестьянину, который съ дѣтства не учится ничему болѣе, кромѣ сельскихъ работъ, и который въ этихъ работахъ проводитъ всю свою жизнь; а человѣку образованному или готовящемуся быть образованнымъ, человѣку, который учится и разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, зачѣмъ ему знать, какъ пашутся и засѣваются поля, какъ производятся разныя крестьянскія работы, какъ живутъ сами крестьяне? Ему вовсе не нужно и не любопытно это знать. Но вѣдь не только то любопытно, что далеко отъ насъ. Много занимательнаго и прекраснаго разсѣяно около насъ на каждомъ шагу, да мы часто проходимъ мимо и не замѣчаемъ. Мы все думаемъ, что диковинки за морями, за горами; а ихъ можно встрѣтить вездѣ. Природа вездѣ природа; вездѣ она занимательна и разнообразна, на сѣверѣ, какъ и на югѣ...

«Но вѣдь въ деревнѣ не одна природа; есть и люди...

«Вотъ чернѣютъ въ концѣ поля за изгородью, которою оно обнесено, бревенчатыя стѣны и тесовыя и соломенныя крыши крестьянскихъ жилищъ. Немногіе изъ этихъ бревенчатыхъ домиковъ, или избъ, какъ ихъ называютъ, красивы на видъ: иные ветхи, малы, построены кое-какъ, покосились на бокъ. Но неужели вы думаете, что въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ, подъ этими низкими крышами, не происходитъ ничего хорошаго и занимательнаго, ничего такого, на что стоитъ посмотрѣть всякому, что можно и полюбить отъ души, когда увидишь? Если вы такъ думаете, вы очень ошибаетесь.

«Вѣдь наше отечество не только тотъ городъ, въ которомъ мы живемъ: Петербургъ, Москва, Тверь, Новгородъ, Ярославль или Тула. Русскія села и деревни — тоже наше отечество, русскіе мужички—тоже наши земляки. И мало того, что они наши земляки: они наши кормильцы. Мы каждый день ѣдимъ тотъ хлѣбъ, который они добываютъ изъ земли въ потѣ лица; ихъ трудомъ мы сыты, ихъ трудомъ богато наше государство.

«Въ Россіи городовъ гораздо меньше, чѣмъ селъ и деревень; горожанъ меньше, чѣмъ сельскихъ жителей—крестьянъ и помѣщиковъ: безъ деревень не могли бы существовать и города; безъ сельскихъ жителей—нечѣмъ было бы кормиться горожанамъ.

«А что въ жизни русскихъ мужичковъ для васъ много незнакомаго, много такого, чего вы не увидите въ жизни горожанъ или людей образованнаго сословія, такъ объ этомъ и говорить нечего.

«И не только жизнь крестьянъ, даже жизнь многихъ помѣщиковъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и сами хозяйничаютъ въ своихъ помѣстьяхъ, даже и ихъ жизнь и занятія во многомъ отличаются отъ жизни и занятій горожанъ. И въ ихъ жизни найдется кое-что особенное, свое, чего нѣтъ въ жизни городскихъ жителей. А въ жизни крестьянъ этого особеннаго еще больше. Жизнь русскихъ крестьянъ землепашцевъ многимъ отличается и отъ жизни горожанъ, и отъ жизни помѣщиковъ. Это совсѣмъ особенная жизнь, съ особенными занятіями, особенными обычаями. И говоритъ русскій мужичекъ, хоть тѣмъ же русскимъ языкомъ, какъ и мы, да не совсѣмъ такъ: иногда образованный горожанинъ не пойметъ мужичка, иногда мужичекъ не пойметъ горожанина, хоть оба говорятъ по-русски. И одѣваются крестьяне и крестьянки не такъ, какъ мы, и жилища у нихъ не такъ устроены, и привычки у нихъ иныя, чѣмъ у насъ.

«А между тѣмъ, несмотря на это, мы чувствуемъ, глядя на нихъ и на ихъ житье-бытье и слушая ихъ разговоръ, мы чувствуемъ, что ихъ жизнь и ихъ языкъ не совсѣмъ для насъ чужіе; мы чувствуемъ, что хоть на мужичкѣ сѣрый сермяжный кафтанъ, грубый и неуклюжій, а на насъ тонкое, щеголеватое платье, хоть у него и походка и пріемы совсѣмъ иные, чѣмъ у насъ, а все же, несмотря на эту видимую разницу, онъ намъ сродни и чѣмъ-то на насъ похожъ. Онъ взглянетъ, засмѣется, и намъ понятны и этотъ взглядъ, и этотъ смѣхъ, и у насъ въ отвѣтъ на нихъ что-то зашевелится въ душѣ. Да! гдѣ бы мы ни жили, хоть бы въ самомъ блистательномъ, столичномъ городѣ Петербургѣ, и кто бы мы ни были, хоть бы первые богачи или первые ученые въ городѣ, мы все-таки чувствуемъ, что между нами и русскимъ мужичкомъ, въ какомъ бы захолустьѣ онъ ни скрывался, есть много общаго, много сходныхъ, врожденныхъ свойствъ и наклонностей».

Проникнутая такими мыслями, разсказчица сообщаетъ дѣтямъ множество описаній нашей сельской природы, луговъ, лѣсовъ, озера, рѣки и пр., говоритъ о сельскихъ работахъ—о сѣнокосѣ, жнитвѣ, молотьбѣ, изображаетъ жизнь мужиковъ, ихъ труды и отдохновенія и пр. Описанія природы нѣсколько растянуты: видно, что разсказчица, думая примѣняться къ смыслу дѣтей, нарочно старалась часто переворачивать для нихъ одну и ту же фразу (что замѣтно отчасти и въ приведенномъ нами предисловіи). Это во многихъ мѣстахъ вредитъ полному изяществу и живости описанія. Но зато сельскія работы описаны очень просто и отчетливо. Кромѣ того, замѣтно, что описанія эти согрѣты теплымъ чувствомъ любви къ крестьянамъ, *кормильцамъ* нашимъ, и полны уваженіемъ къ ихъ невзрачному, но истинно-полезному труду. Одно непріятно поразило насъ въ «Деревнѣ»: нѣсколько идиллическій тонъ, придаваемый разсказчицею многимъ описаніямъ. Кто живалъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, напримѣръ, что *помочь*, собираемая помѣщикомъ, вовсе не вездѣ и не всегда бываетъ такъ радушна, исполнена праздничной готовности и преданности, какъ это описывается въ «Деревнѣ». Точно такъ же людямъ, бывавшимъ

на сѣнокосѣ, извѣстно, что эта работа, если и считается легкою, то только сравнительно съ жнитвомъ, а въ самомъ дѣлѣ она также порядочно можетъ намозолить руки. А разсказчица описываетъ сѣнокосъ такъ, что по ея изображенію нужно подумать, будто сѣнокосъ есть одна забава, сельскій праздникъ, и болѣе ничего... Словомъ—мы желали бы, чтобы въ книжкѣ крестьянскій бытъ изображался не въ столь радужномъ цвѣтѣ.

Избѣгая описанія тѣхъ сторонъ сельскаго быта, которыя имѣютъ довольно мрачный характеръ, разсказчица, конечно, имѣла свои основанія: она боялась компрометтировать крестьянскій бытъ, показавши своимъ юнымъ читателямъ изнанку его. Но намъ кажется, что она могла бы очень удобно изобразить не только горе, нужду и безпомощность крестьянъ, но даже самые пороки ихъ — и при всемъ этомъ не отвратить отъ нихъ сочувствія читателя. Слѣдовало только показать, что̀ и какъ довело и доводитъ крестьянъ до этихъ пороковъ. Тогда отвращеніе и негодованіе читателей само собою перешло бы отъ крестьянъ къ тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя такъ неблагопріятно дѣйствуютъ на ихъ матеріальное довольство и на самую нравственность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказчица и дѣлаетъ попытки подобныхъ объясненій. Такъ напримѣръ, она довольно основательно говоритъ о томъ, отъ чего зависитъ пьянство, распространенное между мужиками, чѣмъ поддерживается ихъ безпечность, и пр. Но вообще говоря, такихъ указаній въ книжкѣ недостаточно, и это составляетъ ея слабую сторону.

Но все-таки эта книга въ тысячу разъ лучше и полезнѣе всякихъ нравоучительныхъ разсказовъ о смирномъ Ванѣ и непослушномъ Мишѣ, и т. п. Нельзя не пожелать, чтобъ на нее обращено было особенное вниманіе тѣхъ, кому приходится выбирать книги для дѣтскаго чтенія.

---

322. Краткое изложеніе русской исторіи.

Составилъ *Н. Тимаевъ*. Спб. 1858 г.

Напечатано въ VIII кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (цен. 23 іюля), съ подписью «Д—въ». См. № 300.

М. Л.

Въ предисловіи къ «Краткому изложенію русской исторіи» г. Тимаевъ говоритъ, что рѣшился издать его только потому, что «русская литература не богата руководствами по части отечественной исторіи». Мы на этотъ счетъ совершенно противнаго мнѣнія: намъ кажется, что наша литература наводнена учебниками русской исторіи. Сколько у насъ издавалось сокращенныхъ Карамзиныхъ, сколько было «Краткихъ начертаній», просто «Начертаній», «Руководствъ» и «Краткихъ руководствъ», различныхъ «Обозрѣній», «Опытовъ» и «Курсовъ». Кайдановъ, Константиновъ, Погодинъ, Полевой, Устряловъ, Медовиковъ, и много другихъ, не столько ученыхъ и извѣстныхъ, трудились для того, чтобы разсказать намъ дѣянія нашихъ предковъ. Какъ же г. Тимаевъ обвиняетъ нашу литературу въ бѣдности руководствъ по русской исторіи? Что-нибудь одно: или онъ незнакомъ съ литературою своего предмета, или онъ просто—недобросовѣстенъ. И то, и другое—съ перваго же раза не слишкомъ располагаетъ въ пользу его книги. Но можетъ быть онъ хотѣлъ сказать, что у насъ *мало хорошихъ* руководствъ? Но и въ этомъ случаѣ онъ неправъ; ему слѣдовало бы ужъ сказать: *вовсе нѣтъ*, а не *мало*. При томъ же, если принять послѣдній, предполагаемый нами смыслъ, то изъ него выходитъ заключеніе, что г. Тимаевъ имѣетъ претензію считать свое руководство лучше всѣхъ, доселѣ вышедшихъ у насъ по русской исторіи. Въ такомъ случаѣ мы должны быть къ нему строже. Посмотримъ же, что̀ это за новый учебникъ.

Каковы бы ни были недостатки прежнихъ учебниковъ, имъ нужно отдать справедливость въ томъ, что они почти всѣ написаны были грамотно и не искажали крупныя черты фактовъ. Въ книгѣ г. Тимаева даже и этого нѣтъ. Въ предисловіи напр. мы находимъ такую тираду: «разсказывая только важнѣйшее, сущность Русской Исторіи, я старался *достигнуть краткости учеб-*

ника; но при этомъ, желая придать *занимательность учебнику*, я вставилъ въ разсказъ событій *описанія нѣкоторыхъ нравовъ* (!) и обычаевъ, нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ *(описанія случаевъ!)* и частной жизни замѣчательныхъ лицъ; особенно же я заботился о ясности изложенія, столь необходимой при первоначальномъ преподаваніи (только при первоначальномъ?) каждой науки». И этой ясности авторъ достигаетъ тѣмъ, что одно и то же понятіе выражаетъ нѣсколькими словами и даже фразами, совершенно однозначащими. Вотъ примѣры: «Они (славяне) были *живы* и *дѣятельны*, *грубы* и *дики*» (стр. 8). «Въ храмахъ находились *изображенія боговъ— кумиры, истуканы, идолы;* богамъ служили *жрецы—волхвы, кудесники, гусляры*» (стр. 9). «Одни изъ князей отличались *умомъ* и *проницательностью*, другіе *отвагою* и *силою*, третьи *могуществомъ* и *твердостью* (стр. 69). Такія характеристики безпрестанно встрѣчаются и поражаютъ своимъ совершеннымъ безсмысліемъ; въ самомъ дѣлѣ, что за мысль можетъ скрываться въ повтореніи словъ: сила и могущество, кумиры, истуканы и идолы, жрецы, волхвы и кудесники, и т. п.? И какъ ихъ отличить другъ отъ друга? Но это еще ничего: тутъ еще только слова повторяются совершенно безтолково и ненужно. А то иногда у г. Тимаева цѣлыя фразы такимъ образомъ толкутся на одномъ мѣстѣ. Напримѣръ:

«Россія была богата произведеніями природы, но по пространству своему очень мало населена. Населеніе Россіи принадлежало къ Татарскому, Финскому и преимущественно Славянскому (вотъ оно гдѣ очутилось!) племенамъ. *Главное населеніе Россіи составляли* (опять!) *Русскіе Славянскаго происхожденія;* они отличались *отвагою*, здравымъ смысломъ, терпѣливостью; но въ то же время Русскіе были *недѣятельны*, *мало предпріимчивы* (какое соединеніе свойствъ: отвага, недѣятельность, непредпріимчивость!) и мало образованы. Русскіе были преданы (опять то же — отъ противнаго) *суевѣріямъ, предразсудкамъ, стариннымъ отцовскимъ обычаямъ;* напротивъ того (еще разъ то же — наоборотъ) все новое, иноземное считалось худымъ, вредящимъ благочестію; поэтому (и въ четвертый разъ то же) Россія медленно подвигалась впередъ въ образованіи и далеко отстала отъ Западной Европы; она представляла (пятый парафразъ!!) богатство матеріальныхъ силъ и бѣдность силъ нравственныхъ» (стр. 138).

Изъ этого вы видите, до какой степени вяло и пухло разсказываетъ исторію г. Тимаевъ. Присоедините къ этому фразы въ родѣ того, что Владиміръ «*украсилъ* десятинную церковь иконами и *сосудами*» (стр. 21), что при Николаѣ I «*столица украсилась* Благовѣщенскимъ мостомъ и *Московскою желѣзною дорогою*» (стр. 187), что «*Петръ сначала боялся воды, ибо* въ дѣтствѣ, переѣзжая однажды рѣку, *онъ испугался и долго боялся воды*» (стр. 141) и т. п.; сообразите, что подобныя фразы попадаются въ книжкѣ на каждыхъ двухъ-трехъ страницахъ, и вы будете имѣть понятіе о слогѣ, какимъ она написана.

Не одинъ слогъ въ ней замѣчателенъ; замѣчательна и фантазія автора, заставившая его писать исторію безъ всякихъ справокъ, вслѣдствіе чего безпрерывныя ошибки и всякіе вздоры пестрятъ чуть ли не каждую страницу. Напр., вотъ что говорится о первомъ самозванцѣ (стр. 109):

«Это былъ сынъ бѣднаго дворянина, Юрій Отрепьевъ, отличавшійся умомъ, краснорѣчіемъ, отвагою; онъ служилъ сначала въ домѣ Романовыхъ, потомъ постригся въ иноки подъ именемъ Григорія, скитался изъ одного монастыря въ другой, наконецъ прибылъ въ Москву, въ Чудовъ монастырь. *Находясь на службѣ у Патріарха, онъ часто ѣздилъ съ патріархомъ ко двору и плѣнился пышностью двора.* Зная о неудовольствіи народа противъ Бориса Годунова и имѣя нѣкоторое сходство съ Царевичемъ Димитріемъ, Юрій рѣшился этимъ воспользоваться; онъ бѣжалъ изъ монастыря *въ Литву,* распустилъ слухъ, что Царевичъ Димитрій живъ, оставилъ иноческое званіе и учился *у Запорожскихъ козаковъ (въ Литвѣ-то!)* военному искусству, *а въ школѣ учился польскому и латинскому языкамъ*». (Хорошо выучился полатыни-то, подписывался—in perator!).

И такимъ образомъ все разсказывается... А каковы недосмотры! На первой же страницѣ говорится, напримѣръ: «Къ Сѣверо-Западнымъ Славянамъ принадлежатъ—*Поляки,* Чехи, Моравы, находящіеся подъ властію *Австріи и Пруссіи*». Итакъ, поляки находятся подъ властью Австріи и Пруссіи!.. О Никонѣ сказано, что онъ «*издалъ* Церковные законы или Кормчую книгу и собраніе лѣтописей» (стр. 128). «Изъ писателей, прославившихъ вѣкъ Екатерины, особенно замѣчательны были: Богдановичъ, *Хемницеръ,* фонъ-Визинъ, *Дмитріевъ*, Державинъ и духовный писатель Митрополитъ Платонъ» (стр. 175). Какъ *точны* свѣдѣнія автора въ русской литературѣ! Ужъ если онъ упоминаетъ Хемницера и Дмитріева въ періодъ Екатерины, то надо бы тутъ же упомянуть и Ломоносова съ Сумароковымъ, и Карамзина съ Крыловымъ: и они вѣдь всѣ видѣли царство Екатерины.

Можно бы разсмотрѣть учебникъ русской исторіи еще со стороны историческихъ воззрѣній автора, распредѣленія предметовъ въ учебникѣ, приноровленія къ потребностямъ учащихся, и пр. Но совѣстно и начинать такія возвышенныя рѣчи по поводу такой книги, какъ «Краткое изложеніе» г. Тимаева. Онъ не умѣетъ писать сколько-нибудь сноснымъ образомъ и безпощадно перевираетъ самые обыкновенные факты.

---

323. Учебная книга русской исторіи.

Сочиненіе *Сергѣя Соловьева*. Выпускъ I и II. Москва. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 322, съ подписью «Д—въ». См. № 300.

М. Л.

Имя профессора Соловьева уже ручается, что въ его учебникѣ не можетъ быть тѣхъ недостатковъ, какіе мы нашли въ «Краткомъ изложеніи» г. Тимаева. И дѣйствительно, событія русской исторіи разсказаны у г. Соловьева ясно, правильно и послѣдовательно; изложеніе отличается живостью и выразительностью. Слѣдовательно, въ книгѣ г. Соловьева мы можемъ обратиться съ другимъ вопросомъ, касающимся практическаго ея употребленія; мы спросимъ: для кого назначается «Учебная книга» г. Соловьева? Для первоначальнаго ли изученія русской исторіи, для гимназическаго ли курса, или для облегченія студентовъ при повтореніи лекцій профессора?

Первыя строки и даже страницы перваго выпуска заставили насъ думать, что «Учебная книга» назначается авторомъ для *первоначальнаго* изученія русской исторіи. Вотъ начало перваго выпуска:

«Взглянемъ на карту Россіи: вотъ, начиная отъ того мѣста, гдѣ оканчиваются Уральскія горы, до Каспійскаго моря находится большое ровное степное пространство, какъ будто широкія ворота изъ Азіи въ Европу. На этомъ мѣстѣ и на востокъ отъ него живутъ и теперь еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать въ плѣнъ сосѣдей; но теперь этимъ народамъ часъ отъ часу становится труднѣе вести такую жизнь, потому что сильное государство Русское не допускаетъ ихъ разбойничать...» и пр.

Способъ выраженія, очевидно, примѣняется къ дѣтскому понятію. Такъ идетъ нѣсколько страницъ съ начала. Но раскроемъ книгу нѣсколько дальше. Вотъ страница 49-я:

«До насъ дошли въ цѣлости и въ отрывкахъ лѣтописи, написанныя въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Волыни, въ Полоцкѣ, въ области Черниговской, въ области Ростовской или Суздальской, вліяніе этихъ мѣстностей отразилось въ характерѣ лѣтописнаго разсказа: такъ лѣтописи южныя—Кіевская и Волынская отличаются живостію, полнотою разсказа, въ нихъ описываются не только дѣйствія историческихъ лицъ, но и приводятся рѣчи ихъ, отчего эти лица и являются людьми живыми. Новгородская лѣтопись отличается краткостію и силою. Разсказъ суздальскаго лѣтописца сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной».

Нѣтъ, это ужъ не для начинающихъ; это—для гимназистовъ высшихъ классовъ. О характерѣ лѣтописей говорятъ уже тому, кто хорошо знаетъ факты, въ нихъ содержащіеся. Это ужъ критическое изученіе исторіи, которое у насъ и въ гимназіяхъ-то чуть-чуть подъ силу ученикамъ, но къ которому пріучать ихъ очень полезно. И въ этомъ смыслѣ нельзя не одобрить методы почтеннаго профессора, который, не ограничиваясь изложеніемъ фактовъ, отдѣляетъ въ своемъ учебникѣ значительное мѣсто объясненію этихъ фактовъ посредствомъ указанія на внутреннее состояніе страны въ данный періодъ времени. Безъ всякаго сомнѣнія, для всякаго неглупаго мальчика интереснѣе и полезнѣе будетъ знать, какъ жили, чему вѣрили, что̀ умѣли наши предки, — нежели заучивать безчисленныя имена князей и воеводъ, да годы войнъ, міровъ, вступленій на престолъ великокняжескій и т. п. Подробности внутренней жизни народа, введенныя въ «Учебную книгу» г. Соловьева, даютъ ей большое значеніе и ставятъ ее рѣшительно выше всѣхъ, доселѣ бывшихъ у насъ учебниковъ русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ

важенъ также и самый прагматизмъ изложенія, принятаго г. Соловьевымъ. У насъ до сихъ поръ думали большею частью, что строгая послѣдовательность въ показаніи *связи* событій, равно какъ и критика фактовъ,—неумѣстны въ гимназическомъ учебникѣ. «Это надо уже предоставить университетской каѳедрѣ», — говорили обыкновенно, и вслѣдствіе такого разсужденія давали гимназистамъ голый перечень именъ и таблицъ годовъ: въ этомъ и заключалась исторія. Такимъ образомъ изученіе историческихъ событій было почти исключительно дѣломъ памяти: ни соображенія разсудка, ни сердечныя сочувствія нисколько тутъ не участвовали, хотя почтенные авторы и вставляли по временамъ краснорѣчивые возгласы въ свои учебники, для возбужденія патріотизма въ ученикахъ. Профессоръ Соловьевъ ведетъ дѣло совершенно иначе: онъ въ самомъ разсказѣ фактовъ исторіи проводитъ свои идеи, онъ заставляетъ ученика останавливаться надъ событіями и соображать ихъ причины и послѣдствія, уяснять себѣ ихъ отношенія къ другимъ событіямъ. Все это очень благодѣтельно можетъ дѣйствовать на самое развитіе учащихся, не говоря уже о томъ, что историческіе факты при такомъ способѣ изложенія запомнятся ими несравненно легче и лучше, нежели какъ было при старыхъ учебникахъ.

Но смотря на «Учебную книгу» г. Соловьева, какъ на гимназическое руководство, нельзя не пожалѣть о ея излишней и даже мѣстами вовсе ненужной подробности. Въ двухъ изданныхъ теперь выпускахъ событія доведены до избранія на царство Михаила Ѳедоровича, а между тѣмъ объемъ ихъ далеко уже превзошелъ полный объемъ «Начертанія» г. Устрялова, употребляющагося въ гимназіяхъ. И все-таки въ книгѣ г. Соловьева много осталось фактовъ необъясненныхъ, много лицъ не характеризованныхъ, а только упомянутыхъ. Особенно нужно это сказать о первомъ выпускѣ. Къ чему, напр., въ гимназическомъ учебникѣ перечисленіе всѣхъ лицъ, не имѣвшихъ значительнаго вліянія на общій ходъ событій? Ни къ чему иному, какъ только къ затрудненію памяти учащихся. Возьмемъ, напр., хоть такую тираду, еще не изъ самыхъ страшныхъ: «Сильные владѣніями, Мономаховичи, при Мстиславѣ, были сильны братскимъ единодушіемъ, тогда какъ между Святославичами Черниговскими происходили усобицы: по смерти Олега и Давида Святославичей оставался третій братъ, Ярославъ Святославичъ, который по обычаю, какъ старшій въ племени, и долженъ былъ княжить въ Черниговѣ; но племянникъ его, Всеволодъ Ольговичъ, выгналъ его изъ Чернигова, и Ярославъ долженъ былъ удовольствоваться сѣверо-восточными владѣніями своего племени—Рязанью и Муромомъ; отъ него пошли князья Рязанскіе и Муромскіе» (стр. 22). Спрашивается, много ли потеряетъ ученикъ гимназіи въ знаніи русской исторіи, если и не будетъ помнить всей этой путаницы удѣльныхъ междоусобій? И не лучше ли было бы избѣжать подробностей, не дающихъ никакой характеристической черты для общихъ историческихъ выводовъ? А мы еще взяли очень сносную тираду; на этой же страницѣ у г. Соловьева есть простое перечисленіе князей: Мстиславъ въ Кіевѣ, Всеволодъ въ Новгородѣ, Ростиславъ въ Смоленскѣ, Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ и проч... Или, напр., во второмъ выпускѣ: «Александра Никитича Романова сослали къ Бѣлому морю, Михайла Никитича—въ Пермскую область, Ивана Никитича—въ Пелымъ, Василья Никитича — въ Яренскъ; мужа сестры ихъ князя Бориса Черкасскаго съ женою и съ племянникомъ ея, сыномъ Ѳедора Никитича, маленькимъ Михаиломъ—на Бѣлоозеро» (стр. 199). Что за дѣло, подумаешь, гимназисту до всѣхъ этихъ Александровъ Никитичей и Ивановъ Никитичей? Неужто нельзя было обойтись безъ нихъ?

Можетъ быть г. Соловьевъ хотѣлъ сдѣлать не болѣе какъ сокращеніе своей полной исторіи, и въ такомъ случаѣ назначеніе «Учебной книги» можетъ быть иное: оно можетъ служить для студентовъ конспектомъ при повтореніи лекцій профессора. Въ этомъ смыслѣ, конечно, книга г. Соловьева тоже не безполезна; но тогда зачѣмъ опять эта подробность и плавность изложенія, зачѣмъ этотъ упрощенный тонъ, наконецъ, зачѣмъ бѣдность въ хронологическихъ цифрахъ? Всѣ указанныя качества, служа достоинствомъ въ гимназическомъ курсѣ, совершенно не нужны въ конспектѣ, назначенномъ для студентовъ.

Такимъ образомъ главный недостатокъ «Учебной книги» г. Соловьева состоитъ въ смѣшеніи учебника съ конспектомъ, вслѣдствіе чего книга эта не вполнѣ удовлетворяетъ ни гимназиста, ни студента. Впрочемъ, все-таки хорошій преподаватель можетъ воспользоваться ею, какъ учебникомъ гимназическимъ, несравненно лучше, чѣмъ всѣми нашими прежними учебниками.

324. Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Сочиненіе *В. Новаковскаго.* Чтеніе для юношества. Спб., 1858 г.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія.

Съ портретомъ А. В. Кольцова и картинками. Чтеніе для юношества. Изданіе А. И. Глазунова. Москва, 1858 г.

Напечатано въ VIII кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 23 іюля) за подписью «Д—въ» вмѣстѣ съ № 322. Статья, очень характерная для Добролюбова-гражданина и тѣмъ болѣе въ педагогическомъ журналѣ, гдѣ она была особенно умѣстна. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что книга о Кольцовѣ принадлежитъ самому Н. А. (см. № 171). Разумѣется, въ такомъ отзывѣ о своей книгѣ,—отзывѣ чисто фактическаго характера, нельзя видѣть никакой литературной нескромности. Чернышевскій тоже писалъ о своихъ собственныхъ сочиненіяхъ.

М. Л.

Вотъ два *чтенія для юношества,* совершенно разнообразныя по своему содержанію. Одно толкуетъ о знаменитомъ фельдмаршалѣ и восхваляетъ его за то, что молодецки билъ мятежныхъ поляковъ и французовъ; другое знакомитъ молодыхъ читателей съ поэтомъ-прасоломъ, исполненнымъ гуманныхъ и скромныхъ стремленій. Которая книга полезнѣе, которую скорѣе можно посовѣтовать дать въ руки, напр., двѣнадцатилѣтнему мальчику? Изложеніе въ нихъ обѣихъ грамотно и большею частію просто, хотя въ книгѣ о Кольцовѣ есть цѣлая глава, излагающая теорію лирической поэзіи, а въ книгѣ о Суворовѣ встрѣчаются довольно подробныя и не совсѣмъ простыя изложенія военныхъ дѣйствій. Но содержаніе обѣихъ книжекъ полагаетъ между ними неизмѣримую разницу. Въ одной крестьянинъ съ своими пѣснями, въ другой—фельдмаршалъ съ своими подвигами, чинами и орденами; въ одной—мирная, хотя и грустная, русская пѣсня, въ другой—напыщенныя, громкія воинственныя оды; въ одной—непроизвольная нужда, бѣдность, житейское горе мужика, въ другой—тріумфы, великолѣпіе и рядомъ съ ними добровольно спартанская суровость жизни знаменитаго героя; въ одной мирная, скромная дѣятельность, соединенная съ внутренней, самостоятельной жизнью духа, въ другой—громы войны, соединенные съ отсутствіемъ внутренней, человѣчески-нравственной дѣятельности и сопровождаемые только пожарами, убійствами, формальною дисциплиною... Пусть выбираютъ родители и воспитатели, какую книгу дать въ руки своимъ дѣтямъ!

Но не одно содержаніе различаетъ двѣ названныя нами книжки: самый духъ и направленіе каждой изъ нихъ совершенно соотвѣтствуютъ своему содержанію. Книга о Кольцовѣ, говоря о мужичкѣ, проникнута сочувствіемъ къ крестьянскому сословію, къ его положенію, нуждамъ и горестямъ... Она признаетъ человѣческія права простолюдина, и съ негодованіемъ отзывается о тѣхъ *образованныхъ* людяхъ, которые презираютъ мужика. Книга о Суворовѣ, напротивъ, не лишена сословныхъ предразсудковъ. Въ ней есть, напр., такая фраза о дѣтствѣ Суворова: «Никогда не искалъ, даже не желалъ онъ себѣ товарищей: смотрѣть не хотѣлъ на дѣтскія игры мужичковъ своей деревни. *Конечно, мужички не могли быть товарищами сына генерала, хоть и въ играхъ*» (стр. 7).

То же противорѣчіе и въ нравственныхъ понятіяхъ двухъ книжекъ. Г. Новаковскій въ своей книжкѣ неразъ принимается восхвалять великія достоинства дисциплины и безусловнаго послушанія, и очень хвалитъ Суворовское правило: «Слѣпо повинуйся начальникамъ; не разсуждай о томъ, что велѣно, а исполняй» (стр. 56). Книжка о Кольцовѣ проникнута совершенно другимъ расположеніемъ. Въ ней мы находимъ, напр., слѣдующія строки: «Кольцовъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которымъ необходима собственная, *самостоятельная дѣятельность, и въ этомъ заключается,* между прочимъ, *высокое превосходство его натуры.* Есть люди, которые умѣютъ повторять за другими то, что имъ

сказано, умѣютъ исполнить то, что̀ велѣно, помнятъ и знаютъ все, что̀ услышали; но сами собою ничего не могутъ сдѣлать. Такіе люди навсегда останутся только исполнителями чужой воли, второстепенными, обыкновенными орудіями для общаго дѣла, и никогда не выйдутъ изъ ряда другихъ, не будутъ руководителями ни въ какомъ дѣлѣ, не скажутъ никакого новаго слова. Напротивъ, есть другого рода люди, которые *никогда не хотятъ безсознательно и слѣпо слѣдовать за другими, никогда не лѣнятся сами думать и дѣйствовать,* а стараются всегда пробовать собственныя силы на томъ поприщѣ, какое имъ представляется. *Отъ этакихъ людей всегда можно ожидать дѣлъ замѣчательныхъ*». (стр. 43). Ясно, что книжка о Кольцовѣ хлопочетъ о развитіи самостоятельности въ дѣтяхъ и только такое развитіе считаетъ истинно-полезнымъ; книжка же г. Новаковскаго разсчитываетъ на дѣтей послушныхъ и благонравныхъ,—вслѣдствіе чего и представляетъ имъ въ образецъ жизнь страшнаго для враговъ, безпощаднаго русскаго героя.

Вообще мы не можемъ выразить особеннаго сочувствія нравственнымъ началамъ книги г. Новаковскаго, выразившимся отчасти въ самомъ выборѣ предмета. Къ чему внушать дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ благоговѣніе къ физической силѣ? Къ чему обольщать ихъ прелестями убійствъ и пожаровъ, совершаемыхъ на войнѣ? Къ чему вбивать имъ въ голову барабанный патріотизмъ, заставляя ихъ восхищаться тѣмъ, какъ мы били *крамольныхъ* французовъ и *мятежныхъ, неблагодарныхъ* поляковъ? Нѣтъ, гораздо лучше говорить имъ о людяхъ, менѣе блистательныхъ, но болѣе спокойныхъ, болѣе способныхъ навести дѣтскую мысль на благородныя гражданскія стремленія.

Книжка о Суворовѣ издана довольно грязно; книжка о Кольцовѣ, напротивъ, издана очень опрятно и украшена нѣсколькими, очень изящно сдѣланными картинками. Въ видѣ приложенія къ біографіи поэта, въ концѣ ея помѣщено 17 пьесъ, выбранныхъ изъ полнаго собранія стихотвореній Кольцова.

---

325. Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ.

Спб. 1859.

Напечатано въ VIII кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 15 августа).

До 1859 года не существовало такого изданія, откуда бы широкое общество могло легко узнать о юридическомъ положеніи своей печати. Литературѣ очень на руку было появленіе этой книжечки: многое, въ чемъ винили ее, становилось ясно... Добролюбовъ привѣтствовалъ ее и очень рѣзко выбранилъ этихъ недоумѣнныхъ хулителей литературы.

Интересующихся подробностями цензурнаго гнета въ тѣ годы отсылаю къ своимъ книгамъ: «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія» (Спб., 1904) и «Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ» (Спб. 1904).

М. Л.

Давно уже замѣчено одно изъ качествъ, не совсѣмъ съ хорошей стороны характеризующее нашу публику. Это качество состоитъ въ совершенномъ равнодушіи къ познанію тѣхъ законовъ, подъ которыми мы живемъ. Юридическое образованіе распространено у насъ такъ мало, что нерѣдко приходится встрѣчать людей, спеціально интересующихся какой-нибудь частью и неимѣющихъ понятія о законахъ, къ ней относящихся. Объясняютъ это тѣмъ, что у насъ всѣ общественные дѣятели раздѣляются на два разряда: одни дѣйствуютъ не своимъ умомъ, а по чужому указанію, слѣдовательно, не имѣютъ надобности справляться съ законами; другіе привыкли въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться произволомъ и личными соображеніями, болѣе или менѣе посторонними закону, слѣдовательно, въ законныхъ соображеніяхъ тоже мало имѣютъ нужды. Но если мы и примемъ въ извѣстной мѣрѣ справедливость этого объясненія, все-таки мы не вполнѣ еще объяснимъ вопросъ. Объясненіе это можетъ относиться только къ лицамъ служащимъ. Но не надо забывать,

что большинство населенія въ государствѣ составляютъ не тѣ, *которые* примѣняютъ законы, а тѣ, *съ которыми* по законамъ поступаютъ. Эти-то послѣдніе почему же не интересуются законами? Или и они держатся того мнѣнія, что [законъ ничего не значитъ, а] главное дѣло — воля исполнителей, по пословицѣ: «не бойся суда, а бойся судьи»... Но вѣдь такое мнѣніе не должно бы существовать въ благоустроенномъ обществѣ. Если же оно существуетъ, то общество само же должно позаботиться о томъ, чтобы уничтожить его. Но какъ уничтожить?...

«Самое вѣрное, самое дѣйствительное средство—литература», кричатъ въ послѣднее время. Мы бы согласились съ этимъ, если бы замѣтили въ кричащихъ болѣе серьезное изученіе условій и принадлежностей литературной дѣятельности въ нашемъ обществѣ. А то вѣдь и въ отношеніи къ литературѣ у насъ существуетъ то же совершенное юридическое невѣдѣніе, какъ и о множествѣ другихъ предметовъ. Говорятъ о литературѣ, восхищаются ея успѣхами, бранятъ ее, а все это такъ, по капризу, съ вѣтру; никто не хочетъ заняться серьезнымъ изученіемъ предмета, вникнуть въ сущность его, никто не любопытствуетъ даже заглянуть въ законы, которыми литература ограждается! А всѣ кричатъ на разные лады,—то ужъ очень неблагопріятно для литераторовъ и журналистовъ, то черезчуръ ужъ лестно для общаго развитія и громаднаго вліянія литературы. Кто самъ пишетъ, — а кто же теперь не пишетъ?— тотъ большею частью смотритъ нѣсколько мрачно: зачѣмъ его статья не напечатана? зачѣмъ долго не помѣщается? отчего не въ томъ видѣ явилась она въ свѣтъ, какъ онъ желалъ? Я, говоритъ, изложилъ лучшія свои соображенія, самыя завѣтныя мои думы, именно въ этихъ строкахъ, а ихъ-то и нѣтъ въ напечатанной статьѣ. [Вы, говоритъ, варвары, вы губители авторскихъ талантовъ и благородныхъ стремленій, и пр., и пр.]. Другіе, напротивъ, ужасно довольны современной литературой: какіе вопросы подымаются, какія благородныя мысли высказываются; какъ расширился кругъ дѣйствія литературы, какое вліяніе имѣетъ она на исправленіе существующихъ недостатковъ [на принятіе новыхъ мѣръ для общественнаго устройства, и т. д.] [1]). И все это говорится большею частью по наслышкѣ, безъ серьезнаго вниканія въ дѣло, потому что кричатъ нынѣ о литературѣ даже такіе господа, которые ничему не учились и ничего не читали. Иной выписываетъ журналы только для того, чтобъ имѣть удовольствіе каждый мѣсяцъ бранить издателей за то, что журналы поздно выходятъ. «Нѣтъ никакой возможности выписывать: небрежно ведутъ дѣло, чуть не мѣсяцемъ всегда опаздываютъ!.. Опаздываютъ, опаздываютъ!..» — кричитъ онъ, — и болѣе знать ничего не хочетъ... А другой считаетъ обязанностью восхищаться тѣмъ, что много новыхъ журналовъ появляется, и готовъ ожидать отъ этого [чуть не государственнаго переворота...] [1]). Разноголосица страшная, и никто не хочетъ уяснить себѣ дѣло серьезнымъ изученіемъ тѣхъ незыблемыхъ основаній, безъ которыхъ у насъ не можетъ существовать никакая литературная дѣятельность! Постыдное равнодушіе къ изученію законовъ обнаруживается и здѣсь, во всей своей силѣ...

При такомъ положеніи дѣлъ истиннымъ благодѣяніемъ можетъ служить книжечка «Постановленія о литераторахъ», и пр. Она составляетъ не что иное, какъ извлеченіе важнѣйшихъ правилъ изъ цензурнаго устава и дополнительныхъ къ нему постановленій, вошедшихъ въ *первое продолженіе* «Свода Законовъ». Такое извлеченіе чрезвычайно облегчаетъ знакомство съ цензурными постановленіями, если кто захочетъ узнать ихъ существенныя основанія. Не всякому захочется, да и не всѣмъ удобно рыться въ «Сводѣ Законовъ» и въ его продолженіяхъ, чтобы изучить всѣ подробности узаконеній, относящихся къ литературѣ. А здѣсь, въ маленькой книжечкѣ, предлагаются публикѣ главныя статьи этихъ узаконеній, вполнѣ достаточныя для того, чтобы ознакомиться съ характеромъ нашей цензуры. Конечно, въ дѣлахъ человѣческихъ никогда не бываетъ полнаго соотвѣтствія съ идеаломъ, и потому, знаніе того, что̀ *должно* дѣлаться, еще не вполнѣ соотвѣтствуетъ наглядному познанію того, что́ *дѣлается*. Но, во всякомъ случаѣ—то, что̀ дѣлается, не находя себѣ оправданія въ законѣ, есть только случайное уклоненіе, истинный же характеръ извѣстной дѣятельности всегда болѣе или менѣе опредѣляется законодательствомъ. Вотъ почему изданіе книжки «Постановленія о литераторахъ» мы считаемъ очень важнымъ и полезнымъ для распространенія въ публикѣ истинныхъ понятій о настоящихъ условіяхъ нашей литературной дѣятельности.

Желая по возможности содѣйствовать распространенію этихъ понятій, мы представимъ здѣсь извлеченіе нѣкоторыхъ правилъ, напечатанныхъ въ книжкѣ, относи-

[1]) на направленіе общественнаго мнѣнія и т. д., и т. д.

[1]) коренныхъ улучшеній...

тельно цензурныхъ условій напечатанія статей и книгъ.

По общему цензурному правилу дозволяется къ печатанію «книги и статьи всякаго рода, на всѣхъ языкахъ», равно какъ «эстампы, рисунки, чертежи, планы, карты, а также и ноты съ присовокупленіемъ словъ»; могутъ быть они запрещены только въ слѣдующихъ случаяхъ (§ 3):

«Когда въ оныхъ содержится что-либо клонящееся къ поколебанію *ученія Православной Церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ Христіанской вѣры*».

«Когда въ оныхъ содержится что-либо нарушающее *неприкосновенность верховной Самодержавной Власти, или уваженіе къ Императорскому* Дому и что-либо *противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ*».

«Когда въ оныхъ *оскорбляются добрые нравы и благопристойность; и*

«Когда въ оныхъ *оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями* или предосудительнымъ *обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни,* а тѣмъ болѣе *клеветою*».

Руководствуясь этими правилами, цензура «обращаетъ особенное вниманіе на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимаетъ всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону». Ограждая этимъ благонамѣренныхъ авторовъ, Уставъ Цензурный даетъ имъ еще болѣе льготы, даже на случай неясности или неловкости ихъ выраженій: въ статьѣ 7-й постановлено, что «цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ»; а въ статьѣ 19-й—«что цензоръ, не имѣя права перемѣнять что-либо въ представляемыхъ на его разсмотрѣніе рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, тѣмъ еще менѣе можетъ прибавлять къ онымъ отъ себя какія-либо примѣчанія или толкованія». Отмѣтивши краснымъ карандашемъ запрещаемое мѣсто, цензоръ долженъ возвратить рукопись автору или издателю — для перемѣнъ; впрочемъ, для сокращенія времени, особенно въ срочныхъ изданіяхъ, авторъ или издатель «можетъ ввѣрить и самому цензору исправленіе замѣченныхъ имъ мѣстъ, по его усмотрѣнію».

Для того, чтобы еще опредѣленнѣе показать цензору, что̀ онъ можетъ пропускать, Цензурный Уставъ даетъ еще, въ дополненіе къ общимъ, слѣдующія частныя правила:

«Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаваніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрствованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію» (§ 6).

«Въ разсматриваніи сочиненій историческихъ и политическихъ цензура ограждаетъ неприкосновенность Верховной власти, строго наблюдая, чтобы въ оныхъ не содержалось ничего оскорбительнаго, какъ для Россійскаго правительства, такъ и для правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россіею сношеніяхъ. Равно наблюдаетъ цензура, чтобы на изданіе всякаго сочиненія, въ коемъ описывается событіе, относящееся до Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Фамиліи, и при сообщеніи въ газетахъ и журналахъ извѣстій объ Особѣ Императорскаго Величества и Членахъ Императорской Фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ было испрошено Высочайшее разрѣшеніе чрезъ Министра Императорскаго Двора; изъ сего правила исключены только извѣстія о пріѣздѣ и отъѣздѣ Членовъ Императорской Фамиліи, для коихъ сего разрѣшенія не требуется. При семъ, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ газетахъ и журналахъ о Государѣ Императорѣ и Членахъ Августѣйшей Фамиліи, о придворныхъ торжествахъ и съѣздахъ, доставляются Цензурными Комитетами на разсмотрѣніе Министра Двора только выписки изъ книгъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ описывается какое-либо событіе или разсказывается анекдотъ, до сихъ августѣйшихъ Особъ относящійся.—Дозволяется выпускъ изданій съ скопированными почерками рукъ и подписями Особъ Императорской Фамиліи, въ Бозѣ почивающихъ, но сіе дозволеніе не распространяется на подписи и почерки Августѣйшихъ Особъ здравствующихъ».

Въ отношеніи къ научнымъ свѣдѣніямъ, дозволяется «всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно исторіи, географіи и статистики Россіи, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ»; только запрещается чиновникамъ обнародывать дѣла и свѣдѣнія, ввѣренныя имъ по службѣ. Также допускаются къ печати «всѣ описанія происшествій и дѣлъ и собственныя о нихъ разсужденія автора, если только сіи описанія и разсужденія не противны общимъ цензурнымъ правиламъ»; можно печатать также всякіе документы и записки, «если только они согласны съ общими правилами и не содержатъ въ себѣ изложенія дѣлъ тяжебныхъ и уголовныхъ».

Вообще, разсужденіямъ и описаніямъ авторовъ дается, по Цензурному Уставу, весьма значительный просторъ касательно всѣхъ «предметовъ, относящихся къ наукамъ, словесности и искусствамъ». Дозволяется разсуждать:—и о вновь выходящихъ книгахъ, и о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ, и о другихъ зрѣлищахъ, и о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, и объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ, и т. п.,—если только сіи разсужденія не противны общимъ правиламъ цензуры. Запрещается же говорить только «о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ Имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще

сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ» (§ 10. Ценз. Уставъ, ст. 12).

Полагая столь умѣренныя и благоразумныя правила, Ценз. Уставъ дѣлаетъ оговорку, дающую авторамъ еще болѣе возможности сохранить свою литературную самостоятельность: по ст. 15-й Ценз. Уст., цензоръ не долженъ входить въ разборъ частныхъ мнѣній писателя, если только они не противны общимъ правиламъ цензуры, и не имѣетъ права исправлять слогъ автора, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію (§ 13).

Но всего болѣе дается свободы повѣствователямъ и вообще беллетристамъ. По ст. 13-й «въ вымыслахъ не требуется той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важнымъ». По статьѣ же 14-й, «цензура, охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни—отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, не препятствуетъ, однакоже, печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и слабости, свойственные людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни» (§ 12).

Для того, чтобы каждое, вновь выходящее сочиненіе подвергалось, кромѣ общей цензуры, еще сужденію людей, спеціально знакомыхъ съ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь въ сочиненіи, въ послѣднее время постановлено, чтобы всѣ книги и статьи, имѣющія отношеніе къ административной, законодательной или финансовой дѣятельности, поступали на разсмотрѣніе тѣхъ вѣдомствъ, къ которымъ онѣ, по предмету своему, относятся. Постановленіе это приведено въ § 29 «Постановленій», изъ 42-й статьи Цензурнаго Устава, по первому продолженію въ такомъ видѣ:

«Сочиненія по части законодательства, теоретическаго или историческаго содержанія, или заключающія въ себѣ собственныя разсужденія самихъ авторовъ, разсматриваются въ общей цензурѣ. Тѣ изъ сихъ сочиненій, въ которыхъ теорія законодательства или финансовой и административной науки примѣняется авторомъ къ существующимъ собственно у насъ учрежденіямъ, когда они, по содержанію 41-й статьи, не подлежатъ разсмотрѣнію Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, предварительно разсмотрѣнія ихъ въ общей цензурѣ, препровождаются сею послѣднею въ тѣ правительственныя мѣста и учрежденія, до которыхъ сіи сочиненія по предмету своему относятся, а именно къ довѣреннымъ чиновникамъ, назначеннымъ для непосредственныхъ по сему предмету сношеній съ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, цензорами и редакціями періодическихъ изданій въ С.-Петербургѣ. Сіи довѣренные чиновники назначаются отъ министерствъ: Императорскаго Двора, военнаго, морского, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи, главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, главнаго штаба Его Императорскаго Величества по Военно-Учебнымъ заведеніямъ и Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Довѣренные отъ министерствъ и главныхъ управленій чиновники, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ цензорами и редакціями періодическихъ изданій въ С.-Петербургѣ, получаютъ прямо отъ нихъ подлежащія ихъ разсмотрѣнію сочиненія и статьи и, по разсмотрѣніи, возвращаютъ оныя со своими отзывами; въ случаѣ же сомнѣнія, испрашиваютъ разрѣшенія своего главнаго начальства для передачи онаго цензурѣ или редакціи. Сіи отзывы принимаются цензурою за главное къ заключенію своему основаніе при окончательномъ разсмотрѣніи сочиненій; въ случаѣ же какихъ-либо сомнѣній, цензурный комитетъ испрашиваетъ разрѣшенія главнаго управленія цензуры. Цензурныя учрежденія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, находящіяся не въ С.-Петербургѣ, представляютъ сочиненія и статьи, подлежащія заключенію постороннихъ вѣдомствъ, министру народнаго просвѣщенія, по распоряженію котораго сіи статьи передаются довѣреннымъ отъ министерствъ и главныхъ управленій чиновникамъ, и заключенія сихъ послѣднихъ, или надписи на сочиненіяхъ, ими сдѣланныя, сообщаются цензурнымъ учрежденіямъ, по принадлежности, которыя затѣмъ поступаютъ порядкомъ, предписаннымъ для С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. На разрѣшеніе главнаго управленія цензуры представляются цензурными комитетами всѣ сомнѣнія, встрѣчаемыя ими при окончательномъ разсмотрѣніи сочиненій. Если главное управленіе цензуры не согласится съ заключеніемъ сторонняго вѣдомства, то разногласіе представляется министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ мнѣніемъ подлежащаго министра или главноуправляющаго, на Высочайшее разрѣшеніе».

Такимъ образомъ, всѣ выходящія въ Россіи сочиненія вполнѣ гарантируются не только отъ всякихъ богохульныхъ и противозаконныхъ мыслей, но даже и отъ всякихъ разсужденій, могущихъ быть вредными для порядка или оскорбительными для тѣхъ мѣстъ и лицъ, къ которымъ сочиненіе относится.

Впрочемъ, такъ какъ подобное разсмотрѣніе всякаго сочиненія, особенно трактующаго о предметахъ сложныхъ, отнимаетъ много времени и можетъ задерживать изданіе въ свѣтъ книги или статьи, то Цензурный Уставъ дѣлаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительное снисхожденіе авторамъ. Такъ, напримѣръ, «книги медицинскія и ветеринарныя, наравнѣ съ прочими, до наукъ относящимися, разсматриваются общею цензурою»: въ медицинскую же цензуру отправляются только тѣ изъ нихъ, «которыя содержатъ въ себѣ лѣчебныя постановленія или правила для составленія лѣкарствъ съ приложеніемъ къ болѣзнямъ» (§ 30). Точно такъ же,—могутъ не подвергаться цензурѣ духовной «книги, относящіяся къ нравственности вообще, даже и тѣ, въ коихъ разсужденія будутъ подкрѣпляемы ссылкою на священное пи-

саніе»; духовной же цензурѣ подвергаются изъ нихъ только нѣкоторыя «мѣста совершенно духовнаго содержанія» (§ 25).

Постановляя правила, ограждающія общество отъ безпорядочной и произвольной литературной дѣятельности, несоотвѣтствующей видамъ правительства, законъ опредѣляетъ и наказаніе за ихъ нарушеніе. По различнымъ статьямъ Цензурнаго Устава, преступившіе его правила подвергаются наказаніямъ, смотря по важности преступленія, начиная отъ трехдневнаго ареста и доходя до наказанія плетьми и ссылки въ каторжную работу на 10—12 лѣтъ (см. §§ 54—64). Наказаніямъ этимъ подвергаются равно, какъ авторы предосудительныхъ статей, такъ и редакторы журналовъ, издатели книгъ и содержатели типографій.

Таковы главнѣйшія изъ дѣйствующихъ нынѣ постановленій о литераторахъ, издателяхъ и содержателяхъ типографій! Многія изъ любопытныхъ подробностей, изображающихъ порядокъ и ходъ дѣлъ въ цензурныхъ комитетахъ, мы предоставляемъ любознательнымъ читателямъ найти въ самыхъ «Постановленіяхъ». Вообще съ этой книжкой не мѣшаетъ познакомиться многимъ, интересующимся литературою. А то у насъ такъ много есть людей, которые толкуютъ о высокой важности литературы, о ея значеніи для общества, о ея вліяніи на разныя отрасли государственной дѣятельности и государственнаго хозяйства, и пр., а сами между тѣмъ не хотятъ ознакомиться даже съ указаніями, подъ вліяніемъ которыхъ существовала и существуетъ доселѣ наша литературная дѣятельность. Такое легкомысліе и равнодушіе непростительны!

---

326. Сватовство Ченскаго, или матеріализмъ и идеализмъ.

Спб. 1859.

О неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ.

Ю. Савича. («Атеней», 1859 г., № 7).

Напечатано вмѣстѣ съ № 325.

Очень остроумно скомпонованная рецензія, совершенно уничтожившая обѣ книжки, бывшія началомъ атаки на матеріалистовъ, попросту — на реалистовъ, на людей, ничего не принимавшихъ на вѣру, вездѣ искавшихъ здраваго основанія и совершенно не считавшихся съ прежней традиціей въ литературѣ и наукѣ. Кому же, какъ не видному ихъ представителю — Добролюбову, было высмѣять малограмотный бредъ Савича и анонима.

М. Л.

«Сватовство Ченскаго» нельзя иначе объяснить, какъ статьею г. Савича, а статьи г. Савича нельзя оцѣнить безъ «Сватовства Ченскаго». Вотъ почему и рѣшились мы соединить оба эти произведенія, хотя одно изъ нихъ — московское, а другое, по наружности, петербургское. Впрочемъ, «не судите по наружности», — говорятъ идеалисты, и нельзя не согласиться съ этой стороной ихъ ученія. Очень можетъ быть что «Сватовство Ченскаго» принадлежитъ Москвѣ, какъ и статья г. Савича, какъ и самый «Атеней». Очень можетъ быть и то, что Москва, несмотря на свою хлѣбосольную славу,—ужаснѣйшая идеалистка. Вѣдь извѣстно, что

Пріятно къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду.

И о чемъ же лучше бесѣдовать, какъ не объ идеализмѣ и матеріализмѣ въ то время, когда вся почтенная бесѣда сыта и довольна?.. Идеализмъ и матеріализмъ! О, сколько условій для пріятнаго разговора соединяетъ въ себѣ эта прекрасная тема!.. Тутъ, во-первыхъ, человѣкъ удаляется въ область чистой мысли, гдѣ ничто нечистое, ничто дѣйствительное не смущаетъ его... Ничто, потому что самый *матеріализмъ* вовсе не есть *реализмъ*; нѣтъ, это есть не болѣе, какъ милое отвлеченіе, въ родѣ хорошенькой модели паровоза, на которой, конечно, нельзя ѣхать, но для которой

зато ненужно ни воды, ни дровъ, ни рабочихъ... Во-вторыхъ, бесѣда объ идеализмѣ и матеріализмѣ пріятна тѣмъ, что здѣсь можно изощрять свое остроуміе и діалектику въ показаніи антагонизма этихъ двухъ началъ. Въ-третьихъ, хороша она потому, что споры съ противниками, не доходя до существенныхъ, житейски-важныхъ раздраженій, могутъ, однакожъ, слегка щекотать самолюбіе собесѣдниковъ и чрезъ то пріятно поддерживать разговоръ. Короче, — говоря словами Бальзаминова въ пьесѣ Островскаго,—«это самый пріятный для общества разговоръ». *Антиресный* его можетъ быть развѣ только обсужденіе вопроса, предлагаемаго Устенькой, въ той же пьесѣ: «*что тяжеле, — ждать и не дождаться, или — имѣть и потерять?*».

Но зачѣмъ же еще пишутъ люди такъ важно и глубокомысленно объ идеализмѣ и матеріализмѣ? Пусть бы ихъ толковали себѣ въ гостиныхъ о столь антиресномъ предметѣ, и оставили бы въ покоѣ литературу. А то, пожалуй, насъ постигнетъ опять наводненіе статей въ родѣ «О неизбѣжности классицизма въ романтизмѣ», «Любовь таинственнаго незнакомца къ красавицѣ, скрывающей свое имя, — или номинализмъ и реализмъ», «Сравнительный разборъ значенія *сихъ* и *этихъ* для общества», и т. п. Неужели и объ этомъ еще недовольно говорили, неужели и это еще не слишкомъ нелѣпо для нашей литературы въ настоящее время, когда заря будущаго?.. и пр... Намъ казалось, что мы съ дуализмомъ давно уже порѣшили; мы надѣялись, что теперь только развѣ въ психологіи г. Кикодзе можетъ быть разрываемо человѣческое нераздѣльное существо... Мы думали, что недостойно образованнаго человѣка заниматься теперь серьезно антагонизмами двухъ противоположныхъ началъ въ мірѣ и въ человѣкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ распространилась общеизвѣстная нынѣ истина, что сила есть неизбѣжное свойство матеріи, и что матерія существуетъ для нашего сознанія лишь въ той мѣрѣ, какъ обнаруживаются въ ней какія-нибудь силы, — съ этихъ поръ мы считаемъ совершенно ненужными всѣхъ этихъ Ормуздовъ и Аримановъ... Но нѣтъ,—г. Ю. Савичъ доказываетъ намъ противное. Онъ вообразилъ, что у насъ сильно распространенъ матеріализмъ,—не въ смыслѣ признанія силы, какъ неизбѣжнаго свойства матеріи,—а въ смыслѣ отрицанія всякой силы. Вслѣдствіе этого, онъ ратуетъ страшно противъ матеріалистовъ во имя идеализма. Зачѣмъ? Это мы можемъ объяснить себѣ только предположеніемъ, что г. Савичу не удавалось развивать своихъ идей словесно въ мудрой бесѣдѣ, равно какъ и автору «Сватовства Ченскаго» (если это не одно и то же лицо...), и они хотятъ наверстать это въ литературѣ. Отсутствіе непосредственнаго знакомства съ предполагаемыми противниками замѣтно даже въ пріемахъ обоихъ авторовъ, равно какъ и во взглядѣ ихъ на сущность своего предмета. Ихъ основное положеніе таково: «кто дуракъ, тотъ матеріалистъ; слѣдовательно, матеріалисты дураки». И затѣмъ начинается очень остроумное развитіе этого силлогизма. Но вы, можетъ быть, не вѣрите, чтобы въ ученомъ журналѣ ученая статья могла быть построена на такомъ силлогизмѣ? Вы даже подозрѣваете, что и въ комедіи «Сватовство Ченскаго» силлогизмъ этотъ не совсѣмъ таковъ, какъ мы представляемъ? Мы беремся доказать наши слова. Начнемъ съ «Сватовства».

Содержаніе комедіи состоитъ въ томъ, что Ченскій, отставной ротмистръ, имѣетъ связь съ княгиней Лапиной, очень богатой старухой. Онъ успѣлъ отъ нея нажить себѣ состояніе и, кромѣ того, взялъ у нея подъ заемное письмо нѣсколько милліоновъ, которые и пустилъ въ торговые обороты. Между тѣмъ, однажды, поѣхавши гулять со старухой, онъ вывалилъ ее изъ экипажа, отчего она скоро и умерла, оставивъ завѣщаніе въ пользу своей племянницы, Онинои. Но по смерти старухи Ченскій завладѣваетъ всѣми ея бумагами, скрываетъ завѣщаніе и свое заемное письмо и пишетъ другое завѣщаніе, которымъ все имѣніе отказывается въ его пользу. Дѣло, стало-быть, кончено. Но Ченскій матеріалистъ, слѣдовательно, долженъ быть дуракомъ. Вслѣдствіе этого—онъ никакъ не можетъ сообразить, что̀ ему дѣлать теперь съ завѣщаніемъ старухи и съ заемнымъ письмомъ. Наконецъ, въ качествѣ матеріалиста, т.-е. дурака, онъ придумываетъ слѣдующую штуку, для того, чтобы уладить дѣло: онъ рѣшается жениться на племянницѣ старухи—дочери бѣднаго профессора. Тогда, разсуждаетъ онъ, все будетъ прикрыто, и совокупнымъ владѣніемъ возстановится законность; заемное письмо на три милліона пойдетъ вмѣсто приданаго бѣдной дѣвушкѣ. Не правда ли, какой матеріальный (разумѣй—глупый) разсчетъ?

Итакъ, Ченскій является къ Онинымъ. Здѣсь-то и встрѣчаетъ онъ идеализмъ. Отецъ дѣвушки, отставной профессоръ Онинъ, проповѣдуетъ все о какихъ-то противоположныхъ началахъ и говоритъ:

«Все зависитъ отъ началъ: они—основаніе нашихъ поступковъ. Человѣкъ, повинующійся духовному началу, бываетъ благороденъ въ своихъ дѣйствіяхъ и способенъ къ величайшимъ само-

пожертвованіямъ: онъ какъ-будто не чувствуетъ нашего бреннаго тѣла. Человѣкъ чувственный склоненъ къ грубымъ удовольствіямъ, себялюбивъ и способенъ ко всякаго рода низостямъ. Все зло у насъ происходитъ отъ недостатка живого чувства, живой вѣры. Въ грубыхъ массахъ народа неосмысленный формализмъ — явленіе обыкновенное: тамъ еще человѣкъ не выработался, тамъ еще царствуетъ животное; самое простое человѣческое чувство должно тамъ принимать матеріальную форму, чтобъ сдѣлаться доступнымъ; но если та же форма переходитъ, только какъ форма, и въ высшіе слои общества, если чувство сознательное не беретъ тамъ перевѣса, или»...

Но что же мы дѣлаемъ? Начали выписывать слова Онина изъ «Сватовства Ченскаго» (стр. 70), а кончили выпискою изъ статьи г. Савича (стр. 227)... Впрочемъ, разницы-то вѣдь никакой нѣтъ: пусть ужъ такъ останется... А можетъ быть, читатели и сами разберутъ, гдѣ оканчиваетъ Онинъ и гдѣ начинаетъ г. Ю. Савичъ??..

Такъ—Онинъ идеалистъ; у него въ домѣ есть сестра, ученая дама, занимающаяся египетскими древностями. Сама дочь Онина—тоже идеалистка. Ясно, что Ченскій не долженъ имъ нравиться. Но всего хуже то, что у Лизы Ониной есть уже женихъ, Молвинъ, тоже идеалистъ отчаянный. Этотъ говоритъ:

«Мы знаемъ, что свойства матеріи употребляются не какъ-нибудь, что они неизбѣжно направлены къ заранѣе указанной цѣли, которая опредѣляется *идеей организаціи*. Мнѣ могутъ сказать, что эта идея вытекаетъ изъ свойствъ самой матеріи хотя бы органической клѣточки, которая, будучи поставлена въ извѣстныя условія, можетъ развиваться на счетъ окружающей среды *только такъ, а не иначе*. Согласенъ и на это. Но если она можетъ развиваться *только такъ, а не иначе*, то *идея*, которая лежитъ въ образованіи этихъ условій, уже опредѣлила образъ будущаго индивидуума со всѣми мельчайшими подробностями его послѣдующаго строенія. Слѣдовательно, индивидуумъ этотъ прямо вытекаетъ изъ *идеи*, которая въ немъ реализуется, принимая форму матеріи, *подчиняя себѣ матерію*, обращая ее въ орудіе свое» («Атен.». 283).

Что же это, однако? Мы опять сдѣлали выписку изъ г. Савича, вмѣсто «Сватовства Ченскаго»... Но что же дѣлать, ежели они такъ сходны?.. Молвинъ говоритъ то же самое, только короче и даже толковѣе. Вотъ его слова:

«Всему основаніемъ служитъ идея. Она необходимо рождается въ душѣ нашей; мы ее вносимъ въ природу; по ней разсуждаемъ, по ней исправляемъ все».

Разница между Молвинымъ и г. Ю. Савичемъ, стало-быть, состоитъ только въ томъ, что Молвинъ признаетъ идею за произведеніе человѣка, вносимое имъ въ природу, а, по г. Савичу, идея есть какое-то особенное животное, существующее само по себѣ, независимо отъ человѣческаго сознанія, и подчиняющее себѣ матерію. Кто благоразумнѣе изъ этихъ двухъ идеалистовъ, рѣшить не трудно. Но будемъ продолжать разсказъ о сватовствѣ Ченскаго.

Ченскій является къ Онинымъ и начинаетъ съ того, что дѣлаетъ Лизѣ такіе комплименты:

Ченскій. Вы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Щечки—какъ двѣ сдобныя булочки.

Онина. Какое сравненіе!

Ченскій *(усмѣхаясь)*. А я хотѣлъ сказать, какъ двѣ поджаренныя котлетки.

Ченскій долженъ такъ говорить, потому что у него матеріальный (т.-е. глупый) взглядъ на вещи. Но авторъ заставляетъ его доходить до такихъ вещей, которыя уже такъ матеріальны (т.-е. глупы), что заставляютъ подозрѣвать, не увлекся ли самъ авторъ матеріализмомъ (въ его же собственномъ смыслѣ). Ченскій, при первомъ же свиданіи, начинаетъ говорить Ониной, что ему очень нравится «ея плечо полуоткрытое», и старается дотронуться до него; потомъ выражаетъ свое восхищеніе тѣмъ, что у нея «такой тонкій станъ, и при томъ какая полнота!»—при чемъ бросается на колѣни. Въ этомъ положеніи застаетъ его Молвинъ, которому онъ тотчасъ же предлагаетъ, чтобъ тотъ уступилъ ему свою невѣсту за 50 тысячъ. Молвинъ, разумѣется, отказывается, и тогда Ченскій начинаетъ дѣйствовать на отца Лизы. Нужно сказать, что бѣдный профессоръ занялъ нѣкогда у своей родственницы, княгини Лапиной, 30 тысячъ рублей серебромъ на воспитаніе своей дочери. На что ему понадобилась такая пропасть денегъ, и какъ онъ могъ сдѣлать такой заемъ при своихъ ничтожныхъ средствахъ? Отвѣтъ на это одинъ: Онинъ — идеалистъ. Извѣстно, что идеалисты не умѣютъ экономически тратить денегъ. Немудрено поэтому, что Онинъ истратилъ на воспитаніе своей дочери 30 тысячъ и все-таки не выучилъ ее даже тому, что не слѣдовало бы ей наединѣ съ Ченскимъ, при первомъ свиданіи, играть на арфѣ и пѣть слѣдующій романсъ:

Оставьте заботы, оставьте вы трудъ,
Склонитеся къ милой на бѣлую грудь.
Отъ страсти всесильной въ ней чувства нѣмѣютъ,
И свѣтлые взоры любовью теплѣютъ.
Когда же на арфѣ она заиграетъ,
Носясь и *волнуясь въ желаньяхъ живыхъ,*
Мечта той порою въ напѣвахъ слетаетъ
Со струнъ золотыхъ.

Тутъ, конечно, кромѣ плохихъ стиховъ, есть тоже идеализмъ; но только видно, что

Лиза Онина понимаетъ его немножко по-своему...

Пользуясь тѣмъ, что Онинъ долженъ княгинѣ, Ченскій, какъ ея наслѣдникъ, требуетъ немедленной уплаты долга, въ противномъ же случаѣ грозитъ посадить Онина въ тюрьму. Тутъ-то высказывается весь идеализмъ Онина. Онъ начинаетъ съ того, что резонируетъ: «уплачивать долги непремѣнно нужно; *не уплачивать ихъ—значитъ воровать ихъ особеннымъ образомъ*». Но вслѣдъ затѣмъ, когда Ченскій обращается къ нему съ требованіемъ уплаты, Онинъ умиленно возражаетъ: «*позвольте вамъ сказать, что если бы княгиня жила, то она простила бы мнѣ долгъ*. Она часто намекала мнѣ объ этомъ въ письмахъ». Ну, скажите, не восхитительный ли это идеализмъ! Ничего не имѣя, занимать у богатой родственницы 30 тысячъ, съ тою надеждою, что она проститъ долгъ! Это такая высота идеализма, до которой, кромѣ Онина, только и могъ возвыситься г. Ю. Савичъ въ «Атенеѣ». Г. Савичъ, съ своей стороны, тоже находитъ, что есть такой предѣлъ, за которымъ ни разсчета, ни ума не нужно, а нужно только какое-то чувство безформенное и безпредѣльное. Вотъ его слова:

«Тамъ, гдѣ оканчивается умъ человѣческій, начинается чувство, какъ продолженіе ума, какъ настойчивое, но *тщетное* (увы!) стремленіе его къ фигуральному (по риторикѣ Кошанскаго?) выраженію какой-нибудь идеи, по свойству своему *несовмѣстимой ни съ чѣмъ, что̀ предполагаетъ ограниченіе,* и переходящей поэтому въ нѣчто безформенное и безпредѣльное». (Ясно ли: отдача долга предполагаетъ ограниченіе идей займа, поэтому въ чувствахъ Онина уплата и несовмѣстима съ займомъ!). «Оно не ищетъ фактовъ, не требуетъ теорій; въ самомъ себѣ несетъ оно истину, вѣру (въ то, что долгъ простятъ), любовь, и вѣритъ, и любитъ, безъ отрицанія, безъ поясненій». (Дѣйствительно, Онинъ вѣрилъ прощенію долга по однимъ намекамъ въ письмахъ княгини).

Такъ вотъ этимъ-то высокимъ чувствомъ (неизвѣстно почему называемымъ у г. Савича *религіознымъ*) и руководится Онинъ. Но Ченскій, въ качествѣ матеріалиста, соглашается простить долгъ только въ такомъ случаѣ, ежели Онинъ отдастъ за него дочь. Онинъ уговариваетъ дочь, но та не соглашается. Вслѣдствіе этого задолжавшаго профессора тащатъ въ тюрьму. Но тутъ является бывшая горничная княгини Лапиной, Дарья Семеновна Тюмина, съ которой Ченскій, живя у княгини, имѣлъ связь — *для дешевизны*, какъ онъ выражается, и съ которою прижилъ семерыхъ дѣтей. Эта Тюмина, узнавъ о сватовствѣ Ченскаго, приходитъ къ Онинымъ, ругаетъ его и изображаетъ его матеріализмъ въ самыхъ ужасныхъ чертахъ. Напримѣръ, она разсказываетъ о слѣдующемъ проступкѣ его: «У насъ былъ слуга Ѳедоръ,—говоритъ она,—огромнаго роста, который выѣзжалъ съ княгиней и ходилъ за ней, когда она прогуливалась. Разъ, когда Ченскій говѣлъ и уже отъисповѣдался, Ѳедоръ не угодилъ ему чѣмъ-то; что̀ же Ченскій? Ну его колотить, такъ что долженъ былъ отказаться отъ свято̀го причастія; и это случалось три три недѣли сряду, и Ченскій проговѣлъ три недѣли» (стр. 47).

Столь ужасный *матеріализмъ* возмущаетъ всѣхъ, и вслѣдъ затѣмъ Тюмина, чтобъ помѣшать женитьбѣ Ченскаго и отмстить ему, сламываетъ его шкатулку, достаетъ оттуда заемное письмо его, завѣщаніе княгини и подложное завѣщаніе, составленное самимъ Ченскимъ, и все это приноситъ къ Онинымъ въ ту самую минуту, какъ Лиза, испуганная участью отца, соглашается уже выйти за Ченскаго. Тутъ, разумѣется, присутствуетъ и Молвинъ и еще полицейскій офицеръ, который теперь, вмѣсто Онина, долженъ тащить въ тюрьму Ченскаго. Но всѣ присутствующіе, какъ истинные идеалисты, оказываются столь великодушны, что не только не подвергаютъ его суду, но даже оставляютъ ему всѣ деньги, пріобрѣтенныя имъ въ торговыхъ оборотахъ, ограничиваясь лишь тѣмъ, что заставляютъ его жениться на Тюминой. Такимъ образомъ, идеалисты пріобрѣтаютъ довольство и счастіе, вполнѣ вознагражденные за свое поклоненіе идеѣ, а матеріалистъ остается въ дуракахъ, что̀ и доказать надлежало...

Кажется, очевидно: Ченскому ничего нельзя сказать въ заключеніе, кромѣ дурака, и если идеалисты въ «Сватовствѣ» тоже оказываются достаточно глупыми, такъ тѣмъ хуже для Ченскаго. Значитъ, онъ-то еще глупѣе, чѣмъ они, если далъ имъ провести себя.

Но вы, вѣроятно, несмотря на предыдущія выписки изъ «Атенея», все еще не вполнѣ убѣждены, что и г. Савичъ обошелся съ матеріалистами такъ же точно, какъ авторъ «Сватовства Ченскаго». Нѣтъ,—именно такъ. Онъ, видите, съ самаго начала поставилъ вопросъ такимъ образомъ: чтобы система философская могла проникнуть въ глубину общаго сознанія, нужно, чтобъ она «въ своей сущности и въ приложеніяхъ была *доказательна безъ доказательствъ, силою одной только истины*». Затѣмъ онъ спрашиваетъ: «гдѣ же такая система?» Оказывается, что всѣ системы сильны доказательствами, а бездоказательныхъ нѣтъ. Изъ этого для г. Савича ясно, что «истина не дается мудрецамъ» и что

нужно искать другую, *всеобщую*, *универсальную истину*, которой бы не только нельзя было доказать, но противъ которой были бы всѣ вѣроятности, представляемыя близорукимъ разумомъ. Затѣмъ, слѣдуютъ ругательства на тѣхъ, кто ищетъ доказательной истины путемъ опыта, а не путемъ вѣры въ универсальную, бездоказательную истину: «Наше время, — съ горечью говоритъ г. Ю. Савичъ, — сдѣлалось особенно требовательнымъ и взыскательнымъ; на-слово нынче не вѣрятъ, на всѣ умозрѣнія махнули рукой (quelle horreur!), и наше—только то, что̀ наука или опытъ сдѣлаютъ доказательнымъ и наглядимъ (оррёръ, оррёръ!)... Молодое поколѣніе гордится своими новыми убѣжденіями; оно *будто бы* взяло ихъ изъ науки... У насъ впереди идетъ наука, а мы, не разсуждая много, молча слѣдуемъ за ней и только указываемъ на новые источники свѣта желающимъ просвѣтиться по модѣ, на скорую руку. Нынче на все готовая мода; готовыя убѣжденія еще легче пріобрѣтаются, чѣмъ готовое платье, и тѣмъ болѣе нравятся, что приходятся всякому по головѣ. Въ чемъ состоятъ эти убѣжденія? Въ отрицаніи всего, что не можетъ быть строго доказано опытомъ...» (стр. 256).

Пересчитавши ужасы, происходящіе отъ подобнаго довѣрія къ опыту, г. Савичъ восклицаетъ потомъ: «не перечесть всего зла, да и къ чему? Каждый изъ новыхъ людей чувствуетъ самъ, что ему недостаетъ чего-то, что онъ утратилъ что-то, очень для себя дорогое! Холодно смотритъ впередъ молодое поколѣніе, холодно вокругъ озирается, но не вѣрьте этому смѣлому равнодушію, не называйте его зрѣлостью» и пр... Далѣе г. Савичъ объясняетъ, что молодое поколѣніе только такъ, прикидывается, будто вѣритъ наукѣ и опыту, а въ самомъ-то дѣлѣ жаждетъ «универсальной, бездоказательной истины».

Да и помилуйте, — что̀ такое наука, чтобы ей ввѣриться! Послушайте-ка г. Ю. Савича: въ важнѣйшихъ вопросахъ о мірѣ и человѣкѣ, по его словамъ,—пылкіе адепты науки, упоенные успѣхами, спѣшатъ высказать свои надежды и, увлекаясь все больше и больше, произносятъ съ комической важностью рѣшительный приговоръ, — *такой грубый, такой безобразный, такой безчеловѣчный приговоръ!*.. Вы удивляетесь, читатель (замѣчаетъ *самъ* г. Ю. Савичъ), вамъ странно слышать такое рѣзкое сужденіе надъ тѣмъ, *что̀ называютъ успѣхами науки* (то-есть, здѣсь разумѣются, вѣроятно, все тѣ же *современныя идеи*, на которыя такъ вооружаются гг. Барковъ и Кульжинскій съ братіею!). Но успокойтесь! въ сокровищницахъ ея много есть всякаго хлама, и стараго, и новаго,—не все же принимать за золото (стр. 273). Но что̀ же именно надо принять за золото и что̀ за хламъ? Какъ это узнать? Вѣдь всякія *доказательства* и *внѣшніе признаки* г. Савичъ отвергаетъ и презираетъ!.. А вотъ слушайте:

«Только то останется истиннымъ сокровищемъ, дорогимъ достояніемъ науки, что̀ выйдетъ чистымъ изъ горнила душевнаго, изъ сознанія нашего,—единственно возможной пробы, когда дѣло идетъ о предметахъ высшаго духовнаго значенія. Но если вамъ выдаютъ за истину такія понятія, которыя противорѣчатъ вашему сознанію, разуму, чувству—неужели вы примете ихъ, потому только, что сулятъ вамъ ихъ во имя науки? Не можетъ быть, если вы человѣкъ не легкомысленный и не тщеславный» и пр.

Переведемъ эти идеальныя фразы на простой языкъ; онѣ будутъ значить вотъ что̀:

«Вы хотите учиться, потому что сознаете себя недостаточно образованнымъ. Но не думайте, что наука должна расширить вашъ взглядъ, иначе сгруппировать знакомые вамъ предметы, представить ихъ вамъ въ новомъ свѣтѣ, сдѣлать доступными вашему сознанію такіе предметы, которыхъ вы прежде не сознавали, возбудить въ васъ новыя сочувствія и новыя антипатіи, невѣдомыя вамъ прежде. Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Вы должны принимать изъ науки только то, что̀ постоянно будетъ согласоваться съ вашимъ *сознаніемъ*, *разумомъ*, *чувствомъ*,— на той степени, на которой они стоятъ при началахъ вашихъ занятій наукой. Поэтому, ежели вамъ говорятъ, что земля движется вокругъ солнца, что солнце больше земли, а нѣкоторыя звѣзды, видимыя вами, еще больше солнца, и т. п.,—«неужели вы повѣрите этому, потому только, что все это говорятъ вамъ во имя науки? Не можетъ быть, если вы человѣкъ не легкомысленный и не тщеславный». Точно такъ и въ мірѣ нравственныхъ началъ, — ежели вы стоите на той степени развитія, до которой дошелъ г. Дымманъ [1]) въ своей «Наукѣ жизни» или г. Миллеръ-Красовскій [2]) въ своей педагогикѣ, — то, пожалуйста, и оставайтесь при своемъ, ежели только вы человѣкъ не легкомысленный и пр. Пусть наука толкуетъ вамъ о разныхъ филантропическихъ понятіяхъ въ воспитаніи, пусть представляетъ теорію новыхъ общественныхъ отношеній, основанныхъ на честности и правдѣ, а не на угожденіи всякому и не на обезличеніи самого себя. Вы не должны принимать подобныхъ внушеній, потому что въ нашемъ сознаніи есть уже противоположныя начала;

[1]) См. № 303.
[2]) См. № 306.

а если вы имъ измѣните, то покажете, что вы человѣкъ легкомысленный или тщеславный».

Какое торжество для г. Дыммана, для г. полковника П. С. Лебедева [1]), для г. Баркова [2]), для всѣхъ [возможныхъ Митрофанушекъ нашего времени!] [3]). Господинъ Ю. Савичъ въ «Атенеѣ» разрѣшаетъ имъ не учиться, не вѣрить наукѣ, презираетъ ее, если она только осмѣлится сказать что-нибудь вопреки ихъ единичному сознанію и чувству. Если сознаніе и чувство откупщика заставляютъ его считать [гибелью для государства] [4]) распространеніе трезвости; если сознаніе и чувство американскаго плантатора велитъ ему считать святымъ и неприкосновеннымъ дѣломъ угнетеніе негровъ; если взяточникъ находитъ въ своемъ сознаніи и чувствѣ уголовныя обвиненія противъ людей, порицающихъ взятки, то правы эти люди, отвергая всякія логическія убѣжденія, выработанныя общественными науками! По г. Савичу, слѣдуетъ восхищаться ими, какъ людьми не легкомысленными и не тщеславными. Да что̀ ужъ говорить объ этихъ людяхъ! Авторитетъ г. Савича разрѣшаетъ всякому недорослю не учиться и презирать науку. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ учиться, ежели я изъ науки не смѣю и не долженъ принимать ничего, не согласнаго съ тѣмъ, что̀ *теперь* я знаю и чувствую? Въ чемъ же будетъ состоять мое пріобрѣтеніе? Гораздо лучше довольствоваться *универсальной*, *бездоказательной* истиной, которой, къ такому огорченію г. Савича, не оказывается ни въ одной философской системѣ, да заняться *самосознаніемъ*, «въ которомъ выражается высшее органическое единство сознательной идеи»,— какъ выражается не совсѣмъ понятно г. Савичъ на стр. 286 [5]).

[1]) См. № 305.

[2]) Порнографическій поэтъ.

[3]) не любящихъ науку и ея успѣхи!

[4]) гибельнымъ.

[5]) Вотъ его слова, со всѣми его курсивами. «Идея—*непосредственное* произведеніе всеобъемлющаго разума, *недѣлимаго* въ своей сущности, но *безконечно производительнаго;* такъ что природа вся, весь видимый міръ — живая книга, въ которой высочайшій разумъ запечатлѣлъ свои божественныя истины. Отсюда, поэтому, слѣдуетъ, что изученіе и раскрытіе законовъ разума, выраженныхъ во всемъ эмпирическомъ мірѣ, составляетъ сущность науки. Идея, олицетворенная человѣкомъ и *живущая въ немъ*, составляетъ сущность его разума, какъ сознательной идеи разума Божественнаго, которая достигаетъ въ человѣкѣ высшаго органическаго единства, выраженнаго *самосознаніемъ*».

Читателю предоставляется рѣшить, что̀ преобладаетъ въ этомъ отрывкѣ — краснорѣчіе или туманность изложенія. Впрочемъ, оба эти качества находятся въ такомъ близкомъ родствѣ между собою!..» *Прим. Д.*

Вообще г. Ю. Савичъ въ своемъ идеализмѣ заносится такъ далеко, что совершенно теряетъ изъ виду человѣческія потребности и всякія условія здраваго смысла. Онъ ужасно крѣпко держится на своей бездоказательной истинѣ, и въ самомъ дѣлѣ нисколько не доказываетъ ее. Зато реторика у него въ большомъ ходу, и онъ прибѣгаетъ къ ней даже тамъ, гдѣ вовсе этого не нужно. Напр., неужели нельзя было объяснить достоинство человѣка проще и спокойнѣе, чѣмъ какъ дѣлаетъ это г. Савичъ въ слѣдующихъ строкахъ («Атеней», стр. 284):

«Не можетъ быть ничего прекраснѣе, ничего выше и благороднѣе человѣка! Всмотритесь только поглубже въ него, и вы согласитесь со мною; всмотритесь, какъ свѣтлый лучъ Божественной сущности прошелъ черезъ матерію въ безконечныхъ мріадахъ жизненныхъ формъ, все подчиняя *безусловно и безотвѣтно* непреложнымъ законамъ своимъ, и только въ лицѣ человѣка, самъ озаривъ себя свѣтомъ своимъ, узрѣлъ, распозналъ себя, *почувствовалъ Бога* [1])—сталъ человѣкомъ. Сколько свѣта льется отсюда!.. Такъ вотъ гдѣ душа человѣка — завѣтная колыбель добра, правосудія, разума и любви!.. Но, Боже праведный, какъ отступились отъ Тебя люди Твои, какъ дурно пользуются они свободой и разумомъ — лучшими дарами Твоими!.. Сколько втунѣ протекло вѣковъ, ничѣмъ себя не отмѣтившихъ, или постыдно прославленныхъ самозабвеніемъ человѣка, непониманіемъ Божественныхъ истинъ, злоупотребленіемъ свободы и разума... Да, много зла вопіетъ о правосудіи, и было бы, кажется, довольно одной исторіи человѣчества, чтобъ получить право отрицать въ человѣкѣ и душу, и разумъ Божественный... Самъ затопталъ себя въ грязь человѣкъ, самъ отвернулся отъ Бога своего и отрекся отъ себя, а истина все-таки свѣтитъ въ душѣ его, и не закрыть ее никакими софизмами. Но пора проснуться! пора заглянуть намъ поглубже въ себя, пора намъ развѣдать, откуда намъ этотъ свѣтъ и отчего, хоть при случайно-вызванномъ блескѣ его, такъ *тревожно* бьется сердце, такъ *робко* шепчутся страсти, смиряется дерзкая мысль, и *смутно, неловко* становится человѣку, какъ будто *стыдно* самого себя... *Счастливыя* [2]) минуты! кто васъ не знаетъ, кто не отмѣтилъ васъ хоть разъ въ своей жизни?..»

Вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ г. Савичъ отличается и замысловатостью, которая въ иныхъ мѣстахъ грозитъ даже перейти въ глубокомысліе. Напр., послушайте, какъ г. Савичъ объясняетъ отношеніе разума къ матеріи—числовыми сравненіями:

Отнимите одну часть отъ единицы, и единица превратится въ часть, отнимите всѣ части, и единица превратится въ 0, гдѣ вы не найдете ни

[1]) Курсивъ у самого автора. *Прим. Д.*

[2]) Счастье-то, подумаешь, въ чемъ заключается!.. Когда человѣку *стыдно, неловко, смутно, тревожно*, тогда онъ и счастливъ!... О, г. Савичъ! Не даромъ же разсуждалъ онъ еще въ прошлогоднемъ Атенеѣ,—«объ отношеніи идеала человѣческаго блаженства къ идеалу счастья собачьяго!» *Прим. Д.*

конца, ни начала. Такъ и здѣсь: *единичность*, съ одной стороны, *безграничная общность*, съ другой, а части являются посредниками между тѣмъ и другимъ, между всеобщимъ и единичнымъ. Читатель, пожалуй, въ шутку можетъ упрекнуть меня, что я привелъ къ нулю безграничную общность разума, но если, оставивъ шутки, всмотрѣться въ значеніе нуля, то не трудно будетъ убѣдиться, что нуля не существуетъ ни въ смыслѣ цѣлаго, ни въ смыслѣ частей, *хотя его непостижимое существованіе не менѣе того реально*».

Не угодно ли, въ самомъ дѣлѣ, всмотрѣться въ «непостижимое реальное существованіе несуществующаго нуля»? Какая прекрасная задача послѣ сытнаго обѣда, для лучшаго пищеваренія? И какое торжество для бездоказательной, универсальной истины, открытой г. Савичемъ въ «Атенеѣ!..» Недаромъ же онъ восклицаетъ въ своей статьѣ: «здѣсь истина, здѣсь она—во всемъ величіи красоты и могущества своего! А мы, какъ слѣпцы, бродили вокругъ», и пр... Опять слѣдуютъ тѣ же увѣренія, что всѣ ищущіе доказательствъ для истины—дураки круглые...

И однако—странное дѣло!—у этихъ самыхъ дураковъ, у этихъ несчастныхъ, не понимающихъ универсальной истины, г. Савичъ нашелъ теорію, которая ему не нравится только потому, что она слишкомъ ужъ высока и идеальна!.. Вы, конечно, не вѣрите этому, потому мы еще разъ приведемъ слова самого г. Савича. Онъ излагаетъ теорію, которую принимаютъ, по его словамъ, матеріалисты (разумѣй: глупцы),—и вотъ какъ заставляетъ онъ ихъ высказывать свои убѣжденія (стр. 275):

«У насъ теперь, какъ недавно выражался кто-то, на первомъ планѣ стоитъ человѣкъ и его прямое существованіе—благо. *Мы убѣдились* (!), что абсолютнаго ничего нѣтъ, а все имѣетъ значеніе и достоинство только относительное. А чтобъ мы были честны, великодушны и справедливы, намъ довольно только знать, что мы находимся въ кровномъ родствѣ съ человѣчествомъ; не нужно намъ для этого ни вашихъ принциповъ, ни душъ, съ какими-то врожденными понятіями о добрѣ и злѣ. Это все для насъ слишкомъ абстрактно. Добро и зло—понятія относительныя; не то хорошо, что нравится мнѣ одному, но то, что и вамъ, и всѣмъ приходится по сердцу; а гдѣ всѣмъ хорошо, тамъ, повѣрьте, и намъ съ вами будетъ недурно. Вотъ вамъ и абсолютно-хорошее, и тѣмъ же путемъ можете найти даже и абсолютно-злое, о чемъ наши философы, кажется, и не догадывались. Дѣйствовать каждому за всѣхъ и всѣмъ за каждаго—вотъ нашъ принципъ, и ведетъ онъ насъ не къ ложному счастью».

Изложивъ мысли противниковъ, г. Савичъ представляетъ и свои опроверженія,—вотъ въ какомъ родѣ:

«Прекрасное правило, если это дѣйствительно правило, а не просто громкая фраза, но ею прикрывается, къ несчастью, такая пустота, такая *tabula rasa*, что мы рѣшаемся разоблачить ее и показать изнанку той блестящей мантіи, въ которую драпируется нашъ вѣкъ. Мы никогда не сомнѣвались въ такомъ чувствѣ, которое забываетъ о себѣ для всѣхъ, которое предпочитаетъ благо общее своимъ собственнымъ интересамъ; *мы вѣрили всегда въ плодотворность подобнаго чувства, но знали его только, какъ исключеніе изъ общаго правила, тщательно отмѣчаемое въ числѣ рѣдкихъ историческихъ примѣровъ: никто бы никогда не рѣшился основать на немъ солидарность человѣческихъ отношеній, и слѣдуетъ для этого искать другого, болѣе надежнаго основанія*».

Смыслъ этого возраженія, кажется, ясенъ. Другими словами это будетъ вотъ что: «Вы, господа матеріалисты, хотите основать общее благо на круговой порукѣ интересовъ, на естественной наклонности людей участвовать въ дѣлахъ общихъ. Въ теоріи вы справедливы; но ваши надежды слишкомъ идеальны. Мы, идеалисты, подобное сліяніе личнаго интереса съ общимъ считаемъ лишь блестящимъ исключеніемъ, которое, какъ рѣдкость, отмѣчается въ исторіи. Не смѣйте же насъ увѣрять, что ваша наука, ваша теорія довели васъ до такихъ результатовъ; этого быть не можетъ... Это ужъ слишкомъ хорошо и высоко... Гдѣ же дойти до этого вашей наукѣ? Тутъ непремѣнно нужно другое основаніе... Вотъ мы, идеалисты, могли бы еще вывести столь благотворные результаты, да и то не выводимъ, считая ихъ лишь исключительными, рѣдкими явленіями. Куда же, послѣ этого, вы-то суетесь?»

Такимъ образомъ, роли перемѣняются, и *матеріалисты* упрекаются въ томъ, что они слишкомъ ужъ *идеальны*. Что тутъ дѣлать бѣднякамъ, которыхъ сначала обругали, а потомъ обличаютъ въ неспособности дойти до того, до чего они ужъ дошли! Это опять повтореніе стараго анекдота о педагогѣ, который ругалъ мальчика за то, что тотъ слишкомъ скоро рѣшилъ его задачу. «Какъ ты могъ рѣшить ее, когда я самъ еще не успѣлъ окончить «вычисленія»!»—«Да я по другому способу рѣшилъ ее».—«Какіе могутъ быть у тебя другіе способы, когда ты еще дуракъ, мальчишка, ничего не понимаешь. Это у меня можетъ явиться другой способъ, ибо я учитель... Да и то, вотъ видишь, я рѣшаю по старому способу... Куда жъ тебѣ?» — «Однакоже, я рѣшилъ вашу задачу, и совершенно удовлетворительно».—«Вздоръ, врешь; это только такъ кажется,—потому что всѣ доказательства подведены, и выводъ сдѣланъ вѣрный... А въ самомъ-то дѣлѣ гдѣ же тебѣ? Тутъ надобно универсальную истину, чтобы безъ доказательствъ было доказательно, безъ смысла умно» и пр.

Какъ прикажете толковать съ этакимъ наставникомъ? Не лучше ли оставить его въ блаженномъ убѣжденіи, что у него одного

только ключъ къ истинѣ, и что всякій, кто несогласенъ съ нимъ, совершенно глупъ? Не лучше ли и намъ покончить тѣмъ же съ г. Савичемъ, столь краснорѣчивымъ и послѣдовательнымъ г. Савичемъ?

Но, разставаясь съ нимъ и съ авторомъ комедіи «Сватовство Ченскаго» (если это не одно и то же лицо...), воспользуемся случаемъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ объ идеалистахъ и матеріалистахъ, какъ они рисуются у разсмотрѣнныхъ нами авторовъ.

1) По «Сватовству Ченскаго», идеалисты любятъ жить на чужой счетъ, занимая деньги безъ отдачи.

2) Матеріалисты бываютъ очень [набожны и по три недѣли говѣютъ, лишая себя причащенія] [1]) за проявленія вспыльчивости характера (см. стр. 267).

3) Идеалисты любятъ вѣрить намекамъ, особенно когда эти намеки обѣщаютъ имъ прощеніе долга.

4) По «Сватовству Ченскаго» и по г. Савичу,—матеріалисты составляютъ синонимъ дурака; они составляютъ фальшивыя завѣщанія и хранятъ ихъ вмѣстѣ съ подлинными, составленными противъ нихъ; они держатъ у себя въ цѣлости украденныя ими заемныя письма на нихъ же...

5) По г. Савичу, «каждый индивидуумъ идеалиста прямо вытекаетъ изъ идеи, которая въ немъ реализируется, принимая форму вещественности».

6) Матеріалисты никуда не годятся, главнымъ образомъ потому, что они слишкомъ идеальны, такъ что признаютъ общимъ нравственнымъ требованіемъ то, чему идеалисты могутъ только удивляться какъ рѣдкому исключенію.

7) Изъ всего этого слѣдуетъ, что идеализмъ неизбѣженъ въ матеріализмѣ, по понятіямъ г. Савича, и что оба эти начала чрезвычайно перепутаны и перемѣшаны,—если не въ мірѣ, то въ головахъ г. Савича и автора «Сватовства Ченскаго» (если это не одно и то же лицо...).

---

327. Лучи и тѣни.

Сорокъ пять сонетовъ *Д. фонъ-Лизандера.* Москва. 1859.

Стихотворенія.

В. Бажанова. Спб. 1859.

Стихотворенія.

Александрова. Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 325.

М. Л.

Господинъ Д. фонъ-Лизандеръ пріобрѣлъ уже себѣ почетную извѣстность въ нашей литературѣ, какъ участникъ знаменитаго протеста противъ поступка «Иллюстраціи» [2]). Въ 22-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за прошлый годъ имя его красуется въ числѣ протестантовъ, между именами Я. Савурскаго и Ѳ. Тимирязева, съ одной стороны, и Д. Хитрова, Д. Хомякова, И. Хомякова и С. Хомякова—съ другой. Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности говорить о возвышенности и благородствѣ чувствованій, которыми должны быть проникнуты сорокъ пять сонетовъ г. фонъ-Лизандера. Правда, высокія качества своего нравственнаго характера г. фонъ-Лизандеръ заявилъ еще во время восточной войны, когда написалъ весьма грозное патріотическое стихотвореніе «Нашимъ врагамъ». Но это обстоятельство все еще было не столь блистательно и рѣшительно, какъ то, когда г. фонъ-Лизандеръ сталъ въ ряды побѣдоносной арміи, такъ громогласно ополчившейся на защиту гг. Чацкина и Горвица отъ страшнаго «Знакомаго человѣка». Этотъ послѣдній подвигъ замѣтно отразился на самомъ

[1]) строги къ своей нравственности и сурово наказываютъ себя

[2]) См. № 252.

характеръ сонетовъ г. фонъ-Лизандера, большая часть которыхъ писана въ 1858 году. Бродитъ ли онъ по лѣсу,—ему тотчасъ представляется грамматическая темнота въ извѣстной фразѣ «Иллюстраціи», темнота, освѣщаемая только протестомъ... Эта поэтическая мысль возбуждаетъ въ немъ слѣдующее обращеніе къ *душѣ*, подъ которою можно разумѣть душу несчастнаго, оклеветаннаго «Знакомымъ человѣкомъ».

О, душа! Какъ ни столпились плотно
Вокругъ тебя *печали великаны* [1]),
Но и въ тьмѣ [2]), съ нихъ льющей и подъ ноги
И на грудь, все блещутъ искрометно,
То какихъ-то свѣтлыхъ думъ поляны [3]),
То къ какимъ-то звучнымъ днямъ дороги [4]).

Мы полагаемъ, что эти стихи именно относятся къ *клеветѣ и обличенію* «Иллюстраціи», потому что только при такомъ объясненіи и можно найти въ нихъ нѣкоторый смыслъ.

Къ этому же знаменитому дѣлу относятся, вѣроятно, и тѣ стихи, въ которыхъ г. Д. фонъ-Лизандеръ увѣряетъ, что морозъ не препятствуетъ ему предаваться благороднымъ порывамъ. Извѣстно, по словамъ Гоголя, «всякому, даже не учившемуся въ семинаріи», что поступокъ «Иллюстраціи» совершился въ ноябрѣ. Вслѣдствіе того, г. фонъ-Лизандеръ и пишетъ, что прежде любовь согрѣвала его въ зимній холодъ:

Но теперь—не то. *Иныя пѣнія* [5])
Въ эту *ночь* [6]) мой зрѣлый слухъ внимаетъ.
Тѣни думъ въ блестящія видѣнья
Тайный звукъ предъ сердцемъ претворяетъ,
И роскошный пламень вдохновенья [7])
И въ морозь—грудь жаромъ обливаетъ...

На «Иллюстрацію» же, кажется, написалъ г. фонъ-Лизандеръ и слѣдующій сонетъ:

Сѣрый день *блеститъ темно и кисло* [8]),
Пятна лужъ покрыли грязный дворъ,
Мокрый быкъ глядитъ на нихъ безъ смысла,
Цѣпь *воронъ* покрыла весь заборъ [1]).
У колодца чье-то коромысло
Позабыто, и ужъ съ давнихъ поръ
На бадьѣ приподнятой повисло...
Вотъ и все, что̀ видитъ праздный взоръ [2]),
Да не больше пищи и для слуха:
Развлекла его бѣдняжка муха
Смертной пѣсней въ лапахъ паука [3]).
Но и сердце тянетъ пѣсню ту же:
И его облапила не хуже,
Чѣмъ паукъ, смертельная *тоска* [4]).

Если мы не ошибаемся въ смыслѣ, какой даемъ этому стихотворенію, г. фонъ-Лизандеръ обладаетъ замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ. Впрочемъ, мысль свою—основную мысль почти всѣхъ его произведеній—о томъ, что не нужно клеветать и вообще лгать, г. фонъ-Лизандеръ выражаетъ не только въ юмористическомъ тонѣ, но и въ звучныхъ диѳирамбахъ. Напримѣръ, вотъ заключеніе стихотворенія «Во храмѣ», также написаннаго подъ вліяніемъ мысли о гнусности клеветы:

О! да, да. Пусть хоть разъ и этотъ блескъ лампадный [5]),
И дымъ кадилъ, и хоръ, и сонмъ святыхъ громадный
Всѣмъ этимъ дѣтямъ лжи хоть разъ воскликнутъ грозно,
Что здѣсь, предъ божествомъ—*не мѣсто фарисейству,*
А мѣсто ханжеству, разврату и злодѣйству (sic!)
Покаяться всѣмъ сплошь, да плакать слезно, слезно.

Въ послѣднихъ стихахъ недостаетъ смысла, но этотъ недостатокъ легко искупается избыткомъ благородныхъ чувствованій... по крайней мѣрѣ въ глазахъ многихъ протестантовъ!

Впрочемъ, подвиги гражданской доблести не проходятъ даромъ поэтамъ. Одаренный, какъ видно, пылкимъ воображеніемъ, г. фонъ-Лизандеръ, послѣ совершенія своего благороднаго дѣла, подвергся весьма безпокойнымъ мечтаніямъ. Онъ представилъ себѣ, что ложь, въ видѣ «Знакомаго человѣка», гонится за нимъ, и, одержимый паническимъ страхомъ, г. фонъ-Лизандеръ

---

[1]) Намекъ на большой форматъ «Иллюстраціи». *Прим. Д.*

[2]) Злая иронія надъ самымъ названіемъ «Иллюстраціи», которое значитъ «освѣщеніе». *Прим. Д.*

[3]) Здѣсь, вѣроятно, разумѣются «Московскія Вѣдомости», открывшія у себя поляны, т.-е. страницы для протеста. *Прим. Д.*

[4]) Этотъ стихъ, должно быть, относится къ «Русскому Вѣстнику», который звучно показывалъ дорогу протестантамъ. *Прим. Д.*

[5]) Нужно разумѣть — пѣвучія прокламаціи «Русскаго Вѣстника». *Прим. Д.*

[6]) Метафорическое выраженіе, коимъ обозначаются обыкновенно невѣжество и нечистота сердца; а вмѣстѣ съ тѣмъ опять и колкость «Иллюстраціи». *Прим. Д.*

[7]) Возбужденнаго подпиской противъ «Знакомаго человѣка». *Прим. Д.*

[8]) Очевидно, здѣсь намекъ на рисунки, помѣщающіеся въ «Иллюстраціи», равно какъ и въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ говорится о *пятнахъ*. *Прим. Д.*

[1]) Эти два стиха, при всей своей художественной прелести, составляютъ не слишкомъ лестный комплиментъ читателямъ «Иллюстраціи». *Прим. Д.*

[2]) Это нужно относить къ бѣдности рисунковъ въ «Иллюстраціи». *Прим. Д.*

[3]) Очевидно, здѣсь олицетворяется беззащитное положеніе оклеветаннаго «Знакомымъ человѣкомъ». *Прим. Д.*

[4]) Здѣсь поэтически выражается тоскливое чувство, произведенное во всѣхъ друзьяхъ прогресса поступкомъ «Иллюстраціи», хуже котораго они ничего не видали на Руси. *Прим. Д.*

[5]) *О! да, да. Пусть хоть разъ*... Замѣчательный спондей, могущій поспорить съ извѣстнымъ образцовымъ спондеемъ: «Галлъ, Грекъ, Персъ» и пр. *Прим. Д.*

Вологод. жел. дор.
Библиотека „КОР"

бѣжитъ, скачетъ... «Знакомый человѣкъ» за нимъ, и г. фонъ-Лизандеръ, въ мрачномъ безпокойствѣ, восклицаетъ своему ямщику:

Погоняй! По колеямъ, по глади,
Погоняй! Во весь опоръ скачи!
Отъ того, что̀ мчится тутъ же сзади,
О, скорѣй, скорѣй меня умчи!

Ложь въ устахъ, ложь и обманъ во взглядѣ,
Всѣхъ надеждъ померкшіе лучи,
Мой кумиръ [1]), но въ площадномъ нарядѣ —
Вотъ что̀ сзади... Сердце, помолчи!

Тройка вскачь, во весь опоръ несется.
Я лечу, какъ молнія летитъ...
Что̀ ни мигъ, все дальше остается

Эта ложь... Но что̀ж меня умчитъ
Отъ моихъ слезъ, жгучихъ язвъ, стенаній,
Отъ твоихъ, о, память, содроганій?

Послѣдніе стихи достойно заключаютъ это стихотвореніе, превосходно выражающее необычайный страхъ, наводимый на поэта мыслью, что за нимъ гонится «Знакомый человѣкъ» съ рисунками «Иллюстраціи».

Зная теперь, какой страхъ испытывалъ г. фонъ-Лизандеръ, мы не удивимся, узнавъ отъ него, что и самый протестъ, подъ которымъ онъ подписался, не доставляетъ ему наслажденія, а, напротивъ, *казнитъ* его. Въ отчаяніи г. фонъ-Лизандеръ восклицаетъ:

Казнитъ меня все, все: дни силъ и дни безсилья,
Казнитъ и то, чѣмъ жилъ, и то, чѣмъ я не жилъ,
Казнитъ и то, куда я еле двинулъ крылья,
Казнитъ и то, къ чему во всю ихъ мочь
спѣшилъ.

Послѣдній стихъ, очевидно, указываетъ на тотъ благородный энтузіазмъ, съ которымъ всѣ друзья нашей гласности и прогресса спѣшили стать въ ряды защитниковъ гг. Чацкина и Горвица... Грустно видѣть психологическій результатъ, оставленный этимъ блистательнымъ дѣломъ въ сердцѣ и умѣ г. фонъ-Лизандера!.. Вмѣсто гордаго наслажденія и могучаго самодовольства, онъ испытываетъ и выражаетъ въ своихъ стихахъ лишь малодушныя мечты разстроеннаго воображенія. То у него «ужасъ и кручина—дыбомъ волосы поднимутъ на челѣ»; то у него «въ глаза слой ржавчины голодной глядитъ и мглы чернѣй»; то представляются ему «десятки палачей и топоръ въ размахѣ»; то снится ему,—

Что онъ уснулъ и спитъ подъ райскими кудрями
Какихъ-то райскихъ женъ, и видитъ, упоенный,
Какъ херувимовъ рой, сквозь шелкъ ихъ, благосклонно
Взираетъ на него сапфирными очами...

То онъ испытываетъ странное чувство во время прогулки и вдругъ, *какъ опьяненный,* садится на пень и въ этомъ поэтическомъ положеніи размышляетъ:

Я присѣлъ на пень, какъ опьяненный.
Свѣтлый воздухъ, зноемъ пропоенный,
Легъ, какъ ласка милой на плечахъ...

О, Творецъ! Ужъ если здѣсь такая
Нѣга есть,—что̀ж тамъ насъ ждетъ, сіяя
Въ благодатныхъ этихъ небесахъ?..

Пылкое воображеніе г. фонъ-Лизандера доходитъ до того, что подвергаетъ его слѣдующей непріятности. У поэта былъ во владѣніи лѣсъ. «Деревьевъ вѣковыхъ наслѣдникъ небогатый», онъ продалъ ихъ на срубъ. Но когда стали ихъ рубить, то ему вообразилось вотъ что̀:

...Точь въ точь передо мною губятъ
Не лѣсъ, — моихъ друзей, и головы имъ рубятъ...

Богъ знаетъ, до чего бы могло дойти разстроенное воображеніе г. фонъ-Лизандера, если бы не успокоилъ его «ангелъ-хранитель» такою пѣсенкой:

Спи, бѣдный, спи! *Усыпленіе безпечное—*
Лучшее благо сердцамъ.
Въ немъ ты поймешь усыпленіе вѣчное,
То, что̀ могила дастъ намъ.

И г. фонъ-Лизандеръ спитъ,—и, можно сказать, спитъ на лаврахъ, послѣ знаменитаго протеста. Впросонкахъ пишетъ онъ стихи, большею частью лишенные смысла и всегда нескладные; но «когда же складны сны бываютъ?» Будемъ довольны и тѣмъ, что въ сонныхъ стихахъ г. фонъ-Лизандера все-таки увѣковѣчена для потомства исторія знаменитаго протеста [1]).

Что касается до характера поэтическаго генія г. Бажанова, то мы надѣемся опредѣлить его довольно вѣрно, сказавши, что въ семъ піитѣ представляется намъ суровый пуританинъ, одержимый эротическими страстями. Съ одной стороны—вотъ какіе обличенія и совѣты:

[1]) Какъ видно, г. фонъ-Лизандеръ въ прежнее время любилъ «Иллюстрацію», въ которой, кажется, помѣщалъ даже свои стихотворенія. *Прим. Д.*

[1]) Очень можетъ быть, что г. фонъ-Лизандеръ, или кто-нибудь другой за него (изъ протестантовъ), проснется вновь и сочинитъ протестъ противъ, насъ, въ которомъ докажетъ, что въ «Лучахъ и тѣняхъ» нѣтъ ни малѣйшаго намека на «Иллюстрацію» и «Знакомаго человѣка», и что наши предположенія составляютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ бездоказательное посягательство на мысль поэта,—это священнѣйшее достояніе души человѣческой. Если такой протестъ (какъ мы дожидаемъ) состоится, то заранѣе просимъ дозволенія напечатать его въ «Свисткѣ». «Свистокъ» будетъ очень счастливъ, если удостоится этой чести! *Прим. Д.*

О, смертный! не ропщи на свой удѣлъ!
Вооружись терпѣніемъ и вѣрой,
Неси свой крестъ покорно,—и Господь
Сторицею воздастъ тебѣ въ той жизни
За здѣшнія лишенія твои...
Все тлѣнъ: богатство, почести и слава;
Ты ничего съ собою не возьмешь
Въ тотъ неизбѣжный часъ, какъ Ангелъ смерти
Отъ тяжкихъ узъ тѣлесныхъ разрѣшитъ
Безсмертью предназначенную душу;
Тогда предъ неумытнымъ Судіей
Предстанетъ не вельможа знаменитый
И не богачъ,—предстанетъ человѣкъ,
Съ порочными иль добрыми дѣлами,
И приметъ мзду, заслуженную имъ...
Благоговѣй, смирись предъ Провидѣньемъ:
Его рука путемъ тернистымъ бѣдствій
Къ небесному блаженству насъ ведетъ;
Здѣсь только тотъ и счастливъ, и покоенъ,
Кто, жребіемъ довольствуясь своимъ,
Съ терпѣніемъ удары рока сноситъ.

А съ другой стороны вотъ какія «Воспоминанія старушки»:

Ахъ,—и я была когда-то молода,
И слыла въ селѣ красавицей тогда!..
Какъ пойду, бывало, павой въ хороводъ,
Мною весь честной любуется народъ...
Парни-молодцы, какъ мухи къ меду, льнутъ
И проходу красной дѣвкѣ не даютъ...
Только слышишь: Марѳа,—спой да попляши!
У те голосъ, у те ножки хороши!..
Кто орѣшковъ, кто гостинцевъ мнѣ сулитъ,
Кто колечкомъ, кто платочкомъ подаритъ,—
А Степанъ,—лихой, удалый молодецъ,
Заручилъ меня, младую, подъ вѣнецъ...
Подъ вѣнцомъ я рдѣла, словно маковъ цвѣтъ,
Говорили: краше дѣвки въ свѣтѣ нѣтъ...
А теперь гдѣ ты,—скажи, моя краса?..
Посѣдѣла темнорусая коса;
По селу едва-едва брожу съ клюкой,—
Одолѣла старость съ хворостью лихой, и пр.

И опять — съ одной стороны сѣтованія на порочность всего міра:

Насъ обуялъ корысти духъ лукавый,
Его рабы,—мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ,
До гроба ищемъ тлѣнныхъ благъ и славы,
Какъ будто въ насъ души нетлѣнной нѣтъ и пр.

а съ другой — восхищеніе женскимъ локономъ и разсказъ о поцѣлуѣ, «полномъ нѣги безмятежной»... Да еще это было не бѣда,—хотя, конечно, и локонъ подходитъ къ разряду *тлѣнныхъ* благъ. Ну, да ужъ положимъ, что имъ еще можно утѣшаться, потому что волосы все-таки не такъ скоро истлѣютъ, какъ остальныя части тѣла... Но вѣдь дѣло въ томъ, что г. Бажановъ въ своемъ пристрастіи къ локону заходитъ ужъ слишкомъ далеко. Онъ восклицаетъ:

Ты *одинъ* души томленье,
Думы скорбныя мои,
Въ грустный часъ уединенья
Услаждаешь, даръ любви!

Эти стихи находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ назидательнымъ настроеніемъ г. Бажанова, ихъ нельзя признать законными дѣтьми его пуританской музы. *Одинъ* локонъ услаждаетъ его томленье и скорбь! Каково это вамъ покажется? Какъ будто этотъ локонъ — нетлѣнный! Какъ будто нѣтъ для человѣка высшихъ утѣшеній!

Какъ будто въ насъ души нетлѣнной нѣтъ!..

Точно также не можемъ мы помирить слѣдующихъ противорѣчій музы г. Бажанова. Въ стихотвореніи «1-е января 1858 г.» онъ бросаетъ высоко-благородныя и нравственныя обличенія въ лицо развратному свѣту. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ:

Прошла гроза,—мы весело, безпечно,
Проводимъ дни въ забавахъ и пирахъ,
Всѣмъ жертвуя для жизни скоротечной,
Изгнавъ изъ сердца стыдъ и страхъ.

А между тѣмъ, при такомъ обличительномъ направленіи г. Бажановъ занимается воспѣваніемъ того, какъ молодая нѣмка Мальвина поджидаетъ молодого француза Проспера, который къ ней,

Забывая покой,
Въ часъ безмолвный, ночной,
На свиданье любви поспѣшаетъ...

Для всякаго другого это было бы ничего; но г. Бажанову непростительно! Конечно, поэтъ можетъ проникаться сатирическимъ духомъ и изображать пустоту и развратъ свѣта очень ярко. Поэтому мы не упрекаемъ въ нескромности, напримѣръ, пьесу «Выборъ жениха», въ которой невѣстою предпочтенъ всѣмъ сѣдой князь,

Въ крестахъ, въ звѣздахъ,
На костыляхъ.

Здѣсь мы видимъ тотъ же духъ, который внушилъ поэту слѣдующіе грозные стихи противъ звѣздъ (въ стихотвореніи «Звѣздочка»):

Такъ забудь же миріады
Звѣздъ блестящихъ и большихъ,
И тоскующіе взгляды
Отврати скорѣй отъ нихъ...

Имъ понятны наслажденья,
А печаль для нихъ чужда;
Въ нихъ участья, сожалѣнья
Не найдешь ты никогда...

Такіе строго-обличительные стихи совершенно соотвѣтствуютъ общему направленію поэта, и за нихъ можно только хвалить г. Бажанова. Но когда онъ утѣшается тлѣннымъ локономъ и съ наслажденіемъ рисуетъ сцену ночного свиданія француза Проспера съ нѣмкой Мальвиной, или представляетъ игривую амуретку корнета съ Наташей (въ стихотвореніи «Мать и дочь»),—то нельзя не упрекнуть его музу въ легкомыслiи и

въ измѣнѣ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя должны бы лежать краеугольнымъ камнемъ всей поэзіи г. Бажанова. Возвышенный строй его лиры далъ намъ такія стихотворенія, какъ «Молитва», «Крестъ», «Не ропщи», «На кончину Императора Николая I-го», «Печаль и отрада Россіи» — стихотвореніе, не уступающее высотою чувствованій извѣстному произведенію кн. Вяземскаго «Плачъ и утѣшеніе». Въ этой сферѣ собственно и долженъ былъ бы оставаться г. Бажановъ, и тогда мы почти не имѣли бы возможности упрекнуть его. Но, къ сожалѣнію, слабость природы человѣческой превозмогаетъ силу самыхъ крѣпкихъ пуританскихъ убѣжденій. Рѣзвый купидонъ— говоря миѳологически — увлекаетъ самого Зевеса-громовержца; не мудрено, что онъ и г. Бажанова увлекъ къ сочиненію игривыхъ стишковъ о тлѣнномъ локонѣ, принадлежащемъ, можетъ быть, той самой нѣмкѣ Мальвинѣ, которая «въ часъ ночной» поспѣшала на свиданіе съ французомъ Просперомъ... Что̀ дѣлать? Эротическія расположенія овладѣваютъ, вѣрно, и суровыми пуританами, подобными тому, какимъ выставляется г. Бажановъ въ своихъ *возвышенныхъ* стихотвореніяхъ. Не будемъ судить за это слишкомъ строго: говорятъ, что отъ стрѣлъ купидона никто не можетъ укрыться, и въ доказательство указываютъ даже на г. Розенгейма. Ужъ какой, кажется, обличитель,—а и тотъ писалъ эротическіе стишки, еще почище (не по языку и не по стиху, впрочемъ), чѣмъ г. Бажановъ. При томъ же—что̀ нападать на г. Бажанова, когда онъ самъ уже осудилъ такъ строго свою нравственность на первой же страницѣ своей книжки:

Гори яснѣй моя лампада,
Молись теплѣй, душа моя...
Я рабъ страстей, стяжанье ада,—
И вѣчныхъ мукъ достоинъ я...
Смотрю въ жизнь прошлую съ боязнью;
Въ ней тщетно добрыхъ дѣлъ ищу;
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Томлюсь, страдаю, трепещу...
Моя душа охолодѣла,
Не внемлетъ истинѣ святой,
Живая вѣра оскудѣла,
И съ ней сокрылся мой покой...

Бѣдный г. Бажановъ! Хоть бы пришелъ къ нему тотъ утѣшитель, который поетъ г. фонъ-Лизандеру:

«Спи, бѣдный, спи! Усыпленіе сердечное—
Лучшее благо сердцамъ!..» и пр.

Стихотворенія г. Александрова тоже нуждаются въ подобномъ утѣшителѣ, ибо авторъ ихъ—необычайный страдалецъ. Половину книжки занимаетъ разсказъ о нѣкоемъ г. Задоринѣ и о его дочери Эммѣ, которую *поэтъ*, какъ отважно называетъ себя г. Александровъ, рисуетъ съ большой любовью и съ отступленіями въ родѣ слѣдующаго:

Но, къ счастью, ни умомъ,
Ни душею, старшая ея дочь Эмма
Не была похожа на свою мать.
Но я вижу, что вы начинаете терять
Терпѣніе, что такъ вяло идетъ къ концу поэма.
Я надѣюсь, что вы не будете бранить *поэта*
За неправильное названье это;
Тутъ поэмы нѣтъ нисколько,
А просто это одинъ разсказъ,
Которымъ хотѣлъ я васъ
Занять на часъ. И только...
И оттого такъ назвалъ,
Что я риѳмы къ Эмма не сыскалъ.

Въ этихъ-то отступленіяхъ, которыя уже сами по себѣ составляютъ страданіе, равно какъ и вся поэма и даже вся книжка г. Александрова, безпрестанно встрѣчаются такого рода жалобы:

Теперь нигдѣ отрады не нахожу,
И, какъ путникъ заблудившійся, брожу
Межъ ненавистныхъ мнѣ людей,
Межъ пошлыхъ и холодныхъ богачей и пр...

Или:

Давно погибли мои надежды и мечты,
Жизнь полна душевной пустоты;
Я теперь живу воспоминаньемъ однимъ, и пр...

Въ одномъ изъ мелкихъ стихотвореній г. Александровъ также жалуется:

Время юности живой
Промчалось быстро отъ меня,
Съ глубокой, мрачною тоской
Теперь ни на мигъ не разстаюся я;
Страданія и мученія больной души
Меня тревожатъ часто среди ночной тиши...

Въ другомъ стихотвореніи объясняется:

Давно во мнѣ уснули страсти
Сномъ холоднымъ мертвеца,
И глубокія морщины избраздили
По всѣмъ направленіямъ лицо;
Холодъ, голодъ и многія напасти,
Душевный жаръ истощили, и пр...

Въ стихотвореніи «Дума» говорится:

Съ глубокой думою сижу я подъ окномъ;
И все я думаю только объ одномъ:
Что я лучшія движенья сердца утратилъ
Безплодно, и святыя чувства я растратилъ
Въ тяжкомъ и позорномъ бездѣйствіи и снѣ...

Вотъ начало стихотворенія «Ожиданіе»:

Холодъ, голодъ и нищета,
Отъ погибшей юности мечта,
Мои спутники до гроба.
Порой тоска, ненависть, злоба
Меня въ жизни сопровождаютъ,
Часто быструю радость отравляютъ...

И такъ далѣе,—все одно и то же... Страданіе, да и только! Мы сочли нужнымъ прежде всего указать на это читателямъ, потому что авторъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Ты меня опрометчиво не проклинай,
Лучше ты мои страданія узнай...

Конечно, страданія г. Александрова не могутъ имѣть особенной важности и интереса для публики; но столь настойчивое напоминаніе собственныхъ страданій заставило насъ подумать о причинахъ, по которымъ страдалъ г. Александровъ. Мы предались-было даже мечтаніямъ въ родѣ тѣхъ, какимъ предавался Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, просматривая списокъ мужиковъ, купленныхъ у Собакевича. Кто такой г. Александровъ? Гдѣ и какъ протекла его юность? За что тѣшилась надъ нимъ злая судьба? Изъ книжки видно, что г. Александровъ—какой-то самоучка; не только о версификаціи, но даже о правописаніи онъ не имѣетъ никакого понятія, но въ то же время онъ разсуждаетъ объ устройствѣ общества, о взяткахъ, о банкометахъ и понтерахъ, о балахъ и бокалахъ, упоминаетъ даже о Рафаэлѣ и Перуджино... Трудно разобрать, что такое представляетъ собою авторъ этихъ стихотвореній... Бѣдный ли онъ чиновникъ, на старости лѣтъ лишившійся мѣста по неблагонадежности или вслѣдствіе сокращенія штатовъ? Помѣщикъ ли какого-нибудь захолустья, заглянувшій разъ въ жизни въ столицу, увидавшій тамъ двухъ литераторовъ и, вслѣдствіе того, возгорѣвшій стремленіемъ къ литературной славѣ? Или онъ отставной инвалидъ, покоящійся на лаврахъ и посвящающій свои досуги служенію музамъ? А можетъ быть, это—самоучка-мѣщанинъ, какихъ такъ много нынѣ развелось на Руси? Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ не посчастливилось ему въ жизни, и «голодъ, холодъ, нищета» — можетъ быть, составляютъ для него не стихотворную фразу, а дѣйствительныя лишенія, которыя онъ испыталъ... Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ толкуетъ о бокалахъ, выпитыхъ имъ на пирахъ, о красавицахъ, съ которыми онъ танцовалъ на блестящихъ балахъ, и пр.?.. Ради ли стихотворной вольности, или тоже по дѣйствительному опыту жизни?.. И что, наконецъ, привело его къ описанію этихъ страданій? Кто и какъ рѣшился издать эту безобразную книжечку, сѣрую, неопрятную, напечатанную рѣшительно безъ всякой корректуры?..

Праздные, забавные вопросы, если смотрѣть на нихъ съ общелитературной точки... Но нельзя отъ нихъ удержаться, когда подумаешь, сколько добродушія и совершеннѣйшей нищеты духа долженъ имѣть авторъ книжечки, подобной стихотвореніямъ г. Александрова. Тутъ внутренняя ничтожность и вздорность ничѣмъ не прикрыты: ни звучнымъ стихомъ, ни блестящими современными фразами, ни гордыми претензіями на званіе общественнаго дѣятеля, такъ часто принимаемыми у насъ за признакъ внутренней силы... Видно, что авторъ не принадлежитъ къ высоко-образованной фалангѣ протестантовъ противъ «Иллюстраціи», какъ г. фонъ-Лизандеръ, и даже не проникнутъ такою выспреннею назидательностью, какъ г. Бажановъ. И однако — въ стихахъ его всегда можно добиться смысла, чего часто недостаетъ сонетамъ г. фонъ-Лизандера; въ книжкѣ г. Александрова нѣтъ и того страннаго «служенія Богу и мамонѣ», какое замѣтили мы у г. Бажанова. Ясно, что если бъ г. Александровъ поучился, узналъ бы хоть грамматику и версификацію, да чуть-чуть усвоилъ бы себѣ пріемы литературные, онъ бы никакъ ужъ не написалъ такихъ безсмылицъ, какія находятся у гг. фонъ-Лизандера и В. Бажанова... А между тѣмъ, теперь даже и эти господа, которыхъ ученье привело только къ правильному стопосложенію и къ совершеннѣйшей темнотѣ разумѣнія,—даже и эти господа посмотрятъ, пожалуй, съ пренебреженіемъ на г. Александрова!.. Да и какъ иначе? Господинъ фонъ-Лизандеръ *имѣетъ имя* въ литературѣ, онъ участвовалъ въ блистательнѣйшихъ литературныхъ экспедиціяхъ; г. Бажановъ тоже — если еще не имѣетъ, то будетъ имѣть имя: по крайней мѣрѣ стихотворенія его помѣщались въ нѣкоторыхъ журналахъ, считающихъ себя весьма серьезными и значительными... А г. Александровъ призрѣнъ вездѣ и всѣми, за то собственно, что говоритъ только о своихъ страданіяхъ, да и тѣхъ не умѣетъ изложить хорошенько—по строгимъ правиламъ искусства... Бѣдный г. Александровъ! Такъ ужъ ему вѣрно судьбой назначено—во всемъ быть страдальцемъ: въ жизни страдалъ онъ; когда стихи свои писалъ,—тоже, должно быть, страдалъ и мучился надъ ними неимовѣрно; да и напечатавши свою книжечку,—ничего вѣроятно не получилъ и не получитъ отъ нея, кромѣ огорченій и страданія...

328. Разсказы и очерки.

С. Вахновской. М. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 325.

Обращаю вниманіе читателей на оцѣнку «Современныхъ толковъ». Почему ихъ одобрилъ Добролюбовъ? Да потому, что либеральный шаблонъ совершенно извратилъ истинную физіономію большинства губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, сдѣлавъ изъ дворянъ подвижниковъ, способныхъ на самопожертвованія и предпочтеніе идеальной свободы мужика его выгодному для нихъ реальному закрѣпощенію... Вахновская сказала правду—и ради этого Н. А. готовъ простить ей всѣ остальные разсказы.

М. Л.

Какъ разнообразны способы, которыми пріобрѣтается слава! Слава г-жи Вахновской упрочена теперь, благодаря тому, что г-жа Кохановская писала хорошія повѣсти и печатала ихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а г. Н. Н. вообразилъ, будто *Кохановская* есть псевдонимъ *Вахновской*, и объявилъ о томъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Случай, и даже глупый случай... но онъ прославилъ не столько г. Н. Н., сколько самое г-жу Вахновскую, о которой по этому случаю напечатаны «Замѣтки» въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ. Въ одной изъ этихъ замѣтокъ г-жа Вахновская названа даже «посредственностью, не представляющею ничего замѣчательнаго»; но тѣмъ не менѣе ее замѣтили, о ней заговорили... Сначала всѣ были увѣрены, что ея разсказы очень хороши, потому что — помилуйте, какъ же? — г-жа Кохановская! Это такой талантъ!.. О, книжка г-жи Вахновской должна быть превосходна, потому что г-жа Кохановская не можетъ написать ничего дурного!.. Но потомъ, когда оба имени отдѣлились одно отъ другого, многіе пришли въ недоумѣніе и стали спрашивать, что же, однако, хороши или дурны разсказы г-жи Вахновской, и что въ нихъ есть любопытнаго?.. Спѣшимъ отвѣтить на этотъ вопросъ самымъ любезнымъ объясненіемъ.

По нашему крайнему разумѣнію, г-жа Вахновская не нуждалась даже въ опрометчивости г. Н. Н., чтобы пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность. Книга ея замѣчательна уже тѣмъ, что даетъ гораздо больше, нежели обѣщаетъ на заглавномъ листкѣ. И что — вы думаете — прибавляетъ она? Женщину!.. Да, цѣлую женщину!.. На заглавномъ листѣ, подъ общимъ заглавіемъ «Очерковъ и Разсказовъ», находимъ мы и перечень всѣхъ пяти разсказовъ, помѣщенныхъ въ книжкѣ. Второй разсказъ называется въ этомъ перечнѣ: «Двѣ Женщины». Но откройте книгу и вы увидите на 25-й страницѣ: «Три Женщины, романъ въ письмахъ, посвящается Е. Н. Кротковой». Итакъ, *три* женщины, не считая самой сочинительницы и той, кому посвященъ романъ; — во всякомъ случаѣ, одна лишняя противъ обѣщаннаго,—и одно ужъ это чего стоитъ!..

Но количество ничего не значитъ въ сравненіи съ качествомъ. А каковы качества женщинъ, изображенныхъ г-жею Вахновскою,—это легче почувствовать, нежели передать словами... Какъ онѣ пишутъ, какъ говорятъ! Боже, какъ говорятъ!.. Особенно въ интимныхъ разговорахъ!.. Я никогда не имѣлъ интимныхъ разговоровъ съ женщинами и—признаюсь—никакъ не ожидалъ, чтобъ онѣ могли такъ хорошо говорить. Но теперь,—о, теперь я только о томъ и думаю, чтобы... не подумайте—самому завести... нѣтъ, я на это никогда не рѣшусь, а просто... *подслушать* интимный разговоръ женщины!.. Какъ это должно быть восхитительно, и какъ должно дѣйствовать на мужчинъ!.. При всей своей неодушевленности и безчувственности, я бы, кажется, съ ума сошелъ, если бы прекрасная женщина сказала мнѣ то, что говоритъ Любинька Гордунова Владиміру Петровичу:

«Я бы не удовольствовалась (говоритъ она) бѣглыми поклоненіями свѣтскихъ львовъ, которыми они надѣляютъ такъ много женщинъ; блестящая пустота лести не могла бы, кажется, наполнить мое сердце. Оно жаждетъ другого».

Тутъ Любинька почувствовала, что голова ея горитъ, ей представился рядъ волшебныхъ, заманчивыхъ призраковъ, и она продолжала *съ увлеченіемъ* (даже съ увлеченіемъ! И все это слышалъ Владиміръ Петровичъ! Счастливый Владиміръ Петровичъ):

«Оно (т.-е. сердце) жаждетъ пламенной, глубокой, безкорыстной любви, не подверженной капризамъ людей, не основанной на кокетствѣ и самолюбіи, любви одного достойнаго человѣка,

котораго мнѣніе было бы для меня дороже всего свѣта!.. И какъ бы я его любила, какъ бы тихо и какъ счастливо *протекла* бы для насъ жизнь! И какъ оживилось бы мое уединеніе!.. Я шла бы съ нимъ *легкою стопою* (даже и стопа-то у нея не тяжелая! Не совершенство ли эта дѣвушка?!), рука объ руку, душа въ душу (чтò еще?), и онъ бы зналъ всѣ сокровеннѣйшія мысли мои... отъ всякаго чувства, заставляющаго биться мое сердце, забилось бы и его... О, онъ бы понялъ меня, и проч...» (стр. 71).

Любинька договорилась такимъ манеромъ до обморока, и Владиміръ Петровичъ упалъ къ ногамъ ея и заговорилъ ей: *ты*. Но вдругъ она охладѣла и начала увѣрять его, что она совершенно ничего, только у нея голова закружилась, и проч. Вскорѣ потомъ (вообразите мое-то разочарованіе!) она вышла замужъ за Ивана Ларцева, котораго до сихъ поръ третировала очень свысока, и была очень довольна своей участью... Она, видите, нашла, что ошибалась во Владимірѣ и ошибалась въ Ларцевѣ: Ларцевъ оказался отличнымъ, покорнымъ мужемъ, а Владиміръ пристрастился къ охотѣ и совершенно потерялъ всякое расположеніе къ своей женѣ, которую прежде очень любилъ.

Такова одна изъ трехъ женщинъ. Другая — жена этого самаго Владиміра — не столь замѣчательна: это обыкновенная кокетка, впрочемъ, совершенно безхарактерная и не отличающаяся даже краснорѣчіемъ. Но зато третья—Адель—еще удивительнѣе первой, Любиньки. Она до того идеальна, что въ ней искажаются самые основные законы физической природы, касающіеся женскаго организма. Представьте себѣ: отъ *15-го іюля* она пишетъ своей подругѣ, что рѣшилась согласиться на предложеніе графа Лавацкаго выдти за него замужъ; отъ *10-го августа* сообщаетъ: «вотъ десять дней, какъ я замужемъ и счастлива»; отъ *12-го сентября* пишетъ: «я чувствую себя больною и слабою, вслѣдствіе ли моего положенія (я беременна), вслѣдствіе ли душевныхъ волненій» (стр. 105); отъ *20-го марта* мужъ Адели уже увѣдомляетъ ея подругу, что у нихъ родился преждевременно сынъ, и что здоровье Адели все еще очень плохо (стр. 113). Какъ оказывается изъ внимательнаго разсмотрѣнія дѣла, авторъ не безъ намѣренія изложилъ въ такомъ видѣ исторію этихъ неестественныхъ родовъ. Здѣсь, какъ и въ «Воспоминаніяхъ лѣкаря», онъ хотѣлъ показать, какъ вредно женщинѣ сантиментальничать и предаваться неумѣренной идеальности: тотчасъ здоровье разстроишь и будешь родить семимѣсячныхъ выкидышей! Замѣчаніе весьма дѣльное, хотя съ неменьшею основательностью *оно* прилагается и къ противоположному направленію—матеріальному. Въ комедіи «Сватовство Ченскаго» г-жа Дальнева говоритъ идеальной Лизанькѣ Ониной: «а дѣти у тѣхъ, которые женятся по разсчету, выходятъ какія безобразныя! Блѣдныя, желтыя, несчастныя!» [1]). Съ этимъ, впрочемъ, согласна, должно быть, и г-жа Вахновская, желающая, повидимому, выставить вредъ односторонностей и пользу примиренія теоріи съ практикою (иначе сказать: неизбѣжность идеализма въ матеріализмѣ) въ своихъ «Трехъ женщинахъ». Марія Сергинская—*легкомысленная кокетка*, свѣтская женщина, не понимающая возвышенныхъ чувствъ и завлекающая Ивана Ларцева, который вовсе не стоитъ ея мужа. Зато и выходитъ, что и Ларцевъ ее не полюбилъ, и мужъ разлюбилъ, и она живетъ въ деревнѣ да скучаетъ... Адель Пельская—*экзальтированная женщина*, увѣряющая, что она ни за что не полюбитъ человѣка, который будетъ ей представленъ съ обычными формальностями, и ревнующая своего мужа къ первой женѣ его, давно уже умершей. Зато и выходитъ, что она безпрестанно падаетъ въ обмороки, разстраиваетъ свое здоровье и родитъ семимѣсячныхъ дѣтей. Любинька Гордунова, напротивъ,—дѣвушка, полная идеальнѣйшихъ достоинствъ, говорящая такъ, какъ выше показано, — влюбляется во Владиміра, мужа своей подруги Маріи, но пересиливаетъ свое сердце и выходитъ замужъ за Ларцева, котораго сама описываетъ такимъ образомъ, въ письмѣ къ сестрѣ своей:

«Это одинъ изъ тѣхъ тысячныхъ людей, про которыхъ сказать нечего. Самая наружность его безцвѣтна: онъ ростомъ не высокъ и не малъ, онъ не толстъ, но сложенія плотнаго; его маленькіе глаза не то сѣраго, не то зеленаго цвѣта, а выраженія ихъ разглядѣть нельзя, потому что онъ ихъ страшно щуритъ, когда говоритъ. Рыжеватые усы почти скрываютъ его губастый ротъ, а свѣтлые волосы всегда тщательно напомажены и приглажены, по воскресеньямъ же онъ ихъ завиваетъ. Разговоръ его не замѣчателенъ, но спасибо и за то, что онъ не остритъ и не пускается въ чувствительность, а говоритъ просто; *словомъ, мой милый другъ, въ моемъ положеніи, съ моимъ маленькимъ состояніемъ такому жениху мнѣ отказать бы не слѣдовало если бы онъ посватался*».

Столь благоразумныя разсужденія высказываетъ восхитительная Любинька при самомъ началѣ знакомства съ Ларцевымъ. Узнавъ, что Владиміръ Петровичъ любитъ ее, она исполняется презрѣніемъ къ Ларцеву, особенно при видѣ его ухаживаній за Маріею. Но когда Ларцевъ за нее посватался, она выходитъ за него, родитъ дѣтей не семи-, а девятимѣсячныхъ, какъ и слѣ-

[1]) См. № 326.

дуетъ, и находитъ, что мужъ ея прекрасный человѣкъ. Черезъ годъ послѣ замужества она пишетъ: «какъ глупо и какъ смѣшно мнѣ кажется теперь прошедшее! И какъ я понимаю, что мое настоящее призваніе—семейная жизнь, мое назначеніе—быть женою, матерью, хозяйкой... и что это назначеніе и выше, и благороднѣе, и лучше всѣхъ сентиментальныхъ бредней и пустыхъ теорій».

Читателю предоставляется рѣшить, которая изъ трехъ женщинъ лучше. Что касается до насъ, то намъ ни одна изъ нихъ не нравится, а Любинька, очаровавшая насъ сначала своимъ краснорѣчіемъ, теперь внушаетъ намъ даже отвращеніе своимъ хозяйственнымъ самодовольствомъ. Въ ней мы видимъ олицетвореніе (правда, очень блѣдное и слабое; но это ужъ зависитъ отъ таланта автора) житейской пошлости, не только убивающей въ человѣкѣ благородныя и чистыя стремленія, но еще научающей радоваться ихъ лишенію... На нашъ взглядъ, Марія Сергинская — женщина не безукоризненная, не серьезная, но все-таки очень удовлетворительная *въ извѣстномъ смыслѣ*, очень хорошая *для извѣстнаго вкуса и направленія*. Она не развила нѣкоторыхъ сторонъ своей натуры; что дѣлать? Но она вѣрна себѣ, она отличается извѣстнымъ характеромъ, и кто желаетъ имѣть женою какую-нибудь неземную фею или ундину, или

Семинариста въ желтой шали,
Иль академика въ чепцѣ,—

тотъ и не бери ее... Адель—тоже односторонне развитая дѣвушка; но она несчастна своимъ развитіемъ, о ней нужно сожалѣть... Она больна, и на нее нельзя сердиться ужъ и за то, что она довольно терпѣливо носитъ свою болѣзнь. Но Любинька—это какой-то сидѣлецъ изъ мѣняльной лавки, нарядившійся въ кринолинъ и позаимствовавшійся слогомъ у Марлинскаго или у князя Кугушева; это кукушка, усиливающаяся пѣть соловьемъ; это буренка, издающая нѣжное мычаніе и протягивающая рыло къ клоку гнилого сѣна... Мы очень сожалѣемъ, что позволили-было себѣ увлечься ея краснорѣчіемъ, и не поздравляемъ автора, ежели его собственное мнѣніе (какъ представляется изъ хода повѣсти) — въ пользу этой женщины...

Впрочемъ мы не хотимъ навязывать автору мыслей, которыхъ онъ, можетъ быть, не имѣлъ. «Три женщины»—романъ въ письмахъ, слѣд., авторъ тутъ ничего не говоритъ отъ себя. Да и во всей книжкѣ г-жа Вахновская разсказываетъ не отъ себя, а отъ лица то старика, то лѣкаря, то какого-то молодого человѣка... Легко можетъ быть, что она вовсе не раздѣляетъ ихъ мыслей. По крайней мѣрѣ о тенденціяхъ лѣкаря она замѣчаетъ отъ себя,— что онъ «пускается въ крайность». А тенденціи его состоятъ въ томъ, что не нужно учить дѣвочекъ ничему, кромѣ хозяйства. Убѣжденія эти основываетъ онъ на томъ, что одну дѣвушку совсѣмъ изморили за философіей полковника Вейсса... Но кто же говоритъ о Вейссѣ? Самъ г. де-Жеребцовъ порицаетъ дамъ, зараженныхъ полковникомъ Вейссомъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ необходимость бросить всякое ученье [1])... И едва ли много найдется мужей, которые согласятся съ слѣдующими мыслями лѣкаря: «мужу нужна хозяйка, мать его дѣтей; онъ уже счастливъ комфортомъ, доставленнымъ ею (что здѣсь разумѣется подъ комфортомъ, *доставленнымъ ею?*), — *а умственныя потребности, если онѣ у него есть, онѣ можетъ удовлетворить иначе — чтеніемъ, или въ обществѣ умныхъ людей*». Почему бы, подумаешь, женѣ-то его не быть въ этомъ же обществѣ умныхъ людей? Не потому ли ужъ, что «курица — не птица, женщина— не человѣкъ»?..

Изъ пяти произведеній, напечатанныхъ въ книжкѣ г-жи Вахновской, «Три женщины» и «Воспоминанія лѣкаря» — самыя длинныя и скучныя. Сцена «Лучше умная хула, чѣмъ глупая хвала» — коротка, но совершенно безцвѣтна. У графини-вдовы есть два жениха,—одинъ бѣдный и угодливый, а другой богатый и брюзгливый; она отказываетъ бѣдняку, который ей льститъ, и выходитъ за богатаго, который бранитъ ее. Это и называется: «лучше умная хула, чѣмъ глупая хвала»; можно бы назвать ее такъ: «богатымъ все позволяется».

О разсказѣ: «И умъ не спасетъ стараго человѣка»—умолчимъ, такъ какъ его пошлость можетъ выставить въ очень невыгодномъ свѣтѣ талантъ г-жи Вахновской.

Но зато пятый и послѣдній разсказъ насъ очень утѣшилъ!.. Читатель ужъ ждетъ, что мы скажемъ: «тѣмъ, что онъ послѣдній». Но эта острота слишкомъ стара, и мы не повторимъ ее. Да при томъ же разсказъ и независимо отъ этого обстоятельства имѣетъ дѣйствительныя достоинства. Ведется онъ отъ лица молодого человѣка, называется «Современные толки», и изображаетъ, какъ толкуютъ въ гостиныхъ и на дворянскихъ выборахъ — объ освобожденіи крестьянъ (или, какъ г-жа Вахновская выражается,—*объ эмансипаціи*). Чтобы познакомить читателей собственно съ ли-

[1]) См. № 204.

тературной стороной таланта г-жи Вахновской, которой мы до сихъ поръ не касались, — мы приведемъ нѣсколько коротенькихъ открывковъ изъ этого небольшого разсказа.

Сначала молодой человѣкъ изображаетъ, что̀ онъ слышалъ въ гостиныхъ, и описываетъ одинъ вечеръ у графини П., въ Ѳ... губерніи (стр. 272).

«Всѣ наперерывъ толковали объ эмансипаціи, кто *за*, кто *противъ*—дамы не уступали мужчинамъ, и оказывались самыми ревностными поборницами въ поддержкѣ крестьянскихъ правъ. Молодые люди повторяли общія мѣста изъ общаго газетнаго репертуара.—Старики качали головой и потихоньку замѣчали: «что жили мы, дескать, «до сихъ поръ и безъ эмансипаціи, и жили хо«рошо и привольно, а теперь по міру пустятъ...» Одинъ баринъ лѣтъ 45, съ взъерошенными волосами и слезливыми глазами, ходилъ отъ одного къ другому, всѣхъ задиралъ, и когда ему удавалось обратить на себя чье-нибудь вниманіе, начиналъ постоянно свою рѣчь одной и той же фразой:

— Я все удивляюсь одному: общему спокойствію... «*Nous marchons sur un volcan*», и никто этого не замѣчаетъ, никто не подумаетъ объ этомъ...

— «*Monsieur est alarmiste*», — сказалъ ухмыляясь тоненькій блондинъ съ лорнетомъ, — но дѣло въ томъ, прибавилъ онъ, принимая важный видъ,—что всякій просвѣщенный дворянинъ долженъ радоваться, что намъ дано наконецъ средство, что представляется случай — сбросить съ себя варварство и оправдаться передъ образованной Европой...

Отпустивъ эту фразу, молодой человѣкъ самодовольнымъ взглядомъ окинулъ все общество, но не нашелъ себѣ отвѣта... Артемій Богдановичъ отправился дальше... И скоро послышалась въ томъ концѣ гостиной обычная фраза: «я удивляюсь одному, удивляюсь общему спокойствію, «*quand nous marchons sur un volcan*». Но на этотъ разъ онъ обращался къ дамамъ—его встрѣтили насмѣшливыми улыбками... дамы всегда очень храбры предъ мнимой опасностью...».

Затѣмъ еще пересказывается разговоръ молодого человѣка съ однимъ почтеннымъ господиномъ, передъ выборами. Молодой человѣкъ, между прочимъ, спрашиваетъ: «неужели бываютъ личныя причины на исканіе депутатскаго званія?» И вотъ что̀ отвѣчаетъ ему почтенный господинъ (стр. 279):

— А вы что̀ думаете?—Неужели вы полагаете, что двигателемъ тутъ одинъ національный вопросъ?.. Вотъ этотъ баринъ съ бородой и лорнетомъ, котораго голосъ раздается надъ всѣми другими, имѣетъ самое высокое мнѣніе о своихъ ораторскихъ способностяхъ и надѣется имѣть случай, если его выберутъ, выказать свое краснорѣчіе, но онъ имѣетъ немного партизановъ, потому что мало кто любитъ слушать;—вотъ этотъ смирный господинъ, который все время молча сидитъ въ углу, услышалъ, что депутатамъ даютъ 150 руб. жалованья въ мѣсяцъ, а при маленькомъ состояніи — это большая помощь... въ другихъ уѣздахъ есть богачи, которые желаютъ изъ себя дѣлать фигуру, имѣть открытый домъ въ городѣ, а депутатство по крайней мѣрѣ—уважительный предлогъ...

Самые выборы описываются молодымъ человѣкомъ очень живо, съ юморомъ очень мѣткимъ, и въ тонѣ нѣсколько различномъ отъ экзальтированныхъ, приторныхъ возгласовъ нашихъ либеральныхъ публицистовъ. По словамъ молодого человѣка, первое собраніе было очень серьезно: всѣ хлопотали за себя или за своихъ кандидатовъ, употребляли замысловатые маневры, чтобы привлечь къ себѣ партію, и пр. На второмъ совѣщаніи было уже нѣчто другое:

«На слѣдующій день, когда дворяне собрались для второго совѣщанія, я замѣтилъ другое настроеніе духа. — Они казались какъ бы утомленными послѣ серьезныхъ вопросовъ, о которыхъ спорили наканунѣ, и вѣроятно чувствовали потребность отдохнуть отъ нихъ. Заговорили объ *увеселеніяхъ* по случаю выборовъ: надлежало выразить губернскому предводителю уваженіе и благодарность къ нему дворянъ. Онъ дѣйствительно человѣкъ хорошій, и понравился мнѣ на выборахъ; спокойный, достойный старикъ, внушающій всеобщее уваженіе, не вмѣшивающійся въ мелочныя интриги...»

«Такъ какъ было всеобщее желаніе выразить ему признательность дворянства, я думалъ, что этотъ вопросъ очень скоро рѣшится, но не такъ-то было: возникъ споръ о томъ: дать ли балъ или обѣдъ? и споръ этотъ сдѣлался очень горячимъ, и занялъ все это утро. Спорили съ жаромъ, скажу—почти съ огнемъ и увлеченіемъ, — многіе довольно краснорѣчиво и даже юмористически поддерживали свое мнѣніе. Одинъ высокій, плѣшивый баринъ какъ-то особенно стоялъ за балъ, горячо доказывая, «что обѣды сдѣлались пошлы, что всѣмъ даютъ обѣды, а балъ будетъ болѣе блестящее, болѣе радостное выраженіе дворянскихъ чувствъ въ этотъ торжественный случай».

— Помилуйте,—громко перебилъ его маленькій, широкоплечій, бородатый помѣщикъ, въ очкахъ,— съ чего же намъ плясать? Мы будемъ похожи на рыбокъ, которыя прыгаютъ, когда ихъ жарятъ на сковородѣ...

«Многіе разсмѣялись, но одинъ серьезный баринъ, изъ числа тѣхъ, которые считаютъ преступленіемъ улыбнуться на такихъ сборищахъ и педантически серьезно разсуждаютъ о самыхъ пустыхъ вопросахъ, важно объявилъ, что онъ также совѣтуетъ дать обѣдъ.

— Мы должны,—сказалъ онъ,—употребить всѣ усилія, чтобы въ этомъ важномъ случаѣ оставить неприкосновенными всѣ священные обычаи, которые ведутся изстари въ нашемъ отечествѣ; замѣтьте, что мы собрались теперь не для преобразованія народнаго быта, а для *улучшенія быта крестьянъ*... Наши предки не давали баловъ, — но славились своими боярскими пирами или обѣдами;—итакъ, господа, мнѣ кажется, что обѣдъ будетъ, съ нашей стороны, самое приличное изъявленіе нашей признательности къ почтенному и благородному предводителю, и выразитъ собою консервативное направленіе дворянства въ настоящее время...

Рѣшились дать обѣдъ».

Какъ ни простъ этотъ очеркъ, какъ ни обыкновенны мысли и замѣтки, высказанныя въ немъ, — но онъ (правда, что только онъ одинъ) доказываетъ намъ, что у г-жи Вахновской есть и талантъ, и очень

свѣтлый взглядъ на нѣкоторыя явленія жизни. Трудно повѣрить, чтобъ «Современные толки» были написаны тѣмъ же лицомъ, которымъ сочиненъ «Разсказъ старика» и пр. Спокойствіе и правильность сужденій о томъ, отъ чего всѣ кругомъ мечутся, какъ угорѣлые, умѣнье узнать сущность вещи подъ блестящими личинами, открыть пошлость дѣла подъ величавостью фразъ, искусство ярко и живо очертить лица и сцену дѣйствія, постоянно оставаясь на своей точкѣ зрѣнія,—всѣ эти достоинства несомнѣнно находятся въ «Современныхъ толкахъ» г-жи Вахновской. За этотъ очеркъ мы готовы примириться со всѣми остальными разсказами и даже съ коварнымъ краснорѣчіемъ пошленькой Любиньки, такъ заинтересовавшей насъ сначала, но потомъ такъ рѣшительно обманувшей наши ожиданія...

---

329. Объяснительный словарь иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ.

Издалъ *В. Н. Угловъ*. Спб. 1859.

Объясненіе 1000 иностранныхъ словъ, употребляющихся въ русскомъ языкѣ.

Составилъ и издалъ *А. С.* Москва. 1859.

Краткій Политико-Экономическій словарь.

Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 325.

М. Л.

Пошла мода на справочные словари! Теперь вышло три маленькихъ, а недавно объявляли и объ изданіи большого... Это значитъ, что мы наконецъ возымѣли желаніе понимать нѣкоторыя слова, которыя до сихъ поръ читали въ книгахъ и газетахъ безъ всякаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ — всѣ три словаря, названные нами, составлены съ цѣлью помогать читателямъ, не знающимъ иностранныхъ языковъ, при чтеніи газетъ и журналовъ. Въ подобномъ пособіи, безъ сомнѣнія, многіе нуждаются, и потому хорошій справочный словарь былъ бы у насъ истиннымъ одолженіемъ. Къ сожалѣнію, изъ трехъ указанныхъ нами, только словарь г. Углова (до 6000 словъ) можетъ быть названъ хоть сколько-нибудь удовлетворительнымъ. Опредѣленія его кратки, но довольно вѣрны; важнѣйшія понятія изъ политическихъ наукъ не забыты; кромѣ простого опредѣленія словъ, сообщаются также нѣкоторыя пояснительныя свѣдѣнія, къ нимъ относящіяся... Но оба другіе словаря могутъ, конечно, служить для развлеченія любознательныхъ читателей и доставлять имъ веселыя минуты, но никакъ не помогутъ къ уразумѣнію смысла газетныхъ статей и т. п. «Политико-Экономическій словарь» заключаетъ въ себѣ до 1500 словъ и занимается объясненіемъ, напр., такихъ терминовъ: «аэронавтика, аэронавтъ, аэростатъ, ботаника, бѣдность, геогнозія, геодезія, дюжина, физика, химія, и т. п. Тутъ же толкуется о томъ, что̀ такое гривенникъ, пятиалтынный и пр. А рядомъ съ этимъ встрѣчаются объясненія мѣстныхъ словъ, которыхъ нигдѣ, кромѣ «Областного словаря», и не прочитаешь. Напр. *яство*, *якунить*, *юрюкъ*, *юкола*, *ѣмины*, *шибайла*, *чевалить*, *хабарно*, *тереза*, и пр. И какое же значеніе имѣютъ эти слова?. *Тереза* — вѣсы, *чевалить*—приготовлять ягоды на зиму, *юкола*—сушоная рыба изъ рода лососей, и т. п. Что̀ тутъ общаго съ политической экономіей? И много ли мѣста остается въ словарѣ для объясненія собственно-экономическихъ терминовъ?.. Да еще надо прибавить, что со-

ставитель словаря не довольствуется простымъ объясненіемъ словъ, а присоединяетъ отъ себя нравственныя сентенціи. Напримѣръ: «*Бѣдность* — состояніе нуждающагося въ первыхъ потребностяхъ жизни; *бываетъ слѣдствіемъ скудости природы, лѣности и безпечности человѣка* и часто непониманія экономическихъ законовъ, когда стараются водворить въ общежитіи искусственныя начала народнаго хозяйства». «*Благотворительность,* какъ вспомоществованіе нуждающемуся ближнему, должна быть основана на сознаніи нравственнаго долга, а потому не всякое подаяніе заслуживаетъ этого названія, тѣмъ менѣе помощь, облеченная въ форму юридической обязанности; оттого благотворительность, въ строгомъ значеніи этого слова, не составляетъ предмета науки». — Курьезныхъ опредѣленій, подобныхъ этому, не мало найдется въ «Политико-Экономическомъ словарѣ». Зато мы не нашли въ немъ словъ *запросъ, пошлина, поручительство, цензъ* и пр.

Но *тысячу словъ* г. А. С. можно «съ пріятностью прочесть». Объясненія словъ искать тутъ нечего, хотя г. А. С. въ предисловіи и увѣряетъ, что объясненіемъ своихъ тысячи словъ, «наиболѣе употребляющихся въ русской литературѣ», онъ хотѣлъ быть полезнымъ читателямъ журналовъ и газетъ въ объясненіи непонятныхъ имъ иностранныхъ словъ. Чего бы вы ни стали искать у г. А. С., — можно почти навѣрное сказать, что не найдете. Мы искали, напр., нѣсколько словъ, безпрерывно попадающихся теперь въ газетахъ: аристократы, демократы, модерантисты, реакціонеры, тори и виги, хартисты, либералы, легитимисты, конгрессъ, нота, вотировать, и пр. и пр. Ничего нѣтъ!.. то-есть—если хотите, три слова изъ исчисленныхъ нами и есть въ словарѣ, да что̀ въ томъ толку. Судите сами:

«*Либералъ*—свободно мыслящій человѣкъ, человѣкъ, преданный свободѣ правленія.

«*Легитимистъ* — приверженецъ законной династіи.

«*Реакція.* Отпоръ, воздѣйствіе, т.-е. дѣйствіе, вызванное другимъ; напримѣръ, когда одно тѣло ударяется о другое,—это другое оказываетъ ему отпоръ (реакцію); такъ напримѣръ, первый ударъ языка въ колоколъ труднѣе для ударяющаго, нежели второй—въ противоположный край; потому что при второмъ ударѣ звонарю уже помогъ край колокола, оттолкнувъ языкъ въ противоположную сторону.—Въ жизни умственной и нравственной, такъ же какъ и въ физической природѣ, что-нибудь, доведенное до крайности, вызываетъ реакцію».

Не хотите ли съ подобными объясненіями уразумѣть смыслъ, въ какомъ различныя партіи называются въ журналахъ и газетахъ *либералами, реакціонерами, легитимистами* и пр.

Вообще, объясненія г. А. С. очень курьезны. Напр., *логика,* по его мнѣнію,— «наука правильно мыслить и доказывать»; *лиризмъ*—«возвышенность мыслей и языка»; *реализмъ*—«то же, что̀ и матеріализмъ,— вещественное направленіе философіи; *матеріализмъ* же... но позвольте выписать сполна объясненіе г. А. С., такъ какъ ужъ пошла невзгода на матеріализмъ... Отъ г. А. С. достается ему, какъ увидите, не менѣе, чѣмъ и отъ г. Ю. Савича и отъ автора «Сватовство Ченскаго» [1]).

«*Матеріализмъ.* Философія, основанная на изученіи природы и въ позднѣйшее время не признающая въ ней духовнаго начала. Она явилась въ лицѣ Бэкона, какъ противодѣйствіе безплодному, замкнутому направленію идеализма. Въ предшествующее ей время метафизики, отвергнувъ всякое знаніе матеріи, *парили въ безвоздушныхъ пространствахъ, забывъ, что они живутъ еще на землѣ,* и что не мѣшаетъ подчасъ оглянуться—нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь достойнаго вниманія. При такомъ состояніи ума, *погруженномъ въ самого себя,* разумѣется, не могло процвѣтать естествознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ не могло совершенствоваться образованіе массы народной: философія, какъ неприступными стѣнами, оградила себя отъ большинства своими выспренними воззрѣніями и своимъ хитросплетеннымъ образомъ выраженія; — наука была достояніемъ немногихъ, и эти немногіе не умѣли извлечь изъ нея никакой существенной пользы. Отпоръ былъ приготовленъ и не замедлилъ явиться въ лицѣ Бэкона Веруламскаго. Этотъ замѣчательный человѣкъ увидѣлъ необходимость круто повернуть направленіе умовъ, чтобы возбудить ихъ къ полезной дѣятельности; онъ ввелъ новый методъ (способъ изученія) въ философію, направилъ умы на естествовѣдѣніе, отвергъ многія укоренившіяся положенія и сталъ искать новыхъ въ изслѣдованіи природы, но въ пылу противорѣчія зашелъ, самъ того не подозрѣвая, дальше, чѣмъ бы слѣдовало, и уничижилъ разумъ человѣка, поставивъ опытъ выше его. «*Должно,* говоритъ онъ, *собравъ нѣсколько фактовъ разнаго рода, извлекать изъ нихъ познаніе причинъ и началъ»,* какъ-будто этотъ узкій путь случайнаго приведетъ не къ причинамъ второстепеннымъ, а къ идеѣ сущности, *если она заранѣе не существовала въ душѣ человѣка? — «Лучшее изъ всѣхъ доказательствъ,* говоритъ онъ же, *есть, безъ сомнѣнія, опытъ»*—и самъ противорѣчитъ себѣ въ этихъ словахъ, предпосылая идею опыту, потому что *для доказыванія чего-нибудь нужно, чтобы о томъ уже существовала идея.*—Самъ вооружаясь противъ близорукаго эмпиризма (философіи, отвергающей всѣ доказательства, кромѣ опыта), нехотя посѣялъ онъ этими словами ложную мысль, которая позднѣйшими послѣдователями его была доведена до нелѣпости: Локкъ, Кондильякъ и другіе признавали только то, что̀ могли доказать опытомъ, какъ-будто можно отвергнуть все, не подлежащее вѣсамъ, мѣрѣ или химической очевидности? — Возьмемъ примѣръ изъ физической природы, какъ подлежащей опыту: пусть милліоны народа станутъ измѣрять количество воды въ морѣ, — сколько бы времени ни

---

[1]) См. № 326.

провели они за этимъ занятіемъ,—цѣли они никогда не достигнутъ, потому что убыль воды будетъ вознаграждаться прибылью новой, значитъ, опытъ невозможенъ, а между тѣмъ все-таки въ данное время въ морѣ содержится извѣстное количество ведеръ воды, *положимъ, билліоны билліоновъ, взятые столько же разъ, но фактъ существуетъ;* а доказать его, по недостаточности нашихъ средствъ, нѣтъ возможности. — Несмотря на всю очевидную несостоятельность односторонняго матеріализма, послѣдователи Бэкона распространили его вмѣстѣ съ насмѣшками надъ идеализмомъ; правда, что человѣку, расположенному смѣяться, матеріалисты тоже напоминаютъ одинъ анекдотъ, *который, съ позволенія читателей, разскажу имъ въ заключеніе статьи, вышедшей немного слишкомъ* (!) *серьезной для карманнаго словаря.* Одинъ докторъ эмпирикъ *лѣчилъ портного отъ горячки;* больной былъ при послѣднихъ минутахъ—надежды на спасеніе никакой не было,—вдругъ паціентъ пожелалъ ветчины; докторъ, видя, что смерть неизбѣжна, велѣлъ дать ему, и больной выздоровѣлъ; медикъ, вѣрный своему направленію, записалъ себѣ на память: *Ветчина—прекрасное средство отъ горячки.* Черезъ нѣсколько времени ему пришлось лѣчить тоже больного горячкой сапожника,—идея лѣченья была уже почерпнута изъ опыта: думать не о чемъ; онъ началъ лѣчить его ветчиной, но на другой же день больной умеръ;—докторъ, привыкшій по фактамъ составлять идею, нисколько не потерялся и только дополнилъ прежнее замѣчаніе словами: *Для портныхъ, а не для сапожниковъ.* (Анекдотъ этотъ разсказанъ въ сочиненіи князя Одоевскаго: *Русскія ночи*)».

Въ самомъ дѣлѣ—для словарика въ 120 страничекъ разгонистой печати, въ 16-ю долю листа, такое разглагольствованіе *немного-слишкомъ* пространно, тѣмъ болѣе, что свѣдѣній-то въ немъ все-таки *не слишкомъ много*... Самый анекдотъ о докторѣ мало помогаетъ дѣлу, а только ставитъ г. А. С. въ пониманіи философскихъ истинъ на одну доску съ г. Ю. Савичемъ...

Нельзя не пожалѣть, что такими пошлостями начинается у насъ дѣло, столь полезное и рѣшительно необходимое для распространенія въ массѣ публики необходимыхъ научныхъ свѣдѣній. У насъ, впрочемъ, все такъ: или ужъ задумаютъ махину въ 50 томовъ, которые будутъ издаваться десять лѣтъ и все-таки не дойдутъ до конца, или ужъ сплеча выпустятъ такую ничтожность, что на нее посмотрѣть совѣстно, — а такъ только развѣ, ради смѣха, можно повертѣть въ рукахъ... Отчего бы не издать у насъ справочнаго словаря, тома въ три или четыре, — въ родѣ того, напримѣръ, какъ издаются словари Буилье? Въ европейской публикѣ подобные словари расходятся сотнями тысячъ: новыя изданія дѣлаются чуть не каждый годъ. Въ нашей читающей публикѣ потребность въ справочномъ словарѣ, особенно по части политическихъ и историческихъ наукъ, должна быть болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ, потому что общее образованіе у насъ развито гораздо меньше. Правда, что и масса читателей у насъ ничтожна, сравнительно съ количествомъ читающихъ людей въ какомъ бы то ни было государствѣ Европы. Но вѣдь поддерживался же у насъ (пока не потерялъ кредитъ въ публикѣ) «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара, расходился же «Справочный Словарь» Старчевскаго, и теперь затѣяно же новое предпріятіе — «Энциклопедическій Словарь» въ 45 томовъ. Судя по этому, можно ожидать вѣрнаго успѣха для небольшого, но добросовѣстно составленнаго словаря, тома въ четыре или даже въ шесть. Для начала даже просто можно бы издать по-русски словари Буилье, прибавивши къ нимъ то, что̀ касается собственно Россіи,—нашей исторіи, географіи, литературы и пр. Мы даже слышали, что подобное изданіе уже готовится, и, безъ всякаго сомнѣнія, оно будетъ принято съ благодарностью въ нашей публикѣ, такъ часто нуждающейся въ научныхъ справкахъ и не имѣющей почти никакихъ средствъ удовлетворить своей любознательности.

---

330. Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института. 1828–1850 г.

Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 325.

Очень рѣзкое начало статьи обратило на себя общее вниманіе, а ядовитость сдѣланныхъ сопоставленій не могла не быть весьма чувствительной для тѣхъ, кого она касалась. По словамъ Добролюбова, кто-то пожаловался, все министерство взбѣсилось, хотѣли остановить книжку, да не успѣли: была уже разослана. Ограничились тѣмъ, что перемѣнили цензора и дали болѣе свирѣпаго. Вообще, наблюденіе за «Современникомъ» усилилось. «И все изъ-за моей

глупости, — писалъ Н. А., — въ которой я немедленно же и раскаялся. Впередъ ужъ постараюсь быть осторожнѣе» («Матеріалы», 536). Впрочемъ, вообще осенью 1859 года цензура стала гораздо строже и нелѣпѣе въ отношеніи всей литературы. 8 ноября Никитенко, бывшій въ центрѣ цензурнаго управленія, записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Государь оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея не произвели большого впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безмыслія».

М. Л.

Невозможно безъ чувства глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, передъ которымъ они падали до ногъ въ то время, когда онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ безсильнаго льва, приговаривая: «пускай ослиное копыто знаетъ». Тотъ, кто и прежде, въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся предъ нимъ, тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и безплодное, позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе... Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправою силою, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего-нибудь, а потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено!.. Такіе люди позднимъ своимъ возстаніемъ только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственнаго развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей нелѣпости и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрить ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ не уважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ озлобленіе и отвращеніе. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не сочувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что̀ они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по разсчетамъ, раболѣпны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость... Такіе люди гнусны и презрѣнны до послѣдней степени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполнѣ выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе Главнаго Педагогическаго Института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни одного слова, или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здравой педагогики, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много... Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія Института, зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ и въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія Института только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года назадъ, въ «Современникѣ», и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣломъ, но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно... [1]). И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ

---

[1]) См. № 39.

Педагогическаго Института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами... «Современникъ» не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться *надъ умершимъ*, а только представитъ спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи Института, по отчету, составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ надзирателемъ и адъюнктомъ Института, А. Смирновымъ.

Главный Педагогическій Институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ директоромъ его былъ, до 1847 г., Ѳ. И. Миддендорфъ, вторымъ—до 1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При Ѳ. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ Института были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) *малолѣтнее* отдѣленіе, изъ дѣтей 12—14 лѣтъ; 2) *предварительный* курсъ, соотвѣтствующій общему университетскому, и 3) *окончательный*, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при Институтѣ съ 1838 года Второмъ разрядѣ Института, назначенномъ собственно для приготовленія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Такимъ образомъ, прямая цѣль Института,—приготовленіе учителей, постоянно имѣлась въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при Ѳ. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили—35. При выбытіи Ѳ. И. Миддендорфа изъ Института въ немъ было до 170 воспитанниковъ; а въ кассѣ Института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ Институтъ новаго директора начался новый періодъ его существованія. *Самъ „Отчетъ“* признается нынѣ, что періодъ этотъ гораздо слабѣе предыдущаго, вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣнію, обозрѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ наскоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ Института взятъ *почти буквально*, съ небольшими (по мѣстамъ, впрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями изъ «Историческаго Обозрѣнія перваго двадцатипятилѣтія Института», читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ, на актѣ юбилея Института, въ 1853 году.

Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

Актъ 1853 г., стр. 26.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института до увольненія перваго директора *онаго дѣйствительнаго ст. сов. Ѳ. И. Миддендорфа, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности 23 октября 1846 г., при чемъ онъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника. Во все время управленія Институтомъ онъ былъ душою всей его дѣятельности; всѣ приращенія къ оному произошли не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе.* Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ пріобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія *въ мѣру возраста и постиженіемъ способовъ* развивать умственныя способности дѣтей. *Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.*

Обозрѣніе 1859 г., стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института при первомъ директорѣ *его*, Ѳ. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и пріобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, *приноравливаясь* къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственныя способности дѣтей. *При выбытіи его изъ Института, въ отпускахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ; а въ кассѣ Института было до 59.314 руб. 96 коп. экономической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ Институтѣ, неоднократно сдѣланные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1841—1846 годовъ), свидѣтельствуютъ, что устройство Института въ то время соотвѣтствовало цѣли учрежденія.*

Къ первому періоду Института относится пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ Института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по окончаніи курса въ факультетахъ, довершили высшее образованіе за границею и

поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенному приготовленіи въ самомъ Институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учители гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учители и комнатные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи Института предъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ «Обозрѣніи» 1853 г. тѣ же самыя фразы, и даже съ добавленіями еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ заимствованій еще больше, измѣненія еще незначительнѣе.

Актъ 1853 г., стр. 27.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Института *нынѣшняго Директора, Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ,* 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, *несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣдствовалъ въ хозяйственномъ отношеніи;* 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, *упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и въ нѣкоторомъ смыслѣ слабѣлъ въ сравненіи съ университетами, преобразованными уставомъ 1835 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностью и честію стремиться къ пріобрѣтенію высшихъ ученыхъ степеней,* по Положенію 1837 г., какъ студенты университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. *Прежде въ этомъ случаѣ помогала студентамъ Института посылка ихъ въ заграничные университеты, для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною и, наконецъ, совершенно отмѣнена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но, употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самодѣятельное обрабатываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честію хорошихъ учителей гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь—быть достойнымъ профессоромъ — оставалась недостижимою.*

Обозрѣніе 1859 г., стр. 9.

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ И. И. Давыдова, *измѣнилось устройство Института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что Институтъ,* 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, *долженъ былъ слишкомъ ограничить себя въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ;* 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, *еще не вполнѣ приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣятельностью заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями;* 3) что въ Институтѣ *распредѣленіе предметовъ по факультетамъ не соотвѣтствовало университетскому и было неудобоприложимо къ положенію объ испытаніяхъ на ученыя степени.*

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы; только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. И. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе.

Актъ 1853 г., стр. 28.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и указавшій уже не одной тысячѣ молодыхъ людей путь въ самое высшее святилище наукъ, будучи при томъ самъ уже заслуженнымъ профессоромъ и ординарнымъ академикомъ, при самомъ вступленіи въ свою настоящую должность, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. Инст. и, быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соотвѣтственное Уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ *Сергій Сем. Уваровъ,* исходатайствовалъ, 26 іюля 1848 г., Высочайшее соизволеніе на пре-

Обозрѣніе 1859 г., стр. 10.

Желая возвысить уровень педагогическаго образованія питомцевъ Института распространеніемъ круга ихъ субъективнаго образованія, онъ исходатайствовалъ, чрезъ Г. Министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе, 26 іюля 1848 г., на преобразованіе Института *въ таковомъ видѣ:*

образованіе Г. П. Института *на слѣдующихъ основаніяхъ:*

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшнемъ отличномъ состояніи гимназій, уѣздныя училища уже достаточно *снабжаются* учителями изъ учениковъ гимназій *и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій,* — съ другой стороны, *является много* изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, желающихъ поступить въ Институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія, то Второй Разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ полупансіонеровъ, *исполнившіе временное свое назначеніе, стали болѣе ненужными.*

Полагая, что уѣздныя училища достаточно *могутъ снабжаться* учителями изъ учениковъ гимназій, и что лучшіе воспитанники гимназій *съ охотою будутъ* поступать въ Институтъ для высшаго педагогическаго образованія, *онъ нашелъ* второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежавшимъ къ послѣднему классомъ полупансіонеровъ, *излишними.*

Далѣе — цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего. Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

Актъ 1853 г., стр. 32.

Въ скоромъ времени, *по соображенію общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразованіе въ курсахъ Института.* Такъ какъ среднія учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, *нынѣ* достаточно *приготовляютъ* лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли при Институтѣ существовавшій, оказывался излишнимъ, и пр.

Обозрѣніе 1859 г., стр. 11.

Въ скоромъ времени, *желая привлечь въ Институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ привести устройство Института еще къ большему спеціализированію.* Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, *могли* достаточно *приготовлять* своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшій при Институтѣ, оказывался излишнимъ, и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, разсказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученья въ Институтѣ четырьмя годами вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

Актъ 1853 г., стр. 32.

Курсы приняли надлежащій спеціальный видъ, и Главный Педагогическій Институтъ могъ теперь надежнѣе приступить къ довершенію высшаго педагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежащимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.

Обозрѣніе 1859 г., стр. 11.

Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приготовленія, не вполнѣ достигла ожидаемаго успѣха: воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ Институтъ не больше прежняго; можетъ быть, причиною тому былъ продолжительный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще болѣе, кажется, правила закрытаго заведенія, каковъ былъ въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, Институтъ.

Затѣмъ въ «Обозрѣніи» г. А. Смирновъ разсказываетъ перемѣны въ Институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ большему спеціализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлью приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназій, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполнѣ удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только *двое* поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ—35). Самое количество воспитанниковъ въ Институтѣ постоянно уменьшалось и, вмѣсто полнаго по штату числа 154, дошло до 94. Причинами этого «Обозрѣніе» полагаетъ, между прочимъ, то, что «быстро возраставшая въ послѣднее время дороговизна на жизненные припасы, улучшеніе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму Института, истощая средства заведенія, не позволяли попрежнему увеличивать число питомцевъ Института» (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова:

«Преобразованія Главнаго Педагогическаго Института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: Институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ

курсовъ его и направленіе преподаванія дали ему возможность образовать молодыхъ педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпускѣ изъ заведенія, съ честію заняли въ университетахъ и Главномъ Педагогич. Институтѣ профессорскія каѳедры; не утративъ своего практическаго спеціальнаго направленія, Институтъ съ честію опять (?!) сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій по части народнаго просвѣщенія» (стр. 36).

Но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго «Обозрѣнія», надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ Института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому устройству, какое было при Миддендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи Института. Вотъ что̀, между прочимъ, приводится изъ записки въ «Обозрѣніи» г. А. Смирнова:

«Несмотря на пользу, доставляемую Институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до котораго доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей, представляется возможность придать ему характеръ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовать *новому его совершенствованію*.

«Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества нынѣ встрѣчаетъ Институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ Институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностью и исторіею, или всего круга знаній, называемыхъ *studia humaniora*; это — тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; нимало не помогутъ педагогическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

«Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехгодичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухгодичные курса: 1-й курсъ — общій *(humaniora)*, 2-й спеціальный или факультетскій и 3-й — практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны преимущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесности, элементарной математики и историческихъ наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ сравняться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогикѣ въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. При этомъ раздѣленіи курса ученія выпуски изъ Института предполагалось производить черезъ каждые два года».

«Такимъ образомъ,—говоритъ г. Смирновъ (стр. 19), — Институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ особенно дорожилъ и прежній директоръ, Ѳ. И. Миддендорфъ, — основательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе Института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практики, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образованіи Института питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при старомъ устройствѣ 1832—1847 годовъ».

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность Института во второмъ періодѣ, ошибочность котораго созналъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Давыдова не было принято. «Главное правленіе училищъ (говоритъ г. Смирновъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи Главнаго Педагогическаго Института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоящей организаціи: 1) въ условіяхъ *пріема* студентовъ, при которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ Институтъ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ впослѣдствіи ни наклонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, къ которому готовятся, и 2) въ самомъ *курсѣ*, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теорій. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности предполагаемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлью, *упразднивъ Главный Педагогическій Институтъ, устроить взамѣнъ онаго особые педагогическіе курсы*, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, предлежащее имъ педагогическое поприще сознательно; съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться по два года; они должны быть заведеніями открытыми».

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія директоръ Института, г. И. Давыдовъ, назначенъ въ Правительствующій Сенатъ въ Москву; въ Институтѣ остались начальствующими, подъ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учебн. округа, И. Д. Делянова: г. Тихомандрицкій, самъ бывшій воспитанникомъ Института перваго выпуска и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ Института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 г. Такимъ образомъ они, можно сказать, видѣли начало Института, участвовали въ его дѣятельности, во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія...

---

331. Политика.

Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Виллафранкскій миръ. Рѣчь императора въ Сенъ-Клу.

Напечатано вмѣстѣ съ № 325. Отдѣлъ «политики» велъ Чернышевскій, но приведенное начало политическаго обозрѣнія принадлежитъ его другу, Н. А. Въ собственноручномъ спискѣ Добролюбовъ указываетъ только, что ему принадлежатъ 12 (исправлено изъ 14) страницъ въ «Политикѣ»; въ спискѣ сочиненій Н. А., написанномъ Чернышевскимъ и заключающемъ въ себѣ только одни названія, безъ указанія размѣра, названа «Политика» VIII книжки. Я нахожу, что изъ 54 страницъ всего обозрѣнія Добролюбову могутъ принадлежать только первыя 12 страницъ, которыя являются хоть сколько-нибудь законченными и болѣе похожими на его языкъ, чѣмъ всѣ остальныя. Сынъ Чернышевскаго, М. Н., не нашелъ въ бумагахъ своего отца никакихъ слѣдовъ къ этому обозрѣнію вообще.

М. Л.

Въ государствахъ, имѣющихъ судопроизводство съ адвокатами, когда дѣло какого-нибудь господина, подлежащее судебному рѣшенію, слишкомъ неблаговидно, ни одинъ адвокатъ не соглашается защищать его; но «никто не долженъ оставаться безъ защитника», потому назначается въ этихъ случаяхъ самимъ президентомъ суда defenseur d'office, «защитникъ по предписанію». Ни онъ самъ, ни одинъ человѣкъ изъ публики не надѣется, чтобы его старанія увѣнчались оправданіемъ обвиненнаго, но все-таки онъ усердно исполняетъ свою неблагодарную обязанность, и общество тѣмъ выше чтитъ его самоотверженные труды, чѣмъ очевиднѣе ихъ напрасность.

На какое же глубокое уваженіе имѣемъ право разсчитывать мы, добровольно, безъ всякаго приказанія, даже наперекоръ многочисленнымъ предостереженіямъ холодныхъ, благоразумныхъ людей, взявшіе на себя обязанность быть постояннымъ defenseur d'office всѣхъ дѣлъ, единогласно признающихся неимѣющими извиненія! Сколько намъ помнится, примѣровъ такого гражданскаго геройства не видѣлъ міръ съ той поры, когда г. Гречъ защищалъ г. Булгарина противъ Пушкина, злонамѣренно отрицавшаго правдивое увѣреніе г. Булгарина, что лучшія мѣста въ «Евгеніи Онѣгинѣ» заимствованы изъ «Ивана Выжигина» [1]). Но и самъ г. Гречъ только однажды въ свою долголѣтнюю жизнь отважился совершить такой подвигъ, да и то больше по дружбѣ; а мы въ теченіе какого-нибудь полугода совершили ихъ уже десятки. Кого и чего только ни защищали мы изъ безвозвратно всѣми осуждавшихся лицъ и дѣлъ! Мы защищали многое и многихъ, даже повара, поселяющаго раздоры между мужемъ и женою за обѣденнымъ столомъ, и наконецъ,— что̀ требовало наибольшей дозы мужества,— защищали австрійцевъ in natura, цѣликомъ, гуртомъ, безъ всякой очистки и исключеній...

Зная такое наше самоотверженное геройствованіе, читатель предугадываетъ, что теперь мы должны покинуть на время всѣхъ этихъ мелкихъ кліентовъ, чтобы посвятить всѣ наши способности защитѣ лица, далеко превосходящаго ихъ всѣхъ вмѣстѣ вліяніемъ на ходъ событій въ такъ называемомъ цивилизованномъ мірѣ. Все просвѣщенное человѣчество жестоко порицаетъ теперь императора французовъ за миръ, заключенный съ австрійцами будто бы слишкомъ преждевременно и будто бы неоправдывающій надеждъ, несоотвѣтствующій цѣлямъ, для которыхъ была начата война. Въ прошедшій разъ мы лишь слегка коснулись

[1]) Романъ Булгарина.

этого предмета и, къ сожалѣнію, сами выразили нѣкоторое недовольство... Что̀ дѣлать?—всѣ люди, всѣ могутъ заблуждаться; но сознаніемъ ошибки искупается половина ея, а другая половина ея можетъ быть легко намъ извинена въ томъ соображеніи, что и самъ императоръ французовъ на первый разъ былъ смущенъ всеобщностью возбужденнаго имъ неудовольствія. Возвращаясь изъ Италіи, онъ не хотѣлъ въѣзжать въ Парижъ: онъ зналъ, какой холодный пріемъ найдетъ онъ въ своей столицѣ, — онъ укрылся отъ публики въ Сенъ-Клу, и рѣчь, произнесенная имъ въ отвѣтъ на поздравленія «великихъ государственныхъ корпорацій», лишена самодовольства, которымъ отличались всѣ прежнія рѣчи его; онъ оправдывается, онъ извиняется. «Я прекратилъ войну, говоритъ онъ, потому что она становилась слишкомъ затруднительна. Приходилось осаждать Мантую и Верону,—это предпріятіе трудное; но трудность предпріятія не поколебала бы моей рѣшимости и не остановила бы стремленіе моей арміи (продолжаетъ императоръ французовъ), если бы средства не были непропорціональны съ результатами, которыхъ предстояло достичь. Надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями, и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ. Надобно было повсюду открыто подкрѣпляться пособіемъ революціи. Итакъ, я остановился не по утомленію или изнуренію, и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить, но потому, что въ моемъ сердцѣ говорило нѣчто еще высшее,—интересъ Франціи. Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ удержать пылкость солдатъ, экзальтированныхъ побѣдою, сильнѣйшимъ желаніемъ которыхъ было — идти впередъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ формально, передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ? Скажите, развѣ не тяжело было мнѣ видѣть, что разрушаются въ честныхъ сердцахъ благородныя иллюзіи, исчезаютъ патріотическія надежды? Служа дѣлу итальянской независимости, я велъ войну противъ желанія Европы; но едва настала минута, когда судьбы моей страны могли быть въ опасности, я заключилъ миръ».

Читатель, привыкшій къ дипломатической манерѣ, легко переведетъ эти фразы на обыкновенный языкъ. «Средства были непропорціональны съ результатомъ»—это значитъ: «я увидѣлъ, что не въ силахъ исполнить своего обѣщанія». — «Надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ» — это значитъ: противъ Франціи составлялась коалиція, то-есть исполнялось предсказаніе орлеанистовъ-республиканцевъ, высказавшихъ еще до начала войны черезъ «Journal des Débats» и черезъ Жюля Фавра, что Европа возстанетъ противъ Франціи, и императорская Франція должна будетъ отступить передъ коалиціею. «Я остановился не по изнуренію и не потому, чтобы покинулъ благородное дѣло, которому хотѣлъ служить»—это значитъ: «я не могу не сознаться, что почти всѣ думаютъ иначе».—«Хотѣлъ служить»—эта фраза доказываетъ невозможность просто сказать «служилъ», то-есть, самъ императоръ французовъ не отважился сказать, что дѣйствительно оказалъ услуги дѣлу итальянской независимости. «Развѣ не тяжело было мнѣ удерживать пылкость солдатъ» и т. д.—это признаніе въ томъ, что армія была недовольна миромъ. — «Развѣ не тяжело было мнѣ передъ лицомъ Европы выпустить изъ моей программы территорію, лежащую между Минчіо и Адріатическимъ моремъ?»—это значитъ: «вся Европа говоритъ, что Италія не удовлетворена мною».—Какое же извиненіе представляется всему этому?—«Судьбы моей страны могли быть въ опасности»—это значитъ: «Франція подверглась бы вторженію иностранцевъ; то-есть самъ императоръ французовъ опять подтверждаетъ мысль Жюля Фавра, что императорская Франція была безсильна передъ опасностями, сопряженными съ итальянскою войною».

«Скажите, развѣ не тяжело мнѣ было»—три раза повторяетъ Луи-Наполеонъ въ порывѣ чувства. Дѣйствительно, тяжело было ему, до сихъ поръ говорившему только о своей безошибочности и полномъ достиженіи своихъ цѣлей, сознаваться въ томъ, что онъ принужденъ былъ отступить, что Европа видѣла его отказывающимся отъ своей программы; еще тяжелѣе было признаваться, что въ арміи пробуждено недовольство; еще затруднительнѣе была необходимость говорить народу, столь гордому своею силою, какъ французы, что они должны бояться иностраннаго вторженія. Неловкость такихъ признаній и вразумленій очевидна; что̀ же могло заставить императора французовъ говорить вещи, столь невыгодныя для него самого?

Отвѣтъ одинъ: негодованіе, овладѣвшее Франціею, Италіею и всею Европою при извѣстіи объ условіяхъ Виллафранкскаго мира, было такъ сильно, что даже Наполеонъ III смутился, и въ смущеніи хватался за всякія мысли, которыя могли быть представлены въ извиненіе миру, не разбирая того, какъ подѣйствуютъ эти мысли на гор-

дость французской націи. Конечно, онъ не предвидѣлъ, что негодованіе будетъ такъ сильно; заключая миръ, онъ надѣялся, что ему можно будетъ говорить: «Виллафранкскій трактатъ освободилъ Италію», и объяснить свою предшествовавшую войнѣ прокламацію въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы при самомъ ея появленіи читали въ ней между строкъ, наполненныхъ сильными обѣщаніями (см. «Современникъ», № V), такъ, чтобы она представлялась совершенно и даже съ излишкомъ выполненною условіями мира. Но неразумные люди, неумѣющіе, подобно намъ, понимать красотъ дипломатическаго языка, имѣли неосторожность принять въ буквальномъ смыслѣ фразу прокламаціи: «Италія должна быть свободна отъ Альпъ до Адріатическаго моря» и даже имѣли безумство забыть изъ-за этой одной фразы обо всемъ остальномъ содержаніи прокламаціи; потомъ, когда фраза эта не исполнилась по условіямъ мира въ грубомъ матеріальномъ смыслѣ, какой они ей придавали, они подняли съ нею такой крикъ, котораго ничѣмъ невозможно было заглушить: «Италія должна была освободиться до Адріатическаго моря! Вы сами это говорили! До Адріатическаго моря, припомните ваши обѣщанія! Они не сдержаны!» и т. д.—Вотъ этотъ оглушительный крикъ незнакомыхъ съ дипломатическимъ языкомъ людей, нелѣпо вообразившихъ себя обманутыми,—вотъ онъ-то и смутилъ Луи-Наполеона, нездавшаго такой неблагодарности. Въ смущеніи онъ, какъ мы видѣли, думалъ лишь о томъ, какъ бы набрать побольше извиненій... Но слова, произносимыя человѣкомъ смущеннымъ, не всегда могутъ быть вполнѣ удачны, и мы принимаемъ рѣчь императора французовъ только какъ свидѣтельство о состояніи духа, въ которое повергнутъ былъ онъ неудовольствіемъ неразсудительныхъ людей, а вовсе не какъ изложеніе фактовъ, выдерживающее повѣрку. Дѣйствительно, Луи-Наполеонъ въ своемъ разстроенномъ расположеніи духа сказалъ много такого, чего самъ не захотѣлъ бы признать, не только сказать въ спокойномъ состояніи души. Мы попробуемъ исправить эти ошибки, отстраненіе которыхъ нужно для исполненія задачи, взятой нами на себя, для оправданія императора французовъ, неосновательно осуждаемаго теперь людьми, одобрявшими его за три или четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Когда обвиняемый скажетъ по неосторожности или взволнованности что-нибудь невыгодное для самого себя, обязанность адвоката требуетъ доказать судьямъ, что этихъ словъ не должно слушать, не должно основывать на нихъ никакихъ заключеній къ невыгодѣ обвиняемаго, потому что онъ ошибся, говоря ихъ. Такъ обязаны поступить и мы.

Война становилась трудна, говоритъ Наполеонъ III: «мнѣ приходилось атаковать съ фронта непріятеля, ставшаго въ окопахъ, за великими крѣпостями, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ нейтральностью территорій, окружавшихъ его; и начиная долгую и безплодную войну осадъ, я находилъ передъ собою вооруженную Европу, готовую оспаривать наши успѣхи или усугублять наши неудачи». Далѣе опять: «надобно было рѣшиться отважно разрушить препятствія, противопоставлявшіяся нейтральными территоріями, и въ такомъ случаѣ принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ».

Адвокатъ не можетъ оставить судей въ неблагопріятномъ для обвиняемаго заблужденіи, производимомъ этими словами. Въ нихъ больше неосторожной заботливости о многочисленности извиненій, нежели хладнокровной обдуманности.

«Атаковать съ фронта непріятеля, защищеннаго отъ всякой диверсіи съ фланговъ; если бы и такъ, остается, кромѣ фланговъ, еще тылъ, ровно ничѣмъ не защищенный; и мы говорили въ прошедшій разъ, что уже готовилась высадка на венеціанскомъ берегу для атаки съ тыла. Это рѣдкое счастье давало полководцамъ возможность занять его, а Наполеонъ III имѣлъ полную свободу пользоваться имъ. Да и выраженіе «съ фланговъ» опять неточно: съ праваго своего фланга австрійцы были дѣйствительно защищены тѣмъ, что нужно было бы тутъ проходить черезъ ихъ области, принадлежащія къ нынѣшнему союзу, который могъ обидѣться этимъ; но съ лѣваго, горнаго фланга чѣмъ они были защищены? Нейтральностью папскихъ владѣній? Неужели Европа серьезно увидѣла бы нѣчто особенное въ проходѣ французскихъ войскъ по этимъ землямъ, по которымъ съ полною свободою расхаживали австрійцы во время войны? Область, открытая войскамъ одного изъ противниковъ, открыта войскамъ другого,—сердиться на это никто не можетъ. При томъ, развѣ и французы уже давнымъ давно не занимали войсками папскихъ владѣній? Итакъ, о нейтральности этихъ земель нечего говорить: она не служила препятствіемъ. Такимъ образомъ непріятель защищенъ былъ только съ одного фланга, а не «съ фланговъ»; нападать на него можно было не съ одного фронта, а съ фронта съ лѣваго фланга и съ тыла—какое великолѣпное положеніе для атакующаго! Ни одному изъ великихъ полководцевъ новаго времени не давалась такая громадная выгода, доставшаяся Наполеону III. До тѣхъ поръ союз-

ники тѣснили непріятеля только съ фронта; теперь могли тѣснить его съ трехъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи война становилась для нихъ не труднѣе, а гораздо легче прежняго.

«Приходилось атаковать непріятеля, ставшаго за великими крѣпостями, — начинать долгую и безплодную войну осадъ». Во-первыхъ, замѣтимъ повтореніе прежней неточности въ употребленіи единственнаго и множественнаго чиселъ: «войну осадъ» (guerre de sièges),—«за великими крѣпостями». Мы уже говорили въ прошлый разъ, что дѣйствительную важность представляла только *одна* осада только *одной* крѣпости, Вероны. Пескьера и Леньяно вовсе не важны, и лишались всякой силы, будучи уже отрѣзаны одна отъ другой и отъ Мантуи, а Мантую не было надобности ни брать, ни осаждать; довольно было блокировать отдѣльнымъ обсерваціоннымъ корпусомъ это болотное логовище, выйти изъ котораго такъ же трудно, какъ и войти въ него. Итакъ, надобно было говорить не объ «осадахъ», а объ «осадѣ», не о «крѣпостяхъ», а о «крѣпости». Пусть бы только числа смѣшивались; но имена прилагательныя также навлекаютъ на себя упрекъ за неправильность: «мнѣ слѣдовало начинать долгую и безплодную войну осадъ».—Почему же «долгую» и «безплодную» (stérile)? Мы видѣли въ прошлый разъ, что осада Вероны (объ остальныхъ трехъ крѣпостяхъ не станемъ говорить) не могла быть продолжительна: какимъ образомъ укрѣпленія, разсчитанныя для обороны противъ слабаго дѣйствія прежнихъ орудій, могли бы долго противиться страшнымъ нарѣзнымъ пушкамъ, которыя въ осадѣ, въ разрушеніи стѣнъ находятъ самое блистательное употребленіе себѣ? Онѣ стрѣляли бы съ такихъ дистанцій, до которыхъ не беретъ крѣпостная артиллерія, и она должна была бы молчать, стѣны являлись бы все равно, что лишенными орудій; нарѣзныя батареи стрѣляли бы по этимъ безотвѣтнымъ стѣнамъ съ пунктовъ, господствующихъ надъ крѣпостью,—какъ же тутъ могла быть осада «долгою»? На какомъ основаніи она могла быть «безплодна», — это ужъ рѣшительно непонятно. Быстрое отнятіе у непріятеля пунктовъ, на которыхъ опирается его стратегическое значеніе въ Италіи, конечно, было бы дѣйствіе не безплодное, а самое богатое послѣдствіями, въ тысячу разъ болѣе важное, нежели всѣ побѣды при Маджентѣ и Сольферино.

Но пусть осада Вероны была бы «долга» и «безплодна»,—неужели полководецъ, выказавшій умѣнье пользоваться новыми идеями науки, могъ не знать, что со временъ его дяди крѣпости перестали считаться неизбѣжными остановками на пути арміи, побѣдившей въ открытомъ полѣ? Нынѣ крѣпость осаждаютъ только тогда, если не хотятъ заняться ничѣмъ инымъ, кромѣ ея осады; а если армія имѣетъ какое-нибудь другое назначеніе, она идетъ мимо крѣпости, оставляя только корпусъ для наблюденія за нею.

«Я находилъ передъ собою вооруженную Европу»; далѣе: «надобно было принять войну не на одномъ Аддидже, но и на Рейнѣ».—«Европу»,—но развѣ вся Европа готовилась воевать съ Франціею? Россія была далека отъ этой мысли. Англія, дѣйствительно, вооружалась; но каждому извѣстно, что она думала только о собственной защитѣ и никогда не хотѣла вмѣшиваться въ войну, если не принудитъ ея къ тому сама Франція. Нынѣшнее министерство было очень далеко отъ сочувствія австрійцамъ. Первымъ дѣломъ его было пріостановить вооруженія, производившіяся торійскимъ министерствомъ; не только само оно не хотѣло вступаться за Австрію,—оно сильнѣйшимъ образомъ совѣтовало и Пруссіи не ввязываться въ это дѣло. Итакъ, вмѣсто громкаго слова «Европа» надобно поставить только «Германія». Германія, дѣйствительно, вооружалась. Но, во-первыхъ, что было причиною вооруженій, предназначавшихся ею противъ Франціи? Никакъ не собственная охота, а только распоряженія самого императора французовъ. Зачѣмъ онъ первый составилъ «восточную армію», явно угрожавшую Германіи? Зачѣмъ онъ, назначивъ командиромъ этой арміи знаменитѣйшаго изъ французскихъ генераловъ, маршала Пелиссье, заставилъ Германію и всю Европу думать, что войну въ Италіи хочетъ сдѣлать только предлогомъ, началомъ, диверсіею для войны на Рейнѣ? Если Германія вооружалась, это было только отвѣтомъ на произвольныя угрозы самой Франціи. Но все равно, кѣмъ бы ни была принуждена Германія къ вооруженіямъ. Извѣстно, что Германія безъ Пруссіи ровно ничего не значитъ, а Пруссія до послѣдней минуты вовсе не имѣла охоты помогать австрійцамъ. Даже въ то время, когда ея предполагаемое вмѣшательство послужило императору французовъ предлогомъ къ заключенію мира, она предлагала Австріи помириться съ Франціею на условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ для Италіи, нежели каковы условія, составленныя самимъ императоромъ французовъ. По всему было очевидно, что Пруссія вооружается противъ собственной воли, принуждаемая къ тому только желаніями мелкихъ юго-западныхъ нѣмецкихъ государствъ, что вооруженія служатъ только маскою для ихъ успокоенія, что она рѣши-

лась до послѣдней крайности удерживаться отъ войны, а если бы когда (когда, — еще не было и видно, такъ далека была возможность войны) и начала ее, то безъ всякаго усердія, только для формы, въ родѣ того, какъ въ 1812 году она и Австрія вели войну противъ Россіи, или Россія въ 1809 году противъ Австріи. Такіе враги, выставляющіе войско только для формы, а въ душѣ нимало не желающіе помогать своему мнимому союзнику, котораго ненавидятъ, пораженія которому желаютъ, вовсе не опасны. Но все равно,—положимъ, что Германія начала бы воевать серьезно, а не только для соблюденія формы. Ея вооруженія въ началѣ іюля были еще такъ неполны, что она могла начать войну не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Чего нельзя было сдѣлать въ эти мѣсяцы! Можно было не только взять цѣлый десятокъ Веронъ, можно было взять самую Вѣну, — и если дѣйствительно грозила война на Рейнѣ, то уже никакъ не одновременно съ войною на Аддидже. Австрійцы были бы давно прогнаны далеко за Тальяменто, пожалуй, за Дунай, къ тому времени, какъ нѣмцы собрались бы воевать на Рейнѣ. Но пусть успѣхи противъ австрійцевъ были бы и не такъ быстры, какъ слѣдовало ожидать, а нѣмцы начали бы войну раньше, чѣмъ казалось вѣроятнымъ, пусть бы даже и не взята была Верона, все-таки Франціи уже не было надобности бороться въ одно время противъ двухъ враговъ: если бы открылась война на Рейнѣ, она могла передвинуть туда всѣ свои силы, предоставивъ Аддидже и Верону однимъ итальянцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если итальянцы въ апрѣлѣ были слишкомъ слабы, чтобы устоять противъ австрійцевъ, въ августѣ они легко могли считать у себя больше силъ, нежели у враговъ, если бы имъ хотя только за двѣ, за три недѣли дано было отъ союзника позволеніе развивать свои силы безпрепятственно. Сардинская армія имѣла 100,000; Ломбардія давала ей по крайней мѣрѣ 50,000; Тоскана имѣла 20,000 и хотѣла имѣть болѣе 30,000; Гарибальди требовалъ только ружей, чтобы имѣть столько же, если не больше; Парма и Модена давали 10,000; Легатства имѣли 20,000, — итого 240,000 человѣкъ чисто итальянскаго войска было наготовѣ. Австрійцы не могли имѣть въ Италіи больше, и, какъ мы говорили въ прошлый разъ, уже приближалось время, когда съ каждымъ днемъ тысячи изъ этихъ солдатъ должны были уходить изъ-подъ австрійскихъ знаменъ подъ свои родныя, венгерскія или славянскія, знамена, враждебныя австрійцамъ. А итальянскія силы быстро увеличивались бы, росли бы съ каждымъ днемъ. Итакъ, вопросъ разрѣшался очень легко: если нужны Франціи войска на Рейнѣ, она выводитъ всѣ свои войска изъ Италіи,—итальянцы и одни уже могли выдерживать борьбу съ австрійцами на первый мѣсяцъ, на второй были сильнѣе ихъ, а на третій австрійская армія въ Италіи исчезала!..

Къ чему же говорить о необходимости французамъ выдерживать войну на Аддидже и Рейнѣ, когда они могли спокойно оставить Италію защитѣ самихъ итальянцевъ, и сосредоточить свои силы исключительно на Рейнѣ? Зачѣмъ же было пугаться войны съ Германіею, если бы даже эта война въ самомъ дѣлѣ была близка, — чего еще не было,—и серьезна,—чего никакъ не слѣдовало предполагать? Неужели Франція не въ силахъ защитить свои границы отъ нѣмцевъ? Это что-то неслыханное. Неужели Ганноверъ и Баварія могутъ завоевать Францію? Ганноверъ и Баварія, говоримъ мы, потому что Пруссія, даже въ случаѣ начатія войны, никакъ не хотѣла вести войну наступательную. Зачѣмъ обманывать себя страшными призраками? Развѣ не было извѣстно, какой характеръ должна была имѣть война на Рейнѣ по непремѣнному плану Пруссіи (если только Пруссія не успѣла бы удержать Германію отъ войны)? Нѣмецкій Союзъ выставлялъ бы армію для защиты Рейна, и только всего; если бы французы не захотѣли нападать, армія эта не тронула бы ихъ волоскомъ. Какая же «опасность» грозила «судьбамъ Франціи», какая «несоразмѣрность» могла существовать «между ея средствами и результатами», стремленіе къ которымъ было провозглашено при началѣ войны?

Мы были обязаны разсѣять неблагопріятный для императора французовъ взглядъ на положеніе дѣлъ, предшествовавшее миру, и для достиженія этой цѣли должны были обнаружить неточности, находившіяся въ его рѣчи. Теперь читатель знаетъ, что продолженіе войны не угрожало ровно никакими опасностями для «судебъ Франціи», стало быть, не существовало и причины, которою извинялось бы согласіе императора на неудовлетворительныя условія; а изъ этого надобно заключать, что условія мира были очень удовлетворительны—иначе онъ не согласился бы на нихъ. Именно такъ и говоритъ президентъ законодательнаго корпуса, Морни. Послушайте, какою славою покрываетъ императора французовъ этотъ миръ:

«Государь,

«Въ три мѣсяца сколько чудесъ!

«Когда война была объявлена, мы не имѣли ни одного солдата въ Италіи. Австрія тамъ обладала многочисленною арміею въ

страшныхъ позиціяхъ, давно ею изученныхъ. Ея притязательное вліяніе тяготѣло надъ всѣми итальянскими правительствами. Черезъ нѣсколько дней, пять побѣдъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, прибавили славнѣйшую страницу къ нашей военной исторіи, и политическая цѣль, вами предположенная, была достигнута.

«Но прекраснѣйшая изъ всѣхъ побѣдъ— та, которую вы одержали надъ самимъ собою. Въ упоеніи торжества вы явились непріятелемъ столь же великодушнымъ, сколь вѣрнымъ и безкорыстнымъ союзникомъ; окруженный побѣдоносными и воспламененными солдатами, вы думали только о сохраненіи драгоцѣнной ихъ крови. Вы возвратили Италіи истинную свободу, освободивъ ее отъ деспотизма и воспретивъ ей революціонные пути.

«Я знаю, государь, что, выражая эти чувства, я служу органомъ законодательнаго корпуса».

Вотъ человѣкъ, понимающій, что̀ и какъ надобно говорить. Мы охотно отдаемъ его взгляду на характеръ мира предпочтеніе передъ понятіемъ самого Наполеона. «Политическая цѣль, вами предположенная, государь, достигнута» — говоритъ онъ. Да, вполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ было цѣлью войны?—Освобожденіе Италіи. Ну-съ, Италія теперь получила свободу, по словамъ того же Морни,—даже нѣчто лучшее, нежели просто свободу: она получила «истинную свободу». Прекрасно, мы этому вполнѣ вѣримъ и очень рады.

Безъ всякаго сомнѣнія, самъ императоръ французовъ, когда успокоится отъ первоначальнаго смущенія, увидитъ, что онъ заблуждался, признаваясь, будто измѣнилъ своей программѣ и не освободилъ Италіи, и что Морни былъ совершенно правъ, называя его основателемъ «истинной свободы» въ Италіи. Трудно не согласиться съ Морни, — такъ правдивы всѣ его слова. Особенно удачно выраженіе: «вы явили себя вѣрнымъ союзникомъ». Правда, миръ съ Австріею былъ заключенъ отдѣльно, безъ участія Сардиніи, безъ воли или, лучше, противъ воли сардинскаго короля и его министра,—но что̀ жъ за важность? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, императоръ французовъ обязанъ церемониться съ такимъ небольшимъ государствомъ, какъ Сардинія?

Ободряемые мужественными словами Морни, — «мужественными», говоримъ мы, потому что нуженъ совершенно особенный, такъ сказать, спартанскій закалъ души для изреченія раздраженной Европѣ столь упорно отвергаемыхъ ею истинъ о характерѣ Виллафранкскаго мира, — ободряемые мужественнымъ примѣромъ Морни, столь извѣстнаго непоколебимою приверженностью къ правдѣ, мы осмѣлимся изложить теперь читателю, безъ всякой утайки, нашъ взглядъ на характеръ послѣдней войны и связанныхъ съ нею событій. До сихъ поръ мы высказывали его только наполовину, боясь слишкомъ раздражить людей съ «благородными иллюзіями», по выраженію императора французовъ. Теперь, подъ щитомъ благороднаго Морни, мы становимся отважнѣе. Надѣемся, что читатель, если согласится съ этимъ взглядомъ, перестанетъ винить императора французовъ и признается, что онъ не могъ дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовалъ.

Нынѣ очень много говорятъ о національностяхъ. Но какъ ни сильны симпатіи и антипатіи, возникающія изъ нихъ, еще сильнѣе чувства, внушаемыя каждому его личными выгодами и потребностями. По выгодамъ, все европейское общество раздѣлено на двѣ половины: одна живетъ чужимъ трудомъ, другая своимъ собственнымъ; первая благоденствуетъ, вторая терпитъ нужду. Это раздѣленіе общества, основанное на матеріальныхъ интересахъ, отражается и въ политической дѣятельности. Есть люди, въ которыхъ умственное и нравственное развитіе достигаетъ такой силы, что видъ несправедливости и беззаконія мучитъ ихъ; они желаютъ преобразованій, но потребность эта, ощущаемая и массою народа — только въ матеріальномъ примѣненіи къ вопросу о распредѣленіи продуктовъ труда и средствъ къ производительному труду (земля, капиталъ), сознается ими въ размѣрѣ болѣе обширномъ. Они находятъ, что для поддержки справедливыхъ отношеній по имуществу, нужны разныя гарантіи въ гражданскихъ правахъ. Само собою разумѣется, что сами по себѣ такіе люди не очень сильны: ихъ мало, но они желаютъ того, что̀ нужно для благосостоянія массы, и естественно стараются опереться на нее, растолковать ей, какимъ образомъ можетъ она пріобрѣсти то, чего ищетъ. Но реформы, нужныя для массы, противны выгодамъ людей, благосостояніе которыхъ связано съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Они понимаютъ, что поддержать его можно только отнятіемъ у реформаторовъ возможности дѣйствовать на массу. Такимъ образомъ, консерваторы принуждены обращаться въ реакціонеровъ и обскурантовъ, чтобы охранить свои выгоды отъ гибельнаго для нихъ союза реформаторовъ съ массою. При такомъ положеніи дѣлъ реформаторы, смотря по различію темпераментовъ, привязанности къ своимъ идеямъ и проницательности, раздѣляются на двѣ партіи. Одни, видя, что горсть людей, пользующихся нынѣшнимъ

положеніемъ вещей, задерживаетъ всѣ ихъ усилія, и сама имѣетъ силу управлять общественными дѣлами, какъ ей угодно, думаютъ, что надобно убѣдить этихъ людей дѣйствовать иначе и содѣйствовать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣютъ въ виду они, реформаторы. Къ этому разряду въ обыкновенныя времена принадлежитъ огромное большинство реформаторовъ. Другіе находятъ, что краснорѣчіе и правда безсильны надъ человѣкомъ, когда противны его выгодамъ, и потому объявляютъ, что никакими доводами нельзя людей, находящихъ свою выгоду въ реакціи и обскурантизмѣ, обратить въ друзей прогресса, и что прогрессисты должны стоять къ такимъ людямъ въ одномъ неизмѣнномъ отношеніи, въ отношеніи непримиримой вражды; это революціонеры. Реформаторы, надѣящіеся обратить реакціонеровъ въ прогрессистовъ, думаютъ, что именно только вражда революціонеровъ, а не инстинктъ собственныхъ выгодъ возстановляетъ реакціонеровъ противъ реформъ, и зато преслѣдуютъ революціонеровъ, какъ людей вредныхъ дѣлу реформы. Этихъ реформаторовъ, проповѣдующихъ вражду противъ революціонеровъ, назовемъ хоть модерантистами, по выраженію конца XVIII вѣка.

Читатель вѣроятно будетъ такъ деликатенъ, что не станетъ спрашивать, какая изъ этихъ трехъ партій болѣе нравится намъ, — *а если бы онъ* сталъ требовать отвѣта на такой вопросъ, мы были бы поставлены въ самое щекотливое положеніе, потому что отвѣтъ нашъ очень компрометтировалъ бы нашу репутацію «въ настоящее время, когда»...—Въ настоящее время, когда каждый стыдится называть себя человѣкомъ нелиберальнымъ, врагомъ реформы и прогресса, мы принуждены были бы сказать, что всего выгоднѣе намъ съ вами обоимъ, читатель, примкнуть къ партіи реакціонеровъ и обскурантовъ: они люди самые надежные и основательные. Да и какое мнѣ дѣло до пользы другихъ? Было бы мнѣ тепло, и чужой голодъ не ощущается моимъ желудкомъ. Что же касается такъ называемыхъ высшихъ стремленій и благородныхъ, безкорыстныхъ потребностей, — самое вѣрное дѣло: не вѣрить серьезности ихъ ни въ другихъ, ни въ самомъ себѣ, а смотрѣть на нихъ, какъ на праздную игру въ слова, бросаемую при первомъ столкновеніи съ положительными личными выгодами!

А впрочемъ, какъ хотите. Бываютъ на свѣтѣ люди, служащіе исключеніемъ изъ общаго правила, — люди, которымъ чужое горе щемитъ сердце такъ же мучительно, какъ свое личное горе; люди, которые не могутъ чувствовать себя счастливыми, когда знаютъ, что другіе несчастны. Быть можетъ, вы изъ такихъ людей; ну, тогда поступайте, какъ велитъ вамъ ваша честная натура. Но во всякомъ случаѣ не забывайте одного: одной честности мало для того, чтобы быть правымъ и полезнымъ; нужна также послѣдовательность въ идеяхъ.—Если вы приняли принципъ, не отступайте передъ его послѣдствіями; нужна прежде всего разсудительность во взглядѣ на стремленія другихъ, иначе васъ обманутъ и употребятъ орудіемъ на совершеніе самыхъ нечистыхъ дѣлъ, хотя бы вы были чистѣйшимъ человѣкомъ. Эта разсудительность первымъ своимъ правиломъ ставитъ: словъ не слушай, а смотри на дѣла и на то, въ чемъ состоятъ потребности человѣка, и ввѣряйся только тому, который смотритъ на міръ такими же глазами, какъ ты, только тому, у котораго потребности одинаковы съ твоими. Довѣрчивость ко всякому чаще всего губила доброе дѣло.

Но все это отступленіе, какъ мы теперь замѣчаемъ, совершенно лишнее. Кому нужно наше мнѣніе? Мы обязаны только излагать факты, предоставляя читателю самому судить о фактахъ, какъ ему угодно.

332. Основные законы воспитанія.

Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы *Н. А. Миллеръ-Красовскій,* кандидатъ Спб. университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ институтѣ. Первый выпускъ. Спб. 1859 г.

Напечатано въ IX книгѣ «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 27 августа). См. № 306.

М. Л.

Надъ книгою Миллера-Красовскаго очень много смѣялись во всѣхъ журналахъ, чѣмъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался очень недоволенъ. Противъ одной рецензіи онъ напечаталъ даже реплику въ «Сѣверной Пчелѣ». Репутація газеты, принявшей подъ свое покровительство антикритику г. Миллера-Красовскаго, слишкомъ хорошо извѣстна, для того чтобы нужно было прибавлять еще какія-нибудь поясненія къ этому факту. Но справедливость требуетъ сказать, что *отвѣтъ* г. Миллера-Красовскаго, напечатанный въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 142), въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, все-таки, не такъ нелѣпъ, какъ вся его книга. Въ отвѣтѣ своемъ онъ даже прямо противорѣчитъ нѣкоторымъ изъ основныхъ положеній, провозглашенныхъ имъ въ «Основныхъ законахъ воспитанія». Надобно сказать, что вся книга г. Миллера-Красовскаго есть не что иное, какъ апоѳеозъ повиновенія воспитанника, повиновенія слѣпого, безусловнаго, повиновенія во что бы то ни стало, хотя бы дѣло дошло до розогъ и пощечинъ. Заставить воспитанника повиноваться безъ разсужденій—вотъ цѣль воспитанія, по мнѣнію автора. Онъ разсуждаетъ такъ: «дитя еще не имѣетъ воли, не въ состояніи мыслить; за него воспитатель *волитъ*, мыслитъ и отвѣчаетъ предъ Богомъ за младую душу, требуя одного повиновенія» (стр. 18); поэтому очевидно, что воспитанникъ долженъ безусловно и слѣпо повиноваться воспитателю, какъ существо, лишенное своей воли и мысли. «Здравое воспитаніе непремѣнно установитъ для всѣхъ воспитываемыхъ, безъ разбора возраста и сословія, разумное правило: «Не разсуждай, а исполняй» (стр. 33). Но когда же оканчивается это воспитаніе, требующее повиновенія безъ разсужденій? По словамъ г. Миллера-Красовскаго, вмѣстѣ съ совершеннолѣтіемъ (стр. 10); но по *сущности его ученія*—никогда. Онъ самъ говоритъ, что «послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданскаго послушанія»; «*всякая же гражданская обязанность есть не что иное, какъ безусловное подчиненіе нашей воли правительству и отечественнымъ законамъ*» (стр. 8). Значитъ, въ теченіе всей своей жизни человѣкъ, воспитанный по началамъ г. Миллера-Красовскаго, никогда не дойдетъ до того, чтобы самостоятельно разсудить о чемъ-нибудь. Въ жизни онъ такъ же, какъ и при воспитаніи своемъ, будетъ только слушаться, будетъ только исполнителемъ, вовсе не понимающимъ, да и не заботящимся понимать—что̀ и зачѣмъ онъ дѣлаетъ. По требованію г. Миллера-Красовскаго, «не должно облегчать дѣтямъ повиновенія, *убѣждая* ихъ въ воспитательской какой-либо необходимости причинами и доводами: это въ сущности то же самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія, *потому что убѣжденное дитя ужъ болѣе не слушается родителей, а причинъ, резоновъ*, и такимъ образомъ *привыкаетъ резонировать*» (стр. 32). Значитъ, по г. Миллеру-Красовскому, великое зло воспитанія заключается въ томъ, когда дѣти привыкаютъ разсуждать (или резонировать); нужно, чтобъ они не привыкали къ этому, и такимъ образомъ на всю жизнь остались покорными исполнителями чужихъ велѣній. Очевидно, что при такой системѣ воспитанія общество обрекается на вѣчный застой, на вѣчное повтореніе однихъ и тѣхъ же, разъ навсегда установившихся обычаевъ и предразсудковъ; этой системой уничтожается всякая возможность нововведеній и усовершенствованій, осуждается всякая борьба противъ укоренившагося зла, всякая реформа въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Люди, открывшіе новые пути для мысли, указавшіе новыя начала общественнаго устройства, составлявшіе новыя системы, новые законы для человѣческой дѣятельности,—всѣ эти люди, по ученію г. Миллера-Красовскаго, не болѣе какъ своевольники, дурно воспитанные, ложно направленные мальчики!..

Въ *отвѣтѣ* своемъ г. Миллеръ-Красовскій нѣсколько смягчаетъ свое ученіе, и этимъ даетъ доказательство, что насмѣшливыя рецензіи его книги не остались безъ

дѣйствія. Напр., онъ говоритъ: «кажется, мы вполнѣ правы были, сказавъ: *любя, дѣти научатся повиновенію*». Дѣйствительно, авторъ былъ бы правъ, если бы сказалъ это; но дѣло въ томъ, что онъ въ своей книгѣ сказалъ совершенно противное. Въ «Основныхъ законахъ воспитанія» огромными буквами напечатано: «*повинуясь дѣти учатся любить* (но не наоборотъ)» (стр. 27). Это значитъ: «но любя, дѣти не учатся повиноваться». Очевидно, что въ отвѣтѣ г. Миллера-Красовскаго принято положеніе, совершенно и буквально противоположное тому, что̀ имъ же самимъ сказано въ «Основныхъ законахъ воспитанія».

Въ другомъ мѣстѣ своего отвѣта г. Миллеръ-Красовскій удивляется, какъ могли рецензенты смѣяться надъ неоспоримымъ положеніемъ, что «идея равенства между родителями и дѣтьми невозможна, *потому что* она и не согласна съ заповѣдью: чти отца и мать». Но равенства родителей и малолѣтнихъ дѣтей никто и не провозглашалъ. Смѣялись только надъ этимъ «*потому что и*», и возставали противъ примѣненія идеи о неравенствѣ въ «Основныхъ законахъ воспитанія». Развивая эту идею, г. Миллеръ-Красовскій посягаетъ на самую человѣческую личность дитяти, отнимаетъ у него право имѣть собственную мысль, выразить собственное ощущеніе. По его требованію, не нужно позволять дѣтямъ ни малѣйшаго возраженія, ибо «что̀ такое возраженія, переговоры, какъ не идеи равенства!» (стр. 33). Ясно, что г. Миллеръ-Красовскій считаетъ всякое проявленіе личности въ ребенкѣ какимъ-то преступнымъ замысломъ захватить себѣ равенство съ родителями и воспитателями.

Далѣе — г. Миллеръ-Красовскій отрекается, въ «Сѣверной Пчелѣ», отъ розогъ и пощечинъ, и даже приходитъ въ негодованіе, что ему приписываютъ *подобныя нелѣпости*. «Пускай читатель самъ рѣшитъ, — говоритъ онъ,—стоитъ ли труда долѣе обличать *дѣйствительныя фантазіи* (?) нашего замаскированнаго филантропа (т.-е. рецензента «Спб. Вѣдомостей»), который вдобавокъ позволилъ себѣ еще *разныя неправды*, позволилъ себѣ разсказать, что мы рекомендуемъ розгу, вводимъ пощечины и подобныя нелѣпости».—Подумаешь, что г. Миллеръ-Красовскій въ самомъ дѣлѣ врагъ розги и пощечины. Но раскроемъ его книгу. Вотъ глава *о формахъ наказаній*.

«Какъ ни трудно опредѣлить универсальныя формы, онѣ съ нѣкоторыми измѣненіями преимущественно бываютъ слѣдующія: выговоръ, иронія, лишеніе удовольствія и свободы, разжалованіе мѣстомъ и наконецъ—розга. Мы вполнѣ согласны, что понятіе розга—весьма неизящное. Нѣмецкая педагогія (къ которой авторъ постоянно выражаетъ свое презрѣніе и отвращеніе) со временъ Руссо (послѣдняго негодяя и шарлатана, по мнѣнію автора) всѣми мѣрами вооружалась, постоянно тревожилась и еще нынѣ не согласна на счетъ этого унизительнаго двигателя повиновенія. Наше мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ будетъ лишено авторитета. Почему и, полагаемъ, благоразумно сдѣлаемъ, заставивъ г. Визе тутъ говорить объ англичанахъ. Даже въ Этонѣ (высшей школѣ) воспитанники старшаго класса не исключены отъ наказанія розгами» и проч.

Сдѣлавъ выписку изъ Визе, въ которой говорится, что у англичанъ тѣлесное наказаніе держится по старому обычаю, хотя и не имѣетъ разумнаго основанія, и что они придаютъ этому значеніе не исправительное, а «смыслъ примиренія съ прошедшимъ», т.-е. карательное значеніе,—г. Миллеръ-Красовскій прибавляетъ отъ себя: «сказанное хотя и не относится къ домашнему воспитанію, но объясненный имъ смыслъ и символъ наказанія имѣютъ также важное значеніе для семейства» (стр. 50). Это значитъ, что г. Миллеръ-Красовскій принялъ Визе за поборника розги, и вслѣдствіе того говоритъ читателямъ: «нынѣ всѣ противъ розги,—такъ что я даже не смѣю отъ себя высказать защиты ея; но вотъ г. Визе хвалитъ англійскій обычай подвергать тѣлесному наказанію старшихъ воспитанниковъ Этонской школы; хотя это къ семейному воспитанію не относится, но я думаю, что и въ семействѣ нужно съ дѣтьми поступать также точно»... Скажите же, послѣ этого, защищаетъ ли розгу г. Миллеръ-Красовскій, или, напротивъ, считаетъ ее нелѣпостью?

А вотъ и о пощечинахъ. Отвергая пользу карцера, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ: «*наша двѣнадцатилѣтняя практика* говоритъ намъ, что продолжительное наказаніе большею частію безполезно, оно даже способствуетъ зачерствѣнію и озлобленію молодой натуры. *Быстрое, моментное же дѣйствіе* воспитателя всегда болѣе потрясетъ, чѣмъ систематически-задуманные пріемы и способы» (стр. 50). Что̀ такое разумѣетъ авторъ подъ *сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ*, онъ объясняетъ былью, которая, вѣроятно, уже извѣстна нашимъ читателямъ, потому что она была перепечатана и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», и въ «Современникѣ», и даже переложена въ стихи въ «Искрѣ». Дѣло все въ томъ, что «*благоразумный, безпристрастный наставникъ* основательно вылѣчилъ Петю отъ упрямства *тремя пощечинами*» (стр. 55).

Разсказавъ эту быль, г. Миллеръ-Красовскій заключаетъ: «кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ разсказъ не быль, а выдумка, тотъ навѣрно не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ однѣми кабинетскими теоріями». Послѣ этого нельзя не согласиться, что вполнѣ справедливо усвоено г. Миллеру-Красовскому живописное названіе «Рыцаря трехъ пощечинъ».

Въ заключеніе нашей рецензіи считаемъ не лишнимъ сообщить слѣдующій фактъ. Въ № 8 «Современника» помѣщено письмо въ редакцію г. Цейдлера, одного изъ служащихъ въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, въ которомъ г. Миллеръ-Красовскій занимаетъ должность класснаго надзирателя, какъ сказано на заглавномъ листѣ его книги. Письмо это вызвано предположеніемъ, которое сдѣлалъ рецензентъ «Современника», что г. Миллеръ-Красовскій провѣряетъ свои педагогическія теоріи на воспитанникахъ Гатчинскаго института. Г. Цейдлеръ признаетъ это предположеніе *«весьма естественнымъ»*, но удостовѣряетъ, что оно *«къ счастію невѣрно»*, потому что г. Миллеръ-Красовскій, *если бы и желалъ*, то по своему положенію въ заведеніи *не былъ бы допущенъ* здѣсь проводить на практикѣ свои идеи. «Слѣдовательно, заключаетъ г. Цейдлеръ,—г. Миллеръ-Красовскій проводилъ свои идеи на практикѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, внѣ института».

Утѣшительно и это!

---

333. Природа и люди.

Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Книга вторая. Выпускъ III. Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 332. См. № 216.

М. Л.

Мы говорили въ «Журналѣ для Воспитанія» (1858 г. № 4 и XI) о первыхъ двухъ выпускахъ, составляющихъ первую книгу этого изданія. Признавая за нимъ большія литературныя достоинства, мы замѣтили, что оно не можетъ «вытѣснить жалкіе учебники географіи», какъ предполагали авторы-издатели. Въ урокахъ г.г. Павловскаго и В. Л. слишкомъ много было вещей недосказанныхъ, слишкомъ много мѣстъ, которыхъ хорошее объясненіе было не подъ силу не только ученикамъ, но и многимъ изъ преподавателей. Ссылки на источники мало могли помочь, потому что большая часть этихъ источниковъ недоступна младшему учителю гимназіи гдѣ-нибудь въ провинціальномъ городѣ. Всѣ эти замѣчанія приняты во вниманіе авторами при составленіи второй книги ихъ уроковъ. Въ нынѣшнемъ выпускѣ содержатся разсказы объ Египтѣ, Алжиріи и Сенегамбіи. Говоря объ Египтѣ, г. Павловскій весьма подробно, живо и просто разсказываетъ объ общихъ свойствахъ страны, о качествахъ народа, о мусульманской религіи, объ администраціи Египта,—нерѣдко обращаясь къ прошедшему и дополняя свои описанія историческими замѣтками. Въ очеркѣ Алжиріи г. Павловскій также даетъ описаніе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе народа, живущаго въ этой мѣстности, и нѣсколько свѣдѣній о его политическомъ положеніи. То же самое дѣлаетъ г. В. Л. въ отношеніи къ Сенегамбіи и Сіерра-Леонскому берегу Африки. Нельзя не поблагодарить ихъ за то, что они признали справедливость сдѣланныхъ имъ замѣчаній и постарались въ новыхъ выпускахъ исправить, хотя отчасти, указанные имъ недостатки. Въ изданной теперь книжкѣ уже гораздо меньше намековъ и ссылокъ на источники, рѣдко кому доступные; авторы потрудились изложить все, что̀ сами сочли нужнымъ передать ученикамъ, а не только конспектъ того, что̀ долженъ будетъ развивать предъ учениками искусный преподаватель. Вслѣдствіе того третій выпускъ «Природы и людей» можетъ служить очень полезнымъ пособіемъ для всякаго учителя, въ изложеніи географіи Сѣверной и Западной Африки. Но само собою разумѣется, что и этотъ выпускъ все-таки не можетъ служить *учебникомъ* въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово. Книжку «Природа и люди» нельзя дать въ руки ученикамъ, чтобъ они *учили* ее. Дѣлаемъ это замѣчаніе для тѣхъ, которые, не видавши третьяго выпуска, могли бы подумать, что гг. А. Павловскій и В. Л. продолжаютъ стремиться къ тому, чтобъ свои лекціи поставить на мѣсто учебниковъ, употребляю-

щихся въ школахъ. Нѣтъ, они совершенно отказались отъ этого и считаютъ свою книгу не болѣе какъ «пособіемъ для учащихся и для читателей, мало знакомыхъ съ современною наукою» (пред. III). Въ этомъ смыслѣ нельзя не отдать полной справедливости книгѣ гг. А. Павловскаго и В. Л.; ихъ уроки съ любопытствомъ прочтутъ многіе даже изъ прошедшихъ гимназическій курсъ географіи.

Въ предисловіи къ третьему выпуску находится между прочимъ возраженіе на нашу рецензію, помѣщенную въ № XI «Журнала для Воспитанія» 1858 г. Упреки касаются двухъ пунктовъ: 1) Зачѣмъ мы сказали, что критикѣ нѣтъ дѣла до того, какими источниками пользовался авторъ. Но авторъ не вполнѣ точно передалъ нашу мысль въ своемъ возраженіи. Мы сказали, что «здравой критикѣ нѣтъ дѣла до того, какія книжки читалъ авторъ; она судитъ о томъ, что онъ написалъ». Мысль наша ясна: можно пользоваться многими источниками и все-таки не написать ничего хорошаго; слѣдовательно, указаніе на источники ни мало не оправдываетъ недостатковъ собственнаго изложенія автора. И въ этомъ отношеніи можетъ быть неумѣстно, ненужно и дурно даже то, что взято прямо и буквально изъ источниковъ: не все то нужно и хорошо въ учебникѣ исторіи, что находится въ актахъ и лѣтописяхъ; не все то умѣстно и въ учебникѣ географіи, что говорится въ описаніяхъ путешествій и статистическихъ сборникахъ. Поэтому-то мы считаемъ несправедливымъ и второй упрекъ издателей, сдѣланный намъ,—именно 2) въ томъ, что мы осудили въ ихъ книгѣ два мѣста, прямо взятыя изъ Брэма и изъ миссіонера Шена. Ихъ свидѣтельства могутъ быть вполнѣ достовѣрны, ихъ авторитеты—незыблемы, ихъ разсказы—превосходны; но все это не мѣшаетъ намъ замѣтить и остаться при своемъ мнѣніи, что описанія, взятыя изъ нихъ въ книгу г. А. Павловскаго и В. Л.,—реторичны, что фраза, нелѣпость которой мы замѣтили въ нашей прежней рецензіи,—дѣйствительно нелѣпа. «Почему же не заглянуть было хоть въ эти два источника, если другіе неизвѣстны г. рецензенту?»—спрашиваетъ предисловіе. Но почему же, спросимъ мы въ свою очередь,—предисловіе думаетъ, что мы осудили указанныя нами мѣста во второмъ выпускѣ потому только, что не знали, откуда они взяты? Неужели мы не смѣли бы выразить свое мнѣніе, если бы намъ было извѣстно, что недостатки, порицаемые нами, принадлежатъ не В. Л., а Шену и Брэму? Такое ниспроверженіе въ прахъ предъ авторитетами мы считаемъ совершенно излишнимъ.

---

334. Этимологическій курсъ русскаго языка.

Учебное пособіе для 1-го общаго класса въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ *В. Новаковскій*. Спб. 1858 г.

Опытъ грамматики русскаго языка.

Составленный домашнимъ учителемъ *С. Алейскимъ*. (Выпускъ первый). Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 332.

М. Л.

Курсъ г. Новаковскаго можно назвать стенографическимъ произведеніемъ уроковъ, читанныхъ въ низшемъ классѣ русскаго языка какимъ-нибудь учителемъ. Кто изъ учителей убѣдится въ пользѣ методы г. Новаковскаго, тотъ смѣло можетъ взять съ собою его книжку и начать грамматическій разборъ «перелетной птички» Пушкина,—ни на шагъ не отступая отъ того, что находится въ «Этимологическомъ курсѣ»: тутъ уже все не только въ ротъ положено, но разжевано. Вотъ, напр., какъ начинаетъ г. Новаковскій свой разборъ, который долженъ слѣдовать за прочтеніемъ «Перелетной птички».

«Во всемъ стихотвореніи Пушкина говорится о птичкѣ; стало-быть, птичка—*предметъ* этого стихотворенія. Передъ вами теперь *перо*, *карандашъ*, *тетрадь:* это предметы. Вы вышли на улицу, вамъ бросаются въ глаза слѣдующіе предметы: *дома*, *люди*, *лошади*, *экипажи*. Въ мірѣ много животныхъ, растеній, камней: все это—предметы. Мы употребляемъ слово *предметъ* для вы-

раженія всего, о чемъ только можно сказать: *я думаю о томъ-то, я говорю о томъ-то, я пишу о томъ-то.* Можно сказать: *я думаю о Богѣ*, Богъ — предметъ; можно сказать: *я говорю о трудѣ*, трудъ— предметъ; можно сказать: *я пишу о веснѣ*, весна—предметъ», и пр.

Далѣе столь же пространно толкуется о разныхъ родахъ предметовъ, объ ихъ признакахъ, о дѣйствіяхъ и состояніяхъ и проч. Словомъ, вся книжка г. Новаковскаго составляетъ не что иное, какъ тетрадь внимательнаго ученика, обстоятельно записавшаго всѣ объясненія, какія дѣлались въ классѣ учителемъ относительно грамматическаго разбора. Есть ли въ нашихъ школахъ потребность въ изданіи такой тетради? Для кого она можетъ принести пользу? Ученикамъ перваго класса гимназіи или кадетскаго корпуса рѣшительно невозможно дать въ руки книжку г. Новаковскаго. Что они станутъ съ ней дѣлать? Учить ее наизусть? Но на это едва ли бы согласился самъ авторъ «Этимологическаго курса»... Читать ее для пріученія себя къ грамматическому анализу? Но и этого, очевидно, не имѣлъ въ виду самъ г. Новаковскій, потому что въ курсѣ его находилъ и *задачи* въ родѣ: «произведите прилагательныя отъ такихъ-то существительныхъ», «разберите такія-то фразы» и проч.; находимъ цѣлыя таблицы всевозможныхъ склоненій и спряженій, находимъ и неизбѣжныхъ двѣ страницы, на которыхъ живописно изображено:

1	одинъ	первый
2	два	второй
3	три	третій

и т. д. до милліона. Зачѣмъ этотъ *кунштюкъ* повторяется въ каждой русской грамматикѣ, мы добиваемся ужъ, кажется, лѣтъ пятнадцать, и все не можемъ добиться.

Словомъ, книга г. Новаковскаго составлена скорѣе какъ учебникъ, нежели какъ книга для чтенія. Въ ней есть что-то похожее на методу Робертсона: сначала даются отдѣльные примѣры, разбираются, затѣмъ выводятся общія правила, формы и проч. Но здѣсь нѣтъ Робертсоновской послѣдовательности и цѣлости. По курсу г. Новаковскаго формально нѣтъ возможности выучиться по-русски никакому ученику. Иностранецъ, очевидно, затруднится съ самаго начала изложеніемъ г. Новаковскаго; да, впрочемъ, книга и назначена не для иностранцевъ. Она составлена для маленькихъ дѣтей. Но дѣтямъ она голову разломитъ — именно своею претензіею на простоту изложенія, подробность объясненій, обиліе примѣровъ. Ничто такъ не можетъ затруднить ребенка и сбить его съ толку, какъ обиліе посредствующихъ соображеній, ведущихъ къ какой-то невидной для него цѣли. Пока еще дитя не набралось отвлеченныхъ понятій (а оно набирается ихъ сознательно только съ 13—14 лѣтъ), до тѣхъ поръ каждый предметъ, представляющійся ему, занимаетъ его *самъ по себѣ*, а не какъ средство къ опредѣленію чего-то другого, неизвѣстнаго. Реальный смыслъ всегда прежде и лучше сознается дѣтьми, нежели формальный. Птичка интересуетъ ихъ, какъ птичка, а не какъ подлежащее или дополненіе, не какъ имя существительное или именительный падежъ. Ученикъ вашъ можетъ отлично понять ваши объясненія о составѣ предложенія; можетъ вамъ двадцать разъ отвѣтить, что подлежащее есть предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи. Но скажите ему: «птичку убили изъ ружья»—и спросите: «о комъ здѣсь говорится?» Ученикъ безъ запинки отвѣтитъ: «о птичкѣ»,— и не безъ основанія выведетъ, что «*птичку*» есть подлежащее. Вообще въ длинныхъ предложеніяхъ, гдѣ подлежащее мѣняется, а рѣчь идетъ все объ одномъ предметѣ, дѣти безпрестанно путаются въ грамматическомъ анализѣ, останавливаясь на реальномъ смыслѣ и выпуская изъ виду формальный. Учитель обыкновенно въ такихъ случаяхъ сердится на непонятливость дѣтей; но въ сущности-то виноваты тутъ вовсе не дѣти, а путаница грамматическихъ опредѣленій, которою непремѣнно хотятъ оплести дѣтскій умъ... Да еще—не довольствуясь тѣмъ, что просто навязываютъ дѣтямъ свои опредѣленія,—хотятъ, чтобъ маленькіе ученики сами доходили до всѣхъ этихъ формальностей, на основаніи частныхъ примѣровъ и указаній. На этомъ пути подвигается во всей своей книгѣ и г. Новаковскій. Каково бѣднымъ дѣтямъ возиться хоть бы съ «перелетною птичкой» Пушкина, затѣмъ чтобы узнать, во-первыхъ, что птичка есть *предметъ*, во-вторыхъ, что это есть имя существительное, въ-третьихъ, что это предметъ *вещественный*, въ-четвертыхъ, — *одушевленный*, и т. д. И для чего все это маленькимъ дѣтямъ? Намъ всегда казалось, что обученіе русскому языку въ низшихъ классахъ должно главнымъ образомъ содѣйствовать развитію способностей учащихся и расширенію круга ихъ свѣдѣній. Читая съ дѣтьми произведенія лучшихъ отечественныхъ писателей, заставляя дѣтей пересказывать содержаніе прочитаннаго, объясняя имъ подробности, содержащіяся въ разсказѣ,—учитель имѣетъ въ виду познакомить ихъ съ предметами, дотолѣ имъ неизвѣстными, пріучить ихъ къ связности сужденій и къ стройности изложенія. При этомъ мимоходомъ, какъ дѣло самой по-

слѣдней возможности, могутъ быть сообщаемы и различныя грамматическія опредѣленія. Да и то надо дѣлать только съ цѣлью—укрѣпить въ памяти учениковъ самую сущность дѣла посредствомъ сообщенія его названія. Дѣтямъ необходимо растолковать, какъ составляется сужденіе и какія условія необходимы для его составленія; объяснивъ это, можно кстати замѣтить, что сужденіе называется грамматически предложеніемъ, что части его—подлежащее и сказуемое, и проч. Но толковать о предложеніи именно за тѣмъ, чтобы дѣти хорошо усвоили себѣ этотъ грамматическій терминъ, приводить примѣры, читать стихи—для того только, чтобы изъ нихъ вырвать слова, которыя могутъ быть названы предметами, т.-е. подлежащимъ,—и потомъ другія, означающія *дѣйствія* или *состоянія*, и потому могущія быть сказуемыми,—вести все начальное обученіе языку къ подобнымъ результатамъ, это значитъ ни на шагъ не отступать отъ старой схоластики. Прежде забивали голову дитяти формами склоненій и спряженій и вмѣсто живой рѣчи и здраваго смысла давали ему кучу грамматическихъ формулъ и исключеній до мертвыхъ схоластическихъ терминовъ; а теперь преподаватели, подобные г. Новаковскому, изо всѣхъ силъ хлопочутъ, чтобы вбить въ голову ребенка названія частей предложенія и условныя, часто ни на чемъ не основанныя правила грамматическаго анализа. Та же формальность, та же схоластика! Выходитъ, что вся разница новаго ученья отъ стараго ограничивается лишь перемѣною заучиваемыхъ словъ. Какой-то составитель латинской грамматики ставилъ же себѣ въ заслугу, что, вмѣсто обыкновеннаго образца перваго склоненія *mensa,* онъ поставилъ въ своемъ руководствѣ—*sylva*; въ этомъ родѣ и заслуга учебниковъ русскаго языка, подобныхъ курсу г. Новаковскаго. Составители этихъ курсовъ никакъ не хотятъ понять, что главное достоинство новой системы обученія языку состоитъ именно въ изгнаніи схоластическихъ формальностей, и въ заботѣ о развитіи разсудка дѣтей посредствомъ упражненій въ языкѣ. Этого развитія не достигнешь повтореніемъ на десяти страницахъ, что птица—предметъ, и перо—предметъ, и бумага—предметъ, и домъ, и лошадь, и царь, и книга, и ножикъ, и проч. все *предметы*, а летать, ходить, кричать, носить, дѣлать и проч. означаетъ *дѣйствіе*. Напирая на изъясненіе подобныхъ *названій* (здѣсь дѣло идетъ чисто о названіи, потому что сущность дѣла въ этомъ случаѣ понятна сразу дѣтямъ даже шести и семилѣтняго возраста), учитель только путаетъ дѣтей и приводитъ къ отупѣнію ихъ здравый смыслъ. Вещи, въ сущности чрезвычайно простыя и доступныя самому обыкновенному дѣтскому пониманію, здѣсь только омрачаются разными тонкостями, подраздѣленіями и терминами, изобрѣтенными на мученіе даже самаго понятливаго ребенка. Не угодно ли, напр., полюбоваться съ какихъ понятій долженъ начинать изученіе родного языка кадетъ 1-го общаго класса, куда поступаютъ мальчики около 10 лѣтъ. Вотъ оглавленіе *первыхъ двухъ* параграфовъ курса г. Новаковскаго.

§ 1. Предметъ: употребленіе, образованіе и значеніе этого слова. Предметы находятся въ нашемъ умѣ, какъ представленія или понятія. Понятія о предметахъ выражаются словами, которыя въ языкѣ составляютъ разрядъ именъ существительныхъ.

§ 2. Дѣленіе предметовъ, по способу ихъ познаванія, на умственные и чувственные (міръ вещественный). Подраздѣленіе первыхъ, по ихъ существу, на духовные (міръ духовный) и отвлеченные (міръ отвлеченный), а вторыхъ по отношенію къ произвольному движенію,—на одушевленные и неодушевленные. Понятіе о каждомъ изъ нихъ. Происхожденіе отвлеченныхъ предметовъ и отличіе ихъ отъ духовныхъ.

Спрашивается: какое впечатлѣніе произведетъ на дѣтей изученіе всѣхъ подраздѣленій, образованій, происхожденій и отличій, изложенныхъ въ этихъ двухъ параграфахъ? И много ли подвинется знаніе дѣтьми русскаго языка, если они все это выучатъ?

Нѣтъ, по нашему мнѣнію, дѣти очень много выиграютъ, если имъ не попадется въ руки курсъ г. Новаковскаго: для нихъ онъ не только безполезенъ, но даже можетъ быть вреденъ и менѣе грамматики г. Греча.

Но можетъ быть г. Новаковскій имѣлъ въ виду составить учебное пособіе для неопытныхъ учителей? Можетъ быть; но книга его и въ этомъ смыслѣ оказывается негодною. Во-первыхъ, ея метода, какъ мы уже сказали, совершенно формальная, и вовсе нежелательно, чтобъ учителя слѣдовали ей въ преподаваніи русскаго языка. Во-вторыхъ, обиліе повтореній и переливаній изъ пустого въ порожнее, которое должно показаться скучнымъ даже для порядочнаго ученика, тѣмъ болѣе излишне и обременительно для учителя. На двухъ стахъ страницахъ толковать учителю, какъ онъ долженъ объяснять дѣтямъ составъ предложенія,—это ужъ слишкомъ многоглаголиво!

Отъ *формальности,* жертвою которой сдѣлался г. Новаковскій, старался, повиди-

мому, отречься г. Алейскій въ своемъ «Опытѣ». «Опытъ» этотъ назначается, должно быть, для учениковъ, уже прошедшихъ первую степень обученія, и потому г. Алейскій начинаетъ съ такъ называемыхъ *философскихъ* объясненій,—что слово есть выраженіе понятія, что рѣчь вообще есть слѣдствіе мышленія, что познанія пріобрѣтаются внѣшними чувствами, *кои суть* и проч. Философомъ г. Алейскій оказывается не мудрымъ и вдобавокъ еще очень высокопарнымъ, какъ видно, напр., изъ самаго начала предисловія:

«Богъ, создавъ человѣка для общежитія, даровалъ ему, по своей благости, двѣ главнѣйшія способности, отличающія его отъ прочихъ существъ одушевленныхъ: умъ—познавать Творца и все, Имъ созданное, или мыслить, и слово—сообщать другимъ людямъ свои мысли членораздѣльными звуками голоса, или *говорить*».

Какъ видите, здѣсь г. Алейскій раздѣляетъ *мысль* и *слово*, какъ двѣ способности, совершенно независимыя одна отъ другой, извнѣ и отдѣльно приданныя человѣку. Но нѣсколько строкъ ниже онъ самъ же говоритъ: «Даръ слова есть *послѣдствіе мышленія*»; «*какъ органическое произведеніе духа*, проявляющагося въ веществѣ, языкъ развивается вмѣстѣ съ мыслящею способностью объясняющагося на немъ народа» и проч. Здѣсь уже, стало-быть, даръ слова признается просто необходимымъ проявленіемъ мыслящей способности человѣка, непосредственно съ нею связаннымъ, а не отдѣльною способностью, дарованною... и проч.

При столь шаткомъ пониманіи самой сущности своего предмета г. Алейскій не могъ представить слишкомъ свѣтлыхъ и новыхъ соображеній относительно философскихъ началъ языковѣдѣнія. Но тѣмъ не менѣе мысль его заслуживаетъ одобренія. Онъ хотѣлъ сообщить ученикамъ предварительныя понятія о различныхъ способностяхъ, требованіяхъ и явленіяхъ духа человѣческаго, о различныхъ способахъ познанія и о разныхъ родахъ самихъ предметовъ познаваемыхъ, — для того, чтобы потомъ уже перейти къ изложенію законовъ, по которымъ въ языкѣ происходитъ выраженіе нашихъ сужденій о предметахъ. Все это представлено г. Алейскимъ во «Введеніи», которое нельзя было бы назвать лишнимъ, если бы опредѣленія и указанія его были составлены съ большей послѣдовательностью и правильностью. Но къ сожалѣнію во «Введеніи» г. Алейскаго мы встрѣчаемъ множество ненужныхъ тонкостей (въ родѣ различенія *ума* и *разума*, міра небеснаго, *духовнаго, умственнаго и нравственнаго, разрядовъ, порядковъ, классовъ и категорій* и т. п.), небрежности, недомолвки и даже просто невѣрности въ опредѣленіяхъ. Напр., у г. Алейскаго насчитано четыре царства природы, и къ четвертому отнесены *стихіи;* сказано, что «*понятія*, пріобрѣтенныя о предметахъ посредствомъ чувствъ, *называются чувствованіями внѣшними*»; сдѣлано такое замѣчаніе: «*хотя нѣкоторые предметы* и могутъ существовать безъ какихъ-либо частей, напр., домъ безъ крыши, дверей; *но для другихъ предметовъ* части совершенно необходимы...» и проч. По этимъ образчикамъ можно судить, каково вообще философское введеніе г. Алейскаго!

Ту же самую неопредѣленность, небрежность и часто ошибочность находимъ мы и въ собственно-грамматическихъ правилахъ «Опыта» г. Алейскаго. Притязаній въ «Опытѣ» очень много: научая практическому употребленію языка, онъ хочетъ въ то же время исчерпать и всѣ филологическія таинства. Поэтому въ «Опытѣ» находимъ: замѣчанія о переходѣ звуковъ, объ условіяхъ ихъ сочетанія, о сочетаемости, выпускѣ и прибавкѣ ихъ,—словомъ, цѣлую фонетику русскаго языка въ сокращеніи. Далѣе—здѣсь показаны правила производства словъ и значеніе всѣхъ суфиксовъ въ существительныхъ и прилагательныхъ; объяснено значеніе падежей, правила сложенія словъ, образованіе степеней сравненія и проч. И все это — надо отдать справедливость г. Алейскому—безъ излишняго многословія, съ рѣдкимъ только увлеченіемъ разсужденіями, вовсе къ дѣлу не относящимися. Все было бы хорошо, если бы г. Алейскій, чуть не на каждой страницѣ, не говорилъ того, чего нѣтъ, не бывало и быть не можетъ. Писать ли не умѣлъ г. Алейскій, не знаетъ ли теоріи своего предмета, или просто написалъ свой «Опытъ» съ плеча, нисколько не вникая въ смыслъ своихъ фразъ, — этого мы не могли рѣшить навѣрное. Но въ «Опытѣ» безпрестанно попадаются промахи, очень крупные. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

«Прилагательное имя есть слово, означающее какой-либо признакъ предмета, *зависящій отъ наружнаго* (!) *вида послѣдняго* и другихъ условій *(вещества, свойства обстоятельствъ)*» (стр. 58).

Попробуйте подъ это опредѣленіе подвести, напр., хоть слова: *добрый, вѣчный, нѣжный, честный* и т. п... Зависятъ ли эти признаки отъ *наружнаго вида, вещества, свойства обстоятельствъ?* Или это не прилагательныя?

«Творительный падежъ означаетъ предметъ, служащій орудіемъ или средствомъ

совершаемаго дѣйствія, мѣстомъ, гдѣ оно происходитъ, или гдѣ предметъ находится» (стр. 50).

Ну, а напр., слѣдующія фразы: онъ сдѣланъ моимъ начальникомъ; я сидѣлъ съ книгою; онъ показался мнѣ плутомъ, и проч. Что̀ такое здѣсь творительный падежъ—орудіе или мѣсто?

«*Общею* формою окончаній, *положительно опредѣляющихъ* грамматическій родъ *всѣхъ* предметовъ, служатъ буквы: для мужескаго *ъ, й*, женскаго *а, я*, неопредѣленнаго (т.-е. средняго) *о, е*» (стр. 47).

Поэтому *слуга, Ѳома, Илья, дядя* и проч. и проч. будутъ женскаго рода?

Вообще къ *положительнымъ* опредѣленіямъ *всѣхъ* случаевъ г. Алейскій доказываетъ особенную наклонность. Особенно забавно видѣть его усилія подвести подъ особыя правила значеніе всѣхъ суфиксовъ у прилагательныхъ. На нѣсколькихъ страницахъ занимается онъ этимъ. Но что̀ же выходитъ? Окончанія *ный, авый, овый*— означаютъ вещество; окончаніе *ный* значитъ также признаки обстоятельствъ, *авый* — качество, *овый* — родовыя прилагательныя; *ачій, ячій* свойственны родовымъ и качественнымъ; *инъ, ынъ* — родовымъ и притяжательнымъ и т. д. То же самое и съ суфиксами существительныхъ... Неблагодарная работа опредѣленія ихъ значенія можетъ доставить матеріала на длинное спеціальное изслѣдованіе; а г. Алейскій, безъ всякой надобности, мимоходомъ вздумалъ опредѣлять ихъ и, разумѣется, не опредѣлилъ.

Вообще «Опытъ» г. Алейскаго отличается нѣсколькими здравыми предположеніями и обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторое знакомство съ спеціальными филологическими изслѣдованіями; но составленъ онъ весьма небрежно. Изложеніе доказываетъ непривычку автора къ строгому и точному выраженію своихъ мыслей; претензіи его (и между прочимъ попытки новой грамматической терминологіи) гораздо больше, нежели сколько онъ дѣйствительно можетъ исполнить; а выспренность, которой образчикъ приведенъ выше, постоянно смущаетъ ясность его мыслей и самаго языка.

---

335. Народное дѣло.

Распространеніе обществъ трезвости.

Напечатано въ IX кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 1 сентября) за подписью: «Н. Т—новъ». Статья очень характерная для Добролюбова. Въ ней еще разъ (см., напр., № 114) выразилась его глубокая вѣра въ силы и мощь народа, и на этотъ разъ въ очень категорической и рѣзкой формѣ. При всемъ своемъ невѣжествѣ и глубокой пассивности народъ, конечно, будетъ нащупывать путь улучшенія своей жизни: для этого достаточно его холода и голода, отсутствія законныхъ гарантій въ жизни, нарушенія первыхъ началъ справедливости въ отношеніи своей личности; при этихъ условіяхъ народъ сдвинется энергичнѣе, чѣмъ благодаря самымъ громкимъ и высокимъ фразамъ о правѣ и чести. Пусть способность къ движенію таится и не принимаетъ опредѣленнаго выраженія; это не должно насъ обманывать: вѣрьте, есть предѣлъ всякому терпѣнію... Онъ мало говоритъ, потому что самъ видитъ, что не умѣетъ говорить красно, но дѣло сдѣлаетъ молча, рѣшительно и твердо. Это мы больше занимаемся разговорами. «Но къ счастію, въ народѣ, въ коренномъ народѣ, нѣтъ и тѣни того, что̀ преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность, серьезность, есть способность къ жертвамъ»... И тутъ Добролюбовъ бросаетъ смѣлый и рѣзкій упрекъ образованному обществу: «въ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное»! Когда доброе дѣло и сознаніе народа въ его необходимости потребуетъ, то—Добролюбовъ вѣритъ, — сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша... Вотъ каковъ русскій народъ, и неумѣстно махать на него безнадежно рукой. Но Добролюбовъ не идеализируетъ народъ: фактъ повсемѣстнаго прекращенія употребленія водки онъ не склоненъ, какъ другіе, объяснять моральными побужденіями; онъ прямо заявляетъ,

что причины его очень просты: дороговизна и плохое качество водки.

Эта статья, въ виду высочайшаго повелѣнія 12 марта 1859 г. о недопущеніи «рѣзкихъ сужденій и ѣдкихъ выходокъ противъ принятой правительствомъ откупной системы, пока она существуетъ»,—ходила по всякимъ цензурамъ два мѣсяца и, наконецъ, была сокращена на одну треть и потеряла въ печати свое первоначальное заглавіе, замѣненное гораздо болѣе короткимъ: «О распространеніи трезвости въ Россіи» («Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ», 442; «Матеріалы», 543). Дополненіемъ къ ней служитъ статья № 338.

М. Л.

Много разъ приходилось намъ слышать отъ людей, искренно желающихъ народнаго блага, выраженіе сожалѣнія о томъ, что народъ нашъ живетъ такъ разрозненно, такъ мало проникнутъ сознаніемъ общихъ интересовъ. Не менѣе горькія сѣтованія слышатся часто и о томъ, что масса простого народа отдѣлена у насъ китайскою стѣною отъ образованныхъ классовъ общества и, вслѣдствіе того, почти не можетъ пользоваться благодѣтельными указаніями науки и литературы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ много представляется пессимистами фактовъ и соображеній, которыя приводятъ къ чрезвычайно мрачнымъ заключеніямъ о бытѣ и характерѣ народныхъ массъ и заставляютъ почти отчаяться въ возможности ихъ успѣховъ на поприщѣ нравственныхъ и общественныхъ интересовъ.

«Народонаселеніе наше,—говорятъ пессимисты, — раскинуто по безконечной равнинѣ, и во всей Европейской Россіи едва составляетъ 500 человѣкъ на квадратную милю, т.-е. въ восемь и въ десять разъ меньше населенности всей остальной Европы. Средства сообщенія между обитателями разныхъ концовъ этого 4000-верстнаго протяженія чрезвычайно неудобны и затруднительны, а потребности и обычаи ихъ слишкомъ разнообразны. Суровый климатъ и неблагодарная почва большей половины этого пространства требуютъ изнурительныхъ и долгихъ трудовъ для того, чтобы человѣкъ могъ безбѣдно удовлетворять всѣмъ естественнымъ потребностямъ. А между тѣмъ, трудъ и богатство распредѣлены съ гораздо бо̀льшимъ неравенствомъ, нежели въ какой бы то ни было другой странѣ. Почти весь производительный трудъ приходится на долю простонародья, [почти всѣ выгоды его достаются образованнымъ классамъ] [1]). На обязанности земледѣльца лежитъ не только забота о своемъ собственномъ прокормленіи, но и содержаніе,— да не просто содержаніе, а богатое, роскошное содержаніе — и другихъ классовъ общества. Когда тутъ думать ему о высшихъ потребностяхъ собственной натуры, когда хлопотать о средствахъ для улучшенія своего собственнаго быта? Да если и успѣетъ и захочетъ простолюдинъ позаботиться о своемъ нравственномъ и матеріальномъ усовершенствованіи, то какъ онъ за это возьмется, если только онъ не мошенникъ, а честный человѣкъ? Вокругъ него, передъ нимъ и за нимъ, вверху и внизу — вездѣ затрудненія и препятствія. Промышленность развита у насъ мало, да и то составляетъ большею частью монополію капиталистовъ, у которыхъ бѣдному простолюдину можно быть только батракомъ и поденщикомъ; денежный курсъ все мѣняется къ невыгодѣ бѣдняка: дороговизна увеличивается годъ отъ году, вмѣстѣ съ роскошью тѣхъ классовъ, которые безотчетно бросаютъ направо и налѣво не ими нажитыя деньги. Куда ни поди бѣднякъ, что̀ ни задумай пріобрѣсти себѣ, — ни къ чему приступу нѣтъ, и на всемъ долженъ потерпѣть страшный изъянъ. На какія же средства будетъ онъ улучшать свое нравственное и матеріальное положеніе? Откуда возьметъ онъ досугъ для пріобрѣтенія образованія? Откуда возьмется у него вкусъ къ участію въ общественныхъ интересахъ? Онъ не знаетъ, какъ ему справиться и съ своими домашними нуждами, какъ удовлетворить физически-настоятельнымъ потребностямъ. А тутъ говорятъ: общее дѣло! Да какъ же до него добраться, если бы кто и захотѣлъ? Когда и какимъ образомъ астраханскій промышленникъ, казакъ изъ Ставрополя, горнозаводскій работникъ изъ Перми, рыболовъ изъ Колы — сойдутся хотя бы въ Петербургѣ, въ которомъ централизована вся государственная жизнь наша, и который отъ каждаго изъ этихъ людей отстоитъ слишкомъ на 2000 верстъ? А если и сойдутся, то какъ они станутъ разсуждать съ людьми образованными и учеными? У нихъ вѣдь нѣтъ никакой подготовки къ занятію общественными интересами, да и быть не можетъ при настоящемъ порядкѣ вещей. Образованность составляетъ у насъ такую же монополію, какъ и промышленность; и какъ наши фабрики заняты чуть не исключи-

[1]) безъ полнаго участія въ его выгодахъ.

тельно изготовленіемъ предметовъ роскоши, такъ и наша литература хлопочетъ болѣе всего объ удовлетвореніи празднаго воображенія и казуистической любознательности. Насъ занимаютъ вопросы о вавилонской письменности, о слогѣ С. Т. Аксакова, о законахъ и терминахъ органической критики, о неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ, о психической невѣрности характера Калиновича [1]), и т. п. Мы нарочно создаемъ для себя задачи и ломаемъ надъ ними голову, воображая, что ихъ рѣшеніе чрезвычайно важно. Напримѣръ: «какую физіономію нужно состроить при видѣ почтеннаго человѣка, бѣгающаго, что есть силы, по палубѣ парохода для того, чтобы скорѣе пристать къ берегу? — Или: «какъ найти средство вознаградить дѣтей вора за украденныя покойнымъ отцомъ ихъ вещи, когда вещамъ этимъ находится настоящій хозяинъ?» Подобныя задачи занимаютъ насъ цѣлые годы. Но что до нихъ за дѣло народной массѣ? Ей нужны другіе предметы, другой методъ ихъ разработки, другая логика... А этого-то и не даютъ ей произведенія нашего образованнаго ума, направленныя для нашего услажденія, а отнюдь не для блага народнаго. Поневолѣ и по необходимости остается простолюдинъ въ темнотѣ своей, и поневолѣ бредетъ онъ ощупью за другими, самъ не зная, куда и зачѣмъ ведутъ его. И—что всего ужаснѣе — никакого исхода изъ этого печальнаго положенія нельзя предвидѣть. Всѣми средствами образованности, всѣми преимуществами новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній владѣютъ неработающіе классы общества, [которымъ нѣтъ никакой выгоды передавать оружіе противъ себя тѣмъ, чьимъ трудомъ они до сихъ поръ пользовались даромъ] [2]). Слѣдовательно, безъ участія особенныхъ, необыкновенныхъ обстоятельствъ, нечего и ждать благотворнаго распространенія образованія и здравыхъ тенденцій въ массѣ народа. Пройдутъ вѣка, и все будетъ по-старому: по вѣковой рутинѣ, новые успѣхи цивилизаціи будутъ только помогать [тунеяднымъ] монополистамъ въ эксплуатаціи рабочихъ людей, и по той же рутинѣ — рабочіе будутъ обращаться за совѣтомъ и судомъ къ своимъ эксплуататорамъ. А что изъ этого выйдетъ, угадать не трудно: нужно только посмотрѣть вокругъ себя. И теперь, что встрѣчаетъ простолюдинъ, когда нужда заставитъ его войти въ соотношеніе съ образованностью? Тутъ съ него беретъ взятку грамотный писарь, тутъ его обсчитываетъ ученый хозяинъ, здѣсь обмѣриваетъ землемѣръ, тамъ у него на перепутьи стоятъ разные нѣмецкіе промышленники и всякіе иноземные изобрѣтатели, тамъ висятъ надъ нимъ [бюджеты, кредиты, конвенціи, мобилизаціи и другія] [1]) изобрѣтенія новѣйшей государственной цивилизаціи, безпрестанно отзывающіяся на его спинѣ и карманѣ... И куда онъ ни обратится,—все говоритъ ему о безконечномъ, безысходномъ продолженіи той же исторіи. Въ школѣ его учатъ «не разсуждать, а исполнять»; въ дѣлѣ сердца и высшихъ стремленій онъ слышитъ безпрестанно суевѣрныя аллегоріи отъ разныхъ мистификаторовъ; въ юридическихъ отношеніяхъ онъ натыкается всюду или на помѣщичью власть, или на окружного и станового; въ частныхъ житейскихъ дѣлахъ онъ встрѣчаетъ — кулака, конокрада, знахаря, солдата на постоѣ, купца-барышника, подрядчика... Наконецъ—на каждомъ перекресткѣ въ городѣ, на каждой сходкѣ въ селѣ, на каждой станціи по дорогѣ встрѣчаетъ онъ цѣловальника и откупщика и, полный горькаго отчаянія, предается имъ тѣломъ и душой, съ семьей, съ имѣньишкомъ, даже съ будущимъ трудомъ своимъ, за который еще только задатокъ полученъ».

Такъ говорятъ пессимисты и, на основаніи своихъ мрачныхъ соображеній, отрицаютъ возможность какого бы то ни было общаго, самостоятельнаго движенія въ народѣ. Мнѣнія ихъ неутѣшительны и, главное, обидны для образованныхъ людей, къ которымъ мы съ вами, читатель, конечно, и себя причисляемъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что мы съ пессимистами никакъ не должны соглашаться, а, напротивъ, должны возстать на нихъ съ чрезвычайно мрачнымъ видомъ. Но воздержимъ на минуту наше негодованіе и попробуемъ потолковать съ пессимистами кротко и разумно: можетъ быть, намъ удастся заставить ихъ взглянуть на дѣло нѣсколько съ другой точки. Чтобы не слишкомъ далеко расходиться, мы готовы даже принять на время, что всѣ факты, выставляемые пессимистами, совершенно вѣрны, и что всѣ ихъ основанія справедливы. Положимъ, что народъ нашъ дѣйствительно страждетъ разъединенностью; положимъ, что онъ слишкомъ обремененъ физическими трудами, отбивающими у него охоту помышлять объ общихъ интересахъ; положимъ, что самые успѣхи цивилизаціи нерѣдко обращаются у насъ въ средства къ болѣе искусной эксплуатаціи народа. Но, даже принимая всѣ эти факты, мы надѣемся, при помощи нѣкоторыхъ допол-

[1]) Герой «Тысячи душъ» Писемскаго.

[2]) а масса только и занята физическою работой.

[1]) разныя

нительныхъ соображеній, придти не къ отчаянію въ жизненныхъ силахъ народа, не къ убѣжденію въ безконечности его апатіи и неспособности къ общественнымъ дѣламъ, а къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Вотъ какія соображенія желали бы мы представить пессимистамъ.

[Нѣтъ такой вещи, которую можно было бы гнуть и тянуть безконечно; дойдя до извѣстнаго предѣла, она непремѣнно изломится или оборвется. Такъ точно, нѣтъ на свѣтѣ человѣка и нѣтъ общества, котораго нельзя было бы вывести изъ терпѣнія]. Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ; за летаргіею должна слѣдовать или смерть, или пробужденіе къ дѣятельной жизни. Слѣдовательно, ежели правда, что нашъ народъ совершенно равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, то изъ этого вытекаетъ вопросъ: нужно ли считать это признакомъ близкой смерти націи, или нужно ждать скораго пробужденія? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть цѣлое племя славянское; но, по нашему глубокому убѣжденію,—они крайне несправедливы. Ихъ обманываетъ временная летаргія, и они не хотятъ видѣть признаковъ жизненности, по временамъ обнаруживающихся въ нашемъ народѣ. А между тѣмъ, существованіе этихъ признаковъ не только подтверждается внимательными наблюденіями, но даже оправдывается нѣкоторыми соображеніями a priori. Говоря о народѣ, у насъ сожалѣютъ обыкновенно о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія и что онъ поэтому не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать право личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности и пр. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они не даютъ намъ права махнуть рукою на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученіе подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, ни одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь—путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правѣ и чести. Точно такъ и наоборотъ: матеріальное довольство и полное признаніе всѣхъ нравственныхъ правъ человѣка успокаиваетъ его несравненно болѣе, нежели всѣ глубокомысленныя внушенія о кротости и благодушномъ терпѣніи. Поэтому, если розовое настроеніе духа, развивающееся въ богатомъ лежебокѣ, мы не можемъ принять за доказательство того, что и для рабочаго бѣдняка очень весело жить на свѣтѣ, такъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы и въ противномъ случаѣ нельзя было сдѣлать заключенія обратно. Напротивъ, если богатый и свободный отъ дѣлъ человѣкъ жалуется на то, что тяжело жить на свѣтѣ, то изъ этого именно можно заключить, что бѣдному труженику еще тяжелѣе, хотя онъ, можетъ быть, и не умѣетъ такъ краснорѣчиво изобразить свои страданія, по недостатку образованности. Образованность именно ведетъ къ большей или меньшей степени ясности сознанія и, затѣмъ, къ умѣнью формулировать то, что̀ сознается... Но и неформулированное страданіе—все-таки страданіе. Пусть оно таится, пусть не принимаетъ опредѣленнаго выраженія, это не должно обманывать насъ: есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко обозначиться, [и тогда], безъ всякихъ книгъ, безъ всякихъ отвлеченныхъ соображеній, не говоря никакихъ фразъ, даже не принимая особаго имени для себя, [оно проявится на самомъ дѣлѣ]. Дѣйствительный фактъ, отразившись на практической жизни дѣятельнаго рабочаго человѣка, породитъ тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи и предположенія образованныхъ людей, можетъ быть, такъ и останутся только теоретическими предположеніями.

Пессимисты (а изъ нашихъ читателей есть кое-кто, наклонный къ пессимизму въ отношеніи къ намъ) могутъ подумать, что мы «далеко метнули» и ушли совсѣмъ въ сторону отъ того предмета, о которомъ обѣщали говорить въ заглавіи нашей статейки. Но мы, напротивъ, все время вертѣлись въ нашихъ соображеніяхъ около него, и теперь ужъ вплоть подошли къ нему. Пьянство и трезвость, борьба народа съ откупомъ—вотъ фактъ, который на этотъ разъ можетъ послужить намъ доказательствомъ жизненности народныхъ массъ въ Россіи. «Ужъ сколько разъ твердили, міру», что русскій мужикъ—пьяница, что онъ съ горя пьетъ, и съ радости пьетъ, пьетъ на родинахъ, на свадьбѣ и на похоронахъ, пьетъ въ рабочій день—отъ усталости, вдвое пьетъ и въ праздникъ, по слу-

чаю отдыха. Люди, повидимому, хорошо знавшіе народъ, готовы были до слезъ спорить, что нашъ мужикъ скорѣе съ жизнью разстанется, нежели съ сивухой, скорѣе дѣтей уморитъ съ голоду, нежели перестанетъ обогащать откупщика. И трудно было не вѣрить этимъ людямъ; факты такъ сильно говорили за нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ огромны, какъ непреодолимы, повидимому, тѣ побужденія, которыя влекутъ народъ къ пьянству!.. [И слова князя Владиміра] [1]), что «Руси есть веселіе пити», и вѣковой обычай, и суровый климатъ, и недостаточное питаніе, и тяжкій физическій трудъ, и безпрерывная нужда и скорбь, и недостатокъ образованности, и отсутствіе невинныхъ развлеченій, доступныхъ народу,—все способствуетъ развитію въ мужикѣ наклонности къ водкѣ... Не говоримъ ужъ о приманкахъ, искусственно поставляемыхъ откупщиками и цѣловальниками, которые, какъ извѣстно, отличаются въ этомъ дѣлѣ рѣдкою изобрѣтательностью... Напомнимъ только, что кромѣ средствъ приманки, возможныхъ для всякаго купца, винные откупщики имѣютъ въ своихъ рукахъ особенную силу, по своимъ отношеніямъ къ мѣстному чиновничеству. Кто живалъ въ провинціи, тотъ самъ можетъ припомнить множество фактовъ, въ которыхъ выражалась сила откупщиковъ. [Недавно обнародовано было пять-шесть фактовъ въ этомъ родѣ; и мы приведемъ изъ нихъ два или три, попавшіеся намъ подъ руку въ газетахъ: по нимъ можно судить о томъ, что дѣлается вообще по откупнымъ дѣламъ.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», № 62 (13 марта), напечатанъ слѣдующій разсказъ о дѣйствіяхъ откупа и полиціи, по случаю крестьянскаго зарока не пить водки.

«Въ С. губерніи, Б. уѣзда, мужики дали зарокъ не пить вина, что̀ чрезвычайно смутило откупщика, а въ особенности его управляющаго. Послѣдній, наконецъ, не выдержалъ и *объяснился* съ исправникомъ. Исправникъ, хотя и дѣйствовалъ постоянно въ пользу откупа, но на этотъ разъ не рѣшился помогать непосредственно, а передалъ все временному отдѣленію, снабдивъ его необходимыми совѣтами, и временное отдѣленіе отправилось. Намѣревались, во что бы то ни стало, склонить крестьянъ къ путешествію по кабакамъ. Это было за недѣлю передъ масленицей. Прибывъ въ имѣніе какого-то графа, «начальство» собрало крестьянъ и спросило ихъ, почему не пьютъ вина. При этомъ былъ и самъ Управляющій питейными сборами. «Такъ, не желаемъ!» отвѣчали крестьяне.—«Отчего же не желаете?»—«Очувствовались»,—отвѣчаютъ снова крестьяне;—«это вино одинъ раззоръ хозяйству: шутка сказать—8 рублей за ведро! сколько нужно возовъ хлѣба, а хлѣбъ у насъ дешевый!»—При томъ же,—замѣтилъ одинъ крестьянинъ побойчѣе, украшенный медалью, или какимъ-то другимъ знакомъ отличія: — «вино-то больно плохо, хуже нашей хоперской воды!» — «Какъ плохо?» воскликнулъ управляющій, подступивъ къ крестьянину.—«Да такъ плохо, какъ бываетъ плохо, животъ только пучитъ!»—«Какъ ты смѣешь это говорить?» зашумѣлъ управляющій по извѣстной принятой методѣ дѣйствовать съ мужиками такимъ образомъ,—и съ этимъ словомъ—бацъ! Вслѣдъ затѣмъ и съ физіономіей управляющаго случилось то же самое, что̀ угрожало случиться съ Чичиковымъ, когда Ноздревъ кликнулъ Павлушку. Произошло смятеніе. Носились слухи, что предложены были изъ кармана откупщика деньги, чтобы все было шито да крыто. Убѣдили управляющаго имѣніемъ собрать мужиковъ и выставить имъ даровую бочку вина, но, къ чести мужиковъ, надо сказать,—ни одинъ не дотронулся. Сколько ни хлопотали отдѣленіе и управляющій винными сборами, соединенно съ управляющимъ имѣніемъ, ничего не могли сдѣлать. Исторія распространилась мгновенно по всему Б. уѣзду, который, не мѣшаетъ замѣтить, прославленъ въ окрестности исторіями разнаго рода. Скоро стали говорить и въ другихъ уѣздахъ, и дѣло дошло до нашего, сосѣдняго, а изъ нашего я сообщаю вамъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ».

Значеніе этого разсказа, конечно, парализуется тѣмъ, что губернія и уѣздъ означены только первыми буквами; самъ разсказчикъ подписался маленькимъ азомъ; откупщикъ, повѣренный, исправникъ и членъ отдѣленія *не названы вовсе*, такъ что желающій можетъ, пожалуй, объявить, что считаетъ себя въ правѣ не вѣрить подобнымъ безыменнымъ сообщеніямъ, за справедливость которыхъ никто не ручается. Но кто видалъ исправниковъ и управляющихъ откупомъ, тому подобный разсказъ можетъ напомнить дѣйствительность и, вѣроятно, не возбудитъ въ немъ слишкомъ сильныхъ сомнѣній. Впрочемъ, есть разсказы и болѣе опредѣленные, по крайней мѣрѣ, относительно личныхъ именъ. Напримѣръ, въ «Русскомъ Дневникѣ», № 35 (февраля 12), напечатано извѣстіе о рѣшеніи не пить вина, состоявшемся у казенныхъ крестьянъ села Хотуши, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи. Къ извѣстію этому прибавлено слѣдующее:

«По полученіи объ этомъ свѣдѣній въ ближайшихъ административныхъ инстанціяхъ, дѣлопроизводители, охотники до ухи, какую, по замѣчанію Крылова, торговые откупщики даютъ секретарямъ, нашли въ этомъ проявленіи народной самобытности очевидное отступленіе отъ правилъ сельскаго устава, покушеніе на собственность казны скопомъ, личную обиду откупщика, и въ этомъ тонѣ подготовили доклады».

Если и это извѣстіе неудовлетворительно, потому что все-таки неизвѣстно, *кто* сообщаетъ его, то вотъ еще свидѣтельство о силѣ откупа, свидѣтельство оффиціальное, относящееся не къ маленькой мѣстности, а къ цѣлой губерніи. Извѣстно, что полиціи предписано наблю-

[1]) И старое слово, занесенное въ лѣтопись

дать за точнымъ выполненіемъ откупныхъ условій откупщиками. Предписанія эти неоднократно подтверждены были въ нынѣшнемъ году особыми циркулярами. Несмотря на то, дѣйствіе ихъ было весьма ничтожно, по крайней мѣрѣ, въ Самарской губерніи, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующій циркуляръ г. начальника губерніи, напечатанный въ № 24 «Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

«Циркулярными предписаніями отъ 6 апрѣля, за № 5, и 18 мая за № 3070, вмѣнено въ обязанность городскимъ и земскимъ полиціямъ наблюдать, чтобы продажа откупныхъ питій производилась только въ указанное время, и чтобы обыкновенное и улучшенное полугарное вино отпускалось покупателямъ по цѣнѣ, опредѣленной откупными условіями. Между тѣмъ, въ виду моемъ *есть положительные факты, которые убѣждаютъ меня, что оба сіи предписанія исполняются весьма неудовлетворительно, и что полиціи смотрятъ вообще на распоряженія начальства, касающіяся посредственно или непосредственно откупщиковъ, какъ на одну лишь форму, не требующую дѣйствительнаго исполненія.* Вслѣдствіе сего, я считаю нужнымъ вновь подтвердить городскимъ и земскимъ полиціямъ о точномъ исполненіи вышеозначенныхъ циркуляровъ, за №№ 5 и 3070, и предваряю, что если бы я опять получилъ свѣдѣніе объ оставленіи оныхъ безъ вниманія, то, не взирая на мое отсутствіе изъ губерніи, виновные будутъ подвергнуты строгому взысканію. *При чемъ не могу не замѣтить, что всѣ предписанія начальства имѣютъ по закону равную обязательную силу для подвѣдомственныхъ лицъ и мѣстъ, не исключая и предписаній, касающихся откупа».*

Итакъ, это не фраза, что откупъ составляетъ государство въ государствѣ, что онъ поставляетъ себя внѣ законовъ: не только сами откупщики, но и тѣ, кому слѣдуетъ наблюдать за ними, «смотрятъ на распоряженія, касающіяся откупа, *какъ на одну лишь форму, не требующую дѣйствительнаго исполненія*».

Мало этого, откупъ полагаетъ, что полиція существуетъ именно за тѣмъ, чтобы защищать его незаконныя дѣйствія и чтобы преслѣдовать и карать всѣхъ, кто вздумаетъ имъ противиться. Въ этомъ отношеніи любопытно письмо г. Розанова, помѣщенное въ № 135 «Московскихъ Вѣдомостей» (іюня 9).

«М. г., 31 мая я остановился проѣздомъ въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ и случайно попалъ на бывающую тамъ ежегодно въ Троицынъ день большую ярмарку. Послѣ обѣдни я былъ свидѣтелемъ одного изъ новыхъ подвиговъ откупщиковъ и спѣшу подѣлиться съ публикой описаніемъ этого происшествія.

Недавно, по предписанію г. министра, крестьянамъ былъ прочитанъ публично циркуляръ, по которому было подтверждено, что они имѣютъ право требовать во всѣхъ кабакахъ простого полугару надлежащей крѣпости по 3 рубля серебромъ за ведро. Крестьяне, пріѣхавшіе на ярмарку, стали требовать такого полугару; имъ продавали, но въ незапечатанной посудѣ. Замѣтивъ, что продаваемое такимъ образомъ вино имѣло всѣ свойства воды съ примѣсью чего-то тошнотворнаго, крестьяне стали требовать, чтобы имъ отпустили нѣсколько склянокъ этого такъ называемаго полугару въ посудѣ за печатью винной конторы, чтобы, какъ они говорили, отправить это вино по дорожкѣ въ Бѣлокаменную для изслѣдованій тамъ высшимъ начальствомъ, такого ли качества вино должно быть продаваемо за эту цѣну. Повѣренные отказали имъ въ этомъ требованіи и продавали запечатанными только спеціальныя водки по 7 рублей серебромъ за ведро, увѣряя, что дешевое вино имъ некогда печатать. Послѣ этого отказа между крестьянами начался ропотъ; *повѣренные хотѣли было доказать свою справедливость силою, но въ отвѣтъ имъ упало нѣсколько камней, перебившихъ немного посуды и слегка задѣвшихъ одного сидѣльца. Прибывшей на мѣсто земской полиціи удалось скоро успокоить народъ, связавъ нѣсколькихъ крестьянъ, шумѣвшихъ болѣе другихъ.* Впрочемъ, г. управляющій откупомъ нашелъ, что безопаснѣе, забравъ вырученныя деньги, закрыть выставку и уѣхать.

Около того же времени было и въ другихъ кабакахъ того же уѣзда нѣсколько манифестацій противъ ужъ очень дурного качества трехрублеваго вина.

Надѣюсь, м. г., что вы не откажете помѣстить въ газетѣ, издаваемой вами, описаніе одного изъ выраженій, *конечно незаконнаго, но вызваннаго беззаконнымъ же поступкомъ откупа,* отношенія нашего народа къ откупамъ».

Примите, и проч.

Ник. Розановъ.

1859 года, 3-го іюня.

И этого мало: откупщики находятъ средство скрыть отъ крестьянъ постановленія правительства относительно откупа, и, выведши мужиковъ изъ терпѣнія, стараются представить ихъ требованія въ видѣ бунта, свои же собственные поступки умѣютъ очень ловко скрыть, при посредствѣ подручныхъ людей. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, изъ котораго видно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне даже и не знаютъ навѣрное о министерскихъ предписаніяхъ относительно указанной цѣны вина. Разсказъ этотъ нашли мы въ письмѣ г. Гржеголевскаго, которое напечатано въ № 150 «Московскихъ Вѣдомостей» (26 іюня).

«*Недавно разласилось вездѣ и будто объявлено на сходкахъ оффиціально,* что во всѣхъ кабакахъ должно продаваться вино по 15 коп. за одну двадцатую часть ведра. Крестьяне, столь претерпѣвшіе, бросились толпами въ кабаки требовать по этой цѣнѣ вина, но имъ не отпустили. Въ это время, вѣроятно, явились подстрекатели, можетъ быть, и для смѣлости купили имъ вина, и толпа хлынула въ кабаки съ новыми требованіями; но, получивъ опять отрицательный отвѣтъ, начала бить посуду, и, придя въ изступленіе, нарушила всякое благочиніе. Все это, какъ говорятъ, происходило въ Пензенской губерніи и въ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи; прибавляютъ, будто одинъ изъ исправниковъ, руководимый душевными чувствами, описывая одно подобное происшествіе начальнику губерніи, изло-

жилъ подробно и причину его, но не успѣлъ онъ донесеніе это переписать и подписать, какъ явились предсѣдатели и откупные чины съ ходатайствами; *исправникъ отмѣнилъ свое донесеніе. Да и кто можетъ устоять и кто устоялъ противъ откупного ходатайства?*

По всѣмъ этимъ происшествіямъ, какъ носятся слухи, отправились производить изслѣдованіе временныя отдѣленія земской полиціи и жандармскіе штабъ-офицеры. Я не оправдываю самовольныхъ поступковъ крестьянъ, но долженъ и обязанъ сказать нѣсколько словъ въ защиту несчастныхъ, по чувству ближняго и еще потому, что здѣсь страдаетъ человѣкъ, который, по своимъ понятіямъ, не знаетъ, какъ себя защитить, что̀ говорить въ оправданіе себя предъ слѣдователемъ и что̀ ему предпринять. Если справедливо, что произошли эти буйства, то что̀ тому причиною, какъ не возвышеніе цѣнъ и недостатокъ наблюденія за этимъ? Мужикъ желалъ законнаго, требованія его не исполнили, никто его въ этомъ не поддержалъ и никто не защищалъ, и онъ прибѣгнулъ къ незаконнымъ средствамъ. Конечно, онъ виновенъ, но нельзя оправдать и другой стороны ни по закону, ни по совѣсти. Одна сторона можетъ подвергнуться наказанію, а откупщики и исполнители закона остаться безъ наказанія, даже неприкосновенными къ дѣлу.

Надѣемся, что помѣщики и окружные по государственнымъ имуществамъ употребятъ всѣ средства, чтобы судьба несчастнаго мужика, насколько это можно, была облегчена въ этомъ дѣлѣ, и чтобы виновники были подвергнуты законному взысканію. Вступитесь за ближняго, и Всевышній наградитъ васъ!»

11 іюня 1859 г.

И. Гржеголевскій.

Темниковъ.

Если вамъ мало и этихъ образчиковъ откупныхъ дѣйствій, то припомните, что откупъ имѣетъ свою кордонную стражу и, въ пограничныхъ мѣстахъ, можетъ доѣхать мужиковъ одними осмотрами да подозрѣніями въ корчемствѣ. Эта отрасль откупной администраціи доведена во многихъ мѣстахъ до восхитительной виртуозности. Вотъ, напримѣръ, анекдоты, сообщенные изъ Харьковской губерніи въ 51 № «Русскаго Дневника» (7 марта).

«Предводитель ватаги кордонщиковъ, дюжій, трехъ-аршинный дѣтина Москальцевъ, изъ желанія доказать фактически, что онъ не даромъ хлѣбъ ѣстъ и беретъ жалованье, придумалъ слѣдующую, открытую впослѣдствіи, сдѣлку: въ мѣшокъ, наполненный овсомъ, вложилъ онъ большую склянку корчемной водки и бросилъ его поодаль отъ кордона, на проселочной дорогѣ. Былъ въ ближайшемъ городѣ Ч. базарный день, и утромъ много мужиковъ уже стали проѣзжать по этой дорогѣ въ городъ. И вотъ, первому, ѣхавшему съ грузомъ нѣсколькихъ мѣшковъ ржи, попался на глаза валяющійся мѣшокъ. Мужикъ, перекрестившись, поднялъ, развязалъ его и, увидавши, что въ немъ былъ овесъ, положилъ на возъ и поѣхалъ себѣ дальше по дорогѣ, полагая, что найденный имъ мѣшокъ потерялъ кто-нибудь изъ проѣхавшихъ прежде. Вотъ онъ уже приблизился къ кордону. Стража не дремлетъ: она очень знаетъ, что подброшенная водка поднята. Тутъ мужичка остановили и начали его клажу усердно, притворно обыскивать. Всѣ мѣшки были освидѣтельствованы; остался еще одинъ, и въ немъ, къ ужасу мужика, находятъ корчемную водку. Мужикъ отговаривается, доказываетъ свою правоту, плачетъ—нѣтъ пощады, скоро его, связаннаго, уложили между мѣшковъ и представили на судъ полиціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужикъ потерялъ все, что̀ везъ въ городъ для продажи, и, кромѣ того, большую часть изъ своего ограниченнаго имущества.

Этотъ же самый М. прославилъ себя и въ другой подобной операціи; но счастіе на этотъ разъ ему не помогло: сдѣлка была случайно открыта. Богатый поселянинъ въ сел. Мал. собирался къ свадьбѣ сына своего и въ кругу родственниковъ, пріятелей-друзей провожалъ въ веселью предсвадебный вечеръ. Сосѣдъ его, бѣднякъ, пользуясь отсутствіемъ всякой наблюдательности въ гуляющемъ, рѣшился пойти ночью на его гумно и тамъ набрать мѣшокъ молоченнаго зерна, ссыпаннаго въ извѣстномъ ему мѣстѣ. Вотъ ужъ этотъ воришка принялся за работу. Робость, обыкновенно овладѣвающая человѣкомъ въ подобныхъ случаяхъ, не бросила его: каждый шорохъ, каждый порывъ вѣтра приводилъ его въ трепетъ и дѣлалъ готовымъ къ побѣгу. Вдругъ, слышится невдалекѣ людской говоръ, который становится слышнѣе все болѣе и болѣе. Воръ принужденъ былъ опрометью бѣжать и спрятаться въ недалеко стоящей клунѣ, за дверью. Разговаривающіе уже на этомъ гумнѣ. Ихъ нѣсколько человѣкъ остановились около одного хлѣбнаго скирда. Одинъ изъ нихъ что-то держалъ въ рукахъ и началъ вести трактацію такого рода: «Ну, братцы, зароемъ этотъ боченокъ въ скирдѣ, а завтра въ обѣдъ, давши знать расправѣ, придемъ его трусить, надуемъ, будетъ десятому поколѣнію о насъ заказывать; да глядите, братцы, осторожнѣе. Сначала все обыщемъ въ домѣ; а тогда уже сюда двинемъ; да и здѣсь сейчасъ же не бросаться къ этой скирдѣ, а тогда какъ нѣсколько поищемъ». Дѣйствующіе скрылись. Мужикъ, спрятавшійся въ клунѣ, выслушавъ такія рѣчи, догадался, въ чемъ дѣло, прибѣжалъ къ безпечному своему сосѣду, открылъ и свой поступокъ и сообщилъ слышанный имъ заговоръ противъ его благосостоянія. Не замедлили убѣдиться въ дѣйствительности сказаннаго: боченокъ водки, по указанію, былъ отысканъ. На слѣдующій день, хозяинъ съ гостями рѣшилъ найденную водку выпить, а обыщиковъ, если придутъ, ни подъ какимъ видомъ не пускать, развѣ согласятся заплатить 500 рублей, когда водка не будетъ найдена. Въ полдень, точно, являются эти соглядатаи, но мужикъ-хозяинъ и всѣ гости единодушно говорятъ: «Ни дамося ни за що, хиба заплатите намъ 500 рубливъ, якъ не найдете водки; найдете, мы вамъ заплотимо». Долго разъѣздчики усиливались приступить къ дѣлу; но нѣтъ!—настойчивость хозяина и гостей была непобѣдима. Главный предводитель разъѣздчиковъ М., зная навѣрное объ успѣхѣ, скоро согласился на условія, предложенныя хозяиномъ. Деньги, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, отданы были нарочно избраннымъ для этого посредникамъ. Затѣмъ, разъѣздчики бросились искать свою добычу. Въ домѣ все формально привели въ хаосъ и ничего не нашли. Просятъ поискать и на гумнѣ. Не получивъ отказа, устремились сюда. Всѣ скирды хлѣба были обысканы, остался еще одинъ—надежа. Обыскиваютъ и тотъ; о ужасъ—здѣсь тоже ничего не было. Долго они въ горести копались здѣсь и, наконецъ, принуждены были объявить, что обыскъ ихъ неудаченъ, что условленныя деньги хозяинъ имѣетъ получить. Открывшій этотъ заговоръ мужикъ былъ награжденъ хлѣбомъ и деньгами. Заговорщикъ же

М., по доказу, какъ этого мужика, такъ и другихъ, отданъ подъ судъ. Чѣмъ онъ кончился, еще покуда не знаемъ».

И едва ли узнаемъ, чѣмъ кончится это дѣло! Съ откупными служителями трудно тягаться!..

Недавно также сообщены были въ «Могилевскихъ Вѣдомостяхъ», и оттуда перепечатаны во всѣхъ газетахъ (см., напр., «Московскія Вѣдомости» № 148, 24 іюня) факты откупныхъ осмотровъ, изъ которыхъ оказывается, что экипажъ и вещи проѣзжихъ тыкаютъ желѣзными щупами, ломаютъ, бросаютъ, самихъ проѣзжихъ оскорбляютъ всячески... Редакторъ «Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», г. Соколовъ, разсказываетъ, какимъ образомъ, въ проѣздъ его съ семействомъ изъ Мстиславля въ Могилевъ, кордонный осмотръ, подлѣ Чаусской заставы, перепугалъ больного ребенка, который вслѣдъ затѣмъ и умеръ. Разсказъ г. Соколова довольно сантименталенъ, и его нельзя прочесть безъ улыбки, но фактъ, тѣмъ не менѣе, возмутителенъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что обращеніе откупныхъ досмотрщиковъ съ проѣзжающими ничего еще не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ съ крестьянами. Изъ многихъ примѣровъ мы приведемъ одинъ, разсказанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 34 (8 февраля), и потомъ уже нарисованный въ каррикатурѣ, въ одномъ московскомъ журналѣ. Приводимъ все письмо, имѣющее заглавіемъ: «Новыя придирки откупа».

«М. г., въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго (1858) года, мнѣ случилось быть въ одномъ имѣніи Нижегородской губерніи, находящемся на границахъ Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Въ этомъ уѣздѣ старый откупъ, вслѣдствіе несогласія съ новымъ, долженствовавшимъ занять его мѣсто съ 1 января, рѣшился залить своего преемника и пустилъ въ распродажу вино по 3 руб.—по 2 руб. 30 коп. и подъ конецъ по 2 рубля за ведро. Для огражденія смежныхъ частей Нижегородской губерніи отъ соблазна дешевой водки,—нижегородскій откупъ выставилъ съ своей стороны кордонъ. Кордонъ этотъ гонялся, ловилъ, хваталъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Пойманные съ контрабандой подвергались болѣе или менѣе произвольнымъ взысканіямъ, въ основаніи которыхъ преимущественно лежала денежная сдѣлка (одинъ извѣстный мнѣ крестьянинъ, попавшійся съ ½ ведромъ вина, отпущенъ былъ за 30 р.). Тамъ, гдѣ подобная сдѣлка по какимъ-либо причинамъ не могла состояться, употреблялись наказанія довольно оригинальныя. *Такъ, напримѣръ, село К. было свидѣтелемъ такого зрѣлища: ѣдутъ сани повѣреннаю на рысяхъ пары лошадей, за санями рысью же бѣжитъ на веревкѣ мужикъ (вѣроятно, злостный контрабандистъ), на плечахъ у мужика сидитъ, какъ въ чехардѣ, самъ повѣренный.* Такое примѣрное наказаніе придумано было,—должно полагать — съ цѣлью устрашенія и для спасительнаго примѣра.

Этого мало. Къ крайнему своему удивленію всѣ жители околотка Ардатовскаго уѣзда, расположеннаго по близости кабака с. Розоватаго (Симбирской же губерніи), были схватываемы кордономъ въ одномъ мѣстѣ пути подъ предлогомъ завоза вина въ чужую губернію. Какъ такъ? спросите вы. Очень просто: извѣстно, что зимнія проселочныя дороги наши прокладываются самыми фантастическими зигзагами — гдѣ покажется не такъ снѣжно первому проѣзжему, тутъ по его слѣду и образуется дорога. Одинъ-то изъ этихъ зигзаговъ и задѣлъ, вовсе не подозрѣвая всѣхъ грустныхъ послѣдствій такого дерзкаго вторженія, клочекъ нижегородской земли, и понятно, что на этомъ клочкѣ вся Симбирская губернія могла попасть подъ обвиненіе въ контрабандномъ провозѣ вина.

Не найдете ли вы, м. г., любопытнымъ и поучительнымъ сообщить эти факты во всеобщее свѣдѣніе?».

Примите и пр.

Одинъ изъ вашихъ подписчиковъ.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ, едва ли составляющихъ милліонную долю того, что̀ дѣлается и пропадаетъ безъ огласки, можно составить себѣ приблизительное понятіе хотя о нѣкоторой степени того могущества, которымъ вооруженъ откупъ противъ крестьянина] [1]).

Но и это еще не все. Теперешнее положеніе крестьянскихъ дѣлъ чрезвычайно благопріятствуетъ, повидимому, процвѣтанію откуповъ. Съ одной стороны, крестьяне, ожидая свободы, надѣются на многія небылицы, какъ, напримѣръ, на то, что цѣна на вино повышена затѣмъ, чтобы по цѣлковому съ ведра шло на ихъ выкупъ. Это именно случилось въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи («Московскія Вѣдомости», № 1). А въ другомъ мѣстѣ откупъ заплатилъ за крестьянъ 85 цѣлковыхъ недоимки, чтобы только склонить ихъ къ покупкѣ вина («Русск. Вѣстн.», № 4). Съ другой же стороны, помѣщики теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ менѣе заботятся о благосостояніи и нравственности своихъ крестьянъ, слѣдуя нѣкоторымъ своекорыстнымъ разсчетамъ. Объ одномъ изъ помѣщиковъ вотъ что̀ разсказано въ «Русскомъ Дневникѣ» (№ 124, 13 іюня):

«Кажется, что господа откупщики сильно разсчитывали на распространеніе пьянства въ народѣ, по случаю уничтоженія крѣпостного состоянія. Оправдались ли надежды ихъ, основанныя на знаніи сердца человѣческаго, покажутъ послѣдствія. Хотя, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, эти водочные сердцевѣды не совсѣмъ удачно разгадали русскаго крестьянина, но зато, какъ бы въ вознагражденіе за неполную удачу съ одной стороны, они, кажется, пріобрѣли сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Раз-

[1]) Вмѣсто всей этой громадной купюры въ «Современникѣ» было напечатано: А кто не имѣетъ собственныхъ наблюденій по этой части, тотъ можетъ обратиться къ газетамъ нынѣшняго года, гдѣ иногда сообщались подобные факты.

скажу по этому случаю одинъ фактъ, въ истинѣ котораго да не усумнятся,—по крайней мѣрѣ, тѣ, которые въ послѣднюю зиму имѣли случай проѣзжать по дорогѣ отъ Нижняго до Казани. Хотя помѣщичье село, про которое я хочу разсказать, занимаетъ одну лишь ничтожную точку на показанномъ мною пространствѣ, но я нарочно выбралъ протяженіе больше, чтобы никого не оскорбить; а во-вторыхъ, очень можетъ быть, что на такомъ пространствѣ проѣзжіе замѣтятъ не единственное фактическое доказательство сочувствія нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ откупщикамъ... Въ этомъ, не опредѣленномъ съ географическою точностью селѣ внезапно появился въ февралѣ нынѣшняго года кабакъ, котораго никогда тамъ не бывало. Въ этомъ селѣ не только не было никогда кабака, но помѣщикъ, какъ я прежде наслышался, строжайшимъ образомъ преслѣдовалъ даже тѣхъ, которые на дому имѣли водку въ количествѣ болѣе того, сколько можно ее выпить за-разъ, не переводя духу, громадное количество. Однимъ словомъ, помѣщикъ былъ такой человѣкъ, который не могъ никогда хладнокровно видѣть, когда другіе бывали пьяны. Проѣзжая по большой дорогѣ, нынѣшней зимой, мимо описываемаго селенія, я до крайности удивился, увидѣвъ на самой дорогѣ кабакъ. Любопытство мое было такъ велико, что заставило нѣсколько изслѣдовать причины такой несообразности. Причины оказались слѣдующія. Когда повсюду распространилась утѣшительная вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, тогда та немногочисленная партія помѣщиковъ, которую и туземцы даже называютъ раскольниками, сильно опечалилась этимъ извѣстіемъ; скоро печаль уступила мѣсто гнѣву; а такъ какъ, собственно, гнѣваться-то было не на кого, то они и переложили гнѣвъ свой на крестьянъ, которые хотя и неумышленно, но все-таки выскальзываютъ изъ-подъ ихъ власти. Случилось, слѣдовательно, и здѣсь то же самое, что̀ обыкновенно случается при переложеніи податей, которыя окончательно всегда падаютъ на земледѣльца. Помѣщикъ, о которомъ идетъ рѣчь,—человѣкъ раздражительнаго темперамента; онъ болѣе сутокъ не могъ находиться въ грустномъ настроеніи духа; у него всякое чувство быстро превращалось въ гнѣвъ. Въ этотъ-то благопріятный моментъ предсталъ предъ него, какъ бѣсъ предъ грѣшникомъ, повѣренный по откупамъ, съ предложеніемъ двухсотъ рублей за одно только дозволеніе построить въ его селѣ кабакъ. Хитеръ врагъ рода человѣческаго, а въ этомъ случаѣ и онъ промахнулся: моментъ былъ избранъ такъ удачно, что помѣщикъ и за пять рублей далъ бы дозволеніе. «Стройте хоть десять кабаковъ, — сказалъ онъ, припрятывая деньги.—Крестьяне теперь все равно что не мои: пустъ пропьютъ послѣднюю рубашку, пусть обопьются хоть до смерти—мнѣ какое дѣло! Они не мои — и мнѣ на нихъ наплевать!» На основаніи этой чисто раскольничьей логики, откупщикъ построилъ въ селѣ его хотя и не десять кабаковъ, какъ говорилось сгоряча, а всего одинъ,—впрочемъ, такой величины, что и за десять послужитъ. Эксперты по кабацкой части разсказывали, что дѣло у откупщика идетъ отлично. Крестьяне праздновали открытіе кабака съ необыкновеннымъ торжествомъ, подобно тому, какъ празднуютъ открытіе памятника какого-нибудь великаго человѣка. Крестьяне смотрятъ на кабакъ, какъ на вѣрный признакъ приближающейся свободы. Зацвѣли, вѣроятно, отъ радости, лица и носы у подданныхъ приверженца трезвости; но краснота еще бы ничего; худо то, что не одна уже тысяча рублей перешла изъ холщевыхъ кармановъ мужиковъ въ шелковые карманы откупщика. Помѣщикъ, некстати погорячившись, не успѣлъ размыслить даже о томъ, что чѣмъ бѣднѣе будутъ его крестьяне, тѣмъ труднѣе собрать съ нихъ выкупъ, слѣдовательно, тѣмъ бѣднѣе будетъ и самъ онъ. Не мѣшало бы ему, хотя на время, считать крестьянъ *своими людьми*; а тамъ, послѣ выкупа, бросилъ бы ихъ на съѣденіе: авось бы они сумѣли тогда справиться съ возвращенными тѣламъ ихъ душами, безъ отеческой заботливости помѣщика».

Итакъ, по всѣмъ соображеніямъ, пьянство должно бы процвѣтать и распространяться въ народѣ... Все влекло его къ вину, а онъ и безъ того до вина охотникъ... Самая дороговизна, казалось, не должна была устрашить крестьянина: «лучше не доѣсть, не одѣться, подати не заплатить,— только бы выпить»,—такъ вѣдь разсуждаетъ пьяница. А что русскій народъ пьяница,— въ этомъ убѣждены были столько же крѣпко, какъ и въ томъ, что онъ терпѣливъ и податливъ на все. На этомъ-то основаніи откупщики и наддали 40 милліоновъ на торгахъ; [по этимъ-то соображеніямъ они и рѣшились въ послѣдній откупной терминъ высосать, вытянуть послѣднюю копѣйку, послѣднія капли крови изъ мужика]... И вотъ, съ прошлаго года литература начала ополчаться противъ откуповъ; откупщики стали возвышать цѣну на вино, разбавленное болѣе, нежели когда-нибудь; начальство стало подтверждать и напоминать указанную цѣну; откупщики [изобрѣли спеціальную водку] [1]); народъ сталъ требовать вина по указанной цѣнѣ, цѣловальники давали ему [отравленную] воду: народъ шумѣлъ, полиція связывала и укрощала шумящихъ, литература писала обо всемъ этомъ безъименныя статейки. Словомъ, все шло какъ слѣдуетъ: откупщики были довольны, полиція довольна, литераторы тоже довольны, что могутъ пользоваться безыменною гласностью, [народъ... но кто же заботился о народѣ? Развѣ только одинъ г. Кокоревъ, хлопотавшій о томъ, чтобы народъ нашъ «встрѣтилъ праздникъ тысячелѣтія Россіи доброю чаркою водки»... Такъ и тутъ на первомъ планѣ все-таки была водка же, а не народъ... Казалось, что самое понятіе о народѣ нельзя у насъ отдѣлить отъ представленія водки и пьянства]... [2]) Сколько ни издавали назидательныхъ книжекъ въ родѣ: «Берегись первой чарки», или «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни», и т. п., сколько ни принимали полицейскихъ мѣръ,— ничто не помогало... Не далѣе, какъ въ прошломъ году, читали мы въ одномъ журналѣ: «мѣры къ прекращенію пьянства плохо исполняются сельскою полиціею, по-

[1]) упирались на спеціальныя водки и другія хитрыя изобрѣтенія

[2]) Но для народа мало было отъ этого толку

тому что лица, составляющія сельское начальство, сами подвержены этому пороку; а затѣмъ, дѣйствительное пособіе въ этой болѣзни народа можетъ оказать духовенство и правительство: первое—вліяніемъ на нравственность, второе—измѣненіемъ откупныхъ условій» («Отечественныя Записки» 1858 г., № 4). Но откупныя условія до сихъ поръ тѣ же (если не считать количественнаго измѣненія—въ сорока милліонахъ надбавки откупной суммы), духовенство—то же, какъ и прежде; а между тѣмъ, въ различныхъ концахъ Россіи одновременно образуются общества трезвости и держатся, несмотря на всѣ противодѣйствія со стороны откупщиковъ. Какое странное, необъяснимое явленіе для тѣхъ, кто привыкъ отчаиваться въ русскомъ народѣ и всѣ явленія его жизни приписывать единственно требованіямъ и велѣніямъ внѣшнихъ силъ, чуждыхъ народу!.. Многіе не хотѣли вѣрить, когда въ журналахъ и газетахъ было объявлено, что ковенскіе крестьяне отказались пить водку. Трудно пересказать, до какихъ тонкихъ соображеній доходили люди, нежелавшіе вѣрить распространенію трезвости. Ихъ разсужденія очень сильно напоминали остроуміе и сообразительность жителей того города, въ которомъ Чичиковъ покупалъ мертвыя души и собирался увезти губернаторскую дочку... Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ соображеній, высказанное *печатно* г. Герсевановымъ («Сѣверная Пчела», № 32). По его мнѣнію—слухъ о трезвости есть не что иное, какъ штуки откупа, придумавшаго этотъ слухъ собственно на томъ основаніи, что для него очень тяжелою оказалась наддача 40 милліоновъ на послѣднихъ торгахъ. «Этотъ неожиданный обѣтъ (трезвости), непредвидѣнный кондиціями откупа,—говоритъ г. Герсевановъ,—направленъ, будто бы, прямо на карманы откупщиковъ; противъ него грѣшно дѣйствовать, но изъ него можно извлечь огромную пользу,—и вотъ распущенъ слухъ, что обѣтъ не пить водки, данный, вѣроятно, небольшимъ числомъ крестьянъ, распространился на всю губернію, *что даетъ полное право* (?!) просить и *надѣяться* (!) сбавки, которая можетъ спасти отъ банкротства и, во всякомъ случаѣ, есть чистый выигрышъ для откупщиковъ». Вотъ до какихъ удивительныхъ результатовъ доходили иные господа: слухъ о трезвости, видите ли, распущенъ откупщиками, съ тою цѣлью, чтобы вытребовать отъ правительства сбавку откупной суммы!.. Скорѣе этакая нелѣпость могла помѣститься въ головахъ нѣкоторыхъ людей, нежели мысль о томъ, что народъ способенъ отказаться отъ водки!..

Впрочемъ, въ литовскихъ губерніяхъ находили одно обстоятельство, которое могло объяснить рѣшимость крестьянъ: это—религіозный фанатизмъ. Все дѣло приписано было проповѣди ксендзовъ, и даже на нихъ прежде всего хотѣли дѣйствовать тѣ, кому не понравилось рѣшеніе крестьянъ—не пить... И дѣйствительно,—общества трезвости въ западныхъ губерніяхъ имѣли характеръ религіозный. Въ концѣ прошлаго года (мѣсяца черезъ три послѣ перваго зарока, даннаго въ Ковенской губерніи, въ августѣ) вышла въ Вильнѣ книжка «О братствѣ трезвости», изъ которой видно, что братство трезвости есть дѣйствительно религіозный институтъ, находящійся подъ покровительствомъ папы. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ братствѣ, сообщенныя, по виленской брошюрѣ, «Экономическимъ Указателемъ» (1859 г., № 2, янв. 10):

«Братство трезвости установлено папою Піемъ IX, подъ покровительствомъ Св. Богородицы.

Епископъ Самогитскій есть первый представитель братства трезвости во всей Самогитской епархіи. Всякій священникъ, принадлежащій къ этому братству, есть представитель его въ своемъ приходѣ. Онъ избираетъ себѣ изъ прихожанъ нѣсколько благонадежныхъ лицъ въ помощники.

Всякій приходскій священникъ долженъ вести книгу для внесенія именъ и фамилій лицъ, вступающихъ въ это братство. Заглавіе слѣдующее: «Книга воздержнымъ братьямъ и сестрамъ». Настоятель прихода, или другой какой-нибудь священникъ, причислившись къ этому братству, можетъ принимать въ оное и другихъ лицъ ежедневно, а въ особенности въ дни торжественные и праздничные. Каждое лицо въ день вступленія въ братство обязано исповѣдываться и причащаться св. Таинъ. При принятіи новозачислившихся въ это братство священникъ, въ священномъ облаченіи, ведетъ новопоступающихъ членовъ въ церковь, предъ алтарь Св. Богородицы, гдѣ они на колѣняхъ должны повторять каждое слово обѣта, произнесеннаго священникомъ.

Обязанность членовъ братства трезвости. 1) Всякій, зачислившійся въ это братство, во всю жизнь свою не долженъ употреблять водки, рому и араку и всего того, что̀ изъ нихъ можетъ быть приготовлено. 2) Употребленіе спиртуозныхъ напитковъ позволяется только въ маломъ количествѣ, по назначенію лѣкаря, въ случаѣ болѣзни. 3) Каждое лицо братства можетъ употреблять только виноградное вино, пиво и медъ, и то не до опьяненія. 4) Всѣ члены обязаны увѣщевать другихъ лицъ и склонять ихъ ко вступленію въ это братство. 5) Члены должны въ каждый праздничный день читать особую молитву. 6) Всѣ члены сего братства въ день Срѣтенія Господня обязаны возобновить обѣтъ, данный ими при вступленіи въ братство. 7) Второе число февраля, въ день поминовенія усопшихъ, священникъ обязанъ говорить собраннымъ членамъ увѣщевательную рѣчь и отслужить панихиду за упокой души умершихъ членовъ. 8) Если кто изъ членовъ этого братства станетъ употреблять водку, то такого члена приходскій священникъ обязанъ, если слова не подѣйствуютъ, исключить вовсе изъ братства; всѣ же члены обязаны пре-

небрегать имъ и не принимать его въ свое общество. Лицо, такимъ образомъ исключенное изъ братства, однако должно исполнять данный Богу обѣтъ.

Членамъ братства трезвости дается при томъ отпущеніе грѣховъ, совершенное или несовершенное».

Извѣстія о распространеніи трезвости въ литовскихъ губерніяхъ подтверждали, что главными двигателями народнаго дѣла являлись тамъ католическіе ксендзы. О Ковенской и Виленской губерніи писали въ началѣ февраля, что здѣсь все дѣлалось одною проповѣдью ксендзовъ, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ («Русск. Дн.» № 35, 13 февр.). Вслѣдствіе этого въ «Русскомъ Дневникѣ», въ началѣ мая (№ 96), была помѣщена похвала мѣстному начальству, которое «*не препятствуетъ проповѣди священниковъ*, строго наказавъ не употреблять принудительныхъ мѣръ и не задерживать распространенія воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ».—Особенно хвалить за такое «*просвѣщенное великодушіе*», конечно, и не было надобности: нелѣпо было бы, если бъ было поступлено иначе... Но сначала многіе опасались, какъ бы не было преслѣдованій отъ начальства за трезвость: до такой степени здравый смыслъ затемненъ былъ мыслью о силѣ откупа!.. Да, правду сказать, были, съ другой стороны, и такіе господа, которые полагали подобное преслѣдованіе необходимымъ! Въ свое время мы сообщили «Письмо купеческаго сына Бадейкина» («Свистокъ», № 1), въ которомъ переданы были разсужденія этихъ ревнителей порядка [1]). Основаніемъ ихъ мнѣній было то же пренебреженіе къ народу, которое заставляло многихъ не вѣрить справедливости извѣстій о трезвости. То же самое пренебреженіе къ нравственной силѣ народа заставило многихъ приписать все дѣло ксендзамъ, когда фактъ оказался несомнѣннымъ и прочнымъ. Въ бывшей газетѣ «Slowo» вотъ что̀ писали, напр., изъ Жмуди. «Въ первыхъ числахъ октября, и нашъ простой народъ, убѣжденный пастыремъ нашего прихода съ каѳедры, началъ и самъ поговаривать объ отреченіи, и дѣйствительно, довольно было одного слова религіи: сѣмя нравственнаго исправленія, имъ зароненное, взошло въ сердцахъ народа, и польза его стала возрастать очевидно. Входя въ церковь, народъ никакъ не могъ предвидѣть, насколько лучшимъ и исправленнымъ онъ выйдетъ изъ нея», и пр. То же самое писали изъ Виленской и Гродненской губерніи въ другихъ нумерахъ «Slowa». И судя по разсказамъ, дѣйствительно духовенство имѣло здѣсь огромное вліяніе на рѣшимость крестьянъ отказаться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ, сообщенный изъ Вильно въ «Указателѣ Политико-Экономическомъ» (№ 10, 1859 г., марта 14):

«Въ воскресенье, 1-го марта, во всѣхъ римско-католическихъ костелахъ въ *Вильнѣ* произнесены были проповѣди о воздержаніи, съ цѣлью распространенія братства воздержанія или трезвости. Объяснены были правила братства и порядокъ вступленія въ оное, и представлены гибельныя слѣдствія пьянства. Въ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава говорилъ тамошній викарій, ксендзъ Тукальскій; въ костелѣ св. Іоанна—мѣстный вице-настоятель ксендзъ Гундіусъ. Оба эти достойные патеры произвели самое глубокое и трогательное впечатлѣніе, и благодарныя ихъ усилія, а равно и многихъ другихъ благочестивыхъ священниковъ, уже увѣнчались полнымъ успѣхомъ; ибо въ тотъ же день въ каѳедральномъ соборѣ и Остробрамскомъ костелѣ св. Терезіи уже начали вступать въ братство. Въ каѳедральномъ соборѣ первые подали примѣръ члены виленскаго капитула, за ними многіе помѣщики и чиновники и тысячи народа. Записывались до 9-ти часовъ вечера. Сегодня во множествѣ вступаютъ въ братство и въ другихъ костелахъ и исполняютъ условія трезвости на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ Ковенской губерніи. Говорятъ, много шинковъ будетъ закрыто: по крайней мѣрѣ, это вѣрно касательно тѣхъ, которые помѣщаются въ домахъ, находящихся въ завѣдываніи духовенства, и которые совершенно уничтожены. Такъ точно, кажется, поступаетъ католическое духовенство и во всей Виленской епархіи, заключающей въ себѣ, кромѣ Виленской, и губернію Гродненскую».

Радуясь усиліямъ духовенства и опять-таки оставляя въ сторонѣ народъ, на который его внушенія дѣйствовали, многіе увѣряли сначала, что фактъ отреченія отъ водки только и могъ возникнуть на почвѣ католическаго фанатизма и долженъ ограничиться западными губерніями... Не хотѣли обратить вниманія на то, что столь общее и внезапное движеніе не могло быть слѣдствіемъ одного краснорѣчія, а должно было имѣть причину въ самой жизни... Не хотѣли видѣть и того, что опыты отреченія отъ водки начались во многихъ мѣстахъ еще прежде, чѣмъ проповѣдь ксендзовъ получила столь торжественное сочувствіе и организовалась повсемѣстно во что-то систематическое. Тотъ же корреспондентъ, который разсказываетъ объ успѣхѣ виленской проповѣди, сообщаетъ въ томъ же письмѣ слѣдующее:

«Еще прежде нѣкоторые здѣшніе цехи, въ особенности сапожный и столярный, сдѣлали между собою добровольное условіе слѣдить другъ за другомъ и всѣми мѣрами отвращать пьянство. Они рѣшили, между прочимъ, что всякій, нарушившій обѣтъ въ первый и второй разъ, долженъ уплатить денежный штрафъ, а въ третій разъ лишается званія; такъ, напримѣръ, мастеръ поступаетъ въ подмастерье, подмастерье въ уче-

[1]) Эта статья принадлежитъ Чернышевскому.

ники, а ученики на извѣстное время совсѣмъ удаляются изъ цеха».

Ужъ и изъ подобныхъ извѣстій можно бы видѣть, что народное движеніе въ пользу трезвости происходило, или могло происходить, и независимо отъ ксендзовъ. Но для невѣрующихъ нужны были доказательства болѣе очевидныя. Народъ не замедлилъ представить ихъ, по своему обыкновенію— не на словахъ, а на дѣлѣ.

Изъ газетныхъ извѣстій оказалось, что въ то самое время, когда общество трезвости образовалось въ Ковенской губерніи, то же самое начиналось въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, на разстояніи слишкомъ полуторы тысячи верстъ отъ Ковно. Но тамъ дѣло не пошло въ ходъ: откупъ на первый разъ обманулъ и соблазнилъ крестьянъ увѣреніемъ, что излишекъ цѣны, платимой ими за вино, идетъ на выкупъ ихъ отъ помѣщиковъ (что, какъ извѣстно, дѣйствительно предлагаемо было г. Кокоревымъ). Однакоже, на этомъ дѣло не остановилось: фактъ немилосерднаго возвышенія цѣнъ и пониженія качества вина, вмѣстѣ съ общимъ увеличеніемъ дороговизны на всѣ предметы, не былъ мѣстнымъ явленіемъ, а тяготѣлъ равно надъ всею Россіею. Фактъ этотъ былъ уже слишкомъ тяжелъ и беззаконенъ, чтобы не вызвать себѣ противодѣйствія, и дѣйствительно вызвалъ его... Въ половинѣ января узнали мы о зарокѣ не пить вина, сдѣланномъ въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи («Ук. Пол.-Эк.», № 3). Въ то же время получено извѣстіе изъ Нижняго — о томъ, какъ тамъ крестьяне праздновали Крещенье. Приведемъ объ этомъ нѣсколько строкъ изъ «Русскаго Дневника» (№ 20):

«На крещенскомъ торгу нынѣшняго года пріѣзжихъ изъ окрестныхъ селеній крестьянъ было, какъ увѣряютъ, до 10.000 человѣкъ, но откупщики, всегда разсчитывавшіе на этотъ день, какъ на день благостыни, на этотъ разъ горько обманулись. Бывало, въ эти дни къ вечеру весь народъ болѣе или менѣе навеселѣ; теперь не то, трезвые пріѣхали на торгъ, трезвые и уѣхали восвояси. Сходятъ въ питейный домъ, прицѣнятся къ водкѣ, да видя, что сильно вздорожала, тотчасъ и домой. И все тихо, спокойно, безъ шуму. Говорятъ, что откупщики терпятъ большой убытокъ. Народъ это знаетъ, и въ деревняхъ и на базарахъ такъ толкуетъ: «такъ не будемъ же пить;—дадимъ зарокъ; пускай ихъ, откупщики да цѣловальники, сами выпьютъ все вино, а мы не хотимъ, не станемъ». То же явленіе повторяется и по другимъ мѣстамъ Нижегородской губерніи, и въ сосѣднихъ. Надо ожидать, что это заставитъ откупщиковъ понизить цѣны на вино. Слухи, расходящіеся по народу о томъ, что тамъ перестали пить, въ другомъ мѣстѣ перестали пить, привѣтствуются съ живою радостью и поддерживаютъ рѣшимость и бодрость юныхъ зародышей обществъ трезвости».

Въ этомъ извѣстіи очень ясно рисуется весь ходъ дѣла: мужики вовсе и не думаютъ постничать, — идутъ по обыкновенію въ питейный, но останавливаются тѣмъ, что вино очень дорого... И прежде оно имъ не дешево обходилось, но все еще было сносно; теперь послѣдняя капля перелила черезъ край, невтерпежъ стало... Мужикамъ бы пріятнѣй было заставить откупщика понизить цѣну,—какъ они и пытались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, узнавъ, что и начальство того же хочетъ [1]). Но тягаться съ откупомъ трудно; мужикъ знаетъ это и рѣшается на самую крайнюю форму протеста, какая только осталась въ его волѣ,—не покупать вина... Тутъ присоединяется и давно затаенная злоба къ откупу, и сознаніе тѣхъ непріятностей и бѣдъ, какія, можетъ быть, не разъ пришлось испытать отъ кабака, и рѣшеніе все крѣпнетъ. Слухъ о томъ, что и другіе такъ дѣлаютъ, еще болѣе убѣждаетъ мужика, что его намѣреніе очень естественно и законно... И вотъ, даже безъ торжественнаго уговора, безъ составленія общества, народъ во многихъ мѣстахъ отказывается отъ вина... Жалобы откупщиковъ на недоборъ слышались даже и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе не было обществъ трезвости. Безмолвная, фактическая протестація противъ откупа обнаружилась почти повсемѣстно тотчасъ послѣ новаго года, когда установилась новая цѣна водки (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще и ранѣе); а общества трезвости стали организоваться въ великорусскихъ губерніяхъ уже позже, хотя тоже довольно скоро. Въ половинѣ января было уже извѣстіе о попыткѣ образованія общества трезвости въ Курской губерніи («Ук. Пол.-Эк.», № 2); къ концу января напечатано было извѣстіе о подпискѣ не пить вина, предпринятой въ Саратовѣ; въ началѣ февраля увѣдомляли объ образованіи общества въ Балашовѣ; въ половинѣ февраля писали о зарокѣ, данномъ крестьянами села Хотуши, въ Тульской губерніи. Къ концу февраля общества трезвости существовали уже во многихъ уѣздахъ губерній Владимірской, Пензенской, Екатеринославской, Тверской... Тутъ только самые невѣрующіе убѣдились въ прочной несомнѣнности факта и перестали увѣрять, что это минутная вспышка, которая ничего не значитъ. Дѣло принимало слишкомъ обширные размѣры, и уже невозможно стало игнорировать его... Но какъ же объяснить такое непонятное явленіе? Вѣдь невозмож-

[1]) См. «Москов. Вѣд.» №№ 135 и 150, извѣстія съ Троицкой ярмарки, въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, и изъ Темникова. *Прим. Д.*

но, чтобъ народъ рѣшился противодѣйствовать откупу просто потому, что почувствовалъ его тяжесть? Какъ же объяснить?

Въ великой Россіи нельзя было указывать на ту причину, которою объяснялось народное движеніе въ литовскихъ губерніяхъ. Никакой систематической проповѣди, никакого религіознаго института для распространенія трезвости у насъ не было. Напротивъ, при нѣсколькихъ случаяхъ церковнаго участія въ рѣшимости крестьянъ не пить, — было нѣсколько случаевъ и совершенно въ другомъ родѣ. Напримѣръ, изъ Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, сообщали («Моск. Вѣд.» № 97): въ селѣ Лапотковѣ согласились не пить вина подъ страхомъ 5 руб. сер. штрафа; одно духовное лицо этого села преступило нечаянно это положеніе и должно было уплатить двойной штрафъ, т.-е. 10 рублей».

За неимѣніемъ одного объясненія, стали пріискивать другое, и нашли!.. Въ западныхъ губерніяхъ, видите ли, ксендзы дѣйствуютъ словесно проповѣдью; а въ Великороссіи—такъ какъ грамотность и любовь къ чтенію повсемѣстно распространены въ народѣ, — литература исправляетъ роль ксендзовъ... Въ прошломъ году стали писать противъ откуповъ,—вотъ крестьяне-то и вразумились да и отказывались отъ водки... Совершенно понятное и естественное дѣло! Намъ, впрочемъ, не пришло бы въ голову такое открытіе, если бы мы не отыскали его въ двухъ, весьма ученыхъ и почтенныхъ журналахъ—въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Указателѣ Политико-Экономическомъ». «Отечественныя Записки» (№ 2, 1859 г.) говорятъ: «Обличительныя статьи подкопали авторитетъ многаго, что прежде считалось чѣмъ-то непоколебимымъ, привели общественное мнѣніе къ сознанію... и пр. *Мало этого:* онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *вызвали даже демонстрацію со стороны общества. Возьмите, напримѣръ, откупа.* Откупная система введена не со вчерашняго дня, она существуетъ многіе десятки лѣтъ, и *всѣ и вся* (остроуміе!?) пили всякую бурду, какую угодно было, по какой угодно цѣнѣ, давать откупщикамъ, созидавшимъ себѣ на этой бурдѣ великолѣпныя палаты, зимніе сады и милліоны. Никому и въ голову не приходило дѣлать противъ такихъ порядковъ какія-нибудь фактическія протестаціи. *Но вотъ литература* вывела на свѣжую воду разбавляющихъ водою водку откупщиковъ, указала на весь вредъ откупной системы, раскрыла хитрости и тонкости, употребляемыя сильными (по деньгамъ) міра сего для спаиванія своихъ меньшихъ братій; *заговорили о томъ въ обществѣ, заговорили въ простомъ народѣ, и этотъ говоръ не остался безъ послѣдствій*» (Совр. Хрон., стр. 73). Замѣчаете ли, какъ прекрасно понимаютъ народъ «Отечественныя Записки»? Онъ, видите, такъ глупъ, что по необразованности своей не знаетъ даже, что̀ онъ пьетъ и ѣстъ: вкуса не имѣетъ, значитъ, — все по необразованности! Литераторы трудятся надъ тѣмъ, чтобы растолковать мужику, вкусно или нѣтъ для него то, что̀ онъ пьетъ,—дорого или дешево обходится ему, что̀ онъ покупаетъ! Сколько лѣтъ бѣдный мужикъ пилъ бурду, по какой угодно цѣнѣ, и все молчалъ да пилъ! А заговорили объ откупахъ въ литературѣ, — онъ сейчасъ и смекнулъ, что вино для него и дорого, и не пьяно... Зато литераторы и рѣшили, давно ужъ впрочемъ, что русскій народъ отличается особенной понятливостью и переимчивостью!

Но кто же началъ рѣчь объ откупахъ? Кому обязаны бѣдные мужички познаніемъ добра и зла въ откупной водкѣ? Боже мой! Какъ же вамъ не стыдно не знать этого! Вы знаете всѣхъ этихъ Кальцоляри, Дебассини, а не знаете нашего извѣстнаго статистика и экономиста! По крайней мѣрѣ, теперь узнайте и почтите его,—за то, что онъ «первый поднялъ вопросъ о трезвости и былъ причиною распространенія этого отраднаго явленія въ разныхъ областяхъ великаго отечества нашего». Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ самъ онъ, знаменитый г. И. В—скій, докторъ и статскій совѣтникъ, какъ росписывался онъ на «Экономическомъ Указателѣ». Послушайте, что̀ онъ говоритъ: «мы первые подняли вопросъ о трезвости, первые дали гласность замѣчательному факту, совершающемуся въ западныхъ губерніяхъ нашихъ, — полагаемъ, что *отчасти* (это *отчасти* — вѣрно изъ скромности?) были причиною распространенія этого отраднаго нравственнаго явленія и въ другихъ областяхъ великаго отечества нашего» («Ук. Пол.-Эк.» 1859 года, № 22, стр. 495). Не правда ли, какъ убѣдительно это скромное сознаніе собственныхъ заслугъ! Итакъ, г. Вернадскій сдѣлалъ въ Великороссіи то, что̀ въ Литвѣ произвела проповѣдь ксендзовъ; г. Вернадскій — нашъ Чаннингъ и патеръ Мэтью? Преклонитесь передъ г. Вернадскимъ всѣ вы, не читающіе его «Указателя», не подвергающіеся изумительной силѣ его логики и, вслѣдствіе того, можетъ быть, еще до сихъ поръ пьющіе водку!

Итакъ, дѣло совершенно ясно: мужички наши начитались «Экономическаго Указателя» и вслѣдствіе того перестали пить... Если бы знали это откупщики, — то-то бы задали «Указателю». Не будь его, такъ

обществъ трезвости и не было бы вовсе или, по крайней мѣрѣ (принимая буквально скромное «отчасти» г. В—скаго), были бы въ гораздо меньшемъ количествѣ... Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было догадаться народу, что вино стало хуже и дороже, если бы благодѣтельная литература не вразумила его!... Правда, литераторамъ и во снѣ не грезилась такая радикальная мѣра, на какую рѣшился народъ; правда, что они никогда не говорили ни одного слова о противодѣйствіи откупу со стороны самого народа, а все возлагали свои надежды на посторонніе силы... Но вѣдь мало ли о чемъ вовсе не думали литераторы, мало ли чего они не понимаютъ! Все-таки они люди ученые, а иногда даже и чиновные,—и если въ народѣ что-нибудь сдѣлается, такъ ужъ это, вѣрно, отъ нихъ! Въ противномъ случаѣ, они будутъ протестовать, и если ихъ не послушаютъ, то они «возвысятъ свой голосъ» *противъ* народа; что тогда будетъ?

Къ удивленію нашему, поводъ къ протестаціи представился «Экономическому Указателю» и въ дѣлѣ трезвости, которой причиной онъ самъ былъ, по крайней мѣрѣ, отчасти. Оказывается, что мужики слишкомъ ужъ усердно взялись за дѣло и приняли даже то, чего вовсе не было въ видахъ «Указателя». Они постановили штрафы и наказанія тѣмъ, кто нарушитъ обязательство трезвости. Это значитъ, что они не совсѣмъ хорошо поняли тенденціи доктора и статскаго совѣтника И. Вернадскаго, который, какъ извѣстно, всякое вмѣшательство общественной власти въ дѣла гражданъ считаетъ личною для себя обидою. Чтобы вразумить недогадливыхъ мужиковъ, г. Вернадскій счелъ долгомъ *протестовать* противъ принудительныхъ мѣръ, употребляемыхъ ими въ дѣлѣ трезвости. «Нравственное улучшеніе,—говоритъ онъ,—происходитъ, по нашему мнѣнію, только нравственнымъ путемъ, и насиліе, принужденіе въ дѣлѣ трезвости, по нашему мнѣнію, такъ же мало можетъ истинно исправить народъ, какъ и крѣпостное право... Возставая противъ всего насильственно-искусственнаго и грубаго и сочувствуя только тому, что истинно-нравственно и чуждо всеубаюкивающаго страха, мы *считаемъ своею обязанностью возвысить голосъ* свой *за* добровольныя общества трезвости и *противъ* насильственныхъ мірскихъ приговоровъ объ этомъ предметѣ, подкрѣпляемыхъ розочными ударами. Всякіе штрафы запрещены».

«Какой смыслъ имѣетъ послѣдняя фраза?» спросите вы. Мы сами не доискались въ ней смысла, тѣмъ болѣе, что она заканчиваетъ статейку,—далѣе ничего уже нѣтъ. Кѣмъ запрещены, гдѣ, когда запрещены,—мы не могли добиться... [Но какъ же г. В. говоритъ о запрещеніяхъ и возвышаетъ голосъ *противъ*, когда онъ самъ безпрестанно проповѣдуетъ laissez faire?—Да, конечно, laissez faire,—дозволяйте дѣлать что угодно,—но только знайте, кому дозволить... Народу никакъ невозможно даровать этого права... Мы съ докторомъ В. можемъ другъ другу laisser faire; но ежели въ народѣ составится общество, и члены этого общества, принявъ на себя какія-нибудь обязанности, согласятся положить штрафъ или наказаніе за нарушеніе этихъ обязанностей, то тутъ уже ne laissez pas faire тутъ уже «всякіе штрафы запрещены». Тутъ ужъ мужикъ съ нами совѣтуйся и соображайся съ нашими гуманными воззрѣніями,—потому что мы смотримъ на предметы не просто, а возвышенно. «Для насъ дорогъ не столько актъ отказа отъ вина, сколько то *нравственное побужденіе къ самоусовершенствованію, то сознаніе вреда отъ вина*, которое служило поводомъ къ этому акту». Такъ объявляетъ «Указатель Политико-Экономическій», и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не подивиться идеальной чистотѣ и высотѣ его воззрѣній! По его мнѣнію, народъ не то, чтобъ испугался дороговизны, не то, чтобъ вышелъ изъ терпѣнія отъ дурного качества вина, а просто-на-просто проникся «стремленіемъ къ самоусовершенствованію и сознанію вреда отъ вина»,—и все это, безъ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе изученія статеекъ «Указателя»! Такъ эти-то высокія нравственныя причины и старается сохранить г. В., возставая противъ принудительныхъ обязательствъ. Тутъ ужъ и laissez faire въ сторону! Если бы «Указателю» дали власть въ руки, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалъ бы вотъ что. Онъ сочинилъ бы замысловатый циркулярчикъ, съ краснорѣчивыми фразами и гуманными взглядами, въ такомъ смыслѣ: «трезвость, дескать, очень похвальна, и препятствовать ей не слѣдуетъ; но личность человѣка священна, и потому дѣлать какія-нибудь обязательныя постановленія относительно трезвости не дозволяется; вслѣдствіе чего, дескать, и предлагается, кому слѣдуетъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы распространеніе трезвости совершалось само собою, а не вслѣдствіе обязательныхъ мірскихъ приговоровъ, стѣсняющихъ и насилующихъ свободную волю человѣка». Бумажку эту «Указатель» разослалъ бы по всей Россіи, какъ недавно разсылалъ онъ карту желѣзныхъ дорогъ, на которой (кстати замѣтимъ) Ярославль поставленъ чуть не сѣвернѣе Петербурга. А что сдѣлали бы съ этой бумажкой тѣ, кому такое

наблюденіе принадлежитъ у насъ,—до этого «Указателю», повидимому, очень мало надобности... Хотя бы это вело къ рѣшительному уничтоженію возможности обществъ трезвости,—ему что̀ за дѣло! Для него вѣдь дорогъ «не самый актъ отказа отъ вина», а совершенно другія обстоятельства, изобрѣтенныя его высоконравственною фантазіей].

Но, къ несчастію, мужики внимали «Экономическому Указателю» только до тѣхъ поръ, пока у нихъ не было трезвости. А какъ только трезвость явилась, совѣты «Указателя» потеряли всякое значеніе для крестьянъ. До сихъ поръ газеты безпрестанно сообщаютъ новые мірскіе приговоры, въ которыхъ полагается штрафъ и тѣлесное наказаніе (почти вездѣ—25 ударовъ) нарушителю общаго обѣта... Мало этого, почти во всѣхъ извѣстіяхъ причиною зарока выставляется непомѣрная дороговизна и дурное качество вина, хотя «Указатель» и говоритъ: «для насъ дорогъ не столько актъ отказа отъ вина, сколько *нравственное побужденіе къ самоусовершенствованію, то сознаніе вреда отъ вина,* которое послужило поводомъ къ этому акту». Самъ «Указатель» разрушаетъ такія выспреннія предположенія, напечатавши (№ 16) извѣстіе изъ Калуги, въ которомъ корреспондентъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«На дняхъ случилось мнѣ быть въ одной изъ лучшихъ въ Калугѣ лавокъ, въ которой продаются иностранныя вина. Смотрю — входятъ человѣкъ пять крестьянъ и требуютъ сантуринскаго четвертями ведра и полуведрами. Это обстоятельство меня заинтересовало, и я вступилъ съ крестьянами въ разговоръ. Оказалось, что одни изъ нихъ пріѣхали изъ сельца Локачева, въ 55 верстахъ отъ Калуги, а другіе изъ села Карамышева, въ 25 верстахъ. На мой вопросъ, почему они покупаютъ сантуринское, а не водку, я получилъ въ отвѣтъ, что отъ употребленія хлѣбнаго вина, *по причинѣ его непомѣрной дороговизны и недоброкачественности,* они отказались всѣмъ міромъ, и что въ случаяхъ свадебъ и пр. они покупаютъ сантуринское. Разсчетъ мужиковъ понятенъ: отъ нынѣшняго хлѣбнаго вина пьянъ не будешь, такъ же, какъ и отъ сантуринскаго; но послѣднее не имѣетъ, по крайней мѣрѣ, вреднаго вліянія на здоровье, а по цѣнѣ сходнѣе водки: оно продается у насъ въ Калугѣ съ небольшимъ 4 р. с. за ведро. Между прочимъ, я полюбопытствовалъ у упомянутыхъ крестьянъ спросить: долго ли же они не будутъ употреблять горячихъ напитковъ. «Мы сговорились не пить до сентября».—«А послѣ?» «Послѣ, если вино не подешевѣетъ, мы снова порѣшимъ не употреблять его». Итакъ, *и въ нашемъ краѣ, какъ и въ большей части мѣстъ,* гдѣ народъ рѣшился не пить хлѣбнаго вина, *побудительная причина къ тому — дороговизна полугара и недоброкачественность его*».

Такъ вотъ каковы «нравственныя побужденія къ самоусовершенствованію», которыя такъ дороги г. доктору Вернадскому! На нихъ указываетъ самъ «Указатель», указываютъ и другія газеты. Выше мы привели изъ «Русскаго Дневника» разсказъ о нижегородскихъ мужикахъ, *прицѣнивавшихся* къ водкѣ и не купившихъ ея въ Крещеніе. Приведемъ еще замѣчаніе одного помѣщика, г. Фролова, высказанное имъ въ № 153 «Московскихъ Вѣдомостей» (30 іюня). Г. Фроловъ тоже не одобряетъ тѣлесныхъ наказаній, полагаемыхъ крестьянами за невоздержаніе, и передаетъ совершенно основательныя убѣжденія свои на этотъ счетъ, высказанныя имъ крестьянамъ. Но мотивы его чрезвычайно различны отъ мотивовъ г. В—скаго: г. Фроловъ просто убѣжденъ въ ненужности наказаній для успѣха самаго дѣла. По его словамъ, крестьяне его *всѣ* очень обрадовались, когда открылась возможность *всѣмъ* отказаться отъ водки... Слѣдовательно, тутъ нечего было и толковать о наказаніяхъ за нарушеніе зарока. Вотъ что̀ говоритъ г. Фроловъ:

«И дѣйствительно, къ чему всѣ эти штрафы? Стоитъ только хорошенько вникнуть въ причину, почему крестьяне съ такою радостью цѣлыми селеніями отказываются отъ покупки вина; да это для нихъ единственный способъ, чтобы поправиться въ денежныхъ обстоятельствахъ: болѣе тридцати лѣтъ я почти постоянно живу въ деревнѣ, знаю бытъ крестьянъ въ совершенствѣ: въ началѣ моего хозяйства крестьяне мои никогда въ деньгахъ не нуждались; но съ постепеннымъ возвышеніемъ цѣнъ на вино постепенно начали чувствовать недостатокъ въ деньгахъ и теперь нерѣдко прибѣгаютъ къ моей помощи; причина ясная: въ теченіе 30 лѣтъ доходы ихъ не увеличились, а расходы умножились. Въ здѣшнихъ мѣстахъ цѣны на коноплю, пеньку, извозы, плотничныя работы и другіе источники крестьянскихъ доходовъ почти все однѣ и тѣ же, на хлѣбъ же съ нѣкотораго времени возвысились, и рѣдкій крестьянинъ обходится своимъ хлѣбомъ; но главное для нихъ разореніе — вино, не потому, чтобы они были къ нему пристрастны, вовсе нѣтъ: людей, которые могутъ обходиться безъ него по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, грѣшно подвергать такому нареканію; но у нихъ, по заведенному изстари обычаю, бываетъ нѣсколько въ году случаевъ, когда каждый изъ нихъ поставленъ въ необходимость покупать вино, а именно: къ Рождеству, Святой недѣлѣ, къ Масляной, престольнымъ праздникамъ, сверхъ того на свадьбы, крестины и похороны; количество вина покупаютъ одно и то же теперь, какъ покупали, когда оно было вполовину дешевле; сколько ни убѣждалъ я ихъ, чтобы покупали вполовину менѣе, все было напрасно; у нихъ одинъ отвѣтъ: невозможно, не достанетъ, лучше совсѣмъ не покупать, чѣмъ недостанетъ, а этого нельзя сдѣлать безъ того, чтобы вся деревня не покупала—вотъ настоящая причина, почему цѣлыми селеніями отказываются отъ вина».

Нѣтъ никакой надобности доказывать, что причиною общаго движенія въ пользу трезвости въ разныхъ концахъ Россіи было не внезапное угрызеніе совѣсти за многолѣтнее пьянство, и даже не «желаніе встрѣ-

тить въ трезвомъ видѣ зарю освобожденія» (какъ предполагаетъ г. Кошелевъ въ № 99 «Московскихъ Вѣдомостей»), а просто дороговизна и дурное качество водки. Доказательство этого находимъ мы не только въ извѣстіяхъ разныхъ газетныхъ корреспондентовъ, но даже и въ самыхъ приговорахъ, подписанныхъ крестьянами. Письменные приговоры эти, впрочемъ, не должны быть принимаемы за крестьянское произведеніе: всѣ они написаны, очевидно, рукою какого-нибудь грамотея писаря или другого молодца, не жалѣющаго фразъ. Тѣмъ не менѣе, сущность ихъ (то-есть, самый зарокъ, правила общества, мѣры противъ нарушеній, а отчасти и причины зарока) выработана прямо крестьянскими обществами, вслѣдствіе предшествовавшихъ фактовъ жизни, а никакъ не навязана имъ извнѣ. Приведемъ для примѣра одно постановленіе, напечатанное въ № 71 «Московскихъ Вѣдомостей». Къ сожалѣнію, въ немъ не вполнѣ обозначены имена деревень, составившихъ это опредѣленіе. Что дѣлать? Такова ужъ наша хваленая гласность!..

«1859 года, марта 15-го дня, мы нижеподписавшіеся, избранные отъ міра старшины, рядовые крестьяне и дворовые села П—ва съ деревнями Кр—ною и Пог—вою, бывъ на мірской сходкѣ, *по случаю возвышенія содержателемъ Болховскаго питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, что мы для себя и семействъ своихъ почитаемъ раззорительнымъ,* во избѣжаніе чего *и для распространенія въ насъ и дѣтяхъ нашихъ доброй нравственности, и чтобы мы были исправными во всѣхъ своихъ обязанностяхъ,* сдѣлали между себя сію добровольную подписку, которою симъ обязуемся: вино отнынѣ впредь въ питейныхъ домахъ не пить и на выносъ въ свои дома, кромѣ какихъ-либо необходимыхъ случаевъ, не покупать, зачѣмъ обязуемся другъ за другомъ смотрѣть и о нарушителяхъ сего, чрезъ выбранныхъ нами старшинъ, доносить вотчинному начальству для поступленія съ таковыми, какъ съ вредными для нашего общества, а именно: ослушниковъ штрафовать въ пользу приходской нашей церкви 10 руб. серебр. за каждое взятое ведро, и 5 руб. сер., если кто выпьетъ въ питейномъ домѣ, а при безденежьи наказывать розгами, согласно общему приговору старшинъ; въ случаѣ же, если откроется какая надобность купить вина, то испросить всякій разъ на то разрѣшеніе избранныхъ нами старшинъ и брать въ количествѣ ими дозволенномъ; разрѣшеніе одного старшины не есть дѣйствительное; необходимо общее дозволеніе всѣхъ старшинъ въ присутствіи вотчинной конторы, гдѣ имѣется книга для записыванія всякаго приговора старшинъ. Старшина, имѣющій надобность купить вино, обязанъ испросить разрѣшеніе міра и брать въ количествѣ, опредѣленномъ мірскимъ приговоромъ. Всѣ эти признанныя нами условія для утвержденія межъ нами доброй нравственности обязательны и для всѣхъ постороннихъ, живущихъ въ нашемъ селѣ». *Подлинная подписана всѣми крестьянами, бывшими на сходкѣ.*

При чтеніи этого приговора не трудно видѣть, какъ фразы въ немъ перемѣшаны съ дѣломъ, добрая нравственность приплетена къ дороговизнѣ и пр. Но сущность дѣла остается та же: крестьяне отказываются покупать хлѣбное вино... Какая бы ни была причина этого, фактъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что доказываетъ способность народа къ противодѣйствію незаконнымъ притѣсненіямъ и къ единодушію въ дѣйствіяхъ. Пріятнѣе, конечно, было бы, если бы мужики наши побуждены были къ отреченію отъ водки не внѣшнимъ обстоятельствомъ — безсовѣстнаго откупа—а внутреннимъ, нравственнымъ сознаніемъ. Но внезапныя нравственныя перерожденія бываютъ только въ раздирательныхъ романахъ, и отъ русскаго мужика, живущаго въ дѣйствительности, а не въ мечтѣ, неестественно было бы требовать такой нелѣпости. Ни съ того, ни съ сего не могъ онъ вдругъ перемѣнить свои наклонности. А тутъ дѣло происходило очень просто: мужикъ любилъ выпить, но не до такой степени, какъ увѣряли многіе; прежде онъ покупалъ вино потому, что оно было и дорогонько, но все еще можно было выносить; а тутъ вдругъ поднялась цѣна до того безобразная, что мужикъ махнулъ рукой да и сказалъ себѣ: «нѣтъ, лучше не стану пить; дорога больно, окаянная!» Сказалъ да и сдѣлалъ—не сталъ пить; потому что онъ—не то, что мы, образованные господа,—не станетъ тратить словъ попустому.

Мы убѣждены, что газетныя извѣстія не сообщили и четвертой доли всего числа обществъ трезвости, образовавшихся у крестьянъ. Но и по тому, что̀ обнародовано, можно насчитать уже сотни тысячъ крестьянъ, отказавшихся отъ водки. У насъ очень плохо слѣдятъ за судьбою этихъ обществъ и, большею частью, извѣстивши объ ихъ образованіи, не заботятся болѣе о сообщеніи извѣстій, *какъ исполняются зароки,* данные крестьянами. Поэтому только о западныхъ губерніяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, продолжающіяся спустя уже довольно значительное время послѣ первыхъ появленій трезвости. Въ великорусскихъ губерніяхъ почти всѣ извѣстія относятся только къ первому образованію обществъ, почему и до сихъ поръ еще нерѣдко можно услышать въ обществѣ мнѣніе, что все это движеніе *непродолжительно и непрочно.* Разумѣется, оно и не должно быть слишкомъ продолжительно; этого даже и желать не нужно: будучи порождено дикими отношеніями откупа къ народу, оно должно прекратиться вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ отношеній. И сами крестьяне не даютъ *вѣчныхъ* зароковъ; большею частію уговариваются не пить въ теченіе года, а въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ до осени, до весны, иные—на неопредѣленное время. Мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь подробный перечень всѣхъ мѣстностей, о которыхъ мы нашли въ газетныхъ извѣстіяхъ, что въ нихъ распространяется трезвость.

Началось движеніе въ пользу трезвости въ Ковенской губерніи и оттуда разошлось по Виленской и Гродненской. Вскорѣ потомъ, одновременно, обнаружилось движеніе въ пользу трезвости въ Поволжьи и въ центральныхъ замосковскихъ губерніяхъ. Вслѣдъ за извѣстіями о трезвости въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, получены были свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ губерніяхъ: Тульской, Владимірской, Московской, Орловской и Калужской. Съ другой стороны, трезвость, принявшаяся въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, распространилась вверхъ по Волгѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ Самарской, Рязанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и Тверской губерній. Нѣсколько позже получены извѣстія объ образованіи обществъ трезвости въ четвертомъ краѣ Россіи, въ губерніяхъ Харьковской, Курской, Воронежской. Такимъ образомъ, въ настоящее время трезвость завладѣла многими пунктами, и можно думать, что ея распространеніе пойдетъ теперь еще быстрѣе, чѣмъ шло до сихъ поръ (предполагая, разумѣется, что она не встрѣтитъ какихъ-нибудь особенныхъ препятствій).

О трехъ западныхъ губерніяхъ, показавшихъ первый примѣръ трезвости, есть свѣдѣнія, довольно положительныя. Въ февралѣ мѣсяцѣ писали изъ Ковно въ Slowo: «Едва лишь нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ перестали употреблять водку, а благіе плоды этой счастливой перемѣны въ народѣ уже чувствуются самымъ осязательнымъ образомъ: цѣна жизненныхъ продовольствій понизилась значительно, нищенство стало гораздо меньше, казенныя повинности уплачиваются исправнѣе, населеніе нашей губерніи находится въ самомъ вожделѣнномъ здоровьи. Замѣчательно, что въ теченіе этого времени у насъ не появилось ни одной общей болѣзни, которая прежде бывала обыкновенною гостьею нашею въ эту пору года, особенно при такой безпрестанно мѣняющейся, туманной, сырой погодѣ, какая стоитъ у насъ» («Моск. Вѣд.» № 42). Изъ этого извѣстія, не представляющаго опредѣленныхъ фактовъ, а говорящаго общими мѣстами, видно однакоже, что обѣтъ трезвости строго былъ соблюдаемъ. Болѣе положительныя свѣдѣнія представлены въ письмѣ г. Рудзскаго («Указ. Пол.-Эк.» № 8, 22 февр.), который разсказываетъ о томъ, какую борьбу и какъ твердо выдерживаютъ крестьяне. Между прочимъ, очень характеристиченъ анекдотъ, разсказанный имъ объ одномъ помѣщикѣ Поневѣжскаго уѣзда. Помѣщикъ этотъ, переставшій получать отъ корчмы послѣдніе гроши своихъ крестьянъ, вздумалъ зазвать къ себѣ ксендза, успѣлъ какъ-то напоить его, и пьянаго вывелъ предъ толпу, которую увѣщевалъ образумиться, представляя ей несостоятельность убѣжденій человѣка, склонившаго ихъ дать обѣтъ воздержанія. «Надо отдать справедливость общественному мнѣнію,—прибавляетъ г. Рудзскій,—оно заклеймило безчестіемъ имя человѣка, такъ грязно посягнувшаго на общее благо».

О стараніяхъ самого откупа соблазнить крестьянъ—нечего и говорить. Въ половинѣ февраля писали, что откупщики въ Виленской губерніи ставили сначала 8 грошей за кварту вина, вмѣсто прежнихъ 14; потомъ вино подешевѣло въ шесть разъ; наконецъ,—передъ корчмами выставляли иногда даже даровое вино... Ничто не помогло («Русск. Дн.» № 35). Въ концѣ того же мѣсяца сообщались вотъ какія свѣдѣнія изъ Жмуди: «Въ мѣстечкахъ, въ ярмарочное время, расходилось, бывало, ведеръ до 40 водки, а теперь выходитъ ея едва нѣсколько гарнцевъ (штофовъ). Въ уѣздномъ нашемъ городѣ (корреспондентъ не говоритъ—въ какомъ) еженедѣльный расходъ водки доходилъ, среднимъ числомъ, до 30 ведеръ; со времени же появленія трезвости (кромѣ отпускаемаго на войска, да еще кромѣ того, что̀ потребляетъ людъ разныхъ вѣръ), количество его уменьшилось до одной третьей доли. На большихъ дорогахъ, около Ковно, расходъ этого напитка тоже уменьшился даже болѣе, чѣмъ на двѣ трети противъ прежняго; но и то, что̀ потребляется, идетъ на прохожихъ солдатъ, на проѣзжающихъ обитателей Царства Польскаго, на пруссаковъ и т. д. («Моск. Вѣд.», 3 марта, № 53). Въ этомъ письмѣ есть положительное свидѣтельство и о томъ, что на Жмуди въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ трезвость нигдѣ не была нарушена, т.-е. цѣлымъ обществомъ, частныя же нарушенія всегда наказывались общественнымъ мнѣніемъ. Въ письмѣ г. Рудзскаго есть, между прочимъ, разсказъ о томъ, какъ въ одномъ мѣстечкѣ наказывали согрѣшившаго крестьянина.

«Въ м. Лукникахъ, Шавельскаго уѣзда, одинъ государственный крестьянинъ, несмотря на произнесенный имъ обѣтъ, напился пьянъ; узнавъ объ этомъ, все село подхватило измѣнника, невольника привычки, — ему приклеили къ спинѣ вывѣску: «*пьяница*» и, съ барабаномъ впереди, обвели два раза кругомъ села. Не знаю, исправился ли опозоренный крестьянинъ, но дѣло въ томъ, что этотъ случай навѣрно удержитъ дру-

гихъ и, главное, служитъ доказательствомъ прочности общаго увлеченія».

Относительно численнаго распространенія братства трезвости г. Рудзскій свидѣтельствуетъ (отъ 12 февр.), что къ братству этому пристала почти вся Ковенская губернія. Вотъ его слова («Указ. Пол.-Эк.», стр. 178):

«Успѣхъ братства былъ огроменъ: къ концу минувшаго года по всей губерніи, за исключеніемъ части Ново-Александровскаго и Вилькомірскаго уѣздовъ, смежныхъ съ Виленскою губерніею, каждому священнику удалось причислить къ своему братству всѣхъ почти прихожанъ своихъ. Потомъ газеты сообщили, что дѣйствія братства съ успѣхомъ перешли въ Виленскій уѣздъ изъ Вилькомірскаго; если это извѣстіе справедливо, то въ настоящее время по всей Ковенской губерніи туземцы почти поголовно приступили къ братству, дѣйствующему во имя просвѣщенной любви къ человѣчеству».

Извѣстіе это оказалось вполнѣ справедливымъ. Въ № 22 «Рус. Дневника» напечатано:

«Общество трезвости уже стало распространяться въ Виленской губерніи,—именно въ трехъ приходахъ Виленскаго уѣзда. гдѣ 800 прихожанъ исполняли клятву не употреблять во всю жизнь крѣпкихъ напитковъ. Они были поощрены къ тому жителями Вилькомірскаго уѣзда».

Черезъ три мѣсяца послѣ этого, въ началѣ мая, мы находимъ о Вильнѣ слѣдующее извѣстіе:

«Двѣ трети губерніи, и даже $^3/_4$ пристали уже къ обществу трезвости, и мы совершенно убѣждены, что черезъ мѣсяцъ и $^9/_{10}$ пристанутъ» («Ук. Пол.-Эк.» № 19).

Обѣтъ трезвости распространился здѣсь не только въ однихъ селеніяхъ, но и въ городахъ. Какіе размѣры приняли братства трезвости среди городскихъ жителей, можно видѣть изъ примѣра города Ошмянъ, о которомъ сообщено въ «Рус. Дневн.» (№ 74), что изъ 1.725 жителей городка—900 человѣкъ изъявили желаніе быть членами братства, лишь только былъ имъ представленъ проектъ его.

Изъ Гродненской губерніи еще въ февралѣ писали, что братства трезвости распространились *по всей губерніи*, и что трудно уже было тогда встрѣтить пьянаго въ гродненскихъ деревняхъ («Моск. Вѣд.» № 42). Недавно читали мы извѣстіе, что въ Бѣлостокскомъ приходѣ изъ 4.000 прихожанъ къ обществу трезвости принадлежитъ 3.000 («Экон. Указ.» № 27).

Во всѣхъ трехъ губерніяхъ считается до милліона крестьянъ и мѣщанъ мужского пола. Если половина ихъ отказалась отъ водки, то и тутъ выйдетъ 500.000 человѣкъ... Но, по всѣмъ извѣстіямъ, — въ обществахъ трезвости гораздо болѣе половины населенія. Съ этимъ совершенно сходятся и свѣдѣнія о количествѣ вина, проданнаго и оплаченнаго акцизомъ въ Ковенской губерніи. Вотъ что напечатано въ № 96 «Русскаго Дневника» (8 мая):

«Съ 1 января настоящаго года оплачено $55.931^5/_{100}$ ведеръ вина и 1.295 ведеръ спирта, тогда какъ въ этотъ же періодъ времени 1857 г. было оплачено $169.160^{60}/_{100}$ вед. вина и 2.488 ведеръ спирта; а въ 1858 г. $202.538^{70}/_{100}$ ведеръ вина и 866 ведеръ спирта. Въ періодѣ производства винокуренія на заводахъ въ 1858—59 гг. производилось оно только на 275 заводахъ; но въ каждомъ изъ нихъ пропорція выкуривалась вполовину, на нѣкоторыхъ и того меньше, чѣмъ могли эти заводы выкурить на самомъ дѣлѣ. При томъ, по признанію заводчиковъ, если куреніе ими и производилось, то главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы добыть барды для корма скота, такъ какъ, вслѣдствіе прошлогоднихъ неурожаевъ травъ, эти кормы сильно подорожали. Изъ числа заводовъ, дѣйствовавшихъ въ прошлую зиму, 87 закрыты владѣльцами. Въ періоды винокуренія 1856—57 и 1857—58 годовъ всѣ заводы, въ числѣ 362, дѣйствовали и выкуривали вино въ полномъ опредѣленномъ количествѣ. Свидѣтельствъ на право держать питейныя заведенія въ 1857 г. взято было 2.207, а въ 1858 — 2.191, въ нынѣшнемъ же году только 1.899. Притомъ, главнымъ образомъ въ этихъ заведеніяхъ продаются только пиво и медъ. Винная продажа еще коекакъ идетъ по городамъ, въ мѣстечкахъ она слабѣе, но по деревнямъ и селамъ совершенно прекратилась».

Цифры эти даютъ намъ полную возможность судить о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ дѣйствуютъ братства трезвости въ Ковенской губерніи, и заставляютъ предполагать то же самое и въ двухъ другихъ названныхъ нами. Къ сожалѣнію, о другихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространилась трезвость, не обнародовано свѣдѣній столь опредѣленныхъ, и потому мы принуждены ограничиться простымъ перечнемъ этихъ мѣстностей.

По западному краю трезвость обнаружилась еще въ губерніяхъ Подольской, Смоленской, Новгородской и Петербургской.

Въ *Подольской* губерніи, въ Литинскомъ уѣздѣ, отказались отъ водки крестьяне графа Кушелево-Безбородко, въ Багриновецкомъ его имѣніи, съ деревнями Стасѣевымъ и Савинымъ Майданами, и селеніями Дубовой и Кусиковцами. Это было въ началѣ февраля («Рус. Дн.» № 66).

Въ *Смоленской* губерніи, Вяземскаго уѣзда, согласились не пить вина крестьяне графини Рибопьеръ, въ числѣ 2.144 душъ («Русск. Дн.» № 91).

Въ *Новгородской* губерніи, Старорусскаго уѣзда, въ Коростынской волости, крестьяне, въ числѣ 6.000, дали зарокъ не пить вина. Въ Новгородѣ также, по извѣстіямъ, замѣтно опустѣли питейныя заведенія. По

слухамъ,—затѣвались общества трезвости (въ апрѣлѣ) и въ другихъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи («Русск. Дневн.» № 79).

Близъ *Петербурга* дали зарокъ не пить водки крестьяне деревни Коломяги («Моск. Вѣд.» № 68) и Новой Деревни («Рус. Дн.» № 66). Въ самомъ Петербургѣ дали зарокъ не пить вина плотничьи артели у *одного подрядчика* (имени и фамиліи его не соблаговолилъ сообщить 27 № (14 іюля) «Ук. Пол.- Эк.», въ которомъ помѣщено это извѣстіе)...

Въ *Екатеринославской* губерніи, Александровскаго уѣзда, крестьяне села Петровскаго, принадлежащаго гр. Строгоновой, перестали ходить въ свой сельскій шинокъ только потому, что онъ съ новаго года взятъ у помѣщицы въ аренду откупщикомъ-евреемъ. Когда надобно, крестьяне покупаютъ водку изъ помѣщичьихъ шинковъ, верстъ за 15—20; а въ Петровскомъ шинкѣ, вмѣсто прежнихъ двухъ бочекъ вина ежемѣсячно, продается теперь не болѣе 10 ведеръ, и то однимъ проѣзжимъ, хотя водка у еврея-откупщика недорога и хорошаго качества («Русск. Дн.» № 44).

Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, отказались отъ водки крестьяне *одной изъ волостей южнаго поселенія* этого уѣзда, состоящей изъ семи селеній (такъ скромно объявляетъ объ этомъ г. Михаилъ Гаршинъ въ № 121-мъ «Моск. Вѣд.»).

Въ *Курской* губерніи, въ Щигровскомъ уѣздѣ, крестьяне Стакановской волости, видя неурядицу, происходящую всегда при попойкахъ во время храмовыхъ праздниковъ и при хожденіи по селу съ иконами,—составили между собою полюбовный договоръ: не брать иконъ и не пить вина; а желающіе помолиться могутъ собраться на первый день праздника, отслужить молебенъ въ храмѣ и принести посильное пожертвованіе,—что̀ они и сдѣлали, при чемъ собрано приношеній до 40 руб. въ пользу церкви, и 3 р. с. на уплату за служеніе молебна. Изъ двухъ священниковъ одинъ уклонился отъ исполненія желанія прихожанъ, но младшій исполнилъ просьбу ихъ («Моск. Вѣд.» № 123).

Въ маѣ мѣсяцѣ рѣшились отказаться отъ водки крестьяне нѣсколькихъ волостей въ Коротоякскомъ уѣздѣ *Воронежской* губерніи, въ числѣ 20.000. Вотъ извѣстіе о нихъ, помѣщенное въ № 142 (17-го іюня) «Моск. Вѣдомостей»:

«Въ маѣ мѣсяцѣ этого года въ Коротоякскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, государственные крестьяне волостей Аношенской, Давыдовской и Коротоякской, въ числѣ слишкомъ 20.000 душъ, дали клятву впредь не употреблять водки ни подъ какимъ предлогомъ. Смущенные этимъ обстоятельствомъ, откупщики употребляли всевозможныя мѣры, чтобы склонить народъ къ нетрезвой жизни, воспѣвая, какъ это пріятно и полезно; но народъ не внялъ пустымъ словамъ. Такъ, откупщики поставили жителямъ въ селѣ Тресоруковѣ нѣсколько штофовъ хорошей водки даромъ; нашлись шалуны-ребята, которые ее выпили, и то потому только, что даромъ, но, поблагодаривъ за угощеніе, сказали, что покупать все-таки не будутъ, затѣмъ и разошлись; потомъ откупщики задабривали значительныхъ поселянъ, предлагали жертвы на храмы, и много-много было придумываемо ими средствъ, но народъ рѣшительно отвергъ всѣ ихъ искательства. И вотъ уже другой мѣсяцъ, какъ крестьяне свято и ненарушимо хранятъ обѣщаніе; примѣръ ихъ находитъ многихъ подражателей. — Въ Острогожскомъ уѣздѣ уже готовятся такія общества».

Въ томъ же мѣсяцѣ изъявили желаніе отстать отъ горячихъ напитковъ крестьяне *Воронежской* губерніи, Бирюченскаго уѣзда, Старо-Ивановской вотчины помѣщицы Муравьевой, съ народонаселеніемъ изъ малороссіянъ, въ количествѣ 2.169 душъ мужского пола («Моск. Вѣд.» № 121).

Въ центральныхъ губерніяхъ распространеніе трезвости обнародовано изъ слѣдующихъ мѣстностей.

Въ *Орловской* губерніи:

1) Крестьяне села П—ва, съ деревнями Кр—ною и Пог—вою, въ Болховскомъ уѣздѣ (полныхъ названій деревень не разсудилъ сообщить г. К., приславшій извѣстіе объ этомъ въ № 71 «Моск. Вѣд.»), видя чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ на вино и дурное качество послѣдняго, положили на мірской сходкѣ—воздерживаться отъ употребленія хлѣбнаго вина.

2) Въ Мценскомъ уѣздѣ, крестьяне села Алисова на Неручи (138 душъ), принадлежащаго г. Скарятину, мірскимъ приговоромъ постановили—не пить вина по будням (« Моск. Вѣд.» № 75).

3) Елецкаго уѣзда, въ имѣніи г. Вадковскаго, въ селѣ Петровскомъ и въ деревняхъ Ѳедоровой, Елизаветиной, Выселкѣ, Лопуховкѣ, Самохваловкѣ, Сухониной, Лялиной и Бродковѣ, 5 апрѣля, въ воскресенье, крестьяне и дворовые люди отказались отъ употребленія водки, по совѣту помѣщика. То же сдѣлало и духовенство села Петровскаго, купцы и мѣщане, проживающіе въ имѣніи г. Вадковскаго отставные и безсрочно-отпускные солдаты съ солдатками («Русск. Дн.» № 92).

4) Въ тотъ же самый день, 5 апрѣля, отказались отъ водки крестьяне сельца Аленое, Болховского уѣзда, «видя чрезвычайное возвышеніе цѣнъ на вино содержателемъ Болховского питейнаго откупа и дурное его качество, вредное для здоровья» («Моск. Вѣд.» № 90).

Въ Караческомъ уѣздѣ, въ селѣ Каси-

ловѣ, деревнѣ Кульчевѣ, въ селѣ Ново-Никольскомъ, Алымовѣ тожъ и въ деревнѣ Фроловѣ, принадлежащихъ г. Фролову, крестьяне и дворовые отказались отъ крѣпкихъ напитковъ, не связавъ себя никакими штрафами и позорными наказаніями («Моск. Вѣд.» № 153).

Въ *Тульской* губерніи также во многихъ мѣстностяхъ образовались общества трезвости:

1) Каширскаго уѣзда, села Хотуши, крестьяне казеннаго вѣдомства постановили: брать водку изъ питейныхъ заведеній на домъ, въ количествѣ, всякій разъ опредѣленномъ мірскимъ приговоромъ; ослушниковъ штрафовать 25 р. за каждое ведро, а при безденежьи наказывать тѣлесно («Рус. Дн.» № 35).

2) Въ Чернскомъ уѣздѣ, въ селѣ Спѣшневѣ, принадлежавшемъ кн. П. В. Долгорукову, крестьяне на сходкѣ положили: «по причинѣ дороговизны вина, не пить его, и кто выпьетъ хоть чарку, тотъ платитъ міру 6 р. с.» («Русск. Дн.» № 52).

Жители самаго города Черни и подгородныхъ слободъ: Козацкой, Стрѣлецкой и Пушкарской, условились между собою не пить вина и ни подъ какимъ видомъ не держать его дома. Къ этому обѣту приступили и ямщики («Русск. Дн.» № 92).

3) Въ Ефремовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Доробинѣ, принадлежащей графу Татищеву, въ имѣніяхъ гг. Тургенева, Левицкаго, Крюкова, г-жъ Свѣчиной и Власовой, и въ имѣніи г. Скарятина—Марьинѣ,—крестьяне дали зарокъ на годъ—не пить вина («Моск. Вѣд.» № 64). По другому извѣстію, первый примѣръ трезвости въ Ефремовскомъ уѣздѣ показало село Галица. Потомъ отказались отъ водки ефремовскіе ямщики, по призыву содержателя почтовой станціи Я—ва. Затѣмъ перестали пить—Кадно, Закопы, Старыя Гальскія Карчажки, Медовая Большая, и *много, много другихъ богатыхъ и многолюдныхъ селъ*. Названія ихъ однакоже не заблагоразсудилъ сообщить почтенный корреспондентъ, скрывшій и свое собственное имя и подписавшійся подъ своимъ извѣстіемъ: «Ефремовскій житель» («Моск.Вѣд.» № 94).

4) Въ Крапивенскомъ уѣздѣ, въ селахъ: Колединѣ, Траснѣ и Лопотковѣ, крестьяне на сходкѣ положили не пить вина («Моск. Вѣд.» № 97).

Въ томъ же уѣздѣ, въ Царевской вотчинѣ, принадлежащей г-жѣ Скарятиной, крестьяне еще въ концѣ прошлаго года рѣшились не пить и замѣчательнымъ образомъ выдерживали себя передъ исправникомъ. Вотъ вполнѣ описаніе всего дѣла, какъ оно помѣщено въ «Моск. Вѣдом.» (№ 75).

«Крестьяне Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, Царевской вотчины, принадлежащей женѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Марьѣ Павловнѣ Скарятиной и заключающей въ себѣ 1.336 душъ, въ концѣ прошлаго года на мірской сходкѣ постановили не пить вина, исключая свадебъ и храмовыхъ праздниковъ. Испуганный цѣловальникъ (въ селѣ Царевѣ есть питейный домъ) бросился къ откупщику и объявилъ ему, что къ царевскому питейному дому приставленъ крестьянами караулъ. Откупщикъ жаловался на это исправнику. Исправникъ, вытребовавъ старосту означеннаго села и узнавъ отъ него, что никакого караула къ питейному дому не приставлялось, а сдѣлано крестьянами постановленіе не пить вина, спросилъ, внесены ли подушныя, и поставлены ли по дорогамъ тычки, и затѣмъ отпустилъ старосту, подтвердивъ ему, чтобы караулъ къ питейному дому отнюдь ставить не смѣли. Тогда крестьяне, на вторичномъ мірскомъ сходѣ, постановили: ни въ какомъ случаѣ, даже на свадьбы и въ храмовые праздники вина на домъ не брать и вообще отъ употребленія его отказаться. Исключеніе сдѣлано для больныхъ, и въ этомъ случаѣ берется вино съ разрѣшенія старшинъ; также для находящихся въ дорогѣ или на заработкахъ на сторонѣ, очевидно, по невозможности имѣть за ними надзоръ. Замѣчательнѣе всего, что крестьяне дѣйствовали въ этомъ случаѣ рѣшительно по собственному побужденію: помѣщица, г-жа Скарятина, живетъ постоянно въ другомъ имѣніи, и управляющаго въ это время въ вотчинѣ не было: онъ повезъ оброкъ къ новому году. Имѣніе оброчное; тягло получаетъ 10 тридцатыхъ десятинъ пашни, съ платою 3 р. 30 к. за десятину».

5) Новосильскаго уѣзда, въ селѣ Моховомъ, принадлежащемъ г. Шатилову, крестьяне положили не пить хлѣбнаго вина до апрѣля 1860 г. («Моск. Вѣд.» № 128).

Свѣдѣнія о распространеніи трезвости въ *Калужской* губерніи были помѣщены въ «Указателѣ Политико-Экономическомъ», № 20. Приведемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

«Трезвость въ Калужской губерніи распространяется съ замѣчательною быстротою, и дай Богъ дальнѣйшихъ успѣховъ доброму дѣлу. По настоящее время трезвость установилась въ слѣдующихъ селеніяхъ: *Тарусскаю уѣзда*—въ Сашкинскомъ сельскомъ обществѣ съ деревнями: Клишино, Жиливки, Черкасово, Жалично и Селиверстово, вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ имѣніяхъ гг. Миллера и Дурново и при чугунноплавильномъ Бибарсовскомъ заводѣ; *Калужскаю*: въ селѣ Бобровѣ,—г. Головина (1.200 душъ м. п.), въ деревняхъ: Жарокъ, Песочнѣ, Семеновскомъ, Гридневѣ, Фетининѣ, Маматовѣ и Бобрихѣ,—княгини Вяземской, въ селѣ Дмитровскомъ,—г. Кишкина, въ деревняхъ: Мужачи, Русинѣ, Масловѣ, Филипповой,—г-жи Фрейгангъ, и въ селѣ Желовичъ, г. Скворцова; *Медынскаю*: въ селѣ Карамышовѣ, — князя Меньшикова (1.800 д.), во всѣхъ селеніяхъ князя Кочубея, подвѣдомственныхъ кожуховской вотчинной конторѣ (510 д.), въ селѣ Троицкомъ,—г. Сабанѣева (642 д.), въ селѣ Кондровѣ, — г-жи Мещериновой (121 д.) и въ сельцѣ Михайловскомъ, — гг. Спафарьевыхъ (60 д.); *Масальскаю:* въ сельцѣ Новоалександровскомъ хуторѣ,—малолѣтнихъ гг. Нарышкиныхъ; *Малоярославецкаю:* въ сельцѣ Детчиновѣ и въ деревняхъ Кульневѣ и Желудовкѣ,—г. Атрыганьева (248 д.), въ деревняхъ Огубѣ,

Калугод. жел. дор.

Кадникахъ, Росляковѣ, Величковѣ и Лыковѣ, — княгини Голицыной (581 д.); *Лихвинскаго* — въ селеніяхъ: Князищевѣ,—г. Чернова, Говоренкахъ,— г. Сухотина, Труфановѣ,—г. Плужникова, Титовѣ — г. Евдокимова, Аниковѣ,—г. Цемирова, Дупли,—г-жи Виштъ, Плюсковѣ,—г. фонъ-Вернера и Ханинѣ; *Перемышльскаго:* въ помѣщичьихъ селеніяхъ: Крутыхъ-верхахъ, Самойловѣ и Толстиковѣ, — князя Грестерова, Зябкахъ, — г-жи Воронцовой, Кременевѣ, князя Оболенскаго, Григоровскомъ и Константиновскомъ,—г-жи Чертковой, Матинѣ, — г-жи Бенардаки, Покровскомъ и Куровскомъ, — г. Рихтера, Ридовкѣ,—г. Коробкова; въ селеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ: Зимницахъ, въ деревняхъ: Полянахъ, Хохловкѣ, Слободкѣ, Жашковѣ, Гордаковой Алоповой (236 д.), Петровскомъ, Погорѣльскомъ, Кузминкахъ, Рожествинѣ и Егоровѣ, въ селахъ—Варваренкахъ (99 д.), Михайловскомъ (136 д.) и Никольскомъ (134 д.). Сверхъ того, говорятъ, крестьяне села Грабцова,— г. Чернова, въ Калужскомъ уѣздѣ, и сельца Локачева, г. Годейна, въ Медынскомъ, также отказались отъ употребленія горячихъ напитковъ. Такимъ образомъ, трезвость существуетъ въ 52 помѣщичьихъ селеніяхъ и 21 казенномъ, всего въ 73 селеніяхъ, находящихся въ семи уѣздахъ. Калужскаго уѣзда въ селѣ Дмитріевскомъ она установилась еще въ ноябрѣ прошлаго года, Тарусскаго уѣзда въ сельцѣ Сашкинѣ съ деревнями—на масляницѣ нынѣшняго, во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ тоже недавно — въ мартѣ и апрѣлѣ. Крестьяне означенныхъ мѣстъ, кромѣ, сколько мнѣ извѣстно, Полянскаго сельскаго общества, въ Перемышльскомъ уѣздѣ, *словесно* порѣшили не пить хлѣбнаго вина; Полянское сельское общество составило *письменныя* условія воздержанія. Въ однихъ селеніяхъ крестьяне дали зарокъ не употреблять водки при крестномъ цѣлованіи, а въ другихъ — безъ соблюденія подобныхъ обрядовъ. Но такъ или иначе, условія воздержанія вездѣ соблюдаются строго».

Изъ всѣхъ этихъ селеній, въ одномъ Карамышевѣ, съ принадлежащими къ нему деревнями, потреблялось вина на 40.000 р. с. въ годъ... Можно судить поэтому, сколько трудовыхъ копѣекъ сберегается крестьянами по всей губерніи отъ ихъ зарока. Въ «Русскомъ Дневникѣ» извѣщали, между прочимъ, что «откупщикъ въ отчаяніи пріѣзжалъ въ Карамышево и предлагалъ пустить вино по 3 р. с., если мужики согласятся пить; но ему единодушно отвѣчали, что они нарушатъ обязательство только въ такомъ случаѣ, если откупъ будетъ продавать вино повсюду по 1 р. 50 к.» («Русск. Дн.» № 92).

Въ *Рязанской* губерніи, въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ самомъ началѣ нынѣшняго года образовалось одно изъ первыхъ по времени обществъ трезвости въ великорусскихъ губерніяхъ. Первый примѣръ поданъ былъ крестьянами казеннаго села Макѣева (200 душъ) и помѣщичьяго — Кобыльска (150 душъ).

Въ половинѣ февраля извѣщали, что въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи чрезвычайно ослабѣло употребленіе водки («Моск. Вѣд.» № 44). Въ концѣ марта г. Кошелевъ, помѣщикъ Рязанской губерніи, писалъ, что общества трезвости существовали уже въ уѣздахъ Зарайскомъ, Данковскомъ, Ряжскомъ, Сапожковскомъ и *другихъ*» («Моск. Вѣд.» № 99).

Были неопредѣленныя извѣстія объ обществахъ трезвости и въ *Тамбовской* губерніи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ (см. «Русск. Вѣстн.» № 3).

Января 28-го, во *Владимірской* губерніи, въ Гороховецкомъ уѣздѣ, «по случаю возвышенія содержателемъ питейнаго откупа на хлѣбное вино цѣнъ, а также и для распространенія въ семействахъ доброй нравственности», — отказались отъ водки крестьяне села Нижняго Ландеха, съ 85 деревнями, въ числѣ 5.000 душъ («Моск. Вѣд.» № 49).

Въ *Московской* губерніи трезвость начала распространяться въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое общество образовалось въ селѣ Говоровѣ, Московскаго уѣзда, вотчины княгини Голицыной («Моск. Вѣд.» № 80). Въ апрѣлѣ крестьяне села Спасскаго и деревни Изоповой, тоже Московскаго уѣзда, принадлежащихъ кн. Юсупову (86 душъ), тоже дали зарокъ не пить вина на одинъ годъ («Моск. Вѣд.» № 139). Почти въ то же время, но нѣсколько ранѣе, общества трезвости образовались въ трехъ вотчинахъ графа Панина — Марѳинской, Кіевской и Спасской, въ числѣ 1.018 душъ («Моск. Вѣд.» № 151).

Изъ прочихъ уѣздовъ Московской губерніи даны зароки не пить вина: въ Звенигородскомъ, въ деревнѣ Ивашковой, графа Кушелева-Безбородко («Моск. Вѣд.» № 97); въ Подольскомъ, въ Рождественской вотчинѣ кн. Голицыной, въ числѣ 345 душъ («Русск. Дневн.» № 95), и въ селахъ Тифонкѣ и Дуловѣ, съ деревнями, принадлежащими кн. Юсупову и находящимися въ Подольскомъ (525 душъ) и Серпуховскомъ (189 душъ) уѣздахъ («Моск. Вѣд.» № 123).

Въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Драчинѣ, крестьяне тоже согласились-было не пить водки; но откупъ заплатилъ за нихъ 85 руб. недоимки, чтобъ только они пили, и крестьяне поддались на это условіе («Русск. Вѣстн.» № 3).

Въ Поволжьи трезвость пошла снизу— изъ Саратова. Въ Сердобскомъ уѣздѣ еще осенью прошлаго года произошло-было рѣшеніе не пить, но было разрушено вышеупомянутою штукою откупа... Въ декабрѣ состоялось рѣшеніе не пить въ селѣ Северкѣ, Балашовскаго уѣзда, и примѣру его послѣдовали крестьяне и въ другихъ мѣстностяхъ («Моск. Вѣд.» № 43). Въ февралѣ то же обѣщаніе было дано крестьянами села Турки («Русск. Дн.» № 42). Въ самомъ Балашовѣ мѣщане дали обѣтъ трезвости,

и ихъ примѣръ подѣйствовалъ на множество артельныхъ рабочихъ, приходящихъ въ Балашовъ по веснѣ для найма на барки («Русск. Дн.» № 75). Объ этомъ случаѣ корреспондентъ «Русскаго Дневника» писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Къ сожалѣнію, нашлись люди, особенно въ уѣздѣ, которые въ рѣшимости бѣдныхъ, стремящихся къ добру людей — видятъ опасность, пугаютъ отказывающихся отъ пьянства наказаніемъ по закону (?), за то, что они не хотятъ пить вина, и даже громко жалуются на то, что мѣщане согласились отказаться отъ пьянства безъ испрошенія на то позволенія». («Русск. Дн.» № 42).

Корреспондентъ въ недоумѣніи самъ поставилъ знакъ вопроса, упомянувъ о *наказаніи по закону*. Но недоумѣніе его напрасно. По крайней мѣрѣ, рьяные и краснорѣчивые *защитники* крестьянскаго рѣшенія не пить водки защищали его, между прочимъ, вотъ какъ: «Общества трезвости не надо запрещать и наказывать, потому что законъ запрещаетъ образованіе обществъ только *въ городѣ*, а мірскіе приговоры о трезвости составляются не въ городахъ, а въ селахъ» (см. «Русскій Вѣстникъ» № 4, стр. 241). Слѣдовательно, по мнѣнію фразистыхъ защитниковъ, такъ ловко умѣющихъ опираться на законодательство, — что̀ нужно было сдѣлать съ балашовскими мѣщанами? Что̀ также нужно бы сдѣлать и съ жителями Саратова, между которыми, по извѣстіямъ, открыта была частная подписка для желающихъ отказаться отъ употребленія хлѣбнаго вина въ теченіе 1859 г.? («Русск. Дн.» № 22).

Обѣщаніе не пить вина дано также въ Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, крестьянами села Дивовки, имѣнія графа Сумарокова («Моск. Вѣд.» № 69).

По поводу распространенія трезвости въ Саратовской губерніи мы нашли въ одной изъ газетъ свѣдѣніе, что сумма 482.200 р. с., предложенная за откупъ въ этой губерніи на послѣднихъ торгахъ, возвышена была до цифры 1.504.488 рублей («Моск. Вѣд.» № 76).

Изъ Саратовской губерніи трезвость прошла и въ смежные уѣзды *Пензенской*,— Чембарскій и Нижнеломовскій («Русск. Дн.» № 53).

Въ *Самарской* губерніи объ обществахъ трезвости извѣщали изъ двухъ уѣздовъ: Николаевскаго, гдѣ отказались отъ водки крестьяне селенія Сулакъ, Перекопновской волости («Русск. Дн.» № 95), и Бузулукскаго, гдѣ обѣтъ трезвости состоялся между крестьянами села Языкова, принадлежащаго г. Шишкову («Русск. Дн.» № 103).

Изъ *Казани* были извѣстія только въ томъ смыслѣ, что «и здѣсь мало покупаютъ вина» («Русск. Дн.» № 42. «Моск. Вѣд.» № 52).

Изъ *Нижегородской* губерніи также были очень неопредѣлительныя извѣстія. Вина здѣсь съ новаго года покупаютъ въ кабакахъ гораздо менѣе («Русск. Дн.» № 66). Въ Крещенье мужики, пріѣхавшіе на базаръ въ Нижній, прицѣнивались къ водкѣ, но не купили ея («Русск. Дн.» № 20). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерніи составляются общества трезвости («Русск. Дн.» № 48). Вотъ и все.

Въ *Костромской* губерніи общество трезвости образовалось: въ имѣніи графа Гейдена, въ селѣ Никольскомъ на Упѣ, съ деревнями («Русск. Дн.» № 66); въ селахъ Ножкинѣ и Коровьѣ, подлѣ Чухломы («Русск. Дн.» № 85); между помѣщичьими крестьянами двухъ приходовъ Галичскаго уѣзда (въ числѣ 500 человѣкъ), и между крестьянами помѣщичьими и государственными (3.500 человѣкъ), въ шести приходахъ Чухломскаго уѣзда («Русск. Дн.» № 94); между крестьянами разныхъ владѣльцевъ (344 человѣка) въ Солигаличскомъ уѣздѣ («Русск. Дн.» № 111); между рабочими на заводѣ купца Вакорина, въ Галичѣ («Моск. Вѣд.» № 112).

Изъ *Ярославской* губерніи было только одно извѣстіе о мірскомъ приговорѣ не пить вина, состоявшемся въ селѣ Янѣ, Мологскаго уѣзда, принадлежащемъ г. Шипову («Моск. Вѣд.» № 148). Кромѣ того, писали изъ самого Ярославля, что крестьяне очень тихо провели тамъ масляницу, и запросъ на полугаръ значительно уменьшился («Моск. Вѣд.» № 52).

Въ *Тверской* губерніи образовались общества трезвости, въ Старицкомъ уѣздѣ, между крестьянами графини Зубовой («Русск. Дн.» № 97), и въ Корчевскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Вяземскаго («Моск. Вѣд.» № 106).

Кромѣ исчисленныхъ мѣстностей, даже изъ *Перми* сообщали, что тамъ «водка идетъ туго» («Русск. Дн.» № 54), и изъ Сибири писали съ удовольствіемъ о закрытіи двухъ кабаковъ («Русск. Дн.» № 103) и съ ужасомъ—о разнесшемся слухѣ, что тамъ введена будетъ откупная система («Моск. Вѣд.» № 41). Такъ далеко зашло стремленіе къ трезвости при теперешнемъ состояніи откупныхъ условій.

Мы старались собрать всѣ свѣдѣнія, опубликованныя въ газетахъ относительно трезвости, и распололожить ихъ по губерніямъ. Но, повторяемъ, мы убѣждены, что въ газетныхъ замѣткахъ не сообщено и четвертой доли всего, что̀ дѣйствительно происходитъ въ народѣ. Мы желали бы,

чтобъ нашъ сводъ дѣйствій, доселѣ напечатанныхъ о трезвости, далъ возможность людямъ, проживающимъ въ разныхъ мѣстностяхъ, дополнить этотъ перечень разными извѣстіями. При этомъ особенно желательно, чтобы въ нихъ сообщалось всегда имя уѣзда, селенія и количество душъ, живущихъ въ немъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ-то дѣлѣ, совершающемся такъ явно и спокойно самимъ народомъ, нѣтъ ни малѣйшей надобности въ безыменной гласности, какую позволилъ себѣ, напримѣръ, г. N, объявившій въ № 54 «Моск. Вѣд.», что въ В—ской губерніи, К—мъ уѣздѣ, два селенія отказались отъ питья водки. Вообразите себѣ, что за господинъ N, боящійся прописать сполна названіе губерніи и уѣзда, гдѣ крестьяне пить перестали! По нашему мнѣнію, этотъ г. N представляетъ замѣчательное явленіе *въ настоящее время*, *когда*, и пр.

Впрочемъ, мы никогда и не ожидали особенной храбрости отъ всѣхъ этихъ современныхъ гомерчиковъ, собирающихся пѣть разореніе Трои, но не умѣющихъ хорошенько выговаривать даже имени своего Ахилла. Мы никогда не увлекались фразами обличителей, бросающихъ изъ-за угла мелкіе камешки въ какого-нибудь мальчишку, стащившаго яблоко съ лотка у торговца. Мы всегда были убѣждены, что эти люди способны только къ звонкимъ фразамъ и заугольнымъ выходкамъ противъ безсильныхъ, но никакъ не могутъ выступить на поприще серьезной дѣятельности. Если бы весь нашъ народъ былъ хоть наполовину таковъ, какъ эти господа, то нужно было бы безусловно согласиться съ безотрадными, отчаянными выводами пессимистовъ. Но, къ счастію, въ народѣ, въ коренномъ народѣ, нѣтъ и тѣни того, что̀ преобладаетъ въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. Въ народной массѣ нашей есть дѣльность, серьезность, есть способность къ жертвамъ. Пока мы съ г. докторомъ В—скимъ подымали вопросъ о трезвости и занимались писаніемъ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ статей, не отказываясь однакоже [ни отъ рюмки водки передъ обѣдомъ и] ни отъ одной изъ самыхъ ничтожныхъ нашихъ привычекъ, народъ, ничего не говоря, порѣшилъ не пить хлѣбнаго вина, такъ какъ оно стало, по цѣнѣ своей, совершенно несообразно съ средствами простолюдина... Скажемъ по совѣсти: кто изъ насъ годъ тому назадъ могъ, хотя бы въ предположеніи, указать такое средство противодѣйствія откупу? Мѣра, принятая крестьянами, такъ далека отъ нашихъ цивилизованныхъ и осторожныхъ нравовъ, она такъ радикальна для златой средины нашего пониманія, что мы даже въ теоріи не могли ее придумать, даже другимъ не могли предложить ее... А ужъ, кажется, чего легче предлагать другимъ самыя неудобоисполнимыя мѣры! И чего бы стоило, вмѣсто всякихъ воззваній къ постороннимъ силамъ о поправкѣ дѣла, сказать: «народу нужно отказаться отъ хлѣбнаго вина, чтобы принудить откупщиковъ къ уступкѣ»... Да вотъ никто не сказалъ же! А народъ сдѣлалъ это самое, безъ всякихъ спросовъ, справокъ и глубокомысленныхъ соображеній. Теперь г. докторъ Вернадскій увѣряетъ, что эту рѣшимость *онъ* утвердилъ въ народѣ; другіе говорятъ, что вообще литература произвела такое движеніе. Но, не говоря о г. докторѣ и статскомъ совѣтникѣ Вернадскомъ, былъ ли хоть кто-нибудь изъ литераторовъ въ своихъ твореніяхъ столько дерзокъ, чтобы дойти хоть только до сознанія необходимости тѣхъ мѣръ, которыя народная сила осуществила на дѣлѣ?

Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить; оттого онѣ и не умѣютъ и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его звукомъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно; [оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности]. Сотни тысячъ народа, въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ! Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ-сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы, со всею нашею отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ совершаетъ самъ народъ, и что̀ можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ.

336. Народный календарь на 1860 (високосный) годъ.

Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1859 [1]).

Напечатано вмѣстѣ съ № 335.

М. Л.

Въ «Современникѣ» нынѣшняго года (№ V) помѣщена была статья «О календаряхъ», авторъ которой [2]) прежде всѣхъ, сколько мы знаемъ, въ нашей литературѣ выразилъ желаніе объ изданіи календаря народнаго и представилъ довольно подробныя соображенія о томъ, чего нужно требовать отъ подобнаго календаря. Послѣ того было еще нѣсколько замѣтокъ о народномъ календарѣ въ газетахъ, и вотъ теперь общее желаніе людей, которымъ дорого народное образованіе, отчасти исполнено: народный календарь изданъ. Мы говоримъ: *отчасти*, потому что собственно изданіемъ народнаго календаря не все еще сдѣлано: надо посмотрѣть, каково выполнено это дѣло.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе степень общедоступности календаря по его цѣнѣ. Въ этомъ отношеніи народный календарь доступнѣе обыкновеннаго почти втрое: онъ стоитъ 25 к. Но и эта цѣна все еще довольно высока и при томъ несоразмѣрна съ цѣною большого календаря. Тотъ стоитъ въ листахъ 70 к., а въ бумагѣ 80 к. Между тѣмъ въ календарѣ 1859 г. 389 страницъ и каждая, по среднему счету, можетъ равняться двумъ страницамъ народнаго календаря, въ которомъ ихъ 153. Слѣдовательно, принимая въ разсчетъ одинъ объемъ обоихъ календарей, можно бы уменьшить цѣну народнаго календаря въ пять разъ, т.-е. до 16 или даже 14 к. сер. Но нужно сообразить еще, что въ большомъ академическомъ календарѣ бумага гораздо лучше, и при немъ всегда прилагается портретъ одного изъ членовъ Императорской Фамиліи. По соображенію всѣхъ этихъ обстоятельствъ, народный календарь въ теперешнемъ своемъ видѣ могъ бы продаваться по 12 и даже по 10 копѣекъ,—если бы, конечно, печатался въ томъ же количествѣ экземпляровъ, какъ и общій. Вѣроятно, сравнительная дороговизна его тѣмъ и объясняется, что его напечатано не такъ много экземпляровъ. Но намъ кажется, что здѣсь есть небольшая ошибка въ разсчетѣ. Естественно, что такую книгу, какъ календарь, стали бы покупать тѣмъ больше, чѣмъ она дешевле; потому мы полагаемъ, что при назначеніи меньшей цѣны смѣло бы можно было печатать бо̀льшее количество экземпляровъ книги. Положимъ даже, что на первый годъ былъ бы нѣкоторый убытокъ; но онъ навѣрное былъ бы покрытъ въ слѣдующіе годы. А теперь—четвертакъ можетъ, пожалуй, и озадачить крестьянина, для котораго такъ дорога каждая копѣйка.

Теперь, впрочемъ, особенно жалѣть объ этомъ еще нечего, потому что изданная нынѣ книжка не представляетъ особенной необходимости и пользы собственно для крестьянъ. Но жаль было бы, если бъ слабый расходъ этого перваго календаря имѣлъ вліяніе на разсчеты издателей въ послѣдующихъ изданіяхъ подобныхъ книгъ для народа. Судя по цѣнѣ и по тому, что изданіе «Народнаго Календаря» предпринято, конечно, не для спекуляціи, а для дѣйствительной пользы народа, можно полагать, что «Календарь» этотъ напечатанъ въ количествѣ одного завода (1200 экз.), такъ какъ продажею этого количества по назначенной цѣнѣ легко можетъ окупиться такая книжка. А между тѣмъ календарь долженъ бы разойтись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, какъ книга, нужная для всякаго. Если онъ пойдетъ плохо, такъ это именно отъ высокой цѣны; даже составъ его не столько важенъ, какъ цѣна... И что́ же, если народъ, по причинѣ дороговизны, не будетъ покупать календаря, а издатели его и другихъ подобныхъ книгъ для народа будутъ и послѣдующія изданія разсчитывать по этой мѣркѣ, т.-е. печатать мало экземпляровъ и, вслѣдствіе того, продавать ихъ дорого. Людямъ, которые хотятъ доставить народу какое-нибудь удобство, надобно позаботиться и о томъ, чтобъ это удобство могло быть народомъ принято безъ большихъ пожертвованій съ его стороны. Лучше ужъ въ такомъ случаѣ самому рискнуть на пожертвованіе: такъ или иначе, рано или поздно, оно окупится...

[1]) Передъ этой рецензіей помѣщена статья М. А. Антоновича—«Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ!», направленная противъ книги А. Щапова «Русскій расколъ старообрядства». Заглавіе это дано статьѣ Добролюбовымъ, которому принадлежитъ и нѣсколько вступительныхъ строкъ, но г. Антоновичъ не можетъ теперь указать ихъ съ точностью.

[2]) Г. З. Елисеевъ.

Что касается содержанія «Народнаго Календаря», то оно не отличается особеннымъ разнообразіемъ. Во-первыхъ, обыкновенныя принадлежности русскаго календаря—святцы, господскіе праздники и статскіе торжественные дни, крестные ходы въ столицахъ, россійскій Императорскій домъ, время восхожденія и захожденія солнца, солнечныя и лунныя затменія въ 1860 году. Все это занимаетъ одну треть календаря (48 страницъ). Безъ этихъ свѣдѣній нельзя обойтись и, слѣдовательно, о нихъ нечего говорить. Можно замѣтить развѣ только противъ того, что исчисленіе праздниковъ и торжественныхъ дней заняло 9 страницъ. Можно бы сохранить здѣсь экономію въ бумагѣ, помѣстивши важные праздники вмѣстѣ со святцами, подъ даннымъ числомъ въ особой строкѣ, а другіе совсѣмъ пропустивши. Здѣсь, напримѣръ, исчислены всѣ кавалерскіе праздники и т. п.: неужели надобно и интересно знать ихъ простолюдину?.. Тутъ же попадаются и небрежности, въ родѣ того, что 12-го октября «перенесеніе св. Мощей изъ Мальты въ городъ Гатчину»; а чьихъ мощей—не сказано... Впрочемъ, мы этому не придаемъ никакой важности, а замѣчаемъ только потому, что—если дѣлать дѣло, то почему же ужъ не дѣлать его аккуратно?..

Затѣмъ идетъ таблица народонаселенія и пространства Россійской Имперіи по губерніямъ; потомъ свѣдѣнія объ учебно-хозяйственныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, правила пріема крестьянскихъ дѣтей въ эти заведенія, и права, пріобрѣтаемыя ими при выпускѣ. Далѣе напечатано извлеченіе изъ законовъ о торговлѣ крестьянъ, мѣщанъ и отчасти купцовъ 3-й гильдіи, о прикащикахъ, о мѣрахъ и вѣсахъ, и о торговлѣ на ярмаркахъ. Вслѣдъ затѣмъ помѣщенъ длинный (на 33 стр.) указатель оборотовъ ярмарокъ въ Россіи, на которыхъ продается болѣе, чѣмъ на сто тысячъ рублей. Наконецъ напечатано извлеченіе изъ положенія о сберегательныхъ кассахъ. Кромѣ того, въ книжкѣ есть довольно большая (21 стр.) и имѣющая ученый видъ статья объ устройствѣ солнечныхъ часовъ. Вотъ и все.

Нельзя не сознаться, что всѣ эти свѣдѣнія не безполезны и не совершенно чужды для простолюдиновъ. Особеннаго одобренія заслуживаетъ помѣщеніе свѣдѣній объ учебно-хозяйственныхъ заведеніяхъ для крестьянъ и о законахъ относительно ихъ торговли. Для нашего простого народа чрезвычайно важно знаніе своихъ правъ и обязанностей по закону. Недостатокъ этого знанія и производитъ то, что простолюдина всякій волостной писарь, сельскій начальникъ, наѣзжій чиновникъ и т. д. можетъ застращать, обмануть и обобрать. Это же незнаніе служитъ причиною и того явленія, что мужикъ не смѣетъ слова сказать противъ обиды и самодурства какого-нибудь безсовѣстнаго господина. «Кто ихъ знаетъ,—думаетъ онъ: — можетъ, оно тамъ такъ и нужно...» Что онъ долженъ терпѣть, слушаться, работать и платить, это онъ знаетъ отлично, это ему всѣ говорятъ, и всѣ доказываютъ ему на дѣлѣ его обязанности. Но о томъ, что и онъ въ свою очередь имѣетъ свои права, хоть бѣдныя, но все же права, признанныя и огражденныя даже положительнымъ закономъ, объ этомъ обыкновенно никто не заботится сообщить ему. Немудрено, если при такихъ порядкахъ и онъ самъ нерѣдко поступаетъ противозаконно: вѣдь онъ «человѣкъ темный», законъ «не при немъ писанъ»... Да при томъ же ему только все твердили: «слушайся, терпи, исполняй, что̀ законъ велитъ»; и вслѣдствіе того для многихъ законъ сдѣлался какимъ-то пугаломъ, которое надо обходить, если можно... Но стоитъ только простолюдину узнать, что дѣйствіе закона обоюдно,—что, подчиняясь ему, самъ онъ можетъ требовать подчиненія ему и отъ другихъ, и что такимъ образомъ въ законѣ личность и имущество его ограждаются отъ всякихъ обидъ и насилій,—стоитъ мужичку узнать все это, и онъ будетъ почитать и хранить законъ лучше, нежели многіе изъ людей такъ называемыхъ образованныхъ... Разумѣется, одного знанія закона еще недостаточно, чтобы пользоваться его защитою, а во многихъ случаяхъ и общій законъ не вполнѣ удовлетворяетъ мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ простолюдина; но во всякомъ случаѣ знаніе условій, которымъ подчинена жизнь, можетъ повести къ хорошимъ результатамъ. Если эти условія благопріятны, человѣкъ ищетъ средства осуществить ихъ и воспользоваться ими какъ можно полнѣе; если неблагопріятны,—тогда человѣкъ можетъ стремиться къ ихъ измѣненію и улучшенію. А когда ничего неизвѣстно, то, разумѣется, не можетъ быть и рѣшимости на дѣятельность.

Вотъ почему извлеченіе изъ законовъ о торговлѣ крестьянъ и мѣщанъ мы признаемъ за весьма полезную статью въ «Календарѣ», хотя эти извлеченія и относятся не вообще къ положенію крестьянъ и мѣщанъ, а только къ одному изъ частныхъ видовъ ихъ дѣятельности. Можно бы къ этому прибавить и извлеченіе нѣкоторыхъ общихъ правилъ, относящихся къ городскому и сельскому быту, напр. о городскихъ думахъ, о сельскихъ управленіяхъ, о рекрут-

ской повинности, о податяхъ и налогахъ, о крестьянскихъ школахъ вообще, и проч.... Но, какъ видно, составители календаря побоялись, что сообщеніе всѣхъ такихъ свѣдѣній займетъ много мѣста, и потому ограничились только законами о торговлѣ.

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же они 33 страницы (т.-е. чуть не четвертую долю книжки) заняли перечнемъ ярмарокъ и товаровъ, на нихъ продаваемыхъ, да еще по неточнымъ свѣдѣніямъ?.. Если ужъ они хотѣли дать понятіе о состояніи торговли въ Россіи, такъ въ этомъ размѣрѣ можно бы написать довольно обстоятельный общій очеркъ хода торговыхъ оборотовъ нашихъ... А то вѣдь теперь общаго понятія изъ отрывочныхъ свѣдѣній о разныхъ ярмаркахъ все-таки не составляется; а на частности положиться нельзя. Напр., изъ изслѣдованій г. Аксакова мы уже знаемъ теперь, что доселѣ бывшія показанія объ украинскихъ ярмаркахъ наполовину невѣрны; а календарь все еще руководствуется прежними данными. Напр., на Крещенской ярмаркѣ показано, какъ всегда дѣлалось, до 14 милліоновъ привозу и до 8 милліоновъ продажи, тогда какъ г. Аксаковъ нашелъ, что эти цифры втрое уменьшены противъ настоящаго, т.-е. что сумма привоза простирается до 40 милліоновъ, а продажи—до 25 милліоновъ. Что же за радость набивать календарь такими подозрительными свѣдѣніями? Да и вообще—какая необходимость на первый разъ угощать мужичка-работника или мѣщанина-мастерового, или даже мелкаго торгаша ярмарочными итогами? Это можно имъ давать ужъ при большомъ изобиліи другихъ свѣдѣній, какъ роскошь. А въ нынѣшнемъ «Народномъ Календарѣ» свѣдѣній сообщено такъ мало, что слѣдовало бы дорожить мѣстомъ. Здѣсь ничего не говорится даже о крестьянскомъ дѣлѣ и объ откупахъ,—двухъ предметахъ насущнѣйшей важности для народа.

Нельзя также особенно похвалить и за статью о солнечныхъ часахъ. Для городскихъ обывателей она ненужна и неинтересна вовсе; сельскіе жители и такъ узнаютъ время по солнцу, и большой точности въ этомъ имъ ненужно... А какъ посмотритъ мужичокъ, въ статейкѣ «Народнаго Календаря», на чертежи да на буквы, разставленныя по нимъ, да какъ увидитъ, что тутъ надобно и листы бѣлой бумаги, и карандашъ, и наугольникъ, и циркуль, и ватерпасъ, и мѣдный или желѣзный листъ, изъ котораго надо вырѣзать треугольникъ, и проч.,—такъ онъ только рукой махнетъ, и скажетъ: «ну, васъ со всей этой возней! До того ли мнѣ!..» Такимъ образомъ, если достоинство статьи состоитъ въ томъ, что она безвредна во всѣхъ отношеніяхъ, то недостатокъ ея въ томъ, что она безполезна. Можно бы выбрать предметы несравненно болѣе важные и практическіе. Напримѣръ, можно бы здѣсь толково разъяснить, отчего дороговизна бываетъ и бумажныя деньги упадаютъ въ цѣнѣ. Можно бы откровенно и дружелюбно поговорить о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ и общественныхъ запашкахъ,—предметахъ, о которыхъ, вслѣдствіе злоупотребленій и дурного примѣненія, доселѣ во многихъ мѣстностяхъ крестьяне имѣютъ вовсе неправильное понятіе. Можно бы объяснить значеніе страховыхъ обществъ и взаимнаго застрахованія, сдѣлать очеркъ разныхъ системъ податныхъ сборовъ, разсказать исторію рекрутской повинности, сообщить свѣдѣнія о разныхъ частныхъ условіяхъ быта—паспортахъ, свидѣтельствахъ, о повинностяхъ отправляемыхъ натурою—барщинныхъ, постойныхъ, дорожныхъ, ямскихъ и проч., съ замѣчаніями о томъ, какъ все это идетъ въ другихъ земляхъ... Вотъ тогда бы дѣйствительно книжка могла выйти и любопытная для простолюдина, и очень не безполезная...

А то, пожалуй, можно бы даже помѣстить и нѣсколько анекдотовъ, коротенькихъ исторій и забавныхъ замѣтокъ, для того, чтобы заохотить народъ къ чтенію. Это все-таки было бы полезнѣе невѣрныхъ цифръ о ярмарочныхъ оборотахъ и затѣйливой статьи о солнечныхъ часахъ,—которыя теперь заняли болѣе трети всего календаря.

Мы сочли нужнымъ откровенно высказать наше мнѣніе, потому что сами издатели его говорятъ въ началѣ книжки: «этотъ календарь есть первый опытъ такого изданія. При изданіи «Народнаго Календаря» на слѣдующій 1861 г. редакція будетъ изыскивать средства къ улучшеніямъ и дополненіямъ». Надѣемся, что это обѣщаніе будетъ выполнено по мѣрѣ возможности, и что слѣдующій календарь будетъ значительно совершеннѣе нынѣшняго.

---

337. Обязанности крестьянина.

Для сельскихъ училищъ. *Я. Флоренсова.* Съ эпиграфомъ: «*всѣхъ почитайте, братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите. Раби, повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Сіе бо есть угодно предъ Богомъ*». Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 335.

Очень тонкая иронія, тоже могущая ввести кого-нибудь въ заблужденіе, — есть результатъ цензурнаго гнета. 1859 годъ — годъ появленія нѣсколькихъ «руководствъ», «правилъ», «сводниковъ», сплошь почти принадлежавшихъ перу крѣпостниковъ-плантаторовъ, старавшихся заблаговременно «образумить» крестьянина, готовившагося къ освобожденію отъ тяжелой барской руки. Флоренсовъ былъ иниціаторомъ въ этой области. Добролюбовъ предвидѣлъ это движеніе и потому и самъ сталъ все больше и больше говорить о народѣ; напримѣръ, въ одной сентябрьской книжкѣ имъ посвящены народу четыре статьи (№№ 335—338).

М. Л.

Небольшая книжка, изданная г. Флоренсовымъ, составляетъ родъ краткаго катехизиса, примѣненнаго собственно къ крестьянскому быту. Книжка эта, изложенная въ вопросахъ и отвѣтахъ, состоитъ изъ пяти главъ, заключающихъ въ себѣ опредѣленіе обязанностей крестьянъ: 1) къ Богу, 2) къ государю, 3) къ начальникамъ и помѣщикамъ, 4) къ равнымъ себѣ, 5) въ семейномъ быту. О духѣ и направленіи книжки свидѣтельствуетъ эпиграфъ ея, повторенный и въ самой книжкѣ, въ слѣдующемъ вопросѣ:

«*Вопросъ.* Какая обязанность крестьянина къ начальникамъ и помѣщикамъ своимъ?

Крестьянинъ долженъ оказывать всякое уваженіе начальникамъ и своимъ помѣщикамъ, не изъ страха наказанія, а по доброй волѣ; имѣть къ нимъ полную довѣренность, повиноваться не только добрымъ и кроткимъ, но и строптивымъ, и исполнять въ точности всѣ ихъ распоряженія и приказанія, все равно, письменныя или словесныя: такъ велитъ Богъ и Великій Государь, да и собственная польза того требуетъ».

Кромѣ внушенія крестьянамъ ихъ обязанностей, г. Флоренсовъ не забываетъ внушить имъ убѣжденіе и въ пользѣ образованія. На вопросъ: «нужна ли грамота?» — онъ отвѣчаетъ: нужна; а зачѣмъ, — на то представляетъ слѣдующіе главные резоны:

«Учащійся грамотѣ у священника или въ училищѣ выучитъ многому и родныхъ своихъ: онъ начнетъ дома читать разныя молитвы, разсказывать о всѣхъ чудесахъ Божіихъ, какъ міръ начался, какіе святые были, что̀ значитъ каждый праздникъ, какіе были цари православные на Руси, какъ въ простомъ быту можно угодить Богу и Великому Государю, и быть счастливу» (стр. 19).

Мы обращаемъ на эту книжку вниманіе всѣхъ читателей, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, потому, во-первыхъ, что въ ней видимъ мы первый опытъ систематической кодификаціи того, что̀ доселѣ лишь отрывочнымъ образомъ высказывалось въ большей части нашего общества, — относительно обязанностей крестьянъ. Во-вторыхъ, книга г. Я. Флоренсова замѣчательна еще по своему внѣшнему значенію. На первомъ листѣ ея напечатано: «*разсматривано ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ и награждено большою серебряною медалью*». Къ заглавію же книжки прибавлено: «*для сельскихъ училищъ*». Изъ этого можно заключить, что катехизисъ г. Я. Флоренсова одобренъ ученымъ комитетомъ министерства государственныхъ имуществъ для употребленія въ сельскихъ училищахъ, и такимъ образомъ по книжкѣ г. Я. Флоренсова новое поколѣніе русскихъ крестьянъ сознательно изучитъ свои обязанности.

338. О трезвости въ Россіи.

Сочиненіе *Серѣя Шипова*. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 335. Вопросъ о «мужицкомъ» пьянствѣ такъ же старъ въ Россіи, какъ солнце. Передъ освобожденіемъ крѣпостныхъ очень подробно «разрабатывали» его съ желаніемъ доказать, что сколько ни дай нашему мужику, онъ все равно все пропьетъ, а потому и давать нужно поменьше. Такихъ голосовъ было очень много. Высказаться по вопросу надо было и «Современнику», что̀ Добролюбовъ и сдѣлалъ, опять-таки съ вѣрою въ живыя силы народа.

М. Л.

Брошюрка г. Шипова написана подъ вліяніемъ первыхъ извѣстій о распространеніи трезвости. Считаемъ нужнымъ сказать о ней нѣсколько словъ, въ дополненіе къ статьѣ о томъ же предметѣ, помѣщенной въ нынѣшней же книжкѣ «Современника» [1]). Мы придаемъ дѣлу трезвости большое значеніе, потому что здѣсь выказалась въ русскомъ народѣ гораздо бо̀льшая твердость духа и гораздо меньшая степень приверженности къ сивухѣ, чѣмъ обыкновенно предполагали. Но мы вовсе не видѣли здѣсь идиллической картины, которую, по мнѣнію нѣкоторыхъ, намѣрены были представить нашимъ взорамъ крестьяне, долженствовавшіе прогнать вино съ лица земли навѣки, по внутреннему убѣжденію въ его вредѣ для чистоты нравовъ. Расходясь нѣсколько въ точкѣ зрѣнія съ нашимъ знаменитымъ экономистомъ г. Вернадскимъ, мы смотрѣли на распространеніе трезвости, какъ на явленіе, имѣющее чисто экономическій характеръ, а отнюдь не сантиментально-романическій. Поэтому мы не возмущались даже тѣмъ, что мужики штрафуютъ и наказываютъ тѣхъ, кто нарушаетъ обѣтъ,—противъ чего, какъ извѣстно, г. Вернадскій протестовалъ, дорожа не отказомъ мужиковъ отъ водки, а *«нравственнымъ побужденіемъ къ самоусовершенствованію»*, руководившимъ, будто бы, крестьянъ въ этомъ случаѣ. Столь моральная экономія привела г. Вернадскаго къ убѣжденію, что дѣло трезвости будетъ унижено, ежели оно будетъ поддерживаться не внутреннимъ, глубокимъ сознаніемъ, а какимъ-нибудь внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Вслѣдствіе того «Экономическій Указатель» (№ 22) премудро объявилъ, что «трезвость очень похвальна, и ей препятствовать не слѣдуетъ, но въ то же время — личность человѣка священна, и потому дѣлать какія-нибудь обязательныя постановленія относительно трезвости — безнравственно». Оставалось только прибавить воззваніе: «о, вы, благородные послѣдователи теоріи laissez faire! Устройте такъ, чтобы трезвость распространялась *сама собою*, и соедините ваши благонамѣренныя усилія для того, чтобы не было на этотъ счетъ никакихъ обязательныхъ мірскихъ приговоровъ, стѣсняющихъ и насилующихъ свободную волю человѣка!» И благородные послѣдователи почтеннаго экономиста принялись бы съ усердіемъ за дѣло, и если бы, благодаря ихъ усиліямъ, ни одного общества трезвости не образовалось, они бы прославили свои подвиги въ пользу народной нравственности: имъ вѣдь «дорогъ не самый актъ отказа отъ вина», а главное, нравственность, нравственность чтобы была сохранена!..

Факты уже опровергли отчасти моральноидиллическія мечты и опасенія экономистовъ. Народъ, вынудивши отъ откупа уступку, снова сталъ пить, находя, что водка собственно—ничего, бѣда еще не очень большая, а настоящая бѣда въ томъ, когда она плоха и дорога, когда для того, чтобъ душу отвести, надо цѣловальнику армякъ и шапку, и топоръ, и телѣгу заложить, да когда водка такова, что отъ нея одурь беретъ, какъ отъ отравы какой... [Вотъ чего не могъ вынесть народъ], вотъ для чего онъ отказался отъ водки. По послѣднимъ извѣстіямъ, откупщики принуждены были во многихъ мѣстахъ спустить цѣну водки до трехъ рублей. Первый примѣръ поданъ былъ, если не ошибаемся, пермскимъ откупомъ, и только что цѣну спустили, — черезъ мѣсяцъ же оказалось, что потребленіе вина удвоилось. Не ясно ли: съ уничтоженіемъ причины уничтожается слѣдствіе...

Явленіе это должно особенно непріятно поразить людей, занятыхъ исключительно моральной стороной дѣла. Къ числу такихъ людей принадлежитъ и г. Шиповъ, увѣряющій, что не только пьянство, но просто рюмка водки, — ужасно безнравственна и вмѣстѣ съ тѣмъ гибельна для здоровья. Но

[1]) См. № 335.

мы думаемъ, что онъ вдается въ большую крайность, не разобравши хорошенько положенія дѣла. Мы не станемъ съ нимъ спорить объ отвлеченной нравственности и гигіенѣ; но обратимъ вниманіе на его мнѣніе по отношенію къ русскому мужику. Онъ приписываетъ водкѣ всѣ бѣдствія русской жизни, и особенно — бѣдность мужиковъ, но не разъ приводимъ былъ у насъ афоризмъ Либиха, на котораго ссылается и самъ г. Шиповъ, — что «вообще не бѣдность есть слѣдствіе пьянства, а пьянство— слѣдствіе бѣдности». Если бъ г. Шиповъ припомнилъ этотъ афоризмъ, онъ бы, конечно, совершенно иначе написалъ тѣ страницы, въ которыхъ доказываетъ, что русскому мужику вовсе не нужна водка. Онъ говоритъ, напримѣръ, что по суровости нашего климата, мужику, часто бывающему на холодѣ, нужно согрѣться, но для этого есть много средствъ, кромѣ водки: обильная пища всякаго рода, въ особенности жирная, богатая углеродомъ, баня и пр. Справедливо; но въ томъ-то и дѣло, что у мужика нѣтъ «обильной пищи», особенно жирной, богатой углеродомъ. Да и не одно это—теплая одежда, хорошее помѣщеніе, достаточный и своевременный сонъ—тоже могли бы сдѣлать ненужнымъ согрѣваніе водкой... Но гдѣ же взять этихъ благъ бѣдняку, на которомъ лежитъ столько различныхъ обязанностей и повинностей, и котораго трудъ такъ дешевъ, что никакъ не можетъ обезпечить ему безбѣднаго и ровнаго существованія? Говорятъ: «находитъ же онъ деньги на водку; лучше бы ихъ употребить на улучшеніе своего быта». Да вѣдь это хорошо со стороны разсуждать человѣку, у котораго весь годовой бюджетъ такъ прекрасно распредѣленъ, который имѣетъ въ виду постоянное и свободное полученіе достаточнаго количества денегъ, и у котораго, вслѣдствіе того, все можетъ катиться, какъ по маслу. Бѣднякъ-крестьянинъ не можетъ такъ ровно устроить свою жизнь. Даже если онъ и зажиточенъ, и тутъ его можетъ каждую минуту сломить самая пустая случайность. Не говоря о неурожаѣ, скотскомъ падежѣ и тому подобныхъ случайностяхъ хозяйства,—его положеніе можетъ разстроить немилость старосты, гнѣвъ барина, наѣздъ станового, какое-нибудь мертвое тѣло, оказавшееся близъ его огорода, проѣздъ его по лѣсу во время тайной порубки, совершавшейся тамъ неизвѣстными людьми... Эти нравственныя причины, препятствуя ровному теченію жизни, постоянно и производятъ то безразсчетное, разгульное расположеніе, въ которомъ человѣкъ говоритъ: «ну ихъ всѣхъ!.. Хоть день, да мой, а тамъ, что будетъ, то будетъ!..» А что же ужъ говорить о томъ, когда нравственная тяжесть гнететъ человѣка, обремененнаго еще и физическою нуждою! Тутъ почти нѣтъ другого выхода, какъ затопить свою тоску въ винѣ... Объ этомъ-то и не хотятъ разсудить люди, приписывающіе пьянству — и бѣдность, и развратъ, и даже хворость значительной части нашего населенія изъ низшаго класса. Безъ сомнѣнія, пьянство и ведетъ къ преступленіямъ, и разслабляетъ, и разоряетъ человѣка; но напрасно г. Шиповъ полагаетъ, что стоитъ только прекратить пьянство, и — бѣдности, болѣзней и преступленій не будетъ. Напрасно онъ воображаетъ, что злу можно помочь тѣми средствами, какія онъ предлагаетъ: «продажею водки только въ городахъ, и то не во многихъ мѣстахъ, по высокой цѣнѣ, и даже, наконецъ, въ однѣхъ аптекахъ,—и постановленіемъ строгихъ законовъ противъ пьянства, такъ чтобы наказывалась всякая нетрезвость, какъ гнусный порокъ, обществу вредный, хотя бы при томъ и не было совершено никакого другого проступка». Все это можетъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, если и всѣ другія условія быта низшихъ классовъ будутъ измѣнены въ пользу ихъ матеріальнаго благосостоянія. Пьянство есть *одна изъ причинъ* зла, и при томъ изъ причинъ *ближайшихъ*... Поэтому, если мы даже предположимъ, что въ одинъ прекрасный день исполнилась мечта г. Халютина (см. № VII «Современника»), т.-е. хлѣбное вино исчезло изъ вселенной, а все прочее осталось попрежнему,—и тогда не водворился бы на землѣ рай, котораго онъ ожидаетъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ въ обществѣ продолжаться отсутствіе гражданскихъ гарантій, успокаивающихъ человѣка нравственно, и недостатокъ матеріальнаго благосостоянія въ массахъ, до тѣхъ поръ будетъ продолжаться и потребность подвеселить и одурить себя не тѣмъ, такъ другимъ. Можетъ измѣниться форма проявленія этой потребности, самый матеріалъ для ея удовлетворенія можетъ явиться совсѣмъ другой;—но много ли же въ этотъ отраднаго?..

Г. Шиповъ возстаетъ противъ мнѣнія, будто образованіе, смягчая нравы, само собою уничтожитъ и пьянство. Разумѣется, это мнѣніе нелѣпо, если опять образованіе разсматривать отдѣльно отъ всего другого. Но едва ли это будетъ справедливо: образованіе (только, разумѣется, не самодурное, а настоящее образованіе) имѣетъ ту силу, что заставляетъ человѣка оглянуться вокругъ себя и опредѣлить свои отношенія ко всему окружающему, а опредѣливши эти отношенія, каковы они есть и каковы

должны быть, онъ начнетъ добиваться приведенія ихъ въ нормальный видъ. И если эта нормальность, вслѣдствіе общаго распространенія образованія, утвердится въ цѣломъ обществѣ, тогда между всѣми и довольство распространится. А живя въ довольствѣ и съ хорошими людьми, въ совершенно нормальныхъ, братскихъ отношеніяхъ къ нимъ, человѣкъ, разумѣется, и не подумаетъ пьянствовать!..

---

339. Журналы, газеты и публика.

Сочиненіе *А. Надеждина*. Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 335.

М. Л.

Въ настоящее время, когда всѣ такъ довольны, когда Шамиль взятъ, Булгаринъ умеръ, г. Ефимъ Дымманъ [1]) каждый день снова публикуетъ о своей наукѣ жизни,—въ настоящее время мы вдругъ получили «репримандъ неожиданный»: г. Надеждинъ издалъ книжку, въ которой сдѣлалъ начальническую нотацію всей литературѣ и къ которой прибавилъ слѣдующій постъ-скриптумъ:

«*P. S.* До сихъ поръ публика не возвышала, кажется, противъ редакторовъ своего голоса, платила имъ деньги, вѣрила и ждала, и это едва ли не первая гласная оппозиція противъ господъ, вообразившихъ себя чѣмъ-то похожимъ на великихъ инквизиторовъ, не признававшихъ ничьего суда надъ собою.

Пусть теперь гг. *Ж(ж)*урналисты примутъ къ свѣдѣнію, что прошла пора ихъ странной безотвѣтственности и настала для нихъ пора *гласности*» (стр. 73).

Какъ видите, дѣло очень серьезное: г. Надеждинъ желаетъ путемъ гласности достигнуть того, чтобы публика не платила денегъ издателямъ журналовъ!.. Желаніе это принадлежитъ, конечно, къ разряду тѣхъ, которыми нельзя особенно гордиться; но въ г. Надеждинѣ оно оправдывается его собственнымъ намѣреніемъ издавать періодически книжки «*въ высшей степени* интересныя и дешевыя». Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ онъ говоритъ въ заключеніи «своей книги».

«Конецъ этой книжки (приведенной нами выше) ясно говоритъ читателю, что она служитъ только передовою послѣдующихъ. Благодаря *Ж(ж)*урналы и *Г(г)*азеты (за что онъ ихъ такъ честитъ прописными буквами?), сотрудниковъ у меня много въ разныхъ концахъ земли русской,—за матеріалами, конечно, дѣло не станетъ, и *могу ручаться, что слѣдующія книжки будутъ интересны, любопытны и разнообразны въ высшей степени.*

Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что онѣ будутъ доведены до возможной (еще бы до невозможной!) дешевизны, что постараюсь доказать слѣдующей второй книжкой, которая выйдетъ не позже октября».

Такъ вотъ въ чемъ дѣло: г. Надеждину не нравится, что публика вѣритъ и платитъ деньги журналистамъ, и онъ хочетъ, чтобы она вѣрила и платила деньги ему. «Пожалуйте, говоритъ, — ко мнѣ: у меня выборъ предметовъ въ высшей степени интересныхъ, любопытныхъ и разнообразныхъ!... У меня книжки доведены до возможной дешевизны! А всѣ прочіе—это что такое!... Только деньги съ васъ берутъ, а сами никуда не годятся!..» Опасный человѣкъ этотъ г. Надеждинъ: ни малѣйшей аттенціи къ литераторамъ не имѣетъ! Вообразилъ, что въ литературѣ все дѣло заключается въ усвоеніи тактики Щукина двора, и вызываетъ журналистовъ публично состязаться съ нимъ... Ну, не афронтъ ли это?

И вѣдь въ какое положеніе ставитъ онъ всѣхъ литераторовъ и журналистовъ: вызываетъ всѣхъ опровергать его,—хочу, говоритъ, дѣльной и безпристрастной критики,—а опровергать-то у него нечего, для критики-то и предмета нѣтъ! Что тутъ прикажете дѣлать? Онъ себя оградилъ: прочтетъ нашу рецензію и скажетъ, что мы только площаднымъ образомъ поглумились, а мнѣній его не опровергли, потому что не могли опровергнуть... Вотъ и покажется, что вся правда на его сторонѣ. Но что же намъ дѣлать-то, посудите: г. Надеждинъ исписалъ 75 страницъ и не представилъ ни одного факта, не разобралъ ни одного литературнаго явленія, и упомянулъ только два имени — Григоровича и Тургенева. О нихъ онъ сказалъ очень го-

[1]) См. № 303.

рячо и витіевато, что недоволенъ «Переселенцами» и «Дворянскимъ гнѣздомъ»: мнѣніе о «Переселенцахъ» еще попытался оправдать нѣсколькими общими фразами, а о «Дворянскомъ гнѣздѣ» просто повторилъ нѣсколько разъ, что не нравится, нехорошо, неудовлетворительно, не такъ бы надобно, — да и все тутъ. Не хочется дѣлать выписку, но если попадется вамъ брошюрка г. Надеждина, — раскройте 68-ю страницу и вы увидите, что мы говоримъ правду...

За исключеніемъ же этихъ двухъ романовъ, г. Надеждинъ ничего не называетъ и съ начала до конца разражается только повальною бранью на русскую литературу. «Она, видите ли, ничего не сдѣлала и не дѣлаетъ, — а только надуваетъ публику и *правительство!*...» Фактовъ никакихъ на это не представляется, но прямой смыслъ обвиненія не подлежитъ сомнѣнію... Что же тутъ дѣлать литераторамъ и журналистамъ? Мы думаемъ: заявить обвиненіе г. Надеждина передъ публикой, такъ какъ онъ на всю литературу нападаетъ отъ лица публики. Пусть же публика и разсудитъ между литераторами и г. Надеждинымъ, который взялся быть ихъ бичемъ и грозою. Журналистамъ этотъ судъ давно извѣстенъ, хотя г. Надеждинъ и увѣряетъ, что до сихъ поръ гласность не смѣла коснуться ихъ. Помилуйте,—стоитъ вспомнить г. Байбороду [1]), г. Громеку [2]), Литературный Протестъ [3]), исторію «Ласточки [4]) и «Сѣвернаго Цвѣтка [5]), замѣтки противъ «Инвалида» [6]) и «Орла» [7]), и проч. и проч. Если ужъ гдѣ малѣйшій скандалецъ и даже просто промахъ выводится на свѣжую воду, такъ это именно въ журнальномъ мірѣ. Литераторъ и журналистъ счелъ бы низостью послѣдней степени всякое покушеніе похлопотать о ненапечатаніи статейки противъ него... Сдѣлайте милость, пишите и печатайте: отвѣтъ найдется, и публика всегда разсудитъ праваго.

Итакъ, мы представимъ итогъ обвиненій, сдѣланныхъ г. Надеждинымъ противъ современной литературы. Они любопытны по своему характеру, совершенно отличному отъ всего, что до сихъ поръ говорилось противъ нея другими. Упрекать литературу, конечно, можно во многомъ; мы сами не разъ говорили, что она сдѣлала очень мало [1]). Но мы, говоря о малозначительности литературы въ нашемъ обществѣ, постоянно имѣли въ виду тѣсныя обстоятельства, въ которыхъ она поставлена, благодаря современной апатіи общественной. Мы жалѣли о горестномъ положеніи литературы, предостерегали ее отъ увлеченій чужими, да и то мнимыми, успѣхами и въ то же время старались указать ей, гдѣ ея настоящее мѣсто, гдѣ должна развиться истинно-полезная ея дѣятельность, словомъ—мы хотѣли, чтобы литература смѣлѣе шла впередъ, не останавливаясь на перепутьяхъ и не принимая стрекотанья какого-нибудь сверчка въ травѣ за соловьиное пѣнье... Ни одного слова, ни одного намека не вырвалось у насъ, да и мысли не было о томъ, чтобъ литераторы въ своей дѣятельности поступали безчестно, водились лишь корыстолюбіемъ и завистью. Да и ни у кого до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, не было столь странныхъ мнѣній о литературной дѣятельности. Послушайте же теперь, что говоритъ г. Надеждинъ.

Послѣ многихъ разсужденій о натурѣ русскаго человѣка, которой будто бы никто изъ пишущихъ людей не знаетъ, г. Надеждинъ переходитъ къ вопросу о гласности.

«Правительство (говоритъ онъ), вручая въ наше распоряженіе гласность, какъ бы сказало намъ: «возьмите орудіе, всемогущее и грозное орудіе,— обличайте имъ зло и тѣмъ помогайте мнѣ искоренять его...» и пр.... Надобно думать, что всѣ мы съ этой точки зрѣнія смотрѣли на гласность и хорошо понимали великость того довѣрія, которое оказало нашему уму и сердцу благонамѣренное правительство. Какъ же мы поступали до сихъ поръ съ гласностью?

«А вотъ какъ: если бъ правительство отняло у насъ страшное оружіе обратно, мы невправѣ были бы роптать» (стр. 23).

Въ доказательство столь строгаго сужденія, г. Надеждинъ указываетъ... т.-е. не указываетъ, а фразируетъ о статьяхъ, появившихся въ русской литературѣ относительно крестьянскаго вопроса. Ничего онъ

---

[1]) Псевдонимъ Каткова и Леонтьева въ «Рус. Вѣстникѣ», подъ которымъ помѣщались замѣтки о журналахъ и газетахъ.

[2]) Громека возсталъ противъ «Современника» за сокращеніе его статьи (см. № 214).

[3]) См. № 252.

[4]) «Ласточка», журналъ для дамъ и дѣвицъ, помѣщалъ стихотворенія А. Чужбинскаго безъ всякаго его разрѣшенія.

[5]) «Сѣверный Цвѣтокъ», журналъ модъ и искусствъ, обвинялся въ контрафакціи.

[6]) «Рус. Инвалидъ» счелъ нужнымъ вступиться за австрійскаго генерала Гіулая, каррикатуру на котораго, изданную итальянцами, воспроизвелъ «Рус. Вѣстникъ», и сказалъ, что она—сочиненіе московскаго журнала. Его уличили во лжи да еще попутно преподали нѣсколько совѣтовъ, какъ надо вести себя въ литературѣ каждому, не исключая литератора-военнаго, получающаго за свои писанія казенное жалованье.

[7]) «Орелъ», журналъ учено-литературный и иллюстрированный, хотѣлъ напечатать несуществовавшія «Записки» генерала А. П. Ермолова, кромѣ того, прекратившись въ началѣ года, не вернулъ подписчикамъ денегъ.

---

[1]) См. № 242 и 298.

не называетъ, никакихъ разсужденій не приводитъ, а только рѣшаетъ наотрѣзъ, что «*отъ появленія первой статьи до настоящаго времени*, касательно означеннаго предмета... въ безчисленныхъ статьяхъ, изъ которыхъ можно составить цѣлые томы, *нѣтъ ни одной дѣльной мысли*» (стр. 26). А между тѣмъ—

«Авторы восхищались своими твореніями, ждали, какъ должной дани, вниманія со стороны правительства и рукоплесканій со стороны публики. Въ самомъ же дѣлѣ они фантазировали, подобно плохимъ музыкантамъ, кричали, подобно ребятишкамъ и, разумѣется, ошибались въ своихъ разсчетахъ: *правительство деликатно молчало, публика улыбалась*, — и здѣсь, и тамъ явилась справедливая потребность оставлять страницы подобныхъ статей неразрѣзанными. *Авторы обвинили правительство въ деспотизмѣ, публику въ застоѣ*,—всѣхъ, кромѣ себя, въ невѣжествѣ, неумѣвшемъ оцѣнить ни ихъ взгляда, ни ихъ строчекъ» (стр. 29).

Замѣтьте, что всѣ эти преступленія взносятся вообще на писателей, гуртомъ, такъ что обязательный докладъ г. Надеждина о литературѣ, при своей бездоказательности, отличается еще и безъимянностью... Пріятно имѣть дѣло съ такимъ обвинителемъ! Слѣдовало еще только г. Надеждину не печатать своихъ обвиненій, а сообщать ихъ по секрету: тогда успѣхъ его роли былъ бы обезпеченъ гораздо болѣе, нежели теперешними зазываньями.

«Впрочемъ, едва ли теперь и нужно доказывать *отсутствіе всякой идеи въ каждой* строчкѣ касательно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ», — заключаетъ г. Надеждинъ свои фразы, и дѣйствительно ничего не доказываетъ, успокоиваясь на мудрой дѣятельности губернскихъ комитетовъ, которыхъ бумаги, по его словамъ, заключаютъ въ себѣ несравненно болѣе плодовъ ума, опыта и знанія дѣла» (какъ будто люди пишущіе не были членами комитетовъ, и члены комитета—никогда ничего не писали!).

Затѣмъ столь же строго и рѣшительно осуждаетъ г. Надеждинъ *всю* серьезную литературную дѣятельность послѣднихъ лѣтъ, по *всѣмъ* вопросамъ. Всѣ писатели только и обнаружили «совершенное незнаніе дѣла да неимѣніе толку»... (стр. 32).

Къ беллетристикѣ тоже онъ строгъ, преимущественно потому, что у него отъ повѣстей кругомъ голова идетъ. «О новыхъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ, — пишетъ онъ, — думаешь, думаешь, такъ что голова въ кругъ пойдетъ». Въ этомъ-то головокруженіи г. Надеждинъ, должно быть, и сочиняетъ свои нотаціи литературѣ, да еще прикрываетъ ихъ именемъ публики!

Но верхъ произвольныхъ и неблагонамѣренныхъ показаній представляетъ намъ объясненіе г. Надеждина о томъ, кто читаетъ и любитъ журналы. Онъ говоритъ, что публика вообще недовольна всѣми журналами и газетами, и читаетъ ихъ только потому, что нечего больше читать, а потребность въ чтеніи чувствуется. «Но очень многіе, по показанію г. Надеждина, нетерпѣливо ждутъ почтовыхъ дней и съ жадностію принимаются за чтеніе полученныхъ журналовъ и газетъ. Что же это за люди? Вотъ они каковы, эти *очень многіе*:

«Бросьте этимъ господамъ какую-нибудь громкую блистательную фразу, *проповѣдуйте имъ либерализмъ, почаще ругайте правительство, обвиняйте публику въ равнодушіи и застоѣ, смѣло называйте умныхъ, даже (!) и государственныхъ людей отсталыми*, — и васъ, повѣрьте, произведутъ въ геніи», и пр. (стр. 40).

Признаемся, — много носится враждебныхъ слуховъ относительно значенія журналовъ и вообще литературы, доносятся они и до людей неблагонамѣренныхъ, которые всегда готовы расписать ихъ еще хуже, чѣмъ какъ сами получили; но, сколько намъ приводилось слышать, ни одинъ изъ доносившихся голосовъ, даже побывавши въ устахъ самыхъ неблагомѣренныхъ людей, не чернилъ литературу передъ властями такъ, какъ дѣлаетъ это г. Надеждинъ... Видно, что у него ужъ нѣтъ ни малѣйшаго состраданія даже къ читателямъ; къ писателямъ же онъ полонъ адскаго недовѣрія и очень сожалѣетъ, «что цензоры не облечены никакимъ правомъ смотрѣть *за дѣйствіями* редакторовъ касательно дѣлъ гласности» (стр. 51). По его мнѣнію, писатели такой народъ, что «*ихъ самовластью* узда необходима, во избѣжаніе грустныхъ послѣдствій». По обыкновенію, онъ не объясняетъ положительно, чего именно онъ хочетъ; да и трудно это объяснить: какою уздою, какимъ еще манеромъ хочетъ онъ взнуздать литераторовъ?

Да, книжка г. Надеждина—печальное и даже опасное явленіе! Конечно, публика вообще не приметъ его сторону и заклеймитъ его заслуженнымъ презрѣніемъ, со всѣми его бездоказательными и безъимянными клеветами. Но вѣдь есть въ числѣ читающихъ журналы и такіе господа, которые съ жадностью ловятъ всякую клевету и потомъ разносятъ ее по свѣту съ добавленіями. И тутъ ужъ придирокъ, объясненій и подозрѣній—не оберешься!..

340. Курсъ всеобщей исторіи.

Доктора *Георга Вебера,* профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго *Е.* и *В. Корша.* Томъ I. Выпускъ первый. Москва. 1859 г.

Курсъ всеобщей исторіи.

Составленный *В. Шульгинымъ* (для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій). Исторія среднихъ вѣковъ. *Изданіе 2-е, дополненное.* Кіевъ. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 335.

М. Л.

Переводъ курса Вебера, весьма добросовѣстно сдѣланный гг. Коршами, составляетъ очень полезное пріобрѣтеніе въ русской исторической литературѣ, и мы спѣшимъ обратить на него вниманіе читателей. Громадная ученость Вебера, его добросовѣстность и строгая послѣдовательность изложенія извѣстна всѣмъ, хоть по наслышкѣ знающимъ историческую литературу Германіи. Теперь Веберъ издаетъ «Всеобщую Исторію» въ большихъ размѣрахъ, и этотъ трудъ будетъ съ его стороны новою важною услугою исторической наукѣ. Но и давно извѣстный «Учебникъ» его пользуется до сихъ поръ большою популярностью и выдержалъ уже много изданій въ подлинникѣ. У насъ, разумѣется, нѣтъ ничего подобнаго руководству Вебера, и потому гг. Корши заслуживаютъ искренней благодарности всѣхъ занимающихся исторіею за свой истинно-полезный трудъ.

Можно надѣяться, что книга эта будетъ имѣть успѣхъ: у насъ такъ многіе нуждаются въ порядочномъ учебникѣ, что съ радостью готовы схватиться за все мало-мальски порядочное. Тѣмъ успѣшнѣе должно разойтись хорошее руководство. Примѣромъ и доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить второе изданіе «Курса средней исторіи» г. Виталія Шульгина. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы, — если помнятъ читатели, — разбирали курсъ г. В. Шульгина вмѣстѣ съ руководствомъ г. И. Шульгина и отдали первому преимущество [1]). Тогда еще мы предсказали успѣхъ г. В. Шульгину сравнительно съ г. И. Шульгинымъ, и вѣдь вотъ дѣйствительно сбылись наши предсказанія: курсъ г. Виталія Шульгина, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, вышелъ вторымъ изданіемъ, вновь пересмотрѣнный и значительно дополненный. А вотъ г. Ив. Шульгинъ ужъ не дождется новаго изданія своего руководства, — «хоть ужъ онъ тутъ себѣ что̀!..» [2]).

---

341. Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ въ разсказахъ для простолюдиновъ.

Составленное *В. Лапинымъ.* Изданіе второе, исправленное. С.-Петербургъ, 1858—1859 г. Шесть частей.

Напечатано въ X кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 26 сентября).

М. Л.

Книжки, заключающія въ себѣ изложеніе для простолюдиновъ первыхъ началъ наукъ и продающіяся по довольно высокой цѣнѣ— выдерживаютъ въ короткое время два изданія! Это—любопытное явленіе, которое можетъ быть объяснено только двумя предположеніями: или *изложеніе* это такъ хорошо, что оно успѣло совершенно удовлетворить потребностямъ простолюдиновъ, желающихъ учиться, или, независимо отъ достоинства самихъ учебниковъ, желаніе

---

[1]) См. № 259.

[2]) Ясный намекъ на недопущеніе въ школу сколько-нибудь научно написанныхъ учебниковъ по гуманитарнымъ наукамъ со стороны министерства, очень недолюбливающаго правдивую исторію.

учиться въ простолюдинахъ такъ сильно, что они рады всякому пособію, попадающемуся имъ въ руки. Не знаемъ, до какой степени справедливо второе предположеніе, но первое оказывается рѣшительно невѣрнымъ по разсмотрѣніи книжекъ г. Лапина. Мы не говорили о нихъ при первомъ ихъ появленіи въ свѣтъ; но теперь рѣшаемся обратить на нихъ вниманіе, именно на томъ основаніи, что успѣхъ ихъ можетъ ввести въ заблужденіе многихъ занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ дѣтей. Въ нашей литературѣ есть замѣчательныя ученыя изслѣдованія; есть нѣсколько хорошихъ университетскихъ курсовъ, есть два-три недурныхъ руководства и для среднихъ учебныхъ заведеній; но хорошихъ элементарныхъ курсовъ положительно нѣтъ. Нужно удивляться, какимъ образомъ дѣти успѣваютъ еще чему-нибудь выучиться по тѣмъ книженкамъ, которыя даютъ имъ въ руки въ первомъ возрастѣ. Стоитъ только вспомнить, что десяти, девяти, даже восьмилѣтніе мальчики учатся у насъ по географіи *Ободовскаго*, по исторіи *Устрялова*, по «Начаткамъ», и проч. Поэтому изданіе первоначальныхъ руководствъ у насъ предметъ самой первой необходимости въ дѣлѣ народнаго образованія. Удовлетворить этой необходимости взялся г. Лапинъ. Онъ издалъ шесть книжекъ: азбуку, священную исторію ветхаго и новаго завѣта, ариѳметику, грамматику и исторію всеобщую и русскую вмѣстѣ съ географіею. Всѣ эти науки изложены г. Лапинымъ *въ разсказахъ* и назначены для простолюдиновъ—какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, желающихъ учиться. Посмотримъ же, какимъ образомъ выполнилъ г. Лапинъ свою задачу.

Всѣми педагогами принято и всякому должно быть извѣстно, что на первой степени обученія должна господствовать совершенная конкретность и должно быть изгоняемо все отвлеченное. Другое основное положеніе относительно первоначальнаго обученія требуетъ, чтобы въ этомъ возрастѣ упражняли преимущественно воображеніе и разсудокъ учениковъ и избѣгали того, что̀ можетъ занять исключительно одну память. Поэтому-то со всѣми научными знаніями они знакомятся, на этой степени обученія, въ живыхъ образахъ, въ подробныхъ и яркихъ повѣствованіяхъ, а не въ краткихъ и сухихъ формулахъ. Заставить дитя, находящееся на первой степени развитія, заучивать собственныя имена, числа, таблицы, общія опредѣленія, сущность которыхъ ему непонятна, — значитъ навсегда испортить нормальное развитіе способностей дитяти, притупить въ немъ и чувство, и воображеніе, и силу разсудка.

Всякое общее, абстрактное понятіе составляется изъ частныхъ представленій, посредствомъ соединенія существенныхъ признаковъ предмета и отбрасыванія всѣхъ случайныхъ его примѣтъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ ребенокъ перейдетъ къ общимъ опредѣленіямъ, онъ долженъ владѣть значительнымъ запасомъ частныхъ представленій и наблюденій, а этихъ-то частныхъ представленій и не даютъ ему учебники, составляемые обыкновенно по синтетическому методу. Курсы г-на Лапина въ этомъ отношеніи ничуть не лучше другихъ руководствъ, доселѣ у насъ изданныхъ. Конечно, онъ можетъ указывать на то, что его курсы назначены для простолюдиновъ, т.-е. не собственно для дѣтей, а также и для взрослыхъ. Но это обстоятельство не имѣетъ большого значенія: здѣсь не года собственно важны, а степень приготовленности учащихся. И въ отношеніи къ наукѣ, напр. грамматикѣ или географіи, простолюдинъ, даже и взрослый, имѣетъ столь же мало подготовленности, какъ и ребенокъ. Онъ можетъ быть богатъ опытами жизни, практическими соображеніями и проч. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что онъ и съ научными данными можетъ скорѣе освоиться, нежели ребенокъ. А все-таки эти данныя науки будутъ ему чужды сначала, всѣ такія общія опредѣленія, напр. грамматическія, онъ можетъ сдѣлать и усвоить не иначе, какъ ознакомившись съ частными примѣрами, изъ которыхъ выводятся тѣ или другія правила. Слѣдовательно, метода элементарнаго изложенія науки для простолюдиновъ во всякомъ случаѣ не должна далеко отходить отъ методы элементарнаго преподаванія, признаннаго необходимымъ для дѣтей.

Другое обстоятельство, необходимое для успѣха элементарнаго преподаванія, именно: увлеченіе воображенія и стараніе возбудить самодѣятельность ребенка, также прилагается и къ элементарному курсу для простолюдиновъ. Если дитя не выучиваетъ десяти географическихъ названій или историческихъ именъ, такъ это не потому, чтобъ оно не въ состояніи было заучить ихъ, а потому, что всѣ имена эти ничѣмъ для него не осмыслены, нисколько его не интересуютъ и не могутъ быть удержаны въ памяти только совершенно механически. Нужно расшевелить дѣтское воображеніе разсказомъ о дѣяніяхъ историческаго лица, живою картиною изучаемой мѣстности, или возбудить въ немъ интересъ къ разрѣшенію какого-нибудь разсудочнаго вопроса,—и тогда вполнѣ можно надѣяться, что ученье пойдетъ успѣшно. То же самое правило слѣдуетъ наблюдать и въ отношеніи къ простолюдину. Для него также точно будутъ скучны и чужды всѣ

собственныя имена, числа, формальныя опредѣленія и т. п., пока онъ не ознакомится съ ними въ живыхъ очеркахъ. Хотя вообще взрослый мужичокъ имѣетъ уже болѣе наклонности, напр., къ знанію исторіи, нежели дитя; но и у него отобьется всякая охота къ занятіямъ, если ему просто пойдутъ перечислять имена царей, да годы знаменитыхъ сраженій. Разница будетъ только въ одномъ: онъ скорѣе дитяти смекнетъ, что такое ученье совершенно призрачно и, набивая его память чуждыми для него звуками, не даетъ ему ничего существеннаго.

Потребность въ соблюденіи обоихъ этихъ правилъ была сознаваема, какъ видно, и г. Лапинымъ; но на дѣлѣ онъ не умѣлъ выполнить свою задачу какъ слѣдуетъ. Онъ старался, повидимому, приблизиться къ понятіямъ тѣхъ, для кого назначены его курсы; но приближеніе это осталось большею частью чисто-формальнымъ и выразилось преимущественно въ прибауткахъ и въ нѣкоторыхъ оборотахъ, имѣющихъ претензію на простоту и народность. Изъ всѣхъ шести книжекъ лучше всѣхъ—азбука; но и та не хороша. Составлена она, разумѣется, по обыкновенной рутинѣ: буквы съ раздѣленіемъ на гласныя, согласныя и полугласныя, склады—*бю, вю, ю, дю, жю, бя, вя*, и проч., молитвы, басни, загадки и проч. Но въ ней есть такія *новыя* правила: «буква *е* часто выговаривается какъ *ё*. Въ этой сказкѣ (о рыбакѣ и рыбкѣ) *слова: синее, море, даетъ, синему, свѣтелкой, хочетъ, бьетъ, пойдешь, поперекъ, воетъ, впередъ, бѣленою*, — надо читать: *синёё* (!), *морё* (!), *даетъ, синёму* (!), *свѣтелкой, хочётъ* (!), *бьетъ, пойдётъ, поперёкъ, воётъ* (!), *впередъ, бѣленой*. Въ другомъ мѣстѣ г. Лапинъ велитъ читать: *Плещётъ, будётъ, вдѣнёшь!* Вмѣсто *нашему, наше, мужемъ*, слѣдуетъ, по его мнѣнію, произносить: *нашому, нашо, мужомъ!*.. Любопытно бы знать, въ какой губерніи г. Лапинъ выучился подобному произношенію словъ.

За азбукою слѣдуетъ въ двухъ книжкахъ священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Она замѣчательна тѣмъ, что начинается съ опредѣленія общихъ свойствъ Божіихъ и потомъ уже переходитъ къ сотворенію міра, что̀ прямо противорѣчитъ изложеннымъ выше требованіямъ элементарнаго курса. Кромѣ того, неизвѣстно, почему и для чего г. Лапинъ принялъ очень странную манеру — вставлять въ свой разсказъ подлинныя фразы изъ библіи на старославянскомъ языкѣ. Многія изъ этихъ фразъ совершенно непонятны для человѣка, незнакомаго съ церковно-славянскимъ языкомъ, и г. Лапинъ подъ строкою постоянно помѣщаетъ краткій объяснительный словарь къ приводимымъ имъ фразамъ.

Въ ариѳметикѣ г. Лапина много примѣровъ, и всѣ правила выводятся послѣ рѣшенія задачъ: это ужъ нынѣ во всѣхъ ариѳметикахъ догадались принять. Но и ариѳметикѣ г. Лапина недостаетъ той внутренней основательности и глубины, которая, проникая въ самую сущность предмета, служитъ основаніемъ истинной простоты и общепонятности излагаемыхъ правилъ. Начинаетъ г. Лапинъ съ того, какъ пишутся цифры, и съ перваго же раза выводитъ милліоны. Затѣмъ на стр. 3-й (предварительныя объясненія, какъ видите, очень коротки) идетъ «разсказъ вторый». И вотъ какъ *разсказываетъ* г. Лапинъ.

«Теперь, положимъ, нужно узнать вотъ что̀: было у мужика 83 р. денегъ, да получилъ онъ 76 рублей: сколько у него стало? Вотъ какъ это узнается на бумагѣ. Пишутъ 83, а подъ ними 76 такъ, чтобы десятки были подъ десятками, а 6 подъ 3. Вотъ такъ:

83
76
159

Потомъ подчеркиваютъ и начинаютъ считать», и пр....

Какъ видите, г. Лапинъ вовсе не заботится о томъ, чтобы объяснить самую сущность ариѳметическаго дѣйствія, равно какъ и смыслъ системы арабскихъ цифръ, принятой для счисленія. Ему всего важнѣе—разсказать, «какъ это дѣлается на бумагѣ»,—какъ пишутъ, подчеркиваютъ и прочее. А зачѣмъ и на какихъ основаніяхъ это дѣлается,—о томъ ни слова. По окончаніи разсчета объясняется, что вотъ это и называется сложеніемъ, такія-то числа—слагаемыми, такое-то суммою и дѣлу конецъ.

Та же манера и въ грамматикѣ; только здѣсь она еще вреднѣе, потому что при отсутствіи основательныхъ объясненій всѣ грамматическія правила принимаютъ видъ чистѣйшаго произвола. Популярность изложенія г. Лапина ограничивается здѣсь уже исключительно повтореніемъ *такихъ, этакихъ* и *вотъ какихъ*... Приведетъ, напримѣръ, таблицу склоненій, да и скажетъ: «*этакая* перемѣна словъ по числамъ и падежамъ называется склоненіемъ». Или скажетъ: «на этотъ счетъ есть вотъ какія правила», — а затѣмъ ужъ правила излагаетъ обыкновеннымъ догматическимъ порядкомъ, — какъ у Греча или въ «общесравнительной» грамматикѣ Ивана Давыдова. Замѣчательно еще то, что у г. Лапина грамматика начинается не съ ученія о предложеніи, какъ у всѣхъ нынѣ, а съ разсужденія очастяхъ рѣчи, а затѣмъ — падежахъ, склоненіяхъ и проч.

Объ исторіи и географіи г. Лапина нечего и говорить. Онъ составилъ краткій конспектъ русской исторіи, въ которомъ заботился, какъ видно, всего болѣе о томъ, чтобы не пропустить какого-нибудь имени. Характеристики лицъ, разумѣется, у него нѣтъ; подробной картины быта народнаго нечего и спрашивать. Нѣтъ даже ни одного обстоятельнаго разсказа хоть бы о какомъ-нибудь изъ важнѣйшихъ историческихъ событій. Все сухо, формально, педантично... То же самое должно сказать и о всеобщей исторіи. Она вся изложена въ такомъ родѣ: «Императоръ Траянъ былъ великій полководецъ, императоръ Антонинъ очень кротокъ, императоръ Маркъ Аврелій очень ученъ и добродѣтеленъ, а императоръ Константинъ Великій, святый и равноапостольный, принялъ христіанскую вѣру. Послѣ него императоръ Ѳеодосій раздѣлилъ римскую имперію на Восточную и Западную и дѣла Западной имперіи стали очень худы» (стр. 159). И это называется элементарнымъ курсомъ!.. Не доказываетъ ли это полнѣйшее отсутствіе всякаго понятія о педагогическихъ требованіяхъ составителя учебника для элементарнаго преподаванія?

Хороша также и географія г. Лапина!.. Вѣдь это нужно имѣть замѣчательно-оригинальный складъ ума, чтобы въ *элементарный* курсъ, да еще *въ разсказахъ*, вставить, напр., такую страницу:

«Кромѣ того въ Россіи замѣчательны торговлею... Елецъ въ Орловской губерніи, Моршанскъ и Лебедянь въ Тамбовской, Саранскъ и Краснослободскъ въ Пензенской, Ржевъ въ Тверской, Гжатскъ, Сычовка, Порѣчье и Бѣлый въ Смоленской», и проч. и проч.

Далѣе перечисляется еще до 25 городовъ и мѣстечекъ, безъ всякихъ характеристикъ и замѣчаній. Не хотите ли упражнять дитя, начинающее учиться географіи, въ изученіи всѣхъ этихъ пріятностей? Можно ожидать хорошихъ результатовъ отъ подобнаго «элементарнаго изложенія всѣхъ наукъ!»

И однакоже—книжки г. Лапина вышли вторымъ изданіемъ! Видно, въ самомъ дѣлѣ потребность въ элементарныхъ руководствахъ очень велика. Отчего же никто изъ людей, истинно дѣльныхъ и знакомыхъ съ педагогическими требованіями, не возьмется до сихъ поръ за составленіе подобнаго учебника? За гимназическія руководства принялись уже профессора; не мѣшало бы кому-нибудь подумать и о книжкахъ для первоначальнаго преподаванія.

---

342. Искусство пріобрѣтать и сохранять до глубокой старости превосходную память.

Соч. д-ра философіи *Эвальда Гартенбаха*. Перев. съ нѣмецкаго шестого изданія. Москва, 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 341.

М. Л.

Заглавіе даетъ, разумѣется, больше, нежели даетъ сама книжка. Предохранительныя мѣры, способствующія уберечь память отъ притупленія, изложены въ ней довольно хорошо, хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго по этой части. Но «средства пріобрѣсти превосходнѣйшую память» чрезвычайно подозрительны. Тутъ авторъ или отдѣлывается общими фразами о постоянномъ упражненіи, о постепенности перехода отъ легчайшаго къ труднѣйшему, о пособіи силы разсудка, и т. д., или же указываетъ на такія эксцентрическія мѣры, о которыхъ безъ смѣха даже читать невозможно. Вообще искусственная мнемоника имѣетъ нѣсколько забавный характеръ; а г. докторъ Гартенбахъ доводитъ ее до крайне смѣшныхъ выходокъ. По его мнѣнію, напримѣръ, очень полезно, для запоминанія группы собственныхъ именъ въ извѣстномъ порядкѣ, составить какое-нибудь слово изъ начальныхъ буквъ или слоговъ этихъ именъ и запомнить его. Напр., чтобы помнить, что въ апрѣлѣ, іюнѣ, сентябрѣ и ноябрѣ бываетъ по 30 дней, нужно составить и помнить слово: «*апіюнсено*». Изъ начальныхъ буквъ названій холмовъ, на которыхъ стоялъ Римъ, выйдетъ «*пкаквэц*». Чтобы не забыть именъ семи мудрецовъ греческихъ Періандра, Солона, Ѳалеса, Питтака, Віаса, Хилона и Клеовула,—нужно изъ начальныхъ слоговъ составить слово: «*песовапивихикле*», *которое легче удержать въ памяти, нежели первыя*

семь именъ» (!?). Такимъ образомъ поступая во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, можно въ непродолжительное время сочинить для себя особый іероглифическій языкъ, и вся сила памяти должна уже будетъ устремляться на то, чтобы какъ-нибудь не забыть этотъ языкъ... Хорошее же пособіе и облегченіе доставитъ такая мнемоника!

Да и къ чему, скажите пожалуйста, это безсмысленное запоминаніе цѣлыхъ группъ именъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ въ мысли ученика? Вѣдь это нужно только затѣмъ, чтобы одолѣть, напр., учебники г. Лапина и ему подобныхъ; а какъ только ихъ изгонятъ изъ преподаванія, такъ и водворится запоминаніе разумное, а не искусственно-мнемоническое.

---

343. Объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ.

Москва, 1859 г., въ 8 д. л., 54 стр.

Напечатано вмѣстѣ съ № 341.

М. Л.

Въ «Журналѣ для Воспитанія» много разъ уже было говорено о женскихъ училищахъ и вообще о потребностяхъ женскаго образованія. Поэтому мы не станемъ подробно разбирать книжку, заглавіе которой выписали; а только укажемъ на нее читателямъ, какъ на явленіе, свидѣтельствующее до нѣкоторой степени о возбужденіи въ публикѣ сочувствія къ этому вопросу. Авторъ названной нами книги представляетъ очень яркій и большею частью справедливый очеркъ несчастнаго и мрачнаго быта нашихъ городскихъ сословій, — ремесленниковъ, фабричныхъ, мелкихъ торговцевъ и проч., и находитъ, что главная причина зла заключается въ необразованности, грубости и безнравственности матерей семейства. Поэтому, единственнымъ исходомъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія онъ поставляетъ образованіе дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей семейства. Нельзя не согласиться съ отрицательной стороною его разсужденій: *безъ образованія* матерей семейства дѣйствительно нельзя водворить совершенно правильныхъ и добрыхъ отношеній въ семействахъ. Но не надо думать, чтобы только этимъ все и ограничивалось. Чтобы самое образованіе могло успѣшно производить свое вліяніе, для этого нужно, чтобы улучшился самый матеріальный бытъ ремесленныхъ классовъ, и во многомъ измѣнились ихъ гражданскія права и общественныя отношенія. Иначе—и заведеніе училищъ для дѣвицъ низшихъ городскихъ сословій поведетъ, пожалуй, къ тѣмъ же результатамъ, до какихъ достигаютъ многія купеческія дочки, учившіяся *въ пансіонѣ*, по ихъ выраженію. Образованіе на первый разъ прививается у насъ обыкновенно только своею внѣшностью—не потому, чтобы внутренняя сторона его была сама по себѣ недоступна, а потому, что требованія общественныя у насъ до сихъ поръ ограничиваются все только внѣшностью... Этого-то увлеченія внѣшними формами и нужно всего болѣе опасаться при открытіи доступа къ образованію для тѣхъ, которые прежде не имѣли его. И чтобы низшіе классы не бросались на ту же внѣшность, для этого одно средство: одновременно съ образованіемъ улучшить и ихъ внѣшнее положеніе...

---

344. Стихотворенія для дѣтей.

Отъ младшаго до старшаго возраста, расположенныя въ двадцати двухъ отдѣлахъ. Соч. *Б. Ф(ѳ)едорова.* Изданіе второе. Двѣ части. С.-Петербургъ.

Напечатано вмѣстѣ съ №319. См. №№167 и 182.

М. Л.

Въ библіографіи нашего журнала было уже упомянуто въ прошломъ году о «поздравительныхъ стихотвореніяхъ» г. Ѳедорова. Поздравленія эти составляютъ одинъ изъ двадцати двухъ отдѣловъ, т.-е. $^1/_{22}$ долю «Дѣтскихъ стихотвореній». Всѣ отдѣлы таковы, какихъ и слѣдуетъ ожидать отъ автора «поздравленій». Несмотря на разно-

образіе отдѣловъ, авторъ во всемъ умѣлъ выдержать себя: вездѣ идеаломъ его является милый, благонравный мальчикъ, въ которомъ виденъ будущій Молчалинъ. Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ дѣтскихъ повѣстей г-на Ѳедорова. Пастухъ разговаривалъ съ эхомъ; онъ бранится, — эхо тоже, онъ говоритъ ласково,—эхо тоже. Нравоученіе:

Но эхо есть и средь людей:
Какой другимъ пошлешь привѣтъ,
Такъ и откликнется въ отвѣтъ,
Да только ласка прибыльнѣй (!!)

Какое милое начало нравственности, основанное на прибыли!..

Другой разсказъ: мальчикъ удивился, увидавши свареныхъ раковъ; какъ же, говоритъ, они были давеча черные и очень злы, одинъ даже ущипнулъ меня клешней... какъ же ихъ перемѣнили? Ему отвѣчаютъ: *сварили*... Нравоученіе:

Есть много удальцовъ такихъ,
Въ которыхъ нѣтъ нисколько прока,
Пока ихъ злость и дерзость ихъ
Не усмирятся въ школѣ рока.

Соображая разсказъ съ моралью, дѣти должны понять, что людей бойкихъ, дерзающихъ защищать себя клешнею, подобно раку (ракъ—представитель дерзости! О, баснословецъ г. Ѳедоровъ!), слѣдуетъ *сварить*, если не физически, то нравственно, и тогда изъ нихъ толкъ будетъ...

Вообще, чтобы внушить дѣтямъ смиренномудріе и трусость, г. Ѳедоровъ не пренебрегаетъ никакими средствами. Въ одномъ разсказѣ онъ даже стращаетъ ихъ примѣромъ мальчика, который безъ позволенія пошелъ къ рѣкѣ и котораго вдругъ—*свѣлъ крокодилъ!!*...

Кромѣ нравственныхъ правилъ, у г. Ѳедорова излагается цѣлая энциклопедія дѣтскихъ знаній. У него есть отдѣлъ стихотвореній ботаническихъ, зоологическихъ, метеорологическихъ и т. п. Въ нихъ разсказывается, что

Въ алой розѣ видимъ пышность,
Въ бѣлой прелесть и невинность,

что зимою бываетъ

Студено, холодно,—
Только любо оно,

что

Солнышко всюду льетъ свѣтъ,

и тому подобныя диковинки съ нравственными приложеніями. Все это крайне полезно для дѣтей и ужъ вѣрно стоитъ двухъ рублей серебромъ, которые назначилъ г. Ѳедоровъ за свои назидательныя стихотворенія.

До сихъ поръ нѣтъ у насъ нравоучительной ариѳметики; вотъ, если бъ г. Ѳедоровъ принялъ на себя трудъ ее составить. Послѣ нравоучительной ботаники это для него не такъ трудно!..

---

345. Русская сатира въ вѣкъ Екатерины.

(Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. *А. Аѳанасьева*. Москва. 1859 г.).

Напечатано въ X кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 20 октября). Надо удивляться, какъ у Добролюбова, заваленнаго массою редакціонной черновой работы, помимо необходимости вести свой отдѣлъ, хватало времени, напримѣръ, для составленія такой статьи, требующей массы работы по первоисточникамъ и большого кропотливаго труда. Объясненіе одно—онъ считалъ ее настолько важной, что неторопясь составилъ ее въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, заранѣе подготовивъ матеріалъ (напр., см. № 230). А статья дѣйствительно очень важна была именно тогда, какъ документальное подтвержденіе основательности высказаннаго о современной обличительной литературѣ. Вѣдь вся литература, такъ или иначе, стояла на обличеніи и пребывала въ увѣренности своей силы и реформирующей мощи. Разъ человѣкъ не признавалъ ни той, ни другой, и хотѣлъ видѣть литературу на другомъ пути, онъ обязанъ былъ довести свою мысль до ощутительной ясности. Это и сдѣлано статьей о сатирической журналистикѣ временъ Екатерины, столь похожихъ на время, переживаемое Добролюбовымъ: тѣ же *разговоры* о реформахъ, о необходимости ввести Россію въ кругъ европейскихъ державъ, то же *видимое* личное расположеніе монарха къ правдивому слову и многое другое.

Добролюбовъ съ рѣзкою очевидностью доказалъ, что сатира, слѣдуя по пути пріятному или только допускаемому пра-

вительствомъ, ломится въ открытую дверь, и ровно ничего серьезнаго не создаетъ ни въ жизни, ни въ нравахъ и понятіяхъ современнаго ей общества. Онъ всячески старался разрушить иллюзію о силѣ и пользѣ екатерининской сатиры, нарисовавъ попутно очень вѣрную картину того времени и самой императрицы, отличавшейся двойственностью и расхожденіемъ красивыхъ и высокихъ словъ съ массою некрасивыхъ и низкихъ дѣлъ. Добролюбовъ снова призываетъ литературу на землю и къ труду на почвѣ фактовъ и яснаго пониманія первопричинъ всѣхъ нашихъ неустройствъ... У читателя могутъ явиться вопросы: да развѣ литература не доходила и такъ до предѣловъ дозволенной ей «свободы»? Развѣ могла она открыто начать говорить о негодности самой системы управленія? И развѣ Добролюбовъ самъ по своему опыту не зналъ, что дальше станового цензура не даетъ сказать ни одного слова о нашей системѣ управленія? Разумѣется, Добролюбовъ все это хорошо зналъ и самъ, но отвѣчалъ на эти вопросы не такъ, какъ это дѣлали другіе. Весь тонъ его статей о журналистикѣ, литературѣ и обществѣ съ ясностью показываетъ, что прежде всего онъ твердо надѣялся, что, если бы, идя рука объ руку, общество и литература дружно встали за право свободы слова, то она и была бы осуществлена, чему мы, люди 1905 года, видѣли примѣръ... Во-вторыхъ, онъ естественно разсчитывалъ на русскую заграничную печать, которую можно было распространить несравненно шире; въ-третьихъ— и что̀ самое главное — онъ вѣрилъ въ то, что Чернышевскій высказалъ Герцену: когда обличенія направляются на отдѣльныхъ лицъ, тогда правительство въ правѣ предполагать, что, смѣнивъ такихъ лицъ, оно сдѣлаетъ все, угодное обществу, не дающему ясно понять о негодности всей системы. По мнѣнію Добролюбова, лучше было вовсе не обличать, а пойти по пути чисто дѣловому, чѣмъ такъ обличать. Вотъ, мнѣ кажется, отвѣты на приведенные выше возможные вопросы.

Вѣдь не надо забывать и убѣжденія Добролюбова о взаимоотношеніяхъ литературы и общества: общественная работа даетъ пищу литературѣ; слѣдовательно, общество, и только оно, должно отстоять права своей литературы. По крайней мѣрѣ надо было хоть начать итти по этому пути, а и начала-то не было сдѣлано.

М. Л.

А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Крыловъ.

Искусство говорить слова для словъ всегда возбуждало великое восхищеніе въ людяхъ, которымъ нечего дѣлать. Но такое восхищеніе не всегда можетъ быть оправдано. Конечно, и звукъ, какъ все на свѣтѣ, имѣетъ право на «самостоятельное существованіе» и, доходя до высокой степени прелести и силы, можетъ восхищать самъ собою, независимо отъ того, что̀ имъ выражается. Такъ, насъ можетъ плѣнять соловьиное пѣніе, смысла котораго мы не понимаемъ, итальянская опера, которую обыкновенно понимаемъ еще меньше, и т. п. Но, въ большинствѣ случаевъ, звукъ занимаетъ насъ только какъ знакъ, какъ выраженіе идеи. Восхищаться въ оффиціальномъ отчетѣ—его слогомъ или въ профессорской лекціи — ея звучностью означаетъ крайнюю односторонность и ограниченность, близкую къ идіотству. Вотъ почему, какъ только литература перестаетъ быть праздною забавою, вопросы о красотахъ слога, о трудныхъ риѳмахъ, о звукоподражательныхъ фразахъ и т. п. становятся на второй планъ: общее вниманіе привлекается содержаніемъ того, что̀ пишется, а не внѣшнею формою. Такимъ образомъ, красивенькія описанія, звучные диѳирамбы и всякаго рода общія мѣста исчезаютъ предъ произведеніями, въ которыхъ развивается общественное содержаніе. Является потребность въ изображеніи нравовъ; а такъ какъ нравы, отъ начала человѣческихъ обществъ до нашихъ временъ, были всегда очень плохи, то изображеніе ихъ всегда переходитъ въ сатиру. Такимъ образомъ, сатира, говоря слогомъ московскихъ публицистовъ, «служитъ доказательствомъ зрѣлости общественной среды и залогомъ грядущаго совершенствованія государства». Немудрено поэтому, что и у насъ сатира привлекаетъ къ себѣ особенную благосклонность образованной публики и приводитъ въ восторгъ лучшихъ нашихъ историковъ литературы, т.-е. тѣхъ, которые уже переступили степень развитія, дозволяющую инымъ восхищаться слогомъ оффиціальныхъ отчетовъ.

Относительно значенія и достоинства сатиры вообще мы совершенно соглашаемся съ почтенными историками литературы нашей. Но мы позволимъ себѣ указать на одну особенность нашей родной сатиры, до сихъ поръ почти не удостоенную вниманія ученыхъ изслѣдователей. Особенность эта

состоитъ въ томъ, что литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ—и, между тѣмъ все-таки не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ. Это значитъ, по нашему мнѣнію, то, что и сатира у насъ вовсе не есть «слѣдствіе зрѣлости общественной среды», а объясняется совершенно другими причинами. Причины эти не трудно понять: сатира явилась у насъ, какъ привозный плодъ, а вовсе не какъ продуктъ, выработанный самой народной жизнью. Кантемиръ, обличая приверженцевъ старины и вздорныхъ поклонниковъ новизны, сказалъ не думу русскаго народа, а идеи иностраннаго князя, пораженнаго тѣмъ, что русскіе не такъ принимаютъ европейское образованіе, какъ бы слѣдовало по плану преобразователя Россіи. Ставши подъ покровомъ оффиціальныхъ распоряженій, онъ смѣло каралъ то, что̀ и такъ отодвигалось на задній планъ разнообразными реформами, уже приказанными и произведенными, но онъ не касался того, что̀ было дѣйствительно дурно—не для успѣха государственной реформы, а для удобствъ жизни самого народа. Въ то время, какъ вводилась рекрутская повинность, Кантемиръ изощрялся надъ неслужащими; когда учреждалась табель о рангахъ, онъ поражалъ боярскую спесь и мѣстничество; когда народъ отъ притѣсненій и непонятныхъ ему новостей всякаго рода бѣжалъ въ расколъ, онъ смѣялся надъ мертвою обрядностью раскольниковъ; когда народъ нуждался въ грамотѣ, а у насъ учреждалась академія наукъ, онъ обличалъ тѣхъ, которые говорили, что можно жить, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры... Съ Кантемира такъ это и пошло на цѣлое столѣтіе: никогда почти не добирались сатирики до главнаго, существеннаго зла, не разражались грознымъ обличеніемъ противъ того, отъ чего происходятъ и развиваются общіе народные недостатки и бѣдствія. Характеръ обличеній былъ частный, мелкій, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о дѣлѣ, но въ сущности постоянно оставалась пустымъ звукомъ...

Любопытно прослѣдить, какъ это случилось, и мы не отказываемся, по мѣрѣ возможности, когда-нибудь серьезно заняться этимъ вопросомъ. Но теперь выскажемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, нужныхъ для настоящаго предмета нашей статьи.

Когда человѣкъ говоритъ о дѣлѣ, то прямая цѣль его словъ та, чтобы дѣло было сдѣлано; когда сатирикъ возстаетъ противъ недостатковъ, то у него непремѣнно есть стремленіе исправить недостатки. Но, чтобы подобная цѣль могла достигаться, нужно говорить дѣльно и договаривать до конца, иначе никакого толку не выйдетъ. Если меня, напримѣръ, порицаютъ за то, что я живу въ дурной квартирѣ и ѣмъ плохую пищу, между тѣмъ какъ у меня нѣтъ денегъ для лучшей квартиры и пищи, то очевидно, что всѣ порицанія не принесутъ мнѣ ровно никакой пользы. Человѣкъ, истинно желающій, чтобы я исправился отъ дурной привычки скудно ѣсть и жить въ бѣдности, непремѣнно обратитъ свои обличенія не на квартиру и столъ мой, а—или на то, зачѣмъ я самъ ничего не дѣлаю для своего обезпеченія, или на то, зачѣмъ другіе не вознаграждаютъ моего труда, какъ слѣдуетъ. То же самое и въ нравственной жизни общества. Большая часть общественныхъ явленій не можетъ быть измѣнена просто волею частныхъ лицъ: нужно измѣнить обстановку, дать другія начала для общей дѣятельности, и тогда уже обличать тѣхъ, которые не сумѣютъ воспользоваться выгодами новаго устройства. Наши сатирики отчасти не хотѣли понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствіе законности, спесь и жестокость въ обращеніи съ низшими, подлость предъ высшими и пр. Но весьма рѣдко въ этихъ обличеніяхъ проглядывала мысль, что всѣ эти частныя явленія суть не что иное, какъ неизбѣжныя слѣдствія ненормальности всего общественнаго устройства. Большею частію нападали на взяточника такъ, какъ будто бы все зло взяточничества зависѣло единственно отъ личной наклонности такихъ-то къ обдиранію просителей. Никогда въ сатирахъ нашихъ вопросъ о взяткахъ не переходилъ въ разсмотрѣніе общаго вреда бюрократіи и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сама бюрократія порождена и развита. То же было и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Большая часть сатириковъ нашихъ уподоблялась человѣку, обличающему бѣдняка за то, что тотъ не живетъ въ роскоши, и добросовѣстно убѣжденному, что отъ этихъ обличеній жизнь бѣдняка пойдетъ лучше. Нѣкоторые же изъ обличителей задавались такой мыслью: «мы, дескать, будемъ обличать и осмѣивать бѣдняка за его скудость; когда это дойдетъ до хозяина, отъ котораго онъ получаетъ жалованье, такъ хозяинъ-то усовѣстится да и сдѣлаетъ ему прибавку». Разсужденіе

это, замѣчательное по своей наивности, очевидно, руководило весьма многими изъ нашихъ сатириковъ, отъ Сумарокова до нашихъ дней и, вслѣдствіе того, обличенія бѣдняка въ скудости обыкновенно заканчивались увѣщаніемъ исправиться, оставаясь на службѣ у того же хозяина... Въ одной изъ нашихъ прежнихъ статей мы уже говорили о подобныхъ сатирикахъ, называя ихъ Маниловыми, и здѣсь не можемъ не повторить, что именно этотъ маниловскій характеръ и лишалъ постоянно нашу сатиру реальнаго значенія [1]). Жевали, жевали, мяли, мяли у насъ въ литературѣ разные общественные вопросы, и подъ конецъ дошли — до чего же? — до эстетическаго открытія, что и сатира можетъ быть такимъ же словомъ для слова, какъ и звучное стихотвореніе Фета или Хомякова... Оказалось, что не однѣ розы и грезы, не одну географію славянскихъ рѣкъ, но и общественныя язвы можно воспѣвать только для процесса воспѣванія. Сатира явилась только другимъ видомъ или, если хотите, другою степенью старинныхъ эклогъ, рондо и мадригаловъ... Здѣсь былъ, конечно, уже не звукъ для звука, но и не звукъ для дѣла; это было — обличеніе для обличенія, споръ для спора, остроуміе для остроумія. До настоящаго дѣла было отсюда чрезвычайно далеко, не только въ выраженіи, но часто и въ мысли сатириковъ. Они твердили: не нужно прислуживаться къ начальству, не нужно брать взятокъ, не нужно эксплоатировать другихъ, и пр. Но какъ же быть, когда безъ прислуживанья и безъ взятокъ большинство чиновниковъ не можетъ выбиться изъ ничтожества, не можетъ содержать семьи, прилично одѣться и т. д. Какъ быть, ежели, при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ, [всякій, кто не эксплоатируетъ] [2]) другого, долженъ почти умирать съ голода? При этихъ вопросахъ, не только обличаемые, но и сами обличители становились втупикъ и начинали бить воздухъ отвлеченностями о томъ, что во всякомъ случаѣ надо, однако, быть честнымъ. Но такъ какъ этотъ аргументъ былъ уже слишкомъ слабъ даже предъ судомъ ихъ собственной совѣсти, въ родѣ докторскаго увѣренія больному, что слѣдуетъ беречь здоровье, то они обыкновенно пускались въ очарованія и надежды. «Конечно, разсуждали они, худосочіе и ревматизмъ нельзя уничтожить медикаментами; надо перемѣнить образъ жизни и всю внѣшнюю обстановку. Но въ настоящее время, когда все идетъ впередъ, не нужно особенныхъ усилій для того, чтобы сдѣлать такую радикальную перемѣну: она совершается сама собою. По сложности ученыхъ наблюденій за послѣднія 50 лѣтъ, оказывается, что климатъ вообще смягчается въ сѣверныхъ странахъ, море осѣдаетъ, гастрономія дѣлаетъ новые успѣхи, многія изнурительныя для здоровья работы исполняются новоизобрѣтенными машинами» и пр., и пр... Нѣтъ сомнѣнія, что все это должно быть весьма утѣшительно для больного бѣдняка, потому что подаетъ ему надежду, что медленный, но вѣрный прогрессъ скоро коснется и его положенія и уничтожитъ причины его болѣзни... Такія и подобныя разсужденія всегда составляли одну изъ необходимыхъ частей нашей сатиры; причины ихъ заключались въ неумѣніи или нерѣшимости указать дѣйствительныя средства поправить дѣло; слѣдствіемъ же ихъ была та двойственность, та безпрерывная цѣпь разочарованій и новыхъ надеждъ, та умилительная смѣсь негодованія и восторга, которыя доставили нашимъ сатирикамъ такъ много *обломовской миловидности* и такъ мало дѣйствительной силы...

Винить ли ихъ за то, что они не умѣли вылѣчить больного? Требовать ли отъ нихъ, чтобы они приняли на себя громадный трудъ измѣнить всю обстановку, благопріятствующую болѣзни? Нѣтъ, это было бы несправедливо и нелѣпо. [Ихъ можно упрекать въ другомъ] [1]): зачѣмъ они придаютъ своимъ утѣшительнымъ фразамъ значеніе, котораго онѣ не имѣютъ? Зачѣмъ они, повторяя много лѣтъ однѣ и тѣ же фразы, наконецъ, до того сами увлекаются ими, что говорятъ ихъ даже не въ смыслѣ простого утѣшенія, а прописываютъ въ видѣ дѣйствительнаго лѣкарства? Наконецъ, зачѣмъ они такъ мало имѣютъ послѣдовательности, такъ поверхностно смотрятъ на жизнь, что полагаютъ, будто новѣйшими успѣхами гастрономіи воспользуется желудокъ больного бѣдняка, или что поднятіе балтійскаго берега можетъ на нынѣшнюю осень предохранить отъ наводненія жителей Галерной гавани?

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о современной нашей сатирѣ и выражали прискорбіе о ея мелочности и поверхностности. Мы высказали убѣжденіе, что отъ такой сатиры не выйдетъ истинной пользы для общества. Нѣкоторые приняли наши слова за убѣжденіе, что обличать вовсе не нужно, и что сатира только портитъ эстетическій вкусъ публики [2]). Но

---

[1]) См. № 242.
[2]) обыкновенный человѣкъ, не эксплоатирующій.

[1]) Но можно спросить ихъ о другомъ
[2]) Снова намекъ на Герцена (см. № 242).

мы вовсе не то имѣли въ виду: мы хотѣли сказать, что наша сатира *не то* и *не такъ* обличаетъ... Плодить далѣе разсужденія объ этой матеріи мы считаемъ крайне неудобнымъ, потому что—извѣстное дѣло—о настоящемъ времени всегда трудно произносить откровенное и рѣшительное сужденіе, а у насъ въ настоящее время, когда поднято столько вопросовъ и сдѣлано столько начинаній, подобное сужденіе положительно невозможно. Но если аналогія можетъ къ чему-нибудь повести, то намъ представляется въ книгѣ г. Аѳанасьева превосходный случай прослѣдить одинъ «эпизодъ изъ исторіи русской литературы», во многихъ отношеніяхъ аналогическій настоящему времени. Этотъ эпизодъ представляетъ намъ сатира екатерининскаго періода. Книга г. Аѳанасьева, разсматривающая сатирическіе журналы того времени, даетъ намъ очень много данныхъ относительно того, что̀ тогда дѣлала сатира. Къ сожалѣнію, онъ не обратилъ вниманія на то, какіе результаты въ самой жизни произошли отъ столь ярыхъ обличеній. Но мы постараемся сдѣлать за него нѣсколько указаній изъ источниковъ, всѣмъ постоянно доступныхъ: изъ учебника русской исторіи г. Устрялова, изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ въ послѣднее время.

Вѣкъ Екатерины долгое время являлся намъ въ какомъ-то волшебномъ сіяніи, златымъ вѣкомъ процвѣтанія Россіи по всѣмъ частямъ. До недавняго времени наше вниманіе привлекалось только свѣтлою стороною послѣдней половины прошлаго вѣка. Созваніе депутатовъ со всей Россіи, Наказъ, учрежденіе о губерніяхъ, громы суворовскихъ и румянцовскихъ побѣдъ, пріобрѣтеніе Крыма и Польши, развитіе народнаго просвѣщенія, процвѣтаніе наукъ и художествъ, оды Державина, поэмы Хераскова, комедіи фонъ-Визина и самой Екатерины,—все это преисполняло благоговѣніемъ даже самую нечувствительную душу! Но «въ настоящее время, когда» Россія вступаетъ въ новый періодъ существованія, и для екатерининской эпохи наступила уже исторія. Теперь уже нужны не диѳирамбы, не безотчетныя хвалы, а безпристрастное и спокойное разсмотрѣніе фактовъ того времени во всей ихъ полнотѣ. Скрывать или искажать историческіе факты, бывшіе за сто или за 80 лѣтъ назадъ, было бы крайне невѣжественнымъ и зловреднымъ, почти іезуитскимъ поступкомъ. Вотъ почему теперь безпрепятственно появляется въ печати множество матеріаловъ для екатерининской исторіи, которые до сихъ поръ не могли появиться въ свѣтъ. Въ «Русской Бесѣдѣ» напечатаны записки Державина; въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Библіографическихъ Запискахъ» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» недавно помѣщены были извлеченія изъ сочиненій князя Щербатова; въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества» и въ «Пермскомъ сборникѣ»—допросы Пугачеву и многіе документы, относящіеся къ исторіи пугачевскаго бунта, въ «Чтеніяхъ» есть, кромѣ того, много записокъ и актовъ, весьма рѣзко характеризующихъ тогдашнее состояніе народа и государства; мѣсяцъ тому назадъ г. Иловайскій, въ статьѣ своей о княгинѣ Дашковой, весьма обстоятельно изложилъ даже всѣ подробности переворота, возведшаго Екатерину на престолъ; наконецъ, сама книга г. Аѳанасьева содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ выписокъ изъ сатирическихъ журналовъ—о ханжествѣ, дворянской спеси, жестокостяхъ и невѣжествѣ помѣщиковъ и т. п. [Выписки эти въ прежнее время были невозможны; но теперь онѣ являются въ весьма значительномъ количествѣ, потому что «въ настоящее время, когда» крестьянскій вопросъ принялъ уже такіе обширные размѣры и преданъ правительствомъ такой широкой гласности, подобныя историческія указанія могутъ дѣлаться совершенно безопасно]. Опираясь на эти примѣры, и мы рѣшаемся раскрыть, насколько возможно по скудости источниковъ и другимъ обстоятельствамъ, истинное отношеніе сатиры екатерининскаго періода къ самой дѣйствительности того времени и показать, каковы были результаты тогдашнихъ литературныхъ толковъ для послѣдующей жизни народа и государства.

Ежели разсматривать сатиру екатерининскаго времени, какъ нѣчто самобытное и серьезное и не обращать вниманія на факты, противорѣчащіе такому взгляду, то нельзя не удивляться ея силѣ и смѣлости, нельзя не придти въ восхищеніе и не подумать, что такая сатира должна была произвести благотворнѣйшіе результаты для всей Россіи. До такихъ именно убѣжденій и дошелъ г. Аѳанасьевъ, какъ видно изъ первыхъ словъ его книги.

«Блистательное царствованіе Императрицы Екатерины II, только замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. *Успѣхи общественной жизни отразились и на серьезномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній, и на благородномъ ихъ направленіи.* Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство

истиннаго патріотизма — вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени».

Далѣе г. Аѳанасьевъ говоритъ, что «сатира, состоя въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала великая Екатерина, *бросила на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя*» (стр. 2). Какова была жатва, объ этомъ г. Аѳанасьевъ не считаетъ нужнымъ распространяться; но, по его словамъ, надо полагать, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ и жатва должна быть очень хороша. Сѣмя живительное и почва воспріимчивая: чего же вамъ больше? Развѣ постороннія вліянія могли мѣшать: градомъ побивало растительность, саранча налетала? Да и того не могло быть; вѣдь сатира «состояла въ тѣсной связи съ преобразованіями великой Екатерины!» Очевидно, по всѣмъ признакамъ, екатерининская сатира должна была принести прекраснѣйшіе плоды.

И дѣйствительно, сами сатирики того времени были убѣждены въ громадности своего вліянія на исправленіе общественныхъ недостатковъ. Сознавая свою связь съ правительственными преобразованіями, они не отдѣляли своего дѣла отъ дѣла Екатерины и твердо уповали на скорое водвореніе въ Россіи златого вѣка, вслѣдствіе совокупныхъ усилій правительства и литературы. Безъ этой приправы не обходилось у нихъ ни одно обличеніе! Особенно восхищало ихъ то, что при Екатеринѣ уже не водили къ пыткѣ и не ссылали въ Сибирь за каждое нескромное слово. «Читая твой листокъ, — писалъ кто-то «Живописцу», — я плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій Боже! услыши моленіе восьмидесятилѣтняго старика, къ счастію нашему продли дни премудрыя государыни!.. Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, если бъ эту пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе» («Живоп.», ч. I, стр. 52). Это было напечатано въ «Живописцѣ» въ 1772 г., т.-е. черезъ десять лѣтъ по вступленіи Екатерины на престолъ. Извѣстно, что «Живописецъ» посвященъ «сочинителю комедіи» «О, время!», т.-е. самой Екатеринѣ, и въ посвященіи этомъ прямо и положительно объясняется, что сатира принимаетъ смѣлость обличать пороки именно вслѣдствіе поощренія государыни, какъ правительственнаго, такъ и литературнаго. Новиковъ, прикидываясь, что не знаетъ, кто сочинилъ «О, время!», говоритъ здѣсь о Екатеринѣ и какъ объ авторѣ, и какъ о правительницѣ, и одну восхваляетъ предъ другимъ. Между прочимъ, онъ говоритъ автору комедіи:

«*Вы первый* съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ: *вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе*... Продолжайте, государь мой, прославлять себя вашими сочиненіями... Взгляните безпристрастнымъ окомъ на *пороки наши закоренѣлые, худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки;* вы найдете *толпы* людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще *пространное поле* къ прославленію вашему осталось».

Слова эти можно замѣтить, какъ свидѣтельство писателя, что въ 1772 г., несмотря на возгласы одописцевъ объ Астреѣ и золотомъ вѣкѣ, господствовало еще въ Россіи полное развращеніе, и сатира, упражнявшаяся надъ нимъ уже три года (считая съ 1769, когда начались сатирическіе журналы), попрежнему имѣла для себя еще «пространное поле». Впрочемъ весь «Живописецъ» свидѣтельствуетъ объ этомъ еще лучше, и потому-то особенно любопытна та легкость, съ которою и онъ, вмѣстѣ съ другими, поетъ хвалы «златому вѣку», наставшему тогда въ Россіи. Видно, что для «златого вѣка» сатирики считали нужнымъ только дозволеніе говорить о порокахъ... На это преимущественно и сводитъ Новиковъ свое увѣщаніе автору комедіи «О, время!» насчетъ продолженія его писаній. Сказавъ объ обиліи нашихъ пороковъ и злоупотребленій, онъ продолжаетъ:

«Вы первый достоинъ показать, что *дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества.* Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя всеобщія достойное похвалы? Я никакія не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя столь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ благородномъ сердцѣ. *И можетъ ли такая ваша смѣлость опасаться гоненія въ то время, когда, къ счастью Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ наша премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашей комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ.* Чего жъ осталось вамъ страшиться?» («Жив.», ч. I, стр. IV).

Изъ этого, не совсѣмъ ловкаго по нынѣшнимъ понятіямъ, указанія на удовольствіе Екатерины, выраженное ею при представленіи ея же пьесы, видно, какъ мало тогдашняя сатира имѣла собственной иниціативы, и какъ она нуждалась въ меценатствѣ и поощреніи сверху. Поощреніе это, дѣйствительно, даваемо было Екатериною, разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она считала нужнымъ и сообразнымъ съ своими видами, — и благодарные сатирики не

могли безъ умиленія отзываться о милостяхъ премудрой монархини. Они безпрестанно хвалились ея покровительствомъ и чрезъ то зажимали ротъ обскурантамъ, которымъ не нравилась свобода слова. «Живописецъ» изображаетъ глупаго и жестокаго помѣщика, который пишетъ къ сыну своему Θалалею: «Что̀ за Живописецъ такой у васъ проявился? Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы... О! коли бы онъ здѣсь былъ! То-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ! Что̀ и говорить: дали волю!.. Тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ!» («Живоп.», I, стр. 109). Въ «Трутнѣ» упоминается *суевѣрѣ*, называющій златой вѣкъ, въ коемъ *позволено всѣмъ мыслить*, желѣзнымъ вѣкомъ («Трут.», стр. 280). Сама Екатерина придавала очень большую цѣну тому, что свобода слова не стѣсняется ею. Въ «Быляхъ и Небылицахъ», напечатанныхъ въ 1783 году (черезъ десять лѣтъ послѣ «Живописца»), она упоминаетъ выходку *дѣдушки* противъ «разговоровъ, касающихся поправленія того-сего».—«Въ прежнее время,—по словамъ дѣдушки,—разговоры сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли: слѣдовательно, громогласіе между нами рѣдко слышно было: бесѣды же получали оттого нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которые слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что̀ вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется».—Для изъясненія сего дѣдушка говоритъ, что «*будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тяжестью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались*» (Соч. Екатер., ч. III, стр. 30). Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся кн. Дашковою, подъ руководствомъ самой Екатерины, также находится одно письмо, въ которомъ говорится: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою монархини,

«*Qui pense en grand homme et qui permet, qu'on pense*».

Въ то же время Державинъ прославлялъ свободу слова, данную Екатериной, въ обращеніи къ Фелицѣ (Соч. Держ., стр. 368);

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ и въявь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить.

Къ этому же великодушному «позволенію знать и мыслить» возвращается Державинъ и позже, въ «Изображеніи Фелицы» (1789 г.), влагая ей въ уста слѣдующія слова къ народу (Держ., стр. 415):

«*Я вамъ даю свободу мыслить*
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И въ нихъ ошибки замѣчать.

Ту же самую мысль и около того же времени еще сильнѣе выражалъ фонъ-Визинъ. Въ 1788 г. онъ задумалъ, было, издавать сатирическій журналъ: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ». Для этого изданія написалъ онъ нѣсколько мелкихъ статеекъ и между прочимъ письмо къ Стародуму съ просьбою у него статей въ журналъ. «Не страшусь я строгости цензуры,—пишетъ онъ,—ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, что̀ бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что̀ невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; *но таковое* немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ». Въ отвѣтъ на это Стародумъ, съ своей стороны, тоже восхваляетъ «вѣкъ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно». Между прочимъ, онъ пишетъ (соч. фонъ-Визина, стр. 545—546).

«Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ, такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобы мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно, ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. Итакъ, россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній, если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ: то перо ваше можетъ ясно обличать ихъ предъ тропомъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. *Я*

думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Нельзя не замѣтить, что Стародумъ нѣсколько далеко хватилъ въ своемъ самодовольствѣ, но это даетъ намъ мѣру той благородной довѣрчивости и наивности, съ которою тогдашніе сатирики смотрѣли на свое дѣло. Такимъ образомъ во время царствованія Екатерины русская литература постоянно повторяла ту мысль, что писателямъ дана полная свобода откровенно высказывать все, что̀ угодно.

И не только при жизни, но даже и по смерти Екатерины, въ одѣ на кончину ея (Память 6 ноября 1796 г.), сочиненной Капнистомъ (Соч. его, стр. 309), мы находимъ упоминаніе о томъ, что при ней

Мы крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вѣщать!

[Такимъ образомъ, во все время царствованія Екатерины русская литература постоянно повторяла ту мысль, что писателямъ дана полная свобода откровенно высказывать все, что̀ угодно]. Мысль эта сдѣлалась постояннымъ и непреложнымъ мнѣніемъ и много разъ высказывалась и впослѣдствіи долго спустя послѣ смерти Екатерины, и перешла въ исторію. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ, въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи», указавши на свободу печати при Екатеринѣ, приводитъ даже и объясненіе этого явленія, въ такомъ видѣ: «Увѣренная въ своемъ величіи, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ—сдѣлаться ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, *Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой россійской исторіи. Слѣдствіемъ были: спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній разума*» (Кар., изд. Эйнерл., III, XLVII).

Впрочемъ, [было бы величайшимъ заблужденіемъ] [1]) думать, на основаніи возгласовъ тогдашнихъ литераторовъ, будто при Екатеринѣ можно было безнаказанно говорить и писать все, что̀ бы ни пришло на умъ. Напротивъ, императрица очень зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы въ обществѣ и въ народѣ не разсѣивались понятія и слухи, несообразные съ ея намѣреніями относительно устройства и управленія государствомъ. При самомъ восшествіи ея на престолъ начали ходить въ народѣ различные слухи, которые были ей непріятны. Вслѣдствіе того, въ 1763 г., іюля 4, изданъ былъ указъ «о воздержаніи каждому себя отъ непристойныхъ званію его толкованій и разсужденій» (Полн. Собр. Зак. № 12,003). Въ этомъ указѣ говорится, между прочимъ: «Со дня самаго вступленія нашего на всероссійскій престолъ, мы, Богу содѣйствующему, въ сердцѣ нашемъ никогда о пользѣ и добрѣ нашихъ подданныхъ пещись, яко мать о дѣтяхъ своихъ, не оставимъ, въ чемъ да управитъ и укрѣпитъ насъ Его жъ рука святая. Вслѣдствіе чего равное жъ желаніе и воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ придерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются *такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены страшными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ,* и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что *касаются дерзостно своими истолкованіями не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самимъ божественнымъ узаконеніямъ*, не воображая знатно себѣ ни мало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ». Затѣмъ говорится, что «хотя таковые умствователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, *яко спокойствію нашему и всеобщему вредные*», но на первый разъ монархиня обращается къ нимъ лишь съ «материнскимъ увѣщаніемъ», надѣясь, что они сами постараются заслужить «благословеніе Божіе и монаршую милость, довѣренность и благоволеніе», въ противномъ же случаѣ обѣщаетъ поступить съ ними «по всей строгости зако-

[1]) едва ли справедливо было бы

новъ». Подобныя объявленія съ угрозами издавались не разъ и въ послѣдующіе годы. Источники чрезвычайно скудны насчетъ того, въ какой мѣрѣ исполнились эти угрозы, и много ли было людей, дѣйствительно захваченныхъ въ «вольныхъ рѣчахъ». Но нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи нашей литературы и законодательства показываютъ, что указы Екатерины не оставались пустыми словами и этимъ очень рѣзко отличались отъ сатирическихъ возгласовъ тогдашнихъ восторженныхъ обличителей. Въ мартѣ 1764 г. сожженъ на площади съ барабаннымъ боемъ «пасквиль, выданный подъ именемъ Высочайшаго указа и начинающійся словами: «время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако, весьма наше дворянство пренебрегаетъ», и пр... (П. С. З. № 12,890). Въ январѣ 1765 г. (П. С. З. № 12,313) повелѣно было сжечь на площади, чрезъ палача, непристойныя сочиненія, названныя въ указѣ «пасквилями», но не обозначенныя никакими подробностями относительно ихъ содержанія. Въ маѣ 1767 г. наказанъ плетьми въ Ярославлѣ и сосланъ въ Нерчинскъ дворовый человѣкъ Андрей Крыловъ за то, что держалъ у себя тотъ самый пасквиль, о которомъ былъ указъ въ мартѣ 1764 г. (П. С. З. № 12,890). Неизвѣстно, на какихъ именно условіяхъ дозволенъ былъ вообще выходъ книгъ въ Россіи до 1770 г. Но въ этомъ году дано разрѣшеніе иностранцу Гартунгу на учрежденіе первой въ Россіи вольной типографіи для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ, и въ указѣ, данномъ по этому случаю, есть пунктъ, запрещающій ему выпускать изъ типографіи какія бы ни было книги «безъ объявленія для свидѣтельства въ Академію Наукъ и безъ вѣдома полиціи». Русскія же книги ему не дозволено печатать, «дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было» (П. С. З. № 13,572). Изъ этого видно, что размѣры тогдашней книжной дѣятельности были весьма ничтожны, но что и тѣ не были оставлены безъ строгаго правительственнаго контроля. Въ 1776 г. дано дозволеніе завести типографію и для русскихъ книгъ иностранцамъ Вейбрехту и Шнору; а въ 1780 г. тотъ же Шноръ получилъ разрѣшеніе завести типографію въ Твери. Въ январѣ 1783 г. дозволено, наконецъ, заводить вольныя типографіи кому угодно, *не спрашивая ни у кою дозволенія*, только съ тѣмъ, чтобы всѣ печатаемыя книги были свидѣтельствуемы Управою Благочинія (П. С. З. № 15,633). Это дозволеніе также было прославлено въ свое время русскою литературою, и сама императрица придавала ему большое значеніе. Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся ею въ 1783—84 г., напечатаны были извѣстные «Вопросы» фонъ-Визина, между которыми былъ слѣдующій: «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» Екатерина отвѣчала съ величественнымъ лаконизмомъ: «*оттого, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было*». Этотъ отвѣтъ привелъ въ восторгъ и умиленіе фонъ-Визина: сатирикъ увидѣлъ здѣсь косвенное дозволеніе частнымъ лицамъ печатать судебныя дѣла и рѣшенія. Въ особомъ письмѣ, напечатанномъ въ томъ же «Собесѣдникѣ» (ч. V, стр. 145), онъ краснорѣчиво излагаетъ пользу судебной гласности. «Отвѣтъ вашъ, — пишетъ онъ, — подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностью, десницу правосуднѣйшія и премудрыя монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная похвала праведнымъ судіямъ, возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ», и пр.

Однако же судебные процессы не печатались у насъ при Екатеринѣ,—неизвѣстно по какимъ причинамъ. Была одна попытка въ 1791 г. Нѣкто Василій Новиковъ сталъ тогда издавать «Театръ судовѣдѣнія, или чтеніе для судей», въ которомъ печаталъ замѣчательныя судебныя дѣла иностранныя и нѣсколько русскихъ, обыкновенно такихъ, въ которыхъ, по его выраженію, «нельзя было *не восплескать* мудрости судей». Но очевидно, что это было совсѣмъ не то, о чемъ говорилъ фонъ-Визинъ, и оттого неудивительно, что изданіе В. Новикова не пошло и прекратилось по выпускѣ шести книжекъ. Для насъ въ этомъ изданіи замѣчательно то, что и въ 1791 г. говорились о гласности тѣ же самыя фразы, какія, какъ мы видѣли, были въ ходу въ

1769 г. Вотъ, напримѣръ, тирада изъ IV части: «Подъ покровомъ владычествующія на сѣверѣ Минервы, всѣ части человѣческихъ познаній достигаютъ своего совершенства. Ободренныя музы, будучи доступны къ ея престолу, вѣщаютъ ей о всемъ устнами самыя истины. Отверзаются врата ѳемидина храма, вступаютъ въ него минервины други; корыстолюбивый и незнающій судья трепещетъ, а достойный готовится къ новому торжеству своихъ подвиговъ» («Театръ судов.», ч. IV, стр. 4).

Во всѣхъ подобныхъ возгласахъ было очень много реторическаго самодовольства. Писатели того времени, не обращая вниманія на публику, для которой они писали, не думая о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительный успѣхъ добрыхъ идей, придавали себѣ и своимъ словамъ гораздо болѣе значенія, нежели слѣдовало. Когда имъ дозволяли сказать что-нибудь рѣзкое, они были убѣждены, что это означаетъ желаніе осуществить на дѣлѣ эти рѣзкія слова. Но, разумѣется, гораздо основательнѣе было бы судить объ этомъ иначе, и мы не можемъ не привести здѣсь сужденія типографщика Селивановскаго, которое находится въ его «Запискахъ», помѣщенныхъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» прошлаго года (№ 17, стр. 518). «Цензуры въ то время (около 1790 г.) не было,—пишетъ онъ,—книги разсматривались при управѣ или оберъ-полицеймейстеромъ, то-есть предъявлялись, но не читались. *Въ ту пору книга была нѣчто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна*». Глубокую справедливость этого замѣчанія подтверждаютъ факты, послѣдовавшіе за 1783 годомъ. Немедленно послѣ дозволенія, даннаго въ этомъ году на открытіе вольныхъ типографій, ихъ развелось очень много, и книжная дѣятельность чрезвычайно усилилась. Новиковъ, еще въ 1779 году взявшій на откупъ московскую университетскую типографію и очень усердно печатавшій въ ней книги, теперь еще болѣе расширилъ свою дѣятельность заведеніемъ собственной типографіи и «компаніи типографической». Тутъ уже стали обращать серьезное вниманіе на литературу и нѣсколько опасаться *свободоязычія*, котораго Екатерина, какъ видно по всему, очень не любила. На вопросъ фонъ-Визина: «имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ — удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, *а нынче имѣютъ и весьма большіе?*»—Екатерина отвѣчала: «сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ» (Соч. Ек. III, 31). Подобное этому свободоязычіе увидѣла она и въ изданіяхъ Новикова, и какъ скоро замѣтила, что оно можетъ повести къ какимъ-нибудь послѣдствіямъ «для спокойствія ея и всеобщаго вреднымъ», то и рѣшилась прекратить его. Уже въ 1784 году за напечатаніе неблагопріятной для іезуитовъ исторіи ихъ ордена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 69—71) она выразила свой гнѣвъ на Новикова и велѣла отобрать эти листы «Вѣдомостей», объяснивъ причину своего гнѣва слѣдующимъ образомъ: «ибо давъ покровительство наше сему ордену, *не можемъ дозволить, чтобы отъ кого-либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было*» (См. «Моск.» 1843 года № 1, стр. 241). Въ 1785 году наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ, въ 1786 г. повелѣно было запретить въ продажѣ нѣкоторыя книги, у него напечатанныя и «наполненныя странными мудрствованіями» (П. С. З. № 16,362). Еще болѣе гнѣвъ Императрицы на литературу возбужденъ былъ извѣстнымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», Радищева. Сентября 4-го, 1790 г., данъ былъ указъ о ссылкѣ его на десять лѣтъ въ Сибирь, за изданіе книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противъ сана и власти царской» (П. С. З. № 16,901). Въ 1791 г., вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ расположеній, должна была закрыться типографическая компанія. Въ 1792 г. Новиковъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, а нѣкоторые изъ его друзей сосланы на житье въ деревни. Наконецъ, въ 1796 г., сентября 16, послѣдовалъ именной указъ Сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и объ упраздненіи частныхъ типографій» (П. С. З. № 17,508). Въ указѣ этомъ говорится, что, «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признано за нужное: 1) учредить цензуру въ столицахъ и пограничныхъ приморскихъ городахъ, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую; 2) частными людьми заведенныя типографіи, въ разсужденіи злоупотребленій отъ того происхо-

дящихъ, упразднить, тѣмъ болѣе, что для печатанія *полезныхъ и нужныхъ* книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ». Эта мѣра уже слишкомъ рѣшительна; но Екатерина не опасалась на ней настаивать и, за нѣсколько дней до своей смерти, октября 22, подтвердила повелѣніе объ уничтоженіи вольныхъ типографій (П. С. З. № 17,523). Постановленія о цензурѣ были развиты и организованы въ царствованіе Павла.

Въ сущности, конечно, и эти мѣры Екатерины, при всей ихъ крайности, не достигли цѣли, какъ сознавалось потомъ само наше законодательство. Запрещеніе печатать книги въ вольныхъ типографіяхъ было вызвано подозрѣніями, не имѣвшими прочнаго основанія, какъ доказали послѣдствія. Подозрѣнія эти получили свою силу преимущественно вслѣдствіе опасеній Екатерины, чтобы въ Россіи не отозвалось то волненіе умовъ, которое въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія совершалось во Франціи. Но состояніе тогдашняго русскаго общества вовсе не было таково, чтобы въ немъ могло развиться что-нибудь серьезно опасное для существующаго порядка. Книга Радищева составляла едва ли не единственное исключеніе въ ряду литературныхъ явленій того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, противъ нея и можно было употребить столь сильныя мѣры. Впрочемъ, если бы этихъ мѣръ и не было, все-таки «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» осталось бы явленіемъ исключительнымъ, и за авторомъ его послѣдовали бы, до конечныхъ его результатовъ, развѣ весьма немногіе. Стало быть, съ этой точки зрѣнія, излишнія строгости противъ тогдашняго книгопечатанія были совершенно ненужны. Екатерина ни въ какомъ случаѣ не могла страшиться неблагосклонныхъ отзывовъ и «противныхъ ея и всеобщему спокойствію» выходокъ со стороны литературы, которая всегда такъ усердно и громко прославляла ее и всегда была готова безпрекословно слѣдовать по указанному отъ нея направленію. Если же предположить другую цѣль строгостей Екатерины, т.-е. ту, чтобы вообще менѣе писали и разсуждали, то и въ этомъ отношеніи ея мѣры вовсе не достигли цѣли. Русское общество даже и въ то время такъ уже привыкло «читать книгу», что невозможно было вовсе лишить его «книги», выгнать «книгу» изъ государства... Что̀ бы тамъ ни печаталось, что̀ бы ни говорилось, до этого обществу дѣла еще не было; но «книга» была ему нужна. Вслѣдствіе того, въ самомъ указѣ объ упраздненіи всѣхъ вольныхъ типографій упомянуто объ оставленіи «достаточнаго количества типографій при училищахъ, для напечатанія нужныхъ и полезныхъ книгъ», и, кромѣ того, дано дозволеніе «быть типографіямъ въ губерніяхъ при намѣстническихъ правленіяхъ, для облегченія тамошнихъ канцелярій». По свидѣтельству Сопикова (Оп. Рус. Библ. I, стр. 40), всѣ упраздненныя типографіи немедленно и разошлись по губерніямъ. Кромѣ того, найденъ былъ, разумѣется, и другой способъ распространенія въ публикѣ сочиненій, которыя почему-нибудь имѣли для нея интересъ... Вслѣдствіе всего этого, Императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 9 февраля 1802 г., снова далъ дозволеніе привозить изъ-за границы всѣ иностранныя книги и заводить повсемѣстно вольныя типографіи. Въ указѣ этомъ находится прямое и откровенное указаніе на причины, вызвавшія распоряженіе императора. Упомянувъ сначала о запрещеніи 1796 г., указъ продолжаетъ: «но какъ, съ одной стороны, внѣшнія обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительство побудившія, прешли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой—*пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли*, то по уваженіямъ симъ и признали мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее положеніе»... Далѣе, послѣ разрѣшенія вновь заводить вольныя типографіи и печатать въ нихъ всякія книги съ освидѣтельствованіемъ Управы Благочинія, въ указѣ повелѣвается—«цензуры всякаго рода, въ городахъ и при портахъ учрежденныя, *яко уже не нужныя*, упразднить» (П. С. З. № 20,139). Вскорѣ послѣ того, въ 1804 г., изданъ первый цензурный уставъ, усовершенствованный потомъ въ 1828 г.

Такимъ образомъ, обращаясь снова къ литературѣ, и преимущественно сатирѣ екатерининскаго времени, мы должны сказать, что сатирики были не совсѣмъ правы, воображая, будто имъ такъ ужъ и позволятъ печатать все, что̀ бы ни пришло въ голову. Но за это, разумѣется, нельзя строго судить ихъ: во-первыхъ, послѣ Бирона, послѣ ужаснаго «слова и дѣла», та льгота, какая была дана при Екатеринѣ, должна была показаться верхомъ всякой свободы; во-вторыхъ, литература наша въ то время была еще такъ нова, такъ несовершеннолѣтня, что не могла не увлекаться и не обольщаться, когда ей давали позволеніе поиграть и порѣзвиться, и очень легко могла вѣрить

въ міровое значеніе своихъ забавъ. При томъ же, бо̀льшая часть тогдашнихъ литераторовъ даже и не видѣла грани, которая отдѣляла позволенное имъ — игрушечное, отъ непозволеннаго — серьезнаго. И почти ни у кого не являлось охоты переступить эту грань, потому что вся литература тогда была дѣломъ не общественнымъ, а занятіемъ кружка, очень незначительнаго...

При такомъ положеніи дѣлъ можетъ быть странно только одно: какимъ же образомъ сатирики въ теченіе десятковъ лѣтъ могли оставаться въ столь забавной иллюзіи, воображая, что отъ ихъ словъ можетъ произойти «поправленіе нравовъ» въ цѣлой Россіи? Но и это объясняется довольно удовлетворительно двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тѣмъ, что сатира не отдѣляла своего дѣла и своихъ стремленій отъ идей и распоряженій правительства, подававшихъ тогда, особенно сначала, весьма большія надежды; во-вторыхъ, тѣмъ, что, разъ ставши подъ покровительство «Премудрыя Минервы», сатирики того времени могли позволить себѣ въ самомъ дѣлѣ значительную свободу въ своихъ обличеніяхъ частныхъ недостатковъ и злоупотребленій. Оба эти обстоятельства требуютъ нѣсколько подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Восшествіе на престолъ императрицы Екатерины, какъ можно видѣть даже изъ учебника Устрялова (ч. II, стр. 133—167), совершилось столь счастливо потому всего болѣе, что предшественникъ ея навлекъ на себя своими распоряженіями всеобщее негодованіе. До сихъ поръ не были у насъ изображены всѣ обстоятельства ея вступленія на царство; но недавно г. Иловайскій, по давно извѣстнымъ источникамъ иностраннымъ, напечаталъ и на русскомъ языкѣ почти всѣ подробности этого дѣла (См. «От. Зап.» 1859 г., № IX), и, слѣдовательно, о нихъ можно говорить положительнѣе. Впрочемъ, намъ даже нѣтъ надобности говорить отъ своего лица: стоитъ только привести двѣ выдержки изъ манифеста, изданнаго Екатериною тотчасъ по вступленіи на престолъ, и намъ будетъ совершенно ясно, въ какомъ положеніи становилась она съ самаго начала предъ лицомъ своихъ подданныхъ. Въ началѣ манифеста она указываетъ на общее неудовольствіе русскихъ противъ Петра и затѣмъ продолжаетъ описывать его поступки слѣдующимъ образомъ (Указы Екат. II съ 1762 по 1763 г., стр. 18):

«Между тѣмъ, когда все отечество къ мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, онъ паче и паче старался умножать ѳскорбленіе развращеніемъ всего того, что великій въ свѣтѣ монархъ и отецъ своего отечества, блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти государь императоръ Петръ Великій, нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ неусыпнымъ трудомъ тридцатилѣтняго своего царствованія, а именно: законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе о нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству Россійскому крайне безполезную: возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобь носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ и усердно за вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе. Неутомимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ столь чувствительно напослѣдокъ стали отвращать вѣрность россійскую отъ подданства къ нему, что ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его, и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его. Но заповѣдь Божія, которая въ сердцахъ нашихъ вѣрноподданныхъ обитаетъ къ почитанію власти предержащей, до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное его собственнымъ паденіемъ».

Разсказавши затѣмъ всю исторію переворота и приведши вполнѣ письмо Петра, въ которомъ онъ отрекается отъ престола, Екатерина переходитъ къ объясненіямъ относительно ея собственныхъ намѣреній и понятій о власти, ею принятой. Вотъ заключеніе манифеста (Указы, стр. 22—23):

«Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали. Въ заключеніе же сего неисповѣдимаго промысла Божія, мы всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставимъ денно и ночно, да поможетъ намъ поднять скипетръ *въ соблюденіе нашего православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе любезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ насъ на вся благая.* А какъ наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь *наиторжественнѣйше объщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ, узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и*

нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству сыновъ вывести изъ уныніи и оскорбленія. Напротиву того не сумнѣваемся, что всѣ наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, почему и мы пребудемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнны Нашею Высочайшею императорскою милостію. Данъ въ Санктпетербургѣ, іюля 6-го дня, 1762 года».

Понятно значеніе подобнаго манифеста: взявъ въ свои руки власть отъ человѣка, которымъ были недовольны, Екатерина, очень естественно, старается показать всѣмъ, что въ ея рукахъ эта власть не будетъ уже источникомъ недовольства. Вслѣдствіе этого она «наиторжественнѣйше обѣщаетъ» сдѣлать такія постановленія, которыя «сохранятъ добрый во всемъ порядокъ и предохранятъ цѣлость имперіи и самодержавной власти». Послѣднее указаніе очень важно: оно доказываетъ, что обѣщанія императрицы не были фразою, довольно обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ, а вызваны были дѣйствительною необходимостью. Она чувствовала, что ей нужно добрымъ управленіемъ сохранить и упрочить свою власть, и поспѣшила всенародно высказать свое убѣжденіе. Такихъ данныхъ уже совершенно достаточно было образованнымъ людямъ того времени — и особенно писателямъ, людямъ скромнымъ и негосударственнымъ — для того, чтобы предаться отраднымъ ожиданіямъ и даже представить себѣ уже осуществленною мечту далекаго будущаго о златомъ вѣкѣ. И нельзя сказать, чтобъ ихъ мечты не имѣли основанія: въ первые годы царствованія Екатерины каждый сколько-нибудь важный указъ ея начинался заявленіемъ материнской ея заботливости о благѣ народномъ, и во многихъ указахъ, дѣйствительно, дѣлались льготы и улучшенія, какія были нужны по тогдашнему времени. Одно уничтоженіе тайной канцеляріи было уже такою мѣрою, которая способна была внушить всякому наилучшее расположеніе къ правительству и полное довѣріе къ его гуманности. Извѣстно, какое страшное орудіе составляла тайная канцелярія, вмѣстѣ съ «словомъ и дѣломъ» въ рукахъ клевретовъ Бирона; извѣстно также, что не одинъ Бирономъ пользовался этимъ ужаснымъ средствомъ держать всѣхъ въ безмолвномъ страхѣ и повиновеніи. Со времени Петра I тайная канцелярія, подъ разными названіями, постоянно, въ теченіе полвѣка, были страшилищемъ народа. Петръ III, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 21-го февраля 1762 г., уничтожилъ ее (П. С. З. № 11,445), но Екатерина новымъ указомъ, 19-го октября того же года (П. С. З. № 11,678), еще разъ ее уничтожила и вторично запретила ненавистное «слово и дѣло», повторивши слово въ слово весь указъ о томъ Петра III. Въ указѣ этомъ, по обычаю того времени, излагаются и побудительныя причины принятаго рѣшенія. Начало указа таково:

«Всѣмъ извѣстно, что ко учрежденію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярій, сколько разныхъ имянъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, вѣчной славы достойныя памяти, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ: то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ, или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Мы, послѣдуя нашему человѣколюбію и милосердію, и прилагая крайнее стараніе не только неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подавать способы къ ихъ исправленію: повелѣваемъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи не быть, и оную совсѣмъ уничтожить; а дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей канцеляріи принадлежали бъ, смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ Сенатѣ. Но дабы сія наша милость для всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ совершенное дѣйство имѣла, а напротиву того не показалась бы безстрашно составлять хотя и тщетные, и всегда на собственную погибель злодѣевъ обращающіеся умыслы противу нашего императорскаго здравія, персоны и чести нашего величества, то-есть перваго указомъ 1730 года, апрѣля 14 дня, описаннаго пункта, или же завести бунтъ, или сдѣлать измѣну противъ насъ и государства, то-есть втораго, тѣмъ же указомъ истолкованнаго пункта: то восхотѣли мы чрезъ сіе точнѣе объявить наши соизволенія; и потому:

1) Выше помянутая тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда; а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ; но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся.

2) Ненавистное изреченіе, а именно: «слово и дѣло», не долженствуетъ значить отъ нынѣ ничего; и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А есть-ли кто отнынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ, или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники.

3) Напротиву того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому, или второму пункту: такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ ближайшему жъ воинскому командиру немедленно явиться, и доносъ свой на письмѣ подать; а только въ случаѣ, есть-ли кто не умѣетъ грамотѣ, тотъ можетъ доносить словесно, однакожъ не инако, какъ тѣмъ порядкомъ, то-есть, пришедъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ воинскому командиру со всякимъ благочиніемъ».

Далѣе говорится подробно о томъ, какъ поступать съ доносчиками, чтобы дознаться,

справедливъ ли доносъ. Доносчика велѣно брать подъ караулъ, разспрашивать, впрочемъ безъ пытки, изслѣдовать его прежнюю жизнь и поведеніе, дѣлать строгую повѣрку его словъ, не принимать доносовъ отъ преступниковъ предъ казнью, за ложный доносъ наказывать, и пр... Словомъ, мѣры для отвращенія клеветъ и ложныхъ доносовъ приняты самыя благоразумныя. Въ заключеніе говорится: «Объявляемъ при томъ точно нашимъ императорскимъ словомъ, что за справедливый доносъ всегда учинено будетъ, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе, а напротиву того—виноватые, также смотря по дѣлу, или нарочно учреждаемою на то время коммиссіею, или же какимъ учрежденнымъ уже судебнымъ мѣстомъ по сущей правдѣ и справедливости судимы будутъ»...

Читая этотъ указъ въ 1762 г., современники, разумѣется, не могли предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ явится на поприщѣ полицейскихъ изслѣдованій знаменитый Шешковскій, и что послѣдующія обстоятельства заставятъ самоё же Екатерину возстановить, къ концу своего царствованія, уничтоженную ею тайную канцелярію, подъ именемъ тайной экспедиціи. Да если бъ это и могли предвидѣть, то все-таки не могли не радоваться при данномъ облегченіи, хотя бы и на краткое время.

Но не одно уничтоженіе тайной канцеляріи привлекло къ Екатеринѣ сердца ея подданныхъ въ самомъ началѣ ея царствованія. Она и вообще каждымъ своимъ распоряженіемъ напоминала, что она, по ея выраженію въ «секретнѣйшемъ наставленіи» кн. Вяземскому, при опредѣленіи его генералъ-прокуроромъ (см. «Чт. Моск. Общ. Ист.» 1858 г., кн. I. Смѣсь, стр. 101), «иныхъ видовъ не имѣла, какъ найвящее благополучіе и славу отечества; иного не желала, какъ благоденствія своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были». Въ указѣ «о выходѣ бѣглымъ изъ-за границы», данномъ 19 іюля 1762 г., то-есть, черезъ три недѣли по вступленіи Екатерины на престолъ, она говоритъ: «Положили мы главнымъ намѣреніемъ нашимъ, чтобъ всегдашнее стараніе имѣть о цѣлости нашея имперіи и о благоденствіи вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, *чему мы и дѣйствительные опыты въ краткое время государствованія нашего показали и впредь еще больше, да и съ великимъ удовольствіемъ, о томъ попеченіи прилагать не оставимъ*» (П. С. З. № 11,618). И дѣйствительно, немедленно по вступленіи на престолъ Екатерина отмѣнила разныя обременительныя положенія, утвержденныя Петромъ III, относительно гвардейскихъ полковъ, увеличила жалованье и пайки солдатамъ нѣкоторыхъ полковъ; велѣла понизить повсюду цѣну соли, объявила амнистію всѣмъ бѣглымъ, скрывавшимся въ Польшѣ и Литвѣ, установила апелляціонные сроки для тяжебныхъ дѣлъ, издала подробный указъ «о коммерціи, торгахъ и откупахъ», въ отмѣну указа Петра III отъ 28 марта, въ которомъ оказались «многія неудобства, клонящіяся ко вреду и тягости общенародной» (П. С. З. № 11,630); повелѣла, «вмѣсто бывшихъ сыщиковъ, сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ *благопристойнѣйшее* учрежденіе, какъ бы воровъ и разбойниковъ искоренять» (П. С. З. № 11,634); весьма рѣзко и энергически возстала противъ лихоимства... Словомъ, почти съ каждымъ днемъ являлись новые знаки ея заботливости о благосостояніи государства, и при этомъ нужно еще замѣтить, что Екатерина нисколько не старалась замаскировать печальное положеніе, въ которомъ она застала государство, принимая власть въ свои руки. Напротивъ, она сама старалась выставлять сколько можно рѣзче существовавшее до нея зло, чтобы тѣмъ болѣе заставить цѣнить тѣ мѣры, какія принимались ею для уничтоженія этого зла. Вотъ, напримѣръ, манифестъ ея «о лихоимствѣ», данный 18 іюля 1762 г., спустя 20 дней послѣ воцаренія Екатерины. Сила и откровенность его должны поразить удивленіемъ даже и современнаго читателя, для котораго тогдашнее положеніе дѣлъ есть уже преданіе чуть не миѳологическое.

«Божіимъ содѣйствіемъ престолъ нашъ утвердивши, вступили мы дѣломъ самымъ въ правленіе всего государства, тѣмъ усерднѣе, чѣмъ больше народное обремененіе и государственныя нужды того отъ насъ востребовали.

«Мы уже манифестомъ нашимъ отъ 6 сего мѣсяца объявили всенародно и торжественно, что наше главное попеченіе будетъ изыскивать всѣ средства къ утвержденію правосудія въ народѣ, которое есть первое отъ Бога намъ преданное святымъ Его писаніемъ повелѣніе, дабы милость и судъ мы оказывали всѣмъ нашимъ подданнымъ и сами себя непостыдно оправдать могли предъ Богомъ, въ хожденіи по заповѣди Его. Сіе есть путь нашъ непорочный, которымъ мы, изыскивая блаженство нашего народа, ищемъ достигнуть будущаго вѣчнаго за то воздаянія. Почему за долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный—объявить въ народъ съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, *до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, такъ что едва есть-ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе* (судъ) *безъ зараженія сей язвы отправлялося*. Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами; напротиву того многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ; вмѣняя себѣ, ввѣрен-

ное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго, за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дому своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ, претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы мы о всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ того же мнѣнія были; но добросовѣстные и честные люди, которыми государство наше наполнено, не измѣнятъ лица своего, слыша и читая сіе наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодованіе, а причастники сего зла, всеконечно, должны угрызеніе своей совѣсти почувствовать, *тѣмъ паче, когда они воззрятъ только на наше дѣйствіе, въ которомъ намъ Богъ предводительствовалъ, и на наше праведное предъ Богомъ намѣреніе, съ какимъ мы воцарилися. Не снисканіе высокаго имени обладательницы россійской, не пріобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ царей земныхъ намъ можно обогатиться, не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видѣли, желаніе, насъ понудили принять сіе бремя правительства.* Почему мы не токмо все, что имѣемъ, или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченіе подъемлемъ для славы и обогащенія народа нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества нашего, *сколь трудно бы было намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало нашему желанію, и сколь при томъ огорчительно, когда мзда и корысть оными обладаютъ въ сердцахъ таковыхъ злонравныхъ,* которые, забывъ многіе предковъ нашихъ блаженной и вѣчнодостойной памяти государей, а особливо дѣда нашего вселюбезнѣйшаго, государя императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судей недостойно, а лихоимцевъ праведно имя носятъ и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздопріимствомъ, льстя себя надеждою, что все, что они дѣлаютъ по лакомству, прикрыто будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ, а Сердцевѣдца Бога не памятуютъ Судью Всевышняго, Который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными и насъ самихъ, яко законоположительницу, наконецъ побудитъ на гнѣвъ и отмщеніе. Таковымъ примѣрамъ, которые вкоренилися отъ единаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче во отдаленныхъ находящіеся *и самые малые судьи, управители и разные къ досмотраламъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей, не токмо за дѣла безвинныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ дѣлѣ во зло только или истолкованныхъ и раззоряя ихъ за то домы и имѣнія,* но и за такія, которыя не инако, какъ нашего благоволенія и милости высочайшей достойны, такъ что *сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ* нашего лейбъ-кирасирскаго вице-полковника *князя Михаила Дашкова, что въ проѣздѣ его нынѣ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, нѣкто новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ремберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ;* котораго Рембера мы и повелѣли сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу, по единому только еще нашему матернему милосердію; потому что онъ за такое ужасное, хотя малокорыстное преступленіе праведно лишенъ быть долженъ живота.

«Сильное однакожъ наше на Бога упованіе и природное наше великодушіе не лишаетъ насъ еще надежды, чтобъ всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосерднаго къ нимъ напоминанія нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда божественная поборствовать должна, скверное лакомство и лихоимство; и потому, видя нашу умѣренность матернюю ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не отчаяваемся, чтобъ каждой, вразумя себѣ наше сіе милостивое упоминаніе, не отринулъ отъ себя прежнихъ поступковъ, ежели онъ ими зараженъ былъ. Но когда и послѣ сего, что при вступленіи нашемъ на престолъ, въ совершенномъ еще незлобіи сердца нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріемникамъ мы восхотѣли сдѣлать увѣщаніе милосердное, не подѣйствуетъ оное въ сердцахъ ихъ окаменѣлыхъ и зараженныхъ сею пагубною страстію; *то вѣдали бы они же, что мы установленнымъ противу сего зла закономъ сами за правило себѣ примемъ и впредь твердо содержать будемъ, повиноваться не давъ уже болѣе милосердію нашему мѣста. По чему и никто обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только жалоба до насъ дойдетъ праведная) яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ въ пути непорочномъ царствованія нашего Богу и народу обѣщали.* Данъ въ Санктпетербургѣ іюля 18 дня 1762 года».

Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе рѣшительное, самоувѣренное и откровенное, чѣмъ этотъ манифестъ. Здѣсь не только прямо указывается зло, не только дѣлаются обѣщанія въ общихъ словахъ, но даже называется по имени преступникъ, сообщается во всеобщее свѣдѣніе сдѣланное ему наказаніе, и прямо объявляется, что манифестъ этотъ изданъ именно для предупрежденія другихъ отъ подобныхъ поступковъ, за которыми послѣдуетъ строгое наказаніе. Но, не ограничиваясь и этимъ, императрица выказываетъ еще болѣе искренности и откровенности, говоря, что самый способъ ея восшествія на престолъ заставляетъ ее какъ можно болѣе стараться о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя неудовольствія, и что этого она не можетъ иначе достигнуть, какъ позаботясь о водвореніи въ государствѣ правосудія. Изъявленія своихъ намѣреній, сдѣланныя подобнымъ образомъ, съ представленіемъ такихъ причинъ, необходимо должны были увлечь самыхъ упорныхъ скептиковъ, если бы таковые нашлись. И это тѣмъ болѣе, что подобныя расположенія высказывались Екатериною не въ однихъ торжественныхъ манифестахъ и указахъ, но даже въ секретныхъ ея приказаніяхъ ближайшимъ къ ней лицамъ. Въ примѣръ этого можно указать на «Секретнѣйшее наставленіе» кн. Вяземскому, данное ему при опредѣленіи его въ генералъ-прокуроры и недавно напечатан-

ное въ «Чтеніяхъ». Наставленіе это показываетъ, между прочимъ, и то, какъ зорко смотрѣла Екатерина на многіе насущные вопросы и какъ хорошо понимала она всю совокупность государственнаго управленія. Кн. Вяземскій опредѣленъ генералъ-прокуроромъ въ 1774 году, и, слѣдовательно, документъ этотъ относится къ самому началу царствованія Екатерины. Приведемъ изъ него нѣкоторые пункты («Чт. М. О. И.» 1858 г. К. I, стр. 101—104).

«4-е. Всѣ мѣста, и самый Сенатъ, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ не прилежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, — однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ предоставить, до чего, однакоже, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, есть-ли оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. *Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется; одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ.* Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны: однакожъ, покамѣстъ я живу, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники суть.

«5-е. Весьма, по обширности имперіи, *великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ;* а у насъ, по счетамъ монетнаго департамента, не болѣе 80.000.000 рублей серебромъ въ народѣ, которую сумму, расположа по числу людей, придетъ по 4 руб. на человѣка, есть-ли еще не менѣе. *Разные были проекты, изъ которыхъ наконецъ, вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобъ;* однакожъ, пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а паче въ ономъ стараться надлежитъ, какъ уже начато, чтобъ не было разнаго вѣсу монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла, *да чтобъ серебро всевозможнымъ способомъ вовлечь въ государство такъ, какъ хлѣбнымъ торіомъ, какъ о томъ и коммиссіи о коммерціи уже приказано.*

«6-е. О выписаніи серебра инаго сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна, и многихъ о семъ непріятно слышать; однакожъ вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть. Все сіе пишу, дабы васъ ввести въ наисекретнѣйшія матеріи, дабы вы въ семъ, при вступленіи въ дѣла, не новы были, и могли сами разбирать, которыя дѣйствительно полезны, или только оными быть кажутся.

«7-е. Труднѣе вамъ всего будетъ править канцеляріею сенатской, и не быть подчиненными обмануту. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французской кардиналъ де-Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикаморою, понеже всѣ праздноживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады.

«8-е. *Законы наши требуютъ поправленія.* 1-е) чтобъ все ввести въ одну систему, которой и держаться надлежитъ; 2-е) чтобъ отрѣшить тѣ, которые оной прекословятъ; 3-е) чтобъ раздѣлить временные и на персонъ данные отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ. О семъ уже было помышляемо, но короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство еще не допустила.

«9-е. *Великое отяощеніе есть для народа соль и вино,* на такомъ основаніи, какъ оныя находятся. Въ корчемствѣ столько винныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли; а что пресѣчь нельзя, не худо бы къ тому *изыскивать способы къ поправленію и облегченію народному.*

«10-е. Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было; однакожъ, *и назвать ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью — глупость.* Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ они перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу».

Нѣтъ сомнѣнія, что наставленій подобнаго рода, какъ письменныхъ, такъ еще болѣе изустныхъ, не мало составлено было Екатериною въ первые годы ея царствованія. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что они производили хотя нѣкоторое дѣйствіе и на тѣхъ, которые были исполнителями ея воли. Все должно было проснуться отъ древней дремоты; апатическій застой невѣжественнаго общества долженъ былъ уступить мѣсто смѣлому и быстрому стремленію впередъ, къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ во всѣхъ частяхъ народнаго быта и государственнаго управленія. Мы видѣли, что Екатериною было поднято чрезвычайно много существеннѣйшихъ вопросовъ государственной жизни; что она не оставила безъ вниманія ни финансы, ни торговлю и промышленность, ни положеніе войска, ни судопроизводство, ни законодательство. Въ особенности, относительно законодательства, она дала такіе задатки своего мудраго попеченія о благѣ народа, что возбу-

дила изумленіе цѣлой Европы. Извѣстенъ фактъ созванія ею коммиссіи для составленія новаго уложенія. Въ январѣ 1767 г. объявлено было, чтобы въ теченіе полугода собрались въ Петербургъ депутаты изъ всѣхъ провинцій Россіи: отъ всѣхъ племенъ и сословій, не исключая и крестьянъ. Въ іюлѣ, дѣйствительно, собрались депутаты, коммиссія была открыта и получила себѣ въ руководство знаменитый «Наказъ» (П. С. З. № 12,945 и 12,949). Коммиссія составилась изъ 645 депутатовъ; на нее отпущено было 200,000 рублей; въ декабрѣ 1768 г. она пріостановлена, ничего не сдѣлавши. Срокъ окончанія ея занятій нѣсколько разъ былъ отстрочиваемъ: сначала до 1 мая 1772 г., потомъ до 1 августа, потомъ до ноября, затѣмъ до 1 февраля 1773 г. Наконецъ, оказавшись совершенно неспособною къ законодательству, коммиссія для составленія проекта новаго уложенія осталась только по имени; въ 1796 г. она была переименована Павломъ I въ коммиссію составленія законовъ, въ 1804 г. снова преобразована, и т. д. Но несмотря на *нѣкоторую безплодность созванія* государственныхъ сословій въ 1767 году, оно произвело въ то время необыкновенный восторгъ не только въ русскихъ, но и за границею. «Наказъ» обошелъ всю Европу, какъ блистательное свидѣтельсто высокихъ качествъ ума и сердца императрицы русской. Созваніе (по выраженію объяснителя къ сочиненіямъ Державина) «депутатовъ изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ Россійскую имперію, отъ дальнѣйшихъ краевъ Сибири, камчадаловъ, тунгусовъ, отъ каждой области по два человѣка, даже якутовъ, и пр.»—оставило памятникъ по себѣ и въ слѣдующихъ стихахъ пѣвца Екатерины (Держ. I, стр. 144):

Ее изобрази мнѣ ты,
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижалей заповѣдь святыхъ,
Чтобы вселенна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ;
Чтобъ дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ...

Но особенно рельефно выразился всеобщій энтузіазмъ того времени къ великому начинанію—въ рѣчи, которая произнесена была представителемъ всѣхъ депутатовъ, 27 сентября 1767 г., при поднесеніи императрицѣ титула «Премудрой, Великой, Матери отечества». Мы приведемъ изъ этой рѣчи, помѣщенной въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 12,978) двѣ тирады: одна изображаетъ мрачное положеніе Россіи предъ вступленіемъ на престолъ Екатерины, другая—благоденствіе отечества подъ ея правленіемъ.

Плачевное отечества нашего состояніе до преславнаго и навѣки достопамятнаго восшествія Богомъ избранныя и вѣнчанныя всеавгустѣйшія нашея самодержицы на всероссійскій императорскій престолъ, не токмо всѣмъ россіянамъ, но и цѣлому свѣту извѣстно. Когда мысленно воззримъ на минувшее, духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы *вѣру поруганную, законы приведенные въ замѣшательство, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Государственные доходы истощались, потеряна была довольность, и угнетена торіовля; грабительство, лакомство, корыстолюбіе и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ лицъ ободренные, возростали съ гибелью народа* и усугубляли бѣдствія отечества нашего, и наконецъ вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку...

Перемѣна дивная вдругъ послѣдовала! Радость прогнала тьму печалей... Со дня восшествія ея императорскаго величества на престолъ всѣ дни ея можно исчислить благодѣяніями; *вреды и неустройства исправлены и прекращены; православная вѣра наша торжествуетъ* и зритъ монархиню, дающую примѣръ подданнымъ во благочестіи; *правосудіе царствуетъ купно съ ея величествомъ на престолѣ.* Человѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. *Пороки исчезаютъ, и корень ихъ пресѣкается,* но съ кротостью исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели, подъ священною сѣнію престола, процвѣтаютъ; нужнѣйшія роду человѣческому искусства — земледѣліе и домоводство — монаршимъ взоромъ ободряются, торговля возрастаетъ, и съ нею изобиліе рукодѣлій умножается; *вездѣ введены полезныя учрежденія, и словомъ, во всѣхъ частяхъ государственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашея великія государыни сіяютъ и не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ.* Но, печась о настоящемъ, премудрая наша самодержица печется и *изливаетъ благодѣянія на времена и будущія,* и пр....

Эту рѣчь можно назвать первообразомъ той сатиры, которая получила такое развитіе въ журналахъ 1769—1774 гг. и разсмотрѣнію которой посвящена книга г. Аѳанасьева. Въ рѣчи депутатовъ мы видимъ двѣ половины, противоположныя одна другой; въ первой излагается ужасное положеніе Россіи до Екатерины, разстроенное до послѣдней степени и грозившее паденіемъ имперіи; во второй прославляются неимовѣрные успѣхи, совершонные Россіею въ пятилѣтній періодъ отъ 1762 до 1767 года. Тѣ же двѣ стороны находимъ мы и въ сатирическихъ произведеніяхъ екатерининскаго времени: всѣ они съ необычайной рѣзкостію возстаютъ противъ общественныхъ пороковъ, но во всѣхъ выражается довольно ясно та мысль, что эти пороки и недостатки

суть исключительно слѣдствія стараго неустройства, остатки прежняго времени, и что теперь уже настала пора для ихъ искорененія, явились новыя условія жизни, вовсе имъ неблагопріятныя. Эта мысль, положенная въ основаніе всякаго обличенія, всякой сатиры, служитъ даже объясненіемъ рѣзкости тогдашнихъ журналовъ, удивительной и для настоящаго времени, когда наша гласность сдѣлала такіе огромные успѣхи! Сатирики 1770-хъ годовъ, проникнутые вѣрою въ близкое усовершенствованіе Россіи, вслѣдствіе принятыхъ императрицею мѣръ, считали священнымъ долгомъ содѣйствовать путемъ литературнымъ всѣмъ ея начинаніямъ. И чѣмъ болѣе проникались они благоговѣйнымъ восторгомъ къ дѣйствіямъ Екатерины, тѣмъ смѣлѣе и безпощаднѣе становилось ихъ обличительное слово противъ старыхъ злоупотребленій, потому что все доброе и полезное они соединяли съ волею императрицы, а все злое и недостойное разумѣли, какъ противоборство ея намѣреніямъ и желаніямъ. Такимъ образомъ, сатира на все современное общество являлась въ произведеніяхъ благородныхъ сатириковъ не чѣмъ инымъ, какъ особымъ способомъ прославленія премудрой монархини. Указывая недостатки управленія и карая вопіющія злоупотребленія во всѣхъ родахъ, сатирики отнюдь не думали дѣлать укоры самому правительству; напротивъ, они говорили: «вотъ какъ презрѣнны и низки нѣкоторые люди, не понимающіе благотворныхъ видовъ монархини и не желающіе имъ содѣйствовать». И, отправляясь отъ этой мысли, сатирики уже не церемонились съ «безумными и порочными», въ которыхъ видѣли противниковъ обожаемой монархини. Иногда обличенія тогдашнихъ журналовъ заключали въ себѣ и прискорбную мысль о томъ, что такъ трудно прогрессивному правительству бороться съ невѣжествомъ и недобросовѣстностью отсталыхъ людей; но это бывало очень рѣдко. Чаще же всего горькія истины обличенія скрашивались отраднымъ убѣжденіемъ, что все-таки дѣло прогресса идетъ впередъ, и что скоро правда и свѣтъ одержатъ рѣшительную побѣду надъ ложью и мракомъ. Издатель «Вечеровъ» въ самомъ началѣ своего журнала говоритъ о томъ, что «ябеды узловатѣе становятся, а крючки больше растутъ, подъячіе богатѣютъ», и пр. Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: «*однако вскорѣ возсіяетъ истина, исчезнутъ совстьмъ приказныя сплетни, воспоютъ музы, прославятъ царствующую на землѣ Астрею*, прославятъ такими стихами, которые ея достойны, а недостойные умолкнутъ» (Веч. Ч. I, стр. 5). Такія надежды — и не при началѣ только сатирическихъ изданій, а во все продолженіе царствованія Екатерины — выражались нерѣдко даже въ видѣ положительной увѣренности, хотя, обращаясь къ дѣйствительности, самъ авторъ тутъ же находилъ вещи, совершенно неидущія къ златому вѣку. Такъ, напримѣръ, Василій Новиковъ, въ посвященіи своего «Театра судовѣдѣнія», 1791 г., говоритъ: «во дни благословеннаго державствованія, *въ странѣ, гдѣ царствуетъ правосудіе, и торжествуетъ невинность, гдѣ изгоняется порокъ, и водворяется добродѣтель, гдѣ низится невѣжество, и возвышается просвѣщеніе*, въ сіи дни блаженства я, рожденный и воспитанный, пріемлю смѣлость», и пр... А черезъ нѣсколько страницъ, въ заключеніе своего предисловія, онъ же пишетъ: «*великимъ бы почелъ я торжествомъ* для моихъ трудовъ, если бы чтеніе сей книги заступило мѣсто карточной игры и другихъ пустыхъ времяпровожденій, столь мало приличныхъ важности судейскаго званія» («Т. Суд.» Ч. I, стр. 6). Сличенія подобныхъ мѣстъ могутъ наводить на мысль, что восторги тогдашнихъ писателей были не болѣе, какъ реторическою фразою, которая ставилась, можетъ быть, съ умысломъ, чтобы подъ ея защитою смѣлѣе поражать пороки. Но такое заключеніе будетъ несправедливо: характеръ всей сатиры екатерининскаго времени отличается самымъ искреннимъ уваженіемъ къ существующимъ постановленіямъ и преслѣдованіемъ исключительно однихъ только злоупотребленій. Доказательствомъ этого служитъ и манера обличеній, и даже внѣшняя исторія сатиры. Замѣчательно, что прекращеніе сатирическихъ журналовъ совпадаетъ съ концомъ первой турецкой войны и усмиреніемъ пугачевскаго бунта. Въ первые годы царствованія Екатерины было чрезвычайно много матеріаловъ для сатиры, потому что много было людей, осмѣлившихся возставать противъ правленія Екатерины. Въ 1762 году разносились по Россіи ложные слухи о ея намѣреніяхъ, издавались фальшивые манифесты, волновались крестьяне разныхъ мѣстностей, какъ видно изъ указовъ по этимъ предметамъ, данныхъ чуть не въ первые дни царствованія Екатерины. Въ 1763 г. составленъ былъ цѣлый заговоръ Хрущевыми и Гурьевыми; въ 1764 г. произошла попытка Мировича. Съ этихъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ, постоянно каждый годъ выходило по нѣскольку указовъ—то о публичномъ сожженіи пасквилей и о наказаніи тѣхъ, у кого они окажутся, то о предостереженіи отъ продерзкихъ рѣчей, то объ усмиреніи крестьянъ, увлекшихся ложными слухами. Въ 1771 г. было серьезное волне-

ніе по поводу моровой язвы; наконецъ, въ 1773 г. разразился пугачевскій бунтъ... Все это очень безпокоило тогдашнее правительство, и Екатерина прилагала всѣ старанія, чтобы своими распоряженіями привлечь къ себѣ сколько можно болѣе приверженцевъ и предупредить могшее возродиться недовольство. Однимъ изъ орудій ея въ этомъ дѣлѣ была литература. Конечно, въ тогдашнемъ обществѣ литература почти ничего не значила; но къ ней обратились, вѣроятно, отчасти вообще по естественной людямъ наклонности къ благопріятной для нихъ гласности, а всего болѣе—по соображенію того, какое значеніе имѣла литература, и особенно сатира, во французскомъ обществѣ. Видя, какъ французъ боится насмѣшки, зная, какое страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ, надѣялись, вѣроятно, что и въ Россіи сатира можетъ занять довольно почетное мѣсто въ ряду другихъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію противниковъ благихъ мѣръ Екатерины. Этимъ отчасти можетъ быть объяснено даже то усердіе, какое она сама прилагала къ сочиненію комедій и сатирическихъ бездѣлицъ, подъ названіемъ «Былей и Небылицъ». Но въ видахъ Екатерины вовсе не было того, чтобы дать литературѣ неограниченное право разсуждать о политическихъ предметахъ и смѣяться надъ всѣмъ, что̀ не будетъ нравиться писателямъ. Она очень не любила, когда подъ видомъ гласности въ литературу прокрадывались какія-нибудь «продерзкія рѣчи». Вотъ почему, когда внутреннее спокойствіе было совершенно возстановлено, а конецъ первой турецкой войны возвеличилъ имя Екатерины и въ Европѣ, когда остатки стараго недовольства и недовѣрія къ ней стали ей уже не страшны, она охладѣла къ сатирѣ, какъ къ вещи уже ненужной и могущей быть только вредною для ея спокойствія. Съ 1773 г. она перестала писать комедіи и возвратилась къ этому занятію только уже черезъ десять лѣтъ, когда, вмѣстѣ съ княгиней Дашковой, вздумала подвинуть впередъ русскую науку заведеніемъ Россійской Академіи. Въ 1774 г. прекращаются и сатирическіе журналы. Разумѣется, сатира, разъ явившись, все-таки не могла [быть совершенно уничтожена] [1]); сатирическій элементъ никогда не исчезалъ въ нашей литературѣ, съ самаго начала ея; но съ этихъ поръ нѣтъ уже у насъ того внѣшняго признака, по которому можно слѣдить дѣйствія сатиры шагъ за шагомъ и судить о ея распространеніи въ обществѣ и о степени успѣха; нѣтъ болѣе періодическихъ изданій, отличающихся сатирическимъ характеромъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было утверждать, что сатирическія изданія вообще послѣ 1774 г. подвергались у насъ какимъ-нибудь оффиціальнымъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Но самый ихъ характеръ объясняетъ до нѣкоторой степени ихъ паденіе. Они были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки до тѣхъ поръ, пока имѣли дѣло съ остатками отжившаго порядка, противъ котораго шла сама Екатерина. Надъ этими остатками и потѣшались они въ теченіе пяти лѣтъ. Но мало-по-малу люди стараго времени замѣнились людьми свѣжими, противники новаго направленія удалены, въ силу вошли его приверженцы, приняты мѣры, какихъ прежде не было, сдѣланы преобразованія въ старинномъ порядкѣ. Если теперь и были въ администраціи и въ обществѣ недостатки, то недостатки эти уже нельзя было сваливать на старое время: нужно было говорить прямо противъ существующаго порядка. А этого-то и не могла тогдашняя сатира; до этого-то и не доросла она, не доросло и само общество, въ которомъ приходилось ей дѣйствовать. Ясно, что кругъ ея дѣйствій долженъ былъ очень сузиться: она могла, напримѣръ, возставать противъ ужасовъ пытки, когда сама императрица неоднократно высказывала отвращеніе отъ этой ненавистной судебной мѣры (см., напр., два указа 15 января 1763 г.); но когда потомъ обстоятельства привели къ возстановленію тайной экспедиціи, и когда явился страшный Шешковскій, тогда, разумѣется, кричать противъ пытки стало не очень повадно. Сатирики не хотѣли подвергаться опасности, и молчали. Подобнаго рода обстоятельства парализировали смѣлость и откровенность сатиры и въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Такимъ образомъ, значеніе сатирическихъ изданій потерялось въ публикѣ: сатиры на дурныхъ стихотворцевъ, на подражателей французамъ, на скупцовъ и мотовъ, на хвастуновъ и рогатыхъ мужей, и т. п., конечно, оставались въ полномъ распоряженіи литературы; но эти предметы не могли уже такъ занять публику, какъ обличеніе дурныхъ судей, помѣщиковъ, поповъ, вельможной спеси и невѣжества, пытокъ, ханжества и т. п. Зато, вмѣсто новыхъ журналовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ и перепечатывались тѣ изъ старыхъ, въ которыхъ съ особенной рѣзкостью затрогивались эти предметы. Особенный успѣхъ имѣли «Живописецъ», «Трутень» и «Вечера». «Живописецъ» имѣлъ шесть изданій, послѣднее въ 1829 г.!

Мы сказали, что, кромѣ внѣшней исторіи екатерининской сатиры, самая манера

[1]) уже совершенно пропасть;

ея служитъ доказательствомъ того, что тогдашніе сатирики не любили добираться до корня зла и могли поражать пороки только подъ покровомъ «премудрой Минервы, позволявшей имъ знать и мыслить». Манера эта [не совсѣмъ незнакома намъ; она] состояла, главнымъ образомъ, въ употребленіи *заднихъ чиселъ*. Существующее зло обличалось обыкновенно какъ исключительное явленіе, составляющее странную аномалію съ существующимъ порядкомъ. Трудно объяснить положительно, отчего это происходитъ. Иногда такая манера бываетъ неискренняя, и тогда [она совершенно понятна] [1]); но у тогдашнихъ сатириковъ замѣчается при этомъ какое-то трогательное простодушіе. Они, кажется, до того увлекались созерцаніемъ будущихъ благополучій, что, наконецъ, воображали ихъ уже наступившими и, принимая слова за дѣла, считали всѣ гадости дѣйствительнаго міра лишь дряхлыми остатками прежняго, отживающими послѣдніе дни. Такъ, описывается ли у нихъ судья-взяточникъ, онъ уже непремѣнно отставленъ и бранится за это; говорится ли о своевольномъ помѣщикѣ, онъ непремѣнно представляется сожалѣющимъ о томъ, что теперь уже нѣтъ прежняго простора для его произвола; осмѣиваются ли подлость и ласкательство—тутъ же неизбѣжно прибавляется замѣчаніе, что теперь ужъ этими качествами нельзя выйти въ люди, какъ прежде. Въ «Вечерахъ», напримѣръ, одинъ господинъ разсуждаетъ: «я свое благополучіе считаю въ томъ, когда меня большіе бояре ласкаютъ. Правду сказать, я до сего счастья съ великимъ трудомъ достигаю, *особливо въ нынѣшнее время:* какъ я ни хвалю ихъ въ глаза, какъ я ни стараюсь услуживать имъ, но все не клеится». Къ этому услужливому господину пристаетъ судья, отставленный за взятки, и ведетъ такую рѣчь: «правду ты говоришь, что нынѣ *услуги не награждаются:* тому примѣромъ я служить всѣмъ могу. Я знаю всѣ указы наизусть, умѣю ихъ толковать по своему желанію; но *не смотря на сіе, меня отставили...* Вѣдь, кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ: *но въ нынѣшнее время объ ономъ не разсуждаютъ* («Веч.» II, 173). Въ «Вечерахъ» же изображается господинъ *Оттяговъ,* который «всѣхъ меньше дѣло смыслилъ, всѣхъ чаще на поклоны ѣздилъ *и за сіи великія достоинства получилъ чистую отставку*» («Веч.» I, 57). Въ «Живописцѣ» напечатанъ цѣлый рядъ писемъ къ Ѳалалею отъ уѣздныхъ дворянъ,—его отца, матери и дяди. Весь смыслъ этихъ писемъ заключается въ томъ, что нынѣшнее время не такъ благопріятно для своевольства, жестокостей, обмановъ и пр., какъ прежнее блаженное время. Это похоронный плачъ о погибшей дворянской волѣ, это вопль проклятія просвѣщенію и правдѣ, торжественно и незыблемо воцарившимся въ области тьмы и застоя. Въ книгѣ г. Аѳанасьева приведено, въ разныхъ мѣстахъ, много выписокъ изъ этихъ писемъ, а на стр. 139—145 три письма помѣщены вполнѣ. Письма эти очень замѣчательны по мастерству своего лукаваго юмора; и мы также рѣшаемся привести отрывокъ одного изъ нихъ, хотя онъ и довольно длиненъ.

«Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки низкой поклонъ и великое челобитье.

«Пиши къ намъ про свое здоровье, таки такъ ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вѣдь это не шутка: меня ими благословилъ покойный дѣдушка, а его отецъ духовный, Ильинской батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ, и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ каноникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянутъ! онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-то, свѣтъ, грѣшки дорогоньки становились. Кабы онъ, покойникъ, поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ, какъ полная чаша, да и тутъ процѣдили. Вѣдь и нашъ батька Иванъ, кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать; то-то поповскіе завидные глаза, прости, Господи, мое согрѣшеніе! А ты, Ѳалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Какъ отпоетъ молебенъ, такъ можно ему поднести чару вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чего жъ ему больше, прости, Господи, вѣдь не рожна? *Да полно, нынѣче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ—экое времечко; вотъ до чего дожили:* и своего вина нельзя привезть въ городъ; пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! *А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ;* поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. *Да что ужъ и говорить, житье-то наше дворянское нынѣче стало очень худенько.* Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность, да чортъ ли это слыхалъ, прости, Господи, какая вольность? *Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать: нельзя у сосѣда и земли отнять; въ старину-то побольше было намъ вольности.* Бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была воля-то! *Нынѣче и денегъ отдавать въ проценты нельзя:* больше шести рублей брать не велятъ; а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти руб-

[1]) немудрено бываетъ понять ее;

лей. *Нынѣ-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынѣче только и воли, что можно выйти изъ службы, да поѣхать за море: а не слыхать, что тамъ дѣлать?* хлѣбъ-атъ мы и русской ѣдимъ, да таковожъ живемъ. *А изъ службы тогда хоть и не вольно было выйти, такъ были на это лѣкари;* отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другого, такъ и оставятъ за болѣзнями. *Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь:* былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. *То-то было житье!* Ты, Ѳалалеюшка, не запомнишь этого.

«Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ея именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора, другъ мой, и объ томъ подумать; вишь, ужъ скоро и женихи станутъ свататься: а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя.

«Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи, колокольню строятъ и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго: статошное ли это дѣло? То дѣлалось по благословенію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать? *Вѣра-то тогда была покрѣпче,* во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, *а нынѣче она пошатнулась,* по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать, а все это проклятая некресть дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Ѳалалеюшка, не погуби себя, не заводи съ ними знакомства, провались они проклятые! *Нынѣче и за-море ѣздить не запрещаютъ,* а въ *Кормчей книгѣ* положено за это проклятіе. *Нынѣче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать да проценты выше указныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей книгѣ ничего и не написано.* На моей душѣ проклятія не будетъ; я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. *Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки;* процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вить не всякому Богъ дастъ кладъ; а съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ немного прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да што ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ? [Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ]; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался; право, Ѳалалеюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать.

[«Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжжаловъ* и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки, и, будучи у меня, читалъ ихъ. *Что это у васъ, Ѳалалеюшка, дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне?* чего они смотрятъ? да я бы ему проклятому и ребра живого не оставилъ. Что за Живописецъ такой у васъ проявился? Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами: а того, проклятый, и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещеные и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-минеи; а наши мужики вѣдь не святые: какъ же намъ быть тиранами? Нынѣче же это и ремесло не въ модѣ, скорѣе въ воеводы добьешься, нежели во... Да полно, это не наше дѣло. Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: эдакая бѣда! неужто хочетъ онъ, чтобъ мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли; да этого и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину; вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игуменахъ быть. И во святомъ писаніи сказано: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ. Пріимите наказаніе, да не когда прогнѣвается Господь, еда возгорится вскорѣ ярость Его.*—Да на что они и крестьяне? его такое дѣло, что работать безъ отдыху. Дай-ка имъ волю, такъ они и не вѣдь что затѣютъ. Вотъ тѣ на! до чего дожили! только я на это смотрѣть не буду; ври себѣ онъ что хочетъ: а я знаю, что съ мужиками дѣлать... О, коли бы онъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ. *Что и говорить, дали волю: тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ;* кабы я былъ бы большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Эдакіе люди за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-то своими поступаютъ не по-нѣмецки, а все-таки также по-русски, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. *Да что ужъ и говорить,—и они свихнулись.* Не далеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать: по полтора рубля съ души; а угодьевъ-то сколько! и мужики какіе богатые: живутъ себѣ да и гадки не маютъ, богатѣе иного дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ этого прибыль, что мужики богаты? кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это получше было: эдакой умъ! То-то, Ѳалалеюшка, не къ рукамъ эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ да и тутъ бы ихъ въ мирѣ еще не пустилъ; только что мужиковъ балуютъ! *Эхъ! перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди! не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли.* То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было ихъ; у всѣхъ, кромѣ Бога, отнимали; да и у Того чуть таки не отни... *А нынѣшніе господа что за люди, и себѣ добра не хотятъ.* Что ужъ и говорить: все пошло на нѣмецкій манеръ. Нутка, Ѳалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди въ отставку: полно, другъ мой, вѣдь ты уже послужилъ: лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, такъ хоть въ отпускъ пріѣзжай. Скосырь твой живъ и Налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бѣшеная собака; да спасибо скоро захватили, ворожея заговорила. Ну да полно, и было за это людямъ! Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила; то-то проказница; я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ! Перемѣнъ двѣнадцать подадутъ: попроситъ небось воды со льдомъ; да это нѣтъ, ничего, лучше смотрятъ. За симъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю»].

На первый взглядъ письмо это можетъ показаться чрезвычайно рѣзкимъ, даже и для нынѣшняго читателя. Но если всмотримся въ него повнимательнѣе, то найдемъ, что оно составляетъ не что иное, какъ прославленіе правительственныхъ мѣръ Екатерины. Приведши его, г. Аѳанасьевъ справедливо замѣчаетъ, что «въ подобныхъ жалобахъ—лучшая похвала екатерининскому вѣку» (стр. 112). Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собою обличаемый Трифонъ Панкратьевичъ? Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ неблагонамѣренный либералъ, безпокойный человѣкъ, осмѣливающійся порицать во имя невѣжества и своеволія, бла-

годѣтельныя мѣры императрицы... Какая же надобность щадить такого человѣка? какъ же не вылить на него всей желчи благороднаго негодованія, накипѣвшаго въ груди у сатирика? Какъ не осмѣять, не опозорить его нелѣпыя понятія и о значеніи священнаго сана, и о крестьянахъ? Нападенія на *такихъ* людей, недовольныхъ просвѣщенными дѣйствіями правительства, съ *такой* точки не могли служить ни къ чему иному, какъ только къ большому проявленію заботливости Екатерины о благѣ своихъ подданныхъ. Сатира говорила обществу пріятно и ясно: «смотрите, вотъ каковы тѣ, которые выказываютъ недовольство современными правительственными реформами; неужели кто-нибудь захочетъ присоединиться къ фалангѣ *такихъ* людей? Само собою разумѣется, что когда сатира имѣетъ такой смыслъ, то чѣмъ она рѣзче, тѣмъ выгоднѣе для правительства.

Между тѣмъ, самая рѣзкость слова давала сатирикамъ поводъ думать, что слова эти имѣютъ большое значеніе и на дѣлѣ. И вотъ второе обстоятельство, которымъ поддерживалось въ тогдашнихъ сатирикахъ самодовольство, сильно мѣшавшее имъ вникнуть въ свое положеніе, понять свои отношенія къ обществу, среди котораго они говорили, и приняться серьезно отыскивать коренныя причины зла. Поставивъ себя на условную точку зрѣнія, о которой мы говорили выше, *они, уже не стѣсняясь*, выговаривали все, что было у нихъ на душѣ, по поводу ежедневныхъ мелкихъ злоупотребленій, и часто до того доходили, что пугали своихъ собратьевъ и, наконецъ, даже самихъ себя. «Трутень», напримѣръ, въ преслѣдованіи взяточничества зашелъ такъ далеко, что «Всякая Всячина», издававшаяся статсъ-секретаремъ Козицкимъ, и сама иногда слегка затрогивавшая судей, сочла нужнымъ напечатать противъ него такую отповѣдь, въ видѣ письма Правдомыслова:

«Случалося мнѣ слышать отъ одной части моихъ согражданъ изреченіе такое: правосудія нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался и справедливы ли жалобы о неправосудіи? *наипаче тогда, когда всякій согражданинъ признается долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе, не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархиня и имѣетъ о насъ*, въ чемъ ей, сколько намъ извѣстно, и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства вообще. *Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области.* О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ коммиссіи уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то есть, что правосудія нѣтъ? Станемъ искать. 1) Въ законахъ ли? 2) Въ судьяхъ ли? 3) Въ насъ ли самихъ?

«Законы у насъ запутаны; о томъ сумнѣнія нѣтъ. Сію неудобность мы имѣемъ вообще съ Европою; *но передъ ней имѣемъ мы выгоду ту, что* ея величествомъ *созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній: слѣдовательно питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузіи. А между тѣмъ*, пока новые поспѣютъ, *будемъ жить, какъ отцы наши жили*, съ тѣмъ барышомъ противу нихъ, что мы *ощущаемъ болѣе отъ вышней власти человѣколюбіе*, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противурѣчущіе законы. *И такъ, неправосудіе не въ самихъ законахъ.*

«Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе; у насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военно служащихъ или изъ приказныхъ людей безъ великаго знанія. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а наипаче во Франціи, покупаютъ за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. Итакъ, у кого есть деньги, тотъ судья, хотя бы онъ никакого знанія не имѣлъ. Почему въ семъ случаѣ наши обычаи немного разнствуютъ отъ обычаевъ другихъ народовъ нашего шара. Но врождена ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній?—то никакъ утвердить не можно. Слѣдовательно, жалоба на неправосудіе отчасти падаетъ на судей и на нравы».

Говоря о нравахъ, Правдомысловъ обвиняетъ общество въ страсти къ тяжбамъ и утверждаетъ, что половина жалобъ на судей несправедливы, и происходятъ *оттого*, что неправая сторона, будучи обвинена, всегда остается недовольною и старается очернить правосудіе. А чтобы правая сторона была осуждена, это, по мнѣнію Правдомыслова, можетъ быть не часто. «Чтобъ подобныхъ дѣлъ много могло проходить сквозь строгое разсматриваніе *трехъ апелляцій*, разсуждаетъ онъ, и въ присутствіи тяжущихся, тому вѣрить не можно; ибо не много такихъ людей, которые бы захотѣли лихо творити въ лицѣ почти цѣлаго свѣта, и оставить на бумагѣ писанныя свидѣтельства своего плутовства, *за которое подобные имъ получили возмездіе по достоинству своему*». Говоря объ апелляціяхъ, о присутствіи тяжущихся, о достойномъ возмездіи за неправосудіе, «Всячина», очевидно, разумѣетъ новыя распоряженія Екатерины, направленныя къ возстановленію правосудія. Здѣсь сатира, можно сказать, даетъ сама себѣ тонкій намекъ, что продолженіе нападокъ на судей, можетъ, наконецъ, принять видъ неблагонамѣренности и непокорства. Продолжая свои разсужденія и замѣчая самъ, что, «однако, приведенное доказательство слабо», Правдомысловъ выражаетъ, наконецъ, безъ обиняковъ, слѣдующую мысль: «но долгъ нашъ, какъ хри-

стіанъ и какъ согражданъ, *велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ, и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ право я еще не видалъ, чтобъ съ умысломъ случались*». Въ заключеніе письма Правдомыслов ругаетъ «*дурныхъ шмелей*» (трутень?), которые «прожужжали ему уши своими разговорами *о мнимомъ* неправосудіи судебнымъ мѣстъ» («Всяч.», стр. 277—280).

Письмо Правдомыслова есть какая-то монитёрская статья, отчасти противная даже направленію самой «Всячины», слабѣйшей и осторожнѣйшей, чѣмъ всѣ другіе журналы, ей современные. Но, тѣмъ не менѣе, основной ея мотивъ, т.-е., что «у насъ теперь все-таки лучше, чѣмъ когда-нибудь и гдѣ-нибудь», и что «нужно имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ правительствамъ», мотивъ этотъ вовсе не чуждъ былъ екатерининской сатирѣ. Относительно почтенія «Адская Почта» объяснялась, что, «*знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей она никоіда въ лицо не троіала своими критическими замѣчаніями*». При этомъ она, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ замѣтила, что «дѣлала сіе не для ласкательства, но для того, чтобы, переправляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается зданіе, цѣлому строенію не причинить вреда» («Ад. Почта», стр. 78). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Новиковъ говоритъ самому себѣ въ предисловіи къ «Живописцу»: «Никогда не разлучайся съ тою прекрасною женщиною,съ которою иногда тебя видалъ; ты легко отгадать можешь, что она называется *Осторожность*» («Жив.» I, 10). Этой осторожностью, чтобы не повредить зданію существующаго порядка, постоянно руководились сатирики временъ Екатерины и, слѣдовательно, они вполнѣ убѣждены были, что зданіе само по себѣ совершенно хорошо, но что его нужно только очистить нѣсколько отъ накопленнаго въ немъ сора. А для того, чтобы вымести этотъ соръ, они чувствовали въ себѣ достаточно силъ и не щадили себя для того, чтобы сдѣлать чище и удобнѣе жилище россійской Минервы. По указанію Екатерины Великой, — говоритъ г. Аѳанасьевъ, — періодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. *Старинныя суевѣрія, предразсудки и ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды*» (стр. 111). Точно такъ думали о себѣ и о своемъ значеніи и сами сатирики 1770-хъ годовъ. «Парнасскій Щепетильникъ» совершенно соглашается съ мнѣніемъ г. Аѳанасьева, говоря: «я съ восхищеніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе, ибо многіе, присматриваясь пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ незнаю какое-то съ собою подобіе, *совершенно бросили юродствовать* и принялись за разумъ» («Парн. Щеп.», стр. 29). Правда, слѣдуетъ замѣтить, что слова «Щепетильника» относятся не ко всѣмъ вообще обличаемымъ, а только къ дурнымъ стихотворцамъ, слѣдовательно, воззрѣніе г. Аѳанасьева гораздо шире; но въ пользу «Щепетильника» можно привести то обстоятельство, что онъ на 90 лѣтъ опередилъ нашего ученаго. Впрочемъ, нѣкоторыми изданіями воззрѣніе г. Аѳанасьева на жизненное значеніе сатиры было уже принято и въ то время. Такъ, «Полезное съ Пріятнымъ» пишетъ въ своемъ объявленіи: «Видя, съ какою жадностью пріемлетъ общество издаваемыя еженедѣльныя сочиненія для увеселенія онаго, не можно не восчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто ни желалъ имѣть оныя, однако то неоспоримо, что тамъ найдетъ и такое, которое *напослѣдокъ и порочное сердце устыдить и къ нѣкоторому исправленію побудить можетъ;* а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ таковыхъ изданіяхъ» (Аѳ., стр. 19). А «Всячина» выражается еще рѣшительнѣе: «Мы не сомнѣваемся,—говоритъ она,—*о скоромъ исправленіи нравовъ* и ожидаемъ *немедленно искорененія всѣхъ пороковъ*, ибо уже начали твердить наизусть «Всякую Всячину» («Всяк. Всяч.», стр. 123). Къ сожалѣнію, въ этой замѣткѣ слышна иронія; а то мы сказали бы, что «Всячина» уже чувствовала «торжество всеобновляющей правды», о которомъ такъ лестно отзывается г. Аѳанасьевъ...

Признаемся, мы не удивляемся самоувѣренности сатириковъ и еще менѣе дивимся отзывамъ о нихъ г. Аѳанасьева. Дѣйствительно, если бы дѣло было только въ томъ, чтобы уничтожить злоупотребленія, опозорить людей, препятствующихъ правильному ходу общественной машины въ томъ видѣ, какъ она есть, то отъ сатиры ничего и требовать нельзя было бы болѣе того, что она давала при Новиковѣ. И ежели она въ самомъ дѣлѣ не имѣла практическаго успѣха, то не отъ слабости нападеній на тѣ или другіе пороки: нѣтъ, на что она нападала, тому доставалось отъ нея очень сильно. Но слабая ея сторона заключалась въ томъ, что она не хотѣла видѣть корен-

ной дрянности того механизма, который старалась исправить. Этой стороны не замѣчаетъ г. Аѳанасьевъ, и потому сужденія его о великой важности сатиры 1770-хъ годовъ отзываются весьма естественнымъ преувеличеніемъ. Но если мы нѣсколько поднимемъ уровень нравственныхъ требованій, то увидимъ, что и новиковская сатира была еще очень слаба и занималась менѣе важными предметами, оставляя въ сторонѣ главные и существенные. Чтобы не пускаться въ далекія разсужденія, возьмемъ примѣръ. Въ журналахъ Новикова было много обличеній противъ жестокихъ помѣщиковъ. Это было очень хорошо и сообразно съ намѣреніями государыни, находившей, что злоупотребленія помѣщичьей власти составляютъ страшное зло и служатъ поводомъ ко многимъ безпокойствамъ въ государствѣ. Но весьма немногія изъ тогдашнихъ сатиръ брали зло въ самой его сущности; немногіе руководились въ своихъ обличеніяхъ радикальнымъ отвращеніемъ къ крѣпостному праву, въ какой бы кроткой формѣ оно ни проявлялось. А еще это одинъ изъ наиболѣе простыхъ и ясныхъ вопросовъ, и новиковская сатира его поставила много лучше другихъ. Въ отношеніи къ другимъ условіямъ, составляющимъ основу общественнаго быта, сатирики еще легче скользили по поверхности... Принявши аксіому, что

Законы святы,
Да исполнители—лихіе супостаты,

они всѣ темныя явленія русской жизни считали противозаконнымъ исключеніемъ и очень часто ссылались, для подкрѣпленія своихъ обличеній, на вновь изданные указы. Такимъ образомъ, они сами ставили свою дѣятельность въ зависимость отъ существовавшей тогда администраціи и, слѣдовательно, всѣ основные недостатки въ организаціи русскаго общества, незамѣченные, а иногда даже и освященные закономъ, избѣгали и пера сатириковъ... Этимъ-то и объясняется то, на первый взглядъ очень странное явленіе, что сатира тогдашняго времени, при своей рѣзкости, благородствѣ и постоянномъ соотвѣтствіи съ правительственными мѣрами, ничего, однако же, не исправила и не передѣлала. Человѣка, который свалился съ ногъ отъ тяжелой болѣзни, она хотѣла заставить ходить, расправляя его ноги разными спеціями... Разумѣется, старанія должны были остаться безуспѣшными.

Чтобы видѣть, до какой степени безполезны въ практическомъ отношеніи всѣ нападки на частныя проявленія зла, безъ уничтоженія самаго корня его, мы можемъ представить теперь нѣсколько примѣровъ того, какъ поставленъ былъ сатирою екатерининскаго времени вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ. [Въ настоящее время, когда крестьянскій вопросъ разсматривается уже правительствомъ во всей его обширности, можно, кажется, совершенно спокойно и безбоязненно повторить то, что̀ говорилось почти за столѣтіе назадъ лучшими людьми временъ Екатерины. При томъ же, характеръ этихъ обличеній таковъ, что они имѣютъ уже только историческое значеніе, и если кто рѣшится увидѣть въ нихъ какое-нибудь отношеніе къ современности, тотъ докажетъ только, что онъ цѣлымъ столѣтіемъ опоздалъ родиться].

Въ приведенномъ выше письмѣ Трифона Понкратьича къ сыну его Ѳалалею мы уже видѣли, что жестокимъ помѣщикомъ является въ сатирѣ человѣкъ стараго времени, съ отсталыми понятіями, жалующійся на то, что невѣжество и грубость уже отжили свой вѣкъ въ царствованіе Екатерины. Такой же точно господинъ является въ «Трутнѣ» (1769 года, стр. 202 — 208, 233—240), въ «отпискахъ» крестьянъ своему барину и въ копіи съ его господскаго «указа». Эти документы такъ хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные-ли это? Вотъ выдержки изъ крестьянской отписки:

«Государю Григорью Сидоровичу.

Бьютъ челомъ *** отчины твоей староста Андрюшка со всѣмъ міромъ.

«Указъ твой господской мы получили и денегъ оброчныхъ съ крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали; съ сельскихъ ста душъ — 123 рубля 20 алтынъ, съ деревенскихъ 50 душъ—61 рубль 17 алтынъ; а въ недоимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ 26 рублевъ 4 гривны, на деревенскихъ 13 рублевъ 49 копѣекъ, да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ 43 рубля 20 копѣекъ, а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумна собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежемъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и *крестьяне твои, государь, многіе пошли по-міру. [Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходкѣ сыскъ нещадно, только они оброку не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять]*. Съ Филаткою, государь, какъ поволишь? денегъ не платитъ, говоритъ, что взять негдѣ; онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькіе робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. *Подушныя деньги за него заплатитъ міръ, видя его скудость;* а за твою, государь, недоимку, по указу твоему, продано его двѣ клѣти за три рубли за десять алтынъ; корова за полтора рубли, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кор-

мить ихъ нечѣмъ; міромъ сказали, буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, *а робятишекъ поморить, и его въ конецъ раззорить не хотятъ.* При семъ послана къ милости твоей Филаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ поволишь, то и дѣлай; а онъ уже не плательщикъ, покуда не подростутъ робятишки; безъ скотины, да безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Міромъ, государь! тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ *Нахрапцовымъ* землѣ, прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь раззоряетъ и землю отрѣзалъ по самыя наши гумна, некуда и курицы выпустить, а на дѣло по указу твоему собрано тридцать рублей, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглые; только прикажи, государь, добиться по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому его челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльные забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили; только по тому дѣлу стало міру денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять возовъ сѣна. *Нахрапцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму: секретарь ему родня, и онъ насъ очень обижаетъ. *Отпиши, государь, къ прокурору: онъ бояринъ доброй, ничего не беретъ, коіда къ нему на поклонъ придешь,* и онъ твою милость знаетъ, авось либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ, а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ секретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ: коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ раззорятъ, и *Нахрапцовъ* всѣхъ насъ пуститъ въ міръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ міромъ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ, намъ уже стало не въ моготу; *послѣ переписи у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ все тотъ же;* покуда смогли, такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не въ мочь. Буде не помилуешь, государь, то *мы всѣ въ конецъ раззоримся: неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресенье [и неплательщиковъ сѣзду въ сходѣ], только имъ взять неідѣ, какъ ты съ ними ни поволишь.* Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, по чему укажешь за фунтъ, да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. *Лѣсу твоего господскаго продано крестьянамъ* на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ избы, по десяти рублевъ за избу. И деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ, съ Ипатки за то, что онъ въ челобитьѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ его не слушался, и затѣмъ съ нимъ разошолся, взято по указу твоему тридцать рублей; съ Антошки *за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублей, [и онъ на сходкѣ высѣченъ].* Онъ сказалъ: *я-де это сказалъ съ глупости и на-предки онъ тебя, государь, отцомъ называть не будетъ.* Дьячку при всемъ мірѣ приказъ твой объявленъ, чтобы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся рабы твои староста Андрюшка, со всѣмъ міромъ земно кланяемся».

За этою отпискою помѣщено [слезное прошеніе Филатки, о которомъ говорится въ отпискѣ старосты, а затѣмъ напечатана] «копія съ помѣщичьяго указа», [въ которомъ чрезвычайно ярко выражаются безчеловѣчность и невѣжество помѣщика. Никакія человѣческія чувства его не трогаютъ, никакія страданія не возбуждаютъ въ немъ жалости, никакіе резоны не внушаютъ ему здраваго распоряженія. Онъ привыкъ дѣйствовать совершенно произвольно, и тотъ же произволъ передаетъ] человѣку своему, Семену Григорьеву, котораго посылаетъ Григорій Сидоровичъ въ деревню для распоряженій. Вотъ выдержки изъ его указа, напечатаннаго въ «Трутнѣ».

Копія съ помѣщичьяго указа.

«Человѣку нашему Семену Григорьеву.

«Ѣхать тебѣ въ *** наши деревни и по пріѣздѣ исправить слѣдующее:

«1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть на счетъ старосты Андрея Лазарева.

«2) Пріѣхавъ туда, *старосту [при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно]* [1]) за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку; и послѣ *изъ старостъ его сѣмѣнить; а сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.*

«3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста и за какія взятки оболгалъ насъ ложнымъ своимъ докладомъ? За то *прежде всего его [высѣчь]* [1]), а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

«4) Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коемъ староста учинилъ ложный доносъ, обоихъ ихъ *домы опечатать и опредѣлить караулъ; а ихъ самихъ отдать подъ караулъ въ другой домъ.*

«5) Еслижъ въ чемъ-либо будутъ они чинить запирательство, то объяви имъ, что они будутъ *отданы въ городъ для наказанія по указамъ.*

«6) *И какъ нѣтъ сумнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный,* то за оное перевесть его къ намъ на житье въ село ***, буде же онъ за дальнимъ разстояніемъ перевозиться и раззорять себя не похочетъ, то *взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.*

«7) Сколько пожитковъ всякаго званія осталося послѣ крестьянина Анисима Иванова и получено крестьяниномъ Панфиломъ Даниловымъ, то все съ него Данилова *взыскать и взять въ господскій дворъ,* учиня всему тому опись.

«8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли по просьбѣ ихъ поровнять, *по твоему благоразсужденію;* но при томъ однакожъ объявить имъ, что *сбавки съ нихъ оброку не будетъ,* и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, оный платили бездоимочно; [неплательщиковъ же *при собраніи всѣхъ крестьянъ сѣчь нещадно].*

«9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выпись; и для того на оное *собрать тебѣ со крестьянъ, сколько потребно будетъ,* на взятье выписи.

«10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить; ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянствы и воровства вмѣсто наказанія, *а со крестьянъ за поставку того рекрута собрать* по два рубля съ души.

---

[1]) (наказать).

«11) За ложное показаніе Панфила Данилова и утайку свойства другихъ *взять съ него, вмѣняя въ штрафъ, сто рублей;* а его перевесть къ намъ въ село *** на житье; а когда онъ просить будетъ, чтобы полученные имъ неправильно пожитки оставить у него, и его оставить на прежнемъ жилищѣ, то за оное *взыскать съ него, опричь штрафныхъ, двѣсти рублей.*

«12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, *а взыскать за нее деньги съ нихъ;* а чтобы и они впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то *купить Филаткѣ лошадь на мірскія деньги;* а Филаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ безъ всякихъ отговорокъ бездоимочно.

«13) Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе *[и неплательщиковъ бы съкъ нещадно];* буде же какія впредь явятся недоимки, то оное *взыскано будетъ все со старосты.*

«14) За грибы, ягоды и пр. взять съ крестьянъ деньгами.

«15) Выбрать шесть человѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ и привезть съ собою, для обученія разнымъ мастерствамъ.

«16) По исправленіи всего вышеизложеннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ».

«Трутень» ничего не прибавляетъ отъ себя къ этому указу; но смыслъ его ясенъ самъ по себѣ: [въ немъ обличается безчеловѣчное обхожденіе помѣщика съ крестьянами, или, говоря иначе, «злоупотребленіе помѣщичьей власти». Вслѣдъ за «указомъ» Григорія Сидорыча, въ «Трутнѣ» помѣщенъ рецептъ *Злораду* (стр. 211), думающему, «что слугъ ему подчиненныхъ къ исполненію своихъ должностей ничѣмъ инымъ принудить невозможно, какъ строгостію или паче звѣрствомъ и жестокими побоями. Для сей причины подчиненныхъ ему слугъ и за самомалѣйшія слабости и оплошности наказываетъ звѣрски... Одѣваетъ, обуваетъ и кормитъ онъ своихъ слугъ весьма худо, утверждая, что когда сіи безумія его несчастные невольники чувствуютъ голодъ и холодъ, тогда ежеминутно памятуютъ они свое рабство и, по его мнѣнію, слѣдовательно, тѣмъ побуждаются къ исполненію своихъ должностей. Любовь къ человѣчеству онъ опровергаетъ, но утверждаетъ, что рабамъ жестокость и наказаніе такъ, какъ дневная пища, необходимо нужны. Надлежитъ думать, что онъ имѣетъ сердце, напоенное лютымъ звѣрствомъ и жестокостью, когда не слышитъ вопіющаго гласа природы: «и рабы человѣки!» Этому Злораду приписывается рецептъ: «чувствованій истиннаго человѣка — 3 лота, любви къ ближнему — 2 золотника и соболѣзнованія къ несчастью рабовъ—3 зол.». Въ «Трутнѣ» же помѣщенъ былъ и другой рецептъ — для г. *Безразсуда* (стр. 188—190), отличающійся тенденціею, довольно радикальною для того времени. Приведемъ его вполнѣ.

«Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что̀ такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: *я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день, и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора.* Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано, *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.* Бѣдные крестьяне любить его какъ отца не смѣютъ, но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ, что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: *это не мое, но Божіе и господское.* Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а *Безразсудъ* ихъ обираетъ. Безразсудный! развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, неужели ты гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отягощенія тягостно: когда же ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки, человѣки господа, господа отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобою, яко извергомъ человѣчества, преобращимъ нужное подчиненіе въ иго рабства. Но *Безразсудъ* всегда твердитъ: *я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне.*

«Отъ сей вредной болѣзни *рецептъ: Безразсудъ* долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ».

Рецептъ заставляетъ думать, что у автора была идея о несправедливости человѣческой власти вообще. «Крестьяне суть тоже человѣки и даже болѣе похожи на людей, чѣмъ иные помѣщики; а человѣку человѣкомъ владѣть какъ вещью—не должно». Таковы, кажется, его основныя мысли. Но, всматриваясь пристальнѣе, находимъ, что и здѣсь была на умѣ у автора только отвлеченная мораль, потому что онъ тутъ же восхваляетъ «человѣковъ господъ, господъ—отцовъ своихъ дѣтей, а не тирановъ своихъ рабовъ». Слѣдовательно, и въ этой статейкѣ та же непослѣдовательность, которою страдаетъ вообще сатира прошлаго столѣтія. Вмѣсто прямого вывода: «крестьяне тоже человѣки, слѣдовательно, помѣщики не имѣютъ надъ ними никакихъ правъ», подставленъ

другой, очень неполный: «крестьяне тоже человѣки, слѣдовательно, не нужно надъ ними тиранствовать»] [1]).

Гораздо далѣе всѣхъ обличителей того времени ушелъ г. И. Т., котораго «Отрывокъ изъ путешествія» напечатанъ въ «Живописцѣ» (стр. 179—193). Въ его описаніяхъ слышится уже ясная мысль о томъ, что вообще крѣпостное право служитъ источникомъ золъ въ народѣ. [Вотъ начало этого отрывка:

«Я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ, ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешествія ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины изъ тонкаго забо́рника, дворы, огороженные плетнями, небольшіе одоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота—подтверждали, *сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства* составлять должны...

«Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О, человѣчество! тебя не знаютъ въ ихъ поселеніяхъ. О, господство! ты тиранствуешь надъ подобными тебѣ человѣками. О, блаженная добродѣтель любовь, — ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ проявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ!» («Жив.», стр. 179—180).

Далѣе слѣдуетъ описаніе возмутительной бѣдности и грязи, въ которой живутъ крестьяне *деревни Раззоренной*. Между прочимъ, смотря на плачущихъ младенцевъ, брошенныхъ безъ призора, г. И. И. восклицаетъ: «Кричите, бѣдныя твари, произносите жалобы свои! Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь!» (Стр. 185). Затѣмъ авторъ пускается въ размышленія о томъ, какъ нелѣпо судьба распоряжается людьми: праздношатающіеся «любимцы Плутовы» веселятся, обремененные всевозможными гадостями, а труженики-крестьяне страдаютъ за тяжелой работой, да и то не для себя. Вотъ нѣкоторыя изъ его сближеній:

«Между тѣмъ, солнце, совершивъ свое теченіе, погружалось въ бездну воды, и сама природа призывала всѣхъ отъ трудовъ къ покою. Между тѣмъ, богачи, любимцы Плутовы, препроводя весь день въ веселіи и пированіяхъ, къ новымъ приготовлялися увеселеніямъ... Худой судья и негодный подъячій веселились, что въ минувшій день сдѣлали прибытокъ своему карману и пролили новые источники невинныхъ слезъ... Игроки собирались ко всеночному бдѣнію за карточными столами, и тамъ, теряя честь, совѣсть и любовь къ ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатыхъ простячковъ всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года и готовились поставить на карту. Купецъ веселился, считая прибытокъ того дня, полученный имъ на совѣсть, и радовался, что на дешевый товаръ много получилъ барыша. Врачъ благодарилъ Бога, что въ этотъ день много больныхъ, и радовался, что отправленный имъ на тотъ свѣтъ покойникъ былъ весьма молчаливый человѣкъ. Стряпчій доволенъ былъ, что въ минувшій день умѣлъ раззорить зажиточнаго человѣка и придумать новыя плутовства для раззоренія другихъ по законамъ. *А крестьяне, мои хозяева, возвращались съ поля, въ пыли, въ потѣ, измучены, радовалися, что для прихотей одного человѣка всѣ они въ прошедшій день много сработали!*» (Стр. 188—190).

Тирада эта очень рѣзка и, кажется, тогдашнее *благочиніе* вообще строго посмотрѣло на эту статью. Нѣкоторыхъ мѣстъ изъ нея даже нельзя было напечатать. Въ одномъ мѣстѣ издатель дѣлаетъ примѣчаніе: «я не включилъ въ сей листокъ разговоровъ путешественника съ крестьяниномъ *по нѣкоторымъ причинамъ:* благоразумный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ». Видно, и въ то время существовали «нѣкоторыя причины», мѣшавшія писателю говорить откровенно всю правду, какъ скоро онъ удалялся отъ тѣхъ покрововъ, подъ которыми ратовала тогдашняя сатира вообще. Слѣды боязни полной гласности попадаются и въ другихъ мѣстахъ сатирическихъ журналовъ. Въ защиту «Отрывка» Новиковъ помѣстилъ въ «Живописцѣ» особую статью, въ одномъ мѣстѣ которой находимъ такое примѣчаніе: «тутъ слѣдовали многія другія упреканія, относящіяся къ худымъ помѣщикамъ; но я ихъ исключилъ, *опасаясь навлечь на себя сугубое неодованіе*» (стр. 71). Въ «Трутнѣ» въ числѣ сатирическихъ вѣдомостей есть такое объявленіе: «Издателю Трутня, для наполненія еженедѣльныхъ листовъ, потребно простонародныхъ басенъ и сказокъ: *ибо изъ присылаемыхъ къ нему сатирическихъ пьесъ многихъ не печатаютъ;* а напечатанныя безъ всякаго стыда многіе принимаютъ на свой счетъ и его злословятъ за то повсемѣстно» (стр. 142). Изъ этого можно видѣть, что] [1]) противодѣйствіе невѣжественныхъ и сильныхъ обскурантовъ, [много вредило въ то время свободѣ слова, и] [2]) писатели только и могли защищаться

[1]) Въ этомъ же родѣ были въ «Трутнѣ» рецепты: *Злораду* и *Безразсуду*, въ обличеніе ихъ безчеловѣчнаго обхожденія со слугами и крестьянами.

[1]) Какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ сатирическихъ журналовъ (см. напр., Живоп. I, стр. 71, Трут. 1769 г. стр. 142), литературѣ много вредило въ то время

[2]) , такъ что

отъ нихъ дозволеніемъ и милостію монархини. Но Екатеринѣ, несмотря на обнаруженную ею любовь къ литературѣ, иное могло быть представлено въ превратномъ видѣ; инымъ авторамъ могли быть въ ея глазахъ приписаны неблагонамѣренныя тенденціи, и тогда уже нельзя было разсчитывать на ея защиту. Для примѣра можно указать на два извѣстные анекдота о Державинѣ: одинъ—о «Фелицѣ», другой—о «Переложеніи псалма 81». «Фелица», этотъ «хитросложенный пукъ хвалы», какъ выразилась однажды сама Екатерина по поводу другого произведенія, сдѣлалась извѣстною императрицѣ случайно, и Державинъ пришелъ въ ужасное безпокойство, потому что въ этой «одѣ» были намеки на Потемкина, Алексѣя Орлова, Нарышкина и другихъ важныхъ лицъ. Но само собою разумѣется, что Екатерина не могла разгнѣваться на пьесу, которая начиналась обращеніемъ къ ней: «Богоподобная Царевна!» и оканчивалась строфою:

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь и пр.

При томъ же, стихотвореніе это ей представлено было княгинею Дашковою... И вотъ Державину, несмотря на его «смѣлые» намеки на важныхъ лицъ, прислали золотую табакерку съ 500 червонныхъ и удостоили большихъ милостей. Но черезъ 12 лѣтъ вздумалъ онъ поднести императрицѣ тетрадь своихъ сочиненій. Въ числѣ ихъ находилось «Переложеніе 81-го псалма» [1]). Послѣ этого нѣсколько разъ бывши при дворѣ, Державинъ «примѣчалъ въ императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе его бѣгали, какъ бы боясь съ нимъ даже встрѣтиться, не токмо говорить». Державинъ не могъ понять, что̀ это значитъ, но вскорѣ узналъ, что переложеніе 81-го псалма принято за «якобинскіе стихи», и что уже велѣно секретно допросить поэта черезъ Шешковскаго, «для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи». Въ это время Державину было уже слишкомъ 50 лѣтъ, онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ; слѣдовательно, трудно было подозрѣвать его въ санкюлотствѣ. И дѣйствительно, узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ чистосердечно объяснилъ, что заподозрѣнные стихи суть не что иное, какъ псаломъ царя Давида, [который, конечно, не былъ якобинцемъ], что псаломъ этотъ переложенъ имъ въ простотѣ души и, наконецъ, что переложеніе сдѣлано еще въ 1787 году, тогда же напечатано было въ «Зеркалѣ Свѣта» (журналъ, издававшійся Туменскимъ) и до сихъ поръ не только не произвело вредныхъ для государства послѣдствій, но даже не было замѣчено самими блюстителями благочинія. Послѣ этого объясненія и ходатайства Зубова, къ которому обратился Державинъ, невинность поэта была признана, и императрица возвратила ему свое благоволеніе («Записки Держ.» въ «Рус. Бес.» 1859 г., т. IV, стр. 380—382).

Случаи съ Державинымъ очень характерны. Они показываютъ, какъ безсознательно многое говорилось и какъ легко принималось, пока какая-нибудь случайность не привлекала на статью или книгу чьего-нибудь неблагонамѣреннаго вниманія. «Отрывокъ изъ путешествія», о которомъ мы сейчасъ только-что говорили, можетъ служить новымъ доказательствомъ этого. Онъ, какъ видно, очень понравился публикѣ: въ «Живописцѣ» онъ перепечатывался нѣсколько разъ, и даже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (пятое изданіе—1793 г.), когда она уже не позволяла писать такъ рѣзко, когда Радищевъ за подобную книгу поплатился ссылкою въ Сибирь, когда даже Державина подозрѣвали въ якобинствѣ. Мало того: отрывокъ этотъ былъ перепечатанъ въ 1806 г. въ «Московскомъ Собесѣдникѣ» (Ч. II, стр. 163). И однакожъ, дѣло было такъ щекотливо, что Новиковъ, напечатавъ обѣщаніе *продолжать* эти отрывки, не могъ сдержать слова, да и первый-то отрывокъ могъ помѣстить не иначе, какъ съ такимъ послѣсловіемъ: «Сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ Путешествія въ **, получилъ я отъ г. И. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было

[1]) Вотъ эти стихи:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».
— Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ,
Покрыты мздою очеса;
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса;
Цари! Я мнилъ,—вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ;
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!..

Прим. Д.

въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскимъ народомъ, то *не осмѣлился бы я читателя моего поподчивать сѣ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно* и для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ горьковато. *Но нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетѣ во всѣхѣ дѣяніяхѣ.* Итакъ, я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ» («Жив., ч. II, стр. 194). Но и эта приписка плохо помогла: стали обвинять автора и издателя въ неблагонамѣренности, замѣтивъ, можетъ быть, что въ «Отрывкѣ» бросается сильное сомнѣніе на законность самаго принципа крѣпостныхъ отношеній. Вслѣдствіе такихъ толковъ издатель счелъ необходимымъ помѣстить, подъ названіемъ «Англинской Прогулки», защиту «Отрывка», увѣряющую, что авторъ вовсе не имѣлъ въ виду оскорбить «цѣлый дворянскій корпусъ», что онъ болѣе ни о чемъ не говоритъ, какъ только о злоупотребленіяхъ, которыхъ, конечно, сами дворяне не одобряютъ, и проч. [Въ «Прогулкѣ» выводится пріятель издателя, который говоритъ ему:

«Я совсѣмъ не понимаю,—продолжалъ онъ, почему нѣкоторые думаютъ, что будто сей листокъ огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ. *Тутѣ описанѣ помѣщикѣ, не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви кѣ человѣчеству, ни сожалѣнія кѣ подобнымѣ себѣ; и слѣдовательно описанѣ дворянинѣ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій... Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетѣ утверждать, что сіе употребленіе не достойно осмѣянія?* И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ, отъ чего остановляются и приходятъ въ недоимку государственные поборы; отъ чего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны; отъ чего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ частые бываютъ неурожаи хлѣба... Не все ли проистекаетъ отъ употребленія во зло преимущества дворянскаго? Когда жъ неустроенію сему причиною худые дворяне, то недостойны ли они справедливаго порицанія? Пусть скажутъ господа критики, *кто больше оскорбляетѣ почтенный дворянскій корпусѣ,—я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетѣ стыдѣ человѣчеству, дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или ваша на нихѣ сатира?* Итакъ, вѣрьте, промолвилъ онъ, что такія ваши сатиры *не только что не огорчаютѣ дворянѣ, украшенныхѣ добродѣтелію и знающихѣ человѣчество, но паче еще и превозносятѣ ихѣ.* Правда, что въ числѣ вашихъ критиковъ были и такіе, которые порицали васъ, будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому; но коль чудно и странно сіе пристрастіе! Какъ? *защищать упорно такое преимущество, которымѣ сами они, и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются!..* Я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ; но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они *не вѣдая вашей цѣли, никакого не могли по началу сдѣлать правильнаго заключенія; и потому изѣ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели охуждали, что вы не сѣ той стороны принялись за сію сатиру (??).* Напротивъ того, бранили васъ надменные дворянствомъ люди, которые думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагороднаго; что подлости одной свойственно утопать въ порокахъ; и что, наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ, будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны! Сіи гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о крестьянахъ: *накажу ихѣ жезломѣ беззаконія;* а подлинно, они часто наказываются беззаконіемъ!»

Нельзя не сознаться, что объясненіе это очень искусно написано. Но, тѣмъ не менѣе, оно парализировало истинную силу «Отрывка» и придало ему тотъ же недалекій видъ, какимъ отличалась вообще сатира того времени... Обличители хотѣли внушить помѣщикамъ правила человѣколюбія, безъ ограниченія ихъ произвола и безъ измѣненія ихъ юридическихъ отношеній къ крестьянамъ. Они никакъ не хотѣли понять, что пока личному произволу оставлена хоть малѣйшая доля участія въ распоряженіи общественными дѣлами и отношеніями, до тѣхъ поръ не можетъ быть прочныхъ гарантій для сохраненія безопасности и правъ личности. Отъ этого-то непониманія и происходила та двойственность и половинчатость сатиры, которая лишила ее практическаго вліянія на перемѣну нравовъ] [1]).

Для нѣкоторыхъ можетъ показаться страннымъ, что мы говоримъ о слабости сатиры, которая, какъ видно изъ нашихъ же выписокъ, была такъ рѣзка и безпощадна. Особенно наше сужденіе можетъ показаться несправедливымъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу, который такъ безбоязненно и серьезно поставленъ на видъ тогдашнею сатирою. Въ другихъ вопросахъ самостоятельное значеніе сатиры уменьшается тѣмъ, что она шла обыкновенно вслѣдъ за административными распоряженіями и карала зло, уже оффиціально пораженное. Но здѣсь совсѣмъ другое. Дѣло эманципаціи только еще теперь осуществляется. Но и въ настоящее время, когда вопросъ этотъ уже близится къ своему разрѣшенію, недостатки прошлаго положенія дѣлъ не представлены [въ столь рѣзкихъ и живыхъ картинахъ, какъ] въ сатирѣ Новикова, въ то время, когда эти недостатки были еще во всей силѣ и распространены были повсюду въ Россіи. Извѣстно, что при Екатеринѣ у насъ не только не

[1]) Послѣ сдѣланныхъ нами выписокъ (а мы привели еще не самыя сильныя мѣста).

хотѣли отказываться отъ принципа крѣпостного права, но еще распространяли его значеніе. Въ 1762 г., въ первые дни по вступленіи на престолъ, Екатерина раздала много крестьянъ разнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ея воцаренію, и издала указъ, чтобы помѣщичьи крестьяне, подъ страхомъ строгаго наказанія, не слушали злонамѣренныхъ разглашеній о томъ, будто ихъ велѣно отъ помѣщиковъ отписывать на казну. Затѣмъ, подобные указы повторялись каждый годъ по нѣсколько разъ. Раздача крестьянъ была при Екатеринѣ самою обыкновенною наградою дворянамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о количествѣ розданныхъ тогда крестьянъ; но стоитъ только заглянуть въ какіе-нибудь современные мемуары, чтобы тотчасъ же напасть на исчисленіе сотенъ и тысячъ пожалованныхъ крестьянъ. Раскройте, напримѣръ, Грибовскаго, и у него вы найдете мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія, что Остерману было пожаловано 6,000 душъ (Гриб. Записки, стр. 65), Трощинскому 1,700, В. С. Попову — 1,500 въ Малороссіи да 1,000 въ польскихъ губерніяхъ (стр. 81), иностранцу Алтести—6,000 душъ польскихъ (стр. 78), графу Маркову—4,000 душъ (стр. 75), графу Безбородку—16,000 (стр. 70), Н. И. Салтыкову — 6,000 (стр. 61)... Державинъ въ своихъ Запискахъ жалуется, что ему въ день торжества мира съ турками, въ 1793 г., ничего не пожаловали, между тѣмъ какъ онъ «въ сей день провозглашалъ съ трона публично награжденія отличившимся въ сію войну чиновникамъ нѣсколькими тысячами душъ» («Рус. Бес.», IV, стр. 349). Въ 1783 г. закрѣплены крестьяне въ Малороссіи. Все это должно бы заставить сатириковъ молчать о вопросѣ помѣщичьемъ; но несмотря на то, они говорили рѣзко, смѣло [свободно. Можно ли не отдать имъ дани справедливаго удивленія и благодарности?

Да, конечно, усилія сатириковъ все-таки заслуживаютъ нашей благодарности, какъ и Державинъ заслуживаетъ благодарности за переложеніе псалма 81. Но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значенія. Заслуги ихъ можно бы восхвалять сколько угодно: отъ этого ничего дурного не вышло бы] [1]). Но нехорошо, однако, когда дѣлу придаютъ такое значеніе, какого оно не имѣло: это имѣетъ ту дурную сторону, что очень стѣсняетъ наши требованія и заставляетъ довольствоваться исполненіемъ, которое вовсе неудовлетворительно. Поэтому, мы считаемъ необходимымъ замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, сатира новиковская нападала, какъ мы видѣли, не на принципъ, не на основу зла, а только на *злоупотребленія* того, что въ нашихъ понятіяхъ есть уже само по себѣ зло. Во-вторыхъ, даже и рѣзкость нападокъ на самыя злоупотребленія была большею частью слѣдствіемъ недоразумѣнія и наивности, въ родѣ державинскаго переложенія псалма. Конечно, Екатерина указами запрещала вѣрить слухамъ объ освобожденіи; но уже это самое доказываетъ, что были объ этомъ слухи, и довольно распространенные. И, говорятъ, дѣйствительно, мысль объ освобожденіи была и у Екатерины въ первое время ея царствованія. Есть извѣстіе, что былъ даже предложенъ вопросъ объ этомъ которой-то академіи, и академики сочинили даже разсужденіе, котораго содержаніе понятно изъ эпиграфа: in favorem libertatis omnia jura clamant; sed est modus in rebus [1]). Хорошему всегда вѣришь охотнѣе, а писатели екатерининскаго времени такъ увлечены были мечтою о златомъ вѣкѣ, такъ довѣряли мудрости россійской Минервы, такъ привыкли ждать всего прекраснаго отъ царствующей надъ ними Астреи, что готовы были не только повѣрить первому слуху объ освобожденіи ею крестьянъ, но даже и сочинить на этотъ слухъ восторженную оду. Нѣкоторые намеки, ложно растолкованные въ первыхъ манифестахъ Екатерины, подали имъ надежду, а отобраніе въ казну имѣній монастырскихъ и церковныхъ убѣдило ихъ въ легкости исполненія ожидаемаго. И затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ ничто уже не могло разубѣдить ихъ. Не только Новиковъ въ 1769 и 1772 г., но даже писатели послѣ 1783 г., то-есть, послѣ закрѣпленія малороссійскихъ крестьянъ, поддавались первой вѣсти о свободѣ и приходили въ неописанный восторгъ. До какой степени легко возбуждался этотъ восторгъ, и какіе удивительные размѣры и формы придавалъ онъ и самымъ обыкновеннымъ и невозможнымъ вещамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Указомъ 15 февраля 1786 года, Екатерина повелѣла не подписываться на прошеніяхъ къ ней *рабомъ*, но *вѣрноподданнымъ*. Понятно, что это было дѣломъ простой формальности и не давало русскому народу никакихъ особенныхъ правъ. Но что же дѣлаетъ литература? Одинъ изъ замѣчательныхъ ея дѣятелей и, при томъ, сатирикъ, приходитъ въ восторгъ неслыханный и пишетъ «Оду на истребленіе въ Россіи званія раба», въ которой придаетъ измѣненію формальности

[1]) Все это очень хорошо, отвѣтимъ мы;

[1]) Въ пользу свободы вопіютъ всѣ права; но всему есть мѣра.—*Прим. Д.*

въ подписи вотъ какое значеніе (Соч. Капниста, стр. 294):

Теперь—о, радость несказанна!
О, день—свѣтлѣе всѣхъ побѣдъ!
Царица, небомъ ниспосланна,
Неволи тяжки узы рветъ.
Россія! ты свободна нынѣ!
Ликуй! во вѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна.
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена...

Обиліе рѣкой польется
И ризу позлатитъ полей;
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужъ вослѣдъ свободы
Забавы въ рощѣ за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой!

И все это оттого, что измѣнена форма подписи на прошеніяхъ! Вотъ и судите по этому, до какой степени простиралась наивность нашихъ сатириковъ прошлаго столѣтія! Вѣдь этотъ же самый Капнистъ, въ другомъ настроеніи духа, готовъ былъ бы написать и сатиру на тѣхъ, которые вздумали бы увѣрять, что указъ 15 февраля 1786 г. вовсе не даетъ освобожденія.

И вѣдь *любопытно то*, что никакой опытъ не научаетъ русскаго поэта. Всѣ иллюзіи Капниста, разумѣется, разлетѣлись прахомъ. По случаю открывшихся въ 1787 г. войнъ съ Турціею и Польшею, раздача вотчинъ усилилась; еще бо́льшіе размѣры приняла она при Павлѣ I, который, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, роздалъ, какъ замѣчено въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина (т. I, стр. 527) до 300.000 душъ крестьянъ. Можно бы ожидать, что послѣдующія событія будутъ уже приниматься осмотрительнѣе, что духъ надежды нѣсколько упадетъ. Но вотъ насталъ 1801 годъ, вступилъ на престолъ императоръ Александръ I, и оживились замолкшія было надежды. Въ 1803 г., 20 февраля, изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Какъ извѣстно, указъ этотъ имѣлъ самое ограниченное примѣненіе; но въ воображеніи нѣкоторыхъ піитъ размѣры его вышли громаднѣйшіе. «Свободу и блаженство всей Россійской имперіи»—вотъ что́ увидѣли въ этомъ частномъ распоряженіи,—ни болѣе, ни менѣе. По этому случаю М. В. Храповицкій, не только стихотворецъ, но даже отчасти государственный человѣкъ, сочинилъ тоже *оду*, гдѣ сначала описывается, какъ ужасно было положеніе раба, который

Едва вздохнуть на небо знаетъ,
Питать надежды не дерзаетъ,
Чтобъ могъ *престать* онъ быть рабомъ;

а затѣмъ поэтъ восклицаетъ въ лирическомъ порывѣ: «*престалъ!*» и изображаетъ благодѣтельныя слѣдствія, уже происшедшія отъ этого:

Теперь лишь жить онъ начинаетъ!
Исчезъ бича всегдашній страхъ!
Какъ немощію удрученный,
Весны дыханьемъ облегченный,
Усмѣшку кажетъ на устахъ;
Усмѣшкою такъ растворилось
Угрюмо ратая чело,
Такъ радостію оживилось
Въ немъ сердце.—Миновалось зло,
Которо тяжкою судьбою
Вѣками видѣлъ надъ главою:
Свободный хлѣбопашецъ онъ,
Свободенъ въ ремеслѣ полезномъ,
И сынъ въ отечествѣ любезномъ:
Его подъ кровъ пріялъ законъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи ода принимаетъ даже обличительный характеръ:

Пусть индѣ, обольстясь, мечтаютъ,
Что вольность обрѣли себѣ,—
Ахъ, сердцемъ сжатымъ оправдаютъ,
Что строгой преданы судьбѣ.
У насъ, подъ сѣнью мирна трона,
Благотвореніемъ закона
Свобода корень пуститъ свой,—
Ни въ буряхъ, ни въ порывахъ злѣйшихъ,
Но солнца при лучахъ теплѣйшихъ,
И кротко, тихо, какъ весной.

На этотъ разъ, впрочемъ, поэтъ надѣялся не напрасно: за пятьдесятъ пять лѣтъ онъ предсказалъ мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, которое осуществляется въ настоящее время, когда во всѣхъ частяхъ народной жизни приводятся въ исполненіе благія надежды [нѣсколькихъ] [1]) поколѣній!

Но возвратимся къ екатерининской сатирѣ. Мы видѣли, что даже въ вопросѣ объ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ сатира думала идти за Великою Монархинею, которая совсѣмъ и не намѣрена была поднимать этого вопроса. Тѣмъ болѣе привязывали тогдашніе сатирики всѣ свои дѣйствія къ правительственнымъ мѣрамъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. [Спѣшимъ оговориться, что мы вовсе не ставимъ этого въ упрекъ тогдашней сатирѣ, а только хотимъ представить фактъ, какъ онъ есть, съ тою цѣлью, чтобы не преувеличивать его значенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не хотимъ скрывать и послѣдствій такой несамостоятельности сатиры; а слѣдствіемъ] *было то*, что она проглядѣла многія явленія, которыя по своему вредному вліянію весьма важны въ русской жизни. Дѣло въ томъ, что не все дурное можетъ быть открыто и указано закономъ. Законъ караетъ преступленіе и проступокъ, но не дурной

[1]) столькихъ.

характеръ, не внутреннее развращеніе человѣка: это-то зло, недоступное для кары закона, и должно быть уловлено и опозорено сатирою. Кромѣ того, есть цѣлыя отношенія общественныя, правильно организованныя и даже признанныя положительнымъ закономъ, но тѣмъ не менѣе противныя естественному праву; примѣръ— крѣпостныя отношенія. Сатира должна преслѣдовать всѣ подобныя явленія въ самомъ ихъ корнѣ, въ принципѣ. Наконецъ, сами законы никогда не бываютъ совершенны, въ данное время они имѣютъ извѣстный условный смыслъ, но съ теченіемъ времени, по требованію обстоятельствъ, они должны измѣняться, сатира, обличая порокъ, должна смотрѣть не на то, какой статьѣ закона онъ противорѣчитъ, а на то, до какой степени противоположенъ онъ тому нравственному идеалу, который сложился въ душѣ сатирика. Вотъ почему мы находимъ, что сатира екатерининскаго времени, при всей своей рѣзкости, не могла удовлетворить высокому назначенію истинной сатиры, именно потому, что она слишкомъ тѣсно связала себя съ существовавшимъ тогда законодательствомъ. Конечно, она не могла поступить иначе, мы это очень хорошо понимаемъ, помня исторію Новикова и др., и вовсе не думаемъ обвинять тогдашнихъ писателей за недостатокъ самостоятельности. Но вѣдь надо же объяснить общественный фактъ, представляющійся намъ въ исторіи нашей литературы; надо же, наконецъ, бросить хоть догадку, хоть намекъ [(если еще невозможно настоящее объясненіе) на то], отчего наша литература сто лѣтъ обличаетъ недуги общества, и все-таки недуги не уменьшаются. По нашему мнѣнію, причина этого заключается (по крайней мѣрѣ, заключалась во время Екатерины) въ постоянной зависимости сатиры отъ случайностей положительнаго законодательства, и эту мысль мы стараемся доказать въ нашей статьѣ, безъ всякихъ упрековъ и обвиненій кого бы то ни было. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Сатира во время Екатерины преслѣдовала, между прочимъ, ростовщиковъ. Въ большей части указаній на нихъ главный пунктъ обвиненія состоитъ въ томъ, что они берутъ очень большіе проценты. Рядомъ съ тѣмъ представляются отсталые и гнусные люди, которые жалуются на то, что уже нельзя брать болѣе указныхъ процентовъ. Все это есть очевидное слѣдствіе указа 3 апрѣля 1764 г., которымъ запрещено брать болѣе шести процентовъ. Но что же было слѣдствіемъ и закона, и обличеній? Только новыя прижимки ростовщиковъ заемщикамъ. Во времена Екатерины были, конечно, между писателями люди, которые способны были разсудить о ростѣ такъ, какъ, напримѣръ, разсуждаетъ извѣстный авторъ старинной записки объ указныхъ процентахъ, недавно напечатанной («Чт. Моск. Общ. Ист.» 1858 г., кн. II, стр. 175—177). Вотъ нѣкоторыя изъ его соображеній:

«Законъ сей (объ указныхъ процентахъ), повидимому, весьма благонамѣренный, достигнулъ ли и удобенъ ли достигнуть своей цѣли?

«Всеобщій опытъ убѣдительно доказываетъ совершенно тому противное, по крайней мѣрѣ въ Россійской имперіи, ибо едва ли есть кто изъ заимодавцевъ частнымъ людямъ, который отдавалъ свои деньги взаймы за указные проценты, и слѣдственно, едва ли кто изъ заемщиковъ пользуется благопріятствомъ помянутаго закона, исключая мѣстъ казенныхъ, да и изъ нихъ опекунскіе совѣты берутъ по 7 и по 9 на сто; въ рукахъ же частныхъ кредиторовъ возвышаются они до десяти, двадцати и болѣе, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. *Сіе происходитъ уже издавна и существуетъ наиболѣе во времена настоящія,* когда промышленность наша начинаетъ нѣсколько распространяться, а съ нею вмѣстѣ и потребность капиталовъ умножается.

«Восходя къ источнику неумѣренности процентовъ, нельзя скрыть, что *самъ законъ весьма важное занимаетъ тутъ мѣсто,* по слѣдующимъ причинамъ:

«Произвольное назначеніе малыхъ процентовъ и большого наказанія за неисполненіе повелѣннаго отвлекаетъ изъ общественной ссуды великіе частныхъ людей капиталы; ибо всѣ тѣ, которые, чтя святость закона, не смѣютъ преступать онаго и брать проценты свыше установленныхъ, принуждены деньги свои, вмѣсто заимообразной раздачи, обращать на другія какія-либо заведенія и промыслы, приносящіе имъ болѣе прибыли, нежели указные проценты. Изъ чего слѣдуетъ, что остаются, для удовлетворенія нуждающихся заемщиковъ, тѣ единственно капиталисты, кои, презирая стыдъ и страхъ наказанія, осмѣливаются отъ исполненія закона уклоняться, и для которыхъ другого правила уже быть не можетъ, какъ чтобы съ заемщиковъ брать процентовъ сколько можно болѣе, дабы вознаградить свою отважность и опасность. Такъ точно въ азіатскихъ земляхъ, гдѣ ростъ или лихва запрещены вовсе по закону Алкорана, берутся проценты весьма великіе, ради трудности избѣгнуть закона, сіе не дозволяющаго, и за сомнительную выручку обратно своихъ денегъ.

«Такимъ образомъ, законъ остается неисполненъ къ ущербу своего достоинства; существованіе онаго производитъ дѣйствія, намѣренію его совершенно противныя, а кредитъ общественный ощущаетъ чрезъ то немалое стѣсненіе.

«Хотя же, въ другихъ европейскихъ государствахъ, установлены, подобно какъ и у насъ, указные проценты, но и тамъ законъ сей остается безъ исполненія, ежели мѣра процентовъ назначена ниже пріобрѣтаемой на капиталы прибыли чрезъ торговлю и промыслы. А къ избѣжанію силы онаго вездѣ есть средства, коихъ правительство отвратить не въ состояніи.

«Изъ чего видно, что количество процентовъ не подчиняется другимъ уставамъ кромѣ изобилія, или недостатка въ ссудныхъ капиталахъ, и что гдѣ можно получать много прибыли отъ обращенія денегъ въ торговлю или промыслы, тамъ обыкновенно и за ссуду даютъ болѣе про-

центовъ; а сіе послѣднее въ мѣстахъ, капиталами недостаточныхъ, бываетъ необходимо.

«По всему сказанному лучше, кажется, такой законъ, который, вмѣсто пользы, явной вредъ причиняетъ, вовсе отмѣнить, нежели сохранить его по одному виду благонамѣренности, не имѣя средства преподать ему, къ желаемому дѣйствію, надлежащую силу».

Вмѣсто подобныхъ соображеній, сатира прошлаго столѣтія руководилась благоговѣніемъ къ закону о процентахъ и была убѣждена, что онъ, вспомоществуемый ея усиліями, можетъ уничтожить лихву и разгромить ростовщиковъ. Оттого всѣ ея «сатирическія вѣдомости» о вексельномъ курсѣ у Кащея, объ условіяхъ займа у Жидомора, и т. п., оказывались просто переливаньемъ изъ пустого въ порожнее.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ новиковскихъ журналахъ нѣсколько разъ попадаются жалобы невѣжественныхъ и дикихъ людей на то, что нѣтъ болѣе свободнаго винокуренія, а надо брать вино изъ «государева кружала», чтобы откупщику прибытокъ дѣлать. Видно, что сатирики, вѣрные своему характеру слѣдовать за правительственными реформами, не только не возставали противъ откуповъ, но скорѣе ободряли ихъ и готовы были смѣяться надъ тѣми, кто ими тяготился. Иначе имъ, конечно, и нельзя было по ихъ положенію. Откупа только-что введены были во всей Россіи съ 1767 г. Въ предварительномъ указѣ о нихъ, отъ 1 августа 1765 г., они признаны самымъ лучшимъ способомъ сбиранія дохода для казны и, вслѣдствіе того, откупщикамъ предоставляются многія права и преимущества для привлеченія ихъ къ этому дѣлу. Во-первыхъ, имъ предоставляется полная свобода «столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько и гдѣ сами похотятъ». Потомъ облагораживается самое званіе кабака: «такъ какъ, отъ происшедшихъ злоупотребленій, названіе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно, то называть ихъ впредь питейными домами и поставить на нихъ гербы яко на домахъ, подъ нашимъ защищеніемъ находящихся». Сами откупщики и повѣренные ихъ получаютъ особенныя отличія: «такъ какъ питейная продажа есть коронная регалія,—сказано въ указѣ,—то обнадеживаются откупщики монаршимъ покровительствомъ, и служба ихъ признается казенною, а они именуются коронными повѣренными служителями и носятъ шпаги». Кромѣ того, въ этомъ же указѣ утверждается неподсудность ихъ, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, никому, кромѣ губернатора или камеръ-коллегіи (П. С. З. № 12,444). Все это дѣлалось для того, чтобы посредствомъ откуповъ увеличить доходъ казны, и дѣйствительно, онъ увеличился страшно: по свидѣтельству Щербатова, винные сборы въ Москвѣ и С.-Петербургѣ простирались при Елизаветѣ до 700,000, а въ 1785 г. доходили уже до 10 милліоновъ!.. («Моск. Вѣд.», 1859 г., № 142). Но съ кого же выбиралась вся эта сумма?.. Намъ нѣтъ надобности говорить о несовершенствахъ откупной системы, всѣми признанной теперь разорительною для народа и безполезною для государства. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ фактѣ только потому, что замѣтили въ сатирикахъ прошлаго вѣка наклонность подсмѣиваться, во имя административныхъ распоряженій, надъ сознаніемъ простыхъ людей, съ самаго начала враждебно взглянувшихъ на откупа.

Но намъ могутъ сказать, что сатира должна поражать зло уже развившееся, господствующее, обнаруживающее свое вліяніе, а не то, которое находится еще въ зародышѣ. Сатира должна дѣйствовать въ настоящемъ, и нельзя отъ нея требовать предвѣдѣнія будущаго... Правда, — но въ томъ-то и бѣда, что наша сатира, «отъ Нестора до нашихъ дней», постоянно была въ положеніи, которое заставляло ее обращать свои обличенія вовсе не на сильное и настоящее, а на слабое и прошедшее. Откупной системы никто не обличалъ не потому, чтобы при ея началѣ никто не могъ понять могущаго произойти отъ нея вреда, а *просто потому, что она получила* тогда законную силу и, вслѣдствіе того, сдѣлалась уже недоступною для сатиры, во всѣхъ своихъ обличеніяхъ опиравшейся на постановленія закона. Для полнѣйшаго убѣжденія въ справедливости этой мысли, стоитъ вспомнить, что на откупа никто у насъ не вооружался до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено паденіе нынѣшней откупной системы.

И не въ отношеніи къ однимъ откупамъ сатира прошлаго вѣка выказала слѣпое послѣдованіе буквѣ закона. Возьмемъ другое явленіе, напримѣръ,—рекрутчину. Въ сатирическихъ журналахъ есть довольно много замѣтокъ, обличающихъ плутни, бывшія при рекрутскихъ наборахъ въ противность законамъ. Замѣтки эти были иногда очень практичны и полезны и указывали на возникшія злоупотребленія очень прямо. Напримѣръ, въ «Трутнѣ» 1769 г. (стр. 199), помѣщено такое письмо:

«Г. издатель! При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ, по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты, и съ земли до окончанія набора, показалося новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть, съ помощію ябеды выдумали слѣдующее: продавецъ, согласясь съ покупщикомъ, велитъ ему на себя бить челомъ въ завладѣніи дачъ; а сей, имѣвъ

нѣсколько хожденія по тому дѣлу, наконецъ подастъ, обще съ истцомъ, мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты».

Извѣстіе очень полезное, и нѣтъ сомнѣнія, что такія вещи дѣйствительно дѣлались. Но въ нихъ ли было главное зло въ этомъ случаѣ, и можно ли было ихъ уничтожить, безъ измѣненія причинъ, которыя ихъ производили? А отчего происходили подобныя злоупотребленія? Во-первыхъ, опять-таки отъ крѣпостного права, во-вторыхъ, отъ чрезвычайнаго излишества наборовъ, произведенныхъ въ царствованіе Екатерины. Извѣстно, что рекрутскіе наборы, иногда по два въ годъ, по одному человѣку съ 300 и 200 душъ, страшно обременяли Россію во все время ея царствованія. Въ прошломъ году напечатана у насъ записка кн. М. М. Щербатова о первой турецкой войнѣ (1768—1774 г.), найденная въ его бумагахъ г. Заблоцкимъ («Библ. Зап.» 1858 г. № 13, стр. 408—410). Цифры и указанія Щербатова наводятъ на мысли очень невеселыя. По его вычисленію, въ 50 лѣтъ, съ 1718 г., въ Великой Россіи «взято 1.132,000 рекрутъ, то-есть, 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно, не меньше третьяго изъ работниковъ». Въ первые годы царствованія Екатерины до турецкой войны, въ семь наборовъ собрано до 327,044 человѣкъ, кромѣ церковныхъ причетниковъ. И этого количества было еще недостаточно. «Колико наборы ни разорительны государству,—пишетъ Щербатовъ,—ибо считая со всего числа душъ уже почти 23-й человѣкъ въ рекруты взятъ, а съ числа работниковъ смѣло положить можно 11-й или 10-й: а со всѣмъ тѣмъ армія не удовольствована, ибо предводители оныхъ безпрестанно жалуются на малое число людей оныя». Изыскивая причины этого, Щербатовъ находитъ, что все объясняется, исключая военной необходимости, небрежностью и дурными распоряженіями при производствѣ наборовъ. Во-первыхъ, тогда было въ обычаѣ, что помѣщики многихъ крестьянъ ссылали въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты; это было до того распространено, что наборъ 1767 года, по свидѣтельству Щербатова, «только и служилъ для разсчета съ тѣми, которые въ зачетъ людей отдали, да и то большую часть на поселеніе въ Сибирь». Во-вторыхъ, наборы производились неправильно, внезапно, форсированно, отчего взятые вдругъ рекруты принуждены были «не токмо въ дальній путь идти, но и перемѣнить воздухъ, такъ что пришедъ въ неукомплектованные полки, гдѣ, по нуждѣ людей, имъ выгодъ и отдыху дать неможно было, токмо число мертвыхъ пріумножили, и армія попрежнему въ некомплектѣ осталась». Соображая все это, Щербатовъ приходитъ къ заключенію, что, вмѣсто двухъ наборовъ, спѣшно произведенныхъ въ 1765 г. по одному съ трехсотъ, лучше уже было бы сдѣлать своевременно одинъ наборъ по одному со ста душъ: и армія бы укомплектовалась, да и народу было бы легче... Всѣ эти соображенія относятся какъ-разъ къ тому времени, когда особенно процвѣтала наша сатира. Но она далека была отъ мысли взглянуть на войну съ той точки, чего она стоитъ народу; сатирическіе журналы въ это самое время печатали высокопарныя привѣтствія по случаю побѣдъ. Такъ, напримѣръ, «Всякая Всячина» начинаетъ свой «Барышекъ» 1770 года поздравленіемъ по случаю успѣховъ россійскаго оружія, и говоритъ такъ: «да восплещутъ убо руками всѣ языцы, да возрадуются народы и племена, тяжкимъ игомъ чрезъ многія лѣта угнетенныя, да взыграетъ море, острова и земля, видя приближающееся свое отъ горькія работы спасеніе и избавленіе, коего единственною виновницею премудрую Екатерину и разумно ею устроенный совѣтъ не только настоящій провозгласитъ вѣкъ, но и грядущія еще громче прославятъ времена» («Всяк. Всяч.», стр. 412). Что̀ могло быть виною подобныхъ гимновъ, какъ не постоянная связь сатиры съ оффиціальнымъ ходомъ русской жизни? И что̀ же мудренаго при этомъ, что воззванія сатиры противъ частныхъ злоупотребленій при наборахъ мало имѣли успѣха? Одно общее злоупотребленіе неминуемо вызываетъ другія, мелкія; а изъ записки Щербатова мы ясно видимъ, что въ самомъ основаніи производства наборовъ въ то время было большое злоупотребленіе. Его записка относится къ началу семидесятыхъ годовъ; но то же, конечно, продолжалось и въ послѣдующія 25 лѣтъ. Въ 1796 г., незадолго до смерти Екатерины, назначенъ былъ рекрутскій наборъ; но Павелъ I, вступивъ на престолъ, нашелъ возможнымъ и нужнымъ отмѣнить его и тотчасъ же отмѣнилъ.

«Но вѣдь литература не можетъ имѣть претензіи на прямое административное значеніе: довольно съ нея и того, если она старалась вообще внушать гуманныя идеи и благородныя чувствованія. А это она дѣлала въ вѣкъ Екатерины постоянно и очень усердно. Гдѣ ни раскройте сатирическіе журналы, вездѣ вамъ попадется — то насмѣшка надъ глупою спесью, то обличеніе безчеловѣчныхъ поступковъ, то злая выходка противъ эгоистическихъ разсчетовъ, то внушеніе правилъ человѣколюбія, снисхо-

дительности къ низшимъ, правдивости передъ высшими, честности, любви къ отечеству, и пр. Въ этомъ-то постоянствѣ добрыхъ стремленій, насколько было возможно ихъ обнаруживать по обстоятельствамъ времени, въ этой-то неуклонной послѣдовательности направленія, враждебнаго всему злому и безчестному, и состоитъ высокое нравственное достоинство сатиры екатерининскаго періода. Пусть она не отличалась всеобъемлемостью, пусть она даже впадала въ ошибки и шла иногда вслѣдъ за такими явленіями русской жизни, которымъ бы должна была идти навстрѣчу. Но за это нельзя обвинять ее, нельзя надъ нею трунить: это будетъ нимало не остроумно и даже недобросовѣстно. Нужно, напротивъ, поблагодарить ее за то, что она честно дѣлала свое дѣло и проложила дорогу намъ, людямъ позднѣйшаго времени, для продолженія борьбы съ порокомъ уже въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ».

Такъ непремѣнно возразятъ намъ почтеннѣйшіе историки литературы и другіе дѣятели русской науки, о которыхъ говорили мы въ началѣ нашей статьи. У нихъ вѣчно на языкѣ «уваженіе къ честнымъ дѣятелямъ мысли», «благодарность къ глашатаямъ правды и добра», и т. п. Смѣемъ увѣрить почтенныхъ историковъ литературы, трудолюбивыхъ библіографовъ и московскихъ публицистовъ, что мы ничуть не менѣе ихъ одушевлены уваженіемъ и любовью къ такимъ людямъ, какъ, напримѣръ, Новиковъ. Но неужели въ русскомъ обществѣ даже до сихъ поръ степень нравственнаго достоинства благородныхъ общественныхъ дѣятелей можетъ быть разсматриваема нераздѣльно со степенью ихъ успѣха? И неужели мы, говоря, что всѣ старанія ихъ были безуспѣшны, чрезъ то самое бросаемъ тѣнь на ихъ благородство? Наконецъ, неужели мы обижаемъ кого-нибудь, стараясь указать причины этой безуспѣшности, такъ часто не зависѣвшія отъ воли самихъ дѣятелей? Мы вѣдь не упрекаемъ нашихъ сатириковъ въ подлости и ласкательствѣ за то, что они писали иногда пышные диѳирамбы златому вѣку, мы не подозрѣваемъ ихъ въ боярской спеси за то, что они мало обращали вниманія на состояніе простого народа въ ихъ время. Подобныхъ подозрѣній мы не только не высказываемъ, мы вовсе не имѣемъ ихъ. Но надо же (повторимъ здѣсь еще разъ) выяснить истинное значеніе факта, о которомъ такъ много и такъ восторженно кричатъ сами наши историки литературы. Если наша точка зрѣнія и различается нѣсколько отъ воззрѣній библіографическихъ, такъ это давно бы пора уже понять и не коверкать нашихъ словъ. Положимъ, что мы разсуждаемъ съ вами, напримѣръ, при началѣ итальянской войны; вы приходите въ неописанный восторгъ отъ статей, въ которыхъ доказывается, что, наконецъ, пришла пора свободы Италіи, что австрійское иго нестерпимо, и т. п., — а мы спокойно замѣчаемъ вамъ, что вѣдь это, однако, ничего не значитъ, что надежды восхваляемыхъ вами статей неосновательны, что союзомъ съ Франціей Италія теперь не пріобрѣтетъ себѣ истинной свободы. И вдругъ вы бросаетесь на насъ съ обвиненіемъ въ томъ, что мы не сочувствуемъ дѣлу Италіи, и стараетесь насъ поразить, указывая литературныя достоинства статей, которыя привели васъ въ восторгъ. «Посмотрите, какъ это сильно сказано, какъ это логически выведено, какъ остроумно задѣта здѣсь австрійская система, какъ горячо выразилось тутъ сочувствіе къ итальянской народности», и пр. «Все это прекрасно, отвѣчаемъ мы: статьи написаны превосходнымъ слогомъ и дѣлаютъ честь благородству чувствованій ихъ авторовъ; но насъ интересуетъ не слогъ и не благородство писателей, а практическое значеніе ихъ идей. И съ этой стороны мы находимъ ихъ статьи, къ крайнему своему прискорбію, не только неважными, но и вполнѣ незначительными»... Затѣмъ мы сдѣлаемъ, пожалуй, даже объясненіе причинъ, по которымъ такъ думаемъ, въ родѣ того, какое сдѣлано въ майскомъ и августовскомъ политическомъ обозрѣніи «Современника». Но вы все-таки будете толковать о нашемъ неуваженіи къ Кавуру и итальянскимъ патріотамъ: проницательно ли и добросовѣстно ли будетъ это съ вашей стороны?

Итакъ, не заподозрѣвая и не унижая благородныхъ стремленій вашихъ сатириковъ, мы, однако, рѣшимся утверждать, что ихъ обличенія были безуспѣшны въ вѣкъ Екатерины. Причиною же безуспѣшности мы признаемъ, главнымъ образомъ, наивность сатириковъ, воображавшихъ, что прогрессъ Россіи зависитъ отъ личной честности какого-нибудь секретаря, отъ благосклоннаго обращенія помѣщика съ крестьянами, отъ точнаго исполненія указовъ о винокуреніи и о шести процентахъ, и т. д. Они не хотѣли видѣть связи всѣхъ частныхъ беззаконій съ общимъ механизмомъ тогдашней организаціи государства, и отъ ничтожнѣйшихъ улучшеній ожидали громадныхъ слѣдствій, какъ напр., уничтоженія взяточничества отъ учрежденія прокуроровъ, и т. п. И зато какихъ результатовъ добились они, не говоря о сферѣ административной и т. д., даже въ той области, которая была ихъ спеціальностью—въ

дѣлѣ улучшенія общественной нравственности? Сдѣлаемъ коротенькій очеркъ того положенія, въ какое пришли нравы послѣ всѣхъ этихъ обличеній.

Главные предметы обличенія сатиры екатерининскаго времени были: во-первыхъ, недостатокъ воспитанія, невѣжество и грубость нравовъ; во-вторыхъ, ложное образованіе, т.-е. французскія моды, роскошь, вѣтренность, и т. п.; въ-третьихъ, приказное крючкотворство и взяточничество. По этимъ тремъ предметамъ г. Аѳанасьевъ даже раздѣляетъ разсмотрѣніе сатиры того времени по тремъ особымъ главамъ. Посмотримъ же, что̀ ею сдѣлано.

Какимъ образомъ сатирическіе журналы осмѣивали невѣжество, грубость и дурное воспитаніе, это мы отчасти уже видѣли изъ предыдущихъ выписокъ. Прибавимъ, что сатирики очень вѣрно понимали круговую поруку дурного воспитанія и грубости помѣщичьяго быта того времени. Худо воспитанные люди, изображаемые въ сатирическихъ журналахъ, — преимущественно «господчики», какъ тогда выражались. Такъ, одинъ изъ подобныхъ господчиковъ, уже исправившійся, разсказываетъ о своемъ воспитаніи: «Отецъ мой, дворянинъ, живучи съ самыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простого нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались, [или людей на конюшнѣ плетьми не сѣкли]. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ и имѣя въ глазахъ таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ къ онымъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно: ибо я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ, хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были» («Жив.» II, 160). Далѣе сообщается еще любопытная черта того времени: «Матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу [крестьянамъ и крестьянкамъ], читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-русски ясно пересказываетъ...» Слѣдствіемъ этого было то, что тринадцати лѣтъ мальчикъ уже былъ совершенно развращенъ, и «влюбившись въ комнатную дома нашего дѣвку, сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своея», а потомъ, сознавшись съ сыномъ сосѣдняго помѣщика, воспитаннымъ такъ же хорошо, принялся за игру, пьянство и пр. Другой господчикъ пишетъ во «Всякой Всячинѣ»: «Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ я воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю (который былъ старый дьячекъ нашего прихода), то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня». Четыре года учась у этого учителя, мальчикъ до 13 лѣтъ едва выучился разбирать букварь. Тутъ отецъ хотѣлъ ему выписать француза, но бабушка воспротивилась; и «такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ карты» («Вс. Всяч.» стр. 242). Въ письмѣ къ Ѳалалею отецъ его также вспоминаетъ, какъ онъ, маленькій, вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ и [поролъ людей] [1]) такъ, что родители, бывало, животики надорвутъ со смѣха («Жив.» I, 94). Въ «Трутнѣ» разсказывается о дворянинѣ, который «ѣздилъ въ Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилѣтнему своему сыну, но, не нашедъ искуснаго, возвратился и поручилъ его воспитаніе дьячку своего прихода, *человѣку весьма дородному*» («Тр.» стр. 125). Подобными замѣтками исполнены всѣ сатирическіе журналы 1770-хъ годовъ; но большая часть изъ нихъ обращена назадъ, на времена прошедшія. А во время самаго разгара дѣйствій сатиры все было уже такъ хорошо, что сами худо воспитанные вразумлялись и очень искренно сожалѣли о небрежности своего воспитанія. Только люди стараго времени продолжали держаться своихъ понятій и сердились на новое направленіе молодежи, какъ, напр., въ письмѣ дяди къ племяннику, помѣщенномъ въ «Трутнѣ» (стр. 113 — 120). «Ты подавалъ большія надежды отцу,—пишетъ дядя,—потому что до двадцати лѣтъ жилъ дома и не читалъ книгъ, совращающихъ съ пути истины, а занимался часовникомъ и житіями святыхъ. Куда это все дѣвалося? Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо и, оставя священныя книги, принялся за свѣтскія: чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, любви ли къ Богу и ближнимъ, надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются

[1]) пр.

праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ, грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, раззорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ и, короче сказать — грѣшилъ, по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдаю бо Его предъ всѣми творцемъ всея вселенныя», и пр... Затѣмъ дядя перечисляетъ свои бдѣнія, посты и молитвы и опять переходитъ къ брани на ученье, изъ котораго происходитъ только гордость... И все это, по очевидному смыслу сатиры, клонится къ тому, что старое невѣжество отживаетъ, и на мѣсто его водворяется свѣтъ знанія... Это еще положительнѣе выражается въ «Живописцѣ». Тамъ одна барышня говоритъ: «Здѣсь вовсе свѣту подражать не умѣютъ, а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, вездѣ ученый человѣкъ лишь сумасбродитъ и чепуху городитъ» («Жив.» I, 63). Не упоминаемъ восторженныхъ изъявленій радости о водвореніи гуманныхъ понятій волею Россійской Минервы; мы много ихъ привели уже выше.

И что же? Какой успѣхъ имѣла въ этомъ дѣлѣ сатира, которая готова была вѣрить, что она добиваетъ уже остатки прежняго невѣжества? Дѣйствительно, обличаемыя ею явленія были у насъ въ силѣ еще задолго прежде. Изъ записокъ Болотова (1753 — 54 г.), изъ воспоминаній Данилова, родившагося въ 1722 г., мы видимъ, что то же было и за 20—30 лѣтъ ранѣе. Еще раньше—было, разумѣется, еще хуже. Но лучше ли было и послѣ? Вспомнимъ разсказы нашихъ современниковъ о томъ, какъ шло ихъ воспитаніе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вспомните «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы» С. Т. Аксакова, прочтите «Годы въ школѣ» г. Бицина («Рус. Бес.» 1859 г. № 1—4), «Незатѣйливое воспитаніе», изъ записокъ А. Щ. въ «Атенеѣ» (1858 г. № 43 — 45) и пр., — не та ли же самая исторія повторялась у насъ въ частномъ воспитаніи, вплоть до француза по крайней мѣрѣ?

А общественное воспитаніе, т.-е. то собственно, что мы называемъ образованіемъ?— Оно тоже было не въ блестящемъ положеніи въ то время, когда сатирическіе журналы выступили на свое поприще. Приведемъ одну выдержку изъ «Живописца» о томъ, какъ все общество враждебно расположено было къ образованію.

«Что въ наукахъ,—говоритъ Наркисъ,— астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ; на что мнѣ она? Математика прибавитъ ли моихъ доходовъ? Нѣтъ! Чортъ ли въ ней! Физика изобрѣтаетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ! Куда она годится!» и пр. Этотъ *Наркисъ* танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ «какъ ангелъ, красавицы почитаютъ его Адонисомъ», словомъ, это — свѣтскій человѣкъ. Совсѣмъ другое говоритъ худовоспитанникъ, офицеръ-бурбонъ. «Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе, — разсуждаетъ онъ, — прибавятъ ли мнѣ храбрости, сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть кричать: «пали! коли! руби!» и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ». Однако, времена перемѣнились, и *худовоспитанникъ* не можетъ получить высшаго чина, потому что ни о чемъ не умѣетъ разсудить; обиженный, онъ выходитъ въ отставку и «ѣдетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. [Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ]. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады, и если бы можно было ему съ крестьянами своими поступать въ силу Военнаго Устава, то не отказался бы онъ ихъ аркебузировать». *Кривосудъ* имѣетъ тоже сильные резоны противъ наукъ. Онъ спрашиваетъ: «По наукамъ ли чины раздаются? Я ничему не учился; однакожъ, я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобъ знать наизусть всѣ указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаются деньги? Науками ли наживаются деревни? Науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? Науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? Науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ! Такъ къ чему же онѣ годятся? Будь ученый человѣкъ хоть семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру». Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и *Молокососъ*, которому даютъ чины по милости дядюшки, деньги присылаетъ батюшка, котораго начальники не только любятъ, но еще стараются угождать ему, дѣлая тѣмъ услугу знатнымъ его родственникамъ, и пр. *Щеголиха* говоритъ: «Какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ! Ужасть, какъ смѣшны ученые мужчины! А наши сестры, ученыя,—о, онѣ-то совершенныя дуры! Въ словѣ *умѣть нравиться*

всѣ наши заключаются науки», и пр. *Волокита* разсуждаетъ такъ: «Какая польза мнѣ въ наукахъ? Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? Науками ли нравятся? Науками ли упорныя побѣждаются сердца? Науками ли украшаютъ лобъ (мужа)? Науками ли торжествуютъ надъ солюбовниками? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся». («Живоп.» I, стр. 11—30).

Почти то же самое, и даже въ подобной же діалогической формѣ, говорилъ за сорокъ лѣтъ ранѣе Кантемиръ въ сатирѣ «На хулящихъ ученіе». И скажемъ по совѣсти: хоть одно изъ всѣхъ приведенныхъ нами разсужденій «Живописца» потеряло ли свою свѣжесть и справедливость даже *въ настоящее время*, *когда*, и пр.?—Не повторяетъ ли до сихъ поръ какой-нибудь Вышневскій мыслей Кривосуда, Вихоревъ—Волокиты, и т. п.? Что же это значитъ? Конечно, то, что общество наше не очень далеко ушло въ послѣднія 90 лѣтъ на поприщѣ образованія! Въ самомъ дѣлѣ—оглянитесь вокругъ себя: чего долженъ ожидать и чему подвергается въ нашемъ обществѣ человѣкъ, посвятившій себя занятіямъ наукою, даже если онъ не школьный педантъ? «Дойти до степеней извѣстныхъ» ему не удается, если онъ честенъ и гордъ; такъ называемая ученая карьера у насъ вовсе не пользуется почетомъ и представляетъ какую-то пародію на карьеру. Состояніе до сихъ поръ наукою у насъ не пріобрѣтается; развѣ какой-нибудь спекуляторъ сочинитъ плохой учебникъ, да напечатаетъ его двадцать изданій для заведеній, въ которыхъ начальствуетъ онъ самъ или его сваты и пріятели... Въ обществѣ нашемъ человѣку, серьезно образованному, нечего дѣлать; если онъ не сядетъ за карты, то непремѣнно нагонитъ тоску на всѣхъ присутствующихъ. О женщинахъ нечего и говорить: онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими и говорящими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ сладостно замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того, чтобъ привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ «умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану» («Живоп.» I, 26)... Гдѣ же нашъ прогрессъ, гдѣ результаты сатирическихъ обличеній?

«Гдѣ жъ плоды той работы полезной?»

Надо, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ объ образованіи поставленъ очень уже широко въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ. Здѣсь уже вина равнодушія къ наукамъ падаетъ не на личныя качества отдѣльныхъ особъ, а на устройство и направленіе цѣлаго общества. Дѣйствительно, глупо и непрактично въ этомъ обществѣ заботиться объ украшеніи ума науками, и всѣ тупоумныя выходки Кривосудовъ, Худовоспитанниковъ и другихъ имѣютъ въ сущности глубоко-справедливое основаніе. Если бы сатира наша сумѣла утвердиться на этомъ основаніи, она бы дошла до многаго. Въ самомъ дѣлѣ, припомните всѣ выходки, сгруппированныя «Живописцемъ», и задайте вопросъ: что же нужно, чтобы въ этомъ обществѣ могла водвориться разумность, могло распространиться истинное образованіе? Отвѣтъ будетъ простой: нужно измѣненіе общественныхъ отношеній. Надо, чтобъ никакія преимущества знатности и протекціи не имѣли вліянія на опредѣленіе судьбы человѣка; тогда и *Молокососъ* будетъ учиться, чтобы сумѣть чего-нибудь достигнуть. Нужно, чтобы въ судахъ не могло быть произвола, чтобы законы [не были достояніемъ одной касты, а] строго и равно охраняли права каждаго: тогда и *Кривосудъ* поймет необходимость науки. Нужно, чтобы всякій изъ людей служащихъ [былъ не слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другого, а] имѣлъ свою долю участія въ общественныхъ интересахъ: тогда и въ бесѣдахъ нашихъ необходимо появится дѣльный разговоръ, и какой-нибудь *Наркисъ* принужденъ будетъ отказаться отъ своихъ трогающихъ бездѣлокъ для разговора болѣе дѣльнаго; а при этомъ онъ необходимо долженъ будетъ почувствовать цѣну образованія... Наконецъ, самое главное, нужно, чтобы значеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось его личными достоинствами, и чтобы матеріальныя блага пріобрѣтались каждымъ въ строгой соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ его труда: тогда всякій будетъ учиться уже и затѣмъ, чтобъ дѣлать какъ можно лучше свое дѣло, и невозможны будутъ тунеядцы, подобные *Худовоспитаннику*, [который выходитъ въ отставку, чтобы въ деревнѣ безобразничать надъ крестьянами]. Тогда даже и *Волокиты* (самый безнадежный народъ, больше все изъ военныхъ!) захотятъ чему-нибудь выучиться, потому что иначе имъ не на что будетъ не только одѣться со вкусомъ, но даже и убрать свои волосы... Да и *Щеголихи* тогда перемѣнятъ свои воззрѣнія, если только сами онѣ уцѣлѣютъ при такомъ измѣненіи общественныхъ отношеній... А пока продолжается то положеніе дѣлъ, какое изображала сама же сатира екатерининскаго періода, до тѣхъ поръ должно продолжаться «темное царство», которое недавно обозрѣвали мы въ сочи-

неніяхъ Островскаго. Просимъ читателя припомнить или просмотрѣть то, что̀ мы говорили тогда о возможности и значеніи образованія въ «темномъ царствѣ», подъ вліяніемъ самодурныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, екатерининская сатира не удержалась на точкѣ зрѣнія общественности и не развила тѣхъ идей, которыхъ зародышъ заключался въ приведенномъ нами изъ «Живописца» очеркѣ русскихъ воззрѣній на образованность. Кажется, сатирики и сами, впрочемъ, не совсѣмъ ясно сознавали возможное значеніе этого очерка. Изъ другихъ статей сатирическихъ журналовъ видно, что они полагали всю надежду на книги и училища. Что касается до книгъ, то мы уже говорили выше, много ли значенія могли имѣть онѣ, и какія затрудненія встрѣтились имъ тотчасъ же, какъ только стало похоже на то, что онѣ пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. [Прибавимъ, однако, что до конца царствованія Екатерины наши сатирики не переставали восхвалять данную имъ свободу мыслить и говорить. Въ 1788 г. фонъ-Визинъ задумалъ, было, издавать сатирическій журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». Для этого изданія написалъ онъ нѣсколько мелкихъ статеекъ, и между прочимъ, письмо къ Стародуму, съ просьбою у него статей въ журналъ. «Не страшусь я строгости цензуры,— пишетъ онъ,— ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, что̀ бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому тридцать лѣтъ ваша собственная роль могла ли быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ люди, стремящіеся вредить всему тому, что̀ невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; *но таковое* немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ». Въ отвѣтъ на это Стародумъ, съ своей стороны, тоже восхваляетъ «вѣкъ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно». Между прочимъ, онъ пишетъ (Соч. фонъ-Визина, стр. 545—46):

«Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно: ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. Итакъ, россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній, если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ, то перо ваше можетъ ясно обличать ихъ предъ тономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. *Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ, съ перомъ въ рукахъ, можетъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ сограждан своихъ и отечества».*

Нельзя не замѣтить, что Стародумъ нѣсколько далеко хватилъ въ своемъ самодовольствѣ; но это даетъ намъ мѣру той благородной довѣрчивости и наивности, съ которою тогдашніе сатирики смотрѣли на свое дѣло].

Скажемъ теперь нѣсколько словъ и объ училищахъ.

О заведеніи ихъ заботилась Екатерина съ самаго начала своего царствованія. Преимущественно обращено было ея вниманіе на заведеніе «воспитательныхъ училищъ», въ которыхъ цѣль была, по выраженію Бецкаго, произвести въ Россіи «новую породу людей» (докладъ Бецкаго, 12 марта 1764 г.). Въ этихъ видахъ основаны были женскія воспитательныя училища, гдѣ и положено начало тому закрытому, казенному воспитанію, противъ котораго такъ сильно возстаетъ современная педагогика за то, что оно отчуждаетъ дѣтей отъ семьи. На тѣхъ же началахъ основано было нѣсколько кадетскихъ корпусовъ. Собственно же къ устройству училищъ, не имѣющихъ воспитательнаго значенія, Екатерина приступила только уже во вторую половину своего царствованія, да и то потому, что на устройство воспитательныхъ заведеній во всѣхъ городахъ, по первоначальному плану, недостало денегъ. Въ 1775 г., при учрежденіи губерній, вмѣнено было въ обязанность приказамъ общественнаго призрѣнія—стараться о заведеніи училищъ; но это ни къ чему не повело: приказы не открыли почти ни одного училища, отзываясь тоже неимѣніемъ средствъ. По мѣстамъ и пробовали открывать формальнымъ образомъ: но ни учителей, ни книгъ не откуда было взять, и ученики не являлись. Это все было около того времени, когда литература пѣла уже развитіе лучей просвѣщенія по всѣмъ закоулкамъ русскаго царства. Наконецъ,

въ 1782 г., составлена коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ коммиссіи этой, вмѣстѣ съ Бецкимъ и Завадовскимъ, участвовалъ извѣстный педагогъ Янковичъ ди Миріево. Въ обзорѣ дѣятельности этого человѣка, изданномъ въ прошломъ году г. Вороновымъ, находятся любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ заведеніи училищъ при Екатеринѣ. Нужно сказать, что 1782—84 годы были временемъ особенно литературнаго и ученаго настроенія императрицы. Тутъ она основала Россійскую академію, дозволила заведеніе вольныхъ типографій, составила планъ сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, издавала съ Дашковою «Собесѣдникъ». Тутъ же шло и дѣло объ училищахъ. Предварительныя работы коммиссій были представлены черезъ три года, и 5 авг. 1786 г. изданъ указъ объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Въ то же время приказано было коммиссіи составить планъ для учрежденія гимназій и четырехъ университетовъ, сначала въ Екатеринославѣ, а потомъ во Псковѣ, Пензѣ и Черниговѣ, съ тѣмъ при томъ, чтобы профессора были русскіе. Коммиссія пришла въ затрудненіе и обратилась въ академію наукъ и въ московскій университетъ съ просьбою, не могутъ ли они удѣлить нѣсколько профессоровъ для новыхъ университовъ. Тѣ отвѣчали, что у нихъ у самихъ мало. Вслѣдствіе того, коммиссія донесла въ 1787 г., что необходимо вызвать ученыхъ иностранцевъ, да и то на четыре университета вдругъ набрать трудно, и потому не достаточно ли покамѣстъ учредить хоть одинъ. При этомъ представлялся и планъ новаго университета. Это было въ 1788 г. Но тутъ политическія заботы помѣшали, и до смерти Екатерины не было учреждено ни одного университета.

Гимназіи также были открыты уже въ царствованіе Александра.

Немногимъ лучше устроилось дѣло и собственно народныхъ училищъ. Въ то время какъ изданъ былъ указъ объ ихъ открытіи, государственные финансы были уже крайне истощены, и потому вся хозяйственная часть предположенныхъ училищъ отнесена была не на государственное казначейство, а на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Но и въ приказахъ денегъ было очень мало, и потому многія изъ предполагавшихся училищъ вовсе не открыты, а другія и открывались, да потомъ сами не рады были. Администрація ихъ была самая сложная: они зависѣли и отъ своего директора или смотрителя, и отъ предсѣдателя и чиновниковъ приказа, и отъ губернатора, и отъ коммиссіи училищъ. Средства были очень скудныя, помѣщеніе плохое, жалованье учителямъ ничтожное, содержаніе казеннымъ ученикамъ выдывалось неисправно, учебныхъ пособій почти никакихъ не давали. Естественно, что ни у кого не являлось охоты ни учиться, ни быть учителемъ, тѣмъ болѣе, что ученье не вознаграждалось никакими преимуществами, а учителя даже чиновъ не получали и должны были непремѣнно прослужить въ своей должности — преподаватели въ высшихъ классахъ не менѣе 23, а въ низшихъ—не менѣе 36 лѣтъ, для того, чтобы получить чинъ коллежскаго асессора, и выдти въ отставку безъ всякой пенсіи. Вообще ученье было въ загонѣ, и имъ вовсе не дорожили даже и по внѣшности. Дворяне обыкновенно записывались прямо въ полкъ, послѣ такого воспитанія, какое описывалось въ «Живописцѣ» и въ «Трутнѣ», и когда при императорѣ Александрѣ послѣдовалъ указъ о производствѣ въ офицеры только грамотныхъ, то оказалось чрезвычайно много не знавшихъ грамоты унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ. Таковы были результаты стараній о заведеніи народныхъ училищъ, — стараній, на которыя тогдашняя литература возлагала такія надежды и по поводу которыхъ воспѣвала златой вѣкъ и царство знаній въ Россіи.

Но откуда же эта скудость денежныхъ средствъ, помѣшавшая осуществленію просвѣщенныхъ намѣреній Екатерины? Мы знаемъ, что она начала свое царствованіе повелѣніемъ бить мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда, вмѣсто 32, какъ было прежде, начертаніемъ новыхъ правилъ для нашей заграничной торговли, «къ облегченію тягости народной», пониженіемъ цѣны на соль и проч. Значитъ, большой скудости при началѣ не было. А въ теченіе своего царствованія она ввела новый порядокъ сбора податей, повелѣла генералъ-прокурору составлять ежегодные бюджеты, которыхъ прежде не было, вообще, по учебнику Устрялова, «чрезвычайно увеличила государственные доходы, безъ отягощенія подданныхъ: при началѣ ея царствованія наши доходы составляли 20 милліоновъ, а при концѣ доходили до 50» (См. Устр. II, 259). Какая же могла быть скудость, судя по этимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ даже въ учебникъ?.. Правда, судя по этому мѣсту учебника, нельзя предполагать оскудѣнія финансовъ; но это потому, что здѣсь излагаются, между прочими дѣяніями Екатерины, и благотворныя мѣры ея для улучшенія финансовой части. Указаній же на разстройство финансовъ при Екатеринѣ нужно искать въ другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ

излагаются г. Устряловымъ благотворныя мѣры императора Павла для улучшенія финансовой части. Тамъ, дѣйствительно, и находимъ (стр. 275—76):

«Государственные финансы въ послѣдніе годы царствованія Екатерины находились не въ цвѣтущемъ положеніи: обременительныя войны съ Турціею, Швеціею, Польшею, Персіею истощили казну; доходы не покрывали расходовъ; внѣшній долгъ, незначительный до начала второй турецкой войны, отъ новыхъ займовъ увеличился до 46 милліоновъ рублей сер., долгъ внутренній, составившійся отъ выпуска ассигнацій, простирался до 157 милліоновъ; заграничные переводы были невыгодны, денежный курсъ съ каждымъ годомъ быстро понижался; ассигнаціонный рубль со времени второй турецкой войны постепенно упадалъ, и въ 1796 г. стоилъ только 68 к. на серебро; всеобщее потрясеніе европейской торговли французскою революціею разстроило и наши коммерческіе обороты; банкротства увеличивались; общественный кредитъ колебался».

Такъ вотъ къ чему привело непомѣрное увеличеніе доходовъ. Однакоже, все-таки отчего это? Конечно, войны были, да вѣдь войны всѣ оканчивались счастливо; мы пріобрѣли въ царствованіе Екатерины 32.000 квадратныхъ миль земли и на 12 милліоновъ увеличили народонаселеніе. Кромѣ того, были экстраординарные источники доходовъ. Напримѣръ, монастырскіе крестьяне, въ числѣ 900.000, были взяты въ казну и обложены довольно высокою по тогдашнему времи податью (указъ 26 февраля 1764 г.); раскольниковъ, которыхъ Петръ III велѣлъ было освободить отъ всякихъ розысковъ (февр. 1762 г.), велѣно было указомъ 3 марта 1764 г. при новой ревизіи всѣхъ переписать аккуратно и обложить двойнымъ подушнымъ окладомъ. Но дѣло въ томъ, что подобныхъ доходовъ было, все-таки, мало для покрытія необычайныхъ расходовъ, которые нужны были въ то время. Причиною этихъ расходовъ была всеобщая роскошь, распространившаяся въ то время, и противъ нея-то, между прочимъ, возставали тогдашніе сатирики съ особенною силою, хотя, разумѣется, опять не проводили уровня своей сатиры надъ всѣмъ обществомъ, а выбирали, что помельче. «Трутень» изображаетъ мота, который «то въ день съѣдаетъ, что̀ бы въ годъ ему съѣсть надлежало, держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричъ верховыхъ и санныхъ, и сноситъ въ годъ до двадцати паръ платья» («Трут.» стр. 219). «Смѣсь» обличаетъ такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ до 14.000 рублей. «Живописецъ» обличаетъ модныхъ дамъ, которыя прогуливались по гостиному двору и обнаруживали «превеликое желаніе покупать, или, лучше сказать, брать всякіе нужные и ненужные товары» («Жив.» II, 133). Въ «Трутнѣ» осмѣивался помѣщикъ, который содержалъ «великое число псовой охоты и ѣздилъ на ярмарки верстъ на 200 весьма великолѣпно, а именно: самъ въ четверомѣстномъ дѣдовскомъ берлинѣ на 10 лошадей, и еще 12 колясокъ, запряженныхъ 6 и 4 лошадьми, исключая повозокъ и фуръ съ палатками, поваренною посудою и всякимъ его господскимъ стяжаніемъ»... Объ этомъ дворянинѣ, однакожъ, замѣчается, что онъ проживаетъ не больше ежегоднаго своего дохода, а получаетъ онъ шесть тысячъ рублей («Трут.», 125). Изъ этого отчасти уже видно, что сатира того времени признавала главнымъ источникомъ роскоши—не дѣдовское житье со всей его сытностью и раздольемъ, а нѣчто другое. Это другое заключалось именно въ подражаніи французамъ. Большая часть нашихъ злобныхъ сатиръ на французовъ произошла не столько изъ «любви къ отечеству и народной гордости», сколько съ досады на то, что они насъ разоряютъ. Нападали на французскихъ парикмахеровъ за то, что они съ иныхъ «господчиковъ» получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ, а съ другихъ берутъ 200 р. въ годъ, платье, столъ и экипажъ («Ад. Почт.», стр. 14). Обличали французскихъ портныхъ, которые «продаютъ искусство свое весьма дорого» («И то, и се», нед. 24), самозванныхъ учителей, которые ни за что, ни про что получали большія деньги, обыкновенно рублей 500 со столомъ, прислугою и экипажемъ («Веч.» I, 12; «Кошел.», 140). Особенное зло причиняло это помѣщикамъ, которыхъ французскіе гувернеры безъ церемоніи надували и обворовывали. «Этотъ маневръ завелся и у деревенскихъ бояръ,—пишетъ Стародуровъ въ «Полезномъ съ Пріятнымъ» (стр. 24),—такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень и очень порядочныя денежки». Сатириковъ нашихъ очень возмущали также постыдныя спекуляціи, на которыя пускались учителя французы. Напримѣръ, въ «Кошелькѣ» осмѣивается французскій гувернеръ, самъ себя произведшій въ Шевалье де-Мансонжъ: этотъ плутъ, поступивши къ одному помѣщику, «въ свободное время занимался передѣлкою простого табаку въ *розовый* и продавалъ его по 5 и по 10 руб. за фунтъ». Но особенно было ужасно то, что они научали мотовству юношество, которое попадало въ ихъ руки. Ученье француза гувернера обыкновенно оканчивается въ нашихъ сатирическихъ разсказахъ тѣмъ, что воспитанникъ выучивается играть на бильярдѣ, въ банкъ и въ *квинтичъ*, и проматываетъ все отцовское состояніе. Не менѣе азартныхъ игръ разоряли тогда дворянъ «французскія

моды». Не говоря уже о томъ, что парижскіе парикмахеры и портные брали очень дорого, и что балы обходились въ большія суммы, жизнь по модѣ вредна была еще тѣмъ, что разстраивала домашнее хозяйство. Модница уже не можетъ сидѣть дома и смотрѣть за хозяйствомъ. Въ «Трутнѣ» (1770, стр. 43) помѣщено письмо одной барыни, которая, сдѣлавшись модницей при помощи французской мадамы, съ отвращеніемъ вспоминаетъ о томъ, что она прежде «только и знала, когда и какъ хлѣбъ сѣютъ, капусту садятъ, и пр., и не умѣла ни танцовать, ни одѣваться». Если модной женѣ мужъ «осмѣлится напомнить о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе, тутъ онъ пропалъ!» («Веч.» I, 188). Замѣчательно, что въ сатирическихъ нападкахъ на французовъ экономическая и внѣшняя сторона играетъ очень видную роль, а собственно идеи французовъ не подвергались осмѣянію до самаго того времени, какъ политическое движеніе во Франціи заставило ихъ опасаться. Въ 1770 годахъ, напротивъ, господствовало даже и въ обществѣ, и въ самой литературѣ, полнѣйшее уваженіе и къ господину Вольтеру, и къ женевскому философу Жанъ-Жаку Руссо, и къ ученому Дидероту, и пр. Эти насъ не разоряли, да при томъ же ихъ уважала сама императрица въ это время.

Но и экономическую сторону вопроса сатирики разсматривали въ очень малыхъ размѣрахъ. Конечно, въ обличеніяхъ мотовъ средняго состоянія могли скрываться намеки и на то, что̀ дѣлалось первоклассными и знатными богачами. Но это предположеніе, если оно и справедливо, не свидѣтельствуетъ въ пользу *силы* тогдашней сатиры. При томъ же, наши сатирики и вообще литераторы умѣли нерѣдко и мѣнять точку зрѣнія на предметъ, какъ скоро дѣло превосходило тѣ размѣры, которые были имъ по плечу. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ пировъ знатныхъ вельможъ и въ разсказахъ о жизни ихъ расточительность принимала названіе *щедрости*, а роскошь называлась *великолѣпіемъ*. Для примѣра можно указать изъ знаменитыхъ— на фонъ-Визина, писавшаго біографію Н. И. Панина, на Державина, который воспѣвалъ пиры Потемкина, забывая остроумные намеки, которые самъ же дѣлалъ на него въ «Фелицѣ», и пр. Между тѣмъ, въ этой-то воспѣваемой ими *щедрости* и *великолѣпіи* и заключалась причина финансоваго разстройства Россіи. Тутъ даже и французскіе парикмахеры и гувернеры были виноваты очень мало. И безъ нихъ были другія побужденія и другіе способы мотать неслыханныя суммы. Сама Екатерина отличалась умѣренностью и простотою, какъ свидѣтельствуютъ современныя ей записки и литературныя обращенія къ ней. Вспомнимъ стихи Державина:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
По часту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ, и пр.

Но примѣру, воспѣтому Державинымъ, не подражали приближенные императрицы. О роскоши, какую они себѣ позволяли, остались свѣдѣнія изумительныя, предъ которыми должно поблѣднѣть и исчезнуть все, что изображала сатира екатерининскаго вѣка. «Трутень» обличалъ, напримѣръ, господчиковъ, у которыхъ на столъ выходило 14 тысячъ въ годъ. А въ Запискахъ Грибовскаго находимъ, что у Пл. Ал. Зубова, графа Н. И. Панина и у графини Браницкой столъ каждый день стоилъ около 400 рублей, исключая винъ и прочихъ напитковъ, которыхъ тоже выходило каждый день рублей на 200! («Гриб. Зап.», стр. 60). Онъ же разсказываетъ удивительныя вещи о пирахъ Л. А. Нарышкина, о выѣздахъ Остермана въ его золоченой каретѣ, о праздникахъ Безбородко. Безбородко былъ весь засыпанъ золотомъ и брильянтами въ своемъ домѣ. Танцовщицѣ Давіи онъ давалъ 2.000 р. золотомъ въ мѣсяцъ, а когда она уѣзжала въ Италію, подарилъ ей деньгами и брильянтами на 500.000 р. Потомъ онъ содержалъ Сандунову, а когда эта вышла замужъ, то взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку; отъ этой онъ имѣлъ дочь, которую потомъ выдалъ замужъ, давши ей въ приданое домъ въ 300.000 р. и имѣнье съ 80.000 р. доходу («Гриб.» стр. 72). Откуда брались столь огромныя суммы? Конечно, отъ щедротъ Екатерины: хотя извѣстно, что Безбородко и безъ того былъ очень богатъ, но его собственныхъ средствъ не хватило бы на такую пышность. Въ примѣръ того, какіе размѣры должны были имѣть эти щедроты, можно указать на Н. И. Салтыкова, о которомъ свѣдѣнія находимъ тоже у Грибовскаго. По словамъ его, Салтыковъ имѣлъ всего 6.000 душъ крестьянъ, а проживалъ ежегодно по 200,000 р., да еще въ теченіе 10 лѣтъ умѣлъ сдѣлать такую экономію изъ своихъ доходовъ, что прикупилъ потомъ еще 10,000 душъ («Гриб.», стр. 61). Была, впрочемъ, у вельможъ тогдашнихъ, кромѣ щедротъ императрицы, и другая возможность получать большія деньги. Такъ, въ «Запискахъ» Державина («Рус. Бес.» 1859 г., т. IV, стр. 333—337) находимъ изложеніе дѣла извѣстнаго банкира Сутерланда, «быв-

шаго со всѣми вельможами въ великой связи, потому что онъ имъ ссужалъ казенныя деньги, которыя принималъ изъ государственнаго казначейства для перевода въ чужіе края, по случавшимся тамъ министерскимъ надобностямъ». Такихъ суммъ набралось до 2.000.000, переведенныхъ въ Англію. Но вдругъ министръ донесъ оттуда, что денегъ тамъ нѣтъ. Навели слѣдствіе, открылось, по книгамъ Сутерланда, что деньги еще не переведены; потребовали, чтобъ онъ ихъ перевелъ немедленно, а въ это время у него не случилось денегъ, и онъ объявилъ себя банкротомъ. По дальнѣйшимъ розысканіямъ открылось, что всѣ деньги «забраны—Потемкинымъ, Безбородкою, Остерманомъ, Вяземскимъ, Марковымъ и даже великимъ княземъ». Одинъ Потемкинъ взялъ 800.000 р. Это было уже послѣ смерти его, и Екатерина, на докладъ Державина, «извинивъ, что князь многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги, приказала принять на счетъ свой государственному казначейству» (стр. 337). Потемкинъ, дѣйствительно, не только самъ тратилъ большія суммы, но и другимъ разрѣшалъ подобныя траты. У Державина же находимъ мы разсказъ о купцѣ Логиновѣ, котораго Потемкинъ не только допустилъ къ откупамъ безъ залоговъ, но еще кредитовалъ 400.000 рублей изъ коммиссаріатскихъ суммъ. Между тѣмъ, Логиновъ этотъ, нажившись отъ откупа, не только не внесъ долга, но не платилъ рѣшительно ничего, и даже самъ *скрылся*, то-есть, постоянно показывался въ неизвѣстной отлучкѣ, «и хотя всѣмъ былъ виденъ проживающимъ въ Петербургѣ, однако не сысканъ и не представленъ въ Москву *около 20 лѣтъ*» (стр. 330). Въ Запискахъ же Державина есть любопытный разсказъ о расхищеніи 600.000 р. изъ государственнаго заемнаго банка, въ чемъ главными виновниками оказались—главный директоръ банка Завадовскій съ кассиромъ Кельбергомъ и вторымъ директоромъ Зайцовымъ; они «вошли между собою въ столь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку брильянтовъ, дабы, продавъ ихъ императрицѣ съ барышемъ, внести въ казну забранныя ими суммы и, сверхъ того, имѣть себѣ какой-либо прибытокъ» («Рус. Бес.» IV, стр. 377).

Подобные разсказы объясняютъ очень удовлетворительно (по крайней мѣрѣ, гораздо удовлетворительнѣе сатирическихъ нападокъ на французскія моды), отъ чего произошло подъ конецъ царствованія Екатерины такое разстройство финансовъ. Ясно, что приближенные Екатерины, не довольствуясь ея милостями, прибѣгали еще и къ непозволеннымъ ею средствамъ обогащенія. Она часто вовсе и не знала, что̀ дѣлаютъ эти вельможи; но это довѣріе къ нимъ все-таки обращалось потомъ ей въ упрекъ. Даже Державинъ, восторженный пѣвецъ ея, сказавшій о ней:

Какъ солнце, какъ луну поставлю,
На память будущимъ вѣкамъ
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ—

и онъ, въ заключеніе своихъ воспоминаній о ней, говоритъ слѣдующее:

«Коротко сказать, — сія мудрая и сильная государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь свой закоулокъ пробиться и вознестись до надлежащаго величія. Но если разсуждать, что она была человѣкомъ, что первый шагъ ея восшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать, можетъ быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы съ княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ» («Рус. Бес.», 1859 г. Кн. IV, стр. 387).

Совершенно согласно съ Державинымъ, но гораздо обстоятельнѣе и солиднѣе отзывается объ истощеніи Россіи къ концу царствованія Екатерины графъ А. Р. Воронцовъ, бывшій при императорѣ Александрѣ государственнымъ канцлеромъ. Недавно, въ первой книжкѣ «Чтеніе Московскаго Общества Исторіи и Древностей» напечатаны чрезвычайно любопытныя его «Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи». Примѣчанія эти написаны были въ 1801 г. и представлены императору Александру. Начинаются они, разумѣется, съ того, что «благополучное состояніе, которымъ всѣ Россіяне нынѣ пользуются, не оставляетъ ничего болѣе желать, какъ только непоколебимости онаго» («Чт. М. О. И.» 1859 г. Кн. I, см. стр. 91). Но затѣмъ онъ приводитъ свои мысли о внутреннемъ состояніи Россіи и, между прочимъ, замѣчаетъ: можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было». Очертивши вкратцѣ дѣйствія преемниковъ Петра и дойдя до времени Екатерины, Воронцовъ говоритъ:

«О революціи, коею возведена была императрица Екатерина Вторая на престолъ россійской, нѣтъ нужды распространяться, понеже всѣ сіи

обстоятельства еще въ свѣжей памяти; но того умолчать нельзя, что самый сей образъ вступленія на престолъ заключалъ въ себѣ многія неудобности, кои имѣли вліяніе и на все ея царствованіе. Оно было, конечно, съ большимъ блескомъ, особливо по внѣшнимъ дѣламъ; большія пріобрѣтенія сдѣланы, служащія и къ безопасности Россіи, и къ лучшему составленію всей массы, но нельзя не признать, чтобъ сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено; къ тому же прибавились налоги, прежде еще зрѣлости своей, чтобъ Россія могла оные безъ изнуренія выносить»... («Чт. М. О. И.» 1859 г. Кн. I, стр. 95).

Далѣе (на стр. 96), Воронцовъ говоритъ, что къ концу царствованія Екатерины «роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что люди едва ли уже не желали въ 1796 г. скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала». Въ особенности Воронцовъ обвиняетъ Потемкина. Говоря о военной части, онъ замѣчаетъ, что «воинскія учрежденія, сдѣланныя коммиссіею, на то опредѣленною при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, имѣли много основательнаго и полезнаго, да и на правилахъ хозяйства основаны были»; затѣмъ продолжаетъ: «Страшныя злоупотребленія и расточенія, вкравшіяся по сей части, и кои начало свое взяли и далѣе простирались отъ 1775 г., отнюдь не отъ самыхъ учрежденій произошли, а отъ необузданности временщиковъ». Далѣе Воронцовъ замѣчаетъ, что злоупотребленія эти «сдѣлались общими и не по одной военной, но по всѣмъ частямъ государства распространились» (стр. 99), и при этомъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, очень характеристическое:

«Прямою эпохою водворенія сихъ злоупотребленій почитать должно самовластіе и властолюбіе покойнаго князя Потемкина; *а на него глядя и видя, что не только нѣтъ взысканія и отчета на обогащенія людей, но и къ почестямъ и къ вознагражденіямъ было лучшею дорогою, рѣдкій, по части ему ввѣренной, не находилъ для себя выгоднымъ, по тѣмъ слѣдамъ идти;* ибо не всякій имѣетъ въ себѣ столько твердости души, чтобъ худымъ примѣрамъ не послѣдовать, *особливо когда они многія пріятности въ жизни доставляютъ*». (Стр. 100).

Эта замѣтка чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ существенную сторону вреда, который производится для государства расточительностію временщиковъ. Они сами, положимъ, и немного растратятъ; но важно уже то, что они истратили хоть одинъ лишній рубль, принадлежащій не имъ, а государству. Какъ скоро это сдѣлано хоть однимъ человѣкомъ, каковы бы ни были его заслуги, чинъ и положеніе — зараза неминуемо распространяется дальше. Какъ скоро разъ произошло нарушеніе законности,—нѣтъ причины не произойти ему и въ другой разъ. Общественное благо вообще и общественная или государственная казна въ частности можетъ быть съ усердіемъ охраняема каждымъ членомъ общества только до тѣхъ поръ, пока онъ знаетъ, что это благо, эти права, это имущество — неприкосновенны для насилія, недоступны для произвола; тутъ есть часть каждаго, и на желаніи полнаго обезпеченія этой части со стороны общества основывается и стремленіе каждаго поддерживать общее благо. Но какая же мнѣ охота заботиться объ общемъ благѣ, когда я вижу, что мое собственное достояніе не обезпечено, мои права не ограждены? И вотъ отсюда-то происходитъ эгоистическій образъ дѣйствій, который выражается съ одной стороны во взяточничествѣ, казнокрадствѣ, обманѣ и барышничествѣ всякаго рода, а съ другой — въ совершенной безпечности и небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей.

О томъ, до какой степени доходило у насъ въ девяностыхъ годахъ общее разстройство управленія по всѣмъ частямъ, всего лучше разсказываетъ князь Щербатовъ въ своемъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ, въ 1787 году, почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи», въ «Размышленіи о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры», и въ сочиненіи «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1788 г., при началѣ турецкой войны». Эти сочиненія вполнѣ не напечатаны; но въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» нынѣшняго года, въ іюнѣ и іюлѣ (№№ 142, 143, 154, 172, 177) помѣщены были довольно обстоятельныя извлеченія изъ нихъ, сдѣланныя г. М. Щепкинымъ. Мы воспользуемся нѣкоторыми изъ напечатанныхъ тамъ свѣдѣній и приведемъ нѣкоторыя сужденія Щербатова, вполнѣ подтверждающія то, что̀ мы до сихъ поръ говорили о причинахъ тогдашняго финансоваго разстройства.

Изыскивая эти причины, Щербатовъ говоритъ между прочимъ: «У насъ войны съ 1774 г. не было, а и война была самая успѣшная, области наши не разорены, доходы государственные разработаніемъ рудниковъ, умноженіемъ винной продажи, пріобщеніемъ къ кореннымъ доходамъ монастырскихъ деревень и положеніемъ на нихъ по три рубля съ души, умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, населеніемъ Новой Россіи, пріобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи, учиненіемъ новой ревизіи и прочими способами

знатно умножились. А *однако отъ безденежья и отъ недостатка кредита Россійской народъ болѣе страждетъ, нежели другія страны и послѣ всенародныхъ несчастій страдали.* Отчего же сіе происходитъ? Это объясняется, во-первыхъ, по выраженію Щербатова, *сластолюбіемъ*, вслѣдствіе котораго произошелъ упадокъ земледѣлія и бѣдность народа, и потомъ ошибочными банковыми операціями.

Перечисляя огромныя затраты денегъ, произведенныя правительствомъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины, Щербатовъ указываетъ на большія суммы, перешедшія въ Пруссію и Польшу, когда тамъ были наши войска, и затраченныя въ Польшѣ для возведенія на престолъ Станислава Понятовскаго, противъ воли поляковъ и литовцевъ. Къ этимъ издержкамъ присоединилась и придворная роскошь, которая, несмотря на старанія Екатерины соблюдать умѣренность, увеличилась при дворѣ ея, сравнительно съ дворомъ Елизаветы Петровны. Большія выдачи денегъ придворнымъ съ самаго начала затрудняли государственное казначейство, но отказывать было невозможно. «Извѣстно, — говоритъ Щербатовъ,—что восшествіе на престолъ императрицы Екатерины послѣдовало по возмущеніи; учинившихъ сіе возмущеніе надлежало наградить: даны имъ были—единымъ деревни, другимъ деньги, а всѣмъ чины придворные» («Моск. Вѣд.», № 154). Деньги эти, разумѣется, проѣдались и проматывались на разныя блестящія, но безполезныя затѣи, большею частію заграничныя. А относительно земель вотъ что говоритъ Щербатовъ: «Розданы онѣ вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостями государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысячи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населить и запахать. И тако впадаетъ въ правило народа хлѣбоводителя, которому не въ примѣръ болѣе земли надобно, чѣмъ хлѣбопашцу» («Моск. Вѣд.», № 142). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, неудобство котораго увеличивалось ненормальными отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, сельское хозяйство шло плохо. А между тѣмъ постоянно былъ большой отпускъ хлѣба за границу. Да еще это бы ничего само по себѣ; но бѣда была въ способѣ, которымъ эта операція производилась. Дѣло въ томъ, что плодородныя губерніи были отдалены отъ мѣста заграничнаго отпуска хлѣба, а пути сообщенія были въ самомъ жалкомъ состояніи. На улучшеніе дорогъ издавна былъ установленъ особый сборъ, и деньги постоянно собирались, но дѣвались неизвѣстно куда, а дороги не поправлялись вовсе; мосты были такъ худы, что по многимъ совершенно не было проѣзда. Когда же въ 1781 г. послѣдовалъ указъ объ исправленіи дорогъ и мостовъ, оказалось, что собранныя на этотъ предметъ деньги такъ ничтожны, что съ ними ни за что и приняться нельзя («Моск. Вѣд.», № 172). Поэтому земледѣльцы не могли прямо участвовать въ заграничной операціи, и вся она попала въ руки посредниковъ-торговцевъ, которые одни обогащались, давая впередъ задатки крестьянамъ и покупая у нихъ по сравнительно низкимъ цѣнамъ весь хлѣбный товаръ. Къ этому надо еще присоединить и то, что количество вывозимаго хлѣба вовсе не соображалось съ потребностями самого народа въ Россіи. Въ примѣръ безразсудства, господствовавшаго въ этомъ дѣлѣ, Щербатовъ приводитъ слѣдующій фактъ. «По именному указу, губернатору Архангельскаго порта Головцыну дозволено было выпускать до 200.000 четвертей хлѣба, но съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ предварительно въ сношеніе съ казанскимъ губернаторомъ, и если только тотъ увѣдомитъ его, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ. Но этотъ указъ вовсе не исполнился. Въ самый 1774 годъ, когда, послѣ разоренія Казанской губерніи Пугачевымъ, народъ съ голоду умиралъ, и поля были не засѣяны, выпущено было изъ сѣвернаго порта не только 200.000 четвертей, но и гораздо болѣе» («Моск. Вѣд.», № 143).

Въ числѣ причинъ, парализировавшихъ успѣхи земледѣлія и вслѣдствіе того самое благосостояніе народа, Щербатовъ приводитъ нововведенные тогда откупа и также новое положеніе объ экономическихъ крестьянахъ, отобранныхъ отъ монастырей. Откупа увеличили сидку и гонку вина, на которое употреблялось тогда до 600.000 четвертей, и Щербатовъ предлагаетъ даже въ своемъ разсужденіи — уменьшить эту пропорцію наполовину, разсчитывая, что оставшимся отъ того количествомъ хлѣба можетъ питаться до полумилліона народа въ теченіе 10 мѣсяцевъ. Относительно бывшихъ монастырскихъ крестьянъ Щербатовъ сообщаетъ слѣдующее. Когда ихъ приписали къ Коллегіи Экономіи, то оброкъ, положенный на нихъ по 3 рубля на душу, былъ сравнительно очень высокъ, и вслѣдствіе того многіе крестьяне покинули поля и обратились къ другимъ болѣе прибыльнымъ занятіямъ, такъ что большая часть земель вокругъ монастырей запустѣла. Между тѣмъ, мѣстное начальство по-

стоянно увѣряло правительство, что хозяйство въ этихъ вотчинахъ находится въ наилучшемъ положеніи. Чрезъ 4 года, въ 1767 г., возникли какія-то темныя подозрѣнія, и Коллегіи Экономіи велѣно было собрать точныя вѣдомости, сколько въ предыдущіе годы посѣяно было хлѣба на бывшихъ монастырскихъ земляхъ. Отовсюду были донесенія самыя благопріятныя: оказалось, что въ послѣдніе годы посѣвъ даже увеличился противъ прежняго, благодаря стараніямъ новаго управленія. Для повѣрки этихъ свѣдѣній отправленъ былъ Г. Н. Тепловъ и, разумѣется, нашелъ, что въ донесеніяхъ была самая наглая ложь. Результаты своей поѣздки представилъ онъ Коллегіи Экономіи и самой Екатеринѣ. Но дѣло оставлено безъ всякихъ послѣдствій, и не только не было обращено никакого вниманія на земледѣліе, но и самые казначеи, за ложныя свои донесенія, не были подвергнуты никакому наказанію. «А слѣдствіе сему,—прибавляетъ Щербатовъ,—и вышло такое, какого надлежало ожидать: ибо въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжатской пристани была по 86 коп. четверть, въ 1763 г. поднялась до 95 коп., а потомъ, часъ отъ часу подымаясь цѣною, уже въ 1773 г. вошла въ 2 р. 19 к., а нынѣ уже до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы и могла унизиться. Равно сему и въ всѣхъ другихъ городахъ, какъ можно сіе усмотрѣть изъ вѣдомостей провіантской канцеляріи. По всѣмъ симъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ удивительно ли, что цѣна хлѣба часъ отъ часу возвышалась и при бывшихъ худыхъ урожаяхъ въ двухъ прошедшихъ 1785 и 1786 годахъ не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листъ, сѣно и мохъ, и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь ржаной хлѣбъ, въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю и вящшимъ голодомъ народъ угрожаетъ» («Моск. Вѣд.», № 143).

Не надо, впрочемъ, думать, чтобы бѣдствіе было повсемѣстное: въ южныхъ краяхъ его не было, и въ это самое время, къ которому относятся слова Щербатова, зимою 1787 г., Екатерина совершила знаменитое свое путешествіе въ Тавриду, своимъ великолѣпіемъ изумившее иностранныхъ пословъ, сопровождавшихъ императрицу. Въ этомъ путешествіи Георгій Конисскій сказалъ ей знаменитую свою рѣчь: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ». Въ этомъ путешествіи приняла она поклоненіе императора Іосифа, которому внушала благоговѣніе къ себѣ своею мудростію и великолѣпіемъ. Объ этомъ путешествіи съ умиленіемъ разсказываетъ восторженный историкъ Екатерины. «Ея появленія,—говоритъ онъ,—походили на радостныя, посмѣянныя торжества: толпы народа окружали карету, воины въ строю встрѣчали, дворяне, прочія сословія наперерывъ учреждали угощенія; вездѣ арки, лавровые вѣнки, обелиски, освѣщенія; вездѣ пиршества, прославленія, милость, удовольствія... Принцъ де-Линь пишетъ отсюда такъ: каждый день знаменовался раздачею брильянтовъ, балами, фейерверками и иллюминаціями верстъ на десять въ окружности. Сначала появились лѣса на горахъ въ огнѣ, потомъ мелкіе кустарники освѣтились, по приближеніи же нашемъ все пылало!» (См. «Черты Екат. Вел.», собр. Пав. Сумароковымъ, стр. 203, 221). Полгода продолжалось это путешествіе; только въ іюнѣ возвратилась императрица въ Москву.

Но здѣсь ожидало ее другое зрѣлище, которое, впрочемъ, постарались удалить отъ ея взоровъ. Вслѣдствіе голода, московскія улицы наполнились толпами нищихъ, больныхъ, голодныхъ, оборванныхъ. Мѣстное начальство, боясь навлечь на себя гнѣвъ императрицы, позаботилось предъ ея пріѣздомъ выслать ихъ всѣхъ изъ города, «дабы не обезпокоить ее видѣніемъ такого числа нищихъ» («Моск. Вѣд.», № 172). Противъ этого распоряженія сильно возстаетъ Щербатовъ въ своемъ сочиненіи, и немудрено: онъ вообще въ разсужденіяхъ о народѣ высказываетъ много гуманности, и при томъ онъ близко видѣлъ всѣ дѣйствія голода. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ онъ бѣдствія голода 1787 года во вступленіи къ сочиненію «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба». Вступленіе это приведено г. Щепкинымъ въ № 154 «Моск. Вѣд.».

«Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлогородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду, но и сего уже недостаетъ, ибо къ несчастію и лебеда не родилась, и оной четверть *по четыре рубля* покупаютъ. Когда мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, два изъ мякины и три изъ лебеды, онъ въ ужасъ меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четверка овсяной муки положена. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще сей хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряженія дальше, то-есть до исхода февраля мѣсяца не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа,—для прокормленія того народа, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ

сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропота умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самый роскошь. Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено и не токмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею пріобрѣтши себѣ деньги, хотя нѣсколько жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты, содрогшіе отъ голода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе глада имѣютъ, безвинныя руки протягиваютъ, исчисляютъ число времени ихъ пощенія и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ и *случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ,* а правительство глухо, и слѣпо, и нечувствительно на сіе является. То если глаголовъ моихъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?»

Видно, что Щербатовъ былъ очень сильно взволнованъ зрѣлищемъ народнаго бѣдствія и въ своей горячности забылъ о томъ, что въ это время, какъ справедливо замѣчаетъ г. Щепкинъ, «Правительство Императрицы Екатерины, жадно слѣдя за побѣдоноснымъ шагомъ арміи, не имѣло времени вглядываться въ народныя нужды, прислушиваться къ воплю оголодавшей толпы, и тѣмъ менѣе заботиться о врачеваніи язвъ, нанесенныхъ голодомъ народному организму» («М. В.», № 154).

Однакоже, народное бѣдствіе должно было неминуемо отразиться и на теченіи правительственныхъ дѣлъ. Финансовый кризисъ, издавна подготовленный указанными выше обстоятельствами, теперь подошелъ очень близко. Народъ, находясь въ такомъ положеніи, не могъ, разумѣется, сполна отбывать всѣхъ своихъ податей и повинностей, а другой важный источникъ доходовъ — промышленность и заграничная торговля — въ то время еще былъ слишкомъ незначителенъ, да и тутъ не обходилось безъ большихъ злоупотребленій. Державинъ разсказываетъ, что въ 1794 г. по балансу, представленному отъ Коммерцъ-Коллегіи, вывозъ значился болѣе ввоза на 31 милліонъ, а курсъ былъ не выше 22 штиверовъ, или 44 копѣекъ. Когда Державинъ изслѣдовалъ это странное явленіе, оказалось, «что при упадкѣ курса превосходный балансъ не что иное есть, какъ плутовство иностранныхъ купцовъ съ сообществомъ нашихъ таможенныхъ служителей и бываетъ именно оттого: выпускные наши товары объявляются настоящею цѣною, и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, а иностранные объявляются ниже 10 процентами, слѣдовательно, болѣе десяти частей уменьшаютъ балансъ въ товарахъ и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлинъ» («Р. Б.» IV, стр. 336).

Ясно, что при такомъ порядкѣ разстройство дѣлъ было неизбѣжно. Но зло еще увеличивалось тѣмъ, что никто ничего не зналъ и знать не хотѣлъ о томъ, что̀ дѣлалось. «Россія, — говоритъ по этому поводу Щербатовъ, — не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ; но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что̀ я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи иногда и понапрасну; желающіе научиться способа не имѣютъ: размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою, и зло зломъ, якобы для поправленія умножаютъ» («М. В.», № 154). Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства наконецъ до того запутались, что сама Екатерина не хотѣла ихъ выслушивать спокойно. Державинъ разсказываетъ, что послѣ открытой имъ штуки съ торговымъ балансомъ, вмѣсто оказательства какого-либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ вышла еще непріятность. Сказываютъ, что будто таковая правда была императрицѣ непріятною, что въ ея правленіи и при ея учрежденіи могла она случиться, или, лучше сказать, обнаружиться. [Вотъ каково самолюбіе въ властителяхъ міра! и вредъ не вредъ, и польза не польза, когда только имъ не благоугодны!» («Р. Б». IV, стр. 336).] Впрочемъ, само правительство, учреждая Ревизіонъ-Коллегію, сознавалось, что «доселѣ счету никогда не бывало: а оттого происходитъ, что и по «сіе время нѣтъ совершенно извѣстія о приходѣ и расходѣ и остаткахъ».

Для поправленія финансовыхъ затрудненій въ 1768 г. учрежденъ Екатериною ассигнаціонный банкъ. Но, по словамъ Щербатова, «коренные пороки, случаи, незнаніе, желаніе выслужиться и неразсмотрѣніе, которые навсегда Россійскую Имперію отягощаютъ, и на сіе благое учрежденіе ядъ свой разлили». Именно, Щербатовъ находитъ, что, во-первыхъ, директору банка предоставлена слишкомъ большая власть, «каковая есть непристойна во всякомъ благоучрежденномъ правленіи»; оттого всегда возможны были случаи въ родѣ того, кото-

рый Державинъ разсказываетъ о Завадовскомъ и Кельбергѣ. «Во-вторыхъ—говоритъ Щербатовъ—несмотря на карту, ниже вошедъ въ обстоятельство тихости обращенія монеты въ Россійской Имперіи, по причинѣ ея пространства и малой внутренней торговли положили сумму въ банкъ едва половину въ сравненіи съ суммой надѣланныхъ ассигнацій, хотя чрезъ сіе выслужиться, что яко бы умножена монета» («М. В.» № 154). Но *половина* была еще совершенно достаточна. Въ первые годы по выпускѣ ассигнацій, бумажный рубль ходилъ 98 и 99 копѣекъ, а съ 1774 года, когда изданъ былъ указъ, чтобы не обращалось въ имперіи болѣе 20 милліоновъ бумажныхъ денегъ, держался даже al pari съ серебрянымъ рублемъ. Но когда въ 1786 г. выпущено было еще на 100 милліоновъ ассигнацій, съ учрежденіемъ государственнаго заемнаго банка, бумажный рубль въ первый же годъ упалъ до 92 копѣекъ и затѣмъ быстро понижался. Вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и нашъ заграничный курсъ. Въ 1789 г. бумажный рубль ходилъ еще по 90 копѣекъ, а во внѣшней торговлѣ, по свидѣтельству Щербатова, нашъ рубль серебряный стоилъ уже 36 штиверовъ, т.-е. 72 копѣйки, «а прибавя къ тому еще 10 копѣекъ промѣну, учинитъ, что рубль 10 копѣекъ стоитъ 36 штиверовъ», т.-е., что на заграничныхъ товарахъ мы постоянно теряли 38%. А между тѣмъ выпускъ ассигнацій продолжался; въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Екатерины выпущено ихъ еще на 57 милліоновъ, и вслѣдствіе того бумажный рубль, стоившій въ 1790 году 89 к., въ 1792 г. стоилъ уже 79, въ 1794—71, а въ 1795 — 68, между тѣмъ какъ серебряный рубль поднялся во внутреннемъ обращеніи до 146 коп. Въ 1788 г. уже почувствовался недостатокъ даже въ мѣдной монетѣ, «вдругъ начали деньги оскудѣвать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, пошли мѣнять; тамъ учинили затрудненія, якобы не довольно было счетчиковъ, не получившіе пошли безъ мѣдныхъ денегъ, другимъ разсказывали, и кредитъ банка государственнаго и монарша слова (Екатерина дала «торжественное монаршее слово, что каждая ассигнація должна почитаться за наличныя деньги и вѣрно будетъ плачена») пропалъ». Затрудненія при размѣнѣ ассигнацій достигли до того, что банкъ прекратилъ уплаты и, «прибѣгнувъ даже къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ», заперъ ворота и поставилъ къ нимъ караулъ, чтобы никого на дворъ не пускать. Вслѣдствіе этого размѣнъ денегъ стоилъ огромныхъ процентовъ: въ нѣкоторыхъ городахъ доходилъ до 15, даже до 20 копѣекъ на рубль. «То довольно видно каждому — заключаетъ Щербатовъ — коль есть сіе чувствительное разореніе всему народу, когда принуждены двадцатую, десятую и больше частей за промѣнъ такихъ денегъ терять, которыя монаршимъ словомъ утверждены быть равныя монетѣ, которые знаки, яко векселя отъ правительства, ходятъ и которые торжественнымъ монаршимъ словомъ предъ народомъ утверждены» («М. В.», № 154).

Императоръ Павелъ, вступивши на престолъ, старался исправить дѣло изданіемъ строгаго банкротскаго устава и возвышеніемъ всѣхъ налоговъ, какъ-то: подушныхъ, гильдейскихъ повинностей, гербовыхъ пошлинъ и др. (см. Устрялова Учебникъ).

Таковы были результаты того направленія русской жизни, которое обличала сатира семидесятыхъ годовъ подъ именемъ мотовства, роскоши и пристрастія къ французскимъ модамъ. Вѣроятно, въ частной жизни многихъ лицъ ея обличенія имѣли успѣхъ, потому что когда бѣдствія голода и всеобщей дороговизны стали чувствительны и среднему классу, когда рубль сталъ ходить 68 коп., то, конечно, многіе стали поневолѣ умѣреннѣе въ своихъ издержкахъ. Но въ общемъ ходѣ дѣлъ, въ развитіи богатства страны и общественнаго кредита, что произвели всѣ эти выходки противъ частной расточительности и противъ ростовщиковъ, берущихъ неуказные проценты?

Говорить ли намъ еще объ одной сторонѣ екатерининской сатиры—о борьбѣ ея со взяточничествомъ и крючкотворствомъ? Это былъ конекъ ея, тутъ она показывала себя смѣлѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и оказывалась рѣшительно достойною послѣдовательницею манифеста Екатерины о лихоимствѣ, который мы приводили выше. Но мы боимся распространяться объ этомъ предметѣ: онъ такъ уже надоѣлъ всѣмъ читателямъ со времени «Губернскихъ очерковъ». Желающіе насладиться чтеніемъ выходокъ нашихъ сатириковъ противъ взятокъ не только мелкихъ чиновниковъ, но и воеводъ, могутъ обратиться къ книжкѣ г. Аѳанасьева, который посвятилъ спеціальному восхищенію этимъ предметомъ цѣлыхъ 27 страницъ (220—246). Мы же замѣтимъ здѣсь только о томъ, что и въ вопросѣ бюрократическомъ сатира не нападала на общее устройство администраціи, хотя она дѣйствовала уже наканунѣ новаго «учрежденія о губерніяхъ», которымъ откровенно и рѣшительно признана была совершенная негодность прежняго воеводскаго управленія (1775 г., ноября 1). Сатира была въ восторгѣ отъ учрежденія прокуро-

ровъ и надѣялась отъ нихъ великаго блага для земли русской, да и вообще находила, что «теперь ужъ десятой доли нѣтъ, противъ прежняго, выгодъ для подъячихъ, хотя еще можно и теперь нажить на службѣ деревеньку» («Трут». 1769 г., стр. 12). Можно вообразить, въ какой восторгъ пришла бы сатира, если бы ея процвѣтаніе продолжалось до «учрежденія о губерніяхъ»! Вѣроятно, счастливѣе русской администраціи она бы ужъ ничего не нашла въ цѣломъ мірѣ и, конечно, стала бы еще яростнѣй обличать тѣхъ, кто приличился бы въ какихъ-нибудь грѣшкахъ даже и послѣ этого учрежденія. Но вотъ сужденіе о немъ гр. А. Р. Воронцова, о которомъ мы уже говорили выше («Чт. М. О. И.» 1859 г. кн. I, стр. 95—96).

«Въ царствованіе императрицы Екатерины Второй начавшаяся уже еще при Елизаветѣ Первой роскошь и всѣ слѣдствія оной, далѣе и далѣе простираясь, возрастала; узаконенія Петра Перваго болѣе и болѣе въ ослабленіе приходили, такъ что въ средѣ своего царствованія, послѣ разныхъ неудачныхъ опытовъ (какъ-то: собраніе депутатовъ для сочиненія новыхъ узаконеній), вмѣсто того, чтобъ поправить то, что изъ узаконеній Петра Великаго въ ослабленіе пришло, рѣшилась она внутреннему управленію дать нѣкоторымъ образомъ новую форму, издавъ учрежденіе для управленія губерній. Нельзя не признать, чтобъ оно не шло (хотя нѣсколько и излишнихъ судовъ надѣлано было) на внутреннія россійскія губерніи, гдѣ многаго недоставало; но едва ли была нужда распространять оное на присоединенныя и завоеванныя нами провинціи, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или на азіатскія, коимъ по пространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей таковое управленіе несвойственно и неудобно. Но сіе учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Непомѣрная роскошь, ослабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость, да и люди едва ль уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала».

Вообще, несмотря на усилія сатиры, даже спеціальный ея вопросъ о чиновничьихъ злоупотребленіяхъ какъ-то плохо подвигался къ разрѣшенію. Безсиліе свое въ этомъ дѣлѣ сознавала, впрочемъ, и сама сатира. Въ «Живописцѣ» помѣщено письмо къ нему отъ нѣкотораго помѣщика, бывшаго чиновника, Ермолая, изъ сельца Краденова. Въ письмѣ этомъ взяточникъ издѣвается надъ безсиліемъ сатириковъ и дѣлаетъ замѣтки очень основательныя. Безъ сомнѣнія, письмо это писано въ редакціи журнала, и въ немъ выразилась, вмѣстѣ съ долею нѣкотораго самодовольства, и досада писателя на свое положеніе въ дѣлѣ обличеній. Вотъ какъ разсуждаетъ отрѣшенный отъ дѣлъ (нельзя же иначе!) взяточникъ («Жив.» I, стр. 106):

«Ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня якобы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожь не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное, какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ; правда, согрѣшилъ передъ Государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? какъ Царя не обмануть, какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это *дѣло особое*: у кого же и украсть, какъ не у Царя; благодаря Бога домъ у него какъ полная чаша, то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое не что иное, какъ только утайка, а другое—преступленіе противъ закона, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что за утайку сѣкали кнутомъ; блаженной памяти при *** это случалось; *но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку кнутомъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да это и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. Видишь ли ты, глупый человѣкъ, что ты умничаешь по пустому. Кто тебя послушается?* Я помню, какъ одинъ господинъ въ бытность мою у него разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ-де дѣлаетъ безчестье всѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма; что-де подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты... Понимаешь ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. *Что ты изъ пустова въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?*».

Разсужденія отрѣшеннаго взяточника имѣютъ значительную долю справедливости. Для подтвержденія этого вспомнимъ, какъ въ теченіе двухъ столѣтій у насъ преслѣдовалось зло взятокъ, какъ противъ нихъ возставали люди государственные въ докладныхъ запискахъ и проектахъ, какъ онѣ запрещались указами, какъ ихъ обличала литература. Ради курьеза приведемъ, пожалуй, рядъ свидѣтельствъ о взяткахъ, изъ разныхъ періодовъ русской литературы и общественнаго развитія:

1666 годъ. Кошихинъ, стр. 93. «А кто будетъ судья возьметъ посулъ и дѣло учнетъ писать по

посуламъ и про то сыщется, и о такихъ судьяхъ о наказаніи подлинно писано въ уложенной книгѣ. Однакожъ хотя на такое дѣло положено наказаніе и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цалованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако, по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако, чрезъ такую ихъ прелесть приводитъ душа ихъ, злоиманіемъ, въ пучину огня негасимаго, и не токмо вреждаютъ своими душами, но и царскою, взявъ посулы, облыгаютъ другихъ людей злыми словами, и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей? но и сами они судіи видаютъ времянемъ, и рѣдко когда прилучатъ говорити съ нимъ о дѣлахъ».

1729 іюдѣ. Кантемирѣ, сатира 1 (стр. 11, изд. 1762 г.):

Хочешь ли судьею стать, — вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу, скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну.

1762 іюдѣ. Манифестъ императрицы Екатерины о лихоимствѣ (см. выше, стр. 664—666).

1769 іюдѣ. «У насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? Кто правъ, такъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка, какъ приняться за дѣло; а судейская наука вся въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію, — въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ».

«*Всякая Всячина*», стр. 308. «Колико трудно найти средство къ поправленію сихъ людей! Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подъячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кормиться съ дѣлъ; и не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ же имъ дано жалованье, — и жалоба происходитъ, что лѣнятся для того, что кормъ имѣютъ... Иный скажетъ: зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю: безъ того дѣла продолжаютъ и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются,—да не только спорными дѣлами, но и неспорными и подлежащими межеванію».

1796 іюдѣ. Капнистъ. Посвященіе «Ябеды»:

Монархъ! Пріявъ вѣнецъ, ты правду на престолѣ
Съ собою воцарилъ...
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта,—
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ, по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ твоимъ,
Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именемъ твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

1801 іюдѣ. Указъ Императора Александра I Правительствующему Сенату, отъ 18 ноября (П. С. З. № 20,516). «Изъ доходящихъ къ намъ безпрестанно слуховъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что пагубное лихоимство или взятки въ имперіи нашей не только существуютъ, но и распространяются между тѣми самыми, которые бы гнушаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ должны. Правительствующій Сенатъ вѣдаетъ, какіе можетъ зло сіе производить безпорядки во всѣхъ частяхъ правленія», и пр...

1821 іюдѣ. Адмиралъ Мордвиновъ, въ «Мнѣніи о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1821 годъ» («Чт. М. О. И.» 1859 г. кн. 1, стр. 3). «Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство; но можно ли почитать его (страннымъ?) тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ, и можетъ ли преступленіе быть въ томъ, что̀ естественнымъ правомъ оправдано быть должно, и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья недостаточны къ доставленію оныхъ, слѣдственно, что̀ невозможно, того и ожидать не должно. Доколѣ правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судѣ; ибо правду не можно водворить тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она несовмѣстна съ нищетою, коей первое дѣйствіе—охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей».

Продолжать ли дальше? Да чего продолжать? Стоитъ только сказать: въ 1835 году явился «Ревизоръ», въ 1856 — «Губернскіе очерки»; — съ безчисленною свитою...

Вотъ результаты вѣковыхъ усилій сатиры по вопросу о взяткахъ!..

Представимъ теперь, въ заключеніе нашей статьи, общій итогъ всего, что̀ дѣлала сатира въ вѣкахъ Екатерины, и какъ ея дѣло отражалось въ жизни русскаго общества.

Она кричала о свободѣ слова и мысли, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи въ 1762 г. и затѣмъ открытія вольныхъ типографій въ 1782 г. Къ концу царство-

ванія Екатерины, тайная канцелярія возстановлена подъ именемъ тайной экспедиціи; въ 1796 году вольныя типографіи уничтожены.

Она сказала свое слово противъ пытокъ и вообще старалась о распространеніи гуманныхъ идей и о смягченіи нравовъ. При восшествіи на престолъ императора Александра — не только существовала еще пытка, формально уничтоженная потомъ его указомъ отъ 27 сентября 1801 г. (П. С. З. № 20,022), но по городамъ, при публичныхъ мѣстахъ, стояли висѣлицы, «вновь поставленныя въ 1799—1800 годахъ, для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновниковъ»; висѣлицы эти уничтожены также въ 1801 году, по указу 8 апрѣля (П. С. З. № 19,824).

Сатира обличала дурныхъ помѣщиковъ и старалась защищать человѣческія права крестьянъ. Съ 1762 г. идетъ рядъ указовъ о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ. Въ 1783 г. утверждается крѣпостное право въ Малороссіи. До воцаренія императора Александра сотни тысячъ крестьянъ раздаются во владѣніе частныхъ лицъ. Въ 1857 году поднимается вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Сатира въ семидесятыхъ годахъ нападала на суевѣріе, невѣжество и дурное воспитаніе, на гувернеровъ-французовъ, на отсутствіе истинныхъ началъ образованія. Въ 1784 г., по освидѣтельствованіи частныхъ пансіоновъ въ Петербургѣ, оказалось, что во всѣхъ ихъ 72 учителя, изъ которыхъ только 20 русскихъ, и изъ всего числа половина — учители танцевъ и рисованія (Янк. ди Миріево, Воронова). Послѣ 1786 года не открывались, несмотря на указъ, народныя училища, потому что негдѣ было взять учителей и средствъ для учебныхъ пособій и содержанія училищъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашлось много дворянъ — кандидатовъ въ офицеры, не умѣющихъ грамотѣ... Противъ слѣпого поклоненія французамъ ратовалъ еще Грибоѣдовъ, уже гораздо послѣ того, какъ мы брали Парижъ.

Сатира писала обличенія противъ роскоши и мотовства... Въ 1768 г. учрежденъ ассигнаціонный банкъ, въ 1786 г. выпущено вдругъ на 100 милліоновъ ассигнацій. Потемкинъ и другіе вельможи забирали изъ казны деньги цѣлыми милліонами и сотнями тысячъ бросали на танцовщицъ и на брильянты. Во внѣшней торговлѣ, и безъ того слабой, господствовали безпорядки; звонкая монета исчезла. Бумажный рубль стоилъ 68 копѣекъ; заграничный курсъ дошелъ до 44.

Сатирическіе журналы иногда поражали тѣхъ, кто не заботился объ общемъ благѣ, кто разоряетъ народъ. Въ это самое время вводились откупа, народъ истощался рекрутскими наборами, бросалъ свои земли, не въ состояніи будучи платить за нихъ слишкомъ высокія подати, страдалъ отъ неурожая и дороговизны, бродилъ безъ работы, помиралъ съ голоду цѣлыми тысячами.

Сатира очень зло возставала противъ лихоимства и неправосудія. Въ концѣ прошлаго столѣтія пороки эти если не усилились, то стояли на той же степени процвѣтанія, какъ и предъ началомъ царствованія Екатерины...

Пусть историки литературы восхищаются бойкостью, остроуміемъ и благородствомъ сатирическихъ журналовъ и вообще сатиры екатерининскаго времени; но пусть же не оставляютъ они безъ вниманія и жизненныхъ явленій, указанныхъ нами. Пусть они скажутъ намъ, отчего этотъ разладъ, отчего у насъ это безсиліе, эта безплодность литературы? Неужели они не найдутъ другого, болѣе обстоятельнаго и практическаго объясненія, кромѣ пошлой сентенціи, приводимой г. Аѳанасьевымъ — что «предразсудки живучи»?

Нѣтъ, лучше, кажется, для объясненія этой печальной безплодности припомнить письмо къ «Живописцу», приведенное нами нѣсколько выше... Или, еще лучше — обратить вниманіе на слова указа императора Александра объ уничтоженіи тайной экспедиціи, объясняющія вредъ личнаго произвола и необходимость гласности и законности общей для всѣхъ. Мы упраздняемъ тайную экспедицію, говоритъ указъ, потому, что «хотя она дѣйствовала со всевозможнымъ умѣреніемъ и правилась личною мудростью и собственнымъ государыни всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ, но впослѣдствіи времени *открылося, что личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго оплота злоупотребленіямъ,* и потребна была сила закона, чтобы присвоить положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость», и при томъ вообще въ «благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія должны быть объемлемы, судимы и наказываемы *общею силою закона*» (П. С. З. № 19,813).

Ссылкою на эти слова мы и заключимъ нашу статью, пожалѣвши еще разъ, что сатира екатерининскаго вѣка не находила возможности развивать свои обличенія изъ этихъ простыхъ положеній — о вредѣ личнаго произвола и необходимости для блага общества «общей силы закона», которою бы всякій равно могъ пользоваться.

346. Пермскій сборникъ.

Повременное изданіе. Книжка I. Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 345. Въ этой статьѣ ясно сочувствіе Добролюбова къ провинціальной печати, на которую онъ вовсе не склоненъ былъ смотрѣть сверху внизъ. Добролюбовъ вообще, какъ мы уже видѣли (см. №№ 104, 114 и др.), очень симпатично относился къ мѣстной литературѣ, исходя изъ мысли о необходимости скорѣйшаго и болѣе основательнаго изученія невѣдомой тогда Россіи.

М. Л.

Вся литературная дѣятельность сосредоточивается у насъ почти исключительно въ двухъ столицахъ, и мы смотримъ на это, какъ на вещь совершенно нормальную, полагая, что этому такъ и быть должно, что это все въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ ничего не можетъ быть страннѣе такого явленія, особенно если мы припомнимъ отвсюду подымающіеся клики о томъ, какъ въ настоящее время во всѣхъ концахъ Россіи пробудилась любовь къ просвѣщенію и началась усиленная дѣятельность мысли... Что въ столицахъ литература должна развиваться сильнѣе, нежели во второстепенныхъ городахъ,—это совершенно естественно. Во всей Западной Европѣ мы видимъ то же самое явленіе. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ, лишенныхъ всякой централизаціи, журнальная и вообще книжная дѣятельность развивается преимущественно въ большихъ городахъ, важныхъ въ административномъ или промышленномъ отношеніи. Но все-таки,—не говоря о Штатахъ, гдѣ въ каждомъ городишкѣ есть журналъ,—въ Англіи, напримѣръ, изъ всего количества журналовъ и газетъ, въ Лондонѣ издается едва четвертая часть, во Франціи каждый департаментъ имѣетъ свою газету, и пр. А у насъ, — исключите Петербургъ и Москву,—что̀ остается? «Одесскій Вѣстникъ» съ «Южнымъ Сборникомъ», да «Ученыя Записки Казанскаго Университета» съ «Православнымъ Собесѣдникомъ», — вотъ вамъ и все. А затѣмъ пойдутъ уже сухія губернскія вѣдомости, — до того сухія, что иногда въ нихъ цѣлый годъ ничего не помѣщается, кромѣ перепечатки объявленій вновь выходящихъ книжекъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ. Подумаешь, право, что въ Россіи вездѣ, кромѣ столицъ, люди спятъ себѣ и рта открыть не умѣютъ, двухъ мыслей не свяжутъ, особенно на бумагѣ. А между тѣмъ это вовсе неправда: въ провинціяхъ-то и живутъ люди разсуждающіе, серьезно интересующіеся наукой и литературой, съ любовью слѣдящіе за современнымъ направленіемъ мысли. Въ провинціи-то обыкновенно и развиваются дѣльные, крѣпкіе люди, оттуда-то и наѣзжаютъ они въ столицы, «съ жаждой знаній и труда», съ свѣжими силами и съ любовью къ дѣлу. Отчего же они не работаютъ въ провинціяхъ? Отчего, если дѣльный человѣкъ заведется гдѣ-нибудь въ Пензѣ, въ Устьсысольскѣ или въ Стерлитамакѣ, онъ непремѣнно тянется въ Петербургъ, или ужъ по крайней мѣрѣ въ Москву?

Кто бывалъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, для того, вѣроятно, нетруденъ будетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Ясное дѣло, отчего мужикъ свой хлѣбъ на базаръ везетъ, часто за нѣсколько десятковъ верстъ: въ своей деревнѣ у него сбыту нѣтъ. То же самое и съ литературной дѣятельностью. Люди въ провинціяхъ учатся, занимаются, работаютъ; но результатъ ихъ работы не можетъ проявиться внѣ столицъ. Наши провинціи, не говоря объ административномъ и другихъ житейскихъ отношеніяхъ, даже и въ интересахъ умственныхъ вовсе не живутъ своей отдѣльною, самостоятельною жизнью: къ нимъ приходитъ изъ Петербурга свѣтъ, либо изъ Москвы. Сюда все централизовано: здѣсь и академіи наукъ и художествъ, здѣсь и университеты, и публичная библіотека, и ученыя общества, и редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ, и свѣжія иностранныя новости. Провинція отсюда получаетъ просвѣщеніе, сюда обращаетъ она свое любопытство; отсюда узнаетъ она даже о самой себѣ. Положимъ, напримѣръ, что вы живете гдѣ-будь въ Макарьевѣ. Въ вашемъ уѣздѣ случилось въ іюнѣ нынѣшняго года замѣчательное происшествіе: объявился уродъ. Но вы ничего этого не знаете, потому что слава объ этомъ явленіи ограничилась довольно тѣснымъ пространствомъ и до васъ не достигла. Но вотъ проходитъ іюль, августъ, сентябрь; въ октябрѣ вы получаете восьмую книжку «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и читаете,—подъ руб-

рикою: «Уродливыя рожденія», на стр. 48,— что Нижегородской губерніи, Макарьевскаго уѣзда, въ деревнѣ Кременкахъ, солдатка Палагея Иванова, 13 іюня, принесла къ становому четырехмѣсячнаго, незаконно прижитаго ею урода; становой донесъ объ этомъ, куда слѣдуетъ, дѣло пошло по начальству и, благодаря благодѣтельной гласности, отпечатано въ петербургскомъ журналѣ. Если бы существовалъ до сихъ поръ «Русскій Дневникъ», то и онъ не безъ удовольствія перепечаталъ бы это извѣстіе, и такимъ образомъ изъ Петербурга,—а ужъ никакъ не изъ Макарьева,—разошлось бы на всю Россію свѣдѣніе объ уродливомъ рожденіи. Такъ и во всемъ. О дѣйствіяхъ собственныхъ вашихъ губернскихъ комитетовъ,— т.-е. объ ихъ открытіи, обѣдахъ, рѣчахъ, и т. п.,—откуда вы получали свѣдѣнія? Конечно, болѣе всего изъ «Московскихъ Вѣдомостей»... Знаменитая полемика 18 калужскихъ дворянъ, по поводу женской гимназіи въ Калугѣ, гдѣ производилась? Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Сѣверной Пчелѣ»! А гдѣ печатались интересныя свѣдѣнія о таганрогской мостовой, о николаевскомъ и таурогенскомъ благородныхъ собраніяхъ, о нравахъ новгородскаго общества, и пр. и пр.? Все въ столичныхъ газетахъ. Почему? Потому, во-первыхъ, что напечатанное въ «Калужскихъ» или «Новгородскихъ Вѣдомостяхъ» не пойдетъ далѣе Калуги или Новгорода, а изъ Петербурга или Москвы свѣдѣніе разойдется по всей необъятной Россіи; потому, во-вторыхъ, что многія вещи, какъ будто ужъ по самой натурѣ своей должны непремѣнно сначала побывать въ Петербургѣ, а ужъ потомъ огласиться во всеобщее свѣдѣніе. Но самое главное — въ-третьихъ... Это «въ-третьихъ» довольно трудно объяснить въ короткихъ словахъ, и потому мы нѣсколько распространимся.

Видите ли, въ чемъ дѣло. Большая часть свѣдѣній, которыя должны бы появляться не въ столицахъ, а прямо въ провинціяхъ, касается мѣстныхъ интересовъ края. Но въ мѣстныхъ интересахъ непремѣнно замѣшаны какія-нибудь личности; личности эти въ томъ краю всѣмъ извѣстны... Вы можете ихъ не называть; но ужъ по одному тому, что статья, разсказывающая объ извѣстномъ происшествіи, явилась въ газетѣ такого-то города, тотчасъ всѣ тамъ догадаются, о чемъ идетъ рѣчь, и даже доберутся, кто писалъ статью, подъ какими бы псевдонимами и анонимами вы ни укрывались... Вѣдь г. Н. О. напечаталъ, какъ его за статейку о нравахъ мѣстнаго общества призывали и распекали по начальству! Вѣдь г. Б—инъ публиковалъ о томъ, какъ онъ, противъ всѣхъ правъ, былъ исключенъ изъ членовъ губернскаго клуба за то, что былъ пріятелемъ съ г. В. Е—нымъ, написавшимъ повѣсть, непонравившуюся мѣстнымъ аристократамъ. Попробуйте же возиться съ такими людьми и печатать у нихъ что-нибудь подъ носомъ! Какъ ни бейтесь, ничего вы съ ними не подѣлаете. А вѣдь къ числу такихъ людей нерѣдко могутъ принадлежать и тѣ, отъ кого зависитъ напечатаніе статьи въ губернской газетѣ, или хотя бы и отдѣльно, но въ мѣстной типографіи. Конечно, можно получить разрѣшеніе изъ Петербурга, пославши туда рукопись; но въ такомъ случаѣ гораздо короче—прямо въ Петербургѣ же ее и напечатать. Тамъ никто мѣстными дрязгами оскорбляться не станетъ, а иной и хотѣлъ бы оскорбиться, да не знаетъ, чѣмъ и какъ, потому что дѣло и лица ему неизвѣстны; слѣдовательно, статейка можетъ появиться довольно безопасно. А иногда еще бываетъ и такъ: послѣ напечатанія статейки въ столичной газетѣ или журналѣ вдругъ какой-нибудь господинъ (иногда вовсе и не тотъ, кого нужно) выскочитъ да и вскинется: «это вы на меня написали; какъ же вы это осмѣлились? Я на васъ, милостивый государь, жаловаться буду». Да не ограничившись словами, въ азартѣ напишетъ это, да подъ этакой-то грамоткой и собственную фамилію, чинъ и мѣсто жительства подмахнетъ... Ну, разумѣется, дѣло-то и объяснится. И ужъ тутъ автору ничего; потому—общественное мнѣніе всегда за него бываетъ очень сильно въ этихъ случаяхъ. Развѣ изъ службы иной разъ вытѣснятъ, ежели онъ служащій; такъ и то ничего: можетъ въ столицу переѣхать или въ другую губернію, и тамъ еще лучше мѣсто получитъ, ибо ужъ по всей Россіи дѣлается извѣстно, что онъ «пострадалъ по службѣ за правду».

Такимъ образомъ, главная выгода печатанія въ Петербургѣ или Москвѣ состоитъ въ относительно большемъ просторѣ для провинціальнаго автора. Столица проводитъ надъ провинціею свой уровень, подъ который не подходятъ развѣ какихъ-нибудь пять-шесть лицъ, по своему положенію ужъ очень извѣстныхъ... Да столицѣ иначе и невозможно: ей безъ провинцій нечего было бы и дѣлать, безъ нихъ она бы не могла почувствовать даже и запаха благодѣтельной гласности. Какъ безъ подвоза хлѣба изъ провинцій Петербургъ умеръ бы съ голоду, такъ безъ подвоза матеріаловъ изъ губерній литература зачахла бы. Сообразите только, что, несмотря на внѣшній лоскъ цивилизаціи, щепетильность не-

малая существуетъ и въ столичномъ обществѣ; слѣдовательно, въ отношеніи къ своимъ собственнымъ обитателямъ Петербургъ стоитъ здѣсь почти въ такомъ же отношеніи, какъ любой уѣздный городъ— къ своимъ. А отсюда уже совершенно ясно, что столичной литературѣ необходима провинція. Въ самомъ дѣлѣ, припомните содержаніе большей части нашихъ повѣстей, романовъ, очерковъ, комедій, даже стихотвореній въ новѣйшемъ вкусѣ: все провинція!... «Ревизоръ» и «Мертвыя души» происходятъ гдѣ-то въ отдаленнѣйшихъ концахъ Россіи... Изъ губернскихъ очерковъ, провинціальныхъ воспоминаній, уѣздныхъ сценъ и т. п. можно бы теперь ужъ сочинить новую россійскую географію, и изъ всѣхъ этихъ Крутогорсковъ, Бѣловодсковъ, Краснорѣцковъ и пр. составилось бы, пожалуй, болѣе городовъ, чѣмъ сколько ихъ есть во всей Россійской имперіи. А столица еще не тронута: о ней только въ корреспонденціи Nord'a [1]) пишутъ иногда, да и то большею частію невпопадъ.

Не знаемъ, достаточно ли ясно изложили мы наше «въ третьихъ». Но если вышла неясность, то въ этомъ надо винить какой-то особенный случай; когда мы писали, это у насъ было очень ясно; а послѣ того, какъ написали — какъ-то ужъ не такъ ясно сдѣлалось... [2])

Однакоже дѣло все-таки въ томъ, что отсутствіе книжной дѣятельности въ провинціяхъ сильно свидѣтельствуетъ противъ возгласовъ о разлитіи потока просвѣщенія по всѣмъ краямъ нашего великаго отечества. Образованному и дѣятельному человѣку у насъ нечего дѣлать въ провинціи, ежели онъ не служитъ тамъ гдѣ-нибудь. Примется онъ писать, издавать что-нибудь, имѣющее мѣстный интересъ? У него не будетъ достаточнаго количества читателей: извѣстно, что даже наиболѣе распространенные изъ журналовъ, имѣющихъ общероссійскій интересъ, получаются въ нѣкоторыхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ по 20—30 экземпляровъ на цѣлую губернію. Куда же тутъ предпринимать изданіе съ мѣстнымъ интересомъ! Школу можетъ завести человѣкъ? Во-первыхъ, съ этимъ нужно выдержать очень много предварительной возни, а потомъ — это значитъ жертвовать свой капиталъ и трудъ на пользу общую, не надѣясь вознагражденія. А еще не у всякаго и есть нужный для этого капиталъ... Публичныя лекціи, что ли, можетъ еще затѣять человѣкъ въ провинціи? Или акціонерное общество составить? Или общественныя дѣла повернуть на другую дорогу? Объ этомъ смѣшно и думать. А между тѣмъ дѣятельности хочется, праздность и пустота жизни томитъ и тревожитъ, по крайней мѣрѣ, смолоду... Вотъ человѣкъ и тянется въ Петербургъ или въ Москву. Онъ же знаетъ, что и тамъ не будетъ лишнимъ, и тамъ людей мало, такъ что онъ еще будетъ замѣченъ, выйдетъ, пожалуй, впередъ. Если онъ прочиталъ двѣ книжки по-латини или по-славянски, то онъ уже не безъ нѣкотораго основанія думаетъ быть профессоромъ въ университетѣ; если онъ читалъ усердно хоть «Экономическій Указатель» г. Вернадскаго, онъ уже мѣтитъ попасть въ какую-нибудь спеціальную коммиссію по финансовой части; ежели изучилъ статьи «Русскаго Вѣстника» объ адвокатурѣ и гласности судопроизводства, то считаетъ себя въ правѣ занять довольно значительный постъ въ государствѣ, то-есть въ столицѣ... И нельзя считать его претензій очень нелѣпыми: онѣ имѣютъ свою долю оправданія въ томъ, что вѣдь бываютъ люди, которые и того не знаютъ, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Экономическомъ Указателѣ» пишется, и между тѣмъ занимаютъ видныя и вліятельныя должности. Повсюду недостатокъ людей и этотъ недостатокъ, разумѣется, какъ и все прочее, централизуется въ столицахъ. Оттого естественно все сюда и должно тянуться; оттого провинція долго еще будетъ пробавляться въ умственномъ, какъ и въ административномъ отношеніи, тѣмъ, что присылается изъ столицъ, хотя это присылаемое вырабатывается собственно въ провинціяхъ же.

«Пермскій Сборникъ», по поводу котораго мы распространились о провинціальной литературной дѣятельности, можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, какъ много можетъ у насъ въ провинціи оказаться дѣльныхъ и образованныхъ людей, если только представится имъ случай и удобство обнаружить свою дѣятельность. Въ первой книжкѣ «Пермскаго Сборника» 16 статей, большею частію историческаго и этнографическаго содержанія. Изъ нихъ двѣ статьи принадлежатъ лицамъ столичнымъ и извѣстнымъ въ нашей литературѣ: одна — «Замѣтка о пермскихъ древностяхъ»—г. Ешевскому, другая — «Воспоминаніе о докторѣ Гралѣ» — г-ну Киттары. Остальныя 14 статей написаны девятью мѣстными авторами, совершенно неизвѣстными въ нашей литературѣ, между тѣмъ въ большей части этихъ статей выказывается такое обиліе знаній, серьезность взгляда и мастерство изложенія, какія не

[1]) Газета, издававшаяся въ Брюсселѣ на деньги русскаго правительства.

[2]) Очевидно намекъ на цензора.

всегда встрѣчаются въ столичныхъ журналахъ. Самое предисловіе, объясняющее взглядъ издателя на свое предпріятіе, рѣзко отличается благородствомъ своего тона отъ кудреватыхъ и лихихъ предисловій какого-нибудь «Утра» [1]) или «Весны» [2]). Вотъ что говоритъ въ предисловіи издатель «Пермскаго Сборника»:

«Задумавши изданіе Пермскаго Сборника, мы имѣли въ виду сообщать матеріалы, наблюденія и факты, касающіеся различныхъ сторонъ Пермскаго края, которые могли бы принести пользу любознательнымъ людямъ при его изученіи. Въ какой мѣрѣ мы можемъ выполнить нашу задачу, публика увидитъ изъ предлагаемой вниманію ея первой книжки «Сборника». Можетъ быть, нѣкоторые читатели будутъ недовольны, встрѣтивши въ ней много сырыхъ матеріаловъ. На это скажемъ слѣдующее: мы не отказываемся помѣщать въ «Сборникѣ» обработанныя статьи; но не всегда можемъ ихъ дать; при томъ онѣ, будучи роскошью нашего провинціальнаго изданія, не составляютъ прямой его цѣли. Во всякомъ случаѣ изъявляемъ надежду услышать искреннія замѣчанія о недостаткахъ первой книжки и обѣщаемъ по возможности устранить ихъ въ слѣдующихъ».

И болѣе ничего: ни о знаменахъ, ни о партіяхъ, ни о собственномъ благородствѣ, ни даже о недобросовѣстности журналистовъ! Правда, что «Пермскій Сборникъ», какъ изданіе очень дѣльное, вовсе и не нуждался въ подобныхъ выходкахъ...

Программа «Пермскаго Сборника» такова, что онъ могъ бы сдѣлаться журналомъ, если бы обстоятельства (состоящія, между прочимъ, въ его успѣхѣ между читателями) благопріятствовали этому. Въ немъ четыре отдѣла: 1) *историческій*, въ которомъ предположено помѣщать статьи о различныхъ національностяхъ, вошедшихъ въ составъ пермскаго населенія, объ отдѣльныхъ событіяхъ, отозвавшихся чѣмъ-либо на состояніи края, объ исторіи отдѣльныхъ мѣстностей края, біографіи замѣчательныхъ личностей, историческіе очерки мѣстной администраціи и общественныхъ учрежденій, археологическія замѣтки о тамошнихъ памятникахъ древности; 2) *этнографическій* — описаніе образа жизни народа, обычаевъ, повѣрій, сборники пѣсенъ, сказокъ и пр.; 3) *статистическій*—описанія разныхъ мѣстностей, водъ и лѣсовъ, статьи о естественныхъ произведеніяхъ края, о состояніи сельскаго хозяйства въ Пермской губерніи, о торговлѣ и промышленности, и пр. 4) *Смѣсь и приложенія*—путевыя замѣтки, характеристики разныхъ сторонъ жизни края, хроника мѣстныхъ современныхъ событій, историческіе акты разнаго рода, библіографія сочиненій о Пермской губерніи, объявленія. Въ заключеніе программы прибавлено, что «желающимъ помѣщать свои статьи въ «Пермскомъ Сборникѣ» редакція его предлагаетъ приличное вознагражденіе». Это ужъ значитъ, что «Сборникъ» составился не по случайному вдохновенію дилеттантовъ, а задуманъ серьезно.

И при всемъ томъ нельзя поручиться за большой успѣхъ «Сборника» собственно въ Пермской губерніи. Но въ немъ есть нѣсколько статей, имѣющихъ интересъ не только для пермяка, но для всякаго образованнаго читателя, и это можетъ помочь его успѣху. Таковы двѣ статьи, относящіяся ко времени пугачевскаго бунта: одна — «О мѣрахъ предосторожности, какія принимаемы были пермскими заводами во время пугачевскаго бунта», г. Планера; другая — «Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ». Послѣдняя статья дополняетъ многими любопытными документами статью г. Плотникова о томъ же предметѣ (Далматовскій монастырь въ пугачевщину), помѣщенную въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи». Вообще, обѣ статьи «Пермскаго Сборника» имѣютъ важное значеніе для каждаго, кто интересуется новою русскою исторіею, потому что онѣ составлены по матеріаламъ, доселѣ никому не бывшимъ извѣстными и сохранившимся въ туземныхъ архивахъ. Редакція обѣщаетъ еще нѣсколько статей и матеріаловъ объ этомъ загадочномъ для ученыхъ событіи русской исторіи, и нельзя не пожелать, чтобъ это обѣщаніе было поскорѣе выполнено. Чтобы показать, какъ редакція «Сборника» смотритъ на исторію пугачевщины, приведемъ замѣтку отъ редакціи, помѣщенную предъ статьею г. Планера (стр. 46):

«Пугачевскій бунтъ не былъ явленіемъ одной только мѣстности—Яика; напротивъ, онъ охватилъ весь востокъ Европейской Россіи: повсюду поднялся народъ противъ тогдашней власти, и между прочимъ, это волненіе обнаруживалось болѣе или менѣе въ каждой мѣстности и Пермскаго края. Было бы, конечно, односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явленія тѣмъ, что вотъ-де нѣкто злодѣй Емелька Пугачевъ назвалъ себя императоромъ Петромъ III, а простой народъ вдался въ обманъ и возсталъ противъ законной власти; утверждать такъ, значило бы отрицать всякій человѣческій смыслъ у волновавшагося милліоннаго народонаселенія. Между тѣмъ при обнародованномъ запасѣ матеріаловъ объ этомъ предметѣ трудно еще дать положительный отвѣтъ на то, изъ какихъ дурныхъ соковъ народнаго быта скопился этотъ недугъ, какъ видно зачавшійся въ общественномъ тѣлѣ задолго до 1773 года, выступавшій наружу и прежде этого времени, да и послѣ, только съ перемѣною своего названія и въ неодинаковыхъ размѣрахъ. Наука вполнѣ объяснитъ это явленіе, конечно, только тогда, когда въ обладаніи ея будутъ находиться всѣ примыкавшія къ нему

[1]) См. № 243.
[2]) См. № 304.

частныя событія. Редакція Пермскаго Сборника располагаетъ достаточнымъ количествомъ статей, относящихся по своему содержанію—какъ къ времени пугачевскаго бунта, такъ и къ происходившимъ въ другія времена волненіямъ въ народонаселеніи той или другой мѣстности въ Пермскомъ краѣ. Эти статьи составлены на основаніи данныхъ, большею частію доселѣ неизданныхъ, и если иногда въ нихъ проскользнетъ недостатокъ современности взгляда на событія и искусства группировки ихъ, то, безъ сомнѣнія, статьи эти имѣютъ, по крайней мѣрѣ, всю цѣну матеріала для спеціалистовъ-историковъ».

Кромѣ этихъ двухъ статей, общій интересъ имѣетъ также статья г. Крупенина: «Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края». Очеркъ этотъ, впрочемъ, слишкомъ ужъ кратокъ и, несмотря на множество ученыхъ примѣчаній, даетъ довольно мало: укажемъ только на то, что развитіе просвѣщенія въ Пермскомъ краѣ съ начала прошлаго столѣтія изложено на трехъ страницахъ!

Въ статьѣ г. Крупенина замѣтили мы еще до нѣкоторой степени мѣстно-патріотическое направленіе, впадающее въ идиллію. По его словамъ, во всемъ краѣ господствуетъ благосостояніе и довольство, все населеніе смышленое, переимчивое, готовое сочувствовать всякой реформѣ къ лучшему, нравственность прекрасная... Мы не смѣемъ ничего говорить противъ этого; но — воля ваша — такое повальное восхваленіе цѣлаго края всегда бываетъ подозрительно: или это общее мѣсто, или прямо—ошибочный взглядъ. Отчасти то же настроеніе нашли мы въ статьѣ г. Теплоухова: «Краткое описаніе лѣсохозяйства въ пермскомъ майоратѣ графовъ Строгановыхъ», и особенно въ «Очеркѣ югозападной половины Шадринскаго уѣзда», священника Тихона Успенскаго. Статья г. Теплоухова впрочемъ содержитъ въ себѣ очень много любопытныхъ данныхъ и основательныхъ замѣчаній о крестьянскомъ населеніи въ тѣхъ мѣстахъ и о способахъ предотвращенія лѣсныхъ преступленій. Онъ разсказываетъ между прочимъ, что въ имѣніи графовъ Строгановыхъ введена теперь система легкихъ оштрафованій. Открытые лѣснымъ смотрителемъ виновные записываются въ судную тетрадь, съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ проступка и свойствъ преступника. Судъ назначается въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія дѣлъ; онъ состоитъ изъ окружного лѣсничаго и сельскаго приказчика. Лѣсные смотрители и сторожевые должны на этомъ судѣ уличить виновнаго, и тогда назначается ему штрафъ: лѣсничій, какъ техникъ, опредѣляетъ важность проступка, а приказчикъ принимаетъ въ соображеніе личность подсудимаго. Затѣмъ въ нѣсколькихъ словахъ весь судъ и рѣшеніе записывается въ судную тетрадь. Штрафы вообще бываютъ легкіе, но крестьяне, по свидѣтельству г. Теплоухова, боятся не столько самыхъ наказаній, сколько записыванья въ книгу, которую они называютъ *черною*. Разсказавъ все это, г. Теплоуховъ дѣлаетъ еще слѣдующія замѣчанія (стр. 63—64):

«Простота судопроизводства и легкость штрафованія не ожесточаютъ и не разоряютъ крестьянъ, облегчаютъ стражу въ исполненіи ея обязанностей, а главное—предохраняютъ стражу отъ взяточничества, крестьянъ отъ лукавства. Исполненіе штрафовъ лежитъ на обязанности мѣстнаго начальства. Штрафныя деньги хранятся особо отъ мѣстныхъ доходовъ и употребляются на награды лѣсной стражѣ; присужденные къ работѣ употребляются при устройствѣ лѣсовъ.

«Нелишне здѣсь замѣтить, что опытъ привелъ къ такой формѣ судопроизводства, существующей только съ 1846 года. Основаніемъ же прежняго судопроизводства было ложное убѣжденіе, что строгія взысканія могутъ застращать крестьянъ и предотвращать проступки. Но многочисленность и запутанность постановленій, которыхъ крестьяне даже не понимали, а еще менѣе помнили, недобросовѣстность лѣсной стражи и слабость мѣстныхъ начальствъ по исполненію штрафовъ, имѣли послѣдствіями: 1) неудовольствіе крестьянъ на тяжесть штрафовъ, отъ уплаты которыхъ они, впрочемъ, всегда имѣли возможность уклоняться. 2) Безчисленное дѣлопроизводство по апелляціямъ крестьянъ, сопряженное съ разными проволочками. 3) Медленность въ исполненіи приговоровъ, по причинѣ трудности самаго исполненія. 4) Подкупъ лѣсной стражи, ибо виновному легче было дать небольшую взятку сторожевому, чѣмъ заплатить въ десять разъ бо́льшій штрафъ по приговору суда. Такимъ образомъ бѣднякъ, которому нечего было заплатить стражѣ, подвергался суду, а богатый откупался. Я еще засталъ въ Инвенскомъ округѣ одного лѣсного смотрителя, который постоянно пьянствовалъ и ѣздилъ въ лѣсъ, какъ будто за добычей. Поднявшись на ближайшую гору, онъ смотрѣлъ, нѣтъ ли гдѣнибудь въ лѣсу дыму, отъ жженія костровъ на подсѣкахъ; ѣхалъ по направленію дыма, находилъ виновныхъ и, угрожая имъ штрафомъ въ 20—30 руб., бралъ съ нихъ откупного, сколько нужно было ему на вино... Крестьянинъ, если съ нимъ поступаютъ не жестоко и справедливо, добръ, послушенъ; въ судѣ не лжетъ, по природной простотѣ; отъ умѣреннаго штрафованія не уклоняется; исполняетъ всѣ полезныя для лѣсовъ постановленія, когда къ нимъ привыкнетъ и ознакомится съ ними. Если у насъ существуетъ понынѣ много проступковъ, то это происходитъ отъ недостатка лѣсовъ, несовершенства лѣсной стражи, которая, спуская вины однимъ, вводитъ тѣмъ въ соблазнъ другихъ, наконецъ отъ новизны самыхъ запрещеній, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается».

Кромѣ указанныхъ статей, особенно любопытною показалась намъ статья г. Ѳирсова: «Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи». По литературному своему достоинству это едва-ли не лучшая статья сборника. Назвавши г. Ѳирсова, мы вспомнили, что уже встрѣчались съ этимъ именемъ въ литературѣ. Въ концѣ про-

шлаго года г. Θирсовъ помѣстилъ въ «Русскомъ Педагог. Вѣстникѣ» статью о воспитаніи дѣвицъ въ Пермской губерніи. Мы не знаемъ этой статьи, потому что «Педагогическій Вѣстникъ», какъ извѣстно, составляетъ большую библіографическую рѣдкость [1]) (и охота г. Θирсову помѣщать свои статьи въ подобныхъ изданіяхъ!). Но въ 68 № «Русскаго Дневника» была разсказана по этому поводу очень любопытная исторія, къ которой мы и отсылаемъ любознательныхъ читателей, замѣтивъ только, что она, по нашему мнѣнію, нисколько не компрометтируетъ г. Θирсова [2])...

Что касается до статьи г. Θирсова въ «Сборникѣ», — она замѣчательна по тому живому, реальному воззрѣнію, съ которымъ авторъ приступаетъ къ своему предмету. Подобное воззрѣніе еще ново въ нашей наукѣ, оно должно еще завоевать себѣ мѣсто на этой аренѣ, по которой ползаютъ дряхлые ученые. У насъ до сихъ поръ господствуетъ формальность воззрѣній, не проникающая въ жизнь, довольствующаяся книгами, да и въ книгахъ отрицающая все, что̀ отзывается чистой реальностью. Для нашихъ ученыхъ,—если изданъ законъ, такъ это значитъ, что онъ ужъ и вошелъ въ жизнь народа; коли кто получилъ публичную овацію,—значитъ, что онъ популярность имѣетъ; коли въ школахъ преподаются такіе-то предметы, значитъ, что образованіе процвѣтаетъ и т. д. А что̀ было на дѣлѣ, какъ принимался народомъ извѣстный законъ, какія обстоятельства вынудили овацію, чему ученики выучились, на это ученые господствующей у насъ школы и не думаютъ обращать вниманіе. «Какъ можно больше формъ и словъ, какъ можно меньше дѣла!» вотъ ихъ тайный девизъ, обыкновенно прикрытый громкими фразами... Но теперь съ каждымъ годомъ онъ становится яснѣе для массы простыхъ, неученыхъ людей; съ каждымъ годомъ смѣшнѣе становятся ученые карлики, роющіеся въ пыли и составляющіе понятіе о жизни и людяхъ по плевкамъ, оставшимся на пескѣ, черезъ который проходили толпы. Еще мало людей живого воззрѣнія въ нашей наукѣ; но уже довольно того, что они есть. Какъ скоро они начинаютъ появляться, старые формалисты отжили!..

Къ числу людей живыхъ принадлежитъ несомнѣнно г. Θирсовъ. Въ его статьѣ разсматривается открытіе народныхъ училищъ въ Перми, въ 1786 г. Кажется, ясно, о чемъ тутъ слѣдуетъ толковать? Училище открыто,—это фактъ; теперь надо объяснить этотъ фактъ, т.-е. показать: когда, при комъ открыто оно, какія лица въ немъ были начальниками и учителями, какой былъ уставъ его, какія науки преподавались, по какимъ методамъ, и т. д. Но г. Θирсовъ задалъ себѣ другіе вопросы; онъ повернулъ дѣло вотъ какъ: открыто училище, — какія же отношенія установились между нимъ и народонаселеніемъ? что́ оно хотѣло и что́ успѣло сдѣлать для народа? Вопросы эти несравненно труднѣе и глубже, и для ихъ разрѣшенія нужна не одна копотливость и терпѣніе,—нуженъ и здравый смыслъ, и сочувствіе къ благу народному. Мы не станемъ разсказывать все содержаніе статьи г. Θирсова: его изслѣдованія приводятъ къ убѣжденію, что пермское училище, открытое въ 1786 г., представляло собою одинъ изъ печальныхъ образчиковъ того, что̀ вообще дѣлалось тогда въ Россіи съ училищами, вслѣдъ за формальнымъ ихъ открытіемъ. Но мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ мѣстъ изъ статьи г. Θирсова, дающихъ понятіе о его взглядѣ и изложеніи.

Разсказавъ подробно актъ открытія училища, г. Θирсовъ приводитъ между прочимъ рѣчь учителя Назаретскаго по этому случаю, утверждающую, что древняя Греція уже ничто предъ тогдашнею Россіею, что «уже вводится всемѣстное просвѣщеніе, яко надежнѣйшая подпора, утверждающая благосостояніе народа», что теперь «и погруженный въ мрачномъ невѣжествѣ Вогуличъ воспріиметъ участіе въ славѣ просвѣщенныхъ сыновъ россійскихъ», и пр. Приведя эту рѣчь, г. Θирсовъ говоритъ (стр. 148):

«Прошло съ тѣхъ поръ 70 лѣтъ, а между тѣмъ Вогуличъ, и съ нимъ его братія—татары, вотяки и другіе — еще не принимали участія въ славѣ просвѣщенныхъ сыновъ россійскихъ, оставаясь попрежнему въ невѣжествѣ; да и масса русскихъ въ Пермскомъ краю, да и во всей Россіи, успѣла ли въ эти 70 лѣтъ стать лучше своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сбросила ли съ себя ярмо суевѣрій, предразсудковъ, неурядицы? привила ли къ себѣ начала истиннаго порядка, любви къ ближнему, сознанія своего человѣческаго достоинства,—эти истинные плоды образованія народнаго, для произращенія которыхъ и учреждаются училища? Гдѣ жъ это народное образованіе, котораго ждали отъ народныхъ школъ Назаретскій и другіе мыслящіе люди стараго времени и которому бы уступила образованность древняго грека? Гдѣ же это внѣшнее благосостояніе и нравственное богатство, которыя должны были, по ихъ словамъ, войти въ жизнь народа, вмѣстѣ съ образованіемъ, долженствовавшимъ распространиться посредствомъ училищъ? А вѣдь училища, въ теченіе этихъ 70-ти

[1]) Шпилька по адресу издателя, Н. А. Вышнеградскаго; журнала, дѣйствительно, почти никто не читалъ.

[2]) Въ фельетонѣ № 68 «Рус. Дневника», посвященномъ пермской жизни, было разсказано, какой вопль подняли пермяки и пермячки, оскорбившіеся правдивостью указанной статьи Θирсова, очень рѣзко обвинявшей мѣстное населеніе въ некультурности, слѣдованіи «Домострою» и пр.

лѣтъ, въ своемъ складѣ улучшались, умножались, преобразовывались, и между тѣмъ современный намъ русскій человѣкъ, отвѣчая на эти вопросы, все-таки придетъ къ убѣжденію, что еще далеко не выросли мы до той мѣрки, чтобы имѣть право сказать: мы образованный народъ».

Для объясненія этого явленія, дѣйствительно очень страннаго, г. Өирсовъ обращается къ вопросу о значеніи вообще школы въ жизни народа, и указываетъ два требованія, необходимыя для того, чтобы школа имѣла благотворное вліяніе. Первое требованіе относится къ самой цѣли образованія, предположеннаго школою, второе— къ внѣшнимъ условіямъ ея существованія. Мы приведемъ вполнѣ разсужденіе автора объ этомъ предметѣ (стр. 149—151):

«Школа есть одинъ изъ главнѣйшихъ проводниковъ образованія въ народъ; въ этомъ, кажется, сомнѣваться никто не станетъ. Но дѣло въ томъ, что подъ образованіемъ, которое хотятъ провести чрезъ учебныя заведенія въ народъ, нерѣдко самые учредители школъ разумѣютъ совсѣмъ не то, что̀ составляетъ истинное образованіе, разумѣютъ часто подъ словами «образовать умъ и сердце»— не свободное развитіе духа человѣка, а извѣстнаго рода цѣли, болѣе или менѣе односторонніе, нерѣдко эгоистическія; понятно, что такіе учреждатели школъ всегда хлопочутъ, подъ видомъ образованія, только о томъ, чтобы училища, ими учрежденныя, поставляли людей именно такъ образованныхъ, какъ они понимаютъ это слово, и для достиженія этой цѣли предписываютъ безчисленное множество правилъ, долженствующихъ опредѣлить каждый шагъ воспитанника, каждое дѣйствіе школы. Немудрено, что училище, которое обязано образовывать питомцевъ по извѣстной мѣркѣ, не пойдетъ далеко, будетъ не привлекать къ себѣ, а отталкивать отъ себя большинство, массу; потому что инстинкты массы никогда нельзя обмануть, какимъ бы громкимъ титуломъ ни прикрывалась цѣль заведенія. Такъ схоластическія школы въ среднихъ вѣкахъ, іезуитскія школы въ новыхъ никогда не пользовались довѣріемъ, уваженіемъ со стороны массы народной, потому что тѣ и другія, подъ вывѣскою образованія, преслѣдовали узкія цѣли, удовлетворяющія людямъ извѣстнаго направленія, но не удовлетворяющія всѣмъ сторонамъ человѣческаго духа.

«Съ другой стороны,—положимъ, что учредитель школы понимаетъ образованіе, какъ слѣдуетъ, хочетъ посредствомъ школы развить свободно-разумнаго человѣка, безъ задней мысли о своихъ личныхъ интересахъ; но этимъ еще не будетъ все сдѣлано, чтобы имѣть право требовать отъ школы поставки истинно-образованныхъ людей, благотворнаго ея вліянія на страну, среди которой она основана. Школа прежде всего существуетъ не среди ангеловъ и не для ангеловъ, а среди людей и для людей, у которыхъ есть свои понятія, привычки, вѣрованія, потребности, отношенія, условливающіяся мѣстомъ, временемъ и другими обстоятельствами и обнаруживающіяся всегда въ извѣстныхъ формахъ. Выступая съ своими началами, школа должна заявить ихъ тоже въ видимыхъ формахъ, сообразныхъ самымъ этимъ началамъ, и должна имѣть подъ рукою достаточно матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ для ихъ осуществленія; стало быть, школѣ должна быть дана такая организація, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала цѣли свободно-разумнаго развитія, ни одною своею частію не противорѣча ей; т.-е. лица, которымъ ввѣряется школа, должны быть поставлены внѣ всякой зависимости отъ разныхъ общественныхъ отношеній, въ своихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ быть чужды характера полицейства, должны проникнуться однимъ духомъ, имѣть въ виду одно только свободное развитіе питомцевъ; для этого имъ должны быть даны достаточныя матеріальныя средства и способные понимать истинное образованіе и въ духѣ его дѣйствовать — педагоги или учители. Если же школа дурно управляется, если правящіе ею, забывая объ ея цѣли, въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся правилами, принесенными Богъ вѣсть откуда,—правилами можетъ быть пригодными для казармъ, но совершенно противными этой цѣли; если школа въ своемъ содержаніи пробавляется кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ; если учителей набираетъ она, не разбирая, можетъ ли каждый изъ нихъ быть воспитателемъ, можетъ ли привить сѣмена истиннаго образованія къ питомцамъ, а такъ, для комплекта, то не пойдетъ далеко школа, не принесетъ долго плодовъ истиннаго образованія странѣ, въ которой и для которой существуетъ, хотя бы цѣль, указанная ей, именно заключалась въ истинномъ образованіи.

«И основа школы можетъ быть надлежащая, и управленіе ею можетъ быть цѣлесообразно, и средства ея матеріальныя могутъ быть вполнѣ достаточны, и учителя ея могутъ имѣть нужный педагогическій тактъ, и все же при этихъ благопріятныхъ условіяхъ школа не вдругъ произраститъ плоды, если только общественный и семейный складъ народонаселенія, среди котораго она основана, діаметрально противоположенъ ея началамъ, если интересы его и потребности — другія, чѣмъ потребности школы. Осуществите идеалъ школы среди народа, который задавленъ деспотизмомъ, у котораго одна забота, какъ сохранить жизнь свою, не умереть съ голода, — и не скоро вліяніе ея отразится на жизнь этого народа».

О ходѣ образованія въ Россіи г. Өирсовъ говоритъ также съ большимъ сочувствіемъ къ дѣлу образованія въ его высшемъ, благороднѣйшемъ значеніи. Мы надѣемся, что доставимъ удовольствіе нашимъ читателямъ, если приведемъ еще страницу, представляющую сжатый, но полный силы и правды очеркъ развитія русскаго общества и народа (стр. 180):

«Развитіе русскаго народа шло такъ болѣзненно, долго, что свѣтъ истиннаго образованія, долженствовавшій внести силу въ его больной остовъ, не вдругъ могъ подѣйствовать на него благодѣтельно, не вдругъ могъ сдружиться съ нимъ. Сначала вѣковая борьба государственныхъ стремленій съ родовыми преданіями, съ требованіями князей, крестьянъ, при постоянномъ давленіи отовсюду извнѣ, потомъ кровавая побѣда государства надъ противо-государственными элементами, долговременное, въ теченіе цѣлаго XVII столѣтія, броженіе этихъ элементовъ, наконецъ эпоха Петра Великаго — привели народъ русскій къ тому состоянію, въ которомъ несравненно меньшая часть его рѣзко отдѣлилась отъ массы: съ одной стороны помѣщикъ, чиновникъ и частію священникъ, съ другой — податной и крѣпостной; первый владѣетъ, управляетъ, судитъ, научаетъ; другой торгуетъ, пашетъ землю и, трудясь до нравственной и физической истомы, вмѣстѣ съ тѣмъ кормитъ перваго, даетъ ему

средства къ роскоши, защищаетъ его отъ внѣшнихъ враговъ... Таковы были отношенія между двумя неровными частями русскаго народа въ половинѣ XVIII вѣка, и въ это время, когда все громче и громче говорилось и въ Европѣ, а вслѣдъ затѣмъ и у насъ въ Россіи, о правахъ человѣческихъ, о необходимости образованія,—въ это время болѣе, чѣмъ когда-либо, раздавали крестьянъ во владѣніе другимъ, въ это время крѣпче затянулъ чиновникъ тотъ узелъ, который связывалъ его съ подчиненнымъ. Какими восхитительными красками ни восписуй отношеніе между помѣщикомъ и крестьяниномъ, между чиновникомъ, смотрящимъ на свое мѣсто, какъ на вотчину, какъ на кормленіе, какъ сладко ни называй его чѣмъ-то родственнымъ, патріархальнымъ,—на дѣлѣ эту патріархальность нескоро найдешь; по крайней мѣрѣ въ XVIII вѣкѣ ея не существовало; напротивъ, обѣ половины враждебно смотрѣли другъ на друга. Немудрено при этомъ *quasi* патріархальномъ складѣ нашего быта, когда одна часть находилась въ крѣпости у другой,—немудрено, что голоса, возвышавшіеся въ пользу истиннаго образованія, въ пользу признанія правъ человѣческихъ, въ пользу свободнаго развитія человѣка, въ пользу необходимости трудиться на благо общее, оставались, и прежде половины XVIII вѣка, и послѣ долго голосами вопіющими въ пустынѣ и не были слышны ни тою, ни другою частію: одна часть не хотѣла слышать этихъ воззваній потому, что въ такомъ случаѣ ей нужно бы было разстаться съ опекою надъ другою, а другая... другая пожалуй бы и рада слышать ихъ, да что толку въ этомъ для нея?.. Эти воззванія къ ней походили на приглашеніе къ связанному по рукамъ и ногамъ и лежащему пластомъ въ грязи, выраженное хоть въ такихъ словахъ: пойдемъ, любезный другъ, гулять!—Немудрено, что народныя училища, на которыя возложенъ былъ трудъ распространить въ Россіи образованіе, шли чрезвычайно туго, и нѣтъ ничего удивительнаго, если пермскія народныя училища раздѣляли участь съ своими собратіями; ибо тотъ общественный складъ, о которомъ мы говорили, лежалъ со всѣми своими темными сторонами и на почвѣ пермской».

Затѣмъ, говоря о пермскомъ народѣ, г. Өирсовъ замѣчаетъ, что здѣсь условія были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще неблагопріятнѣе: отдаленность края отъ высшей власти способствовала увеличенію произвола чиновниковъ и ихъ безнаказанности, вся страна сдѣлалась жертвою немногихъ тунеядцевъ, самъ народъ въ теченіе многихъ годовъ не только не смягчилъ нравовъ своихъ, но закалился въ грубости, тѣмъ болѣе, что населеніе было составлено изъ различныхъ элементовъ, враждебныхъ другъ другу. «Одно было у нихъ общее, говоритъ авторъ:—это недовѣріе ко всему, что носило мундиръ». Переходя отсюда къ пермскимъ училищамъ, г. Өирсовъ заключаетъ (стр. 183):

«При такихъ условіяхъ масса народная не могла сочувствовать образованію, даже если хотѣла принять его, по одному только тому, что оно предлагалось *боларами*. Ее можно было только силою заставить отдавать дѣтей въ училища,—и силою, приказомъ это и сдѣлано; потому что хотя и старались тогда увѣрять, что городскія общества добровольно изъявили желаніе завести у себя училища народныя, но это было говорено для красоты слога; на самомъ же дѣлѣ малыя народныя училища открыты по приказанію генералъ-губернатора Волкова, что подтверждаетъ очень наивно рапортъ къ нему чердынскаго городского головы. Да при томъ массѣ народной, при ея забитости, духовномъ растлѣніи, недоступны были тѣ начала, съ которыми выступали народныя училища; она если и понимала нужду въ образованіи, то подъ образованіемъ она разумѣла простую грамотность, умѣнье читать и писать въ той степени, чтобы хотя поспорить съ подъячими. Такимъ образомъ легко объяснить, почему нѣкоторые простолюдины въ Пермскомъ краю не хотѣли отдавать дѣтей въ малыя народныя училища, тогда какъ охотно посылали ихъ на выучку къ какимъ-нибудь книжникамъ, за дешевую цѣну сообщавшимъ книжную мудрость».

Нельзя не пожелать, чтобы г. Өирсовъ изложилъ, какъ обѣщаетъ, дальнѣйшую исторію пермскихъ училищъ, и вообще—чтобы онъ писалъ сколько возможно больше и чаще. Въ такихъ именно статьяхъ, въ такихъ взглядахъ нуждается наша литература.

Есть еще въ «Пермскомъ Сборникѣ» довольно значительный сборникъ пѣсенъ, сказокъ и загадокъ, собранныхъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, и описаніе свадебныхъ обрядовъ города Чердыни, составленное г. Предтеченскимъ. Составитель описанія обрядовъ доказываетъ, что въ пермскомъ населеніи сохранилась еще память о древнихъ свадьбахъ *уводомъ и покупкою*, о которыхъ говорится въ лѣтописи. Самые обряды, впрочемъ, не представляютъ ничего особенно оригинальнаго и любопытнаго; въ числѣ сказокъ есть любопытныя, какъ напр. 8 сказка: о крестьянинѣ и незнакомомъ человѣкѣ.

Въ смѣси довольно любопытны воспоминанія о Ѳеоновѣ, учителѣ пермской гимназіи тридцатыхъ годовъ, мѣстномъ сатирикѣ и пасквилянтѣ. Редакція обѣщаетъ полную біографію Ѳеонова, и потому мы теперь не станемъ о немъ распространяться. Скажемъ только, что, по словамъ замѣтки, помѣщенной въ сборникѣ, Ѳеоновъ «подвергся жесточайшимъ преслѣдованіямъ, вполнѣ достигшимъ цѣли», за стихотвореніе «Къ лицемѣру», напечатанное въ 1825 г. въ «Вѣстникѣ Европы». Въ стихотвореніи изображается лицемѣръ, святоша, и больше ничего,—но тогдашній губернаторъ Тюфяевъ принялъ его на свой счетъ!..

Любопытно также въ приложеніяхъ письмо Никиты Демидова заводскимъ приказчикамъ, писанное въ 1788 г. Оно любопытно по манерѣ выраженія: черезъ каждыя двѣ строчки бранное слово, а иногда и такая тирада: «проснись, отчаянный, двуголовый архибестія, торгашъ и промышленникъ озерный и явный клятвопреступникъ

и ослушникъ! Ребра въ тебѣ, ей-же-ей, божусь, не оставлю за такіе паршивые малые выходы!» и пр. (стр. 57)...

Заключимъ нашу рецензію опасеніемъ, что «Пермскій Сборникъ» многихъ оттолкнетъ отъ себя своею высокою цѣною. Въ немъ около 30 печатныхъ листовъ, а цѣна его 3 рубля. Очевидно, поэтому, что на большой успѣхъ книги сами издатели мало разсчитывали; но во всякомъ случаѣ жаль будетъ, если такое изданіе не пойдетъ.

---

347. Русскія пѣсни.

Сочиненія *Александра Мыльникова*, купеческаго сына города Ржева, Тверской губерніи. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 345.

М. Л.

Года три тому назадъ читали мы гдѣ-то отзывъ о г. Мыльниковѣ, какъ о самоучкѣ-поэтѣ, въ родѣ Кольцова, подающемъ большія надежды. Поэтому, когда вышли «Русскія пѣсни» г. Мыльникова, мы поинтересовались прочесть ихъ и нашли, что онъ дѣйствительно въ родѣ Кольцова, но надеждъ никакихъ подавать не можетъ. На немъ можно только изучать, какимъ образомъ та же самая мысль, то же самое чувство, выраженное почти тѣми же словами, получаетъ оттѣнокъ пошлости, когда выражается не вслѣдствіе внутренней потребности человѣка, а съ чужого голоса. Людей, поющихъ съ чужого голоса, у насъ безчисленное множество, и многіе изъ нихъ пользуются даже уваженіемъ въ обществѣ за свои сладкія и умныя рѣчи. Иныхъ эти люди обманываютъ тѣмъ, что какъ-то умѣютъ чужую, вовсе ими не переваренную мысль обточить въ такія фразы, что она принимаетъ видъ довольно оригинальный,— иногда и безобразный, но все-таки какъ-будто свой. Но не всѣ обманываются. Много находится и такихъ людей, которые очень хорошо знаютъ, откуда и какъ зашли въ голову говоруновъ нѣкоторыя идейки и фразы, но несмотря на то ихъ похваливаютъ на томъ основаніи, будто бы подобныя фразы все-таки означаютъ въ говорящемъ ихъ извѣстную степень образованности и сочувствія къ добру и истинѣ. Не знаемъ — можетъ быть это и правда: въ чужой душѣ хозяйничать очень трудно,— гораздо труднѣе, нежели въ чужомъ карманѣ. Но для насъ несомнѣнно только одно: что кто желаетъ и умѣетъ дѣлать настоящее дѣло, тотъ вообще избѣгаетъ пустыхъ фразъ. Это не значитъ, чтобы дѣльный человѣкъ долженъ былъ непремѣнно молчать и сидѣть бирюкомъ весь вѣкъ. Нѣтъ, онъ тоже можетъ быть краснорѣчивъ, можетъ увлекаться и увлекать своей рѣчью, но только въ такомъ случаѣ, когда въ самомъ дѣлѣ вся душа его полна извѣстнымъ чувствомъ или идеей. Онъ можетъ говорить самыя нѣжныя рѣчи, но только тогда, когда дѣйствительно влюбленъ; можетъ произносить и угрозы, но это значитъ, что онъ ихъ готовъ уже исполнить... И такого человѣка вы всегда отличите потому, что у него та же самая фраза, которая опошлѣла для васъ въ рѣчахъ другихъ, — выходитъ какъ-то совершенно просто и естественно: вы чувствуете, что тутъ ничего другого сказать нельзя было, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуете, что слово выкатилось не одной своей оболочкой, а со всей тяжестью своего внутренняго смысла. Такіе люди и такія рѣчи, впрочемъ, нечасто попадаются въ нашей общественной дѣятельности; съ ними скорѣе можно встрѣтиться въ жизнеописаніяхъ Плутарха, да и тамъ ихъ мало. Но все-таки есть извѣстная грань, переходя за которую человѣкъ оказывается болѣе близкимъ—или къ человѣку истинно-дѣльному, или къ фразеру; все-таки съ иными вы можете долго говорить, напримѣръ о Франціи и Англіи, просто по *шду*, а съ другими такой разговоръ недостаточенъ: нужно прочитать хоть путевыя письма Н. И. Греча.

Въ поэтическихъ натурахъ, отличающихся обыкновенно силою воображенія (или творчества, какъ въ старину говорилось), есть особенная способность реализировать идею и чувство не прямо самымъ дѣломъ, а поэтическимъ изображеніемъ. Поэтъ до того проникается своимъ чувствомъ, что весь въ него уходитъ и выражаетъ его съ чрезвычайной рельефностью и силою; онъ до того можетъ увлечься своей идеей, что начинаетъ видѣть ея осу-

ществленіе и рисуетъ образы, въ какихъ она должна проявиться. И вотъ основаніе, почему эстетическая критика утверждаетъ, что человѣкъ съ поэтическимъ талантомъ не долженъ и не можетъ пускаться въ холодную дидактику, а непремѣнно долженъ представить свою идею въ живыхъ образахъ. Дѣйствительно,—только тогда и можетъ поэтъ истинно проникнуться идеей, когда она для него уже не отвлеченіе, а стоитъ на степени дѣйствительности, воплощается въ живые образы. И вотъ почему такъ плохи бываютъ всѣ перефразировки великихъ поэтовъ, являющіяся подъ учтивымъ названіемъ подражаній. Человѣкъ, читая поэта, понялъ его мысль, выразумѣлъ его чувство и началъ выражать ихъ по-своему: вотъ и явилось подражаніе. Но это подражаніе—фраза моднаго господина, не болѣе; въ немъ схваченъ только формальный, логическій смыслъ;—оттого оно вяло и пошло. Чтобы произвести въ самомъ дѣлѣ что-нибудь близкое къ взятой пьесѣ поэта, надо самому дойти до такого же настроенія, въ какомъ онъ писалъ ее. Но человѣкъ съ талантомъ, если дойдетъ до того настроенія, что молчать не можетъ, то заговоритъ самъ, по-своему; если же не сумѣетъ придать своему чувству собственный, отдѣльный характеръ, то прочтетъ, пожалуй, ту пьесу, которая подходитъ къ его положенію, да на томъ и покончитъ. Рѣдко можетъ случиться, что его собственный мотивъ безсознательно сойдется съ мотивомъ другого и напомнитъ вамъ что-то уже знакомое; но и тутъ вы легко замѣтите искренность чувства, полное усвоеніе и переработку мысли и вслѣдствіе того найдете новые оттѣнки и не откажете въ самостоятельномъ значеніи тому, что̀ на первый разъ показалось вамъ простымъ подражаніемъ.

Многіе поэты, такъ же какъ и многіе свѣтскіе люди, умѣютъ скрывать свою несамобытность ловкими оборотами рѣчи и иногда тѣмъ, что заимствуются разомъ у десяти поэтовъ. Такихъ поэтовъ много видали мы въ нашей литературѣ; но не таковъ г. Мыльниковъ, по поводу котораго мы сдѣлали всѣ эти замѣчанія: онъ не умѣетъ прикрыть своихъ подражаній, и всякій, кто прочтетъ его, легко назоветъ даже именно ту пьесу Кольцова, изъ которой взято то или другое стихотвореніе г. Мыльникова. Его пѣсни до противности близки по внѣшности къ пѣснямъ Кольцова; одного только въ нихъ и нѣтъ: этой внутренней истины, о которой мы сейчасъ говорили. И остается только внѣшнее содержаніе, отзывающееся совершенно голою фразой. Вспомните, напримѣръ, одно не изъ лучшихъ еще стихотвореній Кольцова: «Не скажу никому».

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.
Та весна далеко,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ я съ нимъ
Завивала вѣнки!
И тѣхъ нѣтъ ужъ и дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!
Все прошло ужъ давно...
Не воротишь назадъ!
Для чего жъ безъ него
Цвѣты стану я рвать?
Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла...

Теперь посмотрите, что̀ изъ этого глубоко-прочувствованнаго стихотворенія сдѣлалъ г. Мыльниковъ

Во широкой степи
На раздольныхъ поляхъ,
Много дивныхъ цвѣтовъ
Расцвѣтаетъ весной.
Но они не плѣнятъ
Меня чудной красой;
Ихъ не буду я рвать
И не стану сбирать:
Мнѣ вѣнка для дружка
Ужъ изъ нихъ не свивать.
Тѣ и дни протекли,
Какъ искала я ихъ,
И то время давно
Огнемъ будто сожгло.
Вы цвѣтите жъ, цвѣты,
Во широкой степи.
У меня жъ въ дни весны
Сердце вянетъ въ груди.

Насъ поразила въ этой передѣлкѣ чрезвычайная обстоятельность, съ которою разсказываетъ г. Мыльниковъ. У Кольцова предполагается уже извѣстнымъ, гдѣ и какъ растутъ цвѣты; онъ весь преданъ изображенію чувства, занимающаго дѣвушку; у него видимъ только ея грусть, ея воспоминанія. Г. Мыльниковъ, напротивъ, считаетъ нужнымъ закруглить изображеніе чувства статистическою замѣткою: «въ степи цвѣтетъ много цвѣтовъ; они очень хороши, но мнѣ не нравятся; а почему не нравятся, тому слѣдуютъ пункты». Точь въ точь господинъ, который, проникшись сожалѣніемъ къ бѣднымъ мужикамъ, начинаетъ въ какой-нибудь гостиной важно и подробно излагать физіократическую систему!..

Подобнымъ образомъ передѣлано г. Мыльниковымъ много другихъ стихотвореній Кольцова. Иногда онъ беретъ изъ Кольцова всего нѣсколько стиховъ и изъ нихъ строитъ стихотвореніе. Напримѣръ, вспомните «Совѣтъ старика». Тамъ есть стихи:

Поспѣшайте жъ, юноши,
Наслаждаться жизнію,
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много ль разъ роскошная
Въ годъ весна является? и пр.

Изъ этихъ стиховъ г. Мыльниковъ составилъ стихотвореніе, которое мы приведемъ, соединивши два стиха въ одинъ, такъ какъ г. Мыльниковъ, неизвѣстно почему, постоянно разбиваетъ одинъ стихъ на два. У него, напримѣръ, «выходила милая, распѣвала пѣсенки» — четыре стиха, «выйду замужъ я млада»—два стиха, и пр.

Други юныхъ лѣтъ! Спѣшите
Жизни праздникъ пировать!
Знайте, знайте,—дни златые
Легче птички улетятъ.
Не глядите, что природа
Обновляетъ все весной;
Юность быстро пронесется,
И не будетъ вновь другой.
Такъ пируйте, друзья, младость,
Отпируйте счастье дней!
Отпируйте, проводите
Юность, юность веселѣй!..

Опять та же прелестная обстоятельность и то же полное отсутствіе искренняго, живого увлеченія. У Кольцова старикъ говоритъ юношамъ, чтобы наслаждались жизнью; у г. Мыльникова сами юноши приглашаютъ себя къ наслажденію. Старикъ, сравнивая возрасты жизни съ годовыми перемѣнами, остается вѣренъ поэтическому воззрѣнію, говоря:

Не одно ль мгновеніе
И веснѣ, и юности?

Юноши г. Мыльникова, напротивъ, сочиняютъ хрію и дѣлаютъ «уступительное сравненіе отъ противнаго». У нихъ поэтическій образъ принимаетъ слѣдующій видъ: «хотя юность и сравниваютъ съ весною, но на это не нужно смотрѣть, ибо весна каждый годъ является вновь, юности же въ другой разъ не бываетъ». Какая же ужъ это поэзія?

Немудрено, что при такомъ отсутствіи всякаго поэтическаго чутья г. Мыльниковъ доходитъ до сочиненія барабанныхъ стиховъ, долженствующихъ, по его мнѣнію, имѣть патріотическій смыслъ:

Русски храбрые солдаты,
Въ бой идите, какъ на пиръ, и пр.

Этихъ храбрыхъ солдатъ онъ утѣшаетъ, между прочимъ, такими резонами:

Смерть удѣлъ есть неизбѣжный,
Всѣмъ намъ должно умирать;
Но въ бою кто жизнь окончитъ,
Съ тѣмъ и Божья благодать...
Кому въ битвѣ Господь судитъ
Свою голову сложить,
То извѣстно вамъ да будетъ:—
Церковь памятью почтитъ, и пр.

Прочитавши нѣсколько русскихъ пѣсенъ г. Мыльникова, такъ и думаешь, что ему именно слѣдуетъ сдѣлаться подражателемъ г. Бенедиктова, Татаринова и т. п., и воспѣвать войну, пожары, всеобщій прогрессъ,—вообще предметы, требующіе фразистаго слога. О Кольцовѣ этого никогда не подумаешь, даже читая самое слабое изъ его произведеній. И вотъ разница между талантомъ и бездарностью!...

---

348. Уроки естественной исторіи для учащихся дѣвицъ и юношества.

Составленные *Ходецкимъ*, профессоромъ университета св. Владиміра. Кіевъ. 1859.

Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній, А. Горизонтова.

Спб. 1859 г. Изд. Торговаго дома *Стуговщикова, Пахитонова, Водова и К°*.

Напечатано вмѣстѣ съ № 345.

М. Л.

Не въ одной поэзіи, есть и въ наукѣ свои господа Мыльниковы [1]), только за нихъ страшнѣе приняться: авторитетъ имѣютъ большой, или по крайней мѣрѣ — очень ученый видъ. Вотъ, напримѣръ, г. Ходецкій: на оберткѣ его «Уроковъ» значится, что онъ профессоръ, а въ предисловіи онъ самъ говоритъ, что издаетъ свою книгу вслѣдствіе *крайняго недостатка* русскихъ руководствъ по естественнымъ наукамъ.

[1]) См. № 347.

Значитъ, его трудъ есть нѣчто самостоятельное, слѣдствіе его многолѣтнихъ занятій, результатъ спеціальныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе долгой ученой карьеры (ибо г. Ходецкій ужъ лѣтъ 20, по крайней мѣрѣ, значится профессоромъ). Мы были увѣрены, что руководство г. Ходецкаго представитъ что-нибудь въ родѣ учебника г. Шульгина (конечно, вы не подумаете, что г. Ив. Шульгина!) [1]), особенно когда увидѣли изъ предисловія, что г. Ходецкій съ тѣмъ и издалъ свою книгу, чтобы восполнить недостатокъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Въ такихъ предположеніяхъ принялись мы читать вышедшую теперь первую часть уроковъ г. Ходецкаго—уроки о животныхъ, т.-е. говоря пò-просту — зоологію. И вдругъ — представьте себѣ наше изумленіе!—насъ поражаютъ въ книгѣ г. Ходецкаго знакомыя опредѣленія, знакомые обороты, знакомыя фразы, — точь-въ-точь, какъ при чтеніи стиховъ г. Мыльникова! Мы не занимались спеціально естественными науками, и потому намъ не трудно было припомнить, въ какой именно книжкѣ встрѣчали уже мы всѣ эти фразы, — это въ зоологіи, 12 лѣтъ тому назадъ изданной г. Далемъ. Для полнѣйшаго удостовѣренія мы справились: оказалось, что г. Ходецкій перефразировалъ зоологію Даля,—можетъ быть съ меньшимъ искусствомъ, но ужъ никакъ не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ г. Мыльниковъ Кольцова. Представимъ для сравненія нѣсколько выписокъ. Откроемъ что-нибудь изъ г. Даля. Вотъ стр. 155. На ней описаніе льва.

Сначала у г. Даля описывается наружность льва, опредѣляется его величина, и пр. Всего этого нѣтъ у г. Ходецкаго. Затѣмъ у г. Даля говорится:

«Ростъ его, ловкость и гибкость, чрезвычайная сила, *особенно въ переднихъ лапахъ,* смѣлый взглядъ, величественная и гордая осанка и страхъ, который онъ наводитъ на всѣхъ животныхъ глухимъ и дикимъ рыканіемъ своимъ, все это присвоило ему названіе царя звѣрей. Хотя вообще разсказы о великодушныхъ поступкахъ этого звѣря преувеличены, но справедливо, что если онъ не голоденъ, то не нападаетъ на животныхъ, нерѣдко щадитъ безсильныхъ, а человѣка безъ нужды не трогаетъ; зато, выходя на добычу, левъ не знаетъ страха, и нѣтъ животнаго, съ которымъ бы онъ отказался помѣряться силами; *онъ не только одолѣваетъ кабановъ и буйволовъ, но смѣло нападаетъ даже на слоновъ и носороговъ и нерѣдко ихъ побѣждаетъ.* Днемъ онъ обыкновенно отдыхаетъ въ дремучихъ лѣсахъ или другого рода пристанищахъ, а по ночамъ бродитъ и подстерегаетъ изъ засады свою добычу, на которую бросается прыжкомъ, *хватаетъ ее за загривокъ или шею, валитъ на земь и задираетъ зубами и когтями...* Настоящее отечество этого звѣря — Африка; гораздо рѣже попадается онъ въ южной Азіи... Шкура льва употребляется только, какъ рѣдкость, на полости и подстилку, *а у дикихъ народовъ и на другія подѣлки. Охотники убиваютъ льва изъ ружей, подстерегая его на какомъ-нибудь опасномъ ему пути или на привадѣ; туземцы же иногда преслѣдуютъ его на лошадяхъ, окружаютъ и убиваютъ;* но эта охота очень опасна».

У г. Даля есть еще нѣкоторыя подробности о львѣ; но мы ихъ не приводимъ, такъ какъ г. Ходецкій не удостоилъ ихъ заимствовать. Да и въ томъ, что̀ мы выписали, подчеркнутыя мѣста опущены г. Ходецкимъ, какъ ненужныя, хотя они большею частію очень характерны. Вотъ въ какомъ видѣ является левъ у г. Ходецкаго, на стр. 87:

«*Левъ*—самое величественное животное между млекопитающими. Его крупный ростъ, чрезвычайная сила, ловкость, наружный видъ, безстрашіе, съ которымъ онъ нападаетъ на свою добычу, самый ревъ его, наводящій страхъ и заставляющій трепетать и умолкать всѣхъ другихъ весьма сильныхъ животныхъ,—все это издавна пріобрѣло ему названіе царя звѣрей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему приписываютъ великодушіе, что̀ хотя преувеличено, но, по крайней мѣрѣ, онъ не нападаетъ на другихъ животныхъ, не будучи голоденъ. Левъ живетъ преимущественно въ пустыняхъ Африки, изрѣдка въ южной Азіи. Днемъ онъ отдыхаетъ въ какихъ-нибудь неприступныхъ мѣстахъ, а ночью выходитъ на добычу и бросается на нее, подобно всѣмъ животнымъ кошачьяго рода, ловкимъ прыжкомъ. Пищею ему служатъ самыя крупныя животныя, но встрѣчи съ человѣкомъ онъ избѣгаетъ. Охота за львомъ считается необыкновенно смѣлою и отчаянною, хотя находятся смѣльчаки, на нее рѣшающіеся. Кожа льва употребляется, какъ рѣдкость, на полости».

Какъ видите, г. Ходецкій не только заимствовалъ, но и плохо заимствовалъ описаніе г. Даля. Онъ выпустилъ необходимое опредѣленіе наружности животнаго и оставилъ только грозную осанку, большой ростъ, и пр., что̀ безъ предварительныхъ свѣдѣній и обратилось въ общее мѣсто. Затѣмъ онъ выпустилъ нѣсколько характерныхъ подробностей и полезныхъ указаній, представленныхъ въ книгѣ г. Даля, напримѣръ, о времени жизни льва, о львахъ въ римскомъ циркѣ, о силѣ, находящейся въ переднихъ лапахъ и въ хвостѣ льва, и пр. Все это, должно быть, потому, что г. Ходецкій, по словамъ его предисловія, хотѣлъ въ своей зоологіи «показать тѣсную связь между наружною формою и внутреннимъ устройствомъ органическихъ существъ».

Раскроемъ еще какое-нибудь мѣсто у г. Ходецкаго. Вотъ стр. 112: описаніе *дикой свиньи*:

«*Дикая свинья, дикій кабанъ* или *вепрь* считается прародителемъ домашней свиньи. Живетъ

[1]) См. № 340.

въ глухихъ лѣсахъ и камышахъ многихъ странъ, между прочимъ въ западной Россіи. Питается плодами, кореньями и травами. Отъ домашней свиньи отличается болѣе крупнымъ ростомъ, большими клыками и постояннымъ чернымъ цвѣтомъ шерсти. Очень дикъ и свирѣпъ. Составляетъ предметъ довольно опасной охоты для мяса, изъ котораго могутъ быть приготовляемы вкусныя блюда».

Теперь посмотримъ, какъ она изображается въ зоологіи Даля (см. стр. 178):

«*Дикая свинья* (вепрь, кабанъ, дикій боровъ), признаваемая за родоначальника нашей дворовой свиньи, извѣстна свирѣпымъ нравомъ своимъ и страшнымъ оружіемъ—клыкомъ или, вѣрнѣе, *коломъ*. Кабанъ бываетъ длиною до 5 футовъ, а вѣсомъ 12 пудовъ: масть щетинистой шерсти его чернобурая. Онъ водится, мѣстами, въ лѣсахъ и камышахъ, въ средней Европѣ, у насъ же въ западныхъ губерніяхъ, на Кавказѣ и изрѣдка около Каспійскаго моря, а затѣмъ также кой-гдѣ въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Онъ живетъ до 30 лѣтъ, мясо его вкусно, но охота за нимъ опасна, если стрѣлки, на коихъ его выгоняютъ, не стоятъ на подмосткахъ или толстыхъ пняхъ».

Въ передѣлкѣ этого описанія г. Ходецкій старался, кажется, удовлетворить *шестой* изъ цѣлей, указанныхъ имъ для своей книги въ предисловіи: «обратить вниманіе учащихся на прекрасное въ природѣ»; ибо здѣсь онъ изъ «родоначальника свиньи» сдѣлалъ «прародителя», и прибавилъ «охоту, опасную для мяса».

Пойдемъ ужъ кстати далѣе за Ходецкимъ и приведемъ описаніе и домашней свиньи, тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ въ предисловіи увѣряетъ, что онъ «въ 4-хъ, старался выставить преимущественно то, что̀ наиболѣе полезно въ хозяйственномъ быту человѣка».

Прочтите же на 113 страницѣ:

«*Домашняя свинья* происходитъ отъ дикой, отличаясь отъ нея только меньшимъ ростомъ, меньшими клыками, не столь свирѣпымъ нравомъ и разнообразіемъ цвѣта шерсти. Составляетъ очень полезное животное въ хозяйствѣ, особенно въ томъ отношеніи, что можетъ быть продовольствуема самымъ дешевымъ, для другихъ животныхъ мало годнымъ кормомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скоро растетъ, даетъ много мяса и жира, также щетину, употребляемую для щетокъ, кистей и т. п. Будучи прожорлива, она ѣстъ почти все, не отказываясь даже отъ мяса, и потому скоро откармливается. При такихъ выгодахъ она разводится почти у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ евреевъ и магометанъ, чуждающихся мяса ея по религіозному закону. Къ сожалѣнію только, свинья очень нечистоплотна и любитъ, подобно многимъ другимъ толстокожимъ животнымъ, прохлаждаться въ грязи; любитъ также рыть землю для отысканія корней; но чѣмъ чище она содержится и чѣмъ лучшій получаетъ кормъ, тѣмъ и продукты ея бываютъ лучше.

Такъ какъ домашняя свинья распространена человѣкомъ почти по всѣмъ странамъ свѣта, то въ видѣ ея образовалось много породъ, которыя въ хозяйственномъ отношеніи отличаются другъ отъ друга преимущественно по крупности роста. Изъ крупнорослыхъ породъ наиболѣе цѣнятся *англійская* и *ютландская*, а изъ малорослыхъ *китайская*».

Теперь сравните описаніе изъ книги г. Даля (стр. 179):

«*Свинья домашняя или дворовая* (Рис. 18 ф. 103) рѣдко достигаетъ той величины, какъ дикая; копала у нея гораздо меньше, масть шерсти черная, желтобурая, пѣгая и пр. Какъ изъ всякой домашней скотины, такъ и изъ свиньи, по различію пищи, климата и другихъ обстоятельствъ, образовалось нѣсколько породъ; есть, напр. *большая англійская* и *ютландская* породы, коихъ свиньи въ откормкѣ достигаютъ такой огромности, что въ свиньѣ бываетъ до 15 пудовъ вѣсу; *китайская* порода, не крупная, на низенькихъ ножкахъ; порода съ *сережками*, порода *турецкая*, съ нѣсколько курчавою шерстью и пр. Свинья питается зерномъ, плодами, овощами, травами, кореньями, насѣкомыми, но ѣстъ все, даже всѣ нечистоты и самую падаль. Свинья прожорлива, почему и удобно откармливать ее на сало; она неопрятна, любитъ грязь и лужи, но мясо ея бываетъ гораздо вкуснѣе, когда ее содержатъ чисто, въ опрятной свинарнѣ и кормятъ одною хлѣбною пищей. Чутье свиньи довольно тонко, такъ что она издалека отыскиваетъ по чутью пищу, даже подъ землей, которую проворно взрываетъ носомъ и рыломъ. Поэтому свинью употребляютъ для отысканія трюфелей (родъ подземныхъ грибовъ), до которыхъ и люди не менѣе ея лакомы. Свинина и свиное сало, окорока, свиныя колбасы и пр. составляютъ общеупотребительную пищу многихъ народовъ, кромѣ мусульманъ и евреевъ, которые свинины не ѣдятъ; свиная щетина идетъ на щетки и кисти, а также у сапожниковъ для присучиванія къ дратвѣ, и потому составляетъ не совсѣмъ маловажный предметъ торговли».

Въ такомъ видѣ вся книжка г. Ходецкаго перефразирована изъ зоологіи Даля. Спрашивается: зачѣмъ же онъ убивался надъ этимъ, и на какомъ основаніи жалуется онъ въ предисловіи на то, что у насъ нѣтъ учебниковъ по естественной исторіи? Правда, онъ прибавляетъ, что существующіе учебники годятся собственно для мужскихъ училищъ, а для женскихъ неудобны «отчасти по своему объему, излишней сложности системы, употребленію латинскихъ терминовъ, *отчасти по другимъ причинамъ, легко понятнымъ для каждаго догадливаго читателя*». Но книга г. Даля не очень многимъ превосходитъ объемъ «Уроковъ» г. Ходецкаго, особенно если исключить изъ нея всѣ примѣчанія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ; система вся цѣликомъ взята г. Ходецкимъ изъ Даля; латинскіе термины... но ихъ-то, какъ на грѣхъ, и *нѣтъ вовсе* въ зоологіи Даля... Остаются, стало быть, *другія причины*... Ихъ угадать дѣйствительно нетрудно: это опасеніе, чтобы не встрѣтить лишняго слова въ анатомическомъ обозрѣніи частей человѣческаго тѣла, въ показаніи способовъ размноженія разныхъ животныхъ и пр. Но, во-первыхъ,—и въ книгѣ г. Даля нѣтъ

ничего *лишняго* по этой части; во-вторыхъ, неизвѣстно еще, точно ли слѣдуетъ одобрять ту скрытность, которую считаетъ столь необходимою почтенный профессоръ. По нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ цѣлей преподаванія естественной исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и должна состоять въ томъ, чтобы дѣвицы познакомились со всѣми естественными отправленіями животнаго организма изъ серьезнаго, научнаго изложенія, а не изъ сальныхъ разсказовъ дворовыхъ дѣвокъ и не изъ сладострастныхъ намековъ разныхъ распутныхъ кузеновъ... Пора бы ужъ убѣдиться, что въ этомъ случаѣ формальная скромность въ училищѣ можетъ привести дѣвушку только къ лицемѣрству, да еще дастъ ей поводъ получить совершенно превратное, преувеличенное и донельзя украшенное понятіе о томъ, что̀ именно хотятъ скрыть отъ нея.

Вообще въ книгѣ г. Ходецкаго мы не нашли ничего, что̀ бы могло оправдать ея появленіе, и особенно съ такимъ предисловіемъ. О примѣненіи къ понятіямъ ученицъ, объ особенныхъ требованіяхъ женскаго образованія онъ и не думалъ. Если ужъ надо сочинять руководство особое непремѣнно для дѣвушекъ, то слѣдовало бы изложить явленія живой природы въ болѣе стройномъ порядкѣ, разсказать физіологическія условія жизни подробно и живо, представить бытъ и нравы животныхъ, обстоятельно описать тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ особый интересъ почему-нибудь, и никакъ не хлопотать о какихъ-нибудь перечисленіяхъ. Зачѣмъ, напримѣръ,— не только въ женскомъ, но въ какомъ бы то ни было учебникѣ, такой перечень: «*курганчики, кубарчики, ребрушки, башенки, ушки, нырчатки, богрянки, шишаки, трубороіи, ужовки, оливы, конусы, овулы и пр.*» Что̀ же, ученицы должны все это вызубрить?... А по нашему, если ужъ эти всѣ курганчики, кубарчики и пр. такъ замѣчательны, что ихъ не знать нельзя, такъ можно ихъ описать подробнѣе; а если не стоитъ описывать, то ужъ и имена перечислять не стоитъ... Развѣ, можетъ быть, это необходимо было г. Ходецкому для того, чтобы, по его словамъ, «подѣйствовать благотворно на нравственное чувство учащихся, высшее развитіе котораго составляетъ главнѣйшую цѣль всякаго образованія»?...

Руководство г. Горизонтова выступаетъ съ тѣми же претензіями, какъ и курсъ г. Ходецкаго. Въ предисловіи его авторъ говоритъ — не вполнѣ грамотно, но съ скромнымъ сознаніемъ своего достоинства: «*сознавая* вполнѣ, что изданіемъ своей естественной исторіи я не устранилъ вышепомянутаго недостатка (хорошихъ руководствъ) въ нашей учебной литературѣ, *но тѣмъ не менѣе льщу* себя надеждою, что за неимѣніемъ другого руководства, обнимающаго всѣ части естественной исторіи, мой трудъ принесетъ хотя небольшую пользу для учащихся дѣвицъ и въ домашнемъ воспитаніи». Безграмотность этой тирады впрочемъ — случайная; и произошла она, вѣроятно, отъ смущенія, въ которомъ находился авторъ, приступая къ восхваленію самого себя. Вообще же руководство г. Горизонтова написано грамотно, и въ сравненіи съ «Уроками» г. Ходецкаго,—его можно превознести. Уже одно то много значитъ, что оно гораздо короче. У г. Ходецкаго 300 страницъ заняты одной зоологіей, а у г. Горизонтова на 392 стр. помѣщена зоологія, ботаника и минералогія, да еще, вдобавокъ, свѣдѣнія изъ физики и изъ физической и математической географіи. Кромѣ того, въ текстѣ 278 рисунковъ, сдѣланныхъ большею частію недурно, исключая рисунковъ птицъ и млекопитающихъ, изъ которыхъ многіе изъ рукъ вонъ плохи.

Напримѣръ, на стр. 34 изображена обезьяна, изъ семейства игрунковыхъ, большого роста, судя по дереву, на которомъ она сидитъ (хотя въ текстѣ и говорится, что она величиной всего съ бѣлку), съ пышной куафюрой и съ огромнѣйшимъ пушистымъ хвостомъ; хвостъ даже чуть ли не больше и не толще ея самой. На стр. 137 нарисованъ воробей, который, можетъ быть, недуренъ бы оказался въ какой-нибудь каррикатурѣ Степанова [1]), но въ учебникѣ вовсе неумѣстенъ, равно какъ и голубь на стр. 147: такіе голуби могутъ существовать развѣ только въ голубятняхъ г. Сорокина! [2]).

Текстъ руководства г. Горизонтова составляетъ тоже сшивки изъ разныхъ прежнихъ книжекъ. Зоологіей и ботаникой Даля г. Горизонтовъ тоже сильно попользовался, а между тѣмъ, зоологію его даже не упомянулъ въ числѣ своихъ пособій, перечисленныхъ имъ въ предисловіи. Это ужъ не совсѣмъ хорошо, потому что г. Горизонтовъ — лицо неизвѣстное, не профессоръ, слѣдовательно ничѣмъ не обезпеченъ отъ нападеній критики. Нехорошо еще то, что онъ, не справившись, беретъ изъ Даля такія свѣдѣнія, которыя теперь ужъ никуда не годятся. Напримѣръ, отдѣлъ о человѣкѣ почти весь списанъ изъ Даля слово въ

[1]) Извѣстный каррикатуристъ.

[2]) Сорокинымъ «Искра» называла домовладѣльца Воронина, извѣстнаго тогда эксплоатированіемъ своихъ квартирантовъ.

слово (съ пропусками, разумѣется), и между прочимъ, взято оттуда свѣдѣніе о количествѣ людей на земномъ шарѣ. По этому свѣдѣнію выходитъ, что на земномъ шарѣ 757 мильоновъ жителей (140 въ Европѣ, 450 въ Азіи, 120 въ Африкѣ, 45 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи): между тѣмъ не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году печатаны были даже въ русскихъ газетахъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій Дитерици, по которымъ оказывается всѣхъ земныхъ жителей 1,288 мильоновъ (272 въ Европѣ, 755 въ Азіи, 200 въ Африкѣ, 59 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи). Допущеніе въ учебникъ подобной ошибки доказываетъ, что г. Горизонтовъ не *извлекалъ*, а просто *бралъ*, т.-е. переписывалъ свое руководство то изъ той, то изъ другой книжки. Но вѣдь на подобную работу достаточно грамотнаго писаря или такого профессора, какимъ явился въ своихъ урокахъ г. Ходецкій!

Замѣтимъ еще одинъ курьезный промахъ г. Горизонтова, въ которомъ, впрочемъ, ужъ не Даль, кажется, виноватъ. На стр. 259, говоря о вербѣ, г. Горизонтовъ прибавляетъ: «это та самая верба, о которой царь-псалмопѣвецъ упоминаетъ въ своей пѣснѣ: «на рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, на вербіихъ обѣсихомъ органы наша». Надо быть слишкомъ увлечену собственнымъ краснорѣчіемъ, чтобы забыть, что царь-псалмопѣвецъ, т.-е. царь Давидъ не былъ въ плѣну вавилонскомъ (потому собственно, что жилъ за 400 лѣтъ до него) и что пѣснь: «на рѣкахъ вавилонскихъ»—приписывается пророку Іереміи.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надо имѣть въ виду то, въ какомъ положеніи находится у насъ наука и ученость. Нашимъ учебнымъ заведеніямъ еще могутъ угрожать такія книги, какъ «Уроки» г. Ходецкаго; намъ еще могутъ выдавать плохую, безталанную перефразировку всѣмъ извѣстнаго руководства за самостоятельный профессорскій трудъ... При такомъ положеніи дѣлъ можно и книгѣ г. Горизонтова обрадоваться, хотя она по своей сущности и не стоитъ того.

349—356. Свистокъ № 3.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

Напечатано вмѣстѣ съ № 345.

Въ «Краткой исторіи», по всей вѣроятности, передается очень вкратцѣ содержаніе непропущенныхъ цензурою номеровъ «Свистка», а для большей насмѣшки невыходъ ихъ объясняется политическими событіями Европы.

№ 350 понятенъ будетъ, если знать, что̀ писали въ № 95 «Моск. Вѣдомостей». Тамъ было напечатано письмо въ редакцію Н. Ч., негодовавшаго на приведеніе въ исполненіе приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ, нарушившихъ приговоръ о неупотребленіи водки, и находившаго, что печать должна добиваться устраненія этого явленія, «а у насъ есть еще господа (см. въ IV кн. «Современника» статью «Рус. Литература» и балаганный отдѣлъ,—возобновленный, вѣроятно, по случаю недавнихъ праздниковъ,—подъ названіемъ «Свистка»), безъ застѣнчивости печатающіе, что наша литература, занимаясь вопросами о распространеніи грамотности, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и т. п., давая даже гласность нѣкоторымъ общественнымъ явленіямъ безъ прямого указанія на лица, собственно повторяетъ только то, что̀ и безъ нея извѣстно! Впрочемъ, лучшая часть нашего общества умѣетъ цѣнить этихъ господъ по достоинству, и попытки литературнаго мальчишества и паясничества убить въ литературѣ всякую живую связь съ той средой, которой она служитъ органомъ, никогда не могутъ имѣть успѣха... Если бы, считая все давно порѣшеннымъ, наша литература ограничивалась туманными выходками противъ неаполитанскихъ изгнанниковъ [1]) и т. п., то она утратила бы всякій смыслъ для русскаго общества. Это пойметъ всякій неглупый школьникъ, а у насъ есть литераторы, не понимающіе такихъ простыхъ вещей!» etc., etc.

№ 351 напечатанъ въ «Современникѣ»

---

[1]) *Н. Ч.*, очевидно, воображалъ, что онъ, либералъ, сильно укололъ «Современникъ» за отзывъ о Поэріо и его товарищахъ, который, однако, только недальновидные люди въ состояніи были понять шиворотъ на выворотъ, что и объяснилъ потомъ Чернышевскій въ слѣдующей статьѣ о политикѣ.

не былъ и врядъ ли по цензурнымъ условіямъ, потому что въ другихъ журналахъ статья появилась. Надо думать, что Добролюбовъ самъ ее почему-нибудь вынулъ. Напрасно думаютъ нѣкоторые критики, что эта замѣтка есть насмѣшка надъ гласностью или Якушкинымъ. Разумѣется, теперь читатели знаютъ отношеніе Добролюбова къ первой; что же касается Якушкина, то онъ его уважалъ, какъ человѣка, пошедшаго въ народъ. Смыслъ ядовитой насмѣшки совсѣмъ другой. Добролюбовъ хотѣлъ сказать: почему это вы, господа, такъ расписываете непріятности, которымъ подвергся близкій вамъ Якушкинъ? а развѣ всякій живущій не въ Псковѣ, а въ любомъ углу Россіи, не подвергался подобнымъ злоключеніямъ; да что подобнымъ!— по существующей возможности дѣлать что угодно развѣ полиція повсюду не топчетъ наши самыя элементарныя права?! Зачѣмъ же говорить о Псковѣ и давать понять, что только тамъ и могла случиться такая нелѣпость? И при томъ развѣ вся исторія съ Якушкинымъ не есть яркая иллюстрація, какъ живется нашему мужику? Это еще простой, самый обыкновенный случай полицейскаго произвола. Съ другой стороны, вы, распинающіеся за прогрессъ, поступь котораго я даже не слышу, развѣ не сознаете, что онъ совершенно опровергается наличностью псковскаго полицеймейстера?!—Вотъ что хотѣлъ сказать публицистъ и, по моему мнѣнію, не только хотѣлъ, но и сказалъ для каждаго, умѣющаго читать тогдашнюю печать.

№ 352 не требуетъ комментаріевъ, а остальные — конечно, говорятъ не объ Австріи...

М. Л.

---

349. КРАТКАЯ ИСТОРІЯ „СВИСТКА“ ВО ДНИ ЕГО ВРЕМЕННАГО НЕСУЩЕСТВОВАНІЯ.

«Свистокъ» дожидался только выѣзда уполномоченныхъ изъ Цюриха, чтобы опять раздаться въ русской литературѣ. Теперь объявлено, что они въ октябрѣ выѣдутъ, и если они, по свойственной дипломатамъ правдивости, сдержатъ слово, то «Свистокъ» надѣется уже безраздѣльно завладѣть вниманіемъ публики. Въ лѣтніе мѣсяцы ему было неловко являться потому, что общее любопытство было привлечено итальянской войной, и въ началѣ іюля, поощренные примѣромъ «Русскаго Дневника», редакторы «Свистка» даже послали-было въ «Современникъ» такое объявленіе:

«Въ настоящее время, когда все вниманіе публики обращено на политическія событія, совершающіяся на Западѣ, для «Свистка», неспособнаго заниматься политикою—иначе какъ въ шутку—прекратилась возможность разсчитывать на увеличеніе ограниченнаго числа своихъ поклонниковъ; вслѣдствіе чего «Свистокъ» вынужденнымъ находится прекратить свой свистъ.

«Хотя «Свистокъ» былъ при «Современникѣ» не что иное, какъ «съ боку припека», по глубоко-вѣрному выраженію нашего умнаго народа, тѣмъ не менѣе редакція «Современника» должна счесть личною своею обязанностью дать своимъ подписчикамъ удовлетвореніе за австрійско-французскую войну, лишившую ихъ русскаго «Свистка». Но такъ такъ извѣстно и многократно было публиковано, что редакція «Современника» не имѣетъ достаточно остроумія для подобнаго удовлетворенія [1]), то она и должна вознаградить публику за «Свистокъ» приложеніемъ къ своему журналу статей о новыхъ памятникахъ древне вавилонской письменности, для которыхъ редакція уже имѣетъ достаточный запасъ матеріаловъ въ статьяхъ г. Хвольсона» [2]).

Объявленіе это было готово въ тотъ самый день, когда появилось объявленіе о прекращеніи «Русскаго Дневника». Но, «къ несчастью иль счастью», [по словамъ нашего милаго балладника Василія Андреевича Жуковскаго], «Современникъ» нынѣ всегда запаздываетъ (въ чемъ стараются по возможности подражать ему и другіе журналы) [3]). Слѣдствіемъ такого обстоятельства было то, что объявленіе наше на нѣсколько дней задержалось, а тутъ вдругъ—ни съ того ни съ сего—пришло извѣстіе о мирѣ, и наши резоны сдѣлались совершенно неумѣстными.

Тогда мы получили надежду, что скоро придетъ и нашъ чередъ; но—увы!—горько ошиблись! Русская публика, изъ подражанія французамъ, продолжала и по окончаніи войны читать и толковать объ Италіи, такъ что мы пикнуть не смѣли, не только свистнуть о нашихъ домашнихъ вопросахъ. Это

---

[1]) Озлобленные на «Свистокъ» журналы и газеты объясняли его непоявленіе истощеніемъ остроумія у издателей.

[2]) Оріенталистъ Д. А. Хвольсонъ напечаталъ въ «Рус. Вѣстникѣ» 1859 г. статьи подъ заглавіемъ «Новооткрытые памятники древне-вавилонской литературы». Добролюбовъ посмѣивается надъ ихъ умѣстностью для публицистическаго журнала.

[3]) Какъ уже было сказано, цензура стала свирѣпствовать въ это время.

бѣсило насъ, и мы даже сочинили-было филиппику противъ увлеченія иностранными вопросами. Филиппика была очень грозна. Въ ней напоминали мы русскимъ читателямъ слова г. Погодина, что стыдно намъ заниматься европейскими мелочными дрязгами, когда у насъ,—и у насъ однихъ только въ настоящее время,—поднято столько міровыхъ вопросовъ. Мы перечисляли даже нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, «зачѣмъ въ лѣтній зной, по свидѣтельству Н. Ф. Павлова, московскія улицы посыпаются пескомъ? Зачѣмъ докторъ Рклицкій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, расхваленъ въ «Современникѣ»? Зачѣмъ г. Вышеградскій пересталъ объявлять въ газетахъ о собственномъ безкорыстіи? Зачѣмъ «Наука жизни», г. Дыммана [1]), не вводится какъ обязательный предметъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ не преподается греческій языкъ?» и т. д. Сдѣлавъ подробное перечисленіе нашихъ родныхъ вопросовъ, мы взглядывали и на итальянскій вопросъ съ русской точки зрѣнія и приходили къ такому заключенію: что̀ намъ за дѣло до Италіи? Взойдетъ ли къ намъ на дворъ бѣлая корова, въ случаѣ возстановленія герцоговъ или присоединенія герцогствъ къ Пьемонту? Что̀ намъ мѣшаться въ чужія дѣла? Давно уже замѣчено, что «Italia farà da se»—Италія и безъ насъ проживетъ,—плюньте на Италію: Италія есть географическій терминъ, не болѣе, по глубокомысленному замѣчанію австрійскаго государственнаго мужа. Да и въ географіи-то она совершенно ничтожна: по основательному соображенію г. Шевырева, если бъ съ Альпъ спустить на Италію нашу Волгу,—всю бы затопило!! Стоитъ ли жъ послѣ всего этого заниматься такой ничтожностью? Сравните-ка наше-то положеніе: у насъ Волга не только ничего не затопила, но и сама-то вся засорилась и пересохла! [Вотъ какой мы великій народъ!].

Мы убѣждены, что наши соображенія, явно разсчитанныя на патріотизмъ, успѣли бы образумить русскую публику. Но въ этомъ году злой рокъ судилъ намъ вѣчно опаздывать: когда мы изготовили свою филиппику,—оказалось, что во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Петербурга портреты Гарибальди замѣнены уже портретами Шамиля! Къ этому мы были совершенно не приготовлены! Между тѣмъ, въ публикѣ проявился такой энтузіазмъ къ Шамилю, какого не бывало со времени посѣщенія Россіи г-мъ Дюма. Мы опять-было принялись за увѣщанія и хотѣли доказать, что Шамиль, какъ и Дюма, теперь уже не интересенъ, что—

«Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ:
Труды и годы угасили
Въ немъ преній дѣятельный жаръ»,—

что при томъ же борода у него—рыжая, что̀ ужъ вовсе не соотвѣтствуетъ нашему идеалу прекраснаго черкеса, что, слѣдовательно, онъ просто вниманія не стоитъ. Но тутъ ужъ мы сами почувствовали, что подобная попытка была немножко дерзка и не повела бы ни къ чему хорошему, [окромя худого]. При томъ же мы были совершенно озадачены г. Горяиновымъ, который въ «Сѣверной Пчелѣ» доказалъ, что мы ходимъ смотрѣть на Шамиля вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, какъ на Дюма: что мы всѣ одушевлены теперь не простымъ любопытствомъ, а самымъ патріотическимъ желаніемъ—повѣсить и растерзать въ клочки ужаснаго иностранца, съ которымъ обходятся такъ несправедливо, т.-е. прилично и гуманно. Противъ такого воззрѣнія на Шамиля съ русской точки мы уже ничего не могли возразить и сочли за лучшее—продлить свое молчаніе еще на нѣкоторое время.

Но теперь—о, какія благопріятныя для насъ обстоятельства!.. Шамиль уѣхалъ въ Калугу, уполномоченные тоже, вѣроятно, уѣхали изъ Цюриха, сама Москва—хотя и никуда еще не уѣхала (потому что по желѣзной дорогѣ ей можно покамѣстъ ѣхать только на Петербургъ, на что̀ она ни подъ какимъ видомъ не рѣшится),—но все-таки Москва занята теперь недавними банкротствами достойныхъ сыновъ ея, слѣдовательно, и она мѣшать намъ не можетъ. Начнемъ же снова насвистывать, со свойственными намъ безпечностью и благодушіемъ, тѣмъ болѣе, что г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, много намъ вредившій своими выходками, теперь исправился, какъ сейчасъ убѣдятся читатели. Его стихотвореніемъ мы нарочно начинаемъ нынѣшній «Свистокъ».

I.

350. РАСКАЯНІЕ КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

Извѣстно, что г. Лиліеншвагеръ своимъ смѣлымъ и звучнымъ стихомъ воспѣлъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «бѣса отрицанья и сомнѣнья» [1]), который вовсе не долженъ былъ бы и носа показывать въ публику въ настоящее время, когда (какъ очевидно изъ примѣра акціонеровъ общества «Сельскій Хозяинъ») [2]) все созидается на взаимномъ

[1]) См. № 303.

[1]) См. № 287.
[2]) См. ниже.

довѣріи и сочувствіи. За непростительную дерзость г. Лиліеншвагера досталось и намъ, и ему въ № 95 «Московскихъ Вѣдомостей». Мы, разумѣется, тотчасъ же сказали, что наше дѣло сторона, и тѣмъ себя немедленно успокоили. Но г. Лиліеншвагеръ, какъ пылкая поэтическая и при томъ почти нѣмецкая натура, принялъ упреки «Московскихъ Вѣдомостей» очень близко къ сердцу, и—кто бы могъ это подумать?—въ убѣжденіяхъ его совершился рѣшительный переломъ. Какъ Пушкинъ отрекся отъ своего «Демона», вслѣдствіе нѣкоторыхъ совѣтовъ изъ Москвы, такъ и г. Лиліеншвагеръ отрекся отъ своего бѣса, и сдѣлался отнынѣ навсегда (до первой перемѣны, разумѣется) вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ пѣвцомъ нашего прогресса. Вотъ стихотвореніе, которымъ ознаменовалъ онъ моментъ своего раскаянія.

МОЕ ОБРАЩЕНІЕ.

Во дни пасхальныхъ балагановъ
Я буйной лирой оскорблялъ
Прогресса русскаго титановъ
И нашу гласность осмѣялъ.
Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
Когда въ «Вѣдомостяхъ Московскихъ»
Прочелъ презрительный укоръ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
О томъ, что презрѣнъ я въ Москвѣ...
Себѣ, въ порывахъ покаянныхъ,
Надралъ я плѣшь на головѣ!..
Но плѣшью пріобрѣлъ я право
Смотрѣть на будущность свѣтло!..
Съ тѣхъ поръ, не мудрствуя лукаво,
Я прояснилъ свое чело:
Меня живитъ родная пресса,
И, полнъ святого забытья,
Неслышной поступи прогресса
Съ благоговѣньемъ внемлю я...

II.

351. ОТРАДНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

1.

ПСКОВСКАЯ ПОЛИЦІЯ.

Къ числу отраднѣйшихъ явленій русской жизни за послѣднее время, несомнѣнно, должна быть отнесена статья г. Якушкина, въ «Русской Бесѣдѣ», о псковской полиціи. «Бесѣда» проситъ всѣ журналы, болѣе ея распространенные въ публикѣ (иначе сказать—всѣ журналы, такъ какъ теперь уже скончались и «Московское Обозрѣніе» и не менѣе московскій «Атеней») дать приличную окраску этой статьѣ, и «Свистокъ» съ особеннымъ наслажденіемъ исполняетъ эту просьбу. Мы не могли безъ особеннаго восхищенія читать мастерского очерка г. Якушкина!.. Какая смѣлость!.. Какое благородство выраженій! Какое достоинство тона!.. Нельзя не пожелать, чтобъ у насъ почаще являлись подобныя статьи, хотя, къ сожалѣнію, русская жизнь мало еще даетъ матеріаловъ для такихъ превосходныхъ типическихъ очерковъ. Это не то, что объявленія въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, обыкновенно сухія и лишенныя всѣхъ пріятностей слога. Нѣтъ, здѣсь простому полицейскому случаю придана форма вполнѣ литературная, и при томъ чисто народная. Отрадно читать подобныя описанія; сердце каждаго русскаго, истинно любящаго литературу своего отечества, должно ощущать радостный трепетъ при чтеніи статьи г. Якушкина. Она служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ велики прогрессы, до которыхъ дошли мы въ жизни и въ литературѣ, вслѣдствіе широкаго развитія гласности. Изъ нея можно видѣть, какъ выросли мы съ тѣхъ поръ, какъ появились первые ребяческіе опыты гласности въ объявленіяхъ «Свистка» объ *одной* потерянной галошѣ... Да, что̀ ни говорите, быстро мчится впередъ русская жизнь,—со всѣми своими несовершенствами, злоупотребленіями и пороками!.. Читайте письмо г. Якушкина къ издателю «Русской Бесѣды» и судите сами:

«Моя поѣздка въ Псковскую губернію не удалась по причинамъ, совершенно отъ меня независящимъ, и именно по слѣдующимъ. Разскажу вамъ случившееся со мною во всей подробности. Досаду, негодованіе, отвращеніе, — словомъ, всѣ испытанныя мною ощущенія я передавать вамъ не стану, да и некогда. Вы сами хорошо поймете это и безъ моихъ описаній. Ограничусь однимъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ самаго факта.

Объѣздивъ Талабское (по географіямъ Псковское) *озеро, обойдя мѣста около* Изборска и Печоръ, я 22 августа пришелъ во Псковъ, гдѣ хотѣлъ дней на пять остаться, потому, во-первыхъ, что я немного простудился, а во-вторыхъ потому, что хотѣлъ привести въ порядокъ свои отрывочныя замѣтки.

Хозяева мои, Егоръ Васильевичъ Васильевъ и его супруга, были ко мнѣ очень внимательны; желая ихъ избавить отъ лишнихъ хлопотъ, я самъ отправился въ полицію прописать свой паспортъ.

Это было часовъ въ 5 послѣ обѣда.

Въ полиціи дежурный квартальный надзиратель сказалъ мнѣ, что я для прописки своего паспорта долженъ идти въ первую часть.

— Сдѣлайте одолженіе, пропишите мой паспортъ! — сказалъ я какому-то чиновнику, входя въ канцелярію первой части.

Чиновникъ взялъ мой паспортъ, посмотрѣлъ на него, потомъ взглянулъ на меня,—и, кажется, его поразила моя одежда: я былъ одѣтъ по-русски.

— Вы губернскій секретарь Якушкинъ?—спросилъ онъ, недовѣрчиво смотря на меня.

— Точно такъ.

— Я покажу вашъ видъ частному приставу,—сказалъ онъ.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ я.

Этотъ господинъ пошелъ въ присутствіе къ частному приставу, черезъ минуту вернулся и пригласилъ меня идти къ частному, тоже въ присутствіе.

— Что надо?—спросилъ меня частный, сидѣвшій за присутственнымъ столомъ въ бѣлой рубашкѣ и въ халатѣ нараспашку; его высокоблагородію видимо не хотѣлось сказать мнѣ *вы*, а съ *ты* оно относиться ко мнѣ не рѣшилось, потому оно благоразумно избѣжало мѣстоименій.

Онъ держалъ мой паспортъ; ему было сказано, зачѣмъ я пришелъ: самъ онъ меня позвалъ въ присутствіе; а потому и вопросъ его показался мнѣ страннымъ.

— Пришелъ просить записать мой паспортъ,— отвѣчалъ я.

— Губернскій секретарь,—грозно проговорилъ частный:—какъ же можно такъ одѣваться?!

— По роду моихъ занятій, — отвѣчалъ я со всевозможною учтивостью, — мнѣ необходимъ этотъ костюмъ.

— Какія такія занятія, которыя требуютъ мужикомъ одѣваться?

Я подалъ ему письмо редактора «Русской Бесѣды», которымъ подробно объяснялись мои занятія, требующія мужицкаго платья.

— Всѣ бумаги фальшивыя,—сказалъ онъ, прочитавъ письмо какому-то господину, сидѣвшему за тѣмъ же столомъ. Тотъ господинъ посмотрѣлъ на бумаги, покачалъ головою и ничего не сказалъ.

— Подписи фальшивыя, бумаги фальшивыя!— повторилъ частный, обращаясь ко мнѣ.

— Если фальшивыя подписи, какъ вы думаете, то вы, какъ мнѣ кажется, должны меня арестовать.

— Не разговаривать!—крикнулъ разгнѣванный частный, такъ что стекла задрожали.

— Я долженъ вамъ сказать, господинъ частный приставъ, что съ вами какъ съ *частнымъ человѣкомъ* и говорить не хочу, а какъ частному приставу я долженъ вамъ отвѣчать на сдѣланное мнѣ замѣчаніе, и, какъ частный приставъ, вы должны меня выслушать.

— А, такъ!.. пожалуйте, милостивый государь, въ канцелярію... Посмотримъ!..

Въ канцеляріи чиновники, слышавшіе мой разговоръ съ частнымъ, очень недружелюбно на меня посматривали и вполголоса, однако такъ, чтобъ я слышалъ, поговаривали о фальшивыхъ бумагахъ.

— Да и не фальшивый видъ, — заключилъ одинъ: — полиція по одному подозрѣнію можетъ всякаго задержать.

— Не угодно ли *вамъ* немного потрудиться: пойти съ господиномъ квартальнымъ въ полицію,— сказалъ частный, входя черезъ полчаса въ канцелярію, видимо желая поострить на мой счетъ.

Угодно, неугодно, а надо было идти, куда приказано. и я, не говоря ни слова, отправился съ квартальнымъ въ полицію.

— За что васъ арестовали? — спросилъ меня провожавшій меня квартальный.

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

— Для чего вы одѣваетесь мужикомъ?

Я ему объяснилъ и показалъ письмо отъ редактора «Русской Бесѣды».

— Вѣрно васъ завтра выпустятъ, — сказалъ квартальный, прочитавъ письмо.

— Какъ завтра?—спросилъ я, не вѣря въ возможность арестовать человѣка на цѣлую ночь безвинно, по одной прихоти.

Квартальный не отвѣчалъ: ему было совѣстно исполнять приказаніе частнаго. Я это замѣтилъ, и мы замолчали. Я рѣшился не давать волю своему гнѣву, — да этого требовало и благоразуміе.

— Гдѣ дежурный? — спросилъ квартальный, когда мы вошли въ *полицію*.

— Ушелъ почивать домой,—отвѣчалъ солдатъ десятскій изъ малороссіянъ.

— Позвать ундера!

Пришелъ унтеръ-офицеръ, повидимому, лицо въ полиціи значительное, которое солдатъ величалъ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ Ѳедосѣевымъ; приведшій меня квартальный шепнулъ ему что-то и скрылся.

— Пожалуйте въ эту комнату,—сказалъ мнѣ господинъ Ѳедосѣевъ, указывая на *дежурную* комнату, или, какъ здѣсь называютъ, на *дворянскую* (арестантскую).

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ я ему, входя въ дворянскую,—отошлите записку къ полицеймейстеру; я сейчасъ напишу.

— Извините,—отвѣчалъ тотъ,—я этого не могу сдѣлать; отъ г. полицеймейстера строгій приказъ не посылать къ нему изъ полиціи никакихъ записокъ.

— Я долженъ здѣсь ночевать?

— Должны.

— Не могу ли я у васъ попросить псковскихъ газетъ? Скучно такъ сидѣть,—стану читать.

— Съ большимъ удовольствіемъ; я вамъ и свѣчу дамъ; читайте.

— Не хотите ли ужинать? — спросилъ меня г. Ѳедосѣевъ, входя ко мнѣ вслѣдъ за тѣмъ съ кипою «Псковскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Дневника»!

— Покорно васъ благодарю,—отвѣчалъ я:—не хочется.

— Покушайте,—настаивалъ Николай Ѳедосѣевичъ:—щи славныя! Можетъ у васъ денегъ нѣтъ,— робко прибавилъ онъ:—такъ денегъ мнѣ не надо: щи я вылью за окно—все равно, мнѣ ихъ дѣвать некуда.

Какъ ни совѣстно было отказаться отъ такого радушнаго и честно предложеннаго ужина, я отказался.

— Можно здѣсь курить?—спросилъ я у Ѳедосѣева.

— Курите, пожалуйста, солдатъ во всякомъ случаѣ тутъ будетъ; курите не курите—солдатъ тутъ обязанъ быть.

Ѳедосѣевъ ушелъ; я закурилъ папироску и сталъ просматривать «Псковскія Вѣдомости». Въ одномъ нумерѣ этихъ газетъ было объявленіе о выходѣ книжки «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ другомъ — «Сына Отечества»; другихъ статей въ литературномъ отдѣлѣ не оказалось; но я никакъ не могъ заснуть: диванъ, на которомъ я сидѣлъ, былъ такъ устроенъ, что на немъ не только лежать, но и сидѣть было довольно трудно; да къ тому же солдатъ, легшій у дверей, довольно сильно оказывалъ свое присутствіе...

— Вы не спите?—спросилъ онъ меня часу въ двѣнадцатомъ.

— Да спать нельзя,—отвѣчалъ я ему.

— Э! нельзя! тутъ еще можно; вотъ, случается, въ арестантскую запрутъ, тамъ человѣку и дышать не можно, народу оттуда не выпускаютъ; тамъ и *поскудите;* духъ такой—быть нельзя,— проговорилъ солдатъ малороссійскимъ выговоромъ и опять захрапѣлъ.

Я снова принялся за вѣдомости и никакъ не думалъ, что мнѣ тотчасъ же придется побывать въ арестантской, въ которой *быть нельзя* по отзыву солдата. Я захотѣлъ открыть окно; не зная хорошенько полицейскихъ обычаевъ, я опасался разбудить солдата и потому довольно тихо подошелъ къ окну.

— Куда ты, собачій сынъ?—крикнулъ проснувшійся солдатъ:—въ окно хочешь выпрыгнуть! Я тебя...

Какъ я ни увѣрялъ его, что я не хочу, да и

не могу выпрыгнуть со второго этажа,—солдатъ не вѣрилъ.

На шумъ пришелъ г. Ѳедосѣевъ.

— Вамъ не угодно было тутъ сидѣть!—сказалъ онъ,—вы хотѣли выпрыгнуть въ окно,—пожалуйте въ арестантскую.

Меня повели въ арестантскую.

Вы знаете, что я хожу по деревнямъ, выбираю избы для ночлеговъ поплоше; стало быть, къ грязи присмотрѣлся, но такой грязи, какую я нашелъ *въ арестантской,* не дай Богъ вамъ видѣть: я буквально цѣлую ночь присѣсть не могъ, комната... нѣтъ, не комната, а подвалъ, довольно большой, перегороженный неизвѣстно для чего пополамъ, съ мокрымъ поломъ, на которомъ *поскудятъ* и который не чистятъ; съ однимъ окномъ въ четверть вышиной и въ аршинъ длиной... И этотъ подвалъ никогда не отворяютъ!

— Ты за что̀ попалъ?—спросилъ меня одинъ арестантъ, мальчикъ лѣтъ 18-ти, какъ я увидалъ на другой день по утру, потому что въ арестантской огня не было.

— Не знаю, братъ!

— Вѣрно стянулъ что̀?

— Нѣтъ, пока Богъ миловалъ...

— А ты за что?—спросилъ я его въ свою очередь.

— Да отъ барина сбѣжалъ, напился пьянъ, да на улицѣ и подняли. Вотъ одиннадцать дней какъ держатъ, хоть бы въ баню пустили.

Баня этому мальчику была необходима; каждый волосъ на головѣ буквально былъ усѣянъ извѣстными насѣкомыми.

— Что жъ съ тобою будетъ?

— А приведутъ меня къ господамъ своимъ, тѣ ту же пору половину головы обрѣютъ, выпорютъ, до трехъ разъ, да и оставятъ.

— А развѣ бывало съ тобою это?

— Въ другой разъ... Не знаешь ли ты, человѣкъ милый, сказки какой? спать не хочется.

Я сталъ ему разсказывать исторію Ветхаго Завѣта.

— Однако я вижу, ты изъ книгъ говоришь,—сказалъ мужикъ, выходя изъ-за перегородки нашей арестантской, и до того времени тамъ спавшій.

— Вѣрно ты слыхалъ, а можетъ и самъ читалъ эти книги?—спросилъ я его.

— Попы читаютъ,—отвѣчалъ тотъ, позѣвывая.—Скажи, человѣкъ *душевный,* за что̀ тебя схватили?—спросилъ онъ меня.

— Я не мужикъ, а надѣлъ мужицкое платье; за это и посадили.

— Какъ, за мужицкую одежду?

— Да, за мужицкую одежду.

— Да развѣ мужикъ не человѣкъ?

На этотъ вопросъ я не зналъ что̀ могу сказать, а потому и не отвѣчалъ ему.

— Мужикъ тоже человѣкъ!—убѣдительно говорилъ мой новый товарищъ.—Разсказывай, что̀ въ книжкахъ читалъ!—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

Я сталъ продолжать разсказъ исторіи Ветхаго Завѣта. Дошло дѣло до Іосифа.

— А, другъ любезный, — спросилъ меня мужикъ: — Іосифа прекраснаго?

— Ну да, Іосифа прекраснаго...

— Говори, говори,—одобрительно проговорилъ мужикъ.

— Сидѣлъ Іосифъ въ темницѣ, въ которой сидѣли также хлѣбодаръ и виночерпій.

— Все равно, какъ мы здѣсь въ тюрьмѣ сидимъ, другъ задушевный, — перебилъ меня мужикъ. — Присядь да разсказывай: что̀ ты все стоишь? Присядь.

Я отказался отъ его приглашенія: разсказывать мнѣ наскучило, и я спросилъ мужика, за что̀ онъ сидитъ?

— А вотъ, видишь ты, другъ душевный, заболѣла у меня губа; пошелъ я, другъ душевный, къ волхвамъ, а тѣ волхвы дали мнѣ траву,—прикладывай, молъ, къ больной губѣ. И разнесло жъ губу, сказать нельзя!.. Прихожу къ барынѣ... а барыня у насъ милосердная... «Ты, говоритъ, теперь человѣкъ убогій,—ступай самъ корми свою душу». Вотъ въ третьемъ году напился я пьянъ,—завалился на улицѣ; меня поднялъ Архипка... десятской... здѣсь переночевалъ. Поутру въ присутствіе, къ полицеймейстеру.—«Зачѣмъ пьянъ напился?»—крикнулъ тотъ.—Такъ и такъ: получилъ деньги за работу... «Посадить!..» Ну, другъ любезный, здѣсь царство небесное, а не приведи тебѣ Господь побывать въ земскомъ судѣ—просто быть нельзя... Повели меня, добраго молодца, изъ полиціи въ земскій судъ, продержали тамъ меня ровно двѣ недѣлечки, а тамъ отправили къ становому, въ станъ... У станового, я тебѣ скажу, другъ любезный, сказать нельзя какъ хорошо: выйдешь себѣ на крылечко, закуришь трубочку и сидишь... Становой мимо пройдетъ, крикнетъ: «ѣлъ щи?»—Ты ему, самъ разумѣй, скажешь: ѣлъ, не ѣлъ ли.—«Не ѣлъ! дать щей!»—Вотъ, другъ любезный, продержали въ Изборскѣ въ стану дней пять, послали къ барынѣ, а барыня говоритъ: не надо мнѣ его. Меня опять къ становому, отъ него въ земскій судъ, изъ суда въ полицію, а тутъ ужъ и выпустили.

— А теперь-то тебя за что̀ взяли?—спросилъ я.

— Видишь, другъ любезный, работалъ я у мужика... верстъ пять отъ города... хлѣбъ убиралъ; хозяинъ привелъ меня въ питейный. Деньги всѣ мнѣ отдалъ, да и поилъ на свои... Было, другъ душевный, выпито не мало!.. Пошелъ я домой, да и зашелъ подъ дилижансы; отыскали тамъ меня, да въ полицію; было 80 копѣекъ—и тѣ пропали!

— Слава Богу,—сказалъ я.

— Какой—слава Богу? 80 копѣекъ, говорятъ тебѣ, пропали!

— На 80 копѣекъ опять бы напился, опять бы взяли,—сказалъ я.

— Куда жъ дѣть?! напился бъ... а пожалуй и взяли бъ; мнѣ такое счастье, какъ напьюсь, такъ и возьмутъ: и во хмелю хорошъ!..

— Опять бы продержали недѣлю, — продолжалъ я.

— Ну, нѣтъ! недѣлей не обойдешься: дай Богъ въ мѣсяцъ покончить; да и то еще какъ Богъ приведетъ!

— Теперь же что̀ съ тобой будетъ?

— Теперь опять въ земскій судъ, а тамъ къ становому; становой пошлетъ къ барынѣ; а та барыня опять скажетъ: «а ты мнѣ не надобенъ».— Опять поведутъ въ станъ въ Изборскъ; а изъ Изборска въ земскій судъ; а изъ того земскаго суда въ полицію. А тутъ увидитъ полковникъ полицеймейстеръ, скажетъ собачьяго сына да и выпуститъ. Я ничего не боюсь,—прибавилъ онъ,—сидѣть, по малу случается, скучно бываетъ, а я духу не боюсь!

Разсвѣло. Было около 9 часовъ, пріѣхалъ въ полицію частный приставъ.

— Гдѣ губернскій секретарь Якушкинъ? къ частному!

Повели меня вверхъ.

— Какъ вы смѣли надѣвать ордена? — спросилъ меня ласковымъ голосомъ частный.

— Какъ ордена?—спросилъ я, изумившись.

— Его видѣли въ орденахъ въ среду, а онъ не знаетъ!—продолжалъ частный.

— Кто же видѣлъ?

— А вотъ кто! — сказалъ онъ, указывая на служащаго въ полиціи чиновника, который былъ въ присутствіи.

— Да, я видѣлъ: вы шли изъ собора,—загово-

рилъ чиновникъ: —я посмотрѣлъ на грудь, а грудь вся орденами завѣшана... Я еще подумалъ, какой молодецъ.

— Въ этотъ день вы не могли меня видѣть въ Псковѣ,—отвѣчалъ я ему,—не только въ орденахъ, но и безъ орденовъ: я въ этотъ день былъ въ Изборскѣ у тамошняго благочиннаго.

— Это мы справимся! — сказалъ, улыбаясь, частный.

— Я васъ прошу справиться.

— А какъ вы, милостивый государь, въ окошко хотѣли выпрыгнуть?—самымъ любезнымъ голосомъ продолжалъ частный.

— Не помню, отвѣчалъ ли я что-нибудь на этотъ вопросъ. Кажется, нѣтъ.

Пріѣхалъ полицеймейстеръ. Съ перваго раза видно было, что онъ человѣкъ, что называется *добрѣйшій* съ ловкими новѣйшими манерами и веселаго нрава.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Псковскую губернію? — спросилъ онъ, когда меня ввели въ присутствіе.

Я ему вмѣсто отвѣта показалъ письмо отъ редактора «Русской Бесѣды».

— Гдѣ вы учились?

Я ему сказалъ.

— Да... вотъ ваши бумаги, возьмите ихъ! Гдѣ вы остановились?—спросилъ онъ.

— У Егора Васильевича Васильева, — отвѣчалъ я.

— Въ конторѣ рижскихъ дилижансовъ... знаю. Прощайте, можете идти, куда угодно.

— Позвольте, полковникъ,—заговорилъ я, немножко обиженный такою милостью:—ежели я виноватъ, то долженъ быть наказанъ; я не хочу отъ васъ никакой милости, а ежели понапрасну меня задержали здѣсь цѣлую ночь, то вы должны наказать того, кто меня сюда посадилъ.

— Да чѣмъ же васъ обидѣли? — спросилъ меня полицеймейстеръ.

— Какъ чѣмъ?—спросилъ я, удивленный этимъ вопросомъ:—цѣлую ночь просидѣть здѣсь... Развѣ я подозрительный человѣкъ?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ: было бы хоть мало подозрѣнія, я бъ васъ не выпустилъ! У насъ это не считается за порокъ,—продолжалъ любезно полицеймейстеръ: — у насъ свои чиновники... и тѣхъ сажаютъ!

— Ваши чиновники могутъ не обижаться...

— Чего вы хотите?—прервалъ онъ меня.

— Позвать прокурора и объявить ему происшествіе.

— А-а!.. къ губернатору!—крикнулъ полицеймейстеръ.

Квартальный надзиратель съ будочникомъ повели меня, но не къ губернатору, котораго въ Псковѣ въ то время не было, а къ какому-то «начальнику», управляющему губерніей. Этого начальника на ту пору не было дома. Черезъ четверть часа пріѣхалъ полицеймейстеръ...

— Его превосходительство ѣдутъ,—торопливо проговорилъ дежурный чиновникъ, взглянувъ въ окно.

Вошло его превосходительство.

— Я думаю послать за справкой въ Малоархангельскъ, въ земскій судъ, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ мои бумаги.

— Помилуйте, ваше превосходительство!—сказалъ я, вспомнивъ недавніе разсказы о томъ, какъ въ полиціи и въ земскомъ судѣ скоро дѣла дѣлаются,—это долго протянется.

— Довольно долго, а вы пока посидите въ полиціи!

Меня обратно привели въ дворянскую. Минутъ черезъ десять вошелъ ко мнѣ полицеймейстеръ, наговорилъ любезностей, назвалъ меня «мой милый» и ушелъ. Едва успѣлъ онъ уйти, какъ вошелъ старикъ-квартальный.

— Что ты задумалъ?—закричалъ онъ,—съ самимъ полковникомъ [1]) *(энергическое слово!..)*. Да и какъ ты, губернскій секретарь, смѣлъ носить мужицкое платье! Я тебя въ Сибирь упеку *(энергическое слово!..)*. Я своему Государю подпоручикъ, хоть худенькое платье, но все дворянское...

Вовсе не чувствуя свое самолюбіе оскорбленнымъ квартальническою бранью и не желая перебранкою становиться съ нимъ на одну доску, я ему не отвѣчалъ ни слова, несмотря на то, что брань продолжалась болѣе часа. Къ вящшему моему удовольствію, этотъ строгій господинъ не позволилъ затворять дверей, и всѣ просители, приходящіе въ полицію, считали долгомъ *подивиться* на меня.

Былъ часъ уже четвертый, а ѣсть мнѣ не хотѣлось, и я снова не могъ не отказаться отъ предложеннаго мнѣ Николаемъ Ѳедосѣевичемъ обѣда.

— Милый мой!—проговорилъ полицеймейстеръ, входя ко мнѣ въ дворянскую на другой день поутру.—Зачѣмъ вы здѣсь сидите?

— Вамъ угодно было посадить меня.

— Ступайте, сейчасъ же ступайте!

Я вышелъ. Разстроенный, не ѣвши и не спавши почти двое сутокъ, я не захотѣлъ ни минуты оставаться во Псковѣ и ушелъ въ г. Островъ. Въ это время я перемѣнилъ свою поддевку на худенькій кафтанишко. На третій день возвратился въ Псковъ и взялъ билетъ, чтобы по чугункѣ ѣхать въ Петербургъ.

Я былъ уже въ вагонѣ и очень спѣшилъ уѣхать. Почему-то все еще боялся приключеній. Къ несчастію, мои опасенія оправдались. Когда я думалъ, обойдется ли дѣло безъ нихъ, раздался громкій голосъ въ дверяхъ вагона:

— Кто здѣсь въ очкахъ?

Дѣло, очевидно, касалось меня, но я молчалъ.

— Да тутъ нѣтъ въ очкахъ,—проговорилъ какой-то мужиченко.—Лѣзь подъ лавку,—шепнулъ онъ, толкнувъ меня локтемъ.

Я не рѣшился на этотъ подвигъ.

— Я его узнаю, сейчасъ же узнаю,—кричалъ какой-то квартальный, влѣзая въ вагонъ, и съ этими словами, схвативъ меня за воротъ, вытащилъ изъ вагона.

Этотъ квартальный, какъ послѣ оказалось, имѣлъ удивительныя предчувствія: они, по его словамъ, никогда не обманывали, и, къ несчастію, эти предчувствія заставляли его думать обо мнѣ Богъ знаетъ что.

Здѣсь же былъ и частный.

— Э!—кричалъ квартальный:—да ты не простая птица! пять минутъ своими глазами видѣлъ тебя въ плисовой поддевкѣ. Ты у меня заговоришь! Зачѣмъ переодѣваешься?

— Пять минутъ вы не могли видѣть меня въ плисовой поддевкѣ: гораздо раньше я ее перемѣнилъ,—отвѣчалъ я.

— Каковъ!—продолжалъ квартальный, обращаясь къ частному:—своими глазами видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ; я за нимъ два часа смотрѣлъ.

— Я самъ видѣлъ,—рѣшилъ частный.

— Что *ты* на это скажешь?—грозно крикнулъ квартальный.

— Нельзя ли слово *ты* выкинуть изъ нашего разговора?—сказалъ я.

---

[1]) Подполковниковъ въ этомъ быту всегда величаютъ полковниками. *Прим. Д.*

Квартальный было-расходился, но частный его усмирилъ.

Около насъ собралось довольно много мѣщанъ и мужиковъ. Изъ этой толпы слышались слова: «ученаго схватили...» Эти слова были произнесены многими съ замѣтнымъ ко мнѣ сочувствіемъ.

Квартальный съ частнымъ поѣхали къ полицеймейстеру, а меня будочникъ повелъ въ полицію, откуда пріѣхавшій за мною квартальный повелъ и меня къ полицеймейстеру.

— Здравствуйте, мой милый,—сказалъ мнѣ полицеймейстеръ, когда я вошелъ къ нему.—Какой костюмъ!

— Скажите, полковникъ,—спросилъ я:—за что меня схватили?

— За переодѣванье, мой милый!

— Пять минутъ назадъ я видѣлъ его въ плисовой поддевкѣ,—проговорилъ, улыбаясь, частный.

— И я тоже,—подтвердилъ квартальный:—мы его караулили.

Опять повели меня въ полицію, гдѣ я высидѣлъ снова *шесть* дней!.. Я хотѣлъ писать въ Петербургъ, въ Москву къ своимъ знакомымъ, но мнѣ не позволили. На третій день мнѣ задали какіе-то *вопросные пункты*, какого я вѣроисповѣданія, женатъ или нѣтъ, есть ли дѣти и гдѣ они находятся, знаю ли я грамотѣ и т. п. Я тотчасъ же написалъ, что я вѣроисповѣданія православнаго, холостъ; грамотѣ знаю, и отдалъ эти *вопросы* квартальному, который мнѣ сказалъ: «напрасно торопились, эти бумаги раньше недѣли никуда не пойдутъ».

Сидѣли ли въ карцерѣ?—скучно сидѣть одному! Но вы не можете себѣ представить, что испытываетъ человѣкъ, когда его не оставляютъ ни на минуту одного, а въ моей комнатѣ постоянно, и день и ночь, сидѣлъ десятскій.

— Христа ради, позвольте мнѣ написать моимъ знакомымъ,—нѣсколько разъ говорилъ я полицеймейстеру.

— Пишите, милый мой, пишите,—*мечтайте!*—обыкновенно отвѣчалъ тотъ.

Но вотъ бѣда: никто не брался отнести мои письма на почту, боясь учинить беззаконіе.

Погода была дурная и довольно холодная; полицію стали оклеивать новыми обоями и всѣ окошки открыли.

— Позвольте мнѣ хоть одну строчку написать въ Москву, — сказалъ я полицеймейстеру, когда тотъ, уже въ четвертый день, вошелъ ко мнѣ и успѣлъ уже назвать меня «мой милый».

— Пишите кому хотите.

— Здѣсь никто не берется отнести мои письма на почту,—прикажите!..

— Эй, квартальный!—крикнулъ полицеймейстеръ:—Я тебя!..

Не помню хорошенько всей фразы, сказанной полицеймейстеромъ квартальному; могу только сказать, что эта фраза была очень энергична.

Разумѣется, я воспользовался этимъ позволеніемъ и тотчасъ же написалъ три письма; позволеніе я получилъ въ исходѣ 12 часа, на почтѣ принимаютъ до 12 часовъ; я торопился, и, вѣрно, мои письма не совсѣмъ были складно написаны. Одно изъ нихъ было адресовано къ одному довольно значительному лицу въ Москвѣ.

— Скажите, пожалуйста,—говорили мнѣ потомъ въ полиціи:—видно по вашимъ письмамъ, да и сами вы говорите, что вашими занятіями интересуются *такіе* люди; какъ же они допускаютъ васъ до такого положенія?

— Какъ до такого?

— Да помилуйте, худой кафтанишко...

Этимъ господамъ я никакъ не могу растолковать, для чего я ношу такое платье.

— Что вы здѣсь дѣлаете, милый мой?—спросилъ меня полицеймейстеръ, входя ко мнѣ на шестой день въ дворянскую.

— Помилуйте, полковникъ, отошлите меня въ острогъ, здѣсь *быть нельзя*, вы сами видите.

— Въ острогѣ хуже... а даете ли мнѣ слово выѣхать изъ Пскова... нынче же.

— Непремѣнно выѣду.

— Ну, прощайте, мой милый!.. ничего объ немъ не писать!—крикнулъ полицеймейстеръ въ канцелярію.

Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Пскова.

Какъ ни непріятны мнѣ воспоминанія объ этой исторіи, но и въ ней мнѣ видны свѣтлыя минуты: съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю участіе, которымъ я пользовался отъ Николая Ѳедосѣевича Ѳедосѣева [1]), *никогда не забуду жены* десятскаго, которая приходила ко мнѣ съ предложеніемъ поиграть въ мельники. Трудно представить себѣ, какъ эти добрые люди, видя человѣка въ несчастіи, искренно, родственно, желали облегчить минуты тяжелаго моего плѣна.

Посылаю имъ привѣтъ, жму руку имъ и десятскому, который заподозрилъ меня и посадилъ въ арестантскую не дворянскую—*въ ней же быть нельзя*—и который послѣ совѣстился взглянуть на меня и избѣгалъ со мною встрѣчи.

Долгомъ считаю сказать: 1) что ни Николаю Ѳедосѣевичу, никому изъ десятскихъ, ни ихъ женамъ — я не далъ ни копѣйки; да и никому изъ полицейскихъ чиновниковъ; кромѣ древней серебряной копѣйки, которую я отдалъ самъ квартальному надзирателю подъ сохраненіе, и которая, я увѣренъ, будетъ мнѣ возвращена.

2) Что никто моихъ бумагъ (у меня другихъ вещей съ собою не было) не осматривалъ; три раза арестовывали безъ допроса; три раза выпускали, и каждый разъ выпускали, говоря, что я человѣкъ не подозрительный.

3) Обо мнѣ никакихъ справокъ не дѣлали.

Если полиція находила мой костюмъ незаконнымъ, она не имѣла права меня миловать. Если *находила мои бумаги фальшивыми*, какъ же меня выпустили? Если свидѣтельство чиновника — о надѣваемыхъ будто бы мною орденахъ и квартальнаго (хвастающаго предчувствіями) о моемъ переодѣваньи—уважительны, отчего не было произведено слѣдствіе? Если они ложны, такъ какъ же допускать подобную легкость лжесвидѣтельства и терпѣть такихъ людей въ полиціи? Какъ же можно такъ обращаться съ личностью человѣка? Этотъ произволъ не выкупается ни гвардейскою любезностью полицеймейстера, ни позднею учтивостью частнаго пристава.

Павелъ Якушкинъ.

III.

352. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ НОВАГО СБОРНИКА «ОБРАЗЦОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ».

(По поводу статей о «Сельскомъ Хозяинѣ»).

[Послѣ статьи г. Якушкина, къ самымъ отраднымъ явленіямъ] [2]) послѣдняго времени безспорно принадлежатъ журнальныя статьи о «Сельскомъ Хозяинѣ». Всѣ наши публицисты въ справедливомъ восторгѣ отъ столь радостнаго факта. По мнѣнію ихъ, статьи о «Сельскомъ Хозяинѣ» [даже отраднѣе письма г. Якушкина для] [3]) человѣка, истинно

---

[1]) Унтеръ-офицера полиціи. *Прим. Д.*

[2]) Къ числу самыхъ отрадныхъ явленій

[3]) должны истинно радовать сердце всякаго

любящаго прогрессъ родной литературы [1]). [У г. Якушина разсказывается о дѣлѣ, давно намъ знакомомъ, о такомъ дѣлѣ, на которомъ мы могли уже набить себѣ руку въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій; слѣдовательно, мастерство изложенія г. Якушкина не такъ еще удивительно. Но въ статьяхъ гг. *Левашова*, *Богданова*, *Кокорева*, *Байкова* поднятъ вопросъ новый, незнакомый намъ до сихъ поръ, вопросъ о дѣлѣ, только еще начинающемся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И при всемъ томъ—какъ пишутъ!.. Какая смѣлость, какое благородство выраженій! Какое достоинство тона! Дѣйствительно, сердце каждаго русскаго, любящаго литературу своего отечества, не можетъ не ощутить радостнаго трепета при чтеніи подобныхъ статей! Мы считаемъ своимъ долгомъ занести ихъ въ «Свистокъ», чтобы сохранить для будущихъ вѣковъ [2]) образчики образцовыхъ сочиненій нашего времени...

Впрочемъ, чтобъ оцѣнить вполнѣ достоинство статей о «Сельскомъ Хозяинѣ»; нужно разсказать все дѣло для читателей, подобно намъ незнакомыхъ съ акціонерной дѣятельностью нашего отечества. Мы возьмемъ свѣдѣнія изъ обстоятельной статьи объ этомъ предметѣ, напечатанной г. Серно-Соловьевичемъ. Эта статья, равно какъ и замѣтка г. Ахшарумова въ № 211 «Спб. Вѣдомостей», — суха и вообще не очень замѣчательна, хотя и она по мѣстамъ блеститъ красотами карамзинскаго слова. Но дѣлать нечего — для ознакомленія съ дѣломъ приходится обратиться и къ такой статьѣ.

Общество «Сельскій Хозяинъ» учреждено въ 1857 г. гг. *Кокоревымъ*, *Бенардаки*, *Байковымъ*, *Фонъ-Дезеномъ и Шолле*. Программа дѣятельности его была очень обширна, но главная задача его состояла въ приготовленіи изъ мяса консервовъ и торговлѣ ими съ Франціею. Дѣло обѣщало большія выгоды, и акціи быстро разобраны, съ преміею до 10 р. с.

19 октября было первое общее собраніе, въ которомъ выбраны въ члены главнаго правленія гг. *Байковъ*, *Фонъ-Дезенъ*, *Алфераки*, *Скараманга*, *Шолле*, *Делессеръ*, и положено, по убѣжденіямъ г. *Байкова*, перевести правленіе общества въ Таганрогъ.

Постановленіе это было исполнено не ранѣе марта 1858 г., а между тѣмъ, засѣданія главнаго правленія происходили въ Петербургѣ, гдѣ изъ шести членовъ находились только гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ*.

Въ это время образованъ личный составъ управленія, при чемъ сдѣланы условія, весьма стѣснительныя для общества. Такъ, напримѣръ, г. *Кинъ*, управляющій главною конторою, приглашенъ на 6 лѣтъ, съ платою ему 6.000 р. с. въ годъ и 3% съ чистой прибыли: въ случаѣ его смерти, наслѣдники его получаютъ полугодовое жалованье и 1% прибыли; если онъ оставитъ службу общества, то ему 5 лѣтъ выдается 1% прибыли; если общество откажетъ ему, то обязано уплатить жалованье и проценты по срокъ контракта.

Въ это же время сдѣланъ планъ дѣйствій, признанный потомъ негоднымъ. Въ это же время куплена привилегія Фастье на приготовленіе консервовъ—за 20.000 р. сер., съ ежегодною платою сверхъ того въ теченіе 12 лѣтъ по 1.000 р. с. Къ чему она послужила, до сихъ поръ неизвѣстно.

Вообще, до составленія новаго правленія въ Таганрогѣ денегъ было издержано 154 т. р. с. — да г-мъ Шолле во Франціи было израсходовано 165.650 франковъ— безъ всякой предварительной смѣты.

21 января 1858 г. было новое общее собраніе акціонеровъ. Здѣсь было вытребовано: на постройку ростовскихъ фабрикъ съ принадлежностями — 400.000 р. сер., на покупку и кормъ скота — 400.000 р. с., на издержки фабрикаціи и управленія — 100.000 р. с. Подробныхъ смѣтъ не было, и даже не сказано было, на какой срокъ испрашивались суммы для покупки и корма скота и на управленіе. Но, тѣмъ не менѣе, общее собраніе акціонеровъ безпрекословно утвердило всѣ требованные расходы.

Въ этомъ же собраніи представлено было о раздѣленіи управленія между тремя директорами - распорядителями. Составили особый комитетъ изъ акціонеровъ и выбрали: во Франціи — г. *Шолле*, съ вознагражденіемъ 1% съ товаровъ, проданныхъ за границей, а въ Россіи — гг. *Байкова* и *Фонъ-Дезена*, съ жалованіемъ 6.000 р. сер. въ годъ. Впрочемъ, впослѣдствіи оказалось, что гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ* брали свое жалованье уже съ октября 1857 года.

Въ томъ же комитетѣ былъ предложенъ

---

[1]) Просимъ замѣтить, что здѣсь, какъ и вездѣ, мы разсматриваемъ предметъ исключительно съ литературной, даже правильнѣе—съ беллетристической точки, такъ какъ она гораздо свѣтлѣе. Мы — спокойные литераторы, не государственные люди, не акціонеры, не дѣятели практической жизни. Намъ нѣтъ дѣла до того, что потеряютъ акціонеры общества «Сельскій Хозяинъ», [равно какъ и до того, долго ли просидятъ и какъ будутъ выпущены товарищи заключенія г. Якушкина]; мы не хотимъ вмѣшиваться въ эти мелочныя дрязги, которыя могутъ только испортить пищевареніе. Наше дѣло — литература, живое слово, и болѣе ничего; насъ одушевляетъ любовь къ прекрасному, и во имя этой-то любви мы восхищаемся указанными статьями. *Прим. Д.*

[2]) Исчислено, что «Свистокъ» будетъ долговѣчнѣе всѣхъ газетъ и журналовъ. *Прим. Д.*

директорами вопросъ о разрѣшеніи употреблять свободныя суммы общества на посторонніе обороты, но комитетъ не разрѣшилъ этого. Несмотря на то, впрочемъ, г. *Байкову* выдано было 42.000 руб. сер. ссуды изъ кассы общества, подъ залогъ его акцій того же общества, хотя г. *Байковъ*, вмѣстѣ съ г. *Фонъ-Дезеномъ*, не оплатили своихъ акцій вторымъ взносомъ. Мало того,—22.000 изъ выданныхъ денегъ, до недавняго обозрѣнія петербургскимъ правленіемъ кассы, не были истребованы обратно, хотя уже чувствовался недостатокъ въ деньгахъ.

По переводѣ правленія въ Таганрогъ главными дѣятелями остались опять гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ*: первому поручена главная контора и вся текущая часть по дѣйствіямъ и оборотамъ общества; второму—завѣдываніе постройкою ростовскихъ фабрикъ и покупкою скота. Дѣйствія ихъ были не совсѣмъ удовлетворительны, какъ показали послѣдствія: заготовляемый скотъ былъ плохъ и дорогъ; издержки управленія были такъ велики, что когда потомъ потребовали сокращенія расходовъ, то самъ г. *Байковъ* нашелъ, что можно ихъ *сократить, безъ всякаго неудобства*, на 30.000 руб. с.! За границей содержали нѣсколькихъ агентовъ съ платою имъ 3.000 руб. с. въ годъ,—а дѣлъ еще никакихъ не было; на югѣ Россіи арендовались степи, которыя по ненужности надо было потомъ сдавать въ третьи руки; покупалась для размола пшеница, когда еще только стали говорить о постройкѣ мельницы; нанимались лавки и магазины для товаровъ, которыхъ еще не существовало!..

17 іюня 1858 г. было чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ для разсужденій о постройкѣ мукомольной мельницы въ Таганрогѣ. Постройка мельницы была, впрочемъ, и безъ общаго собранія рѣшена еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и къ постройкѣ ея уже приглашенъ былъ, по рекомендаціи г. *Кинга* г. *Штетцеръ*, хотя онъ, какъ впослѣдствіи оказалось, не имѣлъ никакого понятія о дѣлѣ. Такимъ образомъ, разрѣшеніе общаго собранія акціонеровъ было не болѣе, какъ одною формальностью.

Впрочемъ, въ половинѣ прошлаго года уже носились слухи, весьма неблагопріятные для правленія общества. Поэтому собраніе 17 іюня началось тѣмъ, что г. *Байковъ* прочелъ весьма краснорѣчивое опроверженіе слуховъ, распускаемыхъ недоброжелателями общества. Акціонеры, повидимому, убѣдились, — тѣмъ болѣе, что свое краснорѣчивое опроверженіе г. *Байковъ* заключилъ обѣщаніемъ, что факты сами будутъ говорить за себя.

И дѣйствительно,—акціонерамъ представлена записка, изъ которой оказалось, что по смѣтамъ, составленнымъ вновь и уже *окончательно*, ростовскія фабрики будутъ стоить не 400, а только 260 тыс. руб. с. Къ этому прибавлялось еще, что цѣны въ смѣтахъ съ намѣреніемъ выставлены самыя высокія, такъ что можно поручиться за 20% экономіи съ суммы 130.000 р. с., назначенныхъ собственно на постройку. Сверхъ того, въ этой же смѣтѣ включены еще 15.000 на непредвидѣнныя издержки. Словомъ, въ общемъ собраніи 17 іюня акціонеры внезапно, противъ всякаго чаянія, пріобрѣтали 180.000 р. с. на одной постройкѣ ростовскихъ фабрикъ!.. А между тѣмъ отъ фабрикъ этихъ обѣщали имъ еще 20% чистой прибыли!..

Затѣмъ требовалось на постройку мельницы 330.000 р. сер. Представлено было, что чистая прибыль отъ нея, при 12-тичасовой работѣ, должна простираться до 21%, а при 20-ти-часовой — до 28%. Возможно ли было не увлечься такой перспективою? Акціонеры и увлекались дѣйствительно: всѣ требуемые расходы были утверждены.

Мало того: краснорѣчивые доводы г. *Байкова* были такъ убѣдительны, что съ этого времени вся власть по управленію дѣлами переходитъ въ руки г. Байкова. Сначала, подъ предлогомъ отсутствія нѣкоторыхъ членовъ, прекратили еженедѣльныя засѣданія и *поручили веденіе текущихъ дѣлъ г. Байкову* и главной конторѣ подъ его непосредственной отвѣтственностью, а въ непредвидѣнныхъ случаяхъ разрѣшили г. *Байкову дѣйствовать именемъ главнаго правленія;* затѣмъ, въ видахъ устройства кассы и отчетности на коммерческомъ основаніи, главное правленіе положило *не повѣрять кассы, а предоставить это директору-распорядителю*. Наконецъ, главнымъ правленіемъ признано, что раздѣленіе занятій между тремя директорами-распорядителями неудобно, ибо разъединяетъ единство управленія и подчиняетъ его личнымъ, иногда несогласнымъ между собою, взглядамъ каждаго директора. Вслѣдствіе того и положено: сосредоточить всѣ дѣла въ лицѣ одного директора-распорядителя, которому правленіе *передаетъ всѣ права свои* и потому предоставляетъ: подписывать бумаги и денежные документы, завѣдывать кассою, блюсти за расходами, заключать контракты и условія, надзирать за работами и постройками, завѣдывать личнымъ составомъ служащихъ, входить во внутреннее управленіе отдѣльными учрежденіями общества, распоряжаться всѣми дѣйствіями и операціями, *подписывать* всѣ *бумаги именемъ*

правленія; послѣднее право предоставлено и г. *Кингу*.

Все это было рѣшено безъ общаго собранія, т.-е. безъ вѣдома большинства акціонеровъ. Поэтому положено было—представить обо всемъ этомъ будущему общему собранію, а до тѣхъ поръ *возложить всѣ вышеуказанныя права и обязанности* на г. *Байкова*.

Самому же г. *Байкову* порученъ и докладъ отчета общему собранію, вслѣдствіе чего онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а права его всѣ переданы г. *Кингу*.

Г. *Фонъ-Дезенъ* тоже уѣхалъ въ это время въ Петербургъ, не исполнивъ данныхъ ему на югѣ порученій относительно заготовленія скота.

Новое общее собраніе акціонеровъ было 25-го января 1859 г. На этотъ разъ г. *Байковъ* долженъ былъ сознаться въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, совершонныхъ *по неопытности;* но вообще увѣрялъ, что дѣла идутъ отлично. Управленіе на югѣ, по его словамъ, было образцовое, составъ служащихъ — превосходный, надежды въ будущемъ—самыя блестящія... Не ограничиваясь словами, онъ представлялъ факты: удостовѣрялъ, что изъ находящагося у общества въ наличности скота будетъ товару на 200.000 р. сер. и, для полнѣйшаго подтвержденія своихъ увѣреній, указывалъ акціонерамъ на предварительно розданный имъ толстѣйшій отчетъ, изъ котораго, однако, ничего нельзя было понять.

Обаяніе г. *Байкова* на всѣхъ акціонеровъ было такъ неотразимо, что они и тутъ готовы были во всемъ предаться на волю его. Но ихъ нѣсколько озадачило то, что акціи общества сильно упали, дивидендъ не былъ выданъ, и между тѣмъ требовались новыя ассигновки.

Вслѣдствіе такихъ сильныхъ фактовъ, общее собраніе рѣшилось *въ первый разъ* изъявить нѣкоторое несогласіе съ предположеніями главнаго правленія. Положено было: перевести правленіе изъ Таганрога въ Петербургъ, избрать 10 почетныхъ членовъ для ревизіи кассы и книгъ и для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ общему собранію; поручить правленію обратить особое вниманіе на скорѣйшее окончаніе фабрики и мельницы; позаботиться о сокращеніи издержекъ и привести въ извѣстность текущіе расходы.

Эти вѣжливыя мѣры показались, однако, самимъ акціонерамъ верхомъ дерзости, и они постарались сколько возможно смягчить свои дѣйствія, чтобы не показать вида недовѣрія. Такимъ образомъ, правленію торжественно *принесена благодарность* за откровенное изложеніе дѣла; въ число почетныхъ членовъ избранъ г. *Кокоревъ*, одинъ изъ учредителей общества, дѣйствовавшій въ отношеніи къ правленію — какъ ниже увидимъ; г. *Байковъ*, по очереди выбывшій изъ директоровъ, *избранъ снова*,— на что онъ и указывалъ впослѣдствіи, какъ на заслугу свою...

Въ Петербургѣ составъ правленія былъ уже другой: гг. *Скараманга*, *Война* и *Алфераки* отказались отъ своихъ должностей по переводѣ правленія изъ Таганрога, и вмѣсто нихъ вступили гг. *Якобсонъ*, *Трубниковъ* и *Золотаревъ*. Гг. *Байковъ* и *Фонъ-Дезенъ* остались членами попрежнему и, такимъ образомъ, по смыслу послѣднихъ порученій правленію отъ общаго собранія, получали вновь то лестное право, которымъ г. *Байковъ* и прежде пользовался, — право *ревизовать самихъ себя*.

Однакоже теперь г. *Байковъ* былъ уже не одинъ, и потому надо было привести отчетность въ такое положеніе, чтобы она не ему одному была понятна, а могла быть доступна и для другихъ. Но это оказалось чрезвычайно труднымъ, потому что ходъ дѣла былъ крайне запутанъ, и единственными матеріалами для соображеній были книги прихода, расхода и баланса, представленныя г. *Байковымъ* и не подписанныя членами правленія. По закону и уставу общества, такія книги не могли быть приняты въ соображеніе, и хотя г. *Байковъ* объяснилъ, что главное правленіе передало всѣ свои права ему, *Байкову*, но ему сказали, что такая передача, безъ разрѣшенія общаго собранія, совершенно противозаконна.

Наконецъ, собраны кое-какія свѣдѣнія, изъ которыхъ открылось, между прочимъ, слѣдующее. Несмотря на *окончательную* смѣту, представленную общему собранію 17 іюня и увѣрявшую, что постройка фабрики ростовской будетъ стоить 260.000, теперь явилась *еще болѣе окончательная* смѣта, утверждавшая, что 260.000 недостаточно, а надо 400.000. Такимъ образомъ, акціонеры, недавно обнадеженные, что имъ еще и съ 260 тысячъ будетъ тысячъ сорокъ сбавки, теперь рады были бы и безъ сбавки отдѣлаться означенной суммой, да и то оказалось невозможнымъ. Смѣты не были доставлены изъ Таганрога и никѣмъ не просмотрѣны. Но главное правленіе, имѣя въ виду неудовлетворительное положеніе дѣлъ, рѣшило — ограничить ассигновку на фабрики 267 тысячами. Въ то же время открылось, что и постройка мельницы, вмѣсто ассигнованныхъ 330.000, будетъ стоить 400.000. Изъ сличенія подробностей выходило, что на машины прибавлено затѣмъ, чтобы достать ихъ луч-

шаго качества, но что на случай ломки нѣкоторыхъ предметовъ куплены запасные экземпляры; а въ числѣ этихъ запасныхъ экземпляровъ была паровая стосильная машина, цѣною, со всѣми принадлежностями и постройками для нея, въ 100 тысячъ рублей сер.! Въ смѣтѣ оказалась такая тщательность, что въ числѣ принадлежностей мельницы пропущены были камни для жернововъ!..

Вообще, изъ представленныхъ документовъ нельзя было опредѣлить даже общаго количества произведенныхъ расходовъ! Можно было видѣть только одно: что дѣла ведены были чрезвычайно дурно, и что положеніе общества — очень неблестящее.

Тогда почетные члены и директоры рѣшились преобразовать систему администраціи и ввѣрить управленіе дѣлами въ Таганрогѣ и Ростовѣ одному главноуправляющему, подъ вѣдѣніемъ главнаго правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ признано необходимымъ: *измѣнить систему заготовленія скота, уменьшить составъ служащихъ, прекратить производство жалованья по 6.000 р. въ годъ г. Байкову и Фонъ-Дезену, упразднить заграничныя агентства, не приносящія никакой пользы обществу; закрыть мясныя лавки, сдать хуторъ Шейкина, излишнія степи, магазины для помѣщенія пшеницы; продать пріобрѣтенную обществомъ отъ г. Байкова и Фонъ-Дезена днѣпровскую мѣстность, закупленную пшеницу,—такъ какъ всѣ эти статьи, не давая доходовъ, требуютъ большихъ издержекъ и поглощаютъ непроизводительно капиталы!..*

Тутъ-то г. *Кокоревъ* предложилъ отправить для побѣрки дѣлъ на мѣстѣ *рекомендованныхъ имъ г. Левашова и Богданова*. Тутъ-то и начинается торжество нашей публицистики!.. Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что такъ долго утруждали ихъ сухимъ изложеніемъ исторіи общества: это было необходимо для яснѣйшаго разумѣнія слѣдующихъ обстоятельствъ. До сихъ поръ мы брали наши свѣдѣнія почти слово въ слово изъ статьи г. Серно-Соловьевича; но, доведя исторію до этой точки, мы оставляемъ его и съ наслажденіемъ обращаемся къ № 15 «Русскаго Вѣстника», въ которомъ напечатаны — письмо г. *Кокорева* и отчеты о результатахъ ревизіи гг. *Левашова* и *Богданова*.

Печатая эти документы «*съ особеннымъ удовольствіемъ*», «Русскій Вѣстникъ», по обычаю, сказалъ здѣсь и свое серьезное и дѣльное замѣчаніе о разсматриваемомъ предметѣ. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и весьма глубокомысленно, начиная съ благородной мысли о преимуществахъ вольнаго труда предъ обязательнымъ, развиваетъ онъ положеніе, что «мысль, положенная въ основаніе общества «Сельскій Хозяинъ», принадлежитъ къ самымъ счастливымъ, и нельзя не пожелать ей успѣха, но что *вопросъ* состоитъ *только* въ томъ, могутъ ли вообще акціонерныя общества браться за подобныя предпріятія». Этими словами «Русскій Вѣстникъ», можно сказать, *поднимаетъ великій вопросъ* въ настоящее время, когда уже поднято столько вопросовъ. Но этому вопросу суждена счастливая участь: тутъ же, въ этомъ же нумерѣ «Русскаго Вѣстника» онъ и разрѣшается документами, присланными къ издателю «Вѣстника» отъ г. *Кокорева*, по замѣчанію редакціи этого журнала, еще въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года.

И какое блистательное разрѣшеніе! Г. *Кокоревъ* оказался здѣсь истиннымъ героемъ публицистики, а гг. *Левашовъ* и *Богдановъ* достойными г. *Кокорева*. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, хорошо знакомыхъ г. *Кокореву*, онъ не затруднился высказать въ глаза акціонерамъ всю горькую правду и посмѣяться надъ ними такъ зло и справедливо, какъ едва ли кому случалось смѣяться надъ самимъ г. *Кокоревымъ*. Мы видѣли выше, что общее собраніе акціонеровъ приносило главному правленію, т.-е. *г. Байкову — благодарность за откровенное изложеніе дѣла*. Предавая посмѣянію эту наивную благодарность, *г. Кокоревъ* весьма сильно даетъ чувствовать, что принесеніе ея акціонерами доказываетъ только совершенное непониманіе ими сущности акціонерныхъ предпріятій.

«*Иначе и быть не должно* — говоритъ онъ—въ такихъ дѣлахъ, гдѣ капиталъ собранъ отъ частныхъ лицъ, гдѣ довѣрители—цѣлое общество, гдѣ дѣйствователи—люди, избранные обществомъ. Долгъ и честь обязываютъ давать довѣрителямъ откровенный отчетъ; въ дѣлахъ акціонерныхъ обществъ тайна, неоглашеніе подробностей, прикрытіе ошибокъ должны быть признаны за гражданскія преступленія».

Что вы скажете на это, о, простодушные акціонеры, благодарившіе за откровенность? Каково г. *Кокоревъ* васъ отдѣлываетъ!

Но этого мало: мы видѣли, что въ дѣлахъ общества долгое время существовала, а по нѣкоторымъ частямъ и теперь существуетъ, неразгаданная тайна, вслѣдствіе совершеннаго хаоса отчетной части. Г. *Кокоревъ* зналъ это и не поколебался назвать такое веденіе дѣлъ гражданскимъ преступленіемъ,—не побоялся, слѣдовательно, ска-

зать акціонерамъ, что они благодарили не только за отсутствіе преступленія, но и за самое преступленіе.

И этого не довольно: г. *Кокоревъ* прямо выставляетъ виною этого преступленія самихъ же акціонеровъ. Вольно же вамъ было не смотрѣть,—говоритъ онъ, — вольно сидѣть сложа руки и довѣряться чужому благородству: безъ надзора всякій будетъ въ мутной водѣ рыбу ловить!.. Надо самимъ заботиться о дѣлѣ, да выбирать для ревизіи знающихъ и усердныхъ людей, «а не такихъ, которые, не понимая дѣла или не желая удѣлить ему часть своего времени и трудовъ, пріѣзжаютъ въ правленіе компаніи только для обрядности, почти не смотря перелистываютъ книги и тотчасъ же пишутъ избитую фразу, что они находятъ отчетъ вѣрнымъ и правильнымъ». Мы видѣли, что въ обществѣ «Сельскій Хозяинъ» серьезныхъ повѣрокъ никогда не бывало: все ограничивалось формальными отчетами, а въ сущности все было передано на руки г. *Байкову;* мы видѣли, что̀ и произошло изъ этого. И вотъ г. *Кокоревъ* продолжаетъ свой урокъ: «эти ревизіи, дѣлаемыя только для формы, вносятъ съ собою въ общество зародышъ великаго зла: онѣ *внушаютъ управляющимъ дѣлами общества и директорамъ мысль, что можно ворочать дѣлами общества по своему произволу; а отсюда истекаютъ всѣ вредныя послѣдствія произвола*». Стало быть, кто же виноватъ, ежели дѣла ваши идутъ плохо, акціи падаютъ, дивиденда нѣтъ, деньги тратятся Богъ знаетъ какъ и Богъ знаетъ куда? Разумѣется, вы сами, о, добродушные акціонеры! Со стороны же людей дальновидныхъ глупо было бы не воспользоваться произволомъ, который имъ даютъ!.. Основательно, истинно, глубоко разсужденіе г. *Кокорева!..*

Но акціонеры могли возразить, что они избирали въ директора и въ ревизоры лицъ, которымъ довѣряли и за которыми думали быть совершенно спокойными. Г. *Кокоревъ* разрушаетъ и это возраженіе, отважно говоря о томъ, какимъ образомъ производятся выборы въ общихъ собраніяхъ. Мы видѣли, какъ г. *Байковъ* выбранъ былъ вторично въ директора послѣ того, какъ его распоряженія оказались неудовлетворительными; мы видѣли, какъ онъ съ г. *Фонъ-Дезеномъ* остался членомъ новаго правленія, которое должно было ревизовать его же прежнія дѣйствія. Поэтому, въ приложеніи къ акціонерамъ «Сельскаго Хозяина» сарказмъ г. *Кокорева* имѣетъ особенно тяжелый смыслъ. У насъ акціонеры никогда ничего не говорятъ и ничего не знаютъ въ общихъ собраніяхъ, — говоритъ г. *Кокоревъ,*—все дѣлается подъ диктовку директоровъ. «При подачѣ голосовъ, при избраніи ревизоровъ и директоровъ повторяются тѣ же грустныя сцены сомнѣнія и нерѣшительности, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока какіе-нибудь господа, *по секретному порученію одного изъ директоровъ,* шепнутъ акціонерамъ, что избирать слѣдуетъ такого-то»...

Въ этомъ обличеніи виденъ весь г. *Кокоревъ!* Только онъ можетъ простирать любовь къ гласности до того, чтобы, будучи откупщикомъ, обличать откупа, — будучи акціонеромъ-учредителемъ общества, такъ энергически обличать акціонеровъ въ нерадѣніи и незнаніи дѣла! Письмо его останется навсегда знаменательнымъ свидѣтельствомъ величія настоящаго времени, и въ позднѣйшіе вѣка истинный патріотъ прочтетъ его не безъ сладкаго трепета сердечнаго!..

Но еще болѣе отрадно то, что у г. *Кокорева* нашлись достойные послѣдователи. Записки гг. *Левашова* и *Богданова* написаны такъ хорошо, такъ успокоительно, что при нихъ невольно «расходятся морщины на челѣ», произведенныя сарказмами г. *Кокорева.* Мы видѣли выше, какъ печально было положеніе дѣлъ, вслѣдствіе котораго гг. *Левашовъ* и *Богдановъ* посланы на ревизію. Но какія утѣшительныя явленія открыли они, — это уму непостижимо! Г. *Левашовъ* прямо и начинаетъ съ того: «мѣсто — говоритъ — очень удобное, воздухъ чистый; плодовитый садъ, кромѣ удовольствія и выгоды живущихъ, представляетъ необходимую въ здѣшнихъ мѣстахъ защиту отъ лѣтняго зноя», и пр. («Русск. Вѣстн.», № 15, стр. 243). Затѣмъ продолжаетъ все въ томъ же идиллическомъ родѣ: «строитель мельницы, г. Штетцеръ, — весьма свѣдущій, повидимому, молодой человѣкъ; онъ очень дорожитъ своей репутаціею и усердно занимается». «Возведенныя прошлымъ лѣтомъ постройки сдѣланы весьма хорошо». «Въ теперешнемъ своемъ объемѣ фабрика дѣйствуетъ весьма удовлетворительно»... «Консервы всѣ очень хороши»... Вообще «до сихъ поръ дѣло велось недурно и получило уже прочное основаніе, а въ будущемъ обѣщаетъ хорошую прибыль акціонерамъ и пользу для государства отъ развитія здѣшняго края». Записка г. *Богданова* совершенно вторитъ запискѣ г. *Левашова,* и обѣ составляютъ какую-то колыбельную пѣсню «Сельскому Хозяину». Онѣ его баюкаютъ, а впередъ обѣщаютъ:

«Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ!» и пр.

И при этомъ нужно замѣтить, что они съ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ ука-

зываютъ на тысячи и десятки тысячъ, растраченныхъ понапрасну, да еще видимо стараются прельстить акціонеровъ тѣмъ, что вотъ уже впередъ этихъ тратъ не будетъ... Зато будутъ другія,—гораздо лучше; напр., въ обширномъ саду при фабрикѣ «очень легко будетъ разводить *резеду* и другіе цвѣты, такъ хорошо растущіе въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ, на этой богатой почвѣ», и пр.

Какъ, однакоже, пишетъ г. *Левашовъ*: Какъ пишетъ! Я думаю, изъ современныхъ литераторовъ только князь Кугушевъ можетъ теперь такъ писать!.. [1]).

Но акціи, какъ извѣстно, глупы: несмотря на все краснорѣчіе учредителей, директоровъ и ревизоровъ, онѣ *себѣ* падаютъ да падаютъ въ курсѣ! Въ то самое время, какъ напечатано было въ «Русскомъ Вѣстникѣ» письмо г. *Кокорева* съ записками гг. *Богданова* и *Левашова*, акціи общества, оплаченныя уже *75 рублями*, продавались за *25 рублей!* Въ дѣлахъ общества происходили такія явленія: въ Таганрогъ былъ назначенъ главнокомандующимъ г. инженеръ-полковникъ Риппасъ, съ жалованьемъ 10.000 р. с. въ годъ. Пріѣхавши туда, чтобы принять фабрики, постройки и всѣ дѣла отъ гг. *Байкова* и *Фонъ-Дезена*, онъ встрѣтилъ сильныя непріятности, въ особенности со стороны г. *Кинга*, который даже наотрѣзъ отказался сноситься черезъ него съ главнымъ правленіемъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, г. *Риппасъ* отказался отъ своего мѣста, и управленіе осталось попрежнему за г. *Кингомъ* до такой степени, что главное правленіе само оказалось совершенно въ зависимости отъ его распоряженій. Наконецъ, посланъ въ Таганрогъ г. *Золотаревъ съ рѣшительнымъ* предписаніемъ главнаго правленія—уволить г. *Кинга*. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланъ на ревизію г. Пахомовъ, который обнаружилъ крайнюю неудовлетворительность постройки таганрогской мельницы и грубое незнаніе дѣла г. *Штетцеромъ*.

Въ это время одинъ изъ акціонеровъ, г. Ахшарумовъ, напечаталъ въ «Спб. Вѣд.» (№ 211) статейку, въ которой разсказываетъ вкратцѣ все, что̀ мы видѣли выше, весьма умѣреннымъ тономъ, и, между прочимъ, упоминаетъ вскользь нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся лично г. *Байкова*. Такъ, онъ говоритъ о ссудѣ, данной г. *Байкову* подъ залогъ его неоплаченныхъ акцій, и о томъ, что онъ скупалъ акціи на биржѣ для возвышенія номинальной цѣны ихъ. Это было, по разысканіямъ г. Серно-Соловьевича, такимъ образомъ: г. *Байковъ* поручилъ *Фонъ-Дервизу* скупать на биржѣ акціи общества, продаваемыя ниже пари; такимъ образомъ, г. *Дервизомъ* скуплена 201 акція; изъ нихъ 14 продано, остальныя не оплачены вторымъ взносомъ. Между тѣмъ расходы на нихъ отнесены, по распоряженію г. *Байкова*, на счетъ общества. Г. *Дервизъ* спрашивалъ, не публиковать ли ихъ въ числѣ просроченныхъ, но г. Байковъ велѣлъ переслать ихъ въ Таганрогъ, чтобы замѣнить ими проданныя акціи Шолле... Кромѣ этого факта, есть и другой, о которомъ г. Ахшарумовъ не говоритъ: г. *Байковъ*, передъ отъѣздомъ изъ Таганрога въ Петербургъ, въ декабрѣ 1858 г., взялъ изъ кассы 15.000 р. с. для покупки серій; между тѣмъ, уже въ январѣ 1859 г., оказался недостатокъ въ деньгахъ на мѣстныя потребности; а какой былъ результатъ операціи г. *Байкова*, неизвѣстно. Обо всемъ этомъ, равно какъ и о безпорядкахъ въ книгахъ, сдѣланы были запросы членамъ таганрогскаго правленія и г. *Байкову*, но это не привело ни къ чему: г. *Байковъ* не представилъ нужныхъ объясненій.

Но съ какимъ достоинствомъ и спокойствіемъ объясняется зато г. *Байковъ въ печати* съ своими антагонистами! Какъ онъ взываетъ къ гласности, какъ усердно проситъ акціонеровъ вникнуть въ дѣло! Какъ онъ увѣренъ въ себѣ и въ томъ, что общее собраніе оправдаетъ его! Прочтите его отвѣтъ г. Ахшарумову въ 218 № «Спб. Вѣдомостей»:

«Въ № 211-мъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», 30 сентября, акціонеръ общества «Сельскій Хозяинъ», Иванъ Ахшарумовъ, помѣстилъ нѣкоторыя замѣчанія свои, извлеченныя изъ переписки и журналовъ главнаго правленія.

«Такъ какъ господину Ахшарумову (являющемуся въ своей статейкѣ обвинителемъ мѣстныхъ распорядителей въ Таганрогѣ и Ростовѣ и прежняго правленія) угодно было назвать меня, то это даетъ мнѣ право сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ.

«Я не стану говорить о дѣйствіяхъ мѣстныхъ распорядителей; *эти дѣйствія были оцѣнены на мѣстѣ ревизорами, посланными отъ обществъ, и разными акціонерами, посѣщавшими заведенія наши; отзывы ихъ единогласны и, вѣроятно, и акціонеры въ собраніи 15 октября поинтересуются узнать ихъ*... Повѣрятъ многіе, другіе не повѣрятъ: это дѣло убѣжденія каждаго и довѣрія его къ лицамъ говорящимъ. Если въ чемъ мѣстные дѣятели будутъ обвиняемы, *они отвѣтятъ сами за себя, и должны отвѣтить*, потому что за неисполненіе распоряженій правленія и дѣйствія, противныя интересамъ общества, они всѣ могутъ быть уволены, безъ всякой отвѣтственности для общества.—Этого пункта въ контрактахъ ихъ г. Ахшарумовъ, вѣроятно, не замѣтилъ.

«Что же касается до сдѣланныхъ мнѣ правленіемъ вопросовъ, то я на нихъ *большею частію уже отвѣчалъ*, а тѣ свѣдѣнія, которыя къ 30 сентября не были при дѣлахъ правленія, мною пред-

[1]) См. № 319.

отавлены гг. почетнымъ членамъ, *ибо они, а не новое правленіе, котораго я самъ избранъ п. акціонерами, въ январѣ сего года, вновь директоромъ (!!), имѣютъ право судить о правильности или неправильности своихъ дѣйствій.*

«Не стану отвѣчать на тѣ сообщенія г. Ахшарумова, которыя имѣютъ цѣлью набросить на меня какія-то подозрѣнія.—Управляя совершенно новымъ предпріятіемъ, *я могъ дѣлать ошибки и считалъ непремѣннымъ долгомъ высказать ихъ въ отчетѣ моемъ совершенно откровенно п. акціонерамъ; но что дѣйствія мои были всегда чисты и безукоризненны, въ томъ увѣрится всякій, кто ближе и внимательнѣе разсмотритъ все дѣло.* — Оставивъ службу и всѣ прочія занятія для того, чтобы посвятить себя дѣламъ «Сельскаго Хозяина», въ которомъ я и семья моя имѣетъ 1.200 акцій, *прямой разсчетъ заставлялъ меня дѣйствовать добросовѣстно;* мои интересы тѣсно связаны съ интересами общества, и отъ упадка довѣрія къ дѣлу въ Санктпетербургѣ, я теряю, можетъ быть, болѣе, чѣмъ г. Ахшарумовъ.

«Позволяю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе: высказывая печатно такія обвиненія, какъ, напримѣръ, въ п. 3 статьи г. Ахшарумова, нужно быть очень осторожнымъ, потому что *они оставляютъ на авторѣ большую нравственную отвѣтственность.* — Понимая, отъ кого и съ какой цѣлью оглашается такое обвиненіе, я оставляю его безъ вниманія. — Можетъ быть, и, вѣроятно, самъ г. Ахшарумовъ слышалъ что-то такое объ акціяхъ, да не такъ.—Позвольте объясниться.— Въ октябрѣ 1858 года выдана была мнѣ ссуда изъ кассы общества, подъ залогъ моихъ акцій, съ вѣдома всѣхъ директоровъ,—записана по всѣмъ книгамъ и возвращена мною съ процентами, по разсчету 6 проц. въ годъ.—Посмотрите въ книги, и вы убѣдитесь, что во время производства ссуды было до 130.000 руб. совершенно свободныхъ денегъ, и никакихъ финансовыхъ затрудненій она не причинила.—Правленіе каждаго общества обязано заботиться о томъ, чтобы капиталы его не лежали непроизводительно, а во многихъ обществахъ производятъ ссуды не только подъ залогъ собственныхъ акцій, но даже подъ акціи другихъ обществъ.

«Что же касается отчета г. *Левашова*, то онъ самъ говоритъ за себя; кто его читалъ, тотъ отдаетъ ему полную справедливость.—Шутки въ серьезномъ дѣлѣ неумѣстны, и выдержка г. Ахшарумова о резедѣ не уронитъ достоинства подробнаго и добросовѣстнаго труда г. *Левашова*.

«Въ заключеніе и я, вмѣстѣ съ г. Ахшарумовымъ, *прошу п. акціонеровъ вникнуть передъ общимъ собраніемъ въ дѣло,* не только взглянуть на переписку, лежащую въ конторѣ, но *серьезно ею заняться,* чтобы присутствовать въ собраніи не съ односторонними убѣжденіями, а съ полнымъ знаніемъ дѣла, и, не увлекаясь слухами, разными толками, а оставя въ сторонѣ личности, общими силами и общимъ разумѣніемъ дать дѣлу вѣрное, твердое и надлежащее направленіе и устройство».

На чемъ основана такая самоувѣренность г. Байкова?

Конечно—на спокойствіи совѣсти!

Это доказали послѣдствія: черезъ день послѣ напечатанія отвѣта г. Байкова, въ «Спб. Вѣд.» объявлено, что общее собраніе акціонеровъ, назначенное 15 октября, отлагается до 30, по неимѣнію полныхъ и подробныхъ отчетовъ изъ Таганрога. Къ тому времени ожидается сюда и г. *Кинъ* (котораго г. *Золотареву* поручено было уволить). При семъ двое изъ директоровъ— *Якобсонъ* и *Трубниковъ* — сложили съ себя свое званіе; оставшіеся — *Байковъ, Фонъ-Дезенъ* и *Золотаревъ* — возвратились недавно въ Петербургъ и приготовляютъ отчеты. Это объявленіе показалось почему-то подозрительнымъ нѣкоторымъ акціонерамъ, — между прочимъ г. Серно-Соловьевичу; онъ навелъ справки и публиковалъ вотъ что, въ статейкѣ подъ названіемъ: «Настоящая причина перенесенія общаго собранія акціонеровъ «Сельскаго хозяйства» съ 15 на 30 октября» («Спб. Вѣд.», № 223).

«Желая узнать въ чемъ дѣло, мы отправились въ правленіе и прочли тамъ два журнала 7 октября, вполнѣ объясняющіе настоящую причину перенесенія собранія съ 15-го на 30-е октября.

1) Въ засѣданіи 3-хъ директоровъ, гг. *Золотарева, Байкова* и *Фонъ-Дезена* обсуждали, слѣдуетъ ли предоставить г. *Байкову* право на голоса, переданные ему разными лицами, находящимися въ губерніяхъ, но не представившими (какъ это требуется уставомъ) своихъ акцій въ правленіе? По разногласію (г. *Фонъ-Дезенъ* полагалъ, что не слѣдуетъ) положено предоставить разрѣшеніе этого почетнымъ членамъ.

2) Въ засѣданіи почетныхъ членовъ и директоровъ обсуждали вопросъ: слѣдуетъ ли выдать квитанціи на право голоса по 1.120 акціямъ, доставленнымъ вчера и сегодня отъ г. *Кокорева*, при объявленіяхъ о переводѣ ихъ на 12 разныхъ лицъ? Положили: «На основаніи § 32 устава общества, акціонеры, желающіе присутствовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса, должны внести свои акціи не позже 10 дней до общаго собранія. Если и можно оказать въ этомъ отношеніи какое-либо снисхожденіе въ пользу акціонеровъ, о которыхъ, по имѣющимся въ конторѣ свѣдѣніямъ, извѣстно, что они давно уже владѣютъ своими акціями, и предоставить имъ право голоса, хотя бы они внесли акціи и позже, чѣмъ за десять дней, то ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить подобнаго снисхожденія въ пользу тѣхъ, которые теперь только пріобрѣтаютъ акціи, тѣмъ болѣе, что директоры и почетные члены признали уже справедливымъ и необходимымъ испросить у правительства разрѣшеніе, чтобы на будущее время и въ нашемъ обществѣ, по примѣру прочихъ компаній, акціонеры пріобрѣтали право голоса въ общемъ собраніи не прежде, какъ по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ со дня отмѣтки въ правленіи о переводѣ акцій на ихъ имя».

«Теперь становится ясно, для чего *необходимо* было перенести собраніе съ 15 на 30: г. *Кокоревъ* успѣетъ перевести свои акціи на имя другихъ лицъ, а г. *Байковъ* получитъ ихъ отъ довѣрителей — такимъ образомъ, одинъ изъ нихъ будетъ располагать 39 голосами [1]), а другой 15-ю. Присоединяя къ этому количеству разныхъ родныхъ и пріятелей, легко можетъ быть, что гг. *Кокоревъ* и *Байковъ* будутъ имѣть за собой большинство голосовъ (особенно если многіе изъ

[1]) Разсчетъ этотъ можетъ быть далеко невѣренъ: г. Кокоревъ пока представилъ къ переводу только 1.120 акцій, а у него ихъ до 4.000.

Прим. Д.

акціонеровъ не пріѣдутъ въ собраніе) и рѣшатъ дѣла по своему усмотрѣнію.

Побужденія г. *Байкова* весьма понятны: имъ, очевидно, руководитъ чувство самосохраненія; вѣдь ему (какъ юристу) очень хорошо извѣстно, какая участь ожидаетъ его, если общее собраніе составится правильно.

Но чего домогается г. *Кокоревъ?* — Владѣя большимъ количествомъ акцій, онъ, повидимому, долженъ бы былъ заботиться о спасеніи падающаго дѣла, а между тѣмъ онъ поддерживаетъ прежнюю систему управленія, видимо ведущую насъ къ ликвидаціи! Изъ этого прямой выводъ, что, должно быть, для г. *Кокорева* ликвидація общества представляетъ бо́льшія выгоды, чѣмъ дальнѣйшее существованіе предпріятія. А между тѣмъ, по бывшимъ примѣрамъ, извѣстно, что на долю акціонеровъ при ликвидаціяхъ не приходится почти ничего!

Но что́ же затѣмъ дѣлать прочимъ акціонерамъ? Чѣмъ защищаться противъ такихъ дѣйствій? Какъ предотвратить предстоящее конечное разореніе?

По недостатку времени, физически невозможно протестовать съ успѣхомъ противъ послѣдняго распоряженія правленія и настоять, чтобы общее собраніе было 15-го октября.

Затѣмъ остается одно средство: на основаніи новаго устава общества, который сегодня обнародованъ, право голоса въ общемъ собраніи предоставляется только лицамъ, владѣющимъ акціями не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ; правило это слѣдуетъ примѣнить къ предстоящему общему собранію, съ тѣмъ при томъ, чтобы подача голосовъ была *открытая*.

Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что въ этотъ разъ акціонеры будутъ энергически противодѣйствовать стремленіямъ лицъ, обязанныхъ заботиться о ихъ благостояніи, но вмѣсто того съ изумительною настойчивостью идущихъ противъ ихъ прямыхъ интересовъ».

Не правда ли, что спокойствіе и достоинство статейки г. *Байкова* объясняется чистотою совѣсти? Не правда ли, что и письмо г. *Кокорева*, съ сарказмами надъ апатіей акціонеровъ, пріобрѣтаетъ еще бо́льшее достоинство послѣ объясненій г. Серно-Соловьевича? И не правы ли были мы, сказавши, что исторія литературы должна сохранить на своихъ скрижаляхъ статьи гг. *Кокорева*, *Левашова*, *Боіданова* и *Байкова*, какъ блистательные опыты русской гласности!...

Да, невольно воскликнешь: вотъ эти люди умѣютъ у насъ пользоваться гласностью!..

IV.

ОПЫТЫ АВСТРІЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Соч. Якова Хама.

(*Отъ редакціи Свистка.* Въ настоящее время, когда всѣми признано, что литература служитъ выраженіемъ народной жизни, а итальянская война принадлежитъ исторіи,—любопытно для всякаго мыслящаго человѣка прослѣдить то настроеніе умовъ, которое господствовало въ австрійской жизни и выражалось въ ея литературѣ въ продолженіе послѣдней войны. Извѣстный нашимъ читателямъ поэтъ, г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, по фамиліи своей интересующійся всѣмъ нѣмецкимъ, а по мѣсту жительства пишущій по-русски, доставилъ намъ коллекцію австрійскихъ стихотвореній; онъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ австрійской рукописи, ибо австрійская цензура нѣкоторыхъ изъ нихъ не пропустила, хотя мы и не понимаемъ, чего тутъ не пропускать. Стихотворенія эти всѣ принадлежатъ одному молодому поэту—Якову Хаму, который, какъ по всему видно, долженъ занять въ австрійской литературѣ то же мѣсто, какое у насъ занималъ прежде Державинъ, въ недавнее время — [г. Майковъ] [1]), а теперь г. Бенедиктовъ и г. Розенгеймъ. На первый разъ мы выбираемъ изъ всей коллекціи четыре стихотворенія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, очень ярко отразилось общественное мнѣніе Австріи въ четыре фазиса минувшей войны. Если предполагаемыя стихотворенія удостоятся лестнаго одобренія читателей,—мы можемъ представить еще нѣсколько десятковъ, ибо г. Хамъ очень плодовитъ, а г. Лиліеншвагеръ неутомимъ въ переводѣ).

1.

353. НЕБЛАГОДАРНЫМЪ НАРОДАМЪ.

(Передъ началомъ войны).

Не стыдно ль вамъ, мятежные языки,
Возстать на насъ? Вѣдь ваши мы владыки!..
Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ;
Мы, какъ дѣтей держали васъ въ опекѣ
И такъ заботились о каждомъ человѣкѣ,
Что каждый шагъ старались услѣдить
И каждое словечко подхватить...
Мы, — къ вамъ любовію отцовской одержимы,—
Отъ золъ анархіи хранили васъ незримо;
Мы братски не жалѣли ничего
Для вѣрнаго народа своего;
Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы,—
Все, все давали вамъ мы щедрою рукой...
И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной!..
Не стыдно ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?
Зачѣмъ не жить попрежнему намъ дружно?..
Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
Или полиція о дѣлѣ не радитъ?
Но донесите лишь,—и въ мигъ мы все поправимъ,
И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ...
Или страшитесь вы, чтобъ въ будущемъ отъ васъ

[1]) Другой извѣстный поэтъ

Не отвратили мы заботливый свой глазъ?
Но мысль столь страшная напрасно васъ тревожитъ:
Австрійская душа коварна быть не можетъ!!...

2.

354. НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА (ЕСЛИ БЫ ОНО СЛУЧИЛОСЬ).

(Писано при объявленіи войны).

Давно ли бунтъ волною шумной
Грозилъ залить австрійскій тронъ
И, полонъ ярости безумной,
На насъ вставалъ Наполеонъ?
Давно ли ты, страна разврата,
Отчизна бунтовъ и крамолъ,
Была надеждою объята
Разбить еще одинъ престолъ?

И что̀ же? Честь, законъ и право
Сразились съ буйнымъ мятежемъ,
И въ мигъ—страстей народныхъ лава
Застыла въ ужасѣ нѣмомъ!..
Предъ громоносными полками
Крамольникъ голову склонилъ,
И надъ парижскими стѣнами
Орелъ австрійскій воспарилъ!

Теперь простись, о, градъ надменный,
Съ республиканскою мечтой!
Ты неопасенъ для вселенной
Подъ нашей мудрою пятой!
Въ тебѣ покорность и порядокъ
Отнынѣ царствовать должны,
И сонъ француза будетъ сладокъ
Средь безмятежной тишины!

Мечты преступныя забудутъ,
Всѣ по закону станутъ жить:
Курить на улицахъ не будутъ,
Не будутъ громко говорить;
Людей мятежныхъ разумъ узкій
Закономъ будетъ огражденъ.
Источникъ смутъ—языкъ французскій
Всѣмъ будетъ строго запрещенъ!

Развратъ, вездѣ у васъ разлитый,
У насъ сокроется во мракъ,
И надъ заразою сокрытой
Не посмѣется злобный врагъ.
Мы будемъ горды, неприступны,
Къ вамъ не дойдетъ умовъ развратъ:
Шпіоны наши неподкупны,
И полицейскіе не спятъ.

3.

355. ОДА НА ПОХОДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

(Въ началѣ войны).

Война! и снова лавръ побѣдный
Австрійскимъ воинамъ готовъ!..
Я вижу, какъ,—смущенный, блѣдный—
Уже трепещетъ строй враговъ;
Готовъ просить себѣ пощады,
Готовъ о мирѣ умолять...
Но австру нѣтъ иной отрады,
Какъ непокорныхъ усмирять!

Неотразимо, безпощадно,
Мы будемъ рѣзать, бить и жечь,
Въ крови враговъ купая жадно
Австрійскій благородный мечъ!
Во грады будемъ мы врываться
По трупамъ сверженныхъ враговъ,
И гордо станемъ наслаждаться
Проклятьями сиротъ и вдовъ!...

Мы будемъ чужды состраданью:
Дѣтей и старцевъ перебьемъ,
Возьмемъ мы дѣвъ на поруганье;
Что̀ не разграбимъ, то сожжемъ!
Сожжемъ мы города и села,
Мы выжжемъ нивы и луга!..
Чтобъ знала гнусная крамола,
Какъ поражаемъ мы врага!..

Поникнетъ, какъ отъ Божья грома,
Страна всегдашнихъ мятежей!..
О, намъ давно она знакома,
И мы давно знакомы ей!
Князь Виндишгрецъ и графъ Радецкій,
Баронъ Гайнау, Гіулай,—
Съ отвагой истинно нѣмецкой
Уже ходили въ этотъ край...

Осѣнены ихъ чудной славой
И полны памятью ихъ дѣлъ,
Мы потечемъ рѣкой кровавой
Въ тотъ ненавистный намъ предѣлъ!
Ура! Австрійскую державу
Распространитъ австрійскій мечъ
И намъ спокойствіе и славу
Дастъ смертоносная картечь!..

4.

356. ДВѢ СЛАВЫ.

(При вѣсти о заключеніи мира).

Пусть лавръ побѣдный украшаетъ
Героя славное чело,—
Но друга мира не прельщаетъ
Войны блистательное зло...
Предсмертный крикъ враговъ сраженныхъ,
Вопль матерей и плачъ сиротъ,
Стонъ земледѣльцевъ разоренныхъ
Онъ внемлетъ—и войну клянетъ...

Иная, лучшая есть слава!
Иная, громче есть хвала!
И вновь австрійская держава
Ее теперь пріобрѣла:

Мечты воинственныя бросивъ,
Щадя запасъ народныхъ силъ,
Нашъ императоръ Францъ-Іосифъ
Миръ въ Виллафранкѣ заключилъ!..

На лицахъ всѣхъ сіяетъ радость;
Ликуютъ села, города;
Въ поляхъ, почуявъ мира сладость,
Пасутся весело стада!
Отъ груди матерней ребенка
Теперь никто не оторветъ,
И даже малаго цыпленка
Никто безвинно не убьетъ!

За столь благіе элементы
Охотно мы врагамъ своимъ
Трофей Палестро и Маджента,
И Сольферино отдадимъ!
Возсядемъ мы подъ мирной кущей,
Въ восторгѣ пѣсни запоемъ
Величью Австріи цвѣтущей
И кружкой пива ихъ запьемъ!

---

357. Нѣсколько словъ отъ редакціи по поводу „Задушевной исповѣди“ г. Макарова.

Напечатано въ XI книжкѣ «Современника» 1859 г. (ценз. 1 ноября).

Произведеніе, къ которому относилась эта замѣтка, называлось: «Задушевная исповѣдь». Назидательная быль. Съ варіаціями на тему «точки зрѣнія»,—заняло въ XI книжкѣ 218 страницъ и принадлежало перу извѣстнаго составителя словарей, Макарова. Добролюбовъ очень высоко цѣнилъ эту бытовую вещь, въ которой подъ героемъ Василіемъ Андреевичемъ Штукаревымъ былъ выставленъ ясно для всѣхъ— извѣстный тогда откупщикъ Василій Александровичъ Кокоревъ, и при томъ въ очень и очень некрасивомъ видѣ, но, какъ утверждали современники, безусловно правдиво. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Макаровъ передаетъ мнѣніе о своей вещи Некрасова: «Вы купили право, чтобы вѣрили каждому вашему слову. Въ вашей «Задушевной исповѣди» каждая строка дышетъ правдою, для которой вы себя не щадите. Если есть теперь простяки, которые объ одномъ изъ героевъ вашей грустной повѣсти думаютъ, что онъ хорошій, добрый человѣкъ, то врядъ ли такіе найдутся послѣ прочтенія вашей исповѣди» (ч. I, стр. III).

М. Л.

«Задушевная исповѣдь» г. Макарова вовсе не имѣетъ характера обличительнаго въ нынѣшнемъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе мы съ удовольствіемъ даемъ ей мѣсто въ нашемъ журналѣ, находя въ ней такія качества, какихъ доселѣ не встрѣчали въ обличительныхъ статьяхъ, постоянно печатаемыхъ въ послѣднее время. Тамъ мы видимъ обыкновенно разсказы людей постороннихъ дѣлу, смотрящихъ на него съ высшей точки зрѣнія, удивляющихся, негодующихъ, но принимающихъ лишь случайное и внѣшнее участіе въ томъ, что они изображаютъ. Тамъ предъ нами врачи и слѣдователи. Здѣсь, напротивъ, самъ больной разсказываетъ намъ свою болѣзнь; здѣсь одна изъ тяжущихся сторонъ излагаетъ весь ходъ своего дѣла. Г. Макаровъ въ своей «Исповѣди» не щадитъ и самого себя; онъ вовсе не выставляется предъ читателями идеаломъ добродѣтели и непогрѣшимости; но въ этомъ-то и заключается живое значеніе его разсказа. Читатель можетъ судить, какъ ему угодно, о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ героевъ этой исторіи. Мы не желаемъ предупреждать общее мнѣніе въ пользу или къ невыгодѣ того или другого изъ нихъ; да и самъ авторъ «Исповѣди» не хочетъ этого. Указывая на процессъ Бомарше съ Гецманомъ, г. Макаровъ самъ опредѣляетъ то значеніе, которое онъ желаетъ придать своему откровенному разсказу: онъ излагаетъ подробно и искренно всѣ обстоятельства дѣла, не имѣя ни малѣйшей претензіи дѣлаться судьею собственнаго процесса, а ожидая безпристрастнаго суда отъ читающей публики. Можетъ быть, читатели взглянутъ на отношенія г. Макарова къ описываемому имъ лицу нѣсколько иначе, нежели какъ смотритъ на нихъ самъ авторъ; можетъ быть, многіе не найдутъ въ фактахъ «Исповѣди» достаточнаго повода къ какому-нибудь серьезному обвиненію: мы желаемъ предоставить въ этомъ полную свободу сужденія каждому читателю и остаться совершенно въ сторонѣ. Но независимо отъ всякой мысли о томъ, кто правъ, кто виноватъ, въ «Задушевной исповѣди» есть другой интересъ,—интересъ вѣрнаго изображенія рус-

Вологод. жел. дор.

ской жизни, сдѣланнаго безъ всякой задней мысли. Мы видимъ здѣсь двухъ человѣкъ: одинъ пользуется обстоятельствами, другой дѣлается постоянно жертвою этихъ же самыхъ обстоятельствъ. Читая внимательно «Исповѣдь», вы ясно видите, какія свойства ума и характера нужны въ нашемъ быту для того и другого и въ какой степени сами жертвы обстоятельствъ помогаютъ не только обогащенію, но и возвеличенію тѣхъ, которые изъ тѣхъ же обстоятельствъ извлекаютъ свои выгоды. Съ одной стороны простосердечная довѣрчивость, надежда на чужое слово, упорство въ обольщеніи относительно доброжелательства другого, кроткая готовность безкорыстно жертвовать своимъ трудомъ и личностью для того, кто только сумѣетъ воспользоваться этой готовностью; а съ другой—искусство задавить въ себѣ сознаніе человѣческихъ правъ другого и гуманное уваженіе къ чужой личности, умѣнье взглянуть на своихъ братьевъ только лишь какъ на орудіе своихъ личныхъ видовъ,—всѣ эти противоположныя черты, столь общія, столь знакомыя, столь неизбѣжныя во всѣхъ сферахъ и оттѣнкахъ русской жизни — чрезвычайно живо и ярко являются въ «Задушевной исповѣди»,—являются сами собою, безъ всякой заранѣе назначенной цѣли, безъ всякаго нарочно сочиненнаго плана. Какъ бы кто ни судилъ о литературныхъ достоинствахъ «Исповѣди», но намъ кажется, что она не можетъ не заинтересовать всякаго, кого занимали иногда вопросы объ источникахъ и средствахъ общественныхъ успѣховъ и житейскаго величія разныхъ дѣятелей русской жизни. По прочтеніи этой «Исповѣди», читатель можетъ, пожалуй, ограничиться только заключеніемъ, что одинъ изъ героевъ—человѣкъ ловкій, а другой — неловкій. Но какими именно явленіями обнаруживается въ нашемъ обществѣ эта *ловкость* и *неловкость*, — вотъ что̀ изображаетъ намъ «Задушевная исповѣдь» г. Макарова и вотъ на что̀, по нашему мнѣнію, должно быть обращено особенное вниманіе читателя.

Итакъ, повторимъ еще разъ, что, печатая «Исповѣдь» г. Макарова, мы вовсе не думаемъ придавать ей значенія сильнаго обвинительнаго акта; но цѣнимъ ее, какъ искреннее, простосердечное, непосредственное изображеніе многихъ изъ тѣхъ сторонъ русской жизни, которыя обыкновенно теряютъ свой цвѣтъ и свѣжесть въ обдуманныхъ и передуманныхъ разсказахъ нашихъ обличителей по призванію.

---

358. О значеніи нашихъ послѣднихъ подвиговъ на Кавказѣ.

Напечатано вмѣстѣ съ № 357.

Николаевская наука — «громъ побѣды раздавайся!», какъ ее остроумно назвалъ Салтыковъ, нашла себѣ многихъ послѣдователей и послѣ смерти императора, особенно вслѣдъ за плѣненіемъ Шамиля. Восторги по адресу побѣдоноснаго русскаго оружія совершенно заглушали пониманіе государственныхъ интересовъ и здоровой политики на Кавказѣ. Нужно было сказать, какъ смотритъ на присоединеніе новой территоріи интеллигентное общество. Добролюбовъ это и сдѣлалъ, выяснивъ вопросъ очень выпукло и съ свойственной ему обстоятельностью. Надо ли говорить, что правительство не вняло голосу «Современника»...

М. Л.

Восторженные разговоры и статьи о Кавказѣ и Шамилѣ были въ послѣднее время такъ часты, что, наконецъ, успѣли надоѣсть всѣмъ. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ спрашивалъ насъ даже въ прошломъ мѣсяцѣ: «не бываетъ ли въ какомъ-нибудь домѣ, въ которомъ не говорятъ о Шамилѣ? Очень интересно было бы познакомиться...» И, разумѣется, такого дома не оказалось и не могло оказаться въ цѣлой столицѣ, а можетъ быть—и во всей Россіи. Національное чувство было слишкомъ сильно затронуто новою славою русскаго оружія и должно было вылиться наружу въ громкихъ, восторженныхъ и продолжительныхъ толкахъ...

Но всеобщность модныхъ толковъ не исключаетъ возможности высказать и нѣсколько скромныхъ замѣчаній о дѣлѣ. Мы рѣшаемся на это среди общаго шума восклицаній и восторговъ, потому всего болѣе, что въ этихъ восторгахъ нерѣдко будущее рисуется въ слишкомъ обольстительномъ видѣ, а на прошедшее обыкновенно не хотятъ обращать вниманія. Оставляя въ сто-

ронѣ будущее, которое еще далеко не обозначилось настоящимъ положеніемъ дѣлъ, мы именно хотимъ напомнить читателямъ нѣкоторые факты прошедшаго, близкіе къ настоящимъ явленіямъ.

Прежде всего замѣтимъ, что словамъ, безпрерывно раздающимся въ обществѣ: «война на Кавказѣ кончена»—еще не слѣдуетъ придавать слишкомъ обширнаго и окончательнаго значенія. Не нужно забывать, что наше теперешнее завоеваніе простирается только на *лѣвое* крыло кавказской линіи, то-есть на пространство между верховьями Терека и Каспійскимъ моремъ, составляющее менѣе половины враждебнаго намъ Кавказа. Пространство, лежащее къ западу отъ военно-грузинской дороги, остается попрежнему почти недоступно для насъ; а между тѣмъ владѣніе имъ представляетъ несравненно болѣе важности, нежели обладаніе нагорнымъ Дагестаномъ. Здѣсь передъ нами открывается часть западнаго берега *Каспійскаю* моря, которое и безъ того открыто для насъ; а тамъ *Черное* море, на которое права наши не такъ велики, особенно послѣ крымской войны. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду и то, что военно-грузинская дорога, отдѣляющая лѣвый флангъ отъ праваго, вовсе не есть Китайская стѣна, совершенно уединяющая завоеванный нами край отъ того, который остался непокореннымъ. У чеченцевъ и лезгинцевъ лѣваго крыла существуетъ постоянная связь съ абхазцами, адыгами и убыхцами, обитающими на западъ отъ военно-грузинской дороги. Слѣдовательно для удержанія и упроченія того, что̀ нами теперь пріобрѣтено, предстоитъ еще много трудностей, и мы, любуясь на Шамиля, разъѣзжающаго по улицамъ нашихъ городовъ, никакъ не должны воображать, будто теперь герои Кавказа могутъ сложить руки и успокоиться на лаврахъ. Настоящее значеніе послѣднихъ событій можетъ сдѣлаться для насъ нѣсколько яснѣе, когда мы приведемъ себѣ на память главнѣйшіе факты изъ прежней исторіи нашихъ подвиговъ на Кавказѣ.

Настоящее, послѣдовательное стремленіе къ покоренію Дагестана началось у насъ съ начала нынѣшняго столѣтія, вскорѣ послѣ подданства Грузіи. Но край этотъ былъ знакомъ намъ гораздо раньше и, конечно, могъ бы давно быть покоренъ безъ большихъ усилій, если бы Россія могла предвидѣть то значеніе, какое современемъ должны получить для нея эти страны. Еще въ 1596 г. русскій отрядъ, подъ начальствомъ Хворостинина и Засѣкина, ходилъ въ шамхальство, овладѣлъ Тарками и даже приступилъ къ устройству укрѣпленныхъ пунктовъ по Сулаку. Но не подкрѣпленный изъ Россіи, онъ въ 1604 г. былъ истребленъ шамхаломъ Тарковскимъ; до 7000 человѣкъ погибло; нѣкоторая часть спаслась за Терекъ. Затѣмъ до Петра Великаго не было никакой попытки утвердиться на Кавказѣ.

При Петрѣ былъ завоеванъ, въ 1722 г., весь западный берегъ Каспійскаго моря: шамхальство Тарковское и ханство Дербентское и Бакинское изъявили покорность; при устьѣ Сулака основана была крѣпость Большого Креста, въ Таркахъ и Дербентѣ оставлены гарнизоны; генералъ Матюшкинъ наименованъ правителемъ вновь пріобрѣтенной Прикаспійской области. Трактатомъ 1723 года и Персія признала за нами всѣ прикаспійскія завоеванія на Кавказѣ. Но въ томъ же году возмутились жители Баку, подъ предводительствомъ Даутъ-Бека. Ихъ усмирили, Даутъ-Бека отрѣшили и на его мѣсто назначили Дергачъ-Кули-Хана. Но въ слѣдующемъ году и Дергачъ-Кули-Ханъ оказался враждебнымъ Россіи; тогда мѣстнаго правителя совсѣмъ уничтожили, а городъ и крѣпость поступили въ управленіе русскаго коменданта. Въ слѣдующемъ 1725 году возмутился шамхалъ Тарковскій, Адиль-Гирей. Онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Колу. Спокойствіе въ краѣ было возстановлено. Но черезъ десять лѣтъ, по договору съ шахомъ Надиромъ (1735 г.), императрица Анна Ивановна добровольно отказалась отъ прикаспійской области, потому что она только требовала издержекъ и войска, а пользы не доставляла никакой.

Черезъ 50 лѣтъ опять начинается наше вліяніе въ Дагестанѣ, все по поводу персидскихъ дѣлъ. Въ 1786 г. шамхалъ Тарковскій признаетъ власть Россіи; черезъ нѣсколько лѣтъ то же дѣлаетъ Мехтулинское ханство. Въ 1796 г. во время похода Зубова, изъявили покорность всѣ ханства, сосѣднія съ моремъ,—Дербентское, Кубинское, Кюринское, Бакинское, Ширванское и Талышинское. Но въ 1797 г. Шейхъ-Али-Ханъ дербентскій взбунтовался; его смирили и онъ изъявилъ покорность; ему возвратили власть въ ханствѣ, и онъ опять возмутился. Въ 1806 г. Дербентъ взяли русскіе, а Шейхъ-Али-Ханъ бѣжалъ и черезъ нѣсколько времени возмутилъ Табасарань, покорившуюся Россіи въ 1796 г. Но въ 1811 г. и Табасарань была усмирена и присягнула на подданство.

Въ 1803 г. Аварія приняла русское подданство; въ 1804 г. кайтагскій владѣтель Адиль-Ханъ присягнулъ Россіи. Въ 1806 г. ханства Кубинское и Бакинское снова присоединены къ нашимъ владѣніямъ; а въ 1813 г. по гюлистанскому договору, рѣши-

тельно признаны Персіею права наши на ханства Дербентское, Кюринское, Бакинское, Талышинское, Кубинское, Ширванское и Карабахское. Въ 1818 г. вступили въ подданство вольное общество Акушинское, а за нимъ Сюргинское, Рутульское, Кубачинское. Такимъ образомъ, кромѣ одного ханства Казикумыкскаго, весь Дагестанъ былъ тогда въ нашей власти. Но въ 1818 г. ханъ Аварскій Султанъ-Ахметъ взволновалъ ханство Мехтулинское и часть шамхальства. Это волненіе вскорѣ было усмирено Ермоловымъ. Вслѣдъ за тѣмъ аварскій ханъ явился у крѣпости Внезапной съ 6000 горцевъ, но былъ разбитъ Ермоловымъ и принужденъ бѣжать въ горы. Аварія была усмирена; но въ 1819 г взбунтовались акушинцы. Ермоловъ нанесъ имъ страшный ударъ, и они принесли торжественную присягу на вѣрность Россіи. Въ 1820 г. русскія войска овладѣли и Кумухомъ, главнымъ пунктомъ непокорнаго Кумукскаго ханства, и оно приняло подданство Россіи. Въ 1823 г. взбунтовались было мехтулинцы, но были тотчасъ же усмирены.

Такимъ образомъ еще въ 1823 г. весь Дагестанъ былъ въ нашихъ рукахъ, и обладаніе имъ считалось до такой степени обезпеченнымъ, что на всемъ его пространствѣ содержалось всего до 15 батальоновъ войска и едва существовало нѣсколько жалкихъ укрѣпленій. Правда, что тогда старались удерживать горныя племена въ подданствѣ не столько силою русскаго оружія, сколько особаго рода политикой въ обращеніи съ ними. Извѣстно, что до появленія мюридизма кавказскія племена не имѣли никакой крѣпкой связи и были очень разрознены и даже враждебны другъ съ другомъ. Въ особенности же нужно это сказать о самихъ владѣтеляхъ. Ссоря ихъ между собою и напуская ихъ на вольныя общины, Ермоловъ, назначенный на Кавказъ съ 1816 г., умѣлъ раздроблять силы враговъ и ослаблять ихъ, вовсе не жертвуя русскими войсками. Система его была постоянно успѣшна до тѣхъ поръ, пока не явился Кази-Мулла, воспламенившій въ горцахъ религіозный фанатизмъ. Обыкновенно приписываютъ исключительно этому явленію тѣ волненія, которыя начались потомъ въ покорномъ намъ Дагестанѣ; но едва ли это вполнѣ справедливо. Религія сама по себѣ можетъ, конечно, сильно увлекать новообращенныхъ; но мюридизмъ вѣдь вовсе не былъ новой религіей. Это было то же ученіе ислама, давно знакомое горцамъ, но никогда до тѣхъ поръ не исполнявшееся ими. Извѣстно, что для всѣхъ мусульманъ строго обязательна только та часть Корана, которая называется *шарріатъ* и содержитъ въ себѣ гражданскія постановленія. Другая часть — *тарикатъ*, заключающая высшія нравственныя предписанія, доступна не каждому, и ея послѣдователи представляли всегда нѣчто въ родѣ монашествующихъ орденовъ въ мусульманствѣ. Это-то и были *мюриды*, — то-есть *послѣдователи истины*. Строгое ученіе мюридизма никогда не находило себѣ значительнаго круга приверженцевъ. Мюриды пользовались большимъ уваженіемъ мусульманъ въ Персіи и Бухарѣ и пр.; но никогда не воспламеняли массы народа и не пріобрѣтали политическаго значенія. Тѣмъ менѣе можно было опасаться ихъ вліянія на Кавказѣ, среди разрозненныхъ племенъ, да при томъ еще и плохихъ мусульманъ. Въ 1824 году казалось, что уже ничто не могло вырвать Дагестанъ изъ нашихъ рукъ, и однакожъ въ это самое время власть наша тамъ, немедленно по водвореніи, начинала уже колебаться. Объясненіе этому нужно искать конечно не въ успѣхахъ мюридизма; напротивъ, скорѣе самые его успѣхи нужно объяснять враждебностью горцевъ къ русскому владычеству.

Вспомнимъ, что первымъ кликомъ мюридизма на Кавказѣ былъ *газаватъ*, т.-е. война съ невѣрными, завѣщанная Кораномъ. Въ тѣхъ странахъ востока, гдѣ утвердилось свое правительство, газаватъ былъ забытъ; но на Кавказѣ ничего не могло быть популярнѣе этого предписанія исламизма, и вотъ почему мюридизмъ такъ быстро принялъ здѣсь громадные размѣры, какихъ не имѣлъ нигдѣ, и получилъ важное политическое значеніе. Горцы рѣшались подвергнуться всѣмъ строгостямъ и неудобствамъ ислама,—не пить вина, накрыть покрывалами женщинъ, прекратить разгулъ молодежи и пр.,—только чтобы получить надежду на изгнаніе русскихъ... Въ пять лѣтъ Кази-Мулла подготовилъ уже возстаніе, и въ 1829 г. могъ заговорить прямо и торжественно:

«Говорю вамъ: доколѣ Дагестанъ попирается ногами русскихъ, до тѣхъ поръ не будетъ вамъ счастья. Солнце сожжетъ ваши поля, неорошенныя небесной влагой; сами вы будете умирать, какъ мухи, и горе вамъ, когда вы предстанете на судъ Всевышняго.

«Я посланъ отъ Бога, чтобы спасти васъ. Итакъ, во имя его и пророка призываю васъ на брань съ невѣрными. Казаватъ русскимъ!».

И вслѣдъ за этимъ воззваніемъ Кази-Мулла является съ многочисленнымъ отрядомъ предъ Хунзахомъ, имѣя въ виду овладѣть Аваріею. Мы знаемъ, что въ три года своей военной дѣятельности онъ не успѣлъ ничего сдѣлать; съ самаго начала былъ разбитъ и прогнанъ, но опять собрался съ

силами, разбилъ нѣсколько разъ наши войска, осаждалъ наши крѣпости, держалъ въ блокадѣ Дербентъ, сжегъ и разграбилъ Кизляръ; но нигдѣ не успѣлъ утвердиться, самъ въ свою очередь потерпѣлъ нѣсколько пораженій и, наконецъ, 17 октября 1832 г., былъ убитъ, защищая Гимры, главное его мѣстопребываніе. Въ это время почти все возставшее народонаселеніе было снова усмирено и покорено; самъ Кази-Мулла еще до смерти своей потерялъ значительную долю своей популярности между горцами. Но, говорятъ, странное обстоятельство воспрепятствовало тогда совершенному покоренію Кавказа русскими: трупъ Кази-Муллы найденъ былъ въ такомъ положеніи, что одною рукою держался онъ за бороду, а другою указывалъ на небо. По понятію горцевъ, это именно то положеніе, въ которомъ долженъ быть праведникъ въ минуты святыхъ бесѣдъ съ Аллахомъ. Отъ этого будто бы—возстаніе горцевъ послѣ смерти Кази-Муллы возобновилось съ большею силою, чѣмъ даже при его жизни. Разумѣется, такое объясненіе слишкомъ идиллично, и едва ли нужно прибѣгать къ чуду для того, чтобы растолковать причины непрерывной ненависти свободныхъ горскихъ племенъ къ русскому владычеству. Все дѣло разрѣшается гораздо проще: во-первыхъ, ненависть къ чужому господству вообще сильна была въ горскихъ племенахъ; во-вторыхъ, наше управленіе на Кавказѣ не было совершенно сообразно съ мѣстными потребностями и отношеніями. Кавказу придавали гораздо менѣе значенія, чѣмъ слѣдовало, и оттого не было тамъ ни хорошо устроеннаго войска, ни правильно организованнаго управленія. Въ то же время удержаніе въ своей власти разрозненныхъ и мелкихъ племенъ считали очень легкимъ, и потому не заботились о привлеченіи обитателей на свою сторону, а поступали уже съ ними такъ, какъ съ народомъ, покореннымъ издавна и окончательно. Вотъ нѣсколько примѣровъ тогдашней администраціи Кавказскаго края, которые мы беремъ изъ «Перечня событій въ Дагестанѣ», г. Окольничаго («Воен. Сборн.» 1859 г., № 1, стр. 169—170).

«Административная часть края была въ самомъ жалкомъ состояніи. Командующій войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ не имѣлъ при себѣ правильно организованнаго штаба; отъ этого являлась запутанность въ перепискѣ и неизбѣжныя отъ того злоупотребленія. Военныя дѣйствія, управленіе казармъ, снабженіе войскъ провіантомъ и боевыми запасами, необходимость слѣдить за покорнымъ намъ населеніемъ, — все это требовало большихъ отчетностей, огромной переписки, а вести ихъ было некому. Запутанность въ дѣлахъ и упущенія превосходили всякое вѣроятіе.

«Крайне тягостно было и положеніе покорныхъ намъ жителей Дагестана. Обременяемые нашими требованіями, они роптали на насъ и охотно передавались непріятелю при первой къ тому возможности.

«Напримѣръ, доставка дровъ въ аварскія укрѣпленія лежала преимущественно на койсубулинцахъ и аварцахъ, которые за 30 и за 40 верстъ должны были идти въ лѣсъ и, набравъ тамъ съ трудомъ скудный эшачій вьюкъ хворосту, привозили его въ укрѣпленіе, получая по 20 коп. сер. за каждый вьюкъ. Нерѣдко женщины, по недостатку эшаковъ, на своихъ плечахъ приносили хворостъ и въ видѣ состраданія получали тоже по 20 к. каждая. Когда же все почти Койсубу и большая часть аварцевъ отложились, укрѣпленія наши претерпѣвали крайній недостатокъ въ дровахъ и нерѣдко солдаты не имѣли возможности даже сварить себѣ пищу.

«Перевозка провіанта была не менѣе обременительна для жителей. По положенію, слѣдовало за доставку четверти изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хунзахъ 82 к. сер., считая за каждую версту по копѣйкѣ серебромъ съ четверти [1]). Но какъ операція эта, то-есть нагрузка, разгрузка провіанта и движеніе туда и обратно, поглощала не менѣе 8 дней, то, слѣдовательно, на каждую лошадь приходилось всего по 10 к. сер. въ сутки,—цѣна, рѣшительно не вознаграждавшая трудъ. Или, впослѣдствіи, давали за доставку отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Хунзаха по двѣ копѣйки съ четверти на версту, накладывая по три четверти на арбу, запряженную парою воловъ; такимъ образомъ аробщикъ, за поѣздку свою въ Хунзахъ и обратно, получалъ всего 4 р. 80 к. сер., или по 60 к. въ сутки на пару воловъ. Между тѣмъ, какъ при вольномъ наймѣ отъ Шуры до Хунзаха за арбу брали не менѣе 35 р. сер.; получивъ же только 4 р. 80 к., можно судить, какимъ притѣсненіемъ считали жители транспортировку провіанта въ Хунзахъ.

«Преимущественно эта повинность падала на шамхальцевъ. Въ 1840 году они выставили до 20,000 арбъ, — изъ нихъ безплатно 16,000; въ 1841 году до 40,000,—изъ нихъ наполовину безплатно».

«Кромѣ доставки провіанта, на жителяхъ лежала обязанность содержать по дербентскому и кизлярскому трактамъ *чапаръ* (для охраненія дороги, вмѣстѣ съ козаками, и конвоированія проѣзжающихъ), поправка дорогъ, которая въ городахъ повторялась каждый годъ по нѣскольку разъ, а весною и осенью требовала особыхъ трудовъ.

«Столь тяжелыя повинности не могли не возбуждать противъ насъ негодованія въ людяхъ, которые по самому долгу религіи должны были насъ ненавидѣть...»

Такое положеніе дѣлъ всего лучше обезпечивало успѣхъ для того, кто захотѣлъ бы продолжать дѣло Кази-Муллы. А такъ какъ во всемъ народѣ недовольство и броженіе были сильны и общи, то и невозможно было, чтобы не нашлось преемника для убитаго имама. И дѣйствительно, черезъ полгода послѣ смерти Кази-Муллы объявилъ себя формально его преемникомъ Гамзатъ-Бекъ,

[1]) Перевозка эта была вьючная и на каждую лошадь навьючивали по четверти, что было довольно тяжело и на ровномъ мѣстѣ, а не только на такой дорогѣ, какова была изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хунзахъ. *Прим. Д.*

бывшій прежде его помощникомъ, а потомъ отдѣлившійся отъ него. Возстаніе быстро разлилось по всѣмъ областямъ, покореннымъ русскими, и осенью 1833 г. Гамзатъ-Бекъ началъ непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ, располагая 20.000 войска. Главною цѣлью нападенія была Аварія. Русскіе поняли теперь угрожавшую имъ опасность и рѣшились принять сильныя мѣры; но Гамзатъ въ первую половину 1834 г. утвердилъ свою власть въ Аваріи, истребилъ фамилію аварскаго хана Абу-Нуцала, распространилъ свою власть во многихъ вольныхъ обществахъ, наконецъ, пошелъ на цудахарцевъ и акушинцевъ. Здѣсь встрѣтила его неудача; онъ долженъ былъ возвратиться въ Хунзахъ; но здѣсь вспыхнулъ противъ Гамзата заговоръ, и 19 сентября 1834 г. онъ былъ убитъ въ мечети однимъ аварцемъ. Но и его смерть не принесла русскимъ ни малѣйшаго облегченія: вслѣдъ за Гамзатъ-Бекомъ является на сценѣ дѣйствій Шамиль, бывшій до того отдѣльнымъ начальникомъ и при Кази-Муллѣ, и при Гамзатѣ. Онъ началъ съ того, что укрѣпился въ Гоцатлѣ, захватилъ казну покойнаго имама и довершилъ истребленіе ханской фамиліи аварской, велѣвши убить малолѣтняго Булачъ-Хана, который содержался при Гамзатѣ—въ Гоцатлѣ. Рѣшительность и быстрота дѣйствій вскорѣ пріобрѣли Шамилю уваженіе горцевъ. Несмотря на то, сильныя мѣры, принятыя русскими, въ теченіе трехъ лѣтъ довели Шамиля до крайняго изнеможенія и совершенно парализовали его значеніе въ горахъ. Въ октябрѣ 1834 г. онъ долженъ былъ бѣжать изъ Гоцатля, который былъ взятъ русскими и разоренъ. Вслѣдъ затѣмъ смирились предъ русскими полками взволнованные Шамилемъ аварцы, андалялцы, койсубулинцы и другія племена. Въ 1837 г., видя, что въ сосѣднихъ съ Аваріей обществахъ вліяніе Шамиля все продолжается, Ахмедъ-ханъ-Мехтулинскій, бывшій въ это время правителемъ Аваріи, самъ призвалъ русскихъ въ Хунзахъ. Подъ начальствомъ генерала Фезе совершена была въ этомъ году блистательная аварская экспедиція, въ которой участвовали очень значительныя русскія силы. Взяты были селенія *Ашильта* и *Ахулью*, гдѣ находилось семейство и имущество Шамиля; затѣмъ сдѣланъ приступъ къ большому и укрѣпленному селенію *Тилитлю* (въ 22 верстахъ отъ Хунзаха), гдѣ находился самъ имамъ. 4 и 5 іюля произведены были атаки, а 7 іюля Шамиль прибылъ въ станъ Магометъ Мирзы-Хана, нашего союзника, поклялся на Коранѣ—не волновать болѣе горцевъ, и въ залогъ вѣрности выдалъ русскимъ аманатовъ. Вслѣдъ за тѣмъ покорены были всѣ аварскія селенія, не признававшія власти русскихъ, и въ сентябрѣ 1837 года русскія войска уже удалились изъ Аваріи, чтобы подавить волненіе, обнаружившееся въ это время въ южномъ Дагестанѣ.

Въ Аваріи возведенъ былъ въ это время цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ оставлены были небольшіе наши гарнизоны Но и на этотъ разъ видимая покорность горскихъ племенъ продолжалась недолго, и наше господство вовсе не было здѣсь обезпечено. Гарнизоны, оставленные въ новыхъ крѣпостяхъ, могли бы, конечно, удерживать край въ повиновеніи, но имъ приходилось, при довольно двусмысленномъ поведеніи самихъ жителей, давать еще отпоръ сильному врагу, который снова поднялся, едва только русскій отрядъ ушелъ изъ Аваріи. Тотчасъ по удаленіи генерала Фезе, Шамиль опять явился на границахъ Аваріи, построилъ себѣ крѣпкій замокъ—новый Ахульго, близъ стараго, почти на отвѣсной скалѣ, и поселился въ немъ, продолжая заботиться о распространеніи своего вліянія въ горахъ. Имя его начинало уже пріобрѣтать громкую извѣстность даже между русскими, и дѣятельность его признана была въ то время очень опасною для нашей власти на Кавказѣ. Поэтому въ 1838 г., во время проѣзда императора Николая изъ Грузіи, генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау устроилъ свиданіе съ Шамилемъ на Каранаевскомъ спускѣ и всячески убѣждалъ его отправиться во Владикавказъ для принесенія вѣрноподданнической покорности Государю Императору. Но Шамиль рѣшительно отказался, говоря, что имамъ, глава правовѣрныхъ, не можетъ быть ничьимъ подданнымъ.

Но эта несговорчивость была вскорѣ наказана русскими войсками. 1839 годъ былъ бѣдственнымъ годомъ для Шамиля: генералъ Головинъ привелъ къ повиновенію весь *Самурскій* округъ, жители котораго прекратили даже всякую связь съ Шамилемъ; генералъ Граббе дважды разбилъ отряды Шамиля и 29 августа взялъ новый Ахульго. Самъ Шамиль едва успѣлъ избѣгнуть плѣна; сынъ же его Джемалъ-Эддинъ былъ взятъ и отправленъ въ Петербургъ, въ первый кадетскій корпусъ. При взятіи Ахульго погибли лучшіе сподвижники Шамиля; значеніе его въ горахъ значительно ослабѣло; Аварія была вся въ нашихъ рукахъ; гумбетовцы, андійцы и койсубулинцы, недавно видѣвшіе доказательства русской силы, старались избѣгать всякихъ сношеній съ Шамилемъ... Дѣло дошло до того, что ему наконецъ не было возможности долѣе оставаться въ Дагестанѣ. Русскимъ остава-

лось только благоразумнымъ правленіемъ и вниманіемъ къ потребностямъ и обычаямъ жителей поддержать спокойствіе въ краѣ, внушить покореннымъ племенамъ довѣріе къ себѣ, привлечь ихъ расположеніе, — и роль Шамиля была бы кончена на Кавказѣ. Но къ несчастію, въ это время русское управленіе выказало себя именно съ такой стороны, что не могло не возбудить неудовольствія во вновь покоренномъ народѣ. Введеніе новаго порядка суда и расправы не могло обойтись безъ злоупотребленій, и въ горскомъ населеніи естественно возникли неудовольствія и ропотъ. Сначала броженіе было слабо и глухо; но потомъ оно перешло въ открытое возстаніе. Поводомъ къ нему послужила мѣра, придуманная тогда для обезоруженія чеченцевъ. Имъ было предписано платить подати оружіемъ, вмѣсто денегъ. Предполагая, что русскіе хотятъ ихъ обезоружить за тѣмъ, чтобы потомъ истребить, чеченцы явно возмутились, и Шамиль отлично воспользовался ихъ движеніемъ. Въ мартѣ 1840 г. онъ самъ явился на Сунжѣ съ 500 мюридовъ, и прежде всего занялся переселеніемъ ближайшихъ къ нашимъ владѣніямъ ауловъ въ Черныя горы, гдѣ они были совершенно безопасны отъ нашихъ войскъ. Доказательствомъ этого послужило пораженіе генерала Галафѣева на Валерикѣ, въ іюлѣ 1840 г.

Съ этого года Шамиль поселяется въ Ичкеринскомъ селеніи Дарго; отсюда начинается блистательная эпоха правленія Шамиля.

Въ теченіе 1841 г. онъ успѣлъ нанести нѣсколько сильныхъ пораженій нашимъ войскамъ, совершенно измѣнилъ въ свою пользу расположеніе умовъ во всемъ Дагестанѣ, присоединилъ къ себѣ, кромѣ многихъ мелкихъ обществъ, часть Салатавіи, почти все Койсубу и большую часть Андаляла, занялъ Унцукуль, Кикуны и Гергебиль. Нѣсколько пунктовъ въ Аваріи, остававшихся въ нашихъ рукахъ, были окружены враждебнымъ населеніемъ и едва могли имѣть сообщеніе другъ съ другомъ.

Но въ 1842 году это вѣчное колесо воинскаго счастья опять оборотилось-было въ пользу русскихъ. Въ началѣ этого года назначенъ начальникомъ войскъ Сѣвернаго Дагестана генералъ Фезе, и въ теченіе марта мѣсяца всѣ неудачи прошедшаго года были поправлены. Непокорныя племена усмирены, въ первый разъ приступлено было къ прокладкѣ сообщеній (что впослѣдствіи сдѣлалось главнымъ актомъ всякой экспедиціи въ горы), заложено нѣсколько новыхъ укрѣпленій. Но въ апрѣлѣ генералъ Фезе отозванъ былъ въ Тифлисъ, и въ апрѣлѣ же вспыхнуло возстаніе въ Казикумухскомъ ханствѣ. Шамиль опять имъ воспользовался. Сначала онъ потерпѣлъ пораженіе отъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго и долженъ былъ очищать Казикумухское ханство; но къ концу лѣта поверхность была рѣшительно на сторонѣ Шамиля. Въ эту экспедицію, между прочимъ, генералъ Граббе совершилъ бѣдственный переходъ черезъ Ичкеринскій лѣсъ, въ которомъ мы потеряли до 2.000 убитыми и ранеными.

Это пораженіе всего болѣе подорвало наше вліяніе въ горахъ и чрезвычайно усилило значеніе Шамиля. Въ 8-й годъ своего имамства онъ повелѣвалъ всею Чечнею и почти всѣмъ сѣвернымъ Дагестаномъ, слѣдовательно, располагалъ силами, какихъ до него не имѣлъ еще ни одинъ изъ горскихъ владѣтелей. Его власть признавали 230.000 семействъ. Въ слѣдующемъ 1843 году командующій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ заботился только о сохраненіи нашего владычества въ Аваріи, какъ центрѣ горъ. Но и это не удалось; русскимъ суждено было постоянно вооружать противъ себя туземное населеніе, и это чрезвычайно ободряло Шамиля и давало ему новую опору въ горскихъ племенахъ, смотрѣвшихъ на него не иначе, какъ на избавителя отъ притѣсненій русскихъ. Само собою разумѣется, что горцамъ казались стѣснительными самыя даже благія мѣры нашего правительства. Въ образецъ того, какъ шло тогда наше управленіе на Кавказѣ, приведемъ, за неимѣніемъ подъ руками другихъ данныхъ на этотъ счетъ, опять одно мѣсто изъ «Перечня событій въ Дагестанѣ» («Воен. Сборн.» 1859 г. № 3, стр. 8—10).

«Причиною нашихъ неудачъ были, между прочимъ, неустройство управленія и проистекающая оттуда неясность отношеній покоренныхъ къ завоевателямъ.

«Вокругъ самаго Дербента, гдѣ мы старались вводить наши гражданскія постановленія, было все еще дико, не приготовлено къ этимъ реформамъ.

«Напримѣръ, жителю Табасарани или Кайтага приходилось имѣть дѣло съ чиновникомъ окружнаго правленія, который не понималъ его языка и долженъ былъ говорить съ нимъ иногда чрезъ посредство двухъ переводчиковъ: одного, знающаго татарскій и кайтагскій, другого—русскій и татарскій языки. Первый переводчикъ, выслушавъ кайтагца, переводилъ его рѣчь на татарскій, прикрашивая ее по восточному обыкновенію; второй переводилъ ее съ татарскаго на русскій языкъ. Такимъ же точно порядкомъ кайтагецъ принималъ рѣшеніе или заключеніе нашего судьи. Легко представить, какъ это было затруднительно для обѣихъ сторонъ, особенно при соблюденіи всѣхъ формальностей нашихъ гражданскихъ постановленій. Нерѣдко самый смыслъ просьбы или рѣшенія искажался чрезъ невразумительный переводъ посредниковъ, и тогда оба, и истецъ и судья, смотрѣли другъ на друга удивленными глазами.

«Благодаря гражданскому дѣлопроизводству, выходили разныя недоразумѣнія. Напримѣръ, въ случаѣ какого-нибудь уголовнаго дѣла по нашимъ законамъ, но вовсе не уголовнаго по понятію туземцевъ, какъ, напримѣръ, убійство человѣка въ кровомщеніи (канлы),—судьи наши заводили *слѣдственное дѣло* по всѣмъ утомительнымъ формальностямъ, требовали свидѣтелей, сажали въ тюрьму обвиненныхъ. Иногда дѣло, по недостатку законныхъ свидѣтельствъ, тянулось по два и по три года, и все это время виновные страдали въ душномъ острогѣ, сами еще хорошенько не зная, за что̀ ихъ наказываютъ. Напримѣръ, какой-нибудь кайтагецъ крадетъ у своего сосѣда лошадь, — дѣло весьма обыкновенное; его тянутъ въ судъ и волочатъ дѣло по нѣскольку мѣсяцевъ. При этомъ порядкѣ, разумѣется, ни виновные, ни свидѣтели не обращались къ нашему правосудію, а искали удовлетворенія въ собственныхъ средствахъ, отчего положеніе наше въ краѣ было крайне непрочно, за недостаткомъ администраціи; а кто не согласится, что правильно приспособленная администрація есть могущественнѣйшее средство для обладанія; вспомнимъ только, какъ о ней заботился Шамиль!

«Ко всему этому, дагестанское начальство вовсе не вникало въ духъ народа и дѣлало весьма важныя ошибки. Напримѣръ, въ 1842 году, управлять Андаляломъ былъ назначенъ Алипкачъ-Бекъ, житель шамхальства. Назначеніе это крайне оскорбило всѣхъ вліятельныхъ андалялцевъ, которые никакъ не считали себя ниже Алипкачева, ни по уму, ни по знатности, ни по вліянію, и поэтому приняли назначеніе это за оскорбительную надъ ними насмѣшку. Старшиною чиркеевскимъ былъ назначенъ нѣкто Біакай, а Джамалъ чиркеевскій, рѣдкій умница и политикъ, его дѣти и родственники, оставались въ сторонѣ и, не желая повиноваться Біакаю, вступили изъ мести въ сношенія съ Шамилемъ. Многія изъ начальствующихъ лицъ не хотѣли понимать характера горцевъ, — которые, несмотря на свою бѣдность, крайне самолюбивы и горды, — и держали себя въ отношеніи ихъ надменно. Къ одному изъ нашихъ генераловъ пришли по дѣламъ дидойцы, бѣдные, оборванные, замасленные. Когда одинъ изъ нихъ приблизился къ нему, нечистота его такъ поразила утонченный вкусъ нашего генерала, что онъ позволилъ себѣ оттолкнуть его. Тогда дидоецъ, покачавъ головою съ видомъ глубокаго сожалѣнія и нисколько не сконфузившись, сказалъ: «немного надо имѣть ума, чтобъ пренебречь бѣднымъ человѣкомъ!..»

А Шамиль въ то же самое время вводилъ нѣсколько правильную организацію суда и расправы, сообразную съ мѣстными потребностями и понятіями народа. Онъ строго смотрѣлъ за соблюденіемъ *шарріата*, измѣненнаго имъ согласно съ его видами и нуждами народа; умѣлъ дѣйствовать и на воображеніе, и на религіозное чувство горцевъ; умѣлъ задавать и страху тѣмъ, кто осмѣливался выходить изъ послушанія его волѣ... Ко всему этому прибавилось нѣсколько значительныхъ удачъ въ дѣлахъ съ русскими, и сила Шамиля приняла громадные размѣры въ глазахъ туземнаго населенія. Оттого нисколько неудивительны быстрые успѣхи его въ сентябрѣ 1843 года.

Въ продолженіе какихъ-нибудь 15 дней Шамиль занялъ всю Аварію и окружилъ самого генерала Клюгенау, начальствовавшаго нашими войсками,—при селеніи Хунзахѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что отрядъ Клюгенау, отрѣзанный со всѣхъ сторонъ отъ сообщеній и, вслѣдствіе этого, не получавшій даже провіанта, долженъ былъ погибнуть, если бы 13 сентября князь Аргутинскій-Долгорукій съ Самурскимъ отрядомъ не выручилъ генерала Клюгенау изъ его незавиднаго положенія... Вообще 1843 годъ былъ для насъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ годовъ на Кавказѣ: съ 27 августа по 22 декабря у насъ было убито и ранено 76 штабъ и оберъ-офицеровъ и до 2,500 нижнихъ чиновъ; кромѣ того, мы потеряли 35 орудій, 2,150 ружей, до 14,000 зарядовъ, изъ которыхъ до 6,000 досталось непріятелю, 350,000 патроновъ, 50 пудовъ пороху, 180 палатокъ, 360 вьючныхъ лошадей, большое количество провіанта, и пр. Наконецъ Шамилемъ разрушено до основанія 12 укрѣпленныхъ пунктовъ.

На Кавказѣ 1843 годъ оставилъ страшное впечатлѣніе: довѣренность къ русскимъ исчезла, Шамиля считали непобѣдимымъ. Послѣ десятковъ разныхъ покореній, возмущеній, усмиреній, и опять возстаній, и опять покоренія, и снова возмущеній, — военные люди, знающіе Кавказъ, пришли къ заключенію, что̀ лучше подвигаться впередъ медленно, но прочно, и для этого постепенно стѣснять горное населеніе линіями укрѣпленій, лишить ихъ возможности существовать въ безплодныхъ горахъ и тѣмъ заставить ихъ покориться. Но для того, чтобы это мнѣніе принято было для практическихъ дѣйствій, нужно было русскимъ войскамъ перенести еще одинъ горькій опытъ—походъ въ Дарго.

Въ 1844 году двинутъ былъ на Кавказъ 5-й пѣхотный корпусъ и съ помощію его приказано было командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса *проникнуть въ горы, разсѣять скопища Шамиля и утвердиться въ горахъ*. Это было предписано въ томъ предположеніи, что Шамиль не успѣетъ еще прочно укрѣпить своего владычества въ Аваріи.

Бывшій въ то время корпуснымъ командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ былъ человѣкъ характера нерѣшительнаго; кромѣ того, онъ считалъ предложенную ему задачу невыполнимою, а потому успѣхъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1844 году не соотвѣтствовалъ тѣмъ силамъ, которыя находились тамъ въ то время. Вслѣдствіе того въ декабрѣ 1844 года назначенъ былъ вмѣсто генерала Нейдгардта намѣстникомъ

Кавказа графъ Воронцовъ, съ правами, которыхъ до него не имѣлъ ни одинъ изъ намѣстниковъ Кавказа. Графъ Воронцовъ совершенно незнакомъ былъ тогда ни съ краемъ, ни съ образомъ кавказской войны, и сперва смѣло взялся исполнить программу предстоявшихъ ему дѣйствій, т.-е.

1) Разбить скопища Шамиля,
2) Проникнуть въ центръ его владѣній и
3) Утвердиться въ немъ.

И вотъ графъ Воронцовъ, прибывъ въ Тифлисъ, предписалъ командиру 5-го пѣхотнаго корпуса, генералу Лидерсу, сосредоточить чеченскій отрядъ у крѣпости Внезапной къ 28 мая, и въ то же время приказалъ князю Бебутову съ Дагестанскимъ отрядомъ двинуться къ укрѣпленію Евгеніевскому.

Однако же послѣ свиданія съ генераломъ Фрейтагомъ, бывшимъ противъ рѣшительныхъ движеній въ горы, графъ Воронцовъ потерялъ ту самоувѣренность, съ какою прежде смотрѣлъ на свой походъ въ Андію.

Вотъ что писалъ онъ отъ 30 мая 1845 года къ бывшему военному министру Чернышеву:

«Повергните меня къ стопамъ Его Величества; я не смѣю надѣяться на большой успѣхъ нашего предпріятія, но сдѣлаю, разумѣется, все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы выполнить Его желаніе и оправдать Его довѣренность!»

Припомнимъ нѣсколько фактовъ изъ Даргинской экспедиціи, чтобы видѣть, какихъ усилій стоило намъ прежде движеніе на Кавказѣ и какого рода ошибки постоянно затрудняли для насъ покореніе страны, уже столько разъ бывшей въ нашихъ рукахъ.

Начиная походъ, графъ Воронцовъ полагалъ встрѣтить упорное сопротивленіе со стороны Шамиля на первыхъ шагахъ своего похода, при этомъ разбить его и затѣмъ уже двигаться гораздо спокойнѣе впередъ. Но Шамиль счелъ за лучшее вести партизанскую войну: онъ пропускалъ Воронцова впередъ, тревожилъ его отрядъ безпрерывной перестрѣлкою изъ лѣса и, казалось, рѣшился завлечь отрядъ къ себѣ въ горы и тамъ окончательно истребить его, въ чемъ онъ почти успѣлъ. 5 іюня отрядъ встрѣтилъ на своемъ пути высокую, крутую и занятую сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ гору Анчимиръ. Повидимому, эта позиція была неприступна, въ чемъ былъ увѣренъ самъ корпусный командиръ; однако же онъ отдалъ приказаніе генералу Пассеку занять эту гору и сбить непріятеля съ его позиціи, и черезъ два часа гора была въ нашихъ рукахъ.

Графъ Воронцовъ самъ, казалось, такъ мало надѣялся на успѣхъ, что даже не далъ никакихъ дальнѣйшихъ приказаній генералу Пассеку, и его отрядъ, занятый преслѣдованіемъ непріятеля и очисткою дальнѣйшей дороги въ Андію, отдѣлился отъ главнаго отряда на 15 верстъ и съ 5 по 11 іюня оставался по колѣно въ снѣгу безъ топлива и продовольствія, — словомъ, безъ всякихъ средствъ на высотахъ Зуну-Мееръ.

Въ то же самое время, какъ люди Пассека мерзли на вершинѣ горы,—люди главнаго отряда умирали отъ жара и жажды въ долинѣ; дальнѣйшее затѣмъ слѣдованіе нашего отряда въ Андію не представляетъ никакихъ дѣлъ, потому что Шамиль, потерявши проходъ, самъ очищалъ дорогу, выжигая при этомъ окрестные аулы и ведя свою обыкновенную партизанскую войну. Мало-по-малу мы подвигались все впередъ; между тѣмъ запасы были израсходованы, пройденный нами путь снова занятъ непріятелемъ и войска наши остались безъ продовольствія.

Наконецъ 6 іюля отрядъ, находившійся въ довольно изнуренномъ состояніи, былъ двинутъ впередъ для занятія Дарго, бывшаго въ то время мѣстопребываніемъ Шамиля. Пока авангардъ нашъ бралъ завалъ за заваломъ, Шамиль очистилъ Дарго, зажегъ его и оставилъ. Войска авангарда заняли Дарго и наконецъ мало-по-малу весь отрядъ вступилъ въ него. Такимъ образомъ, несмотря на крайнія затрудненія и потери, прямая цѣль экспедиціи была достигнута: Дарго, столица Шамиля (такъ тогда полагали) былъ занятъ и непріятель былъ выбитъ изъ самыхъ крѣпкихъ позицій. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы привести къ покорности горскія племена: несмотря на то, что русское знамя развѣвалось въ Дарго, лезгины и чеченцы не спѣшили изъявлять подданническихъ чувствъ. Они, напротивъ, чувствовали, что русскіе не могутъ удержаться въ занятыхъ ими позиціяхъ, потому что не обезпечили себѣ сообщенія съ другими пунктами ближайшихъ русскихъ владѣній и не могли получать даже продовольствія и боевыхъ припасовъ. Намъ нѣтъ надобности распространяться здѣсь о важности обезпеченія для войска безопасныхъ сообщеній: каждый, кто читалъ хоть самое коротенькое и поверхностное описаніе какой-нибудь войны, понимаетъ, конечно, всю важность этого элементарнаго соображенія. Понимали его и горцы. Оттого-то они совершенно спокойно смотрѣли на вступленіе русскихъ въ Дарго, будучи увѣрены, что войска наши скоро должны будутъ высту-

пить изъ занятой позиціи и погибнуть на возвратномъ пути. Дѣйствительно, идти было невозможно, потому что отрядъ не имѣлъ продовольствія, да и получить его было неоткуда, такъ какъ войска наши были кругомъ обложены непріятелемъ. Да и возвращеніе было не совсѣмъ удобно: надо было проходить черезъ Ичкеринскій лѣсъ, въ которомъ насъ ожидала если не совершенная гибель, то по крайней мѣрѣ ужасный уронъ. Однако, 10 іюля, на горахъ, находящихся предъ Даргинскимъ лѣсомъ, показался транспортъ съ хлѣбомъ. Но пробраться ему въ Дарго было невозможно, потому что дорога черезъ Даргинскій лѣсъ была занята уже непріятелемъ и сильно укрѣплена, а мы съ трудомъ могли пройти ее всѣмъ отрядомъ. Однакожъ главнокомандующій послалъ навстрѣчу транспорту половину своего отряда для принятія и доставленія припасовъ въ лагерь; авангардъ этого отряда былъ порученъ генералу Пассеку, арріергардъ—Викторову, а всѣмъ отрядомъ начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау. Отрядъ достигъ до транспорта, хотя съ огромною потерею: почти весь арріергардъ, а съ нимъ вмѣстѣ и начальникъ его Викторовъ, погибли въ лѣсу Даргинскомъ. На возвратномъ пути къ Дарго отрядъ потерялъ Пассека, почти весь авангардъ и всѣ припасы, которые были взяты изъ транспорта. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемыхъ припасовъ, графъ Воронцовъ получилъ только 700 человѣкъ раненыхъ, которыхъ вынесли изъ лѣса.

На другой день отрядъ приготовился къ выступленію на Герзель-аулъ. Въ то же время Воронцовъ, не надѣясь на собственныя силы (у него было 12 батальоновъ), послалъ предписаніе генералу Фрейтагу, чтобы онъ со всѣми войсками, какія можно будетъ собрать, двинулся отъ Герзель-аула навстрѣчу главному отряду. Медленно подвигаясь впередъ, среди непроходимыхъ лѣсовъ, отрядъ съ огромными потерями достигъ 18 іюля до аула Шаухалъ-Берды, и только здѣсь въ 7-мъ часу вечера войска главнаго отряда увидѣли авангардъ генерала Фрейтага. Войска, и предъ тѣмъ уже дѣлившія одинъ сухарь на нѣсколько человѣкъ (даргинскій походъ и извѣстенъ подъ именемъ *сухарницы*), въ теченіе пяти дней ничего не ѣли, кромѣ кукурузы. Потеря наша въ эти дни простиралась до 1,200 человѣкъ убитыми и ранеными, и если бы Фрейтагъ запоздалъ еще сутками, весь главный отрядъ непремѣнно погибъ бы.

20 іюля прибыли наши войска въ Герзель-аулъ, а 21 главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ отдѣльнаго Кавказскаго и 5-го пѣхотнаго корпусовъ («Воен. Сб.» 1859 г. № 5, стр. 61).

«Воины главнаго дѣйствующаго отряда. Наконецъ твердостью, усердіемъ и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвигъ, повелѣніе государя нашего и наше собственное желаніе. Съ самаго начала кампаніи непріятель со всѣми своими сборищами не могъ вамъ противостоять; онъ оставилъ намъ безъ боя и Хубарскія высоты, и крѣпкую Буртунайскую позицію; онъ надѣялся остановить насъ на Мичикалѣ, но славнымъ подвигомъ взятія горы Анчимиръ оттуда прогнанъ; преодолѣвъ всѣ трудности природы, мы пошли къ Андійскимъ воротамъ, гдѣ онъ не смѣлъ насъ ожидать, и самъ предалъ огню и опустошенію богатое андійское населеніе; за Андіей онъ хотѣлъ держаться на позиціи, но постыдно прогнанъ съ оной горстью нашихъ храбрецовъ. Когда мы увидѣли опять скопища Шамиля на горахъ, мы опять пошли на нихъ, разсѣяли ихъ и дошли до самаго Технуцала. Около Андіи, гдѣ русскіе доселѣ еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько намъ было нужно; но этого еще не довольно: нужно было дойти до самаго гнѣзда Шамиля — мы пошли въ Дарго, и хотя нашли дорогу труднѣйшую и лѣса, въ которыхъ они сильно защищались, ничто не могло намъ противостоять, и Шамиль вынужденъ самъ начать разрушеніе его жилища и заведеній, которое мы послѣ въ полной мѣрѣ довершили».

Дѣйствительно, несмотря на всѣ потери 1845 года, походъ даргинскій покрылъ славою русскія войска, которыя доказали, что для нихъ нѣтъ невозможнаго... Предначертанный планъ былъ исполненъ, и Шамиль вынужденнымъ нашелся оставить Дарго и избрать своею резиденціею укрѣпленный аулъ Ведень. Но въ 1846 г., когда началось обратное движеніе частей 5-го пѣхотнаго корпуса въ Россію, Шамиль произвелъ вторженіе въ Кабарду.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ даргинской экспедиціи было то, что мы отказались наконецъ отъ прежней системы войны на Кавказѣ. Сдѣлалось ясно, что однимъ ударомъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, невозможно покорить свободныя племена Кавказа. Тогда рѣшились принять другую тактику, которую предлагали военные, знающіе Кавказъ, еще задолго до 1843 года: рѣшились идти правильнымъ, медленнымъ путемъ прокладки путей въ лѣсахъ и постройки укрѣпленій, которыя потомъ занимались всегда сильнымъ гарнизономъ, а не какою-нибудь одной ротою, какъ прежде. На этомъ пути встрѣчены были нами огромныя затрудненія, такъ какъ все дѣло приходилось опять начинать почти съ самаго начала. Въ 1846 году вліяніе и силы Шамиля въ горахъ были значительнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и бороться съ нимъ было гораздо труднѣе, нежели въ 1837 или 1842 году. Приходилось брать шагъ за шагомъ, и дѣйствительно, наши войска съ

1846 г. подвигались впередъ обыкновенно верстъ на двадцать въ теченіе года; но зато на этомъ пространствѣ основывались уже прочно. Общій характеръ и главныя подробности этого движенія не разъ уже излагались въ «Современникѣ», въ статьяхъ г. Зиссермана, къ которымъ мы и отсылаемъ читателей. Замѣтимъ только, что новая система дѣйствій съ особенною силою и послѣдовательностью приводилась въ исполненіе въ послѣдніе годы, съ прибытіемъ (въ октябрѣ 1856 г.) новаго главнокомандующаго и намѣстника кавказскаго, князя Барятинскаго. Въ это время былъ окончательно утвержденъ и планъ новой экспедиціи, а съ первыхъ чиселъ декабря того же года приступлено къ приведенію его въ исполненіе. Эта экспедиція раздѣлялась на два періода. Въ продолженіе перваго отрядъ занимался прокладкою просѣкъ въ еще незанятой части Большой Чечни, что было окончено къ 21 декабря; во 2-й же періодъ, отъ 15 января до 1 февраля 1857 года, войска наши занимались истребленіемъ непокорныхъ ауловъ, находившихся въ Большой Чечнѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ было построено нами временное укрѣпленіе въ Большой Чечнѣ и этимъ положенъ конецъ даже возможности какого-нибудь волненія въ этихъ мѣстахъ.

Дальнѣйшія наши дѣйствія на Кавказѣ у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, и описаніемъ ихъ можетъ занять читателей только спеціалистъ, на мѣстѣ ознакомившійся съ событіями. Подобное описаніе дѣйствій 1858 г. представляетъ статья г. Зиссермана, помѣщаемая въ этой же книжкѣ «Современника». Затѣмъ — все совершившееся въ нынѣшнемъ году, — то-есть главнымъ образомъ занятіе Веденя графомъ Евдокимовымъ и взятіе самого Шамиля,—уже не требуетъ нашихъ описаній. Событіямъ этимъ можетъ быть теперь приданъ новый интересъ только сообщеніемъ новыхъ подробностей отъ спеціалистовъ и очевидцевъ..

Теперь, припомнивъ главнѣйшіе фазисы нашей вѣковой борьбы на Кавказѣ, мы, кажется, можемъ съ бо́льшею основательностью оцѣнить значеніе послѣднихъ событій. Мы видѣли, что мѣста, нами нынѣ завоеванныя, принадлежали намъ и прежде, но что владѣніе это было непрочно и шатко. Въ теченіе почти полувѣка мы держались въ военныхъ дѣйствіяхъ не той системы, съ которою можно было имѣть успѣхъ въ горахъ, и вслѣдствіе того дѣлали много частныхъ ошибокъ и напрасныхъ тратъ — денегъ, оружія и людей. Теперь ошибки эти сознаны, система дѣйствія совершенно измѣнена, и вслѣдствіе того Кавказъ отъ Каспійскаго моря до военно-грузинской дороги покоренъ прочно и окончательно. Отнынѣ, по словамъ Высочайшей грамоты на имя князя Барятинскаго, «предстоитъ, во вновь покоренной странѣ, не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными Россіи гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія». Такимъ образомъ характеръ нашей дѣятельности на Кавказѣ измѣняется; но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы все уже было тамъ сдѣлано. То, что̀ теперь предстоитъ намъ совершить для *обрусѣнія* Кавказа, составитъ новый періодъ борьбы, едва ли не труднѣйшій, чѣмъ тотъ, который нами только-что оконченъ. Вполнѣ оцѣнить всѣ затрудненія, ожидающія насъ въ цивилизаціи этого края, можно только на мѣстѣ; у насъ же до сихъ поръ даже извѣстія объ этой сторонѣ кавказскихъ отношеній нашихъ были чрезвычайно скудны. Теперь внутренняя жизнь горскихъ племенъ будетъ гораздо доступнѣе для русскихъ наблюденій, и мы ожидаемъ весьма любопытныхъ свѣдѣній по этой части. Но покамѣстъ, руководствуясь тѣми скудными и часто неточными извѣстіями, какія напечатаны до сихъ поръ, можемъ сдѣлать лишь нѣсколько самыхъ общихъ замѣчаній.

Отзывы нашихъ кавказцевъ о нравахъ и бытѣ горскихъ племенъ очень разногласны. Нѣкоторые хвалятъ простоту ихъ жизни, великодушіе, гостепріимство, отвагу; многіе, напротивъ, увѣряютъ, что въ горы проникъ уже глубокій развратъ, что горцы теперь—не только хищны и хитры, какъ дикари, но и подлы, и алчны къ деньгамъ въ высшей степени, какъ самые цивилизованные азіатцы. Отзывы эти не такъ трудно помирить, какъ кажется. Вѣроятно, однимъ случалось видать черкесовъ, еще оставшихся вѣрными своимъ первоначальнымъ обычаямъ и преданіямъ; другіе же, — и несравненно чаще,—имѣли дѣло съ горцами, которыхъ уже коснулось вѣяніе европейской цивилизаціи. Извѣстно, какъ въ самомъ началѣ усвоивается народомъ, всегда и вездѣ, новая цивилизація: дурная, ложная, внѣшняя сторона всегда принимается раньше, чѣмъ истинно-полезная и существенная. Вспомнимъ хоть то, какъ мы сами усвоивали европейскую образованность со временъ Петра Великаго!.. Разумѣется, это происходитъ вовсе не отъ того, чтобы человѣкъ по природѣ своей былъ наклоненъ болѣе къ дурному, а просто отъ того, что внѣшность и дрянь образованности можно перенять въ нѣсколько часовъ или даже просто купить, тогда какъ для усвоенія внутренняго существа ея надобно органически развиться. Къ этому присоединяется всегда и

то, что сами цивилизующіе гораздо охотнѣе принимаютъ на себя въ этомъ дѣлѣ роль разсчетливыхъ купцовъ, нежели заботливыхъ садовниковъ. Неудивительно поэтому, что чеченцы и лезгины развращаются при одномъ только приближеніи цивилизаціи къ окраинамъ ихъ горъ и лѣсовъ; но теперь русскому управленію и предстоитъ именно задача—сдѣлать вліяніе образованности не губительнымъ для чистоты нравовъ, а благотворнымъ. До сихъ поръ поневолѣ иногда приходилось русскимъ дѣйствовать вопреки началамъ истинно-цивилизующимъ: военное положеніе страны предписывало мѣры, которыя могли развивать въ горцахъ дурныя страсти, но полезны были для утвержденія нашего могущества. Напримѣръ, система поселенія и поддержанія взаимныхъ раздоровъ между владѣтелями и племенами необходима была для того, чтобъ держать горцевъ въ повиновеніи; а между тѣмъ отъ этого развивалось въ племенахъ недовѣріе, подозрительность, неуваженіе общаго интереса страны. Точно такимъ же образомъ въ продолженіе нашей борьбы на Кавказѣ мы необходимо должны были развивать въ горскихъ племенахъ и алчность къ деньгамъ. Мы показали имъ, что деньгами можно покупать разныя удобства жизни, а затѣмъ дали поводъ думать, что деньги можно пріобрѣтать не усиленнымъ и честнымъ трудомъ, а услугами намъ, во вредъ ихъ единоплеменникамъ. Такъ,—нужно ли было наказать мирнаго черкеса, убѣжавшаго къ врагамъ нашимъ, мы назначали ему цѣну, и его доставлялъ къ намъ иногда даже родственникъ его. Нужно ли узнать дорогу,—за извѣстную плату является проводникъ; нужно ли сохранить въ тайнѣ какое-нибудь предпріятіе,—и тутъ за молчаніе давали деньги. Г. Зиссерманъ разсказываетъ, какъ въ 1852 г. нужно было русскимъ проникнуть въ аулъ одного наиба, гдѣ находилось два орудія. Но аула нельзя было бы взять, если бы наибъ хоть за нѣсколько часовъ принялъ мѣры къ защитѣ; а между тѣмъ на пути къ аулу было нѣсколько чеченскихъ деревенекъ и хуторовъ. Рѣшились на подкупъ, и дѣйствительно — *всѣ* обитатели деревенекъ были подкуплены; и когда русскіе ночью проходили мимо ихъ саклей, хозяева домовъ держали собакъ, чтобъ тѣ лаемъ не разбудили караульныхъ въ аулѣ, а нѣкоторые указывали ближайшій и удобнѣйшій путь!.. Другой изъ кавказцевъ, г. Августиновичъ, увѣряетъ, что для горца ничего не значитъ продать даже отца или сестру, и при томъ за ничтожныя деньги: нерѣдко цѣлая партія, въ которой окажется и самъ предатель, покупается за три цѣлковыхъ! Самъ Шамиль долгое время боялся быть проданнымъ, пока не окружилъ себя преданными мюридами, которые на все были для него готовы, потому что имъ только и могли они жить и поддерживать свое значеніе. Зато впослѣдствіи онъ и самъ пользовался возбужденною страстью горцевъ къ деньгамъ: онъ оцѣнивалъ головы людей, измѣнившихъ ему, покупалъ услуги мирныхъ черкесовъ. Вообще, лазутчиковъ съ той и другой стороны было, какъ увѣряютъ, въ кавказской арміи столько, сколько не имѣла ихъ никогда ни одна армія. Мы знали все, что̀ дѣлаетъ Шамиль, и онъ точно такъ же зналъ каждый шагъ нашъ... А между тѣмъ надо вспомнить, что борьба велась со стороны горцевъ за независимость ихъ страны, за неприкосновенность ихъ быта!.. До какой же степени лишены они были всякаго сознанія о національномъ единствѣ, и какъ мало цѣнили свою свободу!

Впрочемъ это, вѣроятно, происходило и оттого отчасти, что подъ Шамилемъ была имъ ужъ плохая свобода. Наибы его дѣйствовали очень произвольно, грабили и наживались; а онъ, говорятъ, очень часто смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Уваженіе къ себѣ поддерживалъ онъ болѣе страхомъ, нежели любовью: палачъ былъ при немъ неотлучно, и казни были безпрестанны. Пока еще онъ имѣлъ успѣхи и могъ защищать горцевъ отъ русскихъ,—его чрезвычайно уважали и любили. Но какъ только успѣхи его прекратились, особенно же послѣ того, какъ онъ выказалъ такую бездѣятельность во все время крымской войны, которою могъ отлично воспользоваться,—значеніе его между горцами очень упало. Они увидѣли, что въ немъ нѣтъ для нихъ прочной защиты отъ русскихъ, и потому готовы были, при первой возможности, оставить его. Въ послѣднія недѣли предъ взятіемъ Шамиля самые преданные ему сподвижники являлись въ русскій лагерь съ покорностью; сами горцы вели русскихъ, шедшихъ на окончательное пораженіе горскаго вождя. Популярность Шамиля во впечатлительныхъ умахъ горцевъ исчезла уже задолго до его плѣна, и извѣстіе о взятіи его не произвело, говорятъ, особеннаго потрясенія въ горахъ. Ясно, что Шамиль уже сдѣлалъ свое дѣло и не могъ болѣе противиться русскимъ силамъ. Это давно уже поняли отважнѣйшіе изъ его сподвижниковъ, и нѣкоторые, какъ напримѣръ Махметъ-Аминь, составляющій нынѣ главную надежду свободныхъ племенъ, еще прежде удалились отъ него.

Такимъ образомъ Шамиль давно уже не былъ для горцевъ представителемъ свободы и національности. Оттого-то и нахо-

дилось такъ много людей, способныхъ измѣнить ему, хотя по понятіямъ горцевъ, да и по законамъ Шамиля, измѣна народу считается важнѣйшимъ преступленіемъ и наказывается смертью. Управленіе Шамиля казалось тяжело для племенъ, непривыкшихъ къ повиновенію; а выгодъ никакихъ отъ этого управленія они не находили. Напротивъ, они видѣли, что жизнь мирныхъ селеній, находящихся подъ покровительствомъ русскихъ, гораздо спокойнѣе и обильнѣе. Слѣдовательно, имъ представлялся уже выборъ — не между свободой и покорностью, а только — между покорностью Шамилю, безъ обезпеченія своего спокойствія и жизни, и между покорностью русскимъ, съ надеждою на миръ и удобства быта. Само собою разумѣется, что рано или поздно выборъ ихъ долженъ былъ склониться на послѣднее.

Отсюда ясно, что̀ нужно для того, чтобы удержать и прочно связать съ Россіею новое завоеваніе: нужно, чтобы всѣмъ горскимъ племенамъ было гораздо лучше при русскомъ управленіи, нежели было при Шамилѣ. Изъ фактовъ, которые мы припомнили изъ исторіи Кавказа, очевидно, что не случайное появленіе личностей, подобныхъ Шамилю, и даже не строгое ученіе мюридизма было причиною возстаній горцевъ противъ русскихъ. Коренною причиною была ненависть къ русскому господству. Личности появлялись, одна за другою, какъ и всегда появляются, только вслѣдствіе общей народной потребности. Поэтому и паденіе личности до сихъ поръ ничего не значило для сущности дѣла. За Кази-Муллою явился Гамзатъ-Бекъ, за Гамзатомъ — Шамиль; если бы явилась надобность, то и послѣ Шамиля могъ бы выступить на сцену новый дѣятель, — МахметъАминь или кто-нибудь другой,—все равно... И для того, чтобы онъ не явился или не имѣлъ никакого успѣха, нужно одно: чтобы, вслѣдствіе гуманнаго и справедливаго управленія, горныя племена не нуждались болѣе въ подобныхъ дѣятеляхъ. Когда русское управленіе сдѣлаетъ то, что для горцевъ не будетъ привлекательною перемѣна его на какое-нибудь другое,—тогда только спокойствіе на Кавказѣ и связь его съ Россіею будутъ вполнѣ обезпечены.

И вотъ въ достиженіи этого-то результата долженъ отнынѣ состоять весь трудъ нашъ на Кавказѣ. Нельзя не сознаться, что трудъ будетъ очень великъ. Нужно будетъ внушать дикимъ племенамъ истинныя начала образованности и гражданскаго быта, начала, уже извращенныя въ нихъ во время предшествовавшей борьбы. Тогда поощрялось въ чеченцѣ корыстолюбіе; теперь надо внушить ему уваженіе чужой собственности. Тогда нужно было разрушать въ горцахъ враждебную намъ любовь ихъ къ родинѣ и поселять въ нихъ раздоры и распри; теперь придется вкоренять въ нихъ любовь къ общему благу и требовать дружнаго содѣйствія къ интересамъ родной страны. Тогда нужно было военное шпіонство и предательство; теперь необходимо развить въ горскихъ племенахъ понятія о честности, правдѣ и благородствѣ... Какъ трудно будетъ совершить все это,—можно себѣ представить, припомнивши только, что горцы все-таки смотрятъ на насъ очень недовѣрчиво, что самая религія много препятствуетъ имъ въ усвоеніи истинной цивилизаціи, и что они находятся подъ значительнымъ вліяніемъ своихъ муллъ,—невѣжественныхъ и своекорыстныхъ. Единственно возможное средство для пріобрѣтенія ихъ довѣрія и расположенія состоитъ въ существенномъ, значительномъ, ясномъ для нихъ самихъ улучшеніи ихъ быта.

И это улучшеніе должно быть не только произведено единовременно, но и поддерживаться постоянно. Изъ фактовъ прежней исторіи нашей борьбы на Кавказѣ мы видѣли, что горныя племена чрезвычайно наклонны къ волненіямъ. До сихъ поръ завоеваніе края ничего не значило, ничего не обезпечивало: прошедши весь Дагестанъ изъ конца въ конецъ и принявши покорность всѣхъ племенъ, мы все-таки были окружены непокорными и должны были каждый день быть готовыми на страшный бой съ тѣми, которые вчера присягали намъ въ вѣрности. Теперь, конечно, этого нельзя сказать: нынѣшнее покореніе, слѣдствіе 15-лѣтней, медленной, но вѣрной тактики,— прочно и твердо. Наша сила основалась въ самомъ центрѣ горъ; наши укрѣпленія имѣютъ прямое сообщеніе другъ съ другомъ и господствуютъ надъ всей окрестной страною; общее возстаніе въ Дагестанѣ невозможно при настоящемъ порядкѣ дѣлъ. Но по отзывамъ самихъ кавказскихъ офицеровъ, все-таки не вполнѣ еще устранена возможность волненій. Да и гдѣ же ихъ не можетъ быть? Въ Индіи, въ Алжирѣ, въ Ломбардіи, вездѣ, гдѣ чуждая администрація ставитъ себя въ не совсѣмъ честное отношеніе къ народу, вездѣ начинаются волненія, — безплодныя, безумныя, но все-таки гибельныя для страны, обременительныя для правительства... Не составляютъ исключенія и наши кавказскія племена, привыкшія къ безпорядкамъ и военной, бездомной, хищнической жизни. Малѣйшій поводъ можетъ возстановить ихъ, въ то время, какъ этого можно всего менѣе ожидать. Кто могъ въ 1823 г., любуясь спо-

койствіемъ покореннаго Дагестана, видя разрозненность горныхъ племенъ, сказать, что черезъ нѣсколько лѣтъ соединитъ ихъ явленіе, совершенно новое въ ихъ жизни и вовсе не подходящее къ ихъ нравамъ?.. И дѣйствительно, не это явленіе, не мюридизмъ соединилъ ихъ, а вражда къ русскому владычеству, возбужденная еще болѣе нѣкоторыми злоупотребленіями администраціи, допущенными въ то время. Нынѣ вражда горцевъ ослабѣла, а наши силы на Кавказѣ гораздо больше прежнихъ, и потому значительныхъ волненій опасаться нечего. Но если ихъ и не будетъ, а образуется въ покоренныхъ племенахъ одно глухое, затаенное недовольство, такъ и этого уже будетъ достаточно, чтобы не считать Кавказъ окончательно *нашимъ*, пока это недовольство не исчезнетъ. Что намъ была бы за польза въ краѣ, вѣчно недовольномъ и враждебномъ, вѣчно готовомъ къ возстанію и отложенію, при малѣйшей, даже призрачной возможности? Только надобно было бы лишнее войско держать въ немъ, и лишнія деньги тратить на усиленіе надзора за жителями...

Отсюда уже видно, какъ необходимо устройство въ покоренной странѣ правильной, честной и благожелательной администраціи,—не для собственныхъ видовъ покорителей, но въ интересахъ самихъ покоренныхъ племенъ. Именно такая администрація и вообще такой путь для упроченія нашихъ кавказскихъ завоеваній и предначертывается нашимъ правительствомъ, какъ видно изъ Высочайшей грамоты на имя кн. Барятинскаго, изъ которой нѣсколько словъ привели мы выше.

Въ скоромъ времени мы узнаемъ, безъ сомнѣнія, и то, какъ приводятся въ исполненіе эти предначертанія, и поспѣшимъ тогда обо всемъ сообщить нашимъ читателямъ возможно полнѣйшія свѣдѣнія.

---

359. Отъ Москвы до Лейпцига.

И. Бабста. (Изъ «Атенея»), Москва, 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 357.

Статья небольшая, но полная глубокаго интереса. Вся она есть осужденіе программы прекраснодушныхъ, романтическихъ либераловъ, къ которымъ принадлежалъ и Бабстъ. Добролюбовъ совершенно ясно выражаетъ мысль о рычагѣ прогресса—классовой борьбѣ, что̀, разумѣется, не даетъ основанія сейчасъ же, пользуясь современными шаблонами, причислить его къ послѣдователямъ Маркса и т. д., и т. д. Тогдашній уровень политическаго и соціальнаго знанія въ Россіи не даетъ права ставить людей той эпохи въ наши группы. Но пониманіе имъ классовой борьбы вполнѣ несомнѣнно для каждаго, кто внимательно прочтетъ середину статьи. Подъ мѣщанствомъ Н. А. разумѣлъ исключительно буржуазію, т.-е. говорилъ о мѣщанствѣ не по духу, а по матеріальному признаку, о мѣщанствѣ классовомъ, сословномъ. Надежды Добролюбова на движеніе рабочихъ и народа тоже ясны, но онъ не думаетъ, что ихъ борьба дастъ очень быстрые результаты и при томъ довольно гладко, безъ особыхъ потрясеній. Какъ реалистъ, онъ ясно видитъ, что борьба съ ними феодаловъ и капиталистовъ не можетъ обойтись безъ серьезныхъ потрясеній. Вѣдь грубый произволъ и капитализмъ—это сильные союзники противъ народа. И въ указаніи связи этихъ союзниковъ опять-таки видно, насколько ясно и правильно представлялъ себѣ Добролюбовъ историческій ходъ прогресса.

Вотъ почему онъ и глумился надъ либералами всякаго ранга, чаявшими движенія воды какъ-нибудь и хоть сколько-нибудь. Нѣтъ, для уничтоженія зла необходимо начинать не съ верхушки и побочныхъ частей, а съ основанія,—говоритъ онъ. Что касается Россіи, то, пользуясь опытомъ Западной Европы, она можетъ и должна идти рѣшительнѣе и тверже, по пути совершенно прямому и ясному, по пути, который дастъ побѣду народу, а не случайнымъ его союзникамъ. Буржуазія — врагъ народа. Общественное мнѣніе — не мнѣніе страны, а мнѣніе командующей въ данный моментъ части ея населенія, и до сихъ поръ оно не было принадлежностью порабощеннаго народа.

Такимъ образомъ, ставя въ «Что такое обломовщина?» крестъ на современной интеллигенціи (см. № 298), въ этой статьѣ

Добролюбовъ ставитъ крестъ на всемъ, что̀ не солидарно въ своихъ интересахъ съ рабочимъ и крестьяниномъ. Все сказанное въ статьѣ равно относится какъ къ Европѣ, такъ и къ Россіи, потому что смыслъ историческаго прогресса вездѣ одинаковъ.

Конечно, такая статья еще больше отдаляла «Современникъ» отъ всего широко разлитого чисто либеральнаго движенія, уясняла особое, исключительное его мѣсто среди русскихъ журналовъ, все больше и шире раздѣляла два поколѣнія общественной мысли.

М. Л.

Двѣ великія партіи существуютъ издавна между русскими учеными по вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ народамъ Европы. Одна партія [1]) выражаетъ свое убѣжденіе на этотъ счетъ формулою: «Россія цвѣтетъ, а Западъ гніетъ»; а когда ея представители приходятъ въ нѣкоторый пафосъ, то начинаютъ пѣть про Россію ту самую пѣсню, которую, по свидѣтельству г. Милюкова, въ недавно изданныхъ имъ замѣткахъ о Константинополѣ (стр. 130), оборванный мальчишка въ константинопольской фейной пѣлъ про Турцію, а именно:

«Нѣтъ края въ свѣтѣ лучше нашей Турціи, нѣтъ народа умнѣе Османлисовъ! Имъ Аллахъ далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупицы разумѣнія, чтобъ они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ.

«Нѣтъ города подъ луною, достойнаго быть предмѣстьемъ нашего многоминаретнаго Стамбула [2]), да хранитъ его пророкъ. Нѣтъ въ немъ счета дворцамъ и кіоскамъ, дорогимъ камнямъ и лунолицымъ красавицамъ.

«Если бы Черное море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его недостало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, и какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ».

Г. Милюковъ завѣряетъ, что его проводникъ изъ грековъ, переведши ему эту пѣснь, нагнулся къ нему и шепнулъ въ pendant къ ней: «собаки! настоящія собаки!..» (стр. 131).

Но дѣло не въ собакахъ...

Въ противоположность первой великой партіи, сейчасъ охарактеризованной нами, другая [3]) должна бы говорить: «Нѣтъ, Россія гніетъ, а Западъ цвѣтетъ». Но столь крайней и дерзкой формулы до сихъ поръ въ русской литературѣ еще не появлялось и, конечно, не появится, ибо никто изъ насъ не лишенъ патріотизма. Партія противная турко-подобной партіи, останавливается на положеніяхъ, гораздо болѣе умѣренныхъ и основательныхъ. Она говоритъ: «каждый народъ проходитъ извѣстный путь историческаго развитія; Западъ вступилъ на этотъ путь раньше, мы позже: намъ остается еще пройти многое, что̀ Западомъ уже пройдено, и въ этомъ шествіи, умудренные чужимъ опытомъ, мы должны остеречься отъ тѣхъ паденій, которымъ подверглись народы, шедшіе впереди насъ».

Къ этой второй изъ двухъ великихъ партій принадлежитъ и г. Бабстъ, какъ удостовѣряютъ насъ, между прочимъ, его путевыя письма, о которыхъ мы намѣрены теперь говорить. Нужно отдать справедливость г. Бабсту: онъ является въ своихъ письмахъ очень ловкимъ адвокатомъ того дѣла, за которое взялся. На каждомъ шагу онъ умѣетъ напомнить намъ, какъ насъ опередила Европа; въ каждомъ нѣмецкомъ городкѣ умѣетъ найти какое-нибудь полезное или пріятное учрежденіе, котораго у насъ еще нѣтъ и долго не можетъ быть; по каждому изъ главнѣйшихъ нашихъ вопросовъ онъ представляетъ такія соображенія и параллели, изъ которыхъ [ясно, что если ужъ Западъ гніетъ, то и наше процвѣтаніе придется назвать плѣсенью...] [1]). Приведемъ нѣсколько такихъ параллелей, сдѣланныхъ имъ мимоходомъ, во время краткихъ отдыховъ отъ *скаканія* по желѣзной дорогѣ, какъ онъ самъ выразился о своемъ путешествіи (стр. 1).

Въ Берлинѣ, говоря о неудобствахъ бюрократіи вообще, г. Бабстъ отдаетъ, однакоже, справедливость прусскому чиновничеству и дѣлаетъ при этомъ слѣдующія замѣчанія (стр. 45—47):

«Взгляните на прусскаго полицейскаго, на берлинскаго *Schutzmann*, войдите въ первое присутственное мѣсто, въ почтамтъ, въ тюрьму, и на васъ повѣетъ все-таки инымъ воздухомъ; вы чувствуете себя и среди бюрократической атмосферы свободнѣй, самостоятельнѣй; вы знаете, что честь ваша не будетъ и не можетъ быть оскорблена наглымъ поступкомъ, безнаказанною, безсознательною грубостью; вы начинаете сознавать себя человѣкомъ свободнымъ, который имѣетъ свои права, начинаете понимать, что не вы существуете, работаете и живете для чиновничества, но что послѣднее существуетъ для васъ. Съ нами, русскими, происходятъ, какъ мнѣ показалось, самыя разнообразныя измѣненія съ первымъ шагомъ за границу. Мы, какъ хамелеоны, безпрерывно мѣняемъ цвѣта, покуда, наконецъ, не успѣемъ примѣниться. Сначала русскій яв-

[1]) Славянофилы.

[2]) Здѣсь разумѣй Москву съ ея сороками, но никакъ не Петербургъ. *Прим. Д.*

[3]) Западники.

[1]) можно извлечь и для насъ полезныя примѣненія...

ляется такимъ подобострастнымъ, вѣжливымъ, такъ боязливо подходитъ къ чиновнику на дорогѣ, къ полицейскому, что обращаетъ на себя общее вниманіе. «Вѣроятно русскій», случалось мнѣ не разъ слышать о какомъ-нибудь пассажирѣ, о чемъ-то упрашивающемъ чиновника желѣзной дороги, и упрашивающемъ непремѣнно уже о какомъ-нибудь снисхожденіи, о чемъ-нибудь противномъ правиламъ дороги. Чиновники при дорогахъ вообще чрезвычайно вѣжливы, и рѣдко встрѣтишь съ ихъ стороны отказъ, если только есть какая-нибудь возможность услужить. Но потомъ, видя, какъ все угодливо, видя, что люди здѣсь свободны, нашъ братъ начинаетъ чувствовать въ себѣ сознаніе собственнаго достоинства, самостоятельности, начинаетъ хорохориться, и у многихъ прорываются ужъ барскія замашки, своевольничанье и даже грубость, — но это до перваго отпора. Дадутъ окрикъ, укажутъ на законъ, и опять сдѣлаешься, какъ шелковый. Привыкнешь, конечно, обойдешься и станешь дѣйствительно гражданиномъ, уважающимъ законъ, сознающимъ и свои права, и обязанности,—къ сожалѣнію только, кажется, до перваго шага на родной почвѣ, гдѣ васъ разомъ обдастъ иною жизнью, гдѣ вы, и послѣ короткаго отсутствія, несмотря на радость свиданія съ близкими и друзьями, несмотря на родную вашему сердцу жизнь, чувствуете себя сначала неловко и не по себѣ. Вы отвыкли уже немножко отъ дикой обстановки, хоть и изъ Европы же заимствованной, но дикой по формѣ и переложенной какъ-то на казацкіе нравы, и въ то же почти мгновеніе вы чувствуете, какъ въ васъ самихъ начинаютъ шевелиться скиѳскія привычки, и смотришь—едва ступилъ на родную почву — норовишь уже кого-нибудь выбранить, хоть извозчика на первый разъ.

«Позвольте вамъ сообщить нѣсколько наблюденій.

«Много пришлось мнѣ проѣхать таможенъ: вездѣ васъ встрѣчаетъ чиновникъ съ холодною вѣжливостью; берутъ ваши вещи, съ невозмутимымъ спокойствіемъ осматриваютъ ихъ; вездѣ довольно народа, все это дѣлается быстро, но безъ шума, безъ суетни, безъ грубости, безъ дикихъ формъ; комнаты, гдѣ смотрятъ вещи,— удобныя; для всѣхъ есть мѣсто, и отпускаютъ васъ очень скоро.

«Но вотъ бросаетъ пароходъ якорь въ Кронштадтѣ. Подъѣзжаетъ лодка съ таможенными чиновниками и солдатами. Былъ съ нами на пароходѣ денщикъ одного офицера, съ которымъ ѣздилъ за границу. И онъ, и мы всѣ съ любовью привѣтствовали родной край. «Вотъ они, орлы-то наши!» — закричалъ, не выдержавъ, служивый, глядя на усачей таможенныхъ. — «Сейчасъ признаешь. Воинственное есть нѣчто».—Мы засмѣялись, но не прошло и десяти минутъ, какъ слухъ нашъ былъ оскорбленъ самымъ грубымъ ругательствомъ, которымъ чиновникъ чествовалъ одного изъ почтенныхъ, увѣшанныхъ медалями усачей. Вотъ мы и у пристани въ Петербургѣ. Всѣ наши вещи взяли, ввели всю ватагу пассажировъ въ комнату. У однѣхъ дверей стоятъ два часовыхъ, чтобы никого не впускать въ комнату, гдѣ досматриваются вещи, и куда должны входить пассажиры по частямъ. Грѣшно каждому изъ насъ было бы пожаловаться на чиновниковъ петербургской таможни. Они несравненно любезнѣе и обходительнѣе многихъ заграничныхъ. Такъ же вѣжливо спрашиваютъ васъ, нѣтъ ли чего запрещеннаго, всѣми силами стараются скорѣе васъ отпустить; но спросимъ ихъ же самихъ, и каждый изъ нихъ самъ сознается, что внѣшняя обстановка дика, многосложна, запутанна и отзывается осаднымъ положеніемъ. «Что, братъ, воинственное есть нѣчто?» — спросилъ я служиваго, съ грустью ожидавшаго своей очереди.—«Точно, ваше благородіе, порядокъ-то тотъ лучше-съ».

«Ѣдете вы въ Берлинѣ на желѣзную дорогу. Законъ говоритъ, и въ каждой каретѣ прибито объявленіе, что, для избѣжанія сумятицы, вы должны извозчику платить впередъ, дабы извозчики не имѣли права толпиться у подъѣзда къ станціи. И дѣйствительно, вы пріѣзжаете, носильщики берутъ ваши вещи, вы выходите, извозчикъ отъѣзжаетъ, а на его мѣсто тотчасъ же становится другой. Вѣдь очень просто, кажется. Посмотримъ же на наши станціи. Извозчики кричатъ: кто проситъ прибавки, кто ругается, что не додали; жандармы кричатъ, чтобы отъѣзжали, козаки граціозно трясутъ нагайками; а вѣдь ларчикъ такъ просто открывается, и можно избѣжать всей этой безурядицы. Дѣло только въ томъ, что тамъ нечего полиціи ни изъяснять закона, ни истолковывать его по-своему. Постановленія объ извозчикахъ найдешь прибитыми въ каждой каретѣ или коляскѣ; каждый извозчикъ знаетъ грамотѣ, и онъ не можетъ отговориться незнаніемъ, точно такъ же, какъ ни полиція, ни кто иной не можетъ съ него потребовать ничего лишняго. Чего бы мы, слѣдовательно, ни коснулись, какой бы вопросъ ни затронули—результатъ одинъ, что безъ грамотности ничего не сдѣлаешь, и что въ образованіи одно спасеніе».

Замѣтки и сравненія такого рода безпрестанно дѣлаются г. Бабстомъ въ его письмахъ. Осматриваетъ онъ библіотеку въ Бреславскомъ университетѣ: — его поражаетъ обыкновеніе, господствующее здѣсь,— снабжать книгами изъ нея учителей гимназій, даже иногородныхъ, и онъ сравниваетъ съ этимъ прекраснымъ обыкновеніемъ печальное положеніе нашихъ библіотекъ, въ которыхъ большая часть книгъ похоронена, какъ въ гробу,—точно будто библіотека имѣетъ единственное назначеніе архива.—Ходитъ онъ въ Берлинѣ по гуляньямъ и музеямъ—онъ обращаетъ вниманіе читателей на то, такъ дешевы и просты у нѣмцевъ изящныя удовольствія, какъ легокъ доступъ въ музеи, какъ развитъ интересъ къ изящнымъ искусствамъ во всемъ народонаселеніи. Проѣзжая мимо одного мѣстечка, нашъ путешественникъ встрѣчаетъ сцену мирной семейной жизни саксонскаго лѣсничаго; онъ не упускаетъ разсказать, какъ жена лѣсничаго прядетъ ленъ, и пряжу отдаетъ ткать, какъ самъ лѣсничій носитъ пальто изъ грубой парусины, ходитъ пѣшкомъ и пр. И затѣмъ прибавляетъ: «Бѣдный, глупый окружной начальникъ саксонскихъ королевскихъ лѣсовъ! Какъ же ты не дошелъ, много учившись и трудившись, до простой операціи съ попенными деньгами, обращающимися въ хорошихъ лошадей, въ коляски, шляпки, тонкое полотно, вытканное, можетъ быть, изъ той же пряжи, которую продала твоя жена?» (стр. 91). Осматриваетъ г. Бабстъ

элементарную школу въ Лейпцигѣ—и тутъ находитъ онъ поводъ сдѣлать нѣсколько любопытнѣйшихъ примѣненій къ нашему быту, указывая на отношенія между собою служащихъ лицъ въ Лейпцигской школѣ. Здѣсь, говоритъ онъ, все просто, все показываетъ вамъ, что люди, собранные здѣсь, имѣютъ въ виду одну цѣль, и общими силами, каждый въ своей сферѣ, къ ней стремятся. Директоръ—это тотъ же учитель, только съ большей опытностью, и другіе учителя довѣряютъ ему, но и сами имѣютъ въ своемъ дѣлѣ голосъ и сужденіе. Затѣмъ, переходя къ нашимъ училищамъ, г. Бабстъ разсуждаетъ (стр. 134—135):

«Вся разница между такою организаціей училищъ и другою, внѣшнимъ образомъ, пожалуй, съ нею и сходною, состоитъ въ томъ, что здѣсь директоръ имѣетъ значеніе и первенство дѣйствительно только потому, что онъ ведетъ цѣлое заведеніе, а вовсе не потому, что онъ старше чиномъ или кавалеръ, тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ онъ прежде всего начальникъ и изъ-за начальническаго своего значенія забываетъ свое настоящее положеніе и цѣль своей должности. Въ одномъ мѣстѣ цѣль и назначеніе каждаго директора и учителя — воспитаніе, образованіе дѣтей, въ другомъ обязанность директора — это быть исправнымъ по службѣ, чтобы была у дѣтей хорошая выправка, чтобы на ногахъ мозолей не было, чтобы дружно кричали дѣти «здравія желаю!», чтобы застегнуты были мундиры. Можетъ ли директоръ, будь онъ отличнѣйшій человѣкъ и педагогъ, заботиться и дѣйствовать въ пользу образованія такъ, какъ бы ему хотѣлось, когда—

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ—

все вниманіе его было обращено не на ученіе, а на порядокъ, когда пріѣзжавшіе ревизовать его начальники объ ученіи не только не заботились, но даже и не могли справляться; когда они больше всего смотрѣли на стѣны да на мундиры, когда подъ заботой о нравственности дѣтской разумѣлась забота о стрижкѣ волосъ. Чиновничество всосалось во всѣ стороны нашей педагогической жизни, развилось до удивительныхъ размѣровъ и породило такую сложную администрацію, которой подобную не встрѣтимъ мы въ цѣломъ мірѣ. Штатный смотритель, стоя въ полномъ мундирѣ униженно передъ директоромъ училищъ, распекаетъ, въ свою очередь, бѣднаго уѣзднаго учителя, осмѣлившагося явиться къ нему безъ формы. Каждая гимназія совершенно, подумаешь, на военномъ положеніи,—столько въ ней сторожей и солдатъ: одни для чистоты, другіе для порядка, одни, чтобы по субботамъ сѣчь мальчиковъ, другіе, чтобы мыть ихъ. Довольно того, что въ гимназіяхъ на сторожей расходуется нерѣдко гораздо болѣе денегъ, чѣмъ на всѣхъ учителей. Но кому это неизвѣстно? Всѣ мы это хорошо знаемъ, у всѣхъ у насъ оно передъ глазами; наши директоры, наши учителя, — первые отъ этого страдаютъ и жаждутъ выдти изъ такого неестественнаго положенія; имъ, главнымъ образомъ, оно невыносимо и грустно, — я же съ своей стороны прибавлю здѣсь одно скромное замѣчаніе, что и за образцами ходить не нужно далеко. Администрація нашихъ частныхъ пансіоновъ, которые въ отношеніи къ ученью не только ни въ чемъ не уступаютъ гимназіямъ, но даже во многомъ превосходятъ ихъ, хотя лучшіе учителя одни и тѣ же и здѣсь, и тамъ,— администрація ихъ, своей простотой и экономіей, могла бы во многомъ служить образцомъ для будущей реформы гимназій. И это не мое личное мнѣніе, но многихъ изъ моихъ почтенныхъ товарищей-учителей. Когда содержатель пансіона, съ 4 надзирателями и прислугой изъ пяти, шести человѣкъ можетъ вести заведеніе, гдѣ обучается до 150 мальчиковъ, — неужели же невозможно то же самое и въ гимназіяхъ? Наконецъ, за образцами можно обратиться и къ нашей старинѣ. Она иногда можетъ дать очень спасительные совѣты. Я самъ воспитывался въ гимназіи, которая въ 1838 году управлялась директоромъ да совѣтомъ учителей, изъ которыхъ одинъ исправлялъ директорскую должность, когда самъ директоръ отлучался на ревизію уѣздныхъ училищъ. При гимназіи былъ всего только одинъ сторожъ (*Calefactor*), и все было въ порядкѣ. Я помню живо наше удивленіе, когда вдругъ явилось разъ въ 1840 году во время утренней молитвы новое лицо, и когда намъ объявили, что это инспекторъ. Къ чему? зачѣмъ? — этого, вѣроятно, хорошо никто не могъ объяснить, — ни мы, ни директоръ, ни самъ инспекторъ, ниже кто другой. Инспекторъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ, умѣвшій снискать впослѣдствіи глубокое уваженіе цѣлаго города, но самъ же сознавался, что онъ—лицо совершенно лишнее, мало того,— что его появленіе внесло своего рода безурядицу, вмѣсто ожидаемаго свыше порядка, безурядицу уже потому, что директоръ не могъ сносить новаго лица, съ которымъ ему пришлось дѣлить свои занятія».

Вообще письма г. Бабста наполнены указаніями на хорошія стороны европейской жизни, которыхъ еще не достаетъ намъ. И этого еще мало, что онъ признаетъ въ Европѣ много хорошихъ сторонъ: онъ даже не думаетъ, подобно нѣкоторымъ изъ нашихъ мыслителей и ученыхъ, что Европа умираетъ, что въ ней нѣтъ живыхъ элементовъ. Напротивъ, онъ подсмѣивается надъ *широкими натурами*, которыя свысока смотрятъ на *мѣщанскія* привычки Европы. Пусть тамъ и мѣщанскія натуры, замѣчаетъ онъ,—да вотъ умѣли же устроить у себя то, чего широкія натуры никакъ не могутъ добиться при всемъ своемъ желаніи!.. И при этомъ почтенный профессоръ не сомнѣвается, что Европа все будетъ идти впередъ, и теперь даже лучше—тверже и прямѣе, — чѣмъ прежде. Въ прежнемъ своемъ шествіи она, по мнѣнію почтеннаго профессора, дѣлала много ошибокъ, состоявшихъ именно въ томъ, что вѣрила въ возможность совершить что-нибудь вдругъ, разомъ: теперь она поняла, что этого нельзя, что прогрессъ идетъ медленнымъ шагомъ, и что, слѣдовательно, все нужно измѣнить и совершенствовать исподволь, понемножку... На этомъ медленномъ пути у Европы есть теперь надежные путеводители: гласность, общественное мнѣніе, развитіе въ народахъ образованности — и общей, и спеціальной. Съ этимъ она уже неудержимо пойдетъ впередъ, и никакія катастрофы впредь не увлекутъ ее. Теперь даже и геніальные

люди, и сильныя личности не нужны Европѣ: безъ нихъ все можетъ устроиться и идти отлично, благодаря дружному содѣйствію общества, умѣющаго избирать достойныхъ и честныхъ людей для каждаго дѣла. Вотъ подлинныя слова г. Бабста (стр. 17):

«Геніальные государственные люди рѣдки: они являются въ тяжкія переходныя минуты народной жизни; въ нихъ выражаетъ народъ свои задушевныя стремленія, свои потребности, свое неукротимое требованіе порѣшить со старымъ, дабы выдти на новую дорогу и продолжать жизнь свою по пути прогресса; но такія переходныя эпохи наступаютъ для народа вѣками и, *сильно сдается намъ, задачи ихъ и значеніе въ исторіи чуть ли не прошли безвозвратно.* Запасъ свѣдѣній и знаній въ европейскомъ человѣчествѣ сталъ гораздо богаче, гражданскія права расширились, сознаніе правъ усилилось и, наконецъ, довѣріе къ насильственнымъ переворотамъ, вслѣдствіе горькихъ опытовъ, угасаетъ. *Потребности государственныя и общественныя принимаются всѣми близко къ сердцу, гласность допускаетъ всеобщій народный контроль, уваженіе къ общественному мнѣнію въ образованномъ правительствѣ воздерживаетъ его отъ произвольныхъ распоряженій,* и оно же заставляетъ невольно выбирать въ государственные дѣятели людей, пользующихся извѣстностью, людей, спеціально знакомыхъ съ частью государственнаго управленія, въ челѣ которой ихъ ставятъ, а не перваго проходимца; широко же разлитое въ народѣ образованіе, и общее, и спеціальное, даетъ возможность выбора достойнѣйшаго. [Въ Европѣ прошло или проходитъ, по крайней мѣрѣ, то время, когда еще думали, что хорошій кавалеристъ можетъ быть и отличнымъ правителемъ, плохой шефъ полиціи или попросту полицеймейстеръ — директоромъ важнаго спеціальнаго училища. Такія явленія возможны были прежде, когда государственная жизнь была проще и не такъ сложна, когда хорошій полководецъ могъ быть дѣйствительно хорошимъ администраторомъ]».

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Бабста, не одна Россія «hat eine grosse Zukunft», какъ говорилъ одинъ сладенькій нѣмецъ, *скакавшій* вмѣстѣ съ г. Бабстомъ по желѣзной дорогѣ. Европа тоже имѣетъ будущее, и очень свѣтлое. Намъ еще нужно пройти большое пространство, чтобы стать на то мѣсто, на которомъ стоитъ теперь европейская жизнь. И мы должны идти по тому же пути развитія, только стараясь избѣгать ошибокъ, въ которыя впадали европейскіе народы, вслѣдствіе ложнаго пониманія прогресса.

Во всемъ этомъ мы совершенно согласны съ г. Бабстомъ. Желанія его мы раздѣляемъ, не раздѣляемъ только его надеждъ, — [ни] относительно Европы, [ни относительно нашей будущей непогрѣшимости]. Мы очень желаемъ, чтобъ Европа безъ всякихъ жертвъ и потрясеній шла теперь неуклонно и быстро къ самому идеальному совершенству; но мы не смѣемъ надѣяться, чтобы это совершилось такъ легко и весело... [Мы еще болѣе желаемъ, чтобы Россія достигла хоть того, что теперь есть хорошаго въ Западной Европѣ, и при этомъ убереглась отъ всѣхъ ея заблужденій, отвергла все, что было вреднаго и губительнаго въ европейской исторіи; но мы не смѣемъ утверждать, что это такъ именно и будетъ...] Намъ кажется, что совершенно логическаго, правильнаго, прямолинейнаго движенія не можетъ совершать ни одинъ народъ при томъ направленіи исторіи человѣчества, съ которымъ она является предъ нами съ тѣхъ поръ, какъ мы ее только знаемъ... Ошибки, уклоненія, перерывы необходимы. Уклоненія эти обусловливаются тѣмъ, что исторія дѣлается, всегда дѣлалась — не мыслителями и всѣми людьми сообща, а нѣкоторою лишь частью общества, [далеко] [1]) не удовлетворявшею требованіямъ высшей справедливости и разумности. Оттого-то всегда и у всѣхъ народовъ прогрессъ имѣлъ характеръ частный, а не всеобщій. Дѣлались улучшенія въ пользу то одной, то другой части общества; но часто эти улучшенія отражались весьма невыгодно на состояніи нѣсколькихъ другихъ частей. Эти, въ свою очередь, искали улучшеній для себя, и опять на счетъ кого-нибудь другого. Расширяясь мало-по-малу, кругъ, захваченный благодѣяніями прогресса, задѣлъ, наконецъ, въ Западной Европѣ и окраину народа, тѣхъ мѣщанъ, которыхъ, по мнѣнію г. Бабста, такъ не любятъ наши *широкія натуры*. Но что же мы видимъ? Лишь только мѣщане почуяли на себѣ благодать прогресса, они постарались прибрать ее къ рукамъ и не пускать дальше въ народъ. И до сихъ поръ массѣ рабочаго сословія во всѣхъ странахъ Европы приходится поплачиваться, напримѣръ, за прогрессы фабричнаго производства, столь пріятные для *мѣщанъ*. Стало быть, теперь вся исторія только въ томъ, что актеры перемѣнились, а пьеса разыгрывается все та же. Прежде городскія общины боролись съ феодалами, старались получить свою долю въ благахъ, которыя человѣчество въ своемъ прогрессивномъ движеніи завоевываетъ у природы. Города отчасти успѣли въ этомъ стремленіи; но только отчасти, потому что въ правахъ имъ, наконецъ, уступленныхъ, только очень ничтожная доля взята была дѣйствительно отъ феодаловъ; значительную же часть этихъ правъ пріобрѣли мѣщане отъ народа, который и безъ того уже былъ очень скуденъ. И вышло то, что прежде феодалы налегали на мѣщанъ и на поселянъ; теперь же мѣщане освободились, и сами стали налегать на поселянъ, не избавивъ ихъ и отъ феодаловъ. И вышло, что рабочій на-

[1]) не всегда

родъ остался подъ двумя гнетами: и стараго феодализма, еще живущаго въ разныхъ формахъ и подъ разными именами во всей Западной Европѣ, и мѣщанскаго сословія, захватившаго въ свои руки всю промышленную область. И теперь въ рабочихъ классахъ накипаетъ новое неудовольствіе, глухо готовится новая борьба, въ которой могутъ повториться всѣ явленія прежней... Спасутъ ли Европу отъ этой борьбы гласность, образованность и прочія блага, восхваляемыя г. Бабстомъ,—за это едва ли кто можетъ поручиться. Г. Бабстъ такъ смѣло выражаетъ свои надежды потому, что предъ взорами его проходятъ все люди средняго сословія, болѣе или менѣе устроенные въ своемъ бытѣ; о роли народныхъ массъ въ будущей исторіи Западной Европы почтенный профессоръ думаетъ очень мало. Онъ полагаетъ, кажется, что для нихъ достаточно будетъ отрицательныхъ уступокъ, уже ассигнованныхъ имъ въ мнѣніи высшихъ классовъ, то-есть, если ихъ не будутъ бить, грабить, морить съ голоду и т. п. Но такое мнѣніе—во-первыхъ, не вполнѣ согласуется съ желаніями западнаго пролетарія, а во-вторыхъ, и само по себѣ довольно наивно. Какъ будто можно для фабричныхъ работниковъ считать прочными и существенными тѣ уступки, какія имъ дѣлаются хозяевами и вообще капиталистами, лордами, баронами и т. д.! Милостыней не устраивается бытъ человѣка; тѣмъ, что дано изъ милости, не опредѣляются ни гражданскія права, ни матеріальное положеніе. Если капиталисты и лорды и сдѣлаютъ уступку работникамъ и фермерамъ, такъ—или такую, которая имъ самимъ ничего не стоитъ, или такую, которая имъ даже выгодна... Но какъ скоро отъ правъ работника и фермера страдаютъ выгоды этихъ почтенныхъ господъ,—всѣ права ставятся ни во что, и будутъ ставиться до тѣхъ поръ, пока сила и власть общественная будутъ въ ихъ рукахъ... И пролетарій понимаетъ свое положеніе гораздо лучше, нежели многіе прекраснодушные ученые, надѣющіеся на великодушіе старшихъ братьевъ въ отношеніи къ меньшимъ... Пройдетъ еще нѣсколько времени, и меньшая братья пойметъ его еще лучше. Горькій опытъ научаетъ понимать многія практическія истины, какъ бы ни былъ человѣкъ идеаленъ. Въ этомъ случаѣ можно указать въ примѣръ на «Задушевную исповѣдь» г. Макарова, напечатанную въ нынѣшней книжкѣ «Современника». Какія необдуманныя надежды возлагалъ онъ на своего друга, какъ былъ исполненъ мечтами о благахъ, которыя долженствовали для него произрасти изъ дружескаго великодушія! И сколько разъ онъ обманывался, сколько разъ практическій другъ толковалъ ему яснѣйшимъ образомъ, что ему дѣло только до себя и что онъ, Макаровъ, тоже долженъ самъ хлопотать для себя, если хочетъ получить что-нибудь, а не надѣяться на идиллическія чувства друга. Но г. Макаровъ все не хотѣлъ вѣрить, все предавался сладостнымъ мечтамъ и дружескимъ изліяніямъ... Долго печальные опыты проходили ему даромъ и не раскрывали глазъ на настоящее дѣло... Но, наконецъ, и онъ вѣдь очнулся же, и написалъ же грозную «Исповѣдь», въ которой не пощадилъ своего гнѣва на свои же прошедшія отношенія... [1]).

А что ни гласность, ни образованность, ни общественное мнѣніе въ Западной Европѣ не гарантируетъ спокойствія и довольства пролетарія,—на это намъ не нужно выискивать доказательствъ: они есть въ самой книгѣ г. Бабста. И мы даже удивляемся, что онъ такъ мало придаетъ значенія фактамъ, которые самъ же указываетъ. Можетъ быть, онъ придаетъ имъ частный и временный характеръ, смотритъ на нихъ, какъ на случайности, долженствующія исчезнуть отъ дальнѣйшихъ успѣховъ просвѣщенія въ европейскихъ капиталистахъ, чиновникахъ и оптиматахъ? Но тутъ ужъ надо бы привести на помощь исторію, которую призываетъ нѣсколько разъ самъ г. Бабстъ. Она покажетъ, что съ развитіемъ просвѣщенія въ эксплоатирующихъ классахъ только форма эксплоатаціи мѣняется и дѣлается болѣе ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается попрежнему возможность эксплоатаціи. А факты, свидѣтельствующіе о необезпеченности правъ рабочихъ классовъ въ Западной Европѣ и найденный нами у г. Бабста именно и выходятъ изъ принципа эксплоатаціи, служащаго тамъ основаніемъ почти всѣхъ общественныхъ отношеній. Но приведемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Въ Бреславлѣ г. Бабстъ узналъ о безпокойствѣ между рабочими одной фабрики, требовавшими возвышенія заработной платы, и о прекращеніи безпокойства военною силою. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсказываетъ и разсуждаетъ (стр. 37—38):

«Вечеромъ, провожая меня наверхъ въ мою комнату, толстый Генрихъ сообщалъ мнѣ, что гдѣ-то около Бреславля было безпокойство между рабочими. *«Haben sie was vom Arbeiterkrawall gehört, Herr Professor»?—Nein.—«Es sind Cürassiere dahin gegangen, haben auseinandergejagt?»* (Послали туда кирасиръ, и они разогнали работ-

[1]) См. № 357. Конечно, ссылка на Кокорева, какъ на типичнаго буржуа-мѣщанина, была очень умѣстна.

никовъ). Дѣло въ томъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ хозяева понизили задѣльную плату, работники отказались ходить на работу, конечно, начали собираться, толковать между собой. Это показалось бунтомъ, послали кирасиръ, и бѣдныхъ рабочихъ заставили разойтись и воротиться къ хозяевамъ на прежнихъ условіяхъ. Начни работники дѣйствительно бунтовать, позволь они себѣ насиліе, безчинства — тогда для охраненія общественнаго спокойствія и благочинія правительство самаго свободнаго государства въ мірѣ не только вмѣшивается, но и полное на это имѣетъ право; а какое же дѣло правительству до того, что работники не хотятъ работать за низкую плату? Употребляетъ ли когда-нибудь полиція мѣры для вынужденія у фабрикантовъ возвышенія заработной платы? Такіе случаи чрезвычайно какъ рѣдки; а потому не слѣдуетъ притѣснять рабочихъ, иначе всѣ проповѣди о благахъ свободной промышленности останутся пустыми и лишенными всякаго смысла фразами. Кто смѣетъ меня принудить работать, когда я не сошелся въ цѣнѣ? «Да зачѣмъ же они соединяются въ общества? Это грозитъ общественной безопасности!»— Такъ велите фабрикантамъ прибавить жалованье. — Нѣтъ, это, говорятъ, будетъ противно здравымъ началамъ политической экономіи, — и на этомъ основаніи стачка капиталистовъ допускается, къ нимъ являются даже на помощь королевско-прусскіе кирасиры, а такое кирасирское рѣшеніе экономическихъ вопросовъ, должно сознаться, очень вредно. Оно только доказываетъ, что въ современномъ намъ европейскомъ обществѣ *не выдохлась еще старая феодальная закваска* и старыя привычки смотрѣть на рабочаго, какъ на человѣка подначальнаго и служащаго. Подобные примѣры полицейскаго вмѣшательства въ дѣла рабочихъ и фабрикантовъ, *къ сожалѣнію, не рѣдки,* и мы можемъ *утѣшаться только тѣмъ, что лучшіе публичные органы не перестаютъ громко и энергически возставать противъ всякаго произвольнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими,* капиталомъ и трудомъ. Такой произволъ всегда наноситъ глубокія раны промышленности, и если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, надолго оставляетъ горечь и озлобленіе между двумя сторонами, а послѣдствія этого бываютъ всегда болѣе или менѣе опасны для общественнаго спокойствія».

Разсужденія г. Бабста очень основательны; но рабочій вовсе не считаетъ *утѣшительнымъ*, что за него пишутъ въ газетахъ почтенные люди. Онъ на это смотритъ точно такъ же, какъ (приведемъ сравненіе—о ужасъ!—изъ «Свистка»!) глупый ванька смотрѣлъ на господина, который ему обѣщалъ опубликовать юнкера, скрывавшагося чрезъ сквозной дворъ и незаплатившаго извозчику денегъ... Да и мы можемъ обратить г. Бабсту его фразу совершенно въ противномъ смыслѣ. «*Лучшіе* публичные органы *не перестаютъ громко и энергически* возставать противъ всякаго произвольнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими, капиталомъ и трудомъ: *и, несмотря на то, произволъ этотъ продолжается* и попрежнему наноситъ глубокія раны промышленности. Не печально ли это? Не говоритъ ли это намъ о безсиліи лучшихъ органовъ и пр., когда дѣло касается личныхъ интересовъ сословій?» Г. Бабстъ можетъ намъ отвѣтить, что до сихъ поръ они были безсильны, но, наконецъ, получатъ же силу и достигнутъ цѣли. Но когда же это будетъ? Да еще и будетъ ли? Призовите на помощь исторію [гдѣ и когда существенныя улучшенія народнаго быта дѣлались просто вслѣдствіе убѣжденія умныхъ людей, не вынужденныя практическими требованіями народа?]

Но, положимъ даже, что это «кирасирское рѣшеніе экономическихъ вопросовъ», по выраженію г. Бабста, есть не болѣе, какъ случайность, хотя оно, по его же собственному замѣчанію, *случается, къ сожалѣнію, нерѣдко*... А что же сказать объ отношеніи большихъ фабрикъ къ ремесленному производству и о цеховомъ устройствѣ, доставившемъ такіе забавные анекдоты для пятаго письма г. Бабста! Это ужъ никакъ не случайность. Совершенно напротивъ: тутъ видимъ цѣлое учрежденіе, даже усовершенствованное въ послѣднее время, благодаря успѣхамъ новѣйшей фабричной цивилизаціи. «Послѣ того,—говоритъ самъ Бабстъ, — какъ рушились всѣ послѣдніе остатки крѣпостной зависимости и обязательнаго труда, когда земля сбросила всѣ средневѣковыя узы, стѣсняющія свободу перехода ея изъ рукъ въ руки, слѣдовало бы, конечно, ожидать, чтобы развязали руки и остальнымъ отраслямъ народной промышленности, — но не тутъ-то было! Цеховыя учрежденія остались попрежнему въ полной силѣ; они, слѣдовательно, стѣснили свободное развитіе народнаго труда, затруднили отливъ избытка земледѣльческаго народонаселенія къ промысламъ, и были, смѣло можно сказать, главной причиной бѣдствія во многихъ, даже щедро надѣленныхъ природою и благословенныхъ мѣстностяхъ южной Германіи» (стр. 99). И въ самомъ дѣлѣ, примѣры, приводимые г. Бабстомъ, удивительны! Напр., парикмахеры тянутъ въ судъ нѣсколько дѣвушекъ за то, что онѣ убирали волосы дамамъ, и тѣмъ учинили подрывъ парикмахерскому цеху. Плотники и столяры спорятъ между собою, кому принадлежитъ право постройки деревянной лѣстницы; токари не дозволяютъ столярамъ придѣлывать къ стульямъ точеныя и рѣзныя украшенія. Одинъ цехъ пирожниковъ имѣетъ право печь только слоеные пирожки безъ варенья, а другой — пирожки съ вареньемъ, но безъ масла... Появился въ одномъ городкѣ какой-то третій сортъ пирожковъ, очень понравившихся жителямъ. Но ни одинъ изъ существовавшихъ въ городѣ пирожныхъ цеховъ не имѣлъ права печь ихъ и не позволялъ ни-

кому другому. Городъ остался безъ любимыхъ пирожковъ... Вообще, въ каждой мелочи одинъ цехъ зорко и злобно слѣдитъ за другими, и, по словамъ г. Бабста, присутственныя мѣста завалены процессами и жалобами разныхъ цеховъ на нарушеніе ихъ правъ. И между тѣмъ, ограниченіе и стѣсненіе промысловъ не только не уничтожается, но еще время отъ времени пополняется и совершенствуется въ Германіи новыми постановленіями. Въ 1845 году введены ремесленныя испытанія и регламентація промысловъ, и съ того времени мелкая промышленность въ Пруссіи стала упадать. Несмотря на столь близкій примѣръ, въ 1857 г., въ Саксоніи, сочиненъ былъ новый ремесленный уставъ, о которомъ г. Бабстъ отзывается, какъ о нелѣпѣйшемъ созданіи канцелярской головы. По смыслу его, «вездѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ, начальство имѣетъ право вмѣшиваться въ дѣла корпорацій, наблюдать за собраніями, за книгами. Ради ремесленныхъ корпорацій, женщинамъ запрещено заниматься разными ремеслами; ограничена также ремесленная промышленность въ деревняхъ; ни одна деревня не можетъ имѣть болѣе одного сапожника, портного, столяра, и то только съ разрѣшенія начальства» и т. д. (стр. 100). И надо замѣтить, что все это дѣлается въ видахъ покровительства ремесламъ отъ преобладанія большого фабричнаго производства! А фабричное производство, разумѣется, процвѣтаетъ совершенно свободно и съ каждымъ годомъ все болѣе тяготѣетъ надъ мелкою промышленностью. Противъ этого возможно одно средство, по замѣчанію г. Бабста,—уничтоженіе всѣхъ стѣсненій и свободная ассоціація ремесленниковъ. Но что же,—стараются ли облегчить пути къ этому тѣ классы, отъ которыхъ зависитъ въ Западной Европѣ регламентація или предоставленіе свободы мелкимъ промышленникамъ? Не заботятся ли они, напротивъ, о постановленіи всякаго рода препятствій и затрудненій на этомъ пути?

Конечно, г. Бабстъ и тутъ находитъ возможность утѣшить себя весьма справедливой мыслью, что «свобода труда непремѣнно когда-нибудь восторжествуетъ и разобьетъ въ конецъ послѣдніе остатки средневѣковыхъ промышленныхъ стѣсненій». Конечно, такъ; но мы не знаемъ, до какой степени практично такое утѣшеніе. Въ романтическихъ твореніяхъ оно очень хорошо: когда я читалъ, бывало, романы господина Загоскина и Рафаила Михайловича Зотова, то въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ герою или героинѣ угрожала опасность, я всегда успокаивалъ себя тѣмъ, что вѣдь при концѣ непремѣнно порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель восторжествуетъ. Но я не рѣшался прикладывать этого разсужденія къ дѣйствительной жизни, особенно когда увидѣлъ, что въ ней этого вовсе не бываетъ...

Впрочемъ, г. Бабстъ, какъ политико-экономъ, не долженъ быть упрекаемъ въ недостаткѣ практичности...

Порукою за будущее служитъ для г. Бабста общественное мнѣніе. Въ доказательство великой силы его въ Германіи, онъ приводитъ слѣдующій фактъ. «Посмотрите, — говоритъ онъ, — какое великое значеніе имѣетъ здѣсь общественное мнѣніе: весной 1857 года вышелъ проектъ новаго ремесленнаго устава (о которомъ говорили мы выше), а въ іюнѣ того же года собрались ремесленники въ Хемницѣ и Росвейнѣ, протестовали противъ стѣсненія промышленности, и правительство не рѣшилось предложить устава на обсужденіе палаты». Какое, въ самомъ дѣлѣ, сильное доказательство!.. Ну, а «кирасирское разрѣшеніе промышленныхъ вопросовъ»—одобряется общественнымъ мнѣніемъ? А всѣ стѣсненія цеховъ находятъ себѣ въ общественномъ мнѣніи защиту?.. Да и послѣ протеста ремесленниковъ, что же сдѣлали,—сняли стѣсненія, расширили свободу промысловъ? Ничего не бывало! Отчего же это общественное мнѣніе, заставившее оставить проектъ новаго устава, не заставило въ то же время сдѣлать и нѣкоторыя облегченія для мелкой промышленности? Не оттого ли, что здѣсь *общественное мнѣніе* (какъ угодно выражаться г. Бабсту) приняло для своего выраженія форму не совсѣмъ обычную? Не оттого ли, что хемницкія и росвейнскія сходбища были не просто отголоскомъ общественнаго мнѣнія, а крикомъ боли притѣсняемыхъ бѣдняковъ, рѣшившихся, наконецъ, крикнуть, хотя это имъ и запрещено?..

Но, разумѣется, и эта уступка была сдѣлана только потому, что новыя стѣсненія, предложенныя новымъ уставомъ, были собственно никому не нужны. Иначе *общественное мнѣніе* могло бы быть сдержано «кирасирскими возраженіями». И кто бы помѣшалъ въ Хемницѣ произвести въ 1857 г. то, что въ 1859 году производили кирасиры около Бреславля, или что въ 1849 г. прусскіе солдаты дѣлали въ Дрезденѣ? Вѣдь самому же г. Бабсту разсказывалъ старый чехъ, какъ тогда, «упоенные побѣдой и озлобленные сопротивленіемъ, солдаты кидались въ дома и выбрасывали съ третьяго этажа обезоруженныхъ непріятелей,—женщинъ и дѣтей, какъ они прикалывали плѣнныхъ и сбрасывали ихъ съ моста въ Эльбу» (стр. 88).

Не знаемъ, гдѣ г. Бабстъ нашелъ въ Европѣ существованіе «всеобщаго народнаго

контроля» (стр. 17); но мы рѣшительно сомнѣваемся даже въ его возможности при теперешнемъ порядкѣ тамошнихъ дѣлъ. Да помилуйте, какой же тутъ «всеобщій народный контроль», когда въ одинъ мѣсяцъ путешествія, скача по желѣзной дорогѣ изъ города въ городъ, г. Бабстъ имѣлъ возможность сдѣлать такого рода наблюденія и замѣтки.

«Въ Берлинѣ, — говоритъ онъ, — не успѣли внести мои вещи, не успѣлъ еще я сбросить пальто, а ко мнѣ уже явились за паспортомъ, — точно изъ опасной страны пріѣхалъ. И вѣдь это все Богъ знаетъ для чего. *Завелся такой порядокъ и держится, а зачѣмъ, къ чему эти полицейскія мѣры, это няньченье съ человѣкомъ и вѣчныя опасенія,—этою, я думаю, и самый рьяный защитникъ полицейскаго порядка хорошо объяснить не въ состояніи*» (стр. 43). Отчего же это, однако, держится? Неужели въ силу того, что всеобщій народный контроль существуетъ, и сила общественнаго мнѣнія велика?

Берлинское статистическое бюро, бывшее до 1844 года самостоятельнымъ учрежденіемъ, было въ этомъ году подчинено департаменту торговли. Мѣра эта «вызвала справедливое неудовольствіе со стороны лучшихъ статистиковъ и ученыхъ Германіи; тогда сдѣлана уступка общественному мнѣнію, и въ 1848 г. статистическое бюро подчинено министерству внутреннихъ дѣлъ»... (стр. 56). Съ дрезденскимъ статистическимъ бюро поступлено еще лучше. Еще въ маѣ, — говоритъ г. Бабстъ, — Энгель, директоръ его, жаловался, что ему нѣтъ покоя отъ камеръ, и что на него особенно негодуетъ дворянская партія (Junkerthum) за нѣкоторыя данныя, имъ выставленныя относительно дворянскихъ имѣній, за напечатаніе приблизительнаго вычисленія ихъ доходовъ... Палата саксонская сильно, должно быть, озлобилась на статистику и отказала бюро въ прибавочныхъ 2.000 талерахъ, тогда какъ она же вотировала единогласно 25.000 талеровъ на монументъ въ честь покойнаго короля... Когда я въ августѣ проѣзжалъ опять черезъ Дрезденъ,—заключаетъ г. Бабстъ,—Энгель вышелъ уже, сказали мнѣ, въ отставку и посвятилъ себя частнымъ дѣламъ» (стр. 98)... Можетъ быть, и это тоже доказываетъ, что теперь повсюду въ Европѣ (исключая, конечно, Австріи!) «гласность допускаетъ всеобщій народный контроль», и что «потребности государственныя принимаются всѣми близко къ сердцу»?

А до какой степени велика ужъ теперь сила образованія въ сравненіи съ силою грубаго произвола, объ этомъ очень краснорѣчиво можетъ свидѣтельствовать г. Бабсту исторія нѣмецкихъ университетовъ, которую онъ такъ хорошо излагаетъ въ своемъ четвертомъ письмѣ. Университетамъ ли ужъ, кажется, не быть опорами образованія? Вѣдь это учрежденіе вѣковое, высшее, свободное, укоренившееся въ народной жизни, особенно въ Германіи. И что же оказалось? Университеты ограничены, стѣснены, подвергнуты преслѣдованіямъ, въ которыхъ, по словамъ г. Бабста, каждое нѣмецкое правительство какъ будто хотѣло перещеголять другъ друга... И все это прошло такъ, какъ будто бы все было въ порядкѣ вещей. А между тѣмъ какъ безцеремонно поступали съ бѣдняками! Приведемъ слова г. Бабста (стр. 71):

«Не будемъ говорить объ Австріи, [гдѣ императоръ Францъ сказалъ въ Ольмюцѣ профессорамъ, что дѣло не въ знаніи, не въ ученіи, а въ томъ, чтобы ему приготовили подданныхъ, богобоязненныхъ и съ хорошимъ поведеніемъ], но даже Пруссія оказала въ дѣлѣ преслѣдованія особенное рвеніе. Вмѣсто того, чтобы предоставить преобразованіе самимъ университетамъ, вмѣсто того, чтобы обновить ихъ уничтоженіемъ остатковъ средневѣкового устройства и расширить кругъ ихъ дѣйствія, признавъ за ними право самостоятельности и иниціативы во всемъ, что дѣйствительно ихъ касается,—самостоятельности и свободы, безъ которыхъ *universitas literarum* немыслима, а не [глупыхъ] привилегій и исключительности,—нѣмецкія правительства не тронули послѣднихъ, а наложили руку на главное, на жизненную силу университетовъ, на свободу преподаванія».

Что же это доказываетъ? Неужели опять-таки то, что нынѣ въ Западной Европѣ «уваженіе къ общественному мнѣнію въ образованномъ правительствѣ воздерживаетъ его отъ произвольныхъ распоряженій»?..

Нѣтъ, [нельзя и] [1]) думать, чтобы отнынѣ въ Западной Европѣ всѣ недостатки и злоупотребленія могли уничтожаться, и всѣ благія стремленія осуществляться одною силою того общественнаго мнѣнія, какое тамъ возможно нынѣ по тамошней общественной организаціи. Такъ называемое *общественное* мнѣніе въ Европѣ далеко не есть, въ самомъ дѣлѣ, общественное убѣжденіе всей націи, а есть обыкновенно (за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ) мнѣніе извѣстной части общества, извѣстнаго сословія или даже кружка, иногда довольно многочисленнаго, но всегда болѣе или менѣе своекорыстнаго. Оттого-то оно и имѣетъ такъ мало значенія: съ одной стороны оно и не принимаетъ слишкомъ близко къ сердцу тѣ дѣйствія, даже самыя произвольныя и несправедливыя, которыя

[1]) трудно

касаются низшихъ классовъ народа, еще безправныхъ и безгласныхъ; а съ другой стороны, и самъ произволъ не слишкомъ смущается неблагопріятнымъ мнѣніемъ тѣхъ, которые сами питаютъ наклонность къ эксплоатаціи массы народной и, слѣдовательно, имѣютъ свой интересъ въ ея безправности и безгласности. Если разсмотрѣть дѣло ближе, то и окажется, что между грубымъ произволомъ и просвѣщеннымъ капиталомъ, несмотря на ихъ видимый разладъ, существуетъ тайный, невыговоренный союзъ, вслѣдствіе котораго они и дѣлаютъ другъ другу разныя деликатныя и трогательныя уступки, и щадятъ другъ друга, и прощаютъ мелкія оскорбленія, имѣя въ виду одно: общими силами противостоять рабочимъ классамъ, чтобы тѣ не вздумали потребовать своихъ правъ... Самая борьба городовъ съ феодализмомъ была горяча и рѣшительна только до тѣхъ поръ, пока не начала обозначаться предъ тою и другою стороною разница между буржуазіей и работникомъ. Какъ только это различіе было понято, обѣ враждующія стороны стали сдерживать свои порывы и даже дѣлать попытки къ сближенію, какъ бы въ виду новаго, общаго врага. Это повторилось во всѣхъ переворотахъ, постигшихъ Западную Европу, и, безъ сомнѣнія, это обстоятельство было очень благопріятно для остатковъ феодализма, какъ для партіи уже ослабѣвавшей. Но для *мѣщанъ* эта робость, сдержанность и уступчивость была вовсе невыгодна: вмѣсто того, чтобы окончательно побѣдить слабѣвшую партію и истребить самый принципъ, ее поддерживавшій, они дали ей усилиться, изъ малодушнаго опасенія, что придется подѣлиться своими правами съ остальною массою народа. Вслѣдствіе такихъ своекорыстныхъ ошибокъ, остатки феодализма и принципы его—произволъ, насиліе и грабежъ—до сихъ поръ еще не совсѣмъ искоренены въ Западной Европѣ и часто выказываются то здѣсь, то тамъ въ самыхъ разнообразныхъ, даже цивилизованныхъ формахъ...

Вообще, съ измѣненіемъ формъ общественной жизни старые принципы тоже принимаютъ другія, безконечно-различныя формы, и многіе этимъ обманываются. Но сущность дѣла остается всегда та же, и вотъ почему необходимо, для уничтоженія зла, начинать не съ верхушки и побочныхъ частей, а съ основанія. Примѣръ этого находимъ мы опять у г. Бабста, въ разсказѣ о германскихъ университетахъ. Извѣстно, что въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка университеты составляли реакцію всему, что только являлось новаго и смѣлаго. Это произошло вслѣдствіе того, что, утомленные въ борьбѣ съ духовенствомъ за свою самостоятельность и свободу, они отдались, наконецъ, въ руки тогдашней свѣтской власти и изъ свободной корпораціи сдѣлались чиновничьими учрежденіями. «Изъ нѣмецкихъ университетовъ,—говоритъ г. Бабстъ,—боявшихся за свои привилегіи, подчинившихся, ради сохраненія своихъ, потерявшихъ уже всякій смыслъ, корпоративныхъ формъ, вполнѣ государству, выходили самые ревностные доносчики» (стр. 68). Такимъ образомъ, вліяніемъ враждебныхъ обстоятельствъ, къ XVII вѣку самый принципъ университетской жизни измѣнился. Вслѣдствіе этой перемѣны весь характеръ дѣйствій университетовъ сталъ совершенно другой: вмѣсто самостоятельности водворилось раболѣпство, вмѣсто стремленія къ развитію—гордость своей неподвижностью, вмѣсто дружнаго содѣйствія всякому совершенствованію — злобное стараніе мѣшать всякому развитію... Въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка это выражалось въ самыхъ грубыхъ и несносныхъ формахъ. Карпцовъ, представитель лейпцигскаго юридическаго факультета, хвалился тѣмъ, что онъ подписалъ 400 смертныхъ приговоровъ; члены галльскаго университета настояли, чтобъ выгнанъ былъ изъ него философъ Вольфъ и даже принужденъ былъ въ 24 часа оставить прусскія владѣнія, подъ опасеніемъ смертной казни; Спенера и Томазія, въ теченіе всей ихъ жизни, преслѣдовали профессора за ихъ вольнодумное направленіе, и т. п. Но времена измѣнились; смертныя казни уже не въ ходу; всюду проникли новыя формы общежитія... Измѣнились формы нетерпимости и насилія и въ университетахъ германскихъ; но нетерпимость и насиліе все-таки остались. Въ доказательство этого прочтите у г. Бабста то, что онъ говоритъ о положеніи приватъ-доцентовъ въ университетахъ, и то, что разсказываетъ объ исторіи Бекгауза съ Бекингомъ. По словамъ г. Бабста, во многихъ преимущественно въ маленькихъ нѣмецкихъ университетахъ господствуетъ въ величайшихъ размѣрахъ непотизмъ; вообще же только тотъ и достигаетъ профессуры, кто поддерживается главными ординарными профессорами. Только они имѣютъ значеніе и голосъ въ факультетѣ. Приватъ-доценты составляютъ ученый пролетаріатъ: ихъ стараются забить на второй планъ, не давать имъ читать главныхъ предметовъ, и т. п. Оттого къ нимъ и слушателей ходитъ очень мало: всѣ находятъ болѣе выгоднымъ слушать ординарныхъ профессоровъ, «потому что какъ ни свободенъ буршъ, а чиновникъ и въ немъ сидитъ» (стр. 73). Такимъ образомъ тѣснили и Бекгауза, особенно когда увидѣли, что его лекціи привлекаютъ много

слушателей (съ каждаго слушателя, какъ извѣстно, получаются деньги въ пользу профессора). На него опрокинулся цѣлый юридическій факультетъ боннскаго университета: сплетни, подсматриванья за частной жизнью доцента, клеветы и явныя оскорбленія безпрерывно преслѣдовали его. Наконецъ, когда онъ объявилъ, что будетъ объяснять своимъ слушателямъ пандекты, которые до сихъ поръ читались только ординарными профессорами, тогда факультетъ составилъ опредѣленіе, по которому Бекгаузъ потерялъ право читать лекціи... Бекгаузъ жаловался министру; министръ сказалъ, что тутъ его дѣло сторона. Тогда Бекгаузъ обратился къ самому королю, а между тѣмъ напечаталъ всю исторію... Журналы горячо за него вступились: «но чѣмъ кончилось дѣло, не знаю», — заключаетъ г. Бабстъ...

Все это было въ нынѣшнемъ году, послѣ столькихъ перемѣнъ и маленькихъ реформъ въ устройствѣ университетовъ, послѣ столькихъ и столь громкихъ толковъ о коренной ихъ реформѣ... Не то же ли это самое, въ сущности, что̀ было и въ XVII вѣкѣ? И такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнится, наконецъ, самый принципъ университетскаго существованія въ Германіи — отношеніе его къ государственной власти...

Желаніе помочь дѣлу *какъ-нибудь* и *хоть сколько-нибудь*, замазать трещину хоть на короткое время, остановиться на полдорогѣ къ цѣли, удовольствоваться полумѣрой, въ надеждѣ, что потомъ *авось* это сдѣлается само собой, по неминуемымъ законамъ прогресса, — такое направленіе дѣятельности вовсе не есть исключительное свойство русскаго человѣка, какъ полагаютъ нѣкоторые патріоты. Такъ поступали дѣятели всѣхъ народовъ Европы, и отъ этой невыдержанности происходила, разумѣется, бо̀льшая часть ихъ неудачъ. Въ этомъ смыслѣ мы признаемъ, что народы Западной Европы постоянно впадали въ ужасную ошибку. И тѣмъ болѣе мы удивляемся, какимъ образомъ могутъ нѣкоторые ученые люди защищать благодѣтельность палліативныхъ мѣръ для будущаго прогресса Западной Европы и отвергать реформы общія и рѣшительныя, какъ гибельныя для ея благоденствія. По нѣкоторымъ предметамъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи и г. Бабстъ, хотя нужно признаться, что у него въ иныхъ случаяхъ выражаются требованія довольно широкія. Говоря о предоставленіи гражданскихъ правъ евреямъ и требуя для нихъ рѣшительной полноправности, а не частныхъ льготъ, онъ приводитъ слѣдующее сравненіе: «если вы хотите помочь разумному и дѣловому человѣку въ его предпріятіи, неужели вы найдете болѣе полезнымъ отпускать ему деньги по грошамъ, чѣмъ вручить ему весь капиталъ, чтобы онъ былъ въ состояніи приняться разомъ за производство» (стр. 11). Это сравненіе очень умно, но его слѣдуетъ относить не къ однимъ евреямъ: оно такъ же хорошо приходится и ко всѣмъ общественнымъ преобразованіямъ, необходимымъ для Западной Европы... Тратиться по мелочи тамъ рѣшительно не для чего; нужно непремѣнно пустить въ оборотъ весь капиталъ, сколько его найдется.

Впрочемъ, если правду сказать,—въ Западной Европѣ часто и мелочь-то общественныхъ реформъ бываетъ фальшивая, либо краденая. Это довольно ясно, напримѣръ, по вопросу о чиновничествѣ, тоже излагаемому у г. Бабста. Видите, какое дѣло.

Бюрократія въ Пруссіи получила страшное развитіе. Штаты чиновниковъ составлены 30—40 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ почти не измѣнились. Тогда жалованье соотвѣтствовало цѣнамъ на жизненныя потребности и было достаточно. Теперь цѣны на все возвысились, а оклады тѣ же. Чиновники и учителя стонутъ, и по всей Германіи раздаются громкіе толки о прибавкѣ имъ жалованья. Но откуда взять прибавку? «Возвышеніе окладовъ—говоритъ г. Бабстъ — не можетъ быть безъ возвышенія бюджета, безъ новыхъ налоговъ; [а если взваливаютъ на общество новыя тягости, то оно, кажется, имѣетъ полное право изслѣдовать и спросить: дѣйствительны ли и законны ли тѣ государственныя потребности, на которыя требуютъ съ него денегъ» (стр. 93). И по этому изслѣдованію оказывается вотъ что̀] [1]): возвышеніе задѣльной платы, при возвышеніи цѣнъ на все, дѣлается только для труда производительнаго; трудъ же прусскихъ чиновниковъ не только не производителенъ, но еще и обременителенъ для общества. «Въ Германіи общій и повсемѣстный говоръ, что чиновники и служащіе только мѣшаютъ своей черезчуръ навязчивой опекой развитію народной жизни, что ихъ уже слишкомъ много сравнительно съ потребностями общества, что занятія ихъ во многихъ отношеніяхъ слишкомъ велики. Сообразивъ все это, придемъ къ тому результату, что бо̀льшую часть занятій и дѣлъ, находящихся въ рукахъ чиновниковъ, можно и пора передать обществу, самимъ гражданамъ, распустить половину служащихъ - рабочихъ и распредѣлить всю получаемую ими доселѣ задѣльную плату между остальными»

[1]) Но

(стр. 96). [Отличная мѣра! Но только что̀ же станется съ распущенною-то половиною прусскихъ чиновниковъ? Вѣдь не надо забывать, что они не только чиновники, но и люди, граждане, члены этого самаго общества. Надо же имъ чѣмъ-нибудь себя пропитывать, а они, кромѣ чиновническаго занятія, ни къ какому другому неспособны. Что̀ же тутъ дѣлать съ ними? Вѣдь не перебить же ихъ поголовно; а если хоть и въ тюрьму посадишь, то все кормить надобно. Велика ли же будетъ польза самому обществу, если вмѣсто тысячи людей quasi-дѣлающихъ что-то такое и за то получающихъ съ него деньги, будутъ эти самыя деньги получать 500 человѣкъ, да кромѣ того обществу на шею насядетъ еще 500 человѣкъ уже рѣшительныхъ тунеядцевъ?.. А вѣдь тѣмъ непремѣнно должно кончиться, если прусское чиновничество будетъ такъ *уполовинено,* по совѣту г. Бабста. Такія *половинныя* мѣры именно и оказываются фальшивыми] [1])...

Да, счастье наше, что мы позднѣе другихъ народовъ вступили на поприще исторической жизни. Присматриваясь къ ходу развитія народовъ Западной Европы и представляя себѣ то, до чего она теперь дошла, мы можемъ питать себя лестною надеждою, что нашъ путь будетъ лучше. Что и мы должны пройти тѣмъ же путемъ,—это несомнѣнно, и даже нисколько не прискорбно для насъ. Объ этомъ говоритъ и г. Бабстъ: «неужели обидно намъ, когда мы должны придти къ убѣжденію, что, оставаясь вполнѣ самостоятельными, мы все-таки проходимъ и проходили тѣ же эпохи историческаго развитія, какъ и остальные народы Европы? Не будь этого, мы были бы какими-то выродками человѣчества» (стр. 103). Что и мы на пути своего будущаго развитія не совершенно избѣгнемъ ошибокъ и уклоненій, — въ этомъ тоже сомнѣваться нечего. Но все-таки нашъ путь облегченъ; все-таки наше гражданское развитіе можетъ нѣсколько скорѣе перейти тѣ фазисы, которые такъ медленно переходило оно въ Западной Европѣ. А главное,—мы можемъ и должны идти рѣшительнѣе и тверже, потому что уже вооружены опытомъ и знаніемъ... Только нужно, чтобы это знаніе было дѣйствительнымъ знаніемъ, а не самообольщеніемъ, въ родѣ наивныхъ восторговъ нашей безыменной гласностью и обличительной литературой. Обольщаться своими успѣхами и приписывать себѣ излишнее значеніе всегда вредно уже и потому, что отъ этого является нѣкоторый позывъ почить на лаврахъ, умиленно улыбаясь... Наклонность къ этому всегда замѣчается у новичковъ въ дѣлѣ и у людей, отъ природы одаренныхъ нѣсколько маниловскимъ складомъ характера; они всегда готовы сказать: «довольно! пора отдохнуть». Но, къ счастью, у насъ есть такіе энергическіе дѣятели, какъ г. Бабстъ, которые своими призывами и указаніями на то, что̀ дѣлается у другихъ, пробуждаютъ и насъ отъ дремотной лѣни... Радуясь этому прекрасному явленію, мы рѣшились своимъ слабымъ голосомъ акомпанировать мощной рѣчи г. Бабста, съ кроткимъ намѣреніемъ замѣтить только, что и того, что̀ сдѣлано у другихъ, все еще слишкомъ мало.

---

360. Очерки Дона.

А. Филонова. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 357.

Добролюбовъ, точно, предчувствовалъ, что впослѣдствіи Филоновъ крѣпко обоснуется въ русской средней школѣ своими «учебниками по словесности», «хрестоматіями» и пр., и потому у всѣхъ на глазахъ задержалъ его у дверей и сказалъ свое напутственное слово. Не будь Филоновъ молодымъ «педагогомъ», не подавай онъ надеждъ своимъ молчалинствомъ на крѣпкую позицію въ школѣ, Добролюбовъ не сталъ бы посвящать ему такого вниманія. Но, видя, въ чьи руки попадаетъ новая русская школа, и сознавая, что не было основаній надѣяться на ихъ непримѣнимость къ чаяніямъ министерства народнаго просвѣщенія, — онъ счелъ долгомъ выставить этого представителя молодого учительства на общее посмѣяніе. Конечно, сквозь этотъ смѣхъ слышался сердечный плачъ о томъ юношествѣ, которому давали такихъ учителей.

М. Л.

[1]) Отличный совѣтъ, не правда ли?

Мѣсяцъ тому назадъ говорили мы о литературныхъ дѣятеляхъ, являющихся въ провинціи, и указывали, между прочимъ, на г. Ѳирсова, какъ на человѣка, которому провинціальная жизнь не помѣшала быть вполнѣ живымъ и современнымъ [1]). Теперь передъ нами лежитъ новая книга, тоже сочиненная въ провинціи, но уже подающая поводъ къ соображеніямъ совершенно другого рода. Авторъ «Очерковъ Дона», г. Филоновъ—человѣкъ петербургскій и не безъ нѣкотораго шику старается дать замѣтить это читателямъ своей книги. Разбирая игру одного актера въ роли Хлестакова, онъ замѣчаетъ, что у актера этого «*тону петербурскаю совсѣмъ не выказалось*»; говоря о московской улицѣ въ Новочеркаскѣ, г. Филоновъ вспоминаетъ о «Невскомъ проспектѣ, на которомъ красуются огромные дома и магазины съ разноязычными надписями». Въ самомъ началѣ своихъ очерковъ авторъ говоритъ: «не вспоминаю о тягостной для меня разлукѣ съ Петербургомъ, гдѣ я получилъ окончательное образованіе», и пр.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ петербургскимъ человѣкомъ, занесеннымъ судьбою въ провинцію и дѣлающимъ надъ нею свои наблюденія. Посмотримъ же, что̀ такое онъ пишетъ.

Къ крайнему удивленію нашему, г. Филоновъ, «получившій въ Петербургѣ *окончательное* образованіе», оказывается простодушнымъ и наивнымъ ребенкомъ, котораго интригуютъ и удивляютъ самыя простыя вещи, извѣстныя самому незрѣлому отроку. Онъ, напримѣръ, удивляется, что въ Новочеркаскѣ есть улицы, по которымъ ѣздитъ много экипажей и ходитъ много народу... Это необыкновенное явленіе онъ описываетъ такимъ образомъ: «почти на верстномъ протяженіи улицы, въ два ряда, *не мѣшая другъ другу*, ѣдутъ охотники и охотницы до катанья; коляски, кареты, щегольскія санки, закрытые и открытые экипажи,—все это гремитъ и летитъ предъ твоими *изумленными* очами» (стр. 11). Завидно то окончательное образованіе, которое г. Филоновъ получилъ въ Петербургѣ: поживши въ столицѣ и походивши по ея улицамъ, онъ *изумляется*, видя, что люди ѣздятъ по улицѣ, въ два ряда, не мѣшая другъ другу!... Не меньшаго удивленія автора заслужило и то обстоятельство, что въ новочеркасскомъ соборѣ пѣвчіе поютъ, а народъ молится. Вотъ его описаніе:

«Сообщу тебѣ свои впечатлѣнія послѣ того, какъ я былъ въ первый разъ за обѣднею въ соборѣ. Служилъ тогда высокопреосвященный Іоаннъ, архіепископъ Донской и Новочеркасскій; *пѣли пѣвчіе*, раздѣлившись на два хора — собственно архіерейскіе и войсковые. *Торжественность служенія архіерейскаю*, тихій голосъ старца архипастыря, *набожно молящійся народъ*, которымъ была наполнена вся церковь, всеобщая тишина,—все это глубоко тронуло меня. Не забуду долго первой обѣдни, которую я слушалъ въ Новочеркаскѣ. Гдѣ я ни былъ послѣ того, *вездѣ расхваливалъ пѣвчихъ* и ихъ согласное пѣніе... Послѣ моего двухнедѣльнаго пути слушаніе обѣдни въ соборѣ было истиннымъ счастіемъ и покоемъ; рѣдко человѣку посылается въ жизни подобный благочестивый праздникъ сердца, когда, сбросивъ всѣ до одной суетныя мысли о мірѣ и себѣ, живешь уже другою жизнію; кажется, сейчасъ бы поднялся съ земли и улетѣлъ, куда несется мысль, окрыленная молитвою и пламенѣющая огнемъ ея» (стр. 12).

Не будемъ говорить о красотахъ слога въ этомъ описаніи; но не примѣчаете ли вы въ немъ, что торжественность архіерейскаго служенія, пѣніе пѣвчихъ, народъ, наполняющій церковь и молящійся — представляютъ для автора какъ будто что-то невиданное, чрезвычайное, неожиданное... Неужели же въ самомъ дѣлѣ авторъ, получая въ Петербургѣ окончательное образованіе, не предполагалъ найти ничего подобнаго въ русскихъ губернскихъ городахъ?

Интересно также, что авторъ, отправляясь въ Новочеркаскъ на житье, ничего не зналъ о тамошнемъ памятникѣ Платову и тоже пришелъ въ изумленіе, увидавъ его. Описывая въ письмѣ къ другу свои первыя впечатлѣнія въ Новочеркаскѣ, г. Филоновъ разсказываетъ: «здѣсь стоялъ памятникъ. Кому?—я не зналъ». Описавъ потомъ очень хорошимъ слогомъ памятникъ, «его устремленныя вдаль очи, грозную осанку, богатырскую, могучую грудь, руки» и пр., г. Филоновъ снова вопрошаетъ: «кто же онъ, этотъ величественный воинъ?» И на вопросъ этотъ отвѣчаетъ, не безъ паѳоса, слѣдующимъ образомъ:

«*Читай*, мой другъ, *читай* надпись: «Атаману графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годы—признательные донцы». *Мое слово не въ силахъ высказать* всѣхъ мыслей и чувствованій, закипѣвшихъ теперь во мнѣ. *Мальчикомъ, мальчикомъ* я почувствовалъ себя при взглядѣ на могучаго Платова; стоя у подножія этого мужественнаго ратника, *грозы* дѣйствительно *грознаго* Наполеона I, *я не нашелъ словъ* въ своемъ сердцѣ для привѣтствія незабвенному въ исторіи Россіи и въ сердцѣ каждаго русскаго атаману войска донского. Такъ пусть же «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» на своей «боевой лирѣ» прогремитъ ему пѣснь» (стр. 7).

И затѣмъ приводится куплетъ изъ «Пѣвца»...

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги, г. Филоновъ—учитель русской словесности въ новочеркасской гимназіи. Изъ

[1]) См. № 346.

другихъ мѣстъ видно, что онъ — человѣкъ еще очень молодой, человѣкъ *новаго поколѣнія*. Вотъ нѣкоторыя подробности, сообщаемыя имъ о себѣ въ письмѣ къ другу, отъ 1 февраля 1856 года:

«Я увидѣлъ Новочеркаскъ. Церковь показалась прежде всего; при взглядѣ на нее я сотворилъ молитву... Не сочти за лицемѣріе этого откровеннаго моего признанія. Представь, — вѣдь ѣхалъ *«юноша»*, по волѣ Государя, *въ первый разъ на должность*, юноша, взятый на седьмомъ году отъ отца и матери въ школу, подъ царское крыло, грѣвшее и хранившее его цѣлыя шестнадцать лѣтъ, — ѣхалъ въ городъ, дальній и отъ родины, и отъ мѣста образованія: представь это, и не удивишься, если была тронута душа при видѣ города, гдѣ впервые суждено было мнѣ начать свою службу Царю. Поколебалось сердце; не стало въ немъ силы; не нашлось крѣпости... И вотъ, какъ будто въ успокоеніе волнующихся мыслей, возстала церковь на привѣтъ новому члену общества; *она* издали *текла* (?) къ нему, *какъ отецъ* къ своему сыну, и говорила: «миръ тебѣ!» Благословенна Россія! Вездѣ на ея землѣ — прежде виднѣется крестъ церкви, потомъ дома и послѣ уже люди: это знакъ того, что вѣра—первый спаситель русскаго человѣка; что безъ нея не увидитъ онъ ни родного дома, ни родимыхъ родителей, ни всѣхъ присныхъ сердцу» (стр. 6).

Мы привели этотъ отрывокъ затѣмъ, чтобы: 1) показать читателямъ, что г. Филоновъ, по собственному сознанію, еще *юноша;* 2) чтобы дать образчикъ слога, которымъ онъ пишетъ; 3) чтобы раскрыть, хотя отчасти, возвышенность его стремленій. Разсмотрѣвъ три указанные пункта, и припомнивъ, что г. Филоновъ — учитель гимназіи, читатели сами могутъ вывести заключеніе о благотворности того вліянія, какое долженъ имѣть подобный учитель на слогъ своихъ учениковъ. Всякій, кто учился въ какой-нибудь школѣ, можетъ припомнить, что̀ значитъ для подрастающихъ мальчиковъ новый, молодой учитель, особенно по такому предмету, какъ словесность или исторія. Нѣкоторые почтенные люди полагаютъ, что ученикамъ рѣшительно все равно, каково преподаваніе учителя, и что они интересуются только тѣмъ, строго или нестрого будетъ онъ ставить баллы. Не знаемъ, — можетъ быть, такъ и было въ тѣ времена, когда учились эти почтенные люди. Но теперь совсѣмъ не то. Поговорите съ любымъ гимназистомъ четвертаго, даже третьяго класса: вы убѣдитесь, что только отъявленные лѣнтяи да *первые ученики* цѣнятъ учителя по тому, какъ онъ разставляетъ баллы. Большинство же ищетъ въ учителѣ свѣдѣній, ума, направленія... да, направленія даже. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы знали учителя, котораго ученики не терпѣли за то собственно, что онъ въ свои уроки постоянно старался ввертывать молчалинскія правила. Конечно, такіе учителя встрѣчаются всего чаще между людьми устарѣвшими, отсталыми, отжившими, которые держатся на своихъ мѣстахъ по какому-то непостижимому упорству, вопреки всѣмъ желаніямъ и требованіямъ не только учениковъ, но и начальства. Намъ привелось слышать, какъ однажды на пароходѣ какой-то старикъ разсказывалъ о своей 45-ти-лѣтней службѣ въ учебномъ заведеніи. «Ужъ чего со мной мальчишки ни дѣлали, — говорилъ онъ:—и смѣялись, и ругались, и не кланялись, и бить собирались,—а я все оставался. Пенсію выслужилъ,—и все-таки остался. Разъ меня вечеромъ за угломъ подкараулили и чуть голову не проломили; а я черезъ недѣлю выздоровѣлъ, — и все-таки остался. Въ другой разъ чернильницами меня забросали; что̀ же? ихъ перепороли, — а я все-таки остался...» и т. д.

Разумѣется, подобный учитель не слишкомъ много пользы можетъ приносить своимъ питомцамъ. А между тѣмъ въ массѣ молодежи всегда есть искреннія, теплыя стремленія къ знанію, къ правдѣ, къ живой дѣятельности мысли и воли. Понятно, что ученики съ такимъ довѣріемъ и радостью обращаются ко всему молодому, выбираютъ своими любимцами учителей новыхъ, которые сами только-что сошли со школьной скамейки и, слѣдовательно, лучше могутъ сочувствовать всѣмъ юнымъ порывамъ. Старые учителя имѣютъ для учениковъ не то одно неудобство, что они часто не слѣдятъ за современными успѣхами науки. Это бы еще не могло развести ихъ съ молодежью. Но бѣда въ томъ, что у старыхъ людей самый складъ мыслей обыкновенно бываетъ ужъ совсѣмъ другой, нежели какой нуженъ для молодежи. И это особенно надо сказать о нашемъ обществѣ, для котораго ходъ развитія облегчается предшествующей европейской исторіей, и потому совершается скорѣе, чѣмъ до сихъ поръ совершался у другихъ народовъ. У насъ для каждаго поколѣнія мѣняется задача жизни, каждое поколѣніе видитъ себя въ новой обстановкѣ, въ новыхъ условіяхъ дѣятельности. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы подробно говорили объ этомъ, разсуждая о томъ, почему человѣкъ, двадцать лѣтъ тому назадъ являвшійся мощнымъ Печоринымъ или привлекательнымъ Рудинымъ, и внушавшій къ себѣ всеобщее сочувствіе, теперь уже есть не что иное, какъ жалкій, негодный Обломовъ [1]). Теперь чувствуется настоятельная надобность въ дѣлѣ, — настоящемъ, серьезномъ дѣлѣ, а не въ блестящихъ фразахъ, и не въ пе-

[1]) См. № 298.

реваливаньи изъ кулька въ рогожку. На дѣло это нѣтъ уже мужества, нѣтъ воли у насъ, у всѣхъ насъ, несчастныхъ мучениковъ собственной лѣни и апатіи, у всѣхъ насъ, балованныхъ трусовъ, еще сильно захваченныхъ обломовщиной... Но мы уже поняли весь вредъ, всю гадость, всю презрѣнность этой обломовщины, и мы не будемъ имѣть духа поставить ее правиломъ и идеаломъ жизни для своихъ дѣтей и учениковъ. Они вырастутъ, они *должны* вырасти съ любовью къ дѣлу, съ готовностью стоять за правду и не щадить ничего для пораженія зла. Они внесутъ въ свою дѣятельность—

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду...

Именно эти люди сидятъ теперь на скамейкахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ; именно они должны совершить то дѣло, которое пришлось не подъ силу намъ и которое съ высотъ печоринскаго байронизма, черезъ рудинскій паѳосъ, повергло насъ въ навозную кучу обломовщины. Наше дѣло теперь ужъ второстепенное: мы должны подготовлять ту обстановку, которая могла бы благопріятствовать благому дѣлу возрастающаго поколѣнія; мы должны помогать возникающимъ дѣятелямъ, благословляя ихъ на тотъ путь, котораго намъ не суждено было пройти, и откровенно разсказывая имъ, какъ ничтожны, вздорны и призрачны были всѣ препятствія, которыя остановили насъ, — какъ пошлы и безтолковы были всѣ иллюзіи, которыя задерживали насъ на мѣстѣ... И благо намъ, если хоть на это станетъ насъ, если хоть полной искренностью и отсутствіемъ претензій на благоговѣніе предъ нами новыхъ дѣятелей выкупимъ мы нашу прошедшую обломовщину!..

Но,—Боже мой!—куда занеслись мы, о чемъ мы заговорили, по поводу г. Филонова!! Къ нему-то ужъ никакъ нельзя приложить всего, о чемъ мы толковали: онъ самъ еще *юноша*, и при томъ наивный, ничего невѣдающій юноша! Онъ представляетъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ можно получить въ Петербургѣ окончательное образованіе и быть совершенно невиннымъ младенцемъ относительно всѣхъ предметовъ природы и общежитія. Что, напримѣръ, въ степи лѣтомъ жарко бываетъ,—онъ этому удивляется и записываетъ; что вода напираетъ на затопленную барку и заставляетъ ее скрипѣть, — этого онъ понять не можетъ; наѣхавши на водоворотъ, онъ не можетъ разгадать,—что̀ это такое... Мы не выдумываемъ на г. Филонова, и въ доказательство приведемъ его собственный разсказъ о его наблюдательности, во время поѣздки на лодкѣ по Дону съ однимъ малороссомъ:

«*Какъ русскій*, недавно прибывшій на Донъ, *я многаго не понималъ здѣсь*; чтобы *записывать все новое и любопытное для меня*, я имѣлъ при себѣ листъ бумаги и карандашъ. Хохолъ подмѣтилъ это и началъ трунить. На Дону сидѣли дикія утки. «Что̀ такое?»—спросилъ я.—«*Сагайдаки*», — отвѣчалъ серьезный хохолъ и мигнулъ своему товарищу... Ѣхали мы мимо барки, затопленной по случаю военныхъ обстоятельствъ; отъ напора воды она скрипѣла. «Что̀ такое?»—«Это, баринъ, *домовой играетъ*»,—сказалъ хохолъ и захохоталъ, что есть мочи .. Наѣхали на водоворотъ. «Что̀ такое?»—«Это *черти скубутся*»,—отвѣчалъ хохолъ» (стр. 28).

Г. Филоновъ приводитъ это за тѣмъ, чтобы показать, до какой степени лукавый народъ—эти хохлы! Читатель видитъ, много ли надобно лукавства, чтобы мистифировать этого юношу, который, *какъ русскій, недавно прибывшій на Донъ*», не имѣетъ понятія о дикихъ уткахъ, водоворотѣ и затопленныхъ баркахъ...

То же самое и въ отношеніи къ общежитію. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 64) г. Филоновъ утверждаетъ, что заведеніе библіотеки въ Новочеркаскѣ будетъ очень успѣшно, и основываетъ свою мысль на томъ, что новочеркасцы «нескупы на карманъ» и любятъ изящное. «Взгляните, какъ всѣ мы не скупы на карманъ! За одну ложу въ театрѣ платимъ десять, а иногда пятьдесятъ цѣлковыхъ. Мы бываемъ постоянными зрителями спектаклей, а они идутъ три, четыре раза въ недѣлю. Вообразите, сколько мы тратимъ на изящное искусство! Неужели пожалѣемъ трехъ рублей серебромъ въ публичную библіотеку за пользованіе ея книгами?» И не подумайте, чтобъ это была иронія. Нѣтъ, изъ соображенія представленныхъ фактовъ г. Филоновъ выводитъ, что именно стоитъ только начать, и на библіотеку всѣ подпишутся, кто тратитъ деньги на спектакли и пикники!..

Въ другомъ мѣстѣ г. Филоновъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія были въ новочеркасской гимназіи учителя нѣмецкаго и французскаго языка, очень плохо и неправильно писавшіе по-русски! Какъ будто бы онъ не встрѣчалъ такихъ учителей и въ *настоящее время!*..

Разсуждая о гимназической библіотекѣ, г. Филоновъ упрекаетъ ее за то, что въ ней есть «Пугайко, чортовъ братъ» и «Искусство быть любимымъ своею женою», а нѣтъ сочиненій Вонлярлярскаго, Соллогуба, диссертацій Булича, Майкова, и пр. Какъ

будто «Пугайко, чортовъ братъ» — много хуже сочиненій Соллогуба, или какъ будто диссертація г. Майкова о сербской письменности полезнѣе «Искусства быть любимымъ своею женою»!.. Тутъ же находимъ упрекъ, зачѣмъ нѣтъ въ гимназіи полнаго собранія законовъ. Легко сказать: оно стоитъ около 300 цѣлковыхъ... А много ли назначается на библіотеку въ гимназіи?

Говоря о воспитаніи, г. Филоновъ выражаетъ благоговѣніе передъ рѣчью, при открытіи гимназіи, Оридовскаго за то, что въ ней сказано: надо, «*да всѣ, воздѣлывая свои таланты, будутъ люди*». Основываясь на этой фразѣ, г. Филоновъ подымаетъ даже вопросъ о томъ, кто первый открылъ мысль, что надо воспитывать прежде человѣка, а потомъ уже солдата или кузнеца,— Оридовскій или Пироговъ?!

Рѣчь Оридовскаго на восьми страницахъ повторяетъ общія фразы, повторявшіяся отъ начала вѣковъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Оставить дѣтей безъ просвѣщенія—значитъ таланты ихъ погребсти въ землѣ, а общество лишать добрыхъ сочленовъ; ибо невѣжа ни къ чему не способенъ. Оставить ихъ безъ просвѣщенія—есть содѣлать ихъ суевѣрными, противными Богу и вѣрѣ». Или: «это не ученость, когда противуборна; науки полезны, коль учатся имъ не для пышности, не для суетной славы, дабы блеснуть передъ свѣтомъ, но для образованія сердца, для возвышенія духа и руководства въ жизни». Или еще: «вообразите, кто безъ просвѣщенія имѣлъ случай и благопріятствующее время обратить въ общественную пользу, а паче тогда, когда требовали нужды? Кто безъ наукъ, безъ опытнаго благоразумія оказалъ въ обществѣ что̀ достопамятное для грядущихъ вѣковъ? И кто, наконецъ, безъ просвѣщенія въ государствѣ учинился важнымъ министромъ, патріотомъ для отечества?..»

Приведши всю эту рацею, г. Филоновъ восклицаетъ, что «нѣтъ силъ оторваться отъ ея краснорѣчія!» Затѣмъ дѣлаетъ замѣчаніе, что по мыслямъ, изложеннымъ въ ней, забываешь ея давность: «сдается, что слово современно намъ, нашему пробуждающемуся обществу». Какъ будто бы всѣ эти фразы не составляютъ вѣчнаго достоянія фразеровъ всѣхъ временъ, и какъ будто рѣчь эта могла быть менѣе современною во времена Максима Грека или Кирилла Туровскаго, чѣмъ въ настоящее время, когда г. Филоновъ оправдываетъ свое невѣдѣніе о дикихъ уткахъ и затопленныхъ баркахъ тѣмъ, что онъ—русскій, недавно прибывшій на Донъ!..

Изъявивши свое умиленіе отъ краснорѣчія Оридовскаго, г. Филоновъ продолжаетъ: «рѣчи другихъ учителей и директора наполнены такими общими фразами, что мы не можемъ привести здѣсь даже отрывковъ: *общія мѣста уже всѣмъ надоѣли!*» (стр. 177). Хороши же, должно быть, рѣчи, если ужъ и г. Филоновъ нашелъ въ нихъ общія мѣста! Вообразите только, *что* должно казаться общимъ мѣстомъ для этого юноши, приходящаго въ умиленіе отъ рѣчи Оридовскаго и преклоняющагося предъ лукавствомъ *хохла*, который его мистифировалъ!..

Мы недавно высказывали свое удивленіе, какимъ образомъ знаменитый нынѣ *кандидатъ* петербургскаго университета, г. Миллеръ-Красовскій, умѣлъ усвоить себѣ ученіе о трехъ пощечинахъ [1]). Признаемся,— г. Филоновъ возбуждаетъ въ насъ неменьшее удивленіе, хотя нѣсколько и въ другомъ родѣ. Мы не можемъ постигнуть, какимъ образомъ простыя и здравыя понятія о вещахъ такъ жестоко *обошли* скромнаго «юношу, взятаго на седьмомъ году» и пр... смотри выше... Общія понятія—объ отечествѣ, о славѣ русскаго оружія и пр., у него, конечно, вполнѣ благоразумны, и при томъ выражаются прекраснымъ слогомъ. Но мы не объ этомъ говоримъ: эти понятія-то и у г. Миллера-Красовскаго очень благонамѣренны, если угодно припомнить читателямъ; и однакожъ они не помѣшали ему принять принципомъ воспитанія безусловное подавленіе всякой самостоятельности въ питомцѣ. Такъ и г. Филоновъ: при всей возвышенности своихъ общихъ понятій, онъ имѣетъ весьма наивныя, почти аскетическія воззрѣнія на жизнь, хотя и не столь жестокосердыя, какъ г. Миллеръ-Красовскій. Мы видѣли, какъ простодушно удивляется г. Филоновъ при видѣ предметовъ самыхъ неудивительныхъ; мы видѣли, какъ онъ приходитъ въ восторгъ и умиленіе отъ неожиданныхъ своихъ открытій, въ родѣ того, что въ Новочеркаскѣ есть памятникъ Платову, и т. п. Мы видѣли, какъ онъ сокрушается о невозможности воспитывать учениковъ гимназіи на чтеніи романовъ г. Вонлярлярскаго и диссертаціи г. Майкова. Изъ этого читатели могли уже отчасти видѣть и то, въ какой степени способенъ онъ къ той роли, о которой мы говорили выше,— роли подготовителя новыхъ людей къ общественному служенію. Приведемъ еще нѣсколько фактовъ:

Кромѣ собственно очерковъ Дона, составляющихъ легкіе, поверхностные, краснорѣчивые и рѣшительно ничтожные фельетоны, въ книгѣ г. Филонова есть три ученыя статьи: 1) о книгѣ капитана Чуйке-

[1]) См. № 306.

вича: «Подвиги козаковъ въ Пруссіи», — статья, принадлежащая къ разряду библіографическихъ трудовъ, бывшихъ въ такой славѣ лѣтъ восемь тому назадъ; 2) «Войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ», статья, представляющая нѣсколько любопытныхъ документовъ и нѣсколько нравственныхъ размышленій, въ такомъ родѣ: «Такъ палъ человѣкъ, сильный и могучій властелинъ Дона, богатый и славный атаманъ! Сколько изумляетъ онъ насъ въ своемъ счастіи, столько сокрушаетъ своимъ несчастіемъ [1]). Не могъ вмѣстить атаманъ своей силы и власти, не устоялъ, захотѣлъ бо̀льшаго и палъ, никѣмъ не увлекаемый къ паденію. Такова судьба сильныхъ міра сего!..» 3) «Учебныя заведенія на Дону, 1790—1807 г.» Объ этой статьѣ скажемъ нѣсколько словъ.

Описаніе прежняго положенія мѣстныхъ училищъ—дѣло важное и близкое автору, какъ учителю. Тутъ могъ выразиться его взглядъ на ученье и на самыя начала образованности, его понятія объ отношеніи школы къ жизни, о потребностяхъ народа, принимающаго образованіе, и пр. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы видѣли, съ какой мыслью приступилъ къ подобному же труду г. Ѳирсовъ въ статьѣ о пермскихъ народныхъ училищахъ, и какія живыя, гуманныя, существенно-дѣльныя воззрѣнія выразилъ онъ въ очеркѣ этихъ училищъ. Ничего подобнаго не находимъ мы въ статьѣ г. Филонова объ учебныхъ заведеніяхъ на Дону. Въ статьѣ этой именно проявилась старая метода кропотливыхъ и мертвыхъ изысканій, неоживленныхъ рѣшительно никакой идеей. Въ громадныхъ размѣрахъ, примѣненная къ предметамъ обширнымъ, эта метода еще имѣетъ свои достоинства, въ смыслѣ произведенія точныхъ указателей, справочныхъ книгъ, сборниковъ сырыхъ матеріаловъ. Но въ размѣрахъ микроскопическихъ, въ примѣненіи къ предметамъ частнымъ и, главное, безъ сознанія того отношенія, которое должны имѣть эти части къ своему цѣлому,—труды, составленные по такой методѣ, просто забавны. Мы помнимъ, съ какимъ неудержимымъ смѣхомъ читали мы, года два тому назадъ, книжку г. Семевскаго, весьма важно и наивно утверждавшаго, что въ Великолуцкомъ уѣздѣ прежде свадьбы бываетъ сватанье, сговоръ и дѣвишникъ, на которомъ пѣсни поютъ, и что онъ, г. Семевскій, составилъ сборникъ великолуцкихъ пословицъ, въ родѣ: ученье свѣтъ, а неученье тьма; старый другъ лучше новыхъ двухъ и т. п. [1]). Мы долго не могли вспомнить безъ смѣха, какъ это г. Семевскій ходитъ по великолуцкому уѣзду и собираетъ такія рѣдкія пословицы... Теперь г. Филоновъ, *записывающій* все, что̀ найдетъ новаго и любопытнаго *для него* на Дону,—напомнилъ намъ г. Семевскаго. Говорятъ, что г. Семевскій въ послѣднее время напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ и уже занялъ почетное мѣсто въ ряду почтенныхъ дѣятелей нашей науки. Мы этого и ожидали, и то же самое можемъ предсказать г. Филонову: несмотря на свою юность, онъ скоро можетъ сдѣлаться *почтеннѣйшимъ* дѣятелемъ русской науки, и только *мы* будемъ попрежнему, со свойственнымъ намъ легкомысліемъ, смѣяться надъ кропотливыми изысканіями, которыхъ послѣднее слово—благоговѣніе къ краснорѣчію какого-то Оридовскаго и удивленіе, что учитель-французъ плохо писалъ по-русски... Посудите, въ самомъ дѣлѣ, каковы должны быть плоды изысканій г. Филонова, котораго занимаютъ вотъ какія вещи. «Въ 1804 г. на актѣ училища присутствовали дворянство, генералитетъ и другіе любители просвѣщенія. Ученики говорили рѣчи на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ», и пр. (стр. 152). «26 мая 1805 года посѣтилъ училище преосв. Арсеній, епископъ Воронежскій, вмѣстѣ съ войсковымъ атаманомъ Платовымъ... *будучи убѣждены, что любопытно все, относящееся къ дѣтству учебнаго заведенія*, мы рѣшаемся привести тѣ рѣчи, которыя говорены учениками и учителемъ главнаго училища въ помянутое посѣщеніе» (стр. 154). И затѣмъ приводятся рѣчи!.. «Кабинетъ естественной исторіи къ 1805 г. состоялъ изъ 274 вещей, математическій—изъ 19 нумеровъ и пр... Подробнѣе о кабинетахъ *не смѣемъ ничего сказать*»... (стр. 159). Отчего такая несмѣлость—неизвѣстно.

Весьма учеными и добросовѣстными изысканіями пахнутъ также слѣдующія строки, заключающія въ себѣ описаніе церемоніала открытія гимназіи въ 1805 году.

«Войсковой атаманъ Платовъ, генералитетъ, штабъ-офицеры, членъ университета, директоръ, учителя и ученики — собрались въ домѣ войсковой канцеляріи, гдѣ прочтены были приличные пункты изъ «предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія». Затѣмъ началось церемоніальное шествіе въ соборную церковь для выслушанія литургіи, шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ: ученики, учителя, директоръ училищъ съ членами университета, войсковой атаманъ съ войсковыми чинами. Литургію совершалъ соборный протоіерей Алексѣй Оридовскій; во время многолѣтія Государю Императору и Августѣйшему Дому произведена была пушечная пальба; по

[1]) Замѣтимъ, что Ефремовъ былъ сосланъ по обвиненію во взяткахъ и казнокрадствѣ, — а авторъ вполнѣ вѣритъ обвиненію! Каково же, послѣ этого, его мягкосердечіе. *Прим. Д.*

[1]) См. № 122.

окончаніи литургіи священство съ крестомъ, въ предшествіи хоругвей отправилось въ тотъ же войсковой домъ, гдѣ совершено было водоосвященіе...» и т. д. (стр. 168).

Занявши такимъ образомъ цѣлую страницу перечнемъ обыкновеннаго и никому особенно не интереснаго церемоніала, г. Филоновъ говоритъ: «Впрочемъ, насъ не столько занимаетъ церемоніалъ, сколько рѣчи и слова, произнесенныя при этомъ случаѣ», и распространяется, какъ мы уже сказали выше, въ похвалахъ краснорѣчію Оридовскаго, приводя даже цѣликомъ его слово... Далѣе,—имена учениковъ, перечень учебниковъ, описаніе торжественнаго акта, опять съ рѣчами учителей и *словопреніями* учениковъ, свѣдѣнія о числѣ учащихся и, наконецъ, (о, смѣлость!) замѣчаніе *о недостаткахъ* тогдашнихъ училищъ. И такъ исписано *сорокъ* страницъ... Но и самыя свѣдѣнія объ учащихся и ученьи такъ и несутъ затхлой схоластикой и мыльной реторикой наивнѣйшихъ ученыхъ вымирающей старины. Вотъ, напримѣръ, факты:

«Число учащихся на Дону въ четырехъ училищахъ (въ первые годы нынѣшняго столѣтія) представляетъ довольно свѣтлую картину, говоритъ г. Филоновъ.—Сравнивъ показанія наши съ показаніями г. Воронова, *мы остаемся въ сладкомъ убѣжденіи*, что преимущество останется за Донскими училищами. Вотъ исчисленіе». И дѣйствительно, по *исчисленію* оказывается, что въ 1805 г. на Дону было учениковъ 463, тогда какъ, по «Обозрѣнію училищъ петербургскаго округа», г. Воронова, въ 1802 г. было въ Архангельской губерніи 152, въ Олонецкой 163, Псковской 386 и пр. (стр. 166). Не говоримъ ужъ о томъ, что г. Филоновъ не потрудился вывести пропорцію учащихся на число жителей, безъ чего никакое сравненіе невозможно... Гдѣ жъ г. Филонову до такихъ тонкостей: онъ, я думаю, полагаетъ, что Сибирь населеннѣе Саксоніи, потому что въ Сибири три съ половиною милліона жителей, а въ Саксоніи только два. Онъ, какъ по всему видно, филологъ и библіографъ; слѣдовательно, ему позволительно не имѣть ни малѣйшаго понятія о требованіяхъ сравнительной статистики. Но вотъ что̀ любопытно: какой непостижимый оборотъ принимаетъ патріотизмъ у г. Филонова! Ему *сладко*, видите ли, быть убѣждену, что въ 1802 году въ Вологодской губерніи менѣе училось народу, чѣмъ въ Землѣ донскихъ козаковъ! Что̀ же тутъ особенно *сладкаго*, и чѣмъ объяснить странность вкуса нашего «юноши, по седьмому году взятаго», и пр... смотри выше...

Въ объясненіи недостатковъ ученія въ 1805—1807 годахъ, авторъ «Очерковъ Дона» является до того наивнымъ, что внушаетъ невольное подозрѣніе, — не воспитанъ ли онъ, по методѣ г. Миллеръ-Красовскаго, въ принципѣ: *не разсуждай...* Принципъ этотъ выражается у него въ двухъ явленіяхъ: во-первыхъ, онъ никакъ не можетъ перевернуть предметъ на разныя стороны и открыть сущность дѣла подъ внѣшней оболочкой; а такъ, — какой стороной вещь предъ нимъ ляжетъ, та только сторона и отразится въ его сознаніи,—и ужъ дальнѣйшаго движенія и работы въ умѣ не ждите. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о старшихъ, начальникахъ, учителяхъ, преданіяхъ, предписаніяхъ и т. п., то хотя бы они показались ему и прямо дурной стороной, но онъ старается закрыть и уничтожить эту сторону увѣсистымъ силлогизмомъ, въ видѣ такого булыжника: «а все-таки они старшіе», или «а все-таки они учители, — стало быть, во всякомъ случаѣ лучше насъ, и слѣдовательно не надо попускать въ себѣ развиваться мысли о дурныхъ сторонахъ ихъ...» О томъ, до какой степени сильны въ г. Филоновѣ оба эти явленія (несомнѣнные признаки воспитанія въ принципахъ г. Миллера-Красовскаго), могутъ свидѣтельствовать слѣдующіе факты.

У г. Филонова приводится нѣсколько документовъ, свидѣтельствующихъ, что многіе, при всемъ желаніи учить своихъ дѣтей, не имѣли возможности отдавать ихъ въ училище по бѣдности, а другіе бѣжали отъ ученья, ужасаясь обращенія учителей и всѣхъ училищныхъ порядковъ. Въ одномъ донесеніи директора даже прямо говорится: «а народъ, скудостію отягощенный, *хотя и желаетъ учить дѣтей*, но ежедневныя домашнія нужды ихъ отъ того отвлекаютъ: одинъ пасетъ овецъ, другой въ кузницѣ помогаетъ отцу, а третій на пашню уѣхалъ», и пр. И всѣ эти факты приводятъ г. Филонова къ тому заключенію, что въ народѣ не было любви къ просвѣщенію. «Мы обязаны сознаться, — говоритъ онъ, — что въ народѣ понятія о просвѣщеніи были самыя жалкія» (стр. 186). Ну, конечно: понятія народа виноваты...

Другой примѣръ: г. Филоновъ самъ же приводитъ нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ учителя были глупы, грубы и безсовѣстны. Учитель Яновскій за какіе-то пустяки колотилъ ученика по щекамъ до того, что у того кровь пошла изъ носу; учитель Арнольди одного ученика таскалъ за волосы, а другого колотилъ по головѣ, за то, что они въ его классѣ писали не въ тетради, а на полулистѣ; учитель Божковскій былъ оставляемъ въ гимназіи учителемъ математики нарочно за тѣмъ, *дабы усовершенствовался въ оной*; все ученіе было въ долбежку, такъ что «когда отвѣчаютъ ученики, что

рай былъ въ Азіи,—на вопросъ: «*что̀ есть Азія?*—отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что «*Азія есть растеніе*», а въ другихъ, что «*Азія есть страна*», на вопросъ же: «*какая страна—правая или лѣвая?*»—отвѣчаютъ: «*лѣвая*», и пр. (стр. 191). Напавши разъ на подобные факты, человѣкъ, избѣгнувшій принципа: «не разсуждать»,—конечно могъ бы выдти отъ нихъ къ соображеніямъ весьма полезнымъ и важнымъ. Потрудившись надъ собраніемъ и распредѣленіемъ возможно-бо̀льшаго количества фактовъ и сравнивши ихъ съ общимъ состояніемъ просвѣщенія и нравовъ въ то время, можно было представить весьма живую и занимательную картину внутренней жизни тогдашнихъ училищъ. А занявшись изъясненіемъ причинъ, отъ которыхъ происходилъ у насъ вездѣ такой контрастъ просвѣщенной формы съ самымъ грубымъ невѣжествомъ въ существѣ дѣла, можно бы дойти до выводовъ весьма широкихъ и плодотворныхъ. Но г. Филоновъ боится разсуждать: свои пять страничекъ, на которыхъ излагается темная сторона обученія (съ обвиненіемъ народныхъ массъ), онъ заключаетъ слѣдующими строками:

«Прибавимъ, что мы слышали множество изустныхъ разсказовъ о первыхъ учителяхъ нашей гимназіи, разсказовъ самаго возмутительнаго свойства; *но, говоря словами великаго поэта,*—

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ...»

Какая удивительная кротость, и въ то же время какое своекорыстіе! Вѣдь по естественноиу человѣческому смыслу надо полагать, что авторъ «Очерковъ Дона» будетъ и самъ для себя того же требовать отъ учениковъ и отъ всѣхъ вообще младшихъ, — особенно когда онъ постарше будетъ... А если кто захочетъ указать ему его недостатки, того онъ почтитъ именемъ *неблагодарнаго*... Вотъ вамъ и прогрессъ, вотъ и нравственное совершенствованіе поколѣній! Принципъ благодарности, примѣненный къ исторіи и выражающійся въ ней малодушнымъ молчаніемъ! Очень разумно! Нельзя, видите, раскрыть внутренней жизни училища за 50 лѣтъ назадъ, потому что надо помнить долгъ признательности къ наставникамъ! А тутъ еще кричатъ о гласности, объ обличеніяхъ, и хотятъ придать этому видъ любви къ общему благу... Какое общее благо! Неблагодарность, и больше ничего... Если бы мы были проникнуты чувствомъ признательности, столь возвышающимъ человѣческую природу, то все бы только похваливали, и нѣжнѣйшимъ, умильнѣйшимъ голоскомъ говорили бы: «прежде было очень хорошо, а еще прежде — тоже очень хорошо, а теперь — тоже очень хорошо,—а впередъ будетъ—тоже очень, очень хорошо!..» Тогда мы и были бы благонравными дѣтьми, и гг. Ефимъ Дымманъ, А. Филоновъ и Н. А. Миллеръ-Красовскій остались бы нами довольны...

Итакъ, вотъ наши молодые наставники и руководители, вотъ тѣ люди, которые должны готовить къ дѣятельности будущее поколѣніе!.. Они съ юности берутъ себѣ принципомъ — остановиться на томъ, что̀ предано и заповѣдано старшими, и дѣлаясь сами старшими, безъ сомнѣнія тѣ же принципы будутъ проводить и для назиданія своихъ учениковъ. Питая ихъ фантастическими бреднями, въ родѣ сочиненій Вонлярлярскаго, да мертвой схоластикой, въ видѣ филологическихъ надрываній г. Майкова надъ *ерами* и *ерями*, они внушаютъ уваженіе только къ формальности, избавляющей отъ всякихъ разсужденій, и къ голубиной кротости, прямехонько ввергающей человѣка въ обломовщину... А между тѣмъ эти люди безпрестанно злоупотребляютъ именемъ Пирогова; а Пироговъ именно толкуетъ, что воспитаніе есть приготовленіе къ борьбѣ, которую человѣкъ неизбѣжно долженъ начать при самомъ вступленіи въ жизнь, если только останется честнымъ человѣкомъ и не захочетъ пасть ницъ предъ первымъ попавшимся кумиромъ...

Впрочемъ—забавная вещь!—есть жизненные факты, которые заставляютъ подняться самаго залежавшагося человѣка. Кажется, ужъ чего кротче, идилличнѣе, прекраснодушнѣе, чѣмъ авторъ «Очерковъ Дона»! Онъ, какъ мы видѣли, болѣе способенъ витать въ «Замкѣ на берегахъ Дона», сочиненномъ господиномъ Зряховымъ, нежели просто жить въ Землѣ донскихъ казаковъ: для него, кажется, не только новы, но и совершенно невѣдомы всѣ впечатлѣнія бытія, точно такъ, какъ невѣдомы дикія утки и непостижимъ водоворотъ на рѣкѣ... Но и этого *юношу* пробрала жизнь, и его заняла серьезно одна сторона ея и вызвала у него одну жизненную замѣтку,—кажется единственную во всей книгѣ. Онъ выражаетъ недовольство тѣмъ, что учительское жалованье мало и что на 393 рубля въ годъ нельзя жить въ Новочеркасскѣ... Нашлось-таки, значитъ, явленіе, которое и его задѣло за живое!..

Впрочемъ, онъ вѣроятно уже утѣшился и примирился теперь съ своей судьбою, потому что жалованье учителямъ прибавлено. При томъ же онъ, вѣроятно, надѣется на успѣхъ своихъ «Очерковъ Дона», которые стоятъ,—какъ вы думаете, сколько?—*полтора цѣлковыхъ!*..

361. Аѳины и Константинополь.

Путевыя записки *А. Милюкова*. Спб. 1859.

Турецкая имперія.

Ея исторія, статистика, географія, политическое состояніе, нравы и обычаи. Съ присовокупленіемъ словаря турецкихъ словъ. Сочиненіе *Альфреда де-Бессе*. Москва. 1860.

Напечатано вмѣстѣ съ № 357.

М. Л.

Вѣрите ли, что изъ книги въ 300 слишкомъ страницъ, съ длиннымъ заглавіемъ, напоминающимъ «Россію» г. Булгарина,—можно узнать о Турціи гораздо меньше, нежели изъ путевыхъ очерковъ г. Милюкова, въ которыхъ посвящено страничекъ 100 Константинополю!.. У г. Милюкова есть, напримѣръ, параллель Константинополя съ Москвою, чего вы у г. Бессе ужъ никакъ не найдете. Кромѣ того, въ путевыхъ запискахъ г. Милюкова вы читаете характеристику страны и народа, научаетесь понимать хоть отчасти и современное положеніе Турціи, и значеніе историческихъ судебъ ея. Въ книгѣ г. Бессе нѣтъ ничего подобнаго. Бо̀льшая часть книги занята формулярнымъ спискомъ Турціи и ея султановъ: когда родился, въ какихъ былъ походахъ, какія имѣнія пріобрѣталъ, какіе знаки отличія получалъ, не былъ ли подъ судомъ, и пр. Но главный предметъ всего формулярнаго списка, названнаго, по старой памяти, *исторіей* Турціи, составляетъ прославленіе силы русскаго оружія въ войнахъ съ турками. Цѣлая треть книги посвящена исключительно этому предмету, и безпрерывно попадаются фразы, въ родѣ слѣдующей: «штурмующіе не могли проникнуть въ крѣпость условленными путями, но, увлеченные мужествомъ, они бросились на стѣны, и безъ сомнѣнія проникнули бы во внутренность города, если бъ начальство, дорожа кровію русскою, не повелѣло имъ отступить» (стр. 140). Какъ видите, даже и карамзинская манера есть у г. Бессе: чѣмъ не историкъ,—особенно для Турціи?..

За исторіей идетъ «состояніе политическое и религіозное; нравы и обычаи». Этотъ отдѣлъ занимается перечисленіемъ разныхъ предметовъ, въ родѣ того, что «части арміи въ Турціи суть: инфантерія, кавалерія, артиллерія, и пр. или, что «число придворныхъ пажей простирается до 500 человѣкъ»... Кромѣ перечня, есть и *объясненія* въ такомъ родѣ: «правительственная организація, равно какъ всѣ прочія нововведенія, водворенныя Махмудомъ въ имперіи Оттоманской, отпечатлѣваютъ на всѣхъ отрасляхъ власти, за исключеніемъ отличій и правъ улемовъ, *особенность,* которая свидѣтельствуетъ о совершенномъ познаніи дѣла и которой султанъ былъ обязанъ тѣмъ, что всѣ сіи реформы совершилъ онъ, не встрѣтивъ серьезныхъ препятствій со стороны этого важнаго сословія въ имперіи» (стр. 175). И тутъ конецъ объясненію: что это за *особенность, которая свидѣтельствуетъ*, и пр.,—остается тайною г. Бессе и, можетъ быть, книгопродавца Манухина, издавшаго его книгу.

Затѣмъ представленъ географическій перечень, о точности котораго можно судить потому, что во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ показано 21.000 кв. миль, а о Черномъ морѣ сказано, что «оно есть не что иное, какъ обширное озеро, и имѣетъ всѣ свойства *онаго*».

Книга г. Бессе принадлежитъ, какъ видите, къ числу тѣхъ безполезныхъ и мертвыхъ произведеній, которыя являются—или какъ плодъ спекуляціи, или какъ продуктъ схоластической, безжизненной учености. Впрочемъ, скорѣе можно причислить ее къ спекуляціямъ. Для различенія этихъ двухъ родовъ существуютъ слѣдующіе признаки.

Книга-спекуляція имѣетъ громкое и длинное заглавіе, печатается неопрятно и неисправно, составляется неаккуратно, съ широкими замашками, но безъ выдержки, съ крайней небрежностью. Съ первыхъ страницъ вы видите, что книга составлена сплеча... Но иногда въ такой книгѣ вы встрѣчаете даже и признаки дарованія...

Книга—плодъ схоластики—тоже имѣетъ громкое и длинное заглавіе; но въ немъ всегда есть нѣкоторое глубокомысліе и претензія на скромность. Печатается она тоже не всегда опрятно, но большею частію очень исправно. Широкія замашки всегда въ ней

бываютъ обруганы въ предисловіи; а затѣмъ начинается аккуратнѣйшій, кропотливѣйшій подборъ самыхъ мелкихъ мелочей, доходящій иногда до того, что отъ буквъ,—отъ напечатанныхъ буквъ—начинаетъ пахнуть пòтомъ. Признаки дарованія въ подобныхъ книгахъ тоже иногда встрѣчаются, но уже въ чахоточномъ видѣ.

Но общее въ обоихъ этихъ родахъ книгъ — то, что изъ нихъ вы никогда не узнаете сущности предмета, его внутренняго характера и настоящаго значенія. Этому условію вполнѣ удовлетворяетъ и «Турція» г. Альфреда *де* Бессе. Мы уже замѣтили, что гораздо больше, чѣмъ изъ его книги, можно узнать о Турціи изъ путевыхъ записокъ г. Милюкова, хотя онъ вовсе и не имѣлъ въ виду представить полную характеристику Турціи...

Записки г. Милюкова читаются очень легко, хотя онъ и распространяется иногда въ очень длинныхъ описаніяхъ картинъ природы (большею частію недоступныхъ описанію) и памятниковъ искусства. Насъ занялъ, между прочимъ, контрастъ, представляемый живымъ народомъ Аѳинъ съ неподвижными стамбульскими турками. Въ Аѳинахъ греки бѣгаютъ, шумятъ, толкуютъ, спорятъ, жалѣютъ, что Демосѳена теперь нѣтъ у нихъ... Это забавное сожалѣніе, выраженное однимъ студентомъ аѳинскимъ, подробно передано г. Милюковымъ. Оно показываетъ, что и въ нынѣшнихъ грекахъ бродитъ недовольство настоящимъ и что-то такое, похожее на любовь къ національной свободѣ... «О чемъ теперь говорить Демосѳену?» возразили студенту; и онъ, немедленно разгорячившись, началъ толковать (стр. 47):

«Какъ о чемъ? Да развѣ Грецiя такъ счастлива и народъ доволенъ, правительство до того твердо и безкорыстно, что старому оратору осталось бы только молчать отъ удовольствiя! О чемъ говорить ему! Да неужели некого обличать теперь? Развѣ въ наше время онъ не нашелъ бы въ Греціи ни пронырливыхъ Филипповъ, ни продажныхъ Эсхиновъ? И вы думаете—онъ остался бы доволенъ и молчалъ, когда у насъ строятъ мраморные дворцы, а нѣтъ нигдѣ проѣзжихъ дорогъ; когда ежегодно тратятъ десятки тысячъ драхмъ на поливку королевскаго сада, а столичныя улицы освѣщаются не газомъ и даже не масломъ, а одной кроткой луною».

Да вы читаете настоящую филиппику...

«Нѣтъ, это только слабая оттоніада,— возразилъ студентъ, одушевляясь еще болѣе.—Неужели, думаете вы, не возмутило бы Демосѳена это преслѣдованіе книгопечатанія и ограниченіе свободы мыслей, эти подкупы на выборахъ и интриги въ министерствѣ, эта продажность законовъ и вопіющая несправедливость нашихъ маститыхъ архонтовъ. Нѣтъ, онъ сорвалъ бы маску съ этихъ безстыдныхъ правителей и судей и заставилъ бы привести ихъ — вотъ на этотъ холмъ».

«И онъ указалъ на то мѣсто, гдѣ былъ Ареопагъ».

А въ самомъ дѣлѣ, — въ этомъ народѣ какъ будто есть какое-то право говорить этакія рѣчи... Все его окружающее какъ-то оправдываетъ его восторженность. У него и Демосѳенъ былъ, и Ареопагъ былъ...

И не только шумятъ да декламируютъ аѳиняне: они серьезно интересуются политикой, серьезно учатся, и это не въ одномъ привилегированномъ классѣ, а во всѣхъ званіяхъ. Аѳинскій университетъ открытъ для всѣхъ, безъ всякой платы, и молодежь умѣетъ цѣнить это благодѣяніе. «Здѣсь, говоритъ г. Милюковъ, водятся всякаго рода студенты — даровитые и почти бездарные, богатые и почти нищіе, но нѣтъ, говорятъ, студента, который бы ничего не дѣлалъ. Того извѣстнаго типа молодого человѣка, который надѣваетъ студентскій сюртукъ для того, чтобы блистать въ кондитерскихъ и театрахъ, въ Аѳинахъ не существуетъ» (стр. 74). Само собою разумѣется, что университетъ всѣхъ принимаетъ радушно, и зато молодые люди платятъ ему самой пылкой приверженностью къ нему и къ наукѣ. «Были случаи,—разсказываетъ г. Милюковъ, — что иной приходилъ въ городъ съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ, и опредѣлялся слугою или мальчикомъ въ какой-нибудь магазинъ, требуя за свои труды только кусокъ хлѣба да три часа въ день для посѣщенія лекцій».

То же самое, что̀ университетъ для молодежи, составляетъ институтъ, Арсакеонъ, — для дѣвочекъ. Въ немъ есть и казенныя воспитанницы, и приходящія; большая часть приходящихъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу городскихъ жителей. Почти всѣ по окончаніи курса расходятся на мѣста гувернантокъ или учительницъ въ провинціальныя школы. «А если не найдется мѣста?»—спросилъ нашъ путешественникъ свою прачку, у которой дочь тоже ходила въ Арсакеонъ.—«Такъ что̀ же,—отвѣчала гречанка:—развѣ образованіе помѣшаетъ ей стирать бѣлье?—Она и теперь иногда помогаетъ мнѣ» (стр. 77).

Любовь къ образованію простирается до того, что, не довольствуясь школами, существующими въ Аѳинахъ и другихъ городахъ, жители деревушекъ сами часто отыскиваютъ и нанимаютъ какого-нибудь бѣднаго учителя и поочередно даютъ ему постель и обѣдъ.

И, все-таки, этотъ народъ не имѣетъ никакого значенія, все-таки, не добился внутренняго устройства, которымъ бы могъ быть доволенъ!.. И только волнуются пона-

прасну горячіе люди, подобные студенту, декламировавшему предъ г. Милюковымъ...

Турки — тѣ уже, кажется, благоразумнѣе: ихъ ничто не тревожитъ, ничто не занимаетъ... Насъ недавно упрекали, на французскомъ діалектѣ, за то, что мы очень апатичны и мало интересуемся общественными дѣлами. Но насъ еще что же упрекать? Посмотрите-ко, что въ Турціи дѣлается: то ли еще увидите!.. Во время житья г. Милюкова въ Константинополѣ разыгрывалась, напримѣръ, исторія съ Дунайскими княжествами. Слухи носились изумительные, французскій посланникъ торжественно снималъ свой флагъ, готова была, повидимому, разразиться новая война; европейское населеніе города бѣгало, хлопотало, догадывалось, кричало и безпокоилось ужасно. А турки сидѣли себѣ преспокойно въ кофейныхъ; никто и не спросилъ о томъ, чего хочетъ англичанинъ и о чемъ хлопочетъ французъ. Ни одинъ турокъ не полюбопытствовалъ даже взглянуть на торжественнѣйшую церемонію, съ пушечной пальбой, сопровождавшую снятіе французскаго флага. Франки же сами и бѣгали смотрѣть на эту торжественную сцену!.. Наконецъ, въ Константинополѣ разнеслись слухи, что русская армія вступила уже въ Валахію: и тутъ ни одинъ турокъ рта не раскрылъ, пальцемъ не пошевелилъ... Какъ сидѣлъ, курилъ себѣ въ кофейной, такъ и остался въ своемъ невозмутимомъ кейфѣ...

Вотъ это такъ дѣйствительно спокойствіе, тишина и неподвижность! На это можно полюбоваться или разсердиться, какъ кому лучше нравится... А мы что! Насъ еще можно назвать безпокойными и неугомонными сравнительно съ мудрыми подданными Высокой Порты!.. Успокоимся же, читатель, и да не возмущаютъ насъ никакіе упреки!

---

362. Обзоръ дѣтскихъ журналовъ.

1) «Звѣздочка», журналъ для дѣтей, изд. А. Ишимовой, 1859 г., I—VI. 2) «Лучи», журналъ для дѣвицъ, изд. А. Ишимовой, 1859 г., I—VI. 3) «Журналъ для Дѣтей», изд. М. Чистяковымъ, 1859 г., №№ 1—24.

Напечатано въ XII кн. «Журнала для Воспитанія» 1859 г. (ценз. 25 ноября). Не давая здѣсь ничего новаго въ области своихъ взглядовъ на дѣтскую литературу, Добролюбовъ иллюстрируетъ, однако, уже высказанныя имъ по этому вопросу мысли. Окончаніе обзора было написано уже не имъ,— это была послѣдняя его работа въ «Журналѣ для Воспитанія».

М. Л.

Въ области дѣтскаго чтенія нынѣ совершается то же самое, что уже давно совершилось вообще съ нашей литературой: журналы заступаютъ мѣсто книгъ. До прошлаго года у насъ было три небольшихъ дѣтскихъ журнала: «Звѣздочка» и «Лучи», г-жи Ишимовой, и «Журналъ для Дѣтей», г. Чистякова. Въ прошломъ году къ нимъ прибавился «Подснѣжникъ», г. В. Майкова. Въ нынѣшнемъ году появились еще: «Дѣтскій Журналъ», г. Залѣсскаго (въ Москвѣ), «Собесѣдникъ», журналъ для дѣтей и для родителей, г. Ушакова, и «Разсвѣтъ», журналъ для дѣвицъ, г. Кремпина. Такимъ образомъ, составляется въ годъ до 80 книжекъ самаго разнообразнаго дѣтскаго чтенія. Такого богатства у насъ до сихъ поръ не бывало; новыя книжки для дѣтей считались доселѣ не десятками, а единицами, да и то выходили больше къ праздникамъ. Теперь же періодически — каждый мѣсяцъ вы можете получать шесть книжекъ, да кромѣ того, каждую недѣлю по листочку журнала г. Чистякова; такое развитіе получила у насъ дѣтская литература!

Обширность размѣровъ, принятыхъ нынѣ дѣтскою журналистикой, обязываетъ насъ остановиться на этомъ явленіи и дать о немъ отчетъ нашимъ читателямъ. Такой отчетъ можетъ имѣть даже практическую пользу, облегчая для родителей и воспитателей знакомство съ каждымъ журналомъ и выборъ того или другого изъ нихъ. Едва ли кто захочетъ выписывать для своихъ дѣтей *всѣ* журналы, которые стоятъ до 45 рублей. Едва ли кто станетъ и перечитывать ихъ по доброй волѣ, потому что это очень скучно. Для облегченія работы воспитателей и родителей мы и рѣшились, не прибѣгая къ голословнымъ осужденіямъ и не предлагая догматическихъ совѣтовъ, изложить то, что нами замѣчено въ каждомъ изъ дѣтскихъ журналовъ, указать на его характеристическія особенности, его напра-

вленіе, изложеніе статей и проч. Тогда само собою будетъ видно, что̀ есть въ журналѣ и въ какой мѣрѣ каждое изданіе удовлетворяетъ требованіямъ и убѣжденіямъ того или другого изъ нашихъ читателей. Для выполненія этой задачи мы беремъ на первый разъ первое полугодіе дѣтскихъ журналовъ за нынѣшній годъ.

Начнемъ съ тѣхъ журналовъ, которые существуютъ уже очень давно и успѣли установиться въ своемъ характерѣ и содержаніи.

Старѣйшій изъ журналовъ, издающихся нынѣ,—«Звѣздочка». На заглавномъ листѣ каждаго изъ ея томиковъ нынѣшняго года стоитъ: «*годъ девятнадцатый*». Начнемъ же съ нея.

Размѣры «Звѣздочки» довольно тощи. Шесть книжекъ, изданныхъ въ первой половинѣ нынѣшняго года, составляютъ два томика въ 214 + 213 страницъ. Однакоже годовая цѣна журнала—5 р. с. Между тѣмъ, за 6 рублей «Дѣтскій журналъ» даетъ *каждый мѣсяцъ* по 150, а «Подснѣжникъ» и «Собесѣдникъ»—по 200 и болѣе страницъ. Слѣдовательно, предполагая, что содержаніе этихъ журналовъ по достоинству равняется содержанію «Звѣздочки», оно оказывается *вдвое* и *втрое* дешевле ея. Иначе сказать, чтобы выдержать соперничество съ другими журналами, «Звѣздочка» должна быть *вдвое* лучше «Дѣтскаго журнала» и *втрое* лучше «Собесѣдника» и «Подснѣжника». То же самое нужно сказать и о «Лучахъ», которые такъ же тощи, какъ и «Звѣздочка», но рублемъ еще дороже ея, — кажется, за то, что при нихъ прилагаются рисунки узоровъ.

Редакція «Звѣздочки» и «Лучей» одна и та же, слѣдовательно, въ отношеніи къ направленію оба эти журнала можно разсматривать вмѣстѣ. Разница между ними только та, что «Лучи» назначены для старшаго возраста, а «Звѣздочка» для младшаго и самаго младшаго. Оттого характеръ «Лучей» нѣсколько серьезнѣе. Что же касается до направленія, то оно можетъ быть названо религіозно-нравственнымъ и патріотическимъ. Таковымъ оно было всегда, таковымъ осталось и нынѣ. За это постоянство направленія нельзя не похвалить редакцію, потому что направленіе это само по себѣ совершенно здраво и какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ началамъ истинной педагогики. Но не надо забывать, что и оно можетъ сдѣлаться мертвымъ и формальнымъ, если въ своихъ примѣненіяхъ ни мало не соображается съ потребностями времени и обстоятельствъ. Высшія нравственныя совершества, какъ напр., героизмъ, самопожертвованіе и т. п., не могутъ быть предписываемы всякому во всякое время, особенно въ той возвышенной и блестящей формѣ, въ какой они представляются въ великихъ примѣрахъ историческихъ лицъ. Въ наше время, въ нашемъ быту, рѣдкому выпадаетъ и возможность выказать подобныя доблести: нашъ гражданскій героизмъ и самоотверженіе должны выражаться совсѣмъ въ иныхъ формахъ, такъ какъ сфера дѣятельности и вся обстановка нашего быта совершенно не тѣ, каковы были у великихъ людей прежнихъ временъ. Да, кромѣ того, и самыя понятія во многомъ измѣнились. Напр., въ недавнее время патріотизмъ состоялъ въ восхваленіи всего хорошаго, что̀ есть въ отечествѣ; нынѣ этого уже недостаточно для того, чтобы быть патріотомъ. Нынѣ къ восхваленію хорошаго прибавилось неумолимое порицаніе и преслѣдованіе всего дурного, что̀ еще есть у насъ. И нельзя не сознаться, что послѣднее направленіе патріотизма гораздо практичнѣе, потому что вытекаетъ прямо изъ жизни и ведетъ прямо къ дѣлу, возбуждая энергію воли и вниманіе къ настоящему теченію дѣлъ. Сообразно съ этимъ видоизмѣнились и многія изъ понятій о нравственныхъ обязанностяхъ: добродѣтель, конечно, не перестала быть добродѣтелью; но оказалась надобность во многихъ изъ такихъ добродѣтелей, которыя прежде считались почти невозможными, и наоборотъ. Напр., послушаніе и скромность составляютъ попрежнему украшеніе юности; но въ прежнее время объ этихъ добродѣтеляхъ такъ много толковали намъ, такъ усильно внушали ихъ дѣтямъ, что онѣ сдѣлались главнымъ основаніемъ нравственности. Теперь всѣ замѣтили, что это основаніе не совсѣмъ пригодно для тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать: намъ надо выдерживать борьбу со зломъ, надо отталкивать свою душевную чистоту и защищать общественную правду отъ лжи, насилія и своекорыстія. Для этого надо намъ запастись не только послушаніемъ и скромностью, но и твердостью духа, вѣрой въ право и правду, умѣньемъ оградить свою самостоятельность противъ всякихъ несправедливыхъ покушеній. Ясно, что понятіе о добродѣтели осталось то же, но примѣненіе ея получило уже нѣсколько другой видъ.

Это измѣненіе практическаго значенія многихъ понятій необходимо долженъ имѣть въ виду всякій, кто пишетъ или издаетъ что-нибудь для дѣтей. Для нихъ это гораздо нужнѣе, чѣмъ для взрослыхъ. Мы еще можемъ какъ-нибудь дожить вѣкъ, если и не совсѣмъ хорошо примѣнимся къ новымъ понятіямъ, которыя теперь только

начинаютъ водворяться. Но дѣти, получающія теперь воспитаніе, войдутъ въ жизнь и приступятъ къ практической дѣятельности тогда, когда эти новыя для насъ понятія войдутъ въ полную силу и сдѣлаются необходимымъ условіемъ гражданскаго быта. Если дѣти наши не будутъ приготовлены къ нимъ самимъ воспитаніемъ, то случится одно изъ двухъ: или они посмѣются надъ этимъ воспитаніемъ, бросятъ его, какъ ненужный обременительный хламъ, и сами себя вновь начнутъ воспитывать; или же они останутся вѣрны нашимъ началамъ, и тогда войдутъ въ разладъ съ лучшими стремленіями дѣйствительной жизни и вѣчно будутъ отсталыми, лишними, безполезными людьми. Ни того, ни другого нельзя назвать особенно счастливымъ результатомъ.

Къ сожалѣнію, редакція «Звѣздочки» и «Лучей» очень мало думаетъ о современномъ движеніи идей и остается попрежнему очень преданною высшимъ отвлеченностямъ и идеальнымъ стремленіямъ, не имѣющимъ практической примѣняемости. Въ обоихъ журналахъ, издаваемыхъ г-жею Ишимовою, мы не находимъ почти никакого отголоска на современныя явленія общественной жизни и разные вопросы, поднятые въ послѣднее время у насъ и въ Европѣ. Попрежнему въ «Звѣздочкѣ» помѣщаются очень мило разсказанные уроки изъ «Всеобщей исторіи», занимающіе въ первомъ полугодіи «Звѣздочки» до 70 страницъ (т.-е. $^1/_6$ всего изданія); попрежнему продолжаются уроки англійскаго языка по методѣ Робертсона; попрежнему дѣлаются пространныя выписки изъ разбираемыхъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія и помѣщаются для старшихъ читателей нравственныя размышленія и разсказы (напр., о томъ, «какъ часто Провидѣніе пользуется ничтожными причинами для великихъ послѣдствій», «о любви и уваженіи къ родителямъ у краснокожихъ индѣйцевъ», и т. п.), а для самыхъ младшихъ—анекдоты «о томъ, что̀ сдѣлалось съ «нетерпѣливымъ Ванечкой», и т. п. Все это, конечно, очень хорошо само по себѣ и въ своемъ мѣстѣ. Но мы не понимаемъ, что за радость маленькимъ читателямъ, напр., прочесть и выучить, пожалуй, въ январѣ одинъ англійскій урокъ, а потомъ черезъ *два мѣсяца* (уроки помѣщаются обыкновенно черезъ книжку) получить слѣдующій урокъ, и опять его пройти, и опять дожидаться два мѣсяца. Такимъ образомъ, изученіе языка пойдетъ лѣтъ на десять. Очевидно, что дѣти не могутъ имъ пользоваться въ «Звѣздочкѣ». Зачѣмъ же тутъ и мѣсто занимать англійскими уроками? На это есть учебники. До нѣкоторой степени то же самое можно сказать и объ урокахъ исторіи. Что касается до выписокъ изъ книгъ, то ихъ, конечно, можно бы составлять съ гораздо бо̀льшимъ тактомъ. Напр., неужели стоило занимать цѣлый печатный листъ выписками вялыхъ стиховъ изъ поэмы г. Ѳедора Глинки «Іовъ»?

О нравоучительныхъ анекдотахъ наше мнѣніе извѣстно читателямъ. Нетерпѣливый Ванечка, разсѣянный Гриша въ длинной и скучной повѣсти, изображенной г-жею Вороновой, и т. п. куколки, изобрѣтенныя схоластической дидактикой, никогда не заинтересуютъ умныхъ дѣтей.

Затѣмъ остаются въ обоихъ журналахъ—стихотворенія, большія повѣсти и мелкія замѣтки. Въ «Лучахъ» есть еще нѣсколько статей въ отдѣлѣ *наукѣ*, которыя въ «Звѣздочкѣ» наполнены исключительно англійскими уроками и уроками изъ всеобщей исторіи.

Стихотворенія «Звѣздочки» и «Лучей» отличаются болѣе идилличностью и вялостью, нежели талантомъ. Большую часть ихъ поставляетъ г-жа Каменская. Тенденціи ея принимаютъ иногда довольно странный видъ. Напр., восхваляя паука, она впадаетъ въ такую философію по поводу паутины:

Видишь, въ ней какъ мушекъ много;
Но онѣ цѣлъ ихъ не со зла;
Пауку по волѣ Бога
Пища та дана.
Прежде люди надѣвали
Только шкуру отъ звѣрей,
Тканей разныхъ и не знали
Въ первобытности своей;
Но вотъ этой паутиной
Данъ имъ былъ къ тканью толчокъ,
и проч.

Много ли тутъ поэзіи и до какой степени основательна натурофилософія г-жи Каменской, объ этомъ распространяться не стоитъ. Но если ужъ «Звѣздочка» непремѣнно хотѣла внушить дѣтямъ участіе къ паукамъ, то не лучше ли было бы просто помѣстить дѣльную, естественно-историческую статью о жизни и нравахъ пауковъ?

Въ другомъ стихотвореніи, «Разсказъ няни моего отца», г-жа Каменская разсказываетъ про Пугачева и между прочимъ говоритъ съ дѣвочкой такими словами:

Зачѣмъ же потупила глазки!
Коль врешь, такъ убирайся прочь!
Ну, вылитый ты дѣдъ, точь въ точь!
Ужъ не уронишь родъ свой графскій.

Не лучше г-жи Каменской и Н. Ч., который пишетъ о райской птичкѣ такимъ образомъ:

Есть вдали, въ выси *святые,*
Непорочные снѣга,
Ихъ не *мучатъ вихри злые,*
Ихъ *не мѣрила нога.*

Подумаешь, что издательница «Звѣздочки» и «Лучей» нарочно печатаетъ подобные стихи, чтобы отбить дѣтей отъ поэзіи и показать имъ, что стихи суть не что иное, какъ чистѣйшая безсмыслица!

Изъ повѣстей «Звѣздочки» надо замѣтить повѣсть г-жи Вороновой «Мой дѣдушка и моя бабушка». Въ ней разсказывается нравоучительная исторія, какъ бабушка съ матерней стороны научала своихъ внучатъ склонять дѣдушку съ отцовской стороны къ завѣщанію имъ наслѣдства, и что̀ изъ того воспослѣдовало. «Твоей сестрѣ надо приданое, когда она вырастетъ, говорила бабушка Мишѣ, а ты проси у дѣдушки отцову долю, — тогда ты не будешь жить въ Петербургѣ бѣднякомъ. Только ты самъ, Мишенька, проси, и будь ласковѣе съ твоимъ дѣдушкой, а у матери твоей недостанетъ духу просить чего-нибудь для васъ, хотя она и должна была бы это сдѣлать. И Миша дѣйствительно былъ уменъ и ласковъ съ дѣдушкой, и получилъ наслѣдство, несмотря на интриги тетки и другихъ внучатъ». Почему «Звѣздочка» считаетъ особенно полезными и назидательными для дѣтей эти семейныя дрязги, мы никакъ не можемъ постигнуть.

Въ «Лучахъ» есть также большая повѣсть г-жи Вороновой «Опасный даръ». Даръ этотъ состоитъ въ поэтическомъ дарованіи, которое мѣшаетъ дѣвушкѣ жить въ ладу съ дѣйствительностью. Повѣсть эта имѣетъ слишкомъ исключительный характеръ и скорѣе можетъ принести вредъ, нежели пользу въ нашемъ обществѣ, гдѣ и безъ того на всякое идеальное стремленіе смотрятъ какъ на что-то ужасное и несчастное и постоянно стараются внушать дѣтямъ пошлыя правила практической изворотливости, иногда даже не совсѣмъ честной.

Гораздо полезнѣе для дѣтей разсказы съ историческою основою или прямо взятые изъ исторіи, особенно новой. Въ «Лучахъ» можетъ занять дѣтское любопытство разсказъ «Паскаль и его сестры», разсказы изъ средней исторіи о королѣ Генрихѣ, объ Оттонѣ, статьи объ Англійской Индіи, о Лукновѣ и Дели. За помѣщеніе этихъ разсказовъ нельзя не благодарить редакцію «Лучей». Не менѣе полезны и интересны могли быть и разсказы изъ географіи и этнографіи, всегда столь занимающіе дѣтское вниманіе. Въ этомъ родѣ въ «Лучахъ» прочтутся дѣтьми «Мальстремъ», «Суезскій перешеекъ или омнибусы въ пустынѣ», «Нравы и обычаи Японцевъ», «Пещера въ горахъ Юры»,—разсказъ, имѣющій, кромѣ того, и драматическій интересъ въ самомъ содержаніи. Къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ разсказамъ вредитъ нѣсколько излишнее краснорѣчіе, которымъ по мѣстамъ они украшаются.

Вообще говоря, мы находимъ, что въ «Лучахъ» и «Звѣздочкѣ» проводится направленіе нравственное и патріотическое, что свѣдѣнія часто сообщаются не безполезныя, но что оба журнала страдаютъ излишней отвлеченностью и оказываются очень шаткими въ примѣненіи общихъ воззрѣній къ частнымъ случаямъ. Редакція обоихъ журналовъ стремится внушить дѣтямъ, что нужно быть нравственно добрыми; но въ чемъ именно состоитъ нравственность, какія начала добра ею принимаются и какъ они должны быть выражаемы въ данныхъ отношеніяхъ и случаяхъ,—это остается очень темнымъ и неопредѣленнымъ для юныхъ читателей «Лучей» и «Звѣздочки». Между тѣмъ самое главное не только въ дѣтской, но и во всякой книгѣ составляетъ уясненіе частныхъ приложеній общаго принципа и указаніе на подробности практическія. Отъ недостатка этихъ послѣднихъ свойствъ чрезвычайно много теряютъ «Звѣздочка» и «Лучи», и никакое краснорѣчіе, никакія общія мѣста о добрѣ, смиреніи, послушаніи, набожности и проч. имъ не помогутъ.

Послѣ журналовъ г-жи Ишимовой, самый старшій изъ дѣтскихъ журналовъ «Журналъ для Дѣтей» г. Чистякова. Онъ издается уже лѣтъ десять, нѣсколько разъ мѣнялъ свой форматъ и сроки выхода, утратилъ даже одного изъ первоначальныхъ редакторовъ—г. Разина; но постоянно былъ вѣренъ своему направленію. Нынѣ онъ выходитъ еженедѣльно, по листу большого формата, въ два столбца; въ программѣ его попрежнему остается «духовное, нравственное, историческое, естествоописательное и литературное чтеніе». Кто хотя поверхностно просматривалъ этотъ журналъ за прежніе годы, тотъ, конечно, замѣтилъ, что самая лучшая его сторона всегда была—естественно-историческая, и самая слабая—духовная и литературная. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе два года, послѣ отказа г. Разина отъ редакціи, статьи по естественнымъ наукамъ появляются въ «Журналѣ для Дѣтей» все рѣже и рѣже, а нравственныя размышленія и беллетристическія статьи все чаще. Въ первомъ полугодіи журнала за нынѣшній годъ помѣщены только *двѣ* значительныя статьи по естественнымъ наукамъ: «Термиты» и «Пеликанъ». Кромѣ того, былъ небольшой анекдотъ о *боа*, а еще полуестественная, полуфантастическая статейка объ инстинктѣ. Вотъ и все. И едва-ли это не любопытнѣйшія и не полезнѣйшія статьи во всѣхъ 24 нумерахъ журнала. Остальное заключается въ трехъ или четырехъ ста-

тейкахъ историческаго свойства, въ нѣсколькихъ повѣстяхъ раздирательнаго и мистическаго характера да въ удивительнѣйшей статьѣ, которую трудно причислить къ какому-нибудь разряду: «Что мнѣ особенно бросилось въ глаза за границей». Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ каждаго рода статей, чтобы дать понятіе о составѣ и характерѣ журнала.

Въ первыхъ двухъ нумерахъ помѣщена повѣсть «Волкъ не волкъ, человѣкъ не человѣкъ». Содержаніе ея вотъ въ чемъ. Одна знатная дама, испугавшись появленія у себя въ косѣ сѣдого волоса, призвала волшебницу, чтобы купить себѣ вѣчную красоту. Волшебница согласилась на это съ однимъ условіемъ, чтобы дама отдала ей своего сына. Дама отдала; тогда волшебница *слыла съ нею воду святою крещенія*, и онъ сдѣлался *оборотнемъ*. Онъ жилъ при дворѣ, отличался всѣми возможными доблестями, но въ извѣстное время пропадалъ и въ видѣ волка рыскалъ по лѣсу. Когда періодъ бѣшенства проходилъ, онъ отыскивалъ свое платье подъ однимъ камнемъ и опять превращался въ человѣка. Одна изъ придворныхъ дѣвицъ влюбилась въ рыцаря-оборотня, котораго звали Меріадекомъ, и вывѣдала его тайну. Разсказъ Меріадека подслушала другая дѣвушка, кузина первой, и рѣшилась имъ воспользоваться. Она узнала, что оборотень не можетъ уже сдѣлаться человѣкомъ, если унести его платье; узнала также, что оборотень избавится отъ способности превращаться въ волка, если его истинно полюбитъ и выйдетъ за него замужъ какая-нибудь дѣвушка. На этомъ она построила свой планъ. Дѣло въ томъ, что она имѣла уже связь съ однимъ рыцаремъ; но рыцарь былъ бѣденъ, не имѣлъ никакихъ доблестей и содержалъ себя только грабежемъ и игрою. Чтобы доставить состояніе своему возлюбленному, она рѣшилась завлечь Меріадека, владѣвшаго огромнымъ богатствомъ, выйти за него, потомъ подкараулить его въ лѣсу, въ минуту превращенія, унести его платье и затѣмъ, оставшись такимъ образомъ вдовою, выйти за негоднаго и бѣднаго, но милаго ей рыцаря. Все это ей удалось, какъ нельзя лучше. Но черезъ нѣсколько времени на королевской охотѣ поднятъ былъ какой-то чудный волкъ, котораго не рѣшились травить и который потомъ сдѣлался постояннымъ спутникомъ короля. Волкъ этотъ былъ очень смиренъ, но на одномъ королевскомъ выходѣ откусилъ носъ бывшей женѣ Меріадека. Это было какъ-разъ въ томъ самомъ замкѣ, который принадлежалъ Меріадеку и гдѣ было спрятано его платье. Дѣвица, бывшая влюбленною въ Меріадека, тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло; коварную жену заставили признаться, принесли платье; волкъ обнюхалъ его и удалился въ другую комнату. Черезъ часъ, когда вошли туда, то нашли въ ней волчью шкуру и Меріадека, лежащаго на кровати, въ своемъ платьѣ. Всѣ къ нему бросились и между прочимъ влюбленная дѣвица. «Вдругъ Меріадекъ *съ крикомъ вздрогнулъ*. Кто-то въ это мгновеніе вылилъ ему на голову холодной, какъ ледъ, воды: рыцарь сверкающими глазами обвелъ всѣхъ окружающихъ и увидѣлъ придворнаго капеллана съ чашею въ рукахъ. Прежде чѣмъ Меріадекъ успѣлъ выразить свое неудовольствіе, Витрика (дѣвица, влюбленная въ него) закрыла ручкой ему ротъ и сказала: «будь спокоенъ, мой другъ, и радуйся вмѣстѣ со мною; ты снова получилъ св. крещеніе, которое тебя и *охранитъ отъ всѣхъ чародѣйствъ; святой отецъ нашъ, самъ папа* освятилъ эту воду, когда *я была въ Римѣ*, чтобы молиться за тебя» (стр. 21).

Таковъ разсказъ, которымъ открывается нынѣшній годъ «Журнала для Дѣтей». Нужно ли доказывать, что чтеніе подобныхъ разсказовъ въ высшей степени вредно можетъ дѣйствовать на дѣтей! Во-первыхъ, разсказъ совершенно фантастиченъ, и, слѣдовательно, въ немъ дурно уже то самое, что онъ отвлекаетъ дѣтское вниманіе отъ дѣйствительной жизни. Во-вторыхъ, самая фантастичность его вовсе не основана на возведеніи въ сознательную личность какихъ-нибудь естественныхъ свойствъ предмета, какъ дѣлается, напр., въ лучшихъ сказкахъ Гофмана; напротивъ, здѣсь фантастическое имѣетъ тотъ уродливый и безсмысленный характеръ, какимъ оно отличается въ грубѣйшихъ сказкахъ, слышанныхъ нами въ дѣтствѣ отъ глупыхъ нянекъ. Въ-третьихъ, разсказъ этотъ старается внушить дѣтямъ самое дикое, нелѣпое понятіе о религіи: онъ научаетъ цѣнить не сущность религіи, не внутреннюю ея основу, а только внѣшнюю, обрядовую сторону. Всѣ бѣдствія Меріадека происходятъ оттого, что съ него волшебница *слыла воду св. крещенія*. Стало быть, крещеніе оставляетъ вещественные слѣды на тѣлѣ человѣка, и эти-то слѣды предохраняютъ его отъ всякихъ темныхъ вліяній? Стало быть, по христіанскому ученію, сила крещенія уже не въ смыслѣ таинства, а просто въ водѣ? Должно быть такъ, по мнѣнію «Журнала для Дѣтей»; это доказывается и концомъ разсказа, гдѣ *вода, освященная папою*, возстановляетъ силу смытой воды крещенія. И опять вода, освященная папою, по смыслу разсказа, должна имѣть бо́льшую силу, нежели вода, освященная просто аббатомъ! И молитва *съ*

Римѣ должна быть сильнѣе и дѣйствительнѣе, нежели молитва въ какой-нибудь деревенькѣ!.. Скажите, неужели позволительно внушать дѣтямъ такія раскольническія, тупоумныя понятія?... Мы вообще не на сторонѣ теологической казуистики въ дѣтскихъ книгахъ: намъ кажется, что о предметахъ столь возвышенныхъ и отвлеченныхъ надобно говорить человѣку нѣсколько позже,— когда онъ начинаетъ входить въ разумъ. Но во всякомъ случаѣ, если уже касаться этихъ предметовъ, то надо говорить по крайней мѣрѣ то, что̀ не противно духу и чистому смыслу существующаго у насъ положительнаго ученія, а не искажать его сообразно съ самыми узкими, односторонними, и отчасти даже обскурантскими воззрѣніями.

Есть и много другихъ вредныхъ сторонъ въ разсматриваемомъ разсказѣ. Онъ населяетъ природу кикиморами и оборотнями, заставляетъ дѣтей вѣрить чудесно-безсмысленнымъ превращеніямъ, зароняетъ въ ихъ сердца темныя, и потому очень вредныя подозрѣнія относительно семейныхъ отношеній. Само собою разумѣется, что преступная связь злой дѣвушки съ рыцаремъ-негодяемъ разсказана очень скромно, со всевозможными умолчаніями и прикрытіями. Но здравая педагогика говоритъ, что ничего не можетъ быть хуже этихъ умолчаній и прикрытій. Если хотите оставить дѣтей въ невѣдѣніи относительно извѣстнаго предмета, то вовсе не говорите и даже не намекайте о немъ; а если ужъ заговорили, то говорите прямо и подробно. А между тѣмъ въ благовоспитанныхъ формахъ изображается безнравственнѣйшее отношеніе семейное, и «Журналъ для Дѣтей» полагаетъ, что дѣти не поймутъ, въ чемъ дѣло. Напротивъ, они это поймутъ все-таки, да кромѣ того еще пріучатся къ называнію вещей не собственными ихъ именами. Не думаемъ, чтобы и это послѣднее было особенно желательно.

Помѣщеніе одного такого разсказа уже достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени извращены педагогическія понятія редакціи журнала. Но это только одинъ примѣръ изъ десятка подобныхъ. Вслѣдъ за этимъ разсказомъ, во второмъ и третьемъ номерахъ идетъ длинная исторія «игральныхъ картъ». Помѣщеніе этой статьи оправдывается, конечно, тѣмъ, что, по словамъ ея автора, «въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ вещицы, исторія которой не навела бы насъ на что-нибудь занимательное» (стр. 22). Но въ такомъ случаѣ отчего же не занять дѣтей чтеніемъ статеекъ—объ искусствѣ повязывать галстухъ, о тайнахъ шулерской науки, о глубочайшихъ тонкостяхъ геральдики, и т. д.?.. На *что-нибудь занимательное* вездѣ можно набрести...

За игральными картами слѣдуетъ разсказъ «Странное гостепріимство», изображающій довольно недурно и гуманно положеніе бѣглаго негра,—и статья «Термиты», на которую мы уже указали выше. Затѣмъ въ № 5 «Пѣсня о славномъ человѣкѣ», статейка съ приторной сантиментальностью, заявляющая любовь автора къ русскому человѣку и повторяющая старую пѣсню о томъ, какъ у насъ проходятъ незамѣченными многіе подвиги, о которыхъ составляются и ходятъ въ народѣ цѣлыя пѣсни. Въ этомъ же нумерѣ помѣщена маленькая замѣтка о балахъ въ Сѣверной Америкѣ.

Далѣе въ трехъ нумерахъ идетъ повѣсть «Предразсудокъ». Предразсудокъ этотъ состоитъ въ томъ, что знатной барышнѣ не слѣдуетъ выходить за человѣка простого званія, хотя бы онъ былъ и образованъ и богатъ. Мысль обличить этотъ предразсудокъ очень удачна; но, во-первыхъ, Алиса, преданная ему въ повѣсти, представляется идеаломъ всѣхъ совершенствъ; во-вторыхъ, и эта повѣсть имѣетъ характеръ романовъ г-жи Ратклифъ и сильно бьетъ на эффектъ въ родѣ «Видѣній въ Пиренейскомъ замкѣ» или «Пещеры смерти въ дремучемъ лѣсу». Самый слогъ повѣсти производитъ то же впечатлѣніе, какое долженъ производить теперь слогъ повѣстей Марлинскаго и патетическихъ страницъ графини Ростопчиной и графа Соллогуба. Приведемъ для образчика нѣсколько строчекъ.

«Въ это мгновеніе раздался оглушительный ударъ грома, молнія разрѣзаетъ небо, все реветъ и внизу, и вверху, и не переставая, молнія бьетъ за молніей, такъ что все кажется въ огнѣ; мы видимъ какъ волны съ яростью напираютъ на скалу, будто хотятъ сорвать ее съ мѣста, но, встрѣтивъ отпоръ, съ тѣмъ же ревомъ, съ тою же быстротою бросаются назадъ, унося съ собою челнокъ, который въ то же мгновеніе исчезаетъ вдали» (стр. 124).

Къ этому *бурному* слогу имѣетъ большую наклонность «Журналъ для Дѣтей», равно какъ съ другой стороны сильно одержимъ онъ и любовью къ остротамъ, напоминающимъ водевили Александринскаго театра. Этими остротами особенно изобилуетъ статья: «Что̀ мнѣ особенно бросилось въ глаза за границей». *За границей* надо разумѣть—*въ Берлинѣ*: только имъ ограничиваются наблюденія автора, и заглавіе статейки дано такое обширное—вѣроятно, для пущей важности. Начинается статейка сожалѣніемъ, что «въ Берлинѣ *ночью—и съ глазами ничего не увидишь*»,

и желаніемъ, чтобы «*солнце свѣтило тутъ ночью* хоть на то время, когда пріѣзжаютъ путешественники» (стр. 161). Продолженіе соотвѣтствуетъ этому остроумному началу, и если бы оно перенесено было въ водевиль, то могло бы заставить весь раекъ «животики надорвать». Какъ видно, авторъ преимущественно эту цѣль и имѣлъ въ виду, и для достиженія ея не боялся выставить себя даже въ очень невыгодномъ свѣтѣ относительно степени своего нравственнаго развитія и образа мыслей. Напр., онъ въ гостиницѣ не позаботился съ вечера оставить сапоги у дверей, чтобы ихъ вычистили. Служитель входитъ къ нему утромъ и спрашиваетъ: «есть у васъ сапоги?» Авторъ отвѣчаетъ болѣе наивно, нежели остроумно: «есть; *не безъ сапогъ же я пріѣхалъ*». Но служитель вразумляетъ его, въ чемъ дѣло, и тогда нашъ путешественникъ изъявляетъ желаніе, чтобъ ему вычистили сапоги поскорѣе. Служитель объясняетъ, что этого нельзя, потому что у него есть для чистки 156 паръ другихъ сапогъ, отданныхъ прежде, и эти приходятся 157-мъ нумеромъ. Но авторъ нашъ пускается въ остроумныя словопренія такого рода: «послушайте,—*мои сапоги 1 №:* они изъ петербургскаго опойка, *а русская кожа—крѣпче всѣхъ кожъ на свѣтѣ;* да и дѣлалъ же ихъ нѣмецъ...» Служитель, не понявшій каламбура [1]), повторяетъ, что дѣло не въ томъ, а нужно было ихъ выставить у дверей заранѣе, и они бы попали прежде другихъ. А остроумный авторъ нашъ выводитъ такое заключеніе: выходитъ, что и въ Германіи *надо выставляться*, чтобы даже между сапогами попасть въ высшіе нумера! *Ахъ, Берлинъ! Напрасно же я его искалъ вчера такъ жарко!* (стр. 163). Заключеніе это немножко неожиданно; но остроуміе автора ничѣмъ не стѣсняется... Онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ только съострить что-нибудь и состроить каламбуръ. Вотъ нѣсколько образчиковъ: «я улыбался, въ отвѣтъ на его улыбку, изъ вѣжливости и гордости, *чтобы ни на одну улыбку не одолжаться*» (стр. 163). «Рейнскія вина,—разумѣется, на самомъ Рейнѣ,—очень хороши, *даже лучше рейнскихъ нѣмцевъ*» (стр. 164). «Въ Австріи 20 милліоновъ славянъ, и всего 5 милліоновъ нѣмцевъ. Что же за бѣда, что ихъ *такъ мало? Пусть ихъ хоть* совсѣмъ не было,—я и въ этомъ еще бѣды не вижу» (стр. 165). «Дѣятельный *народъ* въ Германіи: ни одна *собака* безъ дѣла не остается» (стр. 172). «Фридрихъ II-й *лежалъ лишь на полинѣ*, въ исторіи да въ анекдотахъ;—а то куда былъ тяжелъ!» (стр. 183). «Что это такое?» — Тиръ-гартенъ (звѣриный садъ). Что жъ, тутъ *звѣри прогуливаются?*» (стр. 173)... Всѣхъ остротъ, впрочемъ, не перечислить... Замѣчательно только то, что для краснаго словца нисколько не колеблется пожертвовать строгостью исторической истины. То онъ пріобрѣтетъ въ Берлинѣ крейцеры, которые тамъ вовсе не въ ходу, то разскажетъ, что каждому доктору нужно здѣсь платить по два червонца за визитъ, то увѣренъ, что его кто-то изъ нѣмцевъ назвалъ Чичиковымъ, по причинѣ трудности его собственной фамиліи и т. д. А между тѣмъ это неприличное, безплодное и ненужное шутовство дурного тона пересыпается звонкими, подчасъ даже сантиментальными фразами о пользѣ образованія... Хорошо уваженіе къ образованію, которое можно внушить дѣтямъ разсказами и каламбурами въ родѣ приведенныхъ нами выше!..

Не будемъ говорить о нелѣпой сказкѣ «Живая трава» и о дикой повѣсти «Цыгане», въ которой между прочимъ опять упоминаются съ фарисейской скромностью грязныя отношенія начальника табора къ одной цыганкѣ. Образецъ подобныхъ повѣстей мы уже видѣли въ разборѣ разсказа о волкѣ-оборотнѣ. Не станемъ распространяться и о «разсказахъ изъ русской исторіи», въ которыхъ, рядомъ съ нѣсколькими полезными свѣдѣніями, толкуется вкривь и вкось о славянской миѳологіи и о началѣ русской исторіи... Замѣтимъ только, что если по недостатку данныхъ до сихъ поръ нельзя сказать объ этомъ ничего положительнаго и окончательно-разъясненнаго, то неужели нельзя найти въ русской же исторіи предметовъ болѣе интересныхъ и важныхъ?

Лучше другихъ въ «Журналѣ для Дѣтей» статьи: «Очеркъ жизнеописанія Давида Ливингстона», дающій нѣкоторое понятіе о жизни и похожденіяхъ знаменитаго путешественника, «Внутреннее состояніе Англіи въ концѣ XVII столѣтія», и «Изъ записокъ французскаго миссіонера въ Техасѣ». Эти статьи прочтутся дѣтьми не безъ пользы, и могутъ заинтересовать ихъ, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи статья объ Англіи и могла бы быть составлена удовлетворительнѣе.

Затѣмъ можно еще указать на «Греческую идиллію», какъ на статью, тоже не совсѣмъ лишенную интереса для молодыхъ читателей. Что же касается до приторныхъ разборовъ «Птички» и «Нивы», двухъ стихотвореній—Плещеева и Жадовской, и такого же отзыва объ «Іовѣ» г. Глинки,—до вы-

[1]) Да и какъ его было понять, если не предположить, что авторъ объяснялся со служителемъ по-русски? ибо сапожная кожа называется по-нѣмецки Leder, а человѣческая Haut. *Прим. Д.*

сокопарнаго разсказа объ Эдистонскомъ маякѣ, до туманно-мелочныхъ размышленій объ инстинктѣ, до реторической амплификаціи подъ названіемъ: «Что хорошаго въ нашей зимѣ?», и пр. т. п.: то о нихъ не стоитъ и тратить словъ...

Итакъ, мы должны, къ сожалѣнію, сознаться, что «Журналъ для Дѣтей» имѣетъ направленіе скорѣе вредное, нежели полезное для дѣтей, что занимательность его повѣстей имѣетъ мистически-легендарный характеръ, что безобразно-сантиментальная тенденція проникаетъ всѣ его теоретическія статьи, и что только въ отдѣлѣ исторіи и естественныхъ наукъ онъ имѣетъ нѣкоторое право на наше вниманіе. Но и историческія статьи его надо давать для чтенія дѣтямъ съ большою осторожностью. А то они какъ разъ напитаются такими уродливыми фантазіями, что послѣ и не сладишь...

Таковы наши *старые* дѣтскіе журналы, уже утвердившіеся во мнѣніи публики и создавшіе себѣ опредѣленный кругъ читателей. Мы видѣли, что они далеко не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ здравой педагогики, и, можетъ быть, причиною тому служитъ самая старость ихъ. Они были основаны въ то время, когда у насъ на дѣло воспитанія еще не смотрѣли серьезно; начаты они такъ-себѣ, безъ опредѣленнаго сознанія, *къ чему именно* и *какъ именно* нужно вести дѣтей посредствомъ систематическаго чтенія. Слѣдовательно, отъ нихъ и требовать не нужно слишкомъ много. Двадцать, и даже менѣе, лѣтъ тому назадъ у насъ были убѣждены, что воспитаніе должно сдѣлать дитя послушнымъ и знающимъ урокъ,—только. Три журнала, разсмотрѣнные нами, совершеннно удовлетворительны съ этой точки зрѣнія: къ послушанію и ученью уроковъ они побуждаютъ дѣтей чуть не каждой статьею. Нынѣ о воспитаніи думаютъ иначе; задачею его считаютъ возможно полное и правильное развитіе личной самостоятельности ребенка и всѣхъ духовныхъ силъ, заключающихся въ его натурѣ. При такихъ понятіяхъ о воспитаніи, и дѣтское чтеніе должно получить иной характеръ. Не отвлеченно-моральныя сентенціи, не фантастическія бредни, не умилительныя разглагольствованія должны теперь наполнять страницы дѣтскихъ книгъ; въ нихъ должны сообщаться положительныя свѣдѣнія о мірѣ и человѣкѣ, разсказы изъ дѣйствительной жизни, разъясненіе тѣхъ вопросовъ, которые теперь волнуютъ общество и встрѣтятъ нынѣшнихъ дѣтей тотчасъ, какъ только они вступятъ въ жизнь... Разумѣется, старые дѣтскіе журналы не могли отстать отъ своей рутины, и нечего слишкомъ винить ихъ за то. Новое время вызвало новые дѣтскіе журналы, и въ нихъ-то должны мы искать новое направленіе...

Но разборъ этихъ *новыхъ* журналовъ мы отложимъ до одной изъ первыхъ книжекъ будущаго года.

---

363. Путешествіе на Амуръ,

Совершонное по распоряженію Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ 1855 году, *Р. Маакомъ*. Одинъ томъ, съ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго и съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ. Изданіе члена-соревнователя Сибирскаго отдѣла, С. Ф. Соловьева. Спб. 1859.

Напечатано въ XII кн. «Современника» 1859 г. (ценз. 16 декабря). Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій прославленъ, какъ и многіе дѣятели того времени, по какому-то недоразумѣнію именно за «амурскія» (или какъ говорили остряки, и не безъ основанія—«амурныя») дѣла, между тѣмъ, теперь уже извѣстно, что управленіе его Амуромъ меньше всего могло бы дать ему почетный вѣнецъ. Вращаясь среди военныхъ, бывшихъ близкими къ вліятельнымъ сферамъ, какъ Обручевъ, Аничковъ и др., Добролюбовъ, видимо, зналъ весь хаосъ, царившій во вновь присоединенномъ краѣ, и довольно ясно высказалъ это въ своей статьѣ, справедливо опираясь на массу достовѣрнаго матеріала, принадлежавшаго декабристу Д. Н. Завалишину. Н. А. зналъ также, какъ была принята первая его статья въ № 11 «Морского Сборника» 1858 года въ Петербургѣ. Одни сравнивали ее съ громомъ при безоблачномъ небѣ, другіе — со словами на пирѣ Валтасара. Весь Петербургъ и самый дворъ взволновались...

М. Л.

Статей, написанныхъ объ Амурѣ въ послѣдніе два года, такъ много, что изъ перечня ихъ могла бы, пожалуй, составиться даже особенная отрасль русской библіографической науки. Но при всемъ томъ мы до сихъ поръ не знаемъ объ Амурѣ ничего положительнаго. Съ самаго начала, когда Амуръ только что сталъ входить въ моду, мы знали положительно одно: что весь лѣвый берегъ Амура занятъ нами и что мы черезъ это сдѣлали великое пріобрѣтеніе. Но теперь, послѣ множества статей и всякаго рода извѣстій объ Амурѣ, и это первое положительное свѣдѣніе сдѣлалось какъ-то сбивчивымъ и неопредѣленнымъ. Съ одной стороны, мы слышали и читали, что съ пріобрѣтеніемъ Амура мы сдѣлались обладателями *великолѣпнѣйшей рѣки въ мірѣ*, [что мы теперь черезъ нее сдѣлались уже очень страшными *соперниками англичанъ въ Индіи*], что посредствомъ Амура суждено намъ сдѣлаться *цивилизаторами Китая*, и пр. Съ другой стороны, напротивъ, раздавались увѣренія, что мы изъ Амура не можемъ извлечь ни малѣйшей пользы, [и что англичанъ въ Индіи намъ никогда не видать, какъ ушей своихъ]. Кому вѣрить,—невозможно было рѣшить, потому что и заступники, и противники Амура представляли, въ подтвержденіе своихъ словъ, *факты*. Одни говорили, что плаваніе по Амуру лучше, чѣмъ по Мисиссипи, что тамъ давно уже устроены русскими правильныя сообщенія, что народъ туда переселяется густыми массами, что тамъ все даютъ чуть не даромъ, и пр. Другіе, напротивъ, стали увѣрять, что ничего подобнаго на Амурѣ нѣтъ и быть не можетъ, что тамъ все дорого, ничего не устроено, и т. д. Повѣрять слова тѣхъ и другихъ было чрезвычайно затруднительно, потому что повѣрка должна была происходить на мѣстѣ; а между тѣмъ, пока статья, напечатанная въ Петербургѣ, появится на Амурѣ, и пока отвѣтъ на нее оттуда дойдетъ до Петербурга и напечатается, проходило обыкновенно полгода, а иногда и больше. А въ это время къ одному неосновательному извѣстію прибавлялось уже нѣсколько другихъ, и чуть ли не составлялась на ихъ основаніи цѣлая система разсужденій о жизни на Амурѣ.

Такое положеніе нашихъ свѣдѣній объ Амурѣ продолжается до сихъ поръ. Поэтому мы съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидали изданія путешествія г. Маака. Г. Маакъ совершилъ экспедицію на Амуръ въ 1855 г., по порученію Сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества, на иждивеніе члена-соревнователя Сибирскаго отдѣла, С. Ф. Соловьева, пожертвовавшаго на этотъ предметъ полпуда золота. На его же счетъ издано и описаніе путешествія г. Маака, о типографскомъ изяществѣ котораго было уже замѣчено въ «Современникѣ» мѣсяцъ тому назадъ. Изданіе украшено прекрасно сдѣланнымъ портретомъ графа Муравьева-Амурскаго; кромѣ того, къ нему принадлежитъ цѣлый альбомъ великолѣпныхъ рисунковъ, картъ и плановъ. Въ этомъ альбомѣ находится: 17 ландшафтовъ и этнографическихъ рисунковъ, шесть *таблицъ*, въ которыхъ заключаются изображенія разныхъ предметовъ, относящихся большею частью къ домашнему быту пріамурскихъ народовъ,—десять ботаническихъ таблицъ, геогностическая карта береговъ Амура, карта распространенія древесныхъ и кустарныхъ растеній на берегахъ этой рѣки, планъ Айгуна и планъ Албазинскаго укрѣпленія. Всѣ рисунки исполнены превосходно; они большею частью рисованы первоначально самимъ же г. Маакомъ, а потомъ перерисованы въ Петербургѣ художникомъ г. Гуномъ; нѣкоторая же часть рисунковъ взята изъ портфеля г. Мейера, также посѣщавшаго Амурскій край, или срисована петербургскими художниками съ предметовъ, привезенныхъ г. Маакомъ.

Какъ видно, г. Соловьевымъ все сдѣлано для изящества и великолѣпія изданія, равно какъ и г. Маакомъ употреблены всѣ усилія для того, чтобы собрать сколько возможно болѣе точныя, полезныя и разнообразныя свѣдѣнія. Отчетъ его о своемъ путешествіи занимаетъ 320 страницъ въ четвертку; онъ идетъ день за день, исполненъ ученыхъ цитатъ, сообщаетъ весьма точныя описанія мѣстностей, растеній, ископаемыхъ—вездѣ съ латинскими названіями, очень обстоятельно описываетъ одежду, домашнюю утварь, рыболовные и звѣроловные снаряды и т. п. пріамурскихъ народовъ, дѣлаетъ даже филологическія и историческія соображенія. Не довольствуясь этимъ, г. Маакъ приложилъ къ своему отчету особенныя статьи: 1) геогностическія изслѣдованія; 2) обзоръ кустарныхъ и древесныхъ растеній; 3) обзоръ животныхъ. Въ этихъ статьяхъ естественно-историческія свѣдѣнія представлены въ систематическомъ порядкѣ и въ ученой обработкѣ, подъ руководствомъ академиковъ Брандта, Рупрехта, гг. Максимовича, Менетріе, Бремера и Герстфельда. Въ концѣ же книги г. Маака находимъ тунгусскій лексиконъ, который составленъ г. Шифнеромъ изъ матеріаловъ, собранныхъ г. Маакомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣятельность г. Маака была чрезвычайно обширна и многостороння, за что̀ и нельзя не отдать ему должной справедливости.

И при всемъ томъ, послѣ книги г. Маака

наши свѣдѣнія объ Амурѣ не сдѣлались особенно блестящими. Причиною этого надо считать неблагопріятныя обстоятельства, помѣшавшія полной успѣшности работъ экспедиціи, въ которой находился г. Маакъ. Объ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ самъ г. Маакъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, говоритъ слѣдующее:

«Всего болѣе мѣшало намъ то, что мы ѣхали чрезвычайно быстро, останавливаясь рѣдко, и то на короткое время. Особенно поспѣшно было путешествіе наше при плаваніи внизъ по Амуру. Чтобы дать понятіе объ этой поспѣшности и о томъ, какъ она должна была препятствовать нашимъ ученымъ дѣйствіямъ, достаточно указать на одно обстоятельство, подробно изложенное въ историческомъ отчетѣ: спускаясь по Амуру, мы проѣхали всю ту часть его теченія, которая прорѣзываетъ Хинганскій хребетъ, менѣе, чѣмъ въ сутки; а между тѣмъ эта часть Амура имѣетъ болѣе 100 верстъ длины, и берега ея представляютъ одно изъ самыхъ интересныхъ для путешественника мѣстъ во всемъ Амурскомъ краѣ. Конечно, на возвратномъ пути мы ѣхали не такъ быстро; но тогда уже время года не благопріятствовало ученымъ дѣйствіямъ, и, сверхъ того, самое путешествіе было сопряжено съ такими трудностями, что работы, имѣвшія цѣлью одно только передвиженіе экспедиціи, поглощали почти все наше время».

Но отчего же экспедиція мчалась такъ быстро? Вѣдь она снаряжена была совершенно самостоятельно Сибирскимъ отдѣломъ Географическаго Общества, на иждивеніе г. Соловьева. Что же могло заставить ее такъ торопиться, вопреки всѣмъ ея существеннымъ надобностямъ? На это г. Маакъ не даетъ положительнаго отвѣта, и читатель долженъ довольствоваться слѣдующими строками, въ которыхъ указывается новое препятствіе для успѣховъ экспедиціи, но все-таки не объясняется его причина:

«Много также мѣшало ученымъ работамъ экспедиціи то обстоятельство, что мы проѣхали большое пространство, и при томъ въ самое благопріятное для такихъ работъ время, не будучи совершенно независимыми въ нашихъ дѣйствіяхъ; въ продолженіе всего почти іюня 1855 г. мы ѣхали вмѣстѣ съ военнымъ отрядомъ, спускавшимся къ Маріинскому посту, и, составляя какъ бы часть этого отряда, должны были во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ его движеніями. Понятно, что при такомъ положеніи вещей интересы науки, всякій разъ, когда имъ приходилось сталкиваться съ военными соображеніями, должны были уступать».

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, книга г. Маака, по его собственнымъ словамъ, «не заключаетъ въ себѣ даже почти никакихъ общихъ выводовъ». Авторъ излагалъ свои наблюденія въ хронологическомъ порядкѣ, но «по недостаточности матеріаловъ не рѣшался группировать факты и высказывать какія-либо соображенія о ихъ взаимной связи и значеніи». Такимъ образомъ, г. Маакъ самъ признаетъ свою книгу полезною лишь въ видѣ матеріала для будущихъ путешественниковъ на Амуръ и изслѣдователей этого края. Что же касается до читающей публики, то она и книгою г. Маака далеко не избавлена еще отъ возможности кривыхъ толковъ и неосновательныхъ выводовъ объ Амурѣ. Въ особенности должно это сказать въ отношеніи къ вопросамъ промышленнымъ и торговымъ, которыхъ г. Маакъ почти вовсе не касается, занятый преимущественно естественно-историческими изслѣдованіями и наблюденіями этнографическими.

Само собою разумѣется, что, путешествуя въ 1855 году, г. Маакъ не могъ описывать всѣхъ прелестей и совершенствъ, недавно открытыхъ на Амурѣ нашими газетами и журналами. Все дивное устройство Амурскаго края произошло уже гораздо послѣ, преимущественно въ прошломъ году. Въ числѣ панегиристовъ Амура особенно отличался г. Д. Романовъ, въ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Русскомъ Словѣ». Отъ статей въ «Русскомъ Словѣ» онъ недавно, впрочемъ, отказался печатно, говоря, что онѣ напечатаны въ искаженномъ видѣ. Но свои *письма* въ «Русскомъ Вѣстникѣ» онъ не только не отвергалъ, а даже защищалъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» противъ возраженій. Возраженія эти принадлежатъ г. Д. Завалишину, который въ теченіе вотъ уже двухъ лѣтъ выбивается изъ силъ, занимаясь разрушеніемъ наивныхъ восторговъ отъ Амура. Свѣдѣнія, представленныя г. Завалишинымъ, до сихъ поръ не встрѣтили серьезнаго, фактическаго опроверженія, хотя нѣкоторыя изъ его статей напечатаны уже очень давно. Первыя возраженія его г. Романову помѣщены были въ «Морскомъ Сборникѣ» 1858 г., № XI. Затѣмъ были статьи въ 1859 г., въ №№ V и VII «Морского Сборника» и, наконецъ, большая статья, составляющая начало цѣлаго ряда статей, въ № X «Вѣстника Промышленности», подъ названіемъ «Амуръ». Первой статьѣ г. Завалишинъ далъ еще спеціальное заглавіе: «Кого обманываютъ, и кто окончательно остается обманутымъ?» Во всѣхъ этихъ статьяхъ могутъ быть своего рода ошибки и недосмотры, но изъ нихъ оказывается несомнѣннымъ одно: что восторги, возбужденные Амуромъ, преждевременны и преувеличены. И не потому нельзя ихъ считать основательными, чтобы въ самомъ дѣлѣ естественныя условія края были дурны; вовсе нѣтъ: что они хороши или могутъ быть хороши, — въ этомъ всѣ соглашаются. Но невозможно вѣрить панегиристамъ потому, что, вопреки ихъ увѣреніямъ, этими есте-

ственными условіями до сихъ поръ еще мы почти не пользовались и очень немного сдѣлали для того, чтобы хорошо ими воспользоваться впослѣдствіи. Относительно этого предмета г. Завалишинъ говоритъ въ статьѣ «Морского Сборника», отмѣчая свои слова даже курсивомъ, для большей рельефности:

Мы всегда считали, что собственно занятіе Амура было дѣломъ второстепеннымъ, не представляющимъ ни малѣйшаго затрудненія (кромѣ тѣхъ, которыя сами создадимъ) и всегда вполнѣ зависящимъ, при извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, чисто отъ воли правительства,—да и не отъ приказанія даже его, а просто отъ дозволенія,—а что существенное дѣло именно и состояло въ предварительномъ подготовленіи тѣхъ условій, которыя одни могли сдѣлать занятіе полезнымъ, и безъ которыхъ оно легко можетъ обратиться даже во вредъ,—не только здѣшнему краю, но и государству («Мор. Сб.» 1859 г. № VII, стр. 39).

Затѣмъ, г. Завалишинъ приводитъ множество фактовъ, доказывающихъ, что этого *подготовленія* до сихъ поръ на Амурѣ не было и нѣтъ. Статьи г. Завалишина очень растянуты, наполнены повтореніями однихъ и тѣхъ же фактовъ, безпрестанными восклицаніями и обращеніями. Но факты, излагаемые въ нихъ, сами по себѣ очень любопытны и дѣлаются вдвойнѣ интересными по сравненію съ тѣмъ, что писали объ Амурѣ гг. Романовъ, Назимовъ, корреспонденты «Спб. Вѣдомостей», «Иркутскихъ Вѣдомостей» и пр. Мы приведемъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Амуръ, прежде всего, разумѣется, обращаетъ на себя вниманіе, какъ новое, прекрасное средство сообщенія. И вотъ являются статьи, въ которыхъ восхваляется сообщеніе по Амуру. Г. Романовъ сообщилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что американцы восхищаются плаваніемъ по Амуру и находятъ его несравненно удобнѣйшимъ, чѣмъ по Мисиссипи, потому что въ Амурѣ нѣтъ подводныхъ камней и карчей, которыми наполнено русло Мисиссипи. Г. Назимовъ напечаталъ, что еще въ 1857 г. началось правильное лѣтнее сообщеніе по Амуру и что съ будущаго года число пароходовъ удвоится. Мы, разумѣется, всему этому вѣрили. Но вдругъ является г. Завалишинъ и съ крайнимъ скептицизмомъ говоритъ въ одной статьѣ «всякая рѣка, страна, какія бы онѣ ни были, все это сами по себѣ (откидывая, разумѣется, крайности) большею частью безразличныя вещи, и будутъ всегда преимущественно тѣмъ, что сумѣютъ изъ нихъ сдѣлать... Вѣдь была же Мисиссипи слишкомъ 200 лѣтъ въ рукахъ французовъ и испанцевъ; а что они изъ нея сдѣлали, несмотря на всѣ природныя ея преимущества?» Къ чему же говоритъ это г. Завалишинъ? Да все къ тому же, чтобы доказать свою мысль, что Амуръ самъ по себѣ—ничего, и что сдѣлано на немъ очень мало. Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Завалишинъ приводитъ и факты. Онъ говоритъ: здѣсь построены были пароходы «Аргунь» и «Шилка»; «Аргунь» отправилась въ 1854 г. и *не возвращалась*, оказавшись неспособною идти противъ теченія; «Шилка», отправясь въ 1855 году осенью, недалеко отъ Шилкинскаго завода стала на мель и замерзла; въ 1856 г. спущена на устье Амура; но попытка идти противъ теченія и ей не удалась. Кромѣ этихъ двухъ, ходилъ по Амуру пароходъ «Надежда»; но и онъ, по тѣснотѣ помѣщенія и по глубокой осадкѣ, оказался неудобнымъ, и послѣ 1855 г., когда на немъ поднимался вверхъ по Амуру графъ Путятинъ, не доходилъ болѣе до Усть-Зеи. Затѣмъ оставались два парохода, полученные изъ Америки: «Лена» и «Амуръ». Но «Лена» въ 1857 г. совершила только одинъ рейсъ, и то въ одну только сторону, во всю навигацію; она поднялась до Шилкинскаго завода, да тамъ и зазимовала. Г. Назимовъ восхищался быстротою сообщенія, высчитавъ, что «Лена» совершила въ 30 дней 3.000 верстъ; но оказалось, что верстъ было не 3.000, а съ небольшимъ двѣ, и дней не 30, а болѣе; оказалось также, что на «Ленѣ» ѣхалъ генералъ-губернаторъ, который не доѣхалъ на пароходѣ до конца, а бросилъ его. «Слѣдовательно, *была причина*,—говоритъ г. Завалишинъ,—что онъ бросилъ пароходъ? Что же ожидать тогда частному лицу? А мы всегда говорили, что не можемъ принимать въ счетъ проѣздовъ какого-нибудь значительнаго лица или чрезвычайнаго нарочнаго, для которыхъ дѣлаются особенныя напряженія, а *правильное* сообщеніе и *возможность* сообщенія принимаемъ только тогда, когда они существуютъ для всѣхъ и каждаго» («Мор. Сб.» № 5, стр. 16). А этого-то именно и не находитъ на Амурѣ г. Завалишинъ. Въ 1858 г. «Лена», по его словамъ въ другой статьѣ («Мор. Сб.», № 7), плавала столь же неудачно; отправясь отъ Шилкинскаго завода весною 1858 г., стала на мель, не доходя до Зеи, повредилась, дотащилась до Зеи, послѣ исправленія медленно поднялась до Стрѣлки, опять спустилась до Зеи, и опять кое-какъ, послѣ неуспѣшнаго плаванія, безпрестанно становясь на мель, дошла въ началѣ августа до Срѣтенска, гдѣ и осталась на зиму. Остается послѣдній пароходъ «Амуръ»: этотъ въ 1858 г. дошелъ разъ

до Усть-Зеи, а, возвращаясь назадъ, сталъ на мель, да тутъ и замерзъ. По этому поводу было напечатано, что «Амуръ» *зимовалъ* здѣсь; г. Завалишинъ замѣчаетъ, что это напоминаетъ *зимнія квартиры* Наполеона въ Россіи. Въ 1858 году «Амуръ» три раза доходилъ до Усть-Зеи, — и то въ послѣдніе два раза уже не вплоть, чтобы не попасть на мель, какъ въ первый разъ. Что же касается до увеличенія числа пароходовъ на Амурѣ, это было простое предположеніе, которое наши наивные публицисты не усомнились выдать за дѣло уже рѣшенное и осуществленное... Въ 1858 году сообщенія по Амуру производились опять-таки тѣми же единственными «Леною» и «Амуромъ».

Но изобрѣтеніемъ небывалыхъ пароходовъ не ограничилось усердіе добрыхъ людей, прославлявшихъ наши успѣхи на Амурѣ. Увѣряли (г. Романовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), что уже и безпрерывныя почтовыя сообщенія устроены — лѣтомъ на лодкахъ, зимою на тройкахъ съ колокольчиками. При этомъ г. Романовъ съ такою же гордостью, съ какою недавно «Русскій Вѣстникъ» возвѣщалъ, что «русскій народъ благодушенъ и вѣренъ» (см. «Р. В.» 1859 г., № 20),— прибавлялъ: «ни одно государство въ свѣтѣ не можетъ еще *похвастаться* (какъ они дорожатъ *хвастаньемъ!!*) непрерывнымъ сухопутнымъ путемъ отъ морей одной части свѣта въ другую». А у насъ, говоритъ, съ нынѣшней осени (1858 года) начинается такое сообщеніе: «вы можете взять себѣ подорожную изъ всякаго уѣзднаго города до Николаевска, садитесь въ кибитку, и нигдѣ васъ не потревожатъ верховою или собачьею ѣздою до самаго Восточнаго океана». Дѣйствительно, очень заманчиво; но г. Завалишинъ увѣряетъ, что и это вздоръ. Онъ приводитъ вотъ какіе факты за 1858 г. Письмо изъ Николаевска *отъ 15 іюля* получено въ Читѣ *1 ноября*. Отправившійся изъ Николаевска *въ началѣ августа* штабъ-офицеръ доѣхалъ до Читы *14-го ноября*. Съ тѣхъ поръ были курьеры и пассажиры, доѣхавшіе на послѣднемъ пароходѣ до Благовѣщенска; но почты по Амуру изъ Николаевска не слыхали и ничего не получали; а слышали, что было двѣ почты *черезъ Аянъ*. Даже изъ Благовѣщенска (т.-е. Усть-Зеи) письмо *отъ 2-го августа* получено въ Читѣ *20 сентября*. Была ли еще разъ почта,—не могли дознаться; но что въ послѣдніе мѣсяцы не было почты даже изъ Благовѣщенска, въ томъ удостовѣряетъ, по словамъ г. Завалишина, посланный нарочно адъютантъ, чтобы узнать, отчего нѣтъ почты. На лодкахъ люди, имѣющіе всѣ средства, отправясь немедленно по вскрытіи рѣки изъ Маріинска, прибыли въ Читу 30 іюля. Осенью курьеры проѣзжали отъ Благовѣщенска до Читы не менѣе, какъ въ мѣсяцъ. Столько же времени ѣдутъ и зимнимъ путемъ, даже по казенной надобности. Впрочемъ, г. Завалишинъ увѣряетъ, что вообще лошадей здѣсь обязательно предписано давать *только* курьерамъ; прочіе должны дѣлаться, какъ знаютъ. Къ этому онъ прибавляетъ, что по Шилкѣ нѣтъ проѣзда, а что отъ Стрѣлки должны сворачивать по Аргуни, по старо-давнимъ станицамъ. Послѣдніе отряды казаковъ, бывшихъ въ нарядѣ на сплавѣ, вмѣсто исхода августа и сентября, какъ разсчитывали, выходили только въ декабрѣ (см. «Мор. Сборн.», № 7 и «Вѣстн. Пром.» № 10).

Факты такого рода не могутъ, конечно, свидѣтельствовать въ пользу непрерывныхъ сообщеній и правильныхъ почтъ въ Пріамурскомъ краѣ, вплоть до Николаевскаго порта. И если увѣренія г. Завалишина справедливы (а они никѣмъ не опровергнуты), то мы вполнѣ понимаемъ его сожалѣніе о тѣхъ бѣднякахъ, которые, будучи обнадежены увѣреніями панегиристовъ, вздумаютъ отправиться въ пріятное путешествіе по Амурскому краю и разочтутъ свое время и издержки по возгласамъ восторженныхъ публицистовъ.

Впрочемъ, несмотря на полное довольство всѣмъ сдѣланнымъ, самъ г. Романовъ признаетъ полезнымъ устроить желѣзную дорогу отъ залива де-Кастри до Джая, потому особенно, что 300 верстъ отъ устья теченіе Амура представляетъ большія трудности для плаванія... Американецъ Коллинсъ представилъ проектъ другой желѣзной дороги—отъ Читы до устья Селенги, гдѣ уже предполагалось построить *Новый Аспинваль*. Само собою разумѣется, что сначала оба предположенія привѣтствованы были съ восторгомъ. Но г. Завалишинъ напомнилъ о перегрузкахъ, распутицахъ и пр., и вообще насказалъ столько неудобствъ Коллинсу, что тотъ измѣнилъ своей проектъ. Но какое движеніе имѣлъ онъ потомъ, — неизвѣстно. Что же касается до г. Романова, то ему г. Завалишинъ ставитъ на видъ слѣдующія обстоятельства. Г. Романовъ хотѣлъ заказывать желѣзо на Петровскомъ заводѣ и сплавлять по Амуру; но для желѣзной дороги нужно нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ, а Петровскій заводъ выдѣлываетъ всего до 30.000 п. въ годъ, да и то желѣзо незавиднаго качества и дорого: цѣны самому дурному сорту петровскаго желѣза *въ Читѣ*— 1 р. 60 к., а это—починный пунктъ сплава. Говорятъ, что на Петровскомъ заводѣ изготовлялись рельсы для дороги на золотые пріиски въ Нерчинскихъ заводахъ и обошлись въ 4 р. с. за пудъ. Да кромѣ того,

надо для дороги и работниковъ, и для нихъ хлѣбъ. А взять этого всего — негдѣ рѣшительно. Самый сплавъ производить некому; сплавъ самый дешевый, по подряду купцовъ Зимина и Серебренникова, былъ 50 к. съ пуда, и хотя эту цѣну находили не дешевою, но въ слѣдующемъ году и за такую плату не могли найти вольныхъ подрядчиковъ и принуждены на 1858 г. возложить сплавъ на казачье войско за ту же цѣну. Но слухи о тягостяхъ и бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ при этомъ рабочими, произвели то, что казаки, назначенные по наряду на сплавъ, платили отъ себя наемщикамъ до 40 к. за одну сплавку, отдавая, сверхъ того, все, что̀ приходилось получать отъ казны. Вслѣдствіе того, на 1859 г. производили сплавъ казенными рабочими, употребивъ въ дѣло даже каторжныхъ. А чтобы достать людей, сама казна прибѣгала, по словамъ г. Завалишина, къ различнымъ изворотамъ.

«Такъ, въ 1857 г. придрались къ недоимкамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя произошли вовсе не отъ вины козаковъ, а отъ собственнаго недоразумѣнія начальства, не знавшаго, какъ истолковать двухлѣтнюю льготу отъ повинностей выселеннымъ изъ Читы козакамъ, и включать ли въ нее денежный сборъ, оставленный въ 1851 г.; какъ вдругъ, въ 1857 г., велѣно было не считать его включеннымъ въ льготу, и потребовали сверхъ текущихъ повинностей, за два старые прежніе года. Я лично знаю одного козака, которому, съ тремя малолѣтними, пришлось заплатить за четыре души за два года вдругъ, кромѣ настоящаго, и у котораго взяли послѣдняго работника, единственнаго въ семьѣ изъ шести душъ. Если, слѣдовательно, при 50-ти-копѣечной платѣ надо прибѣгать къ такимъ средствамъ, то можно посудить, что̀ будетъ стоить дѣйствительно сплавъ съ пуда въ операціи, гдѣ за все надо будетъ платить по вольнымъ цѣнамъ... Для полноты разсчета надо прибавить, что и въ 1857, и въ 1858 годахъ многіе козаки, со времени наряда на работы по сплаву, возвратились домой черезъ девять мѣсяцевъ; кромѣ того, въ 1858 году было много больныхъ» («Вѣстн. Пром.» № 10, стр. 55).

Если бы казна и даромъ получала работу, то, по замѣчанію г. Завалишина, это еще не могло бы служить основаніемъ для разсчетовъ въ частномъ предпріятіи. Въ казенномъ дѣлѣ могутъ быть обстоятельства и случаи, которые совершенно не должны входить въ кругъ промышленныхъ выгодъ, хотя сами по себѣ эти обстоятельства и имѣютъ, можетъ быть, свою долю вліянія на ходъ торговыхъ и промышленныхъ операцій. Для примѣра г. Завалишинъ разсказываетъ такой случай въ одной изъ мѣстностей Амурскаго края:

«Намъ извѣстенъ случай (а мы говоримъ только о такихъ, которые не остались безъизвѣстны и начальству),—что люди, назначенные вывозить только лѣсъ, рубленный подъ надзоромъ офицера совсѣмъ другими, потеряли 15 дней при сдачѣ этому самому офицеру, браковавшему у нихъ лѣсъ, который они не рубили, заставлявшему вырубить новый и кончившему пріемкою забракованнаго» («Вѣстн. Пром.» № 10, стр. 54).

Подобные случаи, повторяющіеся, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ Россійской имперіи, вообще весьма невыгодно дѣйствуютъ на экономическое развитіе страны. Немудрено, что и на Амурѣ они производятъ то же дѣйствіе, уничтожая такимъ образомъ всѣ чудеса прогресса, торопливо провозглашеннаго опрометчивыми публицистами... Размышляя о подобныхъ случаяхъ, мы можемъ даже до нѣкоторой степени опредѣлить и причину такой опрометчивости публицистовъ нашихъ; они взглянули на дѣло очень абстрактно,—взяли въ разсчетъ самую страну съ ея производительными силами, но не приняли въ соображеніе всей обстановки дѣла,—то-есть, людей и нравовъ, для которыхъ эта страна открываетъ новое поприще...

Но возвратимся къ желѣзной дорогѣ, проектированной г. Романовымъ.

По разсчету г. Романова, нужно 5.000 рабочихъ для желѣзной дороги, и онъ разсчитываетъ въ этомъ случаѣ на мѣстные *батальоны*. Но, по словамъ г. Завалишина, линейныхъ батальоновъ отъ Кяхты до Николаевска всего 4, и изъ нихъ нельзя набрать 5.000 рабочихъ. Что же касается до казаковъ, то брать ихъ на работу не годится уже и потому, что они занимаются хлѣбопашествомъ, и «всякій взятый изъ нихъ работникъ уменьшитъ на нѣсколько десятинъ производящую хлѣбъ пашню». И безъ того уже разныя служебныя и неслужебныя требованія разстроили у казаковъ хозяйство въ Нерчинскомъ краѣ, главномъ для продовольствія Амура. Обстоятельства эти произвели то, что пашня должна была уменьшиться на нѣсколько тысячъ десятинъ; а между тѣмъ, требованія казны на хлѣбъ увеличились, вслѣдствіе передвиженія войскъ въ Забайкальскій край... Еще въ 1852 г. представленъ былъ оффиціальный разсчетъ, что каждый взрослый человѣкъ долженъ обрабатывать *шесть* десятинъ, чтобы могли быть удовлетворены обыкновенныя требованія на хлѣбъ въ здѣшнемъ краѣ. А тутъ еще безпрестанно наряжаютъ казаковъ-хлѣбопашцевъ на работы, которыя, равно какъ и требованіе на продовольствіе, все увеличиваются съ пріобрѣтеніемъ Амура. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, отнятіе 5.000 человѣкъ отъ пашни будетъ довольно чувствительно для края, и г. Завалишинъ увѣряетъ даже, что самимъ этимъ работникамъ нечего ѣсть будетъ: негдѣ будетъ достать 120.000 пудовъ муки, которые,

по его вычисленію, нужны для 5.000 работниковъ. Хлѣбъ и то уже прошлую зиму былъ въ Читѣ 80—90 копѣекъ, а провозъ отъ Верхнеудинска до Читы (436 верстъ) былъ рубль серебромъ («Мор. Сбор.» № 5). А г. Романовъ возвѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что «благодаря новому пути, даже въ Петропавловскѣ мука продается, вмѣсто прежнихъ трехъ рублей, по 99 копѣекъ!»..

Объяснивши всѣ удобства путей сообщенія въ Амурскомъ краѣ, панегиристы, разумѣется, рѣшили, что черезъ Амуръ должна происходить иностранная торговля Сибири. А рѣшивши это, они немедленно пришли въ умиленіе отъ ея широкаго развитія. «Взглянуть на зарождающуюся иностранную торговлю Сибири, — такъ просто сердце радуется»,—восклицаетъ г. Романовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «1857-й годъ былъ, можно сказать, первымъ годомъ правильной торговли и начала торговаго пароходства по Амуру, и въ этотъ первый годъ цѣнность всѣхъ грузовъ, передвигавшихся по Амуру, простиралась до 1.000.000 руб. сер. Что же будетъ далѣе при такомъ богатомъ началѣ? И теперь уже жители Иркутска пьютъ кофе съ здѣшнимъ сахаромъ, курятъ сигары, привезенныя черезъ Николаевскъ изъ Манилы и Гаваны, изъ Якутска дѣлаютъ заказы винъ здѣшнимъ американскимъ торговцамъ, и т. д. Не чудаки ли тѣ люди, которые утверждаютъ, что Амуръ вздоръ, и что, кромѣ обремененія издержками, онъ Россіи ничего не принесетъ полезнаго?»... Къ этому прибавлялись извѣстія объ 11 судахъ, бывшихъ уже въ маѣ въ Николаевскѣ, о сахарѣ, доставленномъ по Амуру и продававшемся по 7 р. 50 к. за пудъ въ Иркутскѣ, и пр. Тутъ же, разумѣется, изъявлялись благія желанія, чтобы частная предпріимчивость взялась за дѣло, и раскрывались разныя надежды и ожаданія...

Все это встрѣчаемо было съ великимъ сочувствіемъ большею частью людей, привыкшихъ видѣть въ розовомъ свѣтѣ и будущность, и все, что совершается въ *настоящее время*, *когда*, и пр... Но вотъ нѣсколько *общихъ* соображеній, представленныхъ по этому предмету г. Завалишинымъ въ «Морскомъ Сборникѣ» (№ 7, стр. 48—50):

«Часто, чуть не безпрестанно, дѣлаютъ у насъ упрекъ частной дѣятельности въ недостаткѣ предпріимчивости... Полно, такъ ли? Это даетъ поводъ вглядѣться въ это дѣло попристальнѣе. *Будьте увѣрены, что когда какое-либо явленіе доходитъ до степени общности, то причины его заключаются уже не въ однихъ только людяхъ.* Вездѣ, гдѣ массы подвергаются незаконнымъ требованіямъ со стороны казны, они вымещаютъ это на частныхъ лицахъ. Тогда законная частная дѣятельность становится невозможною; мѣсто ея занимаетъ незаконная, что, въ свою очередь, опять отражается на казнѣ. Такимъ-то образомъ, въ этомъ круговоротѣ все сдвигается съ принадлежащаго ему законнаго и выгоднѣйшаго мѣста; всякое правильное движеніе становится невозможнымъ; и вмѣсто его, къ общей невыгодѣ и тратѣ силъ, являются безпорядокъ и случайность; предпріимчивость же можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть прочное, разумное основаніе для разсчета и соображеній въ постоянныхъ элементахъ и строгомъ законномъ ограженіи частной дѣятельности. Великое было бы, конечно, дѣло добиться отъ массъ (и въ этомъ-то и будетъ великая заслуга, несомнѣнно ожидаемая отъ образованія) сознанія справедливости законныхъ требованій; но никакими усиліями, никакими софизмами не добьются никогда спокойнаго подчиненія незаконнымъ требованіямъ, безъ того, чтобъ человѣкъ не искалъ, въ свою очередь, вознаградить себя за это на счетъ другого, да такъ еще, чтобъ урвать при случаѣ и на запасъ. И вотъ начинается между большинствомъ круговая порука насилій и обмановъ; бѣда тому только, кто руководствуется иными правилами: онъ будетъ непремѣнно смолотъ между двумя жерновами.

«Возьмемъ примѣръ: человѣкъ подряжается у казны строить домъ. Что по настоящему онъ долженъ принять въ соображеніе? Цѣнность матеріала, работы, продолжительность затраты капитала, разумные проценты. Все производство обезпечилъ онъ, повидимому, требуемыми закономъ документами; но едва прикоснулся къ дѣлу, какъ и начинаются всевозможныя трибуляціи. Работники не явились во-время; отговариваются, что ихъ гоняли туда-то, и туда; вмѣсто нихъ наскоро нанимаются другіе, дороже. Матеріалъ не доставляется—потерялъ-де лошадей на такомъ-то нарядѣ; вмѣсто онаго покупается или самимъ подрядчикомъ или въ счетъ его другой матеріалъ; часто вся работа останавливается. Подрядчику, конечно, предоставляется взыскивать съ виновныхъ, съ ихъ поручителей. Но когда еще онъ добьется до удовлетворенія? Иногда проходятъ года... Да это требуетъ и расходовъ, и досуга, а между тѣмъ время идетъ. Иногда кончается тѣмъ, что работа передается другому, и первый подрядчикъ терпитъ убытокъ. Впередъ наука,—говоритъ онъ:—и при слѣдующемъ подрядѣ непремѣнно приметъ все это въ разсчетъ: и лишнюю на запасъ заготовку матеріала, и за подряженіе лишнихъ людей, и другіе извѣстные расходы, и заломитъ цѣну вдвое; или, если сумѣетъ поставить силу на своей сторонѣ, самъ прижметъ рабочихъ, второстепенныхъ поставщиковъ: поставитъ похуже матеріалъ, выгадывая на всемъ этомъ... Теперь возьмемъ другой примѣръ: если казна беретъ у хлѣбопашца муку не по надлежащей цѣнѣ, онъ постарается непремѣнно уменьшить убытокъ дурнымъ качествомъ ея, подмѣсью; если будетъ затрудненіе при сдачѣ — будетъ выгода развѣ пріемщику, а провіантъ все-таки поступитъ дурной; и это неминуемо отразится на тѣхъ, кто долженъ будетъ волею и неволею употреблять его, и выразится болѣзнями и нерѣдко смертностью».

Исходя изъ подобныхъ соображеній, г. Завалишинъ не соглашается съ г. Романовымъ въ томъ, что «*край развернется быстро, если будетъ идти такъ же, какъ въ настоящее время*», и что нужно только дать туда *денегъ и людей*. Напротивъ, онъ приводитъ факты, по которымъ видно, что край вовсе не такъ хорошо устроился, какъ увѣ-

ряютъ, и что денегъ и людей много потрачено,—и все понапрасну. Показанія г. Завалишина говорятъ слѣдующее: вмѣсто *одиннадцати* иностранныхъ судовъ *въ мать*, оказалось *по сентябрь* всего *пять*, и то ничтожнаго количества тоннъ. Сахаръ не только въ Иркутскѣ не продавался по 7 руб. 50 коп., но и въ Благовѣщенскѣ стоилъ 14 рублей, а на устьѣ Амура—по 9 р., такъ что провозъ отъ устья до Благовѣщенска обходится едва ли не дороже, чѣмъ провозъ отъ Нижняго до Кяхты. Изъ этого г. Завалишинъ дѣлаетъ такое сравненіе: «съ одной стороны, сахаръ изъ Россіи, оплатившій или пошлину въ пескѣ, или акцизъ въ свекловицѣ, привезенный гужемъ за 6 и болѣе тысячъ верстъ, можетъ продаваться въ Иркутскѣ по 14 р., и даже продавался по 12; а съ другой стороны — худшаго качества сахаръ, при водяной доставкѣ моремъ и по великолѣпной, не полагающей препятствій рѣкѣ, не платя ни пошлины, ни акциза, продается въ Благовѣщенскѣ по 14 р., во сколько же онъ обошелся бы съ доставкою въ Читу и Иркутскъ? А по общему отзыву, эта часть пути—самая трудная, а потому и самая дорогая для проѣзда, тѣмъ болѣе для провоза»... Въ самомъ дѣлѣ, соображеніе это довольно занимательно. Къ сожалѣнію, для панегиристовъ Амура оно не имѣло случая подтвердиться на практикѣ, потому что, по увѣренію г. Завалишина, «не только въ Иркутскѣ, но и во всемъ Забайкальѣ *никогда не было еще и до сихъ поръ нѣтъ привоза никакихъ капитальныхъ товаровъ по Амуру въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ*» («Вѣстн. Пром.» № 10, стр. 61). Оттого *небывалой дешевизны* здѣсь дѣйствительно *нѣтъ*, все попрежнему выписывается изъ Россіи, и какъ это ни дорого обходится, но все же дешевле, чѣмъ черезъ Амуръ.

Такимъ образомъ оказывается, что привозъ не былъ особенно обильнымъ до сихъ поръ. Остается еще торговля мѣстными произведеніями, особенно вывозъ ихъ за границу. Вѣдь и на это много разсчитывали восторженные поклонники пріобрѣтеннаго нами Амура. Но г. Завалишинъ поражаетъ ихъ и насъ такимъ плачевнымъ замѣчаніемъ: «какой ужъ тутъ отпускъ за границу, если своимъ русскимъ продаютъ сухари по 6 рублей, а свѣжее мясо доходитъ до 12 р. с. за пудъ!» Въ другой статьѣ онъ объясняетъ, что такія цѣны стояли въ зиму съ 1857 на 1858 г., по случаю потопленія казеннаго скота, и что при этомъ продавцы требовали еще отъ покупателей, чтобы тѣ на каждый фунтъ хорошаго мяса брали фунтъ дурного... По такимъ-то разсчетамъ и вышла торговля на Амурѣ цѣнностью въ милліонъ... При такихъ условіяхъ не только намъ отпускать за границу было нечего, но и самимъ-то, пожалуй, выгоднѣе было бы покупать мясо, которое бы привозилось къ устью Амура въ консервахъ изъ Англіи. А къ этому еще г. Завалишинъ прибавляетъ слѣдующія обстоятельства:

«Если мука и крупа приходятъ сюда подмоченными, сушеная капуста, не тронувшись съ мѣста, оказывается съ червями, масло—съ саломъ, медъ и соль—съ водою, постное масло—вытекшимъ, солонина до отправленія испорченною, такъ какая тутъ еще будетъ торговля отпускная, когда частный привозъ съ избыткомъ поглощается своими требованіями, какъ свидѣтельствуютъ цѣны, показывая въ то же время и дороговизну сплава (которая будетъ еще неминуемо возвышаться) — и что̀ вы при этихъ цѣнахъ будете отпускать за границу? При томъ, отпускъ за границу требуетъ другихъ пріемовъ и привычекъ, нежели обычные у насъ. Голодный все съѣстъ, а для заграничнаго торга нельзя разсчитывать на это обстоятельство: нужно нѣчто иное. А кому же неизвѣстны грязность приготовленія и неаккуратность, а иногда и недобросовѣстность нашей торговли?»

Остается торговля съ прибрежными жителями по Амуру, и она также нашла себѣ панегиристовъ. Нѣкто г. Паргачевскій, служившій приказчикомъ у г. Зимина и самъ для себя пріобрѣтавшій соболей въ мѣнѣ съ инородцами, увѣрялъ, что русскіе поступаютъ въ торговлѣ съ инородцами такъ благородно и великодушно, какъ никогда не поступалъ ни одинъ народъ въ мірѣ: никого не обижаютъ, не обманываютъ, пріобрѣтаютъ всеобщее сочувствіе и довѣріе, и пр. Вслѣдствіе всего этого г. Паргачевскій выводитъ, между прочимъ, что нужно запретить манчжурамъ продавать водку. Но противъ всѣхъ такихъ увѣреній и требованій г. Завалишинъ возражаетъ вотъ что̀ («Вѣстн. Пром.» № 10, стр. 64—65):

«Во всемъ этомъ нѣтъ правды, и мы не понимаемъ, что за несчастная страсть и манера увѣрять въ невозможномъ и, въ противорѣчіе собственнымъ сужденіямъ и вопреки постоянно повторяющемуся опыту предъ глазами, утверждать, что русскіе поступаютъ иначе, особливо въ приложеніи къ настоящему случаю, видя, какой сортъ людей дѣйствуетъ въ торговыхъ и другихъ предпріятіяхъ по Амуру, гдѣ при томъ и надзоръ, и управа надъ ними почти невозможны. Да, пора бы, право, обратить вниманіе и на то противорѣчіе, что, когда дѣло дойдетъ до подробнаго разбора фактовъ, то все наполнено и частными, и оффиціальными даже признаніями о печальныхъ явленіяхъ по всѣмъ отраслямъ и частной, и общественной дѣятельности, до того, что мы уже хвалимся (а вѣдь все то же, все прежняя замашка всѣмъ тщеславиться!) тѣмъ, что безпощадно обнажаемъ свои язвы; когда дойдетъ до непосредственнаго приложенія, до того, чтобы имѣть съ кѣмъ-нибудь дѣло, то и начальники, и частные люди объявляютъ цѣлыя сословія мошенниками, что̀, конечно, такъ же несправедливо, какъ и общія похвалы. А лишь коснется до общихъ обо-

зрѣній, до возгласовъ частныхъ и оффиціальныхъ, тотчасъ русскіе являются образцовыми людьми, идеалами безкорыстія, самопожертвованія, исполнительности и пр.... Итакъ, относительно утвержденій г. Паргачевскаго, повторимъ, что, зная, какіе люди тутъ большею частью дѣйствуютъ, сразу поймешь, что̀ должно происходить, и что есть вещи и дѣла, которыя невозможно, чтобъ не происходили, что торговля должна идти средствами *per fas et nefas*... А что эти торговыя продѣлки не любятъ и тутъ гласности,—доказательствомъ самъ г. Паргачевскій, который, по словамъ бывшаго его хозяина Зимина, не хотѣлъ дать отчета, какими средствами онъ, независимо отъ пріобрѣтенныхъ для хозяевъ, пріобрѣлъ и для себя соболей. Увѣренія, что русскіе вели себя будто бы примѣрно, опровергаются вполнѣ предписаніемъ начальства, предъ отправленіемъ въ 1857 году, гдѣ прямо говорится, что дошло до свѣдѣнія его о насиліяхъ и обманахъ, что русскіе продавали винтовки и порохъ даже и тогда, когда неизвѣстно было, не употребятъ ли ихъ противъ насъ самихъ. Это не тайна, какъ и то, что торговали и служащіе, которые, какъ неплатящіе повинностей и на готовомъ содержаніи, находились, конечно, въ выгодныхъ условіяхъ для торговли, особенно подмѣшивая при томъ немножко обмана. Что пріобрѣтенные такимъ образомъ мѣха они могли продавать съ выгодою для себя и съ большею выгодою для купца, особенно, когда продавецъ голоденъ, — это ясно; но вѣдь не такая торговля можетъ имѣть залогъ будущаго развитія. Что касается до желанія, чтобъ запретить манчжурамъ продавать водку, то, послѣ всего, что̀ печатается объ откупахъ, очень понимаемъ, что русскимъ хочется имѣть такой выгодный товаръ (кто не знаетъ, какъ вѣренъ разсчетъ на слабость инородцевъ къ водкѣ и табаку?) въ своихъ рукахъ; вѣдь, не для своего же употребленія перекупаютъ они сами китайскую водку у манчжурскихъ торговцевъ? Что обманывали фальшивою монетою, оловянными и натертыми ртутью рублями, — это доказываютъ слѣдственныя дѣла; относительно же довѣрчивости инородцевъ къ русскимъ и скрытности противъ манчжуръ и при нихъ,—это точь-въ-точь, какъ у насъ все простонародье, особенно изъ бурятъ, ни за что не станетъ говорить откровенно при русскихъ чиновникахъ, а про ихъ притѣсненія—и ни при комъ, даже о томъ, что̀ и помимо ихъ сдѣлалось гласнымъ. А развѣ можно при томъ предположить, чтобъ съ пріамурскими инородцами русскіе обращались лучше, чѣмъ со своими?»

Скептическія положенія г. Завалишина, давно уже имъ повторяемыя въ нѣсколькихъ газетахъ и журналахъ, обратили на себя нѣкоторое вниманіе хвалителей нашихъ амурскихъ успѣховъ и вслѣдствіе того, напримѣръ, въ Иркутской газетѣ появились разныя сознанія въ промахахъ и исправленія прежде сообщенныхъ извѣстій. Но все это скрашивалось тѣмъ, что, конечно, теперь еще многаго нѣтъ, время еще не настало, однако, скоро оно настанетъ, и настанетъ непремѣнно, какъ только край станетъ заселяться. «*Денегъ и людей!*» вопіялъ г. Романовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «Надо колонизировать Пріамурскій край,—изъяснялъ корреспондентъ «Спб. Вѣдомостей» еще въ прошломъ году,—въ большихъ размѣрахъ распространить тутъ русское населеніе, развить пароходство и судоходство по Амуру, т.-е. сдѣлать изъ этой рѣки то, къ чему она предназначена самою природою: быть великимъ торговымъ путемъ для Восточной Сибири... Начало всему этому—заключалъ корреспондентъ,—положено уже въ предыдущіе годы»... Затѣмъ слѣдовали извѣстія, что близъ устья Амура существуетъ ужъ городъ Николаевскъ, что вездѣ строятся казачьи станицы, что много есть ужъ по Амуру зародышей будущихъ городовъ и т. п. Это, по крайней мѣрѣ, было скромно, и потому нельзя было не вѣрить, и нельзя было не поддаться нѣкоторымъ надеждамъ. Но неугомонный г. Завалишинъ разрушаетъ и эти надежды. И, что̀ всего горестнѣе, онъ показываетъ даже, *какъ и отчего* эти надежды несбыточны, и показываетъ такъ ясно и просто, что и усомниться трудно. Возьмемъ изъ его статей нѣсколько фактовъ и по этой части, чтобы дополнить характеристику того, что̀ до нынѣ дѣлалось и теперь дѣлается на Амурѣ.

Начнемъ съ того, что г. Завалишинъ, вопреки всѣмъ увѣреніямъ, что народъ валитъ изъ Россіи на Амуръ, утверждаетъ, что добровольныхъ переселенцевъ до сихъ поръ *никого не было*. Какъ ни неожиданно подобное утвержденіе, но ему нельзя не повѣрить уже потому, что Иркутская газета, прежде говорившая о множествѣ переселенцевъ, сама тоже созналась, что добровольныхъ переселенцевъ дѣйствительно никого не было, но что они непремѣнно будутъ... И то хорошо, разумѣется; но теперь дѣло не о будущемъ; дѣло въ томъ, что теперь нѣтъ переселенцевъ. Были охотники въ 1855 году; но послѣ ихъ не нашлось, несмотря на всѣ вызовы и льготы. Г. Завалишинъ самъ удивляется этому и спрашиваетъ: «кажется, давно ли было, что Амуръ составлялъ идеалъ стремленій всего здѣшняго населенія, и когда ничего не требовали, никакихъ льготъ, кромѣ дозволенія, хотя бы безмолвнаго,—хотя бы только непрепятствованія переселяться туда? Какъ же это случилось, что въ такой короткій промежутокъ дѣло повернулось такъ, что переселеніе на Амуръ, въ повсемѣстномъ почти убѣжденіи, сдѣлалось непривлекательнымъ?..» И въ отвѣтъ на эти вопросы онъ разсказываетъ слѣдующую простую исторію («Вѣстн. Пром.» № 10, стр. 69—71).

«Добровольныхъ переселенцевъ 1855 года сплавили на устье Амура, сказавъ имъ, что ихъ поселятъ близко; въ надеждѣ на это, зажиточные взяли съ собой много хлѣба и другихъ хозяйственныхъ предметовъ и пригнали много скота, *какъ вдругъ имъ объявили, что они могутъ взять только небольшое, опредѣленное количество всего*. Такимъ образомъ, тотъ, кто не

имѣлъ провожавшихъ его родныхъ или знакомыхъ, съ кѣмъ могъ бы отослать излишнее,— чего не позволяли взять, — бросили даромъ, или продали за безцѣнокъ купцамъ, особенно скотъ (по причинѣ страшной дороговизны прокорма, около Шилкинскаго завода); а тѣ, разумѣется, перепродали, при случаѣ, и даже въ казну, съ огромнымъ барышемъ. И вышло то, что этотъ образъ дѣйствія доставилъ выгоду, конечно, однимъ спекулянтамъ-купцамъ, *а на переселенцевъ лали всѣ невыноды.* Надо сказать, что *такія же точно послѣдствія имѣли и всѣ другія распоряженія, предпринятыя будто бы для пользы края и улучшенія участи низшаго класса.* Оттого-то онъ и недовѣрчивъ къ подобнымъ обѣщаніямъ, и ничто его такъ не пугаетъ, какъ перемѣны, о которыхъ говорятъ ему, что для него онѣ къ лучшему. Настоящее положеніе добровольныхъ поселенцевъ на устьѣ Амура вотъ каково; можетъ быть, что они разъѣзжаютъ зимою съ колокольчиками и бубенчиками, да въ этомъ ли дѣло и желательный успѣхъ? На четвертый годъ пребыванія своего на мѣстѣ, они не довели хлѣбопашества до *одной* еще десятины на ревизскую душу, оставались долѣе двухъ лѣтъ на казенномъ продовольствіи и задолжали въ казну. *Вотъ и говорятъ теперь, что они лѣнтяи, что нужны мѣры строгости;* но извѣстно, что это средство рѣшительно безполезно.

«Разумѣется, что послѣ этого нельзя было ожидать болѣе добровольныхъ переселенцевъ, особенно, когда и послѣднія извѣстія отъ выходившихъ съ Амура не были въ пользу переселенія. Какъ о характеристическомъ явленіи, упомянемъ о томъ, что нѣкоторые отставные нижніе чины, иные семейные, *вышли оттуда;* а какъ бы, казалось, не остаться на томъ привольѣ, которое, какъ увѣряютъ, существуетъ тамъ для нихъ, особенно когда уже разъ были на мѣстѣ?

«Между козаками также не нашлось добровольныхъ переселенцевъ; вотъ и стали переселять козаковъ — конныхъ по наряду и выбору, пѣшихъ — по жребію. Были, правда, между козаками такъ называемые добровольно, будто бы, идущіе за другихъ; но это былъ только скрытый наемъ. *Такъ какъ открытый наемъ не допускался, то наемщикъ объявлялъ, что идетъ за такого-то добровольно.* Но и тутъ, несмотря на то, что брали иногда огромную плату, эти наемщики были преимущественно изъ такихъ, которымъ или не при чемъ было оставаться, или семья раздѣлялась такъ, что ни отправляющейся, ни остающейся части хозяйствовать было невозможно, или, наконецъ, ихъ побуждала крайняя нужда въ деньгахъ. Что же касается до добровольныхъ изъ другого званія, въ небольшомъ числѣ (изъ расформированнаго гарнизоннаго полубатальона), то это *исключительные случаи, объясняемые положеніемъ, въ какомъ они находились.*

«Предполагаютъ еще одно средство: приглашать на Амуръ съ безвыгодныхъ или менѣе выгодныхъ мѣстъ. Но, во-первыхъ, гдѣ нѣтъ естественнаго добровольнаго предпочтенія, тамъ всѣ приманки льготами, вспомоществованіями отъ театровъ, концертовъ и пр. искусственныя средства — капля въ морѣ; во-вторыхъ, по нашему убѣжденію, это очень вредно для будущаго, когда все же, рано или поздно, придется опять заселять и эти мѣста: вѣдь нельзя же, ради неимѣнія кѣмъ заселить одно мѣсто, превращать другія, промежуточныя, въ пустыни, да еще искусственными средствами. Хорошо и то, что люди сами живутъ тутъ и хотятъ жить, потому что, какъ бы худо мѣсто ни было, но кто прижился на немъ, тѣхъ удержать болѣе причинъ и легче, нежели водворять новыхъ.

«Наконецъ, чтобы найти благовидный предлогъ выселить кого-нибудь на Амуръ, не выказывая прямого насилія, *прибѣгаютъ къ выселенію разбросанныхъ между государственными крестьянами черезполосно козаковъ, подъ предлогомъ уничтоженія чрезполосности и сокращенія разстоянія.* Но зачѣмъ же не сдѣлали этого при образованіи войска? и за что эти люди будутъ отвѣчать за чужія ошибки? Мы давно, еще съ 1834 года, настойчиво обращали на это вниманіе. При обращеніи горныхъ крестьянъ въ пѣшіе козаки—былъ самый благопріятный случай сдѣлать размѣнъ съ общими государственными крестьянами, какъ для уничтоженія чрезполосности, такъ и для сокращенія протяженія въ предѣлы соразмѣрности, чтобы сдѣлать возможнымъ доброе управленіе; а то десятый батальонъ, въ одну линію, протянутъ слишкомъ на 300 верстъ. Тогда не сдѣлали этого, по доводамъ неосновательнымъ, а теперь выселяютъ для этого цѣлыя селенія!»

Такимъ образомъ и принудительныя переселенія были и очень слабы, и только разстраивали экономію тѣхъ мѣстъ, откуда выселялся народъ. У казаковъ, которыхъ стали переселять по жребію, первымъ слѣдствіемъ этого была небрежность обработки своей земли и весьма естественное стараніе заблаговременно сократить свое хозяйство. А между тѣмъ, новымъ переселенцамъ ѣсть было нечего. Въ 1857 г. хотѣли переселить на Амуръ цѣлую пѣшую казачью бригаду; 600 семействъ было переселено, но затѣмъ переселеніе вдругъ остановилось, по увѣренію корреспондента «Спб. Вѣдомостей» — *вслѣдствіе неопредѣленности нашихъ отношеній къ Китаю.* Но переселеніе началось раньше, чѣмъ получено извѣстіе о заключеніи айгунскаго трактата; когда же отношенія были болѣе неопредѣленны,—*до* трактата или *послѣ* него?.. Настоящая причина остановки переселенія 3.500 семействъ, уже опредѣленныхъ жребіемъ и разстроившихъ свое хозяйство, заключалось въ томъ, что *хлѣба не было;* оттого и объявили, чтобы шли только тѣ, кто можетъ идти на *своемъ содержаніи*, а прочіе могутъ оставаться. Но это объявлено было уже въ августѣ, когда здѣсь только доканчиваютъ сѣно и убираютъ хлѣбъ; подъ паръ землю парятъ и поднимаютъ залежи къ слѣдующему году гораздо ранѣе лѣтомъ, и естественно, что всѣ, назначенные жребіемъ къ переселенію, ничего этого не дѣлали... Въ августѣ поправляться было уже нѣсколько поздно...

Участь переселенцевъ вообще была незавидна. Несмотря на увѣренія г. Романова, что «страну успѣли и умѣли обезпечить продовольствіемъ, какъ это было всегда, а служащихъ въ ней—теплымъ и удобнымъ помѣщеніемъ»,—оказывается, что и продовольствіе, и помѣщенія были въ положеніи весьма печальномъ. Смертность была очень

Вологод. жел. дор.

велика: много казаковъ погибло на сплавкѣ 1857 года, много другихъ—при приготовленіи къ ней, когда, по неимѣнію хоть бы временной казармы при амурскихъ магазинахъ, на Ингодѣ, люди жили въ землянкахъ, и больные не вмѣщались въ занимаемыхъ подъ лазареты домахъ. Хотя всѣ отряды едва ли доходили до 500 человѣкъ, число больныхъ доходило до 100, а смертность въ мѣсяцъ—до 15 человѣкъ («Мор. Сборн.» № 7, стр. 52). Относительно помѣщеній для поселенцевъ г. Завалишинъ рѣшительно не согласенъ съ отрадными извѣстіями, которыя сообщались въ газетахъ. Писали, что въ Благовѣщенскѣ строится церковь, построено нѣсколько десятковъ домовъ; г. Завалишинъ увѣряетъ, что церковь не строится, а развѣ только-что, можетъ быть, заложена; дома же въ сущности—не что иное, какъ «мазанки въ одинъ плетень, поздно обмазанныя и потому зимою сырыя и холодныя,—отъ чего болѣзни и ихъ послѣдствія». Писали, что на Амурѣ станицы строятся; г. Завалишинъ говоритъ, что дѣйствительно строятся, но уже и переносятся на другія мѣста, не успѣвъ отстроиться; планы, судя по рисунку, однообразны и неудобны («Мор. Сбор.», № 5 и 7). Вообще хозяйственныя распоряженія въ томъ краѣ характеризуются, между прочимъ, слѣдующими эпизодами, разсказанными г. Завалишинымъ:

«Мы остановились на причинахъ разстройства хозяйства, особенно у козаковъ. Первое отягощеніе составили штабныя постройки. Прежніе козаки имѣли значительный капиталъ, который преимущественно и поглощенъ постройками. Ихъ предназначено было окончить въ три года, и аргументъ, который тогда приводили въ причину такой поспѣшности, такъ страненъ, что не знаешь, что̀ и думать. Чтобы понять, во что̀ обошлась дѣйствительная стоимость этихъ построекъ, достаточно сказать, что чиновникъ особыхъ порученій при мнѣ докладывалъ, что за бревно, за которое казна платитъ 15 коп., давали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по нѣсколько пудовъ хлѣба, стоявшаго тогда въ дорогой цѣнѣ; въ другихъ—возили бревно по нѣсколько десятковъ верстъ и оно обходилось по 1 р. 50 к. с. и дороже; къ тому же всѣ передѣлки, неизбѣжныя при торопливомъ, ошибочномъ и неискусномъ веденіи работъ, разумѣется, не входили въ смѣту.

«Несмотря на такую торопливость и такіе убытки козакамъ, постройки эти не достигли вполнѣ цѣли (такъ, напр., въ госпиталѣ 2-й бригады нельзя было держать зимою больныхъ) и оставлены недоконченными; слѣдовательно, оказались не такъ необходимыми, какъ говорили, по меньшей мѣрѣ—не такъ къ спѣху. Нынѣ однѣ изъ нихъ, какъ штабъ 4-го батальона и госпиталь 1-й бригады, истреблены огнемъ: другія, какъ 12-го батальона, сплавлены на Амуръ, чтобы извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу; предполагалось сдѣлать то же и со всѣми зданіями штаба 2-й бригады». («Морск. Сборн.» № 7, стр. 64). — «Остается разсмотрѣть обычныя жалобы на недостатки, будто бы, средствъ. Но если разсмотрѣть всѣ средства, — и гласныя, и негласныя,—то окажется, что средства были огромныя. Путь реквизицій, раскладокъ, нарядовъ, произвольныхъ цѣнъ за продукты и работу,—такой скользкій и покатистый путь, что разъ вступившему на него уже нѣтъ возврата, и движеніе будетъ все ускоряться на пути къ пропасти. Г-нъ министръ внутреннихъ дѣлъ говоритъ, что эти средства не только раззорительны для народа, но и невыгодны для казны; но кто самъ не слѣдитъ за дѣйствительными случаями, тотъ и вообразить себѣ не можетъ, во что̀ обращается это, повидимому, легкое для начальства, распоряженіе средствами въ послѣднихъ инстанціяхъ. Каково бываетъ конечное употребленіе такихъ легко добытыхъ средствъ, приведемъ два примѣра, лично нами провѣренныхъ. При провозѣ пороха нарядомъ (это еще за прогоны), здѣсь, въ мѣстѣ главнаго начальства, собирали подводы для одного транспорта по шести дней сряду, послѣ опредѣленнаго дня, не считая запрещенія отлучаться изъ селенія до того времени. Само собою разумѣется, что прогоны, платимые за нѣсколько часовъ проѣзда, не могли окупать потери нѣсколькихъ дней. И потомъ этотъ порохъ, стоившій казнѣ, — по расцѣнкѣ того, что она платила,—слишкомъ по двадцати рублей пудъ, вдругъ утопили, еще до отправленія, въ Шилкинскомъ заводѣ, въ количествѣ до двухъ тысячъ пудовъ. Другое обстоятельство: когда добудутъ матеріалъ, работу, провозъ далеко ниже дѣйствительной ихъ *стоимости, — говорятъ, что обошлось дешево*, а потому изъ остаточныхъ суммъ даютъ награды людямъ, которымъ ужъ никакъ нельзя пожаловаться на скудость содержанія. Я бы почелъ это за клевету, если бы лично не слышалъ о томъ отъ самихъ, получавшихъ подобное награжденіе» («Вѣстн. Пром.» № 10, стр. 77).

Вслѣдствіе всѣхъ фактовъ и соображеній, представленныхъ г. Завалишинымъ, являются слѣдующіе выводы о нашихъ прогрессахъ на Амурѣ:

1) *Правильнаго сообщенія по Амуру нѣтъ еще ни лѣтомъ, ни зимою, и для желѣзной дороги нѣтъ никакихъ условій.*

2) *Торговли въ настоящемъ смыслѣ нѣтъ—ни русской, ни иностранной; приходъ иностранныхъ судовъ ничтоженъ.*

3) *Добровольнаго движенія для заселенія Амура нѣтъ.*

4) *Средства были и средства огромныя; но растрачены не такъ, какъ слѣдовало*, вслѣдствіе чего до сихъ поръ Россія должна была тратиться для Амура, а не Амуръ приносилъ пользу Россіи.

А окончательный выводъ изъ всего этого—прямо противоположенъ выводамъ, сдѣланнымъ г. Романовымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Г. Романовъ говоритъ: «край развернется быстро, *если будетъ идти впередъ такъ же, какъ идетъ въ настоящее время*». Г. Завалишинъ утверждаетъ, напротивъ: «край можетъ развернуться только при условіи—*если перемѣнятъ путь, по которому до сихъ поръ шли;* иначе эта быстрота только пособитъ быстрѣе скатиться въ пропасть» («Вѣстн. Пром.», стр. 83).

Таковы два противоположныя воззрѣ-

нія на существующее значеніе нашихъ поселеній на Амурѣ и нашихъ дѣйствій въ этомъ краѣ. Мы представляемъ ихъ читателямъ не съ тѣмъ, чтобы бросить тѣнь на самое пріобрѣтеніе Амура. Вовсе нѣтъ: пріобрѣтеніе останется пріобрѣтеніемъ и будетъ имѣть свою историческую цѣну. Но всякій согласится, что главное дѣло не въ самыхъ земляхъ, а въ томъ, чтобы ими пользоваться. И въ этомъ-то отношеніи важно всякое указаніе сдѣланныхъ ошибокъ, всякое добросовѣстное разрушеніе несбыточныхъ надеждъ и преувеличенныхъ восторговъ... Можетъ быть, самъ г. Завалишинъ ошибается въ нѣкоторыхъ случаяхъ и даже иногда преувеличиваетъ дѣло; но намъ кажется, что въ вопросахъ подобнаго рода, какъ вопросъ о заселеніи и значеніи Амура, гораздо лучше преувеличенная осторожность, нежели преувеличенная довѣрчивость. При томъ, для людей, знакомыхъ съ общимъ порядкомъ дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, не можетъ быть ничего особенно страннаго и непонятнаго въ разсказахъ г. Завалишина. Очень нерѣдко мы видимъ, какъ частные корыстные разсчеты, небрежность, невѣжество или недобросовѣстность обращаютъ въ ничто и даже дѣлаютъ вредными самыя полезныя начинанія. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы говорили о томъ, что производила, въ теченіе многихъ лѣтъ, неудовлетворительная администрація на Кавказѣ. Теперь намъ представился случай заговорить объ Амурѣ, и тутъ мы нашли печатно оглашенныя свѣдѣнія о разныхъ распоряженіяхъ низшей администраціи, вредныхъ для развитія края. Какъ и чѣмъ это поправить, и когда это можетъ быть поправлено,—мы не можемъ ничего сказать. Замѣтимъ только, что мы вовсе не хотимъ обвинять отдѣльныя лица и сваливать все на ихъ личные недостатки; это было бы съ нашей стороны очень опрометчиво. Мы очень хорошо понимаемъ, что гдѣ тотъ или другой недостатокъ восходитъ на степень общаго явленія, тамъ нужно искать причинъ его уже не въ свойствахъ того или другого лица, а гораздо глубже, — въ самомъ общественномъ порядкѣ...

Скажемъ въ заключеніе, что г. Маакъ обѣщаетъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, отправиться вскорѣ во вторую экспедицію на Амуръ. Точность и добросовѣстность его нынѣшнихъ замѣтокъ внушаютъ къ нему довѣріе, и мы не можемъ не пожелать, чтобъ онъ теперь былъ самостоятельнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели въ первую экспедицію: тогда онъ, можетъ быть, представитъ намъ довольно обстоятельную и точную картину края и разрѣшитъ хоть отчасти ту путаницу, которая до сихъ поръ существуетъ у насъ въ свѣдѣніяхъ о нашемъ положеніи на Амурѣ.

---

364. Сочиненія князя Александра Ивановича Долгорукаго, въ прозѣ и стихахъ.

Съ портретомъ автора. Въ трехъ частяхъ. Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 363.

М. Л.

Встрѣчаясь съ авторами, подобными князю А. И. Долгорукому, критика обыкновенно считаетъ долгомъ прочесть имъ поученіе о томъ, что, не имѣя поэтическаго дарованія, не нужно тратить трудовъ и времени на вялые стихи и плохіе разсказы, что нужно заниматься дѣломъ, посвящать себя общественной пользѣ, и пр. Говоря вообще, такое поученіе совершенно справедливо и основательно; но нельзя дѣлать ему слишкомъ обширнаго примѣненія въ нашемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ пишущій иногда и за то ужъ заслуживаетъ похвалы, что чего-нибудь другого не дѣлаетъ. Вотъ, напр., князь А. И. Долгорукій: если о немъ судить съ отвлеченно-литературной точки, то всѣ его произведенія, и его самого, какъ автора, надо осудить безпощадно. Въ самомъ дѣлѣ,—ни малѣйшаго проблеска литературнаго таланта невозможно примѣтить въ десяткѣ его повѣстей и въ нѣсколькихъ десяткахъ стихотвореній, составляющихъ три тома сочиненій князя А. И. Долгорукаго. Если судить строго, то надо будетъ прибавить, что и избыткомъ ума нельзя попрекнуть всѣ его творенія. Въ стихахъ большею частію — или развивается мораль, заимствованная изъ прописей, или дѣлаются тонкіе намеки на женскій полъ, и на то, что мы, дескать, «*пожуировали жизнію*»...

Повѣсти почти всѣ—содержанія нѣсколько скандалезнаго и водевильнаго. Такъ въ одной—почтенный мужъ учитъ своего пріятеля соблазнить какую-то женщину, которая потомъ оказывается его женой. Въ другой—удалой полковникъ хвалится передъ молодымъ офицеромъ, что онъ его отецъ; тотъ вызываетъ его и убиваетъ, мстя за клевету; а вслѣдъ затѣмъ получаетъ отъ матери письмо, въ которомъ объясняется, что хвастовство полковника имѣло вполнѣ справедливое основаніе. Въ третьей — какая-то барыня влюбляется въ гувернера-француза и удаляется съ нимъ ежедневно—показывать китайскія тѣни сыну; мужъ ея, по наущенію князя Лельскаго, отвергнутаго любовника его жены, отправляется въ комнату китайскихъ тѣней съ потайнымъ фонаремъ, чтобы подшутить надъ женою. Но—«князь отворилъ дверь, открылъ фонарь,—и что же представилось ихъ взорамъ? Вмѣсто обѣщанныхъ чудесъ, зрѣлище самое обыкновенное, которое мнѣ ничего бы не стоило передать вамъ, благосклонный читатель, но, право, не знаю почему, Андрей Андреевичъ Рюмскій (т.-е. мужъ) просилъ меня убѣдительно этого не разсказывать». Такъ заключаетъ князь А. И. Долгорукій свою повѣсть, и въ этомъ заключеніи можно видѣть даже и образчикъ его изящнаго слова и тончайшаго остроумія.

Въ образчикъ стихотвореній приведемъ, пожалуй, одно, которое можетъ дать понятіе и о версификаціи, и о философіи автора. Называется оно: «Человѣкъ».

Ахъ, право, жалокъ человѣкъ:
До гробовой доски страдаетъ,
Въ потемкахъ бродитъ цѣлый вѣкъ,
Изъ ямы въ яму попадаетъ.
Несчастный рабъ своихъ страстей,—
Преграды нѣтъ его желаньямъ,
И тьму лукавыхъ онъ сѣтей
Плететъ съ безплоднымъ упованьемъ!
Что нынѣ нравится ему,
Въ чемъ жизни счастіе находитъ,—
Смѣется завтра онъ тому,
И такъ всю жизнь свою проводитъ.
Къ чему жъ гордится онъ собой,
Всего быть выше здѣсь мечтаетъ,
Когда съ превратною судьбой
Онъ состязаться не дерзаетъ?
Когда не властенъ въ чувствахъ онъ
И страсти въ немъ сильнѣе власти,
Когда отрадный мигъ лишь сонъ,
А прочнаго—однѣ напасти!..

Какъ видите, стихотвореніе не отличается ни поэтическими красотами, ни особенною глубиною или новостью мыслей. И всѣ три тома сочиненій кн. А. И. Долгорукаго доказываютъ, что автору по плечу только такія идеи, и такой стихъ—не болѣе... Стихотворенія альбомныя, надгробныя, посланія и т. п. также отличаются рутиною, всегда безцвѣтною, а подчасъ и пошловатою любезностью и болтливостью, даже безъ всякаго остроумія. Стихотворенія о жуировкѣ и женщинахъ тоже не выходятъ изъ того тона, который принято называть гвардейскимъ: онъ вертится на рогахъ мужей и намекахъ на тайныя желанія и на сокрытыя женскія прелести; высшей точки остроты и игривости достигаетъ онъ въ заглавіи одной повѣсти князя Александра Ивановича Долгорукова: «*Дыра на бабушкиной юбкѣ*». (Часть III, стр. 59)... Житейскія правила въ стихахъ кн. А. И. Долгорукаго преподаются въ такомъ родѣ:

Вся сила въ томъ, чтобъ не страшиться
Всѣмъ говорить: «люблю!» смѣлѣй;
Здѣсь дѣло мастера боится,
И чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ вѣрнѣй...

Или совѣтъ женщинѣ, выходящей замужъ:

Вы въ нѣгѣ счастливой любви
Повязку съ глазъ подчасъ снимайте;
Страсть къ бабочкамъ у насъ въ крови:
Вы мужу воли не давайте!..

А то и еще лучше,—вотъ два куплета изъ стихотворенія: «*Не должно вѣрить никому*». (Ч. III, стр. 24).

Мужикъ,—и тотъ здѣсь господина
Оброкомъ хочетъ оплести;
И право, если бъ не дубина,
Пришлось бы по міру идти...
Съ поклономъ нищій васъ встрѣчаетъ,
Три дня, бѣдняжка, онъ не ѣлъ,
Онъ грошъ съ слезами принимаетъ,
Тогда какъ рубль пропить успѣлъ...

Русская литуратура ничего не потеряла бы, если бы въ ней такихъ стишковъ не было, и, говоря абсолютно, князь А. И. Долгорукій, конечно, лучше бы сдѣлалъ, если бы не писалъ своихъ сочиненій. Все это совершенно справедливо; этого даже и доказывать не нужно, какъ видитъ каждый изъ читателей по приведеннымъ нами отрывкамъ. Но бываютъ случаи и положенія, въ которыхъ абсолютныя сужденія надобно принимать почти совершенно наоборотъ. Чтобы пояснить, какъ это возможно, мы просимъ читателей припомнить басню Крылова о томъ, какъ

Какой-то въ древности вельможа,
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ;

какъ его назначили въ рай за то собственно,—

Что самъ онъ областью не правилъ
А всѣ дѣла секретарю оставилъ,—

и какъ Меркурію, отвергавшему справедливость такого назначенія, объясняли его совершенную законность, говоря:

Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?.. и проч.

Басня эта именно научаетъ тому, какъ часто практическая польза бываетъ несогласна съ отвлеченною справедливостью. Подобное несогласіе бываетъ не только въ царствѣ Плутона, но и въ нашемъ современномъ обществѣ, а слѣдовательно и въ литературѣ. И, смотря на литературу съ общественной точки зрѣнія и принимая въ соображеніе разныя обстоятельства, бывшія и могшія быть,—мы остаемся очень довольны тѣмъ, что князь А. И. Долгорукій сочинилъ три тома повѣстей и стиховъ. Подвергать его строгой и язвительной критикѣ мы никакъ не намѣрены. А чтобы читатели яснѣе видѣли причины такого обращенія нашего съ княземъ А. И Долгорукимъ, мы должны изложить о немъ нѣкоторыя біографическія подробности, найденныя нами въ его стихотвореніи: «*Я*».

Мы узнаемъ изъ этого стихотворенія, что князь Александръ Ивановичъ — сынъ князя Ивана Михайловича Долгорукаго, извѣстнаго автора стихотвореній: «Парфену», «Везетъ», «Авось» и пр. Находимъ здѣсь и признаніе, что «лира звучная отца» досталась въ наслѣдство и достояніе сыну; только съ этимъ не можемъ вполнѣ согласиться: сочиненія князя-сына составляютъ большой шагъ назадъ отъ стихотвореній князя-отца, у котораго по мѣстамъ дѣйствительно были проблески остроумія, свѣтлыхъ мыслей и даже теплаго чувства. Но это въ сторону: литературная параллель князя Александра Ивановича Долгорукаго съ кѣмъ бы то ни было изъ извѣстныхъ сочинителей не можетъ повести ни къ чему хорошему—для князя. Пойдемъ далѣе. Изъ стихотворенія «*Я*» видно, что автору его теперь уже лѣтъ около семидесяти: онъ говоритъ, что пять лѣтъ учился въ Геттингенѣ, потомъ служилъ у какого-то министра,

Не отставая отъ другихъ
Усердной службой отличался;
Но выводъ не найдя своихъ,
Съ чернильной жизнью распрощался,
Перо на саблю промѣнялъ
(Возсталъ французъ на Русь святую).

Итакъ, князю А. И. Долгорукому было уже лѣтъ 25 въ 1812 году! Слѣдовательно, его полное развитіе совершилось прежде, нежели явился у насъ Пушкинъ, не говоря о Гоголѣ и Бѣлинскомъ. Онъ могъ воспитаться только на «звучной лирѣ своего отца» да на лирахъ Державина, Хераскова, Нелединскаго, и т. п. Стало быть, уже по этому одному разсматривать творенія князя А. И. Долгорукова съ современно-литературной точки было бы крайне несправедливо, хотя многія изъ нихъ и писаны *въ настоящее время, когда,* и пр. Въ одной изъ повѣстей автора упоминается даже о взятіи Шамиля; но это ничего не значитъ. Все-таки по своему взгляду и убѣжденіямъ князь А. И. Долгорукій принадлежитъ, какъ самъ онъ выражается, *своему вѣку*, когда люди—

И веселились, и любили,
И чувствъ своихъ, и юный вѣкъ
Въ суровой мысли не губили,—

т.-е. отлично умѣли мѣшать самое игривое препровожденіе времени съ прописною нравственностью, какъ видѣли мы въ сочиненіяхъ самого князя А. И. Долгорукаго. Такимъ образомъ очевидно, что по своему воспитанію и воззрѣніямъ онъ принадлежитъ еще къ числу

Сихъ остальныхъ изъ стаи шумной
Екатерининскихъ писакъ...

Онъ можетъ въ литературѣ нашей найти себѣ ровесниковъ развѣ въ г. Ѳедорѣ Глинкѣ и г. Николаѣ Гречѣ,—(такъ какъ г. Булгаринъ ужъ умеръ) и вообще можетъ помѣряться годами съ маститѣйшими старцами нашего времени... Вообразите же, что̀ могъ бы совершить въ свою долгую жизнь этотъ старецъ, если бы вздумалъ подражать Ѳ. Булгарину или кому другому изъ подобныхъ маститыхъ старцевъ. А что онъ могъ бы съ большимъ успѣхомъ подражать имъ, въ этомъ онъ самъ удостовѣряетъ насъ: онъ говоритъ, что онъ не глупѣй другихъ и могъ бы не хуже кого другого идти даже по службѣ:—

И словомъ, многимъ въ образецъ,
Я могъ поставленъ быть по службѣ,—
Что знаю дѣло, не глупецъ,
И даже, такъ сказать, по нуждѣ
И самъ бы могъ министромъ быть...

Видите, куда хватилъ князь А. И. Долгорукій! А впрочемъ, какое же мы имѣемъ право сомнѣваться въ его словахъ?.. Особенно же вспомнимъ, что его слова относятся не къ настоящему времени, когда, говоря словами нашего знаменитаго политико-экономa, г. Бабста, «уваженіе къ общественному мнѣнію вездѣ заставляетъ невольно выбирать въ государственные дѣятели людей, пользующихся извѣстностью и спеціально знакомыхъ съ частью государственнаго управленія, въ челѣ которой ихъ ставятъ» (Путев. Письм. стр. 17)... [1]). Теперь, конечно, слова князя А. И. Долгорукаго должны казаться произвольною гиперболою; но вѣдь слова эти, какъ и сама карьера

[1]) См. № 359.

князя, относятся къ тому времени, когда гласность и общественное мнѣніе были не столь сильны, какъ нынѣ,—когда спеціальности для высшихъ должностей не требовалось, когда Державинъ и Дмитріевъ были министрами юстиціи, и,—говорятъ,—даже хорошими министрами. Въ то время и князь А. И. Долгорукій могъ бы многаго добиться... Но онъ самъ не захотѣлъ этого, и посвятилъ себя—развлеченіямъ съ прекраснымъ поломъ и литературѣ... Онъ говоритъ:

Отъ горькой участи вельможъ
Пусть насъ избавитъ провидѣнье!
Ихъ раболѣпныхъ, гордыхъ *рожъ* (!)
Боюсь я даже въ сновидѣньи!
Что ихъ величье? Пустоцвѣтъ!
Отъ нихъ плода, друзья, не ждите!
Доколь принадлежитъ намъ свѣтъ,
Играйте, смѣйтесь и шутите!..

Вслѣдствіе такихъ убѣжденій и наклонностей, и еще вслѣдствіе того, что *любилъ рѣзать правду*, князь А. И. Долгорукій и не попалъ въ министры и вельможи, а, прослуживъ шестнадцать лѣтъ опять у министра послѣ кампаніи 1815 года, все-таки *не нашелъ своихъ выгодъ* и вышелъ въ отставку въ чинѣ восьмого класса. Онъ замѣчаетъ даже, что ему, вѣрно, суждено и «скончаться въ восьмомъ классѣ, сыскавъ мѣстечко на Парнассѣ...»

Теперь,—надѣемся,—уже очень понятно, почему мы одобряемъ усердіе князя А. И. Долгорукаго къ литературѣ. Какъ бы плохо онъ ни писалъ, какъ бы его стихи ни были бездарны, а повѣсти пошлы,—но вѣдь онъ ими никому особеннаго вреда не причиняетъ. Ими онъ становится на ряду съ такими безвредными господами, какъ г. Воскресенскій [1]), г. Рафаилъ Зотовъ, князь Григорій Кугушевъ [2]), и т. п. Все, что есть *несообразнаго* въ его головѣ и сердцѣ, все это высказывается печатно, подлежитъ литературному обсужденію и, главное, все это ни для кого не обязательно. Но представьте себѣ, что князь А. И. Долгорукій все время свое и способности употребляетъ на общественную дѣятельность: что бы вышло?.. Мы видѣли отчасти его понятія: онъ жалуется, что крестьянинъ неисправно оброкъ платитъ и что *если бы не дубина*, то помѣщику пришлось бы по міру идти; онъ видитъ въ нищемъ не болѣе, какъ человѣка спившагося съ кругу; онъ служитъ для того, чтобы *найти въ службѣ свои выгоды*... Если разберемъ всю его философію, сказавшуюся въ его стихотвореніяхъ, то увидимъ, что теоретическія ея основанія — покорность провидѣнью, смиреніе кичливаго ума, воздержаніе отъ всякихъ самостоятельныхъ порывовъ, а практическія правила—умѣнье жуировать и съ чистою совѣстью наслаждаться пирами и любовью, помышляя въ то же время, что все—прахъ и суета... Что, въ самомъ дѣлѣ, если бы съ такими эпикурейски-мистическими наклонностями князь А. И. Долгорукій продолжалъ свою служебную карьеру и вмѣсто плохого стихотворца сдѣлался бы плохимъ сановникомъ? А потомъ,—

Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?.. и пр.

Нѣтъ, пусть говорятъ, что хотятъ, литературные пуристы, строгіе поклонники теоріи искусства для искусства; — но мы не можемъ осудить почтеннаго старца за его пристрастіе къ литературнымъ занятіямъ... Мы не скажемъ ему стереотипнаго приговора записныхъ критиковъ: «лучше бы ему не писать своихъ произведеній; а если ужъ написалъ, то лучше бы *оставить въ своемъ портфелѣ*...» Нѣтъ, пусть его пишетъ, пусть издаетъ, пусть утѣшается, видя имя свое напечатаннымъ на заглавномъ листѣ книги, пусть упивается похвалами друзей... Все это безвредно, невинно... мы готовы даже сказать: похвально и полезно,—вспоминая, какъ много у насъ представляется человѣку возможностей дѣлать зло, просто отъ-нечего дѣлать. Оцѣнимъ то, что князь А. И. Долгорукій могъ, но не хотѣлъ добиться блестящей карьеры, и оставимъ другимъ поражать его стрѣлами литературной критики. Не станемъ горячиться противъ наводненія литературы подобными твореніями; не будемъ совѣтовать авторамъ, въ родѣ князя А. И. Долгорукаго, бросить лиру и посвятить свое время и трудъ на что-нибудь другое. Напротивъ, пожелаемъ для пользы нашего отечества, чтобы примѣръ князя А. И. Долгорукаго вызвалъ подражаніе во многихъ нашихъ общественныхъ дѣятеляхъ и чтобы они, переставъ упорно искать выгодъ на службѣ, посвятили все бренное существо свое мирному служенію музамъ.

[1]) См. № 186.
[2]) См. № 319.

365. Шиллеръ въ переводѣ русскихъ писателей,

изданный подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Томы V, VI и VII. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 363.

М. Л.

Мы уже не разъ говорили объ изданіи г. Гербеля, отдавая полную справедливость его аккуратности и изяществу [1]). Въ вышедшихъ въ послѣднее время томахъ помѣщены: въ пятомъ—«Заговоръ Фіеско въ Генуѣ», въ переводѣ г. Гербеля (проза) и «Марія Стюартъ», въ переводѣ А. А. Шишкова 2-го; въ VI-мъ — «Трилогія Валленштейнъ», въ переводѣ Л. А. Мея («Прологъ» и «Лагерь»), В. А. Лялина («Пикколомини») и А. А. Шишкова 2-го («Смерть Валленштейна»); въ VII-мъ — «Орлеанская дѣва», въ переводѣ Жуковскаго, и «Коварство и Любовь», въ переводѣ М. Л. Михайлова (проза). О большей части этихъ переводовъ распространяться не нужно: переводъ Жуковскаго всѣмъ извѣстенъ; гг. Мей и Михайловъ давно извѣстны, какъ очень талантливые переводчики. О переводахъ Шишкова можно замѣтить, что они теперь уже нѣсколько устарѣли. Безпрестанныя повторенія *сихъ, коихъ, сколь* и пр. непріятно поражаютъ въ драматическомъ произведеніи. Вообще стихъ Шишкова нельзя назвать естественнымъ и простымъ. Попадаются фразы, въ родѣ: «любви рукѣ я дѣятельной этимъ одолжена»; или: «облегчите жъ сердце мое, чтобъ ваше умилила я», и т. п. Но вообще говоря, переводы Шишкова могутъ еще быть читаемы даже и теперь, тѣмъ болѣе, что они сдѣланы очень добросовѣстно. Переводъ г. Лялина тоже читается, хотя и онъ не чуждъ тяжеловатости по мѣстамъ. Мы не указываемъ частныхъ отступленій и недосмотровъ переводчиковъ, потому что, не принадлежа къ числу исключительныхъ поклонниковъ Шиллера, не знаемъ его пьесъ наизусть, а сравнивать переводъ съ подлинникомъ стихъ въ стихъ сочли излишнимъ: на это у насъ есть довольное количество библіографовъ... Но наше вниманіе обратили нѣкоторые пропуски и уклоненія отъ подлинника, сдѣланныя въ «Фіеско». Уклоненія эти тѣмъ болѣе удивили насъ, что пьеса написана и переведена прозой, слѣдовательно, повидимому, не представляла никакихъ затрудненій въ переводѣ... Но вѣрно нашъ языкъ еще не выработался до того, чтобы выражать нѣкоторыя мысли, совершенно легко и свободно выражаемыя подъ перомъ нѣмецкаго писателя. Мы отчасти понимаемъ даже и причину этого, вовсе не филологическую, а заключающуюся въ степени участія нашего общества къ литературнымъ произведеніямъ такого рода, какъ «Фіеско»... [1]). Мы впрочемъ не обратили бы вниманія и на эти отступленія, если бы отъ нихъ не пострадало до нѣкоторой степени лицо *Веррины*. У Шиллера Веррина представляетъ образъ до того цѣльный и живой, что каждая фраза его должна быть сохранена именно такъ, какъ онъ говоритъ ее. Это не человѣкъ среднихъ силъ и среднихъ стремленій; онъ не можетъ ни дѣлать, ни говорить вполовину. Прямота и неуклонная безбоязненность республиканца выражаются въ каждомъ его словѣ. Поэтому не совсѣмъ ловко выходитъ, когда онъ въ переводѣ вмѣсто «тиранъ» говоритъ: «злодѣй», или вмѣсто: «ты конвульсивно содрогался *при одномъ взглядѣ на корону*», выражается: «тебѣ сжимало сердце *малѣйшее нарушеніе правъ республики*», и т. п.

Подобныя смягченія вредятъ рельефности лица гораздо болѣе, нежели кажется съ перваго раза. Стоитъ всмотрѣться въ смыслъ Шиллеровой пьесы, чтобы замѣтить, что Веррина долженъ выставляться какъ можно рѣзче, неукротимѣй, безпощаднѣй,— не только въ дѣлѣ, но и въ каждомъ словѣ, которыхъ онъ, впрочемъ, не говоритъ даромъ. Его характеръ составляетъ совершенную противоположность съ Фіеско, и преслѣдуя однѣ цѣли, они расходятся именно вслѣдствіе разницы внутреннихъ побужденій. Фіеско—тоже ненавидитъ Доріевъ, угнетающихъ Геную; Веррина называетъ его тоже den grossen Tyrannenhasser (названіе, пропущенное въ переводѣ г. Гербеля). Но Фіеско чувствуетъ ненависть къ Доріямъ— именно какъ къ Доріямъ, какъ къ герцогамъ, попирающимъ, между прочимъ, его собственныя преимущества. Поэтому ненависть къ рабству не восходитъ въ его душѣ

[1]) См. №№ 115 и 175.

[1]) Въ статьѣ «Литературныя мелочи» (см. № 242) Добролюбовъ ясно указалъ, каково должно быть участіе общества къ литературѣ: первое должно было встать на защиту второй отъ цензурнаго гнета и насилія.

на степень ненависти ко всякому преобладанію. Онъ—человѣкъ честолюбивый, человѣкъ эгоистическій довольно въ узкихъ предѣлахъ. Оттого-то ему ничего не стоитъ носить маску такъ долго и такъ искусно, что сами друзья и единомышленники его не понимаютъ его поведенія. Замысливъ низвергнуть Доріевъ, онъ пускается въ свѣтскія развлеченія, пьетъ, гуляетъ, играетъ, не потому, чтобы его влекла къ тому какая-нибудь страсть, а просто изъ разсчета,—чтобы обмануть бдительность противниковъ. Между тѣмъ, онъ обработываетъ втайнѣ все дѣло возстанія: достаетъ деньги, одобреніе иностранныхъ державъ, чужеземное войско; а затѣмъ — возстановить народъ уже недолго. И вотъ, въ рѣшительную минуту онъ сбрасываетъ свою маску и приводитъ въ благоговѣйное изумленіе всю партію республиканцевъ. Онъ говоритъ имъ: «пока вы тутъ толковали, *я дѣлалъ дѣло*», и всѣ предъ нимъ преклоняются. Но уже въ этой спесивой претензіи, что *онъ* дѣлалъ дѣло, заключается начало развязки. Вслѣдъ за этимъ сознаніемъ начинаетъ мучить Фіеско жажда власти. Сначала онъ отвергаетъ мысль самому сѣсть на мѣсто Дорія. Его сомнѣнія разрѣшаются еще довольно свѣтло въ первомъ монологѣ, который мы можемъ привести здѣсь, какъ образчикъ перевода г. Гербеля:

«Что за волненье въ груди моей! что за таинственный приливъ мыслей! Точно подозрительные братья, что̀ выходятъ на черное дѣло, крадутся на цыпочкахъ и боязливо потупляютъ свои разгорѣвшіяся лица, — такъ проходятъ тайкомъ роскошные призраки мимо души моей. Постойте! постойте! Дайте мнѣ посвѣтить вамъ въ лицо. Честная мысль укрѣпляетъ сердце мужчины, и геройски показываетъ себя дню. О, я знаю васъ! Это ливрея вѣчнаго лжеца. Исчезните! *(Снова молчанье; потомъ съ возрастающимъ жаромъ). Республиканецъ Фіеско? Герцогъ Фіеско?* Остерегись! — передъ тобой неисходная бездна, гдѣ стынетъ мозгъ добродѣтели, гдѣ небо граничитъ съ адомъ. Здѣсь-то спотыкались герои,—и падали герои, и міръ проклинаетъ имена ихъ. Здѣсь-то сомнѣніе овладѣвало героями, и герои останавливались и дѣлались полубогами. *(Съ большею живостью).* Но вѣдь они *мои,* сердца Генуи. Вѣдь *мои руки* водятъ произвольно—то туда, то сюда—грозную Геную? О, какъ лукавъ порокъ! Каждаго духа тьмы заслоняетъ духомъ свѣта. Несчастное славолюбіе! застарѣлое соперничество! Духи свѣта своими поцалуями отняли у тебя небо, и твое чрево изрыгнуло — смерть. *(Содрогаясь)* Духовъ обольщаешь ты пѣснями сиренъ о безсмертіи; людей ловишь ты золотомъ, женщинами и жаждою власти. *(Послѣ нѣкотораго молчанія).* Пріобрѣсть власть—*велико;* отказаться отъ нея—*божественно. (Рѣшительно).* Да погибнетъ злодѣй! Будь свободна, Генуя, а я *(понизивъ голосъ)* — твой *счастливѣйшій* гражданинъ».

Но приманка слишкомъ сильна, и положеніе Фіеско слишкомъ соблазнительно для того, чтобъ имъ не воспользоваться. Второй монологъ уже наполненъ такими изворотами, такими софизмами, которые кажутся неотразимыми для Фіеско... А главное,—близость власти такъ отуманиваетъ и разгорячаетъ его, что онъ не можетъ долѣе воздержаться, и цѣль общая исчезаетъ для него предъ цѣлью личною. Послѣдняя душевная борьба, предшествующая рѣшенію, превосходно выражена у Шиллера и довольно близко передана г. Гербелемъ. Мы приведемъ и эту страницу. Замѣтимъ только, что напрасно г. Гербель въ нѣсколькихъ мѣстахъ выкинулъ слова Fürst и fürsterlich, которыя Фіеско много разъ повторяетъ въ этомъ монологѣ, какъ бы желая натѣшиться ими и пріучить къ нимъ слухъ свой.

«Фіеско *(въ своей залѣ, у окна; свѣтаетъ).* Что̀ бы это значило? Луна потухла; утро встаетъ, все въ огнѣ, изъ моря. Дикія мечты прогнали мой сонъ. Все существо мое судорожно ухватилось за одно ощущенье. Мнѣ надо воздуху. *(Отворяетъ стеклянную дверь. Городъ и море окрашены утреннею зарею. Фіеско ходитъ большими шагами по комнатѣ).* Я величайшій человѣкъ въ Генуѣ! — И не должны ли низшія души собраться около высшей? Но я отдаляюсь отъ добродѣтели. *(Останавливается).* Добродѣтель? Но избранная голова имѣетъ иныя искушенія, чѣмъ обыкновенная; неужели жъ ей дѣлить съ ней и добродѣтель? Развѣ панцырь, облекающій тощее тѣло пигмея, можетъ быть впору великану? *(Солнце восходитъ надъ Генуею).* Этотъ величавый городъ *(кидается къ дверямъ съ отверстыми объятіями)* — мой!.. И сіять надъ нимъ, подобно царственному дню, заботиться о немъ съ мощью монарха, всѣ кипучія страсти, всѣ несытыя желанья потопить въ этомъ бездонномъ океанѣ? Да, если остроуміе обманщика и не можетъ облагородить обмана, — по крайней мѣрѣ, цѣна облагораживаетъ обманщика. Подло вытащить кошелекъ изъ кармана, дерзко надуть на милліонъ, но невыразимо-велико похитить власть. Стыдъ *уменьшается* съ *возрастаніемъ* преступленія. *(Молчаніе. Потомъ значительно). Повиноваться?—повелѣвать?*—ужасная, бездонная пропасть! Бросьте въ нее все, что̀ только человѣкъ имѣетъ драгоцѣннаго: ваши побѣды, завоеватели, художники—ваши безсмертныя созданья, ваше сластолюбіе, эпикурейцы, ваши моря и острова, — вы, мореходы! *Повиноваться и повелѣвать: быть и не быть!* Развѣ тотъ, кто переносится черезъ страшную пропасть между послѣднимъ серафимомъ и Безконечнымъ, измѣритъ этотъ полетъ? *(Торжественно).* Стоять на той ужасной, неизмѣримой высотѣ! смотрѣть на кружащійся внизу водоворотъ человѣчества, гдѣ колесо слѣпой обманщицы коварно вертитъ судьбами! первому припадать устами къ кубку радости! управлять неукротимыми страстями народа, какъ бѣшеными конями, мягкою игрою поводьевъ! *Однимъ* — однимъ дуновеніемъ превращать въ прахъ зазнавшуюся гордость вассала! вызывать къ жизни творческимъ жезломъ грезы своей горячки! О, эта картина возноситъ духъ выше его предѣловъ! *Одна* минута владычества поглотила мозгъ всего существованія. Не *шумъ* жизни, а ея содержаніе опредѣляетъ ей цѣну. Раздѣли громъ на простые звуки и ты станешь убаюкивать ими дѣтей; но соедини ихъ въ одинъ вне-

запный ударъ — и царственный звукъ потрясетъ вѣчное небо. Я рѣшился. *(Ходитъ величественно взадъ и впередъ)*».

Таковъ Фіеско, являющійся для всѣхъ освободителемъ Генуи. Но не таковъ Веррина. Онъ состарѣлся въ республиканскихъ убѣжденіяхъ, они вошли въ плоть и кровь его; онъ ненавидитъ не Доріевъ, но людей, стоящихъ выше его,—онъ возмущается противъ цѣлаго порядка вещей, въ которыхъ возможно неправое преобладаніе однихъ надъ другими. Толчокъ его гнѣву даетъ поступокъ Джіанеттино Дорія съ его дочерью; но это только поводъ, это искра, попадающая въ порохъ. Въ собственномъ оскорбленіи онъ видитъ возможность оскорбленія цѣлой Генуи, беззащитность невинности и слабости отъ насилія власти... Онъ горько укоряетъ себя, что до сихъ поръ терпѣлъ, и признаетъ домашнее несчастье справедливой карой за свою бездѣятельность. «По дѣломъ тебѣ, трусъ Веррина», говоритъ онъ: — «когда негодяй вторгался во святилище законовъ, такъ этого тебѣ было мало; надо было, чтобъ онъ вторгнулся во святилище твоей крови!..» И вслѣдъ затѣмъ весь его частный гнѣвъ переносится въ сферу дѣла общаго: онъ проклинаетъ свою дочь въ присутствіи своихъ друзей,—чтобъ она мучилась и терзалась до тѣхъ поръ, пока не погибнетъ герцогъ Дорія, ея обольститель. «Она будетъ для меня залогомъ твоего мщенья тирану», говоритъ онъ, обращаясь къ жениху своей дочери. «Этой драгоцѣнной нитью я связываю мои, и твои, и ваши обязанности», — прибавляетъ онъ, обращаясь ко всѣмъ друзьямъ своимъ. Но не нужно думать, что личный гнѣвъ и мщеніе имъ руководятъ; онъ идетъ на Дорія, но это потому, что именно Дорія покамѣстъ представляетъ собою въ Генуѣ неправую власть. Какъ скоро онъ замѣчаетъ, что Фіеско, *освободитель* Генуи, самъ стремится къ власти,—онъ идетъ и противъ Фіеско. Зорко подмѣчаетъ онъ его стремленіе въ самомъ зародышѣ, и кровавое рѣшеніе уже готово въ душѣ мрачнаго, непреклоннаго республиканца. Ему нѣтъ дѣла до того, что Фіеско, можетъ быть (какъ самъ по крайней мѣрѣ обѣщается), не станетъ угнетать Геную подобно Доріямъ, а будетъ о ней заботиться съ герцогскимъ величіемъ и милостью... Веррина не разбираетъ, каковъ будетъ герцогъ Генуи; онъ не хочетъ никакого, и тѣмъ болѣе не хочетъ Фіеско. «Замѣтилъ ли ты вчера», говоритъ онъ Бургоньино: — «какъ Фіеско всматривался въ наше изумленіе?.. Человѣкъ, чья улыбка обманула всю Италію, станетъ ли терпѣть себѣ равныхъ въ Генуѣ?.. Фіеско свергнетъ тирана, — это вѣрно; Фіеско самъ будетъ опаснѣйшимъ тираномъ Генуи, — это еще вѣрнѣе». И слѣдствіемъ этихъ глубоко-вѣрныхъ соображеній является у Веррины приговоръ: «Фіеско долженъ умереть!»

И Веррина свято исполнилъ свое намѣреніе. Разъ только, передъ исполненіемъ своего намѣренія, онъ смягчился и даже какъ будто готовъ былъ поколебаться. Онъ вошелъ въ разсужденія съ Фіеско и даже принялся упрашивать его, чтобъ тотъ отказался отъ власти. Разумѣется, онъ долженъ былъ знать, что это безполезно, что если бы Фіеско и сказалъ ему: *да*, — то не въ силахъ былъ бы исполнить своего слова. Но старику извинительно было сдѣлать подобную, во всякомъ другомъ положеніи нѣсколько малодушную просьбу, потому что вслѣдъ за тѣмъ у него готовилась и казнь Фіеско: просьба эта была чѣмъ-то въ родѣ исповѣди, въ родѣ очищенія совѣсти передъ смертью... Послѣдній разговоръ его съ Фіеско полонъ такой энергіи, какую рѣдко представляютъ драматическія пьесы. Къ сожалѣнію, въ переводѣ г. Гербеля и здѣсь есть нѣсколько смягченій и пропусковъ. Зачѣмъ, напримѣръ, пропущено это характеристическое разсужденіе Веррины, когда онъ отвѣчаетъ на обѣщанія Фіеско употребить герцогскую власть для благоденствія гражданъ Генуи: «моему согражданину я еще позволилъ бы сдѣлать мнѣ добро: ему надѣюсь я отблагодарить тѣмъ же. Но даръ герцога—это милость, а милости я принимаю только отъ Бога...» Подобный отвѣтъ въ своей рѣзкости весьма рельефно рисуетъ намъ закаленную въ республиканствѣ натуру стараго Веррины.

Впрочемъ, говоря вообще, переводы, издаваемые г. Гербелемъ, все-таки даютъ нашей публикѣ довольно полное понятіе о драматическихъ пьесахъ Шиллера, и мы съ удовольствіемъ узнали изъ предисловія къ VII тому, что и восьмая часть уже готова и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

366. Потерянный рай.

Поэма Іоанна Мильтона, съ пріобщеніемъ поэмы Возвращенный рай. Въ двухъ отдѣленіяхъ и пяти пѣсняхъ, переводъ съ прозы, въ стихахъ, *Елизаветы Жадовской*. Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 363.

М. Л.

Изданіе чистенькое; но на это смотрѣть не должно. *Переводъ съ прозы* г-жи Жадовской — безобразнѣйшая спекуляція, какую только можно себѣ представить. Тутъ все есть — и ловкая штука, и бездарность, и прямой обманъ...

Извѣстно, что «Потерянный рай» пришелся очень по вкусу нашей публикѣ. Первый переводъ его вышелъ, кажется, въ 1810 году, и съ тѣхъ поръ появлялось нѣсколько переводовъ, и, кажется, болѣе десятка изданій его. Прежніе переводы были въ прозѣ; г-жѣ Елизаветѣ Жадовской вздумалось, что поэма Мильтона будетъ имѣть у насъ еще болѣе успѣха, если переложить ее въ стихи. Кстати же, у насъ имя г-жи Жадовской (не этой, а Юліи) имѣетъ очень хорошую извѣстность въ литературѣ. Вотъ и принялась г-жа Елизавета Жадовская—*переводить съ прозы*, то-есть, перекладывать въ стихи прозаическій старый переводъ. Перевела она выдержки изъ трехъ пѣсенъ «Потеряннаго рая» (4-й, 8-й и 9-й), да одну пѣснь «Возвращеннаго», да часть одной пѣсни изъ «Потеряннаго» перенесла въ «Возвращенный», составила, такимъ образомъ, книжечку стиховъ въ 140 разгонистыхъ страничекъ и издала подъ вышеписаннымъ громкимъ заглавіемъ... А затѣмъ на оберткѣ значится: *цѣна 1 р. 65 к. сер...* И даже *65!* Что, хоть бы ужъ ровно 60!

Ясно, что спекуляція разсчитана именно на то, что читатели не разберутъ, въ чемъ дѣло, и выпишутъ себѣ отрывочки г-жи Елизаветы Жадовской, въ полной увѣренности получить полный стихотворный переводъ поэмы Мильтона. Немудрено, что кое-кто и попадется на эту штуку именно потому, что обманъ ужъ слишкомъ нагло сдѣланъ— и вотъ почему мы спѣшимъ предупредить читателей объ этомъ переводѣ.

О стихахъ г-жи Елизаветы Жадовской можно судить по слѣдующему обращенію къ Мильтону, которое напечатано на особой четверткѣ, въ началѣ книги, очевидно, ради ея утолщенія:

Мильтонъ, Божественный писатель,
Настрой мнѣ лиру самъ мою,
Сердецъ и душъ очарователь,
Дай повторить мнѣ пѣснь твою;
Ее начну съ четвертой темы,
Ее, ее я пробрянчу
Дай дивный ладъ твоей поэмы
И вдохновенье;—такъ начну.

Всѣ знаки препинанія мы оставили такъ, какъ они стоятъ въ подлинникѣ. По этому можно судить и о грамотности г-жи Елизаветы Жадовской.

Мы сказали, что г-жа Елизавета Жадовская перекладывала въ стихи русскій старый переводъ. Въ этомъ убѣдились мы, во-первыхъ, потому, что содержаніе каждой пѣсни изложено почти буквально сходно съ изложеніемъ стараго перевода; а во-вторыхъ, и бѣглымъ сличеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Возьмемъ хоть съ начала. Вотъ проза:

«То устремляетъ онъ (сатана) печальные взоры на вертоградъ райскій, котораго прелестный видъ открытъ предъ его глазами; то обращаетъ ихъ къ небесамъ, къ сему лучезарному свѣтилу, которое, достигнувъ до средины пути своего, блистало съ высоты своихъ блестящихъ чертоговъ».

А вотъ стихотворный *переводъ съ прозы:*

И устремляетъ онъ печальный
Свой взоръ на пышный вертоградъ:
Эдемскихъ прелестей отрадой
Его томится злобный взглядъ.
Тутъ къ небесамъ онъ взоръ вращаетъ,
Гдѣ лучезарный блескъ свѣтилъ
Собой природу освѣщаетъ,
Гдѣ ихъ чертогъ блестящій былъ...

Не знаемъ, что̀ побудило г-жу Елизавету Жадовскую выступить съ книжечкою такихъ стиховъ, да еще выступить въ такихъ павлиныхъ перьяхъ, но считаемъ справедливымъ замѣтить, что ея «Потерянный рай»—есть явленіе, весьма невзрачное въ русской литературѣ.

P. S. Считаемъ нужнымъ оговориться, что, охуждая переводъ г-жи Елизаветы Жадовской, мы вовсе не отвергаемъ пользы перевода на русскій языкъ лучшихъ произведеній иностранной поэзіи. Наши замѣчанія имѣютъ вотъ какой смыслъ: зачѣмъ г-жа Жадовская выдрала изъ поэмы Мильтона отрывки, и отрывки далеко не лучшіе, зачѣмъ перевела ихъ на плохіе стихи съ старой русской прозы, зачѣмъ перепутала даже и то, что̀ сама выбрала, а главное—зачѣмъ свои вирши издала подъ названіемъ поэмы

Мильтона «Потерянный рай», да еще съ присовокупленіемъ «Возвращеннаго»?.. Такъ нужно понимать наши слова, а никакъ не въ томъ смыслѣ, будто мы глумимся надъ Мильтономъ, надъ поэзіей, и утверждаемъ, что намъ никакихъ переводовъ не нужно, что намъ и того, что̀ есть, слишкомъ достаточно. Нѣтъ, не за то осуждаемъ мы г-жу Елизавету Жадовскую, что она переводила Мильтона, а за то, что плохо перевела, перевела не все, что̀ слѣдовало, а выдала такъ, что будто все ею сдѣлано.

Оговорка эта сдѣлана нами не для обычныхъ нашихъ читателей, а изъ предосторожности предъ московскими публицистами. Съ нами ужъ былъ въ нынѣшнемъ году такой случай. Нѣкоторые господа сдѣлали съ гласностью и сатирой то же самое, что̀ г-жа Елизавета Жадовская произвела съ Мильтономъ,—т.-е. выдрали кое-какіе отрывочки изъ давно ходившихъ въ обществѣ сужденій и анекдотовъ, перевели ихъ съ простой житейской прозы на патетическую реторику и даже поэзію съ хромыми риѳмами, прибавили разныя обращенія, въ родѣ обращенія г-жи Елизаветы Жадовской къ Мильтону, и пошли писать... Услужливые люди,—да и сами эти сочинители отчасти,—выдали эти плохіе отрывочки за настоящій, полный образецъ гласности и сатиры. Мы, съ свойственною намъ мягкостью и благодушіемъ, осмѣлились замѣтить, что это не совсѣмъ такъ, и предостеречь читающую публику отъ заблужденія. Московскіе публицисты, очень дорого оцѣнившіе отрывочки обличенія и гласности (чуть ли не дороже, чѣмъ *переводъ* г-жи Е. Жадовской), возстали на насъ цѣлымъ хоромъ,—да вѣдь какъ!.. Цѣлый годъ насъ преслѣдовали за то, что мы надъ обличительной литературой глумимся и гласности не уважаемъ... Еще недавно упрекали насъ за это, и, кажется, такъ и въ слѣдующій годъ перейдутъ, не успѣвши смекнуть, въ чемъ дѣло... Но читатели видятъ, что мы не были въ этомъ случаѣ горды и скрытны; мы много разъ склонялись на объясненія съ почтенными публицистами, употребляли всѣ старанія вразумить ихъ, наконецъ, даже избѣгали всего, что̀ могло ввести ихъ въ заблужденіе. Вотъ и теперь,—мы нарочно оговорились въ нашемъ сужденіи о переводѣ г-жи Е. Жадовской,—чтобы московскіе публицисты, въ обличеніяхъ своихъ противъ насъ, не взяли къ слѣдующему году еще лишняго грѣха на душу... Можетъ быть и это не поможетъ; но мы, по крайней мѣрѣ, не будемъ считать себя виновными въ недоразумѣніяхъ [1]).

---

367. Счастіе не за горами.

Семейное чтеніе за вечернимъ чаемъ, или сборникъ изъ посланій къ пріятелю. Выпускъ I. Собр. и изд. *Ж. Донин*.... Москва, 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 363.

М. Л.

Книжечка эта назначена для дѣтей; но ее съ удовольствіемъ прочтутъ и взрослые, привыкшіе къ оптимистскимъ взглядамъ на близкое будущее, которые господствуютъ въ нашей журналистикѣ, особенно московской. Извѣстно, что оптимистамъ никогда не надоѣдаетъ повтореніе прекрасныхъ надеждъ и радужныхъ фантазій. А книжечка г. Ж. Донин...., какъ показываетъ самое ея заглавіе, составляетъ не что иное, какъ résumé, начало и конецъ, всей словесной дѣятельности нашихъ благонамѣренныхъ публицистовъ. Особенно къ одному оттѣнку ихъ близко подходитъ г. Ж. Донин.... Къ какому именно,—читатели сейчасъ узнаютъ по слѣдующей статейкѣ, помѣщенной въ концѣ книжечки.

НОВОСТЬ.

Сломились двѣ пословицы.

«Извѣстно было всякому, что «пословица во вѣкъ не сломится». Но недавно замѣчено совершенно противное. Мы живемъ въ вѣкъ чудесъ. Сломилась пословица, и еще не одна.

«Говорили на Руси въ древнія времена (не въ похвальбу будь сказано: да и что̀ жъ все хвалиться? не все же встарину было безъ изъяну), говорили старики: «съ труда горбатъ будешь, а не богатъ»—да еще приговаривали: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».

«Недавно открыто и доказано—какъ опытомъ, такъ и *a priori*, что все это совершенная ложь, и *что честный, праведный трудъ есть источникъ богатства, не хуже всякаго откупа.*

«*Alia tempora, alii mores.*

«Спѣшимъ заявить объ этомъ предъ любителями древности: на этомъ открытіи для многихъ

[1]) Рѣчь идетъ о мелкихъ, междустрочныхъ вылазкахъ «Рус. Вѣстника» и «Москов. Вѣдомостей», совершенно не понявшихъ основной мысли № 242.

уже зиждется цѣлая новая система жизни, убѣжденій, чувствъ, мыслей, словъ, дѣлъ и всего на свѣтѣ,—система недурная, хотя и не древняя».

Гдѣ же это и у кого, спрашиваете вы,—честный и праведный трудъ сдѣлался источникомъ *богатства* (!) *не хуже всякаго откупа* (!!)... Вы нетерпѣливо желаете узнать хоть нѣсколькихъ человѣкъ, разбогатѣвшихъ такимъ образомъ... И вдругъ... о, блаженство!—вамъ даютъ въ заключеніе *выноску*, которая гласитъ слѣдующее (стр. 122):

«*Въ слѣдующій разъ мы представимъ оправданіе этой новой системы въ примѣрѣ цѣлаго народа—Англіи*».

Итакъ—цѣлая страна пользуется благодѣяніями системы, обѣщающей обогащеніе отъ труда!.. И эта страна—*Англія!.. Англія*, въ которой нынѣ происходитъ такая борьба голодныхъ работниковъ за работу!!. Узнаете ли, откуда взято направленіе книжечки? Узнаете ли, какъ новыя идеи, переработанныя въ головѣ усерднаго читателя нашихъ англизированныхъ публицистовъ, примѣняются къ воспитанію будущихъ поколѣній? [1]). Прежде говорили дѣтямъ, что добродѣтель на свѣтѣ всегда торжествуетъ, потому что ей помогаетъ — то добрый волшебникъ, то неизвѣстное существо въ образѣ цыганки, то горный духъ, и т. д. И дѣти вѣрили, и на всю жизнь оставались розинями, и давали пороку полную свободу бушевать и господствовать надъ ними... Теперь та же пѣсня поется на новый ладъ: говорятъ, что богатѣютъ люди отъ труда... Дѣти и этому повѣрятъ, и будутъ кланяться богачамъ, воображая, что все это трудомъ нажито, и сами будутъ весь вѣкъ работать на другихъ, утѣшаясь примѣромъ Англіи! И многіе ли изъ нихъ додумаются до того, чтобы досказать недоговоренную въ книжечкѣ г. Донин... и во всей нашей публицистикѣ мысль—такимъ образомъ: «*Чужой* трудъ, *ловко эксплуатируемый* человѣкомъ, дѣлается для него источникомъ богатства, не хуже откупа». А изъ тѣхъ, кто додумается, многіе ли успѣваютъ изъ своего открытія извлечь для себя практически полезныя слѣдствія, которыя бы не были безчестными?..

---

368. Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности.

Напечатано вмѣстѣ съ № 363 за подписью «Н. Т—новъ». До 13 декабря 1859 года въ Россіи никогда не было публичнаго обсужденія какихъ-либо общественныхъ вопросовъ. Перозіо и Смирновъ дѣлали починъ, вѣрнѣе—для нихъ рѣшено было нарушить приказъ молчанія. Публика съ жадностью бросилась въ залъ; многіе говорили, что вверху хотѣли посмотрѣть, насколько у насъ возможно гласное судопроизводство. Однако, первый блинъ оказался комомъ, но отвѣтственность за него падаетъ, по мнѣнію Добролюбова, не на публику, которой Ламанскій бросилъ фразу, надолго подхваченную «Искрой» и другими сатирическими изданіями, а на самого Ламанскаго и участниковъ диспута, обнаружившихъ все ту же свою черту: страсть къ словамъ и боязнь къ дѣлу. Добролюбовъ спѣшилъ отвести возможное заключеніе о незрѣлости общества для гласнаго суда и потому въ ночь съ 13 на 14 декабря написалъ статью, зная, что 16-го выйдетъ очередная книжка (Пыпинъ, «Мои замѣтки», «Вѣстн. Европы» 1905, II, 27) и попутно снова бросилъ литераторамъ свое обычное по ихъ адресу обвиненіе въ приверженности къ словамъ и внѣшней формѣ общественныхъ явленій.

Этотъ упрекъ относился главнымъ образомъ къ ... Чернышевскому. Вотъ что онъ самъ говоритъ по этому поводу: «Никто никогда не дѣйствовалъ съ такою полною независимостью отъ всѣхъ окружавшихъ, какъ Добролюбовъ. Никакія личныя отношенія не могли поколебать его, когда онъ считалъ нужнымъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ, ему извѣстно было, что я одобрялъ устройство диспута въ Пассажѣ между гг. Смирновымъ и Перозіо. Онъ очень хорошо зналъ, какъ непріятно мнѣ будетъ обнаруженіе глупости этого дѣла, въ которомъ разыгралъ я самую жалкую роль. Публика могла не знать, но мы съ нимъ оба очень хорошо понимали, что его статья

[1]) «Англизированные публицисты»—это «Русскій Вѣстникъ» Каткова, видѣвшаго идеалъ Россіи въ англійскомъ государственномъ устройствѣ и очень порицавшаго все, что̀ сколько-нибудь отдавало соціализмомъ и революціонностью. Разумѣется, Добролюбовъ считалъ долгомъ при случаѣ кольнуть этихъ типичныхъ либераловъ.

«Любопытный пассажъ» убійственнѣе для меня, нежели для кого бы то ни было другого. Перечитайте же эту статью,—смягчилась ли въ ней насмѣшка привязанностью ко мнѣ? А между тѣмъ онъ любилъ меня, я имѣю на это доказательства» («Современникъ» 1862, I, 314).

М. Л.

Ахъ, какой пассажъ!
(«Ревизоръ»).

13-е декабря 1859 года запишется неизгладимыми чертами въ исторіи русской словесности. Этотъ день доказалъ неоспоримо, что правила языка и слога дѣйствительно занимаютъ во всѣхъ нашихъ общественныхъ вопросахъ первое и важнѣйшее мѣсто. На языкъ, слогъ и даже шрифтъ устремляется всеобщее вниманіе; они дѣлаются предметомъ гласныхъ обсужденій, на которыя стекаются многія сотни образованныхъ людей, цвѣтъ нашего общества. О, какое великое дѣло языкъ, слогъ и шрифтъ!.. Мы убѣдились въ этомъ, сидя въ залѣ Пассажа 13-го декабря сего года!..

Читателямъ нашимъ, конечно, извѣстно изъ газетъ, что 13-го декабря происходилъ въ залѣ Пассажа литературный турниръ между гг. Перозіо и Смирновымъ. Но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстна сущность и цѣль турнира...

«Помилуйте! За кого же вы насъ принимаете, — восклицаютъ читатели (не бывшіе на знаменитомъ засѣданіи). — Развѣ мы ничего не читаемъ, развѣ не интересуемся общественными вопросами, или не умѣемъ понимать того, что̀ читаемъ?..» Развѣ не ясно высказана была цѣль устнаго состязанія въ вызовѣ г. Перозіо, въ 261 нумерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»? Г. Перозіо обличалъ Общество Русскаго Пароходства и Торговли, а г. Смирновъ защищалъ его; оба вооружились цифрами и фактами и оба объявляли, что цифры и факты противника произвольны. Тогда г. Перозіо и сказалъ: «этакъ мы будемъ, пожалуй, спорить до безконечности, и все-таки не объяснимъ публикѣ настоящаго положенія дѣла. Но еще масса публики, положимъ, не такъ сильно заинтересована нашимъ споромъ, чтобы добиваться во что бы то ни стало—узнать, кто правъ, кто виноватъ. Есть еще довольно обширный кругъ людей, интересующихся спеціально тѣмъ дѣломъ, о которомъ мы разсуждаемъ; это—акціонеры Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Мы съ разныхъ сторонъ приступаемъ къ нимъ, и я говорю: ваше дѣло идетъ плохо, а г. Смирновъ говоритъ: напротивъ, оно идетъ отлично... Оба мы подтверждаемъ свои увѣренія фактами и цифрами; но этой письменной полемики очень недостаточно для полнаго уясненія дѣла, и акціонеры, не имѣющіе подъ руками всѣхъ данныхъ, какія можемъ имѣть мы, продолжаютъ оставаться въ недоумѣніи, чему вѣрить. Чтобы окончательно разъяснить дѣло, чтобы разсѣять это недоумѣніе, чтобы рѣшительно убѣдиться и убѣдить другихъ, каково же, наконецъ, положеніе дѣлъ Общества Пароходства и Торговли,—намъ лучше всего сойтись и объясниться словесно, въ присутствіи посредниковъ и публики. Тогда въ нѣсколько часовъ мы выскажемъ гораздо больше, нежели могли бы написать, споря другъ съ другомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ,— и дѣло объяснится. Я готовъ публично доказывать свое положеніе, что дѣло не хорошо, г. Смирновъ пусть доказываетъ, что оно хорошо»... Вотъ что̀ говорилъ г. Перозіо,—прибавляютъ читатели: — «неужели же послѣ этого еще вы полагаете, что у насъ недостанетъ здраваго смысла сдѣлать выводъ: *цѣль состязанія г. Смирнова съ г. Перозіо заключалась въ томъ, чтобы раскрыть настоящее положеніе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли*».

О, наивность! О, Аркадія! восклицаемъ мы... Да съ чего же вы это взяли, почтенные читатели? На какомъ основаніи вообразили вы, что тутъ рѣчь идетъ о дѣлахъ? Съ какой стати примѣшали вы тутъ какое-то Общество Русскаго Пароходства и Торговли?.. Вы ужасно ошиблись, понявши дѣло въ такомъ видѣ. Вы сами сочинили слова, приписанныя вами г-ну Перозіо...

«Однакоже, позвольте, — прерываютъ читатели. — Вотъ вамъ подлинныя слова г. Перозіо изъ 261 нумера «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Прочитайте.

«*Тутъ дѣло еще не въ массѣ читателей;* мы споримъ въ виду читателей, такъ сказать, *спеціальныхъ,* подъ которыми я понимаю акціонеровъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Людямъ этимъ, положившимъ свои капиталы въ предпріятіе и ожидающимъ отъ него великихъ и богатыхъ милостей, *мы доказываемъ: я—что дѣла Общества въ плохомъ положеніи, и что г. директоръ-распорядитель сообщаетъ публикѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ ихъ; вы—что все это идетъ прекрасно, и что я безсовѣстно лгу.* У насъ обоихъ въ рукахъ цифры, мы обвиняемъ, повидимому, не голословно. Итакъ, *п. акціонеры общества должны стоять между страхомъ и надеждою; такъ не лучше ли разомъ — или уничтожить этотъ страхъ, или разсѣять надежды?* Перепискою или

печатною полемикою мы никогда *не уяснимъ, какъ слѣдуетъ, дѣла,* да и согласитесь, — надоѣдимъ читателямъ и собьемъ окончательно съ толку акціонеровъ, чего, — не знаю, какъ вы, г. Смирновъ, — а я рѣшительно не желаю. По-моему, *вопросъ объ обвиненіи кого-нибудь въ недобросовѣстности или неправильности дѣйствій, и т. п., — вопросъ юридическій;* такъ почему бы намъ не примѣнить здѣсь систему гласнаго судопроизводства, котораго всѣ мы такъ добиваемся?»

«Вотъ слова г. Перозіо,—продолжаютъ читатели, не бывшіе въ засѣданіи: — какъ же можно понимать ихъ, какъ не въ томъ смыслѣ, который мы въ нихъ нашли? Обратите на нихъ вниманіе, разберите ихъ: ясно, что г. Перозіо желаетъ раскрыть дѣло, объяснить, подтвердить и дополнить свои показанія, разрѣшить сомнѣнія, которыя могли бы быть возбуждены его статьями, и проч. Устное объясненіе предположено имъ, какъ продолженіе полемики о дѣлахъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли, взамѣнъ тѣхъ новыхъ статей, которыя могъ бы онъ, равно какъ и г. Смирновъ, писать до безконечности по этому предмету»...

Нѣкоторымъ можетъ показаться справедливымъ выводъ провинціальныхъ читателей. Можетъ быть, онъ дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую основательность съ точки зрѣнія дѣловыхъ людей. Но мы въ качествѣ чистыхъ литераторовъ никакъ не можемъ признать въ немъ ни капли основательности... Мы не знаемъ, какъ доказать свое мнѣніе; но, подражая г. Серно-Соловьевичу, не унываемъ и кричимъ очень громко: «дѣло въ томъ, господа читатели, что въ статьѣ г. Перозіо нѣтъ именно тѣхъ словъ, какія вы говорите. *О дополненіи* показаній, о представленіи защиты *дѣла*—тамъ не сказано, а сказано только: «я готовъ доказать всю истину показаній, *дѣланныхъ мною до сихъ поръ*»... Мы должны придерживаться буквы того, что̀ написано... А тѣ заключенія, которыя вами, читатели, представлены,—вы *сами вывели.* Вѣрно ли вы ихъ вывели, — это другой вопросъ, который сюда не входитъ; а главное, то, что въ статьѣ г. Перозіо нѣтъ тѣхъ словъ, которыя вы говорите... Слѣдовательно, вы неправы»...

Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ читателей, мы чувствуемъ, что у насъ на душѣ стало легче. Мы проникаемся великодушіемъ и говоримъ (опять подражая г. Серно-Соловьевичу): несмотря на то, что мы васъ совершенно разбили, читатели,— вы признаетесь правыми. Дѣйствительно, первоначально въ статьѣ г. Перозіо могъ быть тотъ смыслъ (и даже, по правдѣ говоря, не могъ не быть), что устное объясненіе назначается для удобнѣйшаго раскрытія положенія дѣлъ Общества Пароходства и Торговли. Но, видите ли, въ чемъ дѣло, аркадскіе наши читатели. Нужны были посредники для состязанія: г. Смирновъ пригласилъ В. А. Жемчужникова, Н. А. Серно-Соловьевича и В. И. Шульца; г. Перозіо пригласилъ — В. А. Полетику, Г. З. Зубинскаго и П. В. Соловцова. Президентомъ засѣданія, или суперъ-арбитромъ, какъ сказано въ программѣ, приглашенъ былъ Е. И. Ламанскій. При самомъ объявленіи о выборѣ посредниковъ, г. Смирновъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, перенесъ споръ въ сферу болѣе возвышенную и болѣе достойную ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, принявшихъ участіе въ дѣлѣ. Г. Смирновъ объявилъ, что собственно спорить не о чемъ, *предметъ безспорный*, но что онъ желаетъ *сдѣлать г. Перозіо публичный экзаменъ въ первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики.* Для этого онъ обѣщалъ вооружиться: Отчетомъ общества, статьею г. Новосельскаго *и Ариѳметикой Меморскаго* [1]). Отчетъ и статья, очевидно, нужны были за тѣмъ, чтобы было откуда брать задачи для г. Перозіо, Ариѳметика же Меморскаго... для того, вѣроятно, чтобы г. Смирнову справляться въ ней, если что̀ позабудетъ... Иначе ее не зачѣмъ было бы и брать: вѣдь ученикамъ на экзаменѣ не позволяется въ книжку заглядывать... Впрочемъ, это мы мимоходомъ только замѣтили; г. Смирновъ объявилъ себя экзаминаторомъ,—такъ, разумѣется, ему и книги въ руки... Но главное для насъ—слѣдующія соображенія, которыя сейчасъ же и докажутъ ошибку читателей, предполагающихъ, что въ Пассажѣ 13 декабря собирались толковать о дѣлѣ.

Всякій согласится, что учебникъ Меморскаго имѣетъ весьма слабое отношеніе къ дѣятельности Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Что̀ онъ за документъ? Какія въ немъ данныя о дѣлахъ Общества? Ясно, что уже въ самомъ «Отвѣтѣ на вызовъ» г. Смирнова указывается другая цѣль состязанія,—не матеріальная, не меркантильная, а высшая, ученая. Вопросъ перенесенъ въ сферу первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики; что же касается до дѣла, то о немъ и говорить не стоитъ, по мнѣнію г. Смирнова. Онъ находитъ *страннымъ*, что г. Перозіо хочетъ еще какихъ-то устныхъ разсужденій и *приглашаетъ всѣхъ желающихъ быть свидѣтелями*

[1]) Плохая ариѳметика, болѣе притупляющая, нежели развивающая сообразительность учениковъ; но г. Смирновъ упомянулъ именно о ней,— можетъ быть потому, что самъ по ней учился. *Прим. Д.*

публичнаго экзамена г. Перозіо, но никакъ *не разсужденій о дѣлахъ*.

Могутъ сказать, что вѣдь вольно же было г. Смирнову понять дѣло такимъ образомъ. Могутъ замѣтить, что такой оборотъ дѣла даже не дѣлаетъ особенной чести г. Смирнову, потому что доказываетъ его несостоятельность въ вопросѣ о дѣлѣ, которое взялся онъ разбирать. Если бы онъ зналъ дѣло, скажутъ наивные читатели, то долженъ былъ бы ухватиться за случай разъяснить его. Въ вызовѣ г. Перозіо была, конечно, фраза и о томъ, что онъ будетъ доказывать свои *прежнія* положенія; но весь смыслъ вызова говорилъ въ пользу преній о положеніи дѣлъ Общества. И ежели г. Смирновъ весь этотъ смыслъ оставилъ въ сторонѣ, а придрался лишь къ одной фразѣ въ вызовѣ г. Перозіо, то онъ доказалъ этимъ, что не пошелъ далѣе Ариѳметики Меморскаго. Но, въ такомъ случаѣ, ему вовсе не слѣдовало браться за указаніе невѣрностей въ статьяхъ г. Перозіо, или взяться, но тутъ же и объяснить, что самаго дѣла онъ, г. Смирновъ, не понимаетъ и не можетъ сказать, правъ ли г. Перозіо въ сущности, а только хлопочетъ о возстановленіи попранныхъ правъ ариѳметики, въ качествѣ школьнаго учителя. Тогда г. Перозіо, конечно, не сталъ бы и вызывать его на споръ, потому что смѣшно же прибѣгать къ гласному судопроизводству и рѣшать по большинству голосовъ, что, напр., 35 — 5 = 30...

Все это можетъ быть и правда. Но дѣло въ томъ, что не одинъ г. Смирновъ, а и самъ г. Перозіо склонился потомъ на то, чтобъ предметомъ *преній* сдѣлать ариѳметику. Если бы онъ хотѣлъ дѣйствительно разсуждать о дѣлахъ, то онъ, конечно, на приведенный выше отвѣтъ г. Смирнова долженъ былъ бы возразить такъ: «я вамъ предлагаю объяснить и доказать публично мои показанія, во избѣжаніе дальнѣйшей полемики; а вы, въ отвѣтъ на это, бросаете мнѣ въ лицо пошлыя и оскорбительныя остроты, или умышленно, или по недостатку сообразительности, не понимая, чего я хочу. Честь имѣю вамъ объявить, что экзаменоваться у васъ изъ первой части ариѳметики я считаю совершенно ненужнымъ, а приглашать на это публику— унизительнымъ не столько для меня, сколько для васъ и для нея. Отвѣтъ вашъ я принимаю за *уклоненіе* отъ серьезнаго, публичнаго разсужденія, и вслѣдствіе того имѣю право взять назадъ свой вызовъ, до тѣхъ поръ, пока вы не выкажете большой вѣжливости и благоразумія. Что же касается до вашихъ оскорбительныхъ фразъ, относящихся лично ко мнѣ, то о нихъ мы съ вами можемъ объясниться и безъ публики».

Такъ, безъ сомнѣнія, отвѣтилъ бы г. Перозіо, если бы онъ имѣлъ намѣреніе разсуждать о дѣлахъ; по крайней мѣрѣ, всякій согласится, что именно такой отвѣтъ предписывается человѣку въ подобныхъ случаяхъ всѣми правилами чести и благоразумія. Но г. Перозіо весьма скромно напечаталъ въ № 267 «Спб. Вѣдомостей»,— что онъ «*съ должною благодарностью* принимаетъ согласіе г. Смирнова выступить на публичный споръ съ нимъ *для окончательнаго рѣшенія вопросовъ, изложенныхъ въ протестѣ его противъ статьи г. Новосельскаго*». Здѣсь еще есть упоминаніе объ окончательномъ рѣшеніи *вопросовъ;* но изъ самаго согласія г. Перозіо видно, что онъ и самъ уже начинаетъ смотрѣть на вопросъ не съ дѣловой, а съ *литературной точки*.

Вслѣдъ за тѣмъ дѣло повертывается уже рѣшительно въ пользу словесности. Да и нельзя иначе: въ числѣ посредниковъ находился г. Серно-Соловьевичъ, изъ устъ котораго (какъ мы уже замѣтили недавно) [1]) такъ и вырѣзывается краснорѣчивый карамзинскій стиль... Сей юный литературный дѣятель не могъ оставаться и не остался, — какъ видѣли мы въ засѣданіи, — равнодушнымъ къ вопросамъ стиля и даже шрифта. И его ревности благопріятствовала вся программа состязанія. Цѣлью ея была поставлена — «*повѣрка г. Смирновымъ фактовъ, цифръ и выводовъ г. Перозіо въ статьѣ* «Протестъ противъ статьи г. Новосельскаго». Изъ этого ясно, что не только самъ г. Перозіо, но и его посредники согласились смотрѣть на состязаніе какъ на чисто ученый и литературный споръ. Даже больше, — они согласились смотрѣть на все дѣло, какъ на урокъ изъ ариѳметики, данный г. Перозіо самимъ его посредникамъ и всей публикѣ. Иначе—зачѣмъ тутъ замѣшалось бы личное присутствіе г. Перозіо, зачѣмъ даже посредники? Статья г. Перозіо напечатана; г. Смирновъ возразилъ на нее тоже печатно. Дѣло все въ цифрахъ и положительныхъ данныхъ, да и не въ измѣненіи ихъ, а въ *простой ариѳметической повѣркѣ*... На что же тутъ нуженъ г. Перозіо? Просто бы пригласить какъ можно больше народу, да и прочесть имъ лекцію о недобросовѣстности г. Перозіо и о слабости познаній его въ ариѳметикѣ. Да, пожалуй, и этого не нужно было, потому что на устное совѣщаніе нельзя же пригласить столько народу, сколько найдется читате-

[1]) См. № 352.

лей для статей, напечатанныхъ противъ г. Перозіо... Очевидно, что присутствіе г. Перозіо нужно было только въ двухъ случаяхъ: или — ежели онъ и его посредники могли въ подкрѣпленіе своихъ прежнихъ показаній представлять новыя объясненія, данныя и соображенія, — но этого не было; или же въ томъ случаѣ, если ему слѣдовало прочесть наставленіе относительно занятій ариѳметикою,—это и было, какъ положительно заявлено и въ «Отвѣтѣ» г. Смирнова, и въ самомъ началѣ «Условій» состязанія.

Такимъ образомъ мы, на основаніи печатныхъ документовъ, можемъ уже положительно заявить нашимъ читателямъ, что они жестоко ошибаются, если считаютъ цѣлью собранія 13-го декабря — раскрытіе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли... Нѣтъ, по мнѣнію г. Смирнова, отвергшаго вызовъ г. Перозіо говорить о дѣлахъ,—столь низкая, матеріальная цѣль была бы, конечно, недостойною перваго опыта устнаго судопроизводства у насъ! Тутъ была цѣль высшая, такъ сказать, невещественная: сужденіе о литературномъ и ученомъ (т.-е. ариѳметическомъ) достоинствѣ статей г. Перозіо. Въ этомъ послѣднемъ мы убѣдились, присутствуя при состязаніи, и потому поспѣшимъ разсказать о немъ [1]).

До 600 человѣкъ наполнили залу Пассажа въ полдень 13-го числа. Умилительно было видѣть это всеобщее сочувствіе къ литературѣ, возбужденное въ массахъ столичнаго населенія... «Боже мой, — думали мы, — давно ли было то время, когда не интересовались тѣмъ, что̀ пишутъ о Гоголѣ, когда не знали имени Бѣлинскаго! А теперь—какая перемѣна!.. Что̀ за литературные дѣятели гг. Перозіо и Смирновъ? Одинъ нашелъ нѣсколько недомолвокъ и недоразумѣній въ отчетѣ акціонерной компаніи; другой написалъ о немъ, что, ловя чужія ошибки, онъ и самъ надѣлалъ ариѳметическихъ промаховъ... И вотъ, всѣ ихъ права на знаменитость... А между тѣмъ, зала полна! Всѣ хотятъ слышать рѣшеніе, кто изъ двухъ противниковъ болѣе отличается точностью слога, кто глубже проникъ въ тайны первыхъ началъ ариѳметики,—г. Смирновъ или г. Перозіо... Краснорѣчивые и остроумные литераторы приглашены къ посредничеству; знаменитый русскій ученый предсѣдательствуетъ при этомъ литературномъ дѣлѣ... Умилительное зрѣлище!..»

Но вотъ суперъ-арбитръ произноситъ торжественную рѣчь, въ которой старается внушить публикѣ надлежащее благоговѣніе къ предстоящему зрѣлищу. Онъ упрашиваетъ ее сохранять строгое молчаніе, дабы выраженіемъ одобренія или неудовольствія не вліять на рѣшеніе посредниковъ относительно того, кто изъ спорящихъ вѣрнѣе складываетъ. Онъ говоритъ, что самымъ своимъ безмолвіемъ публика будетъ импонировать на ихъ добросовѣстность въ разрѣшеніи, по большинству голосовъ, вопросовъ о томъ, что̀ больше—30 или 20, или о томъ, дѣйствительно ли выйдетъ 30, если 286 вычесть изъ 316, и т. д. Затѣмъ начинаются пренія.

Г. Смирновъ излагаетъ свои обвиненія. Потомъ, по вопросу суперъ-арбитра, г. Перозіо представляетъ свои положенія по первому пункту (а всѣхъ ихъ — 13), г. Смирновъ возражаетъ; послѣ того посредники начинаютъ разсуждать. Со стороны г. Смирнова преимущественно дѣйствуетъ г. Серно-Соловьевичъ; со стороны г. Перозіо—г. Полетика. Споръ ведется очень литературно со стороны г. Серно-Соловьевича. Доказательствомъ служитъ уже то, что вопросъ о правильности сложенія цифръ 20+10+5, и вывода изъ нихъ—35, поддерживался имъ почти три четверти часа!.. Можете себѣ представить, какъ широко было его краснорѣчіе, и какъ велико адвокатское искусство... Но, къ сожалѣнію, г. Полетика съ перваго же раза обнаруживаетъ удивительное равнодушіе къ литературнымъ интересамъ и стараніе свести рѣчь на сущность дѣла. Ему, конечно, указываютъ на программу, которую онъ же самъ подписалъ, и въ которой говорится, что сужденіе должно идти вовсе *не о дѣлѣ, а о достоинствѣ статьи* г. Перозіо. По первому пункту (о числѣ пароходовъ) г. Перозіо признается не правымъ, потому что въ статьѣ его, дѣйствительно, оказывается обвиненіе въ утайкѣ цифръ, которыя не были утаены.

Затѣмъ идетъ второй пунктъ — о распредѣленіи пароходовъ на рѣчные и морскіе. Тутъ пошла рѣчь объ основаніяхъ распредѣленія; но оказалось, что этотъ вопросъ выходитъ изъ предѣловъ программы, ибо касается техническихъ сооруженій, которыхъ рѣшено не касаться. Рѣшеніе это сдѣлано, какъ напечатано въ «Условіяхъ», *посредниками г-на Перозіо*, и между прочимъ — г-мъ Полетикою. Посредники же г. Смирнова сами предлагали разсуждать и о техническихъ вопросахъ. Хотя они вопросовъ этихъ и не понимали, какъ неодно-

[1]) Въ нашей замѣткѣ нѣтъ никакихъ цифръ и изслѣдованій о сущности спора гг. Перозіо и Смирнова; мы говоримъ лишь объ общемъ характерѣ турнира. Что же касается до цифръ, то объ этомъ мы, можетъ быть, представимъ особую статью. *Прим. Д.*

кратно признавались въ засѣданіи,—но что̀ до этого! На ихъ сторонѣ было всесокрушающее краснорѣчіе г. Серно-Соловьевича. Если онъ о 30 и 20 ораторствовалъ болѣе получаса, то чего бы ни наговорилъ онъ, если бы дѣло коснулось вопросовъ техническихъ!.. Но какъ бы то ни было,—второй пунктъ остался въ сторонѣ. Тутъ чей-то невѣжливый голосъ раздался сверху: «такъ ужъ лучше бы и все оставить въ сторонѣ». Но публика встрѣтила этотъ голосъ шиканьемъ, и тишина немедленно возстановилась.

Приступили къ третьему пункту. Но тутъ уже началось совершенное торжество ораторскаго искусства и литературныхъ воззрѣній. Въ послѣдующихъ пунктахъ многое зависѣло отъ вопроса о распредѣленіи морскихъ и рѣчныхъ пароходовъ, такъ какъ г. Перозіо дѣлаетъ выводы изъ сличенія цифръ «Сравненія», относящихся къ однимъ морскимъ пароходамъ, съ цифрами «Отчета», относящимися ко всѣмъ пароходамъ вообще. Если бы разсуждали о дѣлѣ, то, конечно, второй вопросъ нужно бы выяснить совершенно; но для литературнаго спора вопросъ этотъ оказался неважнымъ, и его оставили безъ рѣшенія. Зато и вышелъ весьма важнымъ третій вопросъ, «о количествѣ пройденныхъ миль». Здѣсь г. Серно-Соловьевичъ въ теченіе четверти часа занималъ собраніе весьма глубокими и краснорѣчивыми разсужденіями *о шрифтѣ*, какимъ напечатано замѣчаніе г. Перозіо о миляхъ. Весьма одушевленно и съ чрезвычайною твердостью ораторствовалъ онъ *о курсивѣ* и пускался въ весьма тонкія соображенія о томъ, что̀ хотѣлъ г. Перозіо сказать курсивомъ. Но, къ несчастью, г. Полетика не сумѣлъ оцѣнить и этихъ благородныхъ усилій на пользу ораторскаго и отчасти типографскаго искусства. Онъ возразилъ г. Соловьевичу: «да что̀ намъ разсуждать о томъ, что̀ хотѣлъ сказать г. Перозіо своимъ курсивомъ? Вѣдь г. Перозіо здѣсь: спросимъ его лучше». Какой странный человѣкъ этотъ г. Полетика? Оно, конечно,—лучше; да для чего лучше? Для дѣла, а ужъ никакъ не для ораторскаго искусства г. Серно-Соловьевича. Впрочемъ, г. Перозіо такъ, кажется, и не спросили, и онъ, по пункту съ курсивомъ—*оставленъ въ подозрѣніи* [1]).

Далѣе пошелъ вопросъ о топливѣ. Найдено, что г. Перозіо промахнулся здѣсь, не выведши пропорціи антрацита съ углемъ. Но, тѣмъ не менѣе, г. Полетика доказывалъ, что цифры, приведенныя г. Новосельскимъ и критикуемыя г. Перозіо, невѣрны. Онъ, очевидно, никакъ не хотѣлъ стать на школьно-литературную точку зрѣнія, которая ясно опредѣлена была «Условіями»; подписавши, вмѣстѣ съ другими, эти «Условія», онъ въ самомъ засѣданіи, противъ всякаго ожиданія г. Смирнова и его посредниковъ, вдругъ вообразилъ себѣ, что нужно вести рѣчь о дѣлѣ, и на этомъ основаніи упорно пытался доказывать—не то, что статья г. Перозіо очень хорошо написана, а то, что сущность дѣла все-таки съ нею согласна, а не съ увѣреніями г. Смирнова. Г. Полетика дошелъ до того, что сталъ требовать отъ противной стороны *категорическаго отвѣта:* «буду ли я правъ, если докажу вамъ, что эти цифры отчета невѣрны?» Разумѣется, ему не дали категорическаго отвѣта, потому что это значило бы перенести вопросъ съ ариѳметически-литературной арены на ариѳметически-дѣловую... Г. Серно-Соловьевичъ съ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ уклонился отъ *категорическаго* отвѣта. Онъ началъ немедленно какую-то длинную рѣчь, которая начиналась словами: «вы смѣшиваете»... Далѣе мы — отчасти не слыхали, потому что за этими словами раздался въ публикѣ дружный смѣхъ, а отчасти и позабыли, потому что вообще не богато одарены памятью словъ... Помнимъ только, что рѣчь г. Соловьевича была очень краснорѣчива, хотя онъ и говорилъ иногда одно слово вмѣсто другого, какъ, напримѣръ, *однородныя* вмѣсто *разнородныя*, *милліоны* вмѣсто *тысячи*, и т. п. Но это объясняется тою поспѣшностью, съ которой г. Серно-Соловьевичъ стремился излить потоки своего краснорѣчія.

Но при шестомъ или седьмомъ вопросѣ самъ г. Перозіо оказался человѣкомъ, котораго мало занимаютъ интересы русской литературы и самой Ариѳметики Меморскаго. (Да и немудрено: судя по фамиліи, онъ долженъ быть изъ иностранцевъ!) Прежде отвѣта на данный ему вопросъ онъ выразилъ свое неудовольствіе на то, что не принимаются во вниманіе никакія соображенія сверхъ тѣхъ, которыя были въ его статьѣ. «Если вы будете судить только мою статью—(въ этомъ смыслѣ сказалъ г. Перозіо), то я здѣсь—лишній человѣкъ: вы можете это и безъ меня дѣлать. Если же вы хотите отъ меня объясненій и доказательствъ, то не оставляйте въ сторонѣ тѣхъ фактовъ, которые вамъ представляются теперь мною и моими посредниками». Но на это было замѣчено, что претензія г. Перозіо неосновательна: ему даютъ полную возможность защищаться; но то, чего нѣтъ въ его статьѣ, не должно быть принимаемо во вниманіе

[1]) Г-ну Серно-Соловьевичу представляется удобный случай разсудить, что̀ значитъ у насъ *курсивъ* въ этомъ мѣстѣ. *Прим. Д.*

по смыслу самой программы состязанія, на которую онъ согласился. И дѣйствительно,— подписывая условія, г. Перозіо долженъ былъ видѣть, что тутъ предполагается вести рѣчь *объ его статьѣ*, что ему хотятъ *дать урокъ*, сдѣлавши повѣрку его чиселъ и указавши его невѣрности... Болѣе тутъ ничего не требовалось, и г. Перозіо долженъ былъ покориться своей участи, если ужъ разъ поставилъ себя въ такое положеніе. Онъ могъ, не сочувствуя нашей словесности и нашему стилю, не выходить на споръ въ такихъ предѣлахъ; но если ужъ разъ согласился, то долженъ былъ безропотно вынести все ораторское искусство г. Серно-Соловьевича.

Гораздо въ большей степени то же самое нужно сказать и о г. Полетикѣ: онъ выказалъ не только преступную наклонность говорить *о дѣлѣ*, когда его противники вели рѣчь *о литературныхъ пріемахъ* г. Перозіо, но и недостатокъ сочувствія къ установленной формѣ. По формѣ «Условій» гг. Перозіо и Смирновъ «не имѣютъ права рѣчи болѣе одного раза послѣ каждаго вопроса программы». Между тѣмъ, въ одномъ вопросѣ, послѣ рѣчи г. Перозіо, возбудились какія-то новыя недоумѣнія; г. Полетика сказалъ, что онъ этого не можетъ хорошо объяснить, но что г. Перозіо проситъ дозволенія самъ сказать еще нѣсколько словъ въ свою защиту. Посредники противной стороны, какъ видно привыкшіе все дѣлать по чину и по формѣ, отказали г. Перозіо въ этомъ дозволеніи... И они были совершенно въ правѣ, разумѣется: когда ужъ разъ что написано, то какъ же можно это отмѣнять, хотя бы и по взаимному соглашенію! У насъ, говорятъ, бывали случаи, что и мировыя сдѣлки не разрѣшались, по несоблюденію нѣкоторыхъ формальностей. Да оно такъ и слѣдуетъ... А то что ужъ за порядокъ будетъ?..

Но г. Перозіо, очевидно, позабылъ, что вышелъ предъ публикою въ качествѣ экзаменуемаго школьника, и потому все не угомонился: при слѣдующемъ отвѣтѣ онъ опять заявилъ свое неудовольствіе, прибавивъ, что онъ, по невозможности защищаться, готовъ сейчасъ же признать себя виноватымъ, только чтобъ ему дали защитить его послѣдній пунктъ. Но на это не согласились противники, и сужденіе продолжалось, впрочемъ — увы! — ненадолго... Одна изъ репликъ г. Полетики вызвала громкія рукоплесканія и крики: браво! Тогда г. Полетика, обратившись къ противникамъ, сослался на одобреніе публики, какъ на фактъ, дающій ему право на большее вниманіе противниковъ къ его словамъ. Замѣтно, онъ былъ даже раздраженъ тѣмъ, что литературные пріемы г. Перозіо стоятъ въ обсужденіи посредниковъ на первомъ планѣ, а самое дѣло—далеко на второмъ... Вслѣдъ затѣмъ и г. Перозіо объявилъ, что онъ признаетъ себя неправымъ и болѣе защищаться не желаетъ. Произошло нѣкоторое недоумѣніе... Но тутъ всталъ суперъ-арбитръ, г. Ламанскій, и произнесъ краткое слово о томъ, что публика, вопреки предварительнымъ условіямъ и просьбѣ его, суперъ-арбитра, не удержалась въ должныхъ предѣлахъ и громко высказывала неодобреніе или одобреніе. Въ этомъ г. Ламанскій былъ, разумѣется, совершенно правъ, особенно если взять дѣло опять-таки съ ораторской точки зрѣнія. Конечно, крики: «браво!», «нѣтъ», «да», рукоплесканія, смѣхъ и т. п. бываютъ во всѣхъ возможныхъ парламентахъ; слѣдовательно, вообще говоря, тутъ еще со стороны русской публики особеннаго неприличія не было... Но это только *общее*... А надо взять дѣло въ частности: надо вспомнить, что вѣдь зато въ парламентахъ никогда и не обсуждали столь возвышенныхъ вопросовъ, какъ въ знаменитомъ засѣданіи 13-го декабря. Вопросъ объ ученыхъ достоинствахъ статей г. Перозіо и г. Смирнова требовалъ, конечно, отъ присутствующихъ гораздо большей дозы благоговѣнія, нежели всевозможныя парламентскія пренія. Другое дѣло, если бъ рѣчь шла о низкихъ, матеріальныхъ предметахъ — о положеніи дѣлъ Общества Пароходства, — ну, тогда публикѣ могло бы быть и повольготнѣй... А, съ другой стороны, и то надо сказать, гдѣ же и ораторы такіе бываютъ, какъ у насъ? Англичанъ хвалятъ; да вѣдь у нихъ зато и предметы-то какіе, что всякій можетъ говорить. А заставьте-ка любого изъ нихъ поговорить — хоть, напр., о *курсивѣ*; ни одинъ противъ нашихъ не выйдетъ... Такъ и надо это цѣнить и благоговѣйную тишину соблюдать!..

Публика поняла это, повидимому, очень хорошо. Въ глубокомъ молчаніи былъ выслушанъ многочисленнымъ собраніемъ очень тихій голосъ предсѣдателя, а вслѣдъ за тѣмъ раздались крики: «продолжать засѣданіе!..» Г. Полетика взялъ было каску и хотѣлъ уже итти вонъ, г. Перозіо собралъ свои бумаги, но публика кричала: «назадъ! назадъ! неуваженіе!..» Видно было, что на это время публика забыла и литературные, высшіе интересы, и матеріальную сторону дѣла; она сдѣлалась равнодушною къ обѣимъ партіямъ; ей хотѣлось одного: чтобы начатое дѣло было докончено. Въ первый разъ еще присутствовали мы всѣ при подобномъ обсужденіи дѣла, хотя и ариѳметическаго, и многіе думали, что это засѣданіе можетъ послужить началомъ для другихъ, которыя будутъ уже не столько смѣшны

по своей сущности и не такъ бюрократичны по формѣ. Поэтому-то всѣ присутствующіе съ удивительнымъ терпѣніемъ выносили, какъ предъ ними дѣлали сложеніе, вычитаніе, какъ отклоняли отъ разсужденія всѣ реальные вопросы (очень важные для людей, недоросшихъ до пониманія высшихъ ораторскихъ наслажденій), и т. п. Многіе находили даже, что какъ ни плохо *спѣлись* обѣ стороны, но все-таки изъ ихъ разсужденій дѣло отчасти выясняется, и во всякомъ случаѣ выясняется больше, нежели посредствомъ цѣлыхъ грудъ канцелярской переписки. Кого интересовало дѣло, тотъ почувствовалъ возможность узнать о немъ кое-что изъ возраженій г. Полетики; кого занимало литературное достоинство статей г. Перозіо, тотъ убѣдился въ недостаткѣ ихъ ловкости и точности изъ положеній г. Смирнова и нѣкоторыхъ замѣчаній г. Жемчужникова; а кому любопытно было слышать звонкую ораторскую рѣчь, тотъ нашелъ полное удовлетвореніе, слушая г. Серно-Соловьевича. Итакъ, всѣ желали, чтобъ засѣданіе дошло до конца и заключилось добрымъ порядкомъ. Поэтому когда послѣ замѣчанія г. Ламанскаго всѣ умолкли, и г. Серно-Соловьевичъ началъ торжественнымъ тономъ какое-то великодушное объясненіе относительно своихъ противниковъ и громкое восхваленіе достоинствъ суперъ-арбитра, а посредники г. Перозіо, не желая дослушивать его, собрались уходить, то публика сама выразила неудовольствіе на такой безпорядокъ, кричала: «назадъ!» и требовала продолженія засѣданія. Во многихъ углахъ раздались обѣщанія, что мы теперь будемъ сидѣть смирно, пальцемъ не пошевелимъ и пр... Среди этого смятенія вдругъ раздался звонокъ; все смолкло, и тихій голосъ суперъ-арбитра объявилъ успокоившейся публикѣ, что *засѣданіе закрыто*...

Если бы дѣло гг. Перозіо и Смирнова рѣшилось тѣмъ, что они оба правы, а виноваты всѣ присутствующіе,—это не столько бы поразило публику, какъ внезапное прекращеніе засѣданія. Началось общее смятеніе; одни отчаянно пожимали плечами, другіе какъ-то съежились и опустились...

Нѣкоторые пришли тотчасъ къ заключенію, что шутка эта еще на десять лѣтъ отдалила у насъ гласное судопроизводство! Даже г. Ламанскій, конечно, допустивши себя увлечься минутнымъ раздраженіемъ, объявилъ, будто сегодняшнее засѣданіе показываетъ, что «мы *еще не созрѣли* для этой формы судопроизводства». Если онъ это чувствовалъ самъ,—ибо не могъ сохранить полнаго спокойствія и ровнаго присутствія духа,—то онъ въ своемъ сознаніи совершенно правъ съ своей стороны; но онъ не правъ, перенося это сознаніе на публику. Публика желала, *требовала*, даже *просила* продолженія засѣданія; гг. посредники г. Перозіо не могли уйти противъ воли предсѣдателя: онъ *могъ* и долженъ былъ удержать ихъ во что бы то ни стало, или, по крайней мѣрѣ, закончить дѣло спокойно и безпристрастно, не давая г. Серно-Соловьевичу разглагольствовать о достоинствахъ суперъ-арбитра и пр., и не давая г. Полетикѣ разгорячаться предъ самымъ концомъ дѣла... И если г. Полетика *прежде всѣхъ сдѣлался* виноватымъ въ нарушеніи засѣданія, то г. Ламанскій *послѣ всѣхъ остается* въ немъ виновнымъ.

Впрочемъ, собственно говоря, тутъ никто не виноватъ, кромѣ тѣхъ, которые хотѣли здѣсь видѣть что-нибудь болѣе, чѣмъ стилистическія упражненія, въ родѣ бывшихъ въ старые годы семинарскихъ диспутовъ. Не всякій споръ въ присутствіи большого общества можетъ быть названъ гласнымъ судопроизводствомъ, такъ же, какъ не всякое обсужденіе статьи, трактующей объ акціонерной компаніи—разсужденіемъ о дѣлахъ этой компаніи. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ дѣйствительно съ большимъ ожесточеніемъ трубили о томъ, что вотъ, дескать, они затѣиваютъ первый опытъ гласнаго судопроизводства въ Россіи. Но они, очевидно, и понятія-то о немъ не имѣли, и не пошли дальше названія. Они же сами не разъ повторяли въ засѣданіи, что пришли рѣшать ариѳметическія задачи... *по большинству то голосовъ*: какое милое понятіе о назначеніи гласнаго суда! Какъ сильно выразилась тутъ русская привычка къ тому, чтобы произволъ личный становился выше непреложныхъ началъ логики и даже ариѳметики!.. Но, впрочемъ, въ засѣданіи голосовъ не собирали, и чрезъ то нарушили форму, которой такъ неуклонно старались держаться въ другихъ пунктахъ. Да и какъ было собирать голоса, когда посредники, долженствовавшіе быть *судьями* дѣла, внезапно, къ великому удивленію публики, оказались *адвокатами*. Въ самыхъ разсужденіяхъ съ начала до конца господствовала удивительная неопредѣленность и вслѣдствіе того—когда одна сторона начинала рѣчь про Ѳому, другая отвѣчала про Ерему. И ни въ посредникахъ, ни даже въ самомъ суперъ-арбитрѣ мы не нашли *полнаго* приготовленія къ прямому веденію спора; въ нѣкоторыхъ изъ посредниковъ не замѣтно было даже *вовсе никакого* приготовленія. Оттого, вмѣсто дѣльныхъ замѣчаній, которыя могли бы быть полезны для акціонеровъ, мы слышали здѣсь словоизвитіе по поводу того, оговорено или не оговорено въ статьѣ такое-то замѣчаніе,

какимъ шрифтомъ напечатана такая-то фраза, и т. п. На улики о томъ, что нѣтъ такой-то цифры въ такомъ-то мѣстѣ «Отчета», мы слышали отъ оратора-адвоката отвѣты въ родѣ того, что «можетъ быть эта цифра прочтена гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ!!» Вмѣсто сравненія выводовъ и указанія реальныхъ основаній ихъ, намъ писали на доскѣ ряды слагаемыхъ и вычитаемыхъ цифръ (заранѣе извѣстныхъ), и предъ нами же дѣлали сложеніе и вычитаніе, да и то очень вяло... Очевидно, что тутъ не было ничего даже похожаго на настоящее гласное судопроизводство, и вся эта комедія производилась просто для того, что г. Смирновъ хотѣлъ собрать какъ можно болѣе свидѣтелей того, какъ онъ подвергаетъ г. Перозіо экзамену изъ ариѳметики...А г. Перозіо до того потерялся, что счелъ для себя удобнымъ подвергнуться такому экзамену и думалъ, что ему будетъ большая честь, если онъ отличится изъ ариѳметики. Вотъ къ чему сводится весь вопросъ...

Нѣтъ, чистое дѣло можетъ быть прочно и хорошо сдѣлано только чистыми руками. Тутъ нечего ждать хорошаго, когда двигателями являются задѣтыя самолюбія да хлопотливыя желанія отличиться. Г. Перозіо вздумалъ раскрыть положеніе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли; но онъ не сохранилъ достаточно чистоты и безпристрастія въ своихъ замѣткахъ, онъ не далъ себѣ труда вникнуть не въ однѣ цифры отчетовъ, а въ самый ходъ дѣла, на практикѣ,—и оттого его замѣчанія не достигли цѣли, которой должны были достигнуть... Г. Перозіо потребовалъ гласнаго судопроизводства; г. Смирновъ, принимая его вызовъ, третировалъ его чрезвычайно оскорбительно и соглашался спорить совсѣмъ не о томъ, о чемъ хотѣлъ говорить г. Перозіо. Казалось бы, тутъ и конецъ, тутъ и невозможность соглашенія. Но ни оба противника, ни ихъ посредники, ни самъ суперъ-арбитръ не замѣтили, или не хотѣли замѣтить этой вопіющей нелѣпости въ самомъ началѣ дѣла. Всѣ торопились устроить дѣло, и никто, повидимому, не задалъ взаимно другъ другу простого вопроса: что же это будетъ въ самомъ дѣлѣ — *школьный экзаменъ* или *дѣловой споръ*? По крайней мѣрѣ, въ засѣданіи мы видѣли, что посредники обѣихъ сторонъ совершенно противоположно понимали сущность спора... Суперъ-арбитръ старался высказать возможное безпристрастіе; но нельзя же было не замѣтить, что его взгляды — болѣе литературные, нежели дѣловые. Мудрено ли же, что засѣданіе прекратилось при репетиловскихъ возгласахъ:

Литературное здѣсь дѣло!
Оно, вотъ, видишь, *не созрѣло*...
Нельзя же вдругъ»...

И Репетиловы важно утверждаютъ, что тутъ въ самомъ дѣлѣ главное — вопросъ литературный, но что еще для рѣшенія его не все созрѣло... Да и какъ имъ не утверждать? Самъ предсѣдатель собранія сказалъ, что *мы не созрѣли* и пр. И многіе вѣрятъ на слово недозрѣлымъ Репетиловымъ и — или приходятъ въ благородное негодованіе, или ощущаютъ тайную радость... А между тѣмъ вовсе нѣтъ: созрѣло все, и все можно вдругъ, если вдругъ и дружно приняться да опредѣлить ясно и твердо,—чего хочешь и къ чему идешь... Только одно условіе, одинъ девизъ: «меньше словъ, больше дѣла!» Насъ вѣдь только то и губитъ теперь—

«Что слишкомъ часто разговоры,
Принять мы рады за дѣла»...

Обѣщаетъ намъ кто-нибудь бѣлую корову подарить,—мы ужъ и чаю не пьемъ, въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ подадутъ намъ сливокъ отъ этой коровы. Напишетъ кто-нибудь статейку о судопроизводствѣ или объ акціонерномъ обществѣ,—мы такъ и ждемъ, что вотъ воцарится правосудіе, вотъ акціи поднимутся, и намъ въ слѣдующемъ общемъ собраніи огромный дивидендъ выдадутъ. И человѣка, написавшаго статейку, мы уже считаемъ обогатившимъ и спасшимъ насъ, и ужъ безъ него не можетъ обойтись никакое серьезное начинаніе... А между тѣмъ—и въ судахъ, и въ компаніяхъ все идетъ себѣ, какъ шло... А мы все продолжаемъ вѣрить и восхищаться,—и все на слово... Вотъ отчего и пошла вѣдь теперь въ ходъ эта особеннаго сорта литература, которая рядится въ цифры и техническіе термины и перемѣшиваетъ ихъ съ громкими фразами, а до дѣла все-таки не добирается... Мы довольствуемся этими цифрами, терминами и фразами, и вотъ почему дѣло у насъ подвигается такъ медленно, вотъ почему всякій дѣльный разговоръ немедленно переходитъ у насъ на общія мѣста, всякое сужденіе о гласно-заявленномъ фактѣ оказывается критикою не самаго факта, а только способа его заявленія... Кто въ этомъ виноватъ? Объяснить это довольно трудно,—не потому, что вещь была очень мудреная, а потому, что многіе могутъ обидѣться нашими словами, принявши ихъ на свой счетъ... Но, впрочемъ, —пусть ихъ принимаютъ, если имъ это нравится; мы собственно никого лично не хотимъ оскорблять, а напраслину терпѣть отъ литературныхъ собратій намъ ужъ не привыкать стать. Итакъ, попробуемъ объяснить, въ чемъ дѣло.

Литература теперь въ модѣ. Въ каждомъ новомъ предпріятіи промышленномъ, въ каждой экспедиціи, въ каждомъ новомъ учрежденіи—литераторъ такъ же необходимъ, какъ бывалъ въ прежнія времена необходимъ генералъ со звѣздой на московской купеческой свадьбѣ. Насъ это очень радуетъ; это добрый знакъ для литературы, а слѣдовательно и для образованности. Но такое новое отношеніе къ обществу налагаетъ на литераторовъ и новыя обязанности. Прежде они могли довольствоваться фразами и дивить публику изяществомъ слога; теперь они должны понять, что отъ нихъ не этого ждутъ. Литература становится элементомъ общественнаго развитія; отъ нея требуютъ, чтобы она была не только языкомъ, но очами и ушами общественнаго организма. Въ ней должны отражаться, группироваться и представляться въ стройной совокупности всѣ явленія жизни. И именно съ жизнью, съ дѣломъ, съ фактомъ долженъ имѣть прямое отношеніе каждый, кто хочетъ выступить нынѣ въ публику въ качествѣ литератора... Къ сожалѣнію, немногіе понимаютъ это; большая часть полагаетъ, что достаточно однѣхъ внѣшнихъ формъ для того, чтобы вести дѣло литературнымъ образомъ. И вотъ, подобные-то господа, постоянно оказываясь негодными на дѣлѣ, унижаютъ собою литературу, бросаютъ на нее тѣнь подозрѣнія и дѣлаютъ то, что общій видъ литературныхъ явленій за извѣстный періодъ представляется, наконецъ, смѣшнымъ всякому здравомыслящему человѣку, а для человѣка злонамѣреннаго даетъ поводъ провозгласить его даже гибельнымъ и опаснымъ. Не потому у насъ все такъ плохо начинается, чтобы не было людей истинно-дѣльныхъ и живыхъ; но потому, что большинство общества, даже литературнаго, до сихъ поръ еще бросается на громкія фразы, благоговѣетъ передъ цитатами и цифрами, не разбирая ихъ, и постоянно ввѣряется тѣмъ, кто громче и самоувѣреннѣй говоритъ... А эти-то люди и оказываются пустыми крикунами, мертвыми формалистами, литературными чиновниками, неспособными не только прочно основать какое-нибудь дѣло, но даже начать его безъ нелѣпости... Люди же серьезные обыкновенно сидятъ въ углу и дѣлаютъ какую-нибудь незамѣтнѣйшую работу... Отчего они равнодушно смотрятъ на продѣлки разныхъ посредственностей, выдающихъ себя за передовыхъ людей, трубящихъ о своихъ подвигахъ, берущихся за все очень рьяно, но портящихъ будущность всякаго дѣла, за которое берутся, отчего эти серьезные люди сами не становятся сразу во главѣ передового движенія,—это ужъ надобно объяснить болѣзненно-развитымъ въ нихъ самолюбіемъ: они настолько самолюбивы, что не хотятъ браться за дѣло, которое можно сдѣлать только вполовину, и настолько умны, что не могутъ увѣрить себя въ возможности сейчасъ же сдѣлать его вполнѣ... Разумѣется, это нехорошо, потому что другіе и вполовину-то не дѣлаютъ, а только портятъ. Но что же дѣлать? Этого ужъ не передѣлаешь. Такимъ образомъ, въ пустячности нашего, такъ называемаго, прогресса по всѣмъ частямъ оказываются виноваты всего болѣе тѣ же самые господа, которые всего болѣе кричатъ о немъ. Переступивши куринымъ шагомъ черезъ какую-нибудь мизерную щепочку, они немедленно провозглашаютъ, что сдѣлали великій шагъ впередъ; имъ вѣрятъ и успокаиваются, стоя на мѣстѣ и воображая, что—вѣдь ужъ много прошли... Такъ мало-по-малу и усыпляется энергія въ обществѣ, какъ постоянно лестью усыпляется талантъ, начинавшій было работать надъ самимъ собою. И покамѣстъ еще нѣтъ дѣла,—все идетъ гладко, шумно, весело: какъ дошло до дѣла—все пропадаетъ прахомъ.

Вотъ, хоть бы въ настоящемъ случаѣ... Г. Перозіо самъ весьма торжественно вызвалъ г. Смирнова на состязаніе; а потомъ самъже не захотѣлъ докончить его и тѣмъ—если не повредилъ дѣлу устнаго судопроизводства, то все же сдѣлалъ большую непріятность публикѣ. Г. Смирновъ, съ своей стороны, возвѣщалъ, что онъ г. Перозіо считаетъ школьникомъ, котораго надо экзаменовать изъ ариѳметики; г. Серно-Соловьевичъ (а можетъ быть и другой изъ посредниковъ,—мы хорошо не помнимъ) во всеуслышаніе сдѣлалъ нотацію г. Перозіо, что, принимаясь писать обвинительную статью, надо пріобрѣсть кое-какія спеціальныя свѣдѣнія... Очевидно, что они весь споръ считали—1) личнымъ дѣломъ своихъ самолюбій, 2) дѣломъ канцелярскимъ, а не общественнымъ... Но что же вышло? Здравый смыслъ не могъ допустить, чтобы образованную публику собрали единственно для потѣхи г. Смирнова, желавшаго имѣть побольше свидѣтелей того, какъ онъ собьетъ г. Перозіо на ариѳметикѣ. И вотъ, несмотря на «Условія», г. Полетика, болѣе практическій и дѣльный человѣкъ, сталъ давать новыя соображенія, представлять свои факты, противники же его, держась программы, упорно настаивали на томъ, чтобы не выходить изъ буквы статьи Перозіо. И вышло, что самое дѣло осталось въ сторонѣ, а вся эта суматоха, поднятая по городу неосторожно провозглашеннымъ названіемъ гласнаго и устнаго судопроизводства, превра-

тилась въ комедію, въ которой дѣйствующія лица никакъ не могли понять другъ друга,—и одни хотѣли толковать *о сущности* обвиненій, другіе о литературныхъ пріемахъ г. Перозіо. Не полезнѣе ли было бы явиться въ это собраніе людямъ, серьезно знакомымъ съ дѣломъ, и говорить о самой сущности дѣла, оставя въ сторонѣ личную раздражительность г. Смирнова, литературную неумѣлость г. Перозіо, наклонность къ краснорѣчію г. Серно-Соловьевича, и пр. Повѣрьте, что, говоря о дѣлѣ, не могли бы такъ раздражаться обѣ стороны, рѣшеніе было бы чѣмъ-нибудь существеннымъ, а свойства статей г. Перозіо выказались бы сами собою въ весьма яркомъ свѣтѣ... Теперь же, въ большинствѣ публики и послѣ засѣданія, и даже хотя бы оно кончилось совершенно нормально,—не осталось рѣшительнаго и яснаго убѣжденія относительно всѣхъ пунктовъ дѣла. И окончилось тѣмъ, что, вмѣсто устнаго и гласнаго разрѣшенія, публикѣ, при выходѣ, неизвѣстные люди тыкали въ носъ какую-то брошюру противъ г. Перозіо, изданную въ Одессѣ и потомъ перепечатанную въ Петербургѣ. Брошюрка раздавалась безплатно: чьему безкорыстію мы этимъ обязаны, — не знаемъ.

Подобнымъ образомъ содѣйствовать движенію общественныхъ вопросовъ [не захотѣлъ бы ни одинъ порядочный человѣкъ] [1]), потому что это значитъ у насъ только портить ихъ будущность. И мы надѣемся, что всѣ, кому истинно дороги истинные наши успѣхи въ гражданской жизни, не примутъ на себя [(несмотря на авторитетъ Е. И. Ламанскаго)] круговой поруки за все, происходившее въ залѣ Пассажа 13 декабря. Даже мы, чистые литераторы—готовые съ радостью вписать турниръ этого дня, и особенно краснорѣчіе г. Серно-Соловьевича, въ скрижали исторіи литературы, для прославленія нашихъ дней въ потомствѣ,—мы никогда не согласимся, чтобы по этому неудачному столкновенію личныхъ самолюбій, невѣдающихъ, что̀ творятъ, можно было судить о степени подготовленности нашего общества къ устному и гласному судопроизводству.

---

369. Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами.

Напечатано въ I кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 31 декабря 1859 г.) за подписью: «Н. — бовъ». Н. И. Пироговъ былъ очень крупной фигурой въ глазахъ русскаго общества пятидесятыхъ годовъ,—и какъ выдающійся медикъ, и какъ педагогъ. Двѣ популярности сливались въ одно общее уваженіе, создавали непререкаемый авторитетъ. «Современникъ», какъ мы знаемъ (см. №№ 84, 211, 262), не мало способствовалъ укрѣпленію этого авторитета, широтѣ популярности. Добролюбовъ вѣрилъ въ Пирогова, ждалъ отъ него благихъ результатовъ, потому что зналъ, насколько, повидимому, было прочно его и служебное положеніе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, благодаря поддержкѣ вел. кн. Елены Павловны, пользовавшейся тогда вліяніемъ на Александра II. И если Киттары, — пигмею сравнительно съ Пироговымъ,—онъ сдѣлалъ по первому разу поблажку (см. №№ 262, 273), то, казалось бы, съ Пироговымъ могъ поцеремониться и гораздо больше. Но это не было бы похоже на Добролюбова. Пироговъ стоялъ слишкомъ высоко, его слово было очень вліятельно,—слѣдовательно, и вредъ этого авторитета былъ не чета киттаровскому. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ, съ большой душевной болью обманутаго въ своей глубокой вѣрѣ Добролюбовъ пишетъ эпиграфъ «И ты, Брутъ!» и этимъ вполнѣ выражаетъ испытываемую тяжесть... Это не хлесткій бичъ, свиставшій надъ десятками лицъ, это не уничтожающая насмѣшка,—это вопль отчаявающагося и вмѣстѣ грозное предостереженіе всѣмъ послѣдователямъ повергнутаго авторитета. Скажу больше—это еще одна перчатка, брошенная интеллигентному обществу словъ въ сознаніи необходимости отгородиться отъ вчерашнихъ союзниковъ...

И велико было впечатлѣніе, произведенное статьей!... Сотрудникъ «Современника», М. А. Филипповъ, говоритъ, что ее читали нарасхватъ, особенно въ кіевскомъ учебномъ округѣ. «Безъ всякаго сомнѣнія, педагогическому авторитету Пирогова былъ нанесенъ жестокій ударъ. Многіе изъ поклонниковъ ставили это въ вину Добролюбову, но лучшая часть общества рукоплескала ему» (М. М. Филипповъ, біографич.

---

[1]) захотѣлъ бы не всякій,

очеркъ при VII изд. сочиненій Н. А. Добролюбова, LVI—LVII стр.). Н. Н. Златовратскій разсказываетъ очень трогательную сцену, происшедшую позже въ его семьѣ, при извѣстіи о смерти Добролюбова... Отецъ извѣстнаго писателя плакалъ, сынъ смотрѣлъ на его лицо и ему казалось, что отецъ сейчасъ разрыдается. «Замѣтивъ мой взглядъ, онъ протянулъ руку и, приглаживая мои волосы, сказалъ: «Помни: умеръ писатель, какихъ немного, которому вы обязаны тѣмъ, что уже больше не могутъ васъ ни сѣчь, ни мучить. Не забывай его! Вырастешь—узнаешь объ немъ не это только...» «Святая душа!—проговорила матушка, крестясь и вытирая слезы. А когда я съ отцомъ сидѣли за столомъ, матушка тихо спросила отца: «Такъ это онъ и былъ, дорогой, что малютокъ отъ иродовыхъ дѣтей спасалъ?» (Сборникъ «Друкарь», 13—14)... Эта сцена показываетъ, какъ понималась роль подобныхъ статей Добролюбова.

Въ части журналовъ и газетъ, конечно, поднялся гвалтъ, сочли нужнымъ встать на защиту оскорбленнаго авторитета, и дальше читатели съ этимъ гвалтомъ познакомятся (см. № 422). Изъ современныхъ критиковъ особенно рѣзко обрушивается на Н. А. за эту статью г. Волынскій, извѣстный пониманіемъ эпохи шестидесятыхъ годовъ совершенно шиворотъ навыворотъ. По его мнѣнію, «Добролюбовъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ мало научно подготовленъ для правильной оцѣнки этого человѣка» («Русскіе критики», 1896 г., 177)... Надѣюсь, что такая аргументація освобождаетъ меня отъ оспариванія мнѣнія г. Волынскаго.

Въ заключеніе сообщу одинъ курьезъ. Въ № 3 «Искры» 1860 года отъ 15 января Н. А. Степановъ помѣстилъ каррикатуру, изображавшую стараго важнаго чиновника съ книжкою въ рукахъ, а около него молодого чиновника, фотографически похожаго на Добролюбова. Подпись гласила:

«— Это ваша статья напечатана въ С—ѣ?—Моя.—Ну, такъ я совѣтую вамъ оставить эти вздоры. Ужъ я не говорю о томъ, что порядочному чиновнику неприлично заниматься литературой, но вы слишкомъ молоды, чтобы учить насъ».

«Искра» не могла все это сочинить, слѣдовательно, надо думать, что Добролюбова вызывало его начальство по 2-му кадетскому корпусу и напомнило то, что онъ, повидимому, совершенно забылъ: какъ чиновникъ, онъ, все-таки, не могъ особенно расписываться. А такъ какъ инспекторъ корпуса, Даниловичъ, относился къ Н. А. очень симпатично, хорошо зная, кому принадлежатъ неподписанныя статьи въ «Современникѣ», то, вѣроятно, внушеніе это было результатомъ служебныхъ сношеній министерства народнаго просвѣщенія.

М. Л.

Tu quoque, Brute!..

Въ русской жизни возникаютъ иногда отрадныя явленія, способныя привести въ умиленіе даже человѣка не совсѣмъ простодушнаго,—являются герои мысли и слова, выступающіе прямо и безбоязненно на смертельную борьбу съ застарѣлыми предразсудками и общественной неправдой. Посмотришь на нихъ, оглянешься вокругъ себя—и невольно склонишь голову предъ ихъ доблестью. Около нихъ со всѣхъ сторонъ тѣснятся враги, ихъ окружаетъ безчисленное войско рутинистовъ, невѣждъ, негодяевъ, пошляковъ всякаго рода, и, несмотря на то,—благородные герои смѣло подымаютъ новое, враждебное злу знамя, и самоотверженно подвергаютъ себя всѣмъ опасностямъ неравнаго боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и въ нѣкоторой части непріятельскаго лагеря даже проявляется движеніе въ пользу отважныхъ героевъ и желаніе стать подъ ихъ знамя. Еще немного—и вотъ, кажется, совершится одна изъ тѣхъ чудесныхъ побѣдъ, о которыхъ разсказывается намъ въ богатырскихъ сказкахъ...

Но времена богатырскихъ сказокъ давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаемъ примѣнять ихъ міросозерцаніе къ настоящему времени. Воображеніе наше, еще въ раннемъ дѣтствѣ разстроенное фантастическими бреднями нянюшекъ, нерѣдко обливаетъ для насъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ простыя явленія дѣйствительной жизни; но зато, какъ приходится намъ краснѣть и стыдиться, когда эти явленія вдругъ предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ!

Насъ лично нельзя упрекнуть въ особенной наклонности къ увлеченіямъ розовыми надеждами. Мы не разъ отзывались холодно и даже насмѣшливо о такихъ явленіяхъ, отъ которыхъ другіе ожидали чуть не установленія всеобщаго благоденствія. Но и мы не остались совершенно чистыми отъ ребяческихъ увлеченій. Со стыдомъ и прискорбіемъ пришлось намъ недавно вспомнить объ одномъ изъ нихъ, и мы спѣшимъ очистить себя публичнымъ покаяніемъ и откровеннымъ изложеніемъ дѣла.

Начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ объясненій.

Извѣстно, что въ послѣднее время обна-

ружилось въ Россіи много хорошихъ литераторовъ во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности — въ полицейской, въ медицинской, въ коммиссаріатской. въ судебной, въ откупной, и пр., и пр. Современные Фамусовы, полагающіе, что

Написано—и съ плечъ долой,

возложили на этихъ литераторовъ твердыя надежды относительно всѣхъ предстоящихъ усовершенствованій русскаго быта. Мы съ самаго начала смотрѣли довольно недовѣрчиво на эти надежды, и, дѣйствительно, когда доходило въ чемъ-нибудь до дѣла, то спеціальные литераторы оказывались по большей части или совсѣмъ неподходящими къ своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма податливыми на *уступки*. Уступокъ этихъ мы могли бы здѣсь указать много, но не считаемъ этотъ предметъ такимъ малоизвѣстнымъ, чтобъ о немъ стоило распространяться. При томъ же, практическая уступчивость рьяныхъ теоретиковъ не представляетъ сама по себѣ ничего необычайнаго: она, напротивъ, совершенно въ порядкѣ вещей. Человѣкъ выступаетъ на битву и вдругъ видитъ, что противъ него тысяча враговъ: естественно, что онъ долженъ — или бѣжать совсѣмъ, или сдѣлать нѣсколько такихъ уступокъ, послѣ которыхъ хотя часть противниковъ перешла бы на его сторону. Зато у него остается надежда побить самыхъ закоснѣлыхъ враговъ. Начальникъ, преслѣдующій взятки, но чувствующій себя безсильнымъ для ихъ искорененія, наконецъ допускаетъ *благодарность* и ограничивается тѣмъ, что запрещаетъ лишь *вымогательство*. На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, дѣйствительно ли примѣнима и практична предположенная имъ грань между благодарностью *вынужденною* и *невынужденною*. Да можно еще сожалѣть о той средѣ, которая принуждаетъ начальника, желающаго добра, къ подобнымъ уступкамъ... А впрочемъ и на эту *среду* напускаться особенно тоже не стоитъ: ея развитіе зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, которыхъ она не могла до сихъ поръ ни отвратить, ни измѣнить. Стало-быть, съ которой стороны ни возьми дѣло,—волноваться не стоитъ, а слѣдуетъ только, подобно старому подъячему, при назначеніи новаго, неумѣлаго начальника, сказать совершенно спокойно: «приняться-то нашъ герой хочетъ какъ будто и прытко, да концовъ-то не сведетъ; упрыгается на первыхъ же порахъ, угомонится, и пойдетъ все опять по старому»...

Такъ большею частью мы и говорили, когда новые Фамусовы показывали намъ какую-нибудь статейку и восклицали: «смотрите, *что написано!* смотрите, *какъ написано!* Теперь эта часть у насъ отлично пойдетъ: о ней ужъ такъ много *написано*...» и т. п. Но разъ и мы уподобились Фамусову: это было въ началѣ нынѣшняго года, когда въ литературѣ нашей уже замиралъ, сопровождаемый «Свисткомъ», одинъ изъ горячихъ вопросовъ нашей литературы,— вопросъ *о розгахъ*, о томъ, *быть или не быть*.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, еще въ 1857 г. обсуживался въ «Земледѣльческой Газетѣ» г. Орловымъ-Давыдовымъ и рѣшался положительно: *быть!* «Современникъ» имѣлъ тогда наивность удивиться такому явленію въ литературѣ, ставящей себѣ въ главную заслугу свои гуманныя стремленія. Но другимъ статейка г. Орлова-Давыдова показалась нисколько не странною, и вскорѣ послѣ нея начали появляться другія статейки, трактовавшія о томъ,

Какъ человѣка разложить,
По строгимъ правиламъ науки...

Извѣстно, что въ защитѣ розогъ отличались, между прочимъ, гг. Петрово-Соловово и Рощаковскій, но что вся отвѣтственность пала на князя Черкасскаго, предложившаго 18 ударовъ... Противъ него написаны были весьма краснорѣчивыя *замѣтки* и *письма*, которыя до того убѣдили его, что онъ печатно отрекся отъ своихъ положеній. А г. Аксаковъ, кромѣ того, объявилъ, что требованіе восемнадцати розогъ княземъ Черкасскимъ было не что иное, какъ *уступка* съ его стороны, изъ снисхожденія къ господствующимъ понятіямъ большинства [дворянъ]. Конечно, по ходу дѣла *уступка* эта оказалась ненужною и слишкомъ уже издалека предусмотрѣнною; но, тѣмъ не менѣе, послѣ *сказанія объ уступкѣ* поведеніе князя Черкасскаго въ этомъ вопросѣ оказалось такимъ же,—ни хуже, ни лучше, — какъ и поведеніе почти всѣхъ нашихъ публицистовъ и передовыхъ людей нашей словесности—почти во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Вскорѣ послѣ образца такой уступки въ дѣлѣ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ, мы увидѣли подобную же уступчивость одного изъ передовыхъ людей нашихъ—въ вопросѣ о сѣченіи дѣтей. Въ февралѣ прошлаго года, разбирая Отчетъ Московской Коммерческой Академіи г. Киттары, мы замѣтили, что онъ, не одобряя собственно розогъ, сѣкъ однакоже воспитанниковъ Академіи, «*въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда*» [1]). Насъ очень

[1]) См. № 262.

поразило тогда это странное обстоятельство, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были платиться своею кожею за то, что подвертывались инспектору съ проступками въ тѣ минуты, когда онъ «сомнѣвался въ непогрѣшимости своего взгляда». Насъ очень опечалило тогда не только самое открытіе, что дѣтей сѣкутъ еще въ заведеніи, ввѣренномъ начальству такого человѣка, какъ г. Киттары, но и то, что этотъ человѣкъ такъ легко и наивно отзывается объ этомъ предметѣ... Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній прочитали мы брошюрку г. Пирогова, въ которой, между прочимъ, была статейка: «*нужно ли сѣчь дѣтей?*»—и прониклись восторженнымъ удивленіемъ къ твердости и ясности воззрѣній знаменитаго хирурга и педагога. Мы поспѣшили выразить свой восторгъ, сопоставивши сомнѣнія г. Киттары съ твердою и простою рѣчью г. Пирогова, убѣжденнаго и убѣждавшаго тогда, что розга всегда и для всякаго — вредна, позорна и безнравственна. Указывая на г. Пирогова, какъ на образецъ непреклонной послѣдовательности своимъ убѣжденіямъ, какъ на одну изъ личностей, на которыхъ дѣйствительно могутъ покоиться надежды общества,—мы говорили:

«Мы, конечно, не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости: мы не съ тѣмъ указываемъ на него, чтобы его авторитетомъ унизить кого-нибудь. Вовсе нѣтъ: у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ *ту смѣлость и безпристрастіе взгляда*, ту искренность въ признаніи недостатковъ, *ту независимость въ отношеніи къ обществу*, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени»...

Къ этому отзыву мы прибавили еще слѣдующее замѣчаніе: «разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, *пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла*» [1]). Слѣдовало бы прибавить: «и никогда не осмѣлимся никого превозносить за кажущуюся твердость и послѣдовательность взгляда, пока это не выкажется рѣшительно въ практической дѣятельности». Но мы тогда, въ своемъ восторгѣ, не сообразили этого. Намъ казалось, что прекрасныя педагогическія убѣжденія г. Пирогова будутъ проводиться имъ и на практикѣ такъ же неуклонно, какъ проводятся въ его статейкахъ. Мы надѣялись, что, по своему положенію находясь въ обстоятельствахъ сравнительно очень благопріятныхъ, онъ будетъ въ состояніи весьма близко подойти къ осуществленію своихъ идей о воспитаніи. Но всего болѣе мы были увѣрены въ томъ, что въ заведеніяхъ, ввѣренныхъ попечительству г. Пирогова, не будутъ сѣчь дѣтей...

За свое легковѣріе мы недавно были наказаны горькимъ разочарованіемъ!

Въ XI № «Журнала для Воспитанія» за 1859 г. напечатаны: «*Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа*», изданныя г. Пироговымъ 22 іюля 1859 г. Правила эти составлены для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядѣ начальниковъ на проступки гимназистовъ и назначеніе самыхъ наказаній. Цѣль эта выражена г. Пироговымъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Нехорошо, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя *развиться чувству законности* въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непремѣнно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности».

Чтобы предотвратить такое печальное явленіе, г. Пироговъ считаетъ необходимымъ не только составленіе общихъ правилъ для всѣхъ гимназій, но и ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самаго вступленія ихъ въ гимназію, для того, «чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ, и что *каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка*».

Читая это вступленіе къ «Правиламъ», мы еще продолжали чувствовать прежнее удивленіе къ непреклонности и твердости г. Пирогова въ проведеніи своихъ общихъ принциповъ. Мы видѣли въ фразахъ, подчеркнутыхъ нами выше, полнѣйшее отрицаніе розги, которая никакъ ужъ не можетъ служить къ развитію въ дѣтяхъ *чувства законности* и никакъ не принадлежитъ къ числу раціональныхъ наказаній, *вытекающихъ изъ сущности самаго проступка*. Читая далѣе, мы еще болѣе утвердились въ своей увѣренности, увидѣвши, что «Правила о наказаніяхъ» составлены были подъ предсѣдательствомъ г. Пирогова цѣлымъ комитетомъ, членами котораго были: помощникъ попечителя Кіевскаго округа, директоры гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессора (исторіи—В. Шульгинъ, педагогики—Гогоцкій) и нѣ-

[1]) См. № 262.

которые учителя. Такой составъ комитета не могъ внушать никакихъ опасеній, и мы читали далѣе «Правила», въ полной увѣренности найти въ нихъ только раціональныя, естественныя, гуманныя мѣры, пользу которыхъ всегда проповѣдывалъ г. Пироговъ. Тѣмъ тяжелѣе было наше разочарованіе.

Насъ очень непріятно поразила уже и таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 г. гимназистовъ въ Кіевскомъ округѣ. По свѣдѣніямъ, вытребованнымъ г. Пироговымъ изъ разныхъ гимназій, оказалось слѣдующее:

Въ 1858 г. наказано было розгами:

Въ Кіевской 2-й	изъ 625—	43
» Житомирской	» 600—	290
» Немировской	» 600—	67
» Подольской	» 400—	37
» Полтавской	» 399—	39
» Ровенской	» 300—	6
» Нѣжинской	» 260—	20
» Новгородсѣверской	» 250—	8
» Черниговской	» 240—	18
» Бѣлоцерковской	» 220—	38
» Кіевской 1-й	» 215—	3

Одна эта таблица способна уже убѣдить внимательнаго педагога въ томъ, какъ напрасно и неразумно употребляется розга въ нашемъ воспитаніи. Одно сравненіе этихъ данныхъ можетъ оправдать самое рѣшительное изгнаніе розги изъ гимназій. Мы видимъ, напр., что въ Житомирской гимназіи сѣкутъ въ *семь* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 2-й, и въ *35* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 1-й. Въ Кіевской первой было только *три* случая, когда понадобились розги, въ Житомирской же ихъ было 290, т.-е. половина изъ всего числа гимназистовъ была пересѣчена! А если мы припомнимъ § 205 Училищнаго Устава 1828 г., по которому розги дозволяется употреблять *только въ трехъ низшихъ классахъ*, то окажется, что *каждый* мальчикъ былъ (по среднему разсчету) непремѣнно разъ высѣченъ въ теченіе года, а если кто избѣжалъ этого удовольствія, то, значитъ, вмѣсто него, надо считать за другимъ *двойное* или *тройное* и т. д. розочное наставленіе... Да еще изъ выраженія, употребленнаго въ «Правилахъ», не видно, считается ли въ этой таблицѣ *каждый разъ*, или только *каждый человѣкъ*. Не сказано: «было *столько-то случаевъ* сѣченья», а говорится только: «*столько-то учениковъ* высѣчено»... т.-е. можетъ быть, если одинъ и тотъ же ученикъ 50 разъ въ году высѣченъ, такъ все это считается за *единицу*... Но даже если и такъ, то все-таки—какой ужасъ и мракъ должна представлять собою Житомирская гимназія! Въ году менѣе двухсотъ учебныхъ дней, а тутъ 290 человѣкъ подвергаются поркѣ; значитъ, каждый божій день въ Житомирской гимназіи порютъ, да еще и не по одному человѣку!.. И все это дѣлалось въ 1858 году, который—кромѣ того, что вообще принадлежитъ *настоящему времени*, *когда* и пр.—замѣчателенъ въ этомъ случаѣ еще и тѣмъ, что въ теченіе второй его половины (съ августа) Кіевскій учебный округъ находился подъ попечительствомъ г. Пирогова! И замѣтьте еще, что цифра 290 стоитъ въ отчетѣ, доставленномъ попечителю самою дирекціею. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что гдѣ наказанія такъ обыкновенны и часты, тамъ почти нѣтъ возможности свести имъ вѣрный счетъ за цѣлый годъ. Другое дѣло — 1-я Кіевская гимназія, Ровенская и Новгородсѣверская: тамъ въ цѣлый годъ случилось высѣчь—въ одной трехъ, въ другой—6, въ третьей—8 человѣкъ. Тутъ сосчитать не трудно, и мы не имѣемъ причинъ прямо сомнѣваться въ вѣрности показаній. Но 290 въ годъ — тутъ весьма не трудно сбиться въ счетѣ! Да и едва ли кому-нибудь изъ начальства Житомирской гимназіи казалось особенно важнымъ вести точный счетъ экзекуціямъ, которыя оно раздавало такъ щедро и которымъ, какъ видно, вовсе не придавало какого-нибудь чрезвычайнаго значенія.

Но г. Пироговъ довѣрчиво останавливается на цифрѣ, показанной дирекціею, и дѣлаетъ слѣдующія соображенія: «разность въ численности тѣлесныхъ наказаній нельзя объяснить различною численностью учениковъ и различною степенью ихъ нравственнаго развитія; мы видимъ, что въ гимназіяхъ, одинаково многолюдныхъ и при сходныхъ условіяхъ, число тѣлесныхъ наказаній было далеко не одно и то же; потому *этотъ фактъ не можетъ быть иначе объясненъ, какъ неопредѣлительностью взглядовъ и. директоровъ и наставниковъ на проступки и наказанія учениковъ*. Неужели нравственное развитіе учениковъ 2-й Кіевской, напримѣръ, и Житомирской гимназіи такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся (625 — 600), высѣчены были въ прошломъ году *только* (только!!) 43, а въ другой почти 300 учениковъ!»

Какъ видите, г. Пироговъ чрезвычайно легко и снисходительно смотритъ на вопіющіе ужасы, представленные ему въ свѣдѣніяхъ о числѣ высѣченныхъ мальчиковъ. Его не возмущаетъ [злодѣяніе][1]), регулярно

[1]) явленіе

совершающееся надъ несчастными мальчиками въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему заведеній; онъ имѣетъ духъ сказать даже: «*только*» въ приложеніи къ той гимназіи, въ которой сѣкутъ нѣсколько меньше. Всего болѣе озабочиваетъ его то обстоятельство, что взгляды разныхъ директоровъ не приведены къ единству... Признаемся, не такого тона, не такихъ [чиновническихъ] разсужденій ожидали мы отъ автора «Вопросовъ жизни»!

Но окончательно пристыжены мы были въ своемъ прежнемъ восторгѣ отъ г. Пирогова, когда дошли до того мѣста «Правилъ», гдѣ почтенный педагогъ доходитъ до изложенія теоретическихъ и практическихъ соображеній своихъ относительно тѣлеснаго наказанія. Тутъ происходитъ въ «Правилахъ» такое неловкое и неуклюжее балансированіе на розгахъ, что невольно сердце замираетъ со страха за шаткое положеніе балансирующихъ. Сначала говорится, что розга, — «гнусна, вредна», что ее *нужно* вовсе изгнать; потомъ, что изгнать *нельзя;* потомъ, что это *трудно*, наконецъ — что ее слѣдуетъ употреблять, только рѣдко... Все это такъ плохо вяжется съ прежними убѣжденіями автора «Вопросовъ жизни», такъ несообразно само по себѣ, такъ противорѣчитъ основной цѣли составленія «Правилъ», что мы, для полнаго вразумленія, нѣсколько разъ прочитали этотъ странный пунктъ и, наконецъ, убѣдившись въ печальной истинѣ и вспомнивъ прежнюю защиту дѣтей отъ розогъ г. Пироговымъ, могли только вскрикнуть внутренно: tu quoque, Brute!!

Но постараемся прослѣдить съ нѣкоторой обстоятельностью эту странную игру фантазіи и остроумія г. Пирогова. Постараемся сдѣлать свои замѣчанія возможно спокойными и умѣренными. Предметъ самъ по себѣ, правда, таковъ, что о немъ спокойно говорить почти невозможно: тутъ нужно — или оплакивать паденіе человѣка и принципа, или добродушнѣйшимъ образомъ смѣяться надъ иллюзіями и разочарованіями человѣчества. Мы болѣе были бы склонны къ послѣднему; но насъ отчасти останавливаетъ слѣдующее заключеніе, которымъ оканчивается первая часть «Правилъ» г. Пирогова.

«Я долженъ объявить дирекціямъ, что и таблицу, и мнѣнія, обсужденныя комитетомъ о проступкахъ и наказаніяхъ, нисколько не разсматриваю я, какъ совершенно уже законченныя и не подлежащія улучшеніямъ и измѣненіямъ, на которыя можетъ указать время и опытъ. Потому я *прошу всѣхъ и каждаго изъ воспитателей* сообщить мнѣ, чрезъ педагогическій совѣтъ, или въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній, сдѣланныя имъ замѣчанія, замѣченные недостатки, и указать на придуманныя каждымъ исправленія».

Такимъ образомъ, г. Пироговъ самъ проситъ, чтобы на его «Правила» дѣлали замѣчанія всѣ воспитатели. Мнѣнія и указанія ихъ онъ желаетъ принять къ свѣдѣнію. Но, кромѣ того, г. Пироговъ самъ печатаетъ свои «Правила» въ журналѣ и, слѣдовательно, подвергаетъ ихъ обсужденію не однихъ уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвѣщеннаго и благороднаго воззрѣнія на свое дѣло, что уже ею одной значительно умѣряется раздраженіе, которое способны возбудить во многихъ сами «Правила». Г. Пироговъ не ошибся, рѣшившись обнародовать все, что̀ ни предпринимаетъ онъ въ администраціи Кіевскаго учебнаго округа. Теперь многія изъ его распоряженій могутъ быть критикованы, могутъ обнаружиться ошибки, указываться уклоненія отъ его собственныхъ воззрѣній и т. п. Но никогда нападенія на него не могутъ достичь той степени ожесточенія и судорожной ярости, до какой они дошли бы непремѣнно, если бы все дѣло велось втихомолку, и литература должна была бы выискать посторонніе предлоги, чтобы добраться до г. Пирогова. Теперь, по крайней мѣрѣ, дѣло чистое, и никто не можетъ быть обманутымъ. Публика видитъ, что̀ напечатано г. Пироговымъ, видитъ и то, что̀ печатается противъ него. Слѣдовательно, какъ бы ни жестоки были нападки, все-таки г. Пироговъ въ общемъ мнѣніи получаетъ лишь то, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Приведемъ же въ подлинникѣ фатальную страницу «Правилъ», трактующую о розгахъ, чтобы читатели, не имѣющіе подъ руками «Журнала для Воспитанія», сами могли провѣрить наши замѣчанія. Вотъ сентенціи «Правилъ»:

«Опытомъ дознано, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ *не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется не открытымъ и безнаказаннымъ*. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ случаевъ, *строгія тѣлесныя наказанія*. Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому, гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе *не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка*. Идеалъ справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы *оно проистекало*, такъ сказать, *само собою изъ сущности самаго проступка*. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно было бы изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ

Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ непроизвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростію и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказанія (по крайней мѣрѣ вначалѣ) въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію» («Журн. для Восп.» 1850 г. № XI, стр. 115).

Сообразите этотъ пунктъ съ общей цѣлью «Правилъ», прослѣдите отдѣльныя положенія этой самой тирады, и вамъ представится изумительная путаница понятій, [безтолковѣйшій] [1]) разладъ противорѣчащихъ мыслей. Какъ будто вы читаете [нелѣпѣйшую] [2]) хрію [начинающаго обучаться реторикѣ] семинариста, гдѣ всѣ основанія подобраны для подтвержденія вывода, совсѣмъ противнаго тому, какой дѣйствительно сдѣланъ имъ въ заключеніи, сообразно заданной темѣ. Возьмите, напримѣръ, хоть слѣдующія положенія изъ «Правилъ».

Первая посылка. «При господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ, первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія *можетъ служить только развитіе чувства законности и справедливости между учащимися*» («Журн. для Восп.», стр. 115).

Вторая посылка. «Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. *А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится*» (стр. 115).

Можно, конечно, спорить противъ второй посылки, можно спросить: отчего же развитіе чувства законности даетъ привилегію на розгу? И что это за странное правило: пока въ человѣкѣ нѣтъ чувства законности, такъ его пороть не слѣдуетъ; а какъ только это прекрасное чувство появилось—пори его: *не вредно*, дескать... Но оставимъ это въ сторонѣ, станемъ безпрекословно на точку зрѣнія г. Пирогова и повторимъ его слова:

«*Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ между тѣмъ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи*» (стр. 110). Поэтому при воспитаніи общественномъ «*надо какъ можно болѣе стараться о развитіи чувства законности. Для развитія этого чувства «розга не годится*».

Ясно, стало быть,—возрадуемся: въ Кіевскомъ округѣ дѣтей не будутъ пороть, потому что розга совершенно противорѣчитъ достиженію тѣхъ благихъ цѣлей, какія имѣлъ г. Пироговъ при составленіи своихъ «Правилъ»... Не такъ ли?

Выходитъ, что не такъ!.. Весьма краснорѣчиво доказавши гнусность и возмутительность розочной науки, г. Пироговъ вдругъ поражаетъ насъ крутымъ оборотомъ: «*но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розгу изъ употребленія*».

Отчего же нельзя?—спрашиваете вы въ изумленіи. — Оттого *нельзя*, что «*трудно* придумать что-нибудь другое для наказанія въ гимназіи дѣтей уже прежде сѣченныхъ дома»...

Но скажите, пожалуйста, неужели это удовлетворительный отвѣтъ? И, во-первыхъ,—развѣ *трудно* и *нельзя* одно и то же? *Трудно* придумать что-нибудь другое; но, значитъ, все-таки *можно?* Ну и потрудитесь. На то вѣдь и существуютъ всѣ эти педагогическіе совѣты, инспекторы, директоры, попечители и т. д... Не за исправностью же пуговицъ смотрѣть они поставлены; не могутъ же они ограничить свою дѣятельность только механическимъ примѣненіемъ къ новому поколѣнію старой рутины... Не въ томъ же только и состоитъ ихъ задача, чтобы составлять полицейскія росписанія: за что лишать ученика пирога, за что супа, а за что и цѣлаго обѣда; за какой проступокъ держать его подъ арестомъ одинъ день, за какой — три. Всѣ эти подвиги на пользу воспитанія слишкомъ жалки, чтобы изъ-за нихъ уволить себя отъ другихъ заботъ—напримѣръ, о томъ, чтобы пріискать новые способы наказаній въ училищахъ, болѣе раціональные и менѣе позорные [особенно для наказывающаго], чѣмъ розги...

Далѣе—что это значитъ: «нельзя *вдругъ* изгнать розгу»? Какая же тутъ можетъ быть постепенность? Уменьшать число ударовъ, что ли? Такъ вѣдь тутъ дѣло не въ числѣ ударовъ, а въ самомъ способѣ наказанія.

---

[1]) самый странный
[2]) неловкую

Или вы хотите соблюсти постепенность тѣмъ, чтобы не опредѣлять розогъ даже и за нѣкоторые такіе случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но въ опредѣленіи частныхъ случаевъ вы должны руководиться уже частными педагогическими соображеніями, которыя, во всякомъ случаѣ, должны согласоваться съ принятыми въ вашемъ кодексѣ принципами. Если вы допустили розгу въ своемъ принципѣ воспитанія, то вы тѣмъ самымъ признали уже законность ея, какъ полезной педагогической мѣры. Значитъ, вы и должны будете удерживать ее постоянно, покамѣстъ не измѣнится вашъ взглядъ на сущность самыхъ проступковъ, признанныхъ, по вашему, достойными розогъ... Такимъ образомъ, ваше *вдругъ* не имѣетъ никакого практическаго смысла, потому что [ни одна человѣческая голова] [1]) не въ состояніи вывести разумной постепенности, которой вы, повидимому, добиваетесь въ отмѣненіи розогъ... Кажется, это ясно...

Намъ могутъ замѣтить, что г. Пироговъ,—или Кіевскій комитетъ, что̀ одно и то же,—вовсе не признаетъ *пользы* розогъ, а только видитъ *невозможность* отъ нихъ избавиться. — Но мы съ этимъ никакъ не можемъ согласиться. Помилуйте, какая же можетъ быть *невозможность — не сѣчь?...* Если бы сѣченіе мальчиковъ было такою же настоятельной, естественной потребностью и необходимымъ условіемъ жизни, какъ напр., пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не ѣсть, не пить—дѣйствительно нельзя; но не сѣчь—это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и другихъ остановить отъ сѣченія. Стоитъ только положить правиломъ, что сѣчь въ гимназіяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, — и не будутъ сѣчь... И безъ всякаго сомнѣнія г. Пироговъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы онъ признавалъ розги рѣшительно ни къ чему негодными. Если же онъ допустилъ еще ихъ оставаться въ гимназіяхъ, то, конечно, потому, что призналъ ихъ пользу, хотя до нѣкоторой степени. Иначе сказать—онъ призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ розга составляетъ самое лучшее наказаніе, какое только возможно *въ настоящее время*.

И выходитъ, стало быть, что розги торжествуютъ въ кіевской педагогикѣ потому, что оказалось въ нихъ какое-то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было ихъ отмѣнить!

Да тутъ, впрочемъ, даже и выводить-то нечего: г. Пироговъ самъ сознается, что розгу и можно бы замѣнить, но что только *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея!..

Въ чемъ же, однако, состоитъ это удобство розги, по мнѣнію Кіевскаго педагогическаго комитета? Онъ не объясняетъ своихъ воззрѣній, но дѣло ясно само по себѣ. Тѣмъ-то именно и хороша розга, что избавляетъ почтенныхъ педагоговъ отъ придумыванья новыхъ, болѣе гуманныхъ и толковыхъ педагогическихъ пріемовъ. «Нельзя же вдругъ», говорятъ «Правила», и въ этомъ восклицаніи является передъ вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины... Вы помните, какъ Обломовъ говоритъ: «да какъ же это вдругъ?», когда ему является надобность перемѣнить квартиру. Онъ, въ своей барской наивности и лѣни, воображаетъ, что квартиру мѣнять можно исподволь, понемножку,—сначала переднюю сдѣлать въ другомъ домѣ, потомъ кухню перенести на новую квартиру, такъ чтобы обѣдъ оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображаютъ, что розги отмѣнить можно какъ-то исподволь, не вдругъ... Можетъ быть, на слѣдующій годъ въ Житомирской гимназіи высѣкутъ уже не 290, а только 289 человѣкъ, потомъ 288, и т. д. Посмотришь—черезъ три столѣтія дойдетъ до того, что и вовсе перестанутъ сѣчь. Значитъ, дѣло-то само собою обдѣлается! А то—шутка ли?—сиди да думай, чѣмъ и какъ замѣнить розгу! А это такъ *трудно!..*

Скажутъ, что мы преувеличиваемъ, — что самъ г. Пироговъ, съ своимъ комитетомъ, вовсе не хочетъ розогъ, что онъ ихъ оставляетъ только какъ временное, необходимое зло, что *вдругъ* имѣетъ значеніе—«сейчасъ же, въ сію минуту»,—т.-е. до тѣхъ поръ, пока еще не придуманы другія мѣры въ замѣну розогъ... Да, мы сами желали бы такъ думать: но, къ сожалѣнію, все это не ладится съ «Правилами»,—исключая, разумѣется, того, что кіевскій комитетъ дѣйствительно самъ не хочетъ розогъ... Дѣло, видите ли, въ томъ, что г. Пироговъ отрекается отъ всякой иниціативы въ этомъ дѣлѣ, не только теперь, но и въ будущемъ, на неопредѣленныя времена. Онъ говоритъ, что розгу нельзя изгнать изъ учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, «*пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія*». Значитъ, учрежденія эти не подадутъ благого примѣра, а будутъ попрежнему пороть дѣтей—болѣе или менѣе — до тѣхъ поръ, пока поронье это не будетъ истреблено во всѣхъ концахъ и закоулкахъ Россіи!.. Какая утѣшительная перспектива! И какъ она хорошо отвѣчаетъ тѣмъ надеждамъ, какія мы имѣемъ на близкое будущее, въ отношеніи къ раз-

[1]) никто

витію народнаго образованія! Теперь, какъ извѣстно, гимназическимъ ученьемъ пользуются почти исключительно дѣти дворянъ, чиновниковъ и купцовъ. Съ развитіемъ промышленности и освобожденіемъ крестьянъ можно ожидать, что въ гимназіи будетъ значительное число дѣтей мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ всякаго рода и земледѣльцевъ. Ежели теперь изъ привилегированныхъ классовъ общества поступаютъ въ гимназіи дѣти, уже сѣченныя дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы въ низшихъ классахъ розга очень скоро вывелась въ семейномъ воспитаніи. Слѣдовательно, сѣченныя дома дѣти будутъ еще очень долго поступать въ наши заведенія, и на этомъ основаніи наша родная педагогика останется вѣрною розгѣ!.. [А можетъ, для ускоренія возможности изгнать розгу, запретятъ поступать въ гимназіи дѣтямъ ремесленниковъ и вообще низшихъ классовъ?

Что жъ? судя по основательности и дальновидности, какія обнаружены кіевскимъ комитетомъ, можно думать, что еще и эта мѣра когда-нибудь будетъ пущена въ ходъ,—если не въ видахъ изгнанія розги, то по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ].

А на какомъ основаніи, — спросимъ еще, — кіевскіе педагоги рѣшили, что съ дѣтьми, уже разъ сѣченными, иначе нельзя обойтись, какъ посредствомъ розги?.. Этого они опять не объясняютъ въ своихъ «Правилахъ». А такъ ужъ, видно,—коли прежде пороли, такъ и потомъ надо пороть... Способъ воззрѣнія, какъ видите, тотъ же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: «нельзя мужика на волю отпустить, пока онъ коснѣетъ въ своей грубости и не имѣетъ чувства законности и сознанія собственнаго достоинства». Милые мыслители не хотѣли и слышать о томъ, что мужикъ до тѣхъ поръ и не пріобрѣтетъ всѣхъ этихъ прелестныхъ вещей, пока не будетъ на волѣ. Такъ точно и кіевскіе педагоги ни подъ какимъ видомъ не хотятъ, какъ видно, допустить, что натура «сѣченныхъ дома дѣтей» тогда только и смягчится и сдѣлается чувствительною къ наказаніямъ болѣе человѣчнымъ, когда хоть въ школѣ-то не станутъ ихъ драть, а будутъ обращаться съ ними по-человѣчески. А то, разумѣется, — дома дерутъ, въ гимназіи дерутъ, вездѣ розочная круговая порука,—поневолѣ тутъ огрубѣешь!..

И вѣдь хоть бы что-нибудь устраивалось и обезпечивалось этимъ умилительнымъ допущеніемъ розогъ въ педагогику [кіевскихъ воспитателей!] А то рѣшительно ничего, кромѣ разрушенія прямой цѣли «Правилъ» (розга мѣшаетъ «развитію чувства законности», для котораго составлены «Правила»)... Вѣроятно, тѣ практики, которые изъ 600 гимназистовъ сѣкутъ въ годъ 290, остались очень довольны уступкою, сдѣланною въ пользу ихъ постоянныхъ воззрѣній, и, признаемся,—только желаніемъ сдѣлать имъ угодное и можемъ мы объяснить торжество розогъ, допущенное г. Пироговымъ въ сонмѣ педагоговъ Кіевскаго учебнаго округа. Только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно до нѣкоторой степени оправдать [ту страшную легкомысленность и][1]) противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ» тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи. Заглянемъ въ *табличку* проступковъ и наказаній, которая, по словамъ г. Пирогова, должна быть развѣшена на стѣнахъ во всѣхъ классахъ гимназій Кіевскаго округа, и въ которой провинившагося ученика должно подводить и молча указывать ему то мѣсто, гдѣ поименованъ его проступокъ съ соотвѣтствующимъ ему наказаніемъ. Въ этой табличкѣ мы найдемъ рѣшительное уничтоженіе всѣхъ общихъ фразъ, сказанныхъ г. Пироговымъ въ пользу розогъ въ гимназіяхъ.

Г. Пироговъ утверждаетъ, что поневолѣ приходится дѣтей, уже сѣченныхъ дома, сѣчь и въ гимназіи — «*по крайней мѣрѣ вначалѣ*». Изъ этихъ словъ можно заключить, что розги принимаются въ гимназіи собственно для того, чтобы не слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ жесткаго домашняго воспитанія къ гуманному обращенію въ гимназіи. Сначала мальчика станутъ посѣкать понемножку, а потомъ постепенно будутъ отставать отъ этого пріятнаго упражненія... Если бы такъ, то въ такомъ образѣ дѣйствій была бы еще нѣкоторая послѣдовательность. Но посмотрите въ таблицу, и вы увидите совсѣмъ не то: каждый мальчикъ можетъ быть наказанъ розгами *только одинъ разъ* и, затѣмъ, послѣ вновь сдѣланнаго проступка *увольняется изъ заведенія*. Значитъ, какой же смыслъ имѣетъ оговорка г. Пирогова, что сѣчь *нужно—по крайней мѣрѣ вначалѣ*? Какія же тутъ «*по крайней мѣрѣ*», когда положено: высѣчь разъ мальчика, а потомъ въ слѣдующій разъ — уже выгнать изъ заведенія? «Вначалѣ»—хорошо начало!

Недурно также и общее опредѣленіе случаевъ, когда розга необходима. Она, видите, необходима «въ случаяхъ», *не терпящихъ отлагательства*, и должна слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, тамъ,

---

[1]) тѣ

гдѣ позорная вина требуетъ *быстраго, сильнаго и миновеннаго сотрясенія*».

Да проститъ насъ почтеннѣйшій кандидатъ филологическихъ наукъ, Н. А. Миллеръ-Красовскій, котораго мы такъ рѣзко упрекали въ прошломъ году за изобрѣтенное имъ *моментное дѣйствіе!* [1]) Намъ не шутя совѣстно передъ нимъ... Мы почли его тенденціи чудовищно-рѣдкимъ явленіемъ въ средѣ нашихъ педагоговъ; мы имѣли наивность выразить мнѣніе, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его отъ подобныхъ нелѣпостей. Каемся: мы тогда имѣли слишкомъ розовый, слишкомъ лестный взглядъ на нашихъ педагоговъ вообще. Теперь мы видимъ, что г. Миллеръ-Красовскій былъ только однимъ изъ представителей этого почтеннаго и премудраго сословія,—не болѣе. Онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ даже послѣдовательнѣе многихъ изъ своихъ собратій. Такъ, напр., проводя свою идею о «моментномъ сотрясеніи», онъ находитъ, что розга беретъ все-таки, сравнительно, довольно много времени, и потому гораздо лучше вмѣсто нея употреблять пощечину. Это, по крайней мѣрѣ, логично. Въ «Правилахъ» Кіевскаго округа и того нѣтъ. Тамъ положено, что розги (долженствующія собственно слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, для произведенія *быстраго, сильнаго и миновеннаго сотрясенія*) назначаются не иначе, какъ «по опредѣленію педагогическаго совѣта, по большинству трехъ четвертей голосовъ по закрытой баллотировкѣ». Скажите же, скоро ли вся эта исторія можетъ быть произведена въ гимназіи? И возможно ли, по поводу каждаго изъ подобныхъ проступковъ, немедленно собирать педагогическій совѣтъ? Да при томъ же, многіе изъ проступковъ, подлежащихъ розгамъ, могутъ, по самому существу своему, нуждаться въ предварительномъ разслѣдованіи, во время котораго, по кодексу г. Пирогова, для виновнаго назначается арестъ. Гдѣ же тутъ *непосредственное* слѣдованіе наказанія за проступкомъ? Гдѣ тутъ *миновенное* сотрясеніе? Нѣтъ, ужъ, право, лучше пощечина г. Миллеръ-Красовскаго!

А не угодно ли полюбоваться, какіе проступки наказываются розгами. Мы ихъ сейчасъ перечислимъ; замѣтимъ только напередъ, что всѣ наказанія имѣютъ три степени, опредѣляемыя разными обстоятельствами проступка. Розгами наказываются: *воровство, къ которому причисляется и кража собакъ* [2]),—во второй степени. Затѣмъ розги опредѣлены, — въ третьей степени,—за оскорбленіе постороннихъ и принадлежащихъ къ заведенію лицъ внѣ ихъ службы (т.-е. начальниковъ, надзирателей, чиновниковъ и прислуги) — словомъ, письмомъ и дѣломъ, — за оскорбленіе товарищей словомъ, письмомъ и дѣломъ; во второй степени «за оскорбленіе начальствующихъ лицъ во время исправленія ими служебныхъ обязанностей,—словомъ, письмомъ и дѣломъ». Наконецъ, розгами же наказывается — что бы вы думали?.. этого, кажется, и самому г. Миллеръ-Красовскому никогда бы въ голову не пришло!—розгами наказывается—дико повторить!—«*оскорбленіе товарищей за вѣру (фанатизмъ)*»!!! Мы долго не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ; но, наконецъ, не могли не убѣдиться. Въ графѣ проступковъ, подъ № 27, стоитъ въ таблицѣ: «*оскорбленіе товарищей за вѣру*»; въ скобкахъ поставлено: «*фанатизмъ*». Въ графѣ наказаній стоитъ противъ этого отмѣтка «*наказывается, какъ оскорбленіе постороннихъ лицъ,—см. № 14*». Смотримъ № 14; тамъ стоитъ: «оскорбленіе постороннихъ лицъ», и пр., — наказывается: въ первой степени — *выговоромъ*, во второй — *выговоромъ съ угрозою розгъ*, въ третьей— *розгами!..* Итакъ, дѣйствительно, «Правила» предписываютъ *стѣчь за религіозный фанатизмъ!!*

Оставимъ пока въ сторонѣ [все инквизиціонное безобразіе] [1]) послѣдняго случая и спросимъ объ одномъ: какія изъ указанныхъ *преступленій* могутъ быть подведены подъ тѣ основанія, которыми утверждаетъ г. Пироговъ необходимость розги? Отчего именно за воровствомъ, къ которому причисляется и кража собакъ, за оскорбленіемъ разнаго начальства и за фанатизмомъ должно слѣдовать безотлагательное, мгновенное сотрясеніе посредствомъ розги? И припомните еще, что розга назначается только въ трехъ низшихъ классахъ, да и тамъ уже дѣлается изъятіе для 16-ти-лѣтнихъ, если таковые случатся. Значитъ, въ большинствѣ случаевъ будутъ пороть мальчиковъ, которыхъ проступки еще не заключаютъ въ себѣ ничего серьезнаго. Мальчикъ разъ стащилъ у товарища карандашъ,—ему выговоръ отъ совѣта; въ другой разъ онъ завелъ къ себѣ чужую собаку—его выпорютъ. Поссорился мальчикъ съ гувернеромъ, который самъ его на это вызвалъ, — подъ арестъ мальчика; опять поссорился уже безъ вызова съ той стороны,—его сѣкутъ. А за розгами—не надо забывать — слѣдуетъ непремѣнно удаленіе изъ гимназіи послѣ вновь сдѣланнаго про-

[1]) См. № 306.
[2]) Такъ замѣчено въ «Правилахъ»! *Прим. Д.*

[1]) всю неблаговидность

ступка! И это, при просвѣщенныхъ «Правилахъ», можетъ произойти вслѣдствіе брюзгливости или неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чиновника гимназіи. «Правила» явно узаконяютъ эту брюзгливость и всѣ капризы начальства, когда въ графѣ обстоятельствъ, *опредѣляющихъ три степени вины и наказанія*, ставятъ противъ оскорбленія начальства, *вызовъ со стороны начальника!!* Это, конечно, признается за circonstance atténuante и *уменьшаетъ наказаніе*. Какое великодушіе! Мальчика не сѣкутъ за то, къ чему его сами же принудили! [А намъ кажется, что ужъ если непремѣнно хочется сѣчь кого-нибудь, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ гораздо было бы основательнѣе—высѣчь этого начальника, который такъ ловко умѣетъ вести себя съ воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясеніе, чтобы заставить его образумиться. Да при томъ, видя такое безпристрастіе со стороны «Правилъ», гимназисты дѣйствительно подвинулись бы къ уваженію закона. А то вѣдь] [1]) стоитъ только повторить слова того же г. Пирогова въ тѣхъ же самыхъ «Правилахъ», чтобы видѣть, какъ эта казнь за обиду, вызванную начальникомъ, разрушаетъ все зданіе законности, которое г. Пироговъ желалъ построить на своемъ кодексѣ проступковъ и наказаній. «Произволъ и капризъ воспитателя,—говоритъ г. Пироговъ, — вызываетъ, по закону противорѣчія, такой же произволъ и капризъ и въ воспитанникѣ». Стало быть, сколько вы воспитанниковъ ни сажайте подъ арестъ, сколько ни сѣките, сколько ни исключайте,—но пока у васъ остаются воспитатели капризные и вызывающіе на грубость, — до тѣхъ поръ въ остальныхъ воспитанникахъ (хотя бы ихъ, послѣ вашего разгрома, осталась только десятая доля) неминуемо будетъ проявляться и дерзость, [и оскорбленіе начальства], и произволъ.

И — странное дѣло!—«Правила» *начертаны* для того, чтобы развить въ воспитанникахъ чувство законности и справедливости опредѣленіемъ *точныхъ, положительныхъ и одинакихъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ*; а между тѣмъ произволу начальства вездѣ оставленъ самый широкій просторъ, и именно за проявленіе личности воспитанника, за его нежеланіе подчиняться произволу, каждое гимназическое начальство можетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, выдрать его, а потомъ выгнать безъ дальнихъ словъ. Обязанности начальниковъ всякаго рода и учителей въ отношеніи къ гимназистамъ не опредѣлены; напротивъ, самъ кодексъ говоритъ, что начальникъ можетъ быть безразсуденъ и грубъ — можетъ *самъ вызывать* на обиду. Представьте же теперь положеніе мальчика, воспитывающагося въ одной изъ гимназій [Кіевскаго округа]. У него въ классѣ на стѣнѣ виситъ *таблица проступковъ и наказаній*; возлѣ этой таблицы стоитъ или сидитъ взбалмошный учитель (или такихъ ужъ не бываетъ никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможнымъ оскорбленіямъ. Но учитель въ это время все-таки *исправляетъ свою служебную обязанность:* за грубость ему — строгій арестъ, розги, исключеніе... Мальчикъ это знаетъ, что̀ ему дѣлать? Скрѣпиться и вынести все безропотно. А какія мысли, какія чувства прорѣжутъ въ это время его молодую голову и сердце? Вѣроятно, въ немъ будетъ развиваться въ эти минуты благоговѣніе къ кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости?!...

Опредѣляя значеніе своего кодекса, г. Пироговъ боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба ихъ зависитъ отъ мертвой буквы, и для того говоритъ: «напротивъ, опытъ долженъ скоро убѣдить ихъ, что самое главное дѣло — *точное изслѣдованіе и правосудное* приложеніе правилъ, содержащихся въ кодексѣ, къ каждому данному случаю—*все-таки предоставлено воспитателямъ*». Замѣтимъ, что воспитателямъ предоставлено кодексомъ *не только правосудное, но и совершенно неправосудное* приложеніе правилъ: они ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, личность ихъ строжайшимъ образомъ ограждена отъ всякаго протеста [гимназистовъ]. Но положимъ, что воспитатели всѣ идеально хороши; мы все-таки не понимаемъ, какимъ образомъ при этомъ условіи кодексъ г. Пирогова можетъ достигать своей цѣли—развитія чувства законности. Вѣдь самъ же г. Пироговъ сознается, что истинно-справедливое наказаніе есть только то, «которое естественно, само собою, проистекаетъ изъ сущности проступка»... А изъ какого же проступка естественно проистекаетъ розга? И какимъ образомъ случилось, что большинство наказаній тѣлесныхъ опредѣляется за оскорбленіе начальства? Не въ правѣ ли воспитанники уже въ самомъ этомъ опредѣленіи видѣть—не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произволъ? Кажется, у начальства и безъ розогъ довольно много средствъ оградить свою личность отъ оскорбленій

[1]) И это постановляется въ правилахъ, имѣющихъ цѣлію развитіе въ учащихся чувства законности.

воспитанниковъ. Да и, наконецъ, кто же мѣшаетъ начальству всякой гимназіи поставить воспитанника въ такое положеніе: «ты къ намъ поступилъ, такъ насъ уважай и слушайся; если же не хочешь исполнять этого условія, то убирайся вонъ». Мы знаемъ, что многіе хорошіе учителя употребляютъ эту мѣру въ классахъ. Если ученикъ шалитъ и шумитъ, они говорятъ ему: «если не хотите слушать, то не угодно ли вамъ выйти изъ класса!» И послѣ этого ученикъ обыкновенно присмиряетъ... Скажутъ, что выгнать изъ гимназіи—вовсе не то, что выслать изъ класса; увольненіе во многихъ случаяхъ можетъ доканать мальчика, если онъ не имѣетъ возможности поступить въ другое заведеніе. Но вѣдь, во-первыхъ, мы предполагаемъ начальство идеально хорошее, неуваженіе къ которому вполнѣ заслуживаетъ подобнаго распоряженія; во-вторыхъ, и по кодексу г. Пирогова, за розгами слѣдуетъ непремѣнно удаленіе ученика изъ гимназіи, — да еще не просто увольненіе, а *исключеніе*, которое всегда соединено съ отмѣткою неодобрительнаго поведенія и съ повѣщеніемъ по всѣмъ гимназіямъ округа. Это значитъ,— если примѣнить къ учителю, — по нашему учитель просто высылаетъ ученика изъ класса, а по кодексу — прибьетъ сначала, потомъ выгонитъ, да еще въ педагогическомъ совѣтѣ пожалуется. Разумѣется, такимъ образомъ дѣйствій учитель доказываетъ только свой мстительный характеръ и отсутствіе всякаго уваженія къ самому себѣ.

А какова соразмѣрность наказаній въ «Правилахъ»!.. Воровство, какъ мы видѣли, наказывается въ первой степени — *выговоромъ отъ совѣта съ угрозою розогъ*, во второй—*розгами*, въ третьей — *исключеніемъ*. *Лихоимство* же — *черной доской*, *черной книгою* и, наконецъ, *увольненіемъ по прошенію!*.. А между тѣмъ, что же такое лихоимство, какъ не самый гнусный видъ воровства? И не должно ли его наказывать строже ужъ и потому, что въ жизни всякаго гимназиста, когда онъ будетъ служить, представится гораздо болѣе поводовъ къ лихоимству, нежели къ простому воровству, слѣдовательно, при самомъ воспитаніи, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, нужно какъ можно тщательнѣе слѣдить за проявленіемъ этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими же соображеніями руководился г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ, когда воровство такъ грозно каралъ сравнительно съ лихоимствомъ? Точно также, оскорбленіе начальства требуетъ *розогъ и исключенія*, а «уничтоженіе письменныхъ распоряженій начальства» — только *карцера* и *увольненія*, которые могутъ быть назначены, напримѣръ, и за *куреніе табаку*, наказываемое по «Правиламъ», «какъ нарушеніе благочинія и формы въ школѣ». Вотъ какого свойства *законность*, вводимая «Правилами»!

Такихъ несообразностей много въ «Правилахъ», но мы уже не станемъ разбирать ихъ въ подробности, потому что всѣ «Правила» — въ своей общности — составляютъ одну изумительнѣйшую несообразность съ [здравымъ смысломъ] [1]). Предоставляемъ разборъ ихъ записнымъ педагогамъ. Мы же остановимся только на томъ, что̀ прямо относится къ розгамъ, которыми мы занялись спеціально въ этой замѣткѣ... Въ отношеніи къ этому предмету есть еще весьма любопытныя вещи въ «Правилахъ».

Какъ вамъ понравится, напримѣръ, то, что г. Пироговъ заставляетъ самихъ же гимназистовъ низшихъ классовъ сѣчь своихъ товарищей,—то-есть, не руками сѣчь, а опредѣлять имъ наказаніе розгами. Странно, какъ это учрежденіе пресловутаго Ehrengericht могло совмѣститься съ розочными понятіями; но это совмѣщеніе— несомнѣнный фактъ. Подъ № 15 за оскорбленіе товарищей опредѣлено, кромѣ прошенія извиненія у обиженнаго съ удовлетвореніемъ его — въ первой степени для всѣхъ классовъ *выговоръ отъ совѣта*, во второй — выговоръ отъ совѣта съ угрозою розогъ, для низшихъ классовъ, и съ угрозою исключенія, для высшихъ, въ третьей— розги для низшихъ, а для высшихъ исключеніе. Внизу этого нумера приписано: «*опредѣленіе степени вины и наказанія предоставляется товарищамъ*». Такимъ образомъ, бѣдные мальчики принуждены выбирать одну изъ трехъ казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то, опредѣляя *третью* степень, должны сами обречь товарища на порку!..

Какой миръ и согласіе должны послѣ этого господствовать въ классѣ!.. [И вотъ какъ прививаются нашимъ дѣтямъ гуманныя чувства!..]

Не забудемъ еще, что къ числу этихъ оскорбленій товарищей отнесенъ потомъ и *фанатизмъ*. Вспомнимъ и то, что такое постановленіе сдѣлано въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ католиковъ въ гимназіяхъ едва ли не больше, чѣмъ православныхъ. По крайней мѣрѣ, въ Кіевскомъ университетѣ въ прошломъ году было православныхъ только 376, а католиковъ 525, а извѣстно, что большая часть поступающихъ въ университетъ выходитъ изъ гимназій (въ нынѣшнемъ году

[1]) здравыми педагогическими началами.

въ Кіевскомъ университетѣ — 864). Слѣдовательно, религіозные споры и столкновенія могутъ быть весьма часты; ихъ нужно бы устранять, примирять. А тутъ г. Пироговъ велитъ ученикамъ разсудить самимъ, высѣчь ли товарища ихъ за религіозный фанатизмъ, или только выговоръ ему дать. Само собою разумѣется, что при этомъ классъ раздѣлится на два враждебные лагеря; католики будутъ говорить свое, русскіе — свое, и которыхъ больше, тѣ и побѣдятъ. Два-три случая такихъ—и раздраженіе товарищей другъ противъ друга дойдетъ до неимовѣрной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Намъ самимъ стало какъ-то [скверно] [1]), когда мы погрузились въ [этотъ грязный и темный омутъ, названный] «Правилами о проступкахъ и наказаніяхъ». Боимся, чтобы того же самаго не сдѣлалось съ читателемъ... Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что кодексъ г. Пирогова вполнѣ противорѣчитъ той цѣли, какая объявлена самимъ его составителемъ. Втиснувъ всѣ дѣтскіе проступки въ 27 нумеровъ и въ три степени, оговоривъ для каждаго по 2—4 смягчающихъ и усиливающихъ обстоятельства, г. Пироговъ надѣется устранить этимъ произволъ и разнообразіе взглядовъ на поступки въ разныхъ гимназическихъ начальствахъ. Какая наивность, достойная скорѣе какого-нибудь московскаго публициста, нежели автора «Вопросовъ жизни»! Какъ будто разница наказаній въ школахъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ разницы взгляда начальства на тотъ *родъ* проступковъ, къ которому данный случай относится!.. Вовсе нѣтъ. Всѣ начальники могутъ быть согласны въ теоретическомъ воззрѣніи на преступность, напримѣръ, дерзости. Но одинъ можетъ видѣть дерзость въ нарушеніи ученикомъ основныхъ правилъ школы, другой—въ противорѣчивомъ отвѣтѣ, третій—въ томъ, что мальчикъ смотритъ ему прямо въ глаза... То же самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ. И повѣрьте, что и при вашемъ кодексѣ вовсе не устраняется возможность того, что въ гимназіяхъ будутъ сѣчь отъ 40 до 300 человѣкъ изъ 600!.. Повѣрьте, что не одни наказанія зависятъ отъ наказывающихъ, а не отъ наказываемыхъ, но и значительная доля самыхъ проступковъ. Не оттого только въ одной гимназіи больше дерутъ, а въ другой меньше, что въ одной смотрятъ на проступки иначе, чѣмъ въ другой... Нѣтъ, въ нихъ и ведутъ воспитанниковъ различно: къ чему въ одной гимназіи не подаютъ ни малѣйшаго повода, о чемъ въ ней и понятія не имѣютъ, съ тѣмъ ученики другой гимназіи сталкиваются каждый день, и часто поневолѣ должны измѣнять свое поведеніе. Съ человѣкомъ спокойнымъ, разсудительнымъ и благожелательнымъ трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбленіе. Но человѣкъ грубый, взбалмошный, безтолковый — хоть кого выведетъ изъ терпѣнія и вызоветъ на дерзость и даже на оскорбленіе болѣе существенное... Это одинъ видъ школьныхъ проступковъ; но въ жизни училища много и другихъ видовъ, которые точно такъ же обусловливаются общей организаціей школы и той обстановкой, въ какой находятся воспитанники... Вотъ на это-то и слѣдовало бы обратить вниманіе г. Пирогову. Какъ попечитель округа, онъ имѣлъ къ этому полную возможность.

Но оставимъ г. Пирогова съ его «Правилами» и скажемъ теперь нѣсколько словъ о себѣ и о той общественной морали, какая выводится изъ кіевскихъ розогъ. Для этого обратимся къ началу нашей статьи и повторимъ: «время сказочныхъ богатырей давно прошло! Не нужно намъ ни сказокъ, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сихъ поръ возлагаетъ свои надежды на какихъ-то современныхъ Добрынь и Еруслановъ!»

Да, стыдно человѣку современнаго общества быть столько малодушнымъ и наивнымъ, стыдно—это мы сами первые сознаемъ и заявляемъ публично. Не то горько намъ, что мы, превознося въ прошломъ году г. Пирогова, показали себя легковѣрными и увлекающимися, не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось нѣсколько незаслуженныхъ преувеличеній. Нѣтъ, насъ смущаетъ совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силою его логики, его послѣдовательностью и твердостью—мы имѣли полное право, и въ этомъ отношеніи намъ не въ чемъ раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоуміе и совершенное непониманіе жизни русской, когда осмѣлились выразить что-то въ родѣ надеждъ на практическую дѣятельность восхваляемаго писателя. Мы сами, впали тогда въ примѣненіе къ нашему времени старинныхъ сказокъ о богатырѣ, побившемъ цѣлое войско... Сами не понимаемъ, какъ мы не сообразили тогда, что вѣдь это только въ сказкахъ и бываетъ... и намъ до сихъ поръ совѣстно за этотъ удивительный столбнякъ, нашедшій на насъ въ то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться въ своей ошибкѣ, которую самъ же первый и замѣтилъ, хотя и поздновато. Главное горе вотъ въ чемъ: наши прошлогодніе восторги сдѣлали насъ

[1]) тяжело и неловко,

участниками въ созиданіи того пьедестала мудрости, на которомъ возвышается теперь г. Пироговъ. Мы поставили его въ примѣръ практическимъ педагогамъ, мы указали одному изъ нихъ, сомнѣвавшемуся въ отвратительности розогъ, на непреклонныя, незыблемыя убѣжденія г. Пирогова, рѣшительно отвергшаго тѣлесное наказаніе, какъ педагогическую мѣру, и заклеймившаго розги рядомъ энергическихъ, неопровержимыхъ силлогизмовъ... Теперь этотъ сомнѣвающійся педагогъ съ торжествомъ скажетъ намъ: «вы опирались на авторитетъ Пирогова; смотрите же, къ чему пришелъ онъ, какъ только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу въ гимназіяхъ!»... И сотни, тысячи подобныхъ сомнѣвающихся педагоговъ покончатъ съ своимъ сомнѣніемъ и рѣшатъ дѣло въ пользу розогъ, узнавъ о томъ, что *самъ Пироговъ* призналъ ихъ нужными и полезными... А сотни и тысячи другихъ, давно увѣренныхъ въ благотворности всякихъ экзекуцій, поднимутъ голову и, подъ защитою имени Пирогова, яростно накинутся на тѣхъ *[мальчишекъ]*, которые кричатъ противъ розогъ, — до тѣхъ поръ, какъ говорятъ, пока еще чувствуютъ боль отъ розогъ, ими самими полученныхъ... И сами эти *[мальчишки]* [1]), при всей своей увѣренности, все-таки будутъ не мало сконфужены, когда увидятъ, что противъ нихъ выставленъ любимый авторитетъ ихъ, что ихъ поражаютъ ихъ же собственнымъ оружіемъ... Можетъ быть, многіе *[мальчишки]* и не найдутся, что̀ сказать, и можетъ быть— нѣкоторые потеряютъ бодрость и согласятся съ почтенными старцами розго-раздателями.

Вотъ что̀ надѣлали восхваленія и надежды, повсюду раздававшіяся въ честь г. Пирогова со времени появленія «Вопросовъ жизни». И мы, мы въ этомъ сдѣлались участниками!!. Какъ хотите, а это очень горько!..

Потребность очистить себя отъ этого тяжелаго грѣха составляетъ для насъ нравственную необходимость. Вотъ почему мы поспѣшили обратить вниманіе нашихъ читателей на новыя тенденціи г. Пирогова, проявившіяся уже въ практической сферѣ. Вотъ почему считаемъ необходимымъ, для предупрежденія дальнѣйшихъ недоразумѣній подобнаго рода, высказать здѣсь еще нѣсколько мыслей о томъ, какъ здравомыслящему человѣку слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть на такъ называемыхъ общественныхъ дѣятелей и насколько примыкать къ нимъ свою собственную дѣятельность.

Человѣкъ, сдѣлавшій или даже сказавшій что-нибудь хорошее, — есть, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ, сдѣлавшій или сказавшій что-нибудь хорошее. Бранить его за это нельзя; напротивъ, нужно сказать, что его поступокъ хорошъ, или что слова его хороши. Но сказать это нужно не на вѣтеръ, не легкомысленно, а съ полнымъ сознаніемъ той общей идеи, въ силу которой вы утверждаете, что такое-то слово или дѣло *хорошо*. Не передавайте своей задушевной мысли, своего внутренняго убѣжденія—ни за какія всенародныя благодѣянія, ни за какіе всемірные подвиги, совершонные человѣкомъ. Если человѣкъ, спасшій отъ смерти тысячи голодныхъ бѣдняковъ, станетъ васъ увѣрять, что слѣдуетъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ для собственнаго обогащенія, — не вѣрьте ему, не считайте этихъ понятій правильными потому только, что вы слышите ихъ отъ *такого* человѣка. Не будьте дѣтьми и дикарями, и внутренней, прекрасной истины не превращайте въ безобразный кумиръ. Разсудите: вы уважали этого человѣка за то, что видѣли въ немъ *любовь* къ бѣднякамъ, желаніе *дать* имъ средства къ жизни; только въ силу этого пріобрѣлъ онъ свой авторитетъ предъ вами, внушилъ вамъ уваженіе къ себѣ. Не забывайте же этого. Какъ скоро вы видите въ немъ черты противоположныя, какъ скоро оказывается, что онъ возстаетъ *противъ* трудящихся бѣдняковъ, что онъ хочетъ *отнять* у нихъ средства къ жизни, добываемыя ими,—вы уже не смотрите на него, какъ на авторитетъ и т. п., а судите его, какъ и всякаго обыкновеннаго человѣка. Можетъ еще оставаться тутъ вопросъ личный: что же значитъ это противорѣчіе— перемѣну ли, слабость ли характера, или даже прежнюю неискренность? И если окажется, что все прежнее было неискренно, то нужно карать человѣка этого, какъ [лицемѣра и негодяя] [1]), если же просто окажется онъ слабымъ или перемѣнчивымъ, то можно пожалѣть о немъ... Но все это будетъ дѣломъ чисто личнымъ, и никакъ не должно быть примѣшиваемо къ суду объ общественномъ дѣлѣ, котораго онъ является защитникомъ или противникомъ... Тамъ нужно судить только о дѣлѣ, несмотря на то, кѣмъ оно защищается и кѣмъ оспаривается. Всѣ личныя уваженія здѣсь въ сторону! Если можно, то слѣдуетъ воздержаться и отъ всякаго увлеченія блестящею формою, въ которую иной умѣетъ облечь темное дѣло. Но ужъ на это, разумѣется, у кого умѣнья хватитъ... Очень многіе могутъ придти въ восторгъ отъ плохой музыкальной пьесы, искусно сыгранной отличнымъ музыкантомъ, и за это нельзя строго ви-

[1]) противники розогъ

[1]) обманщика

нить такихъ любителей музыки. Но если придется судить о самой пьесѣ, то, конечно, лучше отдѣлить личность исполнителя отъ сущности пьесы, потому что какъ бы исполнитель ни былъ хорошъ, но пьеса сама по себѣ не сдѣлается отъ этого лучше, чѣмъ какою она сотворена своимъ авторомъ...

Что же касается до опредѣленія собственной дѣятельности сообразно съ дѣятельностью извѣстнаго общественнаго авторитета,—тутъ, кажется, нужно еще болѣе осторожности и строгости, нежели при простомъ обсужденіи дѣла. Разумѣется, нѣтъ людей совершенныхъ и непогрѣшимыхъ, и потому, если мы сами не чувствуемъ себя въ силахъ проложить новую дорогу и вести по ней другихъ, то намъ, чтобы не стоять безполезно на мѣстѣ, нужно идти за кѣмъ-нибудь, и для этого выбрать себѣ руководителя. Но, отправляясь за нимъ, мы все-таки должны заботиться всего болѣе о томъ, чтобы самимъ имѣть понятіе о цѣли пути и о самой дорогѣ. Кромѣ того, мы не должны думать, что въ этой дорогѣ руководитель нашъ будетъ насъ кормить, поить, одѣвать, и пр... Поэтому необходимо все-таки самимъ работать для себя, ни на мигъ не опускать руки и зорко смотрѣть впередъ и по сторонамъ. Говоря ближе къ разсматриваемому нами предмету,—нѣтъ надобности полагать свое опасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками. Очень простительно, и даже, можетъ быть, не безполезно было всему свѣжему и порядочному въ средѣ русскихъ педагоговъ примкнуть къ г. Пирогову и дѣйствовать подъ его знаменемъ. Но все-таки само дѣло должно быть впереди. Какъ скоро является предложеніе сѣчь дѣтей за фанатизмъ, да еще по суду товарищей, тутъ уже все равно, кто бы ни сдѣлалъ это предложеніе—г. Миллеръ-Крассовскій, [г. Орловъ-Давыдовъ] или г. Пироговъ. Смущаться тутъ не слѣдуетъ, и тотъ, кто изъ уважаемаго человѣка не дѣлаетъ себѣ идола, никогда не смутится этимъ...

Но (послѣднее замѣчаніе) намъ могутъ сказать, что иногда слѣдуетъ прощать почтеннымъ личностямъ отдѣльные ихъ недостатки и даже не мѣшать ихъ ошибкамъ, изъ уваженія къ тому добру, которое они дѣлали и дѣлаютъ... Иногда это возможно, правда, но чрезвычайно рѣдко, и то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и то, если ошибки и недостатки болѣе касаются личности, нежели общаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на такую поблажку, нужно строго и строго разсудить: до такой ли степени важна и могуча дѣятельность такого-то почтеннаго лица въ общемъ ходѣ дѣлъ, и до такой ли степени значительны мы сами въ ряду общественныхъ явленій, чтобы отъ нашего болѣе или менѣе лицемѣрнаго и потачливаго обращенія съ такимъ-то лицомъ могъ измѣниться ходъ событій... Тутъ можно бы распространиться вообще о значеніи личностей въ исторіи; но это было бы ужъ слишкомъ длинно и, можетъ быть, неумѣстно. Удовольствуемся повтореніемъ того, что времена сказочныхъ богатырей прошли, что общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью, и что отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться и самыя лучшія личности. Стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самимъ собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллера-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ.

---

370. Рѣчи и отчетъ,

читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 декабря 1859 г. Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 369.

Въ замѣткѣ къ № 273 мы видѣли, что Добролюбовъ уже сдѣлалъ Киттары, такъ сказать, первое предостереженіе, пожалѣвъ добивать его до конца. Теперь — жалость въ сторону. Почтенный профессоръ былъ явно неспособенъ отдѣлаться отъ власти надъ собой громкихъ словъ и несогласующихся съ ними поступковъ. Клеймя Пирогова (см. № 369), надо было не забыть и

Киттары. Статья написана не съ такой грустью, какъ предыдущая, но кто же не видитъ, что сквозь ея смѣхъ сочатся слезы человѣка, все яснѣе сознававшаго свое одиночество среди шумныхъ воспѣвателей «настоящаго времени, когда» можно почить на лаврахъ громкихъ словъ и обломовской бездѣятельности.

М. Л.

Какъ хорошъ нынѣшній отчетъ инспектора Московской Коммерческой Академіи, г. Киттары!.. Такъ хорошъ, что, кажется, сама Академія не сравнится съ нимъ въ своихъ достоинствахъ!

Въ прошломъ году мы разбирали рѣчь г. Киттары параллельно съ разсужденіями г. Пирогова и дѣлали сравненія, невыгодныя для почтеннѣйшаго инспектора Практической Академіи [1]). Это, какъ нужно полагать, огорчило его, и онъ, оканчивая нынѣшнюю рѣчь, говоритъ, обращаясь какъ будто бы къ публикѣ, но явно кивая на нашу рецензію [2]).

«Я буду искренно благодаренъ за всякое указаніе, за всякую замѣтку, за всякій добрый совѣтъ, какъ лучшіе знаки вашего ко мнѣ вниманія и довѣрія, но *попрошу объ одномъ: не сравните меня съ кѣмъ-нибудь изъ знаменитыхъ педагоговъ-публицистовъ, врачей общества;* сравненіе будетъ парадоксально! Нравственные принципы, ими высказываемые, могутъ быть совершенно справедливы, разумны, законны, но, несмотря на то, въ *практикѣ не всегда и не вездѣ удобоприложимы.* Это, надѣюсь, понимаетъ каждый» (стр. 68).

Ну, какъ не понимать! Самъ же г. Пироговъ далъ намъ понять это болѣе, нежели кто-нибудь другой... И ужъ мы теперь не станемъ превозносить его предъ г. Киттары; напротивъ, теперь мы на г. Киттары готовы смотрѣть, какъ на образецъ для г. Пирогова. И сейчасъ представимъ резоны—почему.

Г. Киттары скроменъ и податливъ; въ хорошихъ рукахъ и при хорошей обстановкѣ онъ былъ бы отличнѣйшимъ дѣятелемъ, въ чемъ хотите. Гдѣ нужна долгая борьба, жертвы, самостоятельная и независимая энергія,—тамъ, конечно, на дѣятельность его нельзя возлагать особенныхъ надеждъ, но вѣдь на кого же въ этомъ отношеніи можно надѣяться?.. Г. Киттары хорошъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что никого ужъ и не обманываетъ на счетъ характера своихъ дѣйствій. Весь тонъ его нынѣшняго, напр., «Отчета» говоритъ вамъ: «да, я сознаю, что то и то дурно; но я не въ силахъ этого передѣлать,—по крайней мѣрѣ теперь, и потому считаю нужнымъ покориться и даже хвалить то, что считаю лишь временнымъ и вовсе безполезнымъ въ сущности». А другіе какимъ высокимъ тономъ говорятъ о себѣ! Подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ они шагу не уступятъ, и ужъ—или передѣлаютъ все на свой ладъ, или костьми лягутъ... А посмотришь потомъ—точно такъ же не сладятъ съ обстоятельствами и надѣлаютъ уступокъ, иногда вовсе не ничтожныхъ и не забавныхъ... Да хоть бы тутъ смирялись,—такъ нѣтъ! Все продолжаютъ свысока, докторальнымъ тономъ и, принимаясь сѣчь мальчика, точно такъ же считаютъ долгомъ выхвалить свое отвращеніе отъ розги, какъ и въ прежнее время, когда не дошли до практическихъ примѣненій. Вотъ, напр., какъ хорошо г. Пироговъ разсуждаетъ о гнусности и негодности розогъ и какъ величественно, съ совершеннымъ сознаніемъ своей философской непогрѣшимости, признаетъ онъ ихъ необходимость въ гимназіяхъ, вслѣдствіе *трудности* придумать, вмѣсто нихъ, что-нибудь другое! Такъ и съ другими бываетъ. Послушаешь,—такъ ихъ наклонности слаще кіевскаго варенья, а заглянешь въ самое дѣло, такъ того и гляди—порютъ кого-нибудь!

Г. Киттары не таковъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, слѣдуя общей рутинѣ, онъ написалъ красивую рѣчь, съ риторическими возгласами о томъ, какъ въ Академіи воспитанники на клиросѣ поютъ, постные дни соблюдаютъ,—вотъ, говоритъ, какова у насъ *нравственность!*—о томъ, какъ онъ готовитъ отечеству *слугъ*, достойныхъ преемниковъ капитала и имени предковъ,—вотъ, говоритъ, какая высокая цѣль у насъ!—о томъ, какъ онъ сѣчетъ дѣтей только въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда на розги,—вотъ, дескать, какъ мы гуманны!—о томъ, какъ много хорошаго начинается, и какъ прекрасно все продолжается въ Академіи, *благодаря сочувствію и одобренію* такихъ-то особъ,—вотъ, дескать, какъ мы смиренны! и пр., и пр. Ему замѣтили, что можно бы обойтись и безъ этакихъ возгласовъ,—онъ нынѣ и обошелся, да еще и то все оговаривается: «вы, говоритъ, не

---

[1]) См. № 273.

[2]) Впрочемъ, оговоримся: съ мѣсяцъ спустя послѣ нашего разбора такая же точно параллель между г. Киттары и Пироговымъ появилась еще въ «Спб. Вѣдомостяхъ»,—такъ что слова г. Киттары могутъ быть и къ нимъ отнесены.

Прим. Д.

подумайте, что я фразу говорю,—о томъ, что, напримѣръ, у насъ нравственность въ Академіи процвѣтаетъ. Я бы охотно сказалъ, если бы дурно было; но ей-богу же не могу: что же мнѣ дѣлать, если всѣ такъ хорошо ведутъ себя!.. Не могу же я врать!» Серьезно такъ: вотъ его слова въ одномъ мѣстѣ «Отчета» (стр. 37)—

«Примѣры *серьезныхъ* недостатковъ въ Академіи немногочисленны. Изъ 254 человѣкъ учащихся не болѣе пяти, возраста отъ 9 до 14 лѣтъ, вызываютъ особенную заботу объ ихъ исправленіи, а это менѣе 2 процентовъ. Процентъ очень небольшой, *можетъ быть дѣйствительно блестящій; но я не могу говорить неправду* и всякому желающему повѣрить слова мои могу представить нашу штрафную книгу, *черную* книгу, какъ называютъ ее воспитанники».

Такая восхитительная совѣстливость выражается на многихъ страницахъ нынѣшняго «Отчета» г. Киттары. Но, не довольствуясь частными оговорками въ родѣ приведенной нами, онъ, при концѣ своей рѣчи, сдѣлалъ слѣдующее объясненіе, которое хотя и не совсѣмъ складно, но тѣмъ не менѣе, плѣнительно въ своей натуральной неуклюжести (стр. 68):

«Закончу же мою рѣчь совершенно стороннею мыслью: чему больше вѣры — слову ли похвалы, или слову осужденія? Думаю, что вы не затруднитесь въ отвѣтѣ, отдадите скорѣе вашу вѣру послѣднему; таково уже общее наше современное направленіе, конечно, вытекшее изъ опыта жизни. Я не держусь буквально этого направленія и прошу васъ, мм. гг., не прилагать его ко всему мною сказанному какъ въ нынѣшней рѣчи, такъ и въ прошлой. *Огорчивъ* (?) мою дѣятельность, какъ инспектора Академіи, стѣнами этого заведенія и соприкасаясь чрезъ него съ извѣстнымъ слоемъ общества, я предпочитаю говорить болѣе о хорошемъ, благотворномъ для самой Академіи, предпочитаю умалчивать о недостаткахъ, которые вообще сродны человѣчеству. Не считаю этого ни уступкой обществу, ни лестью: умалчиваю же просто потому, что слово осужденія не принесло бы пользы, а ввѣренному мнѣ дѣлу могло бы принести еще вредъ».

Мы не говоримъ, чтобъ очень легко было выразумѣть теченіе и связь мыслей г. Киттары въ этой тирадѣ. Но все-таки нельзя не согласиться, — въ ней есть что-то плѣнительное, невольно располагающее васъ въ пользу изобрѣтателя этихъ мыслей и заставляющее предполагать въ немъ прекраснѣйшаго, мягкосердечнѣйшаго человѣка.

Какъ, напримѣръ, онъ современнымъ прогрессомъ восхищается! «1859-й годъ,— говоритъ, — *не похожъ* на своихъ предшественниковъ; жизнь русская сдѣлала въ немъ шагъ *крупнѣе прежнихъ;* посмотрите кругомъ, *какая энергія, какая свобода мысли и слова — вездѣ и во всемъ*; *мы много выросли*» (стр. 30). И тотчасъ же, съ тѣмъ же невозмутимымъ простодушіемъ онъ говоритъ, что при столкновеніяхъ съ многими родителями и посторонними лицами, «Недоросль» фонъ-Визина живо рисовался въ его памяти; каждый разъ глубоко чувствовалось, что сатира этого писателя недостаточно еще была остра и жгуча, что нельзя не пожелать новаго фонъ-Визина и для нашего времени» (стр. 31). Вотъ тебѣ и энергія и свобода мысли — *вездѣ и во всемъ!*.. Ну, не прелестное ли это добродушіе?..

Тѣмъ же самымъ характеромъ отличается, напр., замѣчаніе почтеннѣйшаго профессора о галунахъ. Съ прошлаго года онъ ввелъ, видите, въ Академіи, какъ наказаніе,—лишеніе галуновъ. Съ нѣкоторой робостью говоритъ онъ объ этомъ своемъ изобрѣтеніи; но въ то же время никакъ не можетъ скрыть внутренняго довольства этой мѣрой, «приносящей самые *положительные результаты*» (стр. 38). А впрочемъ, онъ «принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые понимаютъ, какъ излишня мундирность не только въ Академіи, но и во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ». Такъ зачѣмъ же онъ самъ способствуетъ тому, чтобы усиливалось въ Академіи значеніе мундирности?.. Да это ужъ такъ: вѣдь все равно — есть ужъ она, эта мундирность, такъ отчего же не обратить вниманія и на ея развитіе? При томъ же, въ свое оправданіе г. Киттары приводитъ еще слѣдующее обстоятельство: «нужно, говоритъ, прибавить, что мѣра эта употребляется у насъ въ *самыхъ крайнихъ случаяхъ* и считается взысканіемъ *самымъ сильнымъ*...» Конечно, это не только измѣняетъ видъ дѣла, но, кромѣ того, служитъ еще разительнымъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты развитія дошелъ *духъ* воспитанниковъ Академіи, ввѣренной попеченіямъ почтеннѣйшаго г. Киттары.

Но особенно хорошо рисуетъ г. Киттары любезное признаніе его о томъ, какъ онъ въ прошломъ году измѣнилъ мотивъ сѣченія дѣтей, и сѣкъ ихъ — уже не по причинѣ *сомнѣнія*, а вслѣдствіе *отчаянія*. По его словамъ, это были «минуты тяжелыя, *можетъ быть, непонятныя сторонне му наблюдателю*». Легко можетъ быть; но зато тѣмъ, кого сѣкъ г. Киттары въ эти минуты, онѣ были, вѣроятно, очень понятны... по крайней мѣрѣ — чувствительны...

Теперь, однако же, г. Киттары подаетъ надежду, что больше сѣчь уже не будетъ. Мы, разумѣется, не предаемся преждевременной радости: мало ли что говорятъ и обѣщаютъ современные публицисты и педагоги!.. Очень можетъ случиться, что

г. Киттары найдетъ новыя, — столько же, какъ и прежде, уважительныя, — причины сѣчь воспитанниковъ. Въ третьемъ годѣ они платились за то, что воспитатель ихъ сомнѣвался, въ прошломъ—за то, что онъ отчаявался, въ нынѣшнемъ—ихъ спина можетъ пострадать отъ того, что на воспитателя найдутъ, напримѣръ, минуты меланхоліи... Все это покамѣстъ вѣдь Богу одному извѣстно... Мы узнаемъ это не раньше, какъ черезъ годъ, изъ слѣдующаго отчета, а теперь можемъ заявить предъ читателями только признанія и обѣщанія г. Киттары. Для большей важности приводимъ и подлинныя его слова (стр. 39):

«Заговоривъ о мѣрахъ исправленія, съ грустью долженъ сознаться, что, несмотря на все отвращеніе мое къ розгамъ, *увы!* у меня недостало ни умѣнья, ни терпѣнья избѣжать ихъ; и если въ прошломъ году на меня не находили, какъ я выразился въ первой рѣчи моей, *минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда*, то приходили зато *минуты отчаянія, минуты тяжелыя, которыя, можетъ быть, непонятны стороннему наблюдателю. Слава Богу, что ихъ было немного*—всего 4 (четыре минуты?), и относились онѣ только къ тремъ личностямъ, на закоренѣломъ упрямствѣ которыхъ оказывались недѣйствительными всѣ другія мѣры. Но принесли ли пользу розги, можетъ быть, спросятъ меня, исправили ли онѣ, снимали ли сразу порокъ? По совѣсти долженъ сказать—нѣтъ.

«Порокъ возобновлялся сначала робко, а потомъ сильнѣе, и если *я не теряю надежды въ борьбѣ съ нимъ, то, конечно, не въ разсчетѣ на новое повтореніе розогъ*, нѣтъ: я пользуюсь интерваломъ затишья той или другой наклонности и въ *сознаніи моей минутной слабости ищу новыхъ силъ, новыхъ мѣръ*. Время, т.-е. увеличивающійся возрастъ воспитанника, въ этомъ случаѣ главная помога усилію. Замѣчу еще, что наказанныя розгами личности были однѣ изъ тѣхъ, о которыхъ говорилось и въ прошломъ отчетѣ, а что надежды мои сбыточны—лучшимъ доказательствомъ служитъ, что въ нынѣшнемъ году нѣкоторыя уже встали на путь радикальнаго исправленія и не доводили меня до отчаянія».

Читая такія объясненія, несмотря на ихъ нестройное, неуклюжее краснорѣчіе, вы чувствуете, что тутъ есть что-то милое... Передъ вами человѣкъ, который хлопочетъ, суетится, дѣлаетъ тамъ уступку, здѣсь промахъ, говоритъ, что взглядъ его не выработался, понятія смутны, — и они дѣйствительно смутны, — но все это такъ просто и добросовѣстно, а въ результатѣ выходитъ доброе дѣло и всеобщее удовольствіе!.. Почтеннѣйшій воспитатель доволенъ, совѣтъ Академіи къ нему благосклоненъ, родители благодарны, сослуживцы сочувствуютъ, воспитанники ужасно его любятъ,—по крайней мѣрѣ, такъ самъ онъ думаетъ... Да и отчего же не думать? Его наивная хлопотливость съ безпрестанными прибавками, «что, можетъ быть, онъ не понимаетъ того дѣла, за которое взялся», можетъ, конечно, казаться забавною, но она не лишена своей прелести и привлекательности: такъ и тянетъ познакомиться съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, собственно за его милый «Отчетъ»...

Въ «Отчетѣ» своемъ г. Киттары много разъ обращается съ просьбою, чтобы мыслители и педагоги русскіе сдѣлали свои замѣчанія на его дѣйствія. Будемъ ждать отъ нихъ полезныхъ замѣчаній, — ихъ обсужденію представляются важные вопросы: сѣченіе дѣтей въ минуты отчаянія, лишеніе галуновъ за тяжкія преступленія, пожалованіе нашивками за успѣхи въ наукахъ, система надзора старшихъ воспитанниковъ за младшими, вводимая г-номъ Киттары, «но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не столь развившаяся, какъ бы ему желалось» (стр. 40), и пр. Кромѣ того, имъ предстоитъ разсмотрѣть подробныя *программы* Академіи и опредѣлить ихъ значеніе и достоинство. Въ прошломъ году, разбирая «Отчетъ» г. Киттары, мы замѣтили, что онъ возвышаетъ курсъ Практической Академіи предъ гимназическимъ. Нынѣ онъ отрекается отъ подобной мысли и говоритъ, что хотѣлъ только указать разницу гимназій съ Академіей. Чтобы эта разница яснѣй была, къ нынѣшнему «Отчету» онъ приложилъ цѣлую книгу программъ Практической Академіи, съ слѣдующимъ предостереженіемъ (стр. 53):

«Въ прошломъ «Отчетѣ» моемъ я позволилъ себѣ сравнить эти классы съ гимназіями и указалъ на ту разницу, какую находилъ въ этомъ сравненіи. Сознаюсь, что слова мои могли быть неясны, потому что не были полны; съ этой цѣлью къ настоящему «Отчету» приложены программы наукъ, принятыя въ заведеніи; онѣ укажутъ каждому, насколько, ради спеціальной цѣли, мы грѣшимъ противу общаго образованія. Искренно порадуюсь, если будутъ высказаны эти указанія, и отъ имени педагогической конференціи Академіи смѣло заявляю, зная составъ ея, что ни одно изъ нихъ не останется безъ обсужденія и принятія, если это окажется возможнымъ и полезнымъ».

На программы, разумѣется, ничего нельзя сказать, не зная, какъ онѣ исполняются: особенныхъ нелѣпостей въ нихъ не такъ много, чтобы сейчасъ же ихъ и вытянуть при бѣгломъ взглядѣ. Разумѣется, не очень отрадно, что до сихъ поръ въ Академіи употребляется Хрестоматія Пенинскаго, не очень весело въ программѣ исторіи русской литературы читать такіе, напр., параграфы: «Лермонтовъ: *подражаніе Жуковскому и Пушкину, достоинства подражаній; переводы изъ Байрона, Гете и Гейне*, вліяніе *Барбы* (въ «Опечаткахъ» поправлено *Барбье:* Отчеты Практической Академіи отличаются тѣмъ, что въ нихъ почти на каждой строкѣ опечатка, и къ

орѳографіи полнѣйшее презрѣніе!..). Отличительный характеръ поэзіи Лермонтова» (стр. 95). Можно, конечно, накинуться на это и сказать, что учитель не понимаетъ, вѣроятно, своего дѣла; а между тѣмъ это очень можетъ оказаться несправедливымъ. Можетъ быть, онъ отлично знаетъ свой предметъ и умѣетъ излагать его, а такъ только въ программѣ нелѣпо выразился... То же самое нужно сказать и о другихъ программахъ. Напримѣръ, для исторіи представлена собственно коротенькая программа для IV класса; а въ послѣдующихъ все то же самое, только подробнѣе. Какъ же тутъ разберешь удобство и достоинство преподаванія. Можно разсуждать только о достоинствѣ самой системы, принятой въ Академіи—чтобы сначала читать ученикамъ общій обзоръ, а потомъ ужъ вводить подробности. Но и это опять дѣло условное. Извѣстно, что дѣти, чѣмъ моложе, тѣмъ болѣе наклонны къ подробнымъ разсказамъ и отвращаются отъ общихъ обзоровъ. Слѣдовательно, если преподаватель дѣйствительно только *обзоръ* даетъ, такъ это очень дурно. Но если онъ разсказываетъ имъ во всей подробности важнѣйшія событія и вовсе пропускаетъ мелкія и неважныя, — въ этомъ смыслѣ преподаваніе не будетъ безполезно!.. Какъ именно это дѣлается въ Академіи, намъ неизвѣстно, и потому рѣшительное сужденіе произнести трудно. А впрочемъ, нѣмцы очень много написали объ *эпизодическомъ* преподаваніи въ первое время ученья, и поэтому легко можетъ быть, что кто-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ педагоговъ или ученыхъ напишетъ блестящую статью по этой части...

Что касается до насъ, то мы въ подробныя сужденія входить не будемъ, а сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ. Насъ удивляетъ то, что въ Практической Академіи географія начинается только съ 3-го класса, а естественная исторія — съ 4-го, первые же два класса заняты большею частію только языками. Въ «Отчетѣ» и помину нѣтъ о наглядномъ обученіи; есть только въ программѣ русскаго языка указаніе на *вещественный* разборъ, то-есть на объясненіе самаго значенія вещей, при грамматическомъ разборѣ словъ. Но вѣдь этого очень недостаточно: общее понятіе о тѣлахъ природы, о разныхъ естественныхъ явленіяхъ на земномъ шарѣ, о разныхъ предметахъ житейскихъ нуждъ, и т. п.—весьма много помогло бы развитію и воображенію учениковъ и точности ихъ понятій, и даже расширенію ихъ круга зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе нѣсколькихъ классовъ для подобныхъ занятій было бы гораздо полезнѣе, нежели совокупное и одновременное изученіе двухъ и трехъ языковъ. По «Отчету» видно, что въ Академію поступаютъ мальчики лѣтъ 8; и вдругъ ихъ начинаютъ занимать — въ первомъ классѣ 7 уроковъ французскихъ и 10 нѣмецкихъ; во второмъ—6 французскихъ, 7 нѣмецкихъ и 3 англійскихъ. И при этомъ г. Киттары еще жалуется, что изученіе языковъ, несмотря на всѣ его старанія, идетъ плохо! (стр. 57). Еще бы оно шло хорошо при такихъ стараніяхъ! Извѣстное дѣло, что языки новые изучаются только тогда, когда объ этомъ начальственныхъ стараній бываетъ какъ можно меньше. Мудрость-то вѣдь не Богъ знаетъ какая. А между тѣмъ, какъ съ самаго-то начала засадятъ мальчика за вокабулы двухъ языковъ, да насядутъ на него съ тремя уроками въ день изъ этихъ милыхъ предметовъ,—ну, онъ и отупѣетъ, да кромѣ того — такое отвращеніе къ языкамъ почувствуетъ, что никакія нашивки не помогутъ...

Впрочемъ, о нашивкахъ мы не смѣемъ судить: г. Киттары говоритъ, что онѣ очень поддерживаютъ энергію къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ. Какъ видно, почтеннѣйшій профессоръ вѣруетъ въ симпатическія средства. Не мудрено, впрочемъ: онъ самъ-то такой симпатическій!..

---

371. Норманскій періодъ русской литературы.

Сочиненіе М. Погодина. Москва. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 369.

У Погодина была своя школа, его ученики заполоняли учительскія мѣста въ средней школѣ, его нелѣпыя представленія русской исторіи были широко распространены въ публикѣ. Разумѣется, Добролюбовъ не могъ не воспользоваться случаемъ показать всю вздорность теорій стараго замоскворѣцкаго историка. См. также №№ 386—390.

М. Л.

Довольно давно уже г. Погодинъ находится въ пріятномъ положеніи—повторять собственныя старыя мысли и не слышать на нихъ возраженій. Одна изъ этихъ мыслей есть, какъ извѣстно, мысль о норманствѣ варяговъ, выдержавшая такую полемику и наконецъ таки утвержденная г. Погодинымъ на незыблемыхъ основаніяхъ. Нынѣ изданная книжка составляетъ одно изъ безчисленныхъ повтореній этой мысли; но ей не суждено уже величаво пройти при всеобщемъ безмолвномъ согласіи, какъ проходили недавнія повторенія норманства въ изслѣдованіяхъ г. Погодина. Въ нынѣшней книжкѣ «Современника» читатели найдутъ статью г. Костомарова о началѣ Руси, совершенно не признающую пресловутаго норманства. Что теперь сдѣлаетъ г. Погодинъ? Всего обиднѣе то, что г. Костомаровъ и знать не хочетъ *варяговъ*, на имени которыхъ г. Погодинъ основалъ половину своихъ доказательствъ. «Мало ли кто звался варягами, говоритъ новый изслѣдователь:— «намъ нужны только тѣ изъ нихъ, которые назывались *Русью*». И вѣдь справедливо и убѣдительно: прочтите сами. Выходитъ, что г. Погодинъ напрасно убивался надъ тѣмъ, чтобы тщательно собрать и свести всѣ мѣста, въ которыхъ только упоминается имя варяговъ. Ни къ чему это повести не можетъ, какъ оказывается... Другое дѣло—тоже очень обидное—то, что г. Костомаровъ воспользовался нѣкоторыми изъ старыхъ возраженій противъ норманства варяговъ, возраженій, представленныхъ, напр., еще Максимовичемъ, но разбитыхъ тогда въ пухъ и прахъ г. Погодинымъ. И теперь опять приходится начинать съ начала. Съ Максимовичемъ онъ сладилъ легко, потому что тотъ защищалъ славянство варяговъ, которое защищать очень мудрено. Но теперь вдругъ является нападеніе совершенно съ другой стороны: г. Костомаровъ выводитъ русь изъ Жмуди, и, пользуясь лучшимъ изъ того, что говорили противники норманства въ возраженіе г. Погодину, въ то же время самъ избѣгаетъ несообразностей, въ которыя тѣ впадали... Что тутъ дѣлать?

Скажутъ: «да что же объ этомъ особенно сокрушаться-то? Велика важность, норманны или литовцы!..» Да, вы можете такъ говорить, читатель, потому что вы не знаете сладости словъ: «*я рѣшилъ, я доказалъ, мое мнѣніе принято всѣми*». Слова эти повторялъ мысленно и даже печатно г. Погодинъ о норманствѣ вотъ ужъ лѣтъ двадцать; онъ привыкъ къ нимъ, сжился съ ними и вдругъ—разочарованіе! Подумайте, каково это!

А кромѣ того, есть и другая причина, по которой г. Погодинъ долженъ ужасно дорожить норманствомъ. Онъ отчасти подверженъ мистицизу (нельзя же: «Москвитянина» издавалъ вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ!), и въ зарожденіи русскаго государства видѣть нѣчто особенно-знаменательное. Онъ спрашиваетъ самъ себя: какое же значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ дальнѣйшей исторіи Россіи? и отвѣчаетъ такимъ образомъ (стр. 138):

«Главное, существенное въ этомъ происшествіи, относительно къ происхожденію Русскаго Государства, есть не Новгородъ, а лицо Рюрика, какъ *родоначальника династіи*, хотя онъ, подобно Ромулу, не имѣлъ *можетъ быть (!)* никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи, Рюрика, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Началось преемство, стало за кѣмъ слѣдовать, *хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе безсмертно въ Русской Исторіи!* Воздадимъ честь и Нову-городу, *старшему сыну Россіи (рожденному впрочемъ прежде матери)*, за призваніе Князя, котораго роду предназначено было основать впослѣдствіи величайшее Государство въ мірѣ.

«Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, *есть единственный результатъ* Норманнскаго призванія въ Новгородъ, *единственный ингредіентъ въ составленіи Государства*, тонкая нить, которою оно соединяется съ послѣдующими происшествіями. Все прочее прешло, не оставивъ слѣда. Если бъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новогородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ».

«Такимъ непримѣтнымъ атомомъ, относительно къ формаціи, началось Государство, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній. Это, употребимъ сравненіе, корень безсмысленный слова, первый элементъ звука».

Видите, до чего доводитъ г-на Погодина варягъ-норманнъ Рюрикъ! Строгій ученый, гордящійся *математическимъ* методомъ собственнаго изобрѣтенія, входитъ въ нѣкотораго рода ражъ, вылѣзаетъ изъ кожи и начинаетъ нескладно бредить, чтобы только угодить этому *лицу* Рюрика, который—бѣднякъ! «*самъ, можетъ быть* (!) *не имѣлъ никакого понятія о своемъ будущемъ значеніи*», и котораго «*единственнымъ результатомъ былъ Игорь!..*» Чего ни наговорилъ въ изступленіи отъ этого *лица* г. Погодинъ! И сынъ, рожденный прежде матери, и Игорь, какъ единственный ингредіентъ въ составленіи государства, и микроскопъ историческихъ соображеній!.. Просто даже страшно дѣлается!..

И все это для чего? Для того, чтобы показать, что Россія рождалась долго, и рождалась не такъ, какъ иноземныя государства. Какъ долго она рождалась, объ этомъ можно судить изъ его отзыва, что при Олегѣ Русь еще «менѣе, чѣмъ зародышъ, это *математическая точка*, *почти*

идея». А какъ рождалась Россія, это опять-таки можно видѣть изъ разсказа г. Погодина о томъ же Олегѣ. Не угодно ли вникнуть въ его краснорѣчіе (стр. 140):

«Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался странствующимъ рыцаремъ съ своею дружиною, лишался мѣста. Въ эту минуту какъ будто пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! Сѣмя предано произволу вѣтровъ!

«*Не должны ли мы трепетать за него?* Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?

«*Успокоимся!* Благопромыслительной Десницею несется оно именно въ Кіевъ, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ Государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы дѣла по необходимости иначе. Изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и духовная, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ двухъ половинъ, чтобъ распадавшейся въ то время Религіи пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то, чрезъ тысячу лѣтъ, среди славянскихъ племенъ, народилось Государство — наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, религіей и образованіемъ, нѣмецкому народу.

«*Олегъ пошелъ, точка двинулась,* это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъ-экватора, треть меридіана».

Съ таковымъ же краснорѣчіемъ, — достойнымъ лучшей участи, — разсказываетъ г. Погодинъ о послѣдующихъ князьяхъ до Ярослава включительно, и заключаетъ: «такъ удалые норманны, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, раскинули планъ будущаго государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линейки, безъ астролябіи, сплеча, куда хватила размашистая рука» (стр. 150).

А выходитъ, что не норманны, и что дѣло не такъ было, и не потому!.. «Есть отъ чего въ отчаянье придти!»

Не въ одномъ пустомъ названіи расходится г. Костомаровъ съ г. Погодинымъ и братіею; не одинъ частный пунктъ древнѣйшей исторіи Руси подвергнутъ теперь опасности. Пошатывается все историческое зданіе, выведенное г. Погодинымъ съ помощію славяно-русскаго мистицизма и украшенное такимъ слогомъ, какимъ говорили только герои повѣстей Марлинскаго въ минуты безумныхъ увлеченій. До сихъ поръ г. Погодинъ проповѣдывалъ о *норманскомъ* характерѣ древняго періода русской исторіи и даже наши сношенія съ Византіей объяснялъ какъ-то особымъ магнитнымъ притяженіемъ навыворотъ—съ сѣвера къ югу. Норманны, дескать, непремѣнно должны были стремиться къ югу, потому самому, что они — норманны, сѣверные люди. И Ліутпрандъ такъ говоритъ: aquilonares homines. Напрасно Максимовичъ возражалъ ему, что сѣверными людьми можно назвать и не однихъ только собственно норманновъ; г. Погодинъ переспорилъ... И вдругъ теперь г. Костомаровъ опять подымаетъ Ліутпранда и въ грошъ не ставитъ его свидѣтельство! Горько!

Кто внимательно прочтетъ «Начало Руси», г. Костомарова, тотъ увидитъ, что онъ (какова бы ни была степень рѣшительности и несомнѣнности его выводовъ въ частномъ вопросѣ) стоитъ гораздо ближе къ истиннымъ воззрѣніямъ, нежели г. Погодинъ съ своимъ *математическимъ* методомъ. Г. Костомаровъ интересуется происхожденіемъ варяговъ потому собственно, что весь характеръ его изслѣдованій о древней Руси—преимущественно этнографическій. Сближенія, которыя онъ дѣлаетъ между образованіемъ русскаго государства въ IX вѣкѣ, и литовскаго—въ XIV, вовсе не похожи на тѣ лирическіе клики, которыми г. Погодинъ вѣнчалъ своихъ норманновъ. Оттого съ самаго начала русской исторіи г. Костомаровъ предполагаетъ слѣдить въ ней борьбу двухъ началъ — вѣчевого и единодержавнаго. Г. Погодинъ, напротивъ, въ параллели русской исторіи съ европейской, истощается въ доказываніи того, что у насъ никогда никакой борьбы не было, что вездѣ была тишь да гладь, да Божья благодать, что все было мирно и прелестно до послѣдней степени, и что въ этомъ именно и заключается *противоположность* русской исторіи съ исторіей запада. Говоря о народѣ и землѣ, напримѣръ, г. Погодинъ выражаетъ вотъ какія мысли (стр. 191):

«*Земля* на Западѣ досталась сполна *пришельцамъ*, а у насъ осталась какъ прежде въ общемъ *владѣніи народа*, подъ верховною (отвлеченною), властію Князя, который о ней не думалъ, потому что не имѣлъ никакой нужды. *Народъ* на Западѣ, побѣжденный и покоренный, былъ обращенъ въ *рабство*, а у насъ остался *свободнымъ*, какъ былъ, потому что не былъ покоренъ. Вся перемѣна состояла только въ дани, которую онъ началъ платить князю или его прикащикамъ, дани естественными произведеніями, въ коихъ былъ у него излишекъ, и коихъ дѣвать было некуда — слѣдовательно не отяготительной.

«Однимъ словомъ — нашъ народъ былъ посаженъ на *легкій оброкъ*, а западный осужденъ *на тяжелую барщину*. Оброкъ и барщина, сами по себѣ, составляютъ теперь еще важное различіе для поселянина, уже смиреннаго, ручного, а что сказать о тяжеломъ оброкѣ и легкой барщинѣ въ первое время гражданскихъ обществъ, близкое къ природѣ и естественной свободѣ?»

И вѣдь извѣстно, что такой взглядъ на нашъ народъ проводится г. Погодинымъ черезъ всю русскую исторію. Если же когда и приходится признать, что положеніе на-

рода нѣсколько неудобно и скудно, то у г. Погодина съ Шевыревымъ есть на это превосходное объясненіе. Дѣло все происходитъ, по ихъ увѣренію, по доброй волѣ народа, отъ прекрасныхъ свойствъ его. Извѣстенъ знаменитый афоризмъ г. Шевырева: *не жаденъ русскій народъ, не завистливъ*: летаетъ вокругъ его птица—онъ не бьетъ ее, плаваетъ рыба — онъ не ловитъ ее, и питается скудною и даже нездоровою пищею!..»

Ничего подобнаго не въ состояніи проповѣдывать новый изслѣдователь, разрушающій результаты скандинаво-мистическихъ воззрѣній, и вотъ это-то должно составить несчастіе всѣхъ патріотовъ-мистиковъ, подобныхъ г. Погодину!..

---

372. Итальянскій вопросъ,

составленный (?) изъ различныхъ иностранныхъ источниковъ подъ редакціею А. И. Г., съ двумя большими листами карты Сѣверной Италіи, отпечатанной нѣсколькими цвѣтами. Спб. 1860 г., изданіе Торговаго Дома *Струговщикова, Похитонова, Водова и К°*.

Напечатано вмѣстѣ съ № 369.

М. Л.

Какъ у насъ, въ Россіи, дѣло идетъ объ освобожденіи крестьянъ, такъ въ Европѣ—объ освобожденіи Италіи. И тотъ, и другой вопросъ еще не рѣшены окончательно. Мы были закрѣплены со временъ Годунова, а Италія съ первыхъ вѣковъ нашей эры поселила внутри себя врага своей національности—папу. «Римская церковь»—сказалъ еще Макіавели—«не бывъ достаточно сильною, чтобъ вполнѣ овладѣть Италіею, и не дозволивъ никому другому овладѣть ею, была виновницею того, что Италія не могла соединиться подъ державою одного главы, а распалась между многими государями и владѣтелями; отсюда такое разъединеніе и такая слабость, что она стала постоянною добычею не только могущественныхъ варваровъ, но и каждаго, кто на нее нападетъ. Этимъ мы, итальянцы, обязаны католичеству, никому иному».

И дѣйствительно, папы, присвоивъ себѣ титулъ намѣстниковъ святого Петра, а потомъ къ нему еще болѣе пышное добавленіе—«намѣстниковъ самого Бога и Іисуса Христа», поступали съ Италіею очень дурно; католическое воззрѣніе было смертельно для всей итальянской національности. Италія должна была отрѣшиться отъ всѣхъ національностей и, слѣдовательно, должна была развиваться внѣ національности. Папскій авторитетъ, на время обольстившій Италію, долженъ былъ и погубить ее. Со временъ такъ называемаго лонгобардскаго періода Италіи, папы призываютъ на итальянскій королевскій престолъ чужестранцевъ; передаютъ этотъ престолъ въ видѣ папскаго подарка, отнимаютъ его, снова отдаютъ новымъ соискателямъ и въ то же время держатъ на примѣтѣ новый владѣтельный домъ. Такимъ образомъ, вся прошедшая историческая судьба итальянскаго народа можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: итальянцы были постоянно приносимы папою въ жертву иноземцамъ — лонгобардамъ, Карлу Великому, нѣмецкимъ императорамъ, норманнамъ, анжуйскому дому, французамъ, австрійцамъ.

Макіавели правъ, говоря, что своимъ угнетеніемъ «мы, итальянцы, обязаны католичеству,—никому иному».

Нынѣшнее политическое движеніе Италіи не первый примѣръ такого общаго единодушія... Еще во времена Фридриха Барбароссы, когда онъ задумалъ отнять у итальянскихъ городовъ собственный судъ, право чеканки денегъ, право войны и мира — вся Италія, какъ будто одинъ человѣкъ, позабыла вражду, свои частные интересы, и дружно возстала противъ нѣмцевъ.

«Сбросимъ съ шеи нѣмецкое иго»—раздалось въ отвѣтъ отовсюду; и по всѣмъ городамъ, всѣ жители, за исключеніемъ духовенства, нѣмыхъ и слѣпыхъ, дали клятву: «Во имя Господне, аминь; клянусь святымъ евангеліемъ, что не буду заключать ни мира, ни перемирія, ни сдѣлки — ни съ императоромъ Фридрихомъ, ни съ его сыномъ, ни съ женою, ни съ какимъ бы то ни было лицомъ, носящимъ его имя, ни самъ, ни черезъ кого другого; по совѣсти буду всѣми средствами, какія имѣю въ своей власти, препятствовать вступленію въ Италію всякаго войска, малаго и великаго, изъ Германіи или иной императорской земли; если же какое войско вступитъ въ Италію, буду воевать противъ императора и всѣхъ его сторонниковъ, до тѣхъ поръ, пока то войско не будетъ выгнано изъ Италіи; и ту же клятву возьму съ сыновей своихъ, какъ скоро имъ минетъ четырнадцать лѣтъ» (стр. 20—21).

Исходъ войны извѣстенъ: вся сѣверная и средняя Италія принимаетъ участіе въ этомъ народномъ ополченіи (исключая измѣнившей Павіи и Монферрата), цѣлый рядъ походовъ Фридриха кончается пораженіемъ за пораженіемъ; принужденный снять осаду Александріи, обойденный итальянскими силами, отрѣзанный отъ Германіи, Фридрихъ, однако же, не погибъ, а еще болѣе придавилъ національность возставшей Италіи, благодаря папѣ Александру III. Его итальянцы довѣрчиво избрали своимъ уполномоченнымъ для переговоровъ съ императоромъ, и вотъ что онъ сдѣлалъ:

«Современныя хроники обвиняютъ папу въ измѣнѣ; церковные писатели оправдываютъ его: дѣло въ томъ, что, заключивъ отъ себя лично отдѣльный миръ, которымъ онъ обезпечилъ папскія свѣтскія владѣнія отъ покушеній императора, онъ отъ имени союзниковъ (итальянцевъ) заключилъ перемирія на шесть лѣтъ, и тѣмъ далъ Фридриху возможность войти въ отдѣльные переговоры съ разными городами и такимъ образомъ разстроить союзъ».

Но теперь итальянцы сознательно заговорили: «мы не имѣемъ надобности въ папѣ—кому онъ нуженъ, тотъ пускай и отводитъ ему помѣщеніе!» Шагъ великій,—и если итальянцы убѣдятся окончательно, что папство есть учрежденіе отжившее, мѣшающее ихъ національной независимости, тогда исполнится пророчество итальянца Дебони, сказавшаго: «Лютеръ первый подкопалъ папство; послѣдній ударъ нанесутъ ему итальянцы». Съ потерею вѣры въ папство для нихъ настанетъ новая заря политическаго и нравственнаго обновленія.

Книга, изданная торговымъ домомъ гг. Струговщикова, Похитонова, Водова и К°, составлена совѣстливо, и мы желаемъ ей успѣха.

---

373. Литературные дѣятели прежняго времени.

Е. Колбасина. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 369.

М. Л.

Г-нъ Колбасинъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, не лишенъ дарованія для писанія повѣстей. Но кромѣ повѣстей онъ занимается еще и исторіею литературы. Нѣсколько очерковъ его, помѣщенныхъ въ журналахъ, были въ свое время прочитаны безъ скуки. Теперь они изданы отдѣльною книжкой. Первое мѣсто между ними занимаетъ біографія И. И. Мартынова, года четыре тому назадъ напечатанная въ «Современникѣ». Главное ея достоинство заключается въ томъ, что она составлена при помощи собственныхъ записокъ Мартынова, бывшихъ въ рукахъ у автора, и, слѣдовательно, имѣетъ значеніе первоначальнаго источника. Два другіе очерка: «Кургановъ» и «Воейковъ», меньшіе по объему, не имѣютъ того значенія, но тоже могутъ быть довольно новы и любопытны для читателей, незнакомыхъ съ библіографическими трудами послѣдняго времени и съ нашими старинными журналами.

Вообще, изложеніе г. Колбасина довольно правильно и живо, особенно если есть подъ руками у него хорошіе матеріалы. Нѣтъ сомнѣнія, что если онъ будетъ болѣе трудиться и строже судить самого себя, то изъ него можетъ выйти дѣятель, далеко не безполезный въ ряду нашихъ историковъ литературы, начинающемся г. Галаховымъ и оканчивающемся г. Тихменевымъ [1]).

Взглядовъ особенно новыхъ и смѣлыхъ нѣтъ у г. Колбасина, да его нельзя и винить за это: сколько мы можемъ судить по его литературной карьерѣ [2]),—онъ еще находится въ томъ литературномъ возрастѣ, въ которомъ только собираются матеріалы, и перевариваются чужія мысли и мнѣнія, а собственные взгляды еще довольно шатки и неопредѣленны. Мы можемъ быть благодарными г. Колбасину ужъ и за то, ежели онъ беретъ изъ чужихъ взглядовъ то, что болѣе подходитъ къ современнымъ требованіямъ и что дѣйствительно оказывается лучшимъ въ сравненіи съ остальнымъ. Упрекать же его можемъ лишь тогда, когда онъ беретъ взгляды отсталые и давно опровергнутые не только на бумагѣ, но и въ жизни. Но такіе взгляды попадаются у него до-

---

[1]) Очень ядовитый намекъ на то, что Колбасинъ не выдвинется изъ ряда весьма третьестепенныхъ историковъ.

[2]) Первыя произведенія его появились не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, въ «Литературныхъ Вечерахъ» Фумели, 1850 г. *Прим. Д.*

вольно рѣдко. Мы укажемъ здѣсь на одинъ примѣръ, не очень рѣдкій, но непріятный именно потому, что онъ касается практическихъ отношеній писателей.

Г. Колбасинъ весьма благосклонно смотритъ на старинную моду—имѣть литературныхъ милостивцевъ, хотя и не одобряетъ меценатства невѣжественныхъ вельможъ [1]). Онъ съ умиленіемъ разсказываетъ о томъ, какъ Мартыновъ обращалъ на себя вниманіе разныхъ начальственныхъ лицъ, и о томъ, какъ нѣкто Быковъ нарочно пріѣзжалъ изъ Рязани въ Москву и Петербургъ,—на поклонъ Державину, Капнисту и Мерзлякову, и т. п. Изъ этихъ подобострастныхъ отношеній къ писателямъ г. Колбасинъ выводитъ такое заключеніе: «при всѣхъ недостаткахъ прежней литературы представители ея, своимъ авторитетомъ и вліяніемъ, воспитывали, быть можетъ, гораздо болѣе людей въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ нынѣшніе университеты и различныя заведенія». Мы не хотимъ ратовать за «различныя заведенія», но относительно воспитательнаго вліянія писателей мнѣніе г. Колбасина очень опоздало. Теперь мы знаемъ характеръ отношеній молодыхъ писателей и всякаго рода юношей къ литературнымъ авторитетамъ того времени. Изъ воспоминаній г. Аксакова мы видѣли, какъ юноши принимались и терпѣлись старцами только до тѣхъ поръ, пока почтительно и съ одушевленіемъ читали ихъ сочиненія; изъ тѣхъ же воспоминаній и изъ библіографическихъ разысканій г. Лонгинова и другихъ мы знаемъ, какъ въ почтенной семьѣ авторитетовъ принятъ былъ Карамзинъ, лишь только обнаружилъ нѣкоторую самостоятельность, какъ относился къ нимъ даже Батюшковъ. Журналы двадцатыхъ годовъ покажутъ намъ, какъ было встрѣчено ареопагомъ появленіе первыхъ опытовъ Пушкина, въ которыхъ онъ рѣшительно выбился изъ рутины державинскаго и карамзинскаго тона... Можно замѣтить, конечно, вполнѣ справедливо, что всѣ эти противники новыхъ талантовъ принадлежали къ числу людей отсталыхъ... Но вѣдь это теперь мы считаемъ ихъ отсталыми, а тогда они еще были въ полномъ цвѣтѣ и пользовались авторитетомъ. Сенковскій еще не имѣлъ въ публикѣ репутаціи отсталаго и отжившаго, когда ругалъ Гоголя, г. Шевыревъ еще пользовался уваженіемъ многихъ, когда унижалъ Кольцова и Лермонтова... Вѣдь не только то можно назвать отсталостью, что̀ уже для всѣхъ кажется негоднымъ и ненужнымъ; нѣтъ, отсталость начинается гораздо раньше,—тотчасъ, какъ только человѣкъ замкнулся въ собственномъ авторитетѣ и не хочетъ знать ничего новаго, выходящаго изъ молодой жизни и охватывающаго будущность. И эта отсталость всегда была въ кружкѣ признанныхъ авторитетовъ, она составляетъ ихъ естественную принадлежность, и только удивительнымъ подвигомъ постояннаго самонаблюденія и самоотверженнаго увлеченія общимъ дѣломъ, можетъ иной человѣкъ избѣгнуть этой отсталости. Пушкинъ не дожилъ до нея; Жуковскій, говорятъ, былъ въ восторгѣ отъ Гоголя,—но не отъ того направленія, за которое мы цѣнимъ Гоголя. И если Жуковскій со своими друзьями имѣлъ на Гоголя вліяніе, то ужъ, конечно, не благотворное: для Жуковскаго или непонятно, или противно было то *новое*, что̀ проглядывало въ авторѣ «Мертвыхъ душъ»... А кто ратовалъ за это новое? Бѣлинскій, ровесникъ Гоголя. А кто же изъ авторитетовъ призналъ тогда Бѣлинскаго? Да и къ кому могъ бы онъ идти, чтобы получить «эстетическое и нравственное воспитаніе»? Нѣтъ, онъ самъ себѣ былъ авторитетомъ, самъ себя воспиталъ, и если искалъ какой-нибудь внѣшней опоры, то развѣ въ молодыхъ друзьяхъ своихъ, для которыхъ самъ скоро сдѣлался авторитетомъ, а ужъ никакъ не въ отживавшихъ старцахъ съ почетными именами. Вспомнимъ, что онъ и началъ-то нападками на Пушкина, въ то время, какъ Пушкинъ былъ еще живъ.

И послѣ Бѣлинскаго нѣтъ возврата на путь литературныхъ ухаживаній и поклоненій для русскаго писателя, который сознаетъ въ себѣ силы хоть настолько, чтобы о себѣ-то «смѣть свое сужденіе имѣть», не дожидаясь приговора какой-нибудь знаменитости. Странно теперь жалѣть о томъ добродушномъ времени, когда люди стремились хоть *взглянуть* на прославленнаго писателя и, въ свою очередь, удостоиться отъ него хоть милостиваго взгляда... Теперь это уже сдѣлалось признакомъ мелкости и пошлости натуры, особенно въ тѣхъ людяхъ, которые сами хотятъ выступить на литературное поприще. Въ современной литературѣ нѣтъ *литературнаго генеральства*, и это прекрасно. Мы всѣ проповѣдуемъ «служеніе дѣлу, а не лицамъ»; стыдно было намъ измѣнять этому служенію въ нашихъ собственныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Это очень хорошо сознаетъ молодое поколѣніе писателей, сознаетъ, кажется, и почтенная фаланга людей прославленныхъ. Теперь молодой человѣкъ безъ

[1]) Во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи надо принять во вниманіе, что Добролюбовъ зналъ о пресмыкательствѣ Колбасина передъ Тургеневымъ.

особеннаго трепета можетъ войти въ собраніе литературныхъ знаменитостей, безъ подобострастія высказать свое мнѣніе, безъ замиранія сердца сдѣлать возраженіе человѣку, прославленному ученостью или талантомъ. Онъ уже не побоится встрѣтить тотъ принижающій, высокомѣрный взглядъ, которымъ, говорятъ, награждали прежде подобныхъ смѣльчаковъ; не побоится увидѣть на почтенныхъ лицахъ и той отечески-снисходительной, умильной мины, которая говоритъ: «а, ну-ка, ну-ка, что ты скажешь? развернись-ка, а мы послушаемъ!..» Нѣтъ, нынѣ молодой человѣкъ, сознающій въ себѣ нѣсколько внутренней силы и желающій трудиться, можетъ гордо и независимо держать себя, не кланяться знаменитостямъ, не просить заслуженные авторитеты, чтобы они удостоили взнуздать его и навьючить окаменѣлостями своихъ взглядовъ и мнѣній... Ему не нужно этого: права труда, знанія и таланта признаются съ каждымъ годомъ все больше въ литературѣ... Теперь только тотъ захочетъ добиваться разныхъ покровительствъ литературныхъ, кто, при страсти къ литературной репутаціи, болѣе имѣетъ наклонности бить баклуши, нежели серьезно трудиться. Вотъ почему мы считаемъ совершенно неумѣстнымъ сожалѣніе г. Колбасина о добромъ старомъ времени, когда юные писатели и вообще люди образованные ѣздили изъ дальнихъ городовъ *на поклонъ* къ литературнымъ знаменитостямъ...

Впрочемъ, такихъ устарѣлыхъ взглядовъ и соображеній немного у г. Колбасина. Большею частью онъ повторяетъ довольно вѣрно тѣ выводы, которые добыты новѣйшими историко-литературными изслѣдованіями. Попадаются у него и мелкія ошибки, въ родѣ тѣхъ, какія были замѣчены въ прошломъ году въ статьѣ о Воейковѣ. (Въ отдѣльномъ изданіи, впрочемъ, исправлено то, что было замѣчено тогда). Но ошибки эти, очевидно, произошли отъ нѣкоторой небрежности въ составленіи статьи, да и вообще отъ недостатка спеціальнаго знакомства съ предметомъ; ихъ нельзя приписать коренному непониманію того, за что авторъ взялся. Напротивъ, мы еще разъ съ удовольствіемъ повторимъ, что въ ряду изслѣдователей русской старины, отъ г. Галахова до гг. Тихменева и Семевскаго, г. Колбасинъ могъ бы занять довольно видное мѣсто, если бы далъ себѣ трудъ попристальнѣе заняться и поосновательнѣе изучить то, о чемъ пишетъ. Слогъ у него очень чистый, видно знакомство съ литературными пріемами, живое, повѣствовательное изложеніе... При такихъ задаткахъ нельзя сомнѣваться, что если онъ еще нѣсколько поучится, займется и будетъ при писаніи поосмотрительнѣе, то въ дальнѣйшихъ своихъ упражненіяхъ по части историко-литературной будетъ, по крайней мѣрѣ, столько же замѣчателенъ, какъ уже сдѣлался замѣчателенъ въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ.

---

374. * * *

Напечатано въ первомъ изданіи «Сочиненій». Стихотвореніе это имѣетъ прямое отношеніе къ личной жизни Добролюбова.

М. Л.

Не въ блескѣ и теплѣ природы обновленной,
Не при ласкающемъ дыханіи весны,
Не въ бальномъ торжествѣ, не въ залѣ оживленной
Узналъ я первые сердечной жизни сны.
Въ каморкѣ плачущей, среди зимы печальной,
Нашъ первый поцѣлуй другъ другу дали мы,
Въ лицо намъ грязный свѣтъ бросалъ огарокъ сальный.
Дрожали мы вдвойнѣ—отъ стражи и зимы...
И завтрашній обѣдъ, и скудный и невѣрный
Невольно холодилъ нашъ пылъ нелицемѣрный.
Кто знаетъ, отчего ты отдалася мнѣ?
Но зналъ я, отчего другимъ ты отдавалась...
Что нужды? Я любилъ. Въ сердечной глубинѣ
Ни одного тебѣ упрека не сыскалось.

375. * * *

Напечатано въ первомъ изданіи «Сочиненій». Смыслъ стихотворенія ясенъ: горячее чувство подсказываетъ броситься въ борьбу за освобожденіе отъ рабства, но холодный разумъ предостерегаетъ отъ ложнаго шага: не отдѣльному человѣку создать сносныя соціальныя и политическія отношенія въ обществѣ, они пока гдѣ-то далеко-далеко и подойти къ нимъ нужно не шумной, но упорной работой всѣхъ, способныхъ понять невыносимость современныхъ условій и необходимость борьбы съ ними не словами, а дѣломъ.

М. Л.

Бурнаго моря сердитыя волны,
Что такъ влечетъ меня къ вамъ?
Я вѣдь не брошусь, отвагою полный,
Встрѣчу сердитымъ волнамъ?
Грудью могучей, сильной рукою
Не разсѣку я волны,
Не поплыву я искать подъ грозою
Обѣтованной страны...
Край мой желанный, любимый мной свято,
Тамъ, гдѣ волна улеглась,
Тамъ, далеко, гдѣ, спускаясь куда-то,
Море уходитъ изъ глазъ,
Мнѣ не доплыть до страны той счастливой
Сквозь этихъ яростныхъ волнъ...
Что же стою я, пловецъ боязливый,
Жаднымъ волненіемъ полнъ?
Такъ бы и кинулся въ ярое море,
Въ бой бы съ валами вступилъ...
Кажется, въ этомъ бы самомъ просторѣ
Взялъ и отваги и силъ.

376. * * *

Напечатано въ I кн. «Современника» 1862 г. Стихотвореніе это является какъ бы продолженіемъ предыдущаго.—И дѣла этого очень много, оно не должно потонуть въ потокѣ словъ... Всѣ, кто примутъ въ немъ участіе, получатъ возможность испить изъ святой чаши свободы.

М. Л.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья,—хочу быть вашимъ
На трудъ и битву я готовъ,—
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло вмѣсто словъ;
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской,
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно праздной болтовней.
Но знаю я,—работа наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

377. * * *

Напечатано въ первомъ изданіи «Сочиненій». Стихотвореніе чисто личнаго свойства, относится къ А. С. Васильевой.

М. Л.

Средь жалкихъ шалостей моихъ
То безтѣлесно идеальныхъ,
То исключительно плотскихъ
И даже часто слишкомъ сальныхъ,
Одну я встрѣтилъ, для кого
Былъ радъ отдать и духъ и тѣло...

Зато она-то ничего
Взять отъ меня не захотѣла.
И до сихъ поръ ее одну
Еще въ душѣ моей ношу я,
Изъ лучшихъ странъ въ ея страну
Стремлюсь, надѣясь и тоскуя.
Зачѣмъ меня отвергла ты,
Одна, съ кѣмъ могъ я быть счастливымъ,
Одна, чьи милыя черты
Ношу я въ сердцѣ горделивомъ?
А, впрочемъ, можетъ,—какъ рѣшить?
За то лишь суетной душою
И не могу тебя забыть,
Что былъ отвергнутъ я тобою?

---

378. Замѣчанія по поводу одного слѣдствія.

Напечатано во II кн. «Современника» 1860 г. (ценз. 22 февраля) за подписью «Н. Л.» и съ указаніемъ мѣста—«П—въ», что̀ довольно прозрачно указывало на Псковъ, гдѣ такое дѣло дѣйствительно и произошло. Надо удивляться работоспособности Добролюбова, не чуравшагося ничего, что̀ могло бы вскрыть наши безпорядки.

М. Л.

Въ одномъ уѣздѣ помѣщикъ А. найденъ повѣсившимся у себя въ домѣ.

Актъ, составленный становымъ приставомъ при священникѣ. Становой приставъ, священникъ, понятые отъ крестьянъ и случайные свидѣтели нашли слѣдующее: покойникъ А. въ своей комнатѣ, между печью и кроватью, висѣлъ на черной шелковой косынкѣ, надѣтой на гвоздь, вбитый въ стѣну, въ разстояніи отъ полу въ вышину на 2 аршина и 1 вершокъ. Колѣни покойнаго были согнуты и не достигали до полу на 6 вершковъ; тѣло было еще теплое и гибкое, а потому косынка была *перерѣзана* и тѣло было положено на постель; но подаваемыя пособія оказались безполезны. Покойникъ висѣлъ въ одной рубахѣ, а нижнее бѣлье было спущено. На тѣлѣ никакихъ насильственныхъ знаковъ *не было*, кромѣ знака на шеѣ отъ давленія косынки. На столѣ найдены письма, писанныя, вѣроятно, въ день смерти покойника.

Замѣчаніе. Нахожу этотъ актъ *неполнымъ* и *недостаточнымъ* въ слѣдующемъ: не опредѣленъ цвѣтъ лица и тѣла покойника. Не объяснено: *какою* петлею была стянута шея: *затяжною* или связанною концами? *Можно ли было* снять петлю чрезъ голову, или необходимо было перерѣзать, что̀ и сдѣлано. Повѣсившіеся имѣютъ особые извѣстные признаки въ положеніи и видѣ тѣла вообще и нѣкоторыхъ частей его въ особенности. *Объ этомъ* въ актѣ *не сказано*. Послѣ осмотра тѣло было обмыто и одѣто въ другое чистое бѣлье, а то, въ которомъ находился покойникъ, *не обсмотрѣно* и *не обслѣдовано:* оно *могло* имѣть особенные признаки. Въ какомъ видѣ находилась постель также не было обслѣдовано, какъ и всѣ вещи въ комнатѣ и самая комната. Дверь, ведущая изъ комнаты въ корридоръ, не описана, а это очень важно, потому что, какъ *послѣ оказалось,* дверь изъ этой комнаты запиралась *изнутри* крючкомъ и оставалась *незапертою и открытою* въ корридоръ, который сообщается съ другими комнатами дома. Такая непредусмотрительность со стороны человѣка, посягающаго на самоубійство, и отсутствіе въ немъ предосторожности и всякаго опасенія, что *при открытыхъ* дверяхъ ему *могутъ* помѣшать всякую минуту—довольно непонятно...

Допросъ прислуги. При первоначальныхъ допросахъ комнатной прислуги и дворовыхъ людей они не были размѣщены порознь, для предупрежденія возможности сообщеній между собою и стачки при показаніяхъ и допросахъ. Ихъ *слѣдовало* содержать порознь подъ карауломъ. Отъ несоблюденія такой предосторожности всѣ отвѣты на допросы были даны почти одинаковаго содержанія.

ИЗЪ ПОКАЗАНІЙ ДОПРАШИВАЕМЫХЪ ЛИЦЪ.

Показаніе дворовaго мальчика Б.* Утромъ жена помѣщика уѣхала изъ дому за 70 верстъ въ городъ, а господинъ былъ дома. Въ то же утро пріѣзжалъ къ помѣщику посессоръ его имѣнія В., съ которымъ помѣщикъ и занимался 2 часа. Помѣщикъ обѣдалъ съ дѣтьми своими, домашнимъ учителемъ Г. и дворяниномъ Д*. Послѣ обѣда всѣ разошлись и помѣщикъ ушелъ въ свою комнату *отдыхать*. Вечеромъ, подавъ самоваръ и свѣчи, мальчикъ былъ отправленъ, живущею въ домѣ вольноотпущенною женщиною Е., *звать господина къ чаю*. Войдя въ комнату и не найдя господина *на кровати*, мальчикъ возвратился въ комнату, гдѣ были дѣти, учитель Г., дворянинъ Д. и женщина Е., посылавшая его, и объявилъ имъ, что *барина нѣтъ въ комнатѣ*. Всѣ остановились въ дверяхъ и учитель сталъ звать господина по имени. Не получая отвѣта, женщина Е. *втолкнула* мальчика изъ дверей во внутрь комнаты и онъ тогда увидѣлъ стоящаго барина, съ подогнутыми колѣнями,

между печкой и кроватью. Подойдя ближе, мальчикъ увидѣлъ, что баринъ *виситъ* на черной шелковой косынкѣ, зацѣпленной на гвоздь. Онъ закричалъ. Въ комнату вошли, стоявшіе *въ дверяхъ*, учитель Г. и женщина Е., а мальчикъ убѣжалъ въ домъ станового пристава для объявленія.

Замѣчаніе. Такія показанія слѣдовало уяснить такими вопросами: въ чемъ былъ одѣтъ покойникъ до обѣда, раздѣлся ли онъ послѣ обѣда самъ, или съ помощію мальчика; въ чемъ именно онъ остался, ложась отдыхать; снималъ ли онъ шейный платокъ, или оставался въ немъ; замѣнилъ ли онъ, раздѣваясь, свою одежду другою, спальною? И потомъ, когда вошли въ комнату послѣ происшествія, въ какомъ видѣ находилась тогда постель, подушки, одѣяло, простыня? Слѣдовало предъявить косынку и требовать указанія: та ли она самая, какую всегда носилъ покойникъ, или другая?

Показаніе вольноотпущенной женщины Е. Слово-въ-слово повтореніе показанія мальчика Б*.

Показанія понятыхъ. Согласны съ актомъ, составленнымъ становымъ приставомъ, съ добавленіемъ одного обстоятельства, что они замѣтили *на шеѣ покойника царапину.*

Показаніе дворовой Ж. Въ этихъ показаніяхъ новаго то, что за нѣсколько дней до происшествія помѣщикъ посылалъ ея мужа въ городъ, купить гербовой бумаги для написанія ей, мужу и дочери отпускной. Когда бумага была привезена, то Ж. пошла въ станъ, попросила писаря написать отпускную. По прочтеніи ея помѣщикъ, подписавъ, далъ ей печать и сургучъ и приказалъ приложить къ бумагѣ. Женщина Ж. отдала все мужу, а онъ унесъ въ станъ. Вдругъ помѣщикъ выбѣжалъ изъ дому, въ халатѣ, безъ шапки, и спросилъ ее, гдѣ бумага? Когда она отвѣчала, что мужъ понесъ ее въ станъ, то помѣщикъ приказалъ воротить мужа и самъ побѣжалъ въ станъ. Женщина побѣжала туда также ближайшимъ путемъ, взяла отъ мужа бумагу, хотѣла возвратиться, но встрѣтилась на дорогѣ съ помѣщикомъ и вмѣстѣ пришли въ станъ. Здѣсь помѣщикъ просилъ письмоводителя взять у нея бумагу, а она просила оставить у нея. Но, видя настоятельныя требованія, возвратила бумагу. Помѣщикъ *послѣ* отдалъ эту бумагу своей женѣ.

Показаніе станового писаря З. Женщина Ж. просила его написать отпускную, и написалъ ее писарь И.

Замѣчаніе. Не разъяснено, какъ задолго *до смерти помѣщика* была писана отпускная.

Показаніе жены умершаго помѣщика. При отъѣздѣ своемъ въ городъ она оставила мужа *совершенно здоровымъ, веселымъ болѣе обыкновеннаго и чрезвычайно успокоеннымъ въ своихъ дѣлахъ.* Также говоритъ о духовномъ завѣщаніи мужа, составленномъ *за недѣлю до смерти*, и которое въ числѣ другихъ свидѣтелей подписалъ и земскій исправникъ. Объ отпускной Ж. она объясняетъ, что отпускная была будто бы уничтожена *ея мужемъ за два дня* до смерти послѣдняго.

Показанія домашняго учителя Г. противорѣчатъ совершенно показаніямъ жены покойника. Она оставила его *здоровымъ, спокойнымъ и веселымъ*, а учитель находилъ его тогда же *грустнымъ, встревоженнымъ и въ иппохондріи.*

Актъ вторичнаго освидѣтельствованія тѣла, черезъ день. Независимо отъ акта, составленнаго становымъ приставомъ съ понятыми, вотъ еще новый актъ, составленный по прибытіи на мѣсто происшествія врача, имъ и становымъ приставомъ.

Содержаніе акта. I. Въ этомъ актѣ объяснено: 1) рубаха, нижнее бѣлье и чулки, бывшіе на покойникѣ, когда онъ былъ найденъ висѣвшимъ, *были надлежаще осмотрѣны.*

Замѣчаніе. По первому акту станового пристава не видно, какое было сдѣлано распоряженіе съ бѣльемъ, бывшимъ на покойникѣ, а потомъ, по распоряженію станового пристава, *снятымъ съ его тѣла.* Кому было отдано *это бѣлье,* гдѣ и у кого оно хранилось *три дня* до прибытія врача? Не могло ли быть это бѣлье подмѣнено *другимъ,* какое и представлено *теперь* врачу?

2) Въ актѣ опредѣлено: косынка, на которой висѣлъ покойникъ, была *надѣта* на шею его *незатяжною* петлею...

Замѣчаніе. При осмотрѣ тѣла не былъ сдѣланъ обмѣръ *головы покойнаго,* что могло бы разъяснить весьма важный вопросъ: надѣта ли была петля *черезъ голову,* или завязана *вокругъ шеи,* и была ли надобность *разрѣзать косынку?* Это весьма важно, особенно при тѣхъ *предположеніяхъ,* которыя самъ врачъ объявилъ, *и о которыхъ будетъ сказано ниже.*

3) Въ пунктѣ 3-мъ акта сказано: «Косынка была вблизи ея средины привязана до гвоздя двумя узлами, а двумя концами оной перевязана на передней части шеи, также двумя узлами».

Замѣчаніе. Неопредѣлена причина, отъ чего на шеѣ покойника найдена царапина (о которой въ первомъ актѣ становой умолчалъ). Сдѣлана ли она собственными ногтями покойника? Въ такомъ случаѣ въ актѣ ничего не сказано объ осмотрѣ его ногтей.

Важное обстоятельство. Уѣздный врачъ, явясь на мѣсто происшествія, тотчасъ объявилъ прямо всѣмъ присутствующимъ, что онъ имѣетъ важныя сомнѣнія въ самоубійствѣ покойника; имѣетъ подозрѣнія *въ насильственной* его смерти и основываетъ

ихъ на томъ, что ему, какъ врачу, извѣстно, что у покойника лѣвая рука была *увѣчна* отъ *перелома* и онъ ею *не владѣлъ*, а потому почти невозможно допустить, чтобы покойникъ *могъ* одной рукой завязать на своей шеѣ *косынку узлами*...

Этимъ кончился первый актъ слѣдствія, произведеннаго становымъ приставомъ.

Второй актъ слѣдствія начинается донесеніемъ станового пристава земскому суду, въ которомъ онъ объясняетъ: 1) что на тѣлѣ покойнаго на шеѣ оказалась царапина; 2) уѣздный врачъ при слѣдствіи объявилъ, что ему извѣстно, что покойный былъ увѣченъ на лѣвую руку, не могъ ею свободно дѣйствовать, почему врачъ изъявилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы, при такихъ условіяхъ, покойный могъ *самъ* сдѣлать петлю и себя повѣсить. По этимъ обстоятельствамъ становой приставъ проситъ назначенія, для производства дальнѣйшаго слѣдствія, временнаго отдѣленія суда.

Судъ назначилъ временное отдѣленіе изъ членовъ: исправника, стряпчаго, станового пристава и уѣзднаго врача.

Черезъ пять дней одинъ изъ членовъ отдѣленія, стряпчій, доноситъ суду, что онъ явился на мѣсто происшествія, но, три дня ожидая предсѣдателя временнаго отдѣленія — исправника, заболѣлъ, и проситъ назначить на его мѣсто секретаря суда.

Наконецъ, черезъ недѣлю, временное отдѣленіе явилось и составило актъ, за подписомъ только двухъ лицъ: исправника и станового пристава. А почему актъ не подписанъ другими членами временнаго отдѣленія, въ актѣ не объяснено.

Актъ заключается въ слѣдующемъ: «Временное отдѣленіе, разсмотрѣвъ дѣло, произведенное *до сихъ поръ* становымъ приставомъ, находитъ, что всѣ его дѣйствія, повѣренныя временнымъ отдѣленіемъ, *оказались правильными*, и что за *всѣми* принятыми мѣрами (какими?) виновныхъ въ смерти А. *не оказывается*. Почему *временное отдѣленіе и опредѣляетъ:* дѣло это, какъ неподлежащее *дальнѣйшему разслѣдованію,* передать въ земскій судъ».

Послѣ такого смѣлаго и рѣшительнаго опредѣленія временнаго отдѣленія любопытно бы знать, на чемъ оно основано? *Что именно* дѣлало временное отдѣленіе для повѣрки *правильности дѣйствій* станового пристава? Всѣ повѣрки временнаго отдѣленія ограничились однимъ только составленіемъ указаннаго акта, и то составленнаго и подписаннаго не всѣми членами отдѣленія.

Извѣстное, прямо и смѣло высказанное, мнѣніе врача подкрѣпилось еще болѣе объявленнымъ имъ торжественно становому приставу опредѣленіемъ, что покойника не только *можно, но даже должно* похоронить по христіанскому обряду, чего, какъ извѣстно, по закону должны быть лишены *самоубійцы*...

Брошенное словами врача сомнѣніе не могло не проявиться и въ бывшихъ здѣсь другихъ людяхъ, близкихъ родныхъ покойника, и чужихъ, въ это время навѣстившихъ домъ. Обратили вниманіе на то, дѣйствительно всѣмъ извѣстное обстоятельство, что у покойнаго съ малолѣтства правая рука была менѣе развита, чѣмъ лѣвая (онъ былъ то, что̀ называютъ лѣвша), и что лѣвая рука у него была прежде переломлена, и онъ постоянно ею почти не владѣлъ. Обратили вниманіе на странно-разнорѣчивыя показанія при слѣдствіи жены покойника и домашняго учителя, изъ которыхъ первая въ одно и то же время видѣла мужа *здоровымъ, веселымъ и спокойнымъ*, а послѣдній—*грустнымъ, встревоженнымъ и въ иппохондріи!* Люди, близкіе къ покойнику и по родству, и по отношеніямъ, начали припоминать разныя извѣстныя имъ обстоятельства изъ семейной жизни покойника. Разные слухи и голоса молвы, не обращавшіе прежде на себя вниманія, начали наводить многихъ на догадки, на сомнѣнія... Наконецъ, явились и болѣе опредѣлительныя слова доноса и обличенія въ лицѣ одной дворянки К.

При такихъ обстоятельствахъ одинъ изъ старшихъ и ближайшихъ родныхъ покойника взялъ на себя право и обязанность раскрыть истину.

Отзывъ въ судѣ. Онъ просилъ отношеніемъ земскій судъ снять допросъ съ дворянки К., которая явилась съ доносомъ и обличеніями.

Резолюція на немъ исправника. На этомъ отношеніи была положена слѣдующая резолюція исправника:

«Какъ *мнѣ* извѣстно, что К. *находи-*«*лась* въ сомнительномъ положеніи ума, то, «предварительно снятія съ нея показанія, «освидѣтельствовать ее чрезъ *уѣзднаго* «*врача*».

Такая резолюція исправника совершенно несогласна съ 73 ст. XV т. Свод. Ул. Зак., гдѣ сказано:

«Для полученія свѣдѣній и открытія пре-«ступленій предоставляется слѣдователю «разспрашивать всякаго безъ изъятія, кто «только можетъ имѣть о томъ свѣдѣніе, «хотя бы онъ и не имѣлъ всѣхъ качествъ, «для достовѣрнаго свидѣтельства потреб-«ныхъ».

Сверхъ того, дворянку К. слѣдовало спросить какъ *доносительницу*, а не какъ свидѣтеля.

Актъ свидѣтельствованія дворянки К. уѣздный врачъ, по освидѣтельствованіи, нашелъ дворянку К. *въ совершенномъ сумасшествіи съ яростію.*

Распоряженіе суда. На основаніи такого свидѣтельства, судъ опредѣлилъ, что невозможно съ нея снимать показанія, а потому и отправить ее въ городскую полицію.

Замѣчаніе. Такое освидѣтельствованіе несогласно съ порядкомъ, указаннымъ закономъ объ освидѣтельствованіи умалишенныхъ *дворянъ.* Опредѣленіе суда подписано исправникомъ, врачемъ и стряпчимъ. Отчего оно не подписано непремѣннымъ членомъ суда и секретаремъ, которые въ это время по всѣмъ другимъ дѣламъ суда присутствовали?

Ближайшій родственникъ покойнаго, принявшій на себя обязанность разслѣдовать истину и право протеста противъ неправильности производства слѣдствія, основался на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Слѣдствіе, произведенное первоначально становымъ приставомъ, а потомъ и временнымъ отдѣленіемъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе недостатки, упущенія, противорѣчія, неправильности и противозаконныя дѣйствія:

1) Недостаточность и неполнота акта, составленнаго становымъ приставомъ. (На это было указано выше).

2) Несоблюденіе должной предосторожности предъ снятіемъ показанія съ прислуги и дворовыхъ людей. (На это также было указано выше).

3) Неразъясненное слѣдствіемъ разнорѣчіе показаній: вдовы покойника и домашняго учителя, о состояніи, въ которомъ находился покойникъ. (На это также было указано).

4) Соображеніе слѣдующихъ обстоятельствъ, вытекающихъ изъ показаній, данныхъ при слѣдствіи:

Домашній учитель, получивъ свѣдѣніе отъ мальчика, посланнаго звать барина къ чаю, *«что барина нѣтъ въ комнатѣ», не вошелъ самъ въ комнату, а остановился на порогѣ и началъ звать.* Представляется вопросъ: отчего учитель, свой домашній человѣкъ въ домѣ, не вошелъ *прямо въ комнату со свѣчею, бывшею у него въ рукахъ.* Не ожидалъ ли онъ, не предвидѣлъ ли онъ заранѣе найти въ комнатѣ что-нибудь необыкновенное?.. Женщина Е., слѣдовавшая за учителемъ, отчего она также оставалась позади его, *и толкнула въ комнату мальчика?* Не ожидала ли она также заранѣе найти въ комнатѣ что-то особенное?..

5) Показаніе дворовой женщины Ж. о данной ей помѣщикомъ, а потомъ *отнятой* у нея *бумагѣ, отпускной,* наводитъ на мысль о родившемся у ней на такой поступокъ помѣщика неудовольствіи, а потомъ и желаніи мщенія. Принявъ же дальнѣйшія показанія жены покойнаго, что приготовленная *отпускная* была *уничтожена* помѣщикомъ, *а чрезъ два дня* послѣ *уничтоженія отпускной* и помѣщикъ найденъ *повѣшеннымъ!..* подозрѣніе невольно падаетъ на женщину Ж.

6) Врачебная управа, разсматривая медицинское свидѣтельство о смерти покойника, составленное уѣзднымъ врачемъ, нашла его неполнымъ и потребовала объясненія *о подробностяхъ вида и положенія косынки, на которой висѣлъ покойникъ.* Объясненіе, данное становымъ приставомъ *чрезъ двѣ недѣли* послѣ окончанія слѣдствія, неполно и заключаетъ *предположеніе.* Врачебная управа не приняла въ соображеніе того, что косынка была *перерѣзана потому,* что петля *не могла* быть снята *чрезъ голову...* Такое положеніе объясняетъ, что петля изъ косынки не была сдѣлана заблаговременно, *и потомъ* надѣта чрезъ голову на шею: голова не могла проходить въ пространство петли. Значитъ, покойникъ стянулъ руками петлю на шеѣ?.. Но, не владѣя *лѣвой* рукой, одной *правой,* и при томъ слабой, могъ ли онъ это сдѣлать?..

7) Земскій судъ, получивъ донесеніе станового пристава о замѣченной царапинѣ на шеѣ покойника и высказанномъ врачемъ сомнѣніи *въ самоубійствѣ покойника,* опредѣлилъ: *«Составить временное отдѣленіе для повѣрки и дополненія дѣйствій становою пристава». Черезъ два дня* явился одинъ членъ отдѣленія стряпчій, но, прождавъ одинъ *три дня,* по болѣзни уѣхалъ. Чрезъ шесть дней послѣ опредѣленія (за 15 верстъ отъ города) явилось временное отдѣленіе, въ лицѣ исправника и станового, *и въ тотъ же день кончило свои занятія...*

Въ чемъ же заключались занятія и дѣйствія временнаго отдѣленія, и какъ, и чѣмъ оно *повѣряло и дополняло слѣдствіе становою?* Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ фактовъ въ томъ, чтобы дѣланы были переспросы, снимались новыя показанія. Иначе они должны бы быть подписаны лицами, дававшими новыя показанія, и лицами, дѣлавшими допросы, а этого ничего нѣтъ! Актъ, составленный временнымъ отдѣленіемъ о томъ, что *«виновныхъ въ причинахъ смерти А., за всѣми употребленными мѣрами, не оказывается,* есть актъ произвольный и пустой, потому что въ дѣлѣ нѣтъ ни одной бумаги, которая бы выражала какое-нибудь дѣйствіе или какую-нибудь мѣру, принятую временнымъ отдѣленіемъ, не только для открытія виновнаго въ смерти А., но даже для простого раз-

Вологод. жел. дор.

слѣдованія по даннымъ фактамъ о причинахъ смерти А.

Послѣ *такою окончанія* слѣдственнаго дѣла, временнымъ отдѣленіемъ была подана въ земскій судъ просьба, въ которой одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго просилъ судъ *допустить его къ просмотру* дѣла, и въ случаѣ надобности просить дополненія слѣдственнаго дѣла. Резолюціею исправника въ этомъ прошеніи было *отказано*.

По такимъ соображеніямъ и фактамъ, слѣдствіе, произведенное и *конченное такимъ образомъ* временнымъ отдѣленіемъ, конечно, не могло удовлетворить никого изъ лицъ, для которыхъ желаніе открыть настоящую причину смерти А. и разсѣять возбужденныя ею сомнѣнія было желаніемъ понятнымъ и обязательнымъ, и по чувствамъ близкаго родства съ несчастнымъ покойникомъ, и по долгу чести, и по сознанію необходимости протеста противъ неправильныхъ и противозаконныхъ дѣйствій временнаго отдѣленія, или, правильнѣе сказать, противъ дѣйствій предсѣдателя отдѣленія—земскаго исправника.

Оставалось одно, что̀ и сдѣлано — просить начальника губерніи о назначеніи *особеннаго* слѣдователя.

Новое слѣдствіе поручено было чиновнику особыхъ порученій при начальникѣ губерніи.

ПЕРЕСЛѢДОВАНІЕ ДѢЛА.

Явился новый слѣдователь — чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ губерніи.

Понятно, что дѣлать слѣдствіе *не по горячимъ слѣдамъ*, а слишкомъ чрезъ два мѣсяца послѣ происшествія; дѣлать новые переспросы людямъ, уже одинъ разъ спрошеннымъ, и при томъ спрошеннымъ коекакъ, безъ всякаго вниманія къ дѣлу,—все это мало обезпечиваетъ возможность открыть истину.

Но слѣдствіе назначено, съ дозволеніемъ присутствовать при производствѣ слѣдствія лицу, подавшему протестъ противъ неправильности первоначальнаго слѣдствія.

Новое слѣдствіе началось переспросами.

Показанія на переспросѣ мальчика Б. Къ прежнимъ показаніямъ добавилъ слѣдующія: 1) Помѣщикъ былъ одѣтъ въ халатѣ и, ложась отдыхать послѣ обѣда, приказалъ мальчику Б. снять съ него сапоги и остался въ чулкахъ. *На шеѣ не была повязана косынка.* 2) Войдя въ комнату звать барина къ чаю, мальчикъ Б. замѣтилъ, что постель была измята, простыня также измята *и не на своемъ мѣстѣ;* головныя подушки сдвинуты внизъ, халатъ лежалъ на полу, возлѣ кровати. Никакихъ пятенъ на полу не замѣтилъ. 3) Лицо у висѣвшаго было бѣлое, глаза закрыты, языкъ немного высунутый. 4) По прибытіи станового пристава и по осмотрѣ тѣла на немъ *перемѣнили бѣлье* на чистое; а старое, т.-е. то, которое на немъ было надѣто, также подушки и халатъ, тогда же вынесли въ кладовую. 5) Послѣ показаній, снятыхъ съ него становымъ приставомъ, *никто въ другой разъ его ни объ чемъ не спрашивалъ.*

Замѣчаніе. Это послѣднее объясненіе доказываетъ, *что временное отдѣленіе, дополняя* слѣдствіе, не дѣлало мальчику Б. никакихъ вопросовъ.

Протестъ. Указано письменно и словесно слѣдователю, что мальчикъ Б. видимо затруднялся отвѣчать на вопросы, къ которымъ не приготовился, и которые не были ему предлагаемы при *первомъ* допросѣ.

Переспросъ вольноотпущенной женщины Е. Къ прежнимъ показаніямъ добавила слѣдующія: 1) что учитель Г. передалъ ей, что помѣщикъ въ день смерти выпилъ за обѣдомъ цѣлую бутылку наливки. 2) Что учитель Г., на ея предложеніе позвать барина къ чаю, приказалъ ей послать мальчика. — 3) При входѣ въ комнату покойника она замѣтила, что халаты лѣтній и зимній лежали на полу возлѣ кровати. 4) Когда помѣщикъ отдыхалъ послѣ обѣда, учитель Г. два раза проходилъ по корридору, мимо дверей комнаты покойника, и унималъ дѣтей, чтобъ они не шумѣли. 5) Первыя показанія при допросѣ дѣлалъ ей становой приставъ; но что̀ она говорила, переспрашивалъ ли ее кто-нибудь въ другой разъ, кто подписалъ за нее показанія, она ничего не помнитъ, по причинѣ девятидневной болѣзни со дня происшествія.

«*Замѣчаніе:* 1) учитель Г. передавалъ всѣмъ, и уѣздному врачу, что покойникъ выпилъ въ тотъ день за обѣдомъ цѣлую бутылку наливки.— Уѣздный врачъ, анатомируя тѣло, по вскрытіи желудка нарочно позвалъ учителя Г., и при всѣхъ членахъ и понятыхъ показалъ, что въ желудкѣ трупа не оказалось никакихъ признаковъ спиртовыхъ напитковъ, хотя послѣдняя принятая пища найдена въ кишкахъ еще не переваренною.

«2) Въ слѣдственномъ дѣлѣ станового пристава означено, что женщина Е. *слово въ слово подтверждаетъ показаніе* мальчика Б., а она объявила, что была больна и ничего не помнитъ. Значитъ, если временное отдѣленіе и спрашивало ее, то она была тогда въ горячкѣ?

«3) Учитель Г. ходилъ по корридору, мимо дверей комнаты, гдѣ спалъ покойникъ. — Отчего онъ отказался идти *самъ* звать его къ чаю, а приказалъ послать мальчика?

«4) Отчего халаты были разбросаны *на полу?* И отчего объ этомъ, а также и о безпорядкѣ,

въ которомъ найдена постель, не было сказано ничего въ актѣ станового пристава и *въ дополненіи* слѣдствія временнымъ отдѣленіемъ?»

Журналъ слѣдователя. По журналу заключено: «мальчикъ Б. сбивался въ отвѣтахъ на вопросы».—На сдѣланный вопросъ: какая же бываетъ *падучая болѣзнь*? отвѣчалъ: «*баринъ бѣгалъ безъ шапки, кричалъ, и у него бывало подъ горломъ красное*». Замѣчено, что мальчикъ боялся *проговориться*.

Протестъ. 1) Показаніе мальчика есть разсказъ затверженный. Покойникъ не имѣлъ никогда признаковъ *падучей болѣзни*, что̀ знаютъ *всѣ* его родные и его няня. Правою рукою онъ съ дѣтства владѣлъ слабо.

2) Дѣйствія временнаго отдѣленія ничѣмъ не обнаруживаются: допросовъ не было никому. Сверхъ того, дѣло изъ временнаго отдѣленія передано новому слѣдователю не прошнурованное и не скрѣпленное по листамъ секретаремъ суда. Это уже сдѣлано только по требованію новаго слѣдователя.

Отвѣтъ городской полиціи на отвѣтъ слѣдователя, 20 января. Полиція увѣдомила, что дворянка К. 12 января того года выѣхала изъ города.

«*Замѣчаніе.* Полиція отвѣчала не на вопросъ, и не объяснила, почему по отношенію земскаго суда, который призналъ ее *сумасшедшею съ яростію, а потомъ опасною для всѣхъ*, полиція не учредила за нею надзора, и даже не отобрала отъ нея документовъ? — Такое распоряженіе полиціи наводитъ на мысль *объ устроенномъ* выѣздѣ дворянки К. изъ города въ то время, когда началось переслѣдованіе дѣла».

Отношенія исправника къ слѣдователю,—1-е, 18 января. Вопросъ слѣдователя. «Такъ какъ исправникъ находился въ домѣ умершаго помѣщика А. 23 и 25 октября (въ тѣ дни, когда производилъ тамъ слѣдствіе становой приставъ, а потомъ и уѣздный врачъ), то *зачѣмъ* онъ находился тамъ: въ качествѣ ли *исправника* или *частнаго лица*?» На это исправникъ отвѣчалъ: «что такой вопросъ есть *неумѣстное любопытство* и что онъ былъ *тамъ*, какъ *исправникъ, для направленія* слѣдствія, производимаго становымъ приставомъ».

«*Замѣчаніе.* Мы видѣли, *какое* далъ онъ *направленіе* дѣлу! Мы видѣли, какъ неполно былъ составленъ первый актъ слѣдствія, какъ неправильно производились допросы. Если исправникъ *самъ* сознается, что онъ *лично направлялъ* это первое слѣдствіе, то слѣдовательно на него и должна пасть вся отвѣтственность за всѣ упущенія, за всю неправильность и противузаконность слѣдствія».

2) 18 января. Этимъ отношеніемъ исправникъ отказываетъ слѣдователю сообщить къ дѣлу прошеніе, поданное начальнику губерніи о неправильномъ производствѣ слѣдствія, и объясненіе, данное исправникомъ по этому предмету на запросы начальника губерніи.

Показаніе при слѣдствіи помѣщика А. И. 20 января. При осмотрѣ тѣла покойника въ началѣ слѣдствія не былъ. Войдя въ комнату, засталъ тамъ много крестьянъ. Тѣло лежало на кушеткѣ, покрытое бѣлой простыней: *другихъ вещей въ комнатѣ не было.* Послѣ анатомированія тѣла уѣздный врачъ, при помѣщикахъ Н. И. П. и стряпчемъ, объявилъ всѣмъ: 1) что онъ въ желудкѣ не нашелъ никакой жидкости спиртной, и потому показаніе учителя Г. о выпитой бутылкѣ наливки—есть ложь. 2) Что по вскрытіи черепа, мозгъ найденъ въ нормальномъ положеніи, чистый, неповрежденный, и потому причину смерти отнести *къ болѣзни невозможно.* 3) Что хоронить покойника по христіанскому обряду не только можно, но и должно. 4) Что онъ сомнѣвается въ самоубійствѣ, потому что, не владѣя лѣвой рукой, покойнику невозможно было *повѣситься самому*, тѣмъ болѣе, что на шеѣ не было *затяжной* петли, а платокъ, на которомъ онъ висѣлъ, былъ *привязанъ къ гвоздю*, вбитому въ стѣну. 5) Послѣ такихъ указаній врача, становой приставъ далъ письменное отношеніе священнику о преданіи тѣла землѣ по христіанскому обряду.

Отзывъ секретаря, назначеннаго во временное отдѣленіе за стряпчаго, 20 января. Объясняетъ, что по личному предложенію исправника явился онъ 1 ноября на мѣсто происшествія; акта же, составленнаго временнымъ отдѣленіемъ, «*не подписалъ потому, что не всѣ лица, нужныя къ дѣлу, были собраны*».

«*Замѣчаніе.* Не отговорка ли это? Не потому ли актъ не подписанъ, что *на самомъ дѣлѣ* перепросовъ никому не было дѣлано, и онъ уклонился подписывать *ложный* актъ».

Добровольное дополнительное показаніе вольноотпущенной Е. Явилась къ слѣдователю нетребованная и объявила: наканунѣ смерти покойника, онъ съ своею женою ѣздилъ въ городъ. Когда они выѣзжали, то помѣщица сдѣлала замѣчаніе, что на шеѣ у мужа надѣтъ очень старый платокъ, и приказала горничной подать новый платокъ и повязать шею мужа, что̀ и было исполнено.

Показаніе вдовы покойника. Объясняетъ, что мужъ въ тотъ день былъ сильно встревоженъ, получивъ извѣстіе объ отчаянной болѣзни сына; а также и по слухамъ, что на него подана жалоба отъ помѣщицы, надъ имѣніемъ которой онъ былъ опекуномъ.

«Замѣчаніе. Это новое показаніе несогласно съ ея первыми показаніями при слѣдствіи о томъ, что она оставила мужа *здоровымъ, веселымъ и покойнымъ»*.

Присяжное показаніе помѣщика Г. И. 21 января 1853 года. Заключается въ томъ: 1) что покойный взялъ у него въ ссуду денегъ 400 р. для пополненія денегъ, взятыхъ изъ имѣнія, надъ которымъ покойный былъ опекуномъ. 2) Что покойный былъ подчиненъ волѣ своей жены. 3) Что покойный предлагалъ ему взять его имѣніе въ аренду, а потомъ купить его, объявляя при томъ, что желаетъ въ такомъ случаѣ весь капиталъ передать одному своему старшему сыну. На вопросъ же о причинахъ такого предпочтенія одного сына предъ всѣми другими младшими дѣтьми, покойный отвѣчалъ: *до другихъ дѣтей мнѣ дѣла нѣтъ,* и я не хочу, чтобы *они* получили *что-нибудь изъ моего состоянія.* 4) Предлагая мнѣ купить имѣніе, покойникъ разсчитывалъ, что вырученною суммою, уплативъ всѣ долги свои, у него останется еще капитала по 200 р. на душу, что онъ и оставитъ старшему сыну. Жена покойника мнѣ сознавалась, что она *подслушала* разговоръ нашъ о продажѣ имѣнія и тутъ же просила мужа отложить *продажу до ея возвращенія* изъ поѣздки къ больному сыну. 5) Что жена покойнаго передавала ему, что мужъ имѣетъ припадки падучей болѣзни, расположеніе къ апоплексіи, и что страдаетъ отъ перелома руки. 6) Что однажды исправникъ, находясь въ домѣ покойника, прислалъ съ ямщикомъ записку къ показателю, въ которой приглашалъ его скорѣе пріѣхать, потому *что А. плохъ.* Но когда по этой запискѣ показатель пріѣхалъ тотчасъ же, то засталъ А. здороваго и веселаго. Что покойникъ составилъ духовное завѣщаніе, на которомъ въ качествѣ свидѣтеля подписался исправникъ. 7) Что послѣ этого покойный толковалъ о желаніи продать имѣніе свое, что жена его на это не соглашалась и просила это отложить до ея возвращенія изъ поѣздки въ городъ (той самой поѣздки, которую она сдѣлала въ день смерти покойника). Пріѣхавъ въ день смерти покойника въ его домъ, Г. И. нашелъ тамъ все такъ, какъ показали и другіе свидѣтели. 8) Что 25 числа жена покойника послала къ исправнику записку, *умоляя его пріѣхать.* Что же дѣлалъ тамъ исправникъ по пріѣздѣ, показатель не знаетъ.

«Замѣчаніе. Въ этихъ показаніяхъ обращаютъ на себя вниманіе особенно: исключительная забота покойнаго объ *одномъ только старшемъ сынѣ,* какъ будто онъ не признавалъ своихъ отеческихъ правъ надъ другими дѣтьми. Участіе во всѣхъ его дѣлахъ исправника».

Словесное показаніе уѣзднаго врача слѣдователю. Въ присутствіи другого врача, стряпчаго и священника, уѣздный врачъ объявилъ, что косынка, на которой висѣлъ покойный, была 26 числа *снята съ гвоздя и найдена имъ подъ кроватью.*

Протестъ. При такомъ положеніи косынки можно сомнѣваться, не измѣнены ли были на ней завязки узловъ.

Присяжныя показанія дворовой прислуги. Кучеръ, горничная и другіе дворовые крестьяне показали, что о припадкахъ падучей или какой-нибудь другой болѣзни покойнаго они никогда не слыхали и всегда видѣли его здоровымъ, исключая перелома руки.

Показаніе кучера и горничной. Въ отношеніи тяжкой болѣзни сына, которая, по словамъ жены покойника, заставила ее ѣхать и взять его изъ гимназіи, кучеръ показалъ, что они застали и привезли домой сына здоровымъ, а горничная говоритъ, что онъ былъ боленъ лихорадкой.

Показаніе женщины Е. По пріѣздѣ помѣщицы ея горничная потребовала отъ меня по приказанію госпожи бѣлье, въ которомъ повѣсился покойный. Что она сдѣлала съ этимъ бѣльемъ,—не знаетъ.

Показаніе горничной. Бѣлье дѣйствительно она взяла *для отдачи въ стирку.* Пуговицы на нижнемъ бѣльѣ были *цѣлы.*

Показаніе крестьянина М. На нижнемъ бѣльѣ на пояскѣ *пуговицъ не было* и замѣтно, что онѣ были *оторваны.*

На очныхъ ставкахъ между ними. Горничная созналась, что при полученіи ею бѣлья на нижнемъ бѣльѣ пуговицы *были сорваны,* и *ихъ вовсе не было.*

Показанія всѣхъ дворовыхъ. Всѣ ихъ показанія о наружномъ видѣ тѣла покойника согласны и заключаются въ томъ: 1) что цвѣтъ лица на немъ былъ блѣдный; языкъ немного высунутъ.

2) Что временное отдѣленіе никому изъ нихъ никакихъ вопросовъ и перепросовъ не дѣлало.

3) Что о падучей болѣзни покойнаго они никогда не слыхали.

Присяжное показаніе помѣщика полковника П. Утверждая всѣ показанія другихъ о выраженныхъ и при немъ уѣзднымъ врачемъ сомнѣніяхъ въ самоубійствѣ А., добавилъ слѣдующее: когда онъ въ день происшествія пріѣхалъ въ домъ А., то на вопросъ его дѣтямъ: «гдѣ мать?» они отвѣчали, что мать уѣхала въ городъ, а женщина Е. объявила, что барыня поѣхала взять изъ гимназіи *отчаянно* больного тамъ старшаго сына. На другой же день, когда жена покойнаго А. возвратилась съ сыномъ, на вопросъ, сдѣланный послѣднему

П. *«здоровъ ты?»* Мальчикъ отвѣчалъ: *здоровъ, дяденька!* А боленъ былъ? Нѣтъ,— отвѣчалъ мальчикъ.

«Замѣчаніе. Послѣ этого какъ понять показаніе вдовы *объ отчаянной болѣзни ея сына*, заставившей ее выѣхать за нимъ?»

Показаніе дворянина Д. Временное отдѣленіе ему никакихъ вопросовъ не дѣлало. Въ день смерти покойника онъ видѣлъ его здоровымъ и веселымъ. Падучей болѣзни у него никогда не было.

Присяжное показаніе крестьянина Р., приказчика того имѣнія, надъ которымъ покойный А. былъ опекуномъ. Видѣлся съ покойнымъ помѣщикомъ въ самый день смерти и оставилъ его въ хорошемъ расположеніи. Отпуская его, покойникъ приказывалъ ему явиться опять къ нему *въ тотъ же вечеръ*. О падучей болѣзни у покойника никогда не слыхалъ.

«Замѣчаніе. Всѣ присяжныя показанія людей рѣшительно отвергаютъ *падучую болѣзнь* у покойника. Зачѣмъ жена покойника объявила о падучей болѣзни мужа, которой никто не зналъ никогда у него изъ людей жившихъ всю жизнь съ нимъ?... Заслуживаетъ вниманія также приказаніе, отданное покойнымъ приказчику за нѣсколько часовъ *до самоубійства* явиться къ нему... Къ чему и зачѣмъ дано было это приказаніе?...»

Показаніе священника. Подтверждая содержаніе перваго акта, имъ подписаннаго вмѣстѣ съ становымъ приставомъ о положеніи, въ которомъ найденъ висѣвшій покойникъ, священникъ добавилъ слѣдующее: покойникъ нрава былъ кроткаго, нерѣшительнаго и даже трусливаго. Положеніе дѣлъ его было разстроенное, а семейная жизнь безотрадная...

Отзывъ становою приставa слѣдователю 29 января. Становой приставъ *приказалъ* двумъ десятскимъ наблюдать о сохраненіи *косынки*. На другой день становой приставъ, войдя въ комнату, засталъ, что уѣздный врачъ держалъ *въ рукахъ* косынку и гвоздь и объявилъ, что его *фельдшеръ* снялъ косынку съ гвоздя, оторвалъ часть косынки и гвоздь сломалъ. Самъ уѣздный врачъ связалъ ниткою эту косынку въ одномъ мѣстѣ...

«Замѣчаніе. Многозначительное показаніе, свидѣтельствующее о вниманіи и чиновника земской полиціи, и врача къ требуемому закономъ сохраненію орудія преступленія! *Косынка* въ томъ видѣ, какъ она была, могла служить матеріальнымъ доказательствомъ: самоубійства или убійства покойника...»

Дополнительный актъ уѣзднаго врача о смерти А. На замѣчанія и запросы, сдѣланные врачебною управою, уѣздный врачъ вновь подтверждаетъ свою нерѣшительность сдѣлать заключеніе о причинахъ смерти покойнаго, то-есть, отнести ли ихъ къ самоубійству, или къ насильственной смерти.

Отзывъ вдовы покойнаго. 28 января. Утверждаетъ показаніе помѣщика Г. И. въ томъ, что дѣйствительно покойный мужъ бралъ взаймы деньги, и что она жаловалась на падучую болѣзнь мужа и страданіе его вслѣдствіе перелома руки. *20 числа* она вмѣстѣ съ мужемъ пріѣзжала къ Г. И., котораго мужъ ея просилъ взять имѣніе въ аренду, и даже соглашался продать имѣніе Г. И. Но въ это время, *очень безпокоясь объ отчаянной болѣзни старшаго сына* въ гимназіи, отложилъ сдѣлки по продажѣ имѣнія *до моего возвращенія отъ больного сына*. По пріѣздѣ въ городъ я старалась найти купца на имѣніе, но 24 числа получила извѣстіе отъ учителя Г. *о болѣзни* мужа.

Замѣчаніе. Опять указаніе на болѣзнь сына, отъ которой самъ сынъ отказывается. Искала купца на имѣніе, когда сама говоритъ, что мужъ согласился продать имѣніе Г. И. и что окончательная сдѣлка на продажу имѣнія *отложена* была до возвращенія ея изъ поѣздки, вызванной болѣзнію сына?..

Далѣе въ отзывѣ она утверждаетъ, что дѣйствительно косынка, служившая орудіемъ смерти, есть та самая, которую она приказала принести и повязать на шею мужу въ день выѣзда ихъ 20 числа. При этомъ приложена и копія духовнаго завѣщанія покойника.

Замѣчаніе. Въ духовномъ завѣщаніи изъявлено желаніе, чтобы одинъ старшій сынъ завѣщателя соединилъ всѣ части имѣнія, которыя достанутся его братьямъ и сестрамъ, сплативъ имъ деньгами. Въ этихъ словахъ акта проглядываетъ предпочтеніе, даваемое покойнымъ одному своему сыну, о чемъ и указано въ показаніяхъ Г. И. Замѣчательно еще то, что послѣ составленія *этого духовнаго завѣщанія* покойникъ тотчасъ же старался *продать* имѣніе, и какъ мы видѣли, сдѣлалъ бы это, если бы жена его не уговорила *отложить* эту сдѣлку до ея возвращенія *отъ больного сына*. Все это заставляетъ думать, что духовное завѣщаніе было не по душѣ покойнику, подписано имъ не по убѣжденію и не по волѣ, и что онъ самъ искалъ случая тотчасъ продать имѣніе и свое завѣщаніе сдѣлать недѣйствительнымъ.

Отношеніе казначейства къ слѣдователю 5 февраля. Казначейство увѣдомило, что полиція требовала отпуска денегъ для отправки въ домъ умалишенныхъ дворянки К. Почему казначейство и выдало на этотъ предметъ деньги 5 р. 14½ к. *24 декабря*. Но полиція 28 обратила эти деньги въ казначейство, *какъ оставшіяся безъ употребленія*.

Замѣчаніе. Чѣмъ могутъ быть объяснены *такія* дѣйствія полиціи? Однимъ желаніемъ угодить исправнику, удаливъ *изъ-подъ руки* дворянку К., какъ свидѣтеля опаснаго.

Отношеніе уѣзднаго врача городской полиціи 18 декабря. «По свидѣтельствованіи мною въ присутствіи суда дворянки К. она признана *сумасшедшею въ полномъ смыслѣ и съ жестокою яростію.* Почему, дабы она не сдѣлала *какого-нибудь особеннаго поступка,* чего *всякую минуту опасаться должно,* должна она *безъ малѣйшаго замедленія* быть отправлена въ богоугодное заведеніе».

Замѣчаніе. Послѣ такою отношенія полиція не испугалась *ни ярости* и никакихъ *опасныхъ* случаевъ отъ сумасшедшей. Видно, что полиція имѣла основаніе *не раздѣлять* мнѣнія врача и суда объ опасномъ сумасшествіи К. Она ее оставила на свободѣ, а потомъ предоставила ей возможность ѣхать, *безъ вѣдома* полиціи, неизвѣстно куда.

Отношеніе станового пристава священнику 25 октября. Проситъ предать тѣло повѣсившагося покойника землѣ *по христіанскому обряду.* Это и было исполнено въ тотъ же день вечеромъ.

Объясненіе станового пристава на запросъ слѣдователя 5 февраля. На запросъ слѣдователя: почему при дѣлѣ нѣтъ бумаги о преданіи тѣла покойника землѣ по христіанскому обряду, становой приставъ объясняетъ: 1) что ему стряпчій сказалъ, что *это обстоятельство будетъ* объяснено *въ дѣлѣ временнаго* отдѣленія. 2) Что отношеніе его къ священнику о погребеніи покойника было основано на предварительномъ изслѣдованіи подъ личнымъ наблюденіемъ исправника.

Замѣчаніе. Значитъ, что исправникъ приказалъ ему это, значитъ, что исправникъ самъ не вѣрилъ *въ самоубійство,* иначе онъ, какъ начальникъ полиціи, не долженъ былъ допустить нарушенія закона о лишеніи *самоубійцъ* христіанскаго погребенія.

Далѣе становой приставъ на вопросы слѣдователей объясняетъ: что бѣлье, бывшее на покойникѣ, постель и мебель въ комнатѣ *были сохранены до прибытія врача и стряпчаго.*

Замѣчаніе. Это объясненіе *голословно,* потому что въ первомъ актѣ, составленномъ становымъ приставомъ, ни одного слова не сказано объ этихъ предметахъ.

Дополнительное показаніе вольноотпущенной женщины Е. Когда покойникъ отдыхалъ послѣ обѣда, то дѣти находились въ своей комнатѣ, совершенно тихи и смирны, и я для того, чтобы ихъ занять, распустила свои косы и дала имъ заплетать, что̀ дѣти дѣлали совершенно тихо. Учитель Г. два раза приходилъ, какъ говоритъ, для усмиренія дѣтей.

Замѣчаніе. Какое вѣроятіе имѣетъ показаніе учителя Г., что онъ два раза приходилъ *унимать* шумъ дѣтей? Приходя такимъ образомъ два раза въ комнату дѣтей, учитель два раза проходилъ по корридору, мимо незапертыхъ дверей комнаты покойника. Вопросъ медицинскій: можетъ ли самоудушеніе платкомъ, безъ затяжной петли, совершиться такъ тихо, чтобы не было слышно хрипѣніе умирающаго? Если учитель слышалъ *воображаемый* шумъ дѣтей, то, проходя мимо комнаты, гдѣ совершалось такое самоубійство, могъ ли онъ не слыхать ничего?

Дополнительное показаніе мальчика Б. 1) У покойника было *двѣ черныхъ косынки:* на одной онъ носилъ на перевязи больную руку, а другою повязывалъ шею. Эта послѣдняя, когда онъ раздѣвался для отдыха, была положена имъ на кушетку возлѣ кровати; на которой именно изъ двухъ косынокъ онъ повѣсился, не знаю. 2) Когда я раздѣвалъ покойника и снялъ сапоги, то замѣтилъ, что на нижнемъ бѣльѣ были *пуговицы,* которыя и *были застегнуты.*

Замѣчаніе. Гдѣ же дѣвалась *другая* косынка, на которой носилъ покойникъ больную руку, это не открыто. На нижнемъ бѣльѣ пуговицъ послѣ *не оказалась,* какъ видно изъ показаній другихъ лицъ.

Отзывъ вдовы покойнаго, 16 февраля. Пріѣхавъ домой 25 числа, заставъ дома смерть мужа и безпокоясь о томъ, что *не сдѣлано распоряженія о похоронахъ* и о медицинскомъ освидѣтельствованіи, я послала записку къ исправнику и просила его, какъ полицейское лицо, *отыскать уѣзднаго врача.*

Замѣчаніе. Жена покойника возвратилась домой 25 числа въ полдень, когда уже тамъ были *уѣздный врачъ и становой приставъ.* Это показали они сами и всѣ лица спрошенныя. Значитъ, просить *исправника* запиской объ отысканіи врача не было надобности. Еще до возвращенія жены покойника въ домъ братьями ея мужа было все *приготовлено къ погребенію,* и на самомъ дѣлѣ покойникъ былъ похороненъ *въ этотъ же вечеръ.* Слѣдовательно настоящее содержаніе записки вдовы къ исправнику осталось неизвѣстно. Далѣе: исправникъ самъ *письменно* объяснилъ, что онъ пріѣхалъ въ домъ покойника 25 числа вечеромъ уже *послѣ похоронъ покойника, гдѣ* и пробылъ *до поздна,* а ночевать отправился къ становому приставу въ томъ же селеніи.

Протестъ. Въ такихъ неправильныхъ показаніяхъ и противорѣчіяхъ съ дѣломъ и фактами слѣдовало уличить вдову, чего слѣдователь не сдѣлалъ.

Отзывъ вдовы покойника, 17 февраля. Разсмотрѣвъ предъявленную мнѣ косынку, нахожу: что только одинъ оторванный отъ нея маленькій кусочекъ принадлежитъ той

самой косынкѣ, которая по приказанію моему была повязана на шею мужа; другой же большой кусокъ косынки есть совершенно *другой* ткани, *другой* доброты, и *старый:* моя же косынка была новая, изъ которой остался только одинъ небольшой кусокъ, мнѣ теперь предъявленный.

Показаніе учителя Г. 17 февраля. Послѣ похоронъ покойника 25 числа, уѣздный врачъ *остался ночевать въ домъ.* Поутру 26 числа, услышавъ шумъ въ комнатѣ покойника, я вошелъ туда. Врачъ сказалъ мнѣ, что *пропала косынка, на которой повѣсился несчастный покойникъ.* Врачъ спросилъ у бывшихъ тутъ женщинъ, гдѣ *дѣвалась косынка?* Онѣ отвѣчали, что ее взялъ фельдшеръ. Позвали фельдшера и онъ сознался, что *взялъ косынку,* и тотчасъ ушелъ, и возвратился *съ двумя кусками* косынки. Врачъ взялъ эти куски, собственными руками сдѣлалъ узелъ и, положивъ эту косынку *въ свой карманъ,* уѣхалъ.

Присяжное показаніе крестьянина М. Подтверждаетъ все показаніе учителя о косынкѣ.

Отзывъ уѣзднаго врача слѣдователю. На вопросъ слѣдователя о подлогѣ косынки *уѣздный* врачъ цѣлый *мѣсяцъ* не давалъ никакого отвѣта. А предъ самымъ отъѣздомъ слѣдователя подалъ ему отзывъ, содержаніе котораго неизвѣстно.

Показаніе фельдшера на запросы слѣдователя по тому же предмету...

Замѣчаніе. Этихъ двухъ важныхъ документовъ при дѣлѣ *вовсе не оказалось!* Кто ихъ уничтожилъ, гдѣ эти бумаги дѣвались при своемъ путешествіи изъ одного мѣста въ другое, это канцелярская тайна, которую проникнуть *никто не нашелъ нужнымъ.*

Объясненія исправника на запросы начальника губерніи противъ жалобы, поданной о неправильномъ производствѣ слѣдствія. Изъ канцеляріи губернатора было прислано слѣдователю прошеніе и объясненіе противъ него исправника.

Прошеніе заключалось въ жалобѣ за недопущеніе къ просмотру слѣдственнаго дѣла, которое было производимо временнымъ отдѣленіемъ неполно и неправильно, и требовало самаго внимательнаго производства, вслѣдствіе извѣстнаго сомнѣнія, выраженнаго уѣзднымъ врачемъ въ самоубійствѣ покойника.

ОБЪЯСНЕНІЯ ИСПРАВНИКА.

1) Сомнѣніе въ самоубійствѣ помѣщика А., изложенное въ прошеніи, *несправедливо и ни на чемъ не основано:* если покойный А. и не владѣлъ лѣвою рукою, а правая также была у него слаба, то *я нахожу,* что онъ *могъ* одною рукою *съ помощію зубовъ* прикрѣпить косынку, и прислонясь къ стѣнѣ спиною, могъ удобно концы косынки обвести одной рукой кругомъ шеи и съ помощію зубовъ завязать узелъ; потомъ, подогнувъ колѣни и опустясь къ полу, могъ легко задушить себя».

Замѣчаніе. Исправникъ объясняетъ происшествіе — *точно какъ будто бы самъ онъ тамъ былъ!* Если же онъ объясняетъ весь процессъ смерти, какъ свое собственное предположеніе и догадки, то онъ, какъ слѣдователь, обязанъ былъ объяснить *совсѣмъ другое, именно:* что открылось по слѣдствію и что онъ самъ сдѣлалъ для раскрытія истины и для разъясненія сомнѣній, высказанныхъ врачемъ, и о которыхъ ему было донесено? Но мы видѣли въ свое время, что исправникъ, какъ слѣдователь, ничего не дѣлалъ.

2) Исправникъ объясняетъ, что главною причиною самоубійства покойника было запутанное положеніе его дѣлъ, какъ человѣка *отъ природы мнительнаго и нерѣшительнаго.*

Замѣчаніе. Вопросъ: можетъ ли человѣкъ, *отъ природы мнительный и нерѣшительный* посягнуть на самоубійство? Запутанность собственныхъ дѣлъ покойника, по его мнѣнію, на самомъ дѣлѣ не была такъ велика, какъ изображаетъ ее исправникъ. Помѣщикъ Г. И., которому покойникъ запродалъ свое имѣніе, въ одномъ изъ своихъ показаній говорилъ, что, уплативъ *всѣ* долги свои суммою, вырученною отъ продажи имѣнія, у покойника составлялся чистый капиталъ по 200 руб. на ревизскую душу, что по числу душъ въ имѣніи составило бы капиталъ болѣе 30.000 руб. сер., что вовсе не составляетъ отчаяннаго и безвыходнаго положенія дѣлъ, въ особенности въ той степени, чтобы рѣшиться на самоубійство! Письмо, найденное въ комнатѣ покойника, писанное въ день смерти (о которомъ упоминается въ актѣ станового пристава), заключаетъ въ себѣ просьбу къ помѣщику Г. И. *прислать за нимъ лошадей.* Значитъ, покойникъ собирался въ тотъ день *уѣхать* къ Г. И., *а не умереть.*

Далѣе: покойникъ страдалъ ипохондріею, переломомъ руки и падучею болѣзнію съ дѣтства, что вообще имѣло сильное вліяніе на его душевныя и *умственныя* способности; обязанности опекуна, наложенныя на него правительствомъ, для него были невыносимы. Собственное его имѣніе было обременено долгами, и онъ за два дня до смерти пріѣзжалъ продавать свое имѣніе помѣщику Г. И. и окончаніе этого дѣла отложилъ только *до возвращенія своей жены, которой не дождавшись, повѣсился».*

Замѣчаніе. Приписывать падучую болѣзнь покойнику первая начала его жена. Никто изъ близко знавшихъ его и прислуги, какъ мы видѣли изъ показаній, не призналъ за нимъ припадковъ падучей болѣзни. Сверхъ того, покойникъ служилъ засѣдателемъ уѣзднаго суда, присутствовалъ тамъ ежедневно, и никто изъ его товарищей никогда не видѣлъ у него припадковъ падучей болѣзни. Если же исправникъ при жизни покой-

ника зналъ за нимъ, какъ онъ объясняетъ, кромѣ падучей болѣзни еще иппохондрію, *разстройство умственныхъ* способностей, и разореніе собственнаго имѣнія, то какъ могъ исправникъ, представитель полиціи въ уѣздѣ, допустить, чтобы *такой* человѣкъ былъ опекуномъ значительнаго сиротскаго имѣнія? Какъ же самъ исправникъ въ этомъ случаѣ исполнялъ свою обязанность?

Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что самъ исправникъ, за нѣсколько дней до смерти покойника, подписалъ, въ качествѣ свидѣтеля, его духовное завѣщаніе. Какъ же могъ исправникъ, убѣжденный, какъ онъ говоритъ, въ разстройствѣ умственныхъ способностей завѣщателя, подписать *его завѣщаніе?* Исправникъ пишетъ, что покойникъ ожидалъ только возвращенія жены для совершенія запродажнаго акта (а жена показала, что оставила мужа здоровымъ, веселымъ и спокойнымъ), то зачѣмъ же было посягать на самоубійство человѣку мнительному и нерѣшительному, какимъ его зналъ исправникъ, и съ такими приготовленіями и затрудненіями умирать, какъ описалъ исправникъ? Покойникъ не принялъ даже никакихъ предосторожностей, потому что, какъ изъ дѣла видно, и дверь въ его комнату не была заперта! О составленіи духовнаго завѣщанія хлопотали жена покойника и исправникъ. А продажа имѣнія, на которую рѣшился покойникъ, послѣ составленія духовнаго завѣщаніи, не нравилась женѣ его, и она его уговорила *отложить* окончаніе продажи *до ея возвращенія изъ города,* куда она *спѣшила,* ссылаясь *на отчаянную* болѣзнь сына въ гимназіи, каковая болѣзнь сына оказалась при слѣдствіи недѣйствительною.

3) Исправникъ пишетъ: чтобы открыть причину смерти покойника, *онъ употреблялъ всѣ мѣры и старанія.* Что же касается до моего отказа, сдѣланнаго помѣщику И. на просьбу о допущеніи его къ пересмотру и переслѣдованію дѣла, то я не находилъ достаточнымъ одного выраженнаго сомнѣнія для того, чтобы допустить переслѣдовать *аккуратно мною изслѣдованное дѣло.*

Замѣчаніе. Мы видѣли уже всю аккуратность разслѣдованія исправника: когда уже высказано было сомнѣніе врача, и тогда самъ исправникъ явился на мѣсто слѣдствія *черезъ пять дней* и окончилъ его *въ одинъ день.* Мы видѣли, что и прежде формальнаго выѣзда съ временнымъ отдѣленіемъ исправникъ самъ находился на мѣстѣ происшествія, для того, какъ онъ пишетъ, чтобы скрытно *направлять* это дѣло. Мы видѣли, какъ въ силу *такого направленія* было *аккуратно и правильно* произведено первоначальное слѣдствіе становымъ приставомъ. Мы видѣли, какъ временное отдѣленіе, не въ полномъ своемъ составѣ, не дѣлало даже перепросовъ. Мы видѣли наконецъ и актъ, составленный временнымъ отдѣленіемъ *о правильности производства слѣдствія,* котораго оно не повѣряло и само не дополняло! Переслѣдованіе дѣла чиновникомъ особыхъ порученій выказало такія подробности, о раскрытіи которыхъ и не думало временное отдѣленіе: а тогда еще время было не утеряно!..

4) Наконецъ исправникъ заключилъ свое донесеніе начальнику губерніи слѣдующимъ своимъ мнѣніемъ: что дальнѣйшее переслѣдованіе этого дѣла *онъ находитъ совершенно безполезнымъ.*

Замѣчаніе. Конечно, исправникъ имѣлъ причины *не желать* переслѣдованія этого дѣла.

При началѣ переслѣдованія дѣла чиновникомъ особыхъ порученій исправникъ разною перепискою умѣлъ замедлить его около трехъ мѣсяцевъ. Безпорядокъ, въ какомъ передано было дѣло отъ исправника, удивилъ даже чиновника: дѣло доставлено неперенумерованное по листамъ и нескрѣпленное, а нѣкоторыя бумаги изъ дѣла *исчезли.*

Отзывъ непремѣннаго засѣдателя земскаго суда слѣдователю, 17 февраля. На запросъ слѣдователя о произведенномъ въ судѣ освидѣтельствованіи сумасшествія дворянки К., непремѣнный засѣдатель отвѣчалъ: «Въ отсутствіе исправника я по опредѣленію суда *снялъ показаніе* съ дворянки К. въ присутствіи стряпчаго и показаніе это *было пріобщено къ дѣлу.* Опредѣленія же *объ освидѣтельствованіи* въ судѣ дворянки К. *я не подписалъ,* потому что такое освидѣтельствованіе производилось *по резолюціи исправника, а я былъ убѣжденъ,* что дворянку К. *слѣдовало спросить,* какъ *объявившую, что ей извѣстны убійцы* помѣщика А....»

Замѣчаніе. Изъ такого отзыва члена суда видно, что съ дворянки К. *было снято показаніе, и пріобщено къ дѣлу.* Гдѣ же этотъ актъ? Его вовсе *не было и нѣтъ* при дѣлѣ, переданномъ исправникомъ слѣдователю! Исправникъ уничтожилъ этотъ важный документъ и замѣнилъ его другими: во-первыхъ, *новымъ* опредѣленіемъ суда: объ освидѣтельствованіи сумасшествія дворянки К.; во-вторыхъ, составленнымъ актомъ, которымъ дворянка К. признана *сумасшедшею съ яростію.* Такое дѣйствіе исправника, какъ умышленное уничтоженіе документа, составленнаго въ судѣ, документа, объясняющаго преступленіе и называющаго преступника, есть подлогъ, дающій право подозрѣвать исправника въ желаніи скрыть всѣ слѣды преступленія, въ особенности если мы припомнимъ указанный въ своемъ мѣстѣ въ этомъ дѣлѣ весь процессъ освидѣтельствованія сумасшествія дворянки К. и всѣ подробности ея *удаленія* изъ города.

На этомъ кончено слѣдствіе, произведенное чиновникомъ особыхъ порученій. Всѣ дѣйствія исправника, какъ *слѣдователя* и какъ *исправника* выразились вполнѣ. Не менѣе ясно высказало слѣдствіе и дѣйствія уѣзднаго врача, въ поступкѣ его съ обличительной косынкой: сама врачебная управа своимъ отношеніемъ къ слѣдователю отъ 24-го февраля означаетъ: «важность вида и пространства петли изъ косынки при медицинскомъ обсужденіи о возможности или невозможности самоубійства». Уѣздный врачъ, какъ мы видѣли изъ показаній, уничтоживъ это орудіе смерти, уничтожилъ и самую возможность опредѣлить родъ смерти покойника. Если даже допустить, что въ этомъ виноватъ одинъ фельдшеръ, и косынка была уничтожена

имъ безъ участія врача, тѣмъ не менѣе врачъ, вмѣсто того, чтобы обнаружить такой поступокъ фельдшера здѣсь же, предъ членами земской полиціи, и составить объ этомъ актъ, самъ старается скрыть это происшествіе, и еще болѣе: собственноручно связываетъ разорванные куски косынки, дѣлаетъ на ней *произвольные* узлы, *и кладетъ въ свой карманъ!..* Но, принимая во вниманіе, что въ это время здѣсь же находился и исправникъ, можно ли допустить, чтобы *онъ* не зналъ объ этомъ поступкѣ врача? Нельзя не подозрѣвать исправника въ участіи и въ этомъ подлогѣ вмѣстѣ съ уѣзднымъ врачемъ!..

На этомъ кончилось слѣдствіе. Полно оно, или неполно? Не слѣдовало ли дополнить дѣло такими, напримѣръ, вопросами: кому могла быть выгодна смерть покойника? Какія отношенія существовали между разными лицами, жившими въ его домѣ и близкими къ его дому? Какое существовало общественное мнѣніе о домашней семейной жизни покойника, о его смерти и о причинахъ смерти?.. Много есть вопросовъ, разъясненіе которыхъ бросило бы свѣтъ на это темное происшествіе, слѣды котораго такъ усердно старались скрыть лица, обязанность которыхъ раскрыть и обличить истину.

Если бы слѣдствіе первоначально было произведено правильно и законно временнымъ отдѣленіемъ, нѣтъ сомнѣнія, что возбужденныя подозрѣнія въ насильственной смерти тогда же или разъяснились бы, или разсѣялись, какъ неосновательныя. Черезъ нѣсколько же лѣтъ послѣ происшествія, дѣло еще темнѣе, подозрѣнія еще сильнѣе, и вмѣсто *одного* преступленія *подозрѣваемаго*, явилось еще другое, не менѣе оскорбляющее въ каждомъ чувство законной справедливости и нравственности. Это преступленіе лицъ, злоупотреблявшихъ властію и правами закона; и долгое продолженіе *такого* дѣла, подающее надежду на его нескончаемость, не менѣе говоритъ каждому о безнаказанности подобныхъ преступленій...

Дальнѣйшая судьба слѣдственнаго дѣла, конченнаго чиновникомъ особыхъ порученій, неизвѣстна. Кому или куда онъ представилъ дѣло, какъ переходило оно изъ одного мѣста въ другое, неизвѣстно. Съ того времени нѣсколько лѣтъ это дѣло не подавало признака жизни. Наконецъ, напомнило о себѣ:

Отношеніе становою пристава лицу, подававшему жалобу на неправильность производства слѣдствія. (Нѣсколько лѣтъ спустя) «Земскій судъ требуетъ отъ васъ немедленно свѣдѣніе: дѣйствительно ли умершій помѣщикъ А. съ малолѣтства былъ одержимъ падучею болѣзнію?»

Отвѣтъ. Указывая на показанія объ этомъ предметѣ, собранныя уже въ свое время въ слѣдственномъ дѣлѣ; указывая на многія лица, могущія подтвердить о томъ, что покойникъ никогда не имѣлъ припадковъ падучей болѣзни, отвѣтъ оканчивается слѣдующими словами: «Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ длится дѣло о смерти А., многіе изъ свидѣтелей, жившихъ во время происшествія, теперь уже умерли. Если еще такой ходъ дѣла продлится, то случиться можетъ, что не только люди, въ этомъ дѣлѣ свѣдущіе, но и мнѣ, подавшему голосъ за кровь, смерть замкнетъ уста, какъ человѣку уже преклонныхъ лѣтъ, и воспоминаніе объ этомъ дѣлѣ останется только въ архивахъ уголовныхъ дѣлъ; а рѣшеніе суда послѣдуетъ *тамъ, гдѣ нѣтъ ни пристрастій, ни ходатайствъ, ни крайней законной проволочки!*»

Замѣчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему отнести и какъ понять такое обстоятельство, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ застоя этого дѣла, вдругъ оно пробуждается и напоминаетъ о себѣ такимъ вопросомъ, который разрѣшенъ уже въ самомъ началѣ слѣдствія; а если и надобно было еще разъяснить это обстоятельство дополнительными вопросами, то неужели можно было откладывать это дополненіе *на* нѣсколько лѣтъ?..

И съ тѣхъ поръ дѣло опять заснуло и, вѣроятно, сномъ непробуднымъ. Чѣмъ оно, однакожъ, можетъ кончиться?.. Можетъ окончиться тѣмъ, что «Виновныхъ въ смерти по дѣлу не откроется и предастся дѣло волѣ Божіей. А за оказавшіяся *неправильности* при производствѣ слѣдствія, сдѣлается *такимъ-то лицамъ замѣчаніе*».

Такъ производятся многія слѣдствія! Можно указать на слѣдственныя дѣла, по которымъ убійца или мѣновщикъ фальшивыхъ ассигнацій оказывается только немного подозрѣваемымъ; а человѣкъ, сдѣлавшій обыкновенный поступокъ, оказывается по слѣдствію виновнымъ въ уголовномъ преступленіи...

379. Повѣсти и разсказы С. Т. Славутинскаго.

Москва. 1860.

Напечатано вмѣстѣ съ № 378.

Обращаю вниманіе читателей на изложеніе Добролюбовымъ въ началѣ статьи хода развитія въ нашей литературѣ элемента народности. Оно очень кратко, конечно, схематично, но безусловно правильно. 1859—1860 годы являлись гранью, которая отдѣляетъ дѣланую, искусственную народность отъ естественно вошедшей въ литературу. Правда, въ смыслѣ художественномъ первые опыты новой беллетристики были не вполнѣ удовлетворительны, но, несмотря на то, — говоритъ Добролюбовъ, — все-таки, начинаешь болѣе цѣнить этихъ людей (народъ), нежели по прежнимъ, сахарнымъ разсказамъ: «тамъ было высокомѣрное снисхожденіе, а здѣсь *вѣра въ народъ*». Вотъ этотъ-то элементъ и ставилъ литературу о народѣ на-ново, придавалъ ей самой вѣру въ себя, въ свою силу. Добролюбовъ охотно извиняетъ новой народной литературѣ ея художественные дефекты. «Если ужъ выбирать между искусствомъ и дѣйствительностью, то пусть лучше будутъ неудовлетворяющіе эстетическимъ теоріямъ, но вѣрные смыслу дѣйствительности разсказы, нежели безукоризненные для отвлеченнаго искусства, но искажающіе жизнь и ея истинное значеніе». Ему гораздо важнѣе видѣть въ литературѣ вѣру въ народъ и свободное критическое его изученіе, потому что только при наличности этихъ двухъ элементовъ и можно быть увѣреннымъ въ исполненіи литературой своего святого долга. Выводъ этотъ, по справедливому замѣчанію Пыпина, заключаетъ всѣ лучшія стороны позднѣйшаго народничества, какъ горячаго желанія узнать народъ и служить его дѣлу, и въ немъ не заключались его худшія стороны, какъ, напримѣръ, то неразумное самомнѣніе, которое приводило многихъ «народниковъ» къ отрицанію европейскаго просвѣщенія и гражданственности во имя мнимаго народнаго принципа («Исторія рус. этнографіи», II, 369). Дальше мы встрѣтимъ очень большую статью Добролюбова о народѣ въ литературѣ, въ которой будетъ выражено все значительно полнѣе (см. № 403).

М. Л.

[Лѣтъ семь] [1]) тому назадъ была большая мода на повѣсти изъ простонароднаго быта, и по этому случаю глубокихъ критиковъ нашихъ занималъ тогда вопросъ: «можетъ ли простонародная жизнь быть введена собственно въ литературу, безъ всякаго ущерба для истины, цвѣта и значенія своего?» Одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ тогдашнихъ критиковъ рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно на томъ основаніи, что «искусство имѣетъ свои незыблемыя правила, сохраненіе которыхъ, рядомъ съ случайнымъ, жесткимъ ходомъ жизни—невозможно; ибо какая есть возможность произвести эстетическій эффектъ и въ то же время цѣликомъ выставить бытъ, мало подчиняющійся вообще эффекту?» Воззрѣніе это до сихъ поръ тайкомъ сохраняется нѣкоторыми, и еще недавно выразилось, напр., осужденіемъ всѣхъ комедій Островскаго, какъ противныхъ условіямъ искусства и слишкомъ уже близкихъ къ жизни. Любопытствующіе могутъ еще долго, вѣроятно, любоваться, какъ это воззрѣніе черезъ неправильные промежутки продолжаетъ прорываться грязнымъ вулканомъ въ «Нашемъ Времени» [1]). Но что̀ странно до неприличія въ наше время, то было очень простительно семь лѣтъ тому назадъ, и мы вполнѣ оправдываемъ глубокомысленнаго критика, вспомнивши о его затруднительномъ положеніи въ виду простонародныхъ разсказовъ того времени.

Нужно вамъ сказать о происхожденіи тогдашней страсти къ подобнымъ разсказамъ, чтобы вы удобнѣе могли понять, почему мы критика считаемъ правымъ и даже весьма проницательнымъ въ этомъ случаѣ.

Семь лѣтъ тому назадъ о крестьянскомъ вопросѣ не было и помину, слѣдовательно, разсказы о жизни крестьянъ (разумѣется, безъ всякаго отношенія къ ихъ юридическимъ правамъ или, правильнѣе сказать, обязанностямъ) никого не могли задѣвать за живое, никому не досаждали. А все дру-

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ

[1]) Въ критикѣ Н. Ф. Павлова, Дарагана и М. Власьева.

гое въ то время казалось очень сомнительнымъ и встрѣчалось [съ большимъ недоброжелательствомъ извѣстною частью публики, отъ которой преимущественно зависитъ процвѣтаніе русской литературы] [1]). Чтобы никого не раздражать, русскіе писатели изобрѣли-было тогда особенный какой-то даже не *средній*, а скорѣе *общій* родъ людей, которыхъ званіе, общественное значеніе, сословныя отношенія и проч. оставлялись на догадку читателя, а изображалось только любящее сердце и мечтательное воображеніе. Но и тутъ выходила часто неудача. Изображенъ, напримѣръ, въ повѣсти герой совершенно безъ всякаго званія, и такъ искусно, что слѣдовъ нельзя найти: непомнящій родства, да и только. Но вздумается же автору замѣтить въ одномъ мѣстѣ, что герой крутилъ себѣ усъ; а въ другомъ мѣстѣ сказано, что онъ въ танцахъ платье у дамы оборвалъ: сейчасъ же офицеры и раздражаются, — мундиръ, дескать, маранотъ. И неосторожный авторъ наживаетъ хлопотъ... Въ этой-то крайности и рѣшились, наконецъ, къ мужикамъ обратиться; тѣхъ, дескать, какъ хочешь описывай: они не прочитаютъ, а кто прочитаетъ, такъ тотъ не обидится и на свой счетъ не приметъ. Зато ужъ и досталось же бѣднымъ мужичкамъ! За нѣсколькими писателями, дѣйствительно наблюдавшими народную жизнь, потянулись цѣлыя толпы такихъ сочинителей, которымъ до народа и дѣла-то никогда не было, и думушки-то о немъ въ голову не приходило, а теперь повелось писать о немъ. Говорятъ, въ то время «Сказанія русскаго народа» Сахарова и «Пословицы» Снѣгирева поднялись въ цѣнѣ, и даже «Быта русскаго народа» Терещенка разошлось нѣсколько экземпляровъ. Съ помощью такихъ источниковъ изъ русскаго народнаго быта стали отхватывать драматическія представленія, на манеръ пословицъ Альфреда Мюссе, и разсказы въ самомъ безпримѣрномъ родѣ. Тогда-то обратили на себя общее вниманіе гг. Данковскій, Лазаревскій, Мартыновъ и многіе имъ подобные. Тогда-то г. Потѣхинъ сочинилъ «Крестьянку», г. Михайловъ «Ау» и «Африкана», г. Мей—«Кириллыча», тогда-то принялись за изображеніе простого быта даже такіе писатели, которые до того были насквозь пропитаны духомъ классической древности или полусвѣтскихъ салоновъ: такъ, г. Майковъ произвелъ тогда «Дурочку Дуню», а г. Авдѣевъ ухитрился изобрѣсть «Огненнаго змія». Словомъ—простонародная повѣсть точно такъ же обуяла тогда литературу, какъ въ 1856 и слѣдующихъ годахъ обличительные разсказы о взяточникахъ. Но разница была въ томъ, что крестьянскія повѣсти были настолько же деликатны, насколько обличенія невѣжливы.

Къ мужикамъ тогда приступали съ тою же манерою, какъ и ко всѣмъ другимъ членамъ общества, т.-е. заставляли ихъ постоянно прикидываться непомнящими родства. Какъ мужикъ съ своей деревней связанъ, кѣмъ управляется, какія повинности несетъ, чей онъ и какъ съ бариномъ, съ управляющимъ, съ окружнымъ или исправникомъ вѣдается—это вы могли открыть весьма въ рѣдкихъ случаяхъ,—именно, когда попадался вамъ идеальный управляющій, какъ въ «Крестьянкѣ» [1]), или идеальный исправникъ, какъ въ «Лѣшемъ» [2]), напримѣръ... Житейская сторона обыкновенно пренебрегалась тогда повѣствователями, а бралось, безъ дальнихъ справокъ, сердце человѣческое, и такъ какъ для него ни чиновъ, ни богатствъ не существуетъ, то и изображалась его чувствительность у крестьянъ и крестьянокъ. Обыкновенно герои и героини простонародныхъ разсказовъ сгорали отъ пламенной любви, мучились сомнѣніями, разочаровывались—совершенно такъ же, какъ «Тамаринъ» г. Авдѣева [или «Русскій Черкесъ» г. Дружинина]. Разница вся состояла въ томъ, что вмѣсто: «я тебя страстно люблю: въ это мгновеніе я радъ отдать за тебя жизнь мою», они говорили: «я тея страхъ-какъ люблю; я таперича за тея жисть готовъ отдать». А впрочемъ, все обстояло, какъ слѣдуетъ быть въ благовоспитанномъ обществѣ: у г. Писемскаго одна Марфуша даже въ монастырь ушла отъ любви, не хуже Лизы «Дворянскаго гнѣзда».

Въ виду такихъ-то данныхъ, вышеупомянутый критикъ и произнесъ свое рѣшительное сужденіе о невозможности примирить истину простонароднаго быта съ *незыблемыми* законами искусства. [И дѣйствительно: законы искусства требуютъ, чтобы въ повѣсти или драмѣ строго и естественно развивалось содержаніе само изъ себя и представляло внутреннюю борьбу въ человѣкѣ какихъ-нибудь двухъ началъ; а жизнь нашихъ мужиковъ совершенно зависитъ отъ случайностей разнаго рода—отъ наѣзда станового, отъ расположенія духа управляющаго, отъ болѣзни барской собаки или лошади, отъ нетрезвости земскаго и т. п., и кромѣ того, внутренней борьбы въ нихъ никакой нѣтъ, потому что они, видите ли, «находятся еще въ первобытной непосредственности». Что̀ прика-

[1]) не очень привѣтливо.

[1]) Потѣхина.
[2]) Писемскаго.

жете дѣлать искусству въ такомъ затруднительномъ случаѣ? Семь лѣтъ тому назадъ проницательный критикъ не могъ придумать другого разрѣшенія, какъ,—] [1]) отказаться искусству отъ полнаго воспроизведенія дѣйствительности простонароднаго быта.

Но повернулось дѣло иначе. Пряничныя и кукольныя фигуры мнимо-русскихъ людей произведенныя по нуждѣ тароватыми мастерами, тотчасъ же брошены и забыты, какъ только явилась возможность смѣлѣе заглядывать въ другія сферы общества, болѣе знакомыя пишущему сословію и болѣе близкія читающей публикѣ. Пошли изображать чиновниковъ, офицеровъ, откупщиковъ, помѣщиковъ, и крестьяне стали являться въ повѣстяхъ только уже по своимъ отношеніямъ къ этимъ сословіямъ. Но въ это самое время, когда повѣствователи всего менѣе заботились о мужикѣ, и подошла незамѣтно пора настоящихъ разсказовъ изъ народной жизни.

Крестьянскій вопросъ заставилъ всѣхъ обратить вниманіе на отношеніе помѣщиковъ и крестьянъ. Литература хотѣла тотчасъ принять посильное участіе въ разрѣшеніи вопроса, и между прочимъ приняласьбыло за путь беллетристической обработки существующихъ фактовъ. Но вскорѣ [было соображено, что въ минуту серьезнаго и мирнаго разсужденія о дѣлѣ, не деликатно болтать о фактахъ, выставляющихъ одну сторону въ нехорошемъ видѣ и могущихъ раздражать ее напоминаніями прошлаго, которое должно ужъ скоро кончиться. Итакъ], этотъ предметъ былъ беллетристикою оставленъ въ покоѣ; но не могла быть оставлена безъ вниманія жизнь крестьянъ и существующія условія быта ихъ. Разъясненіе этого дѣла стало уже не игрушкой, не литературной прихотью, а настоятельною потребностью времени. Безъ всякаго шума и грома, безъ особенныхъ новыхъ открытій, взглядъ общества на народъ сталъ серьезнѣе и осмыслился нѣсколько, просто отъ предчувствія той дѣятельной роли, которая готовится народу въ весьма недалекомъ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились и разсказы изъ народнаго быта, совершенно уже въ другомъ родѣ, нежели какіе являлись прежде. До сихъ поръ ихъ явилось еще очень немного, и къ числу этихъ немногихъ принадлежатъ разсказы г. Славутинскаго, на которые мы хотимъ теперь обратить вниманіе нашихъ читателей.

Г. Славутинскій не возвышается надъ многими, изъ предшествовавшихъ простонародныхъ разсказчиковъ, силою художественнаго таланта, а нѣкоторымъ изъ нихъ уступаетъ. Но преимущество его заключается въ другомъ, именно въ самомъ отношеніи его къ предмету, за который онъ берется. Здѣсь имѣетъ онъ ту особенность, что говоритъ постоянно такъ, какъ взрослый человѣкъ долженъ говорить со взрослыми дѣтьми о серьезномъ дѣлѣ. Онъ не подлаживается ни къ читателямъ, ни къ народу, не старается, примѣняясь къ нашимъ понятіямъ, смягчить передъ нами грубый колоритъ крестьянской жизни, не усиливается непремѣнно создавать идеальныя лица изъ простого быта. Онъ не считаетъ нужнымъ и щегольнуть сочувствіемъ къ простому классу, которое съ такимъ самодовольствомъ старались выставить на показъ нѣкоторые изъ прежнихъ, даже талантливыхъ писателей: «вотъ, молъ, я какой добрый,—какъ снисходительно мужиковъ расписываю; а стоятъ ли они этого?» Напротивъ, г. Славутинскій обходится съ крестьянскимъ міромъ довольно строго: онъ не щадитъ красокъ для изображенія дурныхъ сторонъ его, не прячетъ подробностей, свидѣтельствующихъ о томъ, какія грубыя и сильныя препятствія часто встрѣчаютъ въ немъ доброе намѣреніе или полезное предпріятіе. Но, несмотря на это, признаемся, разсказы г. Славутинскаго гораздо болѣе возбуждаютъ въ насъ уваженіе и сочувствіе къ народу, нежели всѣ приторныя идилліи прежнихъ разсказчиковъ. Тѣ, бывало, смотря на народъ съ высоты своего величія, великодушно старались обойти его недостатки и выставить только хорошія стороны; они разсчитывали возбудить въ читателяхъ сожалѣніе, благосклонность къ низшему сословію, и трактовали его съ той обидной ласковостью, которая обыкновенно происходитъ отъ увѣренности въ неизмѣримомъ превосходствѣ собственномъ. Такъ обращаются иногда съ маленькими дѣтьми, больными, сумасшедшими: оставляютъ ихъ говорить и дѣлать глупости, капризничать, спорить, соглашаются съ ними для виду, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчиняются ихъ требованіямъ... Такое обращеніе бываетъ, впрочемъ, ужасно обидно для дѣтей, начинающихъ приходить въ сознаніе, и для здоровыхъ людей, которыхъ другіе считаютъ больными или поврежденными и потому не хотятъ принимать серьезно. Не особенно пріятно было подобное отношеніе писателей къ народу и для людей, дѣйствительно сочувствовавшихъ ему и понимавшихъ его жизнь. Оттого-то и пріятно видѣть то мужественное, прямое и строгое воззрѣніе на простой народъ,

[1]) И вслѣдствіе такого убѣжденія, проницательный критикъ весьма естественно пришелъ тогда къ эстетическому требованію *Прим. Д.*

какое выражается въ разсказахъ г. Славутинскаго. Онъ говоритъ о мужикѣ просто, какъ о своемъ братѣ: вотъ, говоритъ, онъ каковъ, вотъ къ чему способенъ, а вотъ чего въ немъ нѣтъ, и вотъ что съ нимъ случается, и почему. Читая такой разсказъ, и дѣйствительно становишься въ уровень съ этими людьми, входишь въ ихъ обстоятельства, начинаешь жить ихъ жизнью, понимаешь естественность и законность тѣхъ или другихъ поступковъ, разсказываемыхъ авторомъ. И несмотря на то, что много признаешь въ нихъ грубымъ и неправильнымъ, все-таки начинаешь болѣе цѣнить этихъ людей, нежели по прежнимъ, сахарнымъ разсказамъ: тамъ было высокомѣрное снисхожденіе, а здѣсь вѣра въ народъ. Такъ обыкновенно стараются расхваливать пріятеля, котораго считаютъ ниже себя, и которому нужно еще составить репутацію; но человѣка, котораго вы признаете равнымъ вамъ, и котораго значеніе и извѣстность уже утверждены, вы разбираете спокойно, смѣло и безпристрастно.

Впрочемъ, притворное любезничанье съ народомъ и насильная идеализація происходили у прежнихъ писателей часто и не отъ пренебреженія къ народу, а просто отъ незнанія или непониманія его. Внѣшняя обстановка быта, формальныя, обрядовыя проявленія нравовъ, обороты языка доступны были этимъ писателямъ и многимъ давались довольно легко. Но внутренній смыслъ и строй всей крестьянской жизни, особый складъ мысли простолюдина, особенности его міросозерцанія—оставались для нихъ по большей части закрытыми. Вотъ отчего нерѣдко писатели, даже хорошо изучившіе народную жизнь, вдругъ переносили въ нее отвлеченную идею, зародившуюся въ ихъ головѣ и обязанную своимъ началомъ вовсе не народному быту, а тому кругу, въ которомъ жили сами писатели. Выходила *народность* въ томъ же родѣ, какая была въ народныхъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Нелединскимъ-Мелецкимъ и Дельвигомъ. Въ ихъ время было въ употребленіи нѣжное воркованье любящихся и томная задумчивость; цѣликомъ перешло это и въ народныя пѣсни, въ которыхъ красная дѣвица по цѣлымъ днямъ сидитъ въ грусти на бережку, поджидаючи милаго, а добрый молодецъ, котораго «погубили злые толки», хочетъ отъ нихъ въ лѣсъ бѣжать. Авторы, очевидно, не предполагали, что у красной дѣвицы есть работа дома, либо въ полѣ, и что если молодецъ убѣжитъ въ лѣсъ, то его поймаютъ, и съ нимъ поступлено будетъ, какъ съ бродягою. Подобнымъ образомъ,—въ эпоху появленія простонародныхъ повѣстей было въ ходу «постановленіе собственнаго я въ разрѣзъ съ окружающей дѣйствительностью» и анализъ тонкихъ душевныхъ ощущеній; то же самое пошло и въ повѣстяхъ простонародныхъ: бо́льшею частью брался простолюдинъ или простая женщина, какъ-нибудь напитавшіеся не тѣми понятіями, которыя господствуютъ въ окружающей ихъ средѣ, и затѣмъ онъ или она начинаютъ страдать и анализировать себя или предоставляютъ анализъ самому автору; поводомъ къ страданію обыкновенно служитъ любовь къ неровнѣ, и тутъ уже романтизмъ въ полномъ ходу. Все это теперь представляется очень забавнымъ, но въ то время читалось и даже нравилось, потому что скрашивалось талантливымъ изложеніемъ и вѣрно скопированными подробностями внѣшней обстановки. Дѣйствительно, талантъ и наблюдательность авторовъ поражали читателей до того, что искусственность и натянутость общей постройки повѣсти рѣдко кому били въ глаза. Но при этой натянутости, сдѣлавшейся общимъ свойствомъ простонародныхъ повѣстей тогдашнихъ, онѣ никакъ не могли пріобрѣсти прочнаго значенія. Натянутость эта происходила—частью отъ робости авторовъ, боящихся выставлять цѣликомъ всю жизнь простонародья, какъ она есть, частью же прямо отъ непониманья внутренняго смысла этой жизни и ея отношеній ко всѣмъ другимъ явленіямъ русскаго быта. Поэтому, только съ обращеніемъ бо́льшаго вниманія на всѣ стороны быта низшихъ классовъ и съ уясненіемъ ихъ значенія въ государственной жизни народа возможно было ожидать болѣе полнаго и жизненнаго, естественнаго воспроизведенія народнаго быта въ литературѣ. Теперь время подошло къ этому, и начатки такого воспроизведенія мы видимъ въ разсказахъ г. Славутинскаго.

Въ повѣстяхъ его мы видимъ не отрывочное знаніе той или другой особенности жизни,—какого-нибудь обряда, обычая, примѣты, причитанья или поговорки; нѣтъ, въ нихъ мы находимъ полный пересказъ наблюденій надъ цѣлымъ строемъ жизни и, кромѣ того, пониманіе ея сокровенныхъ тенденцій и принциповъ, нигдѣ и никѣмъ невысказанныхъ, но постоянно проявляющихся на дѣлѣ. Этимъ пониманіемъ сущности дѣла, а не одной его внѣшности, особенно силенъ г. Славутинскій. Оно придаетъ ему то спокойствіе и увѣренность, съ которыми онъ всегда ведетъ свой разсказъ; видно, что предметъ, за который онъ взялся, вполнѣ находится въ его распоряженіи. Владѣя такими данными, человѣкъ съ сильнымъ поэтическимъ талантомъ могъ бы, конечно, создать художественное цѣлое, могъ бы дать прочную, типическую жизнь лицамъ,

которыхъ выводитъ, могъ бы сдѣлать свои повѣсти настолько же выше предшествовавшихъ попытокъ, насколько пѣсни Кольцова выше романсовъ Дельвига и Мелецкаго. Но для этого, кромѣ знанія и вѣрнаго взгляда, кромѣ таланта разсказчика, нужно еще многое другое: нужно не только знать, но глубоко и сильно самому перечувствовать, пережить эту жизнь, нужно быть кровно-связаннымъ съ этими людьми, нужно самому нѣкоторое время смотрѣть ихъ глазами, думать ихъ головой, желать ихъ волей; надо войти въ ихъ кожу и въ ихъ душу. Для всего этого человѣку, который не вышелъ дѣйствительно изъ среды ихъ, нужно имѣть въ весьма значительной степени даръ—примѣривать на себѣ всякое положеніе, всякое чувство и въ то же время умѣть представить, какъ оно проявится въ личности другого темперамента и характера,—даръ, составляющій достояніе натуръ истинно-художественныхъ и уже незамѣнимый никакимъ знаніемъ.

Взамѣнъ этого исключительнаго дара мы находимъ у г. Славутинскаго вѣрный тактъ дѣйствительности, помогающій ему очень легко и искусно выбирать и располагать отдѣльныя черты его разсказовъ. Руководясь этимъ тактомъ, онъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшей фальши въ представленіи дѣйствительности и, съ помощью его же, приходитъ иногда къ такимъ идеальнымъ чертамъ, даваемымъ самою жизнью, какихъ никогда не могли придумать прежніе, салонно-простонародные разсказчики наши.

Мы, противъ обыкновенія нашего, говоримъ о произведеніяхъ г. Славутинскаго въ общихъ чертахъ, не представляя частныхъ указаній, доказательствъ и выписокъ; это потому, что мы надѣемся на памятливость нашихъ читателей: двѣ повѣсти г. Славутинскаго «Своя рубашка» (названная въ отдѣльномъ изданіи менѣе затѣйливо: «Чужая бѣда») и «Трифонъ Аѳанасьевъ»—были помѣщены въ «Современникѣ» прошлаго года, и читатели собственнымъ впечатлѣніемъ могутъ провѣрить наши слова. Впрочемъ, мы, съ своей стороны, готовы въ подтвержденіе своихъ мнѣній сказать нѣсколько словъ еще объ одной повѣсти г. Славутинскаго, «Читальщица», довольно давно уже помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и теперь тоже перепечатанной въ книжкѣ «Повѣстей».

Въ «Читальщицѣ» мы видимъ дѣйствующими лица изъ разныхъ сферъ: отецъ Татьяны-читальщицы, Нахраповъ, — управляющій откупомъ, купецъ, изъ крестьянскаго рода, впрочемъ; воспитывается она у старушки генеральши Медынской; учитъ и образуетъ ее старикъ, учитель уѣздный, извѣстный въ городѣ подъ именемъ *Сенеки;* подъ конецъ живетъ она въ деревнѣ, съ своимъ дѣдомъ, дряхлымъ, спившимся старикомъ. Такимъ образомъ, различныя сферы соприкасаются здѣсь одна съ другой, а авторъ относится ко всѣмъ имъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Дѣдъ Татьяны и отецъ ея изображаются въ очень сжатомъ очеркѣ, такимъ образомъ (стр. 31—36):

«Отецъ ея, Андрей Несторовъ Нахраповъ, былъ свободный хлѣбопашецъ села Л—ъ. Какъ многіе крестьяне этого села и другихъ окрестныхъ селеній, Андрей съ малолѣтства пошелъ по «питейной части». Отецъ его, Несторъ Савиновъ, тоже большую часть жизни своей провелъ, служа по кабакамъ да въ питейныхъ конторахъ. Впрочемъ, старшій Нахраповъ, когда сынъ его послѣдовалъ родительскому примѣру, уже нѣсколько времени какъ оставилъ питейную часть: ему не повезло какъ-то напослѣдокъ, онъ чуть-было не сгнилъ въ острогѣ за черезчуръ уже рискованное дѣльце, а потому и рѣшился домаячить свой вѣкъ дома, въ родномъ уголку. И сталъ Несторъ Савиновъ, ему было тогда лѣтъ около сорока,—жить да поживать пріобрѣтеннымъ всячески прибыткомъ, размашисто погуливая на вольныя денежки и нисколько ихъ не сберегаючи. «Будетъ смышленъ Андрюша,—говаривалъ онъ,—и самъ деньгу наживетъ, а я для него не работникъ. Вишь ты: не задалось мнѣ въ *хорошіе* люди выйти, хотя я и не хуже кого другого изъ нашей братіи умомъ да хитростью раскидывалъ. Вѣдь чего-чего не принялъ я на своемъ вѣку: и побоевъ, и страху разнаго, и больно много всякихъ трудовъ и скорбей, да и грѣха довольно-таки на душу прихватилъ... А что, много, что-ль, нажитку у меня осталось?... такъ, пустяки сущіе... Но что̀ мое, то мое. Я наживалъ, я самъ и проживу, а Андрюшкѣ, дураку этакому, ничего не оставлю; да ему такія деньги и въ прокъ, пожалуй, не пойдутъ. Пускай—какъ пришли, такъ и уходятъ!.. И того для Андрюшки довольно, что я его родилъ, да вотъ дорогу широкую указалъ. Чего жъ еще больше-то?..»

«Такія разсужденія Несторъ Савиновъ повершилъ самымъ дѣломъ, а потому сынъ его, Андрюшка, съ одиннадцатилѣтняго возраста сталъ жить на чужой сторонѣ, одинъ-одинехонекъ, безъ присмотра, безъ призора. Много обидъ и горя онъ вытерпѣлъ, много всякаго зла онъ увидѣлъ и научился помаленьку, но крѣпко-накрѣпко, многимъ дурнымъ дѣламъ. Онъ имѣлъ умъ быстрый, смѣтливый, хитрый, предпріимчивый, а нравъ — скрытный, смѣлый до дерзости, необыкновенно упорный и жестокій; совѣсти же онъ совсѣмъ не имѣлъ. Лгать всегда и передъ всѣми, обманывать и обкрадывать всякаго, кто входитъ съ нимъ въ какія-либо сношенія, поступать такимъ образомъ иной разъ и не изъ корысти, а изъ какого-то особеннаго удовольствія, *для практики,* какъ онъ выражался, вотъ въ чемъ заключалась вся жизнь Андрея Несторова Нахрапова, вотъ въ какой сферѣ вращались всѣ его стремленія, надежды и дѣйствія. Онъ чрезвычайно скоро постигъ всю грамоту и весь смыслъ той глубоко-растлѣнной среды, которая у насъ въ народѣ слываетъ подъ названіемъ *питейной части.* Двадцати двухъ лѣтъ отъ рожденія онъ уже управлялъ откупомъ въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ, гдѣ, впрочемъ, недолго пробылъ. Съ тѣхъ поръ онъ занималъ всегда должности управляющихъ или главныхъ ревизоровъ по большимъ откупамъ. Впрочемъ, часто, очень часто, приво-

дилось ему мѣнять мѣста и хозяевъ, и почти нигдѣ добромъ онъ не оканчивалъ: то на него, бывало, насчитывали, то онъ насчитывалъ; то у него имущество задерживали, то онъ захватывалъ чужое имущество. Въ такихъ случаяхъ всегда заводились дѣла тяжебныя; дѣла эти тянулись, путались, перепутывались, но постоянно шли какъ-то въ пользу Нахрапова: онъ изъ воды сухъ выходилъ, а все потому, что со всякимъ чиновнымъ людомъ завсегда старался жить какъ можно лучше, не жалѣлъ для этого хозяйскихъ денегъ и хозяйскихъ водокъ. Всѣ рѣшительно чиновники, начиная съ мелкаго приказнаго полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ и доходя до самого судьи, заступающаго иногда въ уѣздѣ мѣсто представителя благороднаго сословія, находились у него на жалованьи, и всѣ эти признательные чиновники за благостыню, перепавшую имъ отъ Нахрапова, готовы были при случаѣ всячески помогать такому ловкому человѣку. Впрочемъ, всѣ такіе процессы оканчивались обыкновенно мировыми, и часто обманутые Нахраповымъ хозяева-откупщики считали совершенно необходимымъ не только вновь приглашать, но даже всячески переманивать его къ себѣ на службу. Упомянемъ здѣсь хоть мимоходомъ о тѣхъ блистательныхъ качествахъ Нахрапова, которыя дѣлали его столь драгоцѣннымъ для откупныхъ дѣлъ. Никто лучше его не могъ *залить* сосѣдняго или управляемаго имъ самимъ откупа, когда этотъ откупъ, по новымъ торгамъ, долженъ былъ поступить черезъ два-три мѣсяца къ другому откупщику, и когда новый откупщикъ, по неопытности или по скупости, не принималъ отъ прежняго содержателя, по особой сдѣлкѣ съ нимъ, въ завѣдываніе свое всѣ откупныя дѣла, еще до окончанія срока содержанія. Никто лучше Нахрапова не умѣлъ сдать въ казенное управленіе дурно идущаго откупа. Никто проворнѣе и ловчѣе его не спускалъ съ рукъ ненужнаго больше разинюпартнера въ откупу, заставивъ его напередъ опорожнить свой карманъ для разныхъ пожертвованій, необходимыхъ, будто бы, для поддержанія откупного дѣла. Никто смѣлѣе и удачливѣе его не провозилъ въ откупъ дешеваго контрабаднаго вина съ винокуреннаго завода какого-нибудь *прогрессиста*-барина. Никто, при случаѣ, не былъ жесточе Нахрапова въ преслѣдованіи дерзкихъ крестьянъ-корчемниковъ, посягающихъ на покупку себѣ винца подешевле...

«Но разскажемъ, также вкратцѣ, и о томъ, какъ именно происходили мировыя между Нахраповымъ и обманутыми имъ хозяевами. При такихъ великолѣпныхъ случаяхъ обыкновенно шелъ пиръ горою, и великодушіе обѣихъ сторонъ выказывалось въ широкихъ размѣрахъ. Хозяинъ, подпивши и обнимаясь съ мошенникомъ, но нужнымъ ему для извѣстныхъ цѣлей человѣкомъ, говаривалъ, бывало, громогласно въ такихъ выраженіяхъ: «Ну, Богъ тебя проститъ! Надулъ ты меня, разбойникъ ты эдакой, важно надулъ! Да и то сказать, самъ я виноватъ, не вспомнилъ во-время одиннадцатую заповѣдь: «не зѣвай». Ну, поцѣлуемся же... Теперь, братъ, заживемъ мы съ тобой душа въ душу. Я вѣдь на тебя крѣпко надѣюсь»... А нужный человѣкъ, конечно, никогда не забывающій одиннадцатую заповѣдь, цѣловалъ обыкновенно своего патрона и въ плечо, и въ локоть, и въ грудь, даже слезы иногда при этомъ выдавливалъ изъ глазъ, да приговаривалъ тихонько, такъ однако, чтобы никто, кромѣ патрона, не слыхалъ его объясненій: «Виноватъ, благодѣтель! врагъ попуталъ, нужда смертная была... А вотъ теперича, да на семъ же мнѣ мѣстѣ провалиться, и пусть глаза мои лопнутъ, если пощечусь хоть на волосъ отъ вашей милости... Да я вѣкъ буду помнить... благодѣтель вы мой великій!.. А вотъ насчетъ-то дѣльца»... и прочее, все въ такомъ же родѣ...»

Какъ видите, выставлены передъ вами два человѣка простого званія, не очень привлекательные; но это еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что развивается дальше, въ исторіи отца Татьяны. Онъ влюбляется въ одну мѣщанскую дѣвушку, хочетъ соблазнить, но, не успѣвъ, рѣшается жениться на ней; для успѣха сватовства опять употребляетъ разныя хитрости, дѣйствуя особенно на набожную и безтолковую генеральшу Медынскую, крестную мать дѣвушки, черезъ ея духовника. Дѣвушку почти принуждаютъ выдти за Андрея Нестерыча: и между тѣмъ, вскорѣ послѣ свадьбы онъ начинаетъ пилить свою жену—зачѣмъ она унылый видъ имѣетъ и хвораетъ часто. «Вотъ не было печали, такъ черти накачали! Кабы во-время знанье да вѣданье! Экую жаръ птицу подхватилъ себѣ!» и пр. въ этомъ родѣ безпрестанно говоритъ онъ въ глаза женѣ своей, и та, разумѣется, сохнетъ еще больше. Родивши дочь, Таню, она окончательно сдѣлалась больна; Андрей Нестерычъ бросилъ ее и завелъ себѣ Марѳу,—дѣвушку, которую онъ соблазнилъ и надъ которой потомъ надругался не въ примѣръ хуже, чѣмъ надъ женой своей. Скоро жена его умерла, и передъ смертью ея онъ пришелъ въ порывистое, изступленное раскаяніе и обѣщалъ, по ея желанію, отдать Таню на воспитаніе къ Медынской. Обѣщаніе это онъ исполнилъ, а самъ между тѣмъ продолжалъ прежнюю жизнь. Но теперь въ немъ проявилось новое настроеніе: онъ былъ вѣчно недоволенъ и озлобленъ, и то, что прежде дѣлалъ изъ разсчета, съ самодовольнымъ наслажденіемъ корысти, то теперь сталъ дѣлать съ неудержимыми порывами злости, съ какой-то болью души. Онъ чаще и чаще сталъ обращаться къ прошедшему, припоминать все, что вытерпѣлъ и что заставилъ другихъ потерпѣть, припоминалъ жену свою, и тоска его еще увеличивалась. Заглушалась она только дикимъ, неистовымъ разгуломъ, въ которомъ онъ доходилъ до крайней степени мрачнаго изступленія, до забытья, въ которомъ то воображалъ себя судьею надъ товарищами, то жертвою, осужденною на казнь; иногда онъ заставлялъ даже отпѣвать себя, и ночью носили его въ гробу съ похороннымъ пѣніемъ по отдѣльнымъ улицамъ города. Но чаще всего срывалъ онъ зло на своей Марѳѣ; придравшись къ чему-нибудь, онъ ругалъ ее и потомъ билъ нещадно—за все, про все, за взглядъ, за слово, за молчаніе, за печаль, за веселость; а потомъ, избивъ страшно, требовалъ, чтобы она плясала и тѣшила его самого и гостей.

А между тѣмъ онъ любилъ эту женщину, да и она, несмотря ни на что, была къ нему страстно привязана...

Во всемъ этомъ чрезвычайно много правды, и взглядъ автора на основу характера этого лица совершенно вѣренъ. Это одна изъ сильныхъ русскихъ натуръ, хорошая въ основѣ, но безмѣрно жадная до жизни и между тѣмъ не имѣющая средствъ удовлетворить своей жадности. Обстоятельства толкнули его въ самый омутъ разврата, прежде чѣмъ онъ еще умѣлъ понять, гдѣ добро и гдѣ зло, и онъ не пассивно погрузился, но дѣятельно принялся нырять въ этомъ омутѣ. Но когда онъ утомился, силы стало поменьше, дѣла пошли потише, да тутъ еще и жена-то сгибла по его милости,— ему стало нехорошо на душѣ, и пришло время оглядки на себя, пришла тоска по напрасно-растраченнымъ юнымъ силамъ, по безумно загубленной жизни. Но, разумѣется, онъ не только не хотѣлъ въ этомъ признаться, онъ даже не понималъ истиннаго свойства и причины своей хандры, оттого и старался топить ее въ разгулѣ и пьянствѣ. Все это очень вѣрно соображено и замѣчено авторомъ, и намъ кажется, что именно такіе характеры, съ такими результатами гораздо болѣе общи и близки русской жизни, нежели, напримѣръ, хоть бы питерщики г. Писемскаго. Но въ то же время мы должны замѣтить, что у г. Славутинскаго сдѣланъ лишь намекъ на развитіе этого характера, но не проведенъ онъ полно и послѣдовательно, не сдѣланъ художнически цѣльно; оттого-то, разумѣется, большинство читателей пропускаетъ безъ вниманія это лицо, не замѣтивъ даже основы этого характера. Между тѣмъ, въ художнической обработкѣ и при такомъ знаніи дѣла, какое видимъ мы у г. Славутинскаго, Андрей Нахраповъ могъ бы составить особенный типъ въ нашей литературѣ.

Но, обращая вниманіе на художественный недостатокъ въ обрисовкѣ характера, мы должны указать и на жизненную правду въ постановкѣ этого лица. Авторъ не забылъ вліянія среды, въ которой Нахраповъ родился и выросъ, и вы сквозь всѣ гадости, дѣлаемыя этимъ героемъ, видите, однако, что самъ по себѣ онъ могъ бы быть и не таковъ, но все окружающее его было таково, что для успѣха въ немъ неглупому человѣку только и надо было—совѣсти не имѣть. И хоть слабо развито это въ повѣсти, но все же замѣтно въ ней участіе другой силы, которая тянетъ Нахрапова на постыдный путь. Такъ, между прочимъ, является мимоходомъ Нилъ Александровичъ, баринъ-откупщикъ, съ изящною важностью, съ большимъ значеніемъ въ аристократическомъ губернскомъ кругу, и, какъ ни ужасенъ Нахраповъ, но читатель инстинктомъ чувствуетъ, что этотъ грубый злодѣй никогда не можетъ дойти до такого гнилого безобразія, какъ этотъ Нилъ Александровичъ. Жаль только, что въ повѣсти и это опять-таки не развито съ тою живою обстоятельностью, которая имѣетъ такое значеніе въ произведеніяхъ нашихъ писателей-художниковъ. Вообще, дѣйствіе въ повѣстяхъ г. Славутинскаго идетъ чрезвычайно быстро; онъ идетъ прямо впередъ, не смотря по сторонамъ и не останавливаясь на второстепенныхъ обстоятельствахъ. Только заключительныя сцены, особенно трагическаго свойства, обрисовываются у него полнѣе и обстоятельнѣе. Такъ въ «Читальщицѣ» остановился онъ надъ изображеніемъ послѣднихъ дней раскаявшагося Нахрапова. Нахраповъ, пьяный, въ дорогѣ убилъ Марѳу, совершенно не намѣренно; чтобъ скрыть преступленіе, онъ, съ помощью кучера и сопровождавшаго его повѣреннаго по откупу, свидѣтелей дѣла, зарылъ Марѳу подлѣ дороги въ лѣску, и самъ же, по возвращеніи въ городъ, поднялъ дѣло о ея безвѣстной пропажѣ. Полиція, знавшая и Нахрапова, и Марѳу, употребила всѣ усилія къ разысканію, но ничего не могла узнать; черезъ полгода, весною, когда найдено было тѣло Марѳы, опять было слѣдствіе, и опять безуспѣшное. Но на этотъ разъ стали ходить какіе-то слухи, неблагопріятные Нахрапову; а еще годъ спустя одинъ изъ служителей откупа, обиженный Нахраповымъ, нашелъ средство опять поднять дѣло, и началось третье слѣдствіе, которое усилило прежнія подозрѣнія. Два года тянулось это дѣло; Нахраповъ почти разорился на веденіе его, и наконецъ-таки кончилось оно въ его пользу; какъ вдругъ онъ, истомленный и отчаянный, рѣшился самъ во всемъ признаться. Признаніе это было такъ неожиданно для всѣхъ, что его могли объяснить только разстройствомъ разсудка Нахрапова, и Нилъ Александровичъ даже настоялъ, чтобъ его подвергли освидѣтельствованію въ присутствіи губернскихъ властей. При этомъ свидѣтельствѣ Нахраповъ выразилъ изумленіе, какимъ образомъ его искреннее признаніе могло заставить думать, что онъ сошелъ съ ума, и прибавилъ, что вѣдь не всякій же способенъ до конца жизни гнѣвить Бога нераскаянно. Этими отвѣтами остался очень недоволенъ губернаторъ и приказалъ написать въ протоколѣ, что Нахраповъ признанъ «*совершенно*» неповрежденнымъ въ умѣ, и слово «совершенно» подчеркнулъ собственноручно.

Тутъ-то и посадили Нахрапова въ острогъ, и тутъ начинаются его сцены съ дочерью. Дочь его, Таня, росла все время въ

домѣ старухи Медынской, пользовалась ея ласками, но, къ счастію, была удалена отъ вліянія приживалокъ и дворни, находясь подъ особеннымъ попеченіемъ старика-учителя *Сенеки*. Это былъ добрый и честный человѣкъ, скромный и убогій, но неутомимый и безкорыстный *дѣятель* въ своей средѣ, насколько силъ его хватало... Онъ разсуждалъ: «коли ужъ я живу въ мірѣ, такъ всякое дѣло мірское—мое дѣло. Хорошее оно—надо его поддержать, не выпускать его изъ глазъ; дурное—надо попробовать, не уступитъ ли оно мѣсто хорошему». Разумѣется, дѣйствовать приходилось ему въ очень узенькой сферѣ, и средствъ у него не было, и потому пробы его противъ дурныхъ дѣлъ ограничивались одними увѣщаніями; а много ли же можно сдѣлать увѣщаніемъ? Но на людей простыхъ и юныхъ онъ могъ дѣйствовать благотворно, и подъ его-то вліяніемъ развилась Таня. *Сенека* убѣдилъ Медынскую, что Танѣ не нужно никакого особеннаго образованія, что онъ одинъ можетъ всему ее выучить, и съ раннихъ лѣтъ сталъ онъ ее готовить на подвигъ жизни. Будучи отчасти мистикомъ, онъ толковалъ ей о высокой цѣли и особенномъ назначеніи ея, приготовлялъ ее къ самоотверженію и труду на пользу общую. И Таня дѣйствительно готовилась на трудъ и горе и привыкла считать чѣмъ-то должнымъ и неизбѣжнымъ всѣ тяжелыя и непріятныя происшествія своей жизни. А жизнь ея, разумѣется, протекала не весело въ домѣ Медынской: сама старуха уже дряхла и почти ничего не понимала, а разныя приживалки и прислуга смотрѣли на Таню съ пренебреженіемъ. Она безпрестанно вспоминала о судьбѣ матери; дѣянія отца также не были отъ нея скрыты, хотя онъ очень рѣдко съ нею видѣлся и совершенно ни о чемъ не разсказывалъ ей и ее не разспрашивалъ. Даже послѣ смерти Медынской онъ самъ пожелалъ, чтобъ она лучше взяла комнатку у старика учителя, а не переходила къ нему. Онъ какъ будто боялся выказать себя передъ нею, да и дѣла его въ это время были ужъ очень плохи. Онъ пришелъ къ ней только въ ту минуту, когда задумалъ признаться въ убійствѣ, и ей первой открылъ свое преступленіе. А потомъ, послѣ губернаторскаго рѣшенія, его посадили въ острогъ, и Таня къ нему ходить начала. Сначала онъ оскорблялся тѣмъ, что вотъ родная дочь его по состраданію навѣщаетъ, и былъ молчаливъ и суровъ, но потомъ смягчился и даже сталъ къ ней нѣженъ. Скоро онъ умеръ въ острогѣ; его предсмертное состояніе изображено довольно живо, равно какъ и впечатлѣніе, произведенное его смертью на Татьяну. Схоронивши его, Татьяна рѣшилась посвятить себя одинокой и трудовой жизни. Сложенія она была слабаго и болѣзненнаго, и потому ей не трудно было отказаться отъ супружескаго счастья; но она не пошла въ монастырь, чтобъ тамъ укрыться отъ житейскихъ треволненій. Ея идеалъ былъ въ другомъ родѣ: она осталась сначала у Сенеки — учить маленькихъ дѣтей; потомъ отыскала *стараго своего дѣда*, который, спившись, началъ уже побираться по-міру, и уѣхала въ деревню — жить съ нимъ и ухаживать за нимъ. Она поддерживала его и себя своими трудами; зимой и въ ненастье шила она бабьи наряды, весной ходила работать въ огороды, а лѣтомъ на сѣнокосъ. Сначала эти работы утомляли ее, но мало-по-малу она свыклась съ ними. Кромѣ того, она учитъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, лѣчитъ больныхъ, чему выучилась *тоже* у Сенеки, и ходитъ читать псалтырь по умершимъ, за что и названа читальщицей. За труды свои она ничего не проситъ, но принимаетъ вознагражденіе, какое дадутъ; только за чтеніе псалтыря ничего не беретъ она, искренно вѣруя, что этимъ заслужитъ отпущеніе грѣховъ отца своего...

Таковъ идеальный характеръ, найденный г. Славутинскимъ въ глуши русской жизни. Онъ едва намѣченъ, въ рисункѣ его нѣтъ той художественной полноты и яркости, какія мы привыкли видѣть въ замѣчательныхъ произведеніяхъ литературы. Это недостатокъ собственно исполненія. Но если отбросить въ сторону *незыблемыя* требованія искусства, то мы должны отдать полную справедливость автору за живую, умную и правдивую передачу дѣйствительной исторіи, за прямое и вѣрное указаніе, за существующій, не выдуманный, а присущій русской жизни идеальный образъ. Пусть это указаніе сдѣлано безъ особеннаго изящества и одушевленія; но мы рады тому, что все-таки указанъ такой фактъ, лучше и чище котораго не придумывали наши идеализаторы, при всемъ своемъ возвышенномъ настроеніи.

Кромѣ «Читальщицы», въ книжкѣ «Повѣстей» помѣщена «Исторія моего дѣда», тоже бывшая въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это исторія, какъ самъ авторъ предупреждаетъ, — въ родѣ Дубровскаго: богатый сосѣдъ-помѣщикъ заѣдаетъ бѣднаго, но гордаго сосѣда, напустившись на него съ неправою тяжбою, которую, однако, всѣ оправдываютъ. Здѣсь является передъ нами весь произволъ помѣщичьей власти въ прошломъ столѣтіи и все безправіе, беззащитность—не только крѣпостныхъ, но даже и бѣдныхъ дворянъ передъ прихотью сильнаго магната. Разсказъ этотъ составляетъ «отрывокъ изъ записокъ», и къ нему очень

идетъ короткій, сжатый и нѣсколько спѣшный тонъ г. Славутинскаго. Впрочемъ, даже и здѣсь иногда, хоть и читаешь нѣчто въ родѣ хроники, хочется читателю отдохнуть на подробностяхъ, хочется видѣть болѣе отчетливое, болѣе внутреннее развитіе факта; но это желаніе весьма рѣдко удовлетворяется. Мы думаемъ, что именно этому обязаны разсказы г. Славутинскаго гораздо меньшимъ успѣхомъ въ публикѣ, нежели какого они заслуживаютъ.

Третья изъ напечатанныхъ теперь повѣстей, «Чужая бѣда», знакома читателямъ «Современника». Въ ней болѣе живыхъ картинъ и сценъ, движеніе повѣсти происходитъ болѣе въ самомъ дѣйствіи, а не въ пересказѣ автора, но и въ ней замѣтенъ тотъ же недостатокъ художественной полноты въ очертаніи образовъ. Личность богатаго старика Терехина, который насквозь видитъ всѣ плутни головы и можетъ имъ противодѣйствовать, но не хочетъ, не желая вмѣшиваться въ чужое дѣло, а потомъ, будучи самъ задѣтъ за живое, собираетъ всѣ силы на борьбу съ головой, но уже поздно,—личность эта очерчена очень рельефно, и внутренній міръ этого старика раскрытъ намъ авторомъ гораздо больше, нежели душевная жизнь другихъ лицъ въ его повѣстяхъ. Но и здѣсь авторъ не воспользовался случаемъ возсоздать въ своемъ разсказѣ весь процессъ образованія и развитія такого характера и такого особеннаго отношенія одного лица къ обществу. Онъ отчетливо выставилъ намъ Терехина въ томъ моментѣ, въ какомъ онъ засталъ его, намекнулъ даже на причины, отъ которыхъ старикъ сдѣлался такимъ суровымъ и несообщительнымъ, но намекнулъ слабо, въ общихъ чертахъ, и изъ повѣсти мы можемъ *понять*, если подумаемъ пристально, но не можемъ осязательно и живо *почувствовать*, какъ именно и отчего сложился такой характеръ, и какимъ образомъ проявляется онъ во всѣ стороны жизни. Оттого при чтеніи повѣсти мы почти не имѣемъ руководительной нити и не можемъ опредѣлить, что̀ именно долженъ онъ сдѣлать въ такомъ-то случаѣ, куда онъ пойдетъ и до чего дойдетъ. Узнавши потомъ изъ разсказа о его поступкѣ, мы видимъ, что такой образъ дѣйствій возможенъ и естественъ; но мы все-таки смутно постигаемъ его внутреннюю необходимость. Вотъ отчего повѣсть не производитъ такого цѣльнаго и глубокаго впечатлѣнія, какого можно бы ожидать, судя по основной ея мысли и по интересу взятаго характера.

Выходитъ, стало быть, что глубокомысленный критикъ, о которомъ мы говорили въ началѣ рецензіи, и теперь остается правъ съ одной стороны: требованія искусства не удовлетворяются произведеніемъ, въ которомъ выставлена вся правда народной жизни. Но мы смѣемъ думать, что въ настоящемъ случаѣ это—простая случайность, зависящая отъ личности автора и вообще отъ недостатка еще въ насъ того чутья къ внутреннему развитію народной жизни, которое такъ сильно у нѣкоторыхъ писателей нашихъ въ отношеніи къ жизни образованныхъ классовъ. Но никакъ не рѣшимся мы сказать, чтобъ это зависѣло отъ самого предмета, никакъ не согласимся, что искусство должно отказаться отъ простонародныхъ предметовъ, потому что ихъ полное и совершенное воспроизведеніе несогласно съ его требованіями. Напротивъ, въ повѣстяхъ же г. Славутинскаго, особенно въ послѣдней, мы видимъ, что гдѣ онъ не спѣшитъ впередъ, а отдается своей наблюдательности и останавливается на картинахъ народной жизни, тамъ у него выходятъ живыя, занимательныя страницы, западающія въ память и въ то же время неподдѣльно вѣрныя дѣйствительности, какъ и весь строй повѣстей его. И во всякомъ случаѣ, если ужъ выбирать между искусствомъ и дѣйствительностью, то пусть лучше будутъ неудовлетворяющіе эстетическимъ теоріямъ, но вѣрные смыслу дѣйствительности разсказы, нежели безукоризненные для отвлеченнаго искусства, но искажающіе жизнь и ея истинное значеніе.

Съ этой точки зрѣнія мы находимъ особенный интересъ въ повѣстяхъ г. Славутинскаго. Въ нихъ нѣтъ даже ни малѣйшей претензіи на эстетическія украшенія; онѣ просто—вѣрная передача дѣйствительныхъ фактовъ, безъ прикрасъ, безъ натянутостей, безъ дидактическихъ основъ. А между тѣмъ въ нихъ всегда оказывается и умная мысль въ результатѣ, и логически вѣрное, понятное, хотя и не вполнѣ раскрытое развитіе характеровъ и объясненіе зависимости ихъ отъ вліянія окружающей среды, и, наконецъ, являются сами собою даже идеальныя лица русской жизни, съ болѣе живыми и чистыми тенденціями, нежели сочиненные идеалы образованнаго общества. И все это выходитъ безъ нарочитыхъ усилій со стороны автора, просто по силѣ истины изображаемыхъ предметовъ. По нашему мнѣнію, писатель, у котораго хотя въ блѣдныхъ очеркахъ проявилось такъ естественно все это богатство русской жизни, заслуживаетъ полнаго участія публики, еще такъ недавно интересовавшейся сладенькими идилліями народнаго быта. На этомъ основаніи мы и остановились такъ долго надъ произведеніями г. Славутинскаго, желая указать на ихъ значеніе нашимъ читателямъ.

380. Братчина.

Часть I. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 378.

М. Л.

О происхожденіи этого почтеннаго и благонамѣреннаго изданія, вѣроятно, знаютъ наши читатели. О внѣшней сторонѣ исполненія вотъ отчетъ издателя, П. И. Мельникова, помѣщенный въ началѣ книги, въ видѣ предисловія:

«Бывшіе студенты Императорскаго Казанскаго Университета на обѣдѣ, 5-го ноября 1857 г., положили издать въ пользу недостаточныхъ студентовъ этого заведенія учено-литературный сборникъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

«1) Помѣстить въ немъ статьи, написанныя лицами, получившими образованіе въ Казанскомъ Университетѣ.

«2) Издержки по изданію покрыть сборомъ денегъ по подпискѣ, къ которой приглашены всѣ бывшіе студенты Казанскаго Университета.

«3) Вырученныя отъ продажи деньги немедленно отправить по назначенію.

«4) Просить *перваго студента* Казанскаго Университета, Сергѣя Тимофеевича Аксакова дать названіе сборнику.

«5) Редакцію сборника поручить П. Мельникову.

«Покойный Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ предложилъ назвать сборникъ «Братчиной» и доставилъ для него статью «Собираніе бабочекъ»— одно изъ послѣднихъ произведеній извѣстнаго нашего писателя.

«Съ 5-го ноября 1857 г. до сего времени на изданіе «Братчины» поступили деньги отъ слѣдующихъ лицъ: А. М. Княжевича 100 руб., П. А. Булгакова 50 р., А. С. Киндякова 25 р., П. А. Шестакова (изъ Вологды) 20 р., отъ И. Х. Нордстрема и Х. Х. Нордстрема по 15 р., отъ Ѳ. М. Отсолига, г. Эйлера, г. Веретенникова, А. П. Безобразова, А. В. Попова и П. И. Мельникова по 10 р., отъ г. Маршалова, А. И. Артемьева, В. П. Перцова, Е. К. Огородникова, Н. И. Второва, М. Н. Ахматова, Н. П. Безобразова (изъ Орла), М. Я. Китарры (изъ Москвы) по 5 р., отъ г. Уржумцева 3 р., отъ И. В. Базилева (изъ Уфы) доставлено пожертвованныхъ бывшими казанскими студентами, находящимися въ Оренбургской губерніи, 144 р. Всего 472 руб.

«Расходы по изданію книги, напечатанной въ числѣ 1.500 экземпляровъ, были слѣдующіе: за наборъ и печать 258 р., за корректуру 18 р., за бумагу 166 р., за брошюровку 30 р. Всего 472 р.

«Всѣ экземпляры «Братчины» сданы книгопродавцу А. И. Давыдову на коммиссію съ обыкновенною уступкою 20 проц. и съ условіемъ, чтобы по мѣрѣ выручки денегъ за продажу экземпляровъ онъ отправлялъ ихъ прямо отъ себя въ Казанскій Университетъ.

«Этотъ отчетъ прилагается здѣсь для свѣдѣнія лицъ, принимавшихъ участіе въ изданіи «Братчины».

«Вторая часть «Братчины» будетъ напечатана, когда соберется достаточная для того сумма.

О содержаніи «Братчины» намъ много говорить не приходится. Открывается она статьею С. Т. Аксакова «Собираніе бабочекъ», изъ которой видно, что почтенный авторъ «Семейной хроники» исполненъ былъ страстною любовью не къ однѣмъ птицамъ и рыбамъ, но и къ бабочкамъ. Весьма живо и трогательно описываетъ онъ свою страсть къ ихъ собиранію, драматическую борьбу съ другимъ товарищемъ, который тоже составлялъ собраніе насѣкомыхъ, восторги свои, когда ему удавалось поймать такую бабочку, какой не было у товарища, и проч. Все это было, надобно замѣтить, въ Казани, во время университетскаго курса. «Какъ будто земля горѣла подъ нашими ногами, такъ быстро пробѣжали мы Новую Горшечную улицу и Арское поле», говоритъ авторъ, описывая свою первую экскурсію. Въ другой разъ, описывая, какъ онъ поймалъ рѣдкую бабочку — Кавалера Подалиріуса, онъ говоритъ такимъ образомъ:

«Я такъ былъ пораженъ неожиданностью, что не вдругъ повѣрилъ своимъ глазамъ, но, опомнившись, съ судорожнымъ напряженіемъ смахнулъ рампеткой бабочку съ вершины еще цвѣтущаго репейника... Кавалеръ исчезъ; смотрю завернувшійся мѣшечекъ рампетки—и ничего въ немъ не нахожу: онъ пустъ! Мысль, что я брежу на яву, что я видѣлъ сонъ, мелькнула у меня въ головѣ— и вдругъ вижу, въ самомъ сгибѣ флероваго мѣшка, безцѣнную свою добычу, желаннаго, прошеннаго и моленнаго Кавалера, лежащаго со сложенными крыльями, въ самомъ удобномъ положеніи, чтобы взять его и пожать ему грудку. Я торопливо это исполнилъ и, не помня себя отъ восторга, не вынимая бабочки изъ рампетки, побѣжалъ домой. Какъ изступленный закричалъ я, еще издали, своему дядькѣ Евсеичу, который ожидалъ меня у крыльца: «дрожки, дрожки»! Добрый мой Евсеичъ, испуганный моимъ голосомъ и страннымъ видомъ, побѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу. Но я поспѣшилъ объяснить ему, въ чемъ состояло дѣло, и просилъ, умолялъ, чтобы онъ велѣлъ поскорѣе заложить мнѣ лошадь».

Дрожки нужны были затѣмъ, чтобы ѣхать сейчасъ же къ Александру Панаеву, другу автора, и показать ему новую находку. «Четверть часа ѣзды до Панаева показались мнѣ долгимъ днемъ», прибавляетъ г. Аксаковъ. Въ заключеніе своего разсказа авторъ восклицаетъ: «Быстро, но горячо прошла по душѣ моей страсть — иначе я

не могу назвать ее—ловить и собирать бабочекъ. Она доходила до излишествъ, до крайностей, до смѣшного; можетъ быть, на нѣсколько мѣсяцевъ она помѣшала мнѣ внимательно слушать лекціи... нужды нѣтъ! Я не жалѣю объ этомъ. *Всякое безкорыстное стремленіе, напряженіе силъ душевныхъ нравственно полезно человѣку.* На всю жизнь осталось у меня отрадное воспоминаніе этого времени, многихъ счастливыхъ, блаженныхъ часовъ». Прочитавъ это признаніе и припомнивъ, сколько душевныхъ силъ уходило у автора на собираніе бабочекъ, какъ потомъ на уженіе рыбы и на прекрасное чтеніе плохихъ стиховъ разныхъ знаменитостей по ихъ просьбѣ, — мы могли только воскликнуть отъ глубины души:

O, que de biens perdus! O, trop heureux enfant!

Статья г. Перевощикова о сочиненіяхъ Пуансо имѣетъ цѣлью обратить на эти сочиненія вниманіе геометровъ и астрономовъ. Стало быть, до насъ съ вами она не касается.

Замѣтки о Неаполѣ М. П. Веселовскаго написаны хорошимъ слогомъ, хотя и уступаютъ въ этомъ «Описанію нижегородской ярмарки», нѣкогда помѣщенному въ «Москвитянинѣ». А жаль: къ изображенію Везувія очень шелъ бы тонъ, съ какимъ г. М. В. говорилъ о цыганскомъ пѣніи и пр. Впрочемъ, при внимательномъ чтеніи не трудно еще между обѣими статьями отыскать нѣчто родственное.

Разсказъ г. Мартынова «Швейка» принадлежитъ къ числу народныхъ разсказовъ, которыми онъ такъ отличался лѣтъ семь тому назадъ. Народность его состоитъ въ томъ, что швейка говоритъ: «бараня», вмѣсто барыня, «въ самой вещи», вмѣсто въ самомъ дѣлѣ, «папероска» вмѣсто папироска, и пр., да употребляетъ слова въ родѣ: чулъ, хизнула, припертень, и т. п.

О томъ, какъ глубоко проникъ г. Мартыновъ въ народную жизнь, свидѣтельствуетъ помѣщенная тутъ же другая статья его: «Замѣтки о бытѣ вятскихъ крестьянъ». Вотъ нѣкоторые пункты этихъ замѣтокъ: «*Пища.* Кушанья и у крестьянъ, какъ обыкновенно, можно раздѣлить на скоромныя (*молосныя*, по мѣстному выговору) и постныя. Національныя блюда русскаго человѣка—одни и тѣ же въ цѣлой Россіи. Щи, каша, блины, пироги — гдѣ не отыщется ихъ?» и пр. «*Питья.* Самое любимое національное питье русскаго крестьянина — *квасъ*, какой бы ни былъ, хотя бы по поговоркѣ, носъ на сторону воротилъ,—все же квасъ, а не вода», и т. д. «*Посуда* употребляется двухъ родовъ: глиняная и деревянная. Къ первой принадлежатъ: горшки, корчаги, плошки; ко второй—чашки, ложки, кадочки, ведра, лоханки. Еще у многихъ—чугуны, котелки; желѣзное: уполовники, ковши. Изъ бересты: бураки, кузова. Ни ножей столовыхъ, ни вилокъ не употребляется: все это при столѣ *замѣняетъ* (?) одинъ ножъ хлѣбникъ». И все о посудѣ. Таковы и всѣ замѣтки. Подъ ними не стыдно было бы подписать свое имя г. Семевскому [1]).

Всего любопытнѣе въ «Братчинѣ» воспоминанія—о Державинѣ В. И. Панаева и о Мейерѣ В. П. Пекарскаго. Но интересъ ихъ не однороденъ. Въ воспоминаніяхъ о Мейерѣ занимаетъ насъ эта достойная личность, заслужившая такую безграничную любовь и уваженіе всѣхъ своихъ учениковъ. Несмотря на краткость и неполноту воспоминаній г. Пекарскаго, они служатъ любопытнымъ матеріаломъ для изученія этой личности, особенно по тѣмъ подлиннымъ замѣткамъ и мыслямъ самого Мейера, которыя въ нихъ приведены.

Мейеръ, по словамъ г. Пекарскаго, пользовался не только общей любовью, но и безграничнымъ, безусловнымъ авторитетомъ надъ своими слушателями. «Какой бы горячій споръ ни возникалъ въ аудиторіи,— говоритъ г. Пекарскій,—онъ мгновенно прекращался, если кто-нибудь, вмѣсто всякихъ возраженій, говорилъ: это сказалъ Мейеръ, это его мысль. Въ мое время, да навѣрное и послѣ, у студентовъ юридическаго факультета это считалось неопровержимымъ аргументомъ». Но не надобно думать, чтобы столь гибельное вліяніе на умственную свободу молодого поколѣнія было преднамѣренно со стороны Мейера. Такой оборотъ дѣла, къ несчастью, неизбѣженъ при ребяческомъ положеніи всего, что у насъ есть лучшаго. Профессоръ учитъ своихъ слушателей служить дѣлу, а не лицамъ, проповѣдуетъ имъ самостоятельность мышленія, необходимость собственнаго изслѣдованія и убѣжденія; слушатели очень довольны и начинаютъ съ того, что поклоняются лицу профессора и указаніемъ на его мнѣніе замѣняютъ всякое разумное изслѣдованіе. Прискорбны, конечно, такіе результаты; но къ чести Мейера надо замѣтить, что онъ не хотѣлъ ихъ, не вызывалъ. Это видно даже изъ воспоминаній г. Пекарскаго о томъ, какъ онъ обращался со студентами. Вотъ, напримѣръ, начало сближенія ихъ съ профессоромъ, котораго сначала очень боялись и лекціи котораго понимали очень плохо.

---

[1]) См. № 122.

«Въ тѣ времена въ Казани существовалъ на Воскресенской улицѣ кафе-ресторанъ Берти, куда собирались послѣ лекцій нѣкоторые бездомные студенты; туда же, первое время, когда еще не успѣлъ обзавестись своимъ хозяйствомъ, ходилъ обѣдать и Мейеръ. Замѣтивъ между студентами своихъ слушателей, онъ тотчасъ же постарался завести съ ними разговоръ. Какъ теперь помню, рѣчь зашла о современной литературѣ и, слѣдовательно, о журналистикѣ. Тогдашнія «Отечественныя Записки» читались съ большою охотою студентами, которые были въ восторгѣ отъ Гоголя и осыпали насмѣшками «Москвитянина», силившагося тогда въ критическомъ отдѣлѣ возставать противъ «Отечественныхъ Записокъ». Критика послѣдняго журнала, напротивъ, находила такое одобреніе, что цѣлыя страницы разборовъ многимъ извѣстны были почти наизусть. Однако, студенты не знали автора ихъ и, въ провинціальной наивности, увѣрены были, что нравившіяся имъ критическія статьи писаны самимъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ». Мейеръ вывелъ изъ заблужденія студентовъ, разсказавъ съ большимъ увлеченіемъ, что за человѣкъ былъ Бѣлинскій, авторъ неподписанныхъ критикъ, и какое значеніе имѣетъ онъ для нашей литературы. Замѣтить надобно, что въ 40 годахъ, въ провинціи, всѣ люди зрѣлыхъ лѣтъ и извѣстные своею солидностью, всѣ, кто былъ съ вѣсомъ по своей должности или по владѣемымъ имъ душамъ, находили статьи Бѣлинскаго или головоломными, или еретическими, а потому студенты очень удивились, что ихъ профессоръ, читающій въ аудиторіи такую мудрость, какой они еще не раскусили хорошенько, удостаиваетъ раздѣлять ихъ мнѣніе касательно Бѣлинскаго. Подъ конецъ бесѣды разговоръ такъ оживился, что студенты совершенно забыли, что разсуждаютъ съ профессоромъ, и не чувствовали того нравственнаго гнета, который, вмѣстѣ съ благоговѣйнымъ поддакиваніемъ всему, что̀ изречетъ профессоръ, убиваетъ всякую самостоятельность мысли и дѣлаетъ изъ юноши какую-то благовоспитанную машину, но не человѣка.

«Слѣдствіемъ этого сближенія было то, что одинъ изъ студентовъ рискнулъ зайти къ Мейеру и признался откровенно, что его лекціи понимаются весьма плохо, а записываются еще хуже. Мейера сначала это озадачило, но, не показавъ и тѣни неудовольствія, онъ вывѣдалъ искусно у гостя, что̀ читаетъ тотъ серьезнаго и какимъ предметомъ преимущественно занимается. Оказалось, что студентъ, кромѣ повѣстей, почти ничего не читалъ, а занимался всѣми предметами одинаково, то-есть каждое утро ходилъ на лекціи, а дома списывалъ тетрадки, которыя достались отъ прежняго курса. Мейеръ, выслушавъ все это, предложилъ студенту нѣсколько книгъ, которыя могли быть пособіемъ для слушателей его лекцій, и въ то же время терпѣливо повторилъ все, что̀ казалось въ нихъ труднымъ и непонятнымъ.

«На другой день студентъ съ торжествомъ объявилъ товарищамъ, что онъ былъ у Мейера, что тотъ пояснилъ мѣста, казавшіяся темными, далъ домой книгъ, чтобы заниматься, и, наконецъ, что онъ такой добрый, что ему не стыдно признаться, чего не знаешь или не понимаешь... Съ тѣхъ поръ студенты юридическаго факультета стали чаще ходить къ профессору, лекціи записывались все лучше и лучше, и скоро все темное и непонятное въ нихъ исчезло, самая отвлеченность изложенія перестала пугать слушателей, напротивъ, пріучила ихъ къ мышленію и заставляла слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за каждымъ словомъ профессора.

«Не прошло года, и студенты такъ свыклись съ Мейеромъ, что для нихъ сдѣлалось потребностью ходить къ нему за совѣтами, спрашивать разъясненій, брать нужныя книги. Не бывали у Мейера только самые отсталые, потому что имъ всегда было какъ-то неловко передъ наставникомъ; они одни только и не очень жаловали его, благоразумно умалчивая о томъ при товарищахъ. Съ самаго пріѣзда въ Казань Мейеръ работалъ неутомимо: кромѣ приготовленія каждой лекціи, онъ писалъ диссертацію на полученіе званія магистра; между этими занятіями находилъ время (по его словамъ: «для отдохновенія») учиться итальянскому языку. Однако, множество занятій не мѣшало ему принимать безпрестанно студентовъ, иногда цѣлые часы проводить съ ними, ни разу не показавъ нетерпѣнія, что его такимъ образомъ отрываютъ отъ дѣла. Онъ считалъ одною изъ обязанностей своего званія быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ студентами, при чемъ всегда старался знакомиться короче съ характеромъ и наклонностями каждаго изъ нихъ Мейеръ любилъ даже дѣлать свои заключенія о молодыхъ людяхъ по наружности ихъ. Само собою разумѣется, что ему не разъ случалось обманываться, и часто онъ ожидалъ многаго отъ такихъ, которые вовсе не оправдывали потомъ его блистательныхъ на нихъ надеждъ; однако, были примѣры его особенной проницательности касательно студентовъ.—«Знакомы вы съ Т.?» спросилъ однажды Мейеръ своего слушателя.—«Да,—отвѣчалъ тотъ:—хотя Т. мнѣ и не товарищъ по курсу, однако, я знаю его довольно хорошо».—«Сегодня я его экзаменовалъ и замѣтилъ, что у него вовсе нѣтъ охоты серьезно заниматься; а это жаль: у него такія выразительныя черты лица и такіе умные глаза, что я убѣжденъ, что, при доброй волѣ и самостоятельности, онъ могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ человѣкомъ».—Предчувствіе профессора оправдывается: студентъ, о которомъ шла рѣчь, сдѣлался писателемъ, его произведенія замѣчены публикой, и отъ дальнѣйшихъ его твореній зависитъ, чтобы сбылись слова Мейера окончательно.

«Когда студентъ являлся на квартиру молодого профессора, то кто бы у него ни былъ изъ постороннихъ, несмотря ни на какія занятія, онъ оставлялъ все, привѣтливо приглашалъ студента занять самое покойное мѣсто, стараясь ободрить молодого человѣка, часто смущеннаго и растроганнаго отъ такого вниманія. Съ ранняго утра Мейеръ былъ уже одѣтъ и сидѣлъ за книгами и тетрадями; только больной—онъ дозволялъ себѣ надѣвать халатъ, и если его заставалъ такъ студентъ, то сколько было извиненій передъ гостемъ! Нерѣдко студентъ являлся къ нему рано утромъ, когда профессоръ не успѣлъ еще обриться; но, чтобы не заставить дожидаться, онъ бросалъ торопливо бритву и являлся съ одною бритою щекою. Начинался разговоръ, время проходило, между тѣмъ являлись другіе студенты, тутъ уже некогда думать объ окончаніи туалета, и только приближеніе часа, когда надобно идти въ университетъ, заставляло профессора прощаться съ своими молодыми гостями.

«Самымъ обыкновеннымъ предлогомъ, чтобы идти къ Мейеру, считались разспросы и просьбы о дополненіи и объясненіи прочитаннаго имъ на лекціи. Исполняя это всегда съ величайшей готовностью, профессоръ любилъ рекомендовать то или другое сочиненіе или статью, имѣвшія соотношеніе къ лекціямъ, и которыя у него были въ библіотекѣ. При возвращеніи ихъ, Мейеръ, какъ будто невзначай, выспрашивалъ бравшаго книги, какого онъ мнѣнія о прочитанномъ, и послужило ли оно ему на пользу, и поэтому не читать или бѣгло прочитать взятую у Мейера книгу не было никакой возможности. Мейеръ собственно на себя

тратилъ очень немного: все, что сберегалъ отъ скромнаго содержанія во время пребыванія за границей и отъ профессорскаго жалованья потомъ, онъ употреблялъ на пополненіе и умноженіе своей библіотеки».

Такимъ образомъ, Мейеръ вовсе не поднималъ себя передъ студентами на недосягаемую высоту величія. Онъ обращался съ ними просто и довѣрчиво, открывалъ имъ самые источники своихъ знаній, старался поставить ихъ, по возможности, вровень съ собою. Не его вина, если въ студентахъ оказалось слишкомъ мало самодѣятельности для этого, и если большая часть изъ нихъ умѣла за всѣ его попеченія и труды платить ему только пассивной привязанностью.

Воспоминанія В. И. Панаева о Державинѣ любопытны съ другой стороны. Въ нихъ видимъ мы, что такое была связь молодого поколѣнія писателей со старымъ, и въ какихъ формахъ проявлялось благодѣтельное вліяніе литературныхъ авторитетовъ на воспитаніе новыхъ людей [1]). Мы обращаемъ на статью В. И. Панаева особенное вниманіе тѣхъ, которые съ одобреніемъ отзываются объ этомъ вліяніи; изъ нея увидятъ они, до чего вліяніе доходило. Не угодно ли взять, напримѣръ, такія данныя. Отецъ В. И. Панаева пользовался расположеніемъ Державина, ибо «принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени и былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ тогдашними литераторами». Въ доказательство дружества его съ Державинымъ, В. И. Панаевъ приводитъ слѣдующее письмо, которымъ отецъ его поздравлялъ Державина съ полученіемъ ордена св. Владиміра 2-й степени.

«Милостивый государь,
«Гаврило Романовичъ!

«По искреннѣйшей преданности и привязанности къ вамъ моей сердечной, судите о той радости, какую я чувствовалъ, получа извѣстіе о послѣдовавшемъ къ вамъ во второй день сентября Монаршемъ Высочайшемъ благоволеніи. Моя радость была одна изъ тѣхъ, которыхъ источникъ въ самой душѣ находится. Больше я не могу изъяснить. Примите мое поздравленіе съ новыми почестями, на васъ возложенными. Богъ, любящій добродѣтель и правоту сердца, да умножитъ награды и благополучіе ваше—къ удовольствію добрыхъ и честныхъ людей. Съ симъ чистосердечнымъ желаніемъ и совершеннымъ высокопочитаніемъ пребуду навсегда,

милостивый государь,
вашего превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Панаевъ».

Не правда ли, [что такимъ образомъ писали, бывало, поздравленія помѣщикамъ управляющіе ихъ имѣній, изъ дворовыхъ?] [2]).

А вотъ и знакомство самого В. И. Панаева съ Державинымъ. Въ 1814 г., будучи уже кандидатомъ университета и сочинителемъ идиллій, В. И. Панаевъ получилъ отъ своего брата изъ Петербурга извѣстіе, что Державинъ спрашивалъ о немъ и любопытствовалъ прочесть его идилліи. Разумѣется, юный идилликъ съ трепетомъ и радостью послалъ ихъ къ россійскому Пиндару, «озаботившись чистенько переписать ихъ». Державинъ отвѣчалъ ему письмомъ, хвалилъ его, но совѣтовалъ не торопиться и вычищать хорошенько слогъ. Въ заключеніе письма указывалъ, какъ на образецъ, на идиллію Бакунина, которую тутъ же и прилагалъ. «Въ благодарственномъ отвѣтномъ письмѣ — говоритъ г. Панаевъ — я, по студентской совѣсти, *никакъ не могъ воздержаться, чтобы не сказать откровеннаго своего мнѣнія* о стихахъ Бакунина: помню даже выраженія. «Если (писалъ я) литература есть своего рода республика, гдѣ и послѣдній изъ гражданъ имѣетъ свой голосъ, то позвольте сказать, что прекрасное стихотвореніе г. Бакунина едва ли можетъ назваться идилліею; оно, напротивъ, отзывается и увлекаетъ любезною философіею вашихъ гораціанскихъ одъ». Признаться, *я долго колебался*, оставить или исключить изъ письма моего эту педантическую выходку, но школьное убѣжденіе превозмогло, и письмо было отправлено. Впослѣдствіи, будучи уже въ Петербургѣ, съ удовольствіемъ узналъ я отъ одного изъ ученыхъ посѣтителей Державина, что онъ остался доволенъ письмомъ моимъ, читалъ его гостямъ своимъ, собиравшимся у него по воскресеньямъ, и *хвалилъ мою смѣлость*».

Въ самомъ дѣлѣ, какая смѣлость, какой подвигъ! Видно, что автору многаго это стоило, да видно, что и самъ Державинъ не былъ пріученъ къ такимъ жестокимъ нападеніямъ на него и такимъ *республиканскимъ* противорѣчіямъ...

Хорошо также первое свиданіе г. Панаева съ Державинымъ. Прочтите и увидите, какого нравственнаго вліянія искали въ его авторитетѣ нѣкоторые молодые люди, благоговѣвшіе передъ его талантомъ.

«Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ кабинетъ великаго поэта. Онъ стоялъ посреди комнаты, какъ на портретѣ, только, вмѣсто бархатнаго тулупа, въ сѣренькомъ, серебристомъ бухарскомъ халатѣ, и медленно, шарча ногами, шелъ ко мнѣ навстрѣчу. Отъ овладѣвшаго мною замѣшательства не помню хорошенько, въ какихъ словахъ я ему отрекомендовался; помню только, что онъ два раза меня поцѣловалъ, а когда я хотѣлъ поцѣловать его руку, онъ не далъ и, поцѣловавъ меня еще въ лобъ, сказалъ: «Ахъ, какъ похожъ ты на своего дѣдушку!»—На котораго?—спросилъ я и тотчасъ же почувствовалъ, что вопросъ мой былъ некстати, потому что Гавріилъ Романовичъ

---

[1]) Отвѣтъ на мысль Колбасина, высказанную въ № 373.

[2]) какой восхитительный тонъ?

не могъ знать дѣда моего съ отцовской стороны, не выѣзжавшаго никогда изъ Тобольской губерніи. «На Василія Михайловича (Страхова), съ которымъ ходили мы подъ Пугачева», отвѣчалъ Державинъ. «Ну, садись, продолжалъ онъ: вѣрно, пріѣхалъ сюда на службу?»—Точно такъ, и прошу не отказать мнѣ въ вашемъ, по этому случаю, покровительствѣ.—«Вотъ то-то и бѣда, что не могу быть тебѣ полезнымъ. Иное дѣло, если бы это было лѣтъ за двѣнадцать назадъ: тогда бы я тебѣ пригодился; тогда я служилъ, а теперь отъ всего въ сторонѣ». Слова эти меня поразили. *Какъ! вскричалъ я: съ вашимъ громкимъ именемъ, съ вашею славою, вы не можете быть мнѣ полезнымъ?*—«Не горячись, возразилъ онъ съ добродушною улыбкою: поживешь, такъ узнаешь. Впрочемъ, если гдѣ намѣтишь, скажи мнѣ: я попробую, попрошу». За симъ онъ сталъ разспрашивать меня о родныхъ, о Казани, о тамошнемъ университетѣ, о моихъ занятіяхъ, совѣтуя и на службѣ не покидать упражненій въ словесности; прощаясь же, просилъ посѣщать его почаще. Раскланявшись, я не вдругъ догадался, какъ мнѣ выйти изъ кабинета, потому что онъ весь, не исключая и самой двери, состоялъ изъ сплошныхъ шкаповъ съ книгами».

Конечно, бываютъ такія минуты душевнаго восторга, благодарности, любви, когда у человѣка, ни съ того, ни съ сего, противъ всякаго обычая, хочется и руку поцѣловать. Но цѣловать руку у человѣка, къ которому пріѣхалъ, между прочимъ, за тѣмъ, чтобы просить покровительства для пріисканія мѣста, и черезъ 45 лѣтъ разсказывать объ этомъ съ совершенной безстрастнчивостью и выставлять, какъ что-то необычайное, замѣчательное, то, что этотъ человѣкъ не далъ вамъ цѣловать его руку,—все это, признаемся, не внушаетъ намъ особеннаго довѣрія и уваженія къ благотворности нравственной связи тогдашнихъ молодыхъ людей съ литературными корифеями. Не особенно располагаетъ въ пользу этой связи и то практическое употребленіе, которое благоговѣющій юноша желаетъ сдѣлать изъ поэтическаго таланта и изъ громкаго имени обожаемаго имъ писателя.

Вообще отношенія автора воспоминаній (и мы знаемъ, что не одного его) къ Державину были въ высшей степени подобострастны. Въ каждомъ оборотѣ фразы видно это. Онъ, напр., выпросилъ у Державина экземпляръ его сочиненій для Казанскаго Общества любителей словесности, и когда тотъ далъ ему экземпляръ, онъ «*позволилъ себѣ* (!!) сказать: *не будете ли такъ милостивы, не означите ли* на первомъ томѣ вашею рукою, что дарите ихъ обществу? Съ этой надписью они будутъ *еще драгоцѣннѣе*». И въ Державинѣ не производили тошноты такія рѣчи, и онъ не только не гонялъ отъ себя людей, говорившихъ такимъ образомъ, но даже и не останавливалъ ихъ и не замѣчалъ, что имъ, въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ «вычищать слогъ».

Конечно, авторитеты и въ наше время еще очень неразумно принимаются многими; доказательствомъ служитъ вышеприведенное замѣчаніе г. Пекарскаго объ авторитетѣ Мейера. Но мы знаемъ, что современные авторитеты имѣютъ уже гораздо больше уваженія къ себѣ, и сами стараются отвращать отъ себя курево восхваленій, понимая его гадость и удушливость для живой души. Зато они увольняются и отъ обязанности употреблять свой литературный авторитетъ для покровительства на службѣ поклонниковъ своего таланта...

---

381. Бесѣды съ дѣтьми.

А. А. Пчельниковой. Пять выпусковъ. Спб. 1859 г.

Напечатано вмѣстѣ съ № 378.

М. Л.

Для родителей съ хорошимъ состояніемъ трудно указать лучшую дѣтскую книжку, чѣмъ «Бесѣды съ дѣтьми». До сихъ поръ вышло пять тетрадокъ, около 60 страницъ каждая, очень изящно изданныхъ, съ хорошенькими рисунками и съ нотами въ каждой тетрадкѣ. Цѣна каждой—75 к.

Направленіе «Бесѣдъ» опредѣляется въ предисловіи къ первому выпуску. Здѣсь узнаемъ мы, что «Бесѣды» предприняты въ подраженіе французскому Reuve d'éducation nouvelle, составляющему нѣчто въ родѣ дѣтской энциклопедіи. Издательница «Бесѣдъ» предполагаетъ въ рядѣ послѣдовательныхъ выпусковъ знакомить дѣтей съ разными предметами природы и общежитія, и содѣйствовать живому, наглядному пониманію ими всего, что они изучаютъ. Весьма справедливо говоритъ она объ ученьи дѣтей, воспитывающихся нынѣ:

«Родительской любви свойственна извѣстная доля тщеславія: обыкновенно намъ хочется, чтобъ

ребенокъ нашъ зналъ побольше и былъ бы преимущественно силенъ въ тѣхъ знаніяхъ, которыя даютъ блескъ въ обществѣ и возможность подниматься въ высшіе слои общественной жизни. Поэтому ребенка тотчасъ осаждаютъ теоріями и предметами отвлеченными, которые онъ принимаетъ неохотно и съ трудомъ; они кажутся ему сухи, незанимательны, потому что онъ не видитъ имъ примѣненія въ своей дѣтской жизни. Если первоначальное воспитаніе уже успѣло образовать въ немъ добрый нравъ, то онъ покоряется необходимости и учится, но учится холодно, безъ любви къ наукѣ, не внося ее въ свою дѣйствительную жизнь; а между тѣмъ въ этой жизни на каждомъ шагу и каждый день проходятъ предъ его глазами и чрезъ его руки простые обыденные предметы, о которыхъ онъ имѣетъ самое слабое понятіе и о которыхъ всякій ремесленникъ, всякій простой практическій человѣкъ знаетъ гораздо больше его».

Желая противодѣйствовать такому напряженному, неестественному и безплодному направленію ученья, г-жа Пчельникова выражаетъ мысль, что воспитаніе, если хочетъ быть успѣшнымъ, должно пользоваться естественными наклонностями и желаніями дѣтей съ ними сообразоваться въ своемъ ходѣ. Съ полнымъ сочувствіемъ приводитъ она слѣдующія слова изъ введенія къ Revue d'éducation nouvelle:

«То, къ чему призываетъ насъ интересъ общественный, какъ разъ совпадаетъ съ интересами ребенка и съ его природой. Природа ребенка, его склонности, вкусъ, желанія ведутъ насъ именно на тотъ путь, который указываютъ намъ желаніе родителей и польза общества. Чѣмъ полезнѣе и успѣшнѣе сдѣлаемъ мы ученье, тѣмъ непосредственно счастливѣе будутъ дѣти; каждый успѣхъ нашъ будетъ соотвѣтствовать одной отертой слезѣ, одной невинной улыбкѣ, одной дѣтской радости. Какъ только исчезнетъ въ преподаваніи отвлеченность, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и принужденіе. Когда придетъ та пора, что ребенокъ будетъ поставленъ въ возможность свободно и естественно развивать всѣ свои способности и давать свободный полетъ всѣмъ своимъ лучшимъ нравственнымъ стремленіямъ, тогда наша задача будетъ выполнена...»

Для выполненія своей задачи г-жа Пчельникова выбрала слѣдующій способъ. Она воображаетъ мать семейства, около которой собираются дѣти, и заставляетъ ее разсуждать съ ними о разныхъ предметахъ, разсказывать имъ сказки, анекдоты, разучивать съ ними легонькія пѣсенки, и т. п. Въ первой части, напримѣръ, маменька разсказываетъ дочери о *кухнѣ*, объясняетъ названія и употребленія разной кухонной посуды и всякихъ принадлежностей стряпни; къ статейкѣ приложенъ хорошо сдѣланный рисунокъ, на которомъ представлены всѣ предметы, упоминаемые въ текстѣ. Такимъ же образомъ въ слѣдующихъ частяхъ разсказывается о столярномъ искусствѣ, о булочной, о домашнихъ животныхъ, о цвѣтахъ предметовъ и объ ихъ соотвѣтствіи. Все это разсказано очень дѣльно и вѣрно, и при содѣйствіи рисунковъ легко можетъ быть понято и усвоено дѣтьми. Польза такого усвоенія несомнѣнна, и при обычной отвлеченности нашего воспитанія особенно желательно, чтобы на такое усвоеніе дѣтьми не словъ и общихъ понятій, а *самыхъ предметовъ* было обращено преимущественное вниманіе воспитателей. Очень часто приходится въ нашемъ обществѣ встрѣчать людей, разсуждающихъ о предметахъ, которымъ они знаютъ только формальное опредѣленіе, и дѣлающихъ логическіе выводы изъ понятій, знакомыхъ имъ лишь въ своемъ общемъ, абстрактномъ значеніи. Такъ иногда вы встрѣчаете господина, чрезвычайно логически доказывающаго пользу или вредъ такой-то мѣры для государства вообще; но попросите его объяснить, какъ эта мѣра отразится на бытѣ такихъ-то и такихъ-то сословій, въ такой-то и такой-то мѣстности, въ отношеніи къ такимъ-то именно явленіямъ жизни,—онъ начнетъ вывертываться, путаться и выкажетъ совершенное безсиліе и незнаніе. Это оттого, что ему никогда не приходило въ голову взглянуть на живой фактъ, какъ онъ есть, изучить его въ дѣйствительныхъ проявленіяхъ, представить себѣ его жизненную сторону: онъ ограничился логическими опредѣленіями и, нашедши, что на бумагѣ такъ выходитъ, какъ ему нужно, совершенно успокоился относительно реальнаго значенія своихъ выводовъ. Та же самая исторія происходитъ въ большей части нашихъ разсужденій, даже чисто житейскихъ: мы не знаемъ хорошенько ни фигуры, ни величины, ни плотности, ни цвѣта, ни степени упругости предметовъ; все какъ-то смутно представляется намъ, и если намъ приходится сравнить два предмета, мы часто становимся въ тупикъ. Многіе не вдругъ отвѣтятъ на вопросъ: которая шире изъ двухъ улицъ, по которымъ они ходятъ постоянно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, или—который выше ростомъ изъ двухъ пріятелей, еще вчера ими видѣнныхъ... Привычка къ наглядному изученію предметовъ, къ различенію ихъ формы, величины, цвѣта и всѣхъ качествъ—очень важна при первоначальномъ воспитаніи. Ею устраняются многія ошибки въ житейскихъ сужденіяхъ, и вообще представленія о предметахъ становятся живѣе и опредѣленнѣе.

Кромѣ упомянутыхъ нами разсказовъ, въ «Бесѣдахъ» есть разсказы о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи: о ласточкахъ, о попугаяхъ-неразлучкахъ, о просѣ... Кромѣ того, есть сказки и анекдоты; послѣдніе, впрочемъ, большею частью пошло-нравоучительнаго свойства, и намъ жаль, что г-жа Пчельникова поддалась въ

нихъ общей рутинѣ дѣтскихъ книжекъ. Гораздо полезнѣе и естественнѣе кажется намъ помѣщеніе въ каждой тетради «Бесѣдъ»—нотъ на легкіе мотивы, съ присовокупленіемъ веселыхъ дѣтскихъ пѣсенокъ; въ этомъ случаѣ издательница предполагаетъ воспользоваться «особенною склонностью дѣтей пѣть или кричать нараспѣвъ». Пѣсенки, помѣщаемыя въ «Бесѣдахъ», дѣйствительно могутъ дать пищу этой склонности и быть пріятными для дѣтей, тѣмъ болѣе, что пѣніе ихъ должно быть соединяемо съ играми и движеніемъ, приноровленными къ содержанію пѣсенъ. Въ каждомъ выпускѣ есть также англійскіе и французскіе уроки, по методѣ Робертсона. Какъ образчикъ для матерей и воспитательницъ, для указанія, какъ надобно преподавать, эти уроки, конечно, не безполезны. Но они постоянно являются въ каждой тетради; неужели же издательница хочетъ напечатать курсъ англійскаго и французскаго языка, по одному уроку, въ книжкахъ, стоящихъ каждая 75 к. сер.? Это было бы очень непрактично; лучше ужъ издать эти уроки отдѣльно, а въ «Бесѣдахъ» мѣсто ихъ и мѣсто нравоучительныхъ анекдотовъ замѣнить, напримѣръ, разсказами изъ естественной исторіи и наглядымъ объясненіемъ разныхъ предметовъ домашняго и общественнаго быта. Это тѣмъ болѣе желательно, что г-жа Пчельникова разсказываетъ очень хорошо—просто и опредѣленно, безъ пошлыхъ нѣжностей и ненужныхъ обращеній къ «милымъ дѣтямъ».

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ №. 348. Эта рецензія написана была Добролюбовымъ на поляхъ, оставленныхъ какимъ-то рецензентомъ въ своей рукописи. Н. А. просто зачеркнулъ чужую рецензію и написалъ свою отъ начала до конца. Рукопись находится въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

300б. Раскрытый портфель:

Выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе *Любителя*. Спб. 1859.

Напечатано вмѣстѣ съ № 300.

Этотъ номеръ пропущенъ былъ при печатаніи настоящаго тома, а потому и приводится въ «Дополненіяхъ».

М. Л.

Добрыя дѣла не остаются безъ благихъ послѣдствій въ нашъ просвѣщенный вѣкъ!.. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы сдѣлали откровенный отзывъ о *Любителѣ*, издавшемъ «Олега подъ Константинополемъ» и адресовавшагося къ публикѣ черезъ дворника дома Сутугина [1]). Теперь этотъ самый *Любитель* является съ «Раскрытымъ портфелемъ», но уже объясняетъ прямо, что изданіе это можно получать въ домѣ Сутугина, въ квартирѣ г-жи Зельке, а уже не у дворника. Кромѣ того, *Любитель* рѣшился теперь, вѣроятно тоже по нашему совѣту, устроить сношенія съ покупателями посредствомъ книжнаго магазина Писарева. Вотъ плоды нашей *скромной* (не тѣмъ будь помянутъ г. Бѣшенцовъ) [1]), рецензіи, и мы такъ этимъ довольны, что не огорчаемся даже неблагодарностію *Любителя,* который остался нами очень недоволенъ. Онъ говоритъ, что на пародію г. Аксакова было двѣ рецензіи—одна *благородная*, а другая *благонамѣренная*. Одна помѣщена въ «Русскомъ Мірѣ», а другая въ «Отечественныхъ Запискахъ»; обѣ онѣ отозвались о пародіи г. Аксакова *благосклонно*. А мы не попали ни въ *благородные*, ни въ *благонамѣренные*, ни въ *благосклонные*... О насъ *Любитель* язвительно

[1]) См. № 247.

[1]) См. № 245.

отзывается, что въ роскошномъ лѣсу поэзіи г. Аксакова, вмѣсто того, чтобы восхищаться ея дубами и каштанами, мы умѣли найти только *трюфели!*.. Зато и въ нашей рецензіи *Любитель* отыскалъ, по его выраженію, «*одинъ грибъ*», который немедленно и съѣлъ...

Но оставимъ *Любителя* съ его грибомъ и займемся авторомъ, не желающимъ объявлять своего имени. Это авторъ, если можно такъ выразиться, — чудовищный. Едва мы успѣли заглянуть въ «Раскрытый Портфель», какъ у насъ замелькали въ глазахъ разнообразныя чудовища, одно другого страшнѣе. Ихтіосавры, Родослоны, Бованіи, страшная птица Ракъ, Бѣлые Геніи на яйцахъ... Страхъ обуялъ насъ, и мы хотѣли бросить книгу; но авторъ насъ успокоилъ. Это, говоритъ, ничего, такъ себѣ, «своенравіе творчества, литературная забава». Хороша, подумали мы, забава! Однако рѣшились допытаться, въ чемъ же тутъ дѣло. Оказывается вотъ что. Авторъ, не желающій объявлять своего имени, выдумалъ двухъ *артистовъ*, Дмитряева и Цвѣлёву (ее онъ тоже называетъ артист*омъ*), и вообразилъ, что ихъ таланты вдохнули ему «драматическую фантазію, въ честь ихъ задуманную». Въ результатѣ этой выдумки воображаемыхъ артистовъ, вдохнувшихъ фантазію, вышелъ, по справедливому замѣчанію автора,—«*Ералажъ:* приключенія знаменитаго артиста или недоконченный бенефисъ одного изъ первыхъ любимцевъ русской публики». Прейскурантъ этого Ерал*ажа* такого рода: «Сонъ и явь, смѣсь обыденной жизни, волшебства, мелодрамы, водевиля, оперы, фарса, идилліи, комедіи, концерта, балета, пляски, декламаціи, стиховъ и прозы, съ таинственнымъ окончаніемъ пьесы возрожденіемъ Ихтіосавра». Должно быть очень хорошо!.. Одна афиша для пьесы съ именами дѣйствующихъ лицъ занимаетъ *семь* страницъ. И какихъ нѣтъ именъ! Темсельнигара, Барабарабада, Эби-Тагеръ, докторъ Еммануилъ Иванычъ Високосъ, буква А—астрономъ, буква Б—геометръ, буква Е—механикъ, буква Д — свѣтило, буква Ж—M-me L'Impénétrable, прозванная la muraille, буква З—Еврей спекуляторъ, буква Ѳ—Индѣйской пѣтухъ; а есть и такія: сердецъ вѣщательница мукъ, предвѣстница любви, услажденіе сердца, красота зари, восточная ночь, дыханіе вечера и т. п. Не менѣе интересны названія нѣкоторыхъ частей пьесы, и отдѣльныхъ картинъ, какъ напр. «Дмитряевъ подгулялъ»; «Родослонъ и красавица, или Дмитряевъ въ яйцѣ»; «Очарованная долина съ феей Дмитряевной» и т. п. Волшебницы, феи, говорящіе попугаи, сумасшедшіе, удавленники, чудовища, геніи, божества, черные духи, адскіе палачи, невидимая стража— все стеклось сюда, чтобы образовать истинный ерал*ажъ*, какою не видалъ міръ со времени Фауста г. Овчинникова. Вы не можете представить себѣ, какіе тутъ творятся ужасы и чудеса! Громъ и трескъ, превращеніе въ мычащихъ коровъ, въ столбы и вазы, бѣганье на четверенькахъ, катанье въ громадныхъ яйцахъ и на крылатыхъ колесницахъ... А тутъ аркадскіе пастушки и пастушки, наяды, дріады, волшебныя феи, внезапно раждающіеся цвѣты и мѣшки золота... Если бы все это было представлено на сценѣ! Вотъ бы эффектъ-то вышелъ! Какъ жаль, что геніальный, чудовищно-геніальный авторъ (мы не находимъ выраженія болѣе приличнаго его громадному генію), исполинъ-авторъ, ихтіосавръ-авторъ, если хотите, — не окончилъ дивной своей «фантазіи»! А онъ думалъ когда-то поставить ее на сцену! Онъ написалъ даже нѣсколько примѣчаній касательно внѣшней обстановки пьесы и игры актеровъ, примѣчаній, изъ которыхъ еще яснѣе усматривается глубина его предусмотрительности и остроумія... Нѣтъ, какъ хотите, это не литературная забава, а созданіе, глубоко обдуманное и прочувствованное. Вникните, напр., хоть въ это примѣчаніе, сдѣланное на счетъ колесницы, на которой должна сидѣть безобразная волшебница: «для отличія отъ бѣлыхъ крыльевъ Генія, крылья колесницы могутъ быть сѣрыя, тѣмъ болѣе приличествуя чернымъ духамъ». Или касательно выполненія роли старой волшебницы, Мамуны: «для голоса, которымъ предполагается, что здѣсь поетъ и говоритъ Цвѣлева въ видѣ Мамуны, надобно принять въ соображеніе, что, по довольно многимъ старушечьимъ ея монологамъ въ піэсѣ, шепелянье было бы нестерпимо для зрителей; безъ шепелянья же *не выйдетъ старухи*, а потому должно держаться средины: ходить сгорбившись, опираясь на волшебный жезлъ, но говорить довольно твердо и ясно, хотя *никакъ не своимъ голосомъ*».

Но авторъ можетъ быть на насъ въ претензіи за то, что мы не знакомимъ нашихъ читателей съ характерами дѣйствующихъ лицъ и изложеніемъ пьесы. Угадывая его желаніе, спѣшимъ замѣтить, что всѣ характеры въ пьесѣ выдержаны какъ нельзя лучше, особенно характеръ Дмитряева. Дмитряевъ — все тотъ же Дмитряевъ и въ счастливой Аркадіи, и въ собачьей конурѣ, и въ качествѣ «властелина всесильной книги». Выпишемъ нѣсколько «прямо попавшихся намъ подъ глаза» строчекъ.

«*Дмитряевъ.* Что это? *Фи, какъ воняетъ псиной!* Куда это она меня угораздила? *(Выставивъ голову:)* Ай! Да это никакъ собачья конура? Собака-то чай тутъ?

«*Мамуна.* Не бойся! Тебя никто не видитъ и не слышитъ. Возьми цвѣтокъ.

«*Дмитряевъ (выползя* изъ конуры и *беря* цвѣтокъ). Давай, давай его!—Спасибо, красавица! Смастерили штуку, дала мнѣ въ наставники этого роденьку Эби-Тагера. Видно адскіе-то пріятели такіе же, какъ и нашенскіе. Хорошо, что осталась еще голова на плечахъ».

Не правда ли, характеръ Дмитряева рѣзко обозначается уже и въ этихъ немногихъ строкахъ, а образъ рѣчи его доказываетъ, что авторъ, не желающій объявлять своего имени, чрезвычайно искусно умѣлъ соединить требованія чистаго искусства съ условіями нашей народности!.. Въ доказательство приведемъ еще, какъ Дмитряевъ любезничаетъ съ волшебницей. Мамуна говоритъ, что она «прилѣпилась къ нему всѣмъ своимъ помышленіемъ». А Дмитряевъ отвѣчаетъ ей на это:

«Спасибо! Только покуда у тебя эта харя и восьмисотлѣтнія морщины, я любить тебя не буду.

«*Мамуна.* Но этой любви положено самое легкое условіе: одинъ поцѣлуй.

«*Дмитряевъ.* Условіе, конечно, во всякомъ случаѣ не трудное, да только о твои губки не мудрено переломить себѣ зубы.—Впрочемъ, вѣдь не укуситъ же, стало быть, можно рискнуть для добраго дѣла.—Позволь только прежде хорошенько тебя поразсмотрѣть... Фи! какая гадость! Ни за что не поцѣлую!

«*Мамуна.* Ты обязанъ это сдѣлать.

«*Дмитряевъ.* Ба, ба, ба! *Какъ ты смѣешь такъ со мною говорить?* Развѣ не знаешь, что силою книги, которою я владѣю, ты можешь быть снова на восемьсотъ лѣтъ превращена въ летучую мышь? Эй! гдѣ ты тамъ! Бѣлый Геній!»

Вы видите, что Дмитряевъ со всѣми одинаковъ. И съ Бѣлымъ Геніемъ онъ обходится не слишкомъ церемонно. А вотъ случай, гдѣ обращеніе его съ геніемъ еще безцеремоннѣе. Когда волшебница хотѣла открыть Дмитряеву секретъ, но стѣснялась присутствіемъ генія, Дмитряевъ просто-напросто закричалъ ему: «Геній! Маршъ!» И геній долженъ былъ убраться со своего яйца. Конечно, съ геніемъ-то можно бы обходиться и поделикатнѣе: все-таки онъ *геній*, а не старая колдунья, и вдобавокъ *бѣлый* геній. Но такова ужъ, видно, натура г. Дмитряева, или таково «своенравіе творчества» автора, не желающаго объявлять своего имени.

Характеры другихъ дѣйствующихъ лицъ уже не такъ замѣчательны и не такъ рѣзко выдаются; но всѣ они обрисованы очень вѣрно. Чудовище, какъ и слѣдуетъ, поводитъ хоботомъ, корова мычитъ, фавны и сильваны любезничаютъ съ пастушками и играютъ на свирѣляхъ, геній летаетъ или говоритъ возвышенныя рѣчи... Однимъ словомъ, каждое лицо дѣйствуетъ вполнѣ сообразно съ своею природою.

Однако какая же отъ всего этого, спросите вы, польза для отечества? — О, для отечества тутъ огромная польза! Послушайте, что̀ говоритъ геній:

Въ *передпотопный* вѣкъ, изъ нѣдръ Ихтіосавра,
Чудовища, какихъ не зрѣлъ свирѣпый Нилъ,
Не заключалъ Дедалъ, не призывалъ духъ Тавра,
Собравшій силы адъ Злыхъ Геніевъ родилъ.
Борьбой кровавою, ужасными чарами,
Они въ тревожный сей, умомъ кичливый вѣкъ,
Должны воспроизвесть страшилище предъ нами:
Да, павъ предъ Господомъ, смирится человѣкъ!

Дальше слѣдуетъ описаніе Ихтіосавра. Описаніе это такъ интересно, что мы не можемъ не выписать его въ заключеніе:

Съ Дельфинной пастію и Ящерной главою,
Зубами Крокодилъ, по перьямъ водный Китъ;
Хвостомъ чешуйчатымъ глубь рывшій подъ собою,
Теперь безъ жизни онъ на днѣ морскомъ лежитъ;
Но окомъ, какъ маякъ въ главу его воткнутымъ,
Ужъ загарается пучина грозныхъ водъ:
И зѣвомъ, какъ пила двойная разомкнутымъ,
Направитъ скоро онъ рушительный свой ходъ.
И близокъ, близокъ часъ, когда, хвостомъ костянымъ
Упершись о скалу, онъ ринется со дна,
И слѣдъ Чудовища, путемъ своимъ багрянымъ,
Кровавая, дымясь, покроетъ пелена!
Тогда воспрянетъ грѣхъ, страстей возстанетъ сила,
Доколѣ Сшедшій въ міръ заблудшихъ не спасетъ
И снова, гладкое, со скрежетомъ, страшило,
Изнеможенное, въ глубь водную падетъ!
Но, въ ярости, оно, гложа тамъ скалъ подножья,
Не вдругъ еще смежитъ зіяющую пасть.
На злыхъ духовъ тогда обрушитъ кара Божья
Отъ нихъ же грѣшникамъ готованную часть.

Экіе стихи, подумаешь!

Стихотворенія, помѣщенныя въ концѣ «Раскрытаго Портфеля», уже не такъ интересны. Изъ нихъ можно почерпнуть развѣ только нѣсколько свѣдѣній объ авторѣ, не желающемъ объявлять своего имени. Изъ этихъ стихотвореній мы узнаемъ, что въ 1826 году онъ произведенъ былъ въ майоры (что̀, если онъ теперь уже генералъ!) и написалъ по этому случаю особое стихотвореніе, въ которомъ выражаетъ непритворную свою радость — и призываетъ своихъ *клевретовъ:*

Придите, милые клевреты,
Широкой рюмкою вина
Густые вспрыснуть эполеты!
. . . . . .
Но, между радостныхъ друзей,
Ты здѣсь одинъ, М...въ, скученъ!
Тебѣ текло лишь по усамъ,
Тебѣ мой чинъ, дружокъ, обида:
Ты не маіоръ, по пустякамъ
Листы вертѣлъ ты Инвалида!

Но, за исключеніемъ майорскаго чина, судьба рѣдко посылала радости въ душу поэта. За два года до производства въ майоры такъ грустилъ онъ въ курной избѣ, во время зимней стоянки, слушая однообразное постукиванье часовъ:

И жизнь не такъ же ли (т.-е., какъ часы)? Вдругъ вспыхнетъ

И чрезъ мгновеніе замретъ!..
Мы умираемъ каждый часъ,
Минута каждая для насъ
Есть къ гробу тихое сближенье...

Даже въ тотъ самый годъ, въ который онъ былъ произведенъ въ майоры, можетъ быть за нѣсколько дней до его майорства, въ него, съ *непонятной цѣлью*, впилась грусть, и онъ тоскливо вопрошалъ ее:

Зачѣмъ ты, грусть, въ меня впилась
И, *съ непонятною мнѣ цѣлью*
Вкругъ сердца, жаднаго къ веселью,
Змѣей грызущей обвилась?
Въ какой ты алчущей утробѣ
Свой ядъ мучительный впила?

Грустилъ онъ и послѣ производства въ майоры. Такъ въ 1831 г. онъ размышлялъ о родинѣ:

Родина, родина! Гдѣ же ты въ мірѣ?
Въ солнцѣ, въ лунѣ, въ голубомъ ли эеирѣ?
Иль межъ крылатыми тѣмъ кліромъ чертога,
Пѣснь аллилуйя гласящимъ для Бога?
Я ужъ извѣдалъ пространство земное!
Я ужъ усталъ! Я грущу о покоѣ!

Но были и отрадныя минуты въ жизни поэта: и не одно производство въ майоры наполняло восторгомъ его душу. Однѣ изъ этихъ минутъ дала ему *любовь*. Въ кого былъ влюбленъ поэтъ, онъ таитъ; можетъ быть въ ту самую Делію, которой, по его выраженію,

.....свѣтъ вручилъ единогласно
Самодержавіе сердецъ.

Но, какъ бы то ни было, онъ воспѣлъ любовь въ особомъ стихотвореніи, которое начинается такъ:

Есть добрый Богъ! *Его названье*
Большое въ свѣтѣ нареканье
Несетъ отъ свычнаго съ нимъ зла...

Далѣе поэтъ говоритъ, что онъ, этотъ богъ,

Сильнѣе дружбы, наполняетъ
Онъ *дружбу ревностью;* но имъ
Мы только счастливы однимъ.
Гименъ *въ сердца съ нимъ водворяетъ*
Наиграду бѣдствій и тревогъ...

Вѣроятно это-то чувство онъ и сравнивалъ съ метеоромъ, который

Взіортѣлъ, пробѣгъ—и вдругъ исчезъ,
Въ пучинѣ отблеснувъ зыбучей!

Подъ *пучиной зыбучей* поэтъ разумѣетъ самого себя.

Кромѣ любви, много свѣтлыхъ минутъ ниспосылала ему *муза*, какъ видно изъ его стихотворенія, подъ названіемъ «Наслажденіе воображеніемъ».

Мой міръ: мое воображенье!
Съ прилетной Музою, мечты
Моя вся жизнь и наслажденье,
Моя вся радость и цвѣты!
Едва (говоритъ) *послышу* въ небѣ гостью,
И думы *встрѣчу* ей пошли!
И сыплю полною я горстью
Предъ ней сокровища земли:
Восторгъ, любовь и обаянье
Въ умъ раскинувшихся снова!
И риѳмы съ риѳмой сочетанье,
У звуки мѣрные стиховъ
Незамѣчаемо ложатся
Подъ быстролетное перо;
И искры искрами плодятся;
И слезы наполняютъ дно
Души, *взбунтованной въ тревогѣ!* и т. д.

Чудовища также доставляютъ ему немалое утѣшеніе, и вслѣдствіе того онъ даже поэта представляетъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ чудовища, отростившаго себѣ ногти на подобіе когтей и употребляющаго ихъ въ дѣло при случаѣ.

И ногти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защитятъ,—

восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ...

Вообще нужно сказать, что «Раскрытый Портфель» представляетъ весьма много любопытнаго. Если Любитель будетъ постоянно издавать такія интересныя вещи, то его изданія будутъ имѣть несомнѣнный успѣхъ...

Вологод. губ. зем. Библіотека № 7525

38-1
34-85

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

38-1

СЪЩА ЗАБРАНЕТЕНА

~~1955~~

34,85